ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2015

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ВОЙНЫ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2015

УДК355/359
ББК63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия первого тома:

В. А. Золотарёв (председатель),
А. М. Соколов (заместитель председателя), Н. В. Илиевский,
А. А. Кокошин, В. Г. Куликов, Ю. В. Рубцов, А. А. Саркисов, Е. П. Челышев

Авторский коллектив первого тома:

А. М. Соколов (руководитель авторского коллектива), П. И. Вещиков, В. А. Золотарёв, В. П. Зимонин, А. В. Исаев, Г. Ф. Кривошеев, Е. Н. Кульков, В. Р. Мединский, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. А. Падерин, В. О. Печатнов, Ю. А. Поляков, О. А. Ржешевский, Ю. В. Рубцов, С. А. Тюшкевич, Д. Н. Филипповых, Н. Я. Шепова

При участии:

В. А. Афанасьева, В. С. Ашарина, В. П. Баранова, В. В. Белякова, П. Д. Бурикова, В. П. Григоренко, А. М. Демидова, Н. В. Илиевского, М. Н. Кожевникова, Ю. В. Кожухова, И. А. Козлова, Е. А. Козловского, Г. А. Куманева, С. А. Липатова, В. К. Лужеренко, С. В. Магаевой, Б. И. Невзорова, А. С. Омельченко, А. С. Орлова, А. А. Павликова, В. Г.Реданского, В. Б. Симоненко, А. И. Смирнова, Д. В. Суржика, В. И. Фесенко, Б. П. Фролова, Д. Б. Хазанова, А. Г. Шляхтунова, М. В. Яновича

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и научно-контрольной работе по тому оказали: Д. М. Агаева, Т. В. Анисимова, Н. И. Бритвин, О. В. Власов, М. И. Горелов, И. С. Даниленко, М. А. Елисеева, С. В. Запорожцева, Г. Э. Кучков, Д. И. Крылов, Г. А. Малахов, А. Г. Нещасный, Р. Г. Носов, В. С. Параскевов, М. С. Полянский, М. А. Селиванов, С. Б. Страшко, А. В. Тимченко, И. А. Федорченко, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников

В26 **Великая Отечественная война 1941–1945 годов:** в 12 т. Т. 1. Основные события войны. — Изд. доп. и испр. — М.: Кучково поле, 2015. — 976 с., 22 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0534-6

Первый том посвящен событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В нем раскрываются генезис войны, истоки и важнейшие факторы победы СССР над фашистской Германией и ее сателлитами, динамика развития военного искусства Красной армии и вермахта, особенности народной борьбы в тылу врага. В томе излагаются современные взгляды на проблемы Великой Отечественной войны, рассматриваются особенности политического, экономического и военного сотрудничества стран — участников антигитлеровской коалиции, освещаются вопросы цены и последствий войны, ее итоги и уроки.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0534-6

ОТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

Память — это нравственность народа, основа для его сплочения. Нападение фашистской Германии с ее сателлитами сорвало все наши планы строительства мирной жизни, искалечило судьбы военного поколения советских людей. Фронт и тыл страны был превращен в единый военный лагерь — и 1418 дней и ночей длился бессмертный подвиг советского народа, которым восторгалось все человечество, спасенное от фашистского порабощения. Памяти этого подвига и посвящен наш труд.

Семь десятилетий отделяют нас от великой исторической даты — 9 мая 1945 г. В этот день народы России, все честные люди Земли склоняют голову в память о павших и в благодарность участникам Великой Отечественной войны, которые жизнью своей и тяжким ратным трудом обеспечили Великую Победу над фашизмом.

Скорбя о павших, глубоко уважая ветеранов Великой Отечественной войны, мы благодарны им за одержанную Победу, которая стала выдающимся героическим свершением во имя свободы и справедливости. Масштаб, сущность и последствия этой войны, ее место и роль в истории оказались настолько значительными, что она органично вошла в народное сознание как Великая.

Политические цели и содержание с самого начала сделали ее войной Отечественной, ведь на карту была поставлена независимость Родины, и все народы Советского Союза встали на защиту Отчизны, своих прав и свобод, своего исторического выбора. Великая Отечественная стала войной народной, ибо не было такой семьи, которую бы она не опалила, а Победа была достигнута кровью и потом десятков миллионов советских людей, героически сражавшихся с врагом на фронте и самоотверженно работавших в тылу.

Война СССР против фашистской Германии и ее союзников была в высшей степени справедливой. Поражение с неизбежностью влекло за собой не только исчезновение советского строя, но и гибель государственности, на протяжении веков существовавшей на территории исторической России. Народам СССР грозило физическое уничтожение. Советский Союз стремился избежать войны, но, став жертвой неспровоцированной агрессии, отразил нашествие и победил. В этой войне защищались прежде всего святыни народа, его общественные и семейные ценности, духовная и материальная культура, само право на жизнь. Осознание этого и глубокая вера в справедливость войны, вера в лучшее будущее дали силы народу, позволив совершить бессмертный подвиг. Был дан выдающийся исторический пример предельной мобилизации общества, его духовного и физического потенциала для того, чтобы отстоять свою Родину от вражеского нашествия.

В нашей истории было много войн. И совсем не потому, что русский народ и другие народы, проживающие на территории России, агрессивны по своей природе. Наоборот, им присущи такие черты, как миролюбие, коллективизм, развитые морально-этические нормы, позитивные культурные и социальные традиции. Эти качества сами по себе предполагают мирное сосуществование различных этносов. Особенности России заключаются в ее геопо-

литическом положении и богатстве: она занимает доминирующее место на Евроазиатском континенте и обладает огромными природными ресурсами. Многие поколения захватчиков покушались на нее, бесконечной чередой совершая военные походы на Русь, Россию, Советский Союз. И всегда нашу Родину спасало неукротимое стремление ее народов любой ценой сохранить независимость, отстоять свой образ жизни.

Идеология патриотизма всегда сплачивала нас и имела решающее значение в борьбе с врагом. Так было, так есть, так будет. Во все времена постижение прошлого, особенно его военной составляющей, играет необычайно важную роль в патриотическом воспитании населения, в первую очередь молодежи. Воинские подвиги и успехи в ратном деле наших предков вечно живы в народной памяти, они являются предметом серьезного изучения исторической науки, они ярко отражены искусством. Победы на льду Чудского озера над тевтонскими завоевателями, в Куликовской битве над монголо-татарами, под Полтавой над шведами, в Отечественной войне 1812 года над полчищами Наполеона и, конечно, Великая Победа, одержанная над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., прославили русское, советское оружие и вошли в историю нашей страны как великие свершения.

Военная история России неразрывно связана с общим ходом отечественной истории, с процессами становления Древней Руси, образования, расширения и укрепления Российского государства. Наши военные достижения способствовали превращению Советского Союза (России) в одну из ведущих держав мира и оказали существенное влияние на весь ход всемирной истории.

Исторически сложилось так, что после разрушения СССР духовную жизнь многих его народов заметно деформировала усиливающаяся тенденция фальсификации нашего общего прошлого. И это не единственная проблема. Сегодня печальная реальность такова, что многие молодые граждане России вообще мало что знают о военной истории своей Родины.

Но вопреки всему историческая память народа сохранила Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. как всенародный подвиг, а ее итоги и последствия — как выдающиеся события. В основе такой оценки лежат многочисленные объективные и субъективные обстоятельства. Здесь и «малая история» каждой семьи, и «большая история» всей страны. Подавляющее большинство народа России отторгает попытки извратить историю Великой Отечественной войны, исказить факты героизма и патриотизма, активно выступает против пересмотра всемирного исторического значения таких важнейших событий минувшей войны, как Московская, Сталинградская, Курская битвы, битва за Днепр, Берлинская операция, беспримерная по героизму и мужеству оборона Ленинграда, борьба советских партизан в тылу врага, сражения за Украину, Белоруссию, Прибалтику, освобождение оккупированных стран Восточной Европы. Громче стали звучать выступления против тех, кто ради сенсации и корыстных интересов пытается принизить подвиг народов нашей страны в борьбе с фашизмом.

Несмотря на то что после окончания Великой Отечественной войны прошло уже много лет, она остается предметом пристального внимания историков, литераторов, художников и самых широких слоев общества. В последние два десятилетия в стране и за рубежом появилось множество публикаций: солидные монографии и газетные заметки в несколько строк, диссертации, посвященные как общим, так и частным проблемам истории войны, брошюры, очерки, мемуары ее участников, справочные и статистические издания, сотни художественных и документальных произведений разных жанров и разной степени талантливости — все они направлены на то, чтобы рассмотреть, понять ту или иную проблему войны, ее стратегические, оперативные, тактические, политические, духовные и нравственные аспекты.

В ряде работ удачно восполнены пробелы в освещении известных и малоисследованных сторон Великой Отечественной и Второй мировой войн, а также отдельных военных событий, даны более взвешенные и точные оценки. Но не обошлось и без новых крайностей. В погоне за мнимой «новизной» и сенсационностью допускается отход от исторической правды, превратно, односторонне истолковываются факты и события прошлого в угоду субъективным оценкам и конъюнктуре.

Предлагаемый читателю 12-томник — не единственный многотомный труд о минувшей войне. Первым основательным шагом отечественной науки в исследовании этого масштабного явления стало 6-томное издание «История Великой Отечественной войны Советского Союза», вышедшее в 60-е годы прошлого века. Его создатели стремились рассмотреть войну не только как бескомпромиссную вооруженную борьбу, но и как особое экстремальное состояние общества, напряженнейшее экономическое противоборство, жесткое дипломатическое соперничество, острейшее противостояние чуждых друг другу идеологий, а также показать противоречивость и сложность человеческого бытия в военные годы.

Второй шаг уверенно сделали авторы фундаментального 12-томного труда «История второй мировой войны 1939—1945», опубликованного в 1970-е — 1980-е гг. В нем представлен более широкий диапазон событий, явлений и процессов Великой Отечественной войны в их взаимосвязи и взаимодействии в контексте Второй мировой войны. Значительное внимание было уделено обоснованию выводов и уроков из трагедии, пережитой человечеством. Это издание получило широкую известность как в СССР, так и за рубежом.

Конечно, названные труды были продуктом своего времени, они создавались в атмосфере «холодной войны» и отражали официальную отечественную историческую концепцию советского периода, к тому же многие важные архивные документы были еще недоступны для исследователей. Поэтому не случайно в этих изданиях, содержащих в себе огромный познавательный и патриотический заряд, недостает ответов на многие вопросы, связанные с негативной стороной войны.

В конце 1990-х гг. увидел свет 4-томный труд «Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки». Он создавался в совершенно иной обстановке. Распалось государство, народ и вооруженные силы которого защитили Отечество и спасли мир от фашизма. Закончился период «холодной войны». Начались территориальные, этнические, национальные и религиозные конфликты, в том числе и вооруженные, в республиках, ранее входивших в состав Советского Союза. В самой России кардинально изменились ее социально-экономический уклад, политический строй и духовный климат. В науке возникли новые явления, исследователи получили возможность использовать ранее недоступные источники. Этот труд стал итогом совместной работы большого коллектива авторов — ученых Министерства обороны Российской Федерации, а также Российской академии наук. В нем была предпринята попытка раскрыть основные проблемы войны и дать оценку событий, опираясь не на идеологические постулаты, а на предшествующие научные исследования с учетом новых методологических подходов и с широким использованием большого массива архивных документов.

Основу построения 12-томного труда, его архитектонику определяют следующие теоретические и методологические положения.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг., ее генезис (причины и условия возникновения), ход и итоги рассматриваются в историческом контексте середины XX в. с учетом закономерностей и тенденций развития всемирной истории. То была сложная, противоречивая и конфликтная эпоха, ставшая переходной в социально-экономическом и геополитическом отношениях.

Великая Отечественная война — важнейшая составная часть Второй мировой войны и всемирной истории в целом. Нельзя забывать о том, что фашизм, его изуверская идеология и кровавая, страшная практика являлись глобальной угрозой для мировой цивилизации. В своей борьбе с «коричневой чумой» мы были не одиноки. Советский Союз вместе с Великобританией и США смог заложить основы прочного сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции, что помогло одержать Победу. Война стала убедительной демонстрацией того, что разные народы и страны могут и должны быть выше любых разногласий, когда решается вопрос о будущем всего человечества. Сокрушить фашизм удалось совместными усилиями. Основную роль в решении этой эпохальной задачи сыграл Советский Союз. Он внес главный вклад в разгром вооруженных сил нацистской Германии и ее европейских союзников. Спасая себя, он спас все человечество.

Великая Отечественная война, как и другие войны XX в., являлась особым состоянием общества, в данном случае советского. Все сферы жизни — политическая, экономическая, духовная, военная, социальная — были перестроены для войны, слившись в форме единого военного лагеря. Свой вклад в Победу внесли все народы СССР.

Главным направлением, вектором, в котором сходились усилия всего народа, была вооруженная борьба. Ход войны в настоящем труде рассматривается в диалектической взаимосвязи трех ее периодов.

Первый период (22 июня 1941 — ноябрь 1942 г.). Нападение Германии на СССР. Начальный период войны. Крах блицкрига. Битва за Москву. Неудачи и поражения лета 1942 г.

Второй период (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.). Коренной перелом в ходе войны. Победы в Сталинградской и Курской битвах, в битве за Днепр.

Третий период (январь 1944 — 9 мая 1945 г.). Изгнание врага за пределы территории СССР. Освобождение от оккупации стран Европы. Распад фашистского блока. Берлинская операция. Безоговорочная капитуляция Германии.

Советско-японская война рассматривается как логическое продолжение Великой Отечественной войны.

Тема «власть, народ и война» является центральной, причем именно через показ событий на фронтах раскрывается ее основная специфика.

Пристального внимания заслуживает проблема коллаборационизма. Это явление, безусловно, нуждается в глубоком осмыслении. Но не может идти и речи о реабилитации предательства. Никакие идеологические и политические конфликты с властью не оправдывают измену Родине и переход на сторону ее смертельного врага.

Весь труд и каждый его том, часть, глава, раздел создаются с учетом требований принципа преемственности. Настоящее и будущее историографии стоит на плечах прошлого. То, что ярко и правдиво сказано о войне в других исследованиях, раскрыто в произведениях искусства, с благодарностью воспринято коллективом авторов. Взяв лучшее из того, что было создано предыдущими поколениями, авторы стремились выйти на новое качество понимания многочисленных проблем Великой Отечественной войны, имея целью извлечение практических уроков, востребованных самой жизнью. В этом смысле не может быть закрытых тем или таких аспектов, которые не нуждались бы в дополнительном изучении. Ключевая задача звучит так: надо детально разобраться в том, что может быть востребовано для того, чтобы Россия всегда была сильной, гордой, достойной своей исторической миссии.

Прошлое вечно и неизменно, меняется лишь наше представление о нем. Историческое сознание постоянно развивается. Предлагаемый труд — очередной, но, разумеется, не последний этап на этом пути. Мы надеемся, что он станет не только итогом научных исследований на сегодняшний день, но и послужит основой для дальнейшего изучения уникального исторического периода, включающего тысячи фактов, событий, свидетельств, — всего того, что входит в понятие «Великая Отечественная война».

Председатель Главной редакционной комиссии труда
Министр обороны Российской Федерации
Герой России
генерал армии

С. ШОЙГУ

ИСТОРИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Генезис мировых войн XX века

Понять и осмыслить условия и причины возникновения Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии и ее европейских союзников в 1941 г. невозможно, если не принять во внимание систему явлений и факторов — как мирных, так и военных, — составивших содержание века, определивших его характер и основные тенденции развития мировой цивилизации.

Жизнь человечества на протяжении веков сопровождают войны. История всех длительно существовавших обществ представляет неравномерные мирно-военные циклы. За циклом «мир — война» следует новый цикл «мир — война». Этот процесс можно назвать мирно-военной спиралью общественной истории. В результате войны общество если не погибает, то возвращается на путь мирного бытия и ведет подготовку к новой войне (захватнической или оборонительной), которая через меньшее или большее время неизбежно совершается.

Исторической наукой давно установлено чередование мирно-военных циклов. Так, если взять период с заключения Амфиктионова трактата (первый мирный договор) в 1496 г. до н. э. по 1861 г., то есть в период 3357 лет, то на 227 лет мира приходится 3130 лет войны, то есть на один год мира — 13 лет войны[1]. Данное соотношение с небольшими изменениями сохранилось до сих пор.

Переход от простых форм к более сложным, государственным системам организации общественной жизни только видоизменял мирно-военный ход истории. Война явилась изначальной родовой травмой человечества, от которой оно оказалось неспособным излечиться на протяжении своего последующего развития. Мирно-военный алгоритм как бы фатально задан общественной историей, но вопросы войны и мира решаются конкретными людьми и группами, возглавляющими общества и государства; поддерживающими их массами, побуждаемыми рациональными и иррациональными мотивами и интересами. Причем, как отмечал известный социолог П. Сорокин, на мирно-военный ход истории не оказывают заметного влияния формы и режимы правления обществом[2]. Мирно-военный ход истории характерен как для автократических, так и для демократических государств. Следовательно, такое движение истории диктуется более весомыми, глубинными и фундаментальными факторами внутриобщественной и межобщественной жизни, чем формы и методы государственного правления.

Анализ статистики мирных и военных периодов истории показывает, что существует алгоритм их смены. В то же время строгой периодичности войны и мира не наблюдается, они повторяются с «плавающей» частотой.

В свое время военный теоретик и историк К. Клаузевиц отметил, что всякая эпоха имеет свои войны, а всякая война имеет свои и теорию, и историю[3]. Каждое из минувших столетий вошло в мировую историю по-своему. И в каждом из них по-своему решалась проблема войны и мира. Век XVIII стал эпохой просвещения, а XIX нарекли временем прогресса. Но и они сопровождались многими войнами. Ушедший в историю XX век по весьма важным, существенным признакам может быть назван кризисным потому, что мир был поставлен на грань ядерной катастрофы, которая угрожала человечеству уничтожением.

Новые условия и возможности для подготовки и ведения войн, тенденции их дальнейшего роста сделали войны XX в. существенно отличающимися от войн предшествующих веков: невиданно возрос их разрушительный потенциал; войны превратились во всеохватывающее противоборство государств и управляемых ими обществ; невиданно возросли масштабы военного противоборства; началось использование в интересах войны новых сфер окружающего мира: воздушного и подводного пространств, а в перспективе — космоса. Все это вызывало массовые антивоенные настроения и активные действия многих представителей культуры и науки, политиков и даже руководителей отдельных государств.

В XX в. происходило интенсивное количественное и качественное изменение общественной организации человечества. Еще быстрее эволюционировали войны. Впервые в этом веке война стала мировым явлением по охвату существующих на планете человеческих обществ. Наряду с традиционными средствами и методами ведения вооруженной борьбы получили развитие еще более разрушительные их сочетания. Но мирно-военный ход общественной истории принципиально не изменился. В то же время на характер мирно-военных отношений между великими державами в XX в. существенное влияние оказало появление в 1945 г. ядерного оружия. Оно стало средством, удерживающим ядерные державы на пороге необратимой катастрофы. Войны сместились в регион молодых, развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, которые получили независимость после Второй мировой войны. Государства, вошедшие в военно-политические блоки, которые возглавляли две сверхдержавы (США и СССР), участвовали в этих войнах опосредованно: поставкой вооружений и военной техники, подготовкой и обучением военных кадров, военными советниками, политической, экономической и другой поддержкой воюющих сторон. Государства— члены НАТО и Варшавского договора участвовали в «холодной войне» на стороне возглавлявших эти военно-политические блоки свердержав.

Поражение СССР в «холодной войне» и его последующее разрушение существенно изменили расстановку военно-политических сил на планете. Но мирно-военный ход истории остался прежним. Стремление в последнем десятилетии XX в. установить новый мировой порядок, устраивающий победившую в «холодной войне» сверхдержаву, (США), единолично решающую проблемы войны и мира «в интересах общего блага», оказалось неосуществимым. XXI в. начался серией новых, необычных войн, получивших название террористических, сетевых, информационных и т. д. Все как бы стало на круги своя — общественная история продолжает развитие традиционно, хотя и модифицированными мирно-военными циклами. Пока не ясно, возможно ли остановить нарастание войн. Региональные и мировое сообщества заняты подготовкой и ведением войн при всеобщих декларациях мира и осуждения войны. В условиях современного военно-технического прогресса и международных противоречий в глобализующемся мире риск неограниченного по своим масштабам военного катаклизма возрастает. Лимит на мирно-военный ход общественная история исчерпала, но иного пути пока не нашла.

На вопрос о том, возможно ли изменить мирно-военный ход истории, даются различные ответы. На базе взаимоисключающих теорий вечной войны и вечного мира в духовном

восприятии человека сталкиваются безысходный пессимизм и неоправданный оптимизм. Решение этой задачи существует только в рамках доктрины прочного мира, которая опирается на самую широкую поддержку различных слоев мирового общества.

Пока остановить войну на длительное время, то есть прервать мирно-военный ход истории ни в масштабе планеты, ни в масштабе больших регионов не удавалось, хотя целенаправленные попытки предпринимались многократно; о некоторых из них будет сказано ниже. Правда, есть государства, которые длительное время не вели классических войн (в форме массовой вооруженной борьбы), например Швейцария и Швеция. В этом проявились не только специфика их общественного устройства и устремленность на сохранение мира, но и их особое геополитическое положение, а также умение властей лавировать среди враждующих и воюющих сторон на позициях нейтралитета, отказываться от вступления в военно-политические союзы и коалиции.

Народы вступали в XX в. с надеждой на рост благосостояния и избавление от нищеты, бедствий, в том числе от одного из наиболее гибельных для человека — войны.

Мира требовало быстро возросшее население многих стран. Если к началу христианского летоисчисления численность населения нашей планеты составляла около 250 млн человек, а к XIX в. возросла до 850 млн, то к 1900 г. она увеличилась до 1 млрд 650 млн человек.

Условия мирной жизни могли быть обеспечены возросшими производительными силами, освоением индустриальных технологий. В странах Европы и Северной Америки начался переход в автоматизированную фазу индустриального производства. Хотя на планете еще сохранялись очаги первобытности и технологии Средних веков, народы стремились освоить передовые методы высокопроизводительного труда. Им нужны были опыт и поддержка ушедших вперед, организация массового производства, рынки сбыта продукции и получения сырья. Принцип справедливого обмена решал проблемы и развитых, и отсталых стран. Но на пути его реализации стояла многовековая традиция господства сильного.

Делу мира могли послужить достижения XX в. в развитии науки и культуры, общего образования. Но и они были поставлены на службу войне. Наука вооружала и вооружает общество средствами и методами ведения войны, хотя это и не соответствует ее гуманистическим устремлениям, которым не противоречат только оборонительные и освободительные войны. Наука не сама распоряжается своими результатами. Этим занимается политика, которая находится в руках различных общественных сил.

Еще во второй половине XIX в. межгосударственные противоречия и распространившийся нигилизм революционизировали духовную жизнь. Многие духовные ценности и авторитеты прошлых веков стали подвергаться сомнению, а в некоторых странах — отвергаться. Традиционные императивы (настоятельные требования) начали терять сдерживающую силу, в том числе и по отношению к военной агрессии. В то же время был сделан рывок и в развитии средств массовой информации (печатание книг и газет), появилось радио. Формировался сложный феномен общественного мнения низов, а не только элиты общества. Вместе с тем усложнилась проблема общественного согласия, которое веками держалось на вере и административных указаниях. Стала осваиваться технология манипулирования общественным мнением (здесь особенно отличился американский газетный магнат Р. Херст)[4].

Возросли возможности выбора политики войны и мира. XX в. получил в наследство от XIX в. сложную и противоречивую политическую систему управления внутренней и международной жизнью народов. Их судьбы — тайно или явно — определяли империи, которые к началу XX в. разделили мир между собой. Но не все государства устраивал сложившийся раздел сфер эксплуатации, особенно Германию и Японию, которые взяли курс на силовое изменение своего геополитического статуса.

В то же время политические и общественные силы многих стран стремились остановить вооруженное насилие. Ими, в частности в России, велись дискуссии о природе войны и возможности ее исключения из общественной истории. В 1899 г. по инициативе России состоялась Первая всемирная конференция мира.

Однако активная миротворческая политика Российской империи в канун XX в. не смогла существенно повлиять на мирно-военный ход мировой истории. Благие односторонние устремления к отказу от подготовки к войне вымостили к ней дорогу. В 1904 г. войну против России развязала Япония, которую поддержала большая группа государств (особенно Великобритания и США). Формально это была война между двумя государствами, а реально — война коалиции государств против Российской империи. Их позиция объяснялась стремлением ослабить Россию, хотя многие из них были с ней в союзе. В этом проявилась объективная логика мирно-военных отношений, согласно которой усиление любого государства представляет реальную или потенциальную опасность для других государств, поскольку сегодня оно может быть нейтральным или дружественным, а завтра, возможно, станет военным противником каждого из них.

В 1907 г. Россия заключила договор с Великобританией о мире и сотрудничестве, который втягивал Россию в процесс подготовки коалиционной войны в Европе. Она разразилась в 1914 г., став Первой мировой войной в истории человечества. Эта война показала, каких масштабов может достигать вооруженная борьба в условиях технологического прогресса в XX в. Если в начале войны Японии с Россией у сторон было незначительное количество пулеметов, то в начале Первой мировой войны их уже были десятки тысяч. За четыре года войны промышленность воюющих государств произвела: пулеметов — 1075,5 тыс.; артиллерийских орудий — 151,7 тыс.; минометов — 18,1 тыс.; танков — 9,2 тыс.; самолетов — 1181,9 тыс.; более 1 млрд артиллерийских снарядов и почти 50 млрд патронов (т. е. более 25 патронов на каждого жителя Земли!).

Колоссально возросли и жертвы войн. В ходе русско-японской войны обе ее участницы потеряли около полумиллиона человек. В Первую мировую войну потери действующих армий составили: стран Антанты — 5039,8 тыс. человек, из них потери России — 2254 тыс.; стран Четверного союза — 3733 тыс. человек, в том числе потери Германии — 2350 тыс. человек[5].

Западные державы, воспользовавшись правом победителей, предельно унизили побежденные страны. Россию вовсе исключили из клуба победителей, хотя до выхода из войны в 1917 г. она внесла по существу решающий вклад в победу Антанты над Четверным союзом. Победители установили несправедливый мир, посеяли ядовитые семена реванша и обоснованное недоверие к своей политике, формально нацеленной на создание системы обеспечения международной военной безопасности. Поэтому, хотя и была создана Лига Наций в интересах предотвращения войн, она не смогла стать эффективным инструментом укрепления и защиты мира. Начался новый виток раскручивания милитаризма, и Вторая мировая война не заставила себя долго ждать. В новых исторических условиях, созданных возникновением СССР, ростом его сил и влияния, была реальная возможность предотвращения фашистской агрессии. Но проблема создания единого фронта борьбы с фашизмом решилась только в ходе Второй мировой войны, когда в нее оказался втянутым Советский Союз.

Подчеркнем, что создание такого фронта было необходимо и возможно в интересах предотвращения этой войны. Германский фашизм, придя в начале 1930-х гг. к власти, выдвинул гибельную для рода человеческого альтернативу дальнейшего хода истории: не отказ от войны, а наоборот, движение истории только по военному пути. Итальянский фашизм и германский нацизм выступили с программой войны за жизненное пространство и повышение уровня своего потребления за счет порабощения «недочеловеков». И значительная часть европейских стран подчинилась этой программе и установленному фашистами «новому порядку». Гитлеровское руководство рассчитывало на такой ход событий и во время войны против Советского Союза. Но просчиталось.

Глобальные планы завоеваний нацисты неизменно связывали с борьбой против коммунизма и Советского государства. Став рейхсканцлером, Гитлер следующим образом разъяснял главнокомандующим сухопутными войсками и военно-морскими силами свои цели: «Уничтожение марксизма с корнем... устранение раковой опухоли — демократии... Завоевание нового жизненного пространства на востоке и его беспощадная германизация»[6].

Невозможно рассматривать Великую Отечественную войну (что зачастую делают некоторые современные авторы) лишь как столкновение двух идеологий. Она замышлялась нацистским руководством в геополитических категориях. Гитлер в своей книге «Майн кампф» повторил лозунг тевтонских рыцарей: «дранг нах остен» Германии к «необъятным просторам России». В расистских теориях это преломлялось в идею установления господства и максимального уничтожения евреев, славян и некоторых других народов, которых немецкие расисты назвали «недочеловеками».

Геополитические цели Японии были сформулированы в 1927 г. в меморандуме генерала Танака, представленном императору. В нем говорилось: «Для того чтобы покорить мир, мы должны прежде всего покорить Китай... Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, Малой Азии, Средней Азии и Европы». Муссолини в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье», и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану. Ряд малых стран, в том числе появившихся на политической карте после Первой мировой войны, ориентировался на великие державы. Эти страны не только пытались защитить свои границы, но (как было с Польшей, а затем с Венгрией, Румынией и Финляндией) вынашивали собственные захватнические замыслы в отношении Советского Союза. Принцип неделимости мира так и не утвердился. Насильственный передел его границ, начавшийся вскоре по завершении Первой мировой войны, неизбежно обострял национальные, религиозные и иные столкновения в других проблемных регионах и вел к дестабилизации целых стран, к новому глобальному конфликту.

Империализм как система, в недрах которой возникла Первая мировая война, порождал все новые противоречия в экономической сфере. Неравномерность экономического развития и унаследованные рядом молодых европейских государств из последней четверти XIX в. имперские амбиции привели в середине 1930-х гг. к расколу капиталистического мира. В одну из враждовавших между собой групп вошли Германия, Италия и Япония, в другую — Великобритания, Франция и США. При этом особенно неблагоприятно складывались обстоятельства для России. Вынужденная и ранее вести оборонительные войны, она после 1917 г. оказалась во враждебном окружении. Страна напоминала осажденную крепость, и важнейшая задача советской дипломатии состояла в том, чтобы разобщить могущественных противников, найти союзников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

В Великой Отечественной войне Советского Союза с фашистской Германией, как ни в одной из войн, особенно ярко проявились природа и все качества войны как общественного явления, а также особенности войн XX в. Поэтому, пока существует общественная потребность изучения войны, история именно этой войны будет рассматриваться как великое бедствие, воплощение военных злодеяний агрессоров, с одной стороны, и проявление человеческого благородства, альтруизма и самопожертвования защитников свободы и независимости — с другой.

История подтверждает, что война была и остается продолжением политики средствами вооруженного насилия. Раскрыть причины войн — значит, найти пути ответа и на вопрос о том, почему не удалось их предотвратить или хотя бы ограничить их масштабы и разрушительный характер. Но, как писал русский военный философ и теоретик А. Е. Снесарев, война «нелегко поддается как нравственному, так и научному критериям». Война — всегда продукт сложного комплекса причин, современных и исторических, аккумулируемых и реанимированных. В любой войне, даже развязанной, на первый взгляд, по капризу властвующих лиц, при более тщательном рассмотрении выясняется присутствие многих причин. Без их установления невозможно решить проблему устранения или ограничения войн.

Причины войн изучались различными научными школами и политическими течениями. В древности войны считались божественным промыслом, и лишь позже, устами древнегреческого историка Фукидида, представления о причинах войн переместились в материальную и социальную сферы. В конце XVIII в., накануне французской революции, английский историк Э. Гиббон сделал важный вывод о причинах упадка и крушения Римской империи:

«необходимое, но неравномерное распределение собственности», жажда власти, нетерпимость к инакомыслию, к другому образу жизни (культуры)[7].

В XIX в. под влиянием личности Наполеона Бонапарта возобладал субъективный подход, согласно которому главную роль в истории играют политические или военные лидеры. Не отрицая их роли, современная историческая наука рассматривает более широкий спектр причин. Сценарии подготовки, развязывания и ведения войн XX в. освещаются во все бóльших подробностях. При этом естественное внимание уделяется и действиям тех личностей, которые возглавляли государства, манипулировали сознанием и мнением больших масс людей, их поведением и тем самым оказывали непосредственное влияние на мирно-военный ход истории. Многие решения военных и политических руководителей, глав ключевых ведомств, влиятельных политических партий и других групп, а также пользовавшихся непререкаемым авторитетом у масс представителей науки и культуры получили исчерпывающую и обоснованную оценку.

Субъективные источники каждой из войн XX в. в основном раскрыты, и хотя противоборствующие стороны нередко трактуют причины ее возникновения по-своему, реальная картина в основном представлена. Однако среди других остаются без ответа вопросы, насколько действия исторической личности и масс, приведшие к войне, были делом их свободного выбора и насколько они были результатом различных исторических процессов. Если общество в своем развитии идет к войне, то предотвратить ее не в состоянии даже действия влиятельных государственных личностей. В то же время прошлое является результатом выбора из имеющихся альтернатив. Прошлое в этом смысле — учитель выбора альтернатив для настоящего и будущего. Настоящее и будущее всегда альтернативны. Пока ни наука, ни общество не предложили бесспорных сценариев общественного развития, исключающих войну. Создание общественных сил, способных предотвратить войну, — неотложная задача XXI в. Война продолжает висеть дамокловым мечом над судьбами народов, и проблема ее предотвращения остается нерешенной.

С весьма распространенной точки зрения, причина войны — природа человека. Действительно, если бы человек не был способен убивать, разрушать, насиловать, грабить и совершать другие действия, которые он совершает на войне, то не было бы войн. Свойства человека противоречивы: он способен проявлять альтруистическую (бескорыстную) заботу о себе подобных, защищать их интересы и даже жертвовать своей жизнью, и в то же время в изменившихся обстоятельствах человек проявляет каиновы черты поведения. Но свойства человека — результат формирования, долгосрочного культивирования и эксплуатации обществом, его управленческими структурами как разбойно-садистских, эгоистических, так и жертвенно-альтруистических, коллективистских свойств и качеств человека.

Война — общественное явление, радикальный метод изменения устройства мира, отношений между социумами (племенами, государствами) или большими группами внутри их. Но война не является условием существования человеческого общества. Более того, она противоречит его биологической природе. Всеобщий закон борьбы за существование не является причиной войн.

Причины вооруженных конфликтов (и особенно войн XX в.) рассматриваются различными течениями общественной мысли, политическими партиями и другими организациями. Каждое из них имеет свое объяснение природы войны и ее причинности. Классический либерализм рассматривает войну только как средство самозащиты. Марксизм делает акцент на экономических причинах войн, на классовой борьбе. Поскольку в XX в. эти исходные установки общественной мысли вышли за сектантские и академические рамки, стали основой идеологии влиятельных политических партий и многих государств, в том числе активно участвовавших в войнах этого века, то проблема причинности войны стала проблемой общественного сознания, внутренней и международной идеологической и политической борьбы.

С развитием общества и межобщественных связей растут как сотрудничество, так и противоборство за различные интересы, реальные и виртуальные (т. е. возможные). Множатся

противоречия. Одновременно возрастают возможности их разрешения на принципах и нормах как мира, так и войны.

Война возникает при сочетании объективных и субъективных причин, интегрированных в интеллектуальные мотивы и эмоциональные побуждения людей, их массовые действия. В этом отношении показательны войны XX в.

Непосредственной причиной войн являются не сами противоречия, а методы их разрешения. Многообразная по формам и целям мирная борьба — норма внутренней и международной жизни. Но такая борьба зачастую может перерасти в вооруженное противостояние, когда одна из сторон или все участники прибегают к бесчеловечным средствам и методам для достижения своих целей. Так, к примеру, экономическая конкуренция может перерасти из мирного соперничества в ожесточенную экономическую войну с применением различных средств и методов ослабления и уничтожения конкурентов, включая военную силу.

Источником войн часто выступают идущие в мировом сообществе количественные и качественные изменения, их дисбаланс между странами. Так, рост народонаселения требует перехода к интенсивным методам производства или расширения природно-географического базиса общества. Но если у общества нет резервных территорий для размещения возросшего населения, то радикальным средством их разрешения может быть избрана военная экспансия.

Причиной войн всегда была внутриобщественная и межобщественная борьба за устройство внутреннего и международного миропорядка. Она привела к гражданским войнам в России, Китае, Испании и ряде других стран. Борьба за освобождение от экономической и политической зависимости также понуждала многие народы к вооруженному противостоянию.

Важным источником войн являются сами войны. Общество, потерпевшее поражение в войне, далеко не всегда смиряется со своими потерями и уступками победителю. Несправедливые войны закладывают устойчивое стремление к реваншу. В мировой истории таких примеров множество. Поражение Франции в войне с Пруссией в 1871 г. явилось одним из источников Первой мировой войны. Обман и унижения, нанесенные победителями, стали благодатной почвой для возникновения итальянского фашизма и германского нацизма, которые развязали новую мировую войну. Поражение России в войне с Японией в 1905 г. стало одним из поводов вступления СССР в войну против Японии в 1945 г. Победа в несправедливой войне почти всегда становится источником новой войны. За нее чаще всего расплачиваются новые поколения бывших победителей. Геополитические интересы и амбиции великих держав явились главными причинами войн XX в.

По-разному, вплоть до взаимоисключения, трактуется проблема духовных и материальных факторов при анализе причин войны обособленных обществ за жизненно важные материальные ресурсы, расширение природно-государственного базиса общества. Действительно, борьба за территории, свободу коммуникации и доступ к ресурсам других стран была объявленной или скрытой причиной многих войн, в том числе в XX в. Войны, которые ведутся в XXI в., также продиктованы стремлением обеспечить контроль или свободный доступ одних государств к общественно важным ресурсам других государств.

В истории человечества нередко причиной войн было стремление тех или иных обществ или общественных групп насильственно унифицировать по собственному шаблону сформировавшиеся в течение длительного периода времени цивилизационные различия. В XXI в. в связи с процессом глобализации и желанием определенных общественных сил насильственно стереть эти различия возросла опасность межцивилизационных и межконфессиональных войн. Они объявляются чуть ли не основной военной опасностью XXI в. Действительно, это столетие может стать веком нового уровня сотрудничества или веком ожесточенных войн. Все зависит от того, какой выбор сделают государства и народы: будут проводить политику мира или следовать по накатанной мирно-военной колее, ведущей мировое сообщество в необратимый исторический тупик.

Рост общей заинтересованности в ослаблении военной угрозы заставляет отступать от идеологических догматов, изучать как предпосылки вооруженных конфликтов, так и их

трансформацию в процесс подготовки и развязывания войн в разные исторические эпохи, прежде всего в наше время. Война — это системное событие, противоборство социумов. Войны происходят не в результате каких-то отдельных событий, коих множество, а являются следствием перехода системы в новое качественное состояние.

Война и мир — это разные состояния социумов как субъектов внутренних общественных и внешних отношений между ними. Война и мир — это разная мораль, разные права, разная психология людей. При этом переход от мирных к военным условиям жизнедеятельности, формирование необходимых для ведения войны свойств людей осуществляются как средствами и методами побуждения (воспитанием, пропагандой, духовным воздействием), так и средствами и методами принуждения, вплоть до привлечения к административной и уголовной ответственности.

В состоянии мира и войны общество избирательно культивирует и эксплуатирует различные свойства человека. Любые войны, в том числе войны XX в., стали возможны потому, что развязавшие их силы смогли возбудить в массах ненависть к врагу. Если эта ненависть была неустойчивой, исчезала, то это серьезно влияло на ход войны. Такое случилось с народом и армией России в ходе Первой мировой войны. Подобное произошло с народом и армией Италии в ходе Второй мировой войны. Таких примеров в военной истории XX в. было немало.

Политика не может бороться с войной, если не руководствуется выводами науки о войне и не располагает волей, силами и средствами для их реализации. Современный немецкий философ Х. Хофмайстер констатацию этого факта вынес в заглавие своей книги «Воля к войне, или Бессилие политики». История подтверждает правомерность такого вывода.

Война продолжает свое шествие, подчиняя себе и политику, и науку, и изменчивые настроения народных масс. Мирно-военное движение истории набрало мощную силу инерции, и ее изменение — весьма трудная как национально-государственная, так и общечеловеческая проблема. Но, кроме поиска научно обоснованного ее решения и реализации, другого пути нет. Для современной науки нет более важной задачи, чем разработка теоретических взглядов и практических путей обеспечения длительного периода мирного развития стран и народов. До настоящего времени наука, несмотря на неоспоримые успехи в XX в., не смогла раскрыть войну как общественное явление до такого уровня, который открывал возможности не только выбирать средства и методы для подготовки и ведения войны, но и успешно предотвращать ее с тем, чтобы избавить исторический процесс от императива мирно-военного алгоритма.

Неслучайно целью авторов ряда фундаментальных книг о войне, опубликованных в последние годы, являются именно поиск путей вывода науки о войне из тупика, стремление создать новую историю войны и мира. Нужны знания не только о том, как готовить и успешно вести войну, но и о том, как ее исключить из общественного исторического процесса. Например, американский философ и социолог Э. Тоффлер в книге «Война и антивойна» пишет, что его целью было «набросать новую теорию войны и борьбы с нею»[8]. Западноевропейский автор Мартин ван Кревельд в труде «Трансформация войны» целью своей работы заявляет не только попытку «заглянуть в будущее войны», но и прежде всего выяснить, «почему наши представления о войне оказались тупиковыми»[9].

Современные представления о войне не свободны от доктринальных воззрений на общество, от господствующих в нем политики и идеологии. Различия в общественном устройстве предопределяют и различия взглядов на войну, на мирно-военный процесс. Как показал опыт XX в., борьба общественно-политических систем существенно сказывается на их мирно-военной стратегии, особенно если она наслаивается на геополитические противоречия. Именно такой характер противоречий сложился между основными союзниками, победившими во Второй мировой войне, — США, Великобританией и Советским Союзом. В результате этого отношения между ними и приобрели нетрадиционный характер, получивший название «холодной войны». США и Великобритания рассматривали ее как орудие политики, призванной нанести глобальное поражение СССР, взломав его изнутри и угрожая извне. Советское руководство, напротив, противопоставило геополитическим целям «холодной войны» политику предотвращения внешней военной угрозы как главной опасности

для СССР и его союзников в ущерб приоритету укрепления внутренних основ государства, против которых наносился главный удар. Такое представление о мирно-военной реальности второй половины XX в. явилось одной из причин, которые привели Советский Союз к поражению в «холодной войне».

Обоснованным также является вывод, что к войне прибегают страны с низким уровнем духовности и избытком милитаристских сил. Духовная деградация общества в таких условиях является серьезным источником военной опасности. Борьба с ростом духовного зла в обществе — это важнейшее направление в борьбе за мир, за обуздание войн в XXI в. В какой степени судьбы войны и мира находятся в зависимости от конкретных граждан данной страны, социальных групп населения и правящих сил государства? Они взаимозависимы. Но политические решения о войне и мире принимают государственные деятели, находящиеся у власти. Поэтому, согласно международному праву, эта формула утверждена решением Нюрнбергского и Токийского трибуналов над главными военными преступниками и созданными ими организациями, развязавшими в агрессивных целях Вторую мировую войну. За совершенные преступления многие высшие политические и военные руководители Германии и Японии были приговорены трибуналом к смертной казни через повешение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Война: Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г. А. Леера. СПб., 1881. Т. 2. С. 269.

[2] *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 647.

[3] См.: *Клаузевиц К.* О войне. М., 1934. С. 546.

[4] В 1898 г., когда один из фоторепортеров, считавший, что испано-американской войны не будет, попросил у Херста разрешения вернуться из Гаваны в США, его шеф телеграфировал: «Гавана. Ремингтону. Прошу оставаться на месте. Вы даете фото, я даю войну. Херст». Последовавший вскоре взрыв на броненосце «Мэн» был представлен в многочисленных газетах Херста как диверсия Мексики. Негодующая Америка начала войну.

[5] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 106.

[6] Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjetunion (1940-41). Berlin, 1970. S. 60.

[7] См.: *Гибон Э.* История упадка и крушения Римской империи. М., 1994. С. 19–20.

[8] *Тоффлер Э.* Война и антивойна: Что такое война и антивойна и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005. С. 3.

[9] *Кревельд М. ван.* Трансформация войны. М., 2005. С. 16.

Наши знания о Великой Отечественной войне

Отечественная литература

Становление и развитие советской историографии Великой Отечественной войны проходили в суровых и сложных условиях. Оставляя в 1941—1942 гг. западные и южные районы европейской части страны, партийные и государственные органы вместе с военным командованием прилагали все усилия для эвакуации и сохранения научных кадров, документов, исторических реликвий. Из западных областей страны успели вывезти 14 млн архивных дел[1]. Из прифронтовой полосы были эвакуированы научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения вместе с их сотрудниками, однако большая группа историков осталась в осажденном Ленинграде. С началом войны сократилось издание исторической литературы, прекратился выпуск ряда исторических журналов («Красный архив», «Пролетарская революция», «Военно-исторический журнал» и др.). Многие историки ушли на фронт в составе частей Красной армии, вступили в дивизии народного ополчения и истребительные батальоны, преграждавшие путь врагу к Москве, Ленинграду, Киеву. Немало их погибло на поле боя.

Историческая наука в тех условиях содействовала укреплению морально-политического единства нашего народа, развитию патриотизма, готовности отстоять независимость своего государства. Историки считали своим гражданским долгом раскрыть перед советскими воинами и тружениками тыла героические, национальные и интернациональные традиции народов нашей страны, сложившиеся в многовековой борьбе против иноземных захватчиков, воспитать в них чувство гордости и ответственности за свою Родину и ее историческое прошлое.

Основные усилия историков с 1941 по лето 1943 г. были сосредоточены на написании научно-популярных статей и брошюр по этой тематике. Историки вместе с представителями других общественных наук принимали активное участие в пропаганде справедливого характера Великой Отечественной войны, показе преступного характера нацистской идеологии, внося свой вклад в мобилизацию духовных сил народа на отпор врагу. Развенчание антигуманного характера этой идеологии имело не только внутреннее, но и огромное международное значение.

Перелом в ходе войны, изгнание врага с территории страны отразились и на исторической науке. С возвращением из эвакуации научных учреждений, архивов, библиотек, музеев, созданием новых академий, открытием научно-исследовательских центров и расширением сети вузов как в центре, так и на местах складывались более благоприятные условия для научно-исследовательской работы. Со второй половины 1943 г. стали проводиться научные сессии, конференции, обсуждения, разрабатывались обширные планы работ и изданий, рассчитанные на длительную перспективу. Большое внимание уделялось сбору и популяризации материалов о трудовой и военной доблести советских людей в их самоотверженной

борьбе с фашистскими захватчиками. Ученые обеспечивали печать и радио, огромную армию пропагандистов и агитаторов бесценными материалами о героическом прошлом и настоящем нашей Родины. Разносторонняя и эффективная деятельность научных сил способствовала успешному решению задачи по мобилизации всех сил народа на борьбу с врагом.

В декабре 1941 г. Президиум Академии наук СССР (АН СССР) образовал комиссию по созданию «Летописи Отечественной войны», в первую очередь «Летописи обороны Москвы». С 1942 г. она стала называться Комиссией по истории Отечественной войны. На нее возлагалась крайне сложная и трудоемкая задача по сбору материалов и написанию истории войны. Комиссию возглавил начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) профессор Г. Ф. Александров. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы также в областях, краях, республиках, наркоматах и учреждениях, в армии и на флоте[2].

В мае 1942 г. в Свердловске прошло общее собрание Академии наук СССР, посвященное роли и значению общественных наук в условиях войны. В своем докладе «Отечественная война и задачи общественных наук» Г. Ф. Александров подчеркнул, что сбор материалов по истории войны является на ближайший период одной из самых важных задач исторической науки. В ходе обсуждения доклада был поставлен вопрос не только о сборе источников по истории войны, но и об их обработке[3].

Комиссия АН СССР не только организовала сбор материалов по истории войны (документов и дневников), но и проводила стенографические записи воспоминаний участников событий. По инициативе комиссии стали собирать записи рассказов награжденных воинов о совершенных ими подвигах. Члены комиссии выезжали непосредственно на фронт и вели (под стенограмму) беседы с солдатами, офицерами и генералами Красной армии. Фонды комиссии содержат воспоминания-интервью, собранные и записанные непосредственно по следам боев[4].

Много материалов, в ряде случаев уникальных, собрали также отделы и комиссии по обобщению опыта войны, созданные при академиях наук союзных республик, в краях, областях, наркоматах и учреждениях, в армии и на флоте. В июне 1943 г. на Всесоюзной конференции историков-архивистов был заслушан доклад В. В. Максакова «Задачи государственных архивов СССР по собиранию и хранению материалов Великой Отечественной войны»[5]. Несмотря на большие трудности, уже в годы войны было подготовлено и издано несколько тематических сборников документов и материалов, отражавших ход военных действий на фронте и деятельность тружеников тыла. Эти публикации сыграли известную роль в становлении историографии Великой Отечественной войны. День за днем в стране закладывалась богатейшая документальная основа будущих многочисленных трудов, посвященных самым ярким и трагическим страницам истории нашей Родины.

На разработке этой комплексной темы истории Великой Отечественной войны были сконцентрированы лучшие научные силы страны. В организационную и исследовательскую работу включались коллективы ученых научно-исследовательских учреждений и республиканских академий наук, государственные и общественные деятели, военные специалисты, преподаватели высших учебных заведений, партийные, комсомольские и профсоюзные работники. Создание комиссий, предпринятые шаги по организации научной работы, вовлечение в нее широкого круга исследователей имели большое значение как для формирования научных кадров по истории Великой Отечественной войны, так и для более интенсивной разработки ее проблем. Уже с 1942 г. в «Историческом журнале» началась публикация первых материалов Комиссии АН СССР. Это были очерки об обороне Одессы и о партизанском движении. В том же году появились серьезные работы об успехах советских людей на фронте и в тылу. К числу таких изданий, вызвавших особый интерес, относились «Крушение германской стратегии» М. Толкунова, «Разгром северной ударной группировки немцев под Москвой» А. Васильева, «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы» Г. Александрова и др.[6]

Изучение и освещение истории войны шло по нескольким направлениям. С 1943 г. стали регулярно издаваться книги с описанием битв и важнейших операций, публиковались также работы о партизанах и подпольщиках, народном ополчении, описания истории отдельных соединений, печатались биографии Героев Советского Союза. Вышли работы о помощи Сибири фронту, о деятельности колхозов в годы войны. В 1943 г. появилась первая публикация по истории одной из союзных республик в годы войны — сборник «Материалы по истории Киргизии в дни Великой Отечественной войны». Борьбе СССР за создание и укрепление антигитлеровской коалиции была посвящена серия «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны в документах и материалах», первый том которой был выпущен в 1944 г.

Усилия ученых-экономистов были сосредоточены на анализе изменений в экономике и производстве в ходе войны, на стремлении раскрыть преимущества нашей экономики над экономикой врага. В 1944 г. коллектив ученых Института экономики под руководством академика С. Г. Струмилина создал книгу «Очерки военной экономики СССР», где освещалась работа промышленности, сельского хозяйства, транспорта, сферы обслуживания в условиях военного времени.

Перед учеными-юристами война поставила ряд правовых проблем. В своих работах они рассказывали об актах агрессии и вандализма, творимых на оккупированных территориях, о грубейшем попрании норм ведения войны, установленных международными конвенциями, ими ставился вопрос о личной ответственности руководителей нацистской Германии за причиненный СССР материальный ущерб, о способах его возмещения, об организации расследования преступлений против человечности и суда над ними[7].

Важное место среди документальных публикаций принадлежит «Сообщениям Советского информбюро». В его сводках начиная с осени 1941 г. систематически освещался ход военных действий, причем наряду с анализом положения на фронтах запечатлены многочисленные эпизоды героизма советских воинов в каждый из 1418 дней войны. В конце войны эти сообщения были изданы в девяти книгах[8].

Среди всех изучаемых и освещаемых проблем заметное место занимала вооруженная борьба советских людей против захватчиков на временно оккупированной территории. С 1943 г. стал издаваться «Информационный бюллетень Центрального штаба партизанского движения», в первом выпуске которого была предпринята попытка обобщить опыт действий некоторых партизанских отрядов. Немаловажную роль в становлении историографии партизанского движения сыграли вышедшие из печати брошюры и статьи ряда руководящих деятелей партии и правительства (И. В. Сталина, М. И. Калинина, Е. М. Ярославского), видных историков (Б. М. Волина, И. И. Минца, Р. И. Сидельского, Е. В. Тарле), а также непосредственных руководителей партизанской борьбы (И. П. Бойцова, П. З. Калинина, Г. Н. Куприянова, Т. А. Строкача, М. Н. Никитина, П. К. Пономаренко, Д. М. Попова и др.). В них раскрывались всенародный характер партизанского движения и его задачи, массовый героизм советских людей, шла речь о формах и методах борьбы партизан, подводились итоги их боевой деятельности. В годы войны были опубликованы первые документальные сборники, главным образом состоявшие из дневниковых записей, кратких очерков и других материалов, характеризующих деятельность подпольных групп и партизанских отрядов.

В целом материалы, опубликованные в периодической печати о партизанах и подпольщиках, больше носили публицистический и агитационный характер. За время войны только в газете «Правда» появилось свыше 500 статей и корреспонденций по этой тематике, из них 28 передовых статей, посвященных задачам партизанского и подпольного движения, а также характеристике обстановки в оккупированных районах страны[9]. Научная же ценность этих работ заключается в том, что они явились, по существу, первыми шагами на пути изучения и обобщения опыта вооруженной борьбы партизан и подпольщиков. Правда, целый ряд объективных причин, прежде всего требования конспирации, отсутствие достаточной документальной базы, не позволил осветить многие важные вопросы.

Основным же направлением в исследовании истории Великой Отечественной войны являлась вооруженная борьба на советско-германском фронте. Изучение и обобщение богатейшего опыта ее ведения стали главными в деятельности военно-научных учреждений и военных учебных заведений, одними из важнейших задач военного командования и штабов всех степеней. Уже вскоре после начала войны был предпринят ряд мер по организации этой работы. 17 июля 1941 г. Генеральный штаб специальной директивой обязал генералов-инспекторов выделить из состава каждой инспекции группы из двух-трех человек для отправки в действующую армию в целях изучения опыта боевых действий соответствующих родов войск, боевых приемов наших войск, тактики противника. Спустя десять дней начальникам штабов направлений, фронтов и армий, начальникам центральных управлений НКО была поставлена задача срочно представить в Оперативное управление Генерального штаба Красной армии «все материалы, выявляющие боевой опыт наших войск и новые боевые приемы войск противника, выводы и предложения по организации, вооружению и боевому применению войск Красной армии, по организации, ведению и обеспечению боя (операции) и управлению войсками»[10].

Приказом НКО СССР от 25 апреля 1942 г. на базе отдела оперативной подготовки Оперативного управления Генерального штаба был создан отдел (впоследствии управление) по изучению и обобщению опыта войны в целях его оперативного использования в действующей армии. Подобные органы (отделы и отделения) были сформированы в Главном политическом управлении РККА, штабах видов и родов войск, фронтов и армий, флотов и флотилий, главных и центральных управлений НКО. В период войны отделом было создано 20 сборников материалов по изучению опыта войны, в которых собраны директивы Ставки ВГК, директивы и приказы командующих (командиров) с анализом опыта наступательных и оборонительных операций и боев, способов боевого применения имеющихся сил и средств. Кроме того, в них освещались вопросы подготовки и ведения операций и боев, использования родов войск, специальных войск и служб. В этих же сборниках были опубликованы исследования по ряду крупных операций.

Отдел (управление) по изучению и обобщению опыта войны с 1943 по 1945 г. издал 50 информационных бюллетеней, в которых кратко освещался поучительный опыт действий наших войск в различных условиях обстановки, использования военной техники и оружия, давалось описание новых видов оружия и боевых средств, применяемых противником. Кроме того, управления и отделы Генерального штаба, штабы родов войск и служб, военные академии подготовили и издали 30 сборников тактических примеров наиболее поучительных действий подразделений, частей и соединений в наступлении и обороне, при преследовании противника, форсировании водных преград, преодолении гор, штурме городов, в разведке и т. д.[11]

В Главном штабе ВМФ был также создан отдел по использованию опыта войны. С 1943 г. он стал выпускать сборники материалов с обобщением опыта боевых действий флотов и флотилий.

Интенсивно обобщался боевой опыт штабами и политорганами фронтов, армий, а иногда и соединений. В выпущенных ими сборниках, бюллетенях и памятках рассматривались представлявшие практический интерес примеры действий подразделений, частей и соединений в различных видах боя и условиях обстановки. Важная работа, проводившаяся в Вооруженных силах по изучению и обобщению боевого опыта, обеспечивала быстрое внедрение в войска всего наиболее ценного. Она способствовала разработке уставов, наставлений и инструкций, регламентировавших боевую деятельность армии и флота, созданию документальной базы для углубленного исследования проблем вооруженной борьбы. За годы войны отделами и управлениями Генерального штаба, штабами видов Вооруженных сил и родов войск было издано 800 названий книг и брошюр о боевых действиях и развитии военного искусства советских Вооруженных сил[12].

Большой вклад в освещение боевых действий и разработку военного искусства, особенно в вопросах организации и ведения фронтовых и армейских операций, внесли военные ака-

демии, в первую очередь Академия Генерального штаба. Одной из наиболее крупных работ, подготовленных в академии, является «Прорыв фронта» профессора Е. А. Шиловского. В аннотации к книге отмечалось, что это оригинальное исследование напрямую связано с теорией и практикой оперативных прорывов. Автор рассматривал вопросы подготовки и осуществления прорыва на основе исторического опыта Первой мировой войны и опыта оперативного прорыва обороны противника на реке Лама в январе 1942 г., на зубцовско-ржевском направлении в августе 1942 г., а также в Сталинградской и Орловской наступательных операциях. Учитывая актуальность вопросов и глубину их разработки, изданный труд был разослан в главные и центральные управления НКО СССР, во все военные академии, в штабы фронтов, округов, армий, корпусов. Всего за годы войны академией было опубликовано 1186 сборников статей, обзоров боевых действий и учебных пособий. Многие из этих работ имели для войск большое практическое значение.

В Военной академии имени М. В. Фрунзе только в 1943–1944 гг. было подготовлено более 100 научных работ, посвященных важнейшим операциям и развитию военного искусства. Ученые Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева за 1941–1944 гг. разработали 293 научных труда, в том числе 14 инструкций, наставлений и руководств по инженерному обеспечению боевой деятельности войск[13].

Весомый вклад в развитие военно-исторической науки во время войны внесли своей научно-исследовательской работой военно-исторический отдел Генерального штаба и исторический отдел Главного штаба ВМФ. Военно-исторический отдел Генерального штаба, возглавляемый полковником Н. А. Таленским, подготовил труды с описанием и анализом большинства операций. Эти работы создавались на основе материалов и документов, собранных и обработанных сотрудниками отдела при выезде в действующую армию, а также обобщающих материалов, поступивших из штабов фронтов и армий. Были опубликованы секретные оперативно-тактические, оперативные и оперативно-стратегические очерки о многих операциях и битвах.

Наиболее значимыми явились разработки о битвах под Москвой и Сталинградом. Первое обстоятельное трехтомное исследование «Разгром немецких войск под Москвой» под редакцией Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова вышло в свет в 1943 г. В подготовке этого труда активное участие приняли А. Н. Бахтин, А. В. Васильев, К. Н. Вахтеров, А. Ф. Кораблев, И. С. Коротков, Г. В. Кузьмин, Г. П. Мещеряков, Н. И. Френкель, Е. А. Шиловский и др. В нем наряду с изложением хода боевых действий с 16 ноября 1941 по 31 января 1942 г. были даны анализ и оценка обстановки на различных этапах борьбы, рассмотрены вопросы использования родов войск, тылового обеспечения, сделаны краткие, но содержательные выводы, имевшие практическое значение. В 1944 г. был издан оперативно-стратегический очерк «Битва под Сталинградом», подготовленный под руководством Н. М. Замятина авторским коллективом в составе Ф. Д. Воробьева, И. В. Паротькина, М. В. Савина. Впервые битва получила в нем достаточно полное научное описание.

В целом во всех очерках, подготовленных военно-историческим отделом Генерального штаба, содержалось систематизированное и обстоятельное изложение операций и битв Великой Отечественной войны. Однако следует признать, что в них не было еще всестороннего исторического анализа, основанного на исчерпывающей документальной базе, глубоких научных обобщений и выводов. Другой особенностью подготовленных трудов являлось то, что они были с грифом «секретно», т. е. предназначались для очень узкого круга лиц. Научный уровень военно-исторических исследований того периода снижали такие факторы, как необходимость быстрого обобщения и использования опыта вооруженной борьбы, ограниченность источниковой базы, которая пока находилась на стадии сбора и накопления фактов, относительная малочисленность военно-исторических органов с ограниченным количеством сотрудников, часть которых не имела достаточных профессиональных навыков, чтобы в короткий срок изучить, обобщить и проанализировать сложные явления и события войны.

Наряду с подготовкой закрытых крупных научных работ по военной тематике готовилась и выпускалась для массового читателя научно-популярная литература. Интерес к ней был огромен. В Академии наук СССР, например, была образована специальная Комиссия по изданию научно-популярной литературы. В ее состав вошли академики В. Л. Комаров (председатель), В. П. Волгин, Б. Д. Греков, А. М. Деборин, Н. С. Державин и др.[14] В 1943–1945 гг. были изданы значительное количество брошюр, а также ряд книг по военной тематике. В частности, Издательство политической литературы опубликовало серию книг, в которую вошли сборники «Битва за Москву», «Героический Ленинград», «О героическом Сталинграде», «Орловская битва»[15].

Не оставались в стороне и другие издательства страны. Воениздат, например, выпустил большими тиражами подготовленную военными историками серию брошюр о героической обороне Одессы, разгроме гитлеровцев под Москвой, Сталинградом, Ростовом, Курском, в Маловишерской, Елецкой и ряде других операций, о боевых действиях флота[16]. Вся эта популярная литература оказывала большое патриотическое воздействие на широкие слои населения.

Важную роль в освещении событий Великой Отечественной войны играла периодическая печать: общественно-политические и военные журналы, партийно-советская пресса, фронтовые, флотские, окружные, армейские и дивизионные газеты. Номера газет представляли собой не только летопись героизма советских воинов, но и школу изучения искусства воевать. Только в 1944–1945 гг. в «Правде», «Красной звезде», во фронтовой печати и в военных журналах было опубликовано около 50 статей, написанных командующими фронтами и армиями. В ряде случаев статьи командующих фронтами издавались отдельными сборниками[17]. Военные газеты оперативно освещали ход боевых событий на фронтах, боевое мастерство и приемы действий с учетом, разумеется, неизбежных для открытой печати ограничений, обусловленных необходимостью сохранения военной тайны. Из номера в номер публиковались статьи и просто заметки, повествующие о высоких моральных качествах советских воинов, их силе духа, воинской смекалке.

В военных журналах авторы статей в несколько больших масштабах разбирали ход боев, сражений и битв с точки зрения военного искусства. Периодическая печать немало делала для пропаганды военно-исторической литературы, помещая на своих страницах рецензии и библиографические обзоры вышедших книг и брошюр по истории Великой Отечественной войны.

Характеризуя опубликованную в годы войны историческую литературу, следует отметить, что в основном она носила или оперативный, или публицистический характер, в то же время обобщала значительный фактический материал, касалась злободневных проблем. Эта литература акцентировала внимание на показе позитивных эпизодов борьбы с захватчиками, не останавливаясь подробно на неудачах и их причинах. Такой подход был обусловлен еще и тем, что глубокий анализ причин наших неудач, особенно в 1941 г., являлся запретной темой, поскольку неизбежно выводил на обсуждение просчетов и ошибок, допущенных высшим руководством страны и армии.

У истоков создания военно-исторической литературы о вооруженной борьбе с нацистским нашествием, научного освещения важнейших операций советских войск были: И. В. Анисимов, В. И. Ачкасов, Е. А. Болтин, В. В. Возненко, Ф. Д. Воробьев, А. И. Готовцев, П. А. Жилин, Н. М. Замятин, И. С. Исаков, А. Н. Крутиков, И. С. Коротков, Г. А. Деборин, В. М. Кравцов, Г. В. Кузьмин, М. М. Минасян, Н. Г. Павленко, И. В. Паротькин, С. П. Платонов, Н. А. Таленский, Б. С. Тельпуховский, Н. А. Фокин, Е. А. Шиловский и др. Достойный вклад в дело мобилизации сил народа на борьбу с врагом своими трудами внесли видные ученые-обществоведы: Б. Д. Греков, Н. С. Державин, Н. М. Дружинин, Е. М. Жуков, И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, П. Н. Поспелов, Б. А. Рыбаков, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров и многие другие.

Таким образом, в 1941–1945 гг. была проделана большая работа по созданию источниковедческой базы истории Великой Отечественной войны, накоплен и систематизирован

значительный материал. Была заложена основа для более глубокого изучения событий войны, для нового этапа в развитии ее историографии. Именно на первом этапе формировались концепции, закладывались основы взглядов на военно-исторические события, их военно-политические, экономические и общеисторические оценки. В то же время слабой стороной многих трудов были отсутствие в них достоверного статистического материала (о соотношении сил, о потерях и др.), недостаточное знание и использование документов противника, а также пробелы в исследовании некоторых военных кампаний, прежде всего 1941 г.[18]

В первое послевоенное десятилетие (1945—1955) наши знания о Великой Отечественной войне получили дальнейшее развитие. Этот период характеризовался переходом нашего общества из состояния войны к мирной жизни, более широкой и планомерной, чем прежде, организацией научной работы, быстро нарастающим объемом исследований, расширением их тематики. В это десятилетие были сделаны первые шаги по созданию обобщающих трудов о войне в целом и по ее важнейшим проблемам.

Документы и материалы сосредоточивались в архивах, проводились активная подготовка кадров историков — специалистов по Великой Отечественной войне и значительная перестройка всей системы исторических научных учреждений. На характер историографии тогда оказала влияние острая идеологическая борьба в развернувшейся «холодной войне». В этих условиях усилия советских ученых сосредоточивались на показе превосходства социалистической системы над капиталистической как важнейшего источника победы, что приводило к лакировке истории войны, боязни выйти за рамки официальной точки зрения. Не подлежали критическому обсуждению проблемы причин поражений Красной армии в 1941—1942 гг. и неудачных операций последующих лет, размеры людских и материальных потерь страны, судьба военнопленных, особенности функционирования в годы войны репрессивной системы.

Перед военными историками ставилась задача по осмыслению накопленного огромного боевого опыта и извлечению из него необходимых уроков и выводов, полезных для практики строительства и подготовки Вооруженных сил, укрепления их боевой мощи. С завершением деятельности Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны эта работа была возложена на Институт истории АН СССР. Главным исполнителем вначале стал сектор военной истории, а после его ликвидации — группа сотрудников сектора истории советского общества. С октября 1954 г. работу продолжил сектор истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода, доукомплектованный научными кадрами, подготовленными в первое послевоенное пятилетие[19]. Большую научно-исследовательскую работу по проблемам истории Великой Отечественной войны проводила созданная в 1946 г. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). В нее включились также ученые Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), Московского, Ленинградского, Киевского, Томского, Свердловского, Азербайджанского университетов, Высшей школы профсоюзного движения и ряда других высших учебных заведений страны. Одновременно развернулась разработка трудов по истории союзных республик в годы войны в институтах истории академий наук Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Азербайджана и др.[20]

В Вооруженных силах основным научно-исследовательским центром стало сформированное в 1947 г. на базе самостоятельного военно-исторического отдела Военно-историческое управление Генерального штаба во главе с известным ученым генерал-майором Н. А. Таленским, а с 1950 г. — генерал-лейтенантом С. П. Платоновым. Организационно был укреплен исторический отдел Главного штаба ВМФ, объединявший и направлявший военно-историческую работу на флоте. В феврале 1946 г. был создан Исторический отдел Главного штаба ВВС, который последовательно возглавляли известные ученые Ф. С. Лучкин, В. П. Сокольский, В. Г. Никифоров.

В штабе тыла, штабах родов войск, во многих главных и центральных управлениях Министерства обороны (с 15 марта 1953 г.) были образованы военно-исторические отделения и группы, а также научные коллективы для разработки трудов по важным проблемам истории Великой Отечественной войны. Например, созданная в 1946 г. группа под руководством ге-

нерал-полковника артиллерии Ф. А. Самсонова занялась разработкой многотомного труда о применении артиллерии в годы войны[21]. В исследование истории войны активно включились и преподаватели кафедр истории войн и военного искусства военных академий. К работе в военно-исторических органах были привлечены генералы и офицеры войск, имевшие богатый боевой опыт. Подавляющее большинство из них имело высшее военное образование, а часть — опыт научно-исследовательской работы.

С 1946 г. началась активная подготовка квалифицированных кадров по истории войны. В военных академиях Генерального штаба и имени М. В. Фрунзе были созданы военно-исторические факультеты, а в Военно-морской академии — высшие исторические классы. Готовили специалистов по проблемам Великой Отечественной войны в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), Институте истории АН СССР, в других научных и учебных заведениях страны. Во многих из них с этой целью были значительно расширены адъюнктура и аспирантура. В течение десяти послевоенных лет, по неполным данным, по тематике Великой Отечественной войны было защищено более 500 кандидатских и две докторские диссертации[22]. Предпринятые шаги по подготовке научных кадров имели большое значение для ведения научно-исследовательской работы в последующие годы.

Одновременно осуществлялось дальнейшее формирование источниковой базы научных исследований. Основным в этой работе было сосредоточение документов и материалов военных лет в центральных государственных, ведомственных, областных и республиканских архивах. Процесс приема и обработки документальных материалов завершился примерно к началу 1950-х гг. Благодаря этому исследователи получили возможность ознакомиться с материалами бывших наркоматов, комитетов, областных и республиканских партийных, советских и общественных организаций, войсковых объединений, соединений и частей. В научный оборот впервые стали вводиться, особенно в диссертациях, разнообразные документальные материалы из различных фондов, что значительно повышало научный уровень представленных на обсуждение работ. Однако источниковая база нуждалась в дальнейшем совершенствовании. Все еще оставались закрытыми и недоступными для большинства исследователей многие важнейшие документы и материалы ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны, Ставки ВГК, СНК СССР, Наркомата обороны СССР, Госплана, Центрального статистического управления СССР и других руководящих органов, что отрицательно сказывалось на глубоком и всестороннем исследовании и освещении целого ряда вопросов истории Великой Отечественной войны. Не способствовало этому и то, что в 1946–1955 гг. центральные архивы еще не занимались публикацией источников, не делали их достоянием широкого круга исследователей.

Предпринятые меры организационного характера способствовали развертыванию более широкой по своим масштабам и планомерной научно-исследовательской работы. За первые послевоенные десять лет было подготовлено и опубликовано около 1200 книг, брошюр и журнальных статей[23], из которых 14 носили обобщающий характер[24]. В изданных трудах получили освещение такие кардинальные вопросы, как характер войны и ее особенности, организаторская деятельность Коммунистической партии и Советского правительства в годы войны, ход вооруженной борьбы, боевые действия в начальный период войны[25], партизанское движение, развитие военной экономики, трудовой подвиг в тылу, внешняя политика СССР в годы войны, итоги войны и источники победы, всемирно-историческое значение победы советского народа в войне. Эти работы опирались уже на более обширную, чем в военные годы, источниковую базу, хотя пока она, довольно ограниченная, не позволяла глубоко и всесторонне исследовать всю совокупность явлений и событий войны.

В то же время продолжался поиск проблематики и методики исследований, разворачивалась работа по подготовке молодых научных кадров. В условиях острого идеологического противоборства в период «холодной войны» снова возникла необходимость в патриотической направленности литературы о войне, но уже на основе показа преимуществ социалистического строя перед капиталистическим, что выражалось в освещении главным образом только лишь положительного. Заметное влияние на работу историков оказали принятые

в 1946–1948 гг. постановления ЦК партии по идеологическим вопросам, нацеливавшие их на борьбу против влияния чуждых буржуазных взглядов, против различных форм безыдейности и аполитичности[26], а также нарастающий объем исследовательской работы.

Для военно-исторической науки первого послевоенного десятилетия характерен быстро нарастающий объем исследовательской работы. За эти годы по военной истории были опубликованы 43 монографии, 121 военно-исторический очерк, 450 сборников статей и брошюр, 86 сборников документов, 72 мемуарных произведения и дневника[27]. Военные историки исследовали в относительно полном объеме крупнейшие операции и битвы минувшей войны, в ряде работ обобщен опыт использования видов Вооруженных сил и родов войск, сделаны попытки рассмотреть развитие военного искусства в годы войны. Появились первые обобщающие работы как по войне в целом, так и по ее важнейшим проблемам. Однако преобладающая часть работ по-прежнему посвящалась отдельным операциям.

Процесс изучения и освещения вооруженной борьбы шел по восходящей линии — от создания работ по отдельным битвам и операциям до разработки обобщающих трудов, охватывающих всю войну. Были изданы крупные работы о Курской битве, битвах за Кавказ и Днепр, о Берлинской, Киевской, Сандомирско-Силезской операциях. На основе более широкой документальной базы, особенно на материалах фронтов и армий, авторы этих трудов дали первое систематическое описание данных битв и операций, достаточно полно рассмотрели вопросы планирования, подготовки и хода операций, сделали обстоятельные и хорошо аргументированные выводы, отразили новые моменты в военном искусстве в каждой из битв и операций. В этом отношении особо выделяются работы о битве под Курском и Берлинской операции, выполненные группой научных сотрудников Военно-исторического управления Генерального штаба — Н. Ф. Артемьевым, П. С. Болдыревым, Ф. Д. Воробьевым, Н. М. Замятиным, И. В. Паротькиным, Н. А. Таленским. Другие работы были созданы В. В. Возненко, И. Г. Завьяловым, Т. Е. Калядиным, Н. А. Фокиным[28].

Многие крупные наступательные операции (Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская, Свирско-Петрозаводская, Будапештская, Восточно-Прусская, Восточно-Померанская, Висло-Одерская и др.) впервые получили документальное освещение в «Сборниках военно-исторических материалов», пришедших в 1949 г. на смену издававшимся до того сборникам материалов по изучению опыта войны[29]. В первом выпуске нового сборника указывалось, что впредь до издания обстоятельных монографий в нем предполагается публиковать краткие описания операций советских войск в Великой Отечественной войне, помещать примеры боевых действий соединений в масштабе «корпус — дивизия» и другие военно-исторические материалы, освещающие боевую деятельность родов войск и служб в операциях, а также рецензии на закрытую военно-историческую литературу. С 1949 по 1956 г. под редакцией сначала Н. А. Таленского, а с 1950 г. — С. П. Платонова было издано 17 номеров сборников[30]. К сожалению, из-за грифа «секретно» на этих публикациях они были недоступны широкому читателю.

Воениздат продолжал начатый еще в годы войны выпуск оперативно-тактических, оперативных и оперативно-стратегических очерков об отдельных битвах и операциях. Эти очерки публиковались в закрытых сборниках Управления Генерального штаба по изучению опыта войны, и доступ к ним исследователей был по-прежнему весьма ограничен. Одновременно велась работа по изучению боевых действий частей и соединений. Ее результаты публиковались в сборниках тактических примеров, подготовленных Военно-историческим управлением Генерального штаба, главными штабами видов Вооруженных сил, штабами родов войск и военными академиями. В течение 10 послевоенных лет было издано более 30 сборников о действиях подразделений, частей и соединений всех родов войск в различных условиях обстановки и местности[31].

Для массового читателя в тот период издавались относительно небольшие по объему научно-популярные очерки по ряду важнейших операций минувшей войны, которые, несмотря на богатый фактический материал, были лишены глубоких научных выводов и обобщений, ибо их авторам приходилось учитывать неизбежные для открытой печати ограничения,

связанные с секретными сведениями. Эти очерки были посвящены победам советских войск на Карельском перешейке, в Белоруссии, на Дальнем Востоке, освобождению Киева, разгрому противника под Сталинградом, Ленинградом, в Венгрии, Восточно-Прусской, Висло-Одерской и других операциях[32].

Большая работа велась военными историками Военно-морского флота. В ряде научно-популярных работ освещались действия флотов и флотилий в боях за освобождение Крыма и Одессы, по прорыву блокады Ленинграда. В 1953–1954 гг. вышли четыре тома учебного пособия по истории военно-морского искусства. Кроме того, сразу после окончания войны исторический отдел Главного штаба ВМФ развернул целеустремленную работу по созданию хроник боевой деятельности флотов и флотилий[33], трудов об использовании подводных лодок и организации противолодочной обороны. В этих разработках принимали участие В. И. Ачкасов, А. В. Басов, Н. П. Вьюненко, Н. М. Гречанюк, И. Д. Елисеев, Ф. В. Зозуля, И. А. Козлов, Р. Н. Мордвинов, В. Н. Носырев, Ю. А. Пантелеев, С. Н. Хаханов, В. С. Шломин и др.[34]

В послевоенное десятилетие были подготовлены несколько военно-исторических очерков, а также учебное пособие об участии авиации в обеспечении боевых действий наземных войск в Сталинградской, Орловской, Ясско-Кишинёвской, Берлинской и Маньчжурской операциях[35]. В 1955 г. авторский коллектив под руководством редакционной комиссии во главе с А. Ф. Гороховым на широкой документальной базе создал капитальный труд о действиях Войск противовоздушной обороны страны в годы войны. В 1955–1956 гг. вышли подготовленные научным коллективом, возглавляемым генерал-полковником артиллерии Ф. А. Самсоновым, два первых тома по истории артиллерии в годы войны, где были рассмотрены вопросы строительства и боевого применения полевой реактивной и самоходной артиллерии. В это же время были изданы два тома «Истории бронетанковых и механизированных войск Советской Армии»[36]. Слабее всего были исследованы проблемы тыла Вооруженных сил и организации материально-технического обеспечения войск в операциях. Актуальные вопросы тыла получили частичное освещение только лишь в отдельных работах.

Создание обобщающих трудов в те годы было сопряжено с немалыми трудностями, прежде всего связанными с отсутствием в распоряжении исследователей многих необходимых материалов и документов высших партийных, государственных и военных органов, раскрывающих процессы, происходившие в вооруженной борьбе и войне в целом. На их качестве сказывалось и то, что авторы не всегда использовали накопленный фактический материал, которым к тому времени располагала историография. Тем не менее последовательное описание в них общего хода войны сыграло свою положительную роль, особенно в последующем — при создании фундаментальных исследований о Великой Отечественной войне.

Среди изданных работ наибольший интерес представляет книга Ф. Д. Воробьева и В. М. Кравцова «Победы Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945». Выгодно отличаются в этом плане и такие труды, как четырехтомный «Сборник материалов по истории военного искусства в Великой Отечественной войне», изданный в 1955 г. Академией Генерального штаба под редакцией А. И. Готовцева, и сборник статей «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» под редакцией П. А. Жилина, выпущенный в 1956 г. Эти работы являлись важным шагом в изучении операций наших Вооруженных сил и военного искусства в ходе всей войны.

В первое послевоенное десятилетие продолжалось расширение источниковой базы. В 1947 г. началось издание «Сборников боевых документов Великой Отечественной войны», которые содержали документы штабов видов Вооруженных сил и родов войск, штабов фронтов, армий, корпусов, дивизий. Они имели тематическую направленность, объединяя документы и материалы (инструкции, памятки, указания, директивы, циркуляры и приказы) по всем видам боевых действий в различных условиях местности и в различные времена года. Помимо таких документов в сборниках приводились и документы Ставки ВГК по вопросам организации обороны и наступления, управления войсками в ходе их ведения, боевого использования различных родов войск. Всего до 1957 г. было издано 30 номеров таких сборников[37]. В решении этой задачи активную роль сыграли коллективы научных сотрудников

Главного военно-научного управления Генерального штаба и Центрального архива Министерства обороны СССР. Расширению источниковой базы для изучения истории войны способствовали подготовка и издание целого ряда материалов и документов по внешней политике. В 1946 г. вышли в свет двухтомник «Документы и материалы кануна второй мировой войны», трехтомник «Документы министерства иностранных дел Германии», а также сборник документов «Внешняя политика СССР», отражавшие усилия советского государства в предвоенные годы по сохранению мира и укреплению своей обороноспособности. К числу важных публикаций такого рода относится изданный в 1946–1947 гг. трехтомный сборник документов, освещающих внешнюю политику Советского Союза в годы войны[38].

Однако следует заметить, что многие дипломатические документы были надежно сокрыты от глаз исследователей, причем довольно продолжительное время. Это прежде всего документы, касавшиеся советско-германских отношений 1939 г. и первой половины 1941 г. Более того, как стало известно в конце 1980 — начале 1990-х гг., эти документы из Архива внешней политики СССР были переданы в Особый архив ЦК КПСС, а затем — в Архив Президента СССР.

Все это время советские историки обязаны были придерживаться официальной точки зрения советского правительства на политику западных держав и процесс подготовки германской агрессии. Она была изложена в исторической справке «Фальсификаторы истории», опубликованной в начале 1948 г. Советским информационным бюро при Совете министров СССР и полемически направленной против американской документальной публикации «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.»[39].

В 1955 г. появилось пять выпусков «Сборников материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших союзников на советско-германском фронте за 1941–1945 гг.», которые и поныне используются историками.

Однако документальная база военно-исторической литературы первого послевоенного десятилетия оставалась относительно узкой. Работы создавались главным образом с использованием оперативных документов фронтов и армий без привлечения материалов, касавшихся планов командования вермахта, состава и перегруппировки его войск и т. д., многие из которых историкам в то время были неизвестны. Подготовленные работы носили описательный характер без достаточно полного показа противоборства сторон, а следовательно, не содержали глубоких научных выводов и обобщений. При этом авторы не всегда давали объективную оценку описываемым событиям, порой освещали их односторонне, не показывая всех трудностей вооруженной борьбы, особенно в 1941–1942 гг. Военные поражения и отступление советских Вооруженных сил в 1941 г. характеризовались как проявления стратегии активной обороны, противопоставленной советским командованием «авантюристической германской стратегии “молниеносной войны”». «Провал планов немецко-фашистского командования под Сталинградом, — утверждал, например, Б. С. Тельпуховский, — ярко показал торжество сталинской стратегии, мудрость сталинского плана активной обороны и порочность немецкой стратегии и тактики»[40].

Высокую оценку исследованиям послевоенного десятилетия дают авторы «Очерков советской военной историографии». Они отмечают, что «работы этого периода создавали благоприятные условия для перехода к качественно новому этапу — изучению Великой Отечественной войны в плане глубоких научных обобщений»[41]. По мнению А. Грылева, достигнутые военно-исторической наукой результаты могли быть более значительными, если бы не произошло сокращение военно-исторических органов во второй половине 1953 и начале 1954 г.[42]

Военно-историческое управление Генерального штаба было свернуто в отдел с резким уменьшением числа научных сотрудников, исторический отдел Главного штаба ВМФ — в отделение, а исторический отдел Главного штаба ВВС вообще был ликвидирован. То же самое произошло и с другими научно-исследовательскими историческими органами. Кафедры истории войн и военного искусства в большинстве академий были упразднены, а оставшиеся в четырех академиях существенно сокращены. Были ликвидированы военно-исторические

факультеты в академиях Генерального штаба и имени М. В. Фрунзе, аналогичной оказалась судьба высших исторических классов в Военно-морской академии. Все это не могло не отразиться на размахе и результатах военно-исторической работы. Предпринятые в тех условиях попытки найти равноценную замену за счет создания временных научно-исследовательских групп себя не оправдали. Результаты деятельности этих групп, укомплектованных в большинстве своем лицами без опыта научно-исследовательской работы, оказались малоутешительными[43].

Послевоенное десятилетие явилось началом большой работы по исследованию темы борьбы народа в тылу фашистских захватчиков. Появление брошюр и статей по истории партизанской и подпольной борьбы в «Ученых записках» и других научных журналах свидетельствовало о расширении фронта научно-поисковой работы. В ряде областей и регионов, подвергшихся оккупации (Ленинградская, Псковская, Одесская области, Молдавия и Латвия), в 1946–1952 гг. были изданы сборники документов и материалов о народной борьбе с врагом на их территории. В первых монографических работах по партизанской тематике значительно шире, чем прежде, использовались документальные материалы и освещался более объемный круг вопросов.

О заметно возросшем интересе к проблемам народной борьбы в тылу врага говорит и тот факт, что в 1945–1955 гг. было подготовлено и защищено 70 кандидатских диссертаций по указанной тематике[44]. Диссертанты ввели в научный оборот большой фактический материал, который давал представление о размахе и эффективности борьбы партизан и подпольщиков на всей оккупированной врагом советской территории. К исследованию этой темы привлекались известные историки, видные руководители партизанской и подпольной борьбы, что существенно отразилось на уровне научных исследований.

В работах того периода партизанская борьба рассматривалась преимущественно на примерах отдельных партизанских частей и соединений, а также партизанских группировок, действовавших в отдельных областях или регионах. Однако серьезных научных работ, включая и диссертации, было крайне мало, зато было издано большое количество мемуарной литературы, причем она составляла не менее четверти всех книг, написанных за десять лет по партизанской тематике[45]. Признавая вполне заметные успехи в историографии партизанского движения, следует, однако, отметить, что многие ее аспекты продолжали оставаться слабо изученными. Во многих работах преобладало описание событий почти без анализа, обобщений и выводов. Предпринимались лишь первые попытки, да и то только в диссертациях, по выявлению основных тенденций и особенностей в развитии этой борьбы применительно к различным регионам.

В послевоенное десятилетие из числа историков военного поколения и исследователей, подготовленных в послевоенные годы, сложилась большая группа специалистов, которая взялась за разработку вопросов истории советского тыла. Начатая еще в годы войны публикация документов и материалов, отражавших жизнь советского тыла, продолжалась и в первое послевоенное десятилетие. Но объем и тематика их расширялись очень медленно, а статистические материалы по экономике вообще не публиковались. Тем не менее тематика исследований стала более разнообразной. Историки делали пока еще робкие попытки проследить развитие экономики, работу отдельных отраслей народного хозяйства и всех звеньев советского тыла. Прогресс в исследованиях определился выходом в свет первых обобщающих трудов о войне. В них нашли отражение вопросы тыла, особенно в специальных работах, посвященных военной экономике, промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, строительству, восстановлению разрушенного войной хозяйства.

Одной из первых работ такого рода стала книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», вышедшая в свет в 1947 г. В своем исследовании ученый-экономист, возглавлявший Госплан, на широком историческом фоне проанализировал конкретные факты, сделал важные теоретические выводы, подкрепив их обширными архивными статистическими данными. Впервые в советской научной литературе автор языком цифр и фактов вскрыл главнейшие черты военной экономики СССР, показал зако-

номерность экономической победы над рейхом. Труд Н. А. Вознесенского — это серьезный вклад в исследование истории развития народного хозяйства страны в период Великой Отечественной войны. Ее выход положительно сказался на дальнейшем исследовании многих аспектов истории минувшей войны, в особенности проблем военной экономики и советского тыла, несмотря на то что после ареста и расстрела Н. А. Вознесенского книга была изъята из всех библиотек и, соответственно, из научного обихода[46]. Примечательно, что и ныне она сохраняет свою научную ценность.

Военной промышленности и экономике в целом в те годы было посвящено еще несколько работ. Это «Советская экономика в Великой Отечественной войне» Б. М. Сухаревского, «Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне» Л. М. Гатовского, «Советская промышленность в Великой Отечественной войне» Е. А. Грановского, «Вопросы экономики в современной войне» П. А. Белова. В середине 1950-х гг. ученые попытались обобщить опубликованные материалы о работе тыла. Полнее всего деятельность тыла впервые удалось осветить коллективу авторов в труде «Очерки истории Великой Отечественной войны», хотя рецензенты и отмечали, что в этой книге недостаточно отражены трудности, с которыми пришлось столкнуться советскому народу. Была издана и первая научно-популярная книга с обобщением ранее опубликованных материалов о самоотверженном труде работников тыла[47]. Историография войны пополнилась также рядом работ историков союзных и автономных республик, краев и областей, в которых освещались вклад трудящихся разных национальностей в победу, роль рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции в укреплении и развитии военной экономики.

Особое место в знаниях о Великой Отечественной войне заняла мемуарная литература. Воспоминания непосредственных участников тех или иных событий минувшей войны — важный исторический источник, помогающий глубже понять и оценить героическую борьбу нашего народа за свою свободу и независимость. Их авторы не только дают оценки происходившим событиям сквозь призму своего видения и личного опыта, но и отражают настрой общества — без чего не может быть написана объективная история. С большим интересом читатели встретили ленинградский дневник писательницы Веры Инбер, воспоминания прославленных асов А. И. Покрышкина и И. Н. Кожедуба, героев-подводников Я. К. Иосселиани и В. Г. Старикова, офицера-танкиста Г. И. Пенежко, разведчика А. И. Алексеева, санинструктора роты, а затем начальника штаба стрелкового батальона Ирины Левченко, дневниковые записи штурмана гвардейского авиаполка Евгении Рудневой, погибшей в воздушном бою, и др.

Появились и сразу стали известными воспоминания участников партизанского движения: В. А. Андреева, А. П. Бринского, П. П. Вершигоры, П. К. Игнатова, С. А. Ковпака, В. И. Козлова, И. А. Козлова, Г. М. Линькова, В. И. Ливенцова, Д. Н. Медведева, М. И. Наумова, А. Н. Сабурова, А. Ф. Семенова, А. Ф. Федорова и др. Авторами воспоминаний выступали чаще всего командиры, комиссары и другие руководители крупных партизанских соединений, отрядов или подпольных организаций. Поэтому их мемуары, отличавшиеся масштабностью видения событий, давали относительно обобщенную картину борьбы в тылу врага, широко показывали боевую, политическую и организационную деятельность партизан и подпольщиков во взаимосвязи с освещением жизни населения оккупированных районов. Что же касается мемуаров, написанных фронтовиками, то их возможности были весьма ограниченными. Ведь чтобы осмыслить события и факты, сделать обобщения и выводы, требовалось определенное время. Именно поэтому за десять послевоенных лет появилось слишком мало работ, написанных командирами дивизий, командующими армиями, военачальниками фронтового звена.

В первое послевоенное десятилетие произошло становление официальной концепции истории минувшей войны. В ней утверждалось, что победа — это полное торжество советского социализма, его государственного и общественного строя, триумф коммунистической партии, ее генеральной линии, стратегии и тактики, методов руководства страной в мирное время и в годы войны, победа передовой советской науки, сталинского военного искусства.

Выработанная концепция не ограничивалась рамками историографии. Она широко воспроизводилась средствами массовой информации как в нашей стране, так и за рубежом. К историкам присоединились писатели и работники искусства. Официальная точка зрения на Великую Отечественную войну прочно укрепилась в советской научной и художественной литературе, других произведениях искусства, а главное — в сознании миллионов советских людей. Она стала важнейшей частью коммунистической идеологии и одним из эффективных средств воздействия на массовое сознание.

Главной в освещении истории войны и ее результатов в этот период была тема советского народа-победителя, народа-героя. Подчеркивалось, что его огромные жертвы во имя свободы и независимости Родины, неисчислимые лишения и страдания не были напрасными и увенчались полной победой над врагом. Проблема цены победы вообще не ставилась в полном объеме. Все это вместе взятое не только ограничивало, но и лишало историческую науку возможности критического, объективного, всестороннего исследования войны, научного познания ее итогов и уроков.

С приближением десятилетия победы над нацистской Германией в среде военных и гражданских историков развернулись оживленные дискуссии по ряду принципиальных вопросов. Состояние исследования проблем истории минувшей войны стало предметом обсуждения на совещании руководящего состава Вооруженных сил в феврале 1955 г. в Москве[48]. А в мае в Институте истории АН СССР прошло заседание ученого совета отдела истории СССР периода социализма с участием военных историков, на котором обсуждался доклад «Состояние разработки проблемы Великой Отечественной войны. Краткие итоги за десять лет». Собравшиеся, выступив с критическими замечаниями по поводу доклада, подняли важные организационные вопросы, внесли конкретные предложения по проблематике научных исследований. Эти вопросы были обстоятельно изложены в статье «О разработке истории Великой Отечественной войны Советского Союза»[49], опубликованной в пятом номере журнала «Вопросы истории» за 1955 г.

Со второй половины года наметились определенные сдвиги в вопросах организации научно-исследовательских работ. Разработка проблем истории Великой Отечественной войны стала обязательной для многих ведущих научно-исследовательских учреждений, даже включалась в их перспективные планы. Большая организаторская работа по созданию капитальных обобщающих научных трудов развернулась в институтах республиканских академий наук, в Институте истории СССР Академии наук страны, Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в Военно-историческом отделе Генерального штаба и других научных учреждениях.

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. историческая наука, опираясь на достигнутое, подошла к качественно новому рубежу — всестороннему и комплексному исследованию проблем истории Великой Отечественной войны и глубокому научному обобщению.

Во втором послевоенном десятилетии (1956–1965) развитие наших знаний о Великой Отечественной войне во многом шло под влиянием решений XX съезда КПСС (февраль 1956 г.). Произошло некоторое оживление научной мысли, что способствовало формированию более благоприятных условий для всестороннего и углубленного исследования истории советского общества вообще и истории минувшей войны в частности. Были несколько ослаблены ограничения допуска ученых к работе в архивах, историки получили большую свободу творчества. Развернулась далеко не всегда аргументированная критика культа личности И. В. Сталина и многих решений периода нахождения его у власти.

В этот период происходят количественные и качественные сдвиги в организации планомерной научно-исследовательской работы в стране, значительное расширение источниковой базы. Для этого этапа характерны разработка проблем периодизации Великой Отечественной войны и публикация в более широких масштабах документальных материалов. Некоторая либерализация общественной жизни в стране позволила поставить вопрос о большей доступности архивной информации. Постановление Совета министров СССР от 7 февраля 1956 г., хотя всего лишь «упорядочивало режим хранения архивных документов», тем не менее

декларировало их «лучшее использование». С этого времени архивы приступили к работе по подготовке и изданию научно-справочных материалов, прежде всего путеводителей, сборников документов, в том числе и материалов, подписанных лицами, подвергшимися репрессиям[50]. Однако следует заметить, что слегка качнувшаяся в сторону либерализации стрелка политического и идеологического курса практически не затронула фундаментальных принципов политики в отношении доступности архивов.

Значительно увеличился выпуск сборников документов, раскрывающих роль коммунистической партии в организации отпора врагу, ведущую роль нашей страны в сплочении антифашистских сил и укреплении антигитлеровской коалиции. Более глубокому пониманию истории Второй мировой войны способствовало издание документов о внешней политике различных государств накануне и в годы войны. В их числе два тома «Переписки Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в период Великой Отечественной войны», сборники документов о взаимоотношениях Советского Союза с другими странами, о важнейших событиях кануна Второй мировой войны[51].

Продолжалась активная публикация документов о боевой деятельности советских Вооруженных сил, правда, все с тем же грифом «секретно». За сравнительно небольшой отрезок времени (1957—1960) вышли в свет 12 таких сборников. Кроме того, тогда же было подготовлено около 40 микрофильмов, содержащих документальные данные о боевых действиях соединений и объединений в различные периоды войны, о подготовке и проведении ряда крупных операций[52]. Наряду с этим были изданы сборники документов и материалов о вкладе трудящихся Москвы в победу над врагом, о героической борьбе ленинградцев в осажденном городе, о подвигах советских воинов на фронте, партизан и подпольщиков в тылу врага, а также о зверствах гитлеровцев на советской земле. Большая работа проводилась по сбору и публикации документальных материалов командования вермахта, раскрывающих планирование операций на восточном фронте. Значительная часть их была помещена в секретном «Сборнике военно-исторических материалов» № 18, подготовленном к печати И. М. Глаголевым, И. Е. Зайцевым и Л. К. Комоловой. Документы немецкого командования были опубликованы также на страницах «Военно-исторического журнала» и в сборнике «Поражение германского империализма во второй мировой войне». Заметным вкладом в расширение источниковой базы явился изданный в 1963 г. третий том «Морского атласа», подготовленный большим коллективом историков под руководством В. А. Алафузова, С. Г. Горшкова, Л. А. Демина, Н. С. Фрумкина.

Большое значение для улучшения исследовательской работы в области истории вообще и военной истории в частности имели развитие архивной службы, повышение роли архивов в государственной и научной жизни страны. Начиная с 1959 г. от работы по изучению и отбору документов и материалов они стали переходить к их планомерной публикации. А чтобы помочь исследователям лучше ориентироваться в имеющихся документах, печатались обзоры архивных фондов. В результате возросшего объема документальных публикаций основополагающие документы и материалы военных лет стали доступны более широкому кругу исследователей. Всего до 1965 г. было подготовлено к печати и опубликовано свыше 6 тыс. разнообразных документов и материалов[53].

Улучшению исследовательской работы по истории войны, созданию трудов на более высоком научном уровне способствовал ряд предпринятых мер по определению задач научно-исследовательской работы и сосредоточению на их решении научных сил. Документом, определившим направление организаторской и научно-исследовательской работы по изучению и разработке трудов по истории войны, явилось постановление ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. «Об издании труда “История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945”». Этот многотомный труд должен был представлять собой капитальное исследование, охватывающее все стороны военной истории 1941—1945 гг., внутренние процессы экономического и общественно-политического развития страны, а также международные отношения и внешнюю политику СССР в тот период.

Для непосредственного руководства подготовкой и изданием этого труда ЦК партии утвердил редакционную комиссию в составе видных ученых, крупных военачальников и хозяйственных руководителей под председательством академика П. Н. Поспелова. В ее состав вошли: А. И. Антонов, И. Х. Баграмян, А. А. Гречко, А. А. Епишев, П. А. Жилин, И. И. Минц, А. Л. Сидоров, В. Д. Соколовский, В. М. Хвостов и др. Комиссии была предоставлена возможность широко использовать новые архивные документы. Разработка труда возлагалась на созданный осенью 1957 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС отдел истории Великой Отечественной войны во главе с Е. А. Болтиным и его заместителем Б. С. Тельпуховским[54]. Отдел сыграл важную роль в объединении научных кадров, сборе архивных материалов, разработке проблематики труда. К написанию его были привлечены свыше 1200 человек: историки, экономисты, философы, статистики, юристы, исследователи по истории международных отношений, военные специалисты, публицисты, в том числе и из стран социалистического содружества[55].

Редакционная комиссия и отдел истории Великой Отечественной войны провели большую организационную, теоретическую и научно-исследовательскую работу по созданию шеститомного труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945»[56].

Многотомный труд не только впитал достижения предыдущих исследований, но и впервые ввел в научный оборот огромное количество новых документов и архивных источников, данных статистики. С позиций начала 1960-х гг. были проанализированы корни, причины и характер Второй мировой и Великой Отечественной войн, источники победы Советского Союза. В нем более глубоко были освещены многие вопросы вооруженной борьбы на фронте и работы тыла, разрешены на более высоком научном уровне ранее поставленные проблемы, определены новые, даны научно-теоретические обобщения итогов войны, показаны ее место, роль и значение в истории нашей Родины. Несмотря на крупные достижения, написанный вскоре после разоблачения культа личности труд все же имел ряд существенных недостатков, хотя у исследователей появилась, особенно вначале, уникальная возможность освободиться от односторонности и тенденциозности в изложении событий войны.

В труде отсутствует серьезная попытка правдиво раскрыть тему цены победы в войне, отдельных кампаниях и операциях, недостаточно глубоко были вскрыты причины наших неудач и крупных поражений в начальном периоде войны и целом ряде безуспешных операций, не совсем объективно и полно показаны деятельность и роль Ставки ВГК, Генерального штаба и фронтового командования. Прослеживается явная тенденция всю вину за неудачи взвалить в основном на Сталина, а в достижении успехов отдать предпочтение фронтовому командованию, принижая таким образом роль Верховного главнокомандования. Не удалось полностью избавиться и от синдрома культа личности, порожденного партийно-государственным аппаратом. Между тем господство диктата этого аппарата все продолжалось. Тем не менее даже при этих недостатках шеститомник, по мнению представителей научной общественности, явился важным событием в науке и до сего времени признан наиболее удачным фундаментальным трудом по истории войны. В это же время был создан и однотомный труд «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история», рассчитанный на массового читателя[57].

Одновременно продолжалась разработка важнейших проблем отечественной истории в институтах АН СССР, академий наук союзных республик, филиалов Института марксизма-ленинизма, военно-исторических органов Вооруженных сил, архивов, военных и гражданских высших учебных заведений. Результатом работы сектора истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода в Институте истории АН СССР явился выход в свет в 1958–1960 гг. ряда монографий и документальных сборников. После 1960 г. сотрудники, занимавшиеся проблемами минувшей войны, были заняты написанием 10-го тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней (СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)». Параллельно продолжались разработка монографий, краткой хроники войны, а также подготовка сборников статей и воспоминаний, освещающих героический подвиг работников советского тыла. Накопление и систематизация фактиче-

ского материала по истории войны позволили Институту истории АН СССР при участии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а также институтов истории украинской и белорусской академий наук подготовить и издать хронику важнейших событий, в которой собраны факты, воссоздающие день за днем картину жизни Советского Союза с 22 июня 1941 по 4 сентября 1945 г.[58]

Научная редакция «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах» под руководством директора издательства Академии наук А. М. Самсонова подготовила и выпустила в свет 90 книг, в том числе 40 — военные мемуары. Активизировалась публикация литературы о войне всеми советскими издательствами: только за пять лет, с 1956 по 1961 г., было опубликовано более 200 книг. Вышли в свет монографии о важнейших событиях войны, а также мемуары военачальников[59]. Появились новые исторические журналы: «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история». В 1959 г. возобновил свою деятельность «Военно-исторический журнал». В них публиковались новые документы и материалы по истории войны.

Основное внимание военных историков было сосредоточено на проблемах вооруженной борьбы. После сокращения в 1953–1954 гг. военно-исторических органов к исследованиям были привлечены офицеры и генералы войск, находившиеся в запасе или отставке, а также ученые гражданских учреждений и ведомств. Большую работу в этом отношении проводили Военно-исторический отдел Генерального штаба, историческое отделение Главного штаба ВМФ, созданные в 1962 г. военно-исторические группы в некоторых других штабах видов Вооруженных сил, Военное издательство Министерства обороны СССР, военно-исторические секции военно-научных обществ при гарнизонных Домах офицеров. Расширению военно-исторических исследований и улучшению военно-исторической подготовки кадров в армии и на флоте способствовало восстановление в ряде военных академий кафедр истории войн и военного искусства.

В 1956–1965 гг. было создано немало работ, посвященных изучению вооруженной борьбы в ходе войны, отдельных ее периодах и операциях, вопросов развития военного искусства. Среди них можно выделить сборник статей под общей редакцией П. А. Жилина[60]. Авторы осветили вопросы стратегии и оперативного искусства при подготовке и проведении важнейших операций, последовательно осуществленных советскими войсками. Проанализировав большой фактический и документальный материал, они пришли к выводу, что советское военное искусство в период войны творчески обобщало боевую практику, решительно отбрасывало все устаревшее, заменяя его новым и передовым.

Большую работу в области изучения истории военных действий провели Генеральный штаб Вооруженных сил и военные академии. Их исследования имели грифы «секретно» и «для служебного пользования». Среди них необходимо отметить такие издания, как «Операции советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне» в четырех томах, «Военное искусство в Великой Отечественной войне» в трех томах, «Стратегический очерк Великой Отечественной войны», монографии и сборники статей и материалов по отдельным операциям и кампаниям, а также труды Академии Генерального штаба и других военных академий, вышедшие во второй половине 1950–1960-х гг.[61] Подготовленный коллективом военно-исторического отдела Военно-научного управления Генерального штаба четырехтомный труд об операциях советских Вооруженных сил явился ценным военно-историческим исследованием вооруженной борьбы на советско-германском фронте. В отличие от прежних изданий подобного рода в нем анализировалось военно-политическое положение страны к началу каждой кампании, давались краткие стратегические обзоры боевых действий. Такая структура четырехтомника помогала читателю глубже уяснить взаимосвязь рассматриваемых операций, военно-политическое и стратегическое значение каждой из них. Авторский коллектив стремился показать развитие советского военного искусства всех видов Вооруженных сил.

Глубоким анализом вооруженной борьбы на всех фронтах Второй мировой войны, в первую очередь на советско-германском, отличался труд «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк» под общей редакцией Н. Г. Павленко, И. В. Паротькина,

С. П. Платонова[62]. Авторы его не только обобщили и проанализировали все ранее изданные работы по этой проблеме, но и привлекли новый архивный материал. На конкретных фактах и цифрах они сумели осветить подготовку Германии к нападению на СССР, ход боевых действий. Краткие, но емкие выводы о развитии советского военного искусства, совершенствовании средств и способов вооруженной борьбы, улучшении методов управления войсками можно отнести к достоинствам этого труда. Он явился значительным шагом в освещении боевых действий на советско-германском фронте и в обобщении опыта развития советского военного искусства в годы войны. И тем не менее авторам не все удалось осветить в равной мере. Как отмечала критика, в работе не был раскрыт механизм планирования Ставкой ВГК операций, не показано, что планы разгрома противника во всех сражениях были результатом творчества Генерального штаба, военных советов фронтов, флотов и армий, нет достаточно полной характеристики действий авиации и флота, лишь в общих чертах освещались боевые действия на Правобережной Украине и в Берлинской операции.

Во втором послевоенном десятилетии историки стали больше уделять внимания исследованию подготовки страны и Вооруженных сил к отражению агрессии, изучению внешнеполитических акций советского правительства, направленных на обеспечение безопасности СССР и защиту его жизненно важных интересов, техническое перевооружение и подготовку Вооруженных сил к войне, в особенности войск приграничных военных округов и сил ВМФ, состояние военной науки. Они анализировали просчеты и ошибки советского руководства и в общих чертах освещали последствия массовых репрессий 1937–1941 гг. На страницах периодической печати развернулась дискуссия между историками по поводу характера и содержания начального периода войны, а также его продолжительности в Первой и Второй мировых войнах. Начало ей было положено публикацией в 1959 г. в «Военно-историческом журнале» статьи генерала И. Рухле «О характере начального периода в двух мировых войнах»[63], где, в частности, был сделан анализ советской военно-теоретической мысли с начала 1920-х гг. до 1941 г. При этом сам автор рассматривал начальный период войны как отрезок времени со дня объявления войны и общей мобилизации армии до начала приграничных сражений главных сил, развертываемых на театре военных действий (ТВД) по плану войны. Выступившие в дискуссии сторонники другой точки зрения[64] трактовали понятие более широко, включая в начальный период войны не только мобилизацию, сосредоточение и развертывание вооруженных сил сторон, но и вооруженную борьбу главных сил. Высказывалась и точка зрения, имевшая как сторонников, так и противников, о том, что в мировых войнах каждая из воюющих сторон имела свой начальный период войны, в ходе которого решала ближайшие стратегические задачи[65]. Характерно, что большинство исследователей конца 1950-х — начала 1960-х гг. считали, что в межвоенный период разработка военно-теоретических вопросов применительно к изучению начального периода войны велась в СССР недостаточно полно, не соответствовала современным реалиям и требованиям военной науки, во многом канонизировала опыт Первой мировой войны, что привело к разрыву теории с практикой к моменту вступления Советского Союза в Великую Отечественную войну. По их мнению, советская военная мысль своевременно не учла основных уроков начала Второй мировой войны, особенностей вторжения Германии на территорию Польши, Франции и других европейских государств и в результате не сумела предусмотреть возможностей применения противником скрытого способа мобилизации и развертывания вооруженных сил в целях внезапного нападения сразу главными силами[66].

В конце 1950-х — середине 1960-х гг. вышли в свет исследования, непосредственно посвященные начальным периодам Второй мировой и Великой Отечественной войн и их урокам[67]. Среди них можно выделить опубликованный в 1962 г. военно-исторический очерк «Начало Великой Отечественной войны» В. А. Анфилова[68] (разработкой этой темы он занимался многие годы)[69]. В. А. Анфилов указывал, что накануне Великой Отечественной войны советское командование рассчитывало вести оборону в течение нескольких дней после нападения агрессора, а затем, после отмобилизования и сосредоточения главных сил, перейти в решительное наступление и разгромить его. По расчетам советского командования, воо-

руженная борьба в этот период должна была вестись войсками прикрытия, опирающимися на укрепленные районы приграничной полосы. Однако в связи со слишком запоздалым принятием мер по приведению войск приграничных военных округов в боевую готовность наши соединения не были своевременно развернуты для отражения удара агрессора, вступали в бой разрозненно, по частям и вследствие этого терпели поражение[70].

Знаковым стал выход в 1961 г. четырехтомной монографии бывшего начальника штаба 4-й армии Л. М. Сандалова «Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны»[71], рассекреченной только в конце 1980-х гг.[72] Несмотря на достаточно «узкое» название, автор не замыкается только на проблемах своей армии, а выходит на широкие обобщения, дает развернутую характеристику начального периода войны в целом, подробно описывая не только первые дни и недели войны, но и события, непосредственно предшествовавшие ее началу. Хотя на протяжении нескольких десятилетий этот фундаментальный труд был доступен только преподавателям и слушателям военных академий, его влияние на дальнейшие разработки данной проблемы оказалось весьма значительным.

Обширный фактический материал и некоторые обобщения по важнейшим событиям битвы под Москвой содержались в статье Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского в «Военно-историческом журнале» (№ 11, 12 за 1961 г.); битвы за Ленинград — в работах В. И. Ачкасова и Б. А. Вайнера «Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне» (М., 1957), А. В. Карасева «Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943 гг.» (М., 1959).

Продолжались исследования по битве под Сталинградом. Наиболее крупной работой по данной теме является исторический очерк А. М. Самсонова «Сталинградская битва. От обороны и отступления к великой победе на Волге» (М., 1960). В нем освещались оборонительные сражения и контрнаступление советских войск. Основное внимание автор уделил действиям 62-й и других общевойсковых армий Сталинградского фронта. На солидном фактическом и документальном материале он раскрыл процесс планирования оборонительных и наступательных операций, организации взаимодействия, уделил внимание и другим вопросам, связанным с ведением боевых действий. С 1957 г. возрос интерес к изучению истории Курской битвы. В исследованиях того времени стали более широко использоваться материалы Архива Министерства обороны СССР, других центральных и местных архивов, а также трофейные документы. Появился целый ряд статей, подготовленных военными историками и видными советскими военачальниками, руководившими войсками в этой битве[73]. В работах И. В. Тимоховича, А. П. Маресьева, Б. Г. Соловьева и других авторов, использовавших новые документы, были рассмотрены малоисследованные вопросы применения авиации и войск ПВО страны в воздушных битвах, подготовки противником операции «Цитадель», критически анализировались книги зарубежных авторов по этой же теме.

Коллектив историков и сотрудников архивов Курска и области подготовил и создал сборник, в который вошло около 400 документов. Подобный сборник был подготовлен и орловским издательством. К тому времени коллектив сотрудников Архива Министерства обороны СССР завершил описание и частичный перевод трофейных журналов, освещавших боевые действия групп армий «Центр» и «Юг» за 1943 г., а также приказов, директив и других документов командования вермахта.

В начале 1960-х гг. продолжалось исследование Белорусской наступательной операции 1944 г. Ее дальнейшему изучению способствовал выход книг, в которых исследовались отдельные армейские операции и бои стрелковых соединений. В этот же период историки расширили круг своих исследований по таким операциям, как Керченско-Феодосийская десантная операция, битва за Кавказ, освобождение Крыма и др., которые еще не имели систематического описания. Заметно активизировалась работа по изучению истории видов Вооруженных сил и родов войск. В конце 1950-х гг. появились книги, в которых исследовались боевые действия Вооруженных сил при освобождении оккупированных гитлеровцами стран Восточной Европы[74].

На основе анализа опубликованных исторических трудов и изучения документальных источников в Военной академии имени М. В. Фрунзе были созданы работы: «Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» (М., 1958); «Общевойсковая армия в наступлении по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (М., 1962). В них были рассмотрены важнейшие тенденции в развитии оперативного искусства и тактики в обороне и наступлении, на большом фактическом материале показаны творчество воинов в боевых условиях и его значение для развития советского военного искусства, особенно тактики.

Середина 1960-х гг. ознаменовалась выходом крупных монографий. Так, в 1964 г. появилась капитальная работа по результатам исследования всех этапов обороны Ленинграда[75]. Созданная на основе архивных материалов, эта книга отличается глубиной анализа событий, широтой охвата боевых действий на северо-западном направлении во взаимосвязи с ходом вооруженной борьбы на других фронтах. Авторы книги ввели в научный оборот многие документы и на этой основе всесторонне показали положительные и отрицательные моменты, характерные для операций и боев под Ленинградом. В работе рассмотрены особенности оперативно-тактического использования видов Вооруженных сил и родов войск, показаны полководческое искусство военачальников, воинское мастерство и массовый героизм воинов, вклад в дело обороны Ленинграда трудящихся города-героя и партизан.

Во втором послевоенном десятилетии продолжалось освещение истории борьбы советского народа в тылу врага. В более широких масштабах, чем прежде, стали публиковаться документы и материалы. Если значительную часть ранее изданных сборников составляли листовки и материалы из прессы военных лет, то в новые сборники в основном стали включать документы партийных органов, штабов партизанского движения, партизанских отрядов и соединений. Глубоким содержанием отличались сборники документов и материалов об оккупационной политике нацистов на захваченной ими территории. Включенные в них немецкие источники убедительно свидетельствуют о чудовищных преступлениях оккупантов на советской земле. Сборники содержат также фактический материал о борьбе советских людей за срыв политических, экономических и военных мероприятий врага. Исследование борьбы народа в тылу врага в период войны способствовало появлению новых публикаций на эту тему[76].

Однако к тому времени в литературе еще не получили должного освещения военные аспекты темы, хотя в статьях и монографиях, посвященных партизанскому движению, подчеркивалось, что оно явилось важным стратегическим фактором достижения победы в войне. Но этот тезис, по существу, так и не был раскрыт. В исторической литературе крайне мало внимания уделялось военному искусству советских партизан. В нашей историографии эта тема была представлена лишь отдельными монографиями, но чаще статьями, принадлежащими небольшому кругу авторов. Кроме того, еще не появилось ни одного труда, который бы освещал основные вопросы всенародного движения в тылу врага в масштабе всей оккупированной вермахтом советской территории. Шагом на пути преодоления этого недостатка стала статья известного историка Ю. П. Петрова под названием «Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения в годы Великой Отечественной войны», опубликованная в пятом номере журнала «Вопросы истории» за 1958 г. Помимо показа роли партии в руководстве партизанским движением автор сделал попытку дать его периодизацию и привести обобщенные данные о численности партизанских формирований. Опубликованная в 1962 г. монография А. И. Залесского «В партизанских краях и зонах» явилась первой крупной работой, освещающей жизнь и быт населения в контролируемых партизанами районах, его разностороннюю помощь партизанским формированиям.

В целом в этом десятилетии произошло заметное оживление исследований о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, что выразилось, в частности, в издании целого ряда обобщающих трудов, посвященных как их истории, так и развитию военного искусства и военного строительства[77].

В обобщающих трудах, посвященных войне в целом, все обстоятельнее стали освещаться вопросы советского тыла. Так, в вышедшей в 1959 г. монографии Б. С. Тельпуховского «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. Краткий очерк» значительно полнее, чем в предыдущие годы, раскрывались различные стороны жизни советского народа в глубоком тылу, прифронтовых и освобожденных от врага районах. Обобщив опубликованные ранее материалы, автор привлек новые фактические и статистические данные, характеризующие развитие экономики и качественные изменения в рядах рабочего класса. Наиболее полное освещение история развития военной экономики СССР нашла в шеститомном труде по истории Великой Отечественной войны. В нем были комплексно рассмотрены военно-экономические возможности и укрепление обороноспособности СССР накануне войны, перестройка экономики на военный лад и рост военного производства в 1943–1945 гг., итоги развития народного хозяйства в годы войны. Значительное место в труде было отведено проблемам промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Подробно рассмотрены основные пути развития важнейших отраслей тяжелой индустрии, показана картина огромного нового строительства и восстановления промышленности, разрушенной врагом. Освещены особенности развития сельского хозяйства в каждом из периодов войны.

Однако авторам все же не удалось избежать существенных огрехов субъективистского характера по целому ряду вопросов общего руководства войной и в освещении некоторых событий. В частности, история советского тыла была раскрыта далеко не так обстоятельно, как история вооруженной борьбы, слабо показана сложная и многообразная деятельность ГКО, СНК СССР по руководству хозяйственной жизнью советского общества в условиях войны. Некоторые важные вопросы деятельности советского тыла (эвакуация, состояние сельского хозяйства, вклад союзных республик в победу, деятельность Советов, общественных организаций и др.) освещались, как правило, слишком фрагментарно.

Вторая половина 1950-х и 1960-е гг. ознаменовались выходом ряда других значительных публикаций по вопросам истории советского тыла в годы войны[78]. Определенный интерес представляли также работы, посвященные отдельным отраслям промышленности и экономике отдельных регионов. Среди многочисленных изданий этого плана выделялись работы Н. И. Супруненко, Г. Абишева, Ж. Калымбетова, Г. И. Дедова, В. А. Беляевой[79], посвященные экономике Украины, Казахстана, промышленности Узбекистана, Азербайджана, Кизеловскому угольному бассейну, промышленности Ленинграда во время блокады.

Еще одним важным событием, подхлестнувшим интерес к истории минувшей войны в этот период, стало издание военных мемуаров. В 1958 г. в Военном издательстве Министерства обороны СССР была образована редакция военно-мемуарной литературы, подготовившая и выпустившая в свет большое количество мемуаров, среди авторов которых были видные советские военачальники и маршалы Победы. Они быстро завоевали признание миллионов читателей. Редакция превратилась, по сути, в методический центр, где военным мемуаристам оказывали квалифицированную помощь. Аналогичную работу проводил и «Военно-исторический журнал», издание которого, прерванное войной, возобновилось в 1959 г. Воспоминания участников войны стали одним из ведущих разделов журнала. Весной 1960 г. весьма полезный разговор о военных мемуарах состоялся на страницах газеты «Красная звезда», где с обстоятельными статьями выступили писатель К. М. Симонов и военный историк П. А. Жилин[80]. В центре обмена мнениями, организованном газетой, встал вопрос о содержании мемуаров, о том, что мемуарист должен «писать лишь о тех событиях, непосредственным участником которых он был, лишь о том, что он видел сам, что пережил и что имеет историко-познавательный или военно-научный интерес». 25 августа 1962 г. в «Красной звезде» выступил со статьей «Достоверность — главное» известный военный историк, главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал Н. Г. Павленко. Отметив растущую популярность военных мемуаров и их широкое использование в научных исследованиях, он подчеркнул, что именно этими обстоятельствами обусловливается ответственность авторов воспоминаний перед своими читателями.

За вторые десять лет после войны фонд советской военно-мемуарной литературы пополнился примерно 500 новыми книгами, что было почти в пять раз больше, чем за предыдущие десять лет. Наметился определенный сдвиг в издании мемуаров видных советских военачальников, в первую очередь командующих и членов военных советов армий (П. И. Батова, А. П. Белобородова, П. А. Белова, С. А. Красовского, Н. К. Попеля, И. В. Тюленева, В. И. Чуйкова, И. И. Федюнинского и др.), некоторых бывших командующих фронтами и флотами, а также других военных и политических работников фронтового звена (И. И. Азарова, И. Х. Баграмяна, С. С. Бирюзова, Б. В. Бычевского, А. Г. Головко, А. И. Еременко, В. И. Казакова, К. А. Мерецкова, Л. М. Сандалова, В. Ф. Трибуца), главнокомандующего артиллерией Красной армии и представителя Ставки ВГК на фронтах Н. Н. Воронова[81]. С одной стороны, публикация военных мемуаров явилась расширением источниковой базы для военно-исторических исследований, в том числе начального периода войны, с другой — практически все мемуары полководцев сами содержали серьезный аналитический материал, носили элементы научного исследования. В издательстве АН СССР «Наука» также была создана научная редакция «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах», в рамках деятельности которой вышли в свет многочисленные мемуары активных участников событий второй половины 1930-х — начала 1940-х гг., в частности армейских политработников, журналистов и дипломатов.

Во втором послевоенном десятилетии было положено начало ознакомлению советских читателей с зарубежной литературой о минувшей войне. До 1965 г. в нашей стране было переведено на русский язык и издано большое количество западногерманских, английских и американских авторов[82]. Издание этих трудов позволило ввести в научный оборот новый фактический материал о важнейших событиях Второй мировой войны, ее движущих силах, действиях вооруженных сил, системах политического и стратегического руководства, важнейших политических и стратегических решениях, экономике других государств — участников Второй мировой войны, а также обширные статистические данные. Советские историки, получившие непосредственный доступ к этим материалам, могли использовать их в своих работах. Не переведенная на русский язык иностранная литература находилась, как правило, в библиотеках в отделах специального хранения, и для пользования ею требовался допуск.

В 1956–1965 гг. историография Великой Отечественной войны поднялась на качественно новый уровень. Это было время более активного и успешного развития, отличавшееся постановкой широкого круга проблем, достаточно свободного их обсуждения и достижения значимых результатов. Если до сих пор шел процесс осмысления и обработки огромного фактического материала и в свет выходили преимущественно работы, в которых рассматривались отдельные аспекты Великой Отечественной войны, то теперь стали появляться труды, обобщающие результаты предыдущих исследований, с объяснениями и выводами военно-исторических событий.

Изучение событий 1941–1945 гг., публикация монографий, объективных трудов и большого количества брошюр и статей о войне позволили в общем плане отобразить длительный и сложный путь Советского Союза к победе. Они позволили также ввести в научный оборот огромный пласт источников по истории войны и дать ответы на некоторые спорные вопросы ее истории. В изданных работах предпочтение отдавалось описанию важнейших событий на фронте и в тылу, приводились конкретные данные о численности действующей армии, ее вооружении и военной технике, свидетельствовавшие о наращивании военной мощи страны в ходе войны, об изменении соотношения сил на фронте в пользу советских Вооруженных сил, о развитии военной промышленности и самоотверженности миллионов тружеников тыла, о состоянии экономики воевавших государств. Критический взгляд, однако, как правило ограничивался в основном разоблачительными пассажами в адрес Сталина и объяснением всех неудач его просчетами и ошибками. Вместо скрупулезного и объективного исследования причин поражения советских Вооруженных сил в начальный период войны историки пытались использовать уже сложившиеся взгляды: так, одной из важнейших причин часто

указывалось численное превосходство противника в танках и самолетах. На самом деле противник стал обладать таким превосходством лишь после того, как в первые дни войны он уничтожил и захватил большую часть советского вооружения и техники.

Весьма поверхностно и своеобразно истолковывалась и другая причина поражения — несвоевременное приведение войск приграничных военных округов в повышенную боевую готовность. И в этом в первую очередь были виноваты Сталин, руководители Наркомата обороны и Генерального штаба РККА. Значительная доля ответственности за неподготовленность Вооруженных сил к отражению мощного первого удара врага была возложена историками на руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба, которые не разобрались в создавшейся военно-стратегической обстановке, а потому не сумели сделать из нее правильные выводы о необходимости принятия соответствующих мер по приведению войск западных приграничных округов в боевую готовность[83]. Иной раз имело место и вовсе упрощенное толкование этого вопроса: «...если бы не упорство Сталина, то гитлеровскому вермахту не удалось бы внезапное вторжение. И тогда начальный период войны да и война в целом приобрели бы совершенно иной характер»[84].

Не получила глубокого изучения и проблема потерь. Все свелось только к упоминанию в шестом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (С. 29–30), что среди 20 млн погибших граждан СССР свыше половины служили в Вооруженных силах, т. е. приводились весьма приблизительные данные. Точные же сведения о количестве общих потерь и потерь в операциях Вооруженных сил, и не только в людях, но и в оружии, и военной технике, продолжали оставаться тайной. Неполно была раскрыта, особенно во время драматических событий для страны и Вооруженных сил, деятельность Государственного Комитета Обороны, Совета народных комиссаров СССР, Ставки Верховного главнокомандования и Генерального штаба по руководству Вооруженными силами.

Во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. для советской историографии характерно постепенное свертывание критики «культа личности», сохранение цензурных запретов на критическое обсуждение наиболее острых сюжетов. Новые установки по вопросу освещения истории Великой Отечественной войны исходили из того, что история должна воспитывать народ на положительных фактах и явлениях. Начальник отдела печати Главного политического управления Советской армии и ВМФ генерал В. С. Рябов в статье, опубликованной в журнале «Коммунист Вооруженных сил» (1968, № 17), изложил установку партии о том, какой должна быть история войны в целом. Он подверг резкой критике тех историков и писателей, которые брали в качестве отправной точки неудачи на фронте в начале войны и сосредоточивали внимание на негативных моментах, тем самым умаляли «огромную работу партии, правительства, народа по подготовке страны и армии к отражению фашистской агрессии», принижали «величие героических подвигов советских людей, разгромивших под водительством ленинской партии сильнейшую армию империализма». Он обвинил многих авторов в попытке «дегероизации нашей военной истории», вредной для воспитания советской молодежи. При разработке новых трудов, затрагивающих просчеты советского главнокомандования, реальные потери Красной армии и т. п., «исследователи были обязаны строго придерживаться концепций, одобренных и санкционированных идеологическим аппаратом ЦК КПСС. Как только в каких-либо работах по истории войны появлялись упоминания о негативных моментах, имевших у нас место во время войны, сверху без промедления следовало указание о наложении на данную работу ограничения в виде грифа “секретно” или же организовывалось официальное осуждение данного труда в открытой печати»[85].

В четвертом издании учебника «История Коммунистической партии Советского Союза» содержалось утверждение, что Советский Союз был способен отразить империалистическую агрессию и что во всех отношениях «СССР имел громадное превосходство над любой капиталистической страной». Но коварную роль, по мнению его авторов, сыграли временные факторы, которые и обусловили «временные» неудачи на фронте в первый год войны: войска приграничных военных округов не были приведены в боевую готовность, но сделано это было из благих побуждений, чтобы не спровоцировать нападение Германии[86]. Трагические

поражения советских войск в 1941 г. стали именоваться «временными неудачами», а термин «репрессии» был заменен понятием «необоснованные обвинения». Утверждалось, что жалобы многих обвиненных были рассмотрены и ошибки в значительной степени исправлены еще в 1939–1940 гг.

Одним из первых эпизодов в системе мероприятий по ограничению поисков истины о войне явился запрет на публикацию статьи К. М. Симонова «Уроки истории и долг писателя», написанной к 20-летию победы. Автор заявил в ней, что литература о войне находится в прямой зависимости от развития исторической науки. Тогда же, в 1965 г., эта статья была принята редколлегией «Военно-исторического журнала» и даже набрана для печати, но на ее публикацию последовал запрет А. А. Епишева. Только спустя 22 года статья К. М. Симонова была напечатана в журнале «Наука и жизнь»[87].

Другим примером является критическое обсуждение книги научного сотрудника Института истории АН СССР А. М. Некрича «1941. 22 июня»[88], сделавшего акцент на освещении просчетов, допущенных высшим руководством Советского Союза накануне Великой Отечественной войны и в ее начальный период. Особо следует отметить, что написана она была еще до отставки Н. С. Хрущева и, по воспоминаниям самого А. М. Некрича, последовательно прошла несколько уровней цензуры: обычную цензуру Главлита; военную цензуру для проверки, не просочилась ли секретная информация; специальную военную цензуру Главного разведывательного управления; цензуру Комитета государственной безопасности; цензуру Министерства иностранных дел. И, наконец, часть книги согласовывалась с отделом науки ЦК КПСС[89]. В январе 1966 г. в журнале «Новый мир» на нее была опубликована положительная рецензия, но уже 16 февраля по прямому указанию идеологического отдела ЦК КПСС было проведено обсуждение книги Некрича в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а затем в журнале «Вопросы истории КПСС» была опубликована разгромная рецензия. Издательство, выпустившее в свет труд «1941 г. 22 июня», было обвинено в безответственном отношении к изданию «политически вредной книжки»[90]. Директору издательства «Наука» А. М. Самсонову был объявлен строгий выговор, и вскоре ему пришлось оставить свой пост.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. концепция истории Великой Отечественной войны была несколько скорректирована и приведена к предъявляемым требованиям того времени, которое впоследствии стали называть периодом застоя. Впервые она нашла свое выражение в подготовленном Институтом военной истории Министерства обороны СССР кратком научно-популярном очерке «Великая Отечественная война», изданном тиражом в 200 тыс. экземпляров[91].

Несмотря на сложности, разработка новых трудов по истории войны продолжалась во все возрастающих масштабах. Этому в значительной мере способствовали предпринятые меры по повышению уровня научно-организационной работы и расширению источниковой базы. Во второй половине 1960-х гг. произошли некоторые изменения в составе научно-исследовательских учреждений, появились новые организации, включившиеся в разработку проблем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Важной мерой по дальнейшему усилению организации научно-исследовательской работы явилось создание в ноябре 1966 г. Института военной истории Министерства обороны СССР. Он был призван решать широкий круг задач по разработке методологии военно-исторической науки, изучению отечественной военной истории в целом, особенно вооруженной борьбы советского народа в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, военного строительства в социалистическом сообществе, деятельности коммунистической партии по укреплению обороноспособности государства, актуальных проблем зарубежной военной истории.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 27 июня 1969 г. важное место в работе ученых института, возглавляемого членом-корреспондентом АН СССР генерал-лейтенантом П. А. Жилиным, заняли подготовка и издание фундаментального двенадцатитомного труда «История второй мировой войны 1939–1945». Разработка его началась с конца 1970 г. и продолжалась до 1982 г., когда из печати вышел завершающий, 12-й том (первый был издан

в 1973 г.). Подготовка многотомника осуществлялась совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтом истории СССР и Институтом всеобщей истории АН СССР. К работе над трудом привлекались представители различных специальностей — историки, экономисты, философы, социологи, юристы, статистики, архивисты.

Высшим органом, осуществлявшим руководство этим процессом, являлась Главная редакционная комиссия (ГРК). Ее председателем был утвержден министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, а после его смерти — Д. Ф. Устинов. В ее состав входили академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР, советские военные и государственные деятели и др. При ГРК был создан институт военных консультантов.

Непосредственными исполнителями кропотливой работы по созданию труда выступали 10 штатных редакций Института военной истории в составе шести-семи сотрудников каждая. Эти структуры возглавляли главные редакторы из числа руководителей научных подразделений института. Важную роль в созданной организационной структуре выполняли редакционные коллегии томов труда, в состав которых вошли ученые — представители всех институтов-исполнителей. Члены этих коллегий тщательно подбирались и затем утверждались председателем ГРК и отделами ЦК КПСС. Редколлегии обсуждали рукописи глав томов и определяли степень их готовности к печати. Для технического обслуживания работы ГРК был создан секретариат, который готовил заседания ГРК, систематизировал замечания ее членов и военных консультантов.

Создание труда шло под жестким контролем отдела науки и высших учебных заведений и отдела административных органов ЦК КПСС. Во время отработки верстки каждого тома проводились обсуждения в ЦК. Выпуск в свет тиража многотомника был возложен на Военное издательство. После выхода в свет каждого тома в соответствии с заключенными соглашениями он переводился в ГДР, Польше, Болгарии, Венгрии, Чехословакии. Согласование переводов в институте проводила контрольная редакция[92].

В целом в двенадцатитомном труде[93] обобщен опыт советского народа в различных сферах деятельности по мобилизации и использованию сил и ресурсов в ходе войны, раскрыты роль коммунистической партии в мобилизации народов Советского Союза и его Вооруженных сил на достижение победы в Великой Отечественной войне, опыт антифашистской освободительной борьбы. Тираж двенадцатитомника составил 330 тыс. экземпляров. Издание распространялось по подписке. На последовательно выходившие тома опубликовано несколько сотен рецензий в периодической печати как в нашей стране, так и за рубежом. Общая оценка была положительной. Отмечались безусловные фундаментальность исследований, новизна ряда введенных в научный оборот архивных документов, широта освещения событий и процессов войны. Научной общественностью этот труд оценивался как новый этап в развитии советской исторической науки, серьезный вклад в исследование Великой Отечественной войны, как первое фундаментальное обобщение истории Второй мировой войны не только в советской, но и в мировой историографии.

Спустя много лет после завершения издания этого уникального труда опыт его подготовки и издания не потерял своего значения. Оправдала себя практика творческого сотрудничества ученых — специалистов в различных областях знаний, содружество больших научных коллективов. Успех издания во многом определился тем, что предварительно была разработана концепция многотомника в целом и каждого тома в отдельности. В ее разработке принимали участие все институты-соисполнители и многие авторы труда. Вместе с тем приобретенный за прошедшие годы опыт, новые знания, полученные на основе изучения ранее недоступных документов, позволяют увидеть в этом труде и многие недостатки. В главном они связаны с духом времени, в котором создавался двенадцатитомник. Вследствие этого в нем не получил должной оценки ряд явлений и процессов, предшествовавших войне, прежде всего репрессии против высшего командно-начальствующего состава РККА и ВМФ в 1937—1938 гг., кризис 1939 г. и связанные с ним Пакт о ненападении между СССР и Германией, Договор о дружбе и границах между ними, а также содержание секретных приложений к ним.

Недостаточно глубоко исследованы причины неудач и поражений советских войск в 1941–1942 гг. Излишне много говорится о просчетах и неудачах советского командования войск в связи с внезапностью нападения нацистской Германии, ее превосходством в силах и средствах, поверхностно анализируются ошибки и просчеты высшего военно-политического руководства. Сосредоточив внимание на показе героизма советских людей, воинов Красной армии, деятельности коммунистической партии, авторы слабо показали драматизм войны, трагичность многих ее событий, трудности и невзгоды, которые пережили наши люди. Не показаны боевые потери советских Вооруженных сил, не дана их оценка. Не полностью раскрыта проблема цены победы. На издании лежит печать идеологизированного подхода к освещению вклада в общую победу, внесенного нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

К числу изъянов разработки труда можно отнести запрет на публикацию истинных данных о количестве советских танков и самолетов, состоявших на вооружении к началу Великой Отечественной войны, данных о потерях советских войск в стратегических операциях. Не были сформулированы полные и объективные оценки причин поражения советских войск под Киевом в сентябре 1941 г., под Харьковом в мае 1942 г., неудач Красной армии в наступательных операциях зимой 1941/42 г. Налицо была переоценка вклада в победу войск Северо-Кавказского фронта, в частности 18-й армии, начальником политотдела которой был Л. И. Брежнев. Серьезным недостатком труда является отсутствие в нем важнейших директив Ставки ВГК и Генерального штаба, других важных документов высших военных органов Красной армии.

Перечисленные и многие другие недостатки двенадцатитомной «Истории второй мировой войны» во многом объясняются тем, что издание носило по сути официозный характер. Оно осуществлялось под непосредственным повседневным контролем ряда структур Центрального Комитета КПСС (достаточно сказать, что верстка каждого тома тщательно изучалась и затем обсуждалась в отделах ЦК КПСС, а верстка первого тома такому рассмотрению подвергалась трижды). Попытки некоторых авторов сказать об ошибках и просчетах политического и военного руководства при подготовке страны и армии к войне, дать полную характеристику состояния Вооруженных сил к июню 1941 г., показать потери Красной армии не нашли поддержки со стороны высших руководителей издания[94].

При всех объективных и субъективных трудностях, просчетах и ошибках, допущенных в данном издании, категорически нельзя согласиться с мнением некоторых историков, негативно оценивающих этот фундаментальный труд. Подобные суждения бездоказательны и некомпетентны. В целом, несмотря на недостатки и упущения, имеющиеся в томах, труд является единственным многоплановым изданием по истории Второй мировой войны, не имеющим аналогов в мире. В нем наряду с тем, что основное внимание уделено освещению боевой деятельности советских Вооруженных сил, работе экономики СССР, советской внешней политике, с достаточной полнотой, значительно большей, чем в других изданных трудах, освещены военные операции армий США и Великобритании в Африке, в бассейне Средиземного моря, в Италии и в Европе. В труде уделено внимание вопросам перестройки английской и американской экономик на военный лад. Достаточно подробно показано строительство вооруженных сил США и Великобритании в ходе войны. Обстоятельно описаны действия военно-морских сил этих стран в войне на Тихом океане. Много страниц в томах отведено анализу внешнеполитической деятельности западных союзников в ходе войны.

Все это отличает данное издание от подобных английских и американских трудов, где за редким исключением нет места сколько-нибудь обстоятельному освещению боевой деятельности советских Вооруженных сил в их ожесточенной борьбе против германской армии, проблем советской экономики и внешней политики. Этим вопросам посвящены лишь отдельные фрагменты.

Многотомное фундаментальное исследование явилось большим шагом вперед в освещении минувшей войны, помогло в приращении военно-исторических знаний не только в СССР, но и в других странах, где оно также было издано. Разработанные в нем концепции

были взяты на вооружение учеными ряда государств мира. Это означает, что и в современных условиях ни один серьезный исследователь предыстории и хода Второй мировой войны не сможет обойтись без учета того огромного массива достоверных исторических фактов, на котором базировалось издание. Особую ценность имеет опыт организационной подготовки многотомных изданий в сотрудничестве с другими научно-исследовательскими институтами в сравнительно короткие сроки. К сожалению, ныне многое из этого, по-своему бесценного опыта растеряно.

На базе двенадцатитомника был создан итоговый труд «Вторая мировая война. Итоги и уроки» (М., 1985), однако в нем осталось немало ошибок и узких мест, отмеченных при анализе многотомника[95]. В период создания «Истории второй мировой войны 1939—1945» продолжалась разработка вопросов теории и методологии, важнейших политических, экономических, внешнеполитических, идеологических и военных аспектов Великой Отечественной войны[96]. Эти годы характеризовались непрерывным пополнением рядов исследователей молодыми учеными. Во всех научных центрах республик, областей и краев выросли квалифицированные коллективы специалистов по проблемам истории минувшей войны. Заметно увеличилось число защищенных диссертаций. С 1969 по 1971 г. по истории Великой Отечественной войны только в Институте военной истории было защищено 15 докторских и 77 кандидатских диссертаций[97]. Повышению уровня научно-организаторской работы способствовало совершенствование системы координации деятельности различных научных учреждений, занимавшихся историей Великой Отечественной войны.

Научные исследования в этой области согласовывались в Отделении истории АН СССР, в научном совете по координации исследований в области военной истории Института военной истории Министерства обороны СССР, в научном совете по проблемам истории КПСС в отделе координации научно-исследовательских работ в области истории КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. По данным Института военной истории Министерства обороны СССР, в начале 1969 г. в различных научных учреждениях страны разрабатывалось 118 тем по истории Великой Отечественной войны. Кроме того, в 1969—1970 гг. 54 работы по этой же проблематике создавались в исторических секциях военно-научных обществ при Центральном доме Советской армии (ЦДСА) и Домах офицеров военных округов[98].

Более разнообразными и эффективными становились сами формы координации деятельности историков различных специальностей. Это выражалось в совместном написании обобщающих трудов, проведении научных конференций и совещаний внутри страны и участии в международных конференциях и симпозиумах. Важную роль в анализе и оценке уровня разработки истории Великой Отечественной войны, определении дальнейших путей ее углубленного исследования сыграли научные конференции, сессии и собрания ученых, состоявшиеся в период подготовки к 20-, 25-, 30-, 35- и 40-летию победы над нацистской Германией. Определенный шаг вперед был сделан в разработке и введении в научный оборот архивных материалов, правда, не затрагивавших негативных сторон истории войны. Активизировалась работа архивов, в первую очередь Центрального архива Министерства обороны СССР (ЦАМО), Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА) и Военно-морского архива — основных хранителей документального материала по истории строительства Вооруженных сил и истории Великой Отечественной войны.

В 1965—1980 гг. благодаря тесному сотрудничеству историков и архивистов, их напряженной работе по публикации документов истории минувшей войны вышло в свет более 50 сборников. Во многих из них были впервые опубликованы важнейшие документы, освещающие работу тыла, деятельность партии и правительства, самоотверженный труд советского народа. Два сборника документов посвящены пограничным войскам, одно издание — внутренним войскам в период войны. Этими публикациями были введены в научный оборот свыше тысячи документов, наглядно показывающих вклад пограничных и внутренних войск в победу над врагом[99]. Большое количество документальных публикаций было посвящено вкладу в эту победу отдельных регионов, республик, краев и областей. В них приводятся многочисленные и убедительные факты, характеризующие единство фронта и тыла, Вооруженных сил и всего

советского народа, огромный вклад всех регионов нашей страны в победоносное завершение войны. В 1966—1978 гг. вышли сборники документов и материалов по проблемам партизанского движения на Брянщине, в Калининской и Псковской областях, в Крыму, Карелии, Белоруссии, Эстонии и Молдавии[100].

В журналах и специальных сборниках началась систематическая публикация документов противника. В это же время завершилась публикация секретных выпусков «Сборника военно-исторических материалов», подготовленных военно-историческим отделом Военно-научного управления Генерального штаба. Был подготовлен и сборник документов Верховного главнокомандования периода Великой Отечественной войны. В него вошли директивы, приказы, распоряжения, записи переговоров членов и представителей Ставки ВГК с командованием стратегических направлений, фронтов и армий. В 1968—1969 гг. вышли в свет четыре выпуска сборника. Однако многие документы были даны с большими купюрами, а часть документов вообще не включена. В середине 70-х гг. прошлого столетия Институт военной истории и Военно-научное управление Генштаба подготовили и издали сборник приказов Верховного главнокомандования, которые являются важнейшими документами истории войны. Публикация этих приказов позволила глубже раскрыть победу советского военного искусства, показать решающую роль советского народа и его Вооруженных сил в разгроме Германии и милитаристской Японии, освободительную миссию Советского Союза[101].

Достаточно широкое распространение получили журнальные документальные публикации. Так, в четырех номерах журнала «Коммунист» в 1975 г. были помещены документы о безвозмездной помощи СССР народам ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы войны, о формировании на территории нашей страны иностранных воинских частей и соединений, о военной помощи армиям некоторых европейских стран, о героических подвигах советских воинов на фронте. Журнал «Советские архивы» опубликовал документы о работе Гражданского воздушного флота в период войны, о Берлинской операции, о героизме советских воинов, о противовоздушной обороне северо-запада страны, о трудовом героизме тружеников тыла и др.[102] «Военно-исторический журнал» опубликовал с весьма обстоятельными комментариями указания Военного совета Западного фронта по организации обороны (1973, № 5), приказ наркома обороны о применении бронетанковых войск (1974, № 10), положение о работе корпуса офицеров — представителей Генерального штаба (1975, № 2), директивное письмо Военного совета артиллерии и гвардейских минометных частей Красной армии (1975, № 6), приказ наркома обороны СССР о применении штурмовой и истребительной авиации на поле боя в качестве бомбардировщиков (1976, № 3), указания командующего 2-м Белорусским фронтом по планированию и проведению артиллерийского наступления в Восточно-Прусской операции (1977, № 5), дал подборку материалов к 35-летию Львовско-Сандомирской операции (1979, № 7) и других документов[103].

Несмотря на указанные положительные сдвиги, следует подчеркнуть, что смена политического курса и концепции истории Великой Отечественной войны заморозила, а вскоре фактически вернула в прежние рамки едва начавшийся процесс доступности к закрытой архивной информации, необходимой историкам для более глубокого и объективного исследования войны. В 1966 г. Главархивом СССР была введена в действие Инструкция о работе государственных архивов с секретными документальными материалами, которая закрепила порядок хранения архивных документов так называемого ограниченного доступа. Каких-либо грифов секретности такие документы не имели, но допуск к ним все равно осуществлялся с теми же ограничениями. Это привело к тому, что к 1987 г. лишь в госархивах СССР объем охваченных теми или иными ограничениями документов составлял более 50 % от их общего объема[104].

Повышение уровня научно-организаторской работы оказало благотворное влияние на тематику исторических трудов и методику научных исследований по всей проблематике минувшей войны. Общие результаты кропотливого и упорного труда советских историков по разработке проблем войны оказались довольно значительными. Только за десять лет, с 1965 по 1975 г., увидели свет около 6 тыс. книг, брошюр и научных статей, посвященных

истории войны[105]. Видное место среди этих изданий занимают такие труды, как «50 лет Вооруженных сил СССР» (М., 1968), «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945» (2-е изд. М., 1970), «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк» (М., 1970), 10-й том «Истории СССР с древнейших времен до наших дней. СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (М., 1970).

Значительное место вопросам вооруженной борьбы на советско-германском фронте отведено в восьмитомной «Советской военной энциклопедии» (М., 1976–1980). Во втором томе этого издания дается краткий стратегический обзор Великой Отечественной войны, раскрываются причины возникновения войны, анализируются ее итоги. В других томах энциклопедии приводятся сведения о битвах и важнейших операциях Второй мировой и Великой Отечественной войн. Помещенный в них фактический и цифровой материал был основан на последних достижениях отечественной и зарубежной военно-исторической науки.

Весомый вклад в историографию Великой Отечественной войны в те годы внесли авторы книг известной серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». Председателем ее редакционной коллегии был член-корреспондент АН СССР А. М. Самсонов. Книги этой серии готовились институтами АН СССР, отдельными историками, государственными деятелями, советскими дипломатами, известными военачальниками[106].

В середине 60-х гг. прошлого столетия вышло несколько крупных военно-исторических работ, подготовленных авторскими коллективами Военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Одна из них посвящена исследованию Московской битвы[107]. В отличие от ранее изданных работ на данную тему новый труд представлял собой наиболее полное оперативно-стратегическое исследование. В нем последовательно рассматриваются оборонительные операции на подступах к столице, контрнаступление советских войск под Москвой, общее наступление трех фронтов на московском стратегическом направлении. Показана возрастающая мощь Красной армии как одно из важнейших условий победы, героизм и непоколебимая стойкость ее воинов. Авторы проанализировали особенности советского военного искусства в битве под Москвой, роль руководства войсками. О возросшем значении организаторских способностей командного состава в ходе сражений на подступах к советской столице рассказано в книге «Беспримерный подвиг» (М., 1968), подготовленной редакционной коллегией во главе с членом-корреспондентом АН СССР П. А. Жилиным на основе материалов научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецких войск под Москвой.

В этот период продолжалось развитие историографии Московской битвы. Она пополнилась работой военного историка Д. З. Муриева, созданной им на базе широкого привлечения архивных документов, советских и иностранных публикаций, а также собственных исследований[108]. Автор внес ряд уточнений, привел новые цифровые данные и осветил Московскую битву как сумму взаимосвязанных сражений групп фронтов, которые привели к разгрому крупнейшей группировки вермахта на советско-германском фронте. В 1975 г. вышло второе издание сборника статей «Битва за Москву». В числе его авторов выступили видные советские военачальники А. М. Василевский, Г. К. Жуков, И. С. Конев и др. Этот труд позволил ввести в научный оборот ранее неизвестные документы и материалы, связанные с руководством войсками, выработкой решений, использованием родов войск и видов Вооруженных сил. В те же годы вышли и другие издания, посвященные этой битве[109].

Заметным явлением в историографии Сталинградской битвы стал фундаментальный военно-исторический очерк, вышедший к 20-летию окончания войны. Его разработал авторский коллектив Военно-научного управления Генерального штаба под редакцией Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского[110]. Этот труд отличается полнотой описания оборонительных и наступательных операций. В нем рассмотрены важнейшие боевые действия Сталинградского и Донского фронтов в сентябре и октябре 1942 г. Важное научное значение имеет объективное описание процесса планирования контрнаступления советских войск. Хотя эта книга и не свободна от некоторых неточностей, она получила высокую оценку научной общественности. Историографию битвы под Сталинградом пополнили книга

«Операция “Малый Сатурн”» (Ростов-на-Дону, 1973) и сборник статей «Сталинградская эпопея» (М., 1968), в котором выступили Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, К. С. Москаленко, В. И. Чуйков, Н. И. Крылов, другие известные полководцы и военачальники.

Значительно обогатилась историография и Курской битвы. В работах Г. А. Колтунова и Б. Г. Соловьева обстоятельно воссоздана картина Курской битвы, впервые приведены директивы Ставки ВГК, документы Генерального штаба, решения командующих фронтами и армиями на всех этапах битвы, решения командования вермахта (по трофейным документам). Авторы использовали новые статистические данные, что способствовало более аргументированному раскрытию особенностей советского военного искусства в этой битве[111].

В конце 1960-х гг. т. н. историческая группа Главного штаба ВМФ подготовила фундаментальный трехтомный труд о боевой деятельности советских подводных лодок в годы Великой Отечественной войны. Он был разработан на основе архивных документов, трофейных материалов, отечественных и иностранных военно-исторических описаний, касавшихся действий подводных лодок на морских театрах. В первом томе труда рассматривались действия подводных лодок Северного флота, во втором — Балтийского, в третьем — Черноморского и Тихоокеанского флотов[112]. В это же время появились труды, в которых анализировался ход боевых действий советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке в войне против Японии[113]. В них показаны размах, темпы и значение операций дальневосточных фронтов в разгроме Квантунской группировки, в оказании помощи народам Китая, Кореи и других стран Юго-Восточной Азии в освобождении от японских оккупантов. С привлечением новых фактов объяснялись причины вступления СССР в войну против милитаристской Японии, приведены данные о количестве и боевом качестве сосредоточенных на Дальнем Востоке советских войск и военной техники.

Большое внимание военные историки уделяли анализу и обобщению опыта использования видов Вооруженных сил и родов войск в операциях и в войне в целом[114]. В 1970 г. вышло справочное издание «СССР в Великой Отечественной войне: Краткая хроника», содержащее краткое описание операций и сражений минувшей войны и выдержавшее два издания. Вооруженная борьба на заключительном этапе войны, когда боевые действия велись на территориях европейских государств, нашла свое отражение в работах, изданных к 20-летию Победы[115]. Эти работы отличались богатством фактического материала. Они создавались объединенными усилиями советских полководцев и военных историков. Так, в разработке труда «За освобождение Чехословакии» принимали участие маршалы М. В. Захаров и К. С. Москаленко, генерал армии Д. Д. Лелюшенко, генерал-полковник Л. М. Сандалов, генерал-лейтенант К. В. Крайнюков.

В трехтомном труде, посвященном исследованию борьбы Вооруженных сил СССР за освобождение Прибалтики[116], на документальных материалах многих архивов и личных воспоминаниях участников боев дана общая панорама хода боевых действий, показаны полководческое искусство военачальников и массовый героизм советских воинов, приведены примеры участия народов прибалтийских республик в борьбе за освобождение родной земли от немецко-фашистских оккупантов.

В это же время вышло в свет и первое крупное монографическое издание, в котором всесторонне рассмотрена освободительная миссия советских Вооруженных сил[117]. Авторы книги сделали важные обобщения, касающиеся развития советского военного искусства на заключительном этапе Великой Отечественной войны. В монографии Ф. Д. Воробьева, И. В. Паротькина и А. Н. Шиманского «Последний штурм» (Берлинская операция 1945 г.), изданной в 1970 г., авторы, опираясь на архивные документы, включая директивы Ставки ВГК и Генерального штаба, последние достижения военно-исторической науки, представили результаты исследования крупнейшей стратегической операции Второй мировой войны в Европе, раскрыли ее масштабы и значение. Особое внимание уделено уточнению различных фактов и событий этой операции, по-разному освещаемых в ранее вышедших работах, более глубокому рассмотрению советского военного искусства. Вооруженная борьба нашла

свое отражение и в трудах, созданных совместно с историками Болгарии (Навеки вместе. М., 1969), Польши (Братство по оружию. М., 1975) и Чехословакии (На вечные времена. М., 1975). В тот же период появились и другие монографические работы, в которых рассмотрены еще недостаточно исследованные операции Великой Отечественной войны.

Предпринимались и попытки более объективно осветить самые тяжелые и драматичные события минувшей войны — ее начальный период[118]. Широкое привлечение новых документов и материалов позволило им достойно справиться с поставленной задачей. Важное место в освещении начального периода войны отведено в первой книге пятого тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза». Проблемам этого периода войны были посвящены и специальные работы. В коллективном труде «Начальный период войны»[119] на основе анализа документов, отечественных и зарубежных публикаций глубоко и всесторонне рассмотрены замыслы и планы Германии в войне против Советского Союза, вопросы стратегического развертывания вермахта. В нем дано описание боевых действий советских войск, показана деятельность командования, обобщен опыт, представлявший в современных условиях интерес для подготовки страны и Вооруженных сил к возможному отражению агрессии. События и проблемы начального периода войны получили освещение в целом ряде научных статей на страницах журнала «Военная мысль» и «Военно-исторического журнала» и в известной степени в трудах по истории приграничных военных округов.

Анализ событий начального периода войны, подкрепленный обширным фактическим материалом, содержался в воспоминаниях видных советских военачальников.

В 1966 г. были опубликованы мемуары опального Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова «Накануне», написанные в отставке, куда его отправил Н. С. Хрущев. Уже в предисловии автор пишет о том, что «когда вспоминаешь то время, неизбежно возникают вопросы. Почему нападение гитлеровской Германии оказалось для нас внезапным, застигло наши Вооруженные силы врасплох, хотя правительство уделяло огромное внимание обороноспособности страны, повышению ее могущества и укреплению границ? Почему И. В. Сталин вопреки многочисленным фактам до последнего часа не хотел верить в возможность скорой войны?» При этом сам Кузнецов так характеризует свой труд: «Мои воспоминания — это не детальный анализ предвоенного периода и даже не исторический очерк, а лишь обыкновенные человеческие раздумья. И если они побудят читателя глубже осмыслить события тех лет, я буду считать, что труд мой не пропал даром»[120].

Наибольший интерес представляют мемуары Г. К. Жукова, А. М. Василевского, С. М. Штеменко[121], в которых довольно объективно и полно показаны вся сложность обстановки в начале войны и меры по мобилизации сил страны на отпор врагу, раскрыта деятельность высшего военного командования по руководству боевыми действиями советских войск, исследованы причины наших поражений в том периоде войны. Однако в них недостаточно полно проанализированы просчеты и ошибки советского Верховного главнокомандования накануне и в начальный период войны. Историография Великой Отечественной войны в 1970-е гг. пополнилась трудами о боевых путях многих общевойсковых, танковых и воздушных армий. Написанные на основе архивных документов и воспоминаний непосредственных участников событий, рассматривающие конкретные факты и оценивающие конкретных людей, что порой оставалось вне поля зрения авторов многих крупных работ, они внесли определенный вклад в изучение и освещение вопросов вооруженной борьбы.

В открытой печати во второй половине 1960-х гг. много внимания уделялось общетеоретическим вопросам. Появился ряд публикаций, посвященных проблемам стратегии, эволюции и развития доктринальных взглядов и вопросам военного строительства в межвоенный период[122]. Печатались и довольно крупные обобщающие работы, в которых так или иначе рассматривалась проблематика начального периода Великой Отечественной войны[123].

В 1970-е гг. в отечественной исторической науке интерес к изучению истории строительства советских Вооруженных сил, развития отечественной военной мысли и военного искусства в межвоенный период, а также начального периода Великой Отечественной войны еще более возрос[124]. В это время был опубликован ряд коллективных монографий,

в которых проблематике начального периода войны уделялось немало внимания[125]. Кроме того, в 1971—1973 гг. в журнале «Военная мысль» появился ряд публикаций генерала армии С. П. Иванова[126]. Следует особым образом отметить изданный под его редакцией труд «Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны)», где обобщался накопленный к тому времени фактический и теоретический материал. В книге исследуются формирование и развитие представлений о начальном периоде войны с XIX в. Особое внимание уделяется анализу взглядов на этот период, господствовавших в ведущих державах мира, в том числе в Советском Союзе, между двумя мировыми войнами. Главное содержание этого коллективного труда составляет исследование первых кампаний и операций ряда войн, вошедших составными частями во вторую мировую войну. Авторы раскрывают содержание стратегического планирования и развертывания вооруженных сил, анализируют опыт начальных стратегических операций, их уроки и последствия. Большое место отведено выяснению характерных особенностей начального периода Великой Отечественной войны.

Заметным событием в военной историографии стал выход в свет в 1975 г. первого издания фундаментального труда члена-корреспондента АН СССР (с 1981 г. — академика) А. М. Самсонова «Крах фашистской агрессии. 1939—1945»[127], где начальному периоду войны, в том числе анализу причин поражений Красной армии, просчетам руководства страны и военного командования уделяется серьезное внимание. В 1970—1980-е гг. вышли новые монографии В. А. Анфилова «Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны» (1971), «Провал «блицкрига» (1974), «Крах стратегии «молниеносной войны» (1981), «Провал плана «Барбаросса» (1986), «Крушение похода Гитлера на Москву, 1941 г.» (1989), «Незабываемый сорок первый» (1989). В своих работах он приходит к выводу, что накануне Великой Отечественной войны отдельные советские военные теоретики учитывали возможность нанесения противником удара главными силами в самом начале войны. Но в руководстве страны и армии не было единства взглядов. На совещании высшего командного и политического состава Красной армии, которое состоялось в декабре 1940 г., этих проблем почти не касались. А правильные идеи отдельных военных теоретиков, к сожалению, не стали официальными взглядами и не нашли своего отражения на практике[128].

В период с середины 1970-х до середины 1980-х гг. вышло большое количество историографических работ, посвященных тематике Великой Отечественной войны, а также проблемам развития военного искусства как в нашей стране, так и за рубежом[129]. Наряду с общетеоретическими вопросами в данных работах большое внимание уделяется и становлению взглядов на начальный период войны. В это же время начали выходить работы Р. А. Савушкина, посвященные развитию советских Вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны, где в ряду других рассмотрены и вопросы начального периода войны[130].

Краткий анализ основных исследований хода вооруженной борьбы на советско-германском фронте свидетельствует о том, что советские историки и мемуаристы довольно успешно решили многие важные вопросы изучения и обобщения опыта Великой Отечественной войны. С вводом после 1965 г. в научный оборот многих новых и ранее неизвестных документов и материалов, выходом в свет мемуаров Г. К. Жукова, А. М. Василевского и других крупных военачальников, в которых освещались вопросы планирования и подготовки военных кампаний и крупных операций, стратегического руководства вооруженной борьбой, авторы трудов о войне стали полнее и объективнее отражать ход вооруженной борьбы, делать более обоснованные обобщения и выводы. Однако немало проблем оставалось вне поля зрения историков. Тщательного изучения требовали опыт политического, государственного и стратегического руководства вооруженной борьбой на фронте и партизанскими формированиями в тылу врага, а также вопросы развития военного искусства, деятельности командующих и штабов по управлению войсками в сложной динамичной обстановке, в ходе крупнейших битв и операций, материально-технического обеспечения войск в период боевых действий.

Многие вопросы истории битв и крупнейших операций оставались слабо изученными. Так, при исследовании Московской битвы не нашли глубокого отражения причины пора-

жения советских войск на вяземском рубеже в октябре 1941 г., незавершенности Ржевско-Вяземской наступательной операции в январе — апреле 1942 г., вопросы стратегического взаимодействия в ходе самой битвы. В работах по Сталинградской битве недостаточно глубоко и всесторонне показаны обстановка, которая сложилась на юго-западном направлении в июне — июле 1942 г., способы быстрого восстановления стратегического фронта, вопросы поддержания непрерывного управления войсками при обороне, способы активного ее ведения, неполно освещены вопросы деятельности Верховного главнокомандования, представителей Ставки ВГК, командования фронтов и армий при подготовке и в ходе операции. Более тщательного анализа требовали причины столь длительной борьбы с окруженной группировкой противника.

При изучении битвы под Курском без должной основательности были проанализированы причины неспособности Воронежского фронта своими силами остановить наступление врага. Фронту это удалось только тогда, когда Ставка ВГК передала ему стратегические резервы, предназначавшиеся для перехода в контрнаступление. Авторы изданных работ вскрыли часть причин затянувшегося наступления войск Центрального фронта 15—17 июля 1943 г. на орловском направлении, так и не объяснив, почему не удалось окружить и полностью уничтожить орловскую группировку противника.

Не нашли должного отражения роль и место важнейших битв в военных кампаниях и войне в целом. Анализ вышедшей тогда в свет литературы показывает, что по таким крупнейшим операциям, как Белорусская, Висло-Одерская, и некоторым другим, отсутствуют фундаментальные научные исследования. В большинстве публикаций рассматривались только некоторые аспекты темы, действия отдельных фронтов, армий и родов войск. Осталась не полностью раскрытой и тема освободительной миссии наших Вооруженных сил.

60—70-е гг. прошлого века оказались достаточно плодотворными в исследовании проблем всенародной борьбы в тылу врага. Только с 1965 по 1971 г. по этой тематике было опубликовано свыше 400 книг, брошюр, статей и документальных сборников[131]. Появились монографии, посвященные борьбе советских партизан и подпольщиков. В их числе вышедшая в 1965 г. книга Л. Н. Бычкова «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Краткий очерк». В 1976 г. увидела свет монография Н. М. Макарова «Непокоренная земля Российская», в которой впервые в советской историографии освещалась борьба советских людей на оккупированной части территории Российской Федерации. Автор привел новые данные о количестве подпольных партийных и комсомольских организаций, о численности партизан и подпольщиков в областях РСФСР, подвел итоги их деятельности. Отдельные вопросы всенародной борьбы рассматриваются в коллективной монографии «Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны» (М., 1974). Ее авторы на основе последних достижений советской историографии и ряда новых архивных материалов раскрыли сущность, характер, содержание, формы и методы партизанской борьбы на разных этапах войны, а также политику, проводимую врагом на оккупированной территории нашей страны. Определенный научный и познавательный интерес представляют также коллективные труды серии «Герои подполья» (в 1965—1971 гг. вышло четыре выпуска)[132].

В указанные годы было издано значительное количество трудов, которые в той или иной степени касались темы вооруженной борьбы советских партизан. Таковы, например, монографии А. И. Залесского, З. А. Богатыря, Г. П. Иванова, М. М. Загорулько и А. Ф. Юденкова, В. Е. Лобанка, Ю. П. Петрова, Н. Я. Якубовского. Эта тема затрагивалась и в вышедших в тот период трудах по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, истории СССР. Неизвестные ранее страницы истории партизанского движения получили освещение во втором и третьем изданиях сборника документов и материалов о партизанской и подпольной борьбе на территории Псковской области. Каждое новое издание дополнялось значительным количеством новых документов, дающих более полное представление о вооруженной борьбе партизан в районах, которые административно входили в состав Ленинградской и Калининской областей[133].

В 1967–1978 гг. усилиями ученых Института истории партии при ЦК КПБ и Института истории Академии наук Белорусской ССР были разработаны и выпущены в свет два тома фундаментального трехтомного издания «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944 г.)». Из других значительных работ общего плана, в которых рассматриваются вопросы партизанского и подпольного движения, стоит назвать трехтомный труд «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.»[134]. Вообще следует заметить, что в республиках и областях Российской Федерации, подвергшихся оккупации, было создано немало работ по отдельным проблемам вооруженной борьбы советских людей в тылу врага.

Плодотворное изучение вопросов вооруженной борьбы партизан провел В. Н. Андрианов, уделивший в своих публикациях основное внимание военному искусству партизанских сил, выявлению общих черт и особенностей в их действиях по сравнению с регулярными войсками. В эти годы было положено начало исследованию вопросов взаимодействия действующей армии с партизанами в крупнейших битвах и операциях минувшей войны: в битве под Москвой — Д. З. Муриевым, в Курской битве — В. Е. Быстровым, в Белорусской операции — П. К. Пономаренко, в битве за Днепр — Г. М. Уткиным[135].

Краткое рассмотрение историографии вооруженной борьбы партизан и подпольщиков показывает, что историки при активной помощи непосредственных организаторов и участников этой борьбы добились заметных успехов в исследовании многих важных вопросов. Вместе с тем некоторые аспекты партизанского движения, имеющие важное научное значение, были затронуты лишь частично либо о них вообще не упоминалось. При значительном количестве литературы о борьбе в тылу врага подавляющее число опубликованных работ все-таки продолжало носить локальный или узкотематический характер. За прошедшие годы так и не было издано ни одной крупной монографии, которая обобщила бы партизанское движение на всей оккупированной территории СССР. Остались слабо исследованными работа центральных партийных и государственных органов, органов НКВД по организации вооруженной борьбы партизан и подпольщиков, деятельность Центрального, республиканских и областных штабов партизанского движения, военных советов фронтов и армий. Требовали дальнейшей научной разработки вопросы подготовки партизанских кадров, снабжения партизан и подпольщиков всем необходимым, формы и способы партизанских действий, опыт взаимодействия партизан и подпольщиков с регулярными войсками.

К началу 1970-х гг. расширился фронт исследований военно-экономических вопросов, улучшилась координация научно-исследовательской работы по этой тематике. Важное значение в развертывании таких исследований сыграла всесоюзная научная сессия «Советский тыл в Великой Отечественной войне» (май 1971 г.). Она позволила заметно активизировать научно-исследовательскую работу по истории советского тыла военных лет. Существенно расширилась тематика исследований, охвативших не только магистральные линии проблемы, но и другие вопросы общесоюзного и регионального характера. Проблемы советского тыла заняли важное место в сборниках материалов всесоюзных и международных научных конференций, посвященных 20-, 25-, 30-, 35- и 40-летию победы над нацистской Германией. В опубликованных докладах и научных сообщениях видных историков и экономистов приводится новый фактический материал, содержатся ценные обобщения, оценки и выводы по вопросам военной экономики в период минувшей войны.

В 1965–1978 гг. историография Великой Отечественной войны обогатилась крупными монографиями наших известных исследователей по проблемам советского тыла и военной экономики. Одновременно с этим в центральных и местных издательствах вышли в свет работы по отдельным регионам советского тыла, по истории некоторых республик, Москвы, Ленинграда и других крупных промышленных центров страны. Появились обобщающие работы, написанные отдельными историками и экономистами, а также коллективные труды ученых Института экономики АН СССР[136]. Эти исследования свидетельствовали об углубленном изучении различных аспектов экономического развития СССР в годы войны. Рассматривая состояние и развитие советской экономики накануне и в годы войны, создание в военные

годы слаженного и быстро растущего военного хозяйства, авторы не только использовали достижения историографии за прошедшие годы, но и широко привлекали новый документальный материал, особенно статистические данные (месячные, квартальные и годовые) о производстве военной продукции. Целый ряд работ был посвящен одной из важнейших отраслей народного хозяйства — транспорту. Среди них следует отметить вышедшую в 1976 г. монографию Г. А. Куманева «На службе фронта и тыла», где на основе уже известных или впервые введенных в научный оборот данных показано развитие железнодорожного транспорта накануне и в годы войны. Заметным вкладом в освещение проблемы материально-технического обеспечения действующей армии явился выход в свет крупного исследования «Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне». Это был первый историко-теоретический труд, обобщающий гигантскую работу по всестороннему обеспечению армии и флота в годы войны[137]. Вопросы советского тыла все шире и обстоятельнее стали освещаться в обобщающих трудах и в монографических исследованиях, посвященных войне в целом, в учебных пособиях и учебниках, вышедших в 1965–1980 гг.

Пробел в изучении отраслей военной промышленности, относящихся к числу закрытых, а потому мало исследованных, в известной мере был восполнен рядом работ мемуарного характера. Ценность таких публикаций состояла в том, что они были подготовлены людьми, непосредственно возглавлявшими эти отрасли. Большой интерес представляли воспоминания Б. Л. Ванникова «Оборонная промышленность СССР накануне войны: Из записок наркома», Н. Э. Носовского «Артиллерийская промышленность в Великой Отечественной войне», И. В. Юрасова «Из истории советского танкостроения», П. Н. Горемыкина «О производстве вооружения и боеприпасов», А. И. Шахурина «Авиационная промышленность в годы Великой Отечественной войны». В исследованиях о войне большое место отводилось показу трудового подвига советских людей. Героический труд рабочих, колхозников, ученых, деятелей науки, литературы и искусства, массовый героизм всех советских людей в тылу нашли достаточно полное освещение в 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней. СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (М., 1970). О тружениках военной экономики рассказывается в сборнике очерков и воспоминаний «Кузница победы» (М., 1974), авторами которых выступили непосредственные участники событий: рабочие, инженеры, директора военных заводов, наркомы, секретари обкомов партии, депутаты Верховного Совета СССР, председатели колхозов, трактористы, конструкторы, ученые, журналисты.

Тематика исследований по истории советского тыла постоянно расширялась как в общесоюзном, так и в региональном плане. В научный оборот был введен большой фактический материал, сделаны важные обобщения и выводы. Историческая наука продвинулась вперед и на этом направлении. Усилиями историков и экономистов была создана довольно прочная документальная база для углубленного исследования проблем тыла.

Время после 1965 г. было плодотворным для военно-мемуарной литературы: ежегодно в среднем выходило около 500 новых названий книг, сборников воспоминаний и статей[138]. Круг авторов военных мемуаров был довольно разнообразен. Это бывшие уполномоченные ГКО, члены и представители Ставки ВГК, руководящие работники НКО и Генерального штаба, командующие фронтами и армиями, члены военных советов, начальники штабов, командующие родами войск и начальники служб.

Среди авторов воспоминаний о войне все чаще стали появляться командиры соединений, частей, подводных лодок и кораблей, солдаты и матросы, правда, последние в очень незначительном числе. Словом, чтобы рассказать людям правду о великом подвиге советского народа и его воинов в минувшей войне, за перо взялись и те, кто прошел фронтовыми дорогами не одну тысячу километров. Авторы воспоминаний показывали Великую Отечественную войну с разных сторон, во всем ее многообразии и сложности. В мемуарах полководцев и военачальников были описаны события более широкого масштаба, затронут значительно больший круг вопросов, шире привлекались официальные документы, придающие воспоминаниям историческую достоверность, а главное — сделаны обобщения и выводы. В них нашли

отражение события всей войны, описывались важнейшие стратегические операции, раскрывались замыслы Верховного главнокомандования, порядок разработки планов фронтовых и армейских операций, объемно показывалась советская полководческая школа. Вызывают интерес оценка военачальниками обстановки, состояния своих войск и войск противника, освещение ими методов разработки операций, заслуживает внимания также и рассмотрение вопросов взаимоотношения Ставки ВГК и Генерального штаба с командующими фронтами и армиями и их штабами.

В своих воспоминаниях военачальники знакомят читателей с малоизвестными подробностями событий войны, прослеживают, как рушился гитлеровский план блицкрига, дают картину героической обороны советских войск, описывают некоторые события заключительного этапа войны. Маршал Г. К. Жуков, занимавший перед войной пост начальника Генерального штаба, а в ходе войны командовавший рядом фронтов и являвшийся одновременно заместителем Верховного главнокомандующего, создал ценнейший источник знаний о происходивших в то время событиях. По словам маршала А. М. Василевского, в своем труде Георгий Константинович детально рассмотрел решающие, узловые проблемы строительства и боевых действий советских Вооруженных сил. Большая часть мемуаров самого А. М. Василевского посвящена работе Ставки ВГК и Генерального штаба. Он убедительно показал, как возрастало военное могущество СССР, совершенствовались боевые и моральные качества советских воинов, как развивалась советская военная наука, как росли руководящие военные кадры. В воспоминаниях большое внимание уделяется героизму советского солдата, освещаются многие вопросы стратегического руководства в битвах за Москву и Сталинград, на Курской дуге, при форсировании Днепра, в Белорусской и Берлинской операциях.

Мемуары генерала армии С. М. Штеменко открывают для читателя двери в служебные кабинеты Генерального штаба, наглядно показывая, что Ставка ВГК и ее рабочий орган твердо держали в своих руках планирование кампаний и руководство операциями.

В мемуарах достаточное внимание уделяется и вопросам применения различных родов войск и видов Вооруженных сил. Наиболее полное отображение они нашли в воспоминаниях танкистов, артиллеристов, саперов, авиаторов и моряков. Бывший нарком Военно-морского флота Н. Г. Кузнецов дал обобщающую картину боевой деятельности этого вида советских Вооруженных сил. О действиях танковых войск делились своими воспоминаниями главным образом командиры танковых и механизированных корпусов, танковых бригад и полков. И лишь две книги были написаны командующим армии генералом армии Д. Д. Лелюшенко — «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» (М., 1971) и членом военного совета, генерал-лейтенантом Н. К. Попелем — «Впереди — Берлин!» (М., 1970). Среди авторов воспоминаний об артиллерии немало рядовых артиллеристов, командиров батарей, дивизионов и полков. В более широком плане вопросы использования артиллерии получили освещение в мемуарах командующих артиллерией армий генералов Г. Е. Дегтярева, И. С. Стрельбицкого и Г. Д. Пласкова[139]. В 1966–1972 гг. впервые вышли крупные работы о действиях инженерных войск. Наиболее заметными являются воспоминания Б. В. Бычевского «Город-фронт» (Л., 1967), А. Г. Лебедева «Записки сапера» (М., 1966), М. Д. Максимцова «Дорогами мужества» (Тула, 1968).

Появились и первые книги с воспоминаниями работников органов и служб тыла, что в определенной степени восполнило пробел в мемуарной литературе по этой проблеме, так как до середины 1960-х гг. вопросы материально-технического обеспечения войск затрагивались лишь частично в мемуарах командующих фронтами и армиями, командиров соединений при описании операций и боев. В своих книгах работники органов тыла довольно подробно рассматривали особенности деятельности войскового и оперативного тыла в битве под Москвой, Сталинградом, Курском, в Белорусской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях[140]. Основная часть воспоминаний о деятельности Военно-воздушных сил принадлежала перу прославленных летчиков. С большим интересом читаются книги таких известных авиационных военачальников, как А. А. Новиков, С. А. Красовский, А. И. Покрышкин, Ф. Я. Фалалеев. Флотские военачальники, офицеры и матросы посвятили свои

воспоминания боевой жизни Северного, Балтийского, Черноморского флотов, Ладожской и Волжской военных флотилий[141].

Значительно шире освещался подвиг советских воинов в ходе освобождения от фашистского ига ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы. С. М. Штеменко, например, посвятил этой теме почти всю свою вторую книгу «Генеральный штаб в годы войны» (М., 1973). Этой благородной миссии посвящены и воспоминания Н. И. Бирюкова «Трудная наука побеждать» (М., 1968), С. А. Андрющенко «На берегах Дуная» (М., 1974), А. И. Гастиловича «Будни военных дорог» (М., 1974), сборник воспоминаний «Дорогами Европы» (М., 1974) и др.

Появилось большое число воспоминаний рядовых солдат и сержантов — главных героев и тружеников войны. Эти воспоминания обогащали военно-историческую литературу, помогали лучше представить, что такое война с ее неисчислимыми лишениями и жертвами, позволяли воспринять ее глазами солдата. В этом плане представляет интерес книга Ф. Т. Дьяченко «Нейтральная полоса» (Л., 1974), рядового солдата-снайпера, участника битвы за Ленинград. Заслуживают внимания воспоминания рядового П. П. Любомирова «Записки пулеметчика» (М., 1974).

Мемуары участников войны — свидетельства большой исторической важности, ценнейшее средство военно-патриотического воспитания нашего народа, особенно молодежи. Наиболее полно и ярко запечатлеть и доверительно передать все, что было на фронте, могли только те, кто сам участвовал в боях, кто пережил войну, кто видел ее собственными глазами. Воспоминания очевидцев и участников событий во многом обогащают и расширяют сведения, полученные из документальных трудов, позволяют уточнить обстановку и детали событий, правильно понять мотивы принятых решений и действий, взаимоотношения людей и различных инстанций. Они обогащают читателей знаниями таких деталей и фактов, о которых нет сведений в трудах историков и архивных документах. В ряде случаев мемуары являются единственными свидетельствами тех или иных фактов, а потому рассматриваются в качестве исторических источников. Чаще всего это не зафиксированные ни в каких документах переговоры по телефону, указания и распоряжения в ходе личного общения вышестоящего начальника с подчиненным и т. д.

В то же время данной литературе присущи недостатки, связанные как с объективными особенностями жанра мемуаристики, так и с влиянием общественно-политической обстановки в стране в момент их написания. В частности, маршалы и генералы нередко преувеличивали значение боевых действий «своих» фронтов, армий, соединений, частей и подразделений, забывая и принижая тем самым других участников событий, необоснованно противопоставляли указаниям Ставки ВГК при планировании операций свои предложения и решения, якобы сыгравшие решающую роль, и т. д. В ряде воспоминаний в ущерб описанию непосредственной деятельности мемуариста, что представляло бы для читателя наибольшую ценность, много места занимает изложение общеизвестных фактов[142].

В рассматриваемые годы и военные мемуары при подготовке их к изданию проходили строгую цензуру, подвергались серьезной корректировке со стороны идеологического аппарата, который исключал все, что с его точки зрения считалось неприемлемым, и вставлял то, о чем автор писать и не собирался. В Главном политическом управлении Советской армии и ВМФ была учреждена для этого специальная группа. Ее усилиями воспоминаниям военачальников всех рангов придавались заданные направленность и содержание. Рукописи долго ходили «по кругу» в высоких инстанциях, и авторам было хорошо известно, что можно писать, а чего нельзя. Прежде всего, благодаря этому фильтру в книги не попадали факты, выводы, события, статистика, наблюдения, размышления, оценки, которые могли «очернить» нашу историю, и потому она выглядела всегда благополучной. В случае несогласия автора с цензорами воспоминания вообще не выходили в свет. Так произошло с работой наркома вооружений Б. Л. Ванникова, которая готовилась к печати в 1965–1970 гг., а увидела свет только в 1988 г. Из рукописи К. К. Рокоссовского были изъяты главы, где автор рассказывал о поражениях советских войск в 1941–1942 гг. и их причинах[143].

Трудно назвать какие-то иные мемуары, которые бы подверглись столь большой корректировке со стороны идеологического аппарата, как воспоминания Г. К. Жукова. «Доработчики», в числе коих были сотрудники отдела пропаганды ЦК КПСС, Главного политического управления Советской армии и ВМФ и Военно-научного управления Генерального штаба, переписали целые абзацы текста о руководящей роли партии, индустриализации, коллективизации, культурной революции, предвоенном состоянии страны и Вооруженных сил в духе последних партийных указаний и вмонтировали их в мемуары. Эта вставка раболепствующих угодников властей предержащих, вызывающая сегодня лишь ироническую усмешку, неизменно оставалась в первых шести изданиях мемуаров маршала и была изъята только после кончины Брежнева. По советам «доработчиков» из первоначальной рукописи Жукова были исключены материалы о репрессиях 1937–1938 гг., недостатках в подготовке страны и Вооруженных сил к войне, о потерях более миллиона человек на завершающем этапе войны, расточительности в расходовании сил и средств во время боевых действий, неграмотных решениях Верховного главнокомандующего по нанесению контрударов в битве под Москвой, об ошибках в оценке обстановки и плане ведения военных действий на лето 1942 г. и др.[144]

Подобный идеологический диктат, определявший, что можно, а что нельзя вспоминать, породил выпуск мемуаров, написанных, за редким исключением, по одной схеме. Такие книги, как правило, отражали не взгляды и мысли автора, а взгляды и установки высшего партийно-государственного руководства, мало содержали интересной и полезной информации, не давали, как говорится, ничего ни уму, ни сердцу. Довольно часто появление тех или иных воспоминаний определялось не их содержанием, а занимаемой должностью автора. Интерес к мемуарной литературе у читателей постепенно угасал, и книги столь популярной серии стали терять спрос.

Несмотря на определенные успехи, на появление большого количества публикаций по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн и создание документальных сборников, период 1965–1985 гг. явился, по оценкам многих специалистов, «застойным» в развитии отечественной историографии. В это двадцатилетие советская военно-историческая наука обходила молчанием многие актуальные проблемы, вызывающие большой общественный интерес; из-под пера историков вышло немало откровенно слабых работ. Вместо углубления анализа, включения в рассмотрение малоизученных, острых проблем читателю навязывались готовые схемы, не отражавшие всей многогранности и противоречивости исторических явлений и процессов. Это приводило к искажению представления о войне как о сложном двустороннем процессе, об истинных масштабах постигшего страну бедствия. Сложно, например, объяснить, почему в трудах различных авторов повторяются одни и те же причины наших «временных неудач» в начальный период войны, подробно освещаются успешные действия и, наоборот, умалчивается о тех, в которых успех был незначительным или его не было вовсе. Произошло своего рода обезличивание истории: люди, исторические личности оказывались на втором или третьем плане. Во многих научных работах, статьях, а также в учебниках описание боевых действий, многочисленные таблицы с различными данными, в том числе о тоннах произведенной продукции, количестве выпущенной военной техники и сосредоточенной в той или иной операции или битве, о миллионах киловатт-часов выработанной электроэнергии, заслонили человека с его жизненными идеалами и проблемами. Одним из проявлений этой тенденции можно считать отсутствие в большинстве военно-исторических работ данных о потерях советских войск в той или иной битве или операции. Как отмечалось на встрече ведущих ученых-историков 8 января 1988 г., многие выходившие в стране труды не представляли для исторической науки никакой научной ценности, так как были написаны в основном ради получения ученых степеней[145].

Следует отметить, что наличие белых пятен в истории минувшей войны — это не только результат запретов на некоторые темы и ограниченного доступа исследователей к документальным источникам. Это еще и сюжеты, которые никто не запрещал, но которые почему-то принято было считать или немодными, или неинтересными, или вообще малоперспективны-

ми. Только с годами, когда была проделана основная работа по созданию истории минувшей войны, отчетливо выявилось их значение.

В так называемый период перестройки 1985–1991 гг. развитие знаний о Великой Отечественной войне проходило в условиях изменения общественных идеалов, девальвации ранее священных понятий. Отличие историографической ситуации того периода от времен застоя заключалось в появлении новых периодических изданий, научно-информационных центров, изменении режимов работы архивов, преодолении цензуры, открытии доступа к зарубежным исследованиям, появлении новой генерации отечественных историков. Демократизация общественной жизни, утверждение плюрализма мнений открыли широкие возможности для творческой оценки прошлого, произошло раскрепощение общественного сознания, обострился интерес к отечественной истории, в том числе и к Великой Отечественной войне. В этих условиях к исторической науке и ее представителям было предъявлено требование «правдивого и полного анализа всех страниц нашей истории, нацеленного на выявление диалектики пройденного пути, всех его аспектов», «анализа, который поможет решать сегодняшние и завтрашние проблемы, вооружать опытом, оберегать от ошибок»[146].

В целом идеологическое новаторство выражалось в призывах к переосмыслению исторического прошлого России, в первую очередь ее советского периода, отказу от «догматического мышления» и считавшихся ранее незыблемыми «стереотипов и догм»[147]. Поэтому период 1985–1991 гг. оказался весьма непростым для исторической науки: с одной стороны, наблюдался необычайно высокий общественный интерес к истории, а с другой — происходило падение престижа исторических трудов, которые все чаще подвергались критике за «догматизм» и несоответствие «велениям времени». В обстановке нарастающей общественно-политической дискуссии о будущем страны оказались в первую очередь востребованы альтернативные, отличавшиеся от «официальных» точки зрения и интерпретации истории, которые воспринимались как символы «гласности» и свидетельства успешности «перестроечного реформирования» страны.

Все это потребовало определения роли и места исторической науки в происходивших преобразованиях, поиска новых форм организации научного процесса, методов управления им, совершенствования самого характера исторических исследований, поиска путей и средств достижения исторической наукой соответствия своему высокому общественному предназначению.

В то же время ослабление политической и военной цензуры создало определенные условия для углубления и совершенствования представлений по многим ключевым проблемам истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Важнейшей проблемой того времени являлся вопрос доступности архивной информации. 3 декабря 1986 г. постановлением Секретариата ЦК КПСС для решения вопросов, связанных с расширением доступа к архивам, в том числе содержащим стратегическую информацию, была создана специальная комиссия. По рекомендациям комиссии к маю 1987 г. 14 союзных министерств и ведомств перевели из режима ограниченного пользования в открытое хранение 767 195 архивных дел, Центральное статистическое управление СССР — 92 589 единиц хранения. В режиме секретного хранения в государственных архивах оставалось около 7 млн дел. Комиссия предложила в течение 1987–1988 гг. провести «работу по пересмотру их состава и возможному переводу части документов на режим ограниченного пользования или открытого хранения»[148]. Хотя рекомендации комиссии и их результаты удовлетворяли не всех, в том числе и в ЦК КПСС, тем не менее в 1988–1991 гг. в архивах страны была осуществлена, пожалуй, самая масштабная работа по снятию с архивных документов ограничений на доступ.

Ослабление цензуры, расширение доступа к закрытым фондам государственных архивов позволили открыть новую страницу в изучении истории Великой Отечественной войны. Многие исторические факты, события и люди, о которых в предыдущие десятилетия умалчивалось, постепенно становились предметами открытого обсуждения. Наступало время более глубокого познания сути всех явлений и сторон минувшей войны на основе

привлечения документов, сокрытых ранее за семью печатями, с одной целью — воссоздать во всем объеме и величии историческое значение нашей победы, показать роль ее главного творца — многонационального народа нашей страны. В новых работах возросла достоверность статистических данных, повысилась аргументированность суждений и доказательств, научность выводов и оценок. Все это способствовало накоплению нового исторического знания, преимущественно фактологического. В 1985–1990 гг. вышел целый ряд крупных справочных изданий, в которых содержался разносторонний материал по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: «Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия» (М., 1985), второе издание «Военного энциклопедического словаря» (М., 1986), «Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь» в двух томах (М., 1987), «Великая Отечественная война 1941–1945. События, люди, документы. Краткий исторический справочник» (М., 1990). Были собраны и опубликованы документальные материалы, отражавшие международные связи[149]. Продолжалась публикация и других документальных материалов военного времени[150]. В 1990 г. журнал «Известия ЦК КПСС» приступил к публикации документов и материалов о Великой Отечественной войне из архива ЦК КПСС, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма и местных партийных архивов, прежде не доступных исследователям.

Большое внимание в конце 1980-х гг. было уделено проблемам начального периода войны[151]. Продолжалась разработка таких сюжетов, как предвоенная подготовка государства и армии к будущей войне[152], состояние военных кадров[153], укрепление государственной границы накануне войны[154], вопросы стратегического развертывания[155], а также развитие военного искусства в межвоенный период[156] и формирование доктринальных взглядов накануне войны[157]. Ряд работ был посвящен непосредственно содержанию и характеру начального периода войны[158]. В конце 1980-х гг. были изданы новые обобщающие труды по истории военного искусства[159], в которых тема начального периода войны по-прежнему занимала важное место. Продолжали выходить историографические работы[160]. Среди работ, отразивших новые тенденции в историографии, можно отметить статьи, посвященные проблеме «фактора внезапности»[161], в том числе и в русле освещения предвоенной деятельности дипломатии и разведки[162]. Многие публикации уже в самих своих названиях — «истоки поражения», «причины неудач», «роковая ошибка» и т. п. — настраивали читателя на «обвинительные выводы»[163].

Если в советской историографии причины поражений Красной армии в начале войны сводились в первую очередь к объективным факторам — превосходству Германии в военно-экономическом отношении над СССР, вероломству гитлеровского руководства, нарушившего договор о ненападении и внезапно напавшего на Советский Союз, отмобилизованности германских войск, накопивших большой опыт боевых действий, а причины субъективного характера, связанные с ошибками и просчетами советского руководства, отодвигались в тень, рассматривались упрощенно[164], то с конца 1980-х гг. трагедия 1941-го стала в основном объясняться именно субъективными причинами — ошибками руководства, просчетами лично Сталина[165].

Продолжалось издание монографий с описанием боевых путей объединений, соединений и частей, участвовавших в сражениях Великой Отечественной войны. Интересный фактический материал был собран в вышедших в то время работах о формировании и боевых действиях частей народного ополчения[166]. Издавались переработанные и дополненные труды, в которых рассматривались наиболее поучительные битвы и сражения прошлой войны. Появлялись и совершенно новые издания, обобщавшие богатейший боевой опыт, накопленный за годы войны[167]. Тогда же был опубликован ряд исследований по проблемам тыла Вооруженных сил[168]. В военно-исторических сериях «Героическое прошлое нашей Родины» и «Защита Отечества» вышли некоторые популярные издания, посвященные сражениям 1945 г., штурму Рейхстага, подвигу подольских курсантов и танковым войскам в годы войны[169]. Большой интерес представляли работы о совместной борьбе против общего врага, в том числе подготовленные в сотрудничестве с зарубежными учеными[170].

В этот период продолжалось дальнейшее освещение истории борьбы советского народа в тылу врага. Массовыми тиражами вышли монографические работы, повествующие о противодействии захватчикам со стороны населения в отдельных районах Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Молдавии. Выходили труды с широким обобщением проблем борьбы советских людей на оккупированной вермахтом территории[171] и др. Появились отдельные исследования о национальных формированиях, воевавших на стороне врага[172]. Такие публикации стали возможны только после открытия недоступных ранее фондов архивных материалов.

Публиковались труды о функционировании советского тыла в годы войны[173]. Одновременно в центральных и местных издательствах продолжали выходить работы по истории ряда советских национальных республик, Москвы, Ленинграда и других крупных промышленных центров страны в военные годы. В 1985 и 1989 гг. вышли новые труды, освещающие самоотверженную работу тружеников железнодорожного и морского транспорта в военное время. В 1989 г. был опубликован справочник, который содержал полные данные об ущербе, понесенном советским торговым флотом в 1941—1945 гг. Интересные сведения содержались в работе С. В. Биленко о формировании специальных частей, осуществлявших охрану тыла страны от подрывной деятельности вражеской агентуры. Ряд вышедших в те годы трудов освещал вклад советских ученых в дело победы, в создание оружия и военной техники.

Повышенное внимание как историков, так и публицистов стало уделяться дипломатической предыстории Великой Отечественной войны, в первую очередь советско-германским отношениям и договору о ненападении от 23 августа 1939 г.[174] Рассматривая историческую публицистику конца 1980-х гг., необходимо учитывать, что проблемы, связанные с советско-германскими соглашениями, носили тогда далеко не академический характер. «Народные фронты» прибалтийских республик взяли курс на отделение Литвы, Латвии и Эстонии от Советского Союза, и вопрос о законности происходивших в 1939—1940 гг. событий использовался в качестве идеологического и правового обоснования для достижения этой цели. О политической значимости проблемы свидетельствует тот факт, что начавший работу в 1989 г. II Съезд народных депутатов СССР сделал ее предметом специального рассмотрения, создав комиссию под руководством А. Н. Яковлева по политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 г. Работа комиссии завершилась в декабре 1989 г. принятием постановления «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», после чего наступил определенный перелом в оценках предшествовавших Великой Отечественной войне событий[175]. Были опубликованы в центральной печати неизвестные ранее документы кануна войны, в том числе и обнаруженные в архиве ЦК КПСС подлинники секретных протоколов[176].

Еще одной крайне политизированной темой, поднятой в этот период, стала проблема характера войны СССР против Германии[177]. Работы советских историков по этой проблеме в основном решались в русле разоблачения западных «фальсификаторов истории»[178]. Теперь же обвинения в адрес Советского Союза в развязывании Второй мировой войны и планировании нападения на Германию стали составной частью историографического процесса и в нашей стране.

Зависимость историографии от общественно-политических настроений, стремление различных политических сил использовать «аргументы от истории» для воздействия на общественное сознание отчетливо проявились при подготовке нового фундаментального труда «Великая Отечественная война советского народа» в десяти томах, решение об издании которого было принято в августе 1987 г. Политбюро ЦК КПСС.

Подготовка издания возлагалась на Министерство обороны СССР и Академию наук.

В труде предполагалось более обстоятельно и объективно осветить военные действия на советско-германском фронте, их влияние на ход и исход Второй мировой войны, причины неудач советских Вооруженных сил в летне-осенних кампаниях 1941 и 1942 гг., военное искусство и боевое мастерство полководцев, военачальников и воинов, самоотверженность

партизан и подпольщиков, трудовой героизм рабочего класса, крестьянства, интеллигенции; раскрыть закономерность нашей военной, политической, экономической и дипломатической победы; оценить значение итогов и уроков войны для сохранения мира в современных условиях. Главным действующим субъектом новой официальной истории войны должен был стать советский народ — «народ-герой и творец победы».

В десятитомнике предусматривалось рассмотреть всю совокупность политических, дипломатических, военных и военно-технических мероприятий, проведенных СССР для обеспечения безопасности своих границ накануне Великой Отечественной войны, достигнутые результаты в оснащении Вооруженных сил СССР военной техникой, в развитии военно-теоретической мысли, в совершенствовании боевой выучки войск. Авторы ставили своей целью показать и допущенные ошибки, трагическим образом повлиявшие на характер и результаты военных действий советских Вооруженных сил в начальный период Великой Отечественной войны.

Для руководства работой по созданию десятитомника была создана Главная редакционная комиссия. В ее состав вошли крупные военачальники, директора ведущих научно-исследовательских институтов и организаций Академии наук СССР, представители общественных организаций, в том числе Всесоюзного совета ветеранов войны и труда. В марте 1988 г. ГРК обсудила вопрос «О задачах научных учреждений АН СССР по написанию труда «Великая Отечественная война советского народа»[179].

Главной редакционной комиссией была утверждена следующая структура десятитомника: 1-й том было решено посвятить предыстории войны, 10-й — ее итогам, социальным последствиям и урокам. Остальные тома, начиная со 2-го и заканчивая 8-м, охватывали события на фронте, в тылу, в стане противника и на международной арене в хронологических рамках той или иной кампании. В 9-м томе должны были рассматриваться две короткие, но очень насыщенные событиями кампании в Европе и на Дальнем Востоке. Указанное построение труда позволяло при сохранении установившейся периодизации Великой Отечественной войны в строгой хронологической последовательности проанализировать характер войны, более полно вскрыть причины временных неудач советских Вооруженных сил в ее начале, шире осветить вопросы экономики, политики, деятельности Коммунистической партии, международных отношений и более рельефно раскрыть влияние побед Красной армии на ход и исход событий на других театрах Второй мировой войны.

Для создания труда при Институте военной истории была создана редакция «Великая Отечественная война советского народа», которой руководил Р. А. Савушкин, а затем А. М. Соколов. Для разработки глав и разделов были приглашены многие крупные специалисты в области военной истории, ученые из различных научных организаций и учреждений страны. Коллектив руководителей, авторов, консультантов был полон решимости издать этот фундаментальный научный труд на высоком профессиональном уровне.

Однако на пути создания десятитомника встали многочисленные препятствия. Главное из них — авторы не получили обещанного доступа к архивным документам, находившимся в распоряжении высших партийных и государственных органов, крайне необходимым для аргументации целого ряда важнейших положений, которые предполагалось включить в десятитомник. Затем встал вопрос о переносе сроков разработки труда в связи с рекомендацией ЦК КПСС согласовать его концепцию с материалами «Очерков истории КПСС»[180].

В феврале 1991 г. рукопись первого тома была представлена на суд Главной редакционной комиссии. Реакция большинства членов Главной редакционной комиссии была резко негативной. В своих выступлениях они обвинили авторов тома в антипартийности, недоброжелательности к своей стране, клевете на коммунистов, некорректности приводимых в рукописи фактов и статистических данных, приукрашивании вермахта, отсутствии патриотизма[181].

Вслед за состоявшимся обсуждением рукописи тома последовали организационные мероприятия: начальник Института военной истории генерал-полковник Д. А. Волкогонов был освобожден от своей должности, а начальник редакции десятитомника доктор истори-

ческих наук полковник Р. А. Савушкин уволен из армии. Ужесточился контроль над работой по подготовке десятитомника, для чего к штатным редакциям томов и их авторским коллективам подключили еще нескольких маршалов и генералов армии из группы генеральных инспекторов. В 1991 г. распоряжением Президента СССР разработка всего научного труда была приостановлена[182]. Такое решение объяснялось «социально-политическими изменениями в стране, новыми тенденциями в развитии исторических наук» и необходимостью «создания научной базы для разработки научного труда по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Рекомендовалось рассмотреть вопрос об издании сборников важнейших документов, материалов и очерков о Великой Отечественной войне. Об этом был издан специальный приказ министра обороны СССР № 528 от 16 ноября 1991 г.[183] Материалы, разработанные авторами десятитомника, послужили добротной основой для создания труда «Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки» в четырех книгах (М., 1998—1999). А в 2004 г. первый том десятитомника, который забраковала Главная редакционная комиссия в марте 1991 г., был издан под названием «Советский Союз: накануне великих испытаний».

В целом, по мнению ведущих ученых-историков, перестройка в исторической науке и историографии Великой Отечественной войны разворачивалась в 1985—1991 гг. медленно и желаемых результатов не дала[184]. Инициатива в формировании общественного мнения полностью перешла к исторической публицистике и литературе, не связанных необходимостью следовать принципам историзма и научной объективности и поэтому в большей степени соответствовавших задачам формирования мировоззрения и «нравственного очищения» общества.

В результате бытующие среди значительной части населения представления о ключевых событиях отечественной истории, в том числе и истории Великой Отечественной войны, складывались не столько благодаря знакомству с работами профессиональных историков, сколько под влиянием далеко не бесспорных версий, оценок и идей, выраженных создателями литературно-художественных произведений и кинофильмов, а также авторами статей и материалов, распространяемых средствами массовой информации. Погоня за сенсационными темами прошлого нередко приводила их к скоропалительным, подчас ничем не обоснованным обобщениям и выводам. Многие статьи и выступления отличались дискуссионной запальчивостью, где мысль не подкреплялась фактами, а факты не оплодотворялись мыслью. Широкое распространение получило легковесное, а иногда и просто неквалифицированное освещение вопросов прошлого.

Раскованность в высказывании мнений, множественность позиций, подходов и оценок проявились и в профессиональной среде. Были опубликованы многие, ранее хранившиеся за семью печатями документы и материалы. Поставлены многие важнейшие научные проблемы, ждущие своего решения. Однозначность в оценках и суждениях уходила в прошлое, и в исторической науке утверждался плюрализм мнений. Этот сдвиг был чрезвычайно важен для последующей работы по созданию новых исторических трудов, ответственного отношения к нашему прошлому, а значит, к настоящему и будущему.

В целом в советский период в отечественной историографии Великой Отечественной войны, несмотря на многие недостатки, было сделано немало. Вышли в свет тысячи научных и научно-популярных работ, которые с большей или меньшей степенью объективности освещали причины, характер и историю войны, ее важнейшие кампании, битвы и сражения, историю партизанского движения, боевой путь отдельных видов Вооруженных сил и родов войск, развитие стратегии, оперативного искусства и тактики Красной армии в ходе вооруженной борьбы, героические усилия тружеников тыла, вклад в победу отдельных отраслей экономики и отдельных регионов страны, дружбу народов, единство фронта и тыла, формы и методы деятельности органов власти, коммунистической партии, других общественных организаций (профсоюза, комсомола и др.) по мобилизации моральных сил народа, производственных мощностей и природных ресурсов на обеспечение победы. Появились обстоятельные историографические исследования по проблемам истории Великой Отечественной войны.

В 1991 г. наступил качественно новый период в развитии историографии Великой Отечественной войны. Переход к нему сопровождался крупными изменениями в жизни страны: либерализацией общественной жизни и мышления, распадом Советского Союза на отдельные государства, сломом социалистической системы хозяйства и переходом к рыночным отношениям.

Отечественная историческая наука и историография Великой Отечественной войны, как и общество в целом, пережили кризис, вызванный пересмотром традиционных ценностей. Оказались разорванными привычные связи, изменилось само историографическое пространство, резко ухудшились материальные условия функционирования науки, сократилась ее издательская база. После развала Советского Союза политическое руководство Российской Федерации официально декларировало отказ от идеологических ориентиров. Для многих историков приоритетными стали не четкие мировоззренческие и научные методологические позиции, а политические и моральные факторы. История Второй мировой и Великой Отечественной войн оказалась «полем боя» за историческую память, интерпретацию событий прошлого в соответствии с новой идейно-политической и геополитической конъюнктурой[185].

В ряду наиболее острых тем, за интерпретацию которых разгорелась борьба между историками (и отечественными, и зарубежными), оказался вопрос о событиях начального периода войны и связанных с ним проблемах более широкого плана (дипломатических, политических, идеолого-пропагандистских и др.).

В ходе дискуссий историков и публицистов на страницах журналов и газет, на часто практиковавшихся круглых столах стали более широко обсуждаться такие слабо изученные темы, ранее бывшие запретными, как причины поражения советских войск в начальном периоде войны, промахи и ошибки советского командования, роль в войне штрафных рот и батальонов, предательство и коллаборационизм советских людей, и многие другие. В центре внимания историков оставались политическая и дипломатическая предыстория Второй мировой войны, прежде всего пакта Молотова — Риббентропа[186], деятельность советской разведки накануне войны[187], последствия предвоенных репрессий в армии[188] и ряд других. Введенные в 1990-е гг. в научный оборот новые архивные материалы дали возможность отечественным и зарубежным историкам и публицистам инициировать дискуссию вокруг проблемы «внезапности» нападения Германии, подготовки Советского Союза к «наступательной войне» или к нанесению упреждающего удара[189]. Острота и масштабы дискуссии были связаны с публикацией книг бежавшего на Запад разведчика В. Б. Резуна (литературный псевдоним В. Суворов) «Ледокол», «День М» и др., содержащих обвинения в адрес советского руководства в провоцировании Второй мировой войны и подготовке нападения на Германию в 1941 г.[190], а также публикацией ряда статей с поддержкой его «концепции» журналом «Отечественная история»[191].

В качестве оппонентов Суворова прежде всего выступили профессиональные историки, специалисты в области истории Второй мировой войны — В. А. Анфилов, О. В. Вишлев, М. А. Гареев, Ю. А. Горьков, А. С. Орлов, О. А. Ржешевский[192], в том числе зарубежные — Г. Городецкий, Б. Бонвеч, Б. Пиетров-Энкер, Д. Гланц[193] и др. В то же время в целом ряде публикаций отстаивались взгляды, в той или иной степени совпадающие с «концепцией» автора «Ледокола»[194]. Развернувшаяся полемика способствовала постановке и обсуждению ряда актуальных проблем, связанных с оценкой обоснованности внешнеполитических и военно-стратегических решений советского руководства непосредственно перед 22 июня 1941 г. Сюжеты, связанные с этой полемикой, нашли отражение и в трудах, посвященных анализу отечественной[195] и зарубежной[196] литературы о Второй мировой и Великой Отечественной войнах.

Что касается сочинений самого Резуна, то за последнее время было издано немало работ, в которых показана полная несостоятельность его утверждений и основанной на подлогах аргументации[197]. Разоблачение его как фальсификатора, однако, не означает, что прекратились попытки навязать общественному сознанию соответствующие представления о предыстории

Великой Отечественной войны. Например, в книге под редакцией профессора А. Б. Зубова, подготовленной с участием академика РАН Ю. С. Пивоварова, версия об «упреждающем ударе» превращается, без указания источников, в утверждение о наличии у СССР «плана агрессии», который означал «фактическое начало войны — внезапное и сокрушительное, так как это произошло с Финляндией 30 ноября 1939 г.»[198]

Очевидно, что причины популярности любой «альтернативной» истории лежат вне науки. С. О. Шмидт, например, отмечает, что успех подобных «научно-коммерческих мероприятий» стал возможен за счет использования их «организаторами» ситуации коренных общественно-политических перемен в нашей стране, когда плюрализм мнений обеспечил «безнаказанность за суждения, не имеющие под собой не только серьезных, но и вообще каких-либо оснований»[199].

Нужно признать: ожидания, что после развала Советского Союза и прекращения «холодной войны» острота дискуссий вокруг интерпретаций основных событий Второй мировой и Великой Отечественной войн и степень их политизации пойдут на спад, не оправдались. Процесс становления новых независимых государств на постсоветском пространстве, стремление быстрее дистанцироваться от советского прошлого порождали новый виток исторического мифотворчества, носившего отчетливо антироссийский характер[200]. Подобное переосмысление своего прошлого происходило и в странах Восточной Европы, где утверждение новых национальных символов подразумевало отказ от «порочного» советского наследия как главного средства «возвращения в лоно европейской культуры». Острые идеологические баталии развернулись в 1991–1995 гг. и в российском обществе.

В числе тех сюжетов, при освещении которых «в наибольшей степени просматривается стремление подправить историю в антироссийском духе», специалисты выделяют также попытки принизить вклад Советского Союза в разгром фашизма, нападки на решения Ялтинской конференции, главным образом касающиеся Польши и других стран Восточной Европы и раздела «сфер влияния» между Советским Союзом, США и их союзниками, умаление полководческого таланта советских военачальников, сопровождающееся стремлением преувеличить потери Красной армии как в отдельных сражениях, так и в войне в целом[201].

В ходе дискуссий начала 1990-х гг., содержание которых далеко выходило за рамки собственно научного дискурса, произошло становление ревизионистского направления в отечественной историографии Великой Отечественной войны, представители которого, начиная с периода перестройки, отстаивали тезис о необходимости «переосмысления» основных положений «официальной» концепции как единственного средства приближения к «правде истории». Его представителей характеризовало настойчивое стремление предложить общественному сознанию принципиально иной взгляд на историю Великой Отечественной войны. Подчеркнем: речь идет не об исправлении и дополнении сложившихся концептуальных представлений, закрытии тех или иных «белых пятен» и т. д., а о перетолковании ключевых событий войны, приписывании им иного, отличного от устоявшегося, смысла. В частности, предлагается отказаться от тезиса о том, что Победа была одержана благодаря советскому общественно-политическому и экономическому устройству, особой роли коммунистической партии. «Не благодаря Сталину, а вопреки ему» — вот основная идея начатой с конца 1980-х гг. идеологической кампании, конкретное содержание проявлений которой варьировалось в зависимости от материала, ставшего основой аргументации[202].

В результате после относительно непродолжительного оживления исторической мысли, первых шагов к свободомыслию и демократическим условиям научной деятельности довольно скоро стало проявляться новое и все более заметное усиление влияния идеологии на историографию минувшей войны. В 1990-х гг. девальвация советского общественного сознания, всей системы политических, идеологических и научных представлений сопровождалась тенденциозным мифотворчеством, некомпетентностью, неуважением к отечественной истории, дегероизацией ее важнейших символов, попытками насадить культ единой точки зрения и рядом других негативных проявлений. Вместо объективного научного освещения истории минувшей войны стали появляться публикации с односторонним, поверхностным,

заранее заданным подходом, имеющие мало общего с подлинной правдой о войне. Их авторы не особенно утруждали себя изучением документов и архивных материалов, а тем более их научным обобщением. История Великой Отечественной войны освещалась ими только под одним углом зрения, в русле «разоблачительного подхода». В литературе такого толка просматривается тенденция развенчания героических усилий советских людей, отдавших жизнь во имя победы над врагом. Авторы некоторых исторических публикаций стали оправдывать тех, кто верой и правдой с оружием в руках служил захватчикам, предлагая рассматривать коллаборационизм как «сопротивление сталинизму», освободительную борьбу с «коммунистическим тоталитаризмом». Такие публикации, как правило, ничего нового не несут. Их содержание и концепции заимствованы из опубликованных на Западе в период «холодной войны» работ бывших власовцев и их адвокатов, которым необходимо было оправдать свое сотрудничество с нацистами[203].

Важной предпосылкой для более глубокого и объективного изучения истории минувшей войны в 1990-х гг. стало постепенное рассекречивание архивных материалов. Первым шагом в этом направлении явилось создание Верховным Советом Российской Федерации комиссии по передаче-приему архивов ЦК КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и по их использованию. 20 мая 1992 г. при Президенте Российской Федерации была создана Специальная комиссия по архивам, на которую возлагалось рассекречивание документов высших органов КПСС, центральных и местных органов власти и управления, сконцентрированных в бывших партийных архивах, архивах министерств, силовых структур, государственных, федеральных и местных архивах. Активная деятельность этой комиссии обеспечила введение в общественный оборот около 5 тыс. архивных документов высшего уровня, в основном по внутриполитическим и внешнеполитическим вопросам. 19 июня Верховный Совет Российской Федерации принял постановление «О временном порядке доступа к архивным документам и их использовании», а 7 июля следующего года были приняты Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах, которые фактически закрепили идею общедоступности российских архивов. В 1992 г. вышел в свет первый номер журнала «Исторический архив», закрытый в свое время по идеологическим соображениям ЦК КПСС. В этом журнале публикуются ранее неизвестные документы из российских архивов[204].

В это же время начался процесс снятия ограничительных грифов с литературы особого хранения, после чего она была передана в общие фонды библиотек. Началась широкая публикация сборников прежде закрытых документов и материалов периода Великой Отечественной войны. Открытие большинства архивных фондов и публикация хранившихся в них документов стали одним из главных позитивных результатов перемен, свершившихся в жизни нашего общества. В этом проявился реальный прогресс, появилась надежда на сохранение и рост научного знания. Более доступным стал огромный, в массе своей не изучавшийся историками материал.

Особое внимание историки стали уделять поиску новых документов и свидетельств для всестороннего изучения событий кануна и начала войны. В 1991 г. журнал «Известия ЦК КПСС» в рубрике «Из истории Великой Отечественной войны» продолжил публикацию важнейших партийных и государственных документов, в том числе директив Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и других материалов из архива ЦК КПСС. В том же году в Ленинграде был издан документальный сборник, посвященный кануну и началу войны. Он включал материалы о ходе военных действий на западном, северо-западном и юго-западном направлениях, итоговый документ начального периода войны, разработанный Г. К. Жуковым, а также другие материалы[205]. С выходом в свет ряда документальных сборников по внешней политике в научный оборот были введены многие материалы внешнеполитического характера, до этого не публиковавшиеся в открытой печати[206]. Значительная часть документов, причем как своих, так и трофейных, была опубликована в «Военно-историческом журнале», «Вестнике ПВО», журналах «Новая и новейшая история», «Советские архивы» и в других периодических изданиях.

Заметный вклад в решение задачи выявления новых документов по различным событиям и проблемам войны и подготовки их к печати внесли сотрудники Института военной истории. Этому во многом способствовало их тесное сотрудничество с институтами Российской академии наук, архивами, Историко-архивным и военно-мемориальным центром Генерального штаба. Методологическое руководство подготовкой документальных военно-исторических изданий, научно-контрольное рецензирование рукописей сборников документов и выработку предложений по совершенствованию работы над документальными изданиями осуществляет нештатная редакционная коллегия документальных изданий по военной истории, которую возглавляет В. А. Золотарев. Серия сборников включает 50 томов документов Государственного Комитета Обороны, Ставки Верховного главнокомандования, народных комиссариатов обороны и Военно-морского флота, Генерального штаба, посвященных важнейшим битвам и операциям, тылу Красной армии, партизанскому движению и военнопленным, освободительной миссии советских Вооруженных сил, военному сотрудничеству СССР с другими странами, деятельности выдающихся полководцев и военачальников и некоторым другим проблемам[207].

В 2000-х гг. эта работа была продолжена. К числу наиболее ценных изданий последних лет следует отнести публикацию оперативных сводок Генерального штаба Красной армии[208], а также специальный выпуск «Вестника Архива Президента Российской Федерации», включающий более 200 недавно рассекреченных документов[209].

Для изучения международных отношений накануне и в годы войны, проблем становления и укрепления международного сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, военного и политического взаимодействия союзников большое значение имела публикация сборников дипломатических документов, в ряду которых первое место принадлежит очередным томам продолжающейся серии МИД России «Документы внешней политики»[210]. Их дополняют материалы ряда тематических сборников; некоторые неизвестные ранее документы публиковались в журналах, приложениях к монографиям и т. п.[211]

Ценнейшим комплексом источников, до недавнего времени остававшимся практически недоступными для историков, являются документы и материалы органов государственной безопасности. Их рассекречивание и публикация позволили расширить круг исследуемых проблем, дали основу для новых подходов и выводов. Среди них первоочередного внимания заслуживает открытая публикация (изданного в 1980-х гг. ограниченным тиражом для служебного пользования) многотомного сборника «Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне»[212]. Документы из Центрального архива Федеральной службы безопасности публикуются и в других изданиях, содержание которых интересно не только специалистам, но и широкой читательской аудитории[213]. Заслуживает внимания также публикация документов Службы внешней разведки Российской Федерации[214].

Эти и многие другие осуществленные в 1990–2000-х гг. публикации архивных материалов[215] способствовали появлению условий для многопланового научного изучения истории войны, исправления и дополнения сложившихся ранее представлений. Кроме того, публикация архивных документов имеет и большую общественную значимость в качестве важнейшего средства разоблачения нередких в современной литературе недобросовестных толкований и прямых фальсификаций фактов отечественной военной истории.

Особое место в историографии Великой Отечественной войны занимают пять томов сборника «Последние письма с фронта». Это своеобразный памятник погибшим в годы последней мировой войны. Эпистолярные откровения простых людей без прикрас и идеологической ретуши освещают суровые военные будни тех огненных лет. Они знакомят читателей с настроением воинов, их менталитетом, сокровенными мыслями, планами на будущую жизнь. Эти письма, личные документы советских людей, — уникальное свидетельство высочайшего патриотизма граждан великого многонационального государства, беззаветной преданности своей Отчизне, непоколебимой веры в неизбежный разгром врага, посягнувшего на ее суверенитет[216].

Значительным событием в 1993–1995 гг. стала подготовка и издание Всероссийской Книги Памяти — грандиозного печатного памятника, увековечившего поименно всех, кто отдал жизнь, защищая Отечество. Всероссийская Книга Памяти — историко-мемориальный труд, содержащий поименные списки граждан России, погибших и пропавших без вести в годы минувшей войны, а также документы и научно-публицистические материалы, раскрывающие вклад Российской Федерации и отдельных ее регионов в дело защиты Родины, достижение победы над врагом. Это уникальное издание объединяет более 900 томов республиканских, краевых, областных городов, Москвы и Санкт-Петербурга поименных Книг Памяти. Стараниями многотысячной армии создателей этих книг удалось вернуть из небытия имена многих и многих погибших граждан России. В имевшиеся на начальном этапе списки было внесено еще около миллиона фамилий, установлены судьбы более 400 тыс. без вести пропавших. Выявлено также, что около 35 тыс. россиян, считавшихся погибшими, к счастью, оказались живы[217].

Организационная и научная работа по созданию поименных Книг Памяти велась под руководством Редколлегии Всероссийской Книги Памяти (председатель — член-корреспондент Российской академии наук Е. М. Чехарин) и методического центра при ней (начальник — Н. А. Неелов), редколлегиями и рабочими группами в республиках, краях и областях России при участии и помощи органов власти, военных руководителей, ученых, деятелей культуры, журналистов, Всероссийского и региональных советов ветеранов войны и труда, отделений российского Фонда мира, научных сотрудников Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, военных комиссариатов, поисковых объединений, архивов и Русской православной церкви.

Выход в свет в канун 50-летия Победы обзорного тома Всероссийской Книги Памяти, а затем его переиздание в 2005 г. явились крупным событием в отечественной историографии и духовной жизни российского общества[218]. Данная работа подготовлена авторским коллективом, в состав которого входили известные ученые, историки, участники войны. В ней представлена современная научная концепция истории минувшей войны. Авторам удалось воссоздать объективную панораму Великой Отечественной войны: они ярко и выразительно, избегая недомолвок и умолчаний, представили читателю самые драматические и трагические и в то же время героические главы нашей истории. Достоинства обзорного тома состоят в его доступности, простоте и популярности изложения материала. В нем содержится немало ранее не публиковавшихся сведений, в том числе об общих и частных потерях России и ее отдельных регионов, о материальном ущербе, нанесенном агрессорами народному хозяйству СССР. Приведены подробные статистические данные о потерях Вооруженных сил, их видов и родов войск как за всю войну, так и по ее периодам, кампаниям, стратегическим и фронтовым операциям. Многие показатели даны в сопоставлении с потерями противника. Объективно оцениваются ошибки и просчеты политического и военного руководства накануне и в ходе войны.

Отличительной чертой Книги Памяти является ее глубокая патриотичность. В ней убедительно и поучительно говорится о том, что любовь к своему Отечеству, патриотизм явились первопричиной и решающим фактором победы. В этих качествах советских людей заключена разгадка массового героизма, беспримерного терпения и самопожертвования сражающегося народа на фронте и в тылу, в обороне и наступлении, при освобождении территории своей страны и в ходе освободительной миссии Красной армии, которая ценой больших потерь обеспечила свободу и независимость народам Европы, Северной Кореи и Китая. Отдавая дань уважения воинам и военачальникам, труженикам тыла и деятелям культуры, партизанам и подпольщикам, авторы этой уникальной работы с глубоким проникновением говорят и о патриотизме миллионов матерей, жен и детей.

Массовый героизм воинов и народа представлен не безлико, а в неразрывном единстве с героизмом и самопожертвованием отдельных личностей. Это чрезвычайно сильная сторона изданной работы, позволившая широко и многообразно показать творцов победы. Обстоятельно говорится и о том, что полководцы и военачальники в своем искусстве руководства

войсками, в поисках путей победы над противником индивидуальны, но вместе с тем их объединяет высокий профессионализм. На примерах Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева и других видно, что у каждого из них свой стиль, личный почерк и подход к решению задач как обороны, так и наступления. Но все они являлись представителями одной школы, впитавшей в себя передовые традиции отечественного военного искусства.

В 1995 г. увидел свет и труд «Памяти павших. Великая Отечественная война (1941–1945)», который по своему характеру, содержанию и пафосу стоит в одном ряду с Всероссийской Книгой Памяти. В нем достаточно глубоко и объективно раскрыты важнейшие проблемы Великой Отечественной войны. Особое впечатление на читателя производят главы, посвященные беспримерному ратному и трудовому подвигу советского народа в годы военного лихолетья.

В результате упрощения доступа к архивам, в том числе к архивам высших государственных и партийных органов, появилась возможность существенно раздвинуть границы знаний о минувшей войне, создать на добротной документальной основе труды, всесторонне и объективно ее освещающие. Новые документы и материалы дали толчок к дальнейшей разработке многих тем, недостаточно изученных в предыдущие годы. В их числе развитие советского военного искусства и формирование взглядов на начальный период войны в 1920–1941 гг.[219], развитие советской военной доктрины[220], проблемы военного строительства в межвоенный период, опыт военных конфликтов 1930-х гг., состояние Красной армии накануне Великой Отечественной войны и ее готовность к войне[221], причины и уроки поражения 1941 г.[222] и собственно характеристика начального периода войны[223].

Заметно расширился диапазон и стали более аналитическими исследования, освещающие другие периоды Великой Отечественной войны. Авторы по-новому раскрывают планирование и ход важнейших наступательных операций советских войск, причины столь больших потерь. В частности, исследованы неудачные наступательные операции Западного фронта зимой 1943/44 г.[224] В ряде работ удачно восполнялись пробелы в освещении малоисследованных ее сторон и событий, которым давались взвешенные оценки[225].

До середины 1990-х гг. острая полемика велась вокруг вопроса о цене гитлеровской агрессии. Часть участников дискуссии оперировала данными о советских потерях в войне, почерпнутыми в основном из сомнительных зарубежных источников, а также цифрами, являвшимися результатом их собственных подсчетов и умозаключений. Поэтому не удивительно, что приведенные ими цифры намного отличались от реальных[226]. Многие вопросы были сняты с выходом в свет статистического исследования, осуществленного коллективом авторов под общей редакцией генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева[227]. В ходе работы авторский коллектив имел в своем распоряжении все данные, до недавнего времени хранившиеся под грифом «секретно». Книга впервые познакомила российских читателей с обобщенными материалами о потерях армии и флота за всю советскую историю, начиная с Гражданской войны и заканчивая войной в Афганистане. В труде опубликованы статистические сведения по родам войск, стратегическим операциям, битвам, фронтам, отдельным армиям, приводятся потери офицерского корпуса. Кроме того, в книге сделан анализ численного состава пропавших без вести и оказавшихся в плену. Публикации этого труда предшествовала работа специально созданной комиссии Генерального штаба, которая предварительно изучила все закрытые архивные документы, касающиеся потерь советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. Помещенные в труде цифровые данные выбили почву из-под ног многих участников дискуссии, до того претендовавших на достоверность приведенной ими статистики, и были приняты сообществом специалистов-историков как надежная база для дальнейшего уточнения названных цифр[228].

В числе других дискуссионных вопросов остается проблема влияния репрессий 1937–1938 гг. на боеспособность Красной армии. Как правило, историками отмечается снижение качества офицерского корпуса в результате устранения опытного командно-начальствующего состава, частых перемещений по службе, создания дефицита военных кадров и снижения

образовательного уровня командного состава, особенно высшего. Не всегда, однако, принимается во внимание, что эти недостатки были порождены не столько репрессиями, сколько форсированным развертыванием новых частей и соединений, что привело к частым перемещениям офицеров на новые, более высокие должности и породило проблему дефицита военных кадров[229].

Наибольшие разногласия вызывал вопрос о масштабах репрессий. Приводимая статистика не всегда отражает тот факт, что командиры и политработники увольнялись из рядов Вооруженных сил по разным причинам, а не только в результате репрессий. Не всегда принимается во внимание и процесс восстановления в кадрах Вооруженных сил несправедливо уволенных. В монографии О. Ф. Сувенирова сделана одна из первых в отечественной и мировой историографии попыток объективной реконструкции трагического процесса в жизни Красной армии — репрессий начсостава РККА в 1937–1938 гг.[230]

Значительным событием в отечественной историографии на данном этапе ее развития стал выход в свет в 1998–1999 гг. труда «Великая Отечественная война: 1941–1945. Военно-исторические очерки» в четырех книгах[231], который продолжил традицию многотомных изданий по истории войны. После приостановки работы над десятитомником «Великая Отечественная война советского народа» в конце января 1993 г. была издана директива министра обороны Российской Федерации «О подготовке научно-популярного труда “Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки”», который рассматривался как переходный этап к созданию нового многотомного фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны[232]. В очерках полнее и глубже, чем раньше, отражена сложная и исключительно противоречивая эпоха, в которой вызревала, протекала и закончилась Великая Отечественная война. Публикация этого труда явилась подведением некоторых итогов в становлении новой официальной точки зрения на историю Второй мировой войны.

В 2000-х гг. в отечественной историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн постепенно реализовывался потенциал, связанный с освоением значительно расширившейся источниковой базы. К числу наиболее значимых достижений последних лет следует отнести фундаментальные труды «Мировые войны XX века» в четырех томах и «История военной стратегии России»[233]. Выделим также получившие широкое признание труды президента Академии военных наук генерала армии М. А. Гареева и академика РАН Г. А. Куманева[234].

Характерной особенностью этого этапа стало издание целого ряда справочников и энциклопедий, содержащих исчерпывающие сведения о составе частей и соединений Красной армии, принимавших участие в сражениях Великой Отечественной войны, времени их формирования, их командирах и командующих[235]. Также публиковались работы, где всевозможный справочный и статистический материал, а также документы скомпонованы в хронологической последовательности, день за днем, и в целом составляют летопись событий, происходивших в стране и в мире, на фронте и в тылу[236].

В сфере исследовательского интереса сохраняются проблемы подготовки Советского Союза к войне, развитие военно-теоретических взглядов и военного искусства, военное строительство в межвоенный и военный периоды, стратегическое и мобилизационное планирование[237], командный состав Красной армии накануне войны и репрессий[238], идеологическая подготовка к будущей войне и представления о ней[239]. По-прежнему большое внимание уделяется вопросам дипломатии и политики в предвоенные годы[240].

К настоящему времени в отечественной историографии произошла существенная корректировка осмысления событий кануна и первого этапа Второй мировой войны, основанная на новых данных конкретно-исторических исследований, статистическом материале и т. д. Сегодня историки предпочитают рассматривать противоречия между ведущими мировыми державами через призму геополитики, исследующей роль природно-географического фактора в формировании политики и военной стратегии государств[241]. Цели Германии в отношении Советского государства далеко выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры русского и других народов СССР, физическое истребление

народов Восточной Европы. Десятилетиями складывавшийся в Германии «образ врага» включал представления о вечности борьбы германцев против славян, культурном призвании и праве европейцев господствовать на Востоке. В этой системе координат Советский Союз (Россия) рассматривался как законная добыча западноевропейских держав, которым предстояло «закончить войну», расчленив СССР и установив над его народами свое колониальное господство.

Характерной особенностью предлагаемого современного «переосмысления» является акцент на идеологическую составляющую международных отношений. Распространение получило представление о том, что главным содержанием мировой истории после Первой мировой войны была борьба «за либеральную демократию» против двух тоталитарных идеологий — фашизма и коммунизма (сформулированное главным образом в англоязычной литературе в период «холодной войны»). Тезис о тождестве гитлеризма и большевизма, «родстве» Третьего рейха и «сталинского» СССР в 1990-х гг. активно использовался в публицистике и внедрялся в общественное сознание. Внимание обращалось в основном на поверхностное сходство использовавшихся некоторых политических и экономических технологий, в том числе репрессивных мер, способов взаимодействия государственного и партийного аппарата и т. п. Утверждение подобных взглядов в историографии происходило за счет привлечения исторического материала, относящегося к периоду 1939—1941 гг., прежде всего советско-германских договоренностей лета — осени 1939 г. и прилагавшихся к ним секретных протоколов.

Современные отечественные специалисты, опираясь на достижения предшественников, анализируя успехи и просчеты советской внешней и внутренней политики в 1930-е гг., неизменно подчеркивают незаинтересованность советского руководства в обострении международной обстановки. Как известно, в межвоенный период возникла реальная угроза объединения наиболее развитых в экономическом отношении держав против СССР. Важнейшая задача советской внешней политики в 1920—1930-е гг., таким образом, заключалась в том, чтобы найти союзников, предотвратить сплочение могущественных противников на антисоветской платформе и не допустить (или, по крайней мере, максимально отсрочить) вступление страны в войну[242]. Этот подход методологически основан на представлениях о конфликте национально-государственных интересов как основной пружине международных отношений в Новое и Новейшее время. По мнению большинства современных специалистов, советская внешняя политика формировалась под влиянием тех базовых геополитических императивов, которые действовали на протяжении столетий российской истории, изменение же общественно-политического строя сказалось главным образом на идеологическом и пропагандистском обосновании тех или иных конкретных акций.

В основе альтернативной точки зрения лежит идеологизация внешнеполитических интересов как противостояния «светлого» и «темного» начал, цивилизации и прогресса в лице «демократии» против отсталости и варварства «тоталитаризма». В данном случае налицо «теологизация собственного исторического проекта, отождествление его с некими общечеловеческими идеалами, которые позволяют выставлять даже преемственные интересы как борьбу за некие вселенские моральные принципы, а соперника — врагом света»[243]. В наиболее серьезных трудах последнего времени эти представления безоговорочно отвергаются прежде всего по причине их методологической узости и очевидного несоответствия всему комплексу накопленного в науке документального материала[244].

Современными военными историками много сделано для изучения хода вооруженного противоборства на фронтах Великой Отечественной войны. Более подробное освещение получили сражения, течение и исход которых были неудачными для советских войск[245]. В то же время значительно детализированы представления и о ключевых, решающих битвах на советско-германском фронте: Московской, Сталинградской и Курской (в том числе Прохоровском сражении), обороне и блокаде Ленинграда, операции «Багратион», взятии Берлина и т. д.[246]

Окружение и разгром советскими войсками вражеской группировки под Сталинградом справедливо признаются решающим событием, предопределившим изменение военно-

стратегической обстановки в пользу стран антигитлеровской коалиции и знаменовавшим коренной перелом в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн[247]. В то же время в современной литературе контрнаступление под Сталинградом (операция «Уран») предлагается рассматривать в общем контексте наступательных замыслов Ставки ВГК. В частности, внимание историков привлечено к сражениям на центральном направлении, а именно ко 2-й Ржевско-Сычевской операции (операция «Марс»), проводившейся войсками Западного и Калининского фронтов в ноябре — декабре 1942 г.[248]

Новейшую исследовательскую литературу отличает стремление к сравнительному сопоставлению советских и немецких источников, анализу не только победных, но и трагических страниц истории вооруженного противоборства, в том числе ошибок, допущенных командованием Красной армии при подготовке и проведении ряда операций, недостатков в управлении войсками.

«Архивная революция» начала 1990-х гг. открыла новые возможности для изучения социальной истории периода 1939–1945 гг. Введены в научный оборот статистические материалы, значительно расширяющие знания о военной экономике СССР, эвакуации, трудовом подъеме советских людей в тылу, демографических процессах, потреблении, ценах, доходах и расходах населения, перенесенных лишениях и т. д. С их учетом тема «народ и война», и ранее являвшаяся одной из центральных в отечественной историографии, получила более глубокое и всестороннее освещение[249]. В частности, проблематика исследований расширилась за счет включения в рассмотрение истории функционирования Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений (ГУЛАГ) и его роли в экономике военного времени[250].

В 2008 г. увидело свет первое в отечественной историографии обобщающее исследование, подготовленное в Институте всеобщей истории РАН — фундаментальный труд «Война и общество в XX веке», вторая книга которого посвящена периоду Второй мировой войны[251]. В центре внимания авторов — комплекс взаимосвязанных проблем: особенности взаимодействия общества и государственных структур в период ведения войны; отношение общества к целям войны, милитаризации экономики и духовной жизни, к ограничению гражданских свобод в военное время; эволюция общественного мнения и настроений населения воюющих стран под влиянием побед и поражений; ухудшение условий жизни; людские и материальные потери; влияние процессов, происходящих в гражданском обществе во время войны, на боеспособность вооруженных сил. Значительное внимание было уделено изменениям в военное время в социальной структуре общества, мировоззрении определенных классов и слоев общества, их отношении к методам разрешения внутренних и внешнеполитических проблем; взаимосвязям войн с общественными потрясениями, революциями, национально-освободительными движениями; особенностям восприятия обществом итогов войн, его отношению к армии и руководству в странах, выигравших и проигравших войну.

С середины 1990-х гг. стало оформляться новое для отечественной историографии научное направление — военно-историческая антропология, которое получило развитие в трудах Е. С. Сенявской[252]. Окончательное оформление этой научной отрасли — как теоретическое[253], так и организационное — произошло в начале 2000-х гг. с выходом в свет одноименного ежегодника под грифом Ассоциации военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война»[254]. На сегодняшний день военно-антропологический подход внес наибольший вклад в разработку такой проблематики, как психология войны, война и идеология, война и общественное сознание, война и религия, история военной повседневности, война и историческая память, и др. Особенно активно изучение широкого круга проблем в рамках перспективной тематики «человек на войне» ведется применительно к истории Великой Отечественной войны[255].

К настоящему времени историками России много сделано для освещения тех тем и сюжетов, которым в 1990-х гг. придавался характер сенсационности: коллаборационизма советских граждан (в том числе участия представителей ряда народов СССР в войне на стороне Германии), создания и боевого применения штрафных подразделений Красной армии,

участия органов НКВД в развертывании партизанского и подпольного движения на оккупированной территории, деятельности заградительных отрядов и т. п. В последние годы издано немало монографий и научных статей, где, в отличие от ангажированной публицистики, эти проблемы рассматриваются на документальной основе[256].

Продолжается дискуссия о роли Сталина И. В. в войне, руководстве государством и вооруженными силами, отношении к нему различных слоев общества. Историками анализируются его сильные и слабые стороны как полководца, приверженность наступательной стратегии, стиль руководства при решении вопросов внешней и внутренней политики страны[257].

Еще одной тенденцией современной историографии является стремление более объективно раскрыть коалиционный характер Второй мировой войны, показать значимость военных операций англо-американских союзников для развития событий на советско-германском фронте и оказываемой ими помощи Советскому Союзу по ленд-лизу[258]. Дипломатическая история взаимоотношений в рамках антигитлеровской коалиции рассматривается в контексте военной и экономической стратегий трех держав не только как сотрудничество, но и как противоборство. В результате новое осмысление получают не только история международных отношений периода Второй мировой войны, но и объективные и субъективные факторы послевоенной конфронтации[259].

На новой источниковой базе в работах В. К. Волкова, Т. В. Волокитиной, Л. Я. Гибианского, Б. И. Желицкого, В. В. Марьиной, А. Ф. Носковой, Е. Л. Валевой, П. А. Искендерова, Т. М. Исламова, Т. А. Покивайловой и других сотрудников Института славяноведения РАН исследуется широкий круг вопросов влияния Второй мировой войны на судьбы народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы. За последние годы по данной тематике были опубликованы сборники документов[260], ряд коллективных трудов и монографий[261], серия статей[262]. В центре внимания исследователей находятся вопросы внутри- и внешнеполитического развития стран восточноевропейского региона в годы войны, военно-политические, социально-экономические, национально-территориальные проблемы. Анализируются общественные настроения и ориентация политических партий, отдельных социальных групп и слоев населения, их отношение к СССР и Красной армии, вступившей на территорию как оккупированных гитлеровской Германией стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Польша, Чехословакия, Югославия), так и бывших ее союзников (Венгрия, Румыния, Болгария). Раскрывается острейшая борьба политических сил за перспективы послевоенного развития стран региона. Особое внимание в работах отечественных ученых уделяется межнациональным конфликтам, сформировавшимся или обострившимся в годы Второй мировой войны, в первую очередь на территории Югославии (Хорватия, Босния и Герцеговина, Косово, Воеводина). С новых позиций проанализирована история Албании военного периода, позволяющая лучше понять последующее развитие страны в условиях внешнеполитической самоизоляции. Российскими историками подготовлена и издана серия очерков по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в., включающих в себя разделы, относящиеся к периоду 1941—1945 гг.[263]

Российская историческая наука сегодня в большей степени, чем ранее, интегрирована в мировое научное сообщество. Обмен мнениями с зарубежными историками осуществляется в рамках международных научных конференций, совместных коллоквиумов, круглых столов[264]. В российских научных журналах регулярно публикуются работы зарубежных историков по отдельным проблемам минувшей войны[265]. Важное значение имеет работа Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений (сопредседатель с российской стороны академик А. О. Чубарьян)[266], Группы по сложным вопросам историков Польши и России (сопредседатель академик А. В. Торкунов), а также Ассоциации историков Второй мировой войны Национального комитета российских историков, издающей информационный бюллетень о своих заседаниях на русском и английском языках[267].

Результатом сотрудничества российских историков с зарубежными авторами явилось издание ряда оригинальных научных трудов: совместного российско-финляндского труда «Зимняя война 1939—1940» в двух книгах и совместного труда историков России, Велико-

британии, США «Союзники в войне»[268]. Исследователями России, ФРГ, США и Болгарии опубликована книга «Перелом во Второй мировой войне: Сражения под Харьковом и Курском весной и летом 1943 г. в оперативном планировании, проведении и политическом значении», куда включены материалы состоявшейся в 1993 г. в Берлине научной конференции. Выступающие использовали немало новых источников, в том числе и из российских архивов, что позволило им дать более объективную, чем раньше, картину сражений весной и летом 1943 г. на советско-германском фронте[269]. В рамках совместного проекта историков России, Украины и Белоруссии подготовлен труд «1941 год. Страна в огне», увидевший свет в конце 2011 г.[270] Участие в одном издании историков различных национальных школ со своими взглядами и оценками, без сомнения, открывает перспективу более обстоятельного и разностороннего освещения многих аспектов истории Великой Отечественной войны, осмысления ее места и значения в структуре социальной памяти. Подобных примеров сотрудничества наших историков с зарубежными с каждым годом становится все больше.

Новым мощным импульсом к расширению научно-исследовательской работы и изданию трудов отечественных историков послужил ряд юбилейных событий, непосредственно связанных с событиями Великой Отечественной войны. Это и 70-летие начала Великой Отечественной войны, и 70-летние юбилеи Московской, Сталинградской и Курской битв, обороны Севастополя и Кавказа, битвы за Днепр, снятие блокады Ленинграда.

Изданные к знаменательным юбилейным датам труды подготовлены в основном с использованием значительного комплекса отечественных и зарубежных архивных документов и материалов, вводимых в научный оборот впервые. Они существенно дополнят историографию Великой Отечественной войны на основе современных подходов к ее изучению[271].

В 2008 году Президент России В. В. Путин подписал распоряжение «Об издании фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов»[272]. Работа завершена. В марте 2015 г. вышел в свет заключительный, двенадцатый том.

Первый том «Основные события войны» был выпущен в июне 2011 года, в канун 70-й годовщины начала войны. В книге на документальной основе показано, что именно Советский Союз принял на себя главный удар агрессора, вынес основную тяжесть борьбы с нацистской Германией и ее европейскими союзниками. Второй том «Происхождение и начало войны» посвящен предыстории нападения Германии на нашу страну и первым трем месяцам войны, то есть с 22 июня до 30 сентября 1941 года. Третий том «Битвы и сражения, изменившие ход войны» посвящен событиям, происходившим с 30 сентября 1941 года по конец 1943 года. В конце 2012 года был опубликован четвертый том «Освобождение территории СССР. 1944 год». Авторскому коллективу удалось не только систематизировать и осветить ход и результаты боевых действий Красной армии по освобождению советской территории, но и обогатить их новыми фактами. В канун 68-й годовщины Великой Победы вышел в свет пятый том фундаментального издания — «Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией». Шестой том проекта — «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны». В данном научном труде в единстве и взаимосвязи рассмотрены основные направления деятельности внешней и военной разведки, а также контрразведывательных органов в предвоенный и военный периоды. Подобное издание подготовлено в отечественной историографии впервые. Седьмой том «Экономика и оружие войны» посвящен анализу экономического и оборонного потенциала СССР, а также противостоящей ему нацистской Германии, располагавшей накануне войне ресурсами всей континентальной Европы. Большое внимание уделено проблеме развития вооружения противоборствующих сторон. В восьмом томе «Внешняя политика и дипломатия в годы Великой Отечественной войны» показан весь спектр деятельности советской дипломатии — от укрепления антигитлеровской коалиции до контактов с нейтральными государствами и обеспечения государственно-политического руководства СССР важной военно-политической информацией по дипломатическим каналам. Во второй половине 2014 года вышли из печати девятый том «Союзники СССР по антигитлеровской коалиции» и десятый том «Государство, общество и война». В 2015 году был издан одиннадцатый том

«Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство войной и Вооруженными силами в годы войны» В марте 2015 года создатели фундаментального труда завершили выполнение Президентского проекта — вышел в свет заключительный, двенадцатый том «Итоги и уроки войны», в котором излагаются современные взгляды на наиболее дискуссионные проблемы истории войны, раскрыто всемирно-историческое значение Великой Победы над нацизмом и милитаризмом.

Таким образом, наши знания о Великой Отечественной войне прошли долгий и богатый событиями путь. В советский период было сделано немало в изучении и освещении истории минувшей войны. В свет вышли тысячи научных и научно-популярных работ, отвечавших уровню и возможностям того времени. Был накоплен огромный фактический материал и заложена серьезная основа для дальнейшего, более глубокого изучения Великой Отечественной войны. В то же время серьезные достижения в исследовании и освещении истории войны чередовались с определенным застоем и подчинялись строгим идеологическим и политическим детерминантам.

Качественное изменение условий развития отечественной исторической науки и историографии Великой Отечественной войны с начала 1990-х годов позволило по-новому подойти к изучению и освещению событий войны, раскрыть историю трагедии и триумфа нашего народа с большей полнотой и объективностью. Новые подходы к изучению истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, стремление к достоверной реконструкции их сложной панорамы характерны для большинства публикаций постсоветского периода.

Зарубежная литература

За прошедшие десятилетия в различных странах мира о войне СССР с Германией и ее союзниками опубликованы многочисленные сборники документов и мемуаров, тысячи исследовательских и публицистических изданий. Подавляющее большинство работ о Великой Отечественной войне, которую на Западе обычно именуют советско-германской, или «войной на Востоке», опубликовано в главных странах — участницах войны: Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Китае, Франции, Германии, Италии и Японии. После 1945 г. в большинстве этих стран были подготовлены и изданы многотомные труды, в которых нашли выражение национальные концепции Второй мировой войны и в той или иной степени Великой Отечественной войны Советского Союза.

По вполне понятным причинам зарубежная литература о войне окрашена в национальные цвета. Авторы каждой из стран — участниц войны главное внимание уделяют истории своей страны и ее вооруженных сил во Второй мировой войне. Национальная концепция проявляется и в оценках, нередко преувеличенных, конкретных событий войны, особенно сражений и битв, в которых участвовали войска данной страны. По этим же причинам количество трудов о Великой Отечественной войне в зарубежной историографии относительно невелико.

Одно из ведущих мест в западной историографии Второй мировой войны занимают германские публикации. В начале 1960-х гг. в Федеративной Республике Германия вышли в свет сборники документов, которые привлекли внимание как исследователей, так и широкого круга читателей. В первую очередь следует назвать «Военный дневник» начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера[273]. Именно на генеральный штаб сухопутных войск было возложено планирование и руководство военными действиями на восточном фронте, в то время как на всех других фронтах войны руководство войсками осуществлялось штабом верховного командования вермахта (ОКВ). Не менее важным источником для изучения стратегии Германии во Второй мировой войне является «Военный дневник верховного командования вермахта»[274]. Это военное учреждение, возникшее в феврале 1938 г., изначально задумывалось Гитлером как личный штаб, который и приводил в действие ближайшее к нему военное руководство соответствующими директивами и приказами. Военный дневник ОКВ

издан в четырех томах. Первый том охватывает события 1940–1941 гг., второй — 1942 г., третий — 1943 г., четвертый — 1944 и 1945 гг. Каждый из четырех томов начинается с введения, в котором на основе содержащихся в томе документов разъясняется суть происходивших событий. Авторами вводных статей были известные военные историки Г.-А. Якобсен, А. Хильгрубер, В. Хубач и Р. Е. Шрам. Существенно расширяет источниковую базу публикация директив ОКВ и сохранившихся фрагментов протоколов совещаний в ставке Гитлера[275].

Среди крупных научных центров наряду с Федеральным архивом ФРГ и Военным архивом, в которых ведется изучение истории Германии, следует отметить созданный в 1952 г. Институт современной истории в Мюнхене, где хранятся документы Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, материалы об оккупационной политике Германии, действиях эсэсовских карательных эйнзатцгрупп, гестапо, о нацистских концентрационных лагерях, жизни в Германии иностранных рабочих и военнопленных. Здесь же представлены документы Антикоминтерновского пакта, воспоминания участников заговора против Гитлера 20 июня 1944 г. и др.

Мюнхенский институт выпускает журнал «Ежеквартальные тетради по современной истории» (Vierteljahreshefte fir Zeitgeschichte), в которых значительное место отводится научным сообщениям и документам, относящимся к истории Германии в XX в., в том числе к вопросам о происхождении, ходе и итогах Второй мировой войны.

В 1967 г. сотрудник этого института профессор Л. Грухман одним из первых историков ФРГ издал книгу о Второй мировой войне под названием «Вторая мировая война. Ведение войны и политика»[276]. Затем эта книга вошла в один из разделов второго тома трехтомного труда «Германская история после Первой мировой войны», в котором последовательно была рассмотрена история Германии с 1919 по 1945 г.[277]

Затем сотрудниками мюнхенского института была подготовлена книга «Смертельная утопия. Иллюстрации, тексты, документы, даты, относящиеся к Третьему рейху»[278]. В 2001 г. вышло в свет третье издание этой книги. В ней, как и в указанном выше трехтомнике, рассматривалась история Германии после Первой мировой войны и до окончания Второй мировой войны. Оно рассчитано на широкий круг читателей и при этом отвечалет требованиям, предъявляемым к серьезным научным изданиям. Исследование базируется на документах, раскрывающих преступную, агрессивную сущность нацизма как до, так и после установления его господства в Германии, снабжено хронологической таблицей, в которой отражены важные события, произошедшие со времени образования в мае 1919 г. Немецкой рабочей партии (переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию в феврале 1920 г.) до капитуляции Германии 9 мая 1945 г. и союзной ей Японии 2 сентября 1945 г., библиографией, именным и географическим указателями, картами и иллюстрациями.

Ведущую роль среди германских военных исследовательских учреждений ФРГ в настоящее время занимает созданное в 1957 г. при федеральном министерстве обороны Военно-историческое исследовательское управление (Militärgeschichtliche Forschungsamt), которое объединяет военно-исторические центры сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Это учреждение призвано вести исследование немецкой военной истории начиная с XVII в., представлять результаты проделанной работы бундесверу и интересующейся историей широкой общественности. Для этого налажено издание два раза в год журнала «Военно-исторические сообщения» (Militärgeschichtliche Mitteilungen).

В управлении работают как офицеры, так и гражданские историки, которые поддерживают тесные связи с университетами, немецкими и заграничными архивами и музеями, а также с военно-историческими службами зарубежных стран.

Вначале в ФРГ было немало пессимистов, не веривших в то, что это управление будет соответствовать предъявляемым к нему высоким научным требованиям. Для этого нужно было иметь прежде всего широкую источниковую базу. Но с окончанием войны она серьезно ослабла из-за того, что большинство документов, проливающих свет на историю войны 1939–1945 гг., было захвачено западными державами и вывезено из Германии. Лишь во второй половине 1960-х гг. они вернули ФРГ эти документы в подлинниках или копиях.

К тому времени правительство ФРГ много сделало для восстановления Федерального архива, Военного архива, Политического архива министерства иностранных дел и др. Доступ в фонды этих архивов был открыт для историков, в том числе и зарубежных, так как не имело смысла засекречивать документы после того, как они были обнародованы и скопированы за рубежом. Большое значение для повышения профессионального уровня сотрудников Военно-исторического управления имело их сотрудничество при подготовке книг и статей с опытными историками из различных университетов ФРГ.

Довольно скоро управление приобрело авторитет среди историков как в своей стране, так и за рубежом. К середине 1980-х гг. оно подготовило около 220 исторических исследований и 37 полутомов журнала «Военно-исторические сообщения»[279]. Некоторые аспекты войны нацистской Германии против СССР и других стран затрагивались в большой серии трудов по различным и узким, и широким темам военной истории, но лишь в трех книгах из этой серии анализировались операции вермахта непосредственно на советско-германском фронте. Это монографии Э. Клинка «Стратегическая инициатива. Операция “Цитадель”. 1943 г.», К. Рейнхардта «Поворот под Москвой. Крушение стратегии Гитлера зимой 1941/42 г.», М. Керига «Сталинград. Анализ и документация битвы»[280]. Анализ влияния Сталинградской битвы на рост противоречий между Германией и ее европейскими союзниками был представлен Ю. Ферстером в монографии «Сталинград. Раскол в коалиции 1942—1943 гг.»[281].

С деятельностью Военно-исторического исследовательского управления бундесвера связано наиболее значительное достижение историков ФРГ — издание многотомного военно-исторического труда «Германский рейх и Вторая мировая война». Разработка его концепции началась в конце 1960-х гг., после того как США передали ФРГ захваченные в 1945 г. американскими войсками германские архивы. Было решено на основе максимально широкой источниковой базы подготовить десятитомный обобщающий труд по истории Второй мировой войны. При этом руководство управления исходило из того, что при освещении военной истории, как и в других областях науки, необходимо не ограничивать авторов какими-либо национально-государственными рамками. Для написания каждого из десяти томов выделялась небольшая группа в количестве трех-шести человек, каждый из которых должен был подготовить несколько предусмотренных в плане частей или глав и нести ответственность за их научное содержание. Главные и ответственные редакторы томов не назначались. Научное руководство подготовкой всего проекта с 1970 по 1988 г. осуществлял профессор М. Мессершмидт, затем его сменил В. Дайст. В написании коллективного труда приняли участие 67 авторов. Часто авторы одного и того же тома относились к различным историческим школам, но это не принималось во внимание: они имели право излагать свои личные взгляды на те или иные события. Считалось, что, основываясь на представленных в труде фактах и документах, читатель сможет составить собственную точку зрения. В связи с этим труд, хотя и подготовлен в государственном учреждении, но официальную позицию правительства ФРГ не представляет[282].

Подготовленный в результате 30-летней работы труд состоит из 10 томов (более 12 тыс. страниц)[283]. Нет никаких сомнений в том, что он занял достойное место в мировой историографии. Авторы ввели в научный оборот много новых, прежде всего немецких документов и материалов, которые проливают дополнительный свет на многие аспекты избранной ими темы. Это не означает, что предложенная ими трактовка рассматриваемых событий принята всеми историками. В труде поднято немало как решенных, так и дискуссионных вопросов. С точки зрения российского читателя, немалое значение имеет раскрытие в труде преступной сущности нацистского режима, его идеологии, целей и методов ведения войны против СССР.

В связи с этим следует сказать, что не утратили своего научного значения работы, изданные в Германской Демократической Республике. К примеру, один из наиболее полных сборников документов и материалов о планировании и подготовке Германии к нападению на СССР под названием «Вариант Барбаросса» был издан в 1970 г. Немецким военно-историческим институтом ГДР[284]. Первым обобщающим фундаментальным трудом, в котором на имеющейся тогда документальной основе излагалась история Германии накануне и в

ходе Второй мировой войны, был шеститомный труд «Германия и Вторая мировая война», изданный Центральным институтом Академии наук ГДР в 1974–1985 гг.[285]

В Соединенных Штатах Америки ведущее место среди публикаций источников занимают сборники дипломатических документов за 1939–1945 гг. (48 томов)[286], переписка Ф. Рузвельта с У. Черчиллем в трех томах, изданная известным историком У. Кимболом[287], мемуары членов американского правительства, генералов и дипломатов; в числе исследовательских работ — 80-томный труд «Армия США во Второй мировой войне», включающий 12 серий («Военное министерство», «Сухопутные силы армии», «Война на Тихом океане», «Средиземноморской театр военных действий», «Европейский театр военных действий» и др.); 15-томный труд «История военно-морских операций Соединенных Штатов во Второй мировой войне», 7-томное издание «Военно-воздушные силы США во Второй мировой войне» и 5-томник «История операций корпуса морской пехоты США во Второй мировой войне». К ним примыкает трехтомное издание военно-исторической службы армии США о событиях на советско-германском фронте: «Дорога на Москву. Кампания в России 1941», «От Москвы до Сталинграда 1941–1942», «От Сталинграда до Берлина 1943–1945. Поражение Германии на Востоке», а также книга «Советский джаггернаут [сокрушительная сила]», выпущенная в 1980 г.[288] Обширная литература посвящена экономике, внешней политике, в том числе истории антигитлеровской коалиции, советско-американским и англо-американским отношениям, внутриполитическому положению США. Выделим в этой связи книгу Д. Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу», сборник «Важнейшие решения», книги Ф. Погью «Верховное командование», М. Мэтлоффа и Э. Снелла «Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942», С. Моррисона «Вторжение во Францию и Германию 1944–1945», Г. Фейса «Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились», Дж. Дина «Странный союз», У. Ширера «Взлет и падение Третьего рейха», Г. Солсбери «900 дней блокады Ленинграда» и ряд других, изданных в переводе с английского в СССР и России. Среди новейших работ стоит отметить книгу Ф. Харбэта «Ялта: Европа и Америка на перекрестке»[289].

Не менее обширна литература Великобритании. Прежде всего это многосерийный сборник «Документы Британской внешней политики» рассматриваемого периода и «Документы международных отношений 1939–1946» под редакцией А. Тойнби, всемирно известные мемуары У. Черчилля «Вторая мировая война» в шести томах и 90-томная «Британская официальная история Второй мировой войны», издание которой началось вскоре после окончания войны и в основном завершено к настоящему времени[290]. Труд делится на военную, гражданскую и медицинскую серии, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется по тематике («Военное производство» — 8 томов, «Внешняя политика» — 6 томов, «Разведка» — 13 томов, «Руководство войной» — 5 томов, «Война на Европейском театре» — 5 томов, «Война на море» — 4 тома, «Война в воздухе» — 17 томов). Основа труда и его концепция изложены в 6-томной «Большой стратегии» (под этим понятием имеется в виду «искусство наиболее действенного применения всей мощи государства»)[291]. В комплексе рассматриваются экономика, внешняя и внутренняя политика, использование людских ресурсов, военная стратегия и действия вооруженных сил. Согласно взглядам английских теоретиков, «большая стратегия практически совпадает с военной политикой, но в отличие от нее выражает политику в действии»[292]. История Великой Отечественной войны фрагментарно освещается в каждой из тематических серий «Большая стратегия», «Внешняя политика», «Война на Европейском театре» и некоторых других книгах этого официального труда. Большое количество книг посвящено У. Черчиллю и его деятельности как премьер-министра и неформального главнокомандующего вооруженными силами в годы войны. Выделим классический восьмитомный труд официального историка У. Черчилля М. Гилберта «Уинстон С. Черчилль»[293], «Военные документы Черчилля», среди которых особый интерес представляет переписка Черчилля, и другие его документы за 1941 г.[294]

Событиям в России, на советско-германском фронте посвящены работы ряда крупных британских историков. Среди них выделим книги Д. Эриксона, Д. Дилкса, Д. Рейнольдса

и Д. Робертса. Внимание широкого читателя привлекли книги корреспондента газеты «Санди Таймс» и радиокорпорации «Би-би-си» А. Верта «Россия в войне 1941–1945», представляющая войну в ее «человеческом измерении», а также Д. Робертса «Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю» (М., 2002, 2003). В числе изданий последних лет отметим книгу Д. Рейнольдса «От мировой к холодной войне. Черчилль, Рузвельт и международные события 1940-х»[295].

В англоязычной литературе отметим также малоизвестный в нашей стране 17-томный труд, подготовленный историками Индии и Пакистана «Официальная история вооруженных сил Индии во Второй мировой войне 1939–1945»[296].

Во Франции значительная часть исследователей большое внимание еще с военного времени уделяет изучению нацистской оккупации, коллаборационизма и движения Сопротивления. Вскоре после освобождения страны был создан Комитет по истории Второй мировой войны при премьер-министре Франции (генеральный секретарь и почти бессменный руководитель — профессор А. Мишель). Комитет развернул работу в шести комиссиях, поставив в центр своего внимания проблемы Сопротивления, депортации и пропаганды. С 1949 г. под редакцией А. Мишеля издавались «Тетради по истории войны», которые в 1951 г. были преобразованы в журнал «Обозрение истории Второй мировой войны» (Revue d'histoire de la deuxrème guerre mondiale). Помимо исследований журнал публиковал обширную библиографию книг и статей, в том числе и советских. Стимулом к расширению французских работ стала публикация сборников официальных дипломатических документов и трех томов военных мемуаров Шарля де Голля[297]. Неоднократно переиздававшиеся воспоминания генерала содержат весьма объективную оценку антигитлеровской коалиции, ее лидеров, некоторых черт их национального самосознания. Более 200 документов, касающихся внешней политики предвоенной Франции и его профашистского правительства (коллаборационистского режима «Фиши»), Великобритании, США и СССР в период 1938–1945 гг., изданы в сборнике П. Ж. Реми «Дипломаты на войне: по материалам архива Кэ д'Орсэ»[298].

Уже к концу 1950-х и в 1960-е гг. во Франции было подготовлено и издано немало трудов по истории страны в период оккупации, а также по общей тематике Второй мировой войны и международных отношений. Следует упомянуть, в частности, серию книг под общим названием «Дух сопротивления»[299].

Среди трудов по истории антигитлеровской коалиции выделим монографию профессора университета г. Лиможа Ф. Коше «Понять Вторую мировую войну»[300] и трижды переиздававшийся сборник «8 мая 1945 года: победа в Европе»[301], в котором конференции «Большой тройки» освещаются в связи с развитием военных действий и с конфликтами интересов ведущих стран антигитлеровской коалиции. В последующие годы происходило расширение тематики исследований. В первую очередь французских историков привлекают знаковые события и явления — такие, например, как высадка союзников в Нормандии, военные действия в Северной Африке, Сопротивление и вишистский режим, яркие исторические деятели, социальная история периода оккупации, преступления СС и коллаборационистов на территории Франции и Польши (через родство судеб французских евреев и заключенных немецких концлагерей)[302]. Среди последних детальностью описания выделяются монография профессора Парижского института прессы Фабриса д'Альмейды «Источники бесчеловечности: организация работы и досуга надзирателей концлагерей»[303], а также воспоминания бывших заключенных. Велико число воспоминаний о сотрудничестве представителей французского Сопротивления с англо-американскими спецслужбами. В этом плане представляет интерес автобиография Вирджинии д'Альберт-Лейк «Американская героиня французского Сопротивления», переизданная также на английском языке[304]. Определенное место занимают справочные издания и мемуаристика, а также переводная литература, в которой нередки исследования о психологии войны.

История сражений Второй мировой войны в целом представлена обзорными работами французских и зарубежных историков, трудами по истории дипломатии и воспоминаниями. Выделим труд Макса Галло «История Второй мировой войны». К настоящему времени

вышли в свет четыре тома: «1940 год. Бездна и надежда», «1941 год. Мир принимает вызов», «1942 год. Восход солнца» и «1943 год. Дыхание победы»[305]. В книгах дано широкое описание дипломатических и военных усилий стран антигитлеровской коалиции с кратким описанием важнейших военных операций того времени. История сражающейся Франции — это также история эскадрильи «Нормандия — Неман», в числе книг о которой выделим автобиографическую «Эпопею», написанную ветеранами «Сражающейся Франции»[306].

Особое место во франкоязычной литературе о Второй мировой войне отведено личности папы Пия XII и его политике в отношении нацизма и фашизма. В последние годы вышло несколько крупных работ, основанных на материалах Государственного архива Ватикана, среди которых наиболее авторитетной признана монография известного историка католической церкви Пьера Бле «Пий II и Вторая мировая война»[307].

Основной концепцией, господствующей в историографии Италии, является акцент на виновность нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны и в бедах итальянского народа. При этом итальянские войска представляются подневольными исполнителями воли Гитлера и попавшего под его влияние амбициозного Муссолини. Такой подход основывается на исследованиях левых историков или участников партизанского движения, чьи труды о Второй мировой войне в послевоенный период были практически единственными. Современные исследования опираются по большей части именно на эти работы. Важное место в них занимает литература, посвященная движению Сопротивления[308].

Одним из основных источников по исследованию внешней политики фашизма для итальянских историков до сих пор остается книга бывшего генерала, служившего в годы войны в итальянских посольствах в Берлине и Бонне, Марио Лучиолли[309]. Он изображает колебания Муссолини между «воинственными жестами» и миротворческими попытками как следствие желания дуче играть важную роль в международной политике, духом «антиинтернационала», «дипломатическим бессилием» и военной слабостью его диктатуры.

До сих пор важными для итальянских историков остаются два сборника документов (хотя они были опубликованы сразу после войны): беседы Муссолини, Франко и Чемберлена (собраны министром иностранных дел фашистского режима Галеаццо Чиано)[310] и переписка Муссолини и Гитлера[311].

Внешней политикой фашизма занимались Ренцо Де Феличе[312] (многие считают его самым авторитетным историком фашизма в Италии) и Енцо Коллотти[313]. Де Феличе описывает причины вступления Муссолини в войну и цели, которые итальянский вождь ставил перед собой, подчеркивая расхождение между шагами, предпринятыми накануне войны, и главными линиями во внешней политике фашизма. Коллотти оспаривает такую интерпретацию, подчеркивая последовательность дипломатической линии Муссолини с 1920-х гг. до момента вступления в войну. Коллотти также оспаривает тезис, согласно которому в фашистском правительстве имелся относительный плюрализм позиций касательно внешней политики. Отметим также нашедшую отклик у итальянских исследователей концепцию, согласно которой в целом Вторая мировая война была результатом фундаментальной нестабильности в международных отношениях межвоенного периода вследствие упадка старых колониальных империй Англии и Франции и появления новых агрессивных держав, стремящихся завоевать свое «место под солнцем», — Германии, Италии и Японии.

В литературе, затрагивающей вопросы «большой стратегии» и событий на советско-германском фронте, велико место переводных работ, в основном англоязычных авторов: М. Гилберта, Б. Лиддел Гарта, А. Тэйлора, Р. Овери, Дж. Кигана, Дж. Гуча[314]. Интерес итальянских историков привлекают в первую очередь боевые действия в Северной Африке[315]. Существуют также подобные издания, основанные на материалах, относящихся к советско-германскому фронту, отдельные работы посвящены описанию важнейших сражений[316]. Значительное место в итальянской историографии занимают исследования вопроса об итальянских военнопленных, главным образом в Третьем рейхе[317] и в Советском Союзе[318]. Регулярно издаются воспоминания участников тех событий[319]. Немало внимания уделяется изучению действий итальянской армии и положению военнопленных на Балканах[320].

Важное место в итальянской историографии войны занимает проблема взаимоотношений Ватикана с Римом и Берлином. Здесь нельзя не отметить две противоположные тенденции. С одной стороны, Святой престол, не выходивший за пределы пацифистских призывов, в ученой среде обвиняется в пособничестве виновникам войны[321]. С другой стороны, Пий XII (как и предыдущий папа Пий XI) и католическая церковь в целом представлены жертвами гитлеризма, не имевшими действенных рычагов для сопротивления[322]. Речь идет особенно о подходе Ватикана к вопросу холокоста[323]. Более современные историографические труды на основе архивных документов и свидетельств очевидцев доказывают, что Святой престол сопротивлялся политике нацистов не столько резкими заявлениями, сколько на конкретном уровне, укрывая евреев и политических оппозиционеров в монастырях, храмах и т. п.[324] К этим трудам нужно добавить исследования дел милосердия католической церкви во время войны[325].

Современные итальянские авторы также уделяют немалое внимание социальной и гендерной истории[326]. Публикуются работы, посвященные таким отдельным остросюжетным темам, как противостояние итальянских и англо-американских спецслужб в годы войны, деятельность англо-американской комиссии экспертов-искусствоведов в целях спасения итальянского культурного наследия[327].

В странах Восточной Азии подход к оценке начала Второй мировой войны отличается от того, который принят в Европе. Это вполне понятно: война в Европе была слишком далека от данного региона, от тех событий, которые происходили здесь и затрагивали жизнь десятков и даже сотен миллионов людей. Поэтому в историографии Китая и Японии главное внимание обращено на исследование и описание событий на китайско-японском фронте борьбы. Война в Европе и, соответственно, Великая Отечественная война освещаются чаще всего лишь в той мере, в которой они оказывали непосредственное воздействие на ход боевых действий в данном регионе.

В Китае исследованием проблем Второй мировой войны, наряду с центральными институтами Академии общественных наук Китая в Пекине, занимается и ряд институтов провинциальных академий общественных наук. Наибольший вклад в изучение вопросов Второй мировой войны внесли региональные академии общественных наук провинций Хэйлунцзян и Цзилинь. Только в академии провинции Хэйлунцзян (г. Харбин) этими проблемами занимаются три института (истории, Сибири и Дальнего Востока, Северо-Восточной Азии). Китайские историки относят начало Второй мировой войны к 7 июля 1937 г., когда Япония развернула крупномасштабные боевые действия в Китае. Военные действия велись на территории около 10 млн $км^2$ (что сопоставимо с площадью Европы), а участие в них охватило население более полумиллиарда человек. Характерным для китайской историографии является относительно небольшое количество фундаментальных трудов по истории Второй мировой войны относительно числа публикаций в периодической печати. Также обращает на себя внимание преобладание трудов, освещающих антияпонскую освободительную войну китайского народа, что вполне естественно.

Среди крупных научных работ, раскрывающих причины и истоки Второй мировой войны, следует назвать труды китайского историка Чжу Гуантина «Фашизм и Вторая мировая война» и «Фашистский режим»[328]. Этим же проблемам посвящена работа еще одного китайского исследователя Чень Чжаньсяня «Фашистские движения и фашистская диктатура»[329]. Изданные в последние годы фундаментальные труды, освещающие историю Второй мировой войны в целом, принадлежат историкам Чжу Гуйчену и Си Бучуну[330]. Историография Второй мировой войны изложена в работе И Сяодона «Вторая мировая война: историография»[331].

Центральное место в китайской литературе занимают труды по истории освободительной войны китайского народа против японских оккупантов в 1937–1945 гг. Крупным научным достижением считается публикация фундаментальных работ коллективов и отдельных авторов, изданных как в центральных, так и провинциальных издательствах. Первые такие работы появились вскоре после освобождения Китая, и эта тема не исчерпана и по

сегодняшний день. В числе первых, кто раскрыл проблемы национально-освободительного движения, были китайские историки и политические деятели Хуа Ган, Чжу Дэ, Е Вошен, Ли Чжуан и Лю Байюй[332]. Военные историки Ли Хуэй, Ли Жанхан и Юэ Нбин исследовали процесс вторжения и оккупации Японией китайской территории[333]. Спустя почти десять лет эскалация войны Японии в Китае была представлена в изложении Чжу Ина[334]. Ряд работ об освободительной войне китайского народа был выполнен в Уханьском университете (провинция Хубэй). Так, историк Гон Дункин в соавторстве с Тан Бенти в 1983 г. подготовили и издали «Историю китайской войны против японских захватчиков», а Ху Денкун рассмотрел историю оккупации Китая и ход войны против интервентов от Мукденского конфликта до капитуляции Японии[335]. Проблемам антияпонской войны и национально-освободительного движения Китая посвящены также труды Ван Сияня «Записки о старых советских районах восточной Хунани» и Ян Биняня «Освободительная война китайского народа»[336].

Японо-китайской войне посвящены отдельные тома и разделы многотомных изданий. Так, 4-й том («Антияпонская война») 5-томного сборника материалов по новейшей истории Китая рассказывает о борьбе Китая за освобождение своей родины[337], а вопросы Второй мировой войны и антияпонской освободительной войны Коммунистической партии Китая затронуты в 4-томной «Истории Китая за два тысячелетия» и 2-томной «Краткой истории Китая»[338].

Нельзя обойти вниманием и труды председателя Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна, в которых рассматривались вопросы стратегии и тактики войны против японских захватчиков. Четырехтомное китайское издание было переведено на русский язык и издано в СССР в 1952–1953 гг. Работы Мао Цзэдуна представляют собой отдельные статьи и труды, написанные им в 1937–1945 гг. и посвященные теории и практике партизанской войны, месту и роли компартии Китая в национальной войне, оценке обстановки и вытекающих из нее задач, консолидации национальных сил в антияпонской борьбе[339]. «Избранные произведения по военным вопросам» Мао Цзэдуна были изданы в СССР отдельной книгой[340].

Мемуарная литература об антияпонской борьбе представлена работами героя китайской революции, выдающегося военного и политического деятеля, бывшего министра обороны КНР Пэн Дэхуая[341]. Изданная в СССР в 1988 г., книга составлена на основе множества документов и материалов, написанных Пэн Дэхуаем по требованию «спецгруппы по расследованию» его дела в ходе «культурной революции». Естественно, находясь в тюрьме, автор мемуаров не мог по некоторым вопросам высказаться откровенно, вынужден был давать определенным событиям и лицам оценку, противоположную той, которой придерживался в действительности. К этой же категории публикаций можно отнести совместную работу Пан Жинде и Гу Гуанхуа «Воспоминания о Второй мировой войне»[342].

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. представлена в китайской литературе крайне неоднородно. Так, в период войны и сразу же после ее окончания вышло лишь несколько работ, фрагментарно освещающих войну СССР с гитлеровской Германией. При этом часть работ была издана на китайском языке в нашей стране. В их числе «Армия Советского Союза», «Сталинград» и «На полях великой битвы»[343]. В 1949 г. на китайский язык был переведен и издан сборник приказов Верховного Главнокомандующего, его обращений к народу и Красной армии, речей и ответов И. В. Сталина на вопросы зарубежных корреспондентов в 1941–1945 гг. под общим названием «О Великой Отечественной войне Советского Союза»[344]. Ход войны СССР с Германией, наиболее трагичные и переломные ее моменты освещены в работе китайского историка Чжу Зиньшаня «История Великой Отечественной войны Советского Союза»[345].

Определенным достижением китайской военно-исторической науки необходимо признать работы Чжу Шивея, вышедшие в серии «Восточный фронт» во второй половине 2000-х гг. Его труды посвящены крупнейшим наступательным операциям Красной армии, предопределившим исход Великой Отечественной войны. Охватывая период с лета 1943 до зимы 1944 г., автор рассматривает действия советских и германских войск в битве за Днепр,

крупномасштабную Белорусскую наступательную операцию (операция «Багратион») и др. В серию вошли книги «Уничтожение группы армий “Центр”», «Битва за Днепр (решающая битва на реке Днепр)», «Восточный фронт: катастрофа», «От Харькова до Курска», «От Смоленска до Киева», «От Украины до Румынии»[346].

Основным результатом исследования историков Японии является «Официальная история войны в великой Восточной Азии» в 110 томах, подготовленная Институтом оборонных исследований управления национальной обороны Японии[347]. Война в Европе, в том числе Великая Отечественная война, освещается в этом труде поверхностно и фрагментарно. Эту нишу в историографии Японии заполняют работы, представляющие собой переводы и комментарии трудов американских, британских, французских и немецких историков. Немало работ такого рода принадлежит перу известного японского историка и политолога, почетного профессора университета Гакусюин Сайто Такаси[348], осуществившего перевод на японский язык трудов английских историков и политологов Э. Кара, Э. Хобсбаума, Э. Майера, Л. Вульфа, посвященных проблемам фашизма, международных отношений накануне Второй мировой войны, причинам возникновения войн и др.

Большое внимание в японской литературе уделяется причинам возникновения Второй мировой войны, борьбе за сферы влияния в мире между ведущими державами. К числу наиболее значительных трудов, освещающих эти проблемы, следует отнести коллективную монографию «Вторая мировая война: причины возникновения и экспоненциальное развитие»[349], книги профессора университета Кэйогидзюку Фукуда Кадзуя «Вторая мировая война: причины и результаты» и историка и философа, почетного профессора университета Киото Уэяма Сюмпэя «Вторая мировая война»[350]. В общем контексте исследования причин возникновения мировых войн анализ источников и причин Второй мировой войны сделан в работе японского историка, доктора права, почетного профессора университета Гакусюин, автора многочисленных работ по истории войн и региональных конфликтов Камия Фудзи «Войны XX века»[351]. В этом же русле находится и работа почетного профессора университета Киото, автора фундаментальных работ по истории войн нового времени Фуруя Тэцуо «История мировых войн»[352]. Коллективом авторов под общей редакцией Мурасэ Окио в работе «Фашизм и Вторая мировая война»[353] сделана попытка рассмотреть фашизм как основной источник возникновения Второй мировой войны. Завершает этот ряд работ коллективный 6-томный труд «История войны на Тихом океане»[354].

Для российских читателей одной из наиболее известных работ японских историков является более раннее 5-томное издание «История войны на Тихом океане», переведенное на русский язык в 1957–1958 гг.[355] Второй и третий тома этого труда посвящены анализу военно-политической обстановки в мире, рассмотрению причин возникновения Второй мировой войны, позиции и дипломатической деятельности СССР по предотвращению войны в Европе. При этом второй том труда практически целиком посвящен военно-политическим предпосылкам начала Второй мировой войны и той роли, которую в ее развязывании играли ведущие государства мира. Авторы утверждают, что Мюнхенское соглашение, продолжением которого впоследствии стало подписание советско-германского договора о ненападении, стало результатом раскола в лагере государств, противостоящих СССР, и похоронило надежду демократий на предотвращение Второй мировой войны, а немалую ответственность за это должны нести Англия и Франция[356]. Не менее известна российским читателям и работа Хаттори Такусиро, выдержавшая в нашей стране два издания[357]. Автор книги — кадровый офицер, полковник, проходивший службу в Квантунской армии, опираясь на официальные документы, раскрывает обстоятельства, связанные с началом войны Японии с США, Англией и Голландией в декабре 1941 г., и дальнейший ход войны, который в совокупности с «китайским инцидентом» в Японии называют «войной в великой Восточной Азии». Заслуживает также внимания книга бывшего полковника японской армии Хаяси Сабуро, проанализировавшего взгляды японского командования на начальный период Второй мировой и Великой Отечественной войн, и ту роль, которую отводила себе Япония в войне против Советского Союза, Китая, США и стран Юго-Восточной Азии[358].

В японской историографии существует еще ряд работ, которые не имеют прямого отношения к рассмотрению вопросов начала Второй мировой и Великой Отечественной войн, но содержат оценку авторами военно-политической обстановки, причин возникновения войн и обстоятельств, сопровождавших их[359].

Помимо того что научная и научно-популярная литература, посвященная Второй мировой войне, всегда в той или иной мере была национально ориентирована, она на протяжении 70 лет претерпевала существенные изменения, обусловленные государственно-политическими взаимоотношениями между странами. «Холодная война», противостояние двух военно-политических блоков государств, их борьба за сферы влияния не могли не сказаться и на отношении к прошлому, в частности на интерпретациях и оценках событий Второй мировой войны.

В целом в развитии зарубежной историографии можно выделить три этапа, границами между которыми стали такие важнейшие события международной жизни, как завершение Второй мировой войны, период «холодной войны» и ее окончание. Как и всякая широкая классификация, такое деление несколько условно, однако позволяет выделить некоторые общие особенности зарубежной литературы независимо от национальной принадлежности отдельных авторов.

Первый этап зарубежной историографии охватывает период, когда противоборствовали две военные коалиции (1941–1945). Издававшаяся тогда литература о советско-германском фронте преследовала прежде всего пропагандистские цели. Наряду с публицистическими работами выходили статьи и книги, освещавшие опыт вооруженной борьбы на советско-германском фронте, состояние противоборствовавших сторон и их вооруженных сил, а также некоторые проблемы внешней политики и международного положения.

Работы, издававшиеся в Германии и союзных ей странах, отличались крайней враждебностью к СССР. Их целью было скомпрометировать все, что было связано с Советским Союзом, представить его как агрессивное государство и вызвать у собственного населения предвзятое отношение к народу СССР и его армии.

В первые месяцы после начала «восточного похода» в Третьем рейхе в газетных статьях и по радио широко распространялись материалы о «подрывной деятельности» СССР, направленной против Германии. Особый акцент делался на подготовке Советского Союза к «советизации Европы», нападению на сопредельные страны. Примером может служить брошюра К. Хильдена «Мурманская железная дорога: угроза для Финляндии и Скандинавии»[360]. Другой важной темой стала критика большевизма как социально-политической системы. В этих описаниях русский и другие народы СССР представали перед читателями неполноценными, не способными к инициативным и созидательным действиям, обреченными только на зависимое от более развитых наций существование[361]. На более позднем этапе войны появились работы, освещавшие опыт вооруженной борьбы и свидетельства военнослужащих вермахта о пребывании на территории СССР. Действия вермахта против Красной армии преподносились как непрерывная цепь побед с примерами воинского мастерства германских военнослужащих. Подобные труды издавал не только военно-исторический отдел сухопутных войск, но и другие ведомства вермахта. К их числу относятся «Боевые эпизоды похода против советской России в 1941–1942 гг.: по описаниям фронтовиков»; «Солдаты Европы рассказывают о Советском Союзе»; «Бессарабия — Украина — Крым: победоносный поход германских и румынских войск. Иллюстрированная книга, подготовленная и изданная оперативным отделом одной из армий на Востоке» и др.[362]

В то же время в вермахте практиковалось написание так называемых «Отчетов о действиях» (Gefechtsbericht) по итогам тех или иных сражений или операций. Они часто готовились спустя несколько месяцев после событий. Сражениям лета 1941 г. были посвящены отчеты о действиях 49-го горно-егерского корпуса на львовском направлении[363], отчет VIII корпуса о боях под Гродно[364], отчет штаба 45-й пехотной дивизии о штурме Брестской крепости[365]. Написание подобных отчетов не было распространенной практикой и часто являлось инициативой командиров и командующих. В этих и других материалах[366], обобщавших опыт

вооруженной борьбы на восточном фронте и предназначенных для служебного пользования, содержались сведения о советских войсках, их боеспособности, оружии и военной технике, об используемых ими методах ведения боевых действий.

Для использования командно-штабными инстанциями войск, действовавших на восточном фронте, издавались также военно-географические обзоры СССР и работы по обобщению опыта вооруженной борьбы. Еще в 1941 г. военно-географическое управление генерального штаба сухопутных войск вермахта подготовило серию из восьми обзоров европейской части СССР. Об их содержании можно судить по обзору, посвященному Москве. Он состоял из двух книг. В первой давалось описание советской столицы, ее положения и значения как политического, промышленного, военного и транспортного центра, приводились подробные данные о расположении правительственных и военных учреждений, о крупных предприятиях, вокзалах, мостах и т. д. Во второй книге было сброшюровано более двух десятков карт, схем, планов Москвы и ее отдельных районов с нанесенными на них объектами военного характера[367]. Пять географических обзоров в 1941–1943 гг. издал картографический отдел главного штаба ВВС Германии[368]. В них наряду с характеристикой рельефа, речной и дорожной сети различных регионов СССР содержались краткие сведения об экономике, населении и Вооруженных силах Советского Союза.

Гражданские ведомства Германии тоже издавали книги об СССР для служебного пользования. Они предназначались прежде всего представителям деловых кругов, устремившихся на оккупированную советскую территорию в целях ее колонизации. Так, Институт экономики восточных областей, располагавшийся в Кенигсберге, в 1941 г. выпустил книгу «Украина и прилегающие к ней области», а в 1942 г. в Берлине вышла работа «Дорожная сеть украинских областей»[369].

После 1943 г. выпуск литературы о Советском Союзе сократился. В основном публиковались материалы с целью запугать немцев и население других европейских стран возможным приходом Красной армии и ужасами советской оккупации.

Англоязычную литературу времен войны отличает ее антигерманский характер. Публикации корреспондентов американских, английских и канадских газет и сообщения радиоагентств Советского Союза, а также лиц, хорошо знавших Россию в силу характера своей работы, обрели широкую популярность. При этом интерес населения Англии и США к событиям на советско-германском фронте, симпатии к нашей стране устойчиво возрастали по мере того, как становилось известно о героической борьбе советского народа против захватчиков и одерживаемых Красной армией победах. В книгах, статьях обсуждались ход и результаты военных действий, изменения в международном положении СССР, возможности Красной армии и экономики и шире — степень устойчивости и жизнеспособности советской государственной системы. Характерно, что многие оценки и трактовки, носившие в целом комплиментарный по отношению к СССР характер, впоследствии, в период «холодной войны», были отброшены.

С большим интересом восприняла американская общественность вышедшие в 1941 г. книги «Кремль и народ» У. Дюранти и «Миссия в Москву» Д. Дэвиса[370]. Дюранти оправдывал советскую предвоенную внутреннюю и внешнюю политику, в том числе «чистки» 1937–1938 гг., как необходимую ликвидацию «пятой колонны». Бывший посол США в Москве Д. Дэвис с доброжелательностью отмечал энтузиазм и патриотизм граждан СССР, целеустремленность советских руководителей.

Книги западных корреспондентов, находившихся в годы войны в Советском Союзе, складывались из сообщений, репортажей, очерков, отправляемых из Москвы за океан: это зарисовки военных будней, записи бесед и интервью с самыми разными людьми — солдатами, офицерами, рабочими, колхозниками, школьниками, домохозяйками, рассказы о поездках на фронт и в тыловые районы, наконец, размышления по поводу увиденного и пережитого в России. Поэтому их отличают живость и непосредственность восприятия, стремление открыть для читателя неизвестную, по сути, страну, какой была для американцев Советская Россия. Американские общественные деятели А. Вильямс, Д. Дэвис, журналисты

Э. Колдуэлл, М. Борк-Уайт, Г. Кэссиди, Р. Лаутербах, Анна Луиза Стронг, Джессика Смит, Элла Уинтер, М. Хиндус не скрывали своих симпатий к нашей стране. Отношение других (американцев У. Керра, Г. Солсбери, Дж. Брауна, англичанина А. Верта) было в той или иной степени критическим. Все они, однако, были солидарны в признании героизма народов СССР и высокой боеспособности Красной армии[371]. Особое восхищение выражалось в связи с победой Красной армии в Сталинградской битве, названной Дж. Брауном «величайшим достижением русского оружия»[372], а также подвигом защитников и жителей Ленинграда[373].

Восхищение самоотверженностью, стойкостью и мужеством советских людей высказывали не только те, кто в силу определенных обстоятельств оказался в годы войны в СССР, но и многие авторы, не знакомые непосредственно с советской действительностью. В их числе историки, публицисты, общественные и политические деятели, служители культа и т. д. — профессор главной теологической семинарии США Х. Уорд, глава Национального совета американо-советской дружбы К. Ламонт[374] (эта организация с 1942 по 1944 г. специально издавала литературу с целью познакомить американцев с СССР и с участием его народа в общей борьбе)[375].

На основе привлечения материалов советских публикаций велось освещение истории Вооруженных сил СССР, их организации, состояния и, главное, их действий в войне с Германией[376]. Наряду с этим авторы многих работ стремились удовлетворить возросший интерес своего населения к Советскому Союзу, рассказывая об условиях жизни, особенностях общественного строя, экономики, культуры и о литературе России, а также ее истории[377]. Среди них можно выделить работы профессора Йельского университета А. Даллина, сотрудника Вильямстаунского института политики (США) С. Яхонтоффа, английских историков Н. Мэрриотта и К. Мидллтона[378]. На заключительном этапе войны много внимания было уделено обсуждению «русского чуда» — победы Советского Союза над Германией, о чем свидетельствуют названия посвященных этому книг: «Секретное оружие России» Д. Картера, «Советская сила: ее источник...» Х. Джонсона, «Базис советской силы» Дж. Кресси, «Почему Россия так сильна? Основы силы России» Дж. Кизера и др.[379] Отметим, что в этот период многие авторы связывали успехи Красной армии, России как государства с воспитанным здесь «советским человеком»[380].

Признавая военные успехи СССР, многие зарубежные авторы задавались вопросом об отношении к нему не только во время войны, но и после ее завершения. Популярной была идея, выраженная в книге лидера республиканской партии США У. Уилки «Единый мир» (1943): «Нам не нужно бояться России. Мы должны научиться работать вместе с ней против нашего общего врага — Гитлера. Мы должны научиться работать вместе с ней и после войны, так как Россия — это динамичная страна, полное жизни новое общество, которое нельзя не принимать во внимание в будущем мире»[381]. С. Ниринг, напротив, высказывал недоверие к Советской России, призывал к бдительности в отношениях с ней[382].

В Китае первые работы, посвященные антияпонской войне китайского народа, увидели свет уже в 1930-х гг. В 1938 г. в Государственном издательстве иностранной литературы в СССР была издана книга Лян Чэна и Ян Динхуа, освещающая поход Красной армии Китая протяженностью в 13 тыс. километров через одиннадцать провинций из Жуйцзиня — столицы советских районов в провинции Цзянси через горы Цзиньминьшань на север в Шэнси в 1934–1935 гг.[383] Книга представляет собой перевод с китайского брошюр Лян Чэна и Ян Динхуа, посвященных двум разным этапам исторического перехода Красной армии. Первая излагает переход главных сил китайской Красной армии из провинции Цзянси в Сычуань, до момента соединения их с сычуаньской группой Сюй Сянцяня. Вторая описывает первоначальный этап перехода отряда Мао Цзэдуна в Шэньси — переход через горы Цзиньминьшань.

Действиям Добровольческой армии Китая в партизанской войне против захвата Маньчжурии Японией после Мукденского (Маньчжурского) инцидента 18 сентября 1931 г. посвящено отдельное двухтомное издание, опубликованное в Пекине в 1956 г.[384] В книге, представляющей собой сборник статей коллектива авторов, описаны боевые действия армии

добровольцев под командованием генералов Тин Чао и Ван Дэлиня, антияпонская война в провинции Хэйлунцзян и другие военные события 1931—1933 гг. Вооруженному конфликту между советско-монгольскими вооруженными силами и японо-маньчжурскими войсками в районе реки Халхин-Гол посвящено исследование Ли Чунпэна «Война в Номонхане»[385].

Качественно новый этап в развитии мировой историографии начался по окончании войны. Победа СССР над Германией привела к росту его международного авторитета, расширению сферы его влияния[386], что не устраивало правящие круги стран Запада. Мир раскололся на два противоборствующих лагеря, началась так называемая «холодная война». В создавшихся условиях стали естественными усилия идеологов западных стран, включая историков, принизить достижения Советского Союза в войне и концептуально переосмыслить, «переформатировать» картину истоков и результатов Второй мировой войны, а также роли ее участников. О характере этого переосмысления позволяет судить позиция заместителя госсекретаря США Д. Ачесона, считавшего Вторую мировую войну «второй фазой европейской гражданской войны». С его точки зрения, между странами — участницами этой войны не существовало качественного различия, и вопрос о ее зачинщике не должен быть принципиальным — все стали жертвами европейской «гражданской войны». Определять размеры вклада в победу над Германией, считал Ачесон, бессмысленно, и никакие потери не могут рассматриваться как основание для претензий на некую компенсацию. При таком подходе теряли значение совместные жертвы, связи и сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции. Экспансия же США в послевоенной Европе истолковывалась как преграда на пути еще одной европейской «гражданской войны»[387].

В то же время после окончания войны произошло существенное расширение источниковой базы, в первую очередь за счет германских документов, оказавшихся в руках англо-американских союзников в 1945 г. К числу наиболее ценных источников, опубликованных вскоре после войны, можно отнести материалы Нюрнбергского процесса, служебный дневник начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Ф. Гальдера, военный дневник верховного командования вермахта (1939—1945), о котором говорилось ранее, а также документы внешнеполитического ведомства Германии[388].

Несмотря на объявленную программу денацификации и непростое отношение к нацистскому прошлому, в 1950—1960-х гг. в Западной Германии вышла серия книг (50 единиц), объединенных названием «Вермахт сражается» (Die Wehrmacht im Kampf). По своему содержанию опубликованные в рамках этой серии книги охватывали весь период Второй мировой войны и занимали промежуточную нишу между мемуарами и военно-историческими исследованиями. Их авторами часто были непосредственные участники описываемых событий, в том числе бывшие генералы вермахта, например Э. фон Маккензен, летом 1941 г. командовавший 3-м моторизованным корпусом 1-й танковой группы[389]. Сражения на советско-германском фронте освещались и в ряде других выпусков серии[390].

Широкому использованию в западной историографии немецких материалов во многом способствовала позиция правительства США и его военного ведомства, которые после войны стали рассматривать Советский Союз в качестве своего главного потенциального противника. Историкам, состоявшим на службе у правительства, ставилась задача извлечь из опыта прошедшей войны как можно больше полезного для США и их вооруженных сил. Еще в 1945 г. военно-историческая служба армии США проявила инициативу по использованию германского опыта, предложив генерал-фельдмаршалам В. Кейтелю и А. Кессельрингу, адмиралу К. Деницу, генерал-полковнику А. Йодлю и ряду других генералов написать свои соображения по ряду оперативно-стратегических проблем Второй мировой войны, которые особо интересовали американцев[391]. В соответствии с принятым на высшем уровне решением об издании германских военных документов (German War Documents Project) исторический отдел вооруженных сил США в Европе был преобразован в управление, а при нем создан отдел оперативной (германской) истории. Его задачей было использование имевшейся в распоряжении американских войск «оперативно-стратегической информации, особенно знания германских командиров и штабных работников» (полученные от них данные предлагалось

представлять в форме докладов — меморандумов)[392]. Основываясь на опыте Германии, американское военное ведомство вносило необходимые коррективы в собственную стратегию, строительство вооруженных сил, осуществление боевой подготовки и разработку способов вооруженной борьбы[393].

Привлеченные немецкие генералы и офицеры были распределены по группам (авторским коллективам), каждая из которых работала над своей проблемой. Для руководства ими была создана так называемая контрольная группа во главе с бывшим начальником штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковником Ф. Гальдером. Всего по заказам Пентагона было подготовлено более 2500 материалов (меморандумов) общим объемом свыше 200 тыс. машинописных страниц. В начале 1960-х гг. все материалы были рассекречены и переданы в Национальный архив США в Вашингтоне, составив основу источниковой базы исследований истории советско-германского фронта[394]. Их содержание в значительной мере предопределило набор представлений, которыми руководствовались историки Запада при реконструкции важнейших событий.

Прежде всего бывшие гитлеровские генералы объясняли свое поражение факторами, непосредственно не связанными с их деятельностью как профессионалов. Такой подход был характерен не только для названных выше закрытых материалов, но и для воспоминаний, публиковавшихся в открытой печати: А. Кессельринга «Солдаты до последнего дня» (Бонн, 1953), Э. Манштейна «Утерянные победы» (Бонн, 1955), Ф. Гальдера «Гитлер как полководец» (Мюнхен, 1949), Г. Гудериана «Воспоминания солдата» (Мюнхен, 1949), Г. Гота «Танковые операции» (Гейдельберг, 1956), З. Вестфаля «Армия в окопах» (Бонн, 1950), А. Хойзингера «Спорный приказ» (Штуттгарт, 1957) и др. В 1956 г. в Нью-Йорке вышла книга «Роковые решения», в которой были помещены материалы бывших генералов Э. Вестфаля, В. Крейпе, Г. Блюментрита, Ф. Байерлайна, К. Цейтцлера, Б. Циммермана и Х. Мантейфеля. Главная мысль книги, появившейся с одобрения военно-исторической службы армии США, сводилась к тому, что вермахт, его солдаты и особенно генералы действовали в войне против СССР с исключительным мастерством, а победить им помешали «роковые ошибки» политического руководства, прежде всего Гитлера. «Наши армии восточного фронта, — писал генерал Цейтцлер, — попали в критическое положение не по своей вине. Они воевали блестяще»[395].

Кроме того, характерной особенностью этих трудов является нежелание не только анализировать, но и упоминать о политических целях Германии в отношении Советского Союза. Исследования бывших генералов вермахта, без сомнения, содержат ценный фактический материал, а также объяснения многих тактических и стратегических решений, связанных с ходом вооруженной борьбы. Однако читатель не получает информации о расистских планах колонизации завоеванных территорий, о связи целей войны «на уничтожение» с гибелью миллионов граждан СССР.

Данная концепция, подразумевающая отстаивание тезисов о «роковых ошибках» Гитлера, «роковом влиянии» на ход войны «русской грязи и морозов», «российских бескрайних просторов», «неиссякаемых людских ресурсах» СССР и связанном с этим подавляющем численном превосходстве Красной армии, в течение десятилетий воспроизводилась на Западе, несколько подновляясь за счет привлечения новых источников[396]. Среди опубликованных в 1960-е гг. трудов наибольший интерес представляет работа немца П. Карелла (псевдоним бывшего ответственного сотрудника министерства иностранных дел Третьего рейха П. Шмидта), состоящая из двух частей: «Операция Барбаросса» и «Выжженная земля». Ярко написанные, они переведены на несколько иностранных языков. Особый акцент П. Карелл делает на противоречиях между Гитлером и его генералами. «Каждую битву, — утверждает он, — приходилось вести на два фронта — против врага и против Гитлера»[397]. В качестве еще одного примера можно указать монографию американского историка Э. Зимке «От Сталинграда до Берлина: поражение Германии на Востоке» (1968), в которой причины поражений вермахта также в первую очередь связываются с некомпетентным вмешательством Гитлера в дела военных[398].

«Весь период с 1945 г. по настоящее время, — отмечал в 1986 г. Д. Глэнц, — ...немецкие взгляды на войну на восточном фронте являлись доминирующими... В результате эти взгляды были укоренены в учебных пособиях средних школ и колледжей, в программах военно-учебных заведений США»[399]. Слабость и ограниченность такого подхода, приводившего к «искаженному представлению о значении советско-германского фронта во Второй мировой войне»[400], осознавалась рядом ученых США и Великобритании. Как отмечалось в одной из рецензий на книгу американских историков Т. Дюпуи, Дж. Дэннигана, Д. Исби, Э. Маккарти, С. Пэтрика «Русский фронт» (1978)[401], в книге «почти все преподносится исключительно с немецкой точки зрения, и зачастую создается впечатление, что Советской армии совсем не было. Война изображается как процесс, основанный на немецких решениях — правильных или ошибочных, и этим все объясняется»[402].

В числе книг, авторы которых опирались на доступные им советские источники и освещали действия обеих воюющих сторон более или менее пропорционально, можно назвать работы французского историка А. Костантини «Советский Союз в войне (1941–1945)», англичанина А. Кларка «Барбаросса: Русско-германский конфликт, 1941–1945», популярные очерки австралийского историка Дж. Джукса о битвах под Москвой, Сталинградом и Курском, труд швейцарского ученого Э. Бауэра о Второй мировой войне, получивший широкое распространение в США и Англии, и некоторые другие издания[403].

Большое внимание в англоязычной исторической литературе всегда уделялось изучению истории международных отношений в годы Второй мировой войны, в первую очередь взаимодействию США, Великобритании и Советского Союза в рамках антигитлеровской коалиции (или Большого союза, по англо-американской терминологии). Основные дискуссии при обращении к проблемам сотрудничества трех держав в годы войны развернулись вокруг причин послевоенной конфронтации: если историки так называемой ортодоксальной школы настаивали, что внешней политике Кремля была имманентно присуща враждебность к западным странам и истоки «холодной войны» следует искать в экспансионистской программе Сталина[404], то представители «ревизионистского направления», напротив, полагали, что для подобных обвинений в адрес Советского Союза нет оснований. Точка зрения таких историков, как У. А. Вильямс, Т. Маккормик, У. Лафебер, Л. Гарднер, Г. Колко, Г. Альперовиц, основывалась на признании за Советским Союзом права отстаивать свои национальные интересы. В числе прочего внимание обращалось на значимость бескомпромиссной борьбы Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны для подготовки англо-американскими союзниками высадки в Нормандии в 1944 г., подчеркивались масштабы понесенных Советским Союзом материальных и человеческих жертв для победы антигитлеровской коалиции[405]. С середины 1970-х гг. в американской историографии стало набирать силу компромиссное течение, стремившееся при изучении истоков образования и последующего краха Большого союза избегать односторонних обвинений в адрес либо СССР, либо США в срыве сотрудничества. Историки Дж. Гэддис, Г. Лундестад, А. Стефансон, Д. Ергин, У. Лот, Дж. Херринг, основывая свои выводы на более солидной, чем у предшественников, источниковой базе, отмечали, что «ортодоксы» мало внимания уделяли объективным требованиям СССР в сфере собственной безопасности, тогда как «ревизионисты» не обращали внимания на поведение Советского Союза в Восточной Европе, которое оказывало существенное влияние на американскую политику. Признавая, что Соединенные Штаты были оппозиционны советским расчетам как минимум с 1944 г., они настаивали тем не менее на том, что об изначальном и последовательном антисоветизме Вашингтона на протяжении всей мировой войны говорить нельзя[406].

Особенностью западногерманской литературы о Второй мировой войне в 1950–1980-х гг. было то, что значительную ее часть составляли публикации, посвященные участию в военных действиях отдельных частей, соединений, объединений, родов войск и видов вооруженных сил нацистской Германии. В одних освещался боевой путь той или иной части или соединения от создания до конца войны (часто это занимает несколько томов), в других — сравнительно короткие периоды их участия в важнейших битвах, операциях, сражениях. Поскольку основ-

ные силы вермахта были задействованы в борьбе против СССР, событиям на советско-германском фронте посвящено большинство таких работ[407]. С 1985 г. в ФРГ стала публиковаться многотомная книга «Кавалеры Рыцарского креста германского вермахта, 1939–1945»[408]. В ней дается описание «подвигов» германских военнослужащих, получивших эту высокую награду. Среди изданных работ «Генералы войск СС», справочники по различным видам вооружения вермахта, по подводным лодкам и другим кораблям германского флота времен Второй мировой войны.

Наряду с историями частей и соединений широкое распространение в ФРГ получили мемуары бывших военнослужащих вермахта различного ранга. Более десяти изданий выдержала, например, книга воспоминаний летчицы-испытателя Ханны Райч «Летать — суть моей жизни», впервые опубликованная в 1951 г.[409] Заметную популярность в ФРГ приобрели воспоминания Г. Руделя, Т. Оберлендера, Х. Шайберта, В. Хаупта, Ф. Шенхубера[410]. Продолжали выходить в свет биографии многих генералов, книги о Гитлере, Геринге и других высших должностных лицах нацистской Германии.

Характеризуя эту литературу, западногерманский исследователь Г. Шнайдер в 1981 г. отмечал, что в ней «война обычно преподносится как спортивное состязание, в ходе которого предоставляется возможность проявиться таким подлинно мужским качествам, как мужество, долг, умение повиноваться, рыцарство»[411]. Военные круги ФРГ поощряли разработку и публикацию таких работ[412].

Профессиональные историки ФРГ, а также США и Англии, в то же время нередко выступали с осуждением идеологической направленности такой литературы, отмечая ее псевдонаучный, публицистический характер. На рубеже 1960–1970-х гг. в ФРГ были изданы документальные материалы, связанные с планом «Барбаросса» и генеральной директивой «Ост». В историографии постепенно происходили осмысление зла, причиненного нацистским режимом самим немцам, признание необходимости искупления преступлений против еврейского народа. Тем не менее информация о целях Германии в войне против СССР, о преступлениях вермахта на оккупированной территории в полной мере так и не стала достоянием общественности. Известный немецкий философ Т. Адорно в 1970-е гг. отмечал, что в западногерманском обществе жива тенденция «оправдания задним числом агрессии Гитлера против Советского Союза». Усматривая в этом опасный симптом коллективного политического невроза, Адорно предупреждал, что забвение «нежелательного» прошлого «чересчур легко переходит в оправдание забываемых событий»[413].

В целом характерной особенностью «западного взгляда» на историю Великой Отечественной войны являлось ее освещение как «восточного похода» вермахта, а не истории борьбы Советского Союза против захватчиков. При этом преимущественное внимание западной историографии традиционно было направлено на освещение Московской, Сталинградской и Курской битв[414]. С одной стороны, это связано с реальным значением данных событий как важнейших этапов в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников в ходе Второй мировой войны. С другой стороны, в западной, особенно англо-американской литературе, широкое распространение получила теория «поворотных пунктов», или «великих кампаний», в рамках которой исход войны был предопределен поражением стран агрессивной коалиции в целом ряде «решающих битв»: к их числу, в одном ряду со Сталинградом и Курском, неизменно относились битва за Англию, оборона острова Коррехидор и морские сражения на Тихоокеанском театре, сражения у Эль-Аламейна, в Арденнах и т. д.[415] Игнорирование важнейших критериев при сопоставлении указанных событий (количественные и качественные характеристики задействованных сил, пространственный и временной размах, нанесенный противнику материальный и моральный ущерб, а главное — вытекающие из этого стратегические и политические результаты) приводило к преуменьшению значения крупнейших сражений на советско-германском фронте и недостаточному вниманию к другим событиям Великой Отечественной войны.

С середины 1970-х гг., однако, происходили постепенное расширение тематических рамок и углубление исследовательского интереса, в том числе за счет внимания к экономиче-

скому и социальному измерениям войны. Особенно это проявилось в ФРГ, где ряд интересных работ опубликовали Г. Юбершер, В. Ветте, Р. Мюллер, К. Штрайт и др.[416] Среди прочего стали предметом серьезного анализа пропагандистское обеспечение нападения Германии на СССР, экономическая политика нацистов на Востоке, уничтожение советских военнопленных, отношение церкви к советско-германской войне и др. В значительной степени новаторскими для западной литературы стали исследования Б. Бонвеча и К. Зегберса, в центре внимания которых оказались особенности функционирования советской политической системы, состояние экономики, отношения власти и общества в годы войны[417].

Работы К. Штрайта, одним из первых в ФРГ предпринявшего научное изучение германской политики в отношении советских военнопленных, получили известность и в других странах[418]. Этой проблеме посвящены также исследования А. Штрайма и У. Херберта[419]. Обстоятельный анализ положения военнопленных привел авторов к выводу об ответственности за преступления, ставшие нормой в концлагерях, не только политического руководства нацистской Германии, но и командования вермахта. Та же тема отражена в книге «Штаммлагерь 326», подготовленной профессором Падерборнского университета К. Хюзером и преподавателем истории средней школы Р. Отто. В ней наряду с архивными материалами использованы письма и воспоминания оставшихся в живых очевидцев и бывших пленных одного из концлагерей. Авторы считают советских военнопленных жертвами расовой идеологии национал-социализма, который в июне 1941 г. начал агрессивную войну в целях уничтожения не только коммунизма, но и «славянской низшей расы». Вермахт был участником политики истребления советских людей, поэтому в полной мере несет ответственность за преступления гитлеровского режима против человечности[420].

С проблемой советских военнопленных фактически тесно связаны опубликованные в ФРГ, США, Англии и других западных странах работы о генерале А. Власове и службе советских добровольцев в вермахте. Это книги Й. Хоффмана «История армии Власова» (ФРГ), Е. Андреевой «Власов и русское освободительное движение» (Англия) и др.[421]

Китайская историография вклада СССР в победу над Японией разделяется на три ярко выраженных периода: первый — от завершения гражданской войны и провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. до ухудшения советско-китайских отношений в начале 1960-х годов; второй — период политического, а порой и военного противостояния между КНР и Советским Союзом; третий — восстановление добрососедских отношений, урегулирование имевшихся территориальных разногласий и развитие стратегического партнерства во всех областях международного сотрудничества.

Первый период характерен тем, что у народов и руководства Китая еще была свежа память о той всесторонней помощи, которую начиная с 1924 г. Советский Союз оказывал Коммунистической партии Китая в борьбе против империалистической интервенции и японских оккупантов. Еще одним обстоятельством, определившим оценку участия советских войск в освобождении Северного Китая и Маньчжурии, стало заявление лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна в докладе «О коалиционном правительстве», сделанном еще до вступления СССР в войну на Тихом океане: «Мы считаем, что без участия Советского Союза окончательное и полное разрешение тихоокеанских проблем невозможно»[422]. На объявление СССР войны Японии Мао в этот же день 9 августа отозвался статьей «Последняя битва с японскими захватчиками», где утверждал, что «благодаря этому шагу Советского Союза сроки войны с Японией значительно сократятся... В этих условиях все силы борьбы против японских захватчиков в Китае должны развернуть контрнаступление в масштабе всей страны и сражаться в тесном и эффективном взаимодействии с Советским Союзом и другими союзными державами»[423]. Эти два высказывания во многом определили позицию китайских историков по отношению к участию СССР в войне с Японией.

Именно в данный период увидели свет две работы известного китайского историка Пын Мина. Первая была подготовлена в ознаменование пятой годовщины со дня подписания советско-китайского Договора о дружбе и взаимопомощи и издана в Пекине в 1956 г. Годом позже, после перевода на русский язык, с ней смогли ознакомиться и советские читатели[424].

В книге достаточно подробно излагаются сведения о материальной и военной помощи, предоставленной Советским Союзом Китаю в 1938–1939 гг. и в более ранний период. Вместе с тем само участие советских Вооруженных сил в освободительной миссии в августе — сентябре 1945 г. освещено достаточно скромно и уложилось в несколько страниц. Правда, автор признавал, что работа была выполнена в условиях дефицита времени, не охватывала всех доступных источников, и исследования будут продолжены с тем, чтобы со временем книга стала более совершенной. Свое обещание Пын Мин выполнил — в 1959 г. издательство «Социально-политическая литература» опубликовало его новую работу «История китайско-советской дружбы»[425]. В этом труде были учтены замечания и пожелания советских специалистов, расширена глава об участии советских войск в освободительной войне Китая в августе 1945 г. Заслуживает внимания признание автором того, что атомная бомбардировка городов Японии не стала определяющей в капитуляции Японии. Именно вступление в войну Советского Союза коренным образом изменило военную обстановку и заставило японское руководство отказаться от планов сопротивления на территории Северо-Восточного Китая и Кореи[426]. Автор приводит высказывание на страницах японской газеты «Дзиндзи симпо» от 9 августа 1950 г., комментирующее вступление СССР в войну: «Когда была сброшена атомная бомба на Хиросиму, военная группировка Японии еще продолжала сопротивляться, в то время как выступление Советского Союза заставило ее капитулировать... Таким образом, если судить по результатам, то именно действия Советского Союза в отношении Японии сыграли огромную роль в достижении мира»[427].

Указанные две работы долго оставались единственными крупными исследованиями истории помощи СССР Китаю накануне и в период Второй мировой войны. С началом в 1966 г. культурной революции в Китае исследовательская деятельность в этом направлении в силу понятных обстоятельств была практически свернута и длительное время данная тема не получала дальнейшего развития в китайской историографии. Вновь к советско-китайскому сотрудничеству в годы национально-освободительной войны 1937–1945 гг. китайские историки вернулись только после третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., снявшего запрет на исследование истории СССР. Проблемам взаимоотношений между СССР, Китаем и Японией посвящен фундаментальный труд китайского историка Чень Тейяня «История отношений между Советским Союзом, Китаем и Японией в XX веке»[428]. Юбилею окончания Второй мировой войны, совместным с Красной армией действиям китайских вооруженных формирований и победе над милитаристской Японией посвящено исследование Ло Сянмина «Военные записки о Дальнем Востоке»[429]. В преддверии 60-летнего юбилея окончания Второй мировой войны по инициативе пресс-канцелярии госсовета КНР на китайском и русском языках была издана книга «Воспоминания о победе»[430], целиком посвященная «правительству, народу и армии Советского Союза, оказавшим в свое время большую помощь Китаю в его антифашистской войне». Содержанием издания стали политическая, моральная и дипломатическая поддержка, материальная и финансовая помощь, помощь советниками и добровольцами, которые оказывались китайскому народу с начала японской интервенции и восстановления дипломатических отношений между СССР и Китаем в декабре 1932 г. до окончания войны. Отдельная глава книги «Вступление войск в северо-восточные района Китая» раскрывает страницы совместных действий Красной армии и Антияпонской объединенной армии Китая по освобождению Маньчжурии от интервентов.

Среди работ, которые можно было бы отнести к научным ориентирам в области изучения Второй мировой войны и помощи СССР в войне с японским агрессором, следует также назвать труды Дун Яньнина «О политике Советского Союза по отношению к Северо-Восточному Китаю»[431], Цао Сичженя «История дипломатических отношений Китая и Советского Союза»[432], Шень Шаньвэня «Краткая история советско-китайских отношений»[433].

Значительные изменения в западной историографии начали происходить с середины 1980-х гг., и особенно с распадом Советского Союза в 1991 г. Характеризуя эти изменения в самом общем виде, можно сказать, что возросло стремление к большей объективности в истолковании прошлого, к освобождению историографии от диктата идеологии.

Появились работы, в которых ощущается новый подход к событиям военных лет и предвоенного периода, проявляется отчетливое стремление отойти от идеологических шаблонов «холодной войны», более объективно осветить роль различных стран антигитлеровской коалиции в войне и прежде всего глубже оценить значение операций и битв, происходивших на советско-германском фронте, более взвешенно анализировать особенности и характерные черты жизни Советского Союза в годы войны, мотивы его внешней политики в тот период. Зарубежные исследователи отмечают, что в последние десятилетия в исторической науке на Западе и в России происходят сходные процессы: идет переоценка ценностей, становятся актуальными новые вопросы, связанные с историей советско-германского фронта, высказываются разные, часто противоположные мнения. Что касается освещения агрессии Германии против СССР, то сотрудники управления военно-исторических исследований бундесвера В. Ветте и Г. Юбершер в 1991 г. подчеркивали: «Мы можем двигаться вперед, только располагая точными данными об ужасных событиях, только обладая мужеством высказать и воспринять правду»[434].

В результате распада СССР западные историки получили во много раз больше возможностей для использования в своих работах советских источников, в том числе и ранее закрытых.

Ряд новых советских источников использован в книге «Война Германии против Советского Союза», изданной в ФРГ в связи с 50-летием нападения Германии на СССР. В ней имеются материалы Центрального архива Министерства обороны СССР, Мемориального музея немецких антифашистов в городе Красногорске, Центрального музея Вооруженных сил в Москве, других российских музеев и частных коллекций[435].

Широко использует советские архивные материалы американский историк Э. Хойт в книге, выход в свет которой был приурочен к 50-летию Сталинградской битвы[436]. Главы, повествующие о действиях политических и военных руководителей СССР и Германии, чередуются здесь с рассказами о героических защитниках Сталинграда, со многими из которых Хойт встречался в России, когда собирал материал для книги.

Еще одним примером может служить десятитомная работа «Германский рейх и Вторая мировая война». В четвертом томе этого труда, целиком посвященном подготовке и ходу войны на советско-германском фронте до осени 1942 г., имеются две главы об СССР, причем написаны они главным образом на основе советских источников. В 1991 г. том был издан в ФРГ отдельной книгой[437].

Открывшийся в последние годы доступ к советским архивным материалам позволил западным историкам шире освещать проблемы экономического сотрудничества между союзниками по антигитлеровской коалиции, объективно оценивать роль ленд-лиза для СССР в годы войны. В книге очерков историков разных стран, опубликованной в Нью-Йорке в 1994 г. под названием «Союзники в войне», Т. Уилсон (США), особо подчеркивая американскую политическую мощь, сообщает, что к концу 1943 г. Соединенные Штаты Америки выпускали 60 % всех военных материалов, которые имелись в распоряжении антигитлеровской коалиции[438]. Что касается поставок по ленд-лизу в СССР, то в трудах последних лет западные историки приводят некоторые данные, отличающиеся от выкладок в официальных советских трудах. Так, У. Кимбол считает, что поставки в СССР по ленд-лизу составили 7 % советского промышленного производства, а не 4 %[439]. В то же время следует подчеркнуть, что теперь, когда ушли в прошлое идеологизированные подходы к истории войны, американские исследователи, много занимающиеся проблемой ленд-лиза, не пытаются, как ранее, представить его в качестве решающего фактора победы СССР в войне. Д. Хазард, который в 1941–1946 гг. был заместителем директора советского отделения управления по ленд-лизу, писал в 1990-х гг.: «Полагаю, что теперь вряд ли кто-нибудь в США возьмется утверждать, что поставки оборудования и продовольствия по ленд-лизу явились основным фактором, обеспечившим победу советского народа и Красной армии в этой войне»[440].

На третьем этапе особенно возрос интерес западных исследователей к проблеме вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Демонстрация в начале 1980-х гг. в США

и других англоязычных странах американо-советского многосерийного телевизионного фильма «Великая Отечественная» (там он шел под названием «Неизвестная война») дала возможность молодому поколению на Западе осознать грандиозные масштабы сражений, которые происходили на советско-германском фронте, вызвала желание подробнее ознакомиться с войной, история которой в течение десятилетий замалчивалась или искажалась официальной пропагандой. Откликаясь на запросы американских военных кругов, управление по изучению советских Вооруженных сил общевойскового исследовательского центра США подготовило ряд работ об участии Красной армии в войне против Германии. Среди них «Советская военная хитрость во Второй мировой войне», «От Дона до Днепра: Советские наступательные операции с декабря 1942 по август 1943 года», «Советская военная разведка во время войны» и др. Автором всех этих работ выступает бывший руководитель управления полковник Д. Глэнтц. Некоторые из его книг получили распространение не только в США, но и в других западных странах[441].

Открытие российских архивов в 1991—1992 гг. придало новый импульс военно-историческим исследованиям в Германии. В частности, значительный интерес историков вызвало введение в научный оборот писем военнослужащих 6-й армии, погибших в сталинградском котле, извлеченных из российских архивов. Их публикация была подготовлена и осуществлена в Германии при участии российских историков[442]; кроме того, в Берлине была организована выставка «Сталинград — письма из котла», широко освещенная средствами массовой информации[443].

Публикация этих источников позволила придать новое, «человеческое» измерение освещению гибели немецкой армии в сталинградском котле[444]. В ФРГ в 1992 г. были опубликованы две книги, посвященные Сталинградской битве: «Сталинград: События, результат, символ» под редакцией Ю. Ферстера и «Сталинградское сражение: Миф и действительность» под редакцией Г. Юбершера и В. Ветте[445]. Обе они представляют собой сборники статей немецких и российских историков, в которых отражаются последние достижения в изучении Сталинградской битвы и ее воздействия на последующий ход войны. Немецких авторов особенно занимает вопрос, на ком лежит ответственность за массовую гибель военнослужащих вермахта в сталинградском котле — политиках или военных. В конце концов историки обвиняют в этом не только Гитлера и верховное командование вермахта, но и всю нацистскую систему. Поражение вермахта под Сталинградом, по их мнению, стало переломным моментом в отношении немцев к Гитлеру, после него началась эрозия политической лояльности немцев к нацистской диктатуре.

Большой интерес представляют помещенные во втором сборнике статьи Г. Юбершера и В. Ветте. Эти историки подходят к Сталинградской битве с позиций простого немецкого солдата, по вине нацистского режима выступившего в двойной роли — преступника и жертвы. Юбершер впервые опубликовал обнаруженный им в архиве полный текст переговоров между ставкой Гитлера и штабом окруженной 6-й армии в конце января 1943 г. Этот документ позволяет осознать, что послушание Гитлеру привело к гибели десятков тысяч военнослужащих вермахта. Ветте приоткрывает завесу над тем, как нацистская пропаганда создавала миф о героизме немецких солдат под Сталинградом. Вплоть до конца января 1943 г. правда об истинном положении окруженных, их обреченности скрывалась от немецкого народа. В сводках верховного командования вермахта говорилось об оборонительных боях немцев под Сталинградом, отражающих настойчивые атаки советских войск с большими для них потерями. Лишь 30 января Геринг в выступлении по радио сказал правду об окруженных и представил их героями, погибающими во имя высоких идеалов. И, наконец, 18 февраля Геббельс в своей речи на митинге в берлинском Дворце спорта использовал память о павших под Сталинградом лишь для того, чтобы обосновать призыв к тотальной войне. Нацистская пропаганда утверждала, что все военнослужащие 6-й армии сражались до последнего патрона, но умалчивала о пленении генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса и других генералов. Власти отдали распоряжение не доставлять адресатам письма плененных под Сталинградом военнослужащих вермахта, которые они направляли в Германию через Красный Крест[446].

В. Ветте опубликовал отчеты германской цензуры о письмах, поступивших из сталинградского котла домой. До начала декабря 1942 г. цензура признавала настроение окруженных немецких военнослужащих на 70 % «неизменно хорошим» и даже «геройским». Но уже в первой половине января следующего года она вынуждена была признать у окруженных войск резкий спад уверенности в благоприятном исходе, растущее у них осознание того, что их положение постепенно становится безнадежным и ничего, кроме смерти, их не ожидает[447]. Р. Пападопоулос-Киллиус проанализировала содержание 192 писем, отправленных военнослужащими из окруженной на Волге германской группировки в последние недели ее существования. По ее словам, через призму этих человеческих документов «и через 50 лет все еще ощущается безвыходное положение, в котором оказались солдаты». Уже с конца декабря 1942 г. письма родным были наполнены отчаянием, гневом, предчувствием гибели[448].

Помещенные в названных сборниках статьи немецких историков свидетельствуют о серьезных шагах, сделанных ими в реалистическом освещении Сталинградской битвы. В ФРГ происходила постепенная «демифологизация» истории этого важнейшего события Великой Отечественной войны: если ранее Сталинград воспринимался главным образом как символ страданий окруженных немецких солдат, то теперь осмысление этого события невозможно без признания ответственности за войну и совершенные вермахтом преступления. В определенной степени этому способствовал выход в 1990 г. шестого тома труда «Германский рейх и Вторая мировая война», в котором эта битва получила детальное освещение[449].

В англоязычных странах ежегодно издается около 250 книг о Второй мировой войне. Среди них выходит в свет до 10 и более книг, посвященных различным темам «войны на Востоке»[450].

В Англии к 50-летию Курской битвы были изданы две посвященные ей книги: М. Кросса «Цитадель: Битва под Курском» и М. Хили «Курск 1943: Поворот на востоке»[451]. Авторы объективно оценивают сложившуюся к лету 1943 г. обстановку на советско-германском фронте и ход Курской битвы. Подводя ее итоги, Кросс отмечает, что «разгром под Курском был для германской армии более тяжелым ударом, чем под Сталинградом. В дальнейшем вермахт уже не предпринимал крупных наступлений на востоке»[452].

Впервые в западной историографии появилась работа о наступлении советских войск в 1944 г. в Прибалтике, их выходе к границам Восточной Пруссии и окружении германской группировки в Курляндии. Это исследование Г. Нипольда (ФРГ) «Танковые операции “Доппелькопф” и “Цезарь”: Курляндия летом 1944»[453]. Его же перу принадлежит книга о ходе военных действий на центральном участке советско-германского фронта под названием «Середина восточного фронта, июнь 1944»[454]. Это своеобразный дневник боевых действий двух противоборствующих сторон. По сравнению с ранее опубликованными работами на данную тему книга Нипольда отличается динамизмом изложения материала, подробным описанием отдельных эпизодов сражений в Белоруссии. Именно этим автор и привлекает внимание немецких читателей, которым почти ничего не известно о происходивших боях, особенно о действиях советских войск.

Значительным событием в англо-американской историографии XX в. явилась опубликованная в 1993 г. в Лондоне книга «Генералы Сталина»[455]. В ней помещено 26 очерков о крупных советских военачальниках предвоенного и военного периода. Авторами очерков выступают историки различных направлений из Англии, США, Австралии, Израиля, России. Издатель книги Гарольд Шукман — британский специалист по российской истории и переводчик на английский язык ряда книг, изданных в СССР и России. Издание снабжено картами основных кампаний и некоторых битв Великой Отечественной войны.

Героями ее стали маршалы и генералы, прежде всего те, кто командовал фронтами в годы войны. Несмотря на ограниченность объема очерков, авторы стремились подчеркнуть не только полководческие, но и человеческие качества людей, которые в годину тяжких испытаний руководили советскими Вооруженными силами.

Англоязычный читатель получил возможность познакомиться со многими военачальниками государства, внесшего наибольший вклад в победу стран антигитлеровской коалиции.

Ранее на Западе книг подобного рода не издавалось, хотя опубликовано много работ о генералах США, Англии и особенно Германии. Например, в 1970-е гг. вышли две книги и обе под одним названием — «Генералы Гитлера». Одну написал известный английский историк Р. Бретт-Смит, другую — Р. Хэмбл (США).

Главное достоинство книги «Генералы Сталина» заключается в том, что в отличие от десятилетий «холодной войны», когда на Западе история войны СССР против Германии излагалась тенденциозно, очерки о советских военачальниках выделяются своей объективностью. Авторами труда стали историки разных стран, что лишний раз доказывает полезность подобного сотрудничества.

Для современного этапа зарубежной историографии характерно не только движение в сторону объективного освещения событий и проблем войны Германии против Советского Союза, но и обострение полемики между представителями различных историографических школ и направлений. Причины связаны с происшедшими в мире изменениями социально-политического и военно-стратегического характера. В этой связи оживились попытки реабилитации нацизма, акцент в которых был сделан на тезисе о превентивном характере гитлеровского нападения на СССР. Дискуссия вокруг данной проблемы была инициирована в 1986–1987 гг. публикациями Э. Нольте и А. Хильгрубера, попытавшимися обосновать точку зрения о «вторичности» преступлений нацизма, ставших якобы «ответом на большевизм», и представлявшими гитлеровский режим в годы Второй мировой войны как защитника Европы от большевистско-азиатского варварства[456]. В начале 1990-х гг. И. Хоффман, В. Пост, В. Мазер, Э. Топич предприняли усилия для того, чтобы предложить новые аргументы, в том числе за счет некоторых рассекреченных советских документов, для обоснования утверждения, что Гитлер лишь упредил в войне Сталина[457].

Постепенно исторический диспут в периодической печати сошел на нет, но разногласия во взглядах остались. Представители правоконсервативного направления продолжают так или иначе рассуждать о «вторичности» морального падения немцев при нацизме, ибо все случившееся тогда в Германии где-то и когда-то уже происходило, хотя, может быть, и приняло несколько гипертрофированный размах. Немцев, мол, подвели чрезмерное усердие и прилежание. Причем в качестве «рока-совратителя» указывают на восток, на Советский Союз. Читателей подводят к выводу, что именно характер политической системы на востоке обусловил способ ведения войны против него. Законы и право здесь неприменимы, и, следовательно, нельзя говорить об их нарушении. Стало быть, в этой части прошлого немцам нечего и каяться. Правоконсервативные историки критикуют западные державы за «верхоглядство» в войне и колебания после нее. К их числу они относят подписание Потсдамского соглашения и Нюрнбергский трибунал над главными фашистскими военными преступниками, который, по их мнению, санкционировал обращение с немцами как с врагами. Те же авторы заявляют, что Вторая мировая война стала неизбежным следствием Октябрьской революции 1917 г. и «экспансии коммунизма». В общем, в трудах историков данного направления отчетливо проступают те мотивы, которыми в своем время фашистское руководство оправдывало нападение на СССР.

Дискуссия, однако, показала, что большинство германских историков против того, чтобы представлять национал-социалистическое прошлое Германии в розовом цвете[458]. Б. Бонвеч, Х. Моммзен, Ю. Кокка, Х. Винклер, К. Зонтхаймер, В. Моммзен, В. Ветте, Г. Юбершер, Ю. Ферстер и другие авторитетные специалисты выступили против апологетического подхода к истории Третьего рейха, настаивая на необходимости постижения исторической правды о его злодеяниях. Версия о превентивном характере гитлеровского нападения на Советский Союз была отвергнута; негативная в целом оценка также была дана немецкими историками книге В. Суворова «Ледокол»[459]. Привлекая новые источники, ставшие доступными в связи с происшедшими социально-политическими изменениями в странах бывшего социалистического содружества, они дали дополнительное обоснование преступного характера войны Германии против СССР, на более высоком уровне раскрыли участие вермахта в преступлениях на советской территории.

Примером может служить международный проект «Война на уничтожение: преступления вермахта в 1941–1944 гг.», осуществленный в первой половине 1990-х гг. Гамбургским институтом социальных исследований. По итогам проекта была выпущена объемная монография, организована выставка документов, объехавшая многие города ФРГ, состоялись десятки научных дискуссий и выступлений ученых по телевидению. Основная масса материалов, проанализированных и опубликованных участниками проекта, учеными из ФРГ, США, Англии, Австрии, Израиля и Латвии, была обнаружена в архивах Москвы, Подольска, Минска, Риги и других городов бывшего СССР. Эти материалы разрушают созданную бывшими фашистскими генералами и консервативными историками легенду о «чистом вермахте», не связанном с нацистскими преступлениями, а отважно и верно защищавшем отечество. Нет уже оснований для оправдания миллионов немецких военнослужащих, которые, по утверждению консервативных авторов, ничего ни о чем не знали, ничего не видели, не слышали. В результате перед немцами открылась ужасающая правда, которая раньше не могла пробить себе дорогу к германской общественности сквозь стену согласованного замалчивания[460].

Процесс переосмысления роли вермахта на восточном фронте привел к тому, что в современной немецкой историографии, в отличие от работ предшествующих десятилетий, внимание к военным преступлениям на территории СССР занимает важное место. Это проявилось в публикации целого ряда сборников материалов, монографий, а также статей в газетах и журналах в связи с 50-летием нападения Германии на СССР. Среди них сборники «22 июня 1941: Нападение на Советский Союз» (Вена, 1991), «Поработить и уничтожить: Война против Советского Союза 1941–1945» (Берлин, 1991), «Два пути на Москву: От пакта Гитлера — Сталина к операции “Барбаросса”» (Мюнхен, 1991) и др.[461]

В подготовке указанных трудов приняли участие многие ученые, исследующие проблемы истории Великой Отечественной войны. Сотрудник управления военно-исторических исследований бундесвера Р. Мюллер на основе материалов экономического характера приходит к выводу, что целью войны нацистской Германии на Востоке были «уничтожение главного противника и захват ресурсов, необходимых для продолжения борьбы за мировое господство». Без учета «экономической основы» плана «Барбаросса», по утверждению того же Мюллера, нельзя понять «причины и последствия этой войны». Он обращает внимание на то, что уничтожение десятков миллионов людей на захваченных советских территориях, убийства в целях ограбления не были какой-либо импровизацией отдельных лиц, а тщательно планировались заранее. Еще задолго до начала военных действий вермахт и руководители германской экономики договорились о тесном сотрудничестве. Ведь был же сформирован огромный военно-экономический штаб «Ост» со штатом сотрудников в 20 тыс. человек: «Одетые в униформу вермахта, они готовились к тому, чтобы после захвата эксплуатировать и колонизировать Россию»[462].

О преступном характере операции «Барбаросса» пишут берлинские историки С. Гейм и Г. Али. Анализируя меморандум начальника управления военной экономики и вооружений ОКВ генерал-майора Г. Томаса от февраля 1941 г. и директиву военно-экономического штаба «Ост» от мая 1941 г., они приходят к заключению, что нацисты и военные вместе с германскими монополиями планировали превращение Советского Союза в «зону голода» с тем, чтобы обеспечить гегемонию германской экономики на Европейском континенте и благосостояние немцев «за счет права на жизнь, отобранного у других народов»[463].

Исследователи из Берлина П. Ян и Р. Рюруп оценивают предпринятый 22 июня 1941 г. вермахтом «поход на Восток» как захватнический и кровавый, «без каких-либо моральных ограничений». Они подчеркивают, что война против СССР велась «криминальными методами» и являлась «одним из крупнейших в истории преступлений». Одновременно они с горечью признают, что подавляющая часть населения Германии одобряла такую войну. Ослепленные чувством расового превосходства, которое внушила нацистская пропаганда, немцы испытывали презрение к «малоценной жизни недочеловеков» на Востоке, поддерживали преступную оккупационную политику гитлеровцев[464].

Г. Юбершер исследует отношение к «походу на Восток» военнослужащих вермахта. Он пишет, что в годы войны лишь немногие немецкие военнослужащие осознавали преступный характер войны против СССР. К числу понимавших это относились участники антигитлеровского заговора. Для подтверждения своего вывода Юбершер приводит слова совершившего покушение на Гитлера подполковника К. фон Штауффенберга, сказанные еще в октябре 1942 г.: «Германия сеет на Востоке ненависть, которую почувствуют в свое время наши дети». Юбершер считает, что и ныне не следует забывать об ответственности военнослужащих вермахта за совершенные ими злодеяния; он осуждает тех, кто призывает предать забвению эти преступления[465].

В работах, посвященных 50-летию нападения Германии на СССР, немецкие историки продолжили осмысление роли и места советско-германского фронта в истории Второй мировой войны. Они отмечали, что нападение Третьего рейха на Советский Союз привело к качественным изменениям в характере, масштабах и социальном измерении продолжавшейся уже более полутора лет мировой войны. «В XX веке, — пишет известный историк Второй мировой войны Х. Якобсен, — есть лишь немногие исторические даты, которые оказали столь драматическое и столь длительное воздействие на судьбы народов Европы»[466]. О «новом измерении войны» после 22 июня 1941 г. пишет также немецкий историк из Мюнхена П. Лонгерих. Нападение на СССР, как полагает он, означало, что был «преодолен порог убийства миллионов людей, основанного на расовых мотивах», совершены преступления, объем которых превышает «возможности нашего сознания» и «обычных средств языка»[467].

Существенным вкладом в разоблачение преступлений гитлеровцев на оккупированной советской территории явились опубликованные в начале 1990-х гг. работы историков из ФРГ П. Коля и Р. Мюллера. Эти авторы особо отмечают, что зверства совершали не только эсэсовцы и другие представители карательных органов, но и военнослужащие вермахта. Все они действовали заодно, поэтому ни с кого нельзя снимать ответственность за участие в злодеяниях[468].

В книге П. Коля представлены впечатляющие показания свидетелей из числа жителей Белоруссии и России, переживших ужасы оккупации в 1941–1944 гг. Это взгляд на историю войны со стороны тех, кто стал ее жертвами. Для сбора свидетельских показаний автор посетил районы СССР, через которые более 40 лет назад прошли воинские формирования группы армий «Центр» сначала на восток, вплоть до пригородов Москвы, а затем под напором частей Красной армии обратно, на запад, оставляя за собой выжженную землю. В книге отмечается, что результатом действий группы армий «Центр» явилась гибель каждого четвертого жителя Белоруссии, разрушение в этой республике 209 городов и 9200 сел, уничтожение 96 % ее промышленного потенциала. Причем для советских людей, как указывает автор, не имело значения, совершали убийства и поджоги военнослужащие вермахта либо это делали эсэсовцы или служившие у них полицаи. Местные жители на них без исключения смотрели как на фашистов, стремившихся поработить их страну, сделать ее германской колонией.

Книга Р. Мюллера называется «Восточная война Гитлера и германская политика переселения». В ней показано, что решающим фактором, приведшим к нападению Третьего рейха на СССР, были давнишние устремления германского империализма к захвату жизненного пространства на Востоке. Эти экспансионистские устремления, как подчеркивает автор, разделяли многие немцы в надежде обеспечить себе в покоренных богатых ресурсами восточных областях более благополучное существование. Еще в феврале 1941 г. был утвержден пост уполномоченного вермахта по вопросам переселения, в адрес которого немецкие военнослужащие посылали заявки на организацию новых помещичьих хозяйств на Востоке. В числе просителей были генерал-фельдмаршал Манштейн и генерал-полковник Гудериан. Автор детально рассматривает планы колонизации и эксплуатации восточных территорий, которые заранее и в ходе войны разрабатывались экономическими инстанциями вермахта, различными германскими министерствами и хозяйственными учреждениями. Мюллер подробно освещает мероприятия немецких военных властей по подготовке переселения немцев на захваченные восточные земли.

В последние годы увидел свет ряд изданий немецкой мемуарной литературы, посвященных ключевым событиям Второй мировой войны, происходившим на восточном фронте, битве по Москвой, Сталинградской и Курской битвам[469].

Наиболее значительным зарубежным изданием последних лет о Великой Отечественной войне, содержание которого охватывает вопросы внешней и внутренней политики, стратегии, раскрывает ход вооруженной борьбы, значение морального фактора в войне, является уже упоминавшийся труд британского профессора Д. Робертса «Войны Сталина. От мировой войны до «холодной войны». 1939–1953», опубликованный в Великобритании и США[470].

Среди новейших англоязычных изданий отметим также книги А. Рейд «Ленинград: трагедия города в осаде. 1941–1944»[471] и М. Джонса «Тотальная война: от Сталинграда до Берлина», которые привлекли внимание зарубежной критики. Название книг раскрывают их содержание. Весьма важен сам факт обращения А. Рейд к теме беспримерной трагедии и подвига ленинградцев. В этом она продолжает традицию «классического» труда американского историка и журналиста Г. Солсбери «900 дней. Блокада Ленинграда», изданного и в нашей стране. «Баланс» между трагедией и подвигом оказался для автора сложной задачей. Ей ближе трагедия, далеко не всегда достоверная, например в виде упрека советскому правительству в запоздалой эвакуации населения. Следует знать, что эвакуация гражданского населения началась до блокады и продолжалась на всем ее протяжении, а также напомнить читателю, что в 1941–1943 гг. трижды предпринимались усилия фронтов для прорыва блокады и помощи ленинградцам, и только четвертый, в январе 1943 г. (операция «Искра»), завершился частичным, но спасительным для населения города прорывом его блокады, которую осуществляли немецкие и финские войска.

Ценность книги М. Джонса для американских читателей прежде всего в ее источниках — дневниках и воспоминаниях участников войны. В противовес таким авторам, как А. Бивор с его книгой о Сталинградской битве, в которой советские бойцы изображаются идущими в бой под страхом расстрела заградотрядами, М. Джонс подчеркивает, что «они воевали потому, что были патриотами, защищали свою страну от порабощения врагом»[472]. Отметим также книги А. Такер-Джонса «Сталинское возмездие: операция Багратион и разгром группы армий «Центр» (Барнсли, 2009); Д. Глэнца «К воротам Сталинграда» (Канзас, 2009) и «Сталинградская катастрофа» (Канзас, 2009), Р. Стоуна (ред.) «Советский Союз в войне 1941–1945» (Барнсли, 2010), Р. Риза «Почему воевали солдаты Сталина: Боевое мастерство Красной армии во Второй мировой войне» (Канзас, 2011)[473]. Ежегодно в Англии и США входят не менее 15 книг и диссертаций, в которых достоверно (или тенденциозно) освещаются события на советско-германском фронте[474].

Сохраняется интерес к изучению проблем сотрудничества Великобритании, США, Китая и Советского Союза в рамках антигитлеровской коалиции. В работах У. Кимболла, Дж. Гэддиса, П. Бойля, Р. Эдмондса, Л. Гарднера, Д. Майерса, Д. Дилкса, Дж. Эриксона, Дж. Харпера, М. Столера, Р. Даллека анализируется совокупность геополитических, военных, экономических и идеологических факторов, влиявших на союзническое взаимодействие в годы войны[475].

Современные китайские историки обращаются к теме о роли СССР во Второй мировой войне чаще всего по случаю крупных юбилейных дат. Одной из таких дат стала 60-я годовщина образования Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между КНР и Россией. Этим двум событиям были посвящены круглый стол и ряд публикаций в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Китайская историческая наука была представлена статьей известного китайского ученого Чень Чжихуа[476], раскрывающей основные направления изучения в КНР истории СССР после декабрьского 1978 г. пленума ЦК КПК. Автор анализирует содержание наиболее значимых, по его мнению, работ, охватывающих эпохальные периоды советской истории от Октябрьской революции и до распада СССР. Не претендуя на исчерпывающую полноту освещения проблемы, Чень Чжихуа утверждает, что исследования истории СССР не носят ностальгического характера, а служат цели строительства социализма и проведению в Китае политики реформ и от-

крытости. Становится понятным, почему среди множества исторических работ, изданных за последние тридцать лет в КНР, лишь две монографии, кроме указанных ранее, раскрывают проблемы советско-китайских отношений — «Очерки истории китайско-российских отношений в 1917–1991 гг.» и «Исследование некоторых проблем в китайско-советских отношениях после Второй мировой войны — по архивным документам Китая и России»[477]. Среди публикаций периодической печати, посвященных сотрудничеству СССР и Китая в годы национально-освободительной войны, особого внимания заслуживает статья историка, директора Института России Цзилиньской Академии общественных наук Го Яншуня «Славная страница»[478]. В контексте антияпонской партизанской войны на северо-востоке Китая автор рассказывает о советской помощи в подготовке антияпонской объединенной армии, тесном сотрудничестве ее руководства с командованием Дальневосточного фронта в 1939–1945 гг. Ранее вопросы помощи СССР осветил в статье «Помощь Советского Союза в период антияпонской войны» китайский историк Вэй Хуньюнь[479].

Переводная зарубежная литература, посвященная Второй мировой войне, в китайских изданиях представлена достаточно скромно. Приход фашистов к власти в Германии и роль немецко-фашистской диктатуры в развязывании Второй мировой войны рассмотрены в переведенной на китайский язык работе Уолтера Бэттла «Немецко-фашистская диктатура (1933–1945)[480]. Двухтомное издание известного английского историка Алана Булока «Гитлер и Сталин» было переиздано на китайском языке в 1998 г. и повествует о жизни двух политиков на фоне исторических событий в мире[481]. Среди книг российских историков, переведенных и изданных в КНР, отметим книги С. Л. Тихвинского «Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 гг.» (Пекин, 2000) и О. А. Ржешевского «Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945» (Пекин, 2008).

После 1991 г. изменилась направленность исторической литературы о войне в бывших странах социалистического содружества. Если раньше издававшиеся там работы ориентировались в основном на концепции советской историографии и делали упор на сотрудничестве этих стран с СССР в военные годы, то в постсоциалистический период там все больше проявляются антисоветские тенденции. В Польше, например, это сказалось в массе публикаций о расстреле польских офицеров в Катыни, о Варшавском восстании 1944 г., о вступлении Красной армии на территорию Польши в сентябре 1939 г.[482] В Чехии преобладающими в последнее время стали работы, в которых говорится о действиях чехов и словаков в составе вооруженных сил западных союзников, а не совместно с Красной армией, как было раньше[483]. В Венгрии многие историки стали в последние годы отрицать захватнический характер участия Венгрии в войне против СССР на стороне нацистской Германии. Венгерских военнослужащих, погибших на советско-германском фронте или попавших в советский плен, теперь часто предоставляют в качестве жертв «сталинского тоталитаризма». Венгерские части, воевавшие в составе вермахта в 1942–1943 гг. в районе Дона, окружают ореолом защитников родины. Проводятся официальные траурные мероприятия, посвященные памяти «героев Дона» — солдат и офицеров разгромленной советскими войсками в 1943 г. в ходе Острогожско-Россошанской наступательной операции 2-й венгерской армии. Для многих венгерских и румынских материалов об участии этих стран в войне против СССР характерна антисоветская и русофобская риторика.

Исключение, пожалуй, может составить сборник документов на венгерском языке «Документы о злодеяниях венгров на временно оккупированной территории СССР (1941–1947)»[484]. В книге публикуются архивные документы о преступлениях, совершенных венгерскими военнослужащими на оккупированных территориях. В состав сборника включены материалы архивных уголовных дел венгерских военнопленных из Центрального архива ФСБ России, а также документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Воронежской области, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Исторического архива служб государственной безопасности. Авторы сборника, опираясь на научные метода исследования, на основании конкретных

фактов, зафиксированных в архивных материалах, показали степень ответственности режима М. Хорти в преступлениях, совершенных на оккупированных территориях Советского Союза.

На протяжении многих лет в Советском Союзе, а теперь в России, издаются в русском переводе наиболее значимые работы немецких, британских, американских и других зарубежных историков, посвященные истории Второй мировой и Великой Отечественной войн[485].

Важной особенностью последних десятилетий стало расширение сотрудничества западных историков с российскими коллегами. Публикуются совместные работы по отдельным проблемам минувшей войны, российские исторические журналы предоставляют западным ученым возможность выступить на своих страницах по актуальным вопросам истории советско-германского фронта, в зарубежных периодических изданиях помещаются статьи российских историков. Формы сотрудничества все время совершенствуются, и оно принимает все более широкий размах. С 1998 г. функционирует российско-германская Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений, которая уделяет немало внимания истории Второй мировой войны[486].

В Нью-Йорке и Москве издана книга «Союзники в войне 1941–1945». Это коллективный труд, созданный историками России, США и Англии, в котором более объективно оценивается значение союза трех держав, материальной помощи западных держав Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны, анализируются мнения и представления, которые складывались во время войны у населения США, Англии и СССР о военных усилиях каждой из трех стран[487]. Совместным трудом исследователей России, ФРГ, США и Болгарии является опубликованная в 1996 г. в ФРГ книга «Перелом во Второй мировой войне: Сражения под Харьковом и Курском весной и летом 1943 г. в оперативном планировании, проведении и политическом значении». В ней представлены материалы состоявшейся в 1993 г. в Берлине научной конференции. Выступающие использовали немало новых источников, в том числе и из российских архивов, что позволило им дать более объективную, чем раньше, картину сражений весной и летом 1943 г. на советско-германском фронте[488]. Внимание читателей привлекла статья немецкого историка Э. Йеккеля о бедствиях, пережитых населением Германии на заключительной стадии войны, опубликованная российским журналом «Родина»[489]. Подобных примеров сотрудничества наших историков с зарубежными с каждым годом становится все больше.

Чем дальше в прошлое уходят события Второй мировой и Великой Отечественной войн, тем отчетливее проявляются усилия зарубежных авторов пересмотреть роль Советского Союза в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией. К сожалению, этим путем следуют и некоторые отечественные публицисты, историки и политики. Одним из наиболее распространенных приемов тех, кто хотел бы заново переписать историю, является обеление агрессора и переложение вины за развязывание войны на военно-политическое руководство СССР. Сегодня достаточно часто можно услышать, что именно И. В. Сталин, его внешняя и внутренняя политика привели ко Второй мировой войне. Такого рода «переосмысление» причин начала Второй мировой и Великой Отечественной войн реабилитирует виновников войны и тех, кто подталкивал Германию к агрессивным действиям против нашей страны. Общественный и научный интерес к этим событиям в мире не ослабевает.

* * *

Отечественная историография за 70 лет раскрыла многие проблемы Великой Отечественной войны, до читателя доведено огромное количество фактического материла об этом эпохальном историческом событии. Этап, переживаемый сейчас Россией, ее народом, отечественной наукой, обязывает историков окинуть пристальным взглядом достигнутое в освещении множества фактов, явлений, эпизодов, по-новому оценить, казалось бы, уже найденные правильные ответы на трудные вопросы минувшей войны. Без своеобразной

инвентаризации, критического осмысления всего написанного о войне невозможно движение вперед.

Историки не должны ее приукрашивать или затушевывать, мешать объективному познанию героических и трагических, славных и неприглядных ее страниц. «Историк, — завещал своим последователям наш выдающийся соотечественник Н. М. Карамзин, — должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк»[490].

Изучение происхождения Второй мировой и Великой Отечественной войн, хода и исхода вооруженной борьбы, итогов и значения Великой Победы продолжает оставаться одним из самых остро полемичных направлений новейшей историографии. Невозможно понять историю XX в. и наше настоящее без осмысления этого грандиозного события. Поэтому Вторая мировая война и ее важнейшая часть — Великая Отечественная война советского народа до сих пор привлекают к себе напряженное внимание историков и широких слоев населения разных стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Луцкий Е. А., Муравьев В. А.* Историография СССР в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1980. № 3. С. 105.

[2] *Комков Г. Д., Левшин Б. В.* Вклад ученых в мобилизацию духовных сил народа в 1941–1945 годах // История СССР. 1982. № 3. С. 28; Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны: Сб. статей. М., 1976. С. 17.

[3] Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 17; *Луцкий Е. А., Муравьев В. А.* Историография СССР в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1980. № 3. С. 116.

[4] Воспоминания хранятся в отделе рукописей Института российской истории РАН. См.: *Курносов А. А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 118–132; *Луцкий Е. А., Муравьев В. А.* Историография СССР в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1980. № 3. С. 116; *Архангородская Н. С., Курносов А. А.* Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // Археографический ежегодник за 1985 г. М., 1986. С. 174–181; *Он же.* Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 316–319.

[5] Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 19.

[6] *Комков Г. Д., Левшин Б. В.* Вклад ученых в мобилизацию духовных сил народа в 1941–1945 годах // История СССР. 1982. № 3. С. 28.

[7] Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1. М., 1943.

[8] Сообщения Советского информбюро: в 8 т. М., 1944–1945.

[9] См.: Историография Великой Отечественной войны: Сб. статей: М., 1980. С. 55, 144.

[10] Военная мысль. 1990. № 6. С. 30.

[11] См.: Очерки советской военной историографии. М., 1974. С. 37; *Грылев А.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 91.

[12] Очерки советской военной историографии. С. 38.

[13] Там же. С. 38, 39.

[14] *Комков Г. Д., Левшин Б. В.* Вклад ученых в мобилизацию духовных сил народа в 1941–1945 годах // История СССР. 1982. № 3. С. 30.

[15] Там же.

[16] *Шиловский Е. А.* Разгром немецких войск под Москвой: Краткий оперативно-стратегический очерк. М., 1943; *Хвостов В. М.* Разгром немцев под Ростовом в ноябре 1941 года: Краткий очерк. М., 1943; *Болдырев П.* Маловишерская операция: Краткий очерк. М., 1943; *Борисов А.* Оборона Одессы: Краткий оперативно-тактический очерк. М., 1943; *Паротькин И., Кравцов В.* Елецкая операция. М., 1943; *Замятин Н. М.* и др. Десять сокрушительных ударов (Краткий обзор операций Красной армии в 1944 г.) М., 1945. См.: *Грылев А.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 92.

[17] *Говоров Л. А.* В боях за город Ленина: Статьи 1941–1945 гг. Л., 1945. (В сборнике помещено 12 статей маршала Говорова.)

[18] См.: *Плетушков М. С., Якушевский А. С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995.

[19] *Хромов С. С., Тютюкин С. В.* Ведущий центр по изучению отечественной истории // История СССР. 1986. № 2. С. 83, 84; Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 21–22.

[20] См.: Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 22.

[21] *Грылев А.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 93, 94.

[22] Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 23.

[23] Там же. С. 21–22, 24–25; *Плетушков М. С., Якушевский А. С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995.

[24] Среди первых обобщающих работ: *Анисимов И. В., Кузьмин Г. В.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945). М., 1952; *Воробьев Ф. Д., Кравцов В. М.* Победы советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1953; Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (руководитель авт. коллектива Б. С. Тельпуховский). М., 1955 и др.

[25] *Плетушков М. С., Якушевский А. С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995. С. 406.

[26] См.: *Хромов С. С., Тютюкин С. В.* Ведущий центр по изучению отечественной истории // История СССР. 1986. № 2. С. 83.

[27] Очерки советской военной историографии. С. 42.

[28] *Грылев А.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 94.

[29] Там же. С. 95.

[30] Там же. С. 94.

[31] Там же. С. 95.

[32] Очерки советской военной историографии. С. 236.

[33] Хроника войны на Черноморском театре (21 июня — 31 декабря 1941 г.), на Балтийском море и Ладожском озере (22 июня — 31 декабря 1941 г., 16 мая — 31 августа 1942 г.), боевых действий Волжской военной флотилии в боях за Сталинград (1942). Все работы с грифом «секретно».

[34] *Грылев А.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 96.

[35] Там же.

[36] Там же; Очерки советской военной историографии. С. 238.

[37] *Грылев А.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 96–97.

[38] Там же.

[39] Фальсификаторы истории: Историческая справка. М., 1948; См. также: Сталин и «Фальсификаторы истории». М., 2010.

[40] *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945). М., 1952. С. 37, 107.

[41] Очерки советской военной историографии. С. 238.

[42] См.: Военно-исторический журнал. 1968. № 1.

[43] *Грылев А.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 97–98.

[44] Историография Великой Отечественной войны. С. 55.

[45] Там же. С. 55, 56.

[46] Война 1939–1945: два подхода. Сб. статей. М., 1995. С. 25.

[47] *Солдатенко Е. И.* Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1954.

[48] Очерки советской военной историографии. С. 238.

[49] Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 29–30.

[50] *Елпатьевский А. В.* О рассекречивании архивных фондов // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 16.

[51] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Том. 1. Переписка

с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 — ноябрь 1945 г.); Том 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 — декабрь 1945 г.). М., 1958; Документы внешней политики СССР. Т. 1–10 (7 ноября 1917 — 31 декабря 1927 г.). М., 1959–1965; Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958 и др.

[52] Очерки советской военной историографии. С. 239.

[53] Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 43, 66.

[54] Там же. С. 34–35.

[55] Историография Великой Отечественной войны. С. 62.

[56] История Великой Отечественной войны Советского Союза: в 6 т. М., 1960–1965.

[57] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1965.

[58] СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (краткая хроника). М., 1964.

[59] Советская историография. М., 1996. Кн. 2. С. 284, 285.

[60] Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1956.

[61] Операции советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк: в 4 т. М., 1958–1959; Стратегический очерк Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1961.

[62] Вторая мировая война. 1939–1945. Военно-исторический очерк. М., 1958 и др.

[63] *Рухле И.* О характере начального периода в двух мировых войнах // Военно-исторический журнал. 1959. № 10. С. 3–18.

[64] Военно-исторический журнал. 1960. № 4. С. 118–124; № 8. С. 50–55; № 9. С. 31–41.

[65] *Козлов С.* Некоторые вопросы стратегического развертывания по опыту двух мировых войн // Военно-исторический журнал. 1959. № 12. С. 15; *Чередниченко М.* О начальном периоде Великой Отечественной войны // Там же. 1961. № 4. С. 32; *Мернов В.* Советская военная наука о начальном периоде войны // Военная мысль. 1965. № 6. С. 18.

[66] *Рухле И.* О характере начального периода в двух мировых войнах // Военно-исторический журнал. 1959. № 10. С. 10–11; *Козлов С.* Некоторые вопросы стратегического развертывания по опыту двух мировых войн // Там же. 1959. № 12. С. 9–10; *Чередниченко М. С.* О начальном периоде Великой Отечественной войны // Там же. 1961. № 4. С. 28–30; *Колчигин Б.* Мысли об использовании армии прикрытия в начальном периоде Великой Отечественной войны // Там же. 1961. № 4. С. 35; *Голубев А.* Обращена ли была в прошлое наша военная теория в 1920-е гг.? // Там же. 1965. № 10. С. 35–47; *Мернов В.* Советская военная наука о начальном периоде войны // Военная мысль. 1965. № 6. С. 14–24.

[67] *Проэктор Д. М.* Военное искусство в первом периоде второй мировой войны (1939–1940). М., 1957; *Возненко В.* Некоторые вопросы содержания и характера начального периода войны // Военная мысль. 1960. № 6. С. 59–71; *Колчигин Б.* Мысли об использовании армии прикрытия в начальном периоде Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1961. № 4.; *Захаров М. В.* Начальный период Великой Отечественной войны и его уроки // Там же. № 7; *Чередниченко М. С.* О начальном периоде Великой Отечественной войны // Там же. № 4. С. 28–35; *Таранов А., Терехин К.* О начальном периоде Великой Отечественной войны // Там же. 1963. № 8. С. 84–88; *Бирюзов С. С.* Уроки начального периода Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1964. № 8; *Коркординов П.* Факты и мысли о начальном периоде Великой Отечественной войны // Там же. 1965. № 10; *Баскаков В.* Об особенностях начального периода войны // Там же. 1966. № 2. С. 29–34 и др.

[68] *Анфилов В. А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.): Военно-исторический очерк. М., 1962.

[69] *Он же.* Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971; *Он же.* Провал «блицкрига». М., 1974; *Он же.* Крах стратегии «молниеносной войны». М., 1981; *Он же.* Провал плана «Барбаросса». М., 1986; *Он же.* Крушение похода Гитлера на Москву, 1941 г. М., 1989; *Он же.* Незабываемый сорок первый. М., 1989; *Он же.* Грозное лето 1941 года. М., 1995; *Он же.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997.

[70] *Он же.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.): Военно-исторический очерк. С. 32, 52.

[71] *Сандалов Л. М.* Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. М., 1961.

[72] *Сандалов Л. М.* Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года. М., 1989.

[73] *Захаров М. В.* О советском военном искусстве в битве под Курском // Военно-исторический журнал. 1963. № 6; *Конев И. С.* На харьковском направлении // Там же. № 8; *Цуканов Ф.* Маневр силами и средствами Воронежского фронта в оборонительной операции под Курском // Там же. 1963. № 7.

[74] *Мацуленко В. А.* Разгром немецко-фашистских войск на балканском направлении. Август — сентябрь 1944 г. М., 1957; *Минасян М. М.* Борьба Советской армии за освобождение народов Юго-Восточной Европы в Великой Отечественной войне. М., 1957; *Проэктор Д. М.* Через Дуклинский перевал. М., 1960; Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960; За освобождение Чехословакии. М., 1965; Освобождение Венгрии от фашизма. М., 1965 и др.

[75] *Барбашин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П.* и др. Битва за Ленинград. 1941–1944. М., 1964.

[76] *Супруненко Н. И.* Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза. Киев, 1956; *Шевердалкин П. Р.* Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959; *Липило П. П.* Коммунистическая партия Белоруссии — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959; Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. Документы и материалы. Смоленск, 1962; *Шамко Е. Н.* Подвиги крымских партизан. М., 1964 и др.

[77] Вторая мировая война 1939–1945: Воен.-ист. очерк. М., 1958; Боевой путь советских Вооруженных сил. М., 1960; История военного искусства: в 2 т. М., 1963; Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965; Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1965 и др.

[78] *Липатов Н. П.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1960; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942). М., 1960; *Морехина Г. Г.* Рабочий класс — фронту: Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1962; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР. 1941–1945. М., 1963; *Козыбаев М. К.* Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Алма-Ата, 1964; *Он же.* Рабочий класс Казахстана — фронту. Алма-Ата, 1968.

[79] *Супруненко Н. И.* Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). Киев, 1956; *Беляева В. А.* Трудовой героизм рабочих Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Баку, 1957; *Абишев Г.* Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Алма-Ата, 1958; *Дедов Г. И.* Кизеловский угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1959; *Калымбетов Ж.* Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие промышленности и транспорта в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1966.

[80] *Симонов К.* О воспоминаниях участников войны. Заметки писателя // Красная звезда. 1960. 17 апреля; *Жилин П.* О воспоминаниях участников войны. Заметки историка // Там же. 25 мая.

[81] Битва за Волгу: Воспоминания участников Сталинградского сражения. Сталинград, 1958; *Болдин И. В.* Страницы жизни. М., 1961; *Еременко А. И.* Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961; *Казаков В. И.* На переломе. М., 1962; *Бирюзов С. С.* Когда гремели пушки. М., 1962; *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963; *Бирюзов С. С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963; *Баграмян И. Х.* Город-воин на Днепре. М., 1965; *Батов П. И.* Операция «Одер»: боевые действия 65-й армии в Берлинской операции. Апрель — май 1945 года. М., 1965 и др.

[82] Например: *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956; Мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с нем. М., 1957; Итоги второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1957; Роковые решения / Пер. с нем. М., 1958; *Фуллер Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1956; *Лиддел Гарт Б.* Стратегия непрямых действий / Пер. с англ. М., 1957; *Диксон Ч. О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия / Пер. с англ. М., 1957; *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. / Пер. с англ. М., 1955; *Брофи А.* Военно-воздушные силы США / Пер. с англ. М.,1957 и др.

[83] См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Краткая история. С. 53–54; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 10.

[84] Цит. по: *Жилин П. А.* Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1965. С. 153.

[85] *Плетушков М. С., Якушевский А. С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995.

[86] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972. Т. 5. Кн. 1. С. 152–153, 477.

[87] Великая Отечественная война: факт и документ в исторических исследованиях и художественной литературе. Беседа историков и писателей за «круглым столом» // История СССР. 1988. № 4. С. 11.

[88] *Некрич А. М.* 1941. 22 июня. М., 1965; См. также: Дело А. М. Некрича. (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. № 4. С. 94–114, № 5. С. 82–97; *Он же.* 1941. 22 июня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995.

[89] См.: *Он же.* Отрешись от страха // Нева. 1995. № 6.

[90] *Деборин Г. А., Тельпуховский Б. С.* В идейном плену у фальсификаторов истории // Вопросы истории КПСС. 1967. № 9. С. 127–140.

[91] Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. М., 1970.

[92] Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (1966–1996): Исторический очерк. М., 1996. С. 77–89.

[93] История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Том 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М., 1973; Том 2. Накануне войны. М., 1974; Том 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974; Том 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М., 1975; Том 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975; Том 6. Коренной перелом в войне. М., 1976; Том 7. Завершение коренного перелома в войне. М., 1976; Том 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. М., 1977; Том 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. М., 1978; Том 10. Завершение разгрома фашистской Германии. М., 1979; Том 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980; Том 12. Итоги и уроки Второй мировой войны. М., 1982.

[94] Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (1966–1996): Исторический очерк. М., 1996. С. 89–91.

[95] Там же. С. 92–93.

[96] Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1–2. М., 1974; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1976; См. также: Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 88, 89.

[97] *Бабин А.* В Институте военной истории // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 112–113; *Федоров А.* В Институте военной истории // Там же. 1972. № 11. С. 99.

[98] *Бабин А.* В Институте военной истории // Там же. 1969. № 4. С. 113–114; Проблематика докторских диссертаций по военной истории // Военно-исторический журнал. 1969. № 8. С. 120–122; *Орешкин А.* В Институте военной истории // Там же. 1970. № 1. С. 107–109; *Федоров А.* В Институте военной истории // Там же. 1972. № 11. С. 99; Темы докторских диссертаций, одобренные отделом координации научно-исследовательской работы в области истории КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Вопросы истории КПСС. 1970. № 6. С. 153–154.

[99] *Горелик Я. М.* Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // История СССР. 1980. № 3. С. 120, 121.

[100] См.: Историография Великой Отечественной войны. С. 146–147.

[101] Приказы Верховного главнокомандования в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М., 1975.

[102] См.: *Горелик Я. М.* Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // История СССР. 1980. № 3. С. 125.

[103] Там же. С. 125, 126.

[104] См.: Советская историография. Кн. 2. С. 524.

[105] См.: Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 45; Историография Великой Отечественной войны. С. 16.

[106] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1973; *Пересыпкин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне М., 1973; *Бирюзов С. С.* Суровые годы. 1941—1945. М., 1973; *Еременко А. И.* Годы возмездия. 1943—1945. М., 1969; *Антонов В. С.* Путь к Берлину М., 1975; *Майский И. М.* Воспоминания советского посла: Война 1939—1943. М., 1965; *Он же.* Воспоминания советского дипломата. 1925—1945 гг. М., 1971. См. также: Историография Великой Отечественной войны. С. 15.

[107] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1965.

[108] *Муриев Д. З.* Провал операции «Тайфун». М., 1972.

[109] *Сандалов Л. М.* На московском направлении. М., 1970; *Анфилов В. А.* Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971; *Федоров А. Г.* Авиация в битве под Москвой. М., 1971; *Марамзин В. А.* Военное искусство в битве под Москвой. М., 1974.

[110] *Воробьев Ф. Д., Данилов Ф. В., Морозов В. П., Утенков Ф. Н., Шиманский А. Н.* Великая победа на Волге. М., 1965.

[111] *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Курская битва. М., 1970; *Они же.* Огненная дуга. М., 1973; Курская битва: Сб. статей. М., 1970; Курская битва. Воронеж, 1973; *Соловьев Б. Г.* Вермахт на пути к гибели. М., 1973.

[112] Боевая деятельность подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. Т. 1—3. ГШ ВМФ. М., 1969.

[113] Финал. 3 сентября 1945. М., 1966 (2-е изд. 1969); *Внотченко Л. Н.* Победа на Дальнем Востоке: Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе — сентябре 1945 г. М., 1966 (2-е изд. М., 1971).

[114] См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1968; Войска противовоздушной обороны страны. М., 1968; Советские танковые войска 1941—1945. М., 1973; Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970; Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1975; *Козлов И. А.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976 и др.

[115] Будапешт — Вена — Прага. М., 1965; За освобождение Чехословакии. М., 1965.

[116] Борьба за советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Кн. 1—3. Рига, 1966—1969.

[117] Освободительная миссия советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971 (2-е изд. М., 1974).

[118] См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. М., 1970; Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. М., 1973; История Второй мировой войны. 1939—1945: в 12 т. Т. 4. М., 1975; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; *Анфилов В. А.* Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1976; *Рябов В. С.* Годы огневые. М., 1977.

[119] Начальный период войны. (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны). М., 1974 (Авт. коллектив: Н. И. Гутченко, С. П. Иванов, Л. И. Ольштынский, Н. Г. Павленко, А. Ф. Сопильник, Н. А. Фокин, Ф. И. Шестерин; под общ. ред. генерала армии С. П. Иванова).

[120] *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М., 1966. С. 4—5, 7.

[121] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1978; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1968; Кн. 2. М., 1973.

[122] *Павленко Н.* Некоторые вопросы развития теории стратегии в 1920-х гг. // Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 10—26; *Повалий М.* Развитие советской военной стратегии // Военная мысль. 1967. № 2. С. 63—76; *Ростунов И.* У истоков советской военной доктрины // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 84—96.

[123] Военная стратегия. 3-е изд. М., 1968; 50 лет Вооруженным силам СССР. М., 1968.

[124] *Ярхунов В. М.* Строительство Вооруженных сил в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Киев, 1970; *Чернецкий В.* О некоторых вопросах оперативного искусства ВВС накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1973. № 8. С. 88—93; *Мудрагеля А. С.* Советское военное искусство до начала Великой Отечественной войны. М., 1976; *Коротков И.* Обобщение опыта войн в межвоенный период // Там же. 1976. № 6. С. 95—100.

[125] История войн и военного искусства. М., 1970; Военное искусство во Второй мировой войне (стратегия и оперативное искусство). М., 1973; Советские Вооруженные силы: История строительства. М., 1978; Начальный период войны: По опыту Второй мировой войны. М., 1972; Начальный период войны: По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны. М., 1974.

[126] *Иванов С. П.* Начальный период войны (по опыту второй мировой войны) // Военная мысль. 1971. № 5. С. 34–45; Там же. № 6. С. 20–34; *Он же.* О советском военном искусстве в начальном периоде Великой Отечественной войны // Там же. 1973. № 3. С. 65–82.

[127] *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975. Последующие издания: *Он же.* Крах фашистской агрессии, 1939–1945: Ист. очерк. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980; М., 1982; *Он же.* Вторая мировая война. 1939–1945. 3-е изд., доп. М., 1985; *Он же.* Вторая мировая война 1939–1945: Очерк важнейших событий. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990.

[128] См.: *Анфилов В. А.* Бессмертный подвиг. М., 1971. С. 149, 157, 159; *Он же.* Провал «блицкрига». М., 1974. С. 178–179, 180. *Он же.* Незабываемый сорок первый. М., 1989. С. 18. *Он же.* Крушение похода Гитлера на Москву, 1941 г. М., 1989. С. 76, 81–82.

[129] *Реутов Г. Н.* Правда и вымысел о второй мировой войне. М., 1970; *Данилов Ф., Кравченко И.* У истоков советской теории оперативного искусства (1921–1930) // Военно-исторический журнал. 1973. № 11. С. 38–45; *Гриценко В. И.* Начальный период войны в советской историографии. Харьков, 1974; Очерки советской военной историографии. М., 1974; *Мерцалов А. Н.* Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978; Историография Великой Отечественной войны: Сб. статей. М., 1980; *Коротков И. А.* История советской военной мысли: Краткий очерк (1917 — июнь 1941 г.). М., 1980; Мифы о «советском экспансионизме» и «превентивной войне» // *Жилин П. А.* и др. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983. С. 92–109; *Ржешевский О. А.* Война и история: Буржуазная историография США о второй мировой войне. 2-е изд. М., 1984. С. 60–94; *Раманичев Н. М.* Историография советского военного искусства в межвоенный период. М., 1984.

[130] См.: *Савушкин Р. А.* К вопросу о зарождении теории последовательных наступательных операций // Военно-исторический журнал. 1983. № 5. С. 77–83.

[131] Подробнее см.: Историография Великой Отечественной войны. С. 45.

[132] Там же. С. 47, 57, 152.

[133] Там же. С. 147, 151.

[134] Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1–3. Минск, 1967–1982; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1–3. Киев, 1974.

[135] Подробнее см.: Историография Великой Отечественной войны. С. 147, 148, 152.

[136] *Беликов А. М.* Тыл кует победу. М., 1965; *Он же.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1969; *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1965; *Плотников В. М.* Роль тыла в победе на Курской дуге. Харьков, 1969; *Куманев Г. А.* Советский тыл — фронту. 1941–1945 гг. М., 1970; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1970; *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1970; История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1978.

[137] Тыл советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977.

[138] Например: *Белов П. А.* За нами Москва. М., 1963; *Баграмян И. Х.* Город-воин на Днепре. М., 1965; *Еременко А. И.* В начале войны. М., 1965; *Бирюзов С. С.* Суровые годы. М., 1966; *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1968; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968 (Кн. 2. М., 1973); *Еременко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. М., 1969; *Москаленко А. С.* На юго-западном направлении. Кн. 1. 1941–1943. М., 1969, Кн. 2. 1943–1945. М., 1972; *Сандалов А. М.* На московском направлении. М., 1970; *Конев И. С.* Сорок пятый. М., 1970; *Емельянов В. С.* На пороге войны. М., 1971; *Казаков В. И.* Артиллерия, огонь. М., 1971; *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971; *Тюленев И. В.* Через три войны. М., 1972; *Чуйков В. И.* Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М., 1972; *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний. 1941–1944. Записки командарма. М., 1973; *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973; *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 1975; Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне,

1941–1945: Сб. воспоминаний. М., 1975; *Телегин К. Ф.* Не отдали Москвы! М., 1975; *Гречко А. А.* Годы войны. 1941–1943. М., 1976; *Чуянов А. С.* На стремнине века. Записки секретаря обкома. М., 1976; *Баграмян И. Х.* Так начиналась война. М., 1977; *Голушко И. М.* Танки оживали вновь. М., 1977; *Патоличев Н. С.* Испытание на зрелость. М., 1977; *Яшин А. Я.* Дневники. 1941–1945. М., 1977; *Батов П. И.* Перекоп. 1941. Симферополь, 1979 и др. См. также: Очерки советской военной историографии. С. 256.

[139] *Дегтярев Г. Е.* Таран и щит. М.,1966; *Стрельбицкий И. С.* Беглым, огонь! М., 1969; *Стрельбицкий И. С.* Штурм. 3-е изд. Вологда, 1970; *Пласков Г. Д.* Под грохот канонады. М., 1969.

[140] *Антипенко Н. А.* На главном направлении. Воспоминания заместителя командующего фронтом. М., 1967; *Вишневский А. А.* Дневник хирурга. М., 1967; *Кондратьев З. И.* Дороги войны. М., 1969; *Хижняк И. Л.* Годы боевые. Краснодар, 1968; *Шебунин А. И.* Сколько нами пройдено... М., 1971.

[141] *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. Записки командующего авиацией. М., 1976; *Красовский С. А.* Жизнь в авиации. М., 1968; *Покрышкин А. И.* Небо войны М., 1970; *Семенов А. Ф.* На взлете. М., 1969; *Фалалеев Ф. Я.* В строю крылатых. Из воспоминаний. Ижевск, 1970; *Басистый Н. Е.* Море и берег. М., 1970; *Воронин К. И.* На боевом курсе. Воспоминания штурмана дивизиона «Морских охотников». Симферополь, 1970; *Годлевский Г. Ф.* Серебряный якорь. М., 1970; *Зарембо Н. П.* Волжские плесы. М., 1970; *Колышкин И. А.* В глубине полярных морей. М., 1970; *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971; *Трибуц В. Ф.* Балтийцы наступают. Калининград, 1968 и др.

[142] См.: *Шиманский А., Малахов М.* За высокий идейный уровень военно-мемуарной литературы // Военно-исторический журнал. 1967. № 7. С. 87.

[143] См.: Советская историография. Кн. 2. С. 303.

[144] Там же. С. 304.

[145] «Круглый стол»: Историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 20.

[146] Цит. по: Война 1939–1945: два подхода. Сб. статей. С. 47.

[147] См.: *Чечель И.* Исторические представления советского общества эпохи перестройки // Образы историографии / Под ред. А. П. Логунова. М., 2001. С. 199–234.

[148] Советская историография. Кн. 2. С. 524.

[149] Ялтинская конференция, 1945. Уроки истории. М., 1985; Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США, Великобритании, 28 ноября — 1 декабря 1943 г. М., 1987; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1–2. М., 1989; СССР — Германия, 1939–1944. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 по июнь 1941 г. Вильнюс, 1989; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 г. М., 1990 и др.

[150] РСФСР — фронту, 1941–1945. Документы и материалы. М., 1987; Сборник документов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по ПВО. М., 1987; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Статистический сборник. М., 1990; *Кудрявцев И. И.* Указатель сборников документов по истории Великой Отечественной войны, подготовленный при участии государственных архивов в 1941–1989 гг. М., 1990; *Комаров Н. Я.* Государственный комитет постановляет: Документы, воспоминания, комментарии. М., 1990 и др.

[151] *Анфилов В. А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М., 1989; *Он же.* Незабываемый сорок первый. 2-е изд. М., 1989; *Сандалов Л. М.* Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии, 22 июня — 10 июля 1941 г. М., 1989; Начальный период Великой Отечественной войны: Выводы и уроки. М., 1989 и др.

[152] *Перечнев Ю. Г.* О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных сил к отражению фашистской агрессии // Военно-исторический журнал. 1988. № 4. С. 42–50; *Гребнюк А.* Пути и методы подготовки Советского Союза к войне с фашистской Германией // Военный вестник АПН. 1991. № 10–11; *Хорьков А. Г.* К вопросу об угрожаемом периоде // Военная мысль. 1986. № 3. С. 18–25; *Хорьков А. Г.* Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 42–49 и др.

[153] *Данилов В. Д.* Советское Главное Командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 3–20; *Комал Ф. Б.* Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 21–28.

[154] *Яковленко И. И.* О прикрытии государственной границы накануне Великой Отечественной войны (по опыту КОВО) // Военно-исторический журнал. 1987. № 5. С. 84–87; *Беляев В. И.* Усиление охраны западных границ СССР накануне Великой Отечественной войны // Там же. 1988. № 5. С. 50–55; *Хорьков А. Г.* Грозный июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1991 и др.

[155] *Пастуховский Г. П.* Развертывание оперативного тыла в начальный период войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 6. С. 18–27; *Шевелев Г. П.* Прикрытие развертывания войск // Военная мысль. 1989. № 4. С. 13–22; *Азясский Н. Ф.* О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 г. // Там же. 1990. № 8. С. 9–18 и др.

[156] *Анучин В. В., Здоров О. Н.* Зарождение и развитие теории боевого применения ВВС (1917–1938) // Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 19–26; *Ульянов В. И.* Развитие теории глубокого наступательного боя в предвоенные годы // Там же. № 3. С. 26–33; *Лобов В. Н.* Актуальные вопросы развития теории советской военной стратегии 20-х — середины 30 годов // Там же. 1989. № 2. С. 41–50; *Савушкин Р. А.* Эволюция взглядов на оборону в межвоенный период // Там же. 1987. № 1. С. 37–42; *Савушкин Р. А.* Развитие советских Вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921–1941). М., 1989 и др.

[157] *Савушкин Р. А.* Зарождение и развитие советской военной доктрины // Военно-исторический журнал. 1988. № 2. С. 19–27; *Киршин Ю. Я.* Советская военная доктрина в предвоенные годы. М., 1990; *Алимурзаев Г.* Щит или меч? К истории советской военной доктрины // Международная жизнь. 1989. № 4. С. 112–122.

[158] *Евсеев А. И.* О некоторых тенденциях в изменении содержания и характера начального периода войны // Военно-исторический журнал. 1985. № 11. С. 10–20; *Кирьян М. М.* Начальный период Великой Отечественной войны // Там же. 1988. № 6. С. 11–17; *Малафеев А. М.* Уроки начального периода Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1991. № 9. С. 8–17; *Борщов А. Д.* Оборона в начальном периоде Великой Отечественной войны: исторический опыт и современность // Там же. № 7. С. 2–11 и др.

[159] История военного искусства. М., 1986; Военное искусство во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1988; Развитие Советских Вооруженных Сил и военного искусства в Великой Отечественной войне. М., 1988 и др.

[160] Зарождение и развитие военной историографии (1917–1941). М., 1985; *Кулиш В. М.* О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны // История и сталинизм. М., 1991. С. 307–310, 320–340.

[161] *Соловьев Б. Г.* Фактор внезапности (Подготовка и развязывание Второй мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 67–73; *Ржешевский О. А.* Уроки внезапности // Военная мысль. 1991. № 8. С. 74–77; *Якушевский А. С.* Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3. С. 3–16; *Куманев Г. А.* О состоянии оборонной готовности СССР и внезапности фашистского нападения // Советский Союз. 1991. № 1–3. С. 183–195 и др.

[162] *Ивашутин П. И.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 55–59; *Воюшин В. А., Горлов С. А.* Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // Там же. 1991. № 6. С. 13–23 и др.

[163] *Семидетко В. А.* Истоки поражения в Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 22–31; *Ковалев Ф., Ржешевский О.* Так начиналась война // Урок дает история. М., 1989. С. 268–284; *Мельтюхов М. И.* 22 июня 1941 г.: Цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 16–28; *Раманичев Н. М.* Красная армия всех сильней? // Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 2–9; *Анфилов В. А.* Роковая ошибка // Поиск. 1991. № 29. С. 4–5; *Павленко Н.* Лето 1941-го: Военно-политические причины катастрофы: Заметки военного историка // Коммунист. 1991. № 9. С. 52–61; *Куманев Г. А.* В огне тяжелых испытаний (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) // История СССР. 1991. № 2 и др.

[164] *Плетушков М. С., Якушевский А. С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995.

[165] *Мерцалов А. Н.* «Молниеносная война» и «активная оборона» 1941 г. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып. 2. С. 193–195; *Павленко Н. Г.* Сталинистские концепции военной истории // История и сталинизм: Сб. статей. М., 1991; Известия ЦК КПСС. 1990. № 6 и др.

[166] *Колесник А. Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; Народное ополчение защищает Родину. М., 1990.

[167] Фронты наступали: По опыту Великой Отечественной войны: Краткий историко-теоретический очерк. М., 1987; *Дмитриев Д. М., Якубов В. Е.* Боевой опыт химических войск и химической службы в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 1989.

[168] *Вишневский Н. А.* Советские медики в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1990; Родники победы: Боевые традиции войск тыла. М., 1989; *Муравьев В. К.* Испытатели ВВС. М., 1990.

[169] *Соколов А. М.* Победный 45-й. М., 1990; *Ельшин Н. Х.* Штурм рейхстага. М., 1989; *Зубаков В. Е.* Победный финал. М., 1985 и др.

[170] *Якушевский А. С.* В совместной борьбе против фашизма. (Об иностранных военных формированиях на территории СССР в годы Великой Отечественной войны) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5; Белградская операция. 2-е изд. М., 1990 (советско-югославский труд); Память о совместной борьбе: О советско-польском боевом братстве в годы борьбы с немецким фашизмом. М., Варшава, 1990.

[171] *Прудников М. С.* На линии огня. (Партизанское движение в Великой Отечественной войне). М., 1989; *Князьков А. С., Юденков А. Ф.* Народная борьба за линией фронта. М., 1990 и др.

[172] *Зюзин Е. И.* О действиях национальных формирований (легионов) в войне против СССР: Малоизвестные страницы войны. М., 1990 и др.

[173] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943 гг. М., 1989; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990.

[174] См.: 1939 год: Уроки истории. М., 1990; *Сиполс В. Л.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд. М., 1989; *Якушевский А. С.* Советско-германский договор о ненападении: Взгляд через годы // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989; *Волков С. В., Емельянов Ю. В.* До и после секретных протоколов. М., 1990; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: в 2 т. М., 1990.

[175] См.: *Дашичев В. М.* Пакт Гитлера — Сталина: Мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 262–273; *Семиряга М. И.* Сговор двух диктаторов // История и сталинизм. М., 1991; *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер. М., 1991; *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии: 1939–1941. М., 1992; История и сталинизм. М., 1991. С. 200 и др.

[176] Новая и новейшая история. 1993. № 1.

[177] *Круммахер Ф. А., Ланге Г.* Планировал ли Сталин войну против Германии? // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 26–33.

[178] *Куманев Г. А., Курбанов В. В.* Миф о «превентивной войне» и его буржуазные приверженцы // Буржуазная историография Второй мировой войны: анализ современных тенденций. М., 1985; *Клейменов А. Н.* «С задачей — отразить агрессию...» // Красная звезда. 1990. 18 авг. и др.

[179] Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (1966–1996): Исторический очерк. С. 96.

[180] Там же. С. 99.

[181] Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 5, 538–603.

[182] О приостановлении разработки научного труда «Великая Отечественная война советского народа». (Распоряжение Президента СССР) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 39.

[183] Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (1966–1996): Исторический очерк. С. 100.

[184] «Круглый стол»: Историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 3–56; Великая Отечественная война: факт и документ в исторических исследованиях и художественной литературе. Беседа историков и писателей за «круглым столом» // История СССР. 1988. № 4. С. 3–28; *Поляков Ю.* Познание прошлого: преодолен ли застой? Заметки историка // Коммунист. 1990. № 15. С. 42–47.

[185] См.: *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151;

№ 3. С. 107–121; *Они же.* Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 299–310.

[186] *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. М., 1992; *Фирсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6; *Сахаров А. Н.* Война и советская дипломатия // Вопросы истории. 1995. № 7; *Гинцберг Л. И.* Советско-германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. № 3; *Молодяков В. Э.* Начало Второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // Там же. 1997. № 5. С. 128–137; *Рубцов Ю. В.* Кому — до ордена, а кому — до «вышки» // Геополитика и безопасность. 1996. № 4; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997; *Бордюгов Г. А.* Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства, 1933–1934 годы // Отечественная история. 1999. № 2. С. 27–45; Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. Суровые испытания.

[187] *Безыменский Л. А.* Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 78–90; *Бокарев Ю.* Директива 21 // Россия XXI. 1996. № 9–10, 11–12; 1997. № 1–2; *Карпов В. Н.* Внешняя разведка накануне войны // Начало войны: мифы и реальность. Уфа, 2001. С. 58–67; *Павлов А. Г.* Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 49–60; *Он же.* Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // Там же. № 2. С. 26–41; *Пранович А.* Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 г. (критический анализ) // Военный вестник АПН. 1992. № 2–3; Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март — июнь 1941 г. М., 1995 и др.

[188] *Уколов А. Т., Ивкин В. И.* О масштабах репрессий в Красной армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993. № 1; *Мельтюхов М. И.* Репрессии в Красной армии: Итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5; *Невежин В. А.* Проблема репрессий в Красной армии и «второе пришествие» Виктора Суворова // Там же. 1999. № 1. С. 184–186; *Рубцов Ю. В.* Alter ego Сталина. М., 1999; *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА, 1937–1938 гг. М., 1998 и др.

[189] См.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? (незапланированная дискуссия). М., 1995; *Бобылев П. Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5; *Данилов В. Д.* Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 января; *Мельтюхов М. И.* И на вражьей земле мы врага разобьем... (Советский сценарий 41-го года) // Родина. 1995 и др.

[190] *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; *Он же.* День «М»: Когда началась Вторая мировая война? М., 1994 и др.

[191] *Данилов В. Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. 1995. № 3; *Бобылев П. Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Там же. № 5; *Мельтюхов М. И.* Споры вокруг 1941 г.: опыт критического осмысления одной дискуссии // Там же. 1994. № 3. С. 4–22; *Мельтюхов М. И.* Идеологические документы мая — июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны // Там же. 1995. № 2. С. 70–85; *Невежин В. А.* Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Там же. С. 54–69; Помимо российских авторов слово было предоставлено западногерманскому историку И. Хоффману, развивавшему тезис о превентивном характере гитлеровского нападения на СССР // Отечественная история. 1993. № 4.

[192] *Анфилов В.* За «Ледоколом» ледоход // Красная звезда. 1993. 13 ноября; *Он же.* Был план упреждающего удара, но Сталин его отверг // Куранты. 1995. 15–16 апреля; *Он же.* «...Разговор закончился угрозой Сталина». Десять неизвестных бесед с маршалом Г. К. Жуковым в мае — июне 1965 года // Военно-исторический журнал. 1995. № 3; *Он же.* Спор о том, был ли удар Гитлера по СССР упреждающим, давно решен // Независимая газета. 1999. 7 апреля; *Гареев М. А.* Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 198–202; *Он же.* Факты, опровергающие недобросовестные утверждения // Независимое военное обозрение. 1998. № 22; *Он же.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 270–279; *Орлов А. С.* Так кто же начал войну? // Армия. 1993. № 8. С. 16–20;

Вишлев О. В. Почему медлил И. В. Сталин в 1941 г.?: Из документов германских архивов // Новая и новейшая история. 1992. № 1–2; *Вишлев О. В.* Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 г.: По документам германских архивов // Там же. 1994. № 4–5. С. 242–253; *Он же.* Речь И. В. Сталина 5 мая 1941 г.: Российские документы // Там же. 1998. № 4. С. 77–89; *Он же.* Западные версии высказываний И. В. Сталина 5 мая 1941 г.: По материалам германских архивов // Там же. 1999. № 1. С. 93–115; *Горьков Ю. А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Там же. 1993. № 3. С. 29–45; *Он же.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995; *Горьков Ю. А., Семин Ю. Н.* О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны: Новые архивные документы // Там же. 1997. № 5. С. 108–129; *Ржешевский О. А.* История войны — без стереотипов и подтасовок // Красная звезда. 1993. 6 мая. *Волкогонов Д.* Эту версию уже опровергла история // Известия. 1993. 16 января; *Воробьев И. Н.* Фальсификация высшей пробы // Военная мысль. 1994. № 1. С. 74–78; *Десятсков С. Г.* Когда «Ледокол» кромсает историю: Об исторической «концепции» В. Резуна // Как начиналась война (Актуальные проблемы предыстории и истории Второй мировой и Великой Отечественной войн): Сб. статей. Новгород, 1995. С. 3–14; *Мягков М. Ю.* Предвоенные оперативные планы СССР (заседание Ассоциации историков Второй мировой войны) // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 489–493 и др.

[193] *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995; *Он же.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999; *Бонвеч Б.* Послесловие // *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; *Он же.* Наступательная стратегия — наступление — нападение // Отечественная история. 1998. № 3. С. 20–25; *Пиетров-Энкер Б.* Германия в июне 1941 г. — жертва советской агрессии? (К тезису о превентивной войне) // Кентавр. 1995. № 2. С. 87–103; *Пиетров-Энкер Б.* Германия в июне 1941 г. — жертва советской агрессии? О разногласиях по поводу тезиса о превентивной войне // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996; *Гланц Д.* Колосс поверженный. Красная армия в 1941 году. М., 2008.

[194] *Бобылев П. Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 3–20; *Данилов В. Д.* Сталинская стратегия начала войны: Планы и реальность // Там же. № 3. С. 33–44; *Он же.* Пора возвращаться к реалиям // Независимое военное обозрение. 1998. № 39; Другая война. 1939–1945 / Под ред. Ю. Афанасьева. М.,1996; *Киселев В. Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14–19; *Мельтюхов М. И.* Споры вокруг 1941 года: Опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 3–22; *Он же.* Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. М., 1999. (Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии»). *Он же.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000; *Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне. М., 1998; *Он же.* Собирался ли Сталин напасть на Гитлера? // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 305–329 и др.

[195] *Сахаров А. Н.* Некоторые тенденции историографии истории России XX века // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 88; *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны: Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны. М., 1995; *Плетушков М. С., Якушевский А. С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995; *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Отечественная историография Второй мировой войны: Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 145–157; *Никифоров Ю. А.* Дискуссионные проблемы предыстории Великой Отечественной войны в новейшей отечественной историографии. Дисс. ...канд. ист. наук. М., 2000.

[196] *Борозняк А. И.* 22 июня 1941 года: взгляд с «той» стороны // Отечественная история. 1994. № 1; *Он же.* Историки ФРГ о нацизме // Новая и новейшая история. 1997. № 1; *Иваницкий Г. М.* Германская историография Великой Отечественной войны (вторая половина 80-х — первая половина 90 годов) // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995; *Орлов А. С., Рогалев А. П.* Американская и английская историография Второй мировой войны (1939–1945) // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М., 1995; *Якушевский А. С.* Зарубежная литература о советско-германской войне (Основные этапы и их характеристика) // Там же; *Он же.* Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941–1991). М., 1997;

Ржешевский О. А. Причины Второй мировой войны в исследованиях буржуазных историков // Крах блицкрига: урок милитаристам и агрессорам. М., 1997. С. 98–105 и др.

[197] См., напр.: *Грызун В.* Как Виктор Суворов сочинял историю. М., 2003; *Исаев А.* Антисуворов. М., 2004; *Помогайбо А.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2002 и др.

[198] История России XX века. 1939–2007. М., 2009. С. 34.

[199] Исторические записки. Вып. 6 (124) / Отв. ред. Б. В. Ананьич. М., 2003. С. 363–364.

[200] В последние годы в историографии идет активное осмысление этих процессов. См.: Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М., 2011. Т. 8; Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. М., 2010; *Никифоров Ю. А.* Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы // Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 6. С. 80–88; Осторожно. История. М., 2011; Политическая фальсификация истории как барьер на пути демократического реформирования международных отношений на постсоветском пространстве. Тирасполь, 2009; *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Память о Великой Отечественной войне // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 671–709 и др.

[201] См., напр.: *Дружба О. В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-н/Д, 2000; *Чубарьян А. О.* Этимология Второй мировой войны, ее ход и результаты // Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8); *Золотарев В. А.* О фальсификации истории Великой Отечественной войны // Там же; *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 1.

[202] См., например: *Горбачевский Б.* Победа вопреки Сталину. М., 2010; *Киршин Ю. Я.* Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (уроки для демократической России). М., 2006; *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Сталинизм и война. М.,1998; *Попов Г. Х.* Три войны Сталина. М., 2007 и др.

[203] См., напр.: Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008; *Веревкин С.* Вторая мировая война. Вырванные страницы. М., 2006.

[204] Советская историография. Кн. 2. С. 526, 529, 530, 534.

[205] Канун и начало войны. Документы и материалы. Борьба СССР за мир, советско-германские отношения 1939–1941 гг. и начало Великой Отечественной войны. Л., 1991.

[206] Документы внешней политики: 1940 — 22 июня 1941. Т. 23: в 2 кн. М., 1995; Оглашению подлежит: СССР — Германия 1931–1941: Документы и материалы. М., 1991; Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы: события и люди. М., 1991; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997; *Орлов А. С.* СССР и Прибалтика. 1939–1940 // История СССР. 1990. № 4. С. 42–58; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.

[207] Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (1966–1996): Исторический очерк. М., 1996. С. 107.

[208] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 1. М., 2008.

[209] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война, 1941–1945. М., 2010.

[210] Документы внешней политики. Т. 22–25. М., 1992–2010.

[211] См., например: Советско-американские отношения 1939–1945. М., 2004; Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сборник документов. М., 1997; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1997; *Он же.* Сталин и Черчилль. М., 2004.

[212] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1–2. М., 1995; Т. 2. Начало. 22 июня — 31 декабря 1941. Кн. 1–2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1. Крушение блицкрига. 1 января — 30 июня 1942 г.; Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 г. М., 2003.

[213] См.: Сталинградская эпопея. М., 2000; Агония и смерть Адольфа Гитлера. М., 2000; Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003; Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М., 2009; *Ямпольский В. П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии 1937–1945 гг. М., 2008; Подробнее см.: *Христофоров В. С.* Ор-

ганы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России // Новая и новейшая историия. 2010. № 5. С. 34–52.

[214] Прибалтика и геополитика. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2010; Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2011.

[215] Среди прочих можно указать: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М., 2004; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1, 2. М., 1997; Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001; Москва — Рим. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939: Сб. документов. М., 2002; 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2011; 1941: документы и материалы: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: в 2 т. СПб., 2011 и др.

[216] Последние письма с фронта: в 5 т. М., 1991–1995.

[217] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. 2-е доп. и испр. изд. М., 2005. С. 320–321.

[218] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. М., 1995; Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. 2-е изд. доп. и испр. М., 2005.

[219] *Кокошин А. А.* Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991. М., 1995; *Стрельцов А. Ф.* Развитие советской военно-теоретической мысли в межвоенный период (1921–1941): Проблемы стратегии и оперативного искусства. М., 1995; *Яров С. В.* В. К. Триандафиллов и военно-политическое мышление 20-х гг. СПб., 1993; *Гареев М. А.* О военной науке и военном искусстве (Сталинское понимание проблемы и современность) // Военно-исторический журнал. 1993. № 5; Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1995.

[220] *Дорохов Н. И.* Особенности формирования и развития военной доктрины Советского государства // Отечественная военная доктрина в историческом измерении. М., 1996; *Дорохов Н. И., Коротков Г. И., Тюшкевич С. А.* Отечественная военная доктрина. М., 1996.

[221] *Афанасьев В. А.* Халхин-Гол в ретроспективе Большой войны // Отечественная история. 1999. № 5. С. 181–185; *Паршин В. В.* Военно-воздушные силы в военных конфликтах и войнах, 1929–1940 гг. М., 1992; *Филиппов А.* О готовности Красной армии к войне в июне 1941 г. // Военный вестник АПН. 1992. № 9; *Сувениров О. Ф.* РККА накануне: Очерки истории политического воспитания личного состава Красной армии, 1929 — июнь 1941 г. М., 1993 и др.

[222] 1941 год: Уроки и выводы. М., 1992; *Гареев М. А.* 1941-й год — начало войны // Мужество. 1991. № 5. С. 148–287; *Гареев М. А.* Истоки неудач и нашей победы в событиях 1941 года // Вестник Академии военных наук. 2011. № 3. С. 10–19; *Мухин М. Ю.* К вопросу о причинах поражения РККА в приграничном сражении 1941 г. // Зеркало истории: 20 лет кружку истории древности и Средневековья. М., 1992. С. 132–139; *Назаров М.* Накануне 1941: надежды и иллюзии... // Родина. 1993. № 7. С. 71–75; *Васильев А. Ф.* Имелись ли объективные причины поражения Красной армии в 1941 г.? // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 187–189; *Комал Ф. Б.* О некоторых причинах поражения Красной армии в начале Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 453–458; Год 1941-й: накануне войны // История. 1996. № 2. С. 7–13; *Попов В. П.* 1941: тайна поражения // Новый мир. 1998. № 8. С. 172–187 и др.

[223] Начальный период Великой Отечественной войны // Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период / Воен. акад. Генерального штаба. М., 1995; *Анфилов В. А.* Грозное лето 1941 года. М., 1995; *Он же.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997; *Герасимов Г. И.* «Мобилизация есть война...» (Мобилизационная готовность РККА в начальный период Великой Отечественной войны) // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 2–11 и др.

[224] *Гареев М. А.* О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне. По неопубликованным документам ГКО // Новая и новейшая история. 1994. № 1; *Он же.* Причины и уроки неудач наступательных операций Западного фронта зимой 1943/44 года // Военная мысль. 1994. № 2.

[225] См.: 1941: уроки и выводы. М., 1992; Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994; *Горьков Ю.* Кремль. Ставка. Генштаб. М., 1995; *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993; Народ и война: 50 лет Великой Победы. СПб., 1995; Вторая мировая война:

два взгляда. М., 1995; Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995; *Золотарев В. А., Тюшкевич С. А.* Опыт и уроки отечественной военной истории. М., 1995; Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995; *Куманев Г. А.* Трудный путь к победе 1941–1945. М., 1995; *Орлов А. С., Кожанов В. П.* Ленд-лиз: взгляд через полвека // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 176–195; *Тихвинский С. Л.* Россия — Япония. М., 1996 и др.

[226] *Мерцалов А.* Один к пяти (Потери в Великой Отечественной войне) // Родина. 1991. № 6–7; *Тюшкевич С. А.* Чего нам стоила победа? // Армия. 1991. № 19; *Соколов Б. В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; *Рыбаковский Л. Л.* Горькая правда ушедшей войны (О потерях) // Российская газета. 1992. 22 июня; *Гареев М. А.* Наши потери были велики. Но повод ли это для злорадства? (О потерях в годы войны) // Красная звезда. 1992. 16 июля; *Морозов В.* Сколько стоила победа? (О потерях в войне) // Патриот. 1992. № 17–18; *Елисеев В. Т., Михалев С. Н.* Так сколько же людей мы потеряли в войне? // Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7 и др.

[227] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.

[228] См.: Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил: Статистическое исследование. М., 2001; 2-е изд. М., 2005; Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001 и др.

[229] *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия / Политический портрет И. В. Сталина: в 2 кн. М., 1990; *Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М.* Накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1991. № 3. *Филиппов А.* О готовности Красной армии к войне в июне 1941 г. // Военный вестник АПН. 1992. № 9; *Киршин Ю. Я.* Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (уроки для демократической России). М., 2006 и др.

[230] *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938 гг. М., 1998.

[231] Великая Отечественная война: 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания М., 1998; Кн. 2. Перелом. М., 1998; Кн. 3. Освобождение. М., 1999; Кн. 4. Народ и война. М., 1999.

[232] Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (1966–1996): Исторический очерк. С. 100–101.

[233] Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война: Исторический очерк; Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы; Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008; История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000.

[234] *Гареев М. А.* Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2003; *Он же.* Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008; *Куманев Г. А.* Подвиг и подлог. М., 2000; *Он же.* Говорят сталинские наркомы. М., 2005; *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. М., 2007 и др.

[235] Великая Отечественная на земле российской / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2010; Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Справочник. М., 2003; Великая Отечественная война. Действующая армия. 1941–1945. М., 2005; Великая Отечественная: Командармы. М., 2005; Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь: в 2 т. М., 2006; Великая Отечественная война: энциклопедия / Отв. ред. М. Ю. Мягков. М., 2010; *Калашников К. А.* и др. Красная армия в июне 1941 года: Статистический сборник. Новосибирск, 2003; Красная армия в самой крупной битве истории: Справочник о воинских формированиях, участвовавших в Московской битве. М., 2007; Фильмы о Великой Отечественной войне: Аннотированный каталог. М., 2005 и др.

[236] *Абатуров В. В., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1943. М., 2010; *Андроников Н. Г., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1942. М., 2009; *Жилин В. А.* и др. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: в 2 кн. М., 2001; *Жилин В. А.* и др. Курская битва: Хроника, факты, люди: в 2 т. М., 2003; *Жилин В. А.* и др. Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. М., 2004; *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1941. М., 2007; *Он же.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1944. М., 2010; *Он же.* Великая Отечественная война. Хронограф 1945. М., 2010; Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: в 2 кн. М., 2002.

[237] *Михалев С. Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003; *Бочков Е. А.* Экономические, социально-политические и военные аспекты территориально-милиционного устройства Вооруженных сил СССР в 1920–1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2005. № 12. С. 32–34; *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х —

середина 1930 годов). СПб., 2002; *Арцыбашев В. А.* 1937 год и стратегическое планирование в Генеральном штабе РККА // Новый исторический вестник. 2004. 1 (10). С. 89–105; *Арцыбашев В. А.* К вопросу о стратегическом планировании в Генеральном штабе РККА в первой половине 1941 г. // Там же. 2 (11). С. 106–125; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000; *Соловьев Б. Г.* Внезапность нападения — оружие агрессии. М., 2002; *Золотарев В. А., Соколов А. М., Янович М. В.* Нефть и безопасность России. М., 2007 и др.

[238] *Герасимов Г. И.* Действительное влияние репрессий 1937–1938 годов на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1; *Мильбах В. С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007; *Печенкин А. А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002; *Рубцов Ю. В.* Виновных нашли на передовой //Военно-исторический журнал. 1994. № 9; *Рубцов Ю. В.* «Уничтожать, как бешенных собак» // Там же. № 4; *Смирнов А. А.* Крах 1941 — репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную армию? М., 2011; *Короленков А. В.* Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. 2005. № 2. С. 154–162 и др.

[239] *Арцыбашев В. А.* Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной армии в 1931–1941 гг. М., 2004; *Голубев А. В.* «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // Отечественная история. 2008. № 5. С. 108–127; *Кулешова Н. Ю.* «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х гг. // Там же. 2002. № 1. С. 181–191; *Маркелов С. Ю.* Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939–1941 гг.: дис... канд. ист. наук. Омск, 2004; *Минц М. М.* Будущая война в представлениях советской военно-политической элиты в начале 1930-х –1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: опыт изучения и преподавания: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, 17 мая 2005 г. М., 2005. С. 264–270; *Невежин В. А.* «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007; История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М., 2001; *Рубцов Ю. В.* Мехлис. Тень вождя. М., 2007; *Случ С. З.* Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1; *Токарев В. А.* Образ будущей войны (Советская антиципация 1939 года) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 125–141 и др.

[240] *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000; *Вишлев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001; *Волков В. К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна — лето 1941 г.) // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 31–58; *Кульков Е. Н.* Германия — СССР: от переговоров к конфронтации // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3. М., 2002.; *Марьина В. В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. М., 2007; *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 гг. М., 2000; *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2007; Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. М., 2007; *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008; *Шубин А. В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004 и др.

[241] См., например: *Мунтян М. А.* Канун и начало Второй мировой войны в оценках геополитики // 65 лет Великой Победы. Т. 1. С. 83–96; *Стегний П. В.* Геополитические императивы российской внешней политики. Ретроспективные аспекты (1648–1991) // Бюллетень научного совета ИРИ РАН «История международных отношений и внешней политики России». Вып. 1 (2002–2003). М., 2004. С. 31–32.

[242] См.: *Орлов А. С.* Третий рейх и третий Рим. М., 1993; О*н же.* Сталин в преддверии войны. М., 2003; *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиною в век. М., 2004; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1997; *Он же.* Сталин и Черчилль. М., 2004; *Рубцов Ю.* В. Военная конвенция СССР, Великобритании и Франции была бы шансом остановить Гитлера // Отечественная дипломатия в годы Второй мировой войны. М., 2010; *Фалин В.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2002; Война и общество в XX веке. Кн. 2. М., 2008 и др.

[243] *Нарочницкая Н. А.* «Концерт великих держав» накануне решающих событий // 65 лет Великой Победы. Т. 6. За честную историю. М., 2010. С. 334.

[244] *Вишлев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001; *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007; *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб., 2005; *Карлей М. Дж.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005; *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001; *Марьина В. В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007; Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009; Мировые войны XX века. Кн. 3. 2-е изд. М., 2005; *Шубин А. В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004.

[245] См., напр.: *Абрамов В.* Керченская катастрофа. 1942. М., 2006; *Абатуров В., Морозов М.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М., 2008; *Егоров Д.* Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008; *Исаев А. В.* Когда внезапности уже не было. М., 2005; *Он же.* От Дубно до Ростова. М., 2004; *Он же.* Приграничное сражение 1941. М., 2011; *Быков К.* Харьковский «котел». 1942. Крушение надежд. М., 2007; *Рубцов Ю. В.* Трагедия в Крыму в мае 1942 года // Война и общество: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 101–125; *Семидетко В. А., Шутов З. А.* Харьковская катастрофа // Там же. С. 126–152; *Гуркин В. В.* Неудачи под Ржевом // Там же. С. 153–164 и др.

[246] См.: Битва, изменившая ход войны: Материалы научной конференции. М., 2007; Великая битва Великой войны / Руков. авт. коллектива А. М. Соколов. М., 2011; *Дзенискевич А. Р.* Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998; *Он же.* Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда. 1941–1944. СПб., 1998; *Замулин В.* Курский излом. М., 2008; *Он же.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. М., 2005; *Комаров Н. Я.*, *Куманев Г. А.* Великая битва под Москвой: Летопись важнейших событий. М., 2002; *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. М., 2010; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада: Документы и приложения. 2-е изд. СПб., 2004; *Лопуховский Л. Н.* Прохоровка без грифа секретности. М., 2005; *Невзоров Б. И.* Московская битва: феномен Второй мировой. М., 2001; *Он же.* Московская битва 1941–1942: Военно-исторический очерк. М., 2006; Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004; *Мягков М. Ю.* Вермахт у ворот Москвы. М., 2005; Московская битва: события и люди, 1941–1942. М., 2007; *Фролов М. И.* «Салют и реквием». Героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944 гг. СПб., 2003; *Христофоров В. С.* Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008; История Великой войны 1941–1945 гг. / Под ред. В. А. Золотарева: в 2 кн. М., 2010.

[247] Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет. Волгоград, 2008; Сталинградская битва. Энциклопедия / Отв. ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2009; Также см.: *Попов В. Н.* Великий перелом. Сталинградская битва: новые подходы к оценке победы, изменившей мир (по материалам новейших исторических исследований). Волгоград, 2006.

[248] *Герасимова С. А.* Битва за Ржевско-Вяземский плацдарм // Вопросы истории. 2000. № 4–5; *Гареев М. А.* Операция «Марс» и современные «марсиане» // Военно-исторический журнал. 2003. № 10. С. 17–21; *Орлов А. С.* Красная армия в 1942-м: от поражений к победам // Россия XXI. 2002. № 3. С. 194–196; *Гончаров В.* Тайна операции «Марс» // *Попель Н. К.* Танки повернули на запад. М., 2002. С. 433–453.

[249] *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М., 2003; Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004; Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. М., 2010; Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 кн. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2010; *Падерин А. А.* Советское общество до и после начала Великой Отечественной войны // Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М., 2001. Т. 7. С. 107–124; *Ржешевский О. А.*, *Кульков Е. Н.*, *Мягков М. Ю.* Все о великой войне / Под ред. О. А. Ржешевского. М., 2010; *Рубцов Ю. В.* Длиною в 1418 дней... М., 2009; *Рыжков Н. И.* Великая Отечественная война: битва экономик и оружие Победы. М., 2011; *Яров С. В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб., 2011 и др.

[250] ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2008; *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2006; *Кокурин А. И.*, *Моруков Ю. Н.*, *Петров Н. В.*

ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8, 9, 11, 12; 2000. № 1–3, 5–12; 2001. № 1, 3–7, 9–12; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001; *Хлевнюк О. В.* Экономика ОГПУ — НКВД — МВД СССР в 1930–1950-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5 и др.

[251] Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008.

[252] *Сенявская Е. С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Она же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Она же.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; *Она же.* Противники России в в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006 и др.

[253] *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

[254] Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предметы, задачи, перспективы развития. М., 2002; Там же. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; Там же. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007.

[255] Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010 и др.

[256] *Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Крипко Е. Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Проблемы истории, историографии и источниковедения.) М., 2012; *Бурнусов И. Л.* Фронтовые и войсковые разведчики с в Сталинградской битве. М., 2013; *Бутырский Л. С., Ларин Д. А., Шанкин Г. П.* Криптографический фронт Великой Отечественной. М., 2012; Великая оболганная война–2. Нам не за что каяться! М., 2008; Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных 1944–1952. М., 2011; *Дюков А. Р.* Растоптанная Победа. Против лжи и ревизионизма. М., 2011; *Он же.* Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М., 2013; *Захарченко А. В.* НКВД и формирование авиапромышленного комплекса в Поволжье, 1940–1943. Самара, 2013; *Ковалев Б. Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009; Коллаборационизм и представительство во Второй мировой войне. Власов и власовщина. М., 2010; *Котюков К. Л.* Роковое разделение: Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии. М., 2012; *Куманев Г. А.* Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны. Трагедия и подвиг. М., 2012; *Литвиненко В. В.* Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М., 2013; Приговоренные нацизмом. Концлагерь Саласпилс: забытая история. Рига, 2011; *Пыхалов И. В., Лопуховский Л. Н., Земсков В. Н., Ивлев И. И., Кавалерчик Б. К.* Умылись кровью? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. М., 2012; *Рубцов Ю. В.* Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. М., 2007; «Свершилось! Пришли немцы!»: Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012; *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Стариков Н. Н.* Войска НКВД в Сталинградской битве. М., 2013; Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел, 1944–1945 гг. М., 2011; Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: в 2 т.: Т. 1: 1939–1943; Т. 2: 1944–1945. М., 2012; *Христофоров В. С.* История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М., 2013 и др.

[257] *Гаврилов В. А.* Просчеты советского военно-политического руководства накануне войны // Великая Победа. Т. 7. С. 97–106; *Гареев М. А.* Сталин и Верховное главнокомандование // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 25–37; *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005; И. В. Сталин — государственник и полководец. Волгоград, 2011; *Серебрянников В. В., Суходеев В. В.* И. В. Сталин в горниле Великой Отечественной. М., 2011; *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011; *Смирнов А. А.* Крах 1941 — репрессии не при чем! «Обезглавил ли Сталин Красную Армию? М., 2011. *Рубцов Ю. В.* Генеральская правда. 1941–1945. М., 2012 и др.

[258] *Борисов А. Ю.* СССР и ленд-лиз в 1941–1945 гг. // Великая Победа. Т. 7. С. 391–402; *Бутенина Н. В.* Ленд-лиз: сделка века. М., 2004; *Брилёв С. Б.* Забытые союзники во Второй мировой войне. М., 2014; *Быстрова И. В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете лучших контактов (1941–1945 гг.). М., 2011; *Голубев А. В., Поршнева О. С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых

войн. М., 2012; *Куманев Г. А. Чузавков Л. М.* Советский Союз и ленд-лиз. 1941—1945 // Война и общество. 1941—1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 380—387; *Матвейчук А. А.* Нефтяная составляющая ленд-лиза // Нефть Страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991). М., 2005; Мировые войны XX века. М., 2002; *Стародубцев В. Ф.* Крутые маршруты ленд-лиза // На нефтяных перекрестках: Сборник исторических очерков. М., 2004; *Супрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои, 1941—1945. М., 1997 и др.

[259] *Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М., 2011; *Мягков М. Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях. 1941—1945. М., 2006; *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004; *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006; *Рубцов Ю. В.* Потсдам: От Большого союза к большой конференции // Покушение на Великую Победу. М., 2005; *Фалин В.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; Холодная война 1945—1963 гг. Историческая рестроспектива: Сб. статей. М., 2003; *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. М., 2009 и др.

[260] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948 / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Москва; Новосибирск, 1997; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Документы. Т. 1. 1944—1948. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000; Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944—1946. Документы российских архивов / Отв. ред. Т. А. Покивайлова. М., 1998; НКВД и польское подполье. 1944—1945 (По особым папкам И. В. Сталина) / Ред. и сост. А. Ф. Носкова. М., 1996; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД о польском подполье / Ред. и сост. А. Ф. Носкова. М.; Новосибирск, 2001; Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1. 1878—1997 гг. М., 2006 и др.

[261] Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вопросы национальной историографии / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 1991; Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945 / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 1995; Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2004; *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы, 1944—1948 гг.: Очерки истории. М., 1998; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия. М., 1987; *Исламов Т. М.*, *Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946 годы. М., 2008; *Марьина В. В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. М., 2009; *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944. М., 1971; *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982; Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011; Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002 и др.

[262] *Валева Е. Л.* Болгария во Второй мировой войне // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; *Волков В. К.* Война, Победа и день сегодняшний (60 лет спустя) // Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии. X научная конференция (Москва, октябрь 2005 года) / Отв. ред. Л. Е. Семенова. М., 2007; *Гибианский Л. Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война, 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. статей. М., 2003; *Желицки Б. Й.* Венгрия в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2004. № 6; *Искендеров П. А.* Типология конфликтов на пространстве бывшей Югославии // Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе. М., 2006; *Он же.* Этнокультурная ситуация в Македонии, албанский фактор и проблема балканской федерации // Македонија и Русија / СССР: историја — политика — култура од Првата светска војна до формирањето на современата македонска државност (1914—1944).Скопје, 2011; *Он же.* История Косова: межэтнические аспекты // Славяноведение. 2011. № 1; *Исламов Т. М.*, *Покивайлова Т. А.* Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги. Драма национальных противоречий. М., 1994; Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 2; *Покивайлова Т. А.* Трансильванский вопрос в советско-румынских отношениях на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы Двусторонней

комиссии историков России и Румынии (X научная конференция, Москва, октябрь 2005 г.) / Отв. ред. Л. Е. Семенова. М., 2007; *Стыкалин А. С.* Боевые действия Красной армии в Румынии осенью 1944 года и проблема выхода Венгрии из войны // Там же.

[263] Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории / Отв. ред. В. В. Марьина. Кн. 1. М., 2005; Югославии в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011; Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г. Л. Арш.; Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991; Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1987.

[264] См.: Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы. По материалам международной научно-практической конференции «Блокада Ленинграда: спорное и бесспорное». Сентябрь 2007 г. СПб., 2009; Великая Победа и современность. К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Материалы международной научно-практической конференции (Тирасполь, 23–25 апреля 2010 г.). М., 2010; Война. Народ. Победа. Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 марта 2005 г. М., 2008; «Вставай, страна огромная...» Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию начала Великой отечественной войны 1941–1945 годов (Севастополь, 15–17 июня 2011 г.). Севастополь, 2011; Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006; Нюрнберг предупреждает: от нацизма до терроризма. Материалы международной конференции «Нюрнбергский процесс — история и современность», 2–3 октября 2001 г., Москва. М., 2002. 70-летие решающих битв, изменивших ход Великой Отечественной войны. Материалы международной военно-исторической конференции. Москва, 19 ноября 2013 г. М., 2014 и др.

[265] См.: *Бонвеч Б.* Наступательная стратегия — наступление — нападение // Отечественная история. 1998. № 3. С. 20–25; *Гланти Д. М.* Забытые страницы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 25–39; *Детуайлер Д. С.* Эскалация Второй мировой войны в 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 2; *Йеккель Э.* Крах или освобождение? Как немцы переживали конец войны // Родина. 1995. № 5. С. 43–45; *Круммахер Ф. А.*, *Ланге Г.* Планировал ли Сталин войну против Германии? // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 26–33; *Пиетров-Энкер Б.* Германия в июне 1941 г. жертва советской агрессии? (к тезису о превентивной войне) // Кентавр. 1995. № 2. С. 87–103; *Рейнольдс Д.* Великобритания и «третий рейх» 1933–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 44–55; *Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Там же. 2001. № 5; *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 77–81; *Суту Ж.-А.* Виши, СССР и Германия. 1940–1941 гг. По французским архивам // Новая и новейшая история. 2000. № 3; *Хеер Х.* Прелюдия к холокосту: Львов в июне — июле 1941-го // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2010. № 2–3. С. 4–17 и др.

[266] См.: Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / Mitteilungen der Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. T. 1. Berlin, 2002; T. 2. Berlin, 2005; T. 3. München, 2008 и др.

[267] Ассоциация историков Второй мировой войны. Информационный бюллетень. № 1–16. М., 1994–2011.

[268] Зимняя война 1939–1940: в 2 кн. Кн. 1. Зимняя война. Политическая история / Отв. ред. О. А. Ржешевский, О. Вехвилайнен. М., 1998; Кн. 2. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б) / Отв. ред. Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский. М., 1999; Союзники в войне. 1941–1945 / Отв. ред. А. О. Чубарьян, У. Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995.

[269] Gezeitenwechsel im Zweiten Weltkrieg? Die Schlachten von Char'kov und Kursk im Frühjahr und Sommer 1943 in operativer Anlage, Verlauf und politischer Bedeutung. Berlin, 1996.

[270] 1941 год. Страна в огне / Отв. ред. А. А. Коваленя, В. А. Смолий, А. О. Чубарьян. М., 2011.

[271] Народная война. К 70-летию начала великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исследования и документы: колл. монография. М., 2011; Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2011; Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2012; Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии. М.,

2013; *Алексеев Ю. А., Басик И. И., Мазуркевич Р. В., Никифоров Н. И.* Огненная дуга. М., 2013; *Алиев Р. В., Рыжов И. Ю.* Брест. Июнь. Крепость. Трилогия. Минск, 2012—2013; *Булдыгин С. Б.*, Моонзунд-1941. М., 2013; *Замулин В. Н.* Пороховское сражение. М., 2013; *Исаев А. В.* Сталинград. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2014; *Лурье Л. Я., Маляров Л. И.* Ленинградский фронт. СПб., 2012; *Момонов О. В.* Первый контрудар Сталина. Отстоять Ленинград! М., 2014; *Мощанский И. Б.* Сокрушение врага. Балатонская стратегическая оборонительная операция 6—15 марта 1945 года. М., 2013; *Нарочницкая Н. А.* Сталинград. Величайший провал Гитлера. 1942—1943. Сталинградская битва глазами американских и британских журналистов. М., 2013; *Нуждин О. И., Рузаев С. В.* Севастополь в июне 1942 года. Екатеринбург, 2013; Великая битва Великой войны / руков. авт. колл. Соколов А. М. М., 2012; Сталинградская битва. От обороны к наступлению / руков. авт. колл. Соколов А. М. М., 2014; *Золотарев В. А., Соколов. А. М.* История Великой войны. Изд. 2-е, доп. М., 2015; *Хомяков И. М.* Лужский рубеж: хроника героических дней. М., 2014; *Чернышев А. А.* Оборона полуострова Ханко. М., 2011.

[272] Великая Отечественная война 1941—1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011; Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012; Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012; Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М., 2012; Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013; Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой отечественной войны. М., 2013; Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013; Т. 8. Внешняя политика и дипломатия в годы Великой Отечественной войны. М., 2014; Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М., 2014; Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014; Т. 11. Политика и стратегия победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. М., 2015; Т. 12. Итоги и уроки войны. М., 2015.

[273] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Т. 1—3 / Пер. с нем. М., 1968—1971; *Halder F.* Kriegstagebuch des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939—1942. Bd. 1—3. Stuttgart, 1962—1964.

[274] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940—1945. Geführt von H. Greiner und P. E. Schramm. Im Auftrag des Arbeitskreis für Wehrforschung. Bd. 1—4. Frankfurt a. M., 1961—1965.

[275] Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939—1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. Hrsg. von W. Hubatsch. Frankfurt a. M. 1962; Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945. Hrsg. von H. Heiber. Stuttgart, 1962.

[276] *Gruchmann L.* Der Zweite Weltkrieg. Kriegführung und Politik. München, 1967.

[277] *Gruchmahn L.* Der Zweite Weltkrieg. Kriegführung und Politik // Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Bd. 2. Stuttgart, 1973. S. 9—382. Die tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Möller, V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A. A. Feiber. München, 2001.

[278] Die tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich. Hrsg. Von H. Möller V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A. A. Feiber. München, 2001.

[279] Militärgeschichtliches Forschungsamt. Veröffentlichung. Stand 1. Dezember 1985. Amtschef: Oberst i. G. Dr. G. Roth. Leitender Historiker: Direktor und Professor Dr. M. Messerschmidt. Karlsruhe, 1985.

[280] *Klink E.* Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle». Stuttgart, 1966; *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42. Stuttgart, 1972; Kehrig M. Stalingrad. Analyse und Dokumentation. Stuttgart, 1974.

[281] *Förster J.* Stalingrad. Risse im Bündnis 1942/1943. Freiburg, 1976.

[282] См.: *Якушевский А. С.* Многотомное издание германский рейх и Вторая мировая война // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 242—250.

[283] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1—10. Stuttgart, 1979—2008. Band 1: *Wilhelm Deist*, *Manfred Messerschmidt*, *Hans-Erich Volkmann*, Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik. München, 1979. Band 2: *Klaus A. Maier, Horst Rohde, Bernd Stegemann, Hans Umbreit*: Die Errichtung der Hegemonie auf dem europäischen Kontinent. Stuttgart, 1979; Band 3: *Gerhard Schreiber*, *Bernd Stegemann, Detlef Vogel*: Der Mittelmeerraum und Südosteuropa — Von der «non belligeranza» Italiens bis zum Kriegseintritt der Vereinigten Staaten. Stuttgart, 1984; Band 4: *Horst Boog, Jürgen Förster, Joachim Hoffmann, Ernst Klink, Rolf-Dieter Müller, Gerd R. Üeberschär*: Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983; Band 5/1: *Bernhard R. Kroener, Rolf-Dieter*

Müller, Hans Umbreit: Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereichs — Teilband 1: Kriegsverwaltung, Wirtschaft und personelle Ressourcen 1939 bis 1941. Stuttgart, 1988; Band 5/2: *Bernhard R. Kroener, Rolf-Dieter Müller, Hans Umbreit:* Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereichs — Teilband 2: Kriegsverwaltung, Wirtschaft und personelle Ressourcen 1942 bis 1944/45. Stuttgart, 1999; Band 6: *Horst Boog, Werner Rahn, Reinhard Stumpf, Bernd Wegner*: Der globale Krieg — Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941 bis 1943. Stuttgart, 1990; Band 7: *Horst Boog, Gerhard Krebs, Detlef Vogel:* Das Deutsche Reich in der Defensive — Strategischer Luftkrieg in Europa, Krieg im Westen und in Ostasien 1943 bis 1944/45. Stuttgart, 2001; Band 8: *Karl-Heinz Frieser, Klaus Schmider, Klaus Schönherr, Gerhard Schreiber, Krisztián Ungváry*, *Bernd Wegner*: Die Ostfront 1943/44 — Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. München, 2011; Band 9/1*: Ralf Blank u.a.*: Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945 — Erster Halbband: Politisierung, Vernichtung, Überleben. München, 2004; Band 9/2: *Bernhard Chiari u. a.:* Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945 — Zweiter Halbband: Ausbeutung, Deutungen, Ausgrenzung. München, 2005; Band 10/1: Der Zusammenbruch des Deutschen Reiches 1945. Teilbd 1: Die militärische Niederwerfung der Wehrmacht. München, 2008; Band 10/2: Der Zusammenbruch des Deutschen Reiches 1945 und die Folgen des Zweiten Weltkrieges. München, 2008.

[284] Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/1941). Berlin, 1970.

[285] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1–6. Berlin, 1974–1985.

[286] К ним относится и пропагандистский сборник немецких документов Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Washington, 1948.

[287] Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1–3. Ed. with commentary by Warren F. Kimball. L., 1984.

[288] *Ziemke E.* The Soviet Juggernaut. World War II Series. Alexandria, 1980.

[289] *Harbatt F.* Yalta. Europe and America at the Crossroads. N.Y., 2010.

[290] Один из последних томов труда опубликован в 2004 г. (Secret Flotillas. Clandestine Sea Operations in the Meditteranean, North Africa and the Adriatic. L., 2004).

[291] *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. М., 1980. В русском переводе изданы тома 2–5 этого труда.

[292] Там же.

[293] *Winston S.* Churchill by Martin Gilbert. Vol. 2–8. L., 1983–1989 (Автор 1-го тома К. Черчилль — сын У. Черчилля).

[294] The Churchill War Papers. The Ever Widening War. Vol. 3. L., 2000.

[295] *Reynolds D.* From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt and the International History of the 1940. Oxford, 2007.

[296] India at War. General Editor B. Prasad. New Delhi, 1966.

[297] Documents diplomatiques français. Vol. 1. Paris, 1965. *De Goulle Ch.* Mémoires de guerre. Vol. 1. L'Appel. 1940–1942. Paris, 1954; Vol. 2. L'Unité. 1942–1944. Paris, 1956; Vol. 3. Le Salut. 1944–1946. Paris, 1959; Библиографию произведений Ш. де Голля, его выступлений и писем см.: *Арзаканян М.* Де Голль. М., 2007. С. 254.

[298] *Remy P.-J.* Diplomates en guerre: La Seconde Guerre mondiale racontée à travers les archives du Quai d'Orsay. Paris, 2007.

[299] La vie de la France sous l'occupation (1940–1944). V. 1–3. Paris, 1957; *Michel H.* Les courants de la pensée de la Résistance. Paris, 1962; La Vie de la France sous l'occupation (1940–1944). T. 1–3. Paris, 1957; *Renouvin P.* Histoire des Relations internationales. T. 8: Les crisis du XX siècle. De 1929 à 1945. Paris, 1958; *Duroselle J.-B.* De Wilson à Roosevelt. Politique extériore des Etats-Unis 1913–1945. Paris, 1960; *Michel H.* Les Courants de la pensèe de la Résistance. Paris, 1962; *Michel H.* La Seconde guerre mondiale. T. 1: Les succès de l'Axe. Paris, 1968; T. 2: La Victoire des Alliés. Paris, 1969; *Conte A.* Yalta 1945 on le partage du monde. Paris, 1964; *Latreille A.* La seconde guerre mondiale 1939–1945. Paris, 1966.

[300] *Cochet F.* Comprendre la Seconde Guerre mondiale. Paris, 2005.

[301] 8 mai 1945: La victoire en Europe / Ed. Vaïsse M. Bruxelles, 2005.

[302] *Montagnon P.* La grande histoire de la Seconde Guerre mondiale. Paris, 1997; *Muracciole J.-F.* Histoire de la résistance en France. Paris, 2003; *Rousso H.* Le régime de Vichy. Paris, 2007; *Azema J.-P.*, *Wieviorka O.* Vichy 1940–1944. Paris, 2009; *Azema J.-P.* Jean Moulin: Le politique, le rebelle, le résistant. Paris, 2007; *Holl P.* La Seconde Guerre Mondiale au Touquet. Paris, 2007.

[303] *D’Almeida F.* Ressources inhumaines — Les gardiens de camps de concentration et leurs loisirs. Paris, 2011; Camp de Prisonniers de La Seconde Guerre Mondiale: Camp de Gurs, Camp de Drancy, Camp de Rivesaltes, Camp de Prisonniers Allemands Mulsanne / Livres Groupe. Paris, 2010.

[304] *d’Albert-Lake V.* An American heroine in the French Resistance. N.Y., 2006.

[305] *Gallo M.* 1940, de l’abime à l’espérance. Paris, 2010; *Gallo M.* 1941 — Le monde prend feu. Paris, 2011; *Gallo M.* 1942 — le jour se lève Paris, 2011; *Gallo M.* 1943 — le souffle de la victoire. Paris, 2011.

[306] d*e la Poype R.*, *Stasi J.-Ch.* L’épopée du «Normandie — Niémen».

[307] См., напр.: *Wolf H.*, *Gravey M.* Le pape et le diable: Pie XII, le Vatican et Hitler: les révélations des archives. 2009; *Blet P.* Pie XII et la Seconde Guerre mondiale. Paris, 1999, 2005; *Wolf H.* Le pape et le diable : Pie XII, le Vatican et Hitler: les révélations des archives. Paris, 2009.

[308] *Battaglia R.* Storia della Resistenza italiana. Torino, 1953; *Secchia P. e Frassati F.* Storia della Resistenza. La guerra di liberazione in Italia 1943–1945. Roma, 1965; *Quazza G.* Resistenza e storia d’Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976; *Legnani M. e Vendramini F.* (a cura di). Guerra, guerra di liberazione, guerra civile. Milano, 1991; *Pavone C.* Una guerra civile. Saggio storico sulla moralità della Resistenza. Torino, 1991; *Bocca G.* Storia dell’Italia partigiana. Milano, 1996; *Collotti E.*, *Sandri R.*, *Sessi F.* Dizionario della Resistenza. Storia e geografia della Liberazione. Torino, 2001–2002; *Peli S.* La Resistenza in Italia. Storia e critica. Torino, 2004.

[309] *Luciolli M.* Mussolini e l’Europa. La politica estera fascista. Roma (1945), Firenze (2009).

[310] *Mosca R.* (a cura di). L’Europa verso la catastrofe, 184 colloqui di Mussolini, Franco, Chamberlain ecc., accordi segreti, corrispondenza diplomatica, Milano, 1948.

[311] Hitler e Mussolini: lettere e documenti. Milano, 1946.

[312] *De Felice R.* Mussolini l’alleato. 2 voll. Torino, 1990.

[313] *Collotti E.* Fascismo e politica di potenza. Politica estera 1922–1939. Firenze, 2000.

[314] *Gilbert M.* La grande storia della seconda guerra mondiale. Milano, 2003; *Liddel Hart B.* Storia militare della seconda guerra mondiale. Milano, 1970; *Glantz D.*, *House J.* La grande guerra patriottica dell’Armata Rossa 1941–1945. Gorizia, 2010; *Taylor A. J.* Le origini della seconda guerra mondiale. Bari, 1961; *Overy R. J.* Le origini della seconda guerra mondiale. Bologna, 2009; *Gooch J.* Mussolini e i suoi generali. Gorizia, 2011; *Keegan J.* La seconda guerra mondiale. Rizzoli, 2002.

[315] См., напр.: Batterie semoventi Alzo Zero. Quelli di El Alamein. Milano, 1997; *Petacco A.* L’armata nel deserto. Il segreto di El Alamein. Milano, 2002; *Messe G.* La mia armata in Tunisia. Come finì la guerra d’Africa. Milano, 2004; *Romersa L.* I segreti della guerra d’Africa. Milano, 2005; Saccoman A. La guerra in Africa settentrionale. Le campagne di Rommel e dell’Asse in Libia, Egitto e Tunisia. Milano, 2007.

[316] См., напр.: *Molinari A.* Da Barbarossa a Stalingrado. Milano, 2001; *Molinari A.*, *Paoletti C.* La battaglia di Kursk. Lo scontro che decise le sorti della Seconda Guerra Mondiale sul fronte orientale. Milano, 2008; *Fabei S.* Operazione «Barbarossa». Milano, 2010.

[317] I prigionieri militari italiani durante la seconda guerra mondiale, Aspetti e problemi storici. Milano, 1985; *Labanca N.*, Fra sterminio e sfruttamento, Militari internati e prigionieri di guerra nella Germania nazista 1939–1945. Firenze, 1992; *Ottolenghi G.* La mappa dell’inferno. Tutti i luoghi di detenzione nazisti. 1933–1945. Varese, 1993; *Collo L.*, La resistenza disarmata. La storia dei soldati italiani prigionieri nei lager tedeschi. Venezia, 1995; *Ricciotti L.* Gli schiavi di Hitler. Milano, 1996.

[318] Gli italiani sul fronte russo. Bari, 1982; Morozzo della Rocca R. La politica estera italiana e l’Unione Sovietica (1944–1948). Roma, 1985; *Aga-Rossi E. e Zaslavsky V.* Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Bologna, 1997; *Bigazzi F. e Zhirnov E.* Gli ultimi 28: la storia incredibile dei prigionieri di guerra italiani dimenticati in Russia. Milano, 2002; *Giusti M. T.* I prigionieri italiani in Russia. Bologna, 2003.

[319] *Oliva G.* I vinti e I liberati. Milano, 1974; *Carocci G.* Il campo degli ufficiali. Milano, 1995; *Natta A.* L’altra resistenza. I militari italiani internati in Germania. Torino, 1997; AA.VV. La memoria del ritorno. Firenze, 2000; *Gherardini G.* Morire giorno per giorno. Milano, 1966; *Revelli N.* La strada del Davai. Torino, 1966; *Bedeschi G.* Fronte russo c’ero anch’io. Milano, 1987; *Revelli N.* L’ultimo fronte. Lettere di soldati caduti o dispersi nella seconda guerra mondiale. Torino, 1989; *Revelli N.* Mai tardi. Diario di un alpino in Russia. Torino, 2001.

[320] *Scotti G.* Ventimila caduti. Gli italiani in Jugoslavia dal 1943 al 1945. Milano, 1970; *Rochat G.* e *Venturi M.* La divisione Acquia Cefalonia: settembre 1943. Milano, 1993; *Azzi V.* Il prezzo dell’onore. Albania 1943–1944. Milano, 1996; *Rusconi G. E.* Cefalonia. Quando gli italiani si battono.Torino, 2004; *Aga-Rossi E. e Giusti M. T.* Una guerra a parte. I militari italiani nei Balcani 1940–1945. Bologna, 2011.

[321] *Miccoli G.* I dilemmi e i silenzi di Pio XII. Vaticano, seconda guerra mondiale e shoah (Storia e biografie). Milano, 2007.

[322] *Riccardi A.* (a cura di). Pio XII. Roma-Bari, 1984; Fattorini E. Pio XI, Hitler e Mussolini. La solitudine di un papa. Torino, 2007; De Cesaris V. Vaticano, fascismo e questione razziale. Milano, 2010.

[323] *Moro R.* La Chiesa e lo sterminio degli ebrei. Bologna, 2009.

[324] *Forcella E.* La resistenza in convento. Torino, 1999; Tornielli A. E Napolitano L. Il papa che salvò gli ebrei. Milano, 2004; *Riccardi A.* L'inverno più lungo. Roma — Bari, 2008.

[325] См., напр.: *Marchione M.* Crociata di carità. L'impegno di Pio XII per i prigionieri della seconda guerra mondiale. Milano, 2006; На материалах воспоминаний военных капелланов итальянских частей, расквартированных в Ломбардии, построена работа: *Chiesa P.* Dio e patria. I cappellani militari lombardi nella Seconda guerra mondiale (Testimonianze fra cronaca e storia). Milano, 2011.

[326] *Addis S. M.* Partigiane. Tutte le donne della resistenza. Milano, 1998; *Biagi E.* Anni di guerra: Anni di guerra. 1939–1945. La seconda guerra mondiale. Parlano i protagonisti — 1943. Un anno terribile che segnò la storia d'Italia. Milano, 2005; Il diradarsi dell'oscurità. Il Trentino, i trentini nella seconda guerra mondiale 1939–1945; *Romersa L.* Uomini della seconda guerra mondiale (Testimonianze fra cronaca e storia). Milano, 2006; *Gabrielli P.* Scenari di guerra, parole di donne. Diari e memorie nell'Italia della seconda guerra mondiale. Bologna, 2007; *Mafai M.* Pane nero. Donne e vita quotidiana nella Seconda guerra mondiale. Roma, 2008.

[327] *Conti G.* Una guerra segreta. Il SIM nel secondo conflitto mondiale. Bologna, 2009; *Brey I. D.* Salvate Venere! La storia sconosciuta dei soldati alleati che salvarono le opere d'arte italiane nella seconda guerra mondiale. Milano, 2010.

[328] *Чжу Гуантин.* Фашизм и Вторая мировая война. Пекин, 1988; *Он же.* Фашистский режим. Шанхай, 1995.

[329] *Чень Чжаньсянь.* Фашистские движения и фашистская диктатура. Пекин, 1999.

[330] *Чжу Гуйшен.* История Второй мировой войны. Пекин, 2005; *Си Бучун.* Полная история Второй мировой войны. Пекин, 2011.

[331] *И Сяодон.* Вторая мировая война: историография. Чаньчунь, 2010.

[332] *Хуа Ган.* Чжунго миньцзу цзефан юньдун ши (История национально-освободительного движения в Китае). Дальний, 1946; *Чжу Дэ.* Лунь цзефанцюй чжаньчан (О боевых действиях освобожденных районов). Пекин, 1954; *Е Вошен.* Чжунго женьминь цзефан чжанчженижундэ миши гуши (Об освободительной войне китайского народа). Шанхай, 1954; *Ли Чжуан.* Чжан мэнь ши жи (10 лет борьбы). Шанхай, 1954; *Лю Байюй.* Вэй цзуго эр чжань (Борьба за Родину). Шанхай, 1954.

[333] *Ли Хуэй, Ли Жанхан, Юэ Нбин.* Эволюция японского вторжения в Китай. Пекин, 1987.

[334] *Чжу Ин.* Явные свидетельства о японском вторжении в Китай (1937–1945). Хух-Хото, 1999.

[335] *Гон Дункин*, *Тан Бенти.* История китайской войны против японских захватчиков. Ухань, 1983; *Ху Денкун.* Японо-китайская война. Ухань, 2005.

[336] *Ван Сиянь.* Сандун лао суцюй цзацзи = Записки о старых советских районах восточной Хунани. Шанхай, 1953; *Ян Бинань.* Чжунго женьминь цзефан чжаньчжен (Освободительная война китайского народа). Шанхай, 1955.

[337] Сборник материалов по новейшей истории Китая / Под ред. Вэй Хунъяня: в 5 т. Т. 4. Антияпонская война. Харбин, 1981.

[338] *Дэн Чжичен.* Чжинхуа эрцянь няньши (История Китая за два тысячелетия): в 4 т. Пекин, 1954; Чжунго ши ганяо (Краткая история Китая): в 2 т. Пекин, 1986.

[339] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения: в 4 т. М., 1952–1953.

[340] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения по военным вопросам. М., 1958.

[341] *Пэн Цэхуай.* Мемуары маршала / Пер. с кит. А. В. Панцова, В. Н. Усова, К. В. Шевелева; Под ред. М. Л. Титаренко. М., 1988.

[342] *Пан Жинде*, *Гу Гуанхуа.* Воспоминания о Второй мировой войне. Пекин, 1994.

[343] Сулянь ди цзюньдуй (Армия Советского Союза). М., 1943; Сыдалингэла (Сталинград). М., 1943; Цзай вэйда Бочжанды цзянчан шан (На полях великой битвы). М., 1949.

[344] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. На кит. языке. М., 1949.

[345] *Чжу Зиньшань.* История Великой Отечественной войны Советского Союза. Пекин, 1955.

[346] *Чжу Шивей*. Уничтожение группы армий «Центр». Чунцин, 2007; *Он же*. Битва за Днепр. Чунцин, 2007; *Он же*. Восточный фронт: катастрофа. Чунцин, 2007; *Он же*. От Харькова до Курска. Чунцин, 2007; *Он же*. От Смоленска до Киева. Чунцин, 2007; *Он же*. От Украины до Румынии. Чунцин, 2007.

[347] Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1960–1980.

[348] *Сайто Такаси*. Историческое исследование причин возникновения Второй мировой войны. Токио, 1965.

[349] Вторая мировая война: причины возникновения и экспоненциальное развитие. Токио. Издание Японского общества изучения военной истории. 1990.

[350] *Уэяма Сюмпэй*. Вторая мировая война. Токио, 1970.

[351] *Камия Фудзи*. Войны XX века. Токио, 1985.

[352] *Фуруя Тэцуо*. История мировых войн. Токио, 1971.

[353] Фашизм и Вторая мировая война / Под ред. Мурасэ Окио. Токио, 1975.

[354] Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане): в 6 т. Токио, 1971–1973.

[355] История войны на Тихом океане: в 5 т. / У. Сэйдзиро, Э. Бокуро, Т. Сигэки и др. М., 1957.

[356] История войны на Тихом океане. Т. 2. С. 303.

[357] *Хаттори Такусиро*. Япония в войне 1941–1945 гг. М., 1973; СПб., 2002.

[358] *Хаяси Сабуро*. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964.

[359] *Футида М.*, *Окумия М.* Сражение у атолла Мидуэй / Пер. с англ. М., 1958; «Зеро». Японская авиация во Второй мировой войне / Пер. с англ. А. Г. Больных. М., 2001 и др.

[360] *Hilden R.* Die Murmanbahn: Eine Bedrohung für Finnland und Skandinavien. Berlin, 1942.

[361] Luftgeografische Beschreibung: Europäische s Russland. Berlin, 1941; *Brandt E., Evers E.* Teufel! Terror! Träsnen!: 372 Tage unter der roten Bluthеrrschaft. Hamburg, 1942; *Didier F.* Ich sah den Bolschewismus: Dokumente der Wahrheit gegen die bolschewistische Lüge. 12. Aufl. Weimar, 1942; *Ressing K.* Jungarmisten der Weltrevolution: Der Verrat des Bolschewismus an der Jugend. Nürnberg, 1942; etc.

[362] Kampferlebnisse aus dem Feldzug gegen Sowjetrussland 1941/42: Nach Schilderungen von Frontkämpfer. Berlin, 1943; Europas Soldaten berichten uber die Sowjetunion. Berlin, 1942; Bessarabien — Ukraine — Krim: Der Siegeszug deutscher und rumänischer Truppen. Ein Bildbuch bearb. u. hrsg. von der Abt.lc einer Ost-Armee. Berlin, 1943; etc.

[363] NARA T314 R1198.

[364] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320.

[365] BA-MA 26-45 / 27 148875/16.

[366] См., напр.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12469. Д. 430, 490; Оп. 12451. Д. 251 и др.

[367] Militärgeografische Angaben über das Europäische Russland: Moskau. Text und Bildbuch. Berlin, 1941.

[368] Luftgeografische Beschreibung: Baltische Randgebiete des Europäische Russland. Berlin, 1941; Luftgeografische Beschreibung: West-, Mittel- und Ostrussland. Berlin, 1941; Luftgeografische Einzelheft: Transkaukasien. Berlin, 1943; etc.

[369] Die Ukraine und die angrenzenden Gebiete. Königsberg, 1941; Das Verkehrswesen der ukrainischen Gebiete. Berlin, 1942.

[370] *Duranty W.* The Kremlin and the People. N. Y., 1941. P. 138, 161, 173, 184; *Davies J.* Mission to Moscow. N. Y., 1941. P. 35–53.

[371] *Caldwell E.* All-Out on the Road to Smolensk. N. Y., 1942; Bourke-White M. Shooting the Russian War. N. Y., 1942; *Cassidy H.* Moscow Dateline. N. Y., 1943; *Hindus M.* Hitler Can not Conquer Russia. Guarden City, 1942; *Idem*. Russia Fights On. London, 1942; *Idem*. Mother Russia. N. Y., 1943; *Werth A.* Moscow'41. N. Y., 1942; *Idem*. The Year of Stalingrad. N. Y., 1943; *Idem*. Leningrad. N. Y., 1944.

[372] *Brown J.* Russia Fights. N. Y., 1943; *Snow E.* People on Our Side. N. Y., 1944; *Lauterbach R.* These Are the Russians. N. Y., 1944; *Werth A.* The Year of Stalingrad. N. Y., 1943.

[373] *Winter E.* I Saw the Russian People. N. Y., 1944; *Lauterbach R.* These Are the Russians. P. 52; *Werth A.* Leningrad. P. 103.

[374] *Ward H.* The Soviet Spirit. N. Y., 1944; *Lamont C.* Soviet Russia Versus Nazi Germany. N. Y., 1941; *Idem*. America and Russia. N. Y., 1943; *Idem*. Soviet Russia and Postwar World. N. Y., 1943.

[375] National Council of American-Soviet Frendship. Salute to Our Russian Ally. N. Y., 1942; *Idem*. Know the USSR: Reading the Soviet Union. N. Y., n. d.; etc.

[376] *Berchin M.*, *Ben-Horin E.* The Red Army. N. Y., 1942; *Stroud J.* The Red Air Force. London, 1943; *Parry A.* Russian Cavalcade: A Military Record. N. Y., 1945; *Kerr W.* Russian Army: Its Men. Its Leaders and Its Battles. Washington, 1944; *Voyetkhow B.* The Last Days of Sevastopol. N. Y., 1943; *Werner M.* Attack Can Win 43. Boston, 1943; *Kournakoff S.* What Russia Did for Victory. N. Y., 1945; etc.

[377] *Williams A.* The Russians: The Land, the People, and Why They Fight. N. Y., 1943; *Webb S.*, *Webb B.* The Truth about Soviet Russia. N. Y., 1942; *Dobb M.* USSR: Her Life and Her People. London, 1943; White Report on the Russians. London, 1945; *Buck P.* Talk about Russia. N.Y., 1945; *Pares B.* A History of Russia. 4-th ed., rew. N. Y., 1944; *Segal L.* Russia: A Concise History. London, 1944; *Martin J.* A Picture History of Russia. N. Y., 1945; *Duranty W.* USSR: The Story of Soviet Russia. Philadelphia, 1944; *Strong A.* The Stalin Era. N. Y., 1945; etc.

[378] *Dallin A.* Soviet Russia's Foreign Policy, 1939–1942. New Haven, 1942; *Idem*. The Big Three: The United States, Britain, Russia. New Haven, 1945; *Yakhontoff S.* USSR Foreign Policy. N. Y., 1945; *Marriott N.* Anglo-Russian Relations, 1689–1943. London, 1944; *Midllton K.* Britain and Russia: A Historical Essay. London, 1945.

[379] *Carter D.* Russia's Secret Weapon. Winnipeg, 1942; *Johnson H.* Soviet Strength: Its Sourse and Challenge... London, 1943; *Cressey G.* The Basis of Soviet Strength. N. Y., 1945; *Kieser G.* Why Is Russia So Strong? The Foundations of Russia's Strength. Berne, 1945; etc.

[380] *Williams A.* The Russians: The Land, The People, and Why They Fight. N. Y., 1943; *Snow E.* Unyielding Shoulders of the Volga // American-Russian Frontiers. N. Y., 1944. P. 30; *Lauterbach R.* These Are the Russians. N. Y., 1944. P. 271.

[381] *Willkie W.* One World. N. Y., 1943. P. 35–36.

[382] *Nearing S.* The Soviet Union as a World Power. N. Y., 1945.

[383] *Лян Чэн*, *Ян Динхуа*. Западный поход Китайской красной армии. М., 1938.

[384] Цжиюань цзюнь инсюн чжуань (Хроника героической Добровольческой армии): в 2 т. Пекин, 1956.

[385] *Ли Чунпэн*. Война в Номонхане. Чаньчунь, 2011.

[386] «Часть европейцев, — указывает, например, В. О. Рукавишников, — была склонна видеть в государстве — освободителе Европы... модель, по которой предстояло развиваться всей Европе». (*Рукавишников В. О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С. 190).

[387] См.: *Уткин А. И.* СССР в осаде. М., 2010. С. 111.

[388] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 14. Nov. 1945 — 1. Okt. 1946. Nürnberg, 1947–1949. Bd. 1–42; *Haider F.* Kriegstagebuch: Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Stuttgart, 1962–1964. Bd. 1–3; Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1945. Baden-Baden, 1950–1963. Bd. 1–11; Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945. Frankfurt a. M., 1961–1965. Bd. 1–4.

[389] *Mackensen E. von*. Vom Bug zum Kaukasus, Das III. Panzercorps im Feldzug gegen Sowjetrussland 1941/42. Neckargemünd, 1967.

[390] *Munzel O.* Panzer-Taktik. Räds gepanzerter Verbände im Ostfeldzug 1941/42. Neckargemuend, 1959; Band 11 Hoth H. Panzer-Operationen — Die Panzergruppe 3 und der operative Gedanke der deutschen Führung Sommer 1941, Band 29 de Beaulieu W.-Ch. Der Vorstoss der Panzergruppe 4 auf Leningrad — 1941, Band 46 Geyer H. Das IX. Armeekorps im Ostfeldzug 1941.

[391] World War II: German Military Studies. N. Y., 1979. Vol. 1, A. P. 3–4.

[392] Ibid. Vol. 1, D. P. 50–51.

[393] См., напр.: Department of the Army Pamphlet N 20–230. Russian Combat Methods in World War II. Washington, 1950.

[394] В 1979 г. нью-йоркское издательство «Арнопресс» опубликовало в 30 томах значительную часть написанных немцами материалов под названием «Вторая мировая война: Германские военные разработки». См.: World War II: German Military Studies. N. Y., 1979. Vols. 1–30.

[395] The Fatal Decisions. N. Y., 1956. P. 137.

[396] См.: *Philippi A.*, *Heim F.* Der Feldzug gegen Sowjetrussland 1941 bis 1945: Ein operativer Üeberblick. Stuttgart, 1962; *Higgins T.* Hitler and Russia: The Third Reich in a Two-Front War 1937–1943. London, 1971; *Betel N.* Russia Besieged. Alexandria, 1977; etc.

[397] *Carell P.* Unternehmen «Barbarossa». Frankfurt a. M., 1966. S. 11–12, 75–84, 480–495.

[398] *Ziemke E.* Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washington, 1968. P. 502.

[399] *Glants D.* American Perspectives on Eastern Front Operations in World War. Fort Leavenworth, 1986. P. 2.

[400] Ibid.

[401] The Russian Front: Germany's War in the East 1941–1945. London, 1978.

[402] Strategy and Tactics. 1977. № 65. P. 39.

[403] *Costantini A.* L'Union Sovietique en guerre (1941–1945). Paris, 1968. T. 1–3; *Clark A.* Barbarossa: The Russo-German Conflict 1941–1945. London, 1965; *Jukes G.* The Defence of Moscow. London, 1969; *Idem.* Stalingrad: The Turning Point. N. Y., 1968; *Idem.* Kursk: The Clash of Armour. N. Y., 1969; *Bauer E.* The History of World War II. London, 1979; *Fugate B.* Operation Barbarossa: Strategy and Tactics of the Eastern Front, 1941. Novato, 1984.

[404] *McNeill W. H.* America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict, 1941–1946. N. Y.; L., 1953; *Feis H.* Churchill-Roosevelt-Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, N. Y., 1966; *Schlesinger A.* Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. № 46; *Combs J.* American Diplomatic History: Two Centuries of Changing Interpretations. University California Press, 1986; etc.

[405] *Williams W. A.* The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1962, 1972; New addition: 1988; *Lafeber W.* America, Russia and The Cold War 1945–1990. 7th Ed. N. Y., 1993; *Gardner L.* Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941–1949. Chicago, 1970; *Kolko G.*, *Kolko J.* The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954. N. Y., 1972; *Alperowitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with the Soviet Power. N. Y., 1965; etc.

[406] *Gaddis J. L.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. N. Y., 1972; *Gaddis J. L.* The Emerging Post-Revisionist Synthesis on the Origins of the Cold War // Diplomatic History. 1983. № 3; *Lundestad G.* «Empire» by Invitation? The United States and Western Europe, 1945–1952 // Journal of Peace Research. 1986. № 23; *Stephanson A.* Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge, 1989; *Yergin D.* Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. N. Y., 1978; *Loth W.* Die Teilung der Welt. Geschichte des Kalten Krieges 1941–1945. Munich, 1980; *Herring G.* Aid To Russia 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973.

[407] *Rehm W.* Jassy: Schicksal einer Division oder einer Armee? Neckargemuend, 1954. S. 132; *Grams R.* Die 14. Panzer-Division 1940–1945. Bad Nauheim, 1957. S. 5–7; *Braun J.* Enzian und Edelweis; Die 4. Gebirgs-Division 1940–1945. Bad Nauheim, 1955. S. 12; *Miehe W.* Der Weg der 225. ID. Hamburg, 1980; *Neumann J.* Die 4. Panzerdivision 1938–1943: Bericht und Betrachtungen zu zwei Jahren Krieg in Russland. Bonn; Duisdorf, 1985; *Engelmann I.* Die 18. Infanterie- und Panzergrenadier-Division 1934–1945. Friedberg, 1984; *Dettmer F.*, *Jaus O.*, *Talkmitt H.* Die 44. Infanterie-Division. Friedberg, 1981. S. 45–60; etc.

[408] *Tomas F.*, *Wegmann G.* Die Ritterkreuzträger der Deutschen Wehrmacht, 1939–1945. Osnabrück, 1985. Teil 1.

[409] *Reitsch H.* Fliegen — mein Leben: Erinnerungen. München, 1981. S. 1–12, 170–280.

[410] *Scheibert H.* Bis Stalingrad 48 Kilometer. Friedberg, 1979; *Oberlaender Th.* Sechs Denkschriften aus dem Zweiten Weltkrieg über die Behandlung der Sowjetvölker. Ingolstadt, 1984. S. 1–12, 38–119; *Haupt W.* Leningrad: Die 900-Tage-Schlacht 1941–1944. Friedberg, 1980; *Schoenhuber F.* Ich war dabei. München; Wien, 1981. S. 1–362.

[411] *Schneider G.* Was Jugendliche über den Krieg erfahren // Weiterbildung und Medien. 1981. № 3. S. IX.

[412] Europäische Wehrkunde. 1982. № 10. S. 476; Soldat und Technik. 1985. № 10. S. 642.

[413] *Adorno Th.* Gesammelte Schriften. Frankfurt a. M. Bd. 10. Teil 2. S. 560, 568.

[414] *Turney A.* Disaster at Moscow: Von Bock's Campains, 1941–1942. Albuquerque, 1970; *Reinhard K.* Die Wende vor Moskau. Stuttgart, 1972; Kehrig M. Stalingrad. Stuttgart, 1976; *Förster J.* Stalingrad. Freiburg, 1975; *Haupt W.* Die Deutschen vor Moskau. Dorheim, 1972; *Piekalkiewicz J.* Stalingrad. München, 1977; *Kurowski F.* Luftbrücke Stalingrad. Berg a. See, 1982; *Engelmann J.* «Zitadelle». Freidberg 3, 1981; *Stadler S.* Offensive gegen Kursk. Osnabrück, 1980; etc.

[415] *Baldwin H.* Battles Lost and Won: Great Campaigns of WWII. N. Y., 1966; *Carmichael T.* The Ninety Days: Five Battles that Changed the World. New York, 1971; *Maule H.* The Great Battles of WWII. Chicago, 1973; *Wykes A.* 1942: The Turning Point. London, 1972; *Quint H.* Die Wenderpunkte des Krieges. Stuttgart, 1954; *Jacobsen H.-A.*, *Dollinger H.* Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. München, 1968. Bd. 5; *Remond R.* Introduction à l'historie de notre temps. Paris, 1974. T. 3; etc.

[416] Unternehmen «Barbarossa». Paderborn, 1984; etc.

[417] *Bonwetsch B.* Der «Große Vaterländische Krieg». Stuttgart, 1984; *Segbers K.* Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg: Die Mobilisierung von Verwaltung, Wirtschaft und Gesellschaft im «Grossen Vaterländischen Krieg», 1941–1943. München, 1987.

[418] *Streit C.* Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die Sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978; Bonn, 1991.

[419] *Streim A.* Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangegen im «Fall Barbarossa». Heidelberg; Karlsruhe, 1981; Herbert U. Fremdarbeiter: Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin; Bonn, 1985.

[420] Ibid. S. 8.

[421] *Hoffmann J.* Die Geschichte der Wlasow-Armee. Freiburg, 1986; *Andreyeva E.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigre Theories. N. Y., 1987; etc.

[422] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4. С. 552.

[423] Там же. С. 617.

[424] *Пын Мин.* Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза / Пер. с кит. А. В. и А. Ф. Котовых; Под ред. В. Ф. Сорокина. М., 1957.

[425] *Пын Мин.* История китайско-советской дружбы / Пер. с кит. А. Ф. Котовой; Под ред. Г. А. Зверева. М., 1959.

[426] *Пын Мин.* История китайско-советской дружбы. С. 230–231.

[427] Там же. С. 232.

[428] *Чень Тейян.* История отношений между Советским Союзом, Китаем и Японией в XX веке. Чаньчунь, 2011.

[429] *Ло Сянмин.* Военные записки о Дальнем Востоке. Наньнин, 2005.

[430] Воспоминания о победе. Пекин, 2005.

[431] *Дун Яньнин.* О политике Советского Союза по отношению к Северо-Восточному Китаю. Тайбэй, 1965.

[432] *Цао Сичжень.* История дипломатических отношений Китая и Советского Союза. Пекин, 1951.

[433] *Шень Шанвэнь.* Краткая история советско-китайских отношений. Сянган, 1951.

[434] Der deutsche Üeberfall auf die Sowjetunion: «Unternehmen Barbarossa». Frankfurt a. M., 1991. S. 8–9.

[435] Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945: Eine Dokumentation. Berlin, 1991.

[436] *Hoyt E.* 199 Days: The Battle for Stalingrad. N. Y., 1993.

[437] Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt a. M., 1991. S. 69–140, 848–964.

[438] *Wilson T.* Allies at War. The Soviet, American and British Experience, 1939–1945. N. Y., 1994.

[439] *Kimball W.* The Juggler: Franklin Roosevelt as War Time Leader. N. Y., 1991. P. 217.

[440] Цит. по: Великая Отечественная война (Историография): Сб. обзоров. М., 1995. С. 114.

[441] *Glantz D.* Soviet Military Deception in the Second World War. London, 1989; *Idem.* From the Don to the Dnepr: Soviet Offensive Operations December 1942 — August 1943. Portland, 1990; *Idem.* Soviet Airborne Experience. Washington, 1986; etc.

[442] Ich will raus aus diesem Wahnsinn. Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945. Wuppertal, 1991; Feldpostbriefe aus Stalingrad. Göttingen, 2003.

[443] Materialien zur Ausstellung «Stalingrad — Briefe aus dem Kessel». Berlin, 1991.

[444] Подробнее см.: *Петрова Л. Ф.* Письма немецких солдат из окружения под Сталинградом // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет. Материалы межд. науч. конф. Волгоград, 2003; *Борозняк А. И.* Начало преодоления тотальной бесчеловечности. Письма немецких солдат из сталинградского окружения // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001.

[445] Stalingrad: Ereignis,Wirkung, Symbol. Muenchen. 1992; Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M., 1992.

[446] Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 45–59.

[447] Ibid. S. 94–99.

[448] Ibid. S. 155–159.

[449] Das Deutsche Reich und der Zweite Welkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6.

[450] В 2007 г. бюллетень Ассоциации по изучению Второй мировой войны (ранее — Американский комитет истории Второй мировой войны) презентовал выход в свет следующих изданий: *Bastable J.* Voices from Stalingrad: Unique First Accounts from World War II is Cruelest Battle. L., 2007; *Bellamy Ch.* Absolute War. Soviet Russia in the Second World War: A Modern History. L., 2007.

[451] *Cross R.* Citadel: The Battle of Kursk. L., 1993; *Healy M.* Kursk 1943: The Tide Turns in the East. L., 1992.

[452] *Cross R.* Citadel. P. 251–252.

[453] *Nipold G.* Panzer-Operationen «Doppelkopf» und «Cesar»: Kurland — Sommer, 44. Bonn, 1987.

[454] *Nipold G.* Mittlere Ostfront. Juni 1944: Darstellungen, Beurteilung, Lehren. Herford. 1985.

[455] Stalin's Generals. Ed. by H. Shukman. L., 1993.

[456] *Nolte E.* Vergangenheit, die nicht vergessen will // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1986. 5 Juni; *Hillgruber A.* Zweiterlei Untergang. Berlin, 1986.

[457] См., напр.: *Hoffmann J.* Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion. 1941 // Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa». München; Zürich, 1991. S. 367–388; *Topitsch E.* Stalins Krieg: Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. Herford, 1990; *Mazer W.* Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. München, 1994; *Post W.* Unternehmen Barbarossa: Deutsche und sowjetische Angriffspläne. 1940/41. Hamburg; Bonn, 1995.

[458] Подробнее см.: *Борозняк А. И.* 22 июня 1941 года: взгляд с «той» стороны // Отечественная история. 1994. № 1; *Он же.* Историки ФРГ о нацистской диктатуре // Новая и новейшая история. 1997. № 1; *Хестер-Филиппс У.* «Спор историков» в ФРГ // Там же. 1988. № 3. С. 48–55; *Черкасов Н.* ФРГ: «спор историков продолжается?» // Там же. 1990. № 1.

[459] См.: Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München, 1987; Vergangenheit, die nicht vergeht. Die «Historiker-Debatte». Dokumentation, Darstellung und Kritik. Köln, 1987; *Föster J.* Fünfzig Jahre danach // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1991. № 24; *Üeberschär G.* «Russland ist unser Indien» // Der Mensch gegen den Menschen. Hannover, 1992; *Bonwetsch B.* Was wollte Stalin am 22. Juni 1941 // Blätter für deutsche und international Politik. 1989. N. 6.

[460] *Heer H.*, *Naumann K.* Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. Hamburg, 1995; Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges. 1941–1944, 2. Erweiterte Aufl., Hamburg, 2002; Подробнее см.: *Борозняк А. И.* Так рушится легенда о чистом вермахте... // Отечественная история. 1997. № 3. С. 107–120; *Ветте В.* Гитлеровский вермахт. Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 541–548.

[461] 22. Juni 1941: Der Üeberfall auf die Sowjetunion. Wien, 1991; Erobern und vernichten: Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Berlin, 1991; Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa». Munchen; Zurich, 1991; Nolte H.-H. Der Deutsche Üeberfall auf die Sowjetunion 1941: Text und Dokumentation. Hannover, 1991; etc.

[462] 22. Juni 1941. S. 101–103; Der deutsche Üeberfall auf die Sowjetunion: «Unternehmen Barbarossa». S. 126, 129; Deutschland 1933–1945: Neue Studien zur national — sozialistischen Herrschaft. Bonn, 1992. S. 365.

[463] Erobern und vernichten. S. 99.

[464] Ibid. S. 10–11.

[465] Цит. по: Der Mensch gegen den Menschen: Üeberlegungen und Forschungen zum deutschen Üeberfall auf die Sowjetunion 1941. Hannover, 1992. S. 75.

[466] Das Parlament. 1991. 14–21. Juni.

[467] Der Mensch gegen den Menschen. S. 81.

[468] *Kohl P.* «Ich wundere mich. dass ich noch lebe»: Sowjetische Augenzeugen berichten. Guetersloh, 1990; *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik: Die Zusammenarbeit von Wehrmacht. Wirtschaft und SS. Frankfurt a. M., 1991.

[469] *Метельман Г.* Сквозь ад за Гитлера. М., 2008; *Шердейбауэр Армин*, *Рехфельд Г. Г.*, *Киншерманн Г.* Смертники Гитлера. В ад за «Великую Германию». М., 2011; *Вюстер В.* «Будь проклят Сталинград!» Вермахт в аду. М., 2012; *Эдельберт Х.* Агония Сталинграда. Волга течет кровью. М., 2013.

[470] *Roberts G.* Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953; New Haven & London, 2006.

[471] *Reid A.* Leningrad: tragedy of a city under Siege 1941–1944. L., 2011.

[472] Irish examiner. 23 July, 2011.

[473] *Tucker-Jones A.* Stalin's Revenge: Operation Bagration and the Annihilation of Army Group Centre, Barnsley 2009; *Glantz D.* To the Gates of Stalingrad. Kansas, 2009; *Glantz D.* Armageddon in Stalingrad, Kansas, 2009; *Stone R.* (editor), The Soviet Union at War, 1941–1945. Barnsley, 2010; *Reese R.* Why Stalin's Soldier Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II. Kansas, 2011.

[474] World War Two Studies Association (formerly American Committee on the History of the Second World War) Newsletter № 77–78 Spring and Fall 2007. P. 83–123.

[475] *Kimball W.* The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, N. Y., 1991, 1994; We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997; *Boyle P.* American-Soviet Relations: From the Russian Revolution to the Fall of Communism. N. Y., 1993; *Edmonds R.* The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. L., 1991; *Gardner L.* Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe from Munich to Yalta. Chicago, 1993; *Mayers D.* George Kennan and the Dilemmas of US Foreign Policy. N. Y., 1988; *Ericsson J.*, *Dilks D.* (Ed.) «Barbarossa». Edinburgh, 1994; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945: With A New Afterword. N. Y., 1995; *Harper J.* American Vision of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge, 1996; Allies and Adversaries: The Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance and US Strategy in WWII. University of North Carolina Press, 2000. *Evans R.* The coming Of the Third Reich. L., 2005. 656 p.

[476] *Чень Чжихуа.* Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978–2008) // Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2009. С. 141–152.

[477] *Он же.* Чжун Эгуанси ши ган 1917–1991. Пекин, 2007; *Чень Чжихуа*, *Ли Даньхуэй.* Чжаньхоу Чжун Су гуанси жогань вэньти яньцзю. Лайцзы Чжун Э шуанфан дэ данъань вэньсянь. Пекин, 2006.

[478] *Го Яншунь.* Славная страница. Северо-восточная антияпонская армия и советский Дальний Восток // Россия и АТР. 1995. № 3. С. 55–61.

[479] *Вэй Хуньюнь.* Помощь Советского Союза Китаю в период антияпонской войны // Лиши цзюосюэ. 1954. № 12. С. 33–34.

[480] *Бэттл У.* Немецко-фашистская диктатура (1933–1945) / Пер. с нем. Пекин, 1979.

[481] *Булок А.* Гитлер и Сталин / Пер. с англ.: в 2 т. Пекин, 1998.

[482] *Madajczyk C.* Dramat katynski. Warszawa, 1989; *Smianiwicz S.* W cieniu Katynia. Warszawa, 1990; *Bartoszewski W.* Dni walczacej stolicy. Warszawa, 1989; *Bielecki R.* «Gustaw» — «Harnas». Warszawa, 1989; *Cygan W. K.* Kresy w ogniu. Warszawa, 1990; *Krsastek T.* Powstanie warszawskie 1944. Warszawa, 1994; *Niekrasz J.* Z dziejow AK na Slasku. Katowice, 1993; etc.

[483] *Radosta P.* V uniforme RAF. Praha, 1991; *Sehnal J.*, *Rajlich J.* Stihaci pilot. Praha, 1991; etc.

[484] Krausz Tamás, Varga Éva Mária. A Magyar megzálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok (1941–1947). L'Harmattan Budapest, 2013.

[485] *Адам В.* Трудное решение / Пер. с нем. М., 1976; *Блейер В.* и др. Германия во второй мировой войне (1939–1945) / Пер. с нем. М., 1971; *Верт А.* Россия в войне. 1941–1945. М., 2003; *Вестфаль З.* и др. Роковые решения / Пер. с нем. М., 1958; Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996; *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 г. / Пер. с англ. М., 1980; *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999; *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004; *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне / Пер. с польск. М., 1963; *Дерр Г.* Поход на Сталинград: Оперативный обзор / Пер. с нем. М., 1957; *Дин Д.* Странный союз. / Пер. с нем. М., 2005; *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1977; *Макдональд Ч.* Тяжелые испытания / Пер. с англ. М., 1969; *Меллентин Ф.* Танковые сражения, 1939–1945 / Пер. с нем. М., 1957; Мировая война, 1939–1945: Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957; *Мэтлофф М.*, *Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. / Пер. с англ. М., 1955; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944) / Пер. с нем. М., 1974; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем.: в 3 т. М., 1956–1976; *Погью Ф.* Верховное командование / Пер. с англ. М., 1959; *Рейнгард К.* Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года / Пер. с нем. М., 1980; *Робертс Дж.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила

историю / Пер. с англ. М., 2003; *Солсбери Г.* 900 дней: Блокада Ленинграда / Пер. с англ. М., 1996; *Тейлор А.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1995; *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956; *Фляйшхауэр И.* Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939 / Пер. с нем. М., 1990; *Фейс Г.* Черчилль Рузвельт Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. / Пер. с англ. М., 2003; *Черчилль У.* Триумф и трагедия / Пер. с англ. М., 2004; *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / Пер. с англ.: в 2 т. М., 1991; *Штрайт К.* Они нам не товарищи / Пер. с нем. СПб., 1991; *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 / Пер. с нем. М., 2005.

[486] См.: Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / Mitteilungen der Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. Bd. 1. Berlin, 2002.

[487] Союзники в войне 1941–1945. М., 1995.

[488] Gezeitenwechsel im Zweiten Weltkrieg? Die Schlachten von Char'kov und Kursk lm Frühjahr und Sommer 1943 in operativer Anlage, Verlauf und politischer Bedeutung. Berlin, 1996.

[489] *Йеккель Э.* Крах или освобождение? Как немцы переживали конец войны // Родина. 1995. № 5. С. 43–45.

[490] *Карамзин Н. М.* Предания веков. М., 1987. С. 28.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ

Возникновение войн — это всегда исторический процесс, своими корнями уходящий в близкое или далекое прошлое. Геополитические итоги Первой мировой войны: территориальные изменения в мире, распад некогда могущественных империй, возникновение целого ряда новых государств, перекройка границ, продиктованная Версальским договором и решениями Парижской мирной конференции (в Европе это произошло в первую очередь за счет Австро-Венгрии, Германии и России), привели к изменению соотношения сил между великими державами в пользу англо-французской коалиции, к которой в 1917 г. присоединились США, и в то же время заложили основы еще более глубоких противоречий в международных отношениях. На Дальнем Востоке на имперские позиции твердо встала Япония, отнявшая в итоге Первой мировой войны ряд территорий у Германии и принявшая в конце и после этой войны наиболее активное участие в иностранной интервенции против Советской России на Дальнем Востоке и в Сибири[1]. Борьба за региональное и мировое господство, восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними державами и защита завоеванных другими во многом определила в последующее двадцатилетие международные отношения в Европе и мире.

Именно в геополитических категориях заявляли о своих целях лидеры стран, развязавших Вторую мировую войну. А. Гитлер еще в 1925 г. провозгласил «поход на Восток», к «необъятным просторам России». Геополитические цели Японии распространялись далеко за пределы Азии[2]. Б. Муссолини в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье», и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану[3]. Ряд малых стран, в том числе появившихся на политической карте после Первой мировой войны, ориентируясь на великие державы или подчиняясь давлению, подливали масла в огонь, рассчитывая с их помощью не только обеспечить безопасность своих границ, но и преследуя более амбициозные территориальные цели, как это имело место в случае с Польшей, а затем Венгрией, Румынией и Финляндией. Принцип неделимости мира так и не утвердился. Насильственный передел границ и географического пространства, как показала история XX в., неизбежно обострял национальные, этнические, религиозные и другие конфликты, в отдельности или в совокупности ведущие к дестабилизации целых регионов, а нередко и к войнам, связанным с интересами великих держав, их скрытого или прямого вмешательства в дела других государств.

Империализм как система, в недрах которой возникла Первая мировая война, порождал все новые противоречия в экономической сфере. Неравномерность экономического развития и имперские амбиции привели в середине 1930-х гг. к расколу капиталистического мира. В одну из коалиций вошли Германия, Италия и Япония, во вторую — Англия, Франция и США. Военная опасность усилилась, когда в Германии была установлена нацистская диктатура. Англия и Франция предприняли усилия отвести от своих стран угрозу германской

агрессии, столкнуть Германию и Советский Союз (политика умиротворения), что явилось одной из причин неудачи создания в то время антинацистской коалиции с участием СССР (политика коллективной безопасности). Основное внимание Соединенных Штатов было приковано к борьбе с милитаристской Японией за сферы влияния на Азиатско-Тихоокеанском театре. На Дальнем Востоке и в Европе США поддерживали политику Англии и Франции, а в 1933 г. установили дипломатические отношения с СССР. К середине 1930-х гг. гонка вооружений, милитаризация общественной жизни, которыми открыли историю XX в. великие державы, уже приняли беспрецедентные масштабы.

Некоторые исследователи указывают на связь мировых потрясений с цивилизационными противоречиями[4]. Это противостояние западноевропейской и восточнославянской цивилизаций, вековое давление Запада на русское (советское), а ныне российское пространство, неприятие и непонимание различных по своей сути ценностей и образа жизни[5]. С победой Октябрьской революции противоборство западноевропейской и восточнославянской цивилизаций получило социальный импульс. Новая общественно-экономическая формация, подъем культуры, строительство государства на принципах равенства наций и народностей, входивших в состав СССР, привлекали, несмотря на жестокость тоталитарного режима, растущее внимание широких слоев населения зарубежных стран. В достижениях Советского Союза, духовном сплочении его народов, с одной стороны, и лозунгах «мировой революции», с другой, лидеры и просветители западного мира увидели угрозу своему будущему. И если советская идеология, формируясь на основе объединения ценностей цивилизаций «больших и малых» народов, населявших страну, укрепляла свое влияние, то в Германии и ряде других стран общественное развитие приобрело резко выраженные антицивилизационные расистско-нацистские черты, которым традиционная западноевропейская культура оказалась не в силах самостоятельно противостоять. В расистских теориях это преломлялось в характеристиках евреев, славян и некоторых других этнических общностей как «недочеловеков», подлежащих беспощадной эксплуатации или уничтожению. Противоборство цивилизаций обострилось. Возник многосторонний цивилизационный кризис, который также явился одной из глубинных причин Второй мировой войны.

Расстановка сил на международной арене особенно неблагоприятно складывалась для Советского Союза. Если на протяжении своей предыдущей истории Россия была вынуждена вести войны (в большинстве своем оборонительные) против одной или нескольких великих держав, то в межвоенный период впервые возникла реальная угроза их совместного похода против СССР. Страна оказалась в положении осажденной крепости, и важнейшая задача советской внешней политики состояла в том, чтобы разобщить силы могущественных противников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

«Сдержки и противовесы» для этого имелись. Геополитические, экономические, классовые, собственно военные цели и лозунги нацистской Германии — завоевание силой «жизненного пространства» и установление господства нордической расы, обеспечение немецкой нации материальными привилегиями за счет других наций и государств, борьба против «капиталистической плутократии» и «еврейско-большевистского заговора», реваншистская истерия — в той или иной степени столкнулись с интересами и активным противодействием большинства цивилизованного мира. Это создавало предпосылки для объединения антинацистских сил и предотвращения мировой войны.

Сполохи военного пожара разгорались с начала 1930-х гг.: захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и вторжение в Центральный Китай в 1937 г., захват Италией Эфиопии в 1935 г., итало-германская интервенция в Испании в 1936–1939 гг., аншлюс (присоединение) Германией Австрии в марте 1938 г. Под занавес 1938 г., в ночь на 30 сентября, главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини) и Франции (Э. Даладье) в Мюнхене было заключено соглашение, которое предусматривало расчленение Чехословакии.

Европейский узел противоречий

Мюнхенское соглашение стран «старой демократии» с алчущими мирового господства фашистскими государствами явилось тем событием, которое в итоге и привело ко Второй мировой войне и нападению Германии на СССР. Соглашение предписывало Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около пятой части своей территории. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этим требованиям правительства Чехословакии во внимание не принималось. Ее представителей даже не пригласили в зал заседаний. Лига Наций бездействовала. Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии и западных демократий. В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые, по сути, являлись пактами о ненападении.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935). Предпринятые Советским Союзом действия в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии — она капитулировала в условиях диктата. Оценивая эти события, виднейший британский историк Б. Г. Лиддел Гарт сделал следующий вывод: «Предложение русских (об оказании помощи Чехословакии. — *Прим. ред.*) было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это «пренебрежение» год спустя имело фатальные последствия»[6].

Англия и Франция с одной стороны и Германия и Италия с другой преследовали Мюнхенским соглашением неоднозначные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату всей Чехословакии и движение к «просторам России». Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германии своих колониальных планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок в Европе умиротворить нацистскую Германию, ослабить заряд ее агрессивной политики, нацеленной на западные демократии, и направить его против СССР. В последнем цели подписантов Мюнхенского соглашения совпадали. Это была дорога в бездну.

В 1939 г. события в Европе приобрели еще более угрожающий характер. 15 марта германские войска в нарушение Мюнхенского соглашения вступили в Прагу. За день до этого по указке из Берлина была провозглашена «независимость» Словакии. Соучастниками раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую Силезию, Венгрия — Закарпатскую Украину. Чехословакия как государство перестала существовать. 22 марта Германия ввела войска в Клайпеду (Мемель), ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 г. Литве. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Двумя месяцами раньше Германия «в услугу за услугу» потребовала от Польши возвратить город и порт Данциг (ныне Гданьск), который до «приговора в Версале» также являлся германской территорией, и предъявила Польше другие требования. В действительности Данциг был очередным звеном в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу, захват которой выводил вермахт к границам СССР. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., А. Гитлер говорил: «Данциг отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке»[7].

11 марта Англия, а затем Франция объявили о гарантиях независимости Польше. 11 апреля А. Гитлер утвердил план «Вайс» — план войны с Польшей. Был установлен срок

Высшее командование Германии и Италии во время мюнхенского сговора. 1938 г.

Немецкие войска входят в оккупированную Чехословакию. 1939 г.

готовности к войне — 1 сентября 1939 г.[8] Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

К этому времени была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать. Японские милитаристы, несмотря на неудачу своей военной провокации у озера Хасан, развернули в мае 1939 г. войну против дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г. К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии[9]. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на Западе, так и на Востоке.

Период марта — августа 1939 г. — это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленные на поиски союзников и разобщение противников. Ведущие европейские страны, а также Япония вели многосторонние и двусторонние переговоры между собой самостоятельно или в составе коалиций. Советский Союз вначале более активно вел переговоры с Англией и Францией, затем с Германией. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны[10].

С развитием международного политического кризиса, который последовал за заключением Мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику, определились два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что каждая из империалистических группировок стремилась вовлечь СССР в надвигавшуюся войну, подставить его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстрационный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. А. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Ф. Мерекалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским послом Я. З. Сурицем.

СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями и вступил с ними в апреле 1939 г. в политические переговоры. Инициативу проявила Великобритания, которая, как и Франция, после захвата Германией Чехословакии пока еще смутно, но опасалась, что нацистская Германия может изменить планы и следующий удар направить не на Восток, а на Запад. Начались англо-франко-советские (московские) переговоры, важнейшей частью которых явились военные переговоры (12–22 августа 1939 г.). Как показали последующие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну. Британскую делегацию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую — член военного совета генерал Ж. Думенк, советскую — нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов. В хранящейся в архиве МИД РФ инструкции советской делегации, записанной маршалом предположительно под диктовку И. В. Сталина, предписывалось вести переговоры в целях заключения военной конвенции, но при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии. Принципиальным в инструкции был вопрос о пропуске Красной армии через территорию Польши и Румынии, иначе «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал» — германские армии беспрепятственно могли выйти к советским границам.

Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что в ближайшие дни Германия начнет войну с Польшей и намеревается разгромить ее в течение двух недель. Разведка также сообщала, что Н. Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения. Советская дипломатия также рассчитывала на косвенную поддержку своей позиции президентом США Ф. Рузвельтом, который не всегда последовательно,

но выступал с осуждением действий агрессоров. Он выступил за принятие СССР в Лигу Наций, положительно оценил советскую политику в период Гражданской войны в Испании и высказался за помощь нашей стране в случае нападения Германии. Но У. Черчилль еще был вне правительства, а политика США на европейском направлении после «присоединения» гитлеровцами Австрии и захвата Чехословакии только прояснялась.

Московские переговоры пока были безрезультатными. Тем временем вновь инициативу проявила Германия, с которой СССР вслед за Англией также вступил в переговоры. В результате приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией Пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток.

Переговоры с англичанами и французами формально зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии. Рассекреченные французские документы фиксируют ход переговоров день за днем. 17 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». 20 августа он информировал свое руководство: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции»[11]. В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, передоверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается»[12]. В своей новой книге «За закрытыми дверями» британский автор Л. Риз, изучавший документы о московских переговорах, заключил, что делегация во главе с Р. Драксом следовала «самоубийственной тактике» — вообще не отвечать на вопросы, касающиеся Польши. «Когда советский маршал Ворошилов 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной армии на территорию Польши для борьбы с нацистами, делегация союзников оставила вопрос без ответа»[13]. Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территории в случае нападения Германии.

Развязка приближалась. Вечером 21 августа Ж. Думенк получил в Москве следующую телеграмму: «По распоряжению председателя Совета министров генерал Ж. Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную конвенцию. Гамелен»[14]. Германская агрессия на Западе в первую очередь угрожала Франции. 22 августа Ж. Думенк сообщил о телеграмме М. Гамелена К. Е. Ворошилову. Но Лондон хранил молчание. Газеты сообщали, что Н. Чемберлен ловил рыбу, а Э. Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа готовился прилет Г. Геринга в Великобританию для встречи с Н. Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах[15]. Тайну подготовки переговоров хранят британские архивы.

Американские историки А. Рид и Д. Фишер пишут о драматических событиях на тройственных переговорах в августе 1939 г.: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша — понять реальности, а германское предложение — рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция»[16].

Как и в Первой мировой войне, все решилось в последний час. Получив от И. В. Сталина согласие на подписание договора о ненападении, А. Гитлер направил в указанный ему срок (23 августа) министра иностранных дел Германии в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (пакт Молотова — Риббентропа) был подписан. Это вынужденное политическое решение на какое-то время обезопасило страну от войны с Германией, с ее реальными и потенциальными союзниками. Германия при нападении на Польшу избавлялась от угрозы войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну.

Секретный протокол и последующие договоренности с Германией предусматривали раздел сфер интересов между Германией и СССР и являлись важной составной частью подпи-

санных документов. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия и Северная Буковина. Все это были государства или территории (за исключением Северной Буковины)[17], входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны решениями в Версале или путем прямых аннексий. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток. Отметим, что секретные протоколы к договорам — обычная практика того времени.

Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе сфер интересов, необходимо иметь в виду следующее. Есть такое понятие в военной науке — геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начинали наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие — в 35 км от Минска, немецко-румынские — в 45 км от Одессы. Ход войны показал, насколько важными оказались эти километры, чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 г., особенно для обороны Ленинграда и Москвы.

Разнонаправленное, но немаловажное значение для каждой из сторон имело достигнутое соглашение по экономическим вопросам. Третий рейх остро нуждался в сырье, Советский Союз — в современной технике и технологиях[18].

У. Черчилль писал по поводу советско-германского договора о ненападении: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий»[19]. Некоторые российские историки, заимствуя распространяемую на Западе негативную трактовку договора, нередко «переписывают» свои собственные оценки. Так, профессор В. И. Дашичев в своем труде «Банкротство стратегии германского фашизма», изданном в 1973 г., пришел к выводу, что советско-германский договор о ненападении «расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны». В переработанном и дополненном издании 2005 г. договору дается альтернативная оценка: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский Пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.». Автор также утверждает, что «крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 гг. на поиски союза с Англией... Черчилль оказался намного умнее»[20]. Эти утверждения также не соответствуют действительности.

Наступление немецких войск в Польше стремительно развивалось на восток. Располагая многократным превосходством над польской армией, особенно в танках и авиации, передовые части вермахта на восьмой день достигли пригородов Варшавы.

В то же время на западном фронте, в тылу Германии, происходили труднообъяснимые события, получившие название «странная война». Армии Англии и Франции, имевшие превосходство над противником, фактически бездействовали. Англо-французские обязательства и заверения Польше перейти в решительное наступление на девятый, затем на пятнадцатый день войны (что подсказывал и здравый смысл) не выполнялись. К середине сентября основные силы польских войск, несмотря на упорное сопротивление, были разгромлены. 17 сентября, когда Варшава еще оборонялась, правительство Польши покинуло пределы страны. В тот же день на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной армии.

Официальные и неофициальные осуждения в Польше этого решения советского правительства, в том числе в резолюции сейма 23 сентября 2009 г. «в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу», тенденциозны и находятся вне контекста сложившейся военной

обстановки: наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только после категорического требования советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР[21]. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, «днем позора немецкого политического руководства»[22].

Большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии встречали Красную армию как освободительницу. В ноябре 1939 г. Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, Западная Белоруссия — с Белорусской ССР. Вильнюс с прилегающей областью, захваченные в 1920 г. Польшей, возвратили Литве. Границу СССР установили примерно по так называемой «линии Керзона», рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Некоторые историки, считая необоснованным осуждение секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении II Съездом народных депутатов СССР в 1989 г., отмечают, что согласно международному праву протокол не может объявляться «недействительным с момента его подписания» и составлен так, что «формально не нарушал принятой на то время практики международно-правовых документов»[23].

Первоочередная задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке. Ввод войск на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики осенью 1939 г. и в июне 1940 г. на территорию Бессарабии (аннексированную Румынией в 1918 г.) и Северной Буковины был осуществлен при отсутствии организованного вооруженного сопротивления. Но обезопасить путем договоренности границу на северо-западе не удалось, что привело к кратковременной и кровопролитной войне с Финляндией. Новая граница была установлена мирным договором 1940 г. на удалении до 150 км от Ленинграда.

Следует отвести как несостоятельную версию некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации ее независимости и включения в состав СССР. Так, в одном из трудов, посвященных 70-летию начала Второй мировой войны, сообщается (без указания источника), что «в приказе самого первого дня войны было четко сформулировано, когда взять Выборг, когда водрузить красный флаг над финским парламентом и когда выйти к шведской границе», утверждается, что «Советский Союз обеспечил себе свободу рук по захвату Финляндии»[24]. Эта версия опровергается заявлениями советского правительства в период «зимней войны», самим ходом ее событий. Стоит напомнить, что мир был подписан на советских условиях. В совместном труде историков России и Финляндии, изданном в обеих странах, отмечается, что «Советский Союз достиг своих стратегических целей в войне с Финляндией»[25]. И это неоспоримый факт.

Большим успехом советской политики явилось заключение 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состояла в том, что она в ходе переговоров сумела использовать в интересах безопасности страны как результаты поражения японских войск на р. Халхин-Гол, так и японо-американские противоречия, которые в тот период оказались сильнее. В дальнейшем это позволило Советскому Союзу избежать войны на два фронта[26].

В Москве ясно понимали, что, несмотря на достигнутые договоренности, нападение Германии остается опаснейшей угрозой для страны, и стремились, далеко не всегда лучшими решениями и заявлениями, выиграть больше времени для укрепления обороны.

Менее освещается советская политика, направленная на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Переговоры с Англией возобновились через неделю после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе. 1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской

министр), выступая по радио, сделал важное заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть». 6 октября он пригласил советского посла И. М. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?», сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда». Далее разъяснялась позиция британского правительства: «1) Основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу (советскую), а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании»[27]. Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов направил указание И. М. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории. — *Прим. ред.*) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики»[28].

Быстротечное поражение в июне 1940 г. англо-французской коалиции (Франция капитулировала через 44 дня после начала немецкого наступления на западном фронте) явилось для советского руководства фактором стратегической внезапности, развеяло прогнозы о вероятности затяжной войны на Западе, резко изменило соотношение сил на Европейском континенте в пользу агрессоров. Угроза надвигавшейся войны с Германией возросла. Под пятой вермахта вместе с Францией оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Английский экспедиционный корпус, оставив вооружение, при поддержке своего флота едва успел переправиться через Ла-Манш и укрыться на Британских островах.

Правительство У. Черчилля (10 мая он стал премьер-министром) отклонило германские предложения о мирных переговорах, за которыми последовал «блиц» — немецкое воздушное наступление на Великобританию с целью «выбомбить» ее из войны. Но в «битве за Британию» немецкая авиация встретила решительный отпор сил противовоздушной обороны и в результате больших потерь, стойкости и мужества, проявленных населением страны, не достигла поставленной цели.

Под воздействием сложившейся обстановки настроения в Великобритании стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. М. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса «в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе». Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все

обернулись лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовал ряд других министров, сидевших рядом»[29].

Новый британский посол С. Криппс добился 1 июля 1940 г. встречи с И. В. Сталиным и вручил ему послание У. Черчилля от 24 июня, в котором говорилось, что Германия угрожает Великобритании, а также Советскому Союзу, и высказывалось пожелание о восстановлении «обеими нашими странами» их прежних связей[30]. По итогам беседы, которая длилась около трех часов, С. Криппс, сообщая, что она проходила «в дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться», и выделил согласие И. В. Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы Черноморских проливов[31]. Послание У. Черчилля придало еще большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин-офисе как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической обстановки и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла В. Шуленбурга о содержании переговоров между С. Криппсом и И. В. Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

22 октября С. Криппс от имени У. Черчилля предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое сближало политику двух стран, предусматривало признание де-факто «власти Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находятся под советским главенством»[32]. Советской дипломатии приходилось уклоняться от «кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Несмотря на изменившееся в Европе соотношение сил в пользу Германии, британские предложения в то время были неприемлемы. В Москве рассчитывали удержать Германию от войны против СССР, надеялись, что она еще будет соблюдать Пакт о ненападении.

12–14 ноября 1940 г. председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов посетил Берлин, вел переговоры с А. Гитлером, Г. Герингом и И. фон Риббентропом. Как показали последующие события, с советской стороны это была последняя попытка в личных беседах с нацистскими лидерами как-то нормализовать положение в рамках советско-германского договора о ненападении, разузнать действительные намерения Германии, Италии и Японии. В ходе переговоров немецкая сторона предложила Советскому Союзу «присоединиться» к разделу Британской империи и двигаться на юг «в направлении Персидского залива и Аравийского моря»[33]. Переговоры не ослабили растущей напряженности в отношениях двух стран. В то же время, по мнению советской стороны, политические возможности сдерживания германской агрессии еще не были исчерпаны.

По итогам переговоров 25 ноября В. М. Молотов сообщил германскому послу в Москве В. Шуленбургу, что СССР «согласен в основном принять проект пакта четырех держав (СССР, Германии, Италии и Японии. — *Прим. ред.*) об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но при условии, «если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии», а также при заключении пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией и других условиях, необходимых для обеспечения безопасности СССР[34]. Формально этот документ, лично врученный послу Германии в Москве В. Шуленбургу, остался без ответа, но в первые месяцы 1941 г. последовал ряд договоренностей с Германией и заявлений, которые, казалось, указывали на то, что до войны дело не дойдет, по крайней мере в ближайшее время. Выделим среди них заключение с Германией хозяйственного соглашения, подписание секретного протокола о продаже Советскому Союзу за 7 млн долларов участка территории в районе Сувалок, расширение советских поставок зерна в Германию.

Судетская женщина, неспособная скрывать свои эмоции, покорно приветствует гитлеровские войска. 1939 г.

Сотрудники Лувра готовят к эвакуации экспонаты после вторжения немецких войск в Судетскую область. 1939 г.

Продолжались и англо-советские переговоры. 24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. В. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский сообщил С. Криппсу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов»[35]. Вспоминая об усилиях немецкой разведки по выяснению содержания переговоров между Лондоном и Москвой, В. М. Молотов в беседе с писателем И. Ф. Стаднюком так охарактеризовал действия советского руководства: «Мы, несмотря на наш договор о ненападении с Германией, не делали никаких заверений о нашем желании соблюдать нейтралитет, если она начнет агрессию против Англии... А разговоры велись те, что нам было надо»[36].

3 апреля У. Черчилль направил И. В. Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР[37]. Послание У. Черчилля, которое подтверждало сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ, могло послужить поводом для письма И. В. Сталина, направленного, по некоторым данным, А. Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил фюреру о том, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к нападению на СССР. В ответ А. Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором говорилось, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства»[38].

Вскоре последовал импульс недоверия и к английской политике в связи с неожиданным прилетом в Англию 10 мая Р. Гесса — заместителя А. Гитлера по партийному руководству, о чем подробнее будет сказано в заключительной части главы.

Особое значение советское руководство придавало отношениям с Соединенными Штатами Америки как с потенциальным союзником. Точкой отсчета можно считать письмо И. В. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. А. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир»[39]. Направляя это послание, И. В. Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Ф. Рузвельта с К. А. Уманским 30 июня 1939 г., которая свидетельствовала о понимании президентом США нараставшей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремлениях объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. К. А. Уманский, в частности, сообщал В. М. Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (президент США. — *Прим. ред.*) делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, «два к одному» в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров... Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы, «во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США»[40]. Война СССР с Финляндией обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» — фактический запрет торговли с СССР, оказывали помощь Финляндии, активно поддерживали ее в между-

народных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно негативными.

В дневнике В. М. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: «После революции Рузвельт — единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел». В ответ на вопрос Л. Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии В. М. Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения одной Финляндии, но «при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий»[41]. В ходе этой беседы было названо имя Ю. Паасикиви как при определенных условиях приемлемого для СССР будущего премьер-министра Финляндии, что, в свою очередь, косвенно указывало на готовность прекращения деятельности сформированного в Москве «народного правительства» О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать также о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием сторонника переговоров о прекращении войны[42].

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на Европейском континенте в пользу Германии, обострение американо-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях. В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, по существу, переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. А. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. М. Молотов и Л. Штейнгардт. Камнем преткновения стала прибалтийская проблема. В Эстонии, Латвии и Литве под давлением Москвы к власти пришли промосковские правительства. В августе 1940 г. по итогам проведенных выборов эти республики вошли в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США крайне отрицательно расценило эти события. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, — заявил на одной из встреч с советскими представителями американский посол Л. Штейнгардт, — то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день»[43]. Министр финансов Г. Моргентау информировал К. А. Уманского, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках Госдепартамента, к которому и надо адресовать требования»[44]. Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла «коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений». Штейнгардт указал, что США «положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений»[45].

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственное соглашение, заключенное между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвовавших в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройственный союз, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым участником Тройственного пакта[46]. Учитывая предстоящие в начале

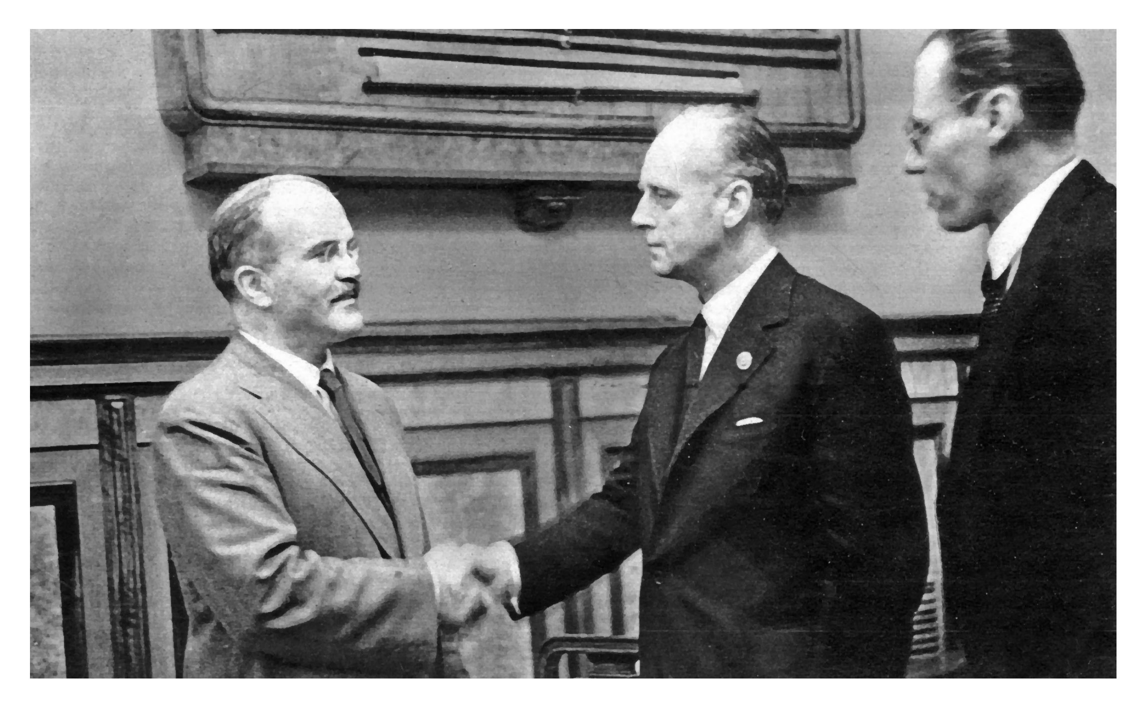
ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите В. М. Молотова в Берлин (12–14 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение: сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже длительное время. В условиях обострявшихся американо-японских отношений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. «Важно отметить, — писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США К. Хэлл, — что почти одновременно с визитом (В. М. Молотова в Берлин. — *Прим. ред.*) советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и советским правительствами»[47].

В 1941 г. советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем 21 января С. Уэллес в беседе с К. А. Уманским (это была их пятнадцатая встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь»[48]. Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, тем не менее прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Ф. Рузвельту. «Он уже давно склонялся к мнению (в противовес оценкам Госдепартамента. — *Прим. ред.),* что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована»[49].

Надо сказать, что некоторые оценки Л. Штейнгардта международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогали Ф. Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, — писал Л. Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, — заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта». И далее: «Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление»[50]. О «тупом упорстве» С. Уэллеса говорил Л. Штейнгардт в одной из бесед с советскими дипломатами[51].

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. К. А. Уманский и С. Уэллес не нашли общего языка, не доверяли друг другу, что усложняло обстановку на переговорах. К. А. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, С. Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти»[52]. Но это уже имело второстепенное значение.

Последующие события происходили в обстановке, когда в Москве располагали сведениями о принятии Германией решения о нападении на СССР и сосредоточении ее войск на советских западных границах. Одновременно советскому правительству без необходимой фильтрации докладывалась и дезинформация внедренной в советскую разведку немецкой агентуры, которая объясняла военные приготовления Германии у границ СССР подготовкой к вторжению на Британские острова и доказывала «абсурдность» для Германии решения открывать фронт против Советского Союза, не закончив войну с Великобританией. По заключению историков внешней разведки, очевидно было и то, что «германский рейх всеми средствами пытается спровоцировать Советский Союз на такие действия, которые дали

В. М. Молотов и И. Риббентроп пожимают друг другу руки после подписании Пакта о ненападении. 1939 г.

Германские захватчики проводят этнические чистки в польском городе Быдгощ. 1939 г.

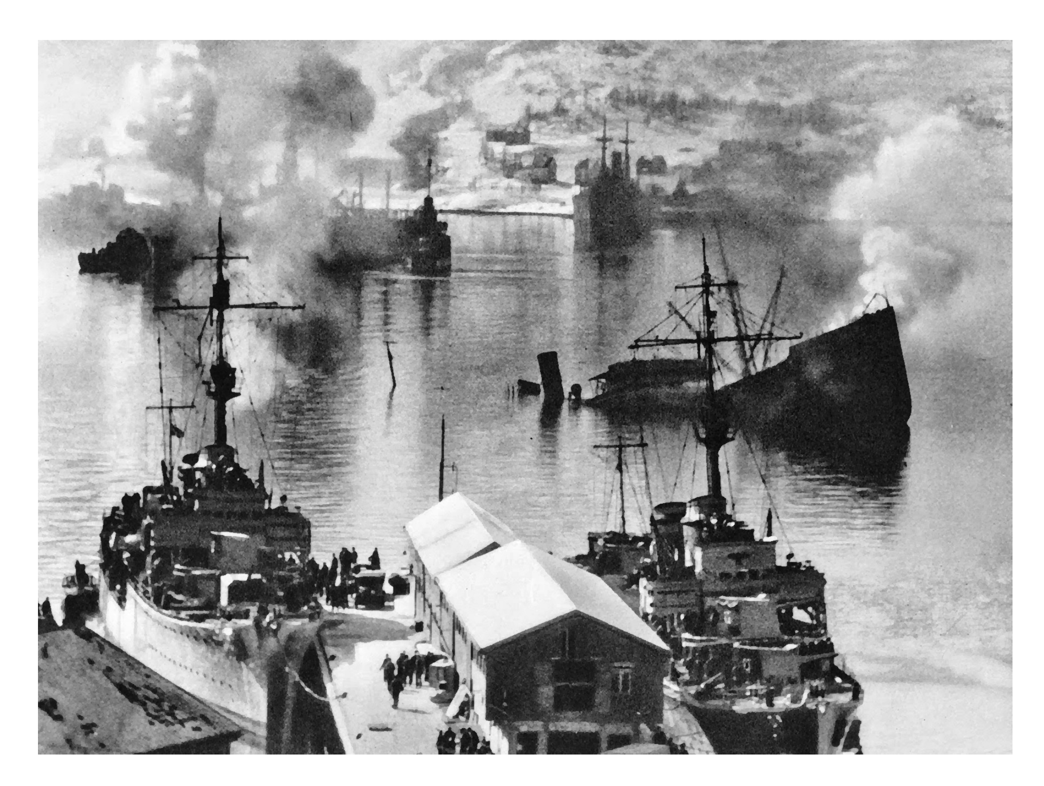
Колонна немецких танков во время вторжения в Польшу. Сентябрь 1939 г.

Бомбардировка Польши германской авиацией. Осень 1939 г.

Жители Варшавы разбирают завалы зданий после авианалета. 1939 г.

После морского сражения между немецкими и норвежскими силами в Нарвике, Норвегия. Весна 1940 г.

Руины Варшавы. 1939 г.

бы возможность скомпрометировать его в глазах мировой общественности как виновника агрессии, лишив тем самым союзников в борьбе с истинным захватчиком»[53].

За последние годы историки разных поколений, работая с ранее неизвестными документами, раскрыли более достоверную картину предвоенных событий, взаимосвязи советской военной политики и международного положения, дипломатической борьбы и деятельности разведки по обеспечению безопасности страны, причин запоздалого приведения войск приграничных округов в боевую готовность.

Вернемся в этой связи к прилету 10 мая 1941 г. на Британские острова Р. Гесса, который, сам управляя самолетом, приземлился на парашюте примерно в 20 милях от поместья герцога Гамильтона, известного прогерманской активностью. Прилет в Англию «нациста № 3» получил громкий международный резонанс и не мог не рассматриваться советским руководством как угроза англо-германского сговора перед нападением Германии на СССР, возникновения англо-германской коалиции в войне против Советского Союза. Основания к тому имелись. Советская разведка на протяжении многих лет сообщала о переговорах об англо-германском сближении, которые велись в Лондоне и Берлине особенно активно с ноября 1937 г., когда состоялась встреча А. Гитлера с министром иностранных дел (1938–1940) лордом Э. Галифаксом. После войны содержание этих переговоров прояснили изданные документы так называемого Архива Дирксена — немецкого посла в Лондоне в 1938–1939 гг. Полученное в Москве после прилета Р. Гесса официальное уведомление английского правительства о решении продолжать войну с Германией не могло заслонить возникшую тревогу[54]. Присутствие «под рукой» личности Р. Гесса, встречи с ним официальных представителей правительства, включая лорда-канцлера Д. Саймона, могли в одночасье изменить обстановку, учитывая наличие влиятельных прогерманских (если не сказать пронацистских) сил в самом британском истеблишменте.

В США ориентации Ф. Рузвельта на поддержку СССР в случае войны с Германией, которой он следовал с середины 1930-х гг.[55], противостояли не только оппозиция республиканцев в конгрессе и изоляционисты в стране, но и собственный Госдепартамент. Советское посольство в США и разведка своевременно и достоверно информировали правительство о положении дел. Насколько зыбкими были расчеты на установление союзнических отношений с США, свидетельствуют опубликованные документы Госдепартамента за 1941 г. Один из них — меморандум «Политика в отношении Советского Союза в случае начала войны между Советским Союзом и Германией» от 21 июня 1941 г. Ключевое значение в меморандуме имела заключительная часть: «Мы не должны давать никаких обещаний Советскому Союзу заранее относительно помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, и мы не должны брать на себя никаких обязательств в отношении того, какой могла бы быть наша будущая политика по отношению к Советскому Союзу или России. В частности, мы не должны участвовать ни в каких мероприятиях, которые могли бы создать впечатление, что мы действовали не в духе доброй воли, если впоследствии мы будем вынуждены отказать в признании советскому правительству в изгнании или перестать признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России в случае, если Советский Союз потерпит поражение и советское правительство будет вынуждено покинуть страну»[56].

Настораживали полученные в первые месяцы 1941 г. сведения о том, что США и Англия окажут помощь СССР только при определенных условиях. Один из источников сообщал, что Ф. Рузвельт в мае 1941 г. на совещании начальников штабов заявил, что если И. В. Сталин не спровоцирует нападение Германии, то США поддержат СССР, в противном случае Соединенные Штаты не будут вмешиваться. Прилет Р. Гесса в Англию крайне обострил опасения советского руководства о непоследовательности политики потенциальных союзников. Усиление на Западе пропагандистской кампании о наличии у СССР «плана мировой революции» и ее «ледокола» — Красной армии, распространявшейся немецкой агентурой для оправдания предстоящего нападения на СССР, а также западной печатью и радиопропагандой, потребовали принятия чрезвычайных мер, чтобы исключить условия, которые могли

бы послужить поводом для обвинения СССР в развязывании войны с Германией, оставить его один на один с агрессорами.

Видимой непоследовательностью объясняются предпринимавшиеся в последние недели и дни перед войной некоторые меры советского руководства, направленные на повышение боеготовности войск, их выдвижение к западным границам. С учетом современных знаний о сложившейся обстановке в советско-английских и советско-американских отношениях обратим внимание на сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г. В нем подчеркивалось, что СССР, верный своей мирной политике, «соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского Пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»[57]. Эта часть сообщения была адресована не только Берлину, но также Лондону и Вашингтону (однако о сугубо дипломатическом, зондажном характере сообщения ТАСС, к сожалению, не было поставлено в известность командование западных приграничных военных округов, из-за чего оно буквально восприняло положения, содержавшиеся в сообщении). В начале июля по приказанию И. В. Сталина в НКВД была создана особая группа (ее возглавил П. А. Судоплатов) с задачей воспрепятствовать попыткам немецких диверсантов провести в районе советской границы провокацию, подобную той, которая была осуществлена перед началом войны против Польши в 1939 г. Требование «не дать никакого повода для войны»[58] было возведено в ранг одной из первостепенных задач политики и дипломатии государства в последние недели и дни перед нападением Германии. И. В. Сталин отменил приказ командующего Киевским особым военным округом о занятии частями укрепленных районов, предполья (передовых позиций), а также аналогичные приказы в других приграничных округах; запретил полеты советской авиации в приграничной полосе (10 км от государственной границы). В то же время по его приказу был совершен облет западной границы для проверки сведений разведки о завершении подготовки вермахта к нападению на СССР, которые подтвердились[59]. 18 июня последовала телеграмма Генерального штаба о приведении войск приграничных округов в боевую готовность[60].

В своем труде У. Черчилль пишет, что 15 июня 1941 г. он сообщил Ф. Рузвельту: «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию... Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, — это Гитлер... Американский посол (Г. Уайнант. — *Прим. ред.*), проводивший конец недели у меня, привез ответ президента на мое послание. Президент обещал, что если немцы нападут на Россию, он, конечно, публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»[61]. Это заверение устно было передано У. Черчиллю 21 июня[62]. Однако в Москве это важное решение оставалось неизвестным. Не случайно И. М. Майский вечером 21 июня 1941 г. записал дневнике: «После ланча меня спешно вызвали в Лондон по просьбе Криппса[63] (И. М. Майский находился на даче. — *Прим. ред.*). Криппс хотел знать, сочтет ли совпра (советское правительство. — *Прим. ред.*) возможным сотрудничать с Англией в случае германского нападения? Или предпочтет действовать вполне независимо? Я не мог дать определенного ответа на вопрос Криппса и обещал немедленно снестись с Москвой»[64].

До нападения Германии на СССР оставались считаные часы. В ответ на запрос И. М. Майский 22 июня получил следующую телеграмму наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова: «Если заявление Криппса о присылке военной миссии и экономических экспертов действительно отражает позицию британского правительства, советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву. Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации, и оно, в свою очередь, готово будет оказать помощь Англии»[65].

События 1939—1941 гг. на протяжении многих десятилетий являются объектом особо настойчивого искажения их реального содержания, взаимосвязи причин и последствий,

сокрытия подлинных целей политики западных держав и в то же время необоснованных обвинений в адрес Советского Союза, имеющих целью нанести ущерб международному авторитету, политике и облику современной России. Эта антироссийская кампания, к которой присоединилась часть отечественных историков и журналистов, впервые возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский уровень. Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключается в обвинении России, в то время Советского Союза, в соучастии совместно с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны и других преступлениях. Сразу скажем, что авторам резолюции не откажешь в словесной «изысканности». 19 пунктов резолюции содержат пространные рассуждения о равнозначности нацизма и сталинизма, призыв объявить 23 августа днем памяти их жертв, двусмысленное «напоминание» о холокосте, ссылки на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 г. в Хельсинки, другие документы, но все это служит камуфляжем названной ранее цели резолюции. Она призывает к воссоединению разделенной Европы, но на деле дискредитирует и отчуждает Россию, сея недоверие и ксенофобию между народами. Резолюция ОБСЕ «является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от холокоста, от газовых камер и концлагерей, за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе», — говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной думой 7 июля 2009 г.[66]

Одна из причин появления резолюции ОБСЕ состоит, на наш взгляд, в открытии в России в последние годы крупных массивов документов, относящихся к событиям 1939—1941 гг. Только Министерством иностранных дел опубликовано более 1600 в большинстве своем ранее не известных документов[67]. Многие документы открыты в военных архивах. Они подтверждают, что, несмотря на просчеты и ошибки, советская внешняя политика со времени прихода А. Гитлера к власти и до нападения нацистской Германии на СССР была направлена на создание системы коллективной безопасности, союза государств и народов для борьбы с фашистской агрессией. В то же время документы неопровержимо показывают (как и ранее опубликованный «Архив Дирксена»), что целью западных демократий было не только избежать вовлечения в войну, но и, способствуя вооружению Германии, направить заряд ее агрессии против СССР. Антикоммунизм оказался удобной ширмой, которая прикрывала борьбу между Англией и Францией с одной стороны Германией и Италией с другой за господство над Европой. Эти, ставшие документально очевидными, цели имперской политики западных держав и вызвали появление «защитного противовеса» в виде «пунктов» резолюции ОБСЕ. События, которые привели ко Второй мировой войне, сводятся методом умолчания к советско-германскому договору о ненападении. Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала СССР необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются.

Версия о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны впервые была озвучена в декларации А. Гитлера 22 июня 1941 г. для оправдания нападения на нашу страну, а затем «развита» в сочинениях уцелевших гитлеровских генералов и «первого поколения» немецких историков-неонацистов (Г. Бреннеке, У. Валенди, В. Глазебок, Э. Хельдмах и другие). Книга последнего «Нападение?» неоднократно переиздавалась. Но «единого фронта» у европейских парламентариев и историков не получилось. На Западе в исторической науке всегда была влиятельной школа, которая сторонилась заказных официозных оценок, придерживалась самостоятельного и объективного взгляда на события. Один из таких британских авторов С. Милайн опубликовал в газете «Гардиан» 9 сентября 2009 г. статью, первые строки которой отражают ее содержание: «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР во Второй мировой войне не только бессмысленно, но и воодушевляет

сторонников нацистского наследия времен войны». Он пишет, что до сих пор ответственность за войну «возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида». Но «возродившийся правый национализм в Восточной Европе и истерический ревизионизм сравнивают нацизм с коммунизмом». С. Милайн приводит имена историков, проповедующих эти взгляды, и заключает: «Советский Союз внес решающий военный вклад в поражение Гитлера ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения. Когда Президент Дмитрий Медведев... назвал параллель между нацизмом и Советским Союзом «циничной ложью», он говорил не только от имени правительства, но и всей страны, за ним стояла внушительная часть остального мира».

Резолюция ОБСЕ взаимосвязана с развернувшейся на Западе кампанией пересмотра оценок антигитлеровской коалиции, попыток представить ее как «ошибку истории», «противоестественный союз», отлучить нашу страну от победы и выпятить в качестве решающего вклад в нее западных союзников. Шельмуются решения большой тройки, усилилась критика лично Ф. Рузвельта и У. Черчилля за «промахи» в отношениях с СССР, не говоря уже об И. В. Сталине, за которым, оказывается, стояли некие «черные силы, направлявшие его злодеяния». Бойцов Красной армии, освободителей Европы, которых встречали цветами и слезами радости сотни тысяч жителей многих стран, изображают захватчиками и насильниками. Включились в эту постыдную кампанию политические деятели крупного калибра. Среди них Дж. Буш, в то время президент США, который, выступая в 2005 г. в Латвии, осудил «в одной корзине» мюнхенский сговор, советско-германский договор о ненападении и Ялтинские соглашения[68].

В предвоенные годы расчеты советского руководства избежать нападения нацистской Германии не оправдались. Вместе с тем СССР, Великобритания и США в конечном счете достигли договоренности о создании антигитлеровской коалиции[69].

Обострение обстановки в Азии

Долгое время после окончания Второй мировой войны и в зарубежной, и в отечественной историографии в установлении причин и истоков этой войны имели место два основных стереотипа. Один из них, в чем-то оправданный, но далеко не создающий целостной картины, связан с евроцентристским подходом к оценкам источника угроз (главным виновником развязывания мировой войны является нацистская Германия). В основе второго стереотипа лежит идеологический подход к анализу кануна и начала мировой войны: наличие утверждений, с одной стороны, о коммунистической угрозе и «вынужденности» координации действий Запада и агрессоров (политика умиротворения) по ее нейтрализации, а с другой — о совиновности Советского Союза в развертывании войны, что обосновывается фактом подписания советско-германского договора о ненападении и сопутствующих ему документов, а также предпринятыми СССР мерами по укреплению своих западных границ.

Одной из причин существования таких подходов являлась недооценка сложности воздействия и на военно-политическую обстановку предвоенных лет, и на сам ход мировой войны всей совокупности факторов, в том числе японского. Этот фактор существенно влиял на принятие судьбоносных решений советским руководством. Кроме того, в канун Второй мировой войны основными государствами-агрессорами во главу угла (особенно с 1939 г.) ставились не только и, подчеркнем, не столько идеологические, сколько геополитические, геоэкономические и геостратегические интересы, подпитываемые великодержавными и националистическими, вплоть до расистских и фашистских, воззрениями. Нередко забывалось, что первые очаги агрессии вспыхнули еще до общепринятого дня начала Второй мировой войны. Один из них японская военщина разожгла в районе монгольской реки Халхин-Гол (11 мая 1939 г.). Он был ликвидирован 16 сентября 1939 г., то есть уже после начала Второй

мировой войны, что существенным образом сказывалось на выработке советской (да и ряда других стран) военной политики как в канун этой войны, так и в последующие годы.

А. Гитлер еще только рвался к власти, а честолюбивые японские генералы уже имели грандиозные планы мирового господства, согласно которым одним из главных объектов агрессии являлся Советский Союз. Широко известен так называемый «Меморандум позитивной политики» премьер-министра и министра иностранных дел и колоний Японии генерала Г. Танаки императору Хирохито от 25 июля 1927 г.[70] Этот документ был опубликован японскими военными историками в качестве официального в фундаментальной 110-томной «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии». Напомним лишь, что, намечая широкомасштабную агрессию в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), японские лидеры планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией». В борьбе за мировое господство генерал Г. Танака считал необходимым и «сокрушение Соединенных Штатов Америки»[71]. Именно Япония разожгла в начале 1930-х гг. первые очаги гигантского вселенского пожара, который с рубежа 1 сентября 1939 г. стал называться Второй мировой войной. В этом меморандуме, которому впоследствии почти неукоснительно следовали (насколько позволял военно-экономический потенциал) все правительства Японии, впервые в тесной увязке были отражены две линии противоречий и два пути их разрешения. Старые империалистические противоречия, в первую очередь между Японией и США, традиционно соперничавшими в зоне Тихого океана, где выживание и развитие одних наций почти однозначно вело бы к поражению и упадку других, и новые, межсистемные, где Япония и западные державы имели шанс объединить усилия против общего классово-идеологического врага. Разрешение первой группы противоречий виделось Японии на путях вооруженной борьбы с ведущими державами капиталистического мира на южном направлении агрессии; вторую группу противоречий можно было разрешить, лишь уничтожив СССР, МНР и зарождавшееся коммунистическое движение в Китае (северное направление). Весьма важно при этом четко представлять себе, что расхождения в доктринальных точках зрения представителей этих двух направлений в японском руководстве заключались не в том, против кого воевать, — обе стороны сходились во мнении, что война против СССР как оплота коммунизма неизбежна, и это не разъединяло, а наоборот, объединяло сторонников северного и южного направлений. Противоречия, а скорее разногласия, состояли в том, против кого начать войну раньше: против СССР или против США и их союзников. Именно поэтому дилемма «север — юг» существовала вплоть до самого момента принятия решения о полномасштабной войне в первую очередь (с 7 декабря 1941 г.) на юге, способствуя мобилизации японского государства на подготовку к крупной войне. Да и после этого, вплоть до конца 1943 г., северное направление находилось под пристальным вниманием японских стратегов. И лишь провал идей германского и японского блицкригов и достижение перелома во Второй мировой войне в пользу антифашистской коалиции окончательно сняли этот вопрос. У Японии, впрочем, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была столь идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора пошли сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) у более удобных и слабых стран. Но об этом мир узнал уже, так сказать, задним числом, а в то время обстановка была отнюдь не проста для понимания.

У Советского Союза в борьбе за выживание в предвоенные годы фактически не было союзников. Строя свою внешнюю политику в то сложное время, он не мог не учитывать японский военный фактор, так же как и все возраставшую опасность германского фашизма. Очень мешала крайняя идеологизированность советского руководства, равно как и лидеров стран «демократического блока», приводившая СССР к необходимости подготовки к противостоянию и с ними, тем более что поводов для этого было достаточно. Не случайно бывший премьер-министр Франции Э. Даладье, один из архитекторов мюнхенского сговора по разделу Чехословакии, жаловался в 1963 г., что в те годы «идеологические проблемы часто затмевали собой стратегические императивы»[72].

В связи с японским фактором следует расставить новые акценты и в анализе так называемой политики умиротворения агрессоров (а точнее, поощрения их к войне против Советского Союза), проводившейся западными демократиями и известной под названием «мюнхенской политики», но которая родилась отнюдь не в Мюнхене, а на Дальнем Востоке, и не в сентябре 1938 г., а в первой половине 1930-х гг., когда Западом позорно были сданы японскому агрессору Маньчжурия, а затем и весь Северо-Восточный Китай.

Дело в том, что агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–1932 гг. (именно ее с полным основанием следует назвать первым очагом будущего всемирного пожарища) получила лишь словесное осуждение со стороны стран Запада. На демонстративный выход «обиженной» Японии в марте 1933 г. из Лиги Наций никаких санкций не последовало. Очевидно, лидеров этих стран вполне удовлетворило заявление главы японской делегации в Лиге Наций Ё. Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с главной целью создать плацдарм для борьбы против СССР. Ё. Мацуока вернулся в Японию (заехав по пути в Берлин для прояснения позиций молодого нацистского руководства) героем: Рубикон был перейден, и руки у агрессора окончательно развязаны, чем Япония не преминула воспользоваться, завершив в 1935 г. захват Северо-Восточного Китая и развернув в июле 1937 г. против этой страны тотальную войну, унесшую жизни более 35 млн китайцев[73].

В чем же причина такой неслыханной щедрости Запада? Громкая на словах, но поразительно беззубая в отношении Японии, подстрекательская на деле позиция ведущих держав мира по отношению к ней, а затем и к Германии объясняется прозаически просто. В Вашингтоне, Лондоне и других столицах считали, что военные действия Японии в Северо-Восточном Китае приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть, и к крупномасштабному столкновению Японии и СССР. Для США и имевших значительные интересы в Китае Англии, Франции и Голландии важно было направить японскую экспансию на север, против СССР, а не на юг. Аналогичными были подходы и к оценке экспансионистских акций Германии и ее союзников.

Казалось бы, на Дальнем Востоке все шло в соответствии с расчетами агрессора и его «умиротворителей»: в июле 1938 г. Япония развернула крупный вооруженный конфликт на советской границе в районе озера Хасан, а в мае 1939 г. начала агрессивную войну против дружественной Советскому Союзу Монголии. За полмесяца до начала боевых действий у озера Хасан японской стороной провокационно был поднят вопрос о линии границы в этом районе. 15 июля 1938 г. в беседе с поверенным в делах посольства Японии в СССР Х. Ниси в ответ на его требование вывести советские войска с высот западнее озера Хасан заместитель народного комиссара иностранных дел Б. С. Стомоняков указал, что в соответствии с «Протоколом о тщательно проверенном первом участке границы», подписанным в Ново-Киевском урочище 26 июня 1886 г. и составляющим часть Чанчуньского (Хунчунского) соглашения, а также с приложенной к нему картой нет ни малейшего сомнения в том, что «озеро Хасан... расположено полностью на советской территории и что не только западные берега этого озера, но и некоторый район к западу от этих берегов принадлежат Советскому Союзу»[74]. Однако эти аргументы не были приняты японской стороной во внимание. 20 июля претензии на территорию в районе озера Хасан высказал посол Японии в СССР М. Сигэмицу, пригрозив применением силы[75]. Ждать пришлось недолго. Скрытно подтянув с территории Кореи к советской границе 19-ю пехотную дивизию, усиленную полевой, тяжелой и зенитной артиллерией и инженерными частями, 29 июля японцы начали военные действия. Поначалу им, обладавшим на избранном направлении абсолютным превосходством, удалось захватить плацдарм и продвинуться в глубину советской территории на 4 км, а затем и укрепиться на ней. Однако подошедшими 2 августа частями 32-й и 40-й стрелковых дивизий захватчики, несмотря на поддержку частей японских 15-й и 20-й пехотных дивизий, кавалерийского полка и механизированной бригады, менее чем через десять дней с большими потерями были выбиты за пределы советской территории[76]. Эта неприкрытая агрессия, однако, осталась вне зоны внимания стран Запада.

Весьма негативную роль в поощрении японской агрессии сыграла Великобритания, пойдя 22 июля 1939 г., в разгар событий у монгольской реки Халхин-Гол, на заключение соглашения Арита — Крейги, в котором Лондон признавал «особые права» (то есть захваты) Японии в Китае и гарантировал здесь невмешательство в действия ее оккупационных властей[77]. Это существенно укрепляло позиции Японии в Китае и позволяло японскому командованию смелее использовать войска из состава дислоцированных там экспедиционных сил на халхин-голском направлении. Красной армии пришлось приложить большие усилия, чтобы, начав 20 августа совместно с монгольскими войсками наступление, разгромить японскую 6-ю армию и заставить Японию просить о перемирии. Очередная японская антисоветская авантюра закончилась провалом и заключением 16 сентября по инициативе Японии перемирия (заметим, спустя две с лишним недели после начала Второй мировой войны).

Страны Запада, особенно США и Англия, выстраивая свою политику, проявили полное равнодушие к судьбе народов Китая, Советского Союза и Монголии. Более того, поощряя северное (как считалось, антисоветское) направление японской агрессии, они на протяжении всех 1930-х гг. не только продолжали оказывать Токио экономическую помощь и прямую военную поддержку, но и многократно увеличили их размеры. Достаточно сказать, что до 70% американского экспорта в Японию с 1937 по июль 1940 г. составляли военные поставки и стратегическое сырье, а не менее 17% стратегических поставок шло сюда из Англии, что способствовало бурной милитаризации, а затем и масштабной военной экспансии японского государства[78].

«Принуждение Японии к миру» — именно так следует назвать, используя современную терминологию, то, чего добился Советский Союз, проявив твердость в событиях у р. Халхин-Гол. Альтернативой этому могли стать гибель Монголии, вторжение Японии в Прибайкалье и начало тяжелой войны советского народа у восточных рубежей СССР. Обстановка осложнялась тем, что Советский Союз в течение всего этого периода был вынужден предпринимать меры по недопущению аналогичного развития событий и у своих западных границ. Все это вместе взятое формировало у советского руководства устойчивое недоверие к политике западных держав и означало для СССР лишь одно — рост военной угрозы как в Европе, так и в Азии.

В Советском Союзе, который не был в период зарождения политики умиротворения дальневосточного агрессора допущен ни в Лигу Наций (СССР вступил в эту международную организацию в 1934 г.), ни в версальско-вашингтонскую договорную систему, не могли не понимать всю опасность нараставшей для СССР угрозы и поэтому неизменно требовали прекращения японской агрессии. Тем не менее, как справедливо считает известный американский исследователь Д. Глэнц, СССР, «исходя из своей сугубо оборонительной стратегии, был в состоянии выдвинуть скорее дипломатические, чем военные инициативы»[79]. Современный американский профессор А. Ириэ, японец по национальности, исследуя истоки Второй мировой войны, пишет: «Первыми, кто увидел растущую угрозу миру со стороны фашистской Германии и быстро милитаризируемой Японии, были коммунисты, которые, собравшись в июле 1935 г. в Москве на 7-й конгресс Коминтерна, призвали все демократические силы создать общенародный фронт борьбы против фашизма». Это означало, считает он, «возврат России в международное сообщество в качестве сторонника порядка и мира, а не находящегося в изоляции защитника революции и радикализма... Самое важное, что советская инициатива дала определенную концептуальную ясность мировой ситуации, которая характеризовалась нестабильностью и противоречивостью»[80]. К сожалению, призыв Советского Союза и Коминтерна не нашел среди руководителей западных держав понимания. События, приближавшие мир к всеобщему пожару, стали развиваться еще более стремительно.

В Токио понимали, что в случае развертывания агрессии против СССР Японии не обойтись без мощного европейского союзника. Вот почему захват власти в Германии фашистами во главе с А. Гитлером в 1933 г., то есть уже после японской оккупации Маньчжурии, рассматривался в Японии как своего рода дар судьбы. В японской столице все более укреплялись в надежде, что в своем стремлении занять господствующее положение в Европе Берлин

сумеет приковать к себе вооруженные силы СССР, Англии, Франции и США, а это облегчит осуществление захватнических планов Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В своих отношениях с Советским Союзом, — делало в то время вывод правительство Х. Хироты, — Германия находится примерно в таком же положении, как и Япония. Исходя из того, что между Францией и СССР существуют особые отношения, можно считать, что Германии будет выгодно действовать сообща с нами в вопросах национальной обороны и политики антикоммунизма»[81]. Германское руководство, со своей стороны, несмотря на имевшиеся у него интересы в зоне Тихого океана, на которые посягнула еще в годы Первой мировой войны Япония, также видело в ней потенциального союзника, способного в нужный момент создать в Азии против СССР второй фронт, ослабить его, увеличив тем самым удельный вес Германии в Европе.

Что касается Советского Союза, то он находился в те годы в глубокой изоляции и был подвержен многочисленным военным угрозам со стороны близких и не очень соседей. Возникновение двух очагов агрессии у восточных и западных границ СССР наряду с откровенной политикой потворства этому со стороны США, Англии и Франции реально угрожало созданием единого империалистического фронта борьбы против Советского Союза, что вынуждало Москву вырабатывать адекватную угрозам политику обеспечения собственной безопасности.

Первым практическим шагом в организации глобального антисоветского альянса стало заключение 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, к которому в 1937 г. присоединилась Италия, а за ней ряд других стран, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 г. подвассальная Японии и граничившая с СССР Маньчжоу-Го, с чьей территории и развернулась спустя три месяца агрессия в районе р. Халхин-Гол. Подписание пакта сопровождалось широкой пропагандистской кампанией, в том числе рассчитанной на зарубежную аудиторию. Несколько статей на эту тему было опубликовано в рупоре японского Министерства иностранных дел — ежеквартальнике (с 1939 г. — ежемесячник) Contemporary Japan. В частности, анонимный автор материала «Японо-советское непонимание», опубликованного в декабре 1936 г. (написан явно еще до подписания Антикоминтерновского пакта), назвал три основных вопроса «непонимания»: неурегулированность пограничных вопросов и отсутствие экономических отношений между Маньчжоу-Го и МНР; превратное представление о внешней политике Японии, формируемое Москвой; подрывная деятельность Коминтерна в Азии[82].

К Антикоминтерновскому пакту примерялась и стремившаяся к территориальной экспансии (в том числе за счет советских территорий) Польша, но, очевидно, широко декларируемая идеологическая направленность пакта была недостаточным основанием для подключения к нему Варшавы, хотя его антисоветская нацеленность и подтвердилась полностью, когда стало известно доводимое далеко не до всех специальное секретное соглашение к пакту, статья первая которого прямо предусматривала совместные меры борьбы против СССР[83]. Не случайно в приговоре Токийского трибунала пакт назван именно «военным союзом».

«Начиная с 1937–1938 гг., — признавал оказавшийся в советском плену бывший главнокомандующий Квантунской группировкой японских войск генерал Ямада Отодзо, называвший антисоветскую политику Японии последовательной, — Квантунская армия имела конкретные планы ведения наступательных военных операций против Советского Союза»[84]. Однако вопрос о конкретных сроках войны с такой крупной державой, как СССР, требовал тщательной проработки, а сама агрессия — серьезной подготовки.

Важное значение для выработки военной доктрины японского государства на Вторую мировую войну имела серия провокаций, осуществленных с санкции высшего военного командования на границах СССР или в их непосредственной близости. Главной целью этих вооруженных акций было определение уровня боеспособности советских войск, размещенных на Дальнем Востоке, и перспектив войны с Советским Союзом. За этой пробой сил внимательно наблюдали как в Германии, так и в целом на Западе. Итоги «разведки боем» оказались для Японии плачевными. Последствия провала Японии в военной авантюре

на р. Халхин-Гол, например, далеко выходят за рамки этого, кажущегося многим локальным, конфликта. Токийский трибунал над японскими военными преступниками дал ему четкое определение — «агрессивная война»[85] против Монголии и СССР.

Конфликт на р. Халхин-Гол был развязан японцами на фоне бурного и трудного для непосредственной оценки развития весной и летом 1939 г. этапа дипломатической активности. Переговоры велись одновременно на нескольких направлениях. Продолжалась рутинная работа по разработке тройственного в своей основе военного пакта между Германией, Италией и Японией, в который стремилась и Польша. В этом пакте особенно была заинтересована Япония. При этом Токио настаивал на внесение в текст оговорки об исключительной направленности пакта против СССР. Немецкий посол в Москве В. Шуленбург отмечал 5 июня 1939 г. в письме в МИД Германии, что «Япония не хотела бы видеть ни малейшего согласия между нами (Германией. — *Прим. ред.*) и Советским Союзом. Чем меньше становится наше давление на западные границы России, тем увереннее будет чувствовать себя Советский Союз в Восточной Азии»[86]. Агрессия в районе р. Халхин-Гол как раз и замышлялась японцами как средство давления на союзников.

Параллельно время от времени активизировались советско-германские контакты. Активно велись британо-немецкие и британо-японские переговоры, о чем было известно руководству СССР. Одновременно в Москве проходили тройственные переговоры по широкому кругу военно-политических вопросов между СССР, Великобританией и Францией. Именно последние переговоры, как показал проведенный выше анализ, в той сложной ситуации могли бы дать, но не дали миру новую, более благоприятную альтернативу. Заключение политического и военного союза этих государств могло бы создать, возможно, решающий противовес гитлеровским планам расширения агрессии, а также позитивно повлиять на обстановку в АТР.

Ко второй декаде августа 1939 г., однако, стало очевидным, что московские переговоры, главным образом по вине Лондона, зашли в тупик. В результате СССР оказывался в положении все большей международной изоляции. Учитывая поддержку мюнхенского сговора со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии, одобрение его Японией, «невмешательство» стран Запада в события в Китае и Монголии, советское руководство в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта на монгольской земле не могло не задуматься о поиске надежных путей обеспечения безопасности своей страны. В связи с тем, что создание системы коллективной безопасности в форме, которую предлагал ранее Советский Союз, оказалось невозможным (Восточный, Тихоокеанский пакты так и не были заключены; Польша занимала по отношению к СССР откровенно враждебную позицию; советско-чехословацкий договор был перечеркнут Мюнхеном, из-за этого утратил свою фактическую ценность договор с Францией; переговоры с Англией и Францией зашли в тупик; японская агрессия в МНР продолжалась, и все это означало рост непосредственной угрозы СССР), перед советской внешней политикой во второй половине августа 1939 г. вырисовывались довольно ограниченные возможности реагирования на ситуацию. Во-первых, остаться в изоляции, сделав упор на собственные силы, проведение самостоятельной внешней политики и подготовку к скорой войне на два фронта, а во-вторых, нормализовать свои отношения с Германией и Японией, а в случае расширения ими агрессии путем нейтралитета и создания «пояса безопасности» обеспечить себе необходимое время и возможность подготовиться к худшему варианту развития событий.

Очевидно, что реализация первого варианта не гарантировала в тех условиях Советскому Союзу не только безопасности, но и, вероятно, выживания. Перед СССР остро встал вопрос: принимать накануне кульминации конфликта с Японией в районе р. Халхин-Гол становившиеся все более настойчивыми предложения Германии[87] о заключении Пакта о ненападении или нет? Правительство СССР, исходя из того, что угроза германо-польской войны (следовательно, выход немецких войск к советским границам) стремительно нарастала, а недоверие к западным державам росло, все больше склонялось к мысли, что пакт с Германией о нейтралитете или ненападении не только в большей мере обеспечит безопасность

СССР в случае резкого обострения обстановки, нежели расплывчатый и неопределенный договор с западными демократиями, но и позволит не втянуть его в военный конфликт на чьей-либо стороне при отсутствии прямой агрессии и обеспечить сохранение потенциала для отражения угрозы с Востока. Вся совокупность этих факторов, недвусмысленность намерений А. Гитлера вторгнуться в Польшу (в частности, А. Гитлер сделал на это четкий намек в телеграмме И. В. Сталину от 20 августа 1939 г.)[88] и понимание того, что СССР повлиять на это никак не может и что в условиях жесткой конфронтации с Японией он еще не готов противостоять вероятному вторжению вермахта на свою территорию, очевидно, привели И. В. Сталина к окончательному решению заключить пакт с Германией. При этом все же не исключалась возможность достигнуть соглашения на переговорах с Англией и Францией «в последний час»[89].

И вновь японский фактор не мог не учитываться советским руководством в выработке своей внешней политики, теперь уже в условиях резкого усиления агрессивности гитлеровской Германии. Ведя переговоры с Берлином, Москва рассчитывала (не без учета влияния Германии на Токио) разблокировать военный конфликт на р. Халхин-Гол и принять меры к ослаблению конфронтации с Японией[90]. Озабоченность Москвы японской угрозой просматривается в ряде документов, предшествовавших подписанию советско-германского договора о ненападении. В частности, в ответ на озабоченность временного поверенного в делах СССР в Берлине Г. А. Астахова по этому поводу влиятельный сотрудник германского МИД К. Ю. Шнурре еще 26 июля заявил о том, что германо-японские отношения «строятся на основе прочной дружбы, которая, однако, не нацелена против России», а 2 августа, реагируя на новый зондаж Г. А. Астахова по поводу Японии, уже министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп, подтвердив, что «германо-японские отношения хорошие и дружественные», заверил его в том, что русско-японские отношения будут сохранять долгосрочный модус вивенди, то есть поддерживаться, исходя из практики, без специального договора[91].

15 августа посол Германии в Москве В. Шуленбург сообщил в германский МИД о том, что в беседе с ним в этот день председатель правительства, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, затронув вопрос о пакте, спросил также, «готово ли германское правительство повлиять на Японию в целях улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов»[92]. 16 августа в своем секретном меморандуме В. Шуленбург сообщил, что в вечерней беседе с ним В. М. Молотов вновь заявил, что «советское правительство хотело бы знать, видит ли Германия какую-нибудь реальную возможность повлиять на Японию в целях улучшения ее отношений с Советским Союзом», при этом посол ответил, что, судя по словам, сказанным имперским министром иностранных дел Г. А. Астахову, И. фон Риббентропа «может заинтересовать и этот вопрос, тем более что его влияние на японское правительство определенно не маленькое»[93].

Уже в ходе визита в СССР для подписания Пакта о ненападении И. фон Риббентроп в ночь с 23 на 24 августа заявил в беседе с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, что Германия в состоянии, «имея хорошие отношения с Японией, внести действительный вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией» и что, если И. В. Сталин и советское правительство желают этого, он готов действовать в этом направлении и соответствующим образом использует свое влияние на японское правительство. Более того, И. фон Риббентроп заявил, что он уже «на протяжении месяцев» использовал беседы с японским послом в Берлине в интересах «улучшения советско-японских отношений»[94]. Таким образом, при всем том, что главным содержанием переговоров были условия договора о ненападении между СССР и Германией, немалое место в них занимал и вопрос о будущем советско-японских отношений и о позитивном влиянии на них со стороны Германии.

Зная на примерах мюнхенского кризиса и испанской гражданской войны те пределы, до которых западные державы были готовы пойти в ограничении агрессий Германии и Японии, как считает американский профессор Д. Глэнтц, «Советский Союз скорее в целях защиты, чем исходя из (других. — *Прим. ред.*) устремлений, круто повернул свою политику и подписал циничный молотовско-риббентроповский пакт, призванный обеспечить вза-

имное ненападение между Советским Союзом и Германией»[95]. При всей непопулярности этого договора, особенно сопутствующих ему документов, в условиях угрозы оказаться перед войной на два фронта и продолжавшейся действительно «циничной» мюнхенской политики в Европе и Азии ведущих западных демократий подписание его было, безусловно, вынужденным и единственно возможным шагом, явившимся следствием сложного переплетения вышеназванных факторов, а также отражением той атмосферы конфронтации, лицемерия, недоверия и пренебрежения нормами морали и нравственности, которая царила в предвоенном мире. Это было в то время единственным шансом советского руководства хотя бы на год-два уберечь неготовую страну от большой войны, обезопасить свои как западные, так и восточные границы, о чем свидетельствует и вскоре последовавший финал халхин-голских событий. «В то время, когда советские войска, очевидно, были в состоянии развить успех (достигнутый в результате их августовского наступления на восточном побережье р. Халхин-Гол. — *Прим. ред.*), — отмечает Д. Глэнц, — они пошли на прекращение кровопролития»[96].

Объективно, Советский Союз, ведя военные действия на Востоке, не мог себе позволить иметь еще один фронт на Западе. С другой стороны, нормализация, хотя бы временная, отношений с Германией, должна была способствовать разблокированию конфликта с Японией в Монголии и укреплению безопасности границ СССР на Дальнем Востоке. Очевидно, что именно подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении, произошедшее на фоне мощного контрнаступления советско-монгольских войск на Халхин-Голе, стало событием, потрясшим токийское руководство и приведшим к отставке кабинета К. Хиранумы и командования Квантунской армии. Действия Германии, которые, вероятно, были предприняты без согласования с Японией, явились резким и внезапным ударом для Японии, вызвав правительственный кризис, и породили мощный всплеск антигерманских настроений. «Возможно, — пишет американский аналитик Дж. Баллентайн, — что японско-советское перемирие (от 16 сентября 1939 г. в халхин-голском конфликте. — *Прим. ред.*) представляет собой принятие Японией условий России в результате давящей на Японию потребности найти выход из сложившейся затруднительной ситуации с Россией, обусловленной подписанием российско-германского пакта и последующей изоляцией Японии»[97].

Военное поражение Японии, таким образом, сопровождалось поражением политическим. 16 сентября 1939 г. Япония была вынуждена пойти на заключение соглашения о прекращении вооруженного конфликта. При всех морально-политических издержках советско-германского договора он объективно ослабил Антикоминтерновский пакт, посеял в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии, что привело к временной нормализации ее отношений с Москвой. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио — Берлин трещина впоследствии способствовала тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза, подписав с Москвой пакт о нейтралитете в апреле 1941 г. и развернув в декабре того же года широкомасштабные военные действия на южном направлении. Тем самым стратегическое поражение потерпело и гитлеровское руководство Германии: подписание советско-германского договора и победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе отняли у А. Гитлера важного союзника, ослабили фашистско-милитаристский блок в разворачивавшейся коалиционной мировой войне. Уже одно это оправдывает подписание договора о ненападении с Германией.

Не дало ожидавшегося эффекта и заключение 27 сентября 1940 г. в Берлине после длительных переговоров и взаимных подозрений Германией, Японией и Италией Тройственного пакта, слабость которого проявилась хотя бы в том, что примерно в течение года (с сентября 1939 по конец 1940 г.) подписанты, в первую очередь Япония и Германия, пытались втянуть в орбиту этого агрессивного блока Советский Союз («блок четырех против демократии»)[98]. Дело в том, что сложившаяся в сентябре 1939 г. ситуация делала для Японии, не имевшей мощных и надежных союзников на Дальнем Востоке, планы войны с СССР бесперспективными, а это подталкивало прагматичные круги этой страны к определенной, хотя и временной ревизии своих подходов к нему[99].

Продавец газет несет выпуск с объявлением о вступлении Великобритании в войну. 1939 г.

Немецкие солдаты бегут через горящую норвежскую деревню. Апрель 1940 г.

Бельгийские женщины со слезами на глазах прощаются с мужьями и сыновьями, отправляющимися на фронт. 11 мая 1940 г.

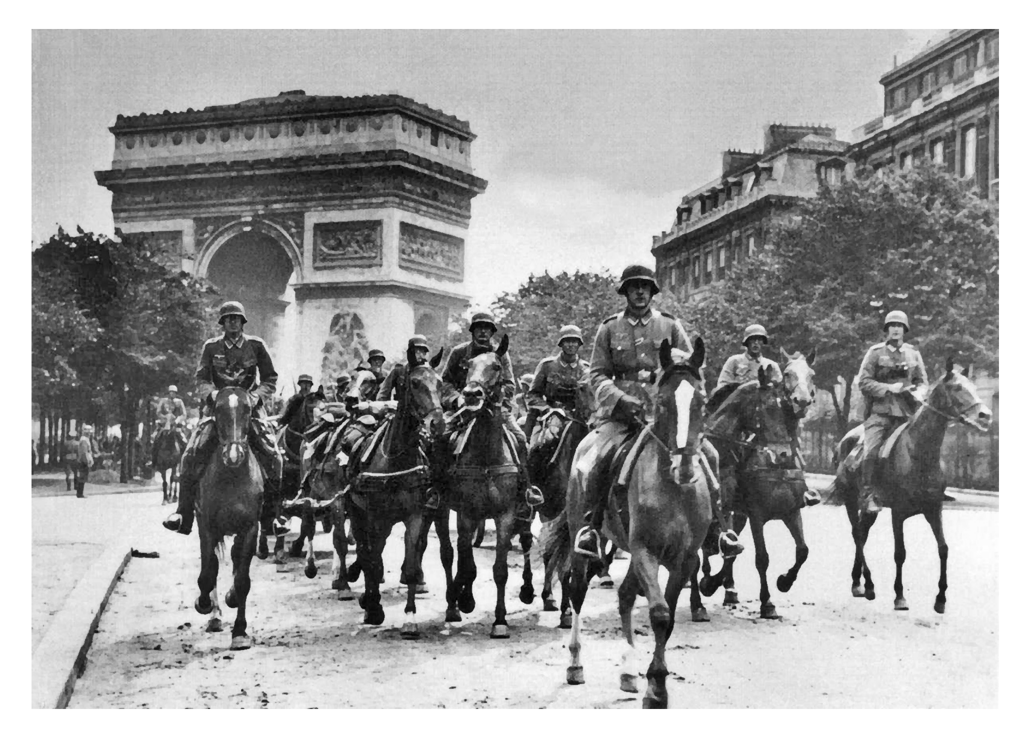
Беженцы покидают свои разрушенные города в Бельгии после немецких бомбежек. Май 1940 г.

Передовые отряды немецких войск входят в Люксембург. Май 1940 г.

Французские артиллеристы заряжают тяжелое орудие. Западный фронт. Май 1940 г.

Немецкий конный отряд в районе Триумфальной арки. Париж. 1940 г.

Немецкое высшее командование вместе с Гитлером триумфально шагает по оккупированному Парижу. 1940 г.

Жители Лондона укрываются от налетов немецкой авиации в тоннеле метро. Осень 1940 г.

Лондонские спасатели извлекают из развалин пострадавших в результате налета немецкой авиации. Осень 1940 г.

Британские пожарные тушат здания, пострадавшие в результате немецких бомбардировок. 1940 г.

Таким образом, советское руководство допускало ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадет хронологически с началом военных действий. Напомним известное признание Г. К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»[281].

Непосредственный свидетель и участник событий тех лет, причем весьма информированный, П. А. Судоплатов так откликнулся на развернувшуюся в начале 1990-х гг. дискуссию по поводу советских предвоенных планов. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, — заявил он, — что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий»[282].

После заключения 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта Германия, ощущая его слабость, также предприняла настойчивые попытки привязать СССР к фашистскому блоку в целях скорейшего разгрома Великобритании. Нажим особенно усилился в ходе визита 12–14 ноября 1940 г. В. М. Молотова в Берлин. Однако позиции партнеров по переговорам явно не совпадали, и альянс не состоялся.

В начале 1941 г. Япония предприняла еще одну попытку поделить договорным путем мир на четыре сферы влияния, но теперь в качестве союзников предполагалось привлечь не только Германию, Италию и СССР, но и США. На межведомственном совещании кабинета министров и начальников генеральных штабов армии и флота Японии 3 февраля 1941 г. была одобрена новая программа переговоров с руководством Германии, Италии и СССР. Участники совещания разделили мир на следующие сферы: великая восточно-азиатская во главе с Японией; европейская (с Африкой) во главе с Германией и Италией; американская под эгидой США; советская, включая Иран и Индию, во главе с Советским Союзом. Важнейшей внешнеполитической задачей Японии определялось удержание США от вступления в мировую войну; ту же задачу в отношении СССР должны были решать Германия и Италия. На случай, если Советский Союз все же нападет на Японию, Германия и Италия, по мнению участников совещания, должны были немедленно нанести удар по СССР и дать обязательство не заключать с ним секретного мирного договора. Для реализации этих задач и направился в Европу министр иностранных дел Ё. Мацуока[100]. Однако идеи японских геополитиков не могли найти поддержку не только у СССР, но даже у Германии и Италии. Провалом закончились и японские переговоры с США, которые велись вплоть до вероломного нападения Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г.

И все же курс японского и немецкого правительств, направленный на подключение Советского Союза к фашистскому блоку, был на данном этапе выгоден для СССР, занятого тем, чтобы путем создания иллюзий о его все более близкой готовности пойти на сговор с агрессорами на максимально длительное время отвести от себя угрозу крупной войны на Западе и Востоке, и стремившегося использовать это время для укрепления безопасности своих границ, развертывания военного производства и усиления армии и флота. Тактика советского правительства, принятая для ведения переговоров, несомненно, дала положительные результаты, но, к сожалению, не смогла обеспечить решение всех стоявших перед Советским Союзом проблем.

Необходимо отметить, что Советский Союз, несмотря на выгодность предложений со стороны стран оси и очевидную легкость их реализации в случае его согласия, счел необходимым ограничиться военными действиями и дипломатическими акциями в пределах бывших территорий России, причем исключительно в целях повышения безопасности своих западных границ, и не пошел на сделку с фашизмом за счет интересов стран юга Евразии. В то же время на Востоке Советский Союз не дал в обиду дружественные Монголию и Китай (подписывая в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете с Советским Союзом, Япония так и не смогла добиться того, чтобы СССР прекратил помощь режиму Чан Кайши и коммунистам)[101], не оставил шансов Японии напасть на СССР и обеспечил отсрочку ее агрессии в южном направлении.

С другой стороны, в результате дипломатических маневров вокруг подключения Советского Союза к фашистской коалиции в Токио решили лишь несколько изменить тактику: выждать нападения на Советский Союз фашистской Германии и затем в удобный момент вероломно ударить ему в спину.

Продолжалось наращивание японского военного потенциала в Китае, в первую очередь в Маньчжурии и Корее. В результате к осени 1939 г. японцы контролировали более 25% всей территории Китая с населением около 200 млн человек, что составляло около половины всего населения[102], то есть была оккупирована и эксплуатировалась в целях наращивания потенциала экспансии наиболее развитая и заселенная часть страны.

Постепенно расширяя масштабы агрессии против Китая, Япония продолжала готовиться к большой войне с СССР. В Маньчжурии быстро сооружался так называемый железобетонный пояс, который смог бы обеспечить скрытное наращивание сил и развертывание японской

армии к готовящейся войне с СССР. В рамках этих приготовлений с 1939 г. осуществлялся трехлетний план развития северных районов Маньчжурии. К 1941 г. число укрепленных районов у советских границ достигло 13, а затем было доведено до 17; их расположение и первоначально небольшая глубина говорили о том, что японская армия готовится к наступлению, а не к обороне. Шло и активное наращивание сил Квантунской группировки войск: число дивизий за период с лета 1937 по лето 1941 г. возросло в четыре раза, а численность личного состава достигла 350 тыс. человек. Быстрыми темпами увеличивалась техническая оснащенность группировки: за 1937–1941 гг. число орудий выросло более чем в 4 раза, танков — в 2 раза, самолетов — в 3 раза[103].

После нападения Германии на СССР военные приготовления Японии в Китае к войне с Советским Союзом еще более активизировались. Реализуя программу срочных военных мероприятий по мобилизационному развертыванию Квантунской группировки войск и приведению ее в полную боевую готовность (план «Кантокуэн»), Япония довела численность Квантунской группировки до 700 тыс. человек. Кроме того, ее командованию подчинялись марионеточные войска Маньчжоу-Го и армия японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана (Тонлопа). Специально для участия в войне против Советского Союза был создан 5-й флот[104]. По мере приближения гитлеровских войск к Москве в руководящем эшелоне Японии стали усиливаться тенденции к немедленному выступлению против СССР. Из 53 располагавшихся в Китае японских пехотных дивизий в Маньчжурии и других прилегающих к границам СССР районах дислоцировалось 30, из пяти кавалерийских бригад — четыре, из 10 танковых полков — семь, из 20 отдельных бригад — шесть[105]. Отсюда можно сделать вывод, что главным фронтом японское командование считало в то время готовящийся фронт войны с СССР, а не с Китаем. Таким образом, даже не воюя, Советский Союз облегчал судьбу борющихся с Японией сил Китая, спасал жизни многих сотен и тысяч китайцев.

Территория Китая уже в который раз использовалась для подготовки нападения на СССР, в том числе для отмобилизования Квантунской группировки и оборудования маньчжурского плацдарма.

С началом гитлеровской агрессии против СССР японская стратегия была уточнена на императорской конференции 2 июля 1941 г. В документе этой конференции, названном «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», предусматривалось «по-прежнему прилагать усилия к разрешению конфликта в Китае» и вместе с тем «продолжать продвижение на юг». Нападение на Советский Союз связывалось с коренным улучшением стратегической обстановки в пользу гитлеровских войск. В документе говорилось, что «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к силе, разрешит северную проблему»[106]. Однако в ходе Великой Отечественной войны такого удобного случая СССР Японии так и не предоставил.

Подготовка Германии к нападению на СССР

18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21, в которой под грифом «Совершенно секретно. Только для командования!» содержался план нападения на Советский Союз. Плану было дано условное наименование «Барбаросса» — прозвище средневекового германского короля Фридриха I, который проводил особо агрессивную захватническую политику и бесславно погиб во время Третьего крестового похода. Основную суть директивы наиболее полно отражали фразы, с которых она начиналась: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии... Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил

против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций. Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»[107].

Издание этой директивы явилось как бы подведением итогов начавшегося летом 1940 г. первого этапа подготовки антисоветской агрессии и началом ее завершающего этапа, официально зафиксированным верховным главнокомандующим германскими вооруженными силами. К этому времени жертвами германской агрессии уже стали народы Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции. Германии оставалось сокрушить только СССР, чтобы установить свое господство над всей континентальной Европой.

С призывами уничтожить СССР А. Гитлер выступал с самого начала своей политической карьеры. В своей книге «Майн кампф» («Моя борьба»), первое издание которой вышло в свет еще в 1925 г., он заявлял, что главной внешнеполитической целью национал-социалистов является завоевание и заселение немцами обширных земель на востоке Европы, что только захват этих земель обеспечит Германии статус действительно «мировой державы», способной вступить в борьбу за мировое господство. Он писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим курсом нашего довоенного времени. Мы начинаем движение в том направлении, в котором оно было прекращено шесть веков тому назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем взгляд на землю на Востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенного времени и сознательно переходим к земельной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»[108].

С тех пор идея уничтожения СССР заняла особое место во внешнеполитической программе нацистской партии. Это преступное намерение нацисты пытались оправдать, исходя из своего расистского мировоззрения. А. Гитлер утверждал, что громадная Российская империя якобы существовала исключительно благодаря наличию в ней «государствообразующих германских элементов среди неполноценной расы», что без «германского ядра», утраченного в ходе революционных событий в конце Первой мировой войны, она уже созрела для распада[109]. Незадолго до захвата нацистами власти в Германии он заявил: «Вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»[110].

После назначения 30 января 1933 г. А. Гитлера рейхсканцлером подготовка к уничтожению СССР стала главным направлением внутренней и внешней политики Третьего рейха. 3 февраля 1933 г. на закрытом совещании с представителями высшего командования рейхсвера А. Гитлер сообщил, что его правительство в области внутренней политики намерено «искоренить марксизм», установить «строго авторитарный режим» и ввести всеобщую воинскую повинность, а во внешней политике — добиться ликвидации Версальского мирного договора, найти союзников, вести борьбу за рынки сбыта и подготовиться к «захвату нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации». При этом он подчеркнул, что приоритет будет отдан подготовке агрессии на Востоке[111].

Германская агрессия в Европе 1936–1940 гг. рассматривалась нацистами лишь как прелюдия к развязыванию антисоветской агрессии. Заключение германо-советских договоров о ненападении (23 августа 1939 г.) и о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) с дополнительными секретными протоколами рассматривалось в Берлине как тактический маневр в целях создания наиболее благоприятных политических и стратегических предпосылок для нападения на СССР в будущем. Выступая перед группой членов рейхстага 28 августа 1939 г., А. Гитлер подчеркивал, что Пакт о ненападении «ничего не изменяет в принципиальной антибольшевистской политике» и, более того, будет использоваться Германией против Советов[112]. Представители высшего командного звена были об этом прекрасно информированы.

17 октября 1939 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск Германии полковник Э. Вагнер получил через начальника штаба ОКВ (верховное главнокомандование вермах-

та) генерал-фельдмаршала В. Кейтеля приказ А. Гитлера о том, чтобы в оккупированной немецкими войсками Польше были приведены в порядок и поддерживались в хорошем состоянии железные и шоссейные дороги, а также средства связи. «Эта область, — подчеркивал А. Гитлер, — имеет для нас военное значение как передовое укрепление. Она может быть использована для развертывания войск»[113].

А. Гитлер, по свидетельству его бывшего адъютанта Н. фон Белова, после разгрома Польши неоднократно во время бесед со своими генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на Западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм»[114]. Это находит подтверждение в протоколе совещания А. Гитлера с представителями высшего командования вермахта, состоявшегося 23 ноября 1939 г. На этом совещании он заявил: «Россия сейчас не опасна. Она сегодня ослаблена многими внутренними процессами. Кроме того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются только до тех пор, пока они соответствуют целям... Мы сможем выступить против России только тогда, когда будем свободны на Западе»[115].

После заключения 22 июня 1940 г. перемирия с Францией германское руководство, несмотря на то что ему не удалось вывести из войны Англию, решило повернуть оружие против СССР. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер уже 3 июля по собственной инициативе, еще до получения соответствующего распоряжения А. Гитлера приступил к изучению вопроса о «нанесении России военного удара», который «вынудил бы ее признать господствующую роль Германии в Европе»[116]. 21 июля на совещании у А. Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич выступил с докладом о соображениях по этому вопросу. Он заявил, что в Красной армии насчитывается всего 50—70 «хороших дивизий» и поэтому для ее разгрома потребуется не более 80—100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет 4—6 недель. А. Гитлер принял этот доклад к сведению и распорядился продолжить планирование[117].

К планированию нападения приступило также управление (8 августа переименовано в штаб) оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта. Его начальник генерал-полковник А. Йодль был не согласен с В. Браухичем. Он считал, что для разгрома Красной армии потребуется не 100, а 120 дивизий, что для их сосредоточения и развертывания на восточном фронте потребуется не 4—6 недель, а четыре месяца. А. Йодлю 29 июля удалось переговорить с А. Гитлером и убедить его перенести начало нападения на СССР на весну следующего года[118]. Возникшие разногласия среди немецких военачальников были сняты А. Гитлером на совещании 31 июля, где присутствовали В. Браухич, Ф. Гальдер, В. Кейтель и А. Йодль. А. Гитлером было принято решение о нападении на СССР не в 1940 г., а мае 1941 г. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — пять месяцев, то есть до наступления русской распутицы. Он ориентировал участников совещания на разгром Красной армии в ходе «одного стремительного удара» и согласился с предложением А. Йодля увеличить количество соединений, предназначавшихся для нападения на СССР, до 120 дивизий[119]. На основании этих указаний началась новая работа по составлению планов войны на Востоке в генеральном штабе сухопутных войск и управлении оперативного руководства ОКВ.

По поручению Ф. Гальдера генерал Э. Маркс, считавшийся знатоком России, 5 августа 1940 г. составил план под условным названием оперативный проект «Ост». В управлении оперативного руководства ОКВ аналогичный документ под названием оперативная разработка «Ост» по поручению А. Йодля был подготовлен 15 сентября 1940 г. начальником группы «Сухопутные войска» подполковником Б. Лоссбергом. Идеи, изложенные в вариантах Э. Маркса и Б. Лоссберга, легли в основу дальнейшей работы по планированию войны против СССР. Ее координация с начала сентября 1940 г. была возложена на первого обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В первой половине декабря работа над планом была завершена.

На его основе Б. Лоссберг под руководством А. Йодля подготовил директиву № 21, которую А. Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В ней в концентрированном виде отразилась

абсолютизация германским военным командованием опыта молниеносных войн против Польши и Франции, уверенность в том, что война против СССР будет выиграна в течение нескольких недель в ходе приграничных сражений. Трем группам армий «Север», «Центр» и «Юг», предназначавшимся для наступления на ленинградском, московском и киевском направлениях, была поставлена задача только на глубину одной стратегической операции до рубежа рек Днепр — Западная Двина. Группа армий «Центр» должна была наступать танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее с целью раздробить силы Красной армии в Белоруссии. Затем ей предписывалось передать часть своих подвижных войск группе армий «Север» для успешного решения задачи по полному уничтожению советских войск в Прибалтике и захвату Ленинграда. После этого группы армий «Центр» и «Север» всеми своими силами должны были возобновить наступление на Москву. Раздельное наступление двух групп армий на Ленинград и Москву предусматривалось только в случае неожиданно быстрого развала фронта советских войск.

Группе армий «Юг» была поставлена задача развернуть основные силы на своих северном и южном флангах, а затем посредством нанесения концентрических ударов до выхода к Днепру полностью уничтожить советские войска на Правобережной Украине. Главный удар наносился из района Люблина в общем направлении на Киев. Находившиеся в Румынии немецкие войска должны были форсировать р. Прут в нижнем течении и осуществить глубокий охват противника.

В директиве подчеркивалась важность быстрейшего захвата немецкими войсками после форсирования Днепра Москвы и Донецкого бассейна. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» во время наступления к востоку от Днепра не рассматривался. Авторы директивы считали, что за Днепром боевые действия будут носить характер преследования остатков разгромленных советских войск, что немецкие войска без особого труда выйдут на линию Волга — Архангельск и создадут там «заградительный барьер против Азиатской России».

В плане «Барбаросса» предусматривалось участие в войне Румынии и Финляндии. Румынские войска должны были «поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции», а «в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах». Финской армии поручалось прикрыть сосредоточение и развертывание у советской границы выдвигавшейся из оккупированной Норвегии группировки германских войск, а затем «вести боевые действия совместно с этими войсками»[120]. В мае 1941 г. к участию в подготовке нападения на СССР была привлечена и Венгрия. Расположенная в центре Европы, она являлась перекрестком важнейших коммуникаций. Без ее участия или даже согласия германское командование не могло осуществлять переброску своих войск в Юго-Восточную Европу.

31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск (ОКХ) подготовило директиву по стратегическому развертыванию сухопутных войск по плану «Барбаросса». 3 февраля 1941 г. эта директива была одобрена А. Гитлером. Затем она была направлена в штабы трех групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Штабы групп армий разработали оперативные планы всех своих объединений. Они были уточнены и одобрены в Генеральном штабе сухопутных войск. В конце февраля 1941 г. началось развертывание немецких групп армий у границ СССР.

Параллельно с разработкой плана нападения на СССР, задолго до его утверждения А. Гитлером, начались реорганизация и перевооружение вермахта с учетом вставшей перед ним новой задачи. По распоряжению начальника штаба ОКВ генерал-фельдмаршала В. Кейтеля от 5 сентября 1940 г. общая численность сухопутных войск весной 1941 г. должна была составить 180 дивизий, в том числе 10 моторизованных, 20 танковых и 20 резервных[121]. К тому времени германская военная экономика уже переключилась на выпуск оружия для этого огромного количества войск. 20 августа 1940 г. управление военной экономики и вооружения ОКВ получило директиву, в которой говорилось: «Для составления программы вооружения армии военного времени следует взять за основу 200 дивизий (включая дополнения)»[122]. Эта так называемая августовская программа предусматривала в течение семи месяцев, до 1 апреля

1941 г., обеспечить полное перевооружение сухопутных войск. За ее выполнение взялись не только военные предприятия Третьего рейха, но и 4876 предприятий оккупированных Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции[123]. В результате перед нападением на СССР уровень вооружения Германии значительно возрос. Однако выпуск военной продукции в ходе выполнения августовской программы постоянно отставал от темпов роста числа дивизий. Так, число танков перед нападением на СССР увеличилось по сравнению с маем 1940 г. на 60%, однако их было недостаточно для того, чтобы оснастить новые танковые дивизии по штатам 1940 г. Поэтому количество танков в танковых дивизиях пришлось значительно сократить. В разросшихся войсках ощущалась нехватка грузовых автомобилей, особенно тягачей для тяжелых артиллерийских орудий. Немецкому командованию пришлось использовать гужевой транспорт. Несмотря на эти и другие проблемы, немецкие войска перед нападением на СССР представляли собой громадную, хорошо оснащенную современной техникой и вооружением армию вторжения[124].

Рассматривая вопрос о вооружении Германии, нельзя не упомянуть о том, что с сентября 1939 г. и почти до самого начала Великой Отечественной войны СССР оставался одним из ее главных торговых партнеров. В связи с этим в различных изданиях можно встретить утверждение, что советское руководство, продавая Германии продовольствие и сырье, в которых та действительно нуждалась, якобы чуть ли не набивалось ей в союзники. При этом упускается из виду, что СССР использовал торговые связи с Германией для того, чтобы укрепить собственную обороноспособность на случай вовлечения его в войну против той же Германии и ее союзников.

Перед нападением на СССР в вермахте насчитывалось 7,3 млн человек, 71,5 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 5,6 тыс. танков и 5,7 тыс. боевых самолетов[125]. Первостепенное внимание германское руководство уделяло наращиванию численности и качественному совершенствованию сухопутных войск. Если перед наступлением на Францию насчитывалось 156 дивизий, в том числе 10 танковых и шесть моторизованных, то перед нападением на СССР было уже 214 дивизий, в том числе 21 танковая и 14 моторизованных. Для «войны на Востоке» было выделено более 70% соединений: 153 дивизии, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также три бригады. Это была наиболее боеспособная часть сухопутных войск Германии. Для ее авиационного обеспечения из имевшихся в вермахте пяти воздушных флотов было выделено три флота полностью и один частично[126]. Этих сил, по мнению немецкого военного командования, было вполне достаточно, чтобы разгромить Красную армию в ходе одной быстротечной кампании.

А. Гитлер и его министр иностранных дел И. фон Риббентроп с самого начала Второй мировой войны требовали от своих партнеров по Антикоминтерновскому пакту (фашистской Италии и милитаристской Японии) немедленно вступить в войну против Англии и Франции. Эти требования первой выполнила Италия. Успехи вермахта во французской кампании, начавшейся 10 мая 1940 г., послужили сигналом для ее вступления в «параллельную войну» за установление господства на Средиземном море: 10 июня 1940 г. она объявила войну Англии и Франции. На разгром Франции и распад англо-французской коалиции летом 1940 г. японские милитаристы отреагировали провозглашением в качестве своей программной цели борьбу за создание так называемой великой восточноазиатской сферы сопроцветания и взяли твердый курс на сближение с Германией в расчете заручиться ее помощью в предстоящей борьбе против США и Англии за господство в «восточноазиатском пространстве»[127].

9 сентября 1940 г. в Токио по германской инициативе начались секретные германо-японские переговоры о военном союзе Германии и Италии с Японией. Эти переговоры завершились заключением в Берлине 27 сентября 1940 г. трехстороннего военного союза, вошедшего в историю под названием «Пакт трех держав». В опубликованном тексте содержалась оговорка, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, который в настоящее время существует между каждой из трех сторон и Советской Россией». Для Германии она служила лишь маскировкой готовившегося нападения на СССР. Оговорка о России не означала отказа и Японии от вынашиваемых с начала 1930-х гг. антисовет-

ских военных планов. В ходе германо-японских переговоров в Токио 14 сентября бывший японский посол в Риме Т. Сиратори заявил, что он не оставляет надежды на «установление сотрудничества Германии с Японией в уничтожении России»[128].

А. Гитлер и его генералы, скрывая от Италии и Японии свои антисоветские планы, на время проведения операции «Барбаросса» отводили им роль прикрытия Германии с флангов и тыла. 5 марта 1941 г. штаб ОКВ издал директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией». В ней предусматривалось как можно скорее добиться согласия на проведение операции по захвату главной военно-морской базы Англии в Сингапуре, с тем чтобы «ослабить английские силы», а также отвлечь внимание США от Европы на Тихий океан[129]. Этой директивой запрещалось сообщать японцам о плане «Барбаросса». Однако немецким военным и дипломатам не удалось скрыть роста своей враждебности к СССР от японского посла в Берлине Х. Осимы. Об этом он сообщал в Токио. В том, что А. Гитлер и И. фон Риббентроп крайне агрессивно настроены против СССР, лично убедился и министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока во время визита в Берлин в конце марта — начале апреля 1941 г. Они советовали Японии не заключать с СССР никаких политических соглашений и в то же время требовали, чтобы она как можно скорее захватила Сингапур и объявила войну Англии. При этом А. Гитлер гарантировал, что Германия немедленно нанесет сокрушительный удар по любой державе, будь то СССР или США, если кто-то из них посмеет воспрепятствовать расширению японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе[130].

Ё. Мацуока сомневался в том, что Германия в ближайшее время нападет на СССР. Поэтому он 13 апреля 1941 г. подписал в Москве соглашение с советским правительством о нейтралитете, чтобы обеспечить Японии свободу тыла на севере на случай ее перехода к вооруженной экспансии в южном направлении. Для того чтобы как-то разрядить возникшую в связи с этим некоторую напряженность в германо-японских отношениях, он 6 мая заявил германскому послу в Токио О. Отту: «Ни один премьер-министр или министр иностранных дел не будет в состоянии удержать Японию на нейтральной позиции в случае конфликта с Советским Союзом. В этом случае Япония будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии»[131].

6 июня 1941 г. Х. Осима сообщил в Токио, что А. Гитлер и И. фон Риббентроп в общих чертах все же ознакомили его с планом «Барбаросса». Они предложили японскому правительству, если оно пожелает, «в как можно более короткий срок» подготовиться к нападению на СССР, но точной даты нападения не назвали. Получив такое запоздалое сообщение, японское правительство решило пока продолжать начатую подготовку к войне против Великобритании и США, но если выяснится, что СССР не сможет дать отпор напавшей на него Германии и утратит способность продолжать борьбу, то в этом случае «применить оружие и одним ударом разрешить северную проблему»[132].

А. Гитлер, И. фон Риббентроп и немецкие генералы до последнего дня перед нападением на СССР скрывали от итальянского союзника свои антисоветские замыслы. Но руководство Италии все же подозревало, что назревает германо-советский конфликт, и было обеспокоено тем, что может остаться в стороне от «борьбы против большевизма». В конце мая 1941 г. оно приступило к формированию особого армейского корпуса, предназначавшегося для войны против СССР, а 15 июня объявило о своем желании участвовать в «походе на восток»[133]. На это Берлин никак не отреагировал. Лишь 21 июня 1941 г. А. Гитлер в письме Б. Муссолини сообщил, что самой лучшей помощью Германии стали бы увеличение численности итальянских войск в Северной Африке и активизация боевых действий итальянской авиации и флота на Средиземном море. Но от отправки итальянского корпуса на советско-германский фронт А. Гитлер не отказался[134].

Для того чтобы создать более благоприятные условия для размещения своих войск у западных границ СССР, Германия добилась присоединения к Пакту трех держав ряда стран Европы: Венгрии (20 ноября 1940 г.), Румынии (23 ноября 1940 г.), Словакии (24 ноября 1940 г.), Болгарии (1 марта 1941 г.), независимого государства Хорватия (16 июня 1941 г.), созданного германским правительством после разгрома и расчленения Югославии в апреле

1941 г. С Финляндией Германия установила военное сотрудничество без включения ее в Пакт трех держав. Под прикрытием заключенных с ней двух соглашений от 12 и 20 сентября 1940 г. о транзите военных материалов и войск в оккупированную Норвегию началось превращение финской территории в операционную базу для нападения на СССР[135].

Завершить развертывание основных сил Германии на востоке по плану «Барбаросса», как намечалось, до 15 мая не удалось, поскольку часть немецких войск с 6 по 29 апреля 1941 г. участвовала в Балканском походе вермахта против Югославии и Греции. 30 апреля на совещании высшего командования вермахта начало операции «Барбаросса» было перенесено на 22 июня 1941 г.

Развертывание немецких войск, предназначенных для нападения на СССР, завершилось в середине июня 1941 г. В группировке вооруженных сил Германии 22 июня 1941 г. насчитывалось 4,1 млн человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей. С учетом войск Финляндии, Румынии и Венгрии, развернутых для вторжения в СССР, были выделены около 5 млн человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,3 тыс. боевых самолетов и 246 кораблей[136].

18 июня 1941 г. А. Гитлер вызвал к себе И. фон Риббентропа и дал ему указания по ведению пропаганды. И. фон Риббентроп должен был впредь лживо утверждать, что якобы из-за нарушения советскими войсками границы и вызывающего тревогу развертывания Красной армии вермахту уже нельзя было медлить с нанесением упреждающего удара. Аналогичные указания были даны отделу пропаганды ОКВ. Так родилась легенда о превентивной войне Германии против СССР[137]. Она была озвучена сначала в «Дневном приказе солдатам восточного фронта» 21 июня, а затем и в «Обращении Адольфа Гитлера к немецкому народу», зачитанном министром пропаганды Й. Геббельсом в специальной передаче Великогерманского радио в 5 часов 30 утра (по берлинскому времени) 22 июня 1941 г. В это время невиданная в истории войн мощнейшая германская армия вторжения уже перешла в наступление в глубь советской территории. Немецкое военное руководство было уверено в успехе начавшегося похода. Главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. Браухич заверил А. Гитлера в том, что Красная армия будет разбита уже в ходе «ожесточенных пограничных сражений» в течение первых четырех недель войны[138].

В то, что германский вермахт способен разгромить Красную армию в течение нескольких недель или месяцев, верили и руководители союзных Германии стран. Поэтому правители Италии, Словакии и Хорватии, с которыми А. Гитлер не хотел делиться славой победителя в очередной успешной военной кампании, как только узнали о начале нашествия на СССР, по собственной инициативе спешно направили на германский восточный фронт свои войска. В считаные недели сюда прибыли итальянский экспедиционный корпус в составе трех дивизий, словацкий корпус с двумя дивизиями и хорватский усиленный полк. Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских боевых самолетов[139].

Таким образом, летом 1941 г. против СССР выступили главные военные силы блока агрессоров. Началась беспрецедентная по размаху и напряженности вооруженная борьба. От исхода этой борьбы зависел не только дальнейший ход Второй мировой войны, но и мировой истории.

План «Ост» — план порабощения и уничтожения народов СССР

Высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали планы не только ведения войны против Советского Союза, но и его экономической эксплуатации и расчленения. Представление о том, как нацистская верхушка видела ведение войны на уничтожение, дают выступления А. Гитлера перед высшим командным составом вермахта 9 января, 17 и 30 марта

1941 г. Он заявлял, что война против СССР будет «полной противоположностью нормальной войне на западе и севере Европы», в ней предусматривается «тотальное разрушение», «уничтожение России как государства». Пытаясь подвести идейную базу под эти преступные замыслы, он объявил, что предстоящая война против СССР будет «борьбой двух идеологий» с «применением жесточайшего насилия», что в этой войне предстоит разгромить не только Красную армию, но и «механизм управления» СССР, «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию», функционеров и таким путем разрушить «мировоззренческие узы» русского народа[140].

Представители высшего командного состава вермахта к началу войны против СССР хорошо усвоили нацистское мировоззрение и воспринимали А. Гитлера не только как верховного главнокомандующего, но и как идейного вождя. Его преступные указания они облекали в форму приказов войскам. 28 апреля 1941 г. В. Браухичем был издан приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с командирами специальных карательных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». Начальник штаба ОКВ В. Кейтель 13 мая 1941 г. издал указ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск». Согласно указу с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам. В «Руководящих указаниях о поведении войск в России», подготовленных в штабе ОКВ в качестве одного из приложений к особому распоряжению № 1 от 19 мая 1941 г. к директиве «Барбаросса», говорилось: «Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любой попытки активного или пассивного сопротивления»[141]. 6 июня 1941 г. штаб ОКВ издал «Инструкцию об обращении с политическими комиссарами». Солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте попавших в плен всех политических работников Красной армии[142]. Эти противоречившие международному праву, идеологически мотивированные приказы ОКВ и ОКХ были одобрены А. Гитлером.

Преступные цели руководства нацистской Германии в войне против СССР, если изложить их в нескольких строках, сводились к следующему: уничтожение Советского Союза как государства, захват его богатств и земель, истребление наиболее активной части населения, прежде всего представителей партийных и советских органов, интеллигенции и всех тех, кто вел борьбу против агрессора. Остальным гражданам были уготованы либо изгнание в Сибирь без средств к существованию, либо участь рабов арийских хозяев. Обоснованием этих целей служили расистские взгляды нацистского руководства, презрение к славянам и другим народам-«недочеловекам», мешающим обеспечить «существование и размножение высшей расы» якобы из-за катастрофической нехватки ей «жизненного пространства».

«Расовая теория» и «теория жизненного пространства» зародились в Германии задолго до прихода нацистов к власти, но лишь при них они приобрели статус государственной идеологии, охватившей широкие слои населения[143]. Война против СССР рассматривалась нацистской верхушкой прежде всего как война против славянских народов. В разговоре с президентом сената Данцига Х. Раушнингом А. Гитлер объяснял: «Одна из основных задач германского государственного правления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их»[144]. Аналогичной установки придерживались и другие руководители фашистской Германии, в первую очередь один из ближайших соратников А. Гитлера рейхсфюрер СС и полиции Г. Гиммлер, который 7 октября 1939 г. одновременно занял пост «рейхскомиссара по укреплению немецкой расы». А. Гитлер поручил ему заняться вопросами «возвращения» из других стран имперских немцев и фольксдойче и создания новых поселений по мере того,

как в ходе войны будет расширяться немецкое жизненное пространство на Востоке. Г. Гиммлер играл ведущую роль в решении вопроса о будущем, которое должно было бы ожидать население на советской территории вплоть до Урала после победы Германии. Полагая, что Красная армия очень скоро будет разбита, 24 июня 1941 г. он дал задание начальнику планового отдела при рейхскомиссаре по укреплению немецкой расы, директору Института по аграрному делу и аграрной политике Берлинского университета профессору К. Мейеру-Хетлингу подготовить план массовой депортации коренного населения из Центральной и Восточной Европы, чтобы высвободить пространство для заселения немцами.

А. Гитлер, на протяжении всей своей политической карьеры выступавший за расчленение СССР, 16 июля на совещании в своей ставке с участием Г. Геринга, А. Розенберга, Г. Ламмерса, М. Бормана и В. Кейтеля определил задачи национал-социалистической политики в России: «Основной принцип заключается в том, чтобы этот пирог разделить наиболее сподручным способом, для того чтобы мы могли: во-первых, им владеть, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать»[145]. На этом же совещании А. Гитлер решил, что после разгрома СССР территория Третьего рейха должна быть расширена на востоке по крайней мере до Урала. Он заявил: «Вся Прибалтика должна стать областью империи, Крым с прилегающими районами, волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область»[146].

Через несколько дней на состоявшемся 31 июля 1940 г. совещании высшего командования вермахта, посвященном подготовке нападения на СССР, А. Гитлер заявил: «Украина, Белоруссия и Прибалтика — нам». Северо-западные районы России вплоть до Архангельска он собирался тогда передать Финляндии[147].

Г. Гиммлер 25 мая 1940 г. подготовил и представил А. Гитлеру «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей». Он писал: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что касается отдельных народностей, мы намерены стремиться к их сплочению»[148].

Инициированный Г. Гиммлером секретный документ под названием генеральный план «Ост» был представлен 15 июля. Планом предусматривалось в течение 25–30 лет депортировать 80–85% населения из Польши, 85% из Литвы, 65% из Западной Украины, 75% из Белоруссии и по 50% жителей из Латвии, Эстонии и Чехии. По подсчетам А. Мейера, на пространстве, подлежащем немецкой колонизации, проживали 45 млн человек. Не менее 31 млн тех из них, кто будет объявлен «нежелательным по расовым показателям», предполагалось выселить в Сибирь, а сразу после разгрома СССР переселить на освободившиеся территории до 840 тыс. немцев. В течение последующих двух-трех десятилетий планировались еще две волны поселенцев численностью в 1,1 и 2,6 млн человек[149]. Объясняя, откуда взять столько людей для заселения, в сентябре 1941 г. А. Гитлер заявил, что на советских землях, которые должны стать «провинциями рейха», необходимо проводить «планомерную расовую политику», направляя туда и наделяя землями не только немцев, но и родственных им по языку и крови норвежцев, шведов, датчан и голландцев[150]. «При заселении русского пространства, — говорил он, — мы должны обеспечить имперских крестьян необычайно роскошным жильем. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях — губернаторских дворцах. Вокруг них будут выращивать все необходимое для жизни немцев. Вокруг городов в радиусе 30–40 км раскинутся поражающие своей красотой немецкие деревни, соединенные самыми лучшими дорогами. Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы. В случае мятежа нам будет достаточно сбросить пару бомб на их города, и дело сделано. А раз в год проведем группу киргизов по столице рейха, чтобы они прониклись сознанием мощи и величия ее архитектурных памятников. Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия. Если бы я мог втолковать все это, как они важны для будущего!»[151] После поражения под Москвой А. Гитлер утешал собеседников: «Потери будут восстановлены в многократно превосходящем их объеме в поселениях для чистокровных немцев, которые

я создам на Востоке... Право на землю согласно вечному закону природы принадлежит тому, кто завоевал ее, исходя из того, что старые границы сдерживают рост численности народа. И то, что у нас есть дети, которые хотят жить, оправдывает наши притязания на вновь завоеванные восточные территории»[152]. Продолжая эту мысль, А. Гитлер говорил: «На Востоке есть железо, уголь, пшеница, древесина. Мы построим роскошные дома и дороги, и те, кто вырастет там, полюбят свою родину и однажды, как немцы Поволжья, навсегда свяжут с ней свою судьбу»[153].

Особые планы нацисты вынашивали в отношении русского народа. Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки»[154]. Один из разработчиков генерального плана «Ост» доктор Э. Ветцель, референт по расовым вопросам в восточном министерстве А. Розенберга, подготовил для Г. Гиммлера документ, в котором утверждалось, что «без полного уничтожения» или ослабления любыми способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»[155].

О глубокой враждебности А. Гитлера к славянам свидетельствуют записи его застольных разговоров, которые с 21 июня 1941 до июля 1942 г. вели сначала министерский советник Г. Гейм, а затем доктор Г. Пикер[156], а также записи о целях и методах оккупационной политики на территории СССР, сделанные представителем восточного министерства в ставке А. Гитлера В. Кёппеном[157] с 6 сентября по 7 ноября 1941 г. Записи Г. Гейма и Г. Пикера отличаются от записей В. Кёппена тем, что велись по поручению самого А. Гитлера под контролем его заместителя по нацистской партии и руководителя партийной канцелярии М. Бормана, тогда как В. Кёппен вел свои записи неофициально по поручению А. Розенберга, назначенного имперским министром оккупированных восточных областей. В первом случае авторы преследовали цель представить А. Гитлера деятелем, желающим обеспечить немцам процветание посредством захвата земель на Востоке, В. Кёппен же стремился фиксировать каждое указание фюрера относительно того, каким образом должен быть насаждаем «новый порядок» на советских территориях. Из записей В. Кёппена явствует, что русских, украинцев и белорусов А. Гитлер и его окружение называли не иначе как «славянским сбродом», не способным к самоуправлению. А. Гитлер заявлял, что не следует даже думать о предоставлении русским и украинцам возможности получить какое-либо образование. Их нужно будет использовать исключительно как рабочую силу при освоении Востока имперскими и зарубежными немцами (последних, по его словам, насчитывалось 1,5 млн человек)[158]. Видя в русских лишь рабскую силу, А. Гитлер замечал: «В данном случае было бы совершенно бессмысленно говорить о трудовой морали и долге, люди этого не поймут, так как привыкли реагировать только на удары кнута».

После поездки А. Гитлера на Украину в сентябре 1941 г. В. Кёппен фиксировал разговоры в Ставке: «В Киеве сгорел целый квартал, но в городе проживает все еще довольно большое количество человек. Они производят очень плохое впечатление, внешне походят на пролетариев, и поэтому их численность следовало бы сократить на 80–90%. Фюрер немедленно поддержал предложение рейхсфюрера (Г. Гиммлера. — *Прим. ред.*) конфисковать расположенный неподалеку от Киева древний русский монастырь (как он называется, нам не сказали), чтобы он не превратился в центр возрождения православной веры и национального духа»[159]. И русские, и украинцы, и славяне в целом, по мнению А. Гитлера, принадлежали к расе, недостойной гуманного обращения и затрат на образование: «С них будет вполне достаточно умения читать дорожные указатели, немецкому учителю там нечего делать. Под свободой украинцы понимают разрешение мыться только один раз в месяц, а не два раза, как прежде, немец со своей зубной щеткой вскоре будет вызывать у них только раздражение. Он лично, будучи фюрером немецкого народа, принял достаточно хорошо продуманное реше-

ние управлять именно в соответствии с этими принципами, и его совершенно не интересует мнение славян по этому поводу»[160].

После разговора с А. Гитлером 8 июля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и московитов (русских) вообще»[161]. Разговор Ф. Гальдера с А. Гитлером, посвященный уничтожению населения Ленинграда, В. Кёппен конкретизирует следующим образом: «Город нужно будет лишь взять в кольцо, подвергнуть артиллерийскому обстрелу и взять измором. Не имеет значения, сколько это займет времени: несколько дней или даже недель. Осуществить предложенный финнами план отвода воды расположенного на возвышенности Ладожского озера в Финский залив и тем самым затопить Ленинград технически довольно сложно»[162].

Оценивая положение на фронте, 9 октября В. Кёппен записал: «Фюрер дал распоряжение о запрете немецким солдатам вступать на территорию Москвы. Город будет окружен и стерт с лица земли»[163]. Соответствующий приказ был подписан 7 октября и подтвержден главным командованием сухопутных войск в «Указании о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением» от 12 октября 1941 г.[164] Группе армий «Центр» запрещалось принимать капитуляцию Москвы, и ни одному немецкому солдату не разрешалось вступать в город до тех пор, пока он не будет превращен в руины артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а гражданское население не будет обращено в бегство. В указании подчеркивалось, что «совершенно безответственно было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии». Аналогичную тактику немецким войскам предписывалось применять ко всем советским городам, при этом разъяснялось, что «чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их». В записи от 17 октября В. Кёппен отметил также, что А. Гитлер дал понять генералам — после победы он намерен сохранить лишь немногие русские города[165].

В начале января 1942 г. А. Гитлер сделал очередное заявление по поводу политики в области образования на оккупированных советских землях: «Прежде всего мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории. Иначе мы потеряем и детей, и родителей. Мы потеряем весь народ, так как вбитые в его головы знания впрок не пойдут. Самое лучшее было бы, если бы люди освоили там язык жестов. По радио для общины передавали бы то, что ей полезно: музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует. Не допускать никаких печатных изданий. Кто-нибудь видел, чтобы европейская культура дала там достойные плоды? Возник духовный анархизм! Эти люди будут считать себя самыми счастливыми, если их по возможности оставят в покое. Иначе мы вырастим там наших злейших врагов!»[166]. Записи, сделанные Г. Геймом, Г. Пикером и В. Кёппеном, лишь отчасти раскрывают замысел нацистов относительно будущего славян на Востоке после победы Германии — довести их до первобытного состояния. В этих записях отсутствует главное — намерение физически уничтожить славянское население Центральной и Восточной Европы.

К концу декабря 1941 г. значительная часть СССР оказалась оккупированной. На территориях, прилегавших к линии фронта, власть принадлежала немецкой военной администрации. Во главе ее стоял генеральный квартирмейстер главного командования сухопутных войск Э. Вагнер. Начальниками военной администрации при группах армий «Север», «Центр» и «Юг» в их тыловых районах являлись командующие — генералы сухопутных войск, а при армиях — коменданты тыловых районов. Они опирались на многочисленные гарнизоны, полевые, поселковые и городские комендатуры. В их распоряжении находились охранные

дивизии, караульные и полицейские батальоны, части полевой жандармерии. Помощь в «обеспечении безопасности пространства» в оперативном тылу командующим оказывали начальники СС и полиции, в распоряжении которых имелись три бригады СС и ряд самостоятельных полицейских подразделений[167].

По мере продвижения на Восток за тыловыми районами групп армий устанавливалось управление немецкой гражданской администрации. Общее руководство ею осуществлялось созданным в Берлине 17 июля 1941 г. на основании указа А. Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» имперским министерством по делам оккупированных восточных областей (восточное министерство). Возглавил его рейхслейтер А. Розенберг. В состав министерства вошли гауляйтер земли Вестфален-Норд и наместник земли Шаумбург-Липпе А. Мейер (заместитель А. Розенберга). Главный отдел «Политика» возглавил Г. Лейббранд, прежде отвечавший за антикоммунистическую пропаганду во внешнеполитическом управлении НСДАП. Его заместителем стал профессиональный дипломат О. Бройтигам, одновременно обеспечивавший связь восточного министерства с командованием вермахта. В главном отделе «Хозяйство» промышленным сектором руководил Г. Шлоттерер, сельскохозяйственным — Г.-И. Рике. Годом ранее Г. Шлоттерер работал в министерстве экономики, занимаясь хозяйственными проблемами установления «нового порядка в Европе». Будучи прикомандированным к восточному министерству, он оставался начальником восточного отдела своего прежнего министерства и руководителем группы промыслового хозяйства в экономическом штабе «Восток», членом административного совета общества «Берген унд Хюттен Ост». На новой для себя должности в восточном министерстве Г.-И. Рике одновременно оставался начальником отдела министерства продовольствия и сельского хозяйства и начальником главной группы продовольствия экономического штаба «Восток».

Региональными гражданскими сферами власти оккупантов являлись рейхскомиссариаты. План их создания был подготовлен А. Розенбергом в сотрудничестве с МИД Германии еще в начале мая 1941 г. Рейхскомиссариат «Остланд» во главе с гауляйтером Шлезвиг-Гольштейна Г. Лозе включал Прибалтийские республики и часть Белоруссии. В рейхскомиссариат «Украина», управлявшийся гауляйтером Восточной Пруссии Э. Кохом, была включена большая часть Украинской ССР. Рейхскомиссариату «Остланд» подчинялись областные генеральные комиссариаты Эстонии, Латвии, Литвы и части белорусской территории, которая, дабы завуалировать историческую связь русского и белорусского народов, была переименована в «Белую Рутению» (Weissruthenien). В составе рейхскомиссариата «Украина» были созданы генеральные комиссариаты (в Волыне-Подолии, Николаеве, Житомире, Киеве и Днепропетровске). Генеральные комиссариаты включали в себя комиссариаты окружные и городские с районными и местными органами управления.

На рейхскомиссаров возлагалось руководство «всеми сферами гражданского управления их областями». Командующим оккупационными войсками генералам В. Бремеру («Остланд») и К. Критцингеру («Украина») было дано указание оказывать поддержку рейхскомиссарам в политической и управленческой работе и обеспечивать внутреннюю военную безопасность. К рейхскомиссарам были прикомандированы руководители СС и полиции — обергруппенфюреры СС Ф. Йеккельн («Остланд») и Г. Прютцманн («Украина»). При окружных генеральных комиссарах действовали руководители СС и полиции. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер обладал правом через этих руководителей «отдавать директивы» рейхскомиссарам по вопросам, относящимся к обеспечению политической безопасности. Для решения хозяйственных вопросов рейхскомиссарам придавались учреждения экономического штаба «Восток», которыми руководили люди, обладающие опытом работы на частных предприятиях.

Ввиду нарастающего сопротивления Красной армии создание рейхскомиссариатов растянулось до конца 1941 г. В ходе этого разрушалась территориальная целостность и перекраивались границы оккупированных советских республик. 1 августа белорусский округ Белосток и г. Брест были включены в состав Восточной Пруссии, а Западная Украина (Галиция) — в состав «Генерал-губернаторства Германской империи», образованного 29 октября 1939 г. в восточной части захваченной польской территории. Одновременно было объявлено

о включении в рейхскомиссариат «Остланд» Литовской ССР. 30 августа украинские земли между Днестром и Бугом и Молдавию, названные Транснистрией, Германия передала союзной ей Румынии. 1 сентября в рейхскомиссариат «Остланд» были включены также Минск с прилегающей к нему областью и Латвийская ССР, а в рейхскомиссариат «Украина» — территория между Пинском, Брестом, Каменец-Подольским и Могилёвом. 20 октября в составе того же рейхскомиссариата оказались районы Винницы, Первомайска, Черкасс, Киева и Житомира, 15 ноября — Николаева, Херсона, Никополя и Днепропетровска. 5 декабря «Остланд» пополнился Эстонией с сохранением в ней немецкой военной администрации[168]. Созданию запланированного перед нападением на СССР рейхскомиссариата «Москва», территория которого должна была простираться от западных границ России далеко за Урал, а также рейхскомиссариата «Кавказ» препятствовала Красная армия.

Пытаясь разобщить население оккупированных территорий в областях, где советская власть была образована лишь в 1939–1940 гг. (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика), фашисты установили тесные контакты с националистами. Чтобы стимулировать их, было решено допустить «местное самоуправление». Однако в восстановлении собственной государственности народам Прибалтики и Белоруссии было отказано. Когда вслед за вступлением немецких войск в Литву националисты без их санкции создали правительство во главе с полковником К. Скирпой, германское руководство отказалось его признать, заявив, что вопрос об образовании правительства в Вильно будет решаться только после победы в войне[169]. Берлин не допускал мысли о восстановлении государственности в Прибалтийских республиках и Белоруссии, решительно отвергая просьбы «расово неполноценных» коллаборационистов создать собственные вооруженные силы и прочие атрибуты власти. Вместе с тем руководство вермахта охотно использовало их для формирования добровольческих иностранных частей, которые под командованием немецких офицеров участвовали в боевых действиях против партизан и на фронте. Они же служили в качестве бургомистров, деревенских старост, во вспомогательных подразделениях полиции и прочее.

В рейхскомиссариате «Украина», от которого была отторгнута значительная часть территории, включенная в состав Транснистрии и Генерал-губернаторства в Польше, пресекались любые попытки националистов не только возродить государственность, но и создать «украинское самоуправление в политически целесообразной форме»[170].

Вопреки надеждам нацистов благоприятных условий для развития коллаборационизма на оккупированных западных территориях РСФСР не возникло и единой гражданской администрации, существовавшей на Украине, создано не было. Занятые вермахтом русские области были поделены на округа, во главе которых стояли обер-бургомистры. Округ объединял семь-восемь районов. В каждом имелась районная управа, район делился на шесть-семь волостей, возглавляемых волостными старшинами[171].

При подготовке нападения на СССР нацистская верхушка чуть ли не первостепенное значение придавала разработке планов использования советского экономического потенциала в интересах обеспечения программы завоевания германского мирового господства. На совещании с командованием вермахта 9 января 1941 г. А. Гитлер говорил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимые богатства огромных русских территорий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов»[172].

В марте 1941 г. для эксплуатации оккупированной территории СССР в Берлине была создана военизированная государственно-монополистическая организация — штаб экономического руководства «Восток». Его возглавили два старых соратника А. Гитлера: заместитель Г. Геринга, председатель наблюдательного совета концерна «Герман Геринг», статс-секретарь П. Кёрнер и начальник управления военной промышленности и вооружения объединенного командования вермахта генерал-лейтенант Г. Томас. В их подчинении находился экономический штаб «Восток» во главе с генерал-лейтенантом В. Шубертом, сфера деятельности которого распространялась на всю экономику оккупированных восточных земель. Кроме «руководящей группы», которая занималась также рабочей силой, в состав штаба входили группы промышленности, сельского хозяйства, организации работы предприятий и лес-

ного хозяйства. С самого начала в нем доминировали представители немецких концернов: Мансфельда, Круппа, Цейса, Флика, «И. Г. Фарбен». На 15 октября 1941 г. без учета экономических команд в Прибалтике и соответствующих специалистов в армии штаб насчитывал около 10 тыс., а концу года — 11 тыс. человек[173].

Планы германского руководства по эксплуатации советской промышленности были изложены в «Директивах по руководству во вновь оккупированных областях», получивших по цвету переплета название «Зеленая папка» Г. Геринга. Директивами предусматривалось организовать на территории СССР добычу и вывоз в Германию тех видов сырья, которые были важны для функционирования германской военной экономики, и восстановить ряд заводов в целях ремонта техники вермахта и производства отдельных видов вооружения. Большинство советских предприятий, выпускающих мирную продукцию, планировалось уничтожить. Особый интерес Г. Геринг и представители военно-промышленных концернов проявляли к захвату советских нефтеносных районов. В марте 1941 г. было основано нефтяное общество под названием «Континенталь А. Г.», председателями правления которого стали Э. Фишер от концерна «И. Г. Фарбен» и К. Блессинг, бывший директор Имперского банка[174].

В общих указаниях организации «Восток» от 23 мая 1941 г. по экономической политике в области сельского хозяйства говорилось, что целью военной кампании против СССР является «снабжение немецких вооруженных сил, а также обеспечение на долгие годы продовольствием немецкого гражданского населения». Реализовать эту цель планировалось за счет «уменьшения собственного потребления России» посредством перекрытия каких-либо поставок излишков продуктов из черноземных южных областей в северную нечерноземную зону, в том числе в такие промышленные центры, как Москва и Ленинград[175]. Те, кто готовил эти указания, прекрасно осознавали, что это приведет к голодной смерти миллионов советских граждан. На одном из совещаний штаба «Восток» говорилось: «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод»[176].

Штабу экономического руководства «Восток» подчинялись экономические инспекции, действовавшие в оперативном тылу немецких войск на восточном фронте, экономические отделы в тылу армий, включая технические батальоны специалистов горнодобывающей и нефтяной промышленности, части, занятые изъятием сырья, сельскохозяйственной продукции и орудий производства. Экономические команды были созданы в дивизиях, экономические группы — в полевых комендатурах. В частях, экспроприирующих сырье и контролирующих работу захваченных предприятий, советниками состояли специалисты немецких концернов. Уполномоченному по металлолому ротмистру В.-Г. Шу и генерал-инспектору по изъятию сырья В. Виттингу предписывалось сдавать трофеи военным концернам Флика и «И. Г. Фарбен»[177].

Сателлиты Германии за пособничество в агрессии также рассчитывали на быструю победу и богатую добычу. Правящая верхушка Румынии во главе с диктатором И. Антонеску намеревалась вернуть не только Бессарабию и Северную Буковину, которую ей пришлось уступить СССР летом 1940 г., но и получить значительную часть территории советской Украины. В Будапеште за участие в нападении на СССР мечтали заполучить бывшую Восточную Галицию, включая нефтеносные районы в Дрогобыче, а также всю Трансильванию, так как по второму Венскому арбитражу, осуществленному Германией и Италией в августе 1940 г., Румыния была вынуждена уступить Венгрии только северные районы этой спорной области. Правящие круги Финляндии надеялись при содействии Германии распространить свою власть на советские земли к северу от Невы и Свири, то есть на часть Ленинградской области, советскую Карелию и Кольский полуостров[178].

В программном выступлении на совещании эсэсовских руководителей 2 октября 1941 г. начальник главного управления имперской безопасности Р. Гейдрих заявил, что после войны Европа будет делиться на «германское великое пространство», где будет жить германское население — немцы, голландцы, фламандцы, норвежцы, датчане и шведы, и на «восточное пространство», которое станет сырьевой базой для германского государства и где «немецкий высший слой» будет использовать покоренное местное население в качестве «илотов», то

есть рабов[179]. У Г. Гиммлера на этот счет было иное мнение. Его не устраивала проводившаяся кайзеровской Германией политика германизации населения захваченных территорий. Он считал ошибочным стремление старых властей заставить покоренные народы отказаться лишь от родного языка, национальной культуры, вести немецкий образ жизни и исполнять немецкие законы. Славяне, как и евреи, и цыгане, вообще не должны проживать на территории, которую захватывает вермахт. В газете «Дас Шварце Кор» от 20 августа 1942 г. в статье «Германизировать ли?» Г. Гиммлер писал: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови»[180].

Достижению этой цели служило массовое уничтожение мирного населения и военнопленных, происходившее с самого начала вторжения немецких войск на территорию СССР. Одновременно с планом «Барбаросса» вступил в действие приказ ОКХ от 28 апреля 1941 г. «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск», подчеркивающий, что войсковые командиры совместно с командирами специальных формирований службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». В соответствии с этим приказом главную роль в массовом уничтожении коммунистов, комсомольцев, депутатов областных, городских, районных и сельских советов, советской интеллигенции и евреев на оккупированной территории играли четыре карательные части, так называемые эйнзатцгруппы, обозначенные буквами латинского алфавита «А», «В», «С», «D». Эйнзатцгруппа «А» была придана группе армий «Север» и действовала в Прибалтийских республиках (руководил ею бригаденфюрер СС В. Шталеккер). Эйнзатцгруппа «В» в Белоруссии (руководитель — начальник 5-го управления РСХА группенфюрер СС А. Небе) была придана группе армий «Центр». Эйнзатцгруппа «С» на Украине (начальник — бригаденфюрер СС О. Раш, инспектор полиции безопасности и СД в Кёнигсберге) «обслуживала» группу армий «Юг». Приданная 11-й армии эйнзатцгруппа «D» действовала в южной части Украины и в Крыму, командовал ею О. Олендорф, начальник 3-го управления РСХА (служба безопасности внутри страны) и одновременно главный управляющий делами имперской группы по торговле. Кроме того, в оперативном тылу немецких соединений, наступавших на Москву, располагалась карательная команда «Москва» во главе с бригаденфюрером СС Ф. -А. Зиксом, начальником 7-го управления РСХА (мировоззренческие исследования и их использование)[181]. Каждая эйнзатцгруппа насчитывала от 800 до 1200 единиц личного состава (СС, СД, уголовная полиция, гестапо и полиция порядка), находившихся под юрисдикцией СС. Из 990 карателей эйнзатцгруппы «А» 340 представляли войска СС, 18 — административную группу, 35 — СД, 41 — уголовную полицию, 133 — полицию порядка, 89 — вспомогательную полицию, 13 — обслуживающий персонал (женщины). Кроме них в эйнзатцгруппе состояли 51 переводчик, три телеграфиста и восемь радиосвязистов[182].

Следуя по пятам наступавших немецких войск, к середине ноября 1941 г. эйнзацгруппы армий «Север», «Центр» и «Юг» истребили в Прибалтике, Белоруссии и на Украине более 300 тыс. мирных граждан. Массовыми убийствами и грабежом они занимались до конца 1942 г. По самым осторожным оценкам, на их счету свыше миллиона жертв. Затем эйнзатцгруппы формально были ликвидированы, войдя в состав тыловых войск[183].

Документы германского военного командования, касавшиеся обращения с советскими военнопленными, имеют явно выраженную печать антикоммунистической и расистской идеологии. Еще до нападения на Советский Союз, 30 марта 1941 г., на совещании с главнокомандующими видов вооруженных сил вермахта А. Гитлер заявил, что предстоящая война с СССР будет войной мировоззрений, что в этой войне немецкие солдаты и офицеры при обращении с попавшими в плен политработниками Красной армии «должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества». «Коммунист, — говорил он, — не был нашим камрадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет об уничтожении»[184]. На упомянутом

выше совещании в Ставке 16 июля 1941 г. А. Гитлер приказал не рассматривать как солдат-фронтовиков всех советских военнопленных и беспощадно их уничтожать[185].

В одной из «Памяток об использования труда советских военнопленных», изданной штабом ОКВ 15 августа 1941 г., декларировалось, что «русские военнопленные прошли школу большевизма, их следует рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками... С беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод»[186]. В «Распоряжении ОКВ об обращении с советскими военнопленными» от 8 сентября 1941 г. и дополнявшей его «Памятке об охране советских военнопленных» все они характеризовались как «большевистские солдаты», «смертельные враги национал-социалистической Германии», всегда готовые «дать выход своей ненависти ко всему немецкому». На этом основании утверждалось, что еще до того, как попали в плен, советские солдаты «потеряли всякое право претендовать на обращение с ними как с честными солдатами». При малейших признаках неповиновения военнопленных от немецких солдат требовалось «безжалостно применять оружие», а при попытках к бегству «немедленно стрелять без предупреждения»[187].

В развитие «Приказа о комиссарах» (официальное название директивы об обращении с политическими комиссарами; был издан верховным командованием вермахта 6 июня 1941 г., за две недели до начала войны Германии против Советского Союза, и предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной армии как «носителей сопротивления») верховное командование вермахта 16 июля заключило соглашение с главным управлением имперской безопасности. По этому соглашению, подготовленному начальником РСХА Р. Гейдрихом, специальные команды полиции безопасности и СД под эгидой начальника 4-го главного управления тайной государственной полиции (гестапо) Г. Мюллера были обязаны выявлять среди доставляемых с фронта в стационарные лагеря советских военнопленных «неприемлемые» в политическом и расовом отношении элементы. «Неприемлемыми» признавались не только партийные работники всех рангов, но и «все представители интеллигенции, все фанатичные коммунисты и все евреи»[188]. Подчеркивалось, что применение оружия против советских военнопленных считается, «как правило, законным». Подобная фраза означала официальное разрешение на убийство. Лишь спустя полгода она была изъята из приказа, поскольку слишком много военнопленных оказались уничтожены без всякой причины[189]. 10 октября Р. Гейдрих издал директиву специальным командам полиции безопасности и СД, «работающим» в лагерях для военнопленных. В ней предписывалось обращать внимание на национальность пленных, не путать подлежавших уничтожению евреев с внешне похожими на них представителями тюркских народов, строго обращаться с украинцами, белорусами, азербайджанцами, выходцами из республик Северного Кавказа, грузинами «только в случае, если среди них будут обнаружены фанатики-большевики и опасные функционеры большевистской партии». Вместе с тем в директиве предписывалось более строго относиться ко всем русским, поскольку даже «примитивный, неграмотный советский русский может быть в своем политическом фанатизме более опасным, чем образованный советский инженер»[190]. Подобная «селекция» среди военнопленных осуществлялась вплоть до конца войны. В ходе нее, по подсчетам одних немецких историков, экзекуционными командами были уничтожены не менее 200 тыс. человек[191], а по подсчетам других — «минимум 140 тыс., а возможно, даже в два или три раза больше советских военнопленных»[192]. Имеющаяся документальная база не позволяет точно установить число жертв.

В соответствии с «Приказом о комиссарах» немецкие солдаты и офицеры на сборных пунктах для пленных выискивали политработников, изолировали их от товарищей и убивали. В мае 1942 г. ОКВ было вынуждено отменить этот приказ по требованию некоторых высокопоставленных фронтовиков, сообщавших, что обнародование фактов расстрела политруков привело к резкому возрастанию силы отпора со стороны Красной армии. Впредь политруков стали уничтожать не сразу после пленения, а в концлагере Маутхаузен[193].

О преступлениях в отношении советских военнопленных международная общественность узнала из ноты наркома иностранных дел СССР от 24 ноября 1941 г., адресованной правительствам стран, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. В ноте

были приведены факты многочисленных зверств, попрания Германией элементарных норм международного права и человеческой морали[194].

Стремясь извлечь максимальную выгоду из эксплуатации оккупированных территорий, нацисты повсеместно вводили принудительный труд. На промышленных предприятиях и в создаваемых сельскохозяйственных имениях местное население заставляли работать по 10–12 и более часов в сутки. За невыход на работу заключали в специальные лагеря, подозреваемых в саботаже расстреливали. Этот каторжный труд почти не оплачивался, не было создано учреждений, которые бы отвечали за обеспечение продовольствием и товарами первой необходимости. «Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, — заявлял рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, — интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует»[195].

Руководство экспроприацией культурных и научных ценностей в восточных областях возлагалось на оперативный штаб, подчиненный А. Розенбергу, чья деятельность получила полное одобрение нацистского руководства уже в ходе кампаний в Европе. Учетом и эвакуацией культурных ценностей занималась инстанция под руководством чиновника Г. Утикаля. В Германию переправлялись материалы архивов и библиотек, экспонаты музеев и галерей. Еще весной 1941 г. в некоторых немецких армиях были созданы оперативные штабы Г. Утикаля. В директиве начальнику тыла сухопутных войск от 5 апреля 1941 г. ОКВ требовало оказывать уполномоченному А. Розенберга «любое возможное содействие для осуществления скорейшего и четкого выполнения его задачи»[196]. В процессе подготовки к войне министерство иностранных дел Германии предусмотрело даже такую инстанцию, как штаб для хищения в СССР документов самого разного свойства («спецкоманда фон Кюнсберг»). Каждой из трех групп армий придавалась ее рабочая группа. Сходным образом был организован грабеж советских военных архивных материалов управлением начальника архивов сухопутных войск.

В конце апреля 1942 г., когда предпринятое после битвы под Москвой общее наступление Красной армии закончилось, в Берлине была начата работа по совершенствованию генерального плана «Ост». Подключилось к ней и восточное министерство. Референт по расовым вопросам его главного отдела «Политика» доктор Э. Ветцель подверг критике июльский вариант плана, подготовленный А. Мейером. Свои соображения он изложил в документе под названием «Замечания и предложения восточного министерства по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС». Благодаря этому документу историкам представилась наконец возможность восстановить основное содержание первоначального (июльского) варианта плана. Поддерживая идею колонизации Центральной и Восточной Европы, Э. Ветцель вместе с тем критиковал план А. Мейера за то, что в нем существенно уменьшена численность жителей захваченных Германией земель Польши, Чехии, Прибалтики и Западной Украины. В действительности их насчитывалось не 45 млн, а 60–65 млн, а количество тех, кого надлежало депортировать в Сибирь или уничтожить, составляло не 31 млн, а 46–51 млн[197]. Недостаток плана А. Мейера Э. Ветцель усматривал и в том, что не были предложены практические меры депортации русских и заселения их земель немцами. Указав, что некоторые известные немецкие антропологи склоняются к мысли, что представление обо всех русских, как о «недочеловеках», неверно, поскольку многих из них явно следует отнести к «арийской» расе, то есть к той же «расе господ», что и немцы, Э. Ветцель делал вывод, что «без полного уничтожения» или ослабления самыми разными способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»[198].

По приказу Г. Гиммлера А. Мейер продолжил работу над программой расширения германского «жизненного пространства» на Востоке (в основном за счет российской территории) и к концу мая 1942 г. подготовил меморандум «Генеральный план Ост: правовые, экономические и территориальные основы обустройства на Востоке». В этом документе,

который давно известен историкам (в ноябре — декабре 2009 г. оригинал был размещен в Интернете)[199], речь шла уже не столько о депортации местного населения с захваченных вермахтом восточных территорий, сколько о заселении их немцами и другими народами, относящимися к германской расе. После разгрома СССР намечалось «в течение кратчайшего срока» создать и заселить три имперских округа: округ Ингерманландия (Ленинградская, Псковская и Новгородская области), Готский округ (Крым и Херсонская область) и округ Мемель — Нарев (Белостокская область и Западная Литва). Для обеспечения связи Германии с Ингерманландским и Готским округами предполагалось построить две автострады, каждая протяженностью до 2 тыс. км. Одна доходила бы до Ленинграда, другая — до Крымского полуострова. Чтобы обезопасить автострады, вдоль них планировалось создать 36 военизированных немецких поселений («опорных пунктов»): в Польше — 14, на Украине — 8, в Прибалтике — 14. Всю территорию на Востоке, которая будет захвачена вермахтом, предлагалось объявить государственной собственностью, передав власть над ней эсэсовскому аппарату управления во главе с Г. Гиммлером, который лично будет решать вопросы, связанные с предоставлением немецким поселенцам прав на владение земельными участками. По подсчетам А. Мейера, на строительство автострад, размещение в трех округах 4,85 млн немцев и их обустройство потребуется 25 лет и до 66,6 млрд рейхсмарок[200].

Одобрив проект А. Мейера в принципе, Г. Гиммлер потребовал, чтобы в нем была предусмотрена «тотальная германизация Эстонии, Латвии и Генерал-губернаторства»: заселение их немцами в течение примерно 20 лет. В сентябре 1942 г., когда немецкие войска вышли к Сталинграду и предгорьям Кавказа, на совещании с командирами частей СС в Житомире Г. Гиммлер заявил, что сеть немецких опорных пунктов (военизированных поселений) будет расширена до Дона и Волги.

Второй «Генеральный план поселений» с учетом пожеланий Г. Гиммлера по доработке апрельского варианта был готов 23 декабря 1942 г.[201] Главными направлениями колонизации в нем были названы северное (Восточная Пруссия — Балтийские страны) и южное (Краков — Львов — Причерноморье). Предполагалось, что территория немецких поселений будет равняться 700 тыс. кв. км, из которых 350 тыс. — пахотные земли (вся территория рейха в 1938 г. составляла менее 600 тыс. кв. км)[202].

В период разработки генерального плана «Ост» в 1941—1942 гг. расселение немцев на территории советской Прибалтики и Украины проводилось в экспериментальном порядке. В юго-западную часть Литвы должны были возвратиться 30 тыс. немцев, репатриированных в Германию в 1939—1940 гг.[203] После разгрома войск вермахта под Сталинградом все работы, связанные с планированием послевоенного «нового порядка» в Европе, приказом А. Гитлера были прекращены.

К какой войне и как готовился Советский Союз?

Период, непосредственно предшествовавший июню 1941 г., был для СССР исключительно сложным, а порой и драматичным. Несмотря на заключение договора о ненападении с Германией, прямая угроза фашистской агрессии все ощутимее нависала над ним.

Накануне войны Советский Союз провел ряд неотложных мероприятий, усиливших экономический и оборонный потенциал. Была начата подготовка народного хозяйства к работе в условиях военного времени, осуществлена перестройка планирования и управления производством. Начался первый этап мобилизационного развертывания промышленности. Однако ограниченность и недостаточная сбалансированность обеспечения ресурсами поставили экономику и государство перед тяжелейшими испытаниями.

В преддверии войны предстояло заранее подготовиться к резкому увеличению выпуска оружия, боеприпасов, других средств вооруженной борьбы. Нужно было также не только

спланировать надежную систему новых связей между предприятиями и отраслями, которые соответствовали бы условиям войны, но и создать материальные резервы и запасы. Ведь от военно-экономической готовности в решающей степени зависел ход начального периода войны. «Зимняя война» с Финляндией обнажила недочеты, ошибки военного и хозяйственного характера, вскрыла крупные недостатки в техническом оснащении армии и организации снабжения войск. Комиссия, возглавляемая А. А. Ждановым, вынуждена была констатировать: «Материальная часть ВВС и вооружение танковых частей отстают в своем развитии; материальная часть артиллерии отстает по крупным калибрам и зенитной артиллерии; по боеприпасам потребность армии по средним системам обеспечивается недостаточно; внедрение современных образцов стрелкового вооружения... производится с опозданием и крайне медленно; не придавалось значения минно-минометному вооружению»[204].

Несмотря на то что уроки из Советско-финляндской войны не были извлечены в полной мере, в 1939–1941 гг. был принят целый ряд постановлений по ускоренному развитию производства сложных в техническом отношении видов вооружения, прежде всего авиационной и бронетанковой техники, артиллерийских систем. Так как на базе использования имевшихся мощностей нельзя было разрабатывать программы строительства новых заводов, многие гражданские предприятия переключили на выпуск военной продукции. Условия, в которых развивалась советская экономика в предвоенный период, были весьма сложны и противоречивы. Практически не закончив индустриализацию, ей пришлось все в большей мере переключать основные ресурсы на обеспечение нужд предстоящей войны, наращивание военного производства, еще не имевшего достаточно развитых и мощных тылов. В создавшихся условиях советскому народу приходилось решать весьма непростую задачу: с одной стороны, подтягивать развитие базовых производств, восполнять недостающие материальные и технические ресурсы, а с другой — упорно преодолевать обозначившееся отставание в качестве и комплектности вооружения, расширять и совершенствовать оборонное производство.

В предвоенный период был осуществлен крупный народно-хозяйственный маневр, позволивший нарастить мощности оборонной индустрии, расширить производство и поставки вооружения и боеприпасов. И хотя производственная база страны по масштабам того времени была еще недостаточной, перераспределение и концентрация сил и ресурсов позволили создать материальный фундамент обороны. Значительная часть построенных гражданских предприятий заранее предназначалась для выпуска в условиях войны комплектующих изделий, полуфабрикатов, готовой продукции военного назначения. В последние предвоенные годы была проведена предмобилизационная подготовка экономики и начата ее частичная мобилизация. По мере нарастания военной опасности мобилизационная работа проводилась все более интенсивно. К концу 1940 г. на заводах оборонных наркоматов и гражданских предприятиях, переведенных на выпуск военной продукции, уже действовало свыше 64% станочного парка страны[205]. Осуществление мобилизационных мероприятий, проведенных в исключительно сложных условиях, явилось результатом огромного напряжения сил, выпавшего на долю советского народа, его подлинного трудового героизма.

Сравнивая военно-экономические возможности СССР и фашистской Германии накануне Великой Отечественной войны, нетрудно заметить, что, несмотря на огромные преобразования народного хозяйства, экономический потенциал Советского Союза значительно уступал экономическому потенциалу будущего противника. Для Германии слабым местом была нефть, но и это в какой-то степени компенсировалось созданными запасами и производством синтетического горючего, а также импортом румынской нефти.

Обострявшаяся международная обстановка требовала дополнительных мер по расширению военно-промышленной базы, дальнейшему наращиванию мощностей оборонных отраслей как основы материально-технического переоснащения войск, повышения их огневой мощи и мобильности. В качестве одной из основных задач плана 1941 г. предусматривалось обеспечение форсированного роста производства принятых на вооружение новых самолетов и авиамоторов, крупных калибров боеприпасов, тяжелой и зенитной артиллерии, автоматического стрелкового оружия, новых типов танков и боевых кораблей.

Форсированное развитие в СССР оборонной промышленности позволило резко увеличить выпуск военной продукции. Если прирост производства всей промышленности за три года третьей пятилетки составил 13,2%, то в оборонной — 39% в год, а выпуск производимой ею продукции возрос за это время в 2,7 раза. К лету 1941 г. производственные мощности советской авиационной и танковой промышленности превысили мощности соответствующих отраслей германской промышленности. Конечно, этого можно было достигнуть только за счет «затягивания поясов», то есть за счет экономии на обеспечении жизненного уровня населения, который и без того был крайне низок.

Оценивая военно-экономические потенциалы Советского Союза и Германии с позиций качественных показателей, следует отметить, что ликвидировать разрыв в уровне развития науки и техники так и не удалось. Накануне войны значительная часть военной техники, находившейся на вооружении Красной армии, по своим тактико-техническим характеристикам уступала немецкой. Усиленное внимание не только к количественной, но и к качественной стороне военного производства хоть и медленно, но давало положительные результаты. Создавались специальные научно-исследовательские центры и учреждения, которые входили в структуру вооруженных сил, оборонных ведомств и их промышленных предприятий. В 1936 г. на самолетостроительных заводах были развернуты новые опытно-конструкторские бюро (ОКБ). Такие же специализированные КБ действовали на танковых и артиллерийских заводах. Перед ними была поставлена задача разработки всевозможных современных видов военной техники, оружия и боеприпасов. В Академии наук существовал отдел спецработ. В системе исправительно-трудовых лагерей НКВД была развернута сеть особых конструкторских бюро, так называемых «шарашек», в которых работали многие известные ученые. Так, в 1937 г. было ликвидировано КБ А. Н. Туполева, а сам он осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Тем не менее уже в феврале 1939 г. под его руководством сформировалось Особое техническое бюро при НКВД СССР. В спецтюрьме ЦКБ-29 НКВД он спроектировал бомбардировщик, получивший в дальнейшем название Ту-2[206]. Впоследствии А. Н. Туполев был освобожден и удостоен Сталинской премии.

В предвоенные годы в СССР были созданы танки нового поколения, в частности средний танк Т-34, являвшийся во время Второй мировой войны лучшим в мире, и принципиально новый тяжелый танк КВ. Оба они были вооружены 76-мм пушкой и оснащены новым дизельным двигателем. С 1939 г. до начала войны в СССР были сконструированы и запущены в серийное производство новые образцы боевых самолетов: истребители ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1, бомбардировщики Пе-2, Пе-8, Ил-4, штурмовик Ил-2. За 1940 г. и первое полугодие 1941 г. авиационная промышленность произвела: штурмовиков Ил-2 — 249, истребителей ЛаГГ-3 — 322, Як-1 — 399, МиГ-1 — 111, МиГ-3 — 1289, пикирующих бомбардировщиков Пе-2 — 459 (всего 2829 самолетов новых конструкций)[207]. К июню 1941 г. производство самолетов «всех типов достигло 50 единиц в сутки»[208]. В 1940 г. танковая промышленность произвела 246 танков КВ и 115 танков Т-34, а в первой половине 1941 г. уже соответственно 393 и 1110[209]. За полтора предвоенных года было также выпущено более 900 легких танков новых образцов — БТ-7М, Т-40 и Т-50. Увеличивался и артиллерийский парк вооруженных сил. Так, с мая 1940 г. и до начала Великой Отечественной войны он возрос более чем в 1,5 раза[210].

Оценивая трудности и проблемы, с которыми столкнулся СССР в процессе подготовки к обороне, следует отметить, что многие из них имели как объективные, так и субъективные стороны. Объективная сторона, которая диктовала порядок подготовки экономики страны к войне, во многом упиралась в реальный уровень экономических возможностей Советского Союза в конкретных исторических условиях. Трудности усугублялись нехваткой мощностей, наличием узких мест, решение которых требовало немалых затрат, поиска рациональных технических и организационных решений, перераспределения средств и ресурсов. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в канун войны произошло снижение темпов роста выплавки стали, добычи нефти, производства электроэнергии, металлорежущих станков. По выпуску этих видов продукции абсолютный прирост за 1938–1940 гг. был ниже, чем за 1935–1937 гг.[211] Это случилось прежде всего потому, что угроза надвигавшейся войны вынудила значительную

часть рабочей силы, материальных и финансовых ресурсов, предназначенных для развития базовых отраслей народного хозяйства, направить на расширение собственно военного производства.

В предвоенные годы советское правительство максимально использовало военно-техническое сотрудничество с Германией. В 1932 г. треть машиностроительной продукции Германии шла в СССР. На кредиты, которые СССР брал у Германии, закупались немецкие машины и станки для заводов. Расплачивались за кредиты сырьем. Последний кредит в 200 млн марок Советский Союз взял перед подписанием советско-германского пакта в 1939 г. Одним из условий подписания такого пакта являлась выдача кредита[212]. В немецком капитальном труде «Германский рейх и Вторая мировая война» так характеризуются советско-германские отношения перед войной: «В торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал свои собственные экономические и оборонные интересы. Часто высказываемое исследователями мнение о «существенной поддержке» германской военной экономики советскими поставками сырья не учитывает того объема и ассортимента, которые СССР требовал и получал от Германии. Например, в конце 1940 г. СССР согласился увеличить поставки зерна в Германию на 10%, но за это Германия должна была увеличить поставки в СССР алюминия и кобальта, которых крайне не доставало ей самой. А в ответ на просьбы Германии о дополнительных поставках сырья СССР выдвигал новые требования о поставках станков и грузовых машин, а также вооружений»[213].

Недавно опубликованные документы из Архива Президента Российской Федерации свидетельствуют, что в период действия советско-германского хозяйственного соглашения от 11 февраля 1940 г. советское руководство до 11 февраля 1941 г. добивалось поставки ему самой современной военной техники и промышленного оборудования из Германии в обмен на поставки зернобобовых культур, нефтепродуктов, руды и различных видов сырья. По этому хозяйственному соглашению Германия обязалась выполнить советские заказы на 15 видов вооружения на сумму 94 584 тыс. германских марок, на 33 вида промышленного оборудования на сумму 41 985 тыс. марок, на 11 наименований различных металлов и металлоизделий, а также поставлять СССР большое количество каменного угля. Согласно договору общая сумма этих поставок составляла 253 726,6 тыс. германских марок. Для того чтобы обеспечить выполнение важных для него заказов, СССР обязался поставить Германии продовольствие и сырье на сумму 353 млн марок. Таким образом, общая сумма взаимных поставок должна была составить почти 600 млн германских марок[214].

Во время действия хозяйственного соглашения от 11 февраля 1940 г. советским специалистам был открыт доступ на германские военные предприятия, и они могли составить представление о выпускаемой ими готовой продукции. В счет кредита или за наличные были куплены некоторые образцы вооружения и военной техники, стоявшие тогда на оснащении германского вермахта, в том числе образцы всех основных типов самолетов: бомбардировщиков «Юнкерс-88», «Хейнкель-100», «Дорнье-215», истребителей «Мессершмит-109», «Мессершмит-110» и других. Образцы немецких самолетов были изучены и испытаны в СССР. Это, конечно, расширило представление советских авиаконструкторов о вероятном противнике и способствовало принятию ими во внимание задачи по созданию таких самолетов, которые по своим летным характеристикам и вооружению не уступали бы, а превосходили немецкие.

Советское руководство требовало от германского руководства неукоснительного выполнения заказов в установленные сроки и принимало меры против их нарушения. Так, за шесть недель до начала наступления вермахта на западном фронте СССР в ответ на задержку с выполнением заказов отказался поставлять Германии зерно и нефтепродукты и возобновил их только после начала крушения Франции[215]. Однако и после этого советское руководство продолжало требовать от Германии ликвидировать задолженность, которая в начале августа 1940 г. составила 73,3 млн марок[216]. 10 января 1941 г. был подписан новый советско-германский торговый договор, по которому Германия обязалась к маю 1941 г. ликвидировать задолженность по советским заказам 1940 г., а затем новыми поставками техники компенсировать

текущие поставки продовольствия и сырья из СССР[217]. В действительности же А. Гитлер и его генералы не собирались возмещать растущие задолженности по поставкам СССР, а приступить в мае 1941 г. к его уничтожению.

С появлением новых очагов мировой войны и нарастанием военной угрозы проблема подготовки экономики СССР к отражению возможного нападения становилась все более актуальной. В стране полным ходом шла подготовка к тому, чтобы в случае необходимости быстро и организованно перевести народное хозяйство на военные рельсы. Создавались резервы производственных мощностей, запасы стратегического сырья, материалов, топлива и продовольствия. Материальные резервы предназначались для обеспечения резкого расширения военного производства, а мобилизационные запасы создавались в целях обеспечения действующей армии в начале войны, когда экономика будет занята переходом на военные рельсы.

Тем не менее за предвоенные годы удалось добиться результатов огромной важности в борьбе за создание материальных основ военной мощи страны. Именно в предвоенные годы закладывались основы для экономической победы над агрессором. Избранный курс на оптимальное сочетание борьбы за рост военно-экономического потенциала с борьбой за обеспечение непосредственной экономической готовности к войне оказался правильным. «На протяжении многих лет, — отмечал впоследствии маршал Г. К. Жуков, — в экономическом и социальном отношениях делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 г. до середины 1941 г., то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств»[218]. Достигнутый количественный и качественный уровень военно-экономического потенциала стал той основой, на которой оказалось возможным даже в тяжелейших условиях войны, при огромных потерях организовать производство тех материальных средств, которые, в конце концов, обеспечили победу как в экономическом, так и в военном противоборстве с нацистской Германией и ее союзниками по блоку. Этот потенциал в целом отвечал требованиям длительной и упорной войны, которой суждено было обрушиться на советский народ. Провозглашенный руководством СССР тезис о неизбежности вооруженного столкновения с коалицией капиталистических государств определил ту высокую степень внимания, которое оно уделяло военному строительству. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, развитие науки и культуры, воспитание граждан — все это осуществлялось под лозунгом укрепления обороноспособности страны, подготовки к защите социалистического Отечества. Количественные, а во многом и качественные показатели проделанной работы, особенно в области производства военной техники, были гигантскими. То, что было сделано, явилось неоценимым вкладом в укрепление военно-промышленного потенциала Советского Союза. То, чего, к сожалению, осуществить в преддверии войны не удалось, пришлось переложить на плечи героических тружеников тыла, сумевших выковать в ходе войны оружие победы.

К началу Второй мировой войны Вооруженные силы Советского Союза по количеству личного состава и основных видов вооружения не уступали армиям ведущих государств Европы и Азии. Однако война с Финляндией показала, что они во многом не соответствовали требованиям времени. Создавшееся положение обсуждалось на мартовском 1940 г. пленуме ЦК ВКП(б), а затем на совещании высшего командного состава в апреле того же года. Принятые на них решения знаменовали коренной поворот в военном строительстве. Были предприняты попытки реорганизовать органы управления почти всех видов вооруженных сил и родов войск, перестроить обучение и воспитание войск, разрабатывались новые планы мобилизации и развертывания вооруженных сил на случай войны, а также ведения ими стратегических операций. Велись интенсивные работы по подготовке Западного театра военных действий. Одновременно налаживались производство новой военной техники, перевооружение и реорганизация армии и флота. Однако времени для осуществления столь существенных преобразований оставалось слишком мало.

К лету 1941 г. Вооруженные силы Советского Союза насчитывали 5,7 млн человек и включали Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА), Рабоче-крестьянский Военно-морской

флот (РК ВМФ), Пограничные (ПВ) и Внутренние войска (ВВ). Красная армия являлась основной вооруженной силой, предназначавшейся для защиты СССР на сухопутных театрах войны. Применительно к современной терминологии она включала три вида вооруженных сил: Сухопутные войска (303 дивизии), Военно-воздушные силы (ВВС), Войска противовоздушной обороны (ПВО) страны. На нее приходилось 88% (5 млн человек) всех вооруженных сил. Военно-морской флот (277 кораблей основных классов: три линкора, семь крейсеров, 56 эсминцев и лидеров, 211 подводных лодок, 2,7 тыс. самолетов) насчитывал 343 тыс. человек. В пограничных и внутренних войсках (14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельный полк) числились 337 тыс. человек.

Сухопутные войска состояли из стрелковых, танковых войск, кавалерии, артиллерии, воздушно-десантных войск, войск связи, инженерных, химических и других. По своим возможностям советский корпус по числу дивизий и людей уступал немецкому, но был сильнее по огневой мощи артиллерии. По составу и вооружению стрелковая дивизия Красной армии штата военного времени не уступала пехотной дивизии вермахта. Но такими советские дивизии должны были стать лишь после отмобилизования, а до самого начала войны они содержались по штатам мирного времени, и организация их была различной. В приграничных военных округах их штатная численность достигала 12 тыс. человек (71,1% от штатной численности военного времени), во внутренних — обычно не превышала 6 тыс. человек. Дивизии приграничных округов имели все части и подразделения, необходимые для боя. Ряд частей и подразделений дивизий внутренних округов располагал лишь минимальным количеством командного состава, предназначенного для руководства их развертыванием при мобилизации. Двенадцатитысячные стрелковые дивизии имели менее половины штатного числа автомобилей и тракторов. Планировалось, что войска получат их из народного хозяйства с объявлением мобилизации. Из-за недостатка артиллерии значительная часть корпусов и дивизий имела по одному артиллерийскому полку вместо двух, положенных по штату. Необходимо отметить, что дивизии вермахта, развернутые на границе с СССР, были укомплектованы личным составом, вооружением, транспортом по штатам военного времени.

Пехота стрелковых и танковых войск была оснащена современным для того времени стрелковым оружием: ручным пулеметом ДП-27, одним из лучших в мире, станковым пулеметом ДС-39, пистолетом-пулеметом (автоматом) ППД конструкции В. А. Дегтярёва, самозарядной винтовкой Ф. В. Токарева (СВТ). Однако внедрение новых образцов стрелкового оружия, особенно автоматического, осуществлялось крайне медленно[219]. Только на опыте войны с Финляндией советское военное руководство убедилось в высокой эффективности пистолетов-пулеметов. В частях Красной армии к началу войны имелось свыше 89,5 тыс. автоматов[220]. С учетом того, что советская стрелковая дивизия должна была иметь 1204 автомата, это количество пистолетов-пулеметов было недостаточным для укомплектования всех соединений (в германской пехотной дивизии имелось 486 автоматов). В первую очередь автоматами снабжали войска западных приграничных округов. К началу войны их насчитывалось 63,9 тыс. единиц. Каждая приграничная дивизия имела в среднем 400 пистолетов-пулеметов, в их распределении наблюдалась значительная диспропорция. Так, в Западном особом военном округе на 44 дивизии сухопутных войск приходилось 24,2 тыс. автоматов (в среднем по 550 на дивизию), а в Киевском на 58 дивизий — 15,5 тыс. автоматов (по 267 на дивизию). Основными же видами стрелкового оружия Красной армии накануне войны по-прежнему оставались винтовка С. И. Мосина и станковый пулемет системы Х. Максима.

Танковые войска (перед войной их называли автобронетанковыми) являлись главной ударной силой сухопутных войск. В соответствии с теорией глубокого боя и глубокой операции они по своему предназначению подразделялись на две крупные группы. Одну из них предполагалось использовать для поддержки пехоты и конницы. Другую группу составляли танковые корпуса, входившие в состав фронтовой или армейской подвижной группы, в задачу которых входило развитие тактического успеха в оперативный. Однако 21 ноября 1939 г. на заседании Главного военного совета было принято решение о ликвидации корпусов и переходе к бригадной системе[221]. К марту следующего года в составе автобронетанковых

войск имелось 39 танковых бригад, 22 моторизованные дивизии и три мотобронебригады РГК, 31 танковый полк, 100 танковых батальонов стрелковых и кавалерийских соединений. В них насчитывалось 20 тыс. танков всех типов[222]. Опыт Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. показал, что организационная структура танковых войск не позволяет применять их массированно, а действия танковых бригад не подкреплены достаточным количеством моторизованных частей[223]. В то же время война на Западе продемонстрировала один непреложный факт: в современных операциях крупные танковые формирования играют важнейшую роль. Вот почему в мае 1940 г. было принято решение о создании танковых корпусов, которые с лета стали называться механизированными. В 1940 г. предполагалось сформировать девять корпусов и сохранить в прежнем виде 25 танковых бригад. Однако в феврале 1941 г. началось формирование 20 новых корпусов, для укомплектования которых были использованы все танковые бригады Красной армии и отдельные танковые батальоны стрелковых дивизий, и в результате предназначенных для поддержки пехоты танковых соединений и частей не осталось.

Было установлено, что общая потребность Красной армии в танках с учетом танковых частей кавалерийских дивизий и воздушно-десантных корпусов составляет 37 895 единиц. К началу войны их имелось почти 19 тыс., то есть не хватало свыше 19 тыс.[224] Хотя танковая промышленность работала с большим напряжением, заказы Наркомата обороны систематически не выполнялись. В результате вооруженные силы недополучили в 1938 г. — 104 танка, в 1939 г. — 292 танка, в 1940 г. — 773 танка[225]. Без перевода всей промышленности страны на военные рельсы обеспечить создание такого количества новых формирований в ближайшие два-три года было невозможно. К началу войны не удалось завершить формирование механизированных корпусов. Даже в западных приграничных военных округах только половина соединений имела более 50% положенных по штату танков. Низкая укомплектованность танками, необеспеченность средствами тяги, ремонта, заправки и транспортом делали механизированные корпуса малоподвижными и небоеспособными. Формирование большого количества танковых и моторизованных соединений без учета материальных возможностей привело к нарушению слаженности имевшихся танковых бригад и батальонов, которые, по сути, растворились в огромной массе новых дивизий и полков. В свою очередь, снизилась боеспособность стрелковых и кавалерийских дивизий, из которых было изъято большое количество самых подготовленных солдат, сержантов и офицеров. Стрелковые дивизии лишились штатных танковых батальонов.

Сравнение тактико-технических характеристик советских и немецких танков свидетельствует, что танки Т-34 и КВ значительно превосходили немецкие по основным показателям (калибру орудий, количеству пулеметов, запасу хода, мощности двигателя и броневой защите). Они имели менее пожароопасный дизельный двигатель, в то время как большинство немецких танков — бензиновый. Броня КВ была неуязвимой для всех немецких танков. В то же время орудия КВ и Т-34 пробивали броню немецких танков. Не уступали по основным конструктивным параметрам однотипным танкам вермахта и советские машины Т-26 и БТ. Более 6,5 тыс. БТ-5 и БТ-7 было оснащено дизельными моторами. 45-мм орудия советских легких танков на дальности 500 метров пробивали лобовую броню всех германских танков, кроме T-IV. В то же время орудия всех немецких машин на такой дальности пробивали броню советских легких танков.

По данным Главного автобронетанкового управления Красной армии на 1 июня 1941 г., из общего числа танков 3,6 тыс. приходилось на пулеметные Т-37, Т-38, Т-40. Большинство боевых машин находилось в войсках, а 686 хранилось на центральных складах[226]. Около 91,3% танкового парка составляли легкие машины. Сильно изношенные, они требовали ремонта, замены деталей и агрегатов, запас которых был скудным. Разнотипность советских танков (более десятка образцов) создавала дополнительные трудности в поддержании боеспособности частей и соединений.

В отличие от вермахта, который имел оперативные объединения типа танковой группы, в Красной армии аналогичные формирования предполагалось создавать только по мере

необходимости в ходе боевых действий. Так как органы управления ими заблаговременно не предусматривались, вряд ли можно было рассчитывать на четкое руководство действиями подобных объединений.

Некоторые исследователи в своих работах утверждают, что кадры для танковых войск вермахта в 1930-х гг. готовились в Советском Союзе, и в пример приводят Казанское танковое училище. Действительно, в Казани была создана танковая школа, где проходили подготовку немецкие и советские танкисты. Школа была создана на немецкие деньги, преподаватели были также немецкими, расходы на обучение несла Германия. Школа подготовила для рейхсвера всего 30 танкистов и 65 человек начсостава для танковых войск РККА. После прихода А. Гитлера к власти школа была закрыта, а оборудование осталось Красной армии[227].

Артиллерия, которая являлась главной огневой силой сухопутных войск, организационно состояла из войсковой артиллерии и артиллерии резерва Главного командования. Части и подразделения войсковой артиллерии были во всех структурах сухопутных войск — от корпуса до роты. Артиллерия РГК предназначалась для усиления армий и корпусов. Советская артиллерия была оснащена вполне современными артиллерийскими системами, значительная их часть не уступала основным системам вермахта. Она имела 76-мм полковые, дивизионные и горные пушки для оснащения полковых батарей и дивизионных артиллерийских полков. 122-мм и 152-мм гаубицами вооружались дивизионные и корпусные полки, а также полки РГК. Для оснащения корпусных артиллерийских полков и полков РГК производились также 107-мм и 122-мм пушки. Пушки 152-мм калибра, а также 210-мм пушка, 280-мм мортира, 203-мм и 305-мм гаубицы находились на вооружении артиллерии РГК. Минометами калибра 50 мм вооружались стрелковые роты, калибра 82 мм — батальоны, калибра 120 мм — полки. Были разработаны системы полевой реактивной артиллерии. Однако внедрение наземных систем для применения реактивных снарядов осуществлялось медленно. В то время как в СССР было создано только семь боевых машин, Германия уже располагала четырьмя химическими полками, оснащенными 180-мм шестиствольными реактивными минометами, имевшими наряду с химическими снарядами еще и осколочные. Как и в танковых войсках, в артиллерии недоставало транспортных и ремонтных средств. Даже в приграничных военных округах половина артиллерийских частей РГК, корпусной и дивизионной артиллерии не имела мастерских по ремонту автомобилей, совершенно отсутствовали тракторные ремонтные мастерские.

Большая роль отводилась кавалерии. В течение длительного времени она не только сохранялась, но и увеличивалась в численности. Считалось, что конница может успешно действовать совместно с танковыми соединениями в составе армейских и фронтовых подвижных групп. В то время как в армиях Германии, Англии, Италии и Франции вместе взятых к началу Второй мировой войны насчитывалось всего пять кавалерийских дивизий и шесть бригад, в СССР было 26 дивизий и три бригады. В связи с формированием механизированных корпусов число кавалерийских дивизий к началу войны сократилось до 13[228].

Советский Союз является пионером в создании воздушно-десантных войск. В соответствии с теорией глубокой наступательной операции воздушно-десантные части и соединения должны были в интересах фронта, армии, корпуса или дивизии высаживаться в тыл противника, обеспечивая таким образом воздействие на его оборону во всей ее глубине. Всего к лету 1940 г. в Красной армии имелось шесть воздушно-десантных бригад. В конце апреля 1941 г. началось формирование пяти воздушно-десантных корпусов. На их укомплектование было обращено несколько стрелковых дивизий. Однако время, отпущенное на организационное развертывание, не позволило подготовить эти войска для выполнения специфических боевых задач, а как стрелковые соединения они были ослаблены из-за малого количества артиллерии и другого тяжелого вооружения.

Таким образом, начало Великой Отечественной войны застало сухопутные войска в стадии широкомасштабных преобразований, направленных на резкое усиление их наступательного потенциала, в первую очередь за счет создания большого количества механизированных и воздушно-десантных корпусов. Однако в процессе реорганизации была разрушена

сложившаяся структура и организация соединений и частей, а создать новые боеспособные так и не удалось. Наиболее низкой оказалась степень боеспособности воздушно-десантных и танковых войск. Особенно отрицательно на боеспособности советских сухопутных войск сказывались низкая укомплектованность транспортом, средствами противотанковой и противовоздушной обороны, обеспеченность радиосредствами.

Вооруженные конфликты кануна Великой Отечественной войны и начавшаяся Вторая мировая война выявили отставание авиационной техники от основных типов боевых самолетов Германии. В связи с этим в СССР началась интенсивная работа по реорганизации, техническому переоснащению Военно-воздушных сил и развитию авиационной промышленности. Планировалось существенно увеличить численность самолетного парка, оснастить его новыми, современными боевыми машинами, перестроить организационную структуру ВВС, усовершенствовать их вооружение. Однако эта работа проводилась с таким расчетом, чтобы завершить ее в основном к 1942 г., поэтому намеченное к началу войны не удалось осуществить. Кроме того, вся реорганизация главным образом сводилась к тому, чтобы сосредоточить большую часть авиации в руках фронтового и армейского командования. На армейскую и войсковую авиацию приходилось 46% всех самолетов ВВС Красной армии, тогда как фронтовая авиация составляла 40,5%. Вместо отдельных авиационных армий, которые предназначались для проведения самостоятельных воздушных операций и состояли из соединений бомбардировочной и истребительной авиации, было создано пять авиакорпусов, которые дислоцировались на территории приграничных военных округов (четыре — на западе и один — на востоке). В оперативном отношении они подчинялись их командованию.

Совершенно иные условия складывались в период Второй мировой войны на Западе. Германская авиация применяла мощные массированные удары, особенно при действиях по войсковым и авиационным группировкам, с помощью крупных централизованно управляемых объединений — воздушных флотов. Опыт первого периода этой войны так и не был в достаточной мере учтен советским руководством.

Исходя из доктринального положения о том, что решающего разгрома агрессора можно достичь только наступательными действиями, советская военная теория отдавала приоритет бомбардировщикам и штурмовикам. Причем штурмовики рассматривались как основное средство авиационной поддержки наземных войск. Учитывая ограниченные возможности экономики страны, приоритет был отдан производству наиболее дешевой и быстро строящейся техники. Это обстоятельство также сыграло свою роль в том, что перед войной приоритет был отдан производству истребителей. В советских ВВС было крайне мало разведывательных самолетов. Маршал Г. К. Жуков вспоминал: «Когда ставился вопрос о необходимости массового производства разведывательных самолетов, И. В. Сталин обычно говорил: «Выбирайте одно из двух: или боевую, или разведывательную авиацию, а то и другое мы строить не можем»[229].

Так как Западный театр войны считался самым опасным, основная часть советских ВВС располагалась на западе. Здесь было сосредоточено до 60% самолетов дальнебомбардировочной, а также свыше 50% фронтовой и армейской авиации. В целом подобное решение на стратегическую группировку Военно-воздушных сил соответствовало складывавшейся военно-политической обстановке. Оно позволяло здесь иметь с учетом авиации ВМФ количественное превосходство над противником.

В директиве НКО по итогам зимы 1940—1941 гг. готовность авиационных частей к ведению боевых действий оценивалась так: «...боевая подготовка ВВС Красной армии проходила неудовлетворительно. Эксплуатация новой материальной части летно-техническим составом освоена слабо»[230]. В ВВС западных округов количество неисправных самолетов на 22 июня 1941 г. составляло 919 машин, или 12,9%. На 7133 боевых самолета имелось только 5937 экипажей, подготовленных к действиям на старых типах машин. 1196 исправных самолетов оказалось без экипажей. Для новых самолетов было подготовлено только 208 экипажей, а это всего 14% общего количества таких машин. Из 35 перевооружаемых полков 15 имели менее половины самолетов штатной численности, что напрямую было связано с медленным раз-

вертыванием производства новых самолетов, их конструктивными недостатками и большой штатной численностью машин в полках.

Подготовка советских летчиков проходила во многих летных училищах, в том числе и в авиационной школе в Липецке. Эта школа была создана за счет германских средств (около 2 млн золотых рублей). Самолеты все были закуплены немцами. Курсанты обучались под руководством немецких инструкторов, пилотов Первой мировой войны. Школу закончили 360 летчиков, из них 140 советских, а также 45 советских авиамехаников. В те же годы в нелегальных школах в самой Германии были выпущены 2 тыс. военных летчиков. После закрытия авиашколы в Липецке все оборудование осталось советской стороне[231].

Базирование советских ВВС на территории западных приграничных военных округов осуществлялось с большими нарушениями мер маскировки и безопасности и невольно способствовало завоеванию противником господства в воздухе уже в первые часы войны. Более 40% авиаполков базировалось по два на одном аэродроме, что влекло за собой сосредоточение до 150 самолетов и более на одном летном поле. На тех аэродромах, где осуществлялось перевооружение, скопилось по два комплекта самолетов — старых и новых. Основная часть авиации была приближена к границе. Некоторые полки находились в зоне досягаемости вражеской артиллерии.

Как и другие виды вооруженных сил, войска ПВО накануне войны подверглись существенной реорганизации. Руководство войсками ПВО возлагалось: в центре — на Главное управление ПВО территории страны; в военном округе — на заместителя командующего войсками округа по ПВО, который и являлся командующим зоной ПВО; в районе — на командиров корпусов, дивизий и бригад. Территория приграничных и наиболее важных внутренних районов страны на глубину до 1200 км от государственной границы была разделена на 13 зон ПВО (Северная, Северо-Западная, Западная, Киевская, Южная, Северо-Кавказская, Закавказская, Средне-Азиатская, Забайкальская, Дальневосточная, Московская, Орловская, Харьковская)[232], границы которых совпадали с границами военных округов. Основные силы и средства противовоздушной обороны сосредоточивались на глубину 500–600 км от государственной границы на западе и 200–250 км на Кавказе. В этой зоне было сосредоточено до 90% всей имевшейся в то время в войсках ПВО зенитной артиллерии среднего калибра (основного огневого средства ПВО). На оборону трех важнейших центров страны — Москвы, Ленинграда, Баку — было поставлено 42,4% всех батарей и до 50% истребительных авиационных полков[233].

Распределение сил и средств ПВО по зонам фактически означало их распыление, что привело к ослаблению противовоздушной обороны на главных операционных направлениях. Если артиллерийские средства полностью подчинялись помощнику командующего войсками округа по ПВО, то истребительные соединения и части оставались в двойном подчинении — командующему ВВС округа и помощнику командующего войсками округа по ПВО. Такая система управления средствами ПВО, как показал последующий опыт войны, затрудняла централизованное использование всех сил и средств ПВО для решения стоящих перед ними задач.

К началу Великой Отечественной войны пограничные войска насчитывали 168 тыс. человек[234]. Основная их часть находилась на западной и дальневосточной границах. Границу от Баренцева до Черного моря охраняли войска восьми пограничных округов. В них несли службу около 100 тыс. человек, что составляло 60% общей численности пограничных войск[235].

Внутренние войска обеспечивали государственную и общественную безопасность, охраняли общественный порядок, правительственные учреждения, важнейшие промышленные предприятия и другие объекты оборонного значения, места заключения. На них возлагались также охрана железнодорожных сооружений, сопровождение воинских и особо ценных грузов, конвоирование лиц, содержащихся под стражей, обслуживание судебных учреждений, охрана тюрем и лагерей. Привлекались они и для охраны общественного порядка. По мобилизационному плану на военное время в задачу внутренних войск входили охрана прифронтовой полосы, коммуникаций, тыловых районов, борьба с диверсионно-разведывательными

группами противника, его агентурой. По своему боевому составу внутренние войска имели легкое вооружение и не предназначались для ведения боевых действий с регулярными частями неприятеля. Из оперативных полков, находившихся на территории Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов, должны были формироваться 21, 22 и 23-я мотострелковые дивизии. Общая численность внутренних войск накануне войны составляла 173,9 тыс. человек[236].

К началу войны ВМФ организационно состоял из четырех флотов — Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского, и пяти флотилий — Дунайской (в составе Черноморского флота), Каспийской, Пинской, Амурской и Северо-Тихоокеанской (входила в состав Тихоокеанского флота). Флоты состояли из надводных и подводных сил, морской авиации, береговой обороны и обеспечивавших их действия служб наблюдения и связи, а также тыла. Одновременно со строительством кораблей велась усиленная работа по созданию для них современных образцов оружия и военной техники. Береговая артиллерия располагала башенными орудиями калибра 305 мм. Однако значительный процент орудий, особенно тяжелого калибра, относился к устаревшим образцам дореволюционной постройки. В предвоенный период получила развитие подвижная береговая артиллерия (железнодорожная и на механической тяге), оснащавшаяся системами калибра 100, 152, 180, 305 и 356 мм. Советские конструкторы разработали уникальную и сложнейшую 406-мм артиллерийскую установку.

Основные силы ВМФ накануне войны сосредоточивались в Балтийском и Черном морях. Здесь базировались все крупные надводные корабли, а также значительная часть подводных лодок. Наименее сильным был Северный флот, базировавшийся в Баренцевом море, по которому в ходе войны в северные порты от западных союзников поставлялись вооружение и материалы. Вот почему так остро стояла проблема надежной охраны транспортов от германских морских сил.

Всего к началу войны в Красной армии и Военно-морском флоте (в войсках, на кораблях, в береговых службах, военно-учебных заведениях, на полигонах, базах и складах) имелось 117 589 орудий и минометов (в том числе 35 136 минометов калибра 50 мм), 18 691 танк, 16 052 боевых самолета[237]. Эта была огромная сила.

Эффективность применения вооруженных сил при отражении агрессии зависела не только от степени их оснащенности вооружением и кадрами, уровня обученности и слаженности войск и штабов, качества оружия и техники, но и в существенной степени определялась умением военного и политического руководства рационально спланировать их боевое использование, правильно определив сроки вероятного нападения агрессора и своевременно приняв меры по приведению войск в полную боевую готовность.

Непосредственное руководство Рабоче-крестьянской Красной армией, Рабоче-крестьянским Военно-морским флотом, Пограничными и Внутренними войсками осуществляли соответственно наркоматы обороны, ВМФ и внутренних дел СССР. Наркоматы обороны и ВМФ разрабатывали и представляли на утверждение правительства планы дальнейшего развития армии и флота, руководили их боевой и политической подготовкой, оперативным использованием в мирное и военное время, организовывали противовоздушную оборону, ведали вооружением армии и флота, снабжением их всеми видами продовольствия, направляли оборонительное строительство. Соответствующие функции имел Наркомат внутренних дел. Народный комиссариат обороны с 7 мая 1940 г. возглавлял Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. В проектах положения о Наркомате обороны, разработанных накануне войны, проводилась мысль о том, что с началом войны нарком обороны становится главнокомандующим Вооруженными силами СССР. Руководство армией и флотом наркомы осуществляли через главные военные советы, Генеральный и Главный морской штабы, систему главных и центральных управлений, а также органы окружного управления.

Для рассмотрения основных вопросов строительства и организации войск и флотов, образцов оружия и военной техники, принятия их на вооружение, а также осуществления мероприятий по устройству войск и флотов, обучению личного состава и других вопросов при наркоматах обороны и ВМФ имелись главные военные советы. В соответствии с поста-

новлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июля 1940 г. в состав Главного военного совета Красной армии вошли нарком обороны С. К. Тимошенко (председатель), секретари ЦК партии А. А. Жданов и Г. М. Маленков, заместители наркома С. М. Будённый, Г. И. Кулик и Л. З. Мехлис, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, начальник управления ВВС Красной армии Я. В. Смушкевич, командующие войсками округов Г. К. Жуков, К. А. Мерецков и Д. Г. Павлов[238].

Состав Главного военного совета РК ВМФ был объявлен постановлением СНК СССР от 8 апреля 1938 г. В него вошли нарком ВМФ П. А. Смирнов (председатель), секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, заместители наркома И. С. Исаков, П. И. Смирнов-Светловский, начальник Главного штаба Л. М. Галлер, начальник Политического управления М. Р. Шапошников, командующие флотами Н. Г. Кузнецов и Г. И. Левченко, начальник Управления снабжения и вооружения И. С. Мушнов. С марта 1939 г. председателем Главного военного совета РК ВМФ стал нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов[239].

В Генеральном штабе сосредоточивались такие функции, как оперативно-стратегическое планирование, оборудование театров военных действий, оперативная подготовка высшего начальствующего состава и штабов, организационное строительство и обеспечение мобилизационной готовности вооруженных сил, планирование всестороннего снабжения армии на военное время. Соответственно перестраивалась и его структура. К началу войны в состав Генерального штаба входило восемь управлений: оперативное, разведывательное, организационное, мобилизационное, военных сообщений, устройства тыла и снабжения, военно-топографическое, по укомплектованию войск, а также четыре отдела: укрепленных районов, военно-исторический, кадров и общий. С июня 1937 по август 1940 г. Генеральный штаб возглавлял Маршал Советского Союза (до мая 1940 г. — командарм 1 ранга) Б. М. Шапошников, с августа 1940 по январь 1941 г. — генерал армии К. А. Мерецков. 1 февраля 1941 г. пост начальника Генштаба занял генерал армии Г. К. Жуков.

Народным комиссаром Военно-морского флота СССР с апреля 1939 г. был адмирал Н. Г. Кузнецов, начальником Главного морского штаба с 1938 по 1940 г. — адмирал Л. М. Галлер, а с октября 1940 г. — адмирал И. С. Исаков.

В целях совершенствования управления Военно-воздушными силами существовавшие ранее два самостоятельных управления (Главное управление ВВС и Главное управление авиационного снабжения Красной армии) 21 июня 1940 г. были слиты в одно — Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии.

Войска РККА для управления сводились в военные округа (военно-морские силы — во флоты). В июле 1940 г. в связи с поступавшими сведениями о подготовке Японии к агрессии против СССР было создано управление Дальневосточного фронта (ДВФ). Перед войной в структуре управления войсками имелось одно фронтовое, 16 окружных и 20 армейских управлений. В августе 1940 г. органы управления военных округов подверглись реорганизации. Для Ленинградского, особых Прибалтийского, Западного и Киевского, а также Забайкальского военных округов, на базе которых в случае войны планировалось создавать фронты, и Дальневосточного фронта устанавливалась структура управления, позволявшая им выполнять функции фронтовых управлений. В приграничных военных округах, за исключением Одесского, имелись и армейские управления.

Таким образом, в преддверии фашистской агрессии были осуществлены преобразования во всех звеньях руководства вооруженными силами. Однако при проведении этих мероприятий была допущена поспешность, а в ряде случаев — просчеты и упущения. Вот самые существенные из них. С началом Второй мировой войны структура органов и методы стратегического руководства в воевавших государствах были различными. Однако наметилась общая тенденция — стремление достичь максимального соответствия форм и методов стратегического руководства характеру войны. Война велась не только армией, но и всей страной. Это требовало от государства максимального напряжения всех политических, экономических, военных и моральных сил. А компетенция главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза — наркома обороны — ограничивалась лишь сферой вооруженной

борьбы, в которой он к тому же не пользовался правом принятия окончательного решения. Не пошла дальше проектов и работа по совершенствованию функций главнокомандования. Функции главнокомандующего не были четко определены, практическая подготовка его к руководству военными действиями всех вооруженных сил не проводилась. Отдельные командно-штабные учения в последние предвоенные месяцы не имели прямого отношения к организации и деятельности института Главного командования. Отрицательное влияние на деятельность Генштаба оказала и частая смена его начальников, особенно в последние предвоенные месяцы. По этому поводу Г. К. Жуков писал после войны: «Каждый здравомыслящий человек понимает, что даже с позиций высокого поста начальника Генерального штаба Красной армии нельзя за четыре с половиной месяца всего постигнуть»[240].

В отличие от вермахта, где сухопутные войска, ВВС и ВМФ имели свои главные командования (ОКХ, ОКЛ и ОКМ) с генеральными штабами и другими органами управления, в Вооруженных силах Советского Союза сухопутные войска, которым в предстоящей войне отводилась ведущая роль, не имели своего командования. Не был должным образом решен вопрос о командовании Военно-воздушными силами, артиллерией, бронетанковыми и инженерными войсками, войсками связи и противовоздушной обороны.

Перед войной фронтовой и армейский тылы фактически отсутствовали. Имелось лишь небольшое количество стационарных госпиталей, ремонтных учреждений и складов, предназначавшихся в основном для обеспечения нужд войск мирного времени и развертывания тыловых учреждений по мобилизации. Войсковой тыл содержался в сильно сокращенном составе (25–30% штата военного времени). В целом состояние боевой готовности тыла было значительно ниже боевой готовности войск. Для полного отмобилизования и развертывания дивизионного тыла требовалось трое суток, армейского — до семи, фронтового — до 15. На отмобилизование учреждений тыла центра требовалось до 30 суток. Наличными частями и учреждениями невозможно было обеспечить в полном объеме боевые действия войск.

В связи с недостатком транспорта и складских помещений в округах размещение запасов боеприпасов, горючего и смазочных материалов не всегда было рациональным. Половина боеприпасов хранилась на складах центра на территории внутренних военных округов, то есть на значительном удалении от войск. В результате реальная обеспеченность войск боеприпасами оказалась значительно ниже установленной нормы. Около трети боеприпасов западных округов хранилось в 500–700 км от границы[241]. Особенно плохо были обеспечены боеприпасами механизированные корпуса. Мобилизационные запасы горючего для округов создавались на те же сроки ведения войны, что и запасы боеприпасов. Однако нефтеперерабатывающая промышленность не справлялась с заявками Наркомата обороны, поэтому в войсках принимались жесткие меры экономии в ущерб качеству боевой учебы и техническому состоянию машин. В размещении запасов горючего, как и боеприпасов, имелись существенные недостатки, обусловленные в основном нехваткой складских помещений, емкостей для хранения горючего и транспорта для его перевозки. От 40 до 90% запасов западных приграничных военных округов хранилось на складах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, а также на нефтебазах Главнефтесбыта в глубине страны. Запланированные в 1941 г. мероприятия по перемещению запасов на запад в связи с начавшейся войной не были осуществлены. Следует отметить, что не только мобилизационные, но и неприкосновенные запасы горючего, которые должны были храниться непосредственно в войсках, из-за недостатка емкостей частично содержались на нефтебазах Главнефтесбыта.

В связи с резким увеличением с осени 1939 г. численности Вооруженных сил Советского Союза имевшихся запасов продовольствия и фуража оказалось недостаточно. Были приняты меры по накоплению продовольствия как в войсках, так и на складах центра и базах Главного управления государственных и материальных ресурсов. Введение сухого пайка не только облегчило снабжение войск в полевых условиях, но и позволило создавать запасы, практически готовые к употреблению. В целях экономии средств в интересах создания запасов продовольствия были введены вегетарианские дни. Вместе с некоторым изменением ассортимента продуктов питания военнослужащих это давало экономию в размере 658 млн

рублей в год. Были выделены дополнительные средства на строительство заводов и цехов по производству сухарей, пищевых концентратов и комбикорма. Расширялось производство витаминов, фасованного мяса и других продуктов, необходимых для создания запасов. Однако выполнение большинства намеченных мероприятий планировалось лишь к концу 1942 г., поэтому к началу войны так и не было создано необходимых запасов сухих пайков, пищевых концентратов, витаминов и других специальных продуктов. Более того, имеющиеся мощности не могли обеспечить бесперебойное снабжение армии. Накануне войны армия стала оснащаться новыми современными техническими средствами продовольственной службы, однако к ее началу обеспеченность ими была невысокой. Только заменой устаревших кухонь на конной тяге современными кухнями-автоприцепами, а также устаревших хлебопечей — на автохлебозаводы можно было обеспечить мобилизационную потребность армии. Примерно треть старых кухонь и печей находилась в неисправном состоянии.

Потребности армии в вещевом имуществе в основном удовлетворялись, за исключением обуви, обеспеченность которой составляла лишь 70%. Опыт боевых действий в период Советско-финляндской войны выявил несовершенство принятой в Красной армии формы одежды, поэтому накануне Великой Отечественной войны принимались меры по ее улучшению. На снабжение армии стали поступать стальные шлемы (каски), шапки-ушанки, пилотки, плащ-палатки, маскировочные халаты, специальное обмундирование для лыжников. В неприкосновенный запас закладывалось дополнительное количество ватного обмундирования и валяной обуви. В январе 1941 г. было принято решение об установлении единой формы одежды для всех родов войск по крою и цвету (защитному). Завершение перехода на новую форму одежды с учетом возможностей производственной базы ожидалось не ранее октября 1942 г., поэтому армия вступила в войну в обмундировании различного покроя и расцветки.

Следует отметить, что экономика страны с большим напряжением выполняла заказы военного ведомства по поставкам вещевого имущества, как, впрочем, и других материальных средств. Это делалось не без существенного ущемления потребностей гражданского населения. Так, по докладу А. В. Хрулёва на всеармейском совещании начальствующего состава интендантской службы в марте 1941 г., на армию шло 35% всех выпускаемых в стране льняных тканей, 31% шерстяных тканей, 56% яловой обуви[242]. Если учесть, что весной 1941 г. численность армии составляла примерно 5 млн человек, то можно представить, что оставалось остальным 180 млн населения страны.

Созданные перед войной запасы материальных средств, предназначенные для обеспечения мобилизационного развертывания армии и ведения ею военных действий, могли быть эффективно использованы только при условии полного обеспечения войск транспортом. Решающая роль в подвозе материальных средств войскам принадлежала железнодорожному транспорту, что было обусловлено в первую очередь его удельным весом в общем объеме перевозок. В 1940 г. на его долю приходилось 85,1% всего грузооборота страны. В целом транспорт был в состоянии обеспечить мобилизацию и развертывание вооруженных сил. Однако так и не удалось устранить низкую пропускную способность ряда направлений, не были доведены до установленной нормы запасы материальных средств, а железные дороги были слабо обеспечены мерами защиты от воздушного противника. Ряд организационно-технических мероприятий, намеченных мобилизационным планом НКПС, оказался нереальным и слабо отработанным.

В общем грузообороте страны на долю автомобильного транспорта в 1940 г. приходилось всего 1,8% грузов. К 1 июня 1941 г. в СССР имелось более 700 тыс. грузовых автомобилей[243]. Среди них преобладали полуторатонные ГАЗ-АА. В последние предвоенные годы автомобильный парк Красной армии интенсивно развивался. С 1937 по 1941 г. число автомобилей выросло в семь раз[244]. Всего на 15 июня 1941 г. в войсках имелось около 272,2 тыс. автомобилей, 36% штатной численности[245], 193,2 тыс. приходилось на грузовые машины. Однако грузоподъемность автотранспорта не обеспечивала нормальную боевую деятельность. Имевшаяся в войсках ремонтная база не отвечала потребностям даже мирного времени, поэтому свыше

половины ремонтов осуществляли заводы, но и их производственных мощностей не хватало. В результате перед войной 23,1% автомобилей Красной армии являлись неисправными[246].

Говоря о степени готовности тыла к войне, следует отметить, что чисто теоретически все обстояло вроде бы благополучно. Вот только теория эта исходила из опыта Первой мировой войны, без учета особенностей новых явлений в вооруженной борьбе. Это было обусловлено ограниченностью боевого опыта, запаздыванием с его обобщением, отсутствием хорошо подготовленных кадров. Общая установка при планировании войны на то, что активным боевым действиям будет предшествовать период мобилизационного развертывания, привела к тому, что накануне войны тыл оказался в сильно сокращенном составе. Даже армиям и большинству дивизий приграничных военных округов предстояло в течение нескольких суток вести боевые действия без основных тыловых частей и учреждений.

Подводя итоги работы по реорганизации и техническому переоснащению вооруженных сил накануне войны, необходимо отметить, что принятых мер оказалось недостаточно, а допущенные просчеты снизили боеспособность армии. При общем значительном превосходстве в основных средствах вооруженной борьбы над вооруженными силами Германии и ее сателлитов Вооруженные силы Советского Союза оказались в парадоксальной ситуации: для полного укомплектования им не хватило танков, самолетов и орудий. Одной из причин ошибок в реорганизации явился просчет в определении сроков начала войны. Судя по тому, что завершение оснащения формируемых соединений самолетами, орудиями и танками планировалось в основном к 1942 г., советское военное и политическое руководство исходило из того, что в 1941 г. войны удастся избежать. В результате основная часть намеченных мероприятий оказалась к началу войны незавершенной. Это в значительной степени снизило боеспособность вооруженных сил. Они оказались не полностью укомплектованными людьми, особенно командным составом, военной техникой и оружием, а поэтому имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

Говоря о формировании профессиональных качеств будущих военачальников, необходимо иметь в виду среду, в которой формировались их военно-теоретические взгляды. Межвоенный период характерен бурным развитием военно-теоретической мысли как в нашей стране, так и за рубежом. Мировая наука и техника шагнули далеко вперед, в армии передовых стран начали массово внедряться новинки техники, в первую очередь самолеты и танки. С учетом этого менялось представление о характере будущей вооруженной борьбы. Оценки перспектив развития военного искусства были неоднозначны. Этот период характерен выходом в свет целого ряда работ, в которых авторы стремились изложить свой взгляд на перспективы развития вооруженных сил с учетом опыта предшествовавших войн и развития технической оснащенности войск[247]. В тот же период за рубежом появились труды ряда авторов, рассматривавших возможные перспективы развития характера вооруженной борьбы с учетом развития военной техники, которые полностью или частично в переводе были опубликованы в нашей стране. Это, в частности, теории Д. Фуллера, Д. Дуэ и целого ряда их последователей. Таким образом, выходившая в то время литература была существенным подспорьем для военных специалистов. Передовые командиры Красной армии внимательно следили за книжными новинками по военной тематике. При этом командование всячески поощряло самостоятельную работу командного состава над повышением своего военно-теоретического уровня, рекомендовало следить за военной периодикой.

Развитию уровня военно-теоретической подготовки командного состава РККА способствовала существовавшая в то время практика направления командиров в военные академии и на курсы усовершенствования командного состава, где они под руководством высокоподготовленных преподавателей овладевали военной наукой. Была создана сеть военно-учебных заведений, нацеленных на совершенствование знаний и профессиональных навыков командиров.

При Военной академии имени М. В. Фрунзе в Москве существовали Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС). Их слушателями в 1929 г. были Г. К. Жуков, Л. А. Говоров, М. А. Пуркаев, Ф. И. Толбухин (до того уже обучавшийся

на годичных курсах усовершенствования при этой же академии). Несколько раньше курсы усовершенствования при академии окончили И. С. Конев, К. А. Мерецков и К. К. Рокоссовский, а И. Х. Баграмян несколько позже. Курс обучения состоял главным образом из решения ряда тактических задач и проведения ряда малых военных игр в группах. На лекциях слушателей знакомили с современным для того времени состоянием теории военного искусства, новостями военной техники[248]. К проведению занятий на КУВНАС были привлечены высокоподготовленные военные специалисты, такие как А. Г. Лигнау, В. М. Цейтлин, Н. А. Калиновский, П. Д. Гладков, М. М. Загю, Д. М. Карбышев и другие военные ученые. По признанию Г. К. Жукова, на занятиях царила творческая обстановка, «слушатели основательно проработали ряд важнейших оперативно-тактических и специальных тем, познакомились с образцами новой техники и вооружения»[249]. Занятия на курсах были исключительно полезны и поучительны. Они давали слушателям систематизированные военные знания, позволяли приобрести определенную практику планирования боевых действий и руководства войсками в различных видах.

Стрелково-тактические курсы «Выстрел», отделение командиров полков, закончил А. М. Василевский. Вместе с ним учились В. И. Тупиков, руководивший в годы Великой Отечественной войны штабом фронта, будущие командармы Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, С. Г. Трофименко и другие. «Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной армии», — вспоминал позднее А. М. Василевский[250].

Учеба на курсах, безусловно, способствовала систематизации, совершенствованию и углублению знаний и навыков, приобретенных командирами в период их службы в войсках. Они получили хорошую практику работы с картой, приобрели дополнительные навыки глубокого анализа обстановки, лучше узнали возможности вероятного противника и своих войск. Многие командиры окончили полный курс Военной академии имени М. В. Фрунзе. Среди них И. Х. Баграмян, Л. А. Говоров (в том числе оперативный факультет), А. И. Ерёменко, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков (Военную академию РККА), Ф. И. Толбухин.

Совершенствование военного образования и подготовка военных кадров в то время были объектом повышенного внимания высшего военного и политического руководства страны. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только в 1929 г. Реввоенсоветом СССР были приняты постановления «О высших военно-учебных заведениях», «О курсах усовершенствования командного состава РККА» и «О постановке учебной работы в военных академиях РККА», в 1929 и 1931 гг. ЦК ВКП(б) принимались постановления «О командном и политическом составе РККА».

21 мая 1932 г. Комиссия обороны при СНК СССР приняла постановление о создании специальных военных академий РККА: Моторизации и механизации, Артиллерийской, Электротехнической, Военно-инженерной, Военно-химической, Военно-транспортной. В сентябре 1935 г. была организована еще и Военно-хозяйственная академия.

В 1936 г. по решению советского правительства было создано принципиально новое учебное заведение — Академия Генерального штаба РККА, готовившая высший командный состав. В приказе отмечалось, что академия призвана «совершенствовать подготовку высококвалифицированных командиров для несения службы Генерального штаба в крупных общевойсковых штабах и органах высшего командования». На академию, которая была подчинена непосредственно начальнику Генерального штаба, возлагалась и другая, не менее важная задача — стать центром военно-теоретической работы в вооруженных силах, и в частности всесторонне разработать коренные вопросы теории современного военного искусства. Для работы в новой академии были приглашены лучшие преподаватели военных академий, главным образом Академии имени М. В. Фрунзе, пользовавшиеся известностью в армии благодаря своим военно-теоретическим трудам, способные не только готовить руководящие кадры высшего звена, но и разрабатывать вопросы теории военного искусства, среди них: П. И. Вакулич, А. И. Верховский, А. В. Голубев, А. И. Готовцев, М. И. Дратвин, Я. М. Жигур, Г. С. Иссерсон, Д. М. Карбышев, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, В. А. Медиков,

В. К. Мордвинов, А. А. Свечин, Ф. П. Шафалович, Н. Н. Шварц, Е. А. Шиловский и другие. Формирование новой академии было поручено начальнику штаба Киевского военного округа комдиву Д. А. Кучинскому.

Безусловно, Академия Генерального штаба принесла большую пользу слушателям для их профессионального роста. Она в значительной мере помогла им пополнить и систематизировать свои знания, значительно расширить военный кругозор и во многом способствовала успешному выполнению возлагавшихся на них в последующем сложнейших задач. Достаточно отметить, что из числа слушателей первого набора в годы Великой Отечественной войны занимали в разное время посты начальника Генерального штаба А. М. Василевский и А. И. Антонов; командовали фронтами И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, П. А. Курочкин; возглавляли штабы фронтов А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов; командовали армиями А. И. Гастилович, К. Д. Голубев, М. И. Казаков, А. И. Крутиков, А. В. Петрушевский, В. П. Свиридов, А. В. Сухомлин, С. Г. Трофименко. Свыше двадцати человек были начальниками штабов общевойсковых, танковых или воздушных армий. Около сорока человек командовали стрелковыми, танковыми и авиационными соединениями. Шесть человек, в том числе М. П. Миловский и Н. И. Четвериков, руководили управлениями в Наркомате обороны, а Н. Е. Басистый стоял во главе штаба Военно-морского флота.

В середине 1930-х гг. в войсках активно шло изучение и освоение теории и практики глубокого боя и операции. Многим из тех, кому в годы войны предстояло возглавить фронты и армии, в то время довелось командовать соединениями. Причем некоторых из них военная судьба свела тогда в Белорусском военном округе (БВО).

Округом в то время командовал И. П. Уборевич. «Иероним Петрович, — по свидетельству И. С. Конева, также служившего в то время в Белоруссии, — умел смотреть далеко вперед. В наибольшей степени именно у него многие командиры учились и перенимали богатый современный опыт, которым обладал этот незаурядный военачальник. Особенно сведущим он был в вопросах организации и обучения войск, командования и штабов, оперативно-тактической подготовки»[251]. Показательно, что школу И. П. Уборевича в то время прошли многие командиры, ставшие в годы Великой Отечественной войны видными военачальниками. Это, в частности, работники штаба округа К. А. Мерецков (в то время начальник штаба округа), М. В. Захаров, Р. Я. Малиновский, В. В. Курасов, А. П. Покровский, командир корпуса, а затем заместитель командующего войсками округа С. К. Тимошенко, командиры дивизий Г. К. Жуков, И. С. Конев, В. Д. Соколовский, В. Я. Колпакчи, на различных должностях служили в округе А. А. Новиков, И. Х. Баграмян, другие будущие военачальники.

В то время, по утверждению К. А. Мерецкова, в БВО большое внимание уделялось воспитанию и подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий, с учетом меняющихся условий и бурного развития военной техники. Важно было, чтобы все то новое, что было приобретено во время опытных учений и полевых поездок, немедленно внедрялось в войска, повышало их выучку и боевую готовность, чтобы достижение какой-либо одной части или соединения немедленно становилось достоянием всего округа[252]. При подготовке начсостава и штабов применялись разнообразные приемы: от групповых упражнений и летучек до командно-штабных игр, учений с войсками и маневров. Особое значение придавалось полевым занятиям, так как тактическую игру на местности можно провести значительно содержательнее и поучительнее, чем на картах, особенно мелкого масштаба.

Осенью 1936 г. в округе прошли маневры, на которые было привлечено шесть мехбригад, восемь авиабригад, шесть стрелковых и четыре кавдивизии[253], всего порядка 85 тыс. человек личного состава, 1136 танков, 580 орудий, 638 самолетов[254]. Руководство намеревалось отработать важнейшие вопросы глубокой операции и боя. В ходе маневров отрабатывались наступательные действия крупных механизированных и кавалерийских соединений на большую глубину, вопросы всестороннего их обеспечения, форсирование крупной водной преграды. Кроме того, был совершен марш танковой бригады, выброшен парашютный десант

в количестве 1800 человек и высажен посадочный десант численностью 5700 человек, отрабатывались вопросы организации ведения боевых действий ночью. Маневры подтвердили правильность положений теории глубокой операции[255]. Наиболее трудными и вместе с тем наиболее интересными вопросами на маневрах были: встречный танковый бой, прорыв глубокоэшелонированной противотанковой обороны, организация флангового контрудара армейской ударной группы, и наконец, на фоне армейской операции были отработаны вопросы применения авиации[256].

В 1937 г. в БВО прошли самые крупные маневры в предвоенный период, проводившиеся с учетом новейшей теории. Руководство действиями осуществляло (впервые в истории Красной армии) армейское управление, а не штаб руководства, как это было раньше. На этих маневрах предполагалось определить наиболее приемлемые строи и боевые порядки танковых подразделений и частей в различных видах боя, отработать приемы непрерывной разведки и наблюдения за полем боя, вопросы совместного маневрирования танков и пехоты (конницы) и взаимного целеуказания на поле боя, взаимодействия танковых масс с артиллерией и пехотой в основных видах боя[257]. На маневрах для развития прорыва отрабатывалось использование подвижной группы в составе кавалерийского и танкового корпусов под командованием комкора И. Р. Апанасенко. Для совместных с подвижной группой действий планировалась выброска двух воздушно-десантных бригад (реально осуществлена выброска одной). Для командиров, участников этих маневров, они стали хорошей школой воинского мастерства.

Но, как бы ни была организована боевая подготовка в условиях мирного времени, основная школа для военного человека — это участие в боевых действиях. Здесь проверяются на практике полученные в ходе учебы знания и навыки. Для Г. К. Жукова первым экзаменом на полководческую зрелость стал Халхин-Гол в 1939 г.; для Р. Я. Малиновского — Гражданская война в Испании в 1936–1937 гг.; К. А. Мерецков боевое крещение прошел в Испании, а затем командовал армией во время Советско-финляндской войны в 1939–1940 гг. Начальником штаба артиллерии в этой армии был Л. А. Говоров.

Конец 1930-х гг. оказался непростым для военных кадров. Репрессии 1937–1938 гг. не обошли стороной Красную армию. В этот период из армии по разным причинам были уволены около 40 тыс. командиров, из них арестованы около 18 тыс. человек[258]. Многие из них, имея глубокие знания и богатый войсковой опыт, могли бы успешно командовать объединениями или, по крайней мере, готовить будущих командармов и командующих войсками фронтов. Следствиями политических репрессий в РККА явились снижение научного и интеллектуального потенциала Красной армии, падение уровня профессиональной подготовки и существенное ослабление политико-морального состояния и дисциплины ее личного состава. Многие командиры и командующие, боясь ответственности, стали менее инициативными и самостоятельными.

С другой стороны, в связи с обострением международной обстановки и возросшими экономическими возможностями страны численность вооруженных сил увеличивалась, что требовало все большего количества квалифицированных военных кадров. В результате число военно-учебных заведений из года в год росло: с 49 в 1937 г. до 114 (это без учета авиационных и военно-морских) в 1940 г. Количество их выпускников возросло соответственно с 8508 до 35 501 человек. Только за 1938–1939 гг. Красная армия получила 158 147 командиров, политработников и других военных специалистов, что в 2,5 раза больше, чем за десять предшествовавших лет. Тем не менее квалифицированных кадров не хватало. Особенно остро ощущалась нехватка подготовленных кадров оперативного звена, несмотря на то что в период с 1938 по 1941 г. было сформировано 20 общевойсковых армий.

На вакантные должности зачастую назначались люди, не имевшие достаточного опыта и знаний. Назначение на номенклатурную должность в 1939 г. получил 3031 человек, то есть 62,5% их штатной численности, по группе строевых должностей от командира полка и выше за тот же год было произведено 2452 назначения, или 73,9% их штатного числа[259]. Особо ярко недостатки в подготовке командных кадров в армии выявились в ходе Советско-финлянд-

ской войны 1939–1940 гг. Военное и политическое руководство вынуждено было признать, что в военной кадровой политике имеются значительные изъяны. Выступая 14 апреля 1940 г. на совещании высшего командного состава РККА, которое было посвящено итогам «зимней войны», И. В. Сталин обратил внимание на необходимость создания «культурного, квалифицированного и образованного командного состава». Он отметил: «Такого командного состава нет у нас или есть единицы»[260].

После анализа итогов Финской кампании вновь последовали значительные кадровые перемещения в высшем военном руководстве страны. Правда, теперь на руководящие должности выдвинулись лучшие военачальники, среди них оказались многие из тех, кому в недалеком будущем суждено было встать во главе фронтовых объединений. Так, на должность наркома обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Генеральный штаб возглавил генерал армии[261] К. А. Мерецков. Командующим войсками Киевского особого военного округа был назначен генерал армии Г. К. Жуков, Забайкальского — генерал-лейтенант И. С. Конев, Западного особого — генерал-полковник Д. Г. Павлов, Ленинградского — генерал-лейтенант М. П. Кирпонос, Московского — генерал армии И. В. Тюленев. Генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин был назначен начальником Оперативного управления Генштаба, генерал-майор А. М. Василевский стал его заместителем, а генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров — заместителем генерал-инспектора артиллерии Красной армии. Тогда же были освобождены из заключения необоснованно арестованный в 1937 г. генерал-майор К. К. Рокоссовский и некоторые другие военачальники.

В Красной армии начались позитивные изменения, был взят курс на перестройку боевой и оперативной подготовки войск. Приказом наркома обороны от 16 мая 1940 г. «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» от войск требовалось организовать и проводить боевую подготовку, исходя из основной задачи — всегда быть в полной боевой готовности, приблизить обучение войск к условиям боевой действительности. Тактическую подготовку предписывалось «проводить в сложных условиях, приучая войска действовать днем и ночью, в любую погоду, переносить длительное физическое напряжение, умело маневрировать на разнообразной местности, преодолевая искусственные и естественные препятствия, быстро зарываться в землю и отражать внезапные нападения противника». Особое внимание уделялось организации взаимодействия различных родов войск. От всего личного состава требовалось повысить дисциплину и порядок в войсках. Повышенные требования предъявлялись к подготовке командиров и штабов. От всего начальствующего состава новый нарком обороны требовал «руководству боевой подготовкой и контролю за ее проведением уделять большую часть своего служебного времени»[262].

В декабре 1940 г. в Москве состоялось совещание высшего руководящего состава РККА, по окончании которого были проведены двусторонние оперативно-стратегические игры на картах. Участники совещания в своих выступлениях говорили о многих злободневных проблемах строительства Красной армии, в том числе о качестве военных кадров. В частности, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков, И. С. Конев, И. Р. Апанасенко подчеркивали необходимость преодоления мелочной опеки над кадрами, воспитания смелых, инициативных генералов, способных действовать самостоятельно, творчески. «В условиях маневренной войны с подвижным и искусным противником, — отмечал Г. К. Жуков, — потребуются командиры, воспитанные на проявлении разумной инициативы и большой самостоятельности, иначе командиров, приученных все делать по расписанию, активный, инициативный противник разобьет в первом же сражении»[263].

После совещания вновь последовали значительные кадровые перестановки в высшем военном руководстве. Г. К. Жуков был назначен начальником Генерального штаба РККА, К. А. Мерецков — заместителем наркома обороны по боевой подготовке, М. П. Кирпонос возглавил войска Киевского особого военного округа, М. М. Попов — Ленинградского, П. А. Курочкин — Орловского, И. С. Конев — Северо-Кавказского военного округа. В результате проведенных кадровых перестановок к 22 июня 1941 г. большинство командующих военными округами имели стаж работы в должности менее года.

В подготовке страны и вооруженных сил к отражению возможной агрессии важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, то есть разработка плана войны, предусматривавшего порядок развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий, и замыслов первых стратегических операций. Оперативно-стратегическое планирование постоянно уточнялось в зависимости от поворотов в международной обстановке, а также изменений сил и средств, форм и способов ведения вооруженной борьбы. Оно представляло собой комплекс множества различных документов, которые делятся на две взаимосвязанные части — оперативную и мобилизационную. Основу оперативной части плана составляли соображения по стратегическому развертыванию вооруженных сил, план стратегического развертывания, план прикрытия мобилизации и сосредоточения войск и планы первых фронтовых операций. Основу мобилизационной части плана войны составляли план (схема) мобилизационного развертывания вооруженных сил (мобилизационный план) и план мобилизации промышленности.

В ходе укрепления обороноспособности страны учитывались принципы внешней политики СССР. Внешняя политика тех лет содержала два ключевых положения. Во-первых, Советский Союз не собирался нападать на кого-либо, стоял за мир и укрепление деловых связей со всеми странами; если же он подвергнется нападению, то враг будет не только отброшен от его границ, но и наголову разгромлен решительным наступлением Красной армии. Второе положение отражалось и в военной доктрине. В основополагающем плане «развертывания Вооруженных сил Советского Союза на западе и на востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г. в отношении «основ нашего стратегического развертывания на западе» говорилось: «Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти к р. Пилица и верхнее течение р. Одер»[264]. В последующем в уточненных вариантах плана основополагающая формулировка об активной обороне неизменно сохранялась. Правда, на оборону тогда смотрели как на кратковременный этап военных действий, в котором участвует лишь часть войск, выделенная для прикрытия границы, пока идет отмобилизование и развертывание главных сил для решительного наступления. В плане же «Барбаросса» ни о какой обороне речь не идет и прямо указывается: уничтожить силы Красной армии в западной части СССР и захватить территорию до рубежа Архангельск, Астрахань, то есть жизненно важные регионы СССР. Дальнейшая разработка «плана развертывания» касалась изменения и распределения сил по стратегическим направлениям и уточнения их задач.

К весне 1940 г. в результате присоединения к СССР новых территорий значительная часть советских войск сменила дислокацию. Многие соединения были перемещены на большое расстояние от районов, где они должны были отмобилизоваться по прежнему плану на случай войны. Теперь Красная армия стояла лицом к лицу с армией Германии. К этому времени Вооруженные силы Советского Союза значительно увеличились. План их действий, принятый в 1938–1939 гг., перестал соответствовать обстановке. Поэтому в Генеральном штабе под руководством его начальника Б. М. Шапошникова к лету 1940 г. были разработаны основы нового плана. В августе Б. М. Шапошников передал К. А. Мерецкову пост начальника Генерального штаба и дела, среди которых были и те, где находились соображения по стратегическому развертыванию вооруженных сил. Они-то и легли в основу доклада, сделанного народным комиссаром обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым И. В. Сталину в сентябре 1940 г. 14 октября «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.» были одобрены политическим руководством страны, а в следующем месяце нарком обороны дал соответствующие указания разработать оперативные планы. В феврале следующего года, после завершения составления в Генеральном штабе мобилизационной части плана войны, в округах приступили к разработке своих мобилизационных планов. Завершить все плани-

рование намечалось в мае, однако ввиду продолжавшегося вплоть до 21 июня формирования новых соединений и не прекращавшейся передислокации войск этого сделать не удалось.

Считалось, что Советскому Союзу «необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на Востоке — против Японии как открытого противника или противника, занимающего позиции вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»[265]. Допускалось также выступление на стороне фашистского блока и Турции. Основным театром военных действий признавался Западный, а главным противником — Германия. В последние месяцы перед войной ожидалось, что вместе с союзниками она развернет против СССР на западе 230–240 дивизий, более 20,5 тыс. орудий, около 11 тыс. танков и свыше 11 тыс. самолетов всех типов. Предполагалось, что Япония со своей стороны выставит 50–60 дивизий, около 9 тыс. орудий, более 1 тыс. танков и 3 тыс. самолетов. Всего, таким образом, по оценке советского Генерального штаба, на Западе и Востоке наши вероятные противники могли иметь против Советского Союза 280–300 дивизий, примерно 30 тыс. орудий, 12 тыс. танков и 14–15 тыс. самолетов[266].

Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников считал, что «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и далее на Двинск (Даугавпилс), Полоцк или на Ковно, Вильно (Вильнюс) и далее на Минск»[267]. Ожидался также удар со стороны Сувалок и Бреста на Волковыск и Барановичи. Основными целями этих ударов считались окружение и уничтожение советских войск в Прибалтике и Белоруссии и последующее наступление на Ленинград и Москву. Ожидались удары германских войск из района Люблина на Киев, румынских и немецких — из Северной Румынии в целях окружения и уничтожения советских войск на Правобережной Украине. Предполагалось, что финские войска при поддержке немецких соединений будут наступать на Ленинград, Петрозаводск и Кандалакшу, а немецкие — на Мурманск. «Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, то есть с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан», — считал Б. М. Шапошников[268]. Исходя из декларированной руководством страны политики ненападения, концепции ответного удара, то есть перехода в наступление после отражения удара агрессора, Б. М. Шапошников предлагал: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной армии развернуть к северу от Полесья»[269].

Однако с таким вариантом не согласилось новое руководство наркомата во главе с С. К. Тимошенко и К. А. Мерецковым. Стратегический план ведения войны с Германией строился на неверном предположении о том, что в случае нападения немецкое командование будет стремиться в первую очередь к захвату экономически развитых районов Украины и Кавказа. В записке от 18 сентября 1940 г., написанной от руки А. М. Василевским, утверждалось, что Германия нанесет главный удар севернее р. Припять. Основным вариантом развертывания советских войск должен стать такой, при котором «главные силы сосредоточивались бы к югу от Брест-Литовска»[270]. Остальные варианты соображений военного руководства по стратегическому развертыванию Вооруженных сил Советского Союза на случай войны, составлявшиеся в 1941 г. практически ежемесячно, отличались от сентябрьского главным образом тем, что в них развертывание главных сил противника ожидалось «на юго-востоке, от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину»[271]. Это мнение усугубило ошибку, допущенную в сентябрьском варианте, и явилось одной из главных причин трагического исхода сражений лета 1941 г.

Советская военная доктрина, придававшая большое значение тылу страны, экономическому фактору в вооруженной борьбе, сделала правильный вывод, что война коалиции буржуазных государств против СССР не может быть молниеносной. Но и срыв целей этой коалиции потребует длительного напряжения всех сил советской страны, и война растянется по времени на несколько лет. Именно из этого исходил И. В. Сталин, определяя вероятное

направление главного удара противника на западе: он считал, что Германия будет стремиться захватить в первую очередь богатые сырьем, продовольствием и экономически наиболее развитые районы Советского Союза — Украину и Кавказ. Это вроде бы подтверждалось и данными советской разведки, неоднократно сообщавшей о том значении, которое придавали немецкие политические и военные руководители названным районам. По их мнению (в сообщениях агентуры), оккупация Украины должна была лишить СССР его основной производственной базы, от которой он зависел в сильнейшей степени. Поступала информация и о намерении германского командования захватить Украину в первую очередь.

Все это укрепило И. В. Сталина в мысли, что основные усилия германских войск будут сосредоточены не на западном (московском) стратегическом направлении, а на юго-западном. В октябре 1940 г. он настоял, чтобы советский план войны исходил из того, что главный удар на западе противник нанесет южнее Припяти, из района между Седлецом и границей с Венгрией, на Киев в целях захвата Украины.

В 1941 г. под руководством нового начальника Генерального штаба Г. К. Жукова работа по уточнению документов оперативного планирования продолжалась. Генеральный штаб тревожил вопрос, как предотвратить захват противником стратегической инициативы уже в приграничных сражениях. В начале мая 1941 г. в Генштабе был подготовлен документ, в котором указывалось на растущую концентрацию немецких войск у советских границ и на то, что уже отмобилизованная немецкая армия с развернутыми тылами «имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Чтобы не допустить внезапности нападения и захвата противником стратегической инициативы, в проекте документа предлагалось упредить немецкую армию в развертывании и разгромить ее на территории Польши и Восточной Пруссии «в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»[272].

Следует сказать, что этот документ представляет собой черновики, испещренные многочисленными исправлениями, на которых отсутствуют подписи должностных лиц. Тем не менее они позволяют реконструировать представления советского военного руководства о характере действий Красной армии в будущей войне. Анализ этих документов подтверждает зафиксированный в мемуарах советских военачальников факт, что советское военное руководство исходило из ошибочных представлений о начальном периоде войны. «При переработке оперативных планов весной 1941 года, — свидетельствовал Г. К. Жуков, — практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»[273]. О том же говорил и А. М. Василевский: хотя руководство Генштаба и исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником», тем не менее «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15–20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны»[274].

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г. после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», указывалось: «В течение двадцати дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию». Таким образом, «нанесение удара» планировалось на двадцатый день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной»[275].

Анализ директив, отданных Генштабом командованию западных приграничных округов в мае — июне 1941 г., а также планов прикрытия, разработанных в округах непосредственно перед нападением Германии, показывает, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА вплоть до 22 июня 1941 г. Так, в директивах Генштаба, отданных в мае 1941 г. Киевскому и Западному особым военным округам, задачи

на ведение обороны определялись следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа... Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника». Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации. Таким образом, составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного отмобилизования и сосредоточения главных сил Красной армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий. Так, в «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗапОВО, авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника»[276]. Что касается командования Прибалтийского особого военного округа (ПрибОВО), то, говоря о задачах разведки, составители этого плана указывали: «Цель разведки — с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление»[277].

Таким образом, советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника.

В то же время «Соображения...» от 15 мая 1941 г. позволяют предположить, что руководство Генштаба в лице Г. К. Жукова и А. М. Василевского было обеспокоено тем, что Германия имела очевидные преимущества в сроках сосредоточения и развертывания на границах СССР армии вторжения. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, — указывалось в документе, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Предлагались и необходимые подготовительные мероприятия по отмобилизованию и сосредоточению войск[278]. В одном из интервью после войны Г. К. Жуков заявил, что прежде чем представить документ И. В. Сталину, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков решили сначала проверить его реакцию на идею упреждающего удара, и когда завели об этом речь, то получили недвусмысленный ответ в довольно резких выражениях[279]. И. В. Сталин обвинил военных в стремлении спровоцировать А. Гитлера на нападение, так как широкомасштабные мероприятия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, занятие ими оборонительных сооружений у границы не могут остаться незамеченными и будут использованы германской стороной как повод для агрессии. Таким образом, в 1939–1941 гг. СССР не разрабатывал планов агрессивной войны против Германии, а записка не вышла за пределы Генерального штаба и была отправлена в архив.

Истолкование рассматриваемого документа как предложения развязать войну не имеет под собой никаких оснований. Составители майских «Соображений...», учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. В. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной армии упредить противника в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война все-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. Советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае — какая-либо провокация со стороны Германии[280]. Кроме того, докладываемые И. В. Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках ее вероятного нападения на СССР.

Представляется все же, что советскому руководству не удалось найти адекватный ответ на проблему, связанную с осознанием неравности стартовых условий двух стран при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г., после полета Р. Гесса в Великобританию, ситуация требовала немедленных действий по форсированию соответствующих мероприятий, пусть даже ценой несоблюдения маскировки, — именно это имел в виду А. М. Василевский, когда говорил о необходимости «смелого шага вперед» к «Рубикону войны», на что И. В. Сталин вовремя не решился. Выступить инициатором начала военных действий в тот момент, когда назревал, как опасались в Москве, англо-германский компромисс, означало бы для СССР не только отказаться от выгод, которые давал ему статус нейтрального государства, и навязать себе войну с очень сильным и опасным противником, но и стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств. Кроме того, политическое руководство и командование РККА не могли не понимать, что страна и вооруженные силы еще не были готовы к войне. Экономика не была переведена на военное положение. Производство новых образцов танков, самолетов и других видов вооружения только началось. Красная армия находилась в стадии коренной реорганизации. В этих условиях Советскому Союзу было крайне необходимо оттянуть начало войны хотя бы на один-два года.

Когда советское военно-политическое руководство осознало, что войны с Германией в самое ближайшее время не избежать, вооруженные силы явно отставали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами. Сосредоточение и развертывание войск Красной армии осуществлялось как реакция на становившуюся все более явной угрозу германского нападения и поэтому не могло не запаздывать по сравнению с аналогичными мероприятиями врага. Вероятно, И. В. Сталину в последние мирные дни не оставалось ничего иного, как продолжать прежнюю линию: «во что бы то ни стало выиграть время», «еще неделю, еще 15–20 дней», «не поддаваться на провокации», избегать действий, которые могли ускорить выступление Германии. «Все помыслы и действия Сталина в это время, — писал Г. К. Жуков, — были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала — и уверенностью в том, что ему это удастся»[283].

Изложенные в «Соображениях...» планы первых операций РККА носят наступательный характер, что дало ряду историков дополнительный повод для обвинения СССР в подготовке нападения на Германию. Однако прямой связи между характером действий вооруженных сил и политическими целями войны нет. Наступление и нападение — разные вещи. Как представляется, Генеральный штаб и Наркомат обороны считали, что войска должны быть готовы разгромить противостоящего им противника в любом случае. Советское командование не планировало отступления в глубь страны в духе 1812 г., рассчитывая с первых дней войны начать борьбу за стратегическую инициативу. Только такой вариант позволял надеяться на успешный исход столкновения со столь мощным противником, каким являлась нацистская Германия. И в этом не было ничего исключительного: все планы крупных держав — участниц как Первой, так и Второй мировой войн были наступательными[284]. Даже Польша планировала «наступательную войну». Тем не менее никому не приходило в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».

Так что «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования никак не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г., или же служить аргументом в пользу некоей особой «агрессивности» СССР. Поэтому неправомерно использование некоторыми историками выражения «наступательная война» в качестве синонима войны захватнической, агрессивной. Очевидно, исследователи, используя выражение «наступательная война», имеют в виду способ действия вооруженных сил, вопрос же о целях войны остается за скобками.

Политическое руководство нацистской Германии и командование вермахта, говоря об оценке военных намерений СССР, квалифицировали материально-техническое и кадровое состояние Красной армии как в целом неудовлетворительное и считали, что она не в состоянии вести широкомасштабные наступательные операции. В то же время, зная о неготовности СССР к войне летом 1941 г., германское руководство учитывало тот факт, что в дальнейшем условия для нападения на СССР будут становиться все менее благоприятными. Руководство Германии сознавало, что время работает не на него, а на Советский Союз, именно поэтому надо было спешить с осуществлением нападения. На совещании 27 сентября 1939 г. А. Гитлер говорил: «Время будет работать в общем против нас, если мы его сейчас же не используем... В военном отношении время работает также не на нас»[285]. С точки зрения интересов Германии это была адекватная оценка обстановки.

Такого рода военно-политические соображения, вероятно, действительно повлияли на принятие в Берлине решения о подготовке нападения на СССР. В то же время в нацистском руководстве сложилось устойчивое убеждение, что в обозримом будущем Советский Союз не только не собирается предпринимать каких-либо агрессивных действий против Германии, но и не рискнет прибегнуть к превентивным наступательным действиям в оборонительных целях. Как свидетельствует дневник Ф. Гальдера, А. Гитлер не раз высказывался в соответствующем ключе. 14 августа 1939 г. на секретном совещании руководящего состава вермахта он заявил, что «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны». Позднее, 22 июля 1940 г., он опять с определенностью констатировал: «Русские не хотят войны»[286]. Данную оценку разделял, в частности, министр финансов Германии Л. Шверин фон Крозиг, который считал, что «СССР выполняет все условия договора (1939 г. — *Прим. ред.*) и не создает никакой угрозы Германии военной силой»[287]. Оценка самого Ф. Гальдера совпадала с мнением фюрера: «Россия сделает все, чтобы избежать войны». Непосредственно накануне агрессии, 22 мая 1941 г., Ф. Гальдер, подчеркивая оборонительный характер группировки Красной армии в западных приграничных округах, отмечал «решимость русских удержаться на границе» и отсутствие признаков подготовки к наступлению. 7 мая 1941 г. Й. Геббельс записал в дневнике: «Русские еще ничего, кажется, не подозревают. Свои войска они развертывают таким образом, что их положение отвечает нашим интересам, лучшего мы не можем и желать»[288].

Военные специалисты тем не менее не могли не рассматривать превентивный вариант действий Красной армии. В стратегической разработке оперативного отдела ОКВ по подготовке и проведению кампании против СССР от 15 сентября 1940 г. излагались возможные варианты действий СССР в войне против Германии, в том числе и такой, при котором «русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредоточиваться у границы немецким войскам». Однако авторы документа считали «невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например, на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть Генерал-губернаторства... Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска». Наиболее вероятным в документе считался вариант, при котором русские армии «примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы». Причем этот вариант рассматривался как более благоприятный для немецкой армии в связи с тем, что «после поражения в приграничных районах русское командование вряд ли сможет обеспечить организованный отход всей армии»[289].

Подобной оценки действий советских войск придерживалось командование вермахта и позднее, исходя из того, что Красная армия будет обороняться. В директиве ОКХ по стратегическому развертыванию от 31 января 1941 г. сказано: «Вероятно, что Россия, используя частично усиленные полевые укрепления на новой и старой государственной границе, а также многочисленные удобные для обороны выгодные рубежи, примет главное сражение в районе западнее Днепра и Двины... При неблагоприятном течении сражений, которые следует ожидать к югу и к северу от Припятских болот, русские попытаются задержать наступление немецких войск на рубеже Днепр, Двина»[290]. Ф. Гальдер 22 марта 1941 г. записал в дневнике: «Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских». В таком же духе

высказывался генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт. Это мнение подтверждалось разведывательными сводками, поступавшими в Берлин. Так, в сводке № 5 от 13 июня 1941 г. Генштаба сухопутных войск Германии отмечалось, что «со стороны русских... как и прежде, ожидаются оборонительные действия»[291]. Такая же оценка возможных действий Красной армии содержалась в донесениях германского посла и военного атташе в Москве. В частности, в мае 1941 г. посол сообщал в Берлин: «Я твердо убежден, что в международной ситуации, которую он считает серьезной, Сталин поставил целью предохранение Советского Союза от столкновения с Германией». В ходе личной беседы с А. Гитлером В. Шуленбург заявил: «Я не могу поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию». Согласившись с этим, А. Гитлер выразил недовольство тем, что Советский Союз невозможно даже «спровоцировать на нападение»[292].

Во время переговоров с министром иностранных дел Японии Ё. Мацуокой в марте 1941 г. А. Гитлер и И. фон Риббентроп характеризовали позицию СССР соответствующим образом. Отметим, что данные источники предназначались отнюдь не для пропаганды и введения в заблуждение общественного мнения и содержат оценки реальной обстановки.

Что касается Советского Союза, то рассекреченные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке им нападения на Германию. Более того, нет достаточных оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной армии упреждающего удара по сосредоточивающимся у границы немецким войскам.

Конечно, советское руководство готовилось к войне: долгосрочные стратегические планы А. Гитлера, мероприятия германской армии по подготовке к вторжению с определенного момента не являлись для советского руководства тайной, и не реагировать на них было преступным легкомыслием. Однако СССР не намеревался нападать на Германию. Мир с ней был для него во всех отношениях более выгодным, чем столкновение с непредсказуемыми последствиями. Выдвигая войска к границе, советское руководство продолжало искать пути преодоления кризиса мирными средствами. Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, — спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г. Но это еще не означает, что Советский Союз непременно напал бы на Германию. Мощь Красной армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского государства. Таким образом, нападение Германии на СССР являлось неспровоцированной агрессией.

Для отражения агрессии на западе планировалось использовать 237 дивизий (155 стрелковых и горнострелковых, 51 танковую, 25 моторизованных и шесть кавалерийских), 15 воздушно-десантных, все противотанковые и две стрелковые бригады, 55 артиллерийских полков РГК и 159 авиационных полков. На Дальнем Востоке планировалось иметь 31 дивизию, для обороны Крыма — три, Кавказа — 21, Средней Азии — 10 и побережья Белого моря — одну дивизию[293]. Первый стратегический эшелон советских войск на западе должны были составить 186 дивизий (120 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных, шесть кавалерийских). 51 дивизия предназначалась в состав войск второго стратегического эшелона (резерва Главного командования). Войска первого стратегического эшелона планировалось свести в четыре фронта, каждый из которых развертывался в пределах существовавших в мирное время военных округов. Один из них, Юго-Западный, который должен был отразить, как тогда представлялось, главный удар противника, создавался в пределах границ Киевского особого и Одесского военных округов. Дивизии РГК, прибывавшие из Московского, Уральского, Забайкальского, Сибирского, Орловского, Харьковского, Северо-Кавказского, Ленинградского и Архангельского военных округов, должны были объединиться в пять армий и составить второй стратегический эшелон. Для создания запланированной группировки советских войск на западе необходимо было перевезти железнодорожным транспортом более 60 соединений,

на что требовалось свыше 3 тыс. железнодорожных эшелонов. Особенно много дивизий прибывало на юго-западное направление. Окончательное сосредоточение и развертывание войск на юго-западе ожидалось на 30-й день после объявления мобилизации, на северо-западе и западе — на 20-й день. Все это ставило советские войска в затруднительное положение, поскольку завершение развертывания войск противника предполагалось на 10–15-й день.

Стремясь сократить сроки создания ударных группировок, советское военное руководство уже в мирное время разместило в районах их развертывания — в белостокском и львовском выступах — наиболее укомплектованные боевой техникой подвижные соединения. Они имели много новых танков типа КВ и Т-34. В этих же районах располагалось большое количество стрелковых соединений и артиллерии. Такая дислокация в полной мере соответствовала замыслу наступательных действий советских войск, так как они еще в мирное время занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника. Однако в случае успеха противника наши группировки сами оказывались под угрозой глубокого охвата.

Сравнивая советский план войны с германским, следует в первую очередь отметить такую их принципиальную разницу, как представление о начале войны. Германский план исходил из необходимости обеспечения внезапного нападения полностью развернутыми вооруженными силами. Советский план предусматривал, что удар агрессора будет отражаться силами войск приграничных военных округов. В ходе этих действий и под их прикрытием будут завершаться отмобилизование уже действующих войск, а также войск второго стратегического эшелона, создаваться группировки войск, предназначенные для ведения наступательных действий. Это ставило советские войска в сильную зависимость от правильного определения вероятного срока агрессии. Командование же вермахта, приступая к планированию, имело перед собой точно заданный срок нападения и, следовательно, время, отведенное на подготовку к нападению. Это позволяло четко и определенно планировать все мероприятия и начинать агрессию только по достижении максимально возможной в данной ситуации готовности к ней. Разработка советского плана войны характеризовалась незавершенностью и обусловленной этим недостаточной освоенностью исполнителями.

Советский план войны не способствовал успешному отражению нападения противника полностью отмобилизованными силами в целях достижения решающих стратегических результатов уже в начале войны. Фактическое отсутствие предполья при планировании обороны ставило войска Красной армии в случае внезапного нападения в крайне невыгодное положение. Принятый планом мобилизации порядок доставки личного состава, автотранспорта и тракторов из глубины страны в условиях нанесения противником первого удара всеми силами ставил мобилизацию под угрозу срыва. Просчетом планирования являлись чрезмерное внимание к наступлению и подчинение этому всех мероприятий, а также недооценка обороны. В отличие от войск Германии и ее сателлитов, которые к моменту нападения на СССР находились в состоянии полной боевой готовности, группировка советских войск на западе оказалась не развернутой и не готовой к военным действиям.

Тревожная информация о подготовке фашистской Германии к войне против СССР и о политике правящих кругов других западных стран стала поступать в 1938 г., и особенно с середины 1939 г. Разгромив в сентябре 1939 г. Польшу, одержав внушительную победу над англо-французскими войсками в 1940 г., А. Гитлер вновь вернулся к своей цели — подготовке к войне с СССР. Информация о намерении Германии после разгрома Франции и Англии напасть на Советский Союз стала поступать в июне 1940 г. В частности, об этом сообщалось в донесениях Главного управления пограничных войск НКВД СССР, их разведотделов штабов приграничных военных округов. Ценные сведения посылались из Берлина, Токио, Цюриха, Бухареста, Софии, из немецкого посольства в Москве и по другим дипломатическим каналам. 9 июля 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал В. И. Тупиков доложил о переброске немецких войск с запада на восток.

Учитывая темпы наращивания сил противником, советское военное руководство предпринимало меры по усилению западных приграничных округов, а с 13 мая начало отдавать распоряжения о выдвижении дивизий и корпусов из Забайкальского, Северо-Кавказского,

Приволжского, Уральского и Харьковского военных округов. Эти соединения должны были войти в состав трех армий второго стратегического эшелона и одной армии, предназначавшейся для усиления войск Киевского особого военного округа.

Народный комиссар обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков пытались убедить И. В. Сталина в необходимости принятия мер по повышению боевой готовности войск приграничных военных округов или хотя бы разрешить частям занять подготовленные у границы оборонительные рубежи. Однако советское руководство понимало, что Красная армия еще не готова к войне. Поэтому его главная цель в 1941 г. состояла в том, чтобы любой ценой избежать войны, оттянуть ее хотя бы до 1942 г., выиграть время и завершить подготовку страны к отпору агрессору. Исходя из этой цели, И. В. Сталин, как правило, отклонял такие предложения, высказывая опасения, что военные мероприятия могут спровоцировать немцев на вооруженный конфликт.

В феврале 1941 г. началось осуществление плана сосредоточения германских войск у советских границ. Быстрое увеличение их числа не могло не беспокоить советское военное руководство, поэтому оно предпринимало меры для усиления западных приграничных военных округов. В этих целях в апреле 1941 г. туда было переброшено несколько стрелковых дивизий. Однако, учитывая темпы наращивания сил противником и неравные условия развертывания войск, Генеральный штаб во главе с Г. К. Жуковым справедливо считал предпринятые шаги совершенно недостаточными.

Таким образом, накануне войны военно-политическое руководство страны предприняло некоторые меры, направленные на повышение боевой готовности вооруженных сил. Однако основная часть всех этих мероприятий относилась к войскам, которые предназначались для действий в качестве второго стратегического эшелона, а не главных сил. Главные же силы, сосредоточенные в приграничных военных округах, до исхода 21 июня так и не получили из центра распоряжения о приведении их в полную боевую готовность.

В конце мая и начале июня из войск и от командования пограничной охраны стала поступать информация, свидетельствовавшая о подготовке германских войск к скорому нападению. Развертывание же советских войск на западе продолжалось прежними темпами. 19 июня начальник Генерального штаба от имени наркома обороны отдал распоряжения округам о выделении фронтовых управлений и выводе их к 22–23 июня на командные пункты. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов 19 июня приказал привести флоты и флотилии в оперативную готовность № 2.

К 22 июня 1941 г. вместо 237 дивизий, которые в соответствии с планом предполагалось развернуть на западе, там оказались 186 (включая три дивизии, расположенные в Крыму), 10 дивизий внутренних округов находились в движении, остальные готовились к нему, будучи рассредоточенными от Архангельска до Забайкалья. Они могли быть введены в сражение не ранее, чем через две-три недели, то есть значительно позже войск стратегического резерва противника. Следует также учитывать, что вражеские войска, входившие в состав стратегического резерва, были полностью отмобилизованы, советским же требовалось еще значительное время на отмобилизование и слаживание. Большинство частей, предназначавшихся для прикрытия, не было приведено в состояние полной боевой готовности и не смогло изготовиться для отражения нападения. Войска первого стратегического эшелона и часть сил РГК, выдвинувшихся на запад, были рассредоточены от границы до Днепра. Все самолеты оставались на постоянных аэродромах, расположение которых в большинстве случаев было хорошо известно противнику. Командование ВВС не использовало для рассредоточения машин 382 оперативных аэродрома, рассчитанных на базирование авиации в условиях угрозы нападения. Все это уже заранее создавало противнику предпосылки для завоевания господства в воздухе.

Группировка советских войск на Западе с учетом 16 дивизий РГК насчитывала 3 млн человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11,0 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов[294]. Эти цифры свидетельствуют, что, уступая противнику в личном составе и артиллерии, советские войска, расположенные на Западном театре военных действий, превосходили его по числу танков и самолетов. Однако общее качественное превосходство было на стороне

противника, и оно, как показали последующие события, имело в начале войны решающее значение. Новых танков типа КВ и Т-34 в войсках было 10—12%, а танки устаревших типов (Т-26, БТ-7, Т-28, Т-35 и другие) в большинстве своем требовали ремонта, причем ремонтная база удовлетворяла потребности лишь на 10%. Из 9,1 тыс. самолетов 13% также были неисправны, а почти 2 тыс. не имели летных экипажей. Новых самолетов, таких как Ил-2, МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, Пе-2, Су-2, насчитывалось около 1,5 тыс., но лишь 208 экипажей успели переучиться на новую технику. Красная армия значительно уступала вермахту в подвижности, имея 272 тыс. автомобилей против 600 тыс. у немцев. На всю РККА приходилось всего 34 тыс. радиостанций. Велик был и некомплект командного состава, доходивший до 25%, а в ВВС — до 30%, к тому же 73% командиров окончили только курсы младших лейтенантов или были призваны из запаса.

Кроме того, агрессор к моменту нападения обладал целым рядом преимуществ. Одним из важнейших было то, что его войска находились в развернутом состоянии, в полной боевой готовности и вследствие просчетов советского политического и военного руководства получили возможность внезапно напасть на неразвернутые в соответствующие планам группировки и не отмобилизованные советские войска. Другим преимуществом вермахта являлось качество военной техники. Все его боевые самолеты представляли собой машины новейших образцов, в то время как основной парк самолетов советских ВВС значительно уступал им по тактико-техническим характеристикам. Хотя многие советские танки образца 1930-х гг. и не уступали по техническим характеристикам германским, однако их состояние находилось на более низком уровне. В отличие от советских соединений и частей, находившихся в состоянии формирования или реорганизации, соединения и части противника, полностью укомплектованные по штатам военного времени, слаженные и обученные, во всех звеньях имели хорошо теоретически и практически подготовленный командный состав. Существенную роль играло наличие у войск Германии богатого опыта почти двухлетних боевых действий в Европе.

Одним из важнейших преимуществ вермахта перед советскими войсками являлось также превосходство в подвижности. Перед нападением на Советский Союз Германия получила в свое распоряжение автомобильный транспорт почти всей Западной Европы и оснастила им армию. Только за счет трофейных французских автомобилей были оснащены 92 дивизии вермахта. Советские же войска имели всего треть штатной численности транспорта.

Заканчивался последний мирный день. В Генеральный штаб из войск поступали сообщения одно тревожнее другого. В поведении противника отмечались явные признаки подготовки к немедленному переходу в наступление. Работники Наркомата обороны, несмотря на поздний час, не покидали своих рабочих мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Воспользовавшись уничтожением английской эскадрой в августе 1914 г. нескольких германских кораблей в районе Маршалловых, Каролинских и Марианских островов, японцы легко овладели этими островами, являвшимися германскими владениями. В сентябре — ноябре 1914 г. Япония при некотором содействии англичан захватила портовый город-крепость Циндао на Шаньдунском полуострове, а затем установила свой контроль над всем Шаньдунем, принадлежавшим Германии на правах аренды (См.: Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985. С. 18–20, 21–29).

[2] *Кошкин А.* Крах стратегии спелой хурмы. М., 1989. С. 15.

[3] Военно-исторический журнал. 1998. № 5. С. 44.

[4] Под термином «цивилизация» имеются в виду уровень и характерные черты общественного развития, материальной и духовной культуры, «социальная форма движения материи» (см.: Цивилизации. М., 1992).

[5] *Ивашов Л.* Россия и мир на пороге нового тысячелетия: Глобальные вызовы, новые реалии и старые угрозы. М., 1998. С. 20 и др.

[6] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 23.

[7] Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Кн. 4. С. 65.

[8] Nuremberg. Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal: Nuremberg, 14 Nov. 1945 — 1 Oct. 1946: Official Text. Nuremberg, 1947. Vol. XXXI Doc. 126-C (далее — IMT); Завтра может быть уже поздно // Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 376.

[9] Координация действий советских и монгольских войск возлагалась на фронтовое управление, которым руководил командарм 2 ранга Г. М. Штерн. Монгольскими войсками командовал маршал МНР Х. Чойбалсан.

[10] Подробнее см.: Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 1995. С. 16–76.

[11] Documentes diplomatiques francaise 2-e Serie. T. XVIII. P. 1984. P. 127, 212. (Далее — DDF). Подробнее см.: 1939 год. Уроки истории. Ч. II. Гл. 5. Упущенная возможность. С. 298–318.

[12] Год кризиса 1938–1939. Т. II. М., 1990. С. 294; подробнее см.: Секреты польской политики 1935–1945. Сб. документов. М., 2009.

[13] *Rees L.* Behind Closed Doors. L., 2008. P. 15.

[14] DDF. T. XVIII. P. 232. Гамелен М. Г. (1872–1958) — главнокомандующий французской армией в начале войны, один из виновников поражения Франции.

[15] *Мосли Л.* Утраченное время / Пер. с англ. М., 1972. С. 305–307.

[16] *Read A., Fisher D.* The Deadly Alliance: Hitler. Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939–1941. L., 1988. P. 115.

[17] До 1918 г. Северная Буковина была частью Австро-Венгрии, после распада которой вошла в состав Румынии.

[18] См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 253–324; Анализ взаимной торговли двух стран в этот период, подробные сведения о приобретенном у Германии оборудовании и военной технике содержатся в книге: *Пыхалов И., Дьюков А.* «Великая оболганная война». М., 2009. С. 199–224.

[19] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. I / Пер. с англ. М., 1955. С. 357, 358.

[20] *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. 1933–1945: в 4 т. М., 2005. Т. 1. С. 12–13; *Он же.* Банкротство стратегии германского фашизма (1933–1945): в 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 8.

[21] История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 357.

[22] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1 / Пер. с нем. М., 1968. С. 125.

[23] Подробнее см.: *Макарчук В. С.* События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» // *Нарочницкая Н., Фалин В. и другие.* Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М., 2009. С. 208–240.

[24] К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 274, 427.

[25] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. М., 1999. С. 375.

[26] *Зимонин В.* Канун и финал Второй мировой войны. Советский Союз и принуждение Японии к миру. М., 2010. С. 16–21, 38.

[27] Телеграмму И. М. Майского об этой беседе см.: Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939 год. Кн. 2. М., 1992. С. 167–169.

[28] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП). Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 13. Л. 4; Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 185–210.

[29] АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 13. Л. 44–53; см. также: *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 201.

[30] ДВП. 1940 — 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 399–400.

[31] *Woodword L.* British Foreign Policy in the Second World War. Wolume I. L., 1970. P. 468–470 (Далее — Woodword).

[32] Подробнее см.: *Чубарьян А.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2009. С. 389 и др.

[33] ДВП. 1940 — 22 июня 1941 г. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 39 и др.

[34] Там же. С. 136–137.

[35] АВП. Ф. 059. П. 353. Д. 2409. Л. 54.

[36] Правда. 1992. 23 июня.

[37] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1986. С. 442–443.

[38] Цит. по: *Лота В.* Увидеть красный свет // Российское военное обозрение. № 7. 2008. Июль. С. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки не указаны; см. также: *Marphy D.* What Stalin Knew. The Enigma of Barbarossa. New Haven, L., 2005. P. 185–191.

[39] АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 249–250. Полный текст послания неизвестен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась Советско-финляндская война.

[40] ДВП. Т. 22. 1 января — 31 августа 1939 г. Кн. 1. М., 1992. С. 524–525.

[41] АВП. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2–6.

[42] Подробнее см.: ДВП. 1940 — 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995. С. 66–69.

[43] АВП. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 7361. Л. 44.

[44] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 328.

[45] Там же. П. 320. Д. 2202. Л. 56–57.

[46] Там же. Л. 84–87.

[47] Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers (далее — FRUS), 1940. Washington, 1959. Vol. I. P. 678.

[48] АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 86–87.

[49] *Kimball W.* The Juggler: Franklin Roosevelt as War time Statesman. Princeton (New Jersey), 1991. P. 30–31.

[50] FRUS, 1940. Vol. I. P. 616–617.

[51] АВП. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173. В свою очередь, К. Хэлл крайне отрицательно относился к К. А. Уманскому и считал, что он «нанес большой ущерб российско-американским отношениям» (The Memoirs of C. Hull. N. Y., 1948. Vol. I. P. 743).

[52] АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361. Г. Икес — министр внутренних дел США.

[53] Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ. М., 1995. С. 17.

[54] 16 мая 1941 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер заверил советского посла И. М. Майского в том, что «решимость правительства вести войну осталась в полной силе... Гесс

остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный» (ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 690). Советская разведка получала сведения о Р. Гессе и его встречах начиная с 14 мая, и, по оценке историков разведки, это была реализация замысла нацистского руководства заключить мир с Англией накануне нападения на Советский Союз, подставив его в одиночестве под удар агрессоров. «Во всяком случае, затяжка с открытием второго фронта совпадала с требованием Берлина не мешать Гитлеру вести «восточную кампанию», пока он не победит... Не случайно английские власти надолго засекретили архивные материалы, связанные с перелетом Гесса, спустя более полувека после полета «Черной Берты» британские власти предпочитают держать такие сведения в глубочайшей тайне» (Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 433–440). Вокруг дела Р. Гесса возникло множество легенд, одна из них — в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау наблюдал за состоянием Р. Гесса, в 1986 г. в Лондоне утверждал, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил. Х. Томас написал об этом две книги, но особого успеха они не имели. Загадками остаются запрет Р. Гессу во время Нюрнбергского трибунала что-либо сообщать о своем полете в Великобританию, самоубийство Р. Гесса в тюрьме и многое другое в этой истории.

[55] Подробнее см.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 468.

[56] Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1920–1941. Сб. документов: в 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 719–720.

[57] Известия. 1941. 14 июня.

[58] *Кондрашов В.* Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (историческая хроника). М., 2010. С. 90–93.

[59] *Мартиросян А.* 200 мифов о Великой Отечественной войне: в 5 т. Трагедия 1941 года. М., 2008. С. 125–130.

[60] О телеграмме начальника Генерального штаба 18 июня 1941 г. о приведении войск Западного особого военного округа в боевую готовность известно из материалов следственного дела на командующего округом, а затем (июнь 1941 г.) Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова. См.: *Ямпольский В.* ...Уничтожить Россию весной 1941 г. Документы спецслужб СССР и Германии 1937–1945. М., 2009. С. 509. Оригинал телеграммы или ее копия остаются неизвестными.

[61] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. III. М., 1995. С. 362–363.

[62] *Gilbert M.* The Churchill War Papers. Vol. 3. 1941. L., 2000. P. 832.

[63] С. Криппс, британский посол в Москве, в те дни находился в Лондоне.

[64] *Майский И. М.* Дневник дипломата. М., 2009. Кн. 2. Ч. 1. С. 413.

[65] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1941–1945. М., 1983. С. 47; С. Криппс просил также заверить советское правительство, что британское правительство «не допустит никакого промедления в оказании СССР (в случае нападения на него Германии) той помощи, на которую оно будет способно» (там же. С. 513).

[66] Российская газета. 2009. 8 июля.

[67] ДВП. 1939 год: в 2 кн. М., 1992; 1940 — 22 июня 1941 г.: в 3 кн. М., 1995, 1998.

[68] *Rees L.* Behind Closed Doors.

[69] *Лавров С.* 65-летие Великой Победы // Дипломатический ежегодник. 2009.

[70] Советская разведка известила руководство СССР о содержании этого документа уже в августе 1927 г. Разведка приложила немало усилий и истратила большие суммы на приобретение меморандума, что опровергает предположения некоторых авторов о том, что текст меморандума — фальшивка, изготовленная в недрах советского ОГПУ (см.: *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006. С. 18); Экспертизу копии документа, добытого агентурой ОГПУ в Харбине, для Генерального штаба РККА сделал специалист высшего класса профессор-японовед Макин, отлично знакомый с японской секретной документацией, подтвердив подлинность документа (см.: *Горбунов Е.* Крах планов «Оцу». Владивосток, 1988. С. 27–28); По представлению американского обвинения меморандум был признан Международным трибуналом в Токио в качестве обвинительного документа за номером 169 (см.: *Черевко К. Е.,*

Кириченко А. А. Указ. соч. С. 11, 20; *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М., 1984. С. 8–10); Этот документ нередко публиковался в фальсифицированных копиях, что, очевидно, становилось поводом для отдельных исследователей отрицать существование меморандума как такового. Так, японский исследователь Такэси Томита в публикации в российском журнале «Вопросы истории» (2010. № 3) приходит к такому выводу на основе анализа текста меморандума Г. Танаки, датированного почему-то октябрем 1929 г., хотя первые публикации документа появились уже в сентябре 1927 г. в китайском журнале China Weekly. Ряд примеров публикации документа в фальсифицированных редакциях приводит и известный отечественный японист К. Е. Черевко, имеющий большой опыт работы с японскими официальными документами (см.: *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Указ. соч. С. 13–15); Подлинник меморандума был, видимо, уничтожен, как и множество других компрометирующих милитаристское руководство Японии документов, сразу после объявления рескрипта императора Хирохито от 14 августа 1945 г. о капитуляции, по крайней мере, еще до прихода войск союзников на Японские острова. Но его существование в достоверных копиях признано официальной японской военной историографией и рядом японских исследователей (In: War in Asia and the Pacific, 1937–1949. Vol. 13; The Sino-Japanese and Chinese Civil Wars. Part 1; History of the Sino-Japanese War. Vol. 1. P. 5; *Обата Д., Тошно Т.* и др. Нихонси (История Японии). Токио, 1967. С. 489; Сёва гайко годзюнэн / 50 лет дипломатии периода Сёва. Токио, 1973. С. 28–29); Многие отечественные исследователи также не сомневаются в существовании меморандума Танаки (см.: *Кутаков Л.* Приход к власти правительства Г. Танаки // Япония. М., 1987. С. 90; *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы»).

[71] См.: Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии) (далее — Дайтоа сэнсо кокан сэн си): в 110 т. Токио, 1960–1980. Т. 8. Ч. 1. С. 138–139.

[72] Цит. по: Вторая мировая война: взгляд из начала XXI века. Материалы в помощь лекторам. М., 2009. С. 33.

[73] In: Being Review. 1985. May 6.

[74] АВП. Д. 9. Оп. 29. Д. 59. Л. 16–17.

[75] См.: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. Документы. С. 153.

[76] О боях у озера Хасан подробнее см.: *Зимонин В. П., Кузеленков В. Н., Логинов А. А., Нагаев И. М.* Герои Хасана. М., 2009. С. 57–113.

[77] См.: 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 294–296; *Кошкин А. А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 170.

[78] См.: История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 40; Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 116.

[79] *Glantz D.* Soviet Military Strategy vis a vis Japan (1921–1945) (An American Perspective) / Paper presented to IV-th Simposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunsweek (New Jersy), Rutgers Univ. October 1990. P. 9, 12, 14.

[80] *Triye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. L., N. Y., 1989. P. 19, 29–30.

[81] War in Asia and the Pacific. 1937–1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by Detwiler D. and Burdick Ch. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix № 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N. Y., 1966. P. VII.

[82] In: *W.* Japan-Soviet Misunderstanding // Contemporary Japan. 1936. Vol. V. № 3 (December). P. 424–428.

[83] См.: Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 89–90.

[84] Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 17.

[85] Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. Документы. С. 95, 157.

[86] См.: TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939–1941. Сб. документов и материалов: в 2 т. Т. 1. Вильнюс, 1989. С. 15.

[87] Там же. С. 15, 21, 32–33, 39–40, 43–44.

[88] Там же. С. 52.

[89] *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 51.

[90] *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха / Пер. с англ. М., 1991. Т. 1. С. 553.

[91] TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939–1941. Т. 1. С. 22, 28.

[92] Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 73; TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939–1941. Т. 1. С. 33.
[93] TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939–1941. Т. 1. С. 36.
[94] Там же. С. 65–66.
[95] *Glahtz D.* Soviet Military Strategy. P. 12–13.
[96] Там же. P. 19.
[97] The Far East Situation. Lecture Delivered 17 oktober 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport, R 1. 3881–3281/10–18–39. P. 22, 25.
[98] Подробнее об этом см.: *Iriye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. P. 79–83; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 51–64.
[99] *Inahara K.* The Russo-Japaneese Newtrality Pact // Contemporary Japan. 1941. Vol. X. № 5 (May). P. 585–596.
[100] См.: Мацуока Ёсукэ — сонохитото сёгай (Ёсукэ Мацуока как личность и его жизнь). Токио, 1974. С. 842; *Черевко К. Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 121–122, 126, 129.
[101] *Inahara K.* The Russo-Japaneese Newtrality Pact // Contemporary Japan. 1941. Vol. X. № 5 (May). P. 585–596.
[102] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 23.
[103] См.: *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 101; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 24.
[104] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 20. С. 368.
[105] Там же. С. 301, 321, 365–368; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 24; *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). С. 152, 169.
[106] Цит по: История войны на Тихом океане / Пер. с япон.: в 5 т. Т. III. М., 1957–1958. С. 379–380.
[107] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1998. Т. 3. С. 538.
[108] *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. S. 296–297.
[109] Там же. С. 297.
[110] *Rauschning H.* Hitlers Aim in War and Pease. L., 1940. P. 27.
[111] Dokumente zur deutschen Geschichte. 1933–1935. Berlin, 1977. S. 24.
[112] *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938–1940. Stuttgart, 1970. S. 190; *Hassel U.* Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938–1944. Frankfurt a. M., 1964. S. 77.
[113] IMT. Nuremberg, 1947–1949. Vol. 26. P. 379–382.
[114] *Below N.* Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980. S. 192.
[115] IMT. Vol. 26. P. 331.
[116] Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 9.
[117] Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR. Berlin, 1970. S. 95.
[118] *Проектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 142; Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 105.
[119] Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Bd. 4. S. 215–216.
[120] Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 124–127.
[121] Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjetunion (1940/1941). Berlin, 1970. S. 208–209.
[122] Deutschland im Zweiten Weitkrieg. Berlin, 1974. Bd. 1. S. 343.
[123] Там же. С. 533.
[124] Там же. С. 534.
[125] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 80.
[126] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 132.
[127] The National Archive of United States: A microfilm publication. T. 20–337. P. 246156.
[128] IMT. Vol. 34. P. 609.
[129] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. Т. 3. С. 629.
[130] Там же. С. 640.
[131] Цит. по: Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 246.
[132] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 105.

[133] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 897–898.

[134] Военно-исторический журнал. 1965. № 5. С. 89–92.

[135] *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 81.

[136] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 132.

[137] Preventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Hrg. von Pietrow-Ennker. Frankfurt a. M., 2000. S. 28.

[138] IMT. Vol. 26. P. 399–403.

[139] *Groeler O.* Geschichte des Luftkrieges 1913 bis 1970. Berlin, 1975. S. 295–296.

[140] Fall Barbarossa. S. 88–89.

[141] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987. С. 70.

[142] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 426–440.

[143] Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2005. С. 492.

[144] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Изд. 2-е, исп. и доп. Т. I–II. М., 1954. Т. II. С. 557.

[145] Цит. по: *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. М., Смоленск, 1993. С. 29.

[146] Там же. С. 397.

[147] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 81.

[148] Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88.

[149] *Мадайчик Ч.* Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 671–674; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 118.

[150] *Пикер Г.* Указ. соч. С. 36–37.

[151] Там же.

[152] Там же. С. 72.

[153] Там же. С. 74.

[154] Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 397.

[155] Цит. по: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 290–291.

[156] Там же.

[157] *Фогт М.* Откровения в ожидании победы // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 503–513.

[158] Там же. С. 504, 510.

[159] Там же. С. 506.

[160] Там же. С. 505–506.

[161] *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942 / Пер. с нем. М., 2004. С. 92.

[162] *Фогт М.* Указ. соч. С. 505.

[163] Там же.

[164] Мировые войны XX века. Кн. 4. М., 2005. С. 273.

[165] *Фогт М.* Указ. соч. С. 505.

[166] *Пикер Г.* Указ. соч. С. 96.

[167] Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин, 2000. С. 16; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1975. Bd. 2. S. 120.

[168] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 123.

[169] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 229–230.

[170] Там же. С. 231.

[171] Подробнее см.: *Ковалёв Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004.

[172] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1. S. 258.

[173] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1945) / Пер. с нем. М., 1974. С. 127.

[174] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 554–559.

[175] Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 133–137.

[176] Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 556.
[177] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 120–122.
[178] См.: Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 5 (8). С. 55.
[179] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 118.
[180] Цит по: Нюрнбергский процесс. Т. II. С. 905.
[181] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 125.
[182] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1997. Т. 7. С. 184.
[183] Ни давности, ни забвения: по материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985. С. 371; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 127.
[184] Тайны истории. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 119.
[185] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 173.
[186] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 206–207.
[187] Там же. С. 208–209.
[188] *Штрайт К.* Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные рабочие / Пер. с нем. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 592.
[189] Там же. С. 593.
[190] Цит. по: *Семиряга М. И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 456.
[191] Die Tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Moller, V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A. A. Feiber (далее — Die tödliche Utopie). München, 2001. S. 216.
[192] *Штрайт К.* Указ. соч. С. 592; См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 4. С. 204–206.
[193] Там же. С. 592.
[194] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Изд. 2-е, исп. и доп. М., 1954. Т. I. С. 429–433.
[195] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 7 т. М., 1958. Т. III. С. 238.
[196] Там же. С. 84.
[197] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 247.
[198] Цит. по: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 290–291.
[199] Отсканированные документы на немецком языке: gplanost.x-berg.de/gplanost.html.
[200] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 427.
[201] Там же. S. 428–429.
[202] *Мадайчик Ч.* Указ. соч. С. 674.
[203] Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 674.
[204] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 200–202.
[205] Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 425.
[206] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 62.
[207] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 705.
[208] *Шахурин А. И.* Крылья победы. М., 1990. С. 119.
[209] История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 884.
[210] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 423.
[211] Промышленность СССР. Статистический сб. М., 1957. С. 164, 192, 205, 233, 256, 318.
[212] *Мединский В.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 48.
[213] Там же.
[214] Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 301–313, 318–319.
[215] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 106.
[216] Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 310–311.
[217] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 106.
[218] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 359.

[219] В 1940 г. армия получила всего 81 118 пистолетов-пулеметов (при плане 100 тыс.) и 368 934 самозарядные винтовки вместо 711 тыс. по договору с промышленностью (Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 20. Оп. 25. Д. 1774. Л. 56).

[220] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО). Ф. 81. Оп. 12074. Д. 36. Л. 6–7. В вермахте насчитывалось 166,7 тыс. автоматов.

[221] РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 117. Л. 99, 101.

[222] Там же. Ф. 31811. Оп. 12. Д. 1199. Л. 66.

[223] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 15. Л. 12–13.

[224] Там же. Ф. 10а. Оп. 373. Д. 12. Л. 47–81.

[225] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Совмина СССР. Оп. 25. Д. 191. Л. 2–3; Д. 199. Л. 4–5.

[226] Подсчитано по: РГВА. Ф. 31811. Оп. 12. Д. 668. Л. 127; Д. 744. Л. 92; Д. 926. Л. 3; Д. 972. Л. 74–78; Д. 2299. Л. 70–73; ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 924. Л. 135–138; Оп. 11373. Д. 67. Л. 159–160.

[227] *Мединский В.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2012. С. 46.

[228] Перед нападением на СССР Германия имела всего одну кавалерийскую дивизию.

[229] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 кн. М., 1990. Т. 2. С. 108.

[230] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11304. Д. 13. Л. 48.

[231] *Мединский В.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. С. 44–45.

[232] ЦАМО. Ф. 72. Оп. 12274. Д. 16. Л. 13.

[233] Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1954. Т. 1. С. 79.

[234] Центральный архив пограничных войск (далее — ЦАПВ). Ф. 14. Оп. 5. Д. 206. Л. 103.

[235] Там же. Д. 3. Л. 25–28.

[236] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 617. Л. 258.

[237] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 90.

[238] Роль Военного совета при народном комиссаре обороны СССР, созданного в 1934 г., постепенно снижалась. На основании постановления СНК СССР от 6 ноября 1940 г. он был упразднен.

[239] П. А. Смирнов, П. И. Смирнов-Светловский, М. Р. Шапошников и И. С. Мушнов были необоснованно репрессированы.

[240] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 238.

[241] ЦАМО. Ф. 81. Оп. 84959. Д. 183. Л. 31–39.

[242] Там же. Оп. 23042. Д. 78. Л. 38.

[243] Там же. Ф. 41. Оп. 34880. Д. 3. Л. 2.

[244] Там же.

[245] Там же. Ф. 38. Оп. 11492. Д. 16. Л. 44; Ф. 38. Оп. 11373. Д. 67. Л. 159–160.

[246] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11492. Д. 16. Л. 101.

[247] К таким работам можно отнести: *Фрунзе М. В.* Единая военная доктрина и Красная Армия (1921); *Тухачевский М. Н.* Стратегия национальная и классовая (1920), Вопросы высшего командования (1924), Война (1926); *Каменев С. С.* Очередные военные задачи (1922); *Шапошников Б. М.* Мозг армии: в 3 т. (1927–1929); *Свечин А. А.* Стратегия (1923); *Верховский А. И.* Огонь, маневр, маскировка (1928); *Триандафиллов В. К.* Характер операций современных армий.

[248] РГВА. Ф. 33885. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

[249] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 2002. Т. 1. С. 102.

[250] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Изд. 6-е. М., 1988. Кн. 1. С. 68.

[251] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945. Изд. 3-е. М., 1982. С. 552.

[252] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1988. С. 108.

[253] РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 215. Л. 155.

[254] *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 101–102.

[255] Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1978. Т. 5. С. 121.

[256] РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 215. Л. 151–155.

[257] Там же. Д. 230. Л. 5–7.

[258] *Герасимов Г. И.* Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1.

[259] Военно-исторический журнал. 1990. № 2.
[260] 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 605.
[261] Генеральские звания были введены указом Президиума Верховного совета СССР от 7 мая 1940 г.
[262] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1937–1945: в 3 т. Т. 13 (2-1). М., 1994. С. 175.
[263] Там же. Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993. Т. 12 (1). М., 1993. С. 145.
[264] Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 44.
[265] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 198; См.: Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 32; Военно-исторический журнал. 1996. № 2–4.
[266] Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 555.
[267] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 6.
[268] Там же.
[269] Там же. Л. 14.
[270] Россия XX век. Документы. 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 247–255.
[271] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 241. Л. 6.
[272] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 118.
[273] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 230, 240.
[274] *Василевский А. М.* Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А. М. Василевского от 20 августа 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 8.
[275] Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. С. 247.
[276] См.: Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 11; № 4. С. 8.
[277] Там же. № 2. С. 9, 13.
[278] Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 216; *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 304.
[279] Единожды солгав // Красная звезда. 1993. 20 февраля.
[280] См.: *Вишнев О. В.* Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86–100; № 2. С. 70–96; ...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 39–53; Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
[281] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 29–30.
[282] *Судоплатов П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 216.
[283] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 324.
[284] *Исаев А. В.* Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004. С. 11–20.
[285] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1968. Т. 1. С. 133.
[286] Там же. Т. 1. С. 38; Т. 2. С. 61.
[287] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов: в 7 т. М., 1960. Т. 5. С. 569.
[288] Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 35.
[289] Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. С. 154, 231–233.
[290] Там же. С. 575–577.
[291] Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 32.
[292] Die Beziehungen rwischen Deutschland und der Sovietunion 1939 –1941. S. 380–381.
[293] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 108.
[294] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 122–123; Боевой и численный состав Вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2001. С. 136–139. Учтены все самолеты ВВС Северного, Балтийского и Черноморского флотов, танки 5-го (16-я армия) и 21-го (22-я армия) механизированных корпусов. Не учтены 1,4 тыс. орудий береговой артиллерии названных флотов и 50-мм минометы, так как подобное вооружение не бралось в расчет при определении боевого и численного состава противника.

СРЫВ БЛИЦКРИГА

Трудное начало

К июню 1941 г. Вторая мировая война, втянув в свою орбиту около тридцати государств, вплотную подошла к границам Советского Союза. На Западе не оказалось силы, которая могла бы остановить армию нацистской Германии, к тому времени оккупировавшую уже двенадцать европейских государств.

Вечером 21 июня начальнику Генерального штаба генералу Г. К. Жукову позвонил начальник штаба Киевского особого военного округа генерал М. А. Пуркаев и сообщил о немецком перебежчике, утверждавшем, что германские войска занимают исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Г. К. Жуков доложил об этом наркому обороны С. К. Тимошенко и И. В. Сталину. Вызванные в Кремль С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков представили проект директивы о приведении войск западных приграничных округов (Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского) в боевую готовность. Но И. В. Сталин все еще колебался. Только поздним вечером, после получения шифровки одного из резидентов советской разведки, который сообщал, что война, скорее всего, начнется этой ночью, И. В. Сталин, дополнив представленный проект директивы пунктом о том, чтобы войска ни в коем случае не поддавались на возможные провокации, разрешил направить ее в округа. Ее передача закончилась в половине первого ночи, когда до нападения оставалось около трех часов.

Директива предупреждала командующих войсками военных округов о возможном в течение 22–23 июня нападении агрессора и требовала в полной боевой готовности встретить «внезапный удар немцев или их союзников». С этой целью было приказано: в ночь на 22 июня скрытно занять на границе огневые точки укрепленных районов; к рассвету рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию и замаскировать ее; войска рассредоточить; противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава, а города и объекты подготовить к затемнению. Проведение каких-либо других мероприятий без особого на то разрешения директива, получившая номер 1, категорически запрещала[1].

Директива № 1 отличалась от плана приведения войск в боевую готовность на случай войны, который имелся во всех военных округах. Его выполнение должно было осуществляться на основе короткой шифротелеграммы: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», смысл которой был известен всем командующим, командирам и начальникам штабов. Вместо этого в войска ушло многословное, неконкретное распоряжение с двусмысленным требованием — не поддаваться на провокации. Шифрование и передача громоздкого документа закончились только в полпервого ночи, а на весь длинный путь от Генерального штаба

до округов, а оттуда к армиям, корпусам и дивизиям ушло более четырех часов драгоценного времени. Большинство соединений и частей приграничных округов к началу нападения противника приказ так и не получили, а потому и не были подняты по боевой тревоге.

Рано утром 22 июня Германия без объявления войны напала на СССР, обрушив шквал огня и металла. С началом нападения Германии на нашу страну взоры народов СССР обратились к Красной армии — надежде и опоре Советского государства. Ожидали, что она даст быстрый и достойный ответ захватчикам, но этого не случилось. Произошло обратное: войска вермахта глубоко врезались в пределы СССР, поставили страну и армию на грань катастрофы. Началось фашистское нашествие. Советский народ вступил в войну, ставшую Великой Отечественной. В то время, летом 1941 г., советско-германский фронт стал единственным в континентальной Европе сухопутным фронтом от Баренцева до Черного моря. Этот фронт стал главным во Второй мировой войне и до самого крушения Третьего рейха в 1945 г. играл решающую роль в разгроме армий фашистского блока, внес наибольший вклад в победу народов мира над гитлеровским злом.

Вторжение германских войск на советскую территорию ранним утром 22 июня 1941 г. стало началом несправедливой, захватнической, грабительской и истребительной войны со стороны нацистской Германии, ее европейских союзников и сателлитов против Советского Союза, его народов. Это был акт заранее спланированной и тщательно подготовленной агрессии. По своему характеру война против СССР стала самой ожесточенной и несправедливой, самой разрушительной и кровопролитной в истории человечества. Это было предопределено геополитическими, социально-политическими и военными целями, которые преследовал нацистский агрессор в ходе Второй мировой войны, развязанной им 1 сентября 1939 г. Нападение на Советский Союз показало, что они стали еще более несправедливыми и антигуманными. Начав истребительную войну против Советского Союза, его народов и культуры, нацистская Германия де-факто объявила истребительную войну и всей человеческой цивилизации.

В сложившихся условиях начавшаяся война со стороны Советского Союза была не просто ответной и вынужденной — это была война за национальное выживание. В своем выступлении по Всесоюзному радио 22 июня заместитель председателя СНК и народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов сказал: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу»[2]. Слушавшие его миллионы людей знали: это их мысли, их чувства, их цель. Уже в первый день войны поэт В. Лебедев-Кумач, осознав трагизм происходящего, нашел самые точные, идущие от сердца слова, отлившиеся в стихотворение «Священная война»[3]. Оно стало, по сути, военным гимном для всех, кто поднялся на войну против фашизма, прозвучало набатом к тяжкой, кровопролитной борьбе во имя победы.

Песня (музыку написал композитор Б. Александров) в метафоричной форме раскрыла суть Великой Отечественной войны, ее историческое предназначение. Чуть позже характер начавшейся войны был сформулирован председателем ГКО И. В. Сталиным в речи, произнесенной 3 июля 1941 г. по радио: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт наро-

дов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[4].

Война была охарактеризована как Великая Отечественная. Это обусловливалось масштабностью выпавших испытаний, необходимостью колоссального напряжения сил во имя сохранения суверенитета и территориальной целостности СССР, возможности для советского народа самостоятельно решать свою историческую судьбу. В условиях, когда иноземное нашествие угрожало самому существованию нашей страны, нашего народа, на первый план выдвинулись патриотические, национально-государственные интересы.

Советский народ ответил на агрессию Отечественной войной и потому, что он раньше других осознал опасность, исходящую от фашизма. Цели Великой Отечественной войны выражали интересы народов Советского Союза в первую очередь, но одновременно и интересы народов других стран, всего человечества. Сами они своей предпосылкой имели материальную и духовную основу в советском обществе и тогдашнем мире.

Война была названа всенародной. Это означало, что в силу ее тотального, всеобъемлющего характера никто не сможет остаться от нее в стороне. В этой войне стиралась граница между фронтом и тылом. Каждый, где бы он ни находился, в меру сил должен был внести свой вклад в победу. В дальнейшем это как нельзя более точно выразил лозунг «Все для фронта, все для победы!».

Агрессивной, захватнической войне Советский Союз противопоставил войну справедливую, освободительную. Ее цели состояли: в ликвидации опасности порабощения, нависшей над нашей страной, освобождении захваченных врагом территорий и проживающего на них населения, сохранении целостности и независимости государства; в оказании помощи народам Европы, оказавшимся под фашистским сапогом; в спасении человеческой цивилизации от варварства и разрушения. Несмотря на политическую разнородность движения Сопротивления в различных европейских странах, значительная их часть стала связывать свои надежды с Советским Союзом, поскольку его политические цели в войне выражали жизненные интересы не только народов нашей страны, но и народов других стран, что становилось объективной предпосылкой для будущего всенародного освободительного характера войны. Народы Советского Союза и Европы объединились на антинацистской основе.

Война носила также межформационный характер. Агрессия Германии против СССР стала проявлением извечного противостояния западноевропейской и восточнославянской цивилизаций, взаимного неприятия и непонимания различных по своей сути духовно-религиозных ценностей и образа жизни. Именно поэтому нацистские лидеры не ограничивали свои задачи лишь оккупацией территории Советского Союза, порабощением его населения и истощением его материальных ресурсов, но и намеревались ликвидировать многовековую российскую государственность, уничтожить целые народы.

Своевременное и точное определение преступного характера фашистской агрессии против Советского Союза, с одной стороны, и справедливого характера ответной Отечественной войны против нацистской Германии и ее союзников, с другой, а также осознание этого факта нашим народом сыграли огромную роль в борьбе с фашизмом и победе над ним. Советские люди поняли: опасность велика, зло сильно. С первых минут войны появились убитые и раненые как среди воинов Красной армии, так и среди мирного населения. Варварскому разрушению подверглись города, села, промышленные предприятия, культурные учреждения. И чем дальше в глубь нашей страны шло это зло, тем тяжелее были утраты. Советский народ не мог смириться и не смирился. На силу он ответил силой, своей справедливой войной. Это был единый осознанный ответ и политического руководства, и многонационального народа. Из двух реальных возможностей развития событий — сдаться на милость агрессору или воспротивиться вооруженному насилию, вступить в смертельную битву — была избрана вторая. Этот выбор обусловливался историей Российского государства, его народов. Он — результат многовековой борьбы народов за создание самостоятельного, независимого Российского государства, многих национальных и отечественных войн по его защите. Всякий раз, когда над Россией нависала опасность, когда агрессор вторгался на ее

территорию в целях захвата и покорения, российский народ поднимался на бескомпромиссную борьбу с врагом.

Если говорить о военно-стратегической стороне Великой Отечественной войны, то она отличалась сложным и во многом новаторским характером. Противник в начале войны владел стратегической инициативой и опытом ведения современных боевых действий. Против СССР была брошена колоссальная по силе военная мощь. Германия вела войну нового типа — механизированную и высокоманевренную. Война моторов — это определение раскрывает одну из главных черт Великой Отечественной и всей Второй мировой войны в целом. Однако методы использования военной техники и оружия в армиях воюющих стран были различными. Войну отличали большой размах развернувшихся военных действий, высокие темпы и динамизм сражений.

В начале войны обстановка на фронте складывалась чрезвычайно тяжелая, порой трагическая. Недостатки в качественном состоянии армии, ее подготовке, просчеты политического руководства страны в приведении войск в боевую готовность дали о себе знать сразу же с началом войны.

Война застала войска Ленинградского военного округа (14, 7 и 23-я армии), которым командовал генерал М. М. Попов, в пунктах дислокации мирного времени. Округ, прикрывавший государственную границу с Финляндией на фронте в 1670 км, имел 21 дивизию и одну стрелковую бригаду. Прибалтийский особый военный округ (8, 11 и 27-я армии, 5-й воздушно-десантный корпус), возглавляемый генералом Ф. И. Кузнецовым, прикрывал 300-километровую полосу от Балтийского моря до южной границы Литвы. Кроме того, округ должен был оборонять морское побережье протяженностью 420 км. Его войска насчитывали 25 дивизий и одну стрелковую бригаду. Общая численность войск округа составляла всего 379,5 тыс. человек, имелось 4938 орудий и минометов, 1274 танка и 1078 самолетов[5]. В Белоруссии, где агрессор намечал нанести свой главный удар, размещались войска Западного особого военного округа (3, 4, 10 и 13-я армии, 4-й воздушно-десантный, 21-й и 47-й стрелковые, а также 17-й и 20-й механизированные корпуса), которым командовал генерал Д. Г. Павлов. Для действий в 470-километровой полосе округ располагал 44 дивизиями (всего 678 тыс. человек, 10 296 орудий и минометов калибра свыше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолетов)[6]. Большинство соединений также находились в казармах и лагерях, а десять стрелковых дивизий резерва округа совершали марш походным порядком в приграничную полосу. На Украине границу СССР на 860-километровом фронте, от Припятских болот до Молдавии, прикрывали войска Киевского особого военного округа (5, 6, 12 и 26-я армии, 5-й кавалерийский, 7, 31, 36, 37, 55-й стрелковые, 9, 15, 19, 24-й механизированные и 1-й воздушно-десантный корпуса) под командованием генерала М. П. Кирпоноса. Этот округ являлся самым мощным в Красной армии. В его составе имелось 58 дивизий, из которых 15 стрелковых находились на марше. Всего в составе округа насчитывалось 957 тыс. человек, 12 604 орудия и миномета, 4783 танка, 1759 самолетов[7]. Рассвет 22 июня застал соединения армий первого эшелона на зимних квартирах и в лагерях. Войска Одесского военного округа во главе с командующим генералом Я. Т. Черевиченко прикрывали границу с Румынией протяженностью 480 км, а также Черноморское побережье, включая Крым. Округ имел 22 дивизии. В основном они находились в пунктах дислокации мирного времени, но в первом часу ночи были подняты по боевой тревоге. Стрелковые дивизии первого эшелона начали выдвижение к границе.

Таким образом, войска западных приграничных округов в составе 170 дивизий, двух отдельных стрелковых и 12 воздушно-десантных бригад не были приведены в полную боевую готовность и, не закончив оперативного развертывания, не смогли дать отпор мощным ударным группировкам немецкой армии. Если в первом эшелоне армий прикрытия находилось 56 дивизий и две бригады, то противник имел в первом эшелоне 103 дивизии, из них 10 танковых[8].

На рассвете 22 июня сотни немецких самолетов вторглись в воздушное пространство СССР, неся смерть и разрушения, уничтожая важные объекты, расположенные в западной

приграничной полосе от Баренцева до Черного моря. Основной удар бомбардировщики нанесли по аэродромам: уничтожение советской авиации являлось одной из главных задач германских летчиков в первый день войны. Не сумев оказать сопротивления врагу, советская авиация несла огромные потери. К тому же ее действия сковывал приказ: границу не перелетать, уничтожать воздушного противника над своей территорией[9]. Неопределенность боевых задач и неясность обстановки дезориентировали личный состав советских авиационных частей. Трудности усугублялись нарушением управления. Связь командующих ВВС фронтов и армий со многими авиационными соединениями и частями нарушилась. Господствуя в воздухе, авиация противника продолжала уничтожать самолеты, стоявшие на аэродромах. В результате советская авиация уже 22–23 июня потеряла около 2 тыс. самолетов[10]. Однако советские летчики даже в чрезвычайно сложных и неблагоприятных условиях отчаянно пытались противостоять врагу. Над приграничными районами разгорелись ожесточенные воздушные бои. Когда кончались боеприпасы, советские летчики-истребители в яростном ожесточении шли на таран. Первый воздушный таран в Великой Отечественной войне (недалеко от г. Дубно, где в 1914 г. впервые в мире применил таран русский летчик Пётр Нестеров) совершили практически одновременно летчики Д. В. Кокорев, Л. Г. Бутелин и И. И. Иванов. Время их подвига различается незначительно. В 4 часа 15 минут Д. В. Кокорев тараном сбил вражеский самолет. Наручные часы командира авиазвена 46-го истребительного авиационного полка старшего лейтенанта И. И. Иванова, остановившиеся от удара о землю, показывали 4 часа 25 минут. В первый же день войны около двадцати летчиков таранили вражеские самолеты.

Советские летчики стремились вырвать у врага инициативу в воздухе. Авиация Северо-Западного и Западного фронтов в середине дня осуществила удары по немецким аэродромам. Но удары наносились небольшими силами бомбардировщиков без надежного прикрытия истребителями, что приводило к большим потерям.

В истории не было ничего подобного, когда в первый день войны агрессор бросал бы в сражение такие огромные силы: 70% всех дивизий, 75% орудий и минометов, 90% танков и боевых самолетов. Германское руководство намеревалось в первых же приграничных сражениях сокрушить Красную армию.

Первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Но не было случая, чтобы воины-чекисты без приказа оставили занимаемые рубежи. Сопротивление пограничной охраны враг рассчитывал преодолеть в течение часа, на ликвидацию застав отводилось всего полчаса. Для решения этой задачи были подготовлены специальные штурмовые группы, на вооружении которых были автоматы, пулеметы, минометы. Перед вторжением фашисты подвергли артиллерийскому обстрелу почти все пограничные объекты: штабы комендатур, заставы, узлы связи. Но сбить пограничников с занимаемых рубежей оказалось непросто. Они удерживали свои позиции от нескольких часов до нескольких суток. Ни один наряд, ни одна застава, ни один пограничник не ушли с охраняемого объекта без приказа. Верные присяге, они стояли насмерть, а нередко и переходили в контратаки, отбрасывая врага за границу.

Стрелковые соединения выходили навстречу наступавшему врагу с большим опозданием. Это не позволило создать сплошного фронта обороны. Батальоны и полки вступали в бой с ходу, разновременно, при встрече с противником переходя к обороне на не оборудованной в инженерном отношении местности. В первые же часы некоторые стрелковые дивизии первого эшелона советских войск были расчленены, а часть из них оказалась в окружении. Связь с ними была утеряна. Штаб Западного фронта к 7 часам утра не имел проводной связи даже с армиями[11].

После получения донесений из штабов фронтов и переговоров с командующими нарком обороны и начальник Генерального штаба около 4 часов утра доложили И. В. Сталину о вторжении немцев. Опасаясь провокации, он не сразу поверил, что началась война. Однов-

ременно Генеральный штаб уже открытым текстом информировал штабы военных округов, армий и корпусов о нападении Германии.

Бои уже шли на всем фронте — от Балтики до Черного моря, а в Москве германский посол граф В. Шуленбург лишь в 5 часов 30 минут вручил наркому иностранных дел В. М. Молотову меморандум А. Гитлера об объявлении войны Советскому Союзу. Узнав о нападении, И. В. Сталин созвал на совещание высших военных, партийных и государственных деятелей. В 5 часов 45 минут к нему в кабинет прибыли С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, В. М. Молотов, Л. П. Берия и Л. З. Мехлис[12]. К 7 часам 15 минутам была выработана директива № 2, в которой от имени наркома обороны требовалось: «1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить; 2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кёнигсберг и Мемель»[13]. Запрещение переходить границу, к тому же еще и ограничение глубины ударов авиации свидетельствуют о том, что советское руководство все еще не верило, что началась «большая война».

На базе управлений и войск Прибалтийского, Западного и Киевского военных округов 22 июня были образованы соответственно Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты, а на базе Одесского военного округа — 9-я армия. На совещании в Кремле были приняты важнейшие решения, положившие начало тому, чтобы превратить всю страну в единый военный лагерь. Они были оформлены указами Президиума Верховного Совета СССР.

Советское командование пыталось сохранить устойчивый фронт, наладить управление, организованно ввести в сражение резервы. Чрезвычайная сложность быстро меняющейся обстановки, высокая подвижность и маневренность военных действий, ошеломляющая мощь первых ударов вермахта потребовали от советского военно-политического руководства эффективной системы управления войсками, которая, как показали уже первые события войны, отсутствовала. Еще в конце весны 1941 г. нарком обороны по настоянию Г. К. Жукова доложил И. В. Сталину проект документов по созданию Ставки Главного командования. В результате было получено согласие опробовать предлагаемую структуру Ставки и порядок ее работы на специальном командно-штабном учении. Однако осуществить задуманное не удалось, и формирование Ставки пришлось проводить в спешном порядке. Решение о создании этого органа было принято 23 июня. В ее состав вошли: С. К. Тимошенко (председатель), И. В. Сталин, Г. К. Жуков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый и Н. Г. Кузнецов. Одновременно при Ставке была создана группа постоянных советников. Рабочим органом Ставки стал Генеральный штаб, хотя формально никаких указаний на этот счет не отдавалось. В созданной Ставке сложилась ситуация, когда существовали как бы два главнокомандующих: один — юридический, другой — фактический. С. К. Тимошенко как нарком обороны и председатель Ставки не мог принять ни одного принципиального решения без И. В. Сталина. Ошибочность такого подхода выявилась быстро и была исправлена. Начальный период войны для Ставки стал наиболее сложным. Верховное главнокомандование не имело опыта, многие вопросы решались поспешно, нередко методом проб и ошибок.

В начале войны роль Генерального штаба недооценивалась. Уже на второй день войны его начальник Г. К. Жуков был направлен для оказания помощи командованию Юго-Западного фронта, заместитель наркома обороны Б. М. Шапошников, заместитель начальника Генерального штаба В. Д. Соколовский и начальник оперативного управления Г. К. Маландин отправились на Западный, а первый заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин — на Северо-Западный фронт.

Советские люди узнали о войне в 12 часов дня, когда от имени правительства с обращением к народу выступил по радио заместитель председателя Совета народных комиссаров, народный комиссар иностранных дел Союза ССР В. М. Молотов. Это всколыхнуло всю

страну. В городах, селах и самых отдаленных уголках страны у дверей военкоматов, райкомов партии и комсомола выстраивались длинные очереди добровольцев. Почти никто не сомневался, что понадобится всего-навсего каких-нибудь три-четыре недели и враг будет разбит. У людей резко возрос интерес к информации. Они стремились не пропустить ни одного сообщения по радио.

В то время мало кто до конца сознавал, какой силы удар обрушился на страну. Чтобы выдержать его, нужны были величайшее напряжение, всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны, перестройка экономики на военный лад, мобилизация людских резервов для нужд фронта и народного хозяйства; требовалось эвакуировать промышленные предприятия и население из приграничных фронту районов и решать великое множество других вопросов, которые возникали непрерывно. В такой тяжелейшей обстановке было необходимо выработать не только общую программу борьбы с захватчиками, но и механизмы претворения ее в жизнь.

Народы многих стран мира осудили германскую агрессию, выступили в поддержку Советского Союза. Государственные и политические деятели Великобритании и США уже в первый день нападения Германии на СССР высказались за объединение усилий с Советским Союзом в борьбе против общего врага. Нападение Германии на СССР вызвало вздох облегчения у англичан: война на востоке отодвигала на какое-то время угрозу германского вторжения на Британские острова. Премьер-министр У. Черчилль вечером 22 июня в выступлении по радио сказал: «Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров»[14]. Официальное заявление сделало 23 июня и руководство США. От имени правительства его зачитал исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес. В заявлении подчеркивалось, что любое сплочение сил против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорит падение германских руководителей, а гитлеровская армия представляет собой сейчас главную опасность для Американского континента. На следующий день президент Ф. Рузвельт сказал на пресс-конференции, что США рады приветствовать еще одного противника нацизма и намерены предоставить Советскому Союзу помощь, но заметил, что пока неизвестно, в какую форму она выльется[15].

Нападение нацистской Германии прервало мирный труд советского народа. В жизни страны начался новый, неимоверно тяжелый, но вместе с тем и героический период. Народ поднимался на справедливую войну за свободу и независимость — на Великую Отечественную.

Тем временем ударные группировки врага в полосах обороны Северо-Западного и Западного фронтов продолжали развивать наступление, не позволяя советским войскам закрепиться на рубеже укрепленных районов. В результате строившиеся укрепленные районы на новой границе какой-либо роли в замедлении темпов наступления противника не сыграли. В сложной и неблагоприятной обстановке командующим армиями и командирам соединений не удалось организовать устойчивую оборону. Большинство частей, ведущих кровопролитные бои, не имели связи с соседями и авиационного прикрытия, так как приграничные аэродромы были выведены из строя. Зенитных средств недоставало, поэтому немецкие самолеты безнаказанно бомбили и обстреливали советские войска. Все это затрудняло организацию и ведение боевых действий.

Немецкая группа армий «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии, при поддержке 1-го воздушного флота наносила удар с задачей разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот опорных баз. Вместе с 3-й танковой группой ее передовые силы вторжения насчитывали 655 тыс. человек, 7673 орудия и миномета, 1389 танков и 1070 самолетов[16].

Немецкие танкисты на оккупированной территории Западной Белоруссии. Июнь 1941 г.

Одна из колонн моторизованной дивизии 2-й немецкой танковой группы на советской территории. Лето 1941 г.

4-я танковая группа немцев, обходя встречавшиеся на ее пути стрелковые части, развивала наступление на шяуляйском направлении. К концу дня ее передовые отряды находились в 60 км восточнее границы. На вильнюсском направлении, которое прикрывала 11-я армия под командованием генерала В. И. Морозова, немецкие боевые машины сумели проскочить по мостам через Неман вместе с отходившими советскими частями. 3-я немецкая танковая группа группы армий «Центр», действовавшая в полосе Северо-Западного фронта, переправившись через Неман, устремилась к Вильнюсу, но здесь встретила упорное сопротивление. Между Северо-Западным и Западным фронтами начала образовываться брешь.

Еще более трагично развивались события на Западном фронте. Группа армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок), сосредоточенная на московском направлении и наносившая главный удар, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и две бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву. С этой целью в ее составе насчитывалось (пока без 3-й танковой группы) 634,9 тыс. человек, 12,5 тыс. орудий и минометов калибра свыше 50 мм, 810 танков и 1677 самолетов[17]. Рассчитывая окружить советские войска в белостокском выступе, противник наносил удары под его основание с севера и юга. Гродно, где располагался штаб 3-й армии генерала В. И. Кузнецова, непрерывно бомбился. Сильнейший натиск соединений 9-й немецкой армии с моторизованным корпусом и непрекращавшиеся, изнуряющие бомбардировки вынудили части 3-й армии к исходу дня отойти на юго-восток.

В чрезвычайно напряженной обстановке пришлось отражать натиск врага войскам 4-й армии, которой командовал генерал А. А. Коробков. Не успев занять намеченных планом прикрытия рубежей, стрелковые соединения под ударами 2-й немецкой танковой группы были вынуждены начать отход. В полосе Западного фронта из-за отсутствия точной информации творился хаос. В своем распоряжении подчиненным войскам по итогам боев 22 июня генерал Д. Г. Павлов отмечал: «Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу». Командующий фронтом приказывал «при отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять. Организовать питание горячей пищей через местное население»[18]. Лишь оставшиеся в районе Бреста подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий вместе с гарнизоном крепости продолжали беспримерную схватку с врагом.

Отход 4-й армии поставил в трудное положение соединения 10-й армии, находившейся в центре белостокского выступа. Штаб фронта потерял с ней связь с самого начала вторжения. Генералу Д. Г. Павлову не оставалось ничего иного, как отправить самолетом в Белосток, где располагался штаб армии, своего заместителя генерала И. В. Болдина с задачей установить положение армии и в зависимости от обстановки силами 6-го механизированного корпуса нанести контрудар на гродненском или брестском направлении, что предусматривалось планом прикрытия. К концу дня определился глубокий охват белостокского выступа ударными группировками противника с обоих флангов. Уже в первый день войны обозначилась угроза окружения оборонявшихся здесь войск.

Если в полосе Северо-Западного и Западного фронтов в связи с потерей управления создалась тяжелейшая обстановка, то на Юго-Западном фронте положение было менее угрожающим. Подразделения и части стрелковых дивизий первых эшелонов, выдвигавшиеся к границе, занимали оборону в предполье перед укрепленными районами и в промежутках между дотами, которые спешно приводились в боевую готовность.

Главный удар группы армий «Юг»[19] (6, 17, 11-я полевые немецкие, 3-я и 4-я румынские армии, 1-я танковая группа и венгерский корпус; всего 57 дивизий и 13 бригад) под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта пришелся в стык 5-й и 6-й армий. Завязались

упорные бои, которые шли с неослабевающим напряжением и упорством. Самоотверженно сражались воины 91, 41 и 96-й стрелковых дивизий. Несмотря на численное превосходство противника, они, умело маневрируя и используя укрепления, успешно отражали атаки врага. На направлении главного удара группы армий «Юг» фельдмаршал Г. фон Рундштедт ввел в прорыв танковые дивизии 1-й танковой группы генерала Э. Клейста. Как только об этом стало известно в штабе фронта, генерал М. П. Кирпонос приказал командующему 6-й армией генералу И. Н. Музыченко силами 4-го механизированного корпуса совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса нанести сильный контрудар и уничтожить противника. Одновременно с этим контрударом командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов решил нанести контрудар по прорвавшейся танковой группировке врага силами 22-го мехкорпуса. К сожалению, взаимодействие между армиями организовано не было, а механизированные корпуса 22 июня сосредоточиться не сумели. Прорыв немецких танков к исходу дня на глубину до 20 км ликвидировать было нечем.

На южном участке советско-германского фронта, на границе с Румынией, 22 июня развертывались войска 9-й армии под командованием генерала Я. Т. Черевиченко. Передовые части выдвинулись к р. Прут, придя на помощь пограничным заставам, которые вели борьбу со штурмовыми отрядами противника, стремившимися захватить мосты. Действия немецко-румынских войск в полосе армии носили сковывающий характер. 11-я немецкая и главные силы 3-й и 4-й румынских армий еще только готовились к переходу в наступление, атаки румынских штурмовых отрядов были отражены.

На северном участке советско-германского фронта, на границе с Финляндией, противник в первый день войны активности не проявлял. Финляндия объявила войну Советскому Союзу лишь 26 июня. На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» и две финские армии — всего 21 дивизия и три бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе армий «Север» в захвате Ленинграда[20].

Из-за нарушенного управления, отсутствия устойчивой связи в Наркомате обороны и Генеральном штабе к вечеру 22 июня не имели представления о реально складывающейся обстановке. Донесения штабов фронтов не отражали фактического положения и состояния войск. В оперативной сводке Генерального штаба, подготовленной всего шесть часов спустя после начала агрессии, говорилось: «Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха»[21]. В сводке на 22 часа также не было указано истинное положение на фронтах. В ней говорилось, что «с подходом передовых частей полевых войск Красной армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»[22]. Фактически танковые и моторизованные дивизии врага в первый день продвинулись в глубь советской территории до 60 км. Вследствие неправильной оценки обстановки нарком обороны и начальник Генерального штаба сделали заключение, что в основном бои ведутся вблизи границы, а самые крупные вражеские группировки — это сувалковская (на северо-западном направлении) и люблинская (на юго-западном направлении), от действий которых и будет зависеть дальнейший ход сражений. А вот самую мощную немецкую группировку, наносившую удар из района Бреста (западное направление), советское Главное командование из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта явно недооценило.

В результате неправильной оценки обстановки, руководствуясь довоенным планом на случай войны с Германией, нарком обороны в 21 час 15 минут подписал директиву № 3, в которой потребовал от войск перейти к решительным наступательным действиям. Войска Северо-Западного и Западного фронтов, сдерживая противника на варшавском направлении, должны были сосредоточенными ударами из районов Каунаса и Гродно окружить и уничтожить сувалковскую группировку и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки.

Войскам Юго-Западного фронта приказывалось нанести удары по сходящимся направлениям на Люблин, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую с фронта Владимир-Волынский — Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблин. Армии Северного и Южного фронтов получили задачу прикрывать государственную границу в своих полосах и не допустить вторжения противника на советскую территорию[23]. Эта директива лишь подтвердила полное непонимание советским командованием того, что происходило на деле. Требования директивы № 3 совершенно не учитывали фактического состояния советских войск, их неготовность к нанесению ответного удара, а также силы противника и достигнутые им успехи. В то время как глубокое вклинение противника требовало ответных эффективных мер, советское командование не смогло найти соответствующего решения.

Советское военно-политическое руководство, отдавая вечером войскам директиву № 3, даже не предполагало, в каком трагическом положении оказались войска в результате мощного удара противника. Оно считало, что сил для достойного отпора врагу вполне достаточно. По замыслу Главного командования Красной армии ответный удар трех фронтов должен был привести к разгрому вклинившихся группировок неприятеля и восстановлению положения на границе. Однако эта директива не соответствовала сложившейся к исходу 22 июня поистине трагической обстановке, которую не только в Москве, но и в штабах фронтов еще полностью не осознавали. Получив задачу, военные советы фронтов поздно ночью стали готовиться к разгрому ударных группировок агрессора.

Германское командование стремилось в кратчайшие сроки овладеть Прибалтикой, чтобы затем быстро захватить Ленинград с военно-морскими базами Балтийского флота. Мощный кулак 3-й и 4-й танковых групп уже в первый день войны расколол оборону войск Северо-Западного фронта. К ночи передовые части немцев продвинулись почти на 60 км южнее Каунаса. Глубокое вклинение немецкой танковой группировки требовало от советского командования принятия энергичных мер. Однако ни командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов, ни его штаб не имели полного представления о положении своих войск. Выдвигавшиеся из глубины Прибалтики соединения и части вводились в сражение с ходу, без достаточного количества артиллерии и боеприпасов, без авиационного прикрытия.

Вечером 22 июня директивой № 3 Главного военного совета войскам Северо-Западного фронта ставилась задача: «...прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»[24]. С точки зрения выбора направления удара поставленная задача была в достаточной степени обоснованной, так как нацеливала советские войска на разгром вражеской группировки, представлявшей наибольшую опасность. Однако в то время как армии прикрытия с трудом сдерживали превосходившие силы неприятеля, дивизии 12-го и 3-го механизированного корпусов были рассредоточены на широком фронте и располагались довольно далеко от направления контрудара.

В середине дня 23 июня войска фронта нанесли контрудар. Развернулись встречные сражения. С обеих сторон в них участвовали свыше 1 тыс. танков, около 2700 орудий и минометов, более 175 тыс. солдат и офицеров[25]. Немецкие части, сталкиваясь с советскими танками, действовали тактически грамотно: вперед выдвигались средства ПТО, прежде всего противотанковые орудия, тогда как собственные бронированные машины отводились назад. Срочно вызывалась по радио авиация. В результате большое количество советских танков выводилось из строя еще до того, как они успевали открыть прицельный огонь по противнику. К исходу 24 июня стало ясно, что разгромить 4-ю танковую группу противника наличными силами не удастся.

Если на шяуляйском направлении удалось задержать продвижение неприятеля, то на даугавпилском 56-й корпус Э. Манштейна, обойдя контратакующие соединения с юга, получил возможность стремительного броска к р. Даугаве с ходу.

Последствия первых вражеских ударов для фронта оказались тяжелыми. Войска отходили на восток и северо-восток. Немецкие авиадесанты и диверсионные группы выводили

из строя проводные средства связи. Обстановка требовала от командования фронта и армий решительных мер по ликвидации вражеского прорыва. Однако, не имея резервов и потеряв управление, предотвратить отход 8-й и 11-й армий командование уже не могло. К вечеру 24 июня противник захватил Каунас и Вильнюс. А с 25 июня соединения 3-й танковой группы были повернуты в полосу Западного фронта.

В целом основную задачу — задержать агрессора в приграничной полосе и обеспечить развертывание главных сил — войска фронта не выполнили. Не удались и попытки ликвидировать глубокие прорывы вражеских танков на важнейших направлениях. Армии Северо-Западного фронта, не сумев удержаться на промежуточных рубежах, отходили на северо-восток. И без того тяжелое положение войск фронта усугублялось диверсионной деятельностью групп националистов, которые начали вооруженную борьбу в тылу Красной армии.

Оборонительные действия войск Северо-Западного фронта проводились при участии сил Балтийского флота, который с первых дней войны подвергся массированным ударам вражеской авиации. По приказу командующего флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца в ночь на 23 июня началась установка минных заграждений в устье Финского залива. Со следующего дня силами эскадренных миноносцев стали создаваться заграждения в Ирбенском проливе. Усиленное минирование фарватеров и подступов к военно-морским базам резко ограничило маневренность самого флота и затруднило его действия на коммуникациях. Частые налеты неприятельской авиации и постоянная угроза базам с суши, даже при отсутствии активных действий немецкого морского флота, сковали деятельность Балтийского флота. Господство на море надолго перешло к противнику.

При общем отходе войск Северо-Западного фронта упорное сопротивление немцы встретили у стен Лиепаи. Германское командование планировало захватить этот город не позднее второго дня войны. Только в течение 22 июня на Лиепаю было совершено 15 воздушных налетов, в которых участвовало 135 самолетов. Против немногочисленного гарнизона действовала пехотная немецкая дивизия, усиленная танками, артиллерией и морской пехотой. Не добившись успеха на южном участке обороны, немецкие части 23 июня обошли город с востока, перерезав железную дорогу Лиепая — Рига. Однако попытка фашистов ворваться в город провалилась. Несмотря на тяжелые потери и недостаток боеприпасов, защитники Лиепаи продолжали героически обороняться и в окружении. Борьба шла буквально за каждый дом. Только по приказу командования Северо-Западного фронта, войска которого отошли далеко на восток, в ночь на 28 июня защитники оставили город и стали пробиваться на восток для соединения с отходившими советскими войсками. Продвигаясь по вражеским тылам, они продолжали борьбу, организовываясь в отряды и переходя к партизанским действиям.

25 июня генерал Ф. И. Кузнецов получил директиву Ставки Главного командования отвести войска фронта и организовать оборону по Западной Двине. Из резерва Ставки к этому рубежу выдвигался 21-й механизированный корпус. Отходившие войска оказались в тяжелом положении. После неудачного контрудара 3-й и 12-й мехкорпуса понесли большие потери, а некоторые их части оказались в окружении. Между соединениями 8-й и 11-й армий образовалась огромная брешь. Войска фельдмаршала В. Лееба получили возможность продвигаться в глубь советской территории. Умело воспользовался обстановкой Э. Манштейн: он направил свой корпус по кратчайшему пути к Западной Двине.

Утром 26 июня немецкие танки достигли Западной Двины и захватили шоссейный и железнодорожный мосты. Танки устремились через Западную Двину к Даугавпилсу, где советских войск не было. 11-й армии, которой немцы, таким образом, отрезали пути отступления, пришлось отойти в полосу Западного фронта. А 29 июня передовые части 18-й немецкой армии ворвались в Ригу и захватили мосты через Даугаву. Однако решительной контратакой 19-го стрелкового корпуса генерала И. И. Фадеева противник был выброшен из города, что обеспечило планомерный отход 8-й армии через него. Существенную помощь при ведении боевых действий оказали рижане. Однако 1 июля Ригой вновь овладели немцы[26].

Ставка еще 29 июня приказала командующему Северо-Западным фронтом одновременно с организацией обороны по Даугаве подготовить и занять рубеж по р. Великой, опираясь при

этом на имевшиеся там укрепленные районы в Пскове и Острове. Для усиления указанного направления из резерва Ставки и Северного фронта выдвигались 11-й стрелковый и 1-й механизированный корпуса, а также 234-я стрелковая дивизия. Однако генерал Ф. И. Кузнецов неправильно уяснил задачу фронта. 30 июня он отдал приказ войскам, оборонявшимся вдоль Даугавы, на отход в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы. Вечером, когда в Генеральном штабе стало известно об этом решении, от него потребовали в течение ближайших трех-четырех дней задержать противника на рубеже Западной Двины. Командование фронта отменило отданные ранее распоряжения об отходе войск на рубеж р. Великой и потребовало с утра 2 июля начать наступление на запад в целях восстановления обороны по Даугаве. Быстрая и неожиданная смена решений привела к тому, что 2 июля войска оказались не готовыми ни к обороне рубежа вдоль Даугавы, ни к отходу. Этим воспользовалось немецкое командование, которое утром нанесло удар в стык 8-й и 27-й армий. Генералы Ф. И. Кузнецов и П. С. Клёнов были освобождены от занимаемых должностей. С 4 июля в командование фронтом вступил командующий 8-й армией генерал П. П. Собенников, а начальником штаба стал генерал Н. Ф. Ватутин — заместитель начальника Генерального штаба, находившийся на фронте с 22 июня.

Утром 4 июля 1-я танковая дивизия корпуса Г. Рейнгардта достигла южной окраины первого российского города Острова и с ходу форсировала р. Великую. Попытки отбросить вражеские части не увенчались успехом. 6 июля гитлеровцы захватили Остров и устремились на север, к Пскову. Спустя два дня передовые части неприятельской танковой группы подошли к древнему русскому городу. Немецким захватчикам не удалось с ходу ворваться в город, но к вечеру следующего дня под давлением противника советские войска были вынуждены оставить Псков.

Не встретив организованного сопротивления в Южной Эстонии, немецкое командование повернуло часть сил своей 18-й армии на восток, в направлении Острова. На север наступало лишь два армейских корпуса. В результате натиск на соединения 8-й армии ослаб, что позволило им 10 июля остановить немцев на рубеже Пярну — Тарту.

Боевые действия на линии укрепленных районов по р. Великой также не дали ожидаемых результатов. Отходившие соединения, опаздывая с выходом в назначенные им районы, не успевали оборудовать оборонительные позиции, а укрепленные районы были в значительной степени разоружены в связи со строительством оборонительных сооружений по новой государственной границе. Задерживались с подходом и резервы Верховного главнокомандования. Танковые группировки врага опережали их, используя разрывы между отходившими советскими войсками. В полосе Северо-Западного фронта к исходу 9 июля создалась угроза прорыва группы армий «Север» к Ленинграду. В целом первая оборонительная операция Северо-Западного фронта закончилась неудачей. За 18 дней войны советские войска отошли в глубину до 450 км, оставив почти всю Прибалтику. Фронт потерял свыше 90 тыс. человек (безвозвратные потери — 75 202 человека), 4 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. танков и более 1 тыс. самолетов[27].

Сложная обстановка была и на море. Балтийский флот, даже превосходя противника в надводных и подводных силах, был поставлен в трудное положение. С потерей баз в Лиепае и Риге корабли перешли в Таллин, где подверглись жестоким бомбардировкам немецкой авиации. Уже в начале июля флоту пришлось вплотную заняться организацией обороны Ленинграда с моря.

С началом войны самая тяжелая обстановка сложилась в Белоруссии. Вермахт наносил здесь главный удар. Группа армий «Центр» была самым сильным объединением агрессора на советско-германском фронте, в ее основную задачу входило разбить советские войска на центральном направлении и открыть путь на Москву. Гитлеровцы наносили удары севернее и южнее белостокского выступа. В целом фронт генерала Д. Г. Павлова имел равное с противником количество сил и средств, а по танкам даже значительно превосходил его. Однако качественный перевес был на стороне немцев; именно это, а также понесенные фронтом в первый день войны значительные потери резко изменили соотношение сил. Сложным

было положение на брестском направлении. Еще в ходе артиллерийской подготовки немцы захватили мосты через Западный Буг, в том числе и в районе Бреста. Сильный удар танковой группы Г. Гудериана на южном участке белостокского выступа вынудил соединения 4-й армии отходить на восток. Большую тревогу вызывала обстановка и на северном фасе выступа, где противник рвался к Гродно. Здесь образовался большой разрыв с войсками соседнего Северо-Западного фронта, в который устремилась 3-я танковая группа генерала Г. Гота.

Выполняя требование директивы № 3 Главного военного совета, командующий фронтом сумел привлечь для нанесения контрудара лишь части 6-го мехкорпуса генерала М. Г. Хацкилевича (вместо запланированных 6-го, 11-го механизированных корпусов, 36-й кавалерийской дивизии и частей 3-й армии) во главе с генералом И. В. Болдиным. Этот корпус был самым сильным танковым соединением Красной армии, насчитывавшим в начале войны 1022 танка, в том числе 352 современных КВ и Т-34[28]. Однако в ходе выдвижения на рубеж развертывания его полки и дивизии, находясь под непрерывными ударами вражеской авиации, понесли значительные потери.

Контрудар в районе Гродно, продолжавшийся до 25 июня, не привел к достижению поставленных целей. Части корпуса подходили к рубежу ввода в сражение разрозненно, вступали в бой с ходу, а к ночи наступление пришлось остановить из-за нехватки горючего и боеприпасов. На следующий день атаки возобновились, но успеха не принесли. Вырвать у врага инициативу не удалось. Однако активные действия группы И. В. Болдина на двое суток приковали к району Гродно значительные силы врага, облегчили положение 3-й армии, но ненадолго. Танковая группа Г. Гота охватила армию с севера, а соединения 9-й армии генерала А. Штрауса атаковали ее с фронта. Уже 23 июня 3-я армия вынуждена была отойти за Неман. Командарм В. И. Кузнецов прилагал отчаянные усилия, чтобы остановить врага, хотя сделать это было чрезвычайно трудно. Войска испытывали острый недостаток боеприпасов, горючего и потеряли более половины боевого состава. Воспользовавшись 130-километровым разрывом, образовавшимся между войсками Северо-Западного и Западного фронтов (11-я армия отходила на северо-восток, а 3-я армия — на юго-восток), немецкие подвижные соединения устремились на Минск.

Штаб фронта неправильно оценил угрозу с севера. Он считал, что противник рвется не к Минску, а к Лиде и сомкнет свои клещи значительно западнее столицы Белоруссии. Выход из положения генерал Д. Г. Павлов видел в том, чтобы задержать продвижение 3-й танковой группы Г. Гота войсками резерва и одновременно продолжать наносить контрудар во фланг танковой группы. Именно поэтому Военный совет стремился сосредоточить находившийся в резерве 21-й стрелковый корпус в районе Лиды, чтобы оттуда нанести удар во фланг противнику. Выдвижение резервов фронта в этот район продолжалось в ущерб организации обороны Минска. Они были подчинены командующему 13-й армией генералу П. М. Филатову, перед которым стояла задача контрударом во фланг сувалкской группировки врага оказать содействие группе И. В. Болдина. Однако быстрое продвижение подвижных соединений Г. Гота на Молодечно не дало 13-й армии возможности развернуться. 21-й стрелковый корпус вступал в бой по частям.

Несмотря на большие потери, враг продолжал рваться к Минску. К исходу 25 июня передовые отряды танковой группы Г. Гота подошли к Минскому укрепленному району. Одновременно немцы бомбардировали город, пытаясь сломить волю защитников белорусской столицы. Город объяли пожары, вышли из строя водопровод, канализация, электролинии, телефонная связь. Гибли тысячи мирных жителей. Но сила сопротивления захватчикам не угасла. Тяжелое положение сохранялось на левом крыле фронта, в полосе 4-й армии, главные силы которой отходили на Барановичи и Пинск. Выполняя поставленную задачу, генерал А. А. Коробков решил нанести по танковой группе Г. Гудериана контрудар. Для его проведения удалось собрать части двух танковых дивизий 14-го мехкорпуса генерала С. И. Оборина и остатки 6-й и 42-й стрелковых дивизий. С утра 23 июня эти соединения атаковали врага и продвинулись на несколько километров к Бресту. Восточнее города разгорелись ожесточенные встречные бои. Силы оказались неравными, и встречное сражение закончилось

в пользу неприятеля. Остатки стрелкового и механизированного корпусов начали отход. Лишь одна левофланговая в армии 75-я стрелковая дивизия под командованием генерала С. И. Недвигина продолжала упорные бои на пинском направлении, сдерживая соединения 53-го армейского корпуса немцев.

Обстановка в полосе 4-й армии, особенно на правом фланге, оставалась критической. Выполнить поставленную задачу — остановить противника — армия не смогла. Разрыв с войсками Северо-Западного фронта на правом крыле, куда устремилась танковая группа Г. Гота, и тяжелая обстановка на левом крыле, где отходила 4-я армия, создавали угрозу глубокого охвата белостокской группировки с севера и юга. Военный совет Западного фронта, оценив трагичность ситуации, сложившейся в полосе 4-й армии, усилил ее 47-м стрелковым корпусом. Одновременно 17-й мехкорпус из резерва фронта перебрасывался на р. Щару для создания обороны в глубине. Стойкость, мужество советских воинов в районе Барановичей задержали 47-й немецкий моторизованный корпус на три дня. Однако 24-й мехкорпус врага обошел город с юга и устремился к Слуцку.

На Западном фронте сложилось критическое положение. 2-я и 3-я танковые группы врага к исходу 25 июня продвинулись в глубь страны на 200—250 км. Выход их в районы Молодечно и Барановичей создал угрозу окружения 3-й и 10-й армий в белостокском выступе. Поворот основных сил 3-й немецкой танковой группы, которая наступала до этого в полосе Северо-Западного фронта, на юг, в тыл Западному фронту, оказался внезапным. Генерал Д. Г. Павлов, потеряв управление войсками, не смог ему воспрепятствовать. К тому же и сил у него не было, так как почти все резервы сосредоточились в районе Гродно, где командованием фронта ожидался главный удар немцев. Против 33 потрепанных дивизий фронта действовала 41 дивизия противника, в том числе семь танковых и пять моторизованных. Ввод большей части резервов вопреки предположениям Главного командования и командования фронта не создал перелома в ходе сражения.

Советскому Главному командованию стало ясно, что разработанный им план прикрытия государственной границы с сосредоточением основной группировки Красной армии на юго-западном направлении не отвечает реально складывающейся обстановке.

Войска западных приграничных военных округов, преобразованных во фронты, оказались не в состоянии не то что ликвидировать вторгшегося противника, но даже остановить его на промежуточных рубежах. На фоне общих неудач на фронте особенно катастрофичными выглядели события на западном направлении, где всего за неделю немцы преодолели свыше трети пути от границы до Москвы. В этих условиях советское командование было вынуждено коренным образом перестраивать планы ведения военных действий, усиливая в первую очередь западное направление. С этой целью Ставка Главного командования уже 25 июня, то есть на четвертый день войны, приказала сформировать в Брянске группу армий резерва Главного командования в составе 22, 20, 21 и 19-й армий. Командующим этой группой, которая являлась вторым стратегическим эшелоном, был назначен маршал С. М. Будённый. Она развертывалась на рубеже рек Западная Двина, Днепр до Кременчуга с задачей «быть готовой к переходу в контрнаступление»[29]. Но при такой протяженности рубежа степень насыщения западного направления войсками и военной техникой оказалась явно недостаточной. И потому 27—28 июня Ставка сократила ее на 450 км. Одновременно с этим она усилила западное направление тремя новыми резервными объединениями, сосредоточив 16-ю армию в районе Смоленска, а 24-ю и 28-ю — на рубеже Нелидово, Белый, Ельня, Дорогобуж, р. Десна (180—250 км восточнее переднего края второго стратегического эшелона). Эти три армии должны были перед своим фронтом подготовить полосы заграждений на глубину 20—30 км и оборонять их передовыми отрядами с задачей: «Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контратаками наземных войск и авиацией»[30].

Бои шли уже в 250 км от границы, но там все еще сражался, не щадя своих жизней, гарнизон Брестской крепости, состоявший после отхода основных сил лишь из отдельных подразделений 42-й и 6-й стрелковых дивизий, 33-го инженерного полка и пограничной

заставы. Немецкое командование, рассчитывая на внезапность, предполагало овладеть крепостью в первый день войны. На ее разгром были брошены 45-я и часть сил 31-й пехотных дивизий, поддержанных огнем осадной артиллерии. Не более 4 тыс. советских воинов сдерживали бешеный натиск 20 тыс. вражеских солдат. Героическая оборона Бреста, которая носила чрезвычайно упорный и ожесточенный характер, продолжалась до 20 июля. Причем 45-я пехотная дивизия немцев в полном составе вела здесь боевые действия вплоть до 1 июля, после чего для завершения борьбы с защитниками крепости были оставлены два ее батальона. О действиях советских войск в первые дни войны Г. Гудериан вспоминал: «Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон, имеющей большое значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг и Мухавец»[31]. Но немецкий генерал ошибался: гарнизон держался не несколько дней, а около месяца.

К 25 июня советское командование поняло, что войска не могут не только нанести ответный удар, но и остановить противника. Теперь на первое место выдвигалась такая задача: в упорных оборонительных сражениях измотать и обескровить врага. В тот же день Ставка Главного командования разрешила отвести войска Западного фронта. Однако события развивались стремительно. Передовые немецкие части вышли на пути отхода белостокской группировки. Для отхода остался лишь небольшой коридор шириной не более 60 км. Ставка, пытаясь спасти положение, 26 июня распорядилась немедленно организовать работы по приведению в боевую готовность укрепленных районов на старой государственной границе. Группа армий резерва Главного командования, созданная 25 июня, получила приказ занять и оборудовать рубеж по Десне и Днепру. Из России сюда выдвигались 20, 21, 22, 24 и 28-я армии, переправлялись военная техника, оружие, продовольствие. На Украину перегруппировывались 16-я и 19-я армии.

К вечеру 28 июня части 9-й и 4-й немецких армий соединились севернее Слонима. Пути отхода 3-й и 10-й армиям были отрезаны. В лесах юго-восточнее Белостока разгорелось ожесточенное сражение. Окруженные войска отчаянно пытались прорвать сомкнувшееся кольцо немцев. Их натиск был настолько сильным, что немецкое командование решило не ослаблять войска, осуществлявшие окружение. В результате основные силы полевых армий были скованы, что ослабило удар противника на Минск. В то время как 4-я и 9-я немецкие армии сосредоточили основные усилия на ликвидации окруженной группировки, главные силы танковых групп Г. Гота и Г. Гудериана при поддержке авиации направлялись в глубокий тыл Западному фронту. Противник рвался к Минску. Захват столицы Белоруссии имел для германского командования не только стратегическое, но и политическое значение, так как подтвердил бы заявления нацистской пропаганды о «непобедимости» немецкой армии. Фельдмаршал Ф. фон Бок потребовал от танковых групп ускорить выход в район Минска, приказав сомкнуть вокруг войск Западного фронта еще одно кольцо окружения.

Немецкая авиация непрерывно бомбила узлы дорог, воинские эшелоны, колонны машин. Не считаясь с потерями, враг рвался к белорусской столице, обходя ее с севера и юга. Огромный перевес противника вынудил ослабленные войска 13-й армии 28 июня начать отход. В 17 часов 12-я танковая дивизия, сломив сопротивление 2-го стрелкового корпуса генерала А. Н. Ермакова, вошла в город. Оборона Минска была скоротечной, но по ожесточенности этой схватки, по беспримерному мужеству воинов, сражавшихся и с честью погибших у стен белорусской столицы, достойна представлять одну из ярких страниц истории Великой Отечественной войны.

К вечеру 29 июня 3-я и 2-я танковые группы замкнули кольцо окружения в районе Минска. Войска 3-й и 10-й армий, не попавшие в белостокский котел, оказались отрезанными. Основные же силы 13-й армии генерал П. М. Филатов успел отвести на восток. 30 июня они развернулись на рубеже от Борисова до Смолевичей и далее по р. Птичь.

Окруженные войска фронта продолжали борьбу. Среди них было до 11 дивизий, а также много отдельных подразделений в районах Белостока, Волковыска, Лиды и Минска. Лишенные централизованного управления, снабжения и связи с фронтовым командованием, они

сражались до 8 июля, сковывая крупные силы противника. Соединения, части, а нередко и подразделения действовали самостоятельно. Командиры, объединив оказавшихся в окружении бойцов, стремились прорваться на восток. Весь июль и август продолжали выходить из окружения воины Западного фронта. В конце июля на р. Сож кольцо окружения разорвали части 13-го механизированного корпуса во главе со своим командиром генералом П. Н. Ахлюстиным. Большую группу вывел заместитель командующего войсками фронта генерал И. В. Болдин. Выйти из окружения удалось далеко не всем воинам. Многие из них продолжали сражаться с врагом на оккупированной территории в рядах партизан и подпольщиков.

В конце июня положение войск Западного фронта резко осложнилось. В ходе приграничных сражений войска понесли тяжелые потери. Ослабленные войска фронта, оставшиеся вне окружения, вели кровопролитные бои в полосе шириной свыше 400 км. В этих условиях генерал Д. Г. Павлов решил закрепиться на р. Березине. Остатки отходивших двенадцати стрелковых дивизий, 20-го механизированного корпуса и шести артиллерийских корпусных полков должны были усилить оборону по реке. Считая войска Западного фронта не способными оказать организованное сопротивление, фельдмаршал Ф. фон Бок потребовал от танковых групп продолжать наступление и передовыми отрядами захватить переправы на Березине, Западной Двине и Днепре. Завершение ликвидации окруженной группировки Западного фронта возлагалось на пехотные соединения. Генерал Д. Г. Павлов пытался оказать противодействие врагу, но немецкое командование бросало в бой все новые и новые силы. 28 июня немцам удалось переправиться через Березину, и они предприняли наступление на Рогачёв. Сдержать нараставший натиск врага так и не удалось: танки Г. Гудериана двинулись на Могилёв. Стало ясно, что войска Западного фронта потерпели поражение, стратегический фронт на минском направлении прорван и в обороне советских войск образовалась брешь шириной более 400 км. Генерал Д. Г. Павлов был отстранен от командования фронтом, отозван в Москву, а позднее арестован.

Окружение основных сил Западного фронта летом 1941 г. можно поставить в один ряд с наибольшими трагедиями русского оружия за всю историю его существования. С этой точки зрения глава, повествующая о гибели или пленении более чем 300 тыс. человек из группировки генерала армии Д. Г. Павлова, может быть помещена в ту же черную книгу, где говорится о битве на р. Калке в 1223 г. или окружении армии А. В. Самсонова в Восточной Пруссии летом 1914 г. Да, в годы Великой Отечественной войны были у нас и большие по численности потери, но трагедия Западного фронта случилась первой, и именно она во многом определила дальнейшее неблагоприятное развитие обстановки не только на важнейшем для страны западном направлении, но и на всем советско-германском фронте в целом.

Мнение о том, что Д. Г. Павлов и его штаб «не овладели и не справились с ситуацией» в начальный период войны, представляется верным. С другой стороны, едва ли кто возьмется доказать возможность предотвращения разгрома войск Западного фронта и при другом, более волевом или более опытном командующем. Поражение Западного фронта — это беда, а не вина сорокачетырехлетнего Д. Г. Павлова, тем более что в командовании войсками фронта ему помогали командированные И. В. Сталиным в первые же дни войны три маршала Советского Союза: Б. М. Шапошников, Г. И. Кулик и К. Е. Ворошилов. После окружения под Минском И. В. Сталин послал на Западный фронт еще двух маршалов — С. К. Тимошенко и С. М. Будённого, к которым вскоре присоединился начальник Главного политуправления Красной армии Л. З. Мехлис. Даже все вместе существенных изменений в обстановке к лучшему они добились не сразу, а получив необходимые для этого силы. Очевидно, что истоки трагедии Западного фронта закладывались в предвоенное время. Генерал Д. Г. Павлов не сделал всего возможного для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала агрессии. Он был отдан под суд военной коллегии Верховного суда СССР, который приговорил командующего к расстрелу. Аналогичная участь постигла начальника штаба фронта В. Е. Климовских и некоторых других генералов. Все они спустя много лет, после тщательного и скрупулезного расследования, проведенного работниками Генерального штаба, были реабилитированы «за отсутствием состава преступления»[32].

Динамичная, быстро менявшаяся обстановка, вынужденный отход и крупные потери советских войск требовали от Главного командования немедленного принятия мер по ликвидации образовавшейся бреши в обороне. Командующим Западным фронтом был назначен маршал С. К. Тимошенко, а его заместителями — маршал С. М. Будённый и генерал А. И. Ерёменко. 1 июля Ставка включила в состав Западного фронта 19, 20, 21 и 22-ю армии[33]. Однако это изменение не оказало существенного влияния на оперативные и боевые возможности войск второго стратегического эшелона, так как уже через несколько дней место изъятых объединений заняли четыре вновь сформированные армии. По существу, был создан новый фронт. Остатки армий, входивших в прежний Западный фронт, отводились в тыл на укомплектование. За войсками фронта сосредоточивалась 16-я армия, переброшенная с Украины. Всего в распоряжение нового Западного фронта поступило 48 дивизий и четыре мехкорпуса. Однако большая часть соединений еще не завершила выдвижение из глубины страны. Оборону на восточном берегу Днепра заняли лишь 10 дивизий, а 15 дивизий находились в стадии сосредоточения.

Советские войска оказались фактически без прикрытия с воздуха, что усугубило ситуацию на фронте и вызывало панику. От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березине, в штаб Западного фронта поступали донесения, в которых говорилось о безнаказанных действиях германской авиации. В то же время констатировалось: «...снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется»[34]. Немцы, выйдя моторизованными частями восточнее Минска, фактически с ходу приступили к форсированию Березины. Уже к 4 июля вражеские танки прорвали оборону войск фронта на этой реке, а с утра 6 июля 3-я танковая группа немцев, возобновив наступление, форсировала Западную Двину. Одновременно войска Западного фронта начали свои контрудары. В контрударах участвовали 5-й и 7-й механизированные корпуса, имевшие около 1 тыс. танков старых типов. Четверо суток шли упорные бои. Для отражения удара неприятель вынужден был бросить пять дивизий и почти весь 2-й воздушный флот. 9 июля наступление 5-го и 7-го мехкорпусов было остановлено. В результате все попытки противника форсировать Днепр сорвались. Соединения Г. Гудериана были задержаны в междуречье Березины и Днепра, что позволило укрепить оборону, а также обеспечило сосредоточение войск Западного фронта. Однако 5-й и 7-й механизированные корпуса потеряли 832 танка. 9 июля противник захватил Витебск.

Таким образом, фронт обороны советских войск в Белоруссии был прорван в первую же неделю войны. Только стратегическими резервами удалось закрыть образовавшуюся брешь. За восемнадцать дней войны советские войска отошли в глубь страны примерно на 600 км, оставив почти всю Белоруссию. Война вплотную подошла к рубежам Российской Федерации. В оборонительной операции в Белоруссии, несмотря на упорное и отчаянное сопротивление, войска Западного фронта потерпели сокрушительное поражение. Общие потери составили: около 418 тыс. человек, в том числе безвозвратные более 341 тыс., 4799 танков, 9427 орудий и минометов, 1777 боевых самолетов[35].

Одновременно с боями в Прибалтике и Белоруссии сражения развернулись на Украине и в Молдавии. Здесь наступление немецкой группы армий «Юг», которой командовал фельдмаршал Г. фон Рундштедт, отражали войска Юго-Западного фронта под командованием генерала М. П. Кирпоноса. Юго-Западный фронт включал основную часть сил Красной армии, сосредоточенных у западных границ СССР, так как довоенными планами ему отводилась решающая роль в разгроме готовящегося нападения агрессора. Группа Г. фон Рундштедта должна была «уничтожить советские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру». Она насчитывала 730 тыс. человек, 9700 орудий и минометов, 799 танков, 772 боевых самолета[36]. Войска Юго-Западного фронта имели достаточно сил и средств, чтобы дать агрессору достойный отпор. Однако уже первый день войны показал, что эти возможности реализовать не удается.

Вечером 22 июня генерал М. П. Кирпонос получил задачу разгромить прорвавшегося противника и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина. Фронт имел восемь механизированных корпусов из двадцати, сосредоточенных в западных приграничных военных

округах. Мехкорпуса объединяли 24 танковые и моторизованные дивизии, насчитывавшие 4 тыс. танков, в том числе 841 новый танк КВ и Т-34. 1-я немецкая танковая группа, которой командовал генерал Э. Клейст, имела всего 750 танков. Средние танки T-III и T-IV составляли не более половины, а другую половину — устаревшие T-I и T-II. Вместе с тем требования Главного командования разгромить люблинскую группировку врага в той обстановке, которая сложилась к исходу первого дня войны на Украине, не соответствовали реальности. Основные силы фронта, в том числе наиболее укомплектованные и сильные 4-й и 8-й мехкорпуса, находились в львовском выступе, а группа армий «Юг» главный удар наносила в обход его с севера. Двух суток, отведенных на подготовку удара по врагу и овладение Люблином, до которого войскам предстояло пройти свыше 120 км, было явно недостаточно.

По флангам главной группировки противника, наступавшей на участке Владимир-Волынский — Крыстынополь, генерал М. П. Кирпонос решил нанести два удара силами шести механизированных корпусов: 22, 9 и 19-го — с севера и 8, 15 и 4-го — с юга. В соединениях, предназначенных для контрудара, насчитывалось 3702 танка. Генерал Г. К. Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22 июня, одобрил решение командующего фронтом. Организация фронтового контрудара заняла три дня. Однако вначале боевые действия приняли разрозненный характер и не могли остановить наступавшего врага. Неудачно действовал 22-й механизированный корпус. Его части вынуждены были отойти за р. Стырь, в район Луцка.

Во время затянувшейся подготовки фронтового контрудара стрелковые соединения первого эшелона армий, прикрывавших государственную границу, вели упорные бои, стремясь задержать наступление превосходивших сил неприятеля. Уже 23 июня противник окружил две дивизии 5-й армии. Между 5-й и 6-й армиями Юго-Западного фронта образовалась 70-километровая брешь, используя которую враг беспрепятственно продвигался на Луцк и Берестечко.

В полосе 6-й армии удар наносила 17-я немецкая полевая армия. Еще 22 июня фельдмаршал Г. фон Рундштедт решил ввести сюда 14-й моторизованный корпус после захвата пехотой Равы-Русской. Однако его планы сорвала 41-я дивизия, которой командовал генерал Г. Н. Микушев. Несмотря на яростный огонь вражеской артиллерии, массированные удары бомбардировщиков, полки дивизии совместно с батальонами Рава-Русского укрепрайона и 91-го погранотряда пять суток держали оборону против пяти пехотных дивизий немцев. Успеху обороны способствовала 8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса: в ночь на 26 июня она с тыла атаковала части противника, пытавшиеся выйти в тыл дивизии Г. Н. Микушева. 41-я дивизия только по приказу командующего 6-й армией генерала И. Н. Музыченко в ночь на 27 июня отошла на рубеж восточнее Равы-Русской.

В 26-й армии генерала Ф. Я. Костенко высокую активность проявила 99-я стрелковая дивизия, оборонявшая Перемышль. Город трижды переходил из рук в руки. Вместе с воинами дивизии мужественно сражались пограничники 14-й заставы лейтенанта А. Н. Патарыкина, сводного батальона под командованием старшего лейтенанта Г. С. Поливоды, а также отряд из 187 местных жителей[37]. Южнее, на левом крыле Юго-Западного фронта, оборонялась 12-я армия генерала П. Г. Понеделина.

Не так драматично, как на Украине, шла вооруженная борьба в Молдавии, где в первые дни войны заняла оборону вдоль рек Прут и Дунай 9-я армия, возглавляемая генералом Я. Т. Черевиченко. Противостоявшие ей 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии имели задачу сковать советские войска в междуречье Прута и Днестра и при благоприятных условиях перейти в наступление. Чтобы создать выгодные условия для будущего наступления, противник стремился форсировать Прут и захватить плацдармы. Используя разрывы в обороне дивизий 9-й армии, которые составляли 50—60 км и более, румынские части в течение первых двух дней войны захватили несколько небольших плацдармов, в районе которых и разгорелись ожесточенные бои. Все, кроме одного плацдарма в районе Скулян, советским частям удалось ликвидировать. В срыве попыток противника форсировать Прут большую помощь наземным войскам оказала авиация армии. Она наносила бомбоштурмовые удары

по скоплениям вражеских войск и переправам. Советские истребители за первые четыре дня войны сбили в воздушных боях 47 самолетов, но и сами потеряли 31 самолет, в том числе 17 на аэродромах.

Ударные силы группы армий «Юг» продолжали наступление севернее львовского выступа. Вечером 25 июня основные силы 6-й армии фельдмаршала В. Рейхенау на 70-километровом участке от Луцка до Берестечко с ходу форсировали р. Стырь, а 11-я танковая дивизия, почти на 40 км оторвавшись от главных сил, овладела Дубно.

К участку прорыва немцев с востока подходили из резерва фронта 31, 36 и 37-й стрелковые корпуса, начав выдвижение за четыре дня до войны. С выходом к рекам Стырь и Иква они с ходу под огнем противника занимали оборону. В это время на флангах прорвавшейся вражеской группировки завершилась подготовка фронтового контрудара. К 26 июня в этом районе удалось сосредоточить вместо шести механизированных корпусов, как это предусматривалось решением генерала М. П. Кирпоноса, всего четыре: 8-й и 15-й корпуса — с юга, 9-й и 19-й — с севера. Вместо 3,7 тыс. танков было сосредоточено не более 1,3 тыс. боевых машин. После четырех суток непрерывных маршей на сотни километров под ударами немецких бомбардировщиков корпуса перешли в наступление.

26—30 июня в районе Дубно, Луцка и Берестечко развернулось невиданное до тех пор встречное танковое сражение: на участке шириной 70 км столкнулось почти 2 тыс. танков[38]. К сожалению, контрудар, который мог привести к серьезному поражению танковой группы Э. Клейста, был плохо подготовлен. 26 июня в момент начала советского контрудара генерал Г. К. Жуков требовал от командующих армиями активных боевых действий. Так, отдавая распоряжение командующему 5-й армии генералу М. И. Потапову, Г. К. Жуков указывал, что он и штаб фронта «крайне недовольны, по существу, бездеятельностью штаба [армии] и Военного совета», и «если так будете работать, противник вас разобьет... Вам надлежит не бросать в атаку разрозненные соединения и части, а организовывать бой в тесном взаимодействии авиации, стрелковых частей и танков, встречая противника на хороших рубежах. Предварительно противника расстреливать, а затем добивать... не бойтесь действовать активнее, немцы — страшные трусы, когда их бьют... Весь успех... зависит от знания, где противник, где ваши части, и от дерзости Военного совета и всех войск... Надеюсь лично я, Военный совет [фронта] и нарком, что вы оправдаете свое назначение»[39].

Утром 26 июня с юга, из района Броды на Берестечко, противника атаковал 8-й механизированный корпус генерала Д. И. Рябышева. На этом направлении враг, прикрывая правый фланг 1-й танковой группы, создал сильную противотанковую оборону. Танкисты с ходу вступили в бой, продвинувшись в первый день на 10—12 км. Удар 8-го корпуса не был поддержан находившимся левее 15-м механизированным корпусом. Основная причина несогласованных действий 8-го и 15-го механизированных корпусов состояла в отсутствии единого руководства этой мощной танковой группировкой со стороны фронтового командования, поэтому соединения действовали разрозненно, без взаимосвязи. Кроме того, 8-й мехкорпус совершил почти 500-километровый марш и оставил на дорогах чуть ли не половину из своих 858 танков, а 8-й танковой дивизии 15-го мехкорпуса во время марша по болотам пришлось бросить все свои тяжелые танки КВ.

Более согласованными были действия 9-го и 19-го механизированных корпусов генералов К. К. Рокоссовского и Н. В. Фекленко. Оба они были включены в состав 5-й армии. Во второй половине дня 26 июня мехкорпуса атаковали противника. Однако штаб Э. Клейста раскрыл подготовку контрудара с севера. Развернулось встречное танковое сражение. В небе вели ожесточенную борьбу сотни самолетов.

Военный совет фронта считал, что приграничное сражение проиграно. Глубокое вклинение группы Э. Клейста создавало опасную угрозу ее удара на юг, в тыл 5-й и 6-й армиям, которые продолжали сражаться во львовском выступе, а также оборонявшейся в Карпатах 12-й армии. Военный совет фронта решил отвести войска на новый оборонительный рубеж. Однако Ставка не утвердила решения Военного совета фронта и потребовала возобновить контрудары.

Сражение разгорелось с новой силой. К ударам по противнику были привлечены не только механизированные, но и стрелковые корпуса 5-й армии и резерва фронта. Стремясь выполнить приказ, войска фронта в упорных боях в районе Дубно и под Ровно до 30 июня сковывали основные силы 1-й танковой группы и 6-й армии фельдмаршала В. Рейхенау. Решительные действия 8-го мехкорпуса генерала Д. И. Рябышева, а также наступавших с севера 9-го и 19-го мехкорпусов генералов К. К. Рокоссовского и Н. В. Фекленко вынудили Г. фон Рундштедта перебросить в этот район основные силы группы Э. Клейста и армии В. Рейхенау. Хотя 8-й мехкорпус был окружен в двух районах, он продолжал борьбу. Ее ожесточенность вызвала тревогу даже у начальника Генерального штаба генерала Ф. Гальдера.

Основные усилия авиации Юго-Западного фронта с 25 июня направлялись на поддержку механизированных корпусов, которые вели борьбу с танковой группировкой Э. Клейста. По этой же группировке наносили удары соединения 4-го авиационного корпуса дальней авиации. Немецкое командование также переключило 4-й воздушный флот на поддержку прежде всего 1-й танковой группы. Несмотря на это, ВВС Юго-Западного фронта, сосредоточив силы, в отдельные дни добивались господства в воздухе.

Львовский выступ продолжали оборонять, сдерживая наступление 17-й немецкой армии, соединения 6-й и 26-й армий. Еще 26 июня командование группы армий «Юг» отмечало, что 17-я армия не только не добилась здесь каких-либо успехов, но и несет неоправданные потери. Угроза глубокого охвата главных сил фронта с севера, где противник вышел к Днепру, вынудила Ставку Главного командования отвести войска из львовского выступа на линию укрепленных районов вдоль старой государственной границы 1939 г. Фронту предписывалось к 9 июля с использованием укрепленных районов «организовать упорную оборону полевыми войсками с выделением в первую очередь артиллерийских противотанковых средств». Командующему Южным фронтом[40] генералу армии И. В. Тюленеву было приказано прикрыть отход Юго-Западного фронта и с 6 июля отвести 18-ю армию на Каменец-Подольский укрепленный район, который упорно оборонять.

На старой государственной границе в полосе Юго-Западного фронта имелось два рубежа укрепленных районов. Непосредственно вдоль границы еще в 1938—1939 гг. началось оборудование пяти укрепленных районов. С переносом границы их строительство было прекращено, и вооружение не устанавливалось. Коростенский, Новоград-Волынский и Летичевский укрепленные районы составляли второй рубеж, построенный до 1938 г. в 50—100 км от границы. С началом войны укрепленные районы были отмобилизованы и, как докладывал 27 июня Ставке генерал М. П. Кирпонос, приведены в полную боевую готовность. Усиленные стрелковыми дивизиями, укрепленные районы второго рубежа могли стать серьезным препятствием на пути противника. Правда, в системе укрепленных районов имелся существенный недостаток: наличие значительных разрывов между ними — до 30—40 км.

После девятидневных приграничных сражений войска должны были за восемь суток отойти на 200 км. Большие трудности выпали на долю 12-й и 26-й армий: им предстоял самый длинный путь под постоянной угрозой удара соединений 17-й немецкой армии в тыл с севера. Всему же Юго-Западному фронту угрожала танковая группа Э. Клейста, которая на киевском направлении рвалась к Днепру и могла упредить советские войска в организации обороны в укрепленных районах. Чтобы помешать дальнейшему продвижению 1-й танковой группы, командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов решил нанести по ее левому флангу контрудар с севера. Выделенные для этого соединения в предыдущих боях понесли большие потери. В 9-м мехкорпусе осталось только 40 танков, и те требовали замены моторов. Самый сильный 22-й мехкорпус имел всего 16 танков КВ и 137 танков Т-26[41]. Части испытывали острую нужду в боеприпасах, для подвоза которых недоставало автотранспорта. Несмотря на то, что контрудар готовился наспех, а корпуса атаковали разновременно на широком 110-километровом фронте, он задержал продвижение группы Э. Клейста на двое суток, что облегчило отвод войск фронта.

Начавшийся в ночь на 2 июля отход Юго-Западного фронта проходил в сложной обстановке: основные дороги, по которым двигались войска, заполнили потоки уходившего

в тыл местного населения. К тому же немецкая авиация непрерывно бомбила колонны войск и толпы беженцев. Войска отходили с большими потерями. Значительную часть техники пришлось уничтожить, так как из-за отсутствия запасных частей и ремонтных средств нельзя было устранить даже мелкую неисправность. Только в одном 22-м механизированном корпусе пришлось подорвать 58 неисправных танков.

6 июля две немецкие танковые дивизии вышли к Новоград-Волынскому укрепленному району. Оборону его должны были организовать соединения 6-й армии, но они не успели отойти. Лишь на следующий день на рубеж укрепленного района отошли части 5-й армии. Кроме того, в районе Новограда-Волынского заняла оборону вышедшая из окружения группа полковника М. И. Бланка, в которой имелось всего 2,5 тыс. человек. Два дня эта группа и подразделения укрепрайона сдерживали сильнейший натиск врага. Однако дивизии Э. Клейста 7 июля овладели Бердичевом, а на следующий день — Новоградом-Волынским. На старой государственной границе создать прочную оборону не удалось.

Прорыв врага на бердичевском направлении создавал реальную угрозу тылу основных сил Юго-Западного фронта. Командование фронтом сформировало группу в составе частей 16-го механизированного корпуса и сводного отряда 15-го механизированного корпуса, которая до 15 июля сдерживала врага, сковав его на окраинах Бердичева и южнее. И все же, несмотря на отчаянные усилия оборонявшихся, 9 июля пал Житомир. 5-я армия, которая продолжала наносить контрудары, сумела перерезать шоссе, ведущее с запада к Житомиру, но задержать стремительный бросок группы Э. Клейста она не смогла. За двое суток танковые соединения немцев продвинулись на 110 км и к исходу 11 июля вышли к Киевскому укрепленному району. Только здесь, на оборонительном рубеже, созданном войсками гарнизона и населением столицы Украины, враг был остановлен.

Большую роль в отражении удара противника сыграло народное ополчение. Уже 8 июля в Киеве было сформировано 19 отрядов общей численностью 30 тыс. человек, а по Киевской области в ополчение вступили свыше 90 тыс. добровольцев. 85-тысячный корпус добровольцев возник в Харькове, корпус из пяти дивизий, насчитывавший 50 тыс. ополченцев, — в Днепропетровске[42].

Прорыв неприятеля на киевском направлении был связан единым замыслом с операцией немецко-румынских войск против Южного фронта (9-я и 18-я армии), которая началась утром 2 июля. Здесь 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии наносили главный удар из района Ясс. Четыре ударные группировки на двух узких участках атаковали соединения 9-й армии. Уже в первый день враг прорвал слабо подготовленную оборону на р. Прут на глубину 8—10 км. Однако отсутствие мощных танковых соединений (румыны имели всего 60 танков, а немцы в этом районе не имели их вообще) не позволило врагу добиться серьезных успехов. Удачно сражалась против врага и Дунайская военная флотилия, а в прибрежной полосе действовали оперативные соединения Черноморского флота. В результате контрудара трех корпусов 9-й армии Южного фронта 8 июля враг остановился и перешел к обороне[43]. Активную помощь наземным войскам оказывала авиация фронта.

5 июля командующий Южным фронтом, основываясь на ошибочных данных о составе наступавшего противника, решил отвести войска за Днестр и, опираясь на укрепленные районы, занять там оборону. Однако Главное командование признало такое решение исключительно пассивным, не отвечающим обстановке, и отменило его. 7 июля генералу И. В. Тюленеву было приказано отбросить врага за Прут. Отвести к Днестру разрешалось только одну примыкавшую к Юго-Западному фронту 18-ю армию. Надо отметить, что у Южного фронта уже не хватало сил, чтобы нанести контрудар. При его организации особые трудности возникли в связи с начавшимся отводом войск за Днестр. Для того чтобы вернуть соединения, потребовались сутки. С 8 июля удар по противнику нанесли 48-й стрелковый, 2-й механизированный и 2-й кавалерийский корпуса. Контрудар продолжался до 10 июля. В результате наступление 11-й немецкой и 4-й румынской армий удалось задержать. Это позволило войскам 18-й армии отойти и занять Могилёв-Подольский укрепленный район. Соединения 9-й армии закрепились западнее Днестра. Оставшиеся на реках Прут и Дунай

левофланговые соединения этой армии 6 июля были объединены в Приморскую группу войск под командованием генерала Н. Е. Чибисова. Совместно с Дунайской военной флотилией они отразили все попытки румынских войск нарушить государственную границу.

Войскам Южного фронта большую помощь оказывал Черноморский флот, который превосходил флот королевской Румынии и потому господствовал на море. Эффективные удары наносила авиация флота по нефтехранилищам Констанцы и нефтепромыслам Плоешти.

В ходе оборонительной операции в Западной Украине и Молдавии боевые действия завершились отходом войск Южного фронта на 60–80 км. Были потеряны Западная Украина, Северная Буковина и часть Молдавии. Противник, продвинувшись на глубину до 400 км, оказался у Киева. Несмотря на это, оборона советских войск на Украине и в Молдавии, в отличие от Прибалтики и Белоруссии, сохранила устойчивость. Безвозвратные людские потери составили 172 323 человека. Войска лишились 4381 танка, 1218 самолетов, 5806 орудий и минометов[44]. Соотношение сил изменилось в пользу противника. Владея инициативой и сохранив наступательные возможности, группа армий «Юг» в середине июля готовила удар из района западнее Киева на юг, в тыл Юго-Западному и Южному фронтам.

В середине июля завершился начальный период войны, продолжавшийся 18 суток, в ходе которого агрессор добился крупных результатов. Латвия, Литва, значительная часть Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией. Враг вторгся в пределы России. В фашистскую неволю попали около 23 млн советских людей. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась прямая угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным. Хотя германское руководство и считало, что первый этап плана «Барбаросса» выполнен успешно, это было не так. Стало очевидным, что в отведенный немцами срок война с СССР не закончится и не будет иметь ничего общего с молниеносными кампаниями гитлеровцев в западных странах.

За первые три недели кампании вермахт понес потери, каких не знал за предыдущие годы Второй мировой войны. По данным начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Ф. Гальдера, только в сухопутных войсках на 13 июля были убиты, ранены и пропали без вести 92 тыс. человек, потери в танках составили 50%[45]. На Балтийском море германский флот лишился четырех минных заградителей, двух торпедных катеров и одного охотника. Однако потери личного состава вермахта не превышали численности полевых запасных батальонов, за счет которых они и были восстановлены, поэтому боеспособность дивизий в основном сохранилась. К середине июля наступательные возможности агрессора оставались большими: на советско-германском фронте противник имел 183 боеспособные дивизии и 21 бригаду — 2584 тыс. человек, 1740 танков, 41,7 тыс. орудий и минометов, 4 тыс. самолетов.

За тот же период войны из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромлены, а 70 лишились более чем половины личного состава и военной техники. Три фронта — Западный, Северо-Западный и Юго-Западный — безвозвратно потеряли 588 598 человек (почти треть своего численного состава), свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и около 18,8 тыс. орудий и минометов[46]. На море, несмотря на ограниченный характер боевых действий, советский флот потерял лидер, три эсминца, 11 подводных лодок, пять тральщиков, пять торпедных катеров и другие боевые суда и транспорты[47]. На оккупированной территории осталось более половины запасов приграничных военных округов. Понесенные потери тяжело отразились на боеспособности войск, остро нуждавшихся во всем: боеприпасах, горючем, вооружении, транспорте. На их восполнение советской промышленности потребовалось более года.

Еще в начале июля германский генеральный штаб сделал вывод, что кампания в России уже выиграна, хотя пока и не завершена. А. Гитлеру казалось, что Красная армия уже не в состоянии создать сплошного фронта обороны даже на важнейших направлениях. На совещании 8 июля он лишь уточнил войскам дальнейшие задачи. Однако, несмотря на потери, войска Красной армии, сражавшиеся от Баренцева до Черного моря, к середине июля рас-

полагали 212 дивизиями и тремя стрелковыми бригадами. И хотя полнокровными из них являлись лишь 90 соединений, а остальные имели всего половину, а то и менее штатного состава, считать Красную армию разгромленной было явно преждевременно. Сохранили способность к сопротивлению Северный, Юго-Западный и Южный фронты, спешно восстанавливали боеспособность войска Западного и Северо-Западного фронтов. Сюда со всех концов Советского Союза выдвигались новые соединения, военная техника. Всего в действующей армии осталось 1540 тыс. человек, 3790 танков, 21,5 тыс. орудий и минометов, 1970 самолетов[48]. При всей тяжести последствий первых ударов агрессора Вооруженные силы СССР не только устояли, но и были готовы к дальнейшему отпору врагу.

Первые сбои блицкрига

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинград оказался между двух огней. С юго-запада, через Прибалтику, к городу устремилась немецкая группа армий «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал В. Лееб). С севера и северо-запада на город нацелилась совместно с немецкими войсками финская армия (командующий — маршал К. Г. Маннергейм). Согласно плану «Барбаросса» захват Ленинграда должен был предшествовать взятию Москвы.

В Прибалтике и на ленинградском направлении к середине июля продвижение германских войск фактически приостановилось. С одной стороны, это обусловливалось тем, что заблаговременно был создан оборонительный рубеж и постепенно нарастало сопротивление советских войск, а с другой — фронт наступления группы армий «Север» все время возрастал. Успехи германских войск в первые три недели войны привели к тому, что их командование настолько уверовало в слабое сопротивление советских войск, что надеялось в четыре дня преодолеть 300-километровое расстояние до Ленинграда.

Уже к 1 июля агрессор, располагавший большим превосходством в силах, захватил Каунас, Вильнюс, Ригу. Когда 9 июля был захвачен Псков, возникла непосредственная угроза Ленинграду. 1 июля в городе была создана комиссия по вопросам обороны во главе с А. А. Ждановым. В тот же день сильный удар по советским войскам в 200 км северо-западнее города нанесла финская армия, целью наступления которой являлись Ленинград и Петрозаводск. 5 июля из состава Северо-Западного фронта была выделена оперативная группа под командованием генерала К. П. Пядышева для обороны лужского рубежа. Вокруг Ленинграда на дальних и ближних подступах развернулось строительство нескольких полос обороны. 29 июня началась эвакуация из города детей, женщин, пожилых людей, но в недостаточных масштабах из-за неоправданной уверенности в том, что противник будет остановлен на дальних подступах к городу. Сложная обстановка складывалась на море. С потерей баз в Лиепае и Риге корабли Балтийского флота перебазировались в Таллин, но, как показали последующие события, временно. Самоотверженно защищали дальние подступы к Ленинграду пехотинцы, моряки, летчики. Ценой огромных потерь именно они, ведомые своими командирами и комиссарами, остановили наступление противника у стен города. Особое значение в замедлении темпов немецкого продвижения имели оборона Таллина, Моонзундского архипелага и полуострова Ханко, лужского рубежа и сражение на ближних подступах к Ленинграду.

Первая попытка захвата Ленинграда с ходу была предпринята командованием группы армий «Север» 10 июля. Уже на второй день наступления командующий 4-й танковой группой генерал Э. Гёпнер понял, что на лужском, то есть кратчайшем к Ленинграду, направлении из-за упорного сопротивления советских войск прорваться без значительных потерь и в короткие сроки не удастся. 12 июля он повернул 41-й моторизованный корпус на северо-запад, чтобы попытать счастья в нижнем течении Луги. Два дня спустя корпусу удалось захватить

небольшие плацдармы юго-восточнее Кингисеппа, но продвинуться дальше он не смог, увязнув в обороне курсантов Ленинградского пехотного училища. Им на помощь подоспели бойцы 2-й дивизии народного ополчения. Части и соединения 56-го моторизованного корпуса генерала Э. Манштейна, действовавшего против левого фланга Лужской оперативной группы, также не имели успеха. 14 июля 11-я армия генерала В. И. Морозова, нанеся удар по сходящимся направлениям, окружила 8-ю танковую и часть сил 3-й моторизованной дивизии. В течение пяти суток западнее г. Сольцы шли напряженные бои. К. Г. Маннергейм, штаб которого также оказался отрезанным, после войны писал: «Нельзя было сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько дней были критическими, а противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения»[49]. На выручку Э. Манштейну были брошены дивизии 1-го армейского корпуса. Им-то и удалось остановить советские войска.

Наступление на Ленинград было приостановлено. Образовавшуюся паузу каждая из сторон стремилась максимально использовать. В то время как немцы уточняли план возобновления наступления на Ленинград, советское командование укрепляло оборону города. Сроки начала наступления немцы откладывали шесть раз, главным образом из-за трудностей в снабжении и осуществлении перегруппировок, а также из-за разногласий по поводу дальнейших действий. Лишь к 30 июля немецкое командование пришло к согласованному решению. В этот день А. Гитлер приказал передислоцировать 8-й авиационный корпус из группы армий «Центр» для поддержки войск В. Лееба, который назначил начало наступления 4-й танковой группы на 8 августа, хотя 56-й моторизованный корпус явно запаздывал с выходом в исходный для наступления район.

Воспользовалась образовавшейся паузой и советская сторона. Главнокомандование войск Северо-Западного направления, Северо-Западного и Северного фронтов напряженно готовилось к отражению удара на Ленинград с юга. И все это в условиях постоянной борьбы на два фронта, так как и финские войска к северу от Ленинграда, и немецкие к югу от него вели себя отнюдь не пассивно. Город усиленно готовился к отражению новых ударов врага. Многие жители подали заявления с просьбой отправить их на фронт. Только за первую неделю войны в военкоматы поступило 212 тыс. таких заявлений[50]. В конце июня началось создание Ленинградской армии народного ополчения. К 14 июля первые три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тыс. человек были переданы в Лужскую оперативную группу. Партийные мобилизации дали фронту свыше 12 тыс. коммунистов — политработников и политбойцов.

Самой опасной для Ленинграда являлась немецкая группировка, действовавшая на новгородском направлении. 28 июля начальник штаба войск Северо-Западного направления генерал М. В. Захаров предложил главкому К. Е. Ворошилову развернуть в районе Луги четыре-пять стрелковых и одну танковую дивизии для удара с севера на Струги Красные. С востока, по замыслу М. В. Захарова, должна была наступать на Сольцы 11-я армия. Кроме того, он предлагал привлечь к этому удару и соединения формируемой 34-й армии. Наступление планировалось на 3—4 августа, в то время как немецкое наступление — на 8 августа. Но по причине затягивания сосредоточения войск оно началось только 12 августа.

Однако за четыре дня до этого с лужских плацдармов ударил 41-й немецкий моторизованный корпус. А спустя два дня наступление на новгородском направлении смог начать и 56-й моторизованный корпус. В первый день боев 41-й корпус Г. Рейнгардта продвинулся всего на 5 км. Однако 1-я танковая дивизия сумела нащупать слабое место в советской обороне и прорвать ее. В образовавшуюся брешь Г. Рейнгардт немедленно направил 6-ю танковую и 1-ю пехотную дивизии. Туда же командующий 4-й танковой группой Э. Гёпнер приказал перебросить 3-ю моторизованную, а затем и 8-ю танковую дивизии. Казалось, вожделенная цель — Ленинград — совсем близка. Но действия войск Северо-Западного фронта опрокинули все намерения командования группы армий «Север».

12 августа, как и планировалось, под Старой Руссой 11-я и 34-я армии нанесли удар соединениям правого крыла группы армий «Север». К 15 августа они продвинулись более чем

на 60 км в тыл новгородской группировки. В. Лееб приказал остановить 41-й и 56-й корпуса и направить обе дивизии Э. Манштейна на помощь 10-му армейскому корпусу, который подвергся удару советских войск. Задача овладения Ленинградом оказалось под угрозой срыва. Для А. Гитлера это явилось поводом с еще большей настойчивостью проводить свою идею относительно переноса части усилий с московского на ленинградское направление. Он потребовал немедленно перегруппировать под Ленинград как можно больше сил 3-й танковой группы из группы армий «Центр». Части 39-го моторизованного корпуса спешно начали перебрасываться на новгородское направление.

Соединениям Северо-Западного фронта, участвовавшим в контрударе, разгромить новгородскую группировку врага не удалось. К тому же в нем из-за немецкого наступления не участвовали части Лужской оперативной группы, а вследствие неумелого руководства войска 34-й армии стали беспорядочно отходить. Положение усугубило то, что было потеряно управление. В частях возникла паника. К 25 августа армия не досчиталась около 60% людей, более 80% военной техники и оружия[51]. Ставка приняла жесткие меры. Командующий Северо-Западным фронтом П. П. Собенников был смещен, а на его место назначен генерал П. А. Курочкин, успешно справившийся с выводом из окружения 16, 19 и 20-й армий в районе Смоленска. Были понижены в должности командиры 34-й и 43-й армий, ряд командиров и комиссаров соединений отданы под суд военного трибунала[52]. Одной из причин неудачи являлась постановка перед войсками непосильных задач. Так, 11-я армия к моменту перехода в наступление была сильно ослаблена предыдущими боями, а 34-я — плохо укомплектована и слажена. Зачастую во главе вновь сформированных соединений и частей стояли недостаточно подготовленные командиры.

Обстановка в районе Ленинграда продолжала обостряться, и это очень беспокоило Ставку. Решив разобраться в деятельности главкома К. Е. Ворошилова, она направила в Ленинград комиссию в составе В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. Г. Кузнецова, А. Н. Косыгина, П. Ф. Жигарева и Н. Н. Воронова. Выданный ей мандат позволял от имени Государственного Комитета Обороны решать все вопросы обороны и эвакуации города.

25 августа пала Любань. Соединения 48-й армии не смогли сдержать натиска пяти немецких дивизий и отошли на Кириши и Пушкин. Через три дня противник занял Тосно. До Ленинграда оставалось чуть менее 50 км. В посланной на имя В. М. Молотова и Г. М. Маленкова телеграмме И. В. Сталин не смог скрыть своего раздражения: «Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов?.. Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке?.. Что за человек Попов (командующий созданным 23 августа Ленинградским фронтом. — *Прим. ред.*)? Чем, собственно, занят Ворошилов, и в чем выражается его помощь Ленинграду?»[53].

30 августа захватчики овладели железнодорожной станцией Мга, а 8 сентября, заняв Шлиссельбург, стоящий у истока Невы, вышли к Ладожскому озеру и блокировали Ленинград с суши. Лишь остров, на котором возвышается Шлиссельбургская крепость, оставался в руках советских войск. Кстати, еще почти 500 дней небольшой гарнизон крепости не только оборонялся, но и наносил противнику немалый урон. К. Е. Ворошилов не спешил докладывать в Москву о случившемся, надеясь хоть как-то поправить положение. Однако утром следующего дня в Кремле уже знали о блокаде Ленинграда, и Б. М. Шапошников направил главкому телеграмму следующего содержания: «Имеются данные, что Шлиссельбург занят 8.9 противником. Сообщите, так ли это, так как мы не имеем данных о Вашем восточном фронте». К. Е. Ворошилову пришлось сообщать все, как есть. В результате главком Северо-Западного направления был отстранен от командования войсками в районе Ленинграда. Вечером того же дня командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков, только что успешно завершивший Ельнинскую наступательную операцию, был вызван в Кремль. После непродолжительной беседы он вышел из кремлевской квартиры И. В. Сталина с запиской, адресованной К. Е. Ворошилову. В ней Верховный главнокомандующий писал: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву»[54].

Весь день 9 сентября немецкие войска пытались преодолеть Неву, чтобы соединиться с финской армией на Карельском перешейке, до которой оставалось всего 60 км. Атаки врага с левого берега Невы были отбиты специально созданной Невской оперативной группой войск. К югу от Ленинграда события развивались более драматично. Там, на узком участке от Колпино до Ропши, удар пришелся по соединениям 42-й и 55-й армий. Их войскам и штабам очень недоставало организованности, дисциплины и стойкости, но более всего мастерства, которого так не хватало только что сформированным соединениям и объединениям. 12 сентября противник вытеснил 42-ю армию из Красного Села. До Ленинграда немцам оставалось преодолеть всего 10 км. Казалось, удержать город не удастся. Тревога охватила многих, были подготовлены к взрыву заводы и фабрики, корабли — к затоплению.

Военный совет Ленинградского фронта направил часть зенитных орудий на самые опасные участки обороны для борьбы с немецкими танками, а также принял меры к усилению инженерного оборудования обороны в районе Пулковских высот. 42-й армии, оборонявший этот наиболее опасный участок, передавалась часть войск с Карельского перешейка. Ее поддерживала корабельная артиллерия Балтийского флота. Началось формирование отдельных стрелковых бригад за счет моряков и курсантов военно-учебных заведений Ленинграда. Еще 2 сентября пришлось усилить режим экономии продуктов питания. Рабочие и инженеры получали по 600 граммов хлеба в день, служащие — 400 граммов, иждивенцы и дети — 300 граммов. 11 сентября норму уменьшили. Хлеб стали выпекать с различными примесями — солодом, жмыхом и прочим. Обстановка оставалась по-прежнему сложной. Враг рвался к Ленинграду. Немцы вплотную подошли к городу. Кольцо блокады, линия фронта находились от городской черты на расстоянии от 2 до 30 км. 16 сентября противник прорвался к Финскому заливу, между Стрельной и Урицким (Лигово). Части 8-й армии оказались отрезанными от основных сил фронта. Западнее города образовался ораниенбаумский плацдарм. На следующий день враг захватил Павловск и ворвался в центр Пушкина (Царское Село). Ситуация казалась совсем безнадежной, и Г. К. Жуков пошел на последнее средство. 17 сентября он отдал приказ, суть которого сводилась к тому, что за оставление без письменного приказа рубежа Лигово, Верхнее Койрово, Пулковские высоты, Шушары, Колпино все командиры, политработники и бойцы подлежали немедленному расстрелу.

Захват Пушкина 17 сентября оказался последним существенным успехом противника. В тот день Э. Гёпнер получил приказ о выводе 4-й танковой группы из боя и переброске ее на московское направление. Все немецкие войска, действовавшие под Ленинградом, отныне переходили в подчинение командования 18-й армии. В ходе наступления на Петергоф немцам удалось овладеть его восточной частью. Для ведения тут обороны сил у них было вполне достаточно, но продолжать наступление на Ленинград они уже не могли. 19 сентября по приказу Г. К. Жукова 8-я армия с ораниенбаумского плацдарма нанесла удар на Красное Село, в тыл противнику, наступавшему из Урицка на Ленинград. Германское командование 27 сентября подписало приказ, в котором указывало, что группа армий «Север», обороняясь и улучшая положение на отдельных участках, должна создать условия для дальнейшего наступления в целях более тесной блокады Ленинграда, а также соединения с финскими войсками западнее и восточнее Ладоги. В своей книге, посвященной блокаде Ленинграда, известный американский журналист Г. Солсбери пишет: «Свидетельства, поступавшие с фронта, были верными: немцев остановили. Им нанесли страшный урон. Некоторые немецкие дивизии потеряли две трети личного состава. Но эти потери были несравнимы с потерями тех призрачных дивизий, которые им противостояли. Советские части были обескровлены»[55].

В борьбе за Ленинград существенную роль сыграла оборона Таллина, Моонзундских островов и полуострова Ханко, так как они надолго приковали к себе часть немецкой 18-й армии и финских войск. Бои на подступах к Таллину длились недолго — с 5 по 28 августа, но отличались особым упорством и самоотверженностью оборонявшихся, хотя противник здесь превосходил их в силах и средствах. 26 августа, когда враг находился всего в 6 км от Таллина, а возможность прорыва советских войск по суше полностью исключалась,

К. Е. Ворошилов разрешил начать эвакуацию морем. Во второй половине 28 августа около 200 кораблей, транспортов и вспомогательных судов, имея на борту 20,5 тыс. человек и ценные грузы, покинули таллинский рейд. Начался героический переход, проходивший под непрерывными ударами вражеской авиации, который завершился 30 августа его прорывом в Кронштадт и Ленинград. К сожалению, на переходе погибли свыше 10 тыс. человек, 53 корабля и судна, в том числе 36 транспортов и большое количество грузов[56]. Оборона Таллина почти на месяц сковала мощную группировку врага и тем самым облегчила советским войскам борьбу на подступах к Ленинграду. Переход же кораблей позволил сохранить боевое ядро Балтийского флота и вместе с тем усилить оборону города на Неве.

Для германского флота в Рижском и Финском заливах Моонзундские острова были как кость в горле, так как служили передовой базой для советских подводных лодок, торпедных катеров и авиации. Кроме того, на острове Саарема (Эзель) базировалась авиация, которая наносила удары по Берлину и другим военно-промышленным центрам Германии. Первый налет на столицу Третьего рейха был совершен в ночь на 8 августа самолетами 1-го минно-торпедного полка (командир — полковник Е. Н. Преображенский) ВВС Балтийского флота. Это настолько встревожило германское военное командование, что В. Кейтель через четыре дня издал приказ: «Как только позволит обстановка, следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-воздушные базы противника на островах Эзель и Даго. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налеты на Берлин»[57]. До 4 сентября самолеты 1-го минно-торпедного полка и 81-й авиадивизии дальнебомбардировочной авиации Главного командования успели совершить девять ударов по Берлину. Хотя результативность ударов можно назвать небольшой, главным было другое: эффект от них превзошел все ожидания, так как развенчивал в Германии сообщения средств массовой информации о полном уничтожении советской авиации. В конце октября немцы захватили Моонзундские острова, а 7 декабря — полуостров Ханко.

Немецкое командование отчетливо представляло значение Балтийского флота, прежде всего крупных артиллерийских кораблей, для обороны Ленинграда и в связи с этим во второй половине сентября 1941 г. предприняло попытку уничтожить базировавшиеся в Кронштадте морские силы. В крупной воздушной операции, проведенной в период с 19 по 27 сентября, участвовало в общей сложности свыше 400 бомбардировщиков. В эти полные драматизма для моряков дни выявились и серьезные пробелы в противовоздушной обороне флотских объектов. Потребовалось принять меры к изменению дислокации кораблей, их маскировке, усилению средств ПВО и воздушного патрулирования.

Массированные налеты на Кронштадт были предприняты противником 21, 22 и особенно 23 сентября. Удары с воздуха при этом сопровождались артиллерийскими обстрелами кораблей, стоявших на Неве, в морском порту, морском канале и других местах. Хотя «балтийский Пёрл-Харбор» врагу не удался, но урон все же оказался значительным. Были потоплены лидер «Минск», сторожевой корабль «Вихрь», подводная лодка М-74, транспорт. Затонул поврежденный эсминец «Стерегущий». Получили повреждения линкор «Октябрьская революция», крейсер «Киров», три эскадренных миноносца, надводный минный заградитель, ряд других кораблей и судов. У линкора «Марат» оторвало носовую часть по вторую башню. Пострадал и город, его предприятия, флотский госпиталь[58]. В том, что противник все же не достиг поставленной цели, немалую роль сыграло своевременное оповещение об обнаружении вражеских самолетов, направлявшихся в сторону острова Котлин. Его передали операторы радиолокационной станции «Редут», установленной в Усть-Ижоре и в районе «ораниенбаумского пятачка».

Ценой огромных жертв и усилий советские войска остановили наступление группы армий «Север» и заставили ее перейти к обороне. С 10 июля по 30 сентября войска Северного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов, а также Балтийский флот потеряли почти 345 тыс. человек, из них 214 078 убитыми и пропавшими без вести. За тот же период неприятель потерял около 136 тыс. солдат и офицеров, из них убитыми 34,9 тыс. человек[59].

В конце сентября 1941 г. начался новый этап битвы за Ленинград. Оккупанты принялись разрушать город, терроризируя его жителей методическим огнем артиллерии и массированными бомбежками. 21 сентября руководство ОКВ представило А. Гитлеру доклад по вопросу о Ленинграде. В нем предлагалось: «Заключить город в плотное кольцо с забором из колючей проволоки под электрическим током и вышками с пулеметами; разрушить его огнем артиллерии и ударами авиации... Выпустить женщин, детей, старух через посты блокады, остальных обречь на голодную смерть, с тем чтобы остатки гарнизона крепости остались там на зиму... Сровнять Ленинград с землей». На следующий день была утверждена директива «Будущее Петербурга», в которой говорилось: «1. Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После разгрома Советской России существование этого огромного города не будет иметь никакого смысла. Финляндия также сообщила нам, что она не заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с ее новыми границами; 2. Прежние требования военно-морского флота сохранить верфи, гавань и военно-морские сооружения известны, однако их выполнение невозможно в связи с главным решением вопроса о Петербурге; 3. Предлагается плотно блокировать город и сровнять его с землей с помощью артиллерии всех калибров и непрерывных бомбардировок с воздуха. Если в результате создавшейся в городе обстановки последуют заявления о сдаче города, они должны быть отклонены»[60].

В ослаблении артобстрела большую роль сыграл Балтийский флот, орудия которого участвовали в контрбатарейной борьбе. Только с августа по декабрь 1941 г. корабельная и береговая артиллерия 5777 раз открывала огонь по позициям немецких войск, в том числе 1650 раз по вражеским батареям, выпустив при этом свыше 71,5 тыс. снарядов калибра от 100 до 406 мм. Для защиты города флот собрал все свои силы: корабельный состав, авиацию, береговую и железнодорожную артиллерию, сформировал корректировочно-наблюдательные посты, части морской пехоты. Непосредственно на суше плечом к плечу с воинами фронта сражались свыше 70 тыс. моряков.

Недостаток сил, слабая выучка войск, отсутствие опыта наступательных действий в условиях лесисто-болотистой местности, неумение командиров и штабов управлять войсками в сложной боевой обстановке привели к срыву плана деблокады города. Отрезанным от Большой земли войскам и населению предстояла многомесячная и многотрудная борьба за жизнь. Битва за Ленинград продолжалась с 10 июля 1941 до 9 августа 1944 г.

На крайнем северном фланге советско-германского фронта немецкая армия «Норвегия» перешла в наступление в конце июня. Ее главной целью был порт Мурманск. В целом замысел немецкого командования заключался в нанесении ударов по трем направлениям: на северном — объектом захвата должен был стать Мурманск, на центральном — г. Кандалакша Мурманской области, на южном — поселок Лоухи Карело-Финской ССР. В случае успеха в руки противника попал бы советский незамерзающий порт на Баренцевом море — Мурманск. Кроме того, наступавшие на Кандалакшу и Лоухи силы врага отрезали бы Кольский полуостров от остальной территории страны и, выйдя на побережье Кандалакшской губы, создали бы дополнительную угрозу Архангельску. Вместе с Мурманском должен был быть захвачен и г. Полярный — база Северного флота.

Этим планам не суждено было сбыться. Поскольку до 29 июня 1941 г. активность противника в Заполярье ограничивалась только авианалетами, 14-я армия (командующий — генерал В. А. Фролов) и Северный флот (командующий — контр-адмирал А. Г. Головко) имели больше времени на подготовку и не были застигнуты врасплох. Кроме того, поскольку данный фронт изначально не считался приоритетным, вражеское командование выделяло ему меньше сил, и хотя превосходство немецкой армии «Норвегия» (в дальнейшем была известна как «Лапландия» и 20-я горная армия) над советской стороной было обеспечено, обороняющиеся, мобилизовав все свои ресурсы, сумели выстоять.

Начав сухопутное наступление на Мурманск силами горнострелкового корпуса «Норвегия» (две горнострелковые дивизии), немцы оттеснили подразделения 14-й армии с рубежа на р. Титовке, но так и не смогли преодолеть организованный сразу за ним рубеж на р. Большой Западной Лице. Кроме того, немцам не удалось занять полуострова Средний

Немецкие солдаты пересекают государственную границу СССР

Советские девушки-добровольцы направляются на фронт. Лето 1941 г.

Ленинградцы у витрины ЛенТАСС. Июнь 1941 г.

и Рыбачий, прикрывавшие вход в Кольский залив, на берегу которого расположен Мурманск. Подразделения 23-го укрепрайона сумели создать прочную оборону с использованием особенностей сложного рельефа и не пропустили немцев дальше горного хребта Муста-Тунтури на подступах к Рыбачьему и Среднему.

Северный флот обеспечивал снабжение укрепрайона по морю, а также поддерживал артиллерийским огнем и высадкой десантов советские позиции на Западной Лице. Артиллерийское прикрытие Северного флота было особенно важно в условиях нехватки у сухопутных сил боеприпасов для артиллерии. Успех обороны на речном рубеже был во многом обусловлен и тем, что защитники 23-го укрепрайона выиграли время для подготовки позиций в районе Большой Западной Лицы.

Северный флот, на тот период самый молодой в Вооруженных силах СССР, выполнял и другие важнейшие задачи на Северном морском театре. Его корабли выходили в море в целях нарушения перевозок стратегического сырья для германской промышленности, обеспечения советских воинских и народно-хозяйственных перевозок. Вскоре после начала войны соединения кораблей Северного флота, усиленные за счет других флотов, участвовали вместе с союзниками в организации доставки грузов в СССР из Англии и США.

Пытаясь усилить натиск на Мурманск, немцы перебросили на север часть подразделений с кандалакшского направления, однако атаки, предпринятые 12 июля и 8 сентября, также захлебнулись.

С 11 сентября по 18 октября в воздушной обороне Мурманска участвовало и 151-е авиакрыло британских Королевских ВВС (24 истребителя «харрикейн»), летчики которого сбили и повредили не менее 16 самолетов врага (еще 30 июля британская авиация бомбила Киркенес и Петсамо, однако эффект той операции был в большей степени морально-политическим).

По итогам оборонительной операции в Заполярье и Карелии (29 июня — 10 октября 1941 г.) безвозвратные потери Красной армии составили 67 265 человек. Потери немецкой и финской сторон в совокупности составили порядка 67 тыс. человек[61]. Защитники Заполярья сумели сохранить за Советским Союзом возможность поддерживать связь с внешним миром через северные порты, что было жизненно необходимо в условиях, когда порты Балтийского и Черного морей были захвачены или блокированы противником. В результате успешных оборонительных действий 14-й армии и Северного флота в 1941 г. немцы заняли только небольшую часть советской территории, не сумев добиться большего в последующие три года.

Активные боевые действия между советскими и финско-немецкими войсками вскоре после начала войны развернулись в Советской Карелии. К началу Великой Отечественной войны Финляндия полностью отмобилизовала свои войска и развернула их на границе с СССР. Наиболее мощные группировки финских войск готовились наступать на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии. В общей сложности Финляндия для предстоящих боевых действий выделила 340 600 человек, 2047 орудий и минометов, 86 танков и 307 самолетов. Кроме того, в северной Финляндии была сосредоточена немецкая армия «Норвегия». В общей сложности вражеская группировка состояла из 21,5 дивизии (из них финских 17,5 дивизии) и насчитывала 407 440 человек, 3084 орудия, 192 танка и 424 самолета[62].

В Мурманской области и Карелии были развернуты советские 14, 7 и 23-я армии Ленинградского военного округа. В общей сложности округ имел в своем составе 426 тыс. человек, 9589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета, но часть этих сил находилась в Эстонии и южнее Ленинграда, в том числе больше половины танков и большая часть авиации[63].

В день начала агрессии против Советского Союза А. Гитлер в своем обращении к немецкому народу недвусмысленно дал понять, что Германия выступает «в союзе с финскими товарищами». Сразу вслед за этим немецкие воздушные силы, базирующиеся в Финляндии, начали установку мин неподалеку от советских военно-морских баз. Утром 25 июня советская авиация нанесла превентивный удар по финским аэродромам, где находились германские самолеты. Используя этот предлог, Финляндия объявила СССР войну. Накануне Ленинградский военный округ был переименован в Северный фронт (командующий — генерал-лейтенант М. М. Попов).

Финские и немецкие части перешли в наступление в Северной Карелии в начале июля 1941 г. Наступление велось на кандалакшинском, ухтинском и ребольском направлениях. Целью противника было перерезать Кировскую железную дорогу, соединяющую Мурманск с Петрозаводском. С боями финны и немцы смогли продвинуться на 75—150 км, заняв населенные пункты Реболы, Алакуртти, Куолаярви и ряд других, но в августе — сентябре 1941 г. были остановлены на всех направлениях и больше продвинуться не смогли.

Главный удар финская армия нанесла на петрозаводском направлении. Развернутой здесь армии «Карелия» (свыше шести дивизий, более 100 тыс. человек) противостояли три дивизии 7-й армии генерала Ф. Д. Гореленко. 10 июля началось наступление финнов. Советские войска оказывали упорное сопротивление, но под нажимом врага вынуждены были отходить. 23 августа Северный фронт был разделен на Карельский и Ленинградский фронты. К началу сентября финны были уже в 40 км от Петрозаводска и достигли р. Свирь в районе Лодейного Поля. 24 сентября 7-я армия была выведена из подчинения Карельского фронта и подчинена непосредственно Ставке ВГК. Командующим армией был назначен генерал армии К. А. Мерецков. К этому времени финские войска вышли к Онежскому озеру и охватили Петрозаводск с севера и запада. Развернулись ожесточенные бои за город. Финны заняли его лишь 3 октября. Финское наступление продолжилось. Они быстро вышли к р. Свирь и форсировали ее, но контрудар 7-й армии позволил стабилизировать обстановку. Понеся большие потери, финские войска и действующая здесь 163-я немецкая дивизия в конце октября перешли к обороне. Таким образом, план немецкого командования создать второе кольцо окружения вокруг Ленинграда был сорван. Севернее Петрозаводска финны вели активные боевые действия до декабря 1941 г., но после захвата Медвежьегорска они были остановлены западнее линии Беломоро-Балтийского канала.

Вражеское наступление на Карельском перешейке началось 10 июля 1941 г. Части и соединения советской 23-й армии, несмотря на превосходство в танках и артиллерии, а также поддержку Балтийского флота, не выдержав ударов финнов, начали отходить. Прижатые к северо-западному берегу Ладоги, они 12—22 августа были эвакуированы кораблями Ладожской военной флотилии, а остальные дивизии отходили к старой государственной границе. Контрудары, предпринимаемые советскими войсками, из-за плохой организации не достигали своей цели. Упорные бои шли на выборгском направлении. 29 августа финны овладели Выборгом. 1 сентября потрепанные части 23-й армии заняли укрепления на старой государственной границе. Финским подразделениям удалось захватить поселок Белоостров, но вскоре они были выбиты оттуда. После этого интенсивность боевых действий на этом участке фронта резко снизилась, и такое положение оставалось до лета 1944 г.[64]

В июле — сентябре 1941 г. на главном направлении немецкого наступления — московском — разыгралось ожесточенное сражение, имевшее одно из решающих значений в срыве блицкрига. По названию города, вокруг которого шли кровопролитные схватки и который считался ключом к столице, оно получило название Смоленское. Но театр боевых действий был намного обширнее и покрывал огромное пространство, простиравшееся с севера на юг и с запада на восток на сотни километров.

Несмотря на упорные бои на Березине, вдоль шоссе Минск — Москва, героизм советских воинов, в том числе курсантов военных училищ при защите г. Борисова, контрудары в районе Орши, подвижные войска группы армий «Центр» — дивизии 2-й и 3-й танковых групп и передовые соединения 9-й и 2-й полевых армий вышли к 10 июля на Днепр и Западную Двину и в ряде мест сумели форсировать их. Основные силы этих армий, задержанные сражениями в Белоруссии, отстали от подвижных войск на 120—150 км. И хотя советское командование не сумело создать сплошной и устойчивый фронт и оборону успели занять лишь 37 дивизий из 66, группа армий «Центр», имевшая мощные танковые группы Г. Гудериана и Г. Гота, не смогла прорваться с ходу на Москву. Но вражеские соединения продвинулись вперед до 200 км. 19, 16 и 20-я советские армии оказались в сложнейшем положении. Наносившая удары на левом крыле Западного фронта 21-я армия сковала на некоторое время главные силы 2-й немецкой армии в междуречье Днепра и Березины. К началу наступления

на Смоленск враг превосходил войска Западного фронта в людях, артиллерии и самолетах — в 2 раза, а в танках — в 4 раза. В это время соединения левого крыла группы армий «Юг» завязли в боях с 26-й и 5-й армиями Юго-Западного фронта на линиях Коростеньского и Киевского укрепрайонов[65].

Тем временем танковая группа Г. Гудериана нанесла удар на шкловском направлении, бросив на 37-километровом участке фронта против трех стрелковых дивизий около 450 танков. Сдержать эту лавину без достаточного количества артиллерии и авиации было просто немыслимо. Успешным действиям своих войск на этом рубеже Г. Гудериан придавал чрезвычайное значение. Однако, по воспоминаниям самого Г. Гудериана, 17-я танковая дивизия натолкнулась южнее Орши на такие силы противника, что ее пришлось перебрасывать через Копысь в тыл 29-й моторизованной дивизии[66]. Тем не менее к вечеру того же дня немцы захватили плацдармы севернее и южнее Могилёва. А поскольку советские войска еще 9 июля оставили Витебск, то это обстоятельство дало возможность 20-й танковой дивизии группы Г. Гота устремиться на восток и создать угрозу главным силам Западного фронта. Парировать удар танкового клина можно было только мощным вторым эшелоном, а именно его-то у Западного фронта не было. Главные силы 19-й армии только еще следовали в район сосредоточения по железной дороге. Маршал С. К. Тимошенко решил совместными действиями 19, 20 и 22-й армий во взаимодействии с авиацией уничтожить прорвавшегося противника и, овладев Витебском, закрепиться на фронте Идрица — Полоцкий укрепрайон — Орша и далее по р. Днепр. Одновременно он приказал 21-й армии наступать в направлении Городище, Бобруйск, чтобы воздействовать на тылы могилевской группировки противника с юга[67]. К сожалению, удар силами 22-й армии по 3-й танковой группе нанести не удалось. Враг расчленил ее войска на две части и глубоко охватил их с флангов. В этой связи командующий армией получил приказ: с боями, последовательно отводить войска на тыловой рубеж, окружая и уничтожая прорвавшиеся танки дивизионными отрядами истребителей танков. Однако все это не помешало гитлеровцам прорваться на правом крыле фронта.

19-я и 20-я армии дважды, 10 и 11 июля, пытались нанести удары в центре обороны фронта, но атаки предпринимались не одновременно, нередко без артиллерийской поддержки, зачастую полки вступали в бой с ограниченным количеством боеприпасов. После ожесточенных боев 19-я армия разрозненными группами начала отход на восток. Этим немедленно воспользовался неприятель, перехватив 15 июля железнодорожную и автомобильную магистрали, ведущие к Москве. Сложная обстановка создалась на левом фланге 16-й армии, на большаке Смоленск — Красный (42 км юго-западнее Смоленска), куда 13 июля был выдвинут небольшой отряд подполковника П. И. Буняшина, встретивший 29-ю моторизованную дивизию, которая должна была захватить Смоленск с ходу. Отряд П. И. Буняшина дрался бесстрашно и самоотверженно, захватил в плен около 200 немцев. Но силы были неравными. И немецкие войска 16 июля заняли левобережную часть Смоленска, а также Ярцево (40 км северо-восточнее Смоленска). При этом три наши армии (16, 19 и 20-я) оказались в полуокружении. Для отхода на восток им оставалась единственная переправа через Днепр, в районе села Соловьёво (15 км южнее Ярцево, 40 км восточнее Смоленска). Но и эта единственная артерия находилась под непрерывными ударами вражеской авиации. С севера и юга на Соловьёво рвались танковые и пехотные части противника, пытаясь захватить переправу.

Как известно, Смоленское сражение продолжалось более двух месяцев. Немцам пришлось столкнуться с упорством советских частей и соединений, которые получали все новые подкрепления, массовым героизмом советских воинов. По мнению немецкой разведки, «для того чтобы удержать свой важнейший фронт — «Смоленские ворота», русские бросили в бой все имеющиеся где-либо в их распоряжения силы». Отмечалась переброска советских войск с Кавказа, из Средней Азии, Сибири и северных районов Советского Союза[68]. Все это никак не увязывалось с расчетами германского командования решить исход кампании до линии Днепр — Двина. Группа армий «Центр» продвинулась до этого рубежа, но пока о крахе советской обороны не могло быть и речи. Линии коммуникаций вражеских соединений подвергались постоянным атакам выходивших из окружения советских подразделений.

Немецкие танки совершали вынужденные остановки из-за отсутствия горючего и запасных частей. Много неприятностей врагу доставляли новые советские бронированные машины, имевшие превосходство над германскими аналогами. В одном из документов штаба Западного фронта, адресованном начальникам штабов армий, прямо говорилось, что «танки противника с нашими Т-34 и КВ в бой не вступают». От командиров на фронте требовалось действовать смелее, так как немецкая пехота не выдерживает штыковых атак, решительно перехватывать пути подвоза, пресекать распространение всяческих панических слухов, не бояться вклинения танков в свою оборону, поскольку противник сам оказывается в этом случае окруженный нашими войсками[69]. Все это были правильные распоряжения. Беда состояла в том, что выполнить их на практике, в условиях быстрого отхода, отсутствия хорошей связи, а самое главное — достаточного количества опытных и решительных командиров и подготовленных красноармейцев, было нереально. Опыт приобретался большой кровью.

Командование Западного фронта предприняло попытку вернуть Смоленск. Член Военного совета Западного направления Н. А. Булганин 20 июля докладывал И. В. Сталину и В. М. Молотову: «В течение 17 и 18 июля в результате упорных боев отдельные районы города переходили из рук в руки. К утру 19 июля противник овладел большей частью города. Атакой наших войск 19 июля вновь занята северо-западная часть города»[70]. Бои в Смоленске продолжались почти до конца июля.

В тот же период все явственнее обозначался разрыв между вырвавшейся вперед группой армий «Центр» и отстающей группой армий «Юг». Еще 9 июля А. Гитлер подписал директиву, в которой определялись планы дальнейшего ведения войны на востоке. В ней группе армий «Центр» приказывалось после уничтожения многочисленных окруженных частей советских войск продолжить наступление на Москву силами пехотных дивизий, а подвижными соединениями 3-й танковой группы — перерезать коммуникационную линию Москва — Ленинград. Одновременно А. Гитлер наметил осуществить поворот войск южного крыла группы армий «Центр» (2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу) на юг в целях оказания помощи «северному флангу группы армий «Юг», скованному укреплениями города Киева и действиями в нашем тылу войск 5-й советской армии». 5-я армия генерала М. И. Потапова, занимая оборону в Коростеньском укрепленном районе, предприняла сильные контрудары по врагу»[71].

Однако разрыв между группами армий в то время устранить было невозможно. Группа армий «Центр» была связана боями под Смоленском, а группа армий «Юг» ничего не могла поделать с активностью 5-й армии Юго-Западного фронта в районе Припятских болот. Своими активными действиями ее войска сковали от 10 до 15 немецких дивизий, не позволяя командованию группы армий «Юг» использовать их для штурма Киева. Кроме того, эта армия создавала угрозу удара и по открытому южному флангу центральной группы армий, войска которой продвинулись к востоку на большую глубину, чем соседние группы армий. 15 июля 1941 г. в телефонном разговоре с командующим сухопутными войсками фельдмаршал Ф. фон Бок вынужден был отметить тот факт, что «на реке Днепр и восточнее ее в настоящее время происходит сражение, которое хотя и началось хорошо, но исход которого еще совершенно не решен. Не следует, исходя из местной оценки, считать там общее положение слишком легким. Победа еще не одержана». В ответ В. Браухич отмечал: «...не может быть и речи о дальнейшем продвижении танков на восток, после овладения районом Смоленск. Русские дерутся не так, как французы, они не чувствительны на флангах. Поэтому основным является не овладение пространством, а уничтожение сил русских»[72].

В это время советское командование сосредоточило все внимание на московском направлении, перебрасывая сюда свои резервы. На рубеже Старая Русса, Осташков, Белый, Ельня, Брянск, то есть в тылу Западного фронта, создавал оборону Фронт резервных армий под командованием генерала И. А. Богданова. В новый фронт входили дивизии, сформированные НКВД из кадрового состава пограничных и внутренних войск. Всего фронт включал четыре армии: 29, 30, 31 и 24-ю. На дальних подступах к Москве был образован фронт Можайской линии обороны в составе 32, 33 и 34-й армий во главе с командующим Московским военным округом генералом П. А. Артемьевым. Целью развертываемых здесь войск являлась

«защита Москвы на линии Можайска». В тылу Западного фронта готовились три оборонительных рубежа: первый — основной, второй — Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж и третий — Можайская линия обороны. На них предусматривалось оборудовать семь оборонительных полос общей глубиной 330–360 км.

Оценивая эти меры, следует подчеркнуть их адекватность той степени опасности, которую создавал неприятель для Москвы. Они направлялись на то, чтобы восстановить прорванный фронт, создать новую линию обороны и задержать гитлеровскую лавину. С этой целью Ставка срочно выдвигала сюда свои резервы и уже к концу второй декады июля в трех эшелонах, то есть в составе Западного фронта, Фронта резервных армий и фронта Можайской линии обороны, развернула 121 новую дивизию, которые заняли оборону на глубину до 230 км. Ввод в кратчайшие сроки таких больших резервов Красной армии явился для немцев пренеприятнейшим сюрпризом. В германском стане никто не мог такого ожидать. И хотя эти новые дивизии не были оснащены лучшим образом и не обладали боевым опытом, их развертывание имело неоценимое значение для всего хода дальнейшей борьбы. На Днепре, у «Смоленских ворот» и на многих других участках западного направления развернулись тяжелейшие кровопролитные бои, в которых советские войска настолько потрясли наиболее мощную группировку противника, что заставили германское командование впервые во Второй мировой войне заняться пересмотром своих оперативных планов. В этой связи Ставка не сбрасывала со счетов и вопрос о переходе в контрнаступление. Такая идея возникла лично у И. В. Сталина.

Уже 20 июля начальник Генерального штаба направил в войска директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска. С этой цель из 20 дивизий Фронта резервных армий было создано пять армейских оперативных групп, которые затем вошли в состав Западного фронта. Этим группам войск, возглавляемым генералами В. А. Хоменко, С. А. Калининым, К. К. Рокоссовским, В. Я. Качаловым и И. И. Масленниковым, предстояло нанести одновременные удары с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск. После разгрома прорвавшегося врага они должны были соединиться с основными силами 16-й и 20-й армий, то есть предпринять попытку перейти в контрнаступление.

С 21 июля по 7 августа на западном направлении советское командование предприняло попытку провести контрнаступление. В ходе боевых действий образовались два основных очага борьбы: один — в районе Смоленска, Ельни, другой — в районе Гомеля на р. Сож и в междуречье Днепра и Березины. По этой причине из двух армий левого крыла Западного фронта (13-я и 21-я армии) и выдвинутой из резерва 3-й армии 24 июля был образован Центральный фронт под командованием генерал-полковника Ф. И. Кузнецова (с 5 августа — генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова).

Упорное сопротивление советских войск под Смоленском ослабило наступательную мощь группы армий «Центр». Она оказалась скованной на всех участках фронта. Фельдмаршал Ф. фон Бок писал в те дни: «Я вынужден ввести в бой теперь все мои боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор было невозможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время русским не будет где-либо нанесен сокрушительный удар, то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы»[73].

Под Смоленском наглядно проявился просчет военно-политического руководства Германии в оценке способности советских войск к сопротивлению. Несмотря на крупные потери и тяжелейшие бои в окружении, советские части, как докладывали в Берлин немецкие генералы, продолжали сражаться «ожесточенно и фанатично». Главная цель кампании — уничтожение армии русских — оставалась незавершенной. Более того, упорная, активная оборона советских войск на фронте группы армий «Центр» и уязвимость ее обоих открытых флангов от возможных ударов по ним русских армий делали невозможным ведение дальнейшего наступления одновременно на всех трех главных направлениях. Вот почему 30 июля

А. Гитлер подписал директиву № 34, согласно которой группа армий «Центр» должна была перейти к обороне. По приказу фюрера основные усилия вермахта в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств на центральном участке фронта были перенесены на фланги. Впоследствии Ф. Паулюс отмечал, что группе армий «Центр» «не хватало сил для того, чтобы, достигнув Смоленска, развивать наступление на Москву. Гитлер приказал наступление передвинуть на более поздний срок»[74].

Под впечатлением упорных боев под Смоленском группа офицеров японского генерального штаба, до сего времени ратовавшая за войну с СССР, пришла к выводу, что вермахт, возможно, и возьмет Москву к концу года, но это еще не означает, что война будет А. Гитлером выиграна, ибо у И. В. Сталина нет оснований для капитуляции.

Войска вермахта несли серьезные потери. На начало сентября в результате непрерывных сражений боевая численность пехотных подразделений группы армий «Центр» снизилась так, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах остались в среднем один, в редких случаях два офицера, 10 унтер-офицеров и 70 рядовых. Вследствие непрерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава[75]. В некоторых танковых дивизиях, например в 7-й танковой, осталось не более 50% боеспособных бронированных машин[76].

Проблема флангов наступающей группировки Ф. фон Бока в августе 1941 г. выходила на передний план. Не обезопасив их, невозможно было проводить дальнейшее продвижение на восток. Но устранение, например, угрозы с юга могло стоить немцам потери темпа на главном, московском направлении. С другой стороны, германское командование не могло не видеть, что выход 2-й танковой группы и 2-й армии во фланг и тыл Юго-Западному фронту создавал очевидные перспективы разгрома советских армий, оборонявших Киевский укрепрайон, и обеспечивал столь необходимый стык групп армий «Центр» и «Юг»[77]. Кроме того, быстрый разгром советских войск под Киевом давал вермахту шанс сконцентрировать затем основные силы на главном направлении и провести решающее наступление на Москву еще до наступления морозов. 21 августа 1941 г. А. Гитлер подписал новую директиву, в которой, в частности, говорилось: «Главной задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами». Только при этих условиях, указывалось в директиве, создавались предпосылки и освобождались силы и средства для успешного наступления и уничтожения группы армий С. К. Тимошенко, то есть советских войск, прикрывавших Москву[78]. По сути, эта директива означала признание А. Гитлером того факта, что концепция молниеносной войны дала глубокую трещину. Однако окончательно отменить наступление на Москву еще в 1941 г. он вряд ли бы смог, поскольку большинство генералов на фронте отнеслись бы к такому повороту событий чрезвычайно болезненно.

Советская военная разведка отмечала признаки замешательства, возникшие тогда в высшем военном руководстве Германии. В одном из подготовленных разведкой документов от 24 августа 1941 г., озаглавленном «Планы и внутриполитическое положение Германии», говорилось, что провал молниеносной войны против СССР германское верховное командование старается оправдать, во-первых, отсрочкой нападения на Советский Союз в связи с войной на Балканах, во-вторых, неудовлетворительной работой немецкой разведки в предвоенные годы, особенно в отношении истинного количества советских танков и самолетов. Германским руководством «было слабо изучено как внутриполитическое положение страны, так и состояние Красной армии». Отмечалось, что «зимнюю передышку в затянувшейся войне с СССР немецкое командование предполагает использовать для новой кампании в Средиземном море, а после ее окончания начать вторжение в Англию»[79].

Но пока ни Ставка, ни Генеральный штаб, ни командование фронтов не намеревались давать немцам хоть какую-нибудь передышку. В конце июля — начале сентября 1941 г. фокус наступательной активности советских войск обозначился в районе Ельни. Взятие немцами в середине июля этого районного города, который оказался в центре так называемого ель-

Москва, улица 25-го Октября. Жители Москвы слушают объявление о начале войны. 22 июня 1941 г.

нинского выступа, поначалу не вызвало серьезного беспокойства у начальника Генштаба Г. К. Жукова. Это направление, по его мнению, было прикрыто надежно. Однако германский прорыв к Ельне сильно взволновал Верховного главнокомандующего, он считал, что здесь возник опасный плацдарм для удара на Москву. Кстати, в качестве «передовой линии для дальнейшего продвижения в глубь страны» район Ельни рассматривали тогда и сами немцы. Эту мысль высказал на допросе в советском штабе пленный ефрейтор Ф. Митерман в августе 1941 г.[80] Г. К. Жукову и командующему Западным фронтом было поручено отбить Ельню. Уже 22 июля 1941 г. командующий оперативной группой 28-й армии генерал П. Г. Егоров отдал приказ на уничтожение противника, прорвавшегося к городу[81]. Но боевые действия с окопавшимися германскими частями приняли здесь затяжной характер и продолжались до начала сентября. В то же время советские войска провели на Западном фронте ряд других наступательных операций с целью предотвратить дальнейший натиск немецких сил на Москву и по возможности разгромить ударные группировки группы армий «Центр», нацеленные на советскую столицу.

Однако не все операции были успешными. Например, войска Западного и Резервного фронтов безуспешно предпринимали попытки разгромить духовщинскую группировку врага. С 22 августа советское командование расширило масштабы наступления, стремясь нанести крупное поражение группе армий «Центр» и сорвать ее продвижение в южном направлении. Но и это наступление ни к чему не привело.

После вступления в должность командующего Резервным фронтом генерал Г. К. Жуков пришел к выводу, что для уничтожения противника, который пятью пехотными дивизиями оборонял ельнинский выступ, сил одной 24-й армии явно недостаточно. 21 августа он приказал прекратить наступление и приступить к подготовке нового, более сильного и лучше организованного удара. Ставка продолжала добиваться изменения характера боевых действий в свою пользу. И хотя войска Западного, Резервного, Центрального и Брянского фронтов понесли большие потери, а их удары не достигли цели, они нанесли неприятелю весьма ощутимый урон, истощили его группировки и резервы, а кроме всего прочего командный состав Красной армии приобрел так необходимый ему боевой опыт. Учитывая большие потери Западного и Резервного фронтов в предыдущих боях, Ставка уточнила их задачи. Теперь Западный фронт должен был, продолжая наступление, начатое еще 16 августа, овладеть рубежом Велиж, Демидов, Смоленск. Резервному фронту предстояло разгромить противника в ельнинском выступе и затем наступать на Рославль. Самая сложная задача поручалась Брянскому фронту, в состав которого были включены отошедшие войска упраздненного 25 августа Центрального фронта. Генерал А. И. Ерёменко получил задачу разгромить 2-ю танковую группу, которая продолжала наступать на юг, в тыл киевской группировке войск Юго-Западного фронта. Однако войска фронта реальными возможностями для этого не располагали.

В 20-х числах августа в огромной полосе от Торопца до Новгорода-Северского шириной около 600 км развернулись ожесточенные бои. На правом крыле Западного фронта противник прорвал оборону 22-й и 29-й армий, отбросив их дивизии на левый берег Западной Двины. Чтобы остановить продвижение вражеских танков, командующий Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко направил к месту прорыва группу саперов в составе четырех инженерных батальонов с 15 тоннами взрывчатки, 18 800 противотанковыми минами и 800 бутылками с зажигательной смесью. Группа имела задачу создать минно-взрывные заграждения на пути противника. Руководил ею начальник инженерного управления фронта генерал М. П. Воробьёв. В начале сентября войска этих армий остановили противника.

Значительную помощь 22-й армии оказала 30-я армия. Перейдя 29 августа в наступление своим правым флангом, она прорвала оборону врага, вынудив его отойти. Воспользовавшись успехом объединения, маршал С. К. Тимошенко ввел в прорыв кавалерийскую группу генерала Л. М. Доватора. Казаки прошли около 300 км по бездорожью, в лесисто-болотистой местности к северо-западу от Духовщины, вызвав панику в войсках 9-й полевой армии. Для борьбы с советской конницей и охраны тыловых объектов Главное командование сухопутных войск было вынуждено выделить из своего резерва три пехотные дивизии.

В эти дни первого значительного успеха советские войска добились под Ельней, где 24-я армия с 30 августа по 8 сентября провела наступательную операцию по уничтожению вражеской группировки, оборонявшей выступ. В основу замысла генерала Г. К. Жукова был положен самый решительный способ — двусторонний охват в целях окружения и разгрома немцев по частям. В ударные группировки были включены все исправные танки и около 70% артиллерии армии. К исходу 8 сентября ельнинский выступ (свыше 625 кв. км), вдававшийся в оборону Резервного фронта, был срезан. Противник лишился выгодного плацдарма для удара по флангам советских войск. В этой операции Красная армия впервые с начала войны прорвала сильную оборону противника и разгромила его значительную группировку. Здесь, под Ельней, родилась советская гвардия. 18 сентября приказом наркома обороны за массовый героизм и проявленное воинское мастерство в боях под этим городом первыми в Красной армии были удостоены звания гвардейских два соединения 24-й армии — 100-я и 127-я стрелковые дивизии, став соответственно 1-й и 2-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Этим же приказом в 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии были преобразованы 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

К 10 сентября советские войска практически исчерпали свои наступательные возможности, поэтому Ставка приказала прекратить наступление. Смоленское сражение завершилось. Его главным итогом был срыв планов вермахта на безостановочное продвижение к Москве. Впервые с начала Второй мировой войны германские войска вынуждены были перейти к обороне на своем главном направлении, в результате чего советское командование выиграло время для совершенствования стратегической обороны на московском направлении и подготовки резервов. В этом сражении советские войска проявили небывалую стойкость и массовый героизм. Тысячи бойцов и командиров были удостоены государственных наград, а 14 воинам присвоено звание Героя Советского Союза. Неоценимую помощь войскам оказало население Смоленщины. Только на оборонительных работах в полосе Западного фронта участвовали около 300 тыс. жителей Смоленской области. Дорогой ценой оплачен успех советских войск в Смоленском сражении: общие людские потери составили почти 760 тыс. человек, из которых 486 тыс. (64%) безвозвратные [82].

В конце сентября генерал-лейтенант С. А. Калинин, находившийся в августе при штабе Западного фронта, представил Военному совету доклад, в котором обобщались боевые действия первых месяцев войны. Доклад назывался «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя». В нем отмечались особенности тактики немецких частей и соединений в начальный период боевых действий: удары во фланг и тыл, создание ловушек, четкое взаимодействие пехоты, танков и авиации. В то же время генерал С. А. Калинин, возможно, раньше, чем кто-либо другой в РККА, отметил появившуюся у германского командования осторожность, нежелание вырываться далеко вперед. Весьма интересны его замечания относительно способов окружения немцами частей Красной армии. К сожалению, они не были тогда в должной мере восприняты командованием Западного фронта. Но факты свидетельствуют о том, что некоторые последующие приказы наркома обороны и Генерального штаба содержат те же положения, что и в докладе С. А. Калинина. Это касается директив Генштаба и НКО об организации взаимодействия родов войск, установлении на фронте сокращенного срока выслуги очередного воинского звания и прочего[83].

В августе, в разгар Смоленского сражения, тяжелые бои развернулись в полосе Центрального фронта, куда были повернуты 25 дивизий группы армий «Центр», в том числе шесть танковых и моторизованных. Они наносили удар на юг в целях выхода в тыл Юго-Западному фронту, остановившему наступление группы армий «Юг» на рубеже Днепра. 8 августа при поддержке крупных сил авиации перешла в наступление 2-я танковая группа, а 12 августа их поддержала 2-я армия генерала М. фон Вейхса. Войска Центрального фронта не сдержали столь мощного танкового удара и под угрозой охвата превосходящими силами противника начали отходить в южном и юго-восточном направлениях. На сей раз Ставка разгадала намерения немцев и, чтобы не допустить окружения фронта и выхода врага в тыл войск, которые обороняли Киев, развернула между Центральным и Резервным фронтами Брянский фронт

во главе с генералом А. И. Ерёменко. В его состав входили вновь формируемая в районе Брянска 50-я армия, а также остатки 13-й армии. К сожалению, эта мера не дала каких-либо положительных результатов. Соединения 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана к 21 августа продвинулись на глубину до 140 км, овладев Клинцами и Стародубом. Армия М. фон Вейхса, прорвав оборону Центрального фронта, захватила Гомель.

Советское командование, обнаружив поворот 2-й танковой группы на юг, 19 августа приказало командующему Юго-Западным фронтом генералу М. П. Кирпоносу отвести войска за Днепр, организовать оборону по его левому берегу, а на правом берегу удерживать только Киев. Киевляне готовы были любой ценой отстоять свой любимый город. Тысячи людей вступали в народное ополчение. В Красную армию добровольно вступили 200 тыс. человек. Десятки тысяч людей трудились на строительстве оборонительных сооружений. Необходимо отметить, что Ставка также не намерена была сдавать город. Еще во время встречи И. В. Сталина с посланником Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом в конце июля 1941 г., когда обсуждались важнейшие проблемы организации военной помощи СССР со стороны США, советский лидер заявил, что линия фронта к концу года будет проходить западнее Киева и город не будет сдан врагу. Сдача города создавала критическую ситуацию на южном фланге советско-германского фронта, давала шанс вермахту уже в 1941 г. прорваться к кубанскому хлебу и бакинской нефти, осложняла международное положение СССР, больно ударяла по чувствам советских людей, видевших в Киеве свой город, который не должен быть отдан на растерзание врагу. Киев нужно было держать. И в этом смысле понятен резкий отказ И. В. Сталина прислушаться к достаточно здравым доводам начальника Генштаба Г. К. Жукова, предложившего еще в конце июля 1941 г. отвести советские части на левый берег Днепра и тем самым эвакуировать город[84]. Г. К. Жуков исходил из категорий стратегической необходимости, И. В. Сталин — из более широкого спектра политических и моральных причин.

Следует назвать и еще одну причину нежелания И. В. Сталина отводить войска на левый берег Днепра в августе — начале сентября 1941 г. Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что советский лидер осознавал, что большинство командиров Красной армии в то время просто не могли осуществлять крупные операции по отводу войск на тыловые рубежи. Только в полосе Юго-Западного фронта, который нес ответственность за оборону Киева, в конце июля — начале августа 1941 г. были окружены и уничтожены в уманском котле 6-я и 12-я советские армии. Гарантии того, что части Киевского укрепленного района не постигнет та же участь в случае их отступления от столицы Украины за Днепр, отнюдь не было. Кроме того, отдать врагу Киев означало «самоликвидировать» угрозу флангу группы армий «Центр». В этом случае наступление на Москву А. Гитлер мог начать уже в конце августа.

Судьба Киева решалась не на позициях Киевского укрепрайона, а южнее и севернее столицы Украины. Для противодействия прорыву противника с севера в тыл Юго-Западного фронта на рубеже р. Десны развертывалась новая 40-я армия. К сожалению, отвод войск за Днепр не везде проходил организованно. В результате вслед за 27-м отдельным стрелковым корпусом к переправе севернее Киева прорвался и противник, захватив плацдарм на левом берегу. А на Южном фронте трудности возникли в связи с преждевременным взрывом 18 августа плотины Днепровской ГЭС. Подъем воды в реке южнее Запорожья, где даже до взрыва ее ширина превышала 1,5 км, усложнил переправу 9-й и 18-й армий. К чести командования этих войск переправа там была организована четко: к исходу 22 августа основные силы были уже на левом берегу. К концу августа войска Юго-Западного и Южного фронтов отошли за Днепр.

Нацеленные на окружение Юго-Западного фронта войска группы армий «Юг» более чем вдвое превосходили его по числу самолетов и в 4,2 раза по количеству танков. Но основная опасность исходила с севера от танковой группы Г. Гудериана, которая успела захватить два плацдарма на Десне у Коропа и Новгорода-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Юго-Западного фронта. В первых числах сентября здесь развернулись ожесточенные бои. В междуречье Сейма и Десны, севернее Конотопа и Бахмача, дивизии 40-й армии сдержива-

ли натиск танков Г. Гудериана. Об этих боях Ф. Гальдер с явным беспокойством писал: «2-я танковая группа в ходе наступления через Десну своим левым флангом настолько вцепилась в противника, что ее наступление на юг приостановилось»[85].

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему отходу войск Юго-Западного фронта на восток, командующий группой армий «Юг» потребовал от 1-й танковой группы, 6-й и 17-й армий с утра 29 августа приступить к форсированию Днепра на возможно большем количестве участков. 31 августа 17-я армия захватила плацдарм под Кременчугом. Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал С. М. Будённый сразу же понял, какую опасность для его войск представляет этот плацдарм. Он потребовал незамедлительно сбросить немцев с левого берега Днепра. Но противник быстро расширял плацдарм. В ночь на 12 сентября на него была переправлена 16-я танковая дивизия, которая сломила сопротивление советских подразделений и частей. На второй день немецкие танкисты подошли к р. Суле, южнее г. Лубны. Но здесь путь им преградили советские зенитчики и отряды городской самообороны.

В начале сентября командование Юго-Западного фронта и Генеральный штаб в полную силу забили тревогу. Теперь уже новый начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников и его заместитель генерал А. М. Василевский предложили И. В. Сталину оставить Киев, отвести войска за Днепр и тем самым спасти силы фронта. Но И. В. Сталин оставался при своем мнении: Киев не сдавать! Тот же отказ получили 10 сентября командования фронта и Юго-Западного направления. И. В. Сталин все еще надеялся, что командующему Брянским фронтом А. И. Ерёменко все-таки удастся прорваться в тыл Г. Гудериану, поэтому он запрещал снимать войска из-под Киева для локализации прорыва. Окружение советской группировки было предрешено.

14 сентября в 3 часа 25 минут начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В. И. Тупиков через голову М. П. Кирпоноса обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба Юго-Западного направления с телеграммой, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск фронта, закончив доклад фразой: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». Катастрофа, конечно, означала полное окружение сил Юго-Западного фронта. В ответ пришла телеграмма Б. М. Шапошникова с обвинениями В. И. Тупикова в паникерстве следующего содержания: «Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН. Генерал-майор Тупиков номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21А. — *Прим. ред.*) и Потапова (5А. — *Прим. ред.*) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9».

Однако если взглянуть на подлинник документа, подписанный лично Б. М. Шапошниковым, то можно увидеть несколько зачеркнутых строк, которые, на наш взгляд, уточняют позицию Генерального штаба по этому вопросу. Скорее всего, в той обстановке Б. М. Шапошников вынужден был быть жестким и кратким: командующий фронтом должен выполнить указания, а все объяснения оставлены на потом. Так, после слов «Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход» Б. М. Шапошников писал: «Надо вам всем понять, что в прочном удержании флангов и закрытии прорыва ваше спасение. Отход в данной обстановке неминуемо повлечет к катастрофе»[86]. Вероятно, на ту минуту Б. М. Шапошников был прав. Советские войска слишком затянули с отходом. И еще одна любопытная деталь, обнаружившаяся в рукописном подлиннике телеграммы маршала. После слов «необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9.», были зачеркнуты строки о том, что это указания «Ставки Верховного главнокомандования» и они были даны «при личном разговоре со Сталиным»[87]. Ушедший в штаб М. П. Кирпоноса конечный вариант, пожалуй, четче концентрирует внимание на личности человека, отдавшего распоряжение не оставлять Киев.

В 4 часа утра 15 сентября М. П. Кирпонос отправил следующую телеграмму Ставке: «Москва. Товарищу Сталину. Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУР[88]. Со стороны Козелец противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9.41 г. находился в 40 км от Киева»[89]. В разговоре по прямому проводу с главкомом С. К. Тимошенко и членом Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущёвым около 6 часов вечера 15 сентября 1941 г. Б. М. Шапошников заметил: «Считаю, что мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией... Кирпонос занял позиции пассивного сопротивления противнику». С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущёв были согласны с тем, что командование Юго-Западного фронта пассивно и не организует мощных контрударов по врагу[90].

А в это время 3-я танковая дивизия из танковой группы Г. Гудериана подошла к Лохвице с севера. Между 3-й и 16-й немецкими дивизиями еще оставался 40-километровый коридор. Однако советские войска уже не могли воспользоваться им для отхода на восток: во-первых, потому что Ставка категорически запретила отходить, а во-вторых, было уже слишком поздно. Оборонявшие Киев войска находились в 200 км к западу от места соединения вражеских дивизий. В крупнейшем с начала войны окружении оказались соединения 5, 26 и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии — всего 452,7 тыс. человек[91]. Советские части были расчленены и не обладали ударной мощью. 19 сентября они оставили Киев. При попытке прорыва на восток 20 сентября почти в полном составе погибло управление Юго-Западного фронта, в том числе генерал М. П. Кирпонос. Командующий 5-й армией М. И. Потапов попал в плен. Бои в котле продолжались до 26 сентября, а разрозненные части выходили на восток до 2 октября (всего сумели пробиться около 15 тыс. человек). Красная армия потеряла 28 тыс. орудий, 411 танков и много другого оружия. По немецким источникам, в районе Киева были захвачены около 665 тыс. человек[92]. По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. потерял безвозвратно 531 тыс. человек[93]. Через день после прихода нацистов в Киев оккупационные власти развернули в городе массовые репрессии против мирных граждан, десятки тысяч жителей и военнопленных были расстреляны в овраге Бабьего Яра.

На долю военнопленных под Киевом выпали страдания еще большие, чем те, что испытали советские воины, попавшие в руки врага под Уманью. Военнопленные, собранные в тылу 17-й армии, транспортировались пешком через Лубны и Хорол в район Умани на расстояние 400 км. На сутки марша протяженностью 30–40 и более километров им выдавалось по 20 граммов пшена и 100 граммов хлеба. Не будучи в состоянии справиться со снабжением пленных, а может, и не желая этого, командующий 6-й армией генерал Г. Райхенау приказал пристреливать ослабевших. В этих жутких условиях советские военнопленные вовсе не напоминали «стадо послушных животных», одолеваемых голодом и подавленных страхом, как их иногда изображают бывшие офицеры и генералы вермахта. Документы свидетельствуют как раз об обратном. Согласно докладу командира 24-й пехотной дивизии штабу 17-й армии 25 сентября в районе Лубны взбунтовались 33 тыс. военнопленных армейского сборного пункта. Спустя почти месяц штаб той же дивизии сообщал командующему тыловым районом группы армий «Юг», что «транспортировка военнопленных ввиду сопротивления и истощения очень тяжела»[94].

Одновременно с тяжелыми боями под Киевом советские войска вели напряженную борьбу с немецкими и румынскими войсками, которые в полосе Южного фронта к 7 августа захватили Котовск, Первомайск, Кировоград и Вознесенск. А крупный порт и военно-морская база на Черном море Одесса оказалась обойденной противником. Немецкие передовые части стремились на восток. В результате потери Киева в тяжелейшем положении оказалась 18-я армия Южного фронта. 16 октября пала Одесса, 17 октября — Таганрог, 25 октября — Харьков, 2 ноября был блокирован Севастополь. У немецкого командования, казалось, появилась возможность быстро захватить Ростов-на-Дону и уже к концу года выйти к кавказским сырьевым источникам. В то же время 2-я танковая группа Г. Гудериана (преобра-

зованная 1 сентября во 2-ю танковую армию) шла ускоренным маршем в северо-восточном направлении. Перед ней стояла задача участвовать в захвате Москвы.

Длительная и упорная борьба советских войск на южном крыле советско-германского фронта сыграла важную роль в срыве плана молниеносной войны. Привлечение значительных сил группы армий «Центр» для удара во фланг Юго-Западному фронту задержало ее наступление на московском направлении.

В июле — сентябре Красная армия продолжала отходить в глубь страны. За это время на северо-западном и западном направлениях противнику удалось продвинуться на 150–250 км, а на юго-западном — почти на 500 км. Немецкие войска блокировали с суши Ленинград, оккупировали Карело-Финскую и Прибалтийские республики, Белоруссию, огромную часть Украины, всю Молдавию, несколько областей западной части России. Немцы стояли всего в 300 км от Москвы, угрожали захватом Харьковскому промышленному району, Донбассу и Крыму.

Подводя итог вооруженной борьбе на советско-германском фронте в июле — сентябре, следует отметить, что в результате активных действий советских войск, особенно в Смоленском сражении, было остановлено наступление вермахта на Москву. Впервые во Второй мировой войне самая сильная вражеская группировка вынуждена была перейти к обороне. Наступление немцев на Москву было задержано на два месяца. Перейдя здесь к обороне, противник перенес основные усилия на ленинградское и киевское направления. При этом, опасаясь удара киевско-конотопской группировки советских войск по южному флангу группы армий «Центр», германское командование повернуло с московского направления на юг два оперативных объединения — 2-ю полевую и 2-ю танковую армии. Немецким войскам удалось блокировать Ленинград с суши и, окружив значительные силы Юго-Западного фронта под Киевом, добиться крупных военных успехов.

Но сегодня ясно и другое: А. Гитлер не смог бросить все силы на захват Москвы, не взяв Киева, не обезопасив южный фланг группы армий «Центр». Немцы повернули свои войска с главного направления, потеряв при этом время и силы. Благодаря отсрочке наступления на столицу Советскому Союзу удалось подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь.

В рассматриваемое время войска германского вермахта были еще очень сильны. Враг продолжал владеть стратегической инициативой и по-прежнему стремился к достижению конечных целей войны. Красную армию и советский народ ждали новые испытания.

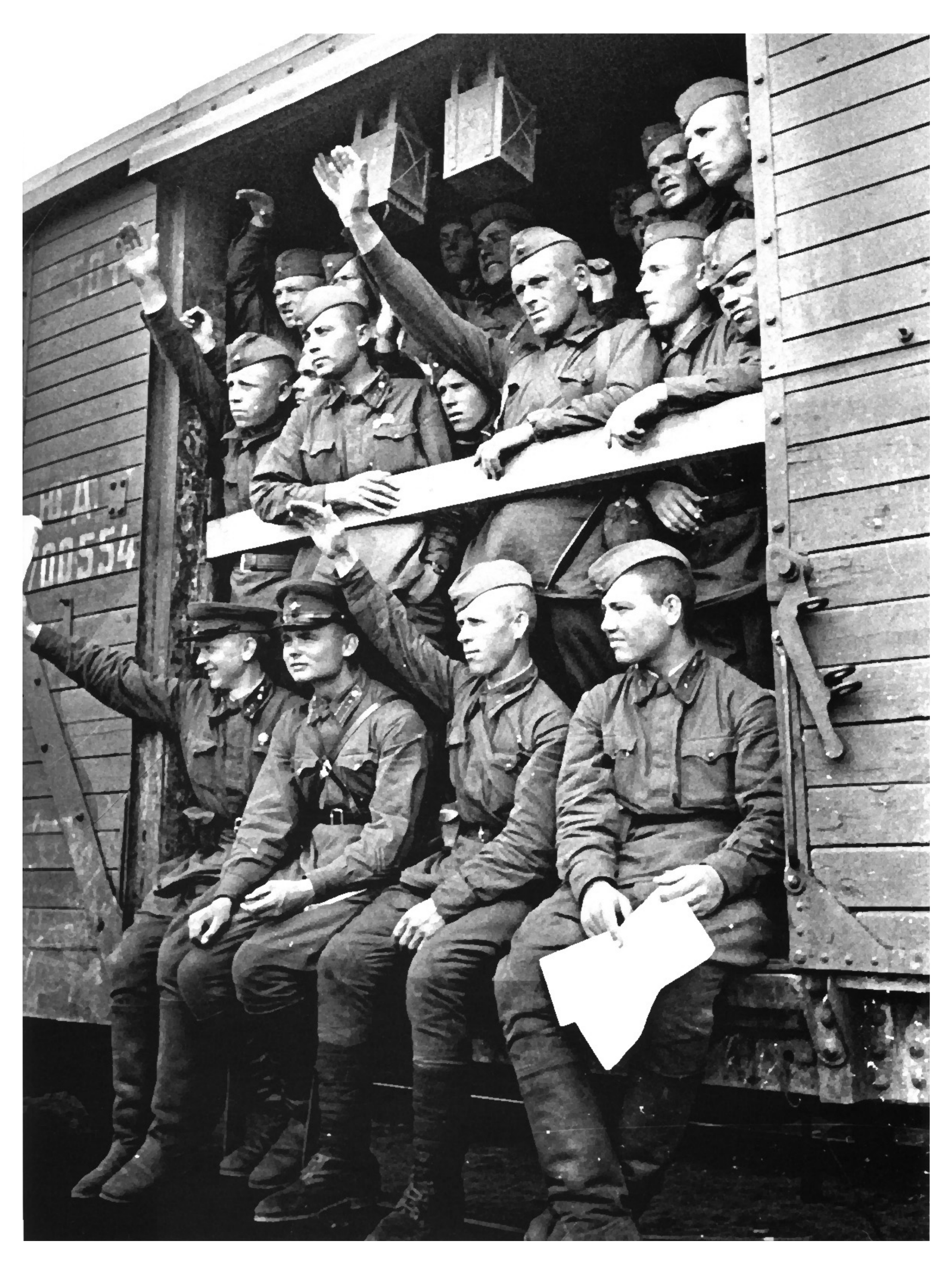
Мобилизация сил на спасение Москвы

Война с Россией, несмотря на впечатляющие первоначальные успехи вермахта, развивалась для А. Гитлера по другому сценарию, чем с Польшей и западноевропейскими странами. Германские генералы планировали, что темп наступления всех трех групп армий будет примерно одинаковым. Но первая цель наступления — Ленинград — держалась; Киев пал только после длительного сопротивления. Поступали новые данные о переброске к Москве свежих частей с других участков фронта. Группа армий «Центр» подвергалась постоянным контрударам советских соединений. Нерешенность основной стратегической задачи кампании — уничтожение сил РККА в приграничных сражениях — вынуждала Берлин в срочном порядке искать выход из наметившегося стратегического тупика. Перед войсками Ф. фон Бока стояли обороняющиеся и постоянно контратакующие советские части. Новые операции требовали дополнительного времени на их подготовку. Приостановка наступления на советскую столицу грозила для Германии затяжной войной, к которой она не была готова.

Однако это не означало, что опасность, нависшая над Советским Союзом, уменьшилась. Напротив, германская армия, захватив Киев, войдя в Крым и Донбасс, блокировав Ленин-

Советские беженцы. Лето 1941 г.

Отправка советских солдат и командиров на фронт

град, готовилась окончательно сокрушить советский военный потенциал и осуществить еще в 1941 г. завершающее всю восточную кампанию наступление на Москву. С этой же целью откладывалось продвижение соединений 3-й танковой группы в направлении Валдайской возвышенности. Пехотные соединения 9-й армии сменяли на позициях части 3-й танковой группы, которые, в свою очередь, получали пополнение. Немецкие генералы продолжали рассчитывать, что завершение сражения у Смоленска создаст условия, когда им «не придется считаться с каким-либо серьезным сопротивлением противника и сплошной крепкой обороной на пути наступления до самой Москвы»[95].

Директива А. Гитлера от 21 августа 1941 г. откладывала подготовку операций группы армий «Центр» в направлении советской столицы. Ряд немецких генералов пытался убедить фюрера в необходимости отмены такого приказа[96]. Однако ОКВ, ОКХ, да и сам А. Гитлер осознавали необходимость завершающего штурма советской столицы еще до начала холодов, в противном случае нужно было вести затяжную войну с непредсказуемыми последствиями.

На совещании командующего сухопутными войсками с А. Гитлером 30 августа 1941 г. «было сделано только одно деловое указание, а именно, что части, находящиеся на фронте у реки Десны (входили в состав группы армий «Центр». — *Прим. ред.*), никак не предназначаются для проведения операций на юге, а наоборот, должны как можно скорее быть привлечены для операции против Тимошенко»[97].

В телеграмме, посланной Ф. фон Боком 31 августа 1941 г. Г. Гудериану, сообщалось, что «первой целью, которую должна достигнуть 2 ТГр (2-я танковая группа. — *Прим. ред.*), является линия Борзня — Бахмач — Конотоп. После этого последует новый приказ. Наступление танковой группы глубоко на юг или юго-восток не предполагается»[98]. Приказ командующего группой армий «Центр» от 3 сентября 1941 г. требовал от войск 4-й и 9-й армий, занимавших центральный участок фронта, «удерживать достигнутые рубежи... Проверить одежду и оснащение каждого солдата. Принять все меры, чтобы наступление (на Москву. — *Прим. ред.*) началось и успешно завершилось даже при тяжелейших погодных и дорожных условиях»[99].

6 сентября вышла директива ОКВ № 35. Германское верховное командование намечало в ближайшее время провести последовательно две крупные операции: первая — уничтожение советских войск под Киевом силами групп армий «Центр» и «Юг»; вторая — после устранения угрозы южному флангу группы армий «Центр» повести решительное наступление на Москву. Именно со дня выхода директивы началась непосредственная подготовка операции по захвату советской столицы. Общий замысел наступления был в сентябре доработан, а затем оформлен в виде приказов, детально излагавших задачи каждой армии. Ф. фон Боку было обещано, что его инициативы будут приветствоваться и все «двери» для новой операции «будут оставлены открытыми»[100].

В преамбуле директивы № 35 А. Гитлер пояснил мотивы своего решения: «Начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий «Центр» и «Север», с точки зрения окружения Ленинграда, создают предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступление группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах». Наступление делилось на два этапа: первый — окружение советских сил, прикрывавших столицу с запада; второй — преследование остатков советских войск вплоть до самого города. Предписывалось создать на флангах группы армий «Центр» «сильные танковые части и в результате двойного охвата в направлении города Вязьма уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска». Направления ударов: «первое — на южном фланге, предположительно в районе юго-восточнее Рославля (4-я армия. — *Прим. ред.*) с нанесением удара на северо-восток» (туда перебрасывались свежие 5-я и 2-я танковые дивизии); «второе — в районе 9-й армии с нанесением удара через Белый» (в этот район должны были быть подтянуты значительные силы из группы армий «Север»). Только после того, как основная часть сил группы С. К. Тимошенко в результате этой операции будет уничтожена, указывалось в директиве, группе армий «Центр» предстояло «начать преследование против-

ника в направлении Москвы». Отдельным пунктом А. Гитлер подчеркивал необходимость сокращения сроков подготовки и проведения операций[101].

12 сентября В. Браухич отметил, что направления восточнее Рославля и восточнее Велижа являются наиболее уязвимыми участками советского фронта, тогда как отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ сообщал о прочной советской обороне против внутренних флангов 4-й и 9-й немецких армий, то есть непосредственно в районе шоссе Москва — Минск[102]. Немецкие удары приходились по слабым участкам советского фронта. 19 сентября предстоящая операция получила кодовое наименование «Тайфун».

К середине сентября А. Гитлер решил, что судьба Ленинграда будет решена его плотной блокадой, и 15 сентября отдал приказ о переброске 4-й танковой группы с севера на центральное направление. На следующий день Ф. фон Бок издал директиву № 1300 («Директивы для новой операции»). 4-я (с подчиненной 4-й танковой группой) и 9-я (с подчиненной 3-й танковой группой) армии должны были осуществить прорыв обороны советских войск по обеим сторонам шоссе Рославль — Москва и севернее автодороги Смоленск — Москва и зажать их в клещи у Вязьмы. Частям 9-й армии предстояло также продвинуть свои соединения в направлении на Ржев. 2-я танковая группа должна была ударить через линию Орёл — Брянск[103]. ОКХ обращало особое внимание на скрытность перегруппировки войск и выход их на исходные рубежи наступления как можно в более позднее время, с проведением мероприятий по дезинформации противника[104].

К началу операции общая численность группы армий «Центр» достигла 1,9 млн человек. Она имела свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, около 1390 самолетов. В общей сложности к наступлению готовилось 78 дивизий (включая 14 танковых и восемь моторизованных). Авиационное обеспечение осуществлял 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала А. Кессельринга в составе двух авиакорпусов и одного зенитного корпуса[105]. Германские силы на московском направлении составляли 42% личного состава, 75% танков, почти половину самолетов, 33% орудий и минометов от общего количества, находящегося на всем восточном фронте[106]. Никогда немцы не использовали столь огромных сил в составе одной группы армий. Противостоявшая группировка Красной армии значительно уступала войскам группы армий «Центр». Советские соединения на московском направлении насчитывали 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков[107].

По последним уточненным данным, ВВС РККА и люфтваффе на московском направлении имели примерное равенство. Так, на 1 октября 1941 г. советская фронтовая авиация насчитывала 568 самолетов (389 исправных). Но в недалеком тылу небо столицы защищал еще целый авиакорпус — 6-й истребительный корпус ПВО, имевший 432 самолета (343 исправных). Кроме того, в октябре 1941 г. Ставка привлекла к ударам по немецким частям пять дивизий дальнебомбардировочной авиации[108]. Но в целом группа армий «Центр» по своей мощи значительно превосходила силы трех советских фронтов (Западного, Резервного и Брянского), прикрывавших московское направление.

Начало операции для 2-й танковой группы было назначено на 30 сентября; для всех остальных соединений — 2 октября[109]. Генерал Г. Гудериан настоял на том, чтобы его группа выступила раньше ввиду отсутствия на его направлении дорог с твердым покрытием. Он желал также максимально использовать хорошие погодные условия для броска в район Орла и Брянска. 26 сентября 1941 г. Ф. фон Бок подписал приказ о наступлении. В его первом абзаце говорилось: «После трудного времени ожидания группа армий возобновляет наступление»[110].

Положение на московском направлении в середине сентября 1941 г., казалось, стабилизировалось. Части Западного, Резервного и Брянского фронтов пополнялись личным составом и техникой. Несмотря на тяжелейшие потери в июле — начале августа, войска Красной армии, прикрывавшие путь на Москву, не только не утратили своей боеспособности, но и продолжали ее наращивать.

По мнению же ОКХ и командования группы армий «Центр», о дальнейшем сопротивлении РККА можно было забыть. После разгрома советского Юго-Западного фронта под Киевом они практически поставили крест на способности СССР продолжать активные бо-

евые действия и считали, что Красная армия едва ли сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем и тем более его удержать[111]. Уже после войны Ф. Гальдер признался известному английскому историку Б. Г. Лидделу Гарту, что А. Гитлер после битвы под Киевом прямо заявил: «С Россией в военном отношении покончено»[112].

Каких-то особых задач на оборону московского направления Западному фронту не ставили вплоть до середины сентября. Более того, на некоторых участках наступательные действия советских войск продолжались вплоть до конца месяца. Однако велись они в ущерб укреплению оборонительных позиций. Новому командующему Западным фронтом генералу И. С. Коневу выделялись солидные резервы. За его спиной, на отдалении 35–40 км, строилась оборона Резервного фронта. После того как Г. К. Жуков вылетел в начале сентября в Ленинград и возглавил оборону Северной столицы, новым командующим Резервным фронтом стал С. М. Будённый. Однако исчерпывающих данных о замысле и направлении ударов германских войск советскому командованию получить так и не удалось. И. С. Конев предполагал, что немцы попытаются ударить по кратчайшему пути — вдоль смоленской дороги, поэтому именно там строились основные укрепления. 26 сентября он докладывал И. В. Сталину и Б. М. Шапошникову, что, по материалам допроса пленного летчика, «противник готовится к наступлению в направлении Москвы с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва». Вероятность того, что противник прорвется севернее и южнее смоленской дороги, своевременно рассмотрена не была. Ставкой ВГК, командованием Западного, Резервного и Брянского фронтов были допущены непростительные просчеты при анализе ситуации. Лишь 1 октября И. С. Конев доложил И. В. Сталину о появлении немецких частей на флангах Западного фронта, но было уже слишком поздно.

С другой стороны, германское командование в конце сентября 1941 г. строило свои планы без расчета людского, экономического и морального потенциала СССР. Однако численное превосходство немецких войск, боевой опыт германских генералов, неожиданность начала операции и ошибки советского командования сыграли роковую роль для Красной армии в начале немецкого наступления на Москву и привели к трагедии под Вязьмой и Брянском.

30 сентября 1941 г. в наступление на брянском направлении против сил Брянского фронта генерала А. И. Ерёменко перешли соединения Г. Гудериана. 2 октября гигантский шквал огня обрушился уже непосредственно на войска Западного и Резервного фронтов. Основные силы группы армий «Центр» были брошены против левого крыла Брянского фронта и флангов Западного и Резервного фронтов. Уже в первый день наступления на брянском направлении часть сил 2-й танковой группы вышла в тыл советской 13-й армии. Успех Г. Гудериана во многом был предопределен активностью 2-го воздушного флота люфтваффе, а также тем, что оперативная группа генерала А. Н. Ермакова, по которой пришелся вражеский удар, сама изготовилась для нанесения контрудара. В общей сложности немцы задействовали здесь около 300 боевых машин. Германские самолеты буквально утюжили советские оборонительные позиции, расчищая путь для механизированных колонн вермахта.

В ночь на 2 октября 1941 г. военнослужащим группы армий «Центр» было зачитано очередное обращение фюрера. В нем говорилось: «...теперь за считаные недели три наиболее крупных промышленных района России без остатка будут в руках немцев (Северо-Западный, Центральный, Донецко-Приднепровский промышленные районы. — *Прим. ред.*)... Сегодня наконец создана предпосылка для последнего жестокого удара, который еще до начала зимы должен разгромить этого противника, нанести ему смертельный удар»[113].

Вечером 2 октября командование сухопутных войск отмечало, что наступление группы армий «Центр» по всей ширине фронта застало советские войска врасплох и поэтому встретило первоначально лишь незначительное сопротивление, «в общем же оборона противника оказалась слабее, чем предполагалось». Разведка вермахта даже не могла вначале точно определить, отходят советские части планомерно или отступают под давлением силы[114].

К исходу дня части и соединения 3-й танковой группы прорвали фронт на стыке 19-й и 30-й советских армий, а 4-я танковая группа — в полосе обороны 43-й армии к югу от Варшавского шоссе. В дальнейшем танки группы генерала Э. Гёпнера смяли советские части

и нанесли удар уже по второму эшелону Резервного фронта — по 33-й армии. К сожалению, все внимание Ставки ВГК в этот момент было приковано к орловскому и брянскому направлениям, а также к положению в районе Харькова. К этому времени 2-я танковая армия углубилась в полосу обороны Брянского фронта уже на 120 км[115]. Ситуация в районе Вязьмы не рассматривалась пока как критическая. В Генштаб РККА поступали донесения об успешных действиях в обороне 16, 20 и 24-й армий Западного и Резервного фронтов, и мало кто мог поверить, чтобы немецкие танки вышли уже на шоссе Спас-Деменск — Юхнов, обходя основную группировку советских войск. Данные нашей авиации о германских колоннах техники уже в советском тылу воспринимались как дезинформация.

Бывший командующий истребительной авиацией ПВО Н. А. Сбытов вспоминал в 1994 г.: «5 октября [1941 г.] на рассвете разведчики доносят: по Варшавскому шоссе, примерно в 50 км от города (вероятнее всего Юхнова. — *Прим. ред.*), безусловно, в нашем тылу двумя колоннами идут немецкие танки и пехота... Посылаю перепроверить... Прилетает назад, докладывает: «Товарищ командующий, точно, идут немецкие танки, очень много». Потом оказалось... целый немецкий корпус практически без боя... спокойно движется на Москву. А у нас никаких резервов нет. Только строительные батальоны... Я доложил о немцах Телегину». Но, к сожалению, докладу не поверили, и Н. А. Сбытов был на грани ареста. С 7 часов утра до позднего вечера в Генштабе, Ставке ВГК и ГКО решали, чьи танки в нашем тылу. И лишь утром следующего дня начальник штаба ВВС Красной армии генерал Г. А. Ворожейкин позвонил Н. А. Сбытову: «Сообщаю тебе, что ГКО на своем заседании твои действия одобрил! Это, безусловно, немцы идут. Немедленно собери все силы, которые только можно собрать, и бей!»[116]. Н. А. Сбытов вспоминал, что в те дни советской авиацией было уничтожено немало германских танков, но и немцы стали продвигаться вперед осторожнее. После ударов с воздуха они рассредоточились с главной дороги. Кроме того, захватив Юхнов, они развернули главные силы в направлении Вязьмы в целях окружения 19, 20, 24, 32-й армий Западного и Резервного фронтов. Действия авиации в тех условиях помогли оставшимся вне окружения частям РККА. Был, в частности, разбомблен мост через р. Угру в районе Юхнова, что на время задержало немецкое продвижение на восток.

Однако ситуация на фронте становилась все более угрожающей. Западнее Вязьмы советские войска продолжали удерживать участок обороны между флангами прорывов немецких соединений. Но советское командование пока не знало, что вечером 4 октября потеряло последний шанс для организованного отвода войск. Бронированные клинья 3-й и 4-й танковых групп уже подходили к Вязьме, охватывая силы Западного и Резервного фронтов. К исходу 4 октября острие танкового клина генерала Г. Гота находилось уже в 60 км, а Э. Гёпнера — в 70 км от Вязьмы. Германское командование теперь ожидало, что в районах Брянска и Вязьмы в окружение попадет около 70 крупных соединений[117]. На просьбу командующего Западным фронтом И. С. Конева разрешить отход к Ржевско-Вяземскому рубежу Верховный главнокомандующий не ответил. К 4 октября части 8-го армейского корпуса вышли к верхнему течению Днепра. Здесь части Красной армии имели хорошо подготовленную систему обороны, однако продолжительного сопротивления оказать не сумели. Лишь 6 октября, когда кольцо окружения под Вязьмой было сужено до 20 км, Ставка ВГК наконец разрешила И. С. Коневу начать отход[118]. Однако к этому времени ситуация для советских войск стала катастрофической.

Скупые фразы сохранившихся советских оперсводок того времени как нельзя лучше характеризуют весь трагизм произошедшего. Оказавшаяся на острие вражеских атак 30-я армия доносила 6 октября 1941 г.: «Части армии продолжают вести ожесточенные бои с превосходящим противником и производят выход из окружения. Противник тремя пехотными и тремя танковыми дивизиями вышел к Скворцово, г. Белый... 107-я мотострелковая дивизия — бои у Волыново, 237-й мотострелковый полк отходит в район Быково... Большие потери; 242-я стрелковая дивизия — бои в окружении в районе Быково — Михино... Связи с частями 162-й стрелковой дивизии не установлено»[119]. Из оперсводки штаба Западного фронта на 7 октября 1941 г. становится ясно, что командование не имело сведений о положении зажатых в котел группы И. В. Болдина, 31, 19, 16, 20-й, а также 32-й армии Резервного фронта.

7 октября 1941 г. кольцо окружения под Вязьмой замкнулось. Западнее города 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы соединилась с 10-й танковой дивизией 4-й танковой группы. Согласно немецким оперативным данным от 8 октября, в котел попали части 19, 20, 24 и 43-й советских армий в составе 23 стрелковых и трех танковых дивизий, а также отдельные части восьми стрелковых и двух танковых дивизий[120]. Под Брянском окружение трех советских армий (50, 13 и 3-й) было завершено спустя два дня, 9 октября.

В тот же день, 7 октября, штаб группы армий «Центр» издал приказ о продолжении операций на московском направлении. В нем говорилось: «Окруженные западнее Вязьмы армии противника находятся перед своим уничтожением. Весь фронт окружения продолжает против них наступление. Все могущие быть высвобожденными части должны немедленно приступить к преследованию... противника с тем, чтобы не дать ему возможность создать новый фронт обороны»[121].

Ликвидация советских войск под Вязьмой возлагалась на пехотные дивизии 4-й и 9-й немецких армий. 2-й танковой армии была поставлена задача при первой возможности прорваться к Туле и далее к Кашире, Коломне и Серпухову; 4-й армии — наступать от Калуги, Медыни в северо-восточном направлении; незанятым блокированием котла дивизиям 4-й танковой группы — продвигаться от Вязьмы на Можайск; высвобождающимся силам 3-й танковой группы — готовиться к дальнейшему удару в направлении на Калинин и Ржев[122].

У командования группы армий «Центр» были все основания надеяться на быстрое уничтожение советских войск и скорый захват Москвы. Части РККА, которые держали оборону между флангами германских ударных объединений, начали беспорядочный отход. Принявший на себя командование окруженными войсками генерал М. Ф. Лукин решил с ходу прорвать стальные клещи противника и вывести свои силы на восток. Быстрое отступление соединений Западного и Резервного фронтов, очевидно, явилось ошибкой советского руководства, так как было на руку немецкому командованию. Преследуемые с запада германскими пехотными дивизиями части Красной армии упирались в стальную завесу на востоке. На фронте шириной 80 км южнее и севернее Вязьмы немцы сосредоточили шесть танковых дивизий (2, 5, 6, 7, 10 и 11-ю)[123]. Непосредственно Вязьму прикрывала 10-я танковая дивизия. Советские солдаты в полный рост шли в атаку, пытаясь вырваться там, где немцы их уже ждали. Десятки тысяч солдат погибли 8–12 октября в районе деревень Богородицкое и Панфилово под огнем германских орудий и пулеметов. Десятки тысяч попали в плен.

Не смогла оказать реальной помощи окруженным войскам и советская авиация. Лишь эпизодически окруженным сбрасывалось некоторое количество продовольствия и боеприпасов. Наступившая после 7 октября плохая погода (дождь и слякоть) не помешала немецким частям непрерывно наращивать натиск на сердцевину котла западнее Вязьмы. С осенней распутицей немцы справлялись, в том числе с помощью ускоренных маршей во время ночных заморозков.

Между тем в сводках ОКХ продолжали появляться новые номера окруженных советских дивизий. В общей сложности в двух котлах под Вязьмой и Брянском оказались: семь армейских управлений из 15; 63 дивизии из 95; 11 танковых бригад из 13; 50 артиллерийских полков из 62[124]. Командование группы армий «Центр» решило расколоть фронт окружения под Вязьмой на две части. 12 октября 1941 г. соединения 8-го армейского корпуса пробились с запада вдоль автострады к Вязьме. Была установлена связь с находящимися в городе частями 10-й танковой дивизии.

12 октября части 19-й армии под командованием генерала М. Ф. Лукина попытались прорваться через уже занятую немцами автостраду с севера на юг, чтобы соединиться там с 20-й армией генерала Ф. А. Ершакова. М. Ф. Лукин не знал, что в том районе, куда он рвался (деревня Селиваново), сопротивление окруженных было уже практически подавлено[125]. Тем не менее немцы не смогли сдержать последнего отчаянного натиска советских солдат, и в ночь с 12 на 13 октября значительная их часть смогла прорваться на юг. Однако там они попали в новое окружение — теперь 4-й немецкой армии. 13 октября местность в районе автострады Смоленск — Вязьма была взята под полный немецкий контроль[126]. Советские

войска прекратили организованное сопротивление, хотя разрозненные группы продолжали сражаться в германском тылу еще как минимум десять дней.

Картина завершившегося сражения была поистине трагичной. В одном из немецких отчетов говорилось: «Наступил мороз и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автостраде на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялось имущество, пушки, танки». Значительны были и немецкие потери. Только 8-й армейский корпус со 2 по 14 октября потерял убитыми, ранеными, пропавшими без вести 4077 человек. Однако его части за это время пленили 51 484 советских военнослужащих и взяли в качестве трофеев 157 танков, 444 орудия и другое имущество[127].

Если под Вязьмой все было уже кончено, то в районе действий 50, 3 и 13-й армий Брянского фронта (командующий генерал — А. И. Ерёменко, а с 14 октября 1941 г. — генерал Г. Ф. Захаров) еще продолжались кровопролитные бои. 9 октября соединения 2-й армии генерала М. фон Вейхса смогли соединиться со 2-й танковой армией Г. Гудериана северо-западнее Брянска, расчленив тем самым советскую группировку на две части: северную — в районе Брянска, Дятьково (50-я армия) и южную — в районе Трубчевска, Суземок, Навли (13-я и 3-я армии). Особенностью сложившейся ситуации было то, что если для 13-й и 3-й армий это означало фактическое окружение, то для 50-й армии оставалась возможность отступления на северо-восток. Здесь немцы не имели сплошного фронта. Однако начавшийся успешный прорыв 50-й советской армии на Белёв был вскоре остановлен по приказу начальника Генштаба маршала Б. М. Шапошникова. Армии давалось другое предписание, считавшееся в Ставке ВГК лучшим, но оказавшееся ошибочным, — прорываться на юго-восток. В результате советские части наткнулись на подготовленную немецкую оборону, и все попытки пробиться в юго-восточном направлении (на р. Рессету) оказались безуспешными. Потеряв здесь свыше 80% личного состава и более 97% артиллерии, лишившись командующего генерала М. П. Петрова, остатки армии все же вышли из окружения, но в направлении на северо-восток, на тот же Белёв[128]. Катастрофическим было положение 3-й армии генерала Я. Т. Крейзера, которая вела бои в районе Дмитровска-Орловского. Из окружения в районе северо-восточнее Понырей смогли пробиться лишь 3 тыс. человек.

Соединения 13-й армии изначально пробивались на юго-восток, в общем направлении на Севск. За р. Свапой их должны были встретить части группы А. Н. Ермакова. Прорыв советских войск, казалось, должен был принести результат — отдельные подразделения уже выходили к своим. Однако 16 октября немцам удалось закрыть брешь у р. Свапы. Более того, достигнув дорог с хорошим покрытием, идущих через Брянск, Орёл и Курск, немцы получили явное преимущество и смогли быстро продвинуться в обход оборонительных позиций советских войск. Путь отступления для частей Красной армии был прегражден. Из окружения смогли пробиться лишь 10 тыс. человек 13-й армии[129].

Итог «сражения на уничтожение» под Вязьмой и Брянском был тяжелейшим для советских войск. Согласно предварительным оценкам ОКХ от 14 октября 1941 г., в плену оказались свыше 500 тыс. советских воинов, было захвачено 3 тыс. орудий, 800 танков и другая техника. Чуть позже, к 18 октября, 2-я полевая армия доносила о пленении 55 105 человек и захвате трофейного имущества: 477 орудий, 21 танка, 1066 автомашин[130]. В сводке германского верховного командования вскоре появились сообщения о взятии в плен 663 тыс. красноармейцев и командиров, уничтожении или захвате 1242 танков и 5412 орудий. По недавно опубликованным данным, за первые две-три недели боев под Москвой Красная армия лишилась до 1 млн человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. пленных[131]. В окружении погиб и генерал-майор К. И. Ракутин, которого по праву считают родоначальником советской гвардии. Стрелковые дивизии его 24-й армии, бравшей в сентябре 1941 г. Ельню, стали первыми гвардейскими соединениями в Красной армии.

Сопротивление и гибель окруженных войск не были напрасными. В конце концов, столица страны вряд ли смогла бы выстоять без их подвига. Достаточно назвать лишь несколько цифр, чтобы понять, какую роль сыграли обреченные на смерть и плен советские

солдаты. Для ликвидации двух огромных котлов группе армий «Центр» пришлось привлечь до 64% своих дивизий (48 из 74,5) и затратить на это от семи до 14 суток[132]. Эти сутки стали тем критическим временем, которое как воздух нужно было советскому командованию, чтобы перебросить к развалившемуся фронту свежие соединения и преградить дорогу врагу.

Однако в середине октября фактически все пути на Москву оказались открытыми. Наступившее похолодание считалось неприятным, но не решающим обстоятельством накануне вхождения в советскую столицу, поскольку германских генералов грела сама мысль о вновь доказанном превосходстве вермахта над Красной армией.

В советской стратегической обороне на московском направлении образовалась брешь шириной около 500 км. Закрыть ее было нечем или почти нечем. 8 октября отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ констатировал, что противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск[133]. Германское командование полагало, что Москва падет в самое ближайшее время. В связи с этим планировался скоординированный удар групп армий «Север» и «Центр» (части 9-й армии и 3-й танковой группы) в целях окружения соединений РККА на Валдайской возвышенности[134]. Осуществление этого плана способствовало бы не только быстрейшему захвату столицы, но и падению Ленинграда. По донесениям немецкой разведки выходило, что советские войска располагали в районе Москвы лишь отдельными частями НКВД и милиции, без артиллерии и тяжелого вооружения. Перед фронтом 4-й полевой армии, наступающей на столицу, было замечено всего лишь одно (!) полнокровное советское соединение, появившееся под Медынью — 17-я танковая бригада. Переброски с востока свежих сил Красной армии замечено не было. Предполагалось, что на участке от Козельска до Рузы находится не больше четырех-пяти советских стрелковых дивизий[135]. Немецкие части уже к 10 октября вышли к Можайской линии обороны, а 14 октября соединения 3-й танковой группы ворвались на окраины Калинина. В ставке фюрера царила атмосфера эйфории. Но А. Гитлер и его генералы переоценили свои силы.

14 октября штаб группы армий «Центр» издал новый приказ на продолжение операций. Предписывалось: 2-й танковой армии охватить Москву с юго-востока; 4-й армии (совместно с 4-й танковой группой) окружить столицу с юга, запада и севера и в дальнейшем при возможности наступать на Ярославль и Рыбинск. Другие объединения должны были наступать по расходящимся направлениям: 2-я армия — на Елец и Богородицк, а в дальнейшем, вероятно, и на Воронеж; 9-я и 3-я танковые группы — на Торжок и Вышний Волочёк. 9-я армия и правый фланг 3-й танковой группы должны были уничтожить советские части в районе Ржева, Зубцова, Старицы[136].

Поскольку 3-й танковой группе поручалась задача наступать на Валдай, ее место должна была занять 4-я танковая группа. Предполагалось взять столицу в клещи: силами прежде всего 4-й танковой группы и 2-й танковой армии. Закреплять успехи танкистов намечалось пехотой 4-й полевой армии Г. фон Клюге. Полное окружение Москвы означало, по мнению фюрера, ее неминуемое падение. Капитуляцию города согласно приказу ОКХ от 12 октября 1941 г. принимать не собирались. Он обрекался на уничтожение[137].

Ряд источников уточняет замыслы А. Гитлера относительно будущей судьбы советской столицы. Еще 4 августа 1941 г. на совещании в штабе группы армий «Центр» в белорусском городе Борисове, как отмечал адъютант начальника оперотдела штаба группы армий «Центр» Ф. фон Шлабрендорф, фюрер обсудил план захвата Москвы. «В этот город, — по словам фюрера, — не должен был вступить ни один немецкий солдат. Москву следует окружить так, чтобы из нее не вышли ни русские солдаты, ни гражданское население. Будут приняты меры для того, чтобы затопить Москву и ее окрестности... Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа»[138].

После окружения советских войск под Вязьмой у А. Гитлера возникла другая идея. В распоряжении командования сухопутных сил вермахта группе армий «Центр» от 12 октября 1941 г. говорилось: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия

совершенно ясно в глазах всего мира. Так же как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия... Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в этот город. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство... Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными территориями... Дополнение командования сухопутных сил: следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром. Дальнейшие указания будут отданы позже»[139]. Москву намечалось окружить, обстреливать и избавиться от ее населения. Дальнейшее ее существование не предусматривалось.

Со своей стороны, советское руководство намеревалось удерживать Москву всеми силами, но не исключало, что ее придется оставить. В воспоминаниях бывшего начальника контрразведывательного отдела УНКВД г. Москвы С. М. Федосеева и заместителя начальника 1-го главного управления НКВД, начальника особой группы П. А. Судоплатова присутствует много драматических эпизодов, связанных с подготовкой столицы на случай ее захвата. В первой половине октября минировались важнейшие объекты, прежде всего военные заводы, государственные учреждения, электростанции, а также общественные здания и учреждения культуры, которые немцы могли посещать для отдыха и развлечений. В городе до войны работало 475 крупнейших предприятий, доля Москвы в общесоюзном производстве достигала 22%. Линия фронта проходила в получасе езды от Москвы. В конце ноября на окраинах города уже был слышен грохот орудийной канонады.

В середине октября резко ускорилась эвакуация. К декабрю из Москвы были вывезены 2,2 млн человек. Состав работающих на московских предприятиях сократился на 80%. «После отправки поезда, буквально через 20 минут, подавался следующий порожний состав, — вспоминал уже в 1944 г. начальник управления Ленинской железной дороги Ф. В. Ростовцев. — Для дипломатического корпуса был выделен специальный поезд»[140]. Но эвакуация основного заводского оборудования не означала полной остановки в Москве военного производства. В столице продолжали ремонтировать поврежденную военную технику (самолеты, танки, моторы). Несмотря на мизерные ресурсы, изготавливали минометы, боеприпасы, стрелковое оружие. Предприятия, выпускавшие до войны сугубо мирную продукцию, теперь производили капсюли для гранат, бутылки с зажигательной смесью и прочее. Московские рабочие варили рельсы для противотанковых ежей. Москва стала лидером в производстве пистолетов-пулеметов Шпагина (ППШ). Они изготавливались в том числе на фабрике счетных и пишущих машин. Только за первую половину декабря 1941 г. с ремонтных баз Москвы сошло около 1,5 тыс. танков. Всего Москва дала фронту за годы войны 16 тыс. боевых самолетов, 72 тыс. минометов, 3,7 тыс. «катюш», 3,5 млн автоматов и прочее.

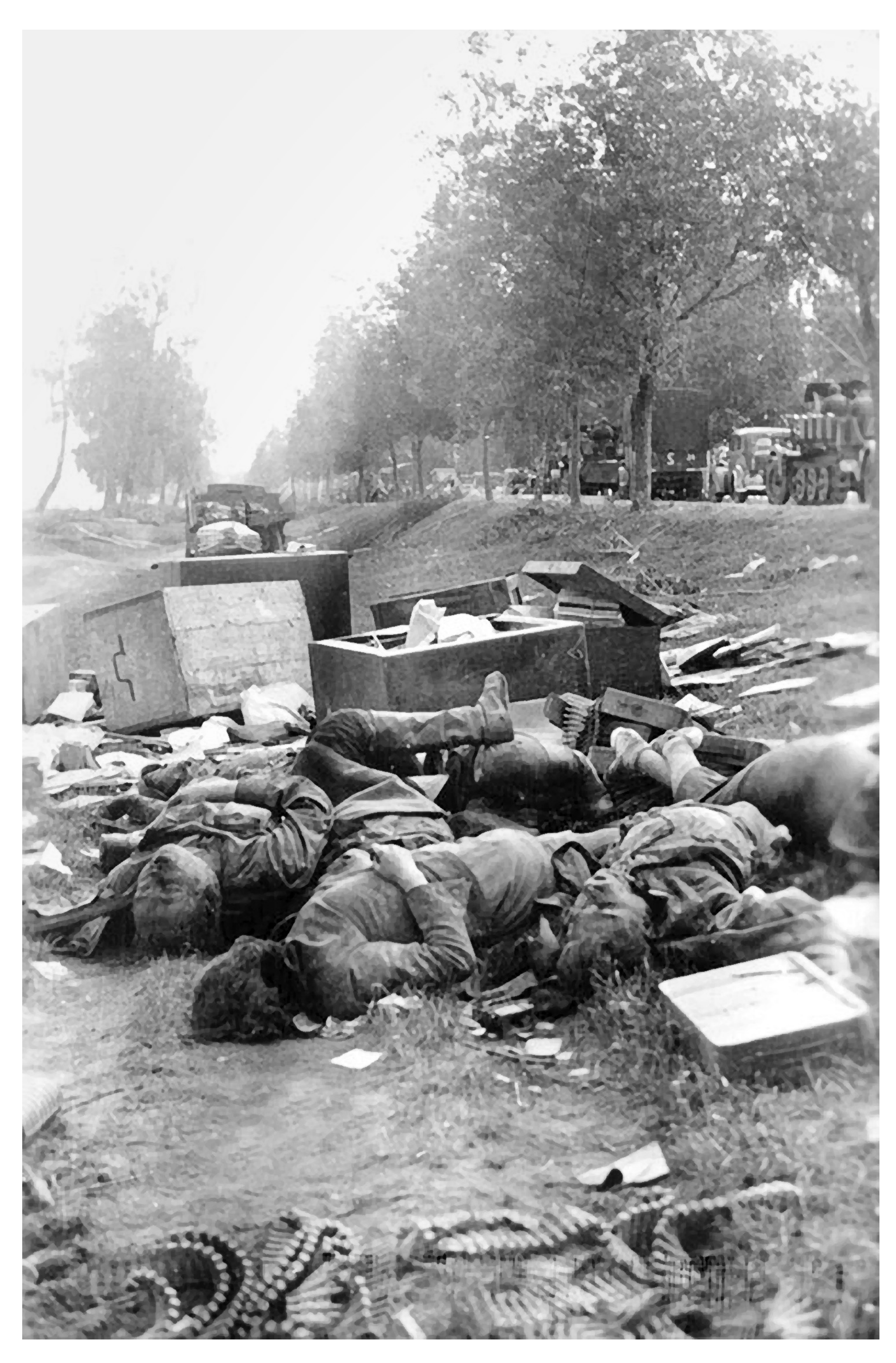
Москва готовилась к испытаниям. Немецкая разведка была недалека от истины, отмечая, что в начале октября перед восточным флангом 4-й армии противник располагал всего несколькими дивизиями, включая три дивизии НКВД[141]. Согласно документам советского командования, все четыре укрепрайона, входившие в состав Можайской линии обороны, к 6 октября 1941 г. практически не были обеспечены войсками. Позиции в окопах занимали наспех переброшенные подразделения. Так, основу Малоярославецкого укрепрайона составили курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ, личный состав запасного стрелкового полка, двух полков ПТО, гаубичного артиллерийского полка и танковой роты; Волоколамского укрепрайона — курсанты Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР (1 тыс. человек), личный состав двух батарей ПТО, батальона 33-й стрелковой бригады[142]. Всего удалось собрать около 90 тыс. человек. Других боеспособных частей на тот момент не было.

Советский эшелон с танками Т-40 следует на фронт. Лето 1941 г.

Митинг на Ленинградском заводе имени Кирова о начале войны

Разгромленная колонна советских беженцев. По дороге движутся немецкие войска

Из Ленинграда в Москву был срочно вызван генерал Г. К. Жуков, который должен был разобраться в обстановке. 11 октября Г. К. Жуков официально вступил в должность командующего Западным фронтом. Его штаб располагался тогда в Красновидове. Он принялся стягивать к основным магистралям, ведущим к Москве, любые возможные войска.

Поистине великий подвиг на дальних подступах к столице совершили курсанты военных училищ, прежде всего подольских пехотного, артиллерийского и имени Верховного Совета. Эти юноши, всего несколько тысяч человек, своей грудью прикрыли в начале октября дороги на Москву на можайском и волоколамском направлениях. И без того недостроенная Можайская линия быстро оказалась в руках немецких войск. Вооружение курсантов было слабым, но они задержали врага на самых опасных участках и в самый критический период, когда немцы могли в два-три броска достичь Москвы и захватить ее с ходу. Особенно кровопролитными были бои на Ильинских рубежах в районе Медыни. Стоит отметить, что, несмотря на слабое вооружение, подготовка курсантов была на высоком уровне. Немцы поначалу удивлялись, откуда у русских взялись такие крепкие солдаты.

В середине октября 1941 г. Советское государство оказалось на волосок от гибели. Любой прорыв мог оказаться фатальным для столицы, с падением которой терялся важнейший узел коммуникаций, политический центр, в конце концов, главный символ сопротивления врагу. Борьба восточнее города могла бы продолжаться, но ее эффективность была под вопросом. Это обстоятельство осознавали как в Москве, так и в Ставке А. Гитлера.

Наиболее опасное для советских войск направление в середине октября обозначилось в районе Можайска. Именно здесь почти параллельно друг другу проходят железные и автомобильные дороги на Москву и именно здесь моторизованные соединения вермахта пытались осуществить быстрый прорыв. Наступившая осенняя распутица не помешала переброске на этот участок частей из-под Вязьмы. В первом эшелоне продвигались 10-я танковая дивизия вместе с дивизией СС «Райх». Но остается фактом, что, не имея перед собой значительных сил Красной армии, 4-я армия и 4-я танковая группа так и не смогли сокрушить советскую оборону.

14 октября 1-я танковая дивизия 3-й танковой группы захватила большую часть Калинина. Тем самым немцы овладели важным транспортным пунктом и одновременно плацдармом, препятствующим отходу советских частей за Волгу. Это вынудило нового командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова просить о создании отдельного Калининского фронта, в состав которого были включены 22, 29, 30 и 31-я армии. Несмотря на неоднократные и ожесточенные атаки советских войск в направлении Калинина, вернуть город не удалось. 3-я танковая группа в дальнейшем собиралась продвигаться на Торжок. Однако у населенного пункта Медное немецкое наступление захлебнулось. Во второй половине октября значительная часть подвижных соединений этой группы перешла к обороне.

Почему же войска вермахта не смогли с ходу прорваться к столице? Главным и основополагающим фактором, безусловно, являются мужественное сопротивление бойцов и командиров Красной армии, экстренные меры советского правительства, руководства вооруженных сил по мобилизации всех ресурсов на защиту Москвы. Немецкие трофейные документы подтверждают это. Так, 18 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока констатировал: «В ходе боев последних дней под Малоярославцем, Вереей, Можайском, которые можно охарактеризовать как наиболее трудные за всю кампанию, высокая обороноспособность русских достигалась в основном за счет хорошего оборудования московских оборонительных позиций и использования большого количества тяжелых танков»[143].

По мере наступления на северном фланге группы армий «Центр» стал образовываться громадный выступ, обороняемый с советской стороны войсками Калининского фронта. Он висел, подобно балкону, над немецкими армиями, и Ф. фон Боку не оставалось ничего иного, как задействовать почти всю 9-ю армию только для обороны с севера. В то же время на южном фланге группы армий «Центр» передовые силы 2-й танковой армии забуксовали под Тулой. В конце октября они были остановлены резервами Ставки ВГК, частями 50-й

армии и вооруженными жителями города. Немцам необходимо было произвести перегруппировку своих войск.

В октябре к Москве из тыловых районов СССР, с других участков фронта в спешном порядке подходили свежие советские войска. Они практически с ходу вступали в бой, что не замедлило сказаться на оперативной обстановке. Значительную роль в усилении сопротивления немцам сыграли соединения, переброшенные под Москву с Дальнего Востока и Сибири. Еще до официального вступления в должность командующего Западным фронтом Г. К. Жукова на можайское направление согласно директиве Ставки стали перебрасываться пять дивизий из 22-й и 29-й армий[144]. Многое тогда зависело от быстрой, четкой и бесперебойной работы транспорта, и железнодорожники, без всякого сомнения, справились с поставленной задачей, внеся тем самым свой вклад в оборону столицы. Одной из первых под Москву прибыла 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Она заняла оборону на Бородинском поле.

Упорство советских солдат в обороне удивляло немецких полевых командиров. Так, командование 5-го армейского корпуса в докладе об обстановке на фронте от 23 октября 1941 г. отмечало, что «316-я русская дивизия, которая осталась неразбитой и имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную борьбу. Эта дивизия имеет много тяжелого пехотного оружия, сравнительно мало пехотной артиллерии, но все же имеет тяжелую артиллерию, и в некоторых местах она переходит в контратаки вместе с танками»[145].

Сегодня многие историки, занимающиеся битвой под Москвой, отмечают (одни — с упреком, другие — с похвалой) весьма жесткий стиль управления своими войсками генералом армии Г. К. Жуковым. Не вдаваясь в дискуссию, подтвердим, что эта жесткость имела место. Но вместе с тем приведем еще один факт, характеризующий полководца. Поздним вечером 12 октября, получив информацию о падении Калуги, Г. К. Жуков отправил командующему 49-й армией генералу И. Г. Захаркину суровое послание. Его копия пересылалась И. В. Сталину: «1. Немедленно дать объяснение, на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военсовета фронта и со штабом сами уехали в Тарусу; 2. Переходом в контрнаступление восстановить положение. В противном случае за самовольный отход от г. Калуги не только командование частей, но и Вы будете расстреляны; 3. Стык с 43-й армией в районе Прудки, Барановка направляется 9 тбр (танковая бригада. — *Прим. ред.*); 4. Получение, исполнение донести»[146]. Документ показательный, но требует лишь того комментария, что Калугу отбить тогда не удалось, но и И. Г. Захаркин расстрелян не был. Генерал продолжал руководить войсками своей армии, дослужился до звания генерал-полковника, был одно время даже заместителем командующего фронтом, а в 1944 г. назначен командующим военным округом, где и погиб в автомобильной катастрофе.

Известны и другие жесткие предупреждения и угрозы расстрела со стороны будущего маршала Г. К. Жукова, которые далеко не всегда исполнялись. Гораздо глубже, на наш взгляд, его натуру высвечивает следующий приказ, отданный командиру 2-го кавалерийского корпуса 12 ноября 1941 г.: «Прибывшее в кав. корпус необученное конному делу пополнение передать командующему 49-й армией для укомплектования стрелковых частей. Необученное конному делу пополнение ни в коем случае в строй не давать, разрешаю использовать только для укомплектования тылов»[147]. Приведенный документ показывает, что, вопреки распространенному сегодня мнению, Г. К. Жуков думал и о необученном пополнении, и о том, какие потери неопытные новобранцы могут понести на полях сражений. И такой документ, подписанный им, является отнюдь не исключением.

В докладе командования немецкого 5-го армейского корпуса о боях с 316-й советской дивизией отмечались также и трудности наступления из-за непогоды. Говорилось о «размокшей почве, против которой человек и лошадь в течение многих дней ведут борьбу», перебоях с горючим, «в связи с чем всякое движение вперед и работа значительной части средств связи оказались парализованными»[148]. «Погодный фактор» в октябре 1941 г., без сомнения, сыграл свою роль. Полевые командиры группы армий «Центр», чьи части вязли в грязи,

оказались неподготовленными к такому повороту событий. К тому же российские дороги не были похожи на автострады Западной Европы. Так, 45-я пехотная дивизия 2-й танковой армии еще 13 октября 1941 г. застряла у населенного пункта Быстроны из-за «невообразимо плохих дорожных условий». Сходное положение было и в других дивизиях[149]. Вместе с тем погодные условия лишь осложнили проблемы, вставшие перед группой армий «Центр» в результате усилившегося советского сопротивления. Не случайно в сводке ОКХ от 18 октября 1941 г. основное внимание было уделено именно «высокой обороноспособности русских», а не погодным условиям.

Советское сопротивление к неприятному удивлению Г. Гитлера и Ф. фон Бока возрастало день ото дня. Советские воины проявляли массовый героизм. Русская земля посылала в бой истинных богатырей, которые не бежали перед искушенным врагом, держались до последнего и были достойны памяти своих великих предков — суворовских и кутузовских солдат. Оккупированные и сражающиеся народы Европы и Азии с надеждой смотрели на Красную армию, резонно полагая, что именно от нее сейчас зависит судьба всего мира. В свою очередь, советское командование старалось стимулировать отважное поведение военнослужащих с помощью наград и даже денежного вознаграждения.

В октябрьских боях большую роль сыграл фактор мощи советского оружия. Немецкие командиры боялись встречи с новыми советскими танками. Командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге докладывал Ф. фон Боку: «На участке 34 пд 13 октября произошел бой между нашими легкими полевыми гаубицами и тяжелыми советскими танками (предположительно 52-тонными), в ходе которого с расстояния от 500 до 25 метров по танкам было выпущено попеременно 30 бронебойных и бризантных снарядов и 10 снарядов 10 см образца 1939 г. Уничтожив три легкие полевые гаубицы, семь средних и одну легкую противотанковую пушку, танки отошли назад... Несмотря на многочисленные попадания бронебойных снарядов, в том числе в башню, вражеские танки недостаточно быстро выводятся из строя и не пробиваются насквозь. В последнее время русские используют до 80% из всех танков танки Т-34. В случае атаки большого количества таких танков мы могли бы потерпеть локальное поражение»[150].

Наряду с танками немцы чрезвычайно опасались подвергнуться обстрелу реактивных минометов. С середины октября «катюши» нанесли немалый урон передовым частям вермахта. В докладе Военного совета Западного фронта о действиях дивизионов РС говорилось, что «21 октября на фронте 16-й армии с 316 сд действовали два дивизиона («катюш». — *Прим. ред.*) по местам сосредоточения танков и мотопехоты в районах Осташево, Милованье, Становище. Танки и мотопехота рассеяны и повернули в западном направлении». РС хорошо проявили себя на можайском направлении на фронте 5-й армии, а также в 43-й и 49-й армиях. Во всех случаях танки и пехота противника были остановлены. Генерал Г. К. Жуков просил И. В. Сталина создать дополнительно девять полков РС и направить их к нему на фронт[151].

К концу октября 1941 г. первый натиск немецкого наступления на советскую столицу исчерпал свою силу. Группе армий «Центр» была необходима передышка. Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин, германские части вынуждены были остановиться, чтобы пополниться личным составом и привести в порядок материальные припасы. Стойкость советских частей в октябрьских боях дала возможность Ставке ВГК перебросить на защиту столицы дополнительные силы. Встреча со свежими советскими дивизиями никак не входила в расчеты командования вермахта. В конце октября 1941 г. немецкая разведка отмечала, что можно ожидать подхода к столице всего одной или двух дивизий с Кавказа и одной с Дальнего Востока и что «до наступления зимы противник не имеет в своем распоряжении боеспособных резервов крупного масштаба»[152]. Немцы глубоко заблуждались.

Ставка ВГК продолжала усиливать Западный фронт новыми соединениями и маршевым пополнением. 10 ноября Брянский фронт был расформирован. Его 50-я армия передана Западному, 3-я и 13-я армии — Юго-Западному фронту. С 17 ноября в состав Западного

Рабочие Ленинградского станкостроительного завода записываются добровольцами на фронт.
3 июля 1941 г.

Ополченцы-колхозники с/х артели «Красный маяк» Городецкого района Горьковской области
на занятиях по военной подготовке

фронта вошла 30-я армия Калининского фронта. Войска получили приказ прочно удерживать занимаемые позиции и не допустить окружения Москвы.

Командующий Западным фронтом мог полагаться на свой тыл. Оставшиеся в Москве жители — женщины, старики, дети — рыли окопы и противотанковые рвы. 12 октября ГКО принял решение о создании системы оборонительных рубежей вокруг Москвы, получившей название Московской зоны обороны (МЗО). Руководство МЗО возлагалось на генерала П. А. Артемьева. Вокруг Москвы намечалось создать пояс обороны, состоящий из двух рубежей — главного и городского. Главный пояс — в форме полукруга радиусом 15–20 км от Москвы; городской — включал три полосы: по Окружной железной дороге, по Садовому кольцу, по Бульварному кольцу (линия трамвая «А») и Москве-реке с юга. Между этими полосами располагались укрепления вдоль сквозных улиц. Огневые средства устанавливались в полуподвалах, цокольных этажах, окнах, на балконах и чердаках.

9 октября в связи с создавшейся под Москвой обстановкой и после того, как Г. К. Жуков 8 октября сообщил И. В. Сталину, что слабое прикрытие Можайской линии не может гарантировать от внезапного появления перед Москвой немецких танков, Генштаб отдал директиву командующему Московским военным округом о срочном строительстве оборонительных рубежей в глубоком тылу — восточнее Москвы. Туда предполагалось направить основные ресурсы для строительства. Но штаб МВО не согласился с этим решением, считая, что все силы должны быть брошены на возведение укреплений для непосредственной обороны столицы. 14 октября директива Генштаба была отменена. В тот же день окончательно определилась линия оборонительного рубежа вокруг города: через Ростокино, Лихоборы, Коптево, Химки, Иваньково, Щукино, Кунцево, Матвеевское, Никольское, Зюзино, Волхонку, Батраково (главный пояс). Строительство оборонительных сооружений велось и непосредственно в городской черте (городской пояс). В первую очередь нужно было строить противотанковые препятствия (рвы, эскарпы, завалы), доты, баррикады и прочее. Положение переднего края этой полосы несколько раз корректировалось в зависимости от обстановки на фронте. 25 октября Моссовет принял постановление, по которому к строительству укреплений привлекалось мужское население в возрасте до 45 лет и женщины до 40 лет. Работали в непролазной грязи, под дождем и мокрым снегом, по 17 часов в сутки. Но, как отмечали сами москвичи, настроение было бодрое, присутствовало желание сделать все возможное, чтобы враг не прошел. Всего в возведении укреплений участвовали около 600 тыс. жителей Москвы и Подмосковья, среди них 70–75% женщины. Было сооружено 676 км противотанковых рвов, 16 тыс. км окопов, 27 тыс. огневых точек. Работы не останавливались до середины декабря 1941 г.[153]

Военный совет Московской зоны обороны занимался и подготовкой новых частей для обороны столицы. С 13 октября в связи с кризисным положением на фронте в Москве началось формирование рабочих рот и батальонов (по сути, вторая волна народного ополчения). На 24 октября 1941 г. число вступивших в них добровольцев достигло 8 тыс. человек. Батальоны занимали оборону на границах города, строили укрепления. Они вооружались за счет внутренних ресурсов: получали винтовки и пулеметы устаревших марок, главным образом иностранных образцов: французские, немецкие, австрийские, оставшиеся еще с Первой мировой войны. На многих не было мушек, не работали затворы, приходилось все это исправлять на месте. Не всегда к выданным винтовкам подходили патроны. На базе этих батальонов, начиная с 28 октября 1941 г., стали формироваться московские стрелковые дивизии (2-я, 3-я коммунистическая, 4-я и 5-я стрелковые). Эти соединения использовались затем непосредственно в боевых действиях[154]. Командование МЗО многое сделало для минирования основных дорог, ведущих к Москве. В ночь на 16 октября в сторону фронта были отправлены саперные отряды для постановки минных заграждений на Дмитровском, Ленинградском, Звенигородском, Можайском, Киевском и других шоссе.

15 октября 1941 г. вышло постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». 16 октября, после распространения среди москвичей информации о новом немецком наступлении и появлении слухов о скором прорыве германских танков, среди части горожан

возникла паника. Многие жители, похватав свои вещи, устремились на восток, запрудив шоссе Энтузиастов. Другие пытались остановить хаос, задерживая нагруженные домашним скарбом машины. Положение усугублялось бегством из Москвы ряда ответственных хозяйственных руководителей — директоров предприятий, бросивших на произвол судьбы своих подчиненных.

Приняв решение об эвакуации важнейших заводов и учреждений, И. В. Сталин, оперативные работники НКО и Генштаба остались в городе и продолжали руководить обороной. Хаос был пресечен жесткими мерами в отношении паникеров. С 20 октября Москва была объявлена на осадном положении. В городе действовал комендантский час, подозрительные элементы немедленно арестовывались, а при сопротивлении расстреливались на месте. Были приведены в действие и другие спецмероприятия по борьбе с паникерами, шпионами и прочими.

Огромное моральное значение для бойцов Красной армии и всех граждан страны имело торжественное заседание 6 ноября на станции метро «Маяковская» и проведение 7 ноября традиционного парада на Красной площади в честь очередной годовщины Октябрьской революции. Могло показаться, что этот парад в момент, когда немцы находятся всего в 60–100 км от столицы, просто невозможен. Авиация противника могла разбомбить проходящие по площади войска. Но в реальности парад был как никогда нужен и своевременен, он вдохнул новые силы в советских людей. Принимать парад было поручено заместителю наркома обороны СССР маршалу С. М. Будённому. Командование парадом возлагалось на командующего войсками Московского военного округа и Московской зоны обороны генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. Непосредственная подготовка парада была поручена коменданту г. Москвы генералу К. Р. Синилову. В ночь на 7 ноября комендант Москвы сообщил, что парад начнется в 8 часов утра. Все силы Московской ПВО были приведены в повышенную боевую готовность. Ровно в назначенное время войска вышли на Красную площадь. На лицах советских воинов отражались суровость и торжественность момента. С речью к народу с мавзолея Ленина обратился И. В. Сталин. Он сказал о том, что у страны были еще более трудные времена. Теперь же государство стало сильнее и имеет поддержку других народов. Тем не менее главнокомандующий признал, что вероломное нападение Германии создало смертельную угрозу. Враг оказался у стен Москвы и Ленинграда. Но он жестоко просчитался. На советских людей «смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!». Парад длился полтора часа. Большинство войск вскоре после него отправилось на фронт[155]. Парад 7 ноября 1941 г. стал знаковым событием, совершившим коренной перелом в умах советского народа, изменившим его психологический настрой, укрепившим моральный дух и веру в победу над фашизмом. Кроме того, парад имел огромное международное значение.

Положение на фронте, однако, оставалось тяжелейшим для Красной армии. Германское командование, несмотря на временную приостановку наступления, не отказалось от мысли завершить начатое дело и взять столицу СССР. Группа армий «Центр» была усилена резервами, произведена перегруппировка ее войск. На Москву были нацелены 51 дивизия, в том числе 13 танковых и семь моторизованных. Перевес в силах, как и ранее, был на стороне вермахта и составлял: в людях — в 2 раза, в артиллерии и минометах — в 2,5 раза, в танках — в 1,5 раза. 30 октября Ф. фон Бок издал приказ по группе армий на продолжение операций, но возобновить новый натиск на столицу немцы смогли лишь в середине ноября.

15–18 ноября после отдыха и пополнения группа армий «Центр» возобновила наступление, нанося главные удары в направлении Клина, Рогачёва (в обход Москвы с севера) и Тулы, Каширы (в обход Москвы с юга). Захватчики встретили упорное сопротивление советских войск. «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» — таков был девиз защитников столицы.

Подготовка заградительного аэростата к запуску. Июнь 1941 г.

Отражение ночного налета немецкой авиации на Москву 26 июля 1941 г.

Здание Большого театра в маскировочной окраске. 1941 г.

Маскировка Московского Кремля от авианалетов. Манежная площадь. Осень 1941 г.

Показательно, что осознание германским командованием того факта, что окружение Москвы является для них непосильным делом, происходило практически одновременно с переходом немецких войск в наступление. Например, хорошо известен факт, что контрудар 49-й армии в районе Серпухова, проведенный согласно приказу командующего Западным фронтом от 14 ноября, нанес ощутимый урон группе армий «Центр». В шестидневных боях были измотаны соединения правого фланга 4-й армии и сорваны их наступательные планы[156]. В результате фельдмаршал Г. фон Клюге сделал вывод, что об окружении Москвы силами 4-й армии не может быть больше и речи[157]. Удачные действия в обороне советских войск в районе Тулы препятствовали немецкому продвижению к Москве с юго-запада.

Воспользовавшись неудачным наступлением частей 16-й армии, соединения 4-й и 3-й танковых групп нанесли удар в направлении Волоколамска и Клина. Они достаточно быстро добились крупного успеха. В результате пали Клин и Солнечногорск, а немецкие моторизованные колонны вышли к Ленинградскому шоссе. Здесь, к северо-западу от Москвы, обозначилась главная угроза городу.

В середине ноября погода благоприятствовала переходу германских войск в наступление. Солдаты и техника продвигались на восток по мерзлой и твердой земле, лишь слегка припорошенной снегом. Небо было ясное, светлое, почти кристальное[158]. Никаких ограничений действий авиации не было. Казалось, пройдет еще несколько дней, и немецкие танки ворвутся в советскую столицу. Враг методично вгрызался в советскую оборону, но каждый новый шаг вперед стоил ему больших жертв.

Особенно ожесточенные бои развернулись на волоколамском направлении. Здесь продолжала мужественно отражать немецкие атаки 316-я стрелковая дивизия 16-й армии под командованием генерала И. В. Панфилова. Немцы, рассчитывавшие с ходу прорваться по Волоколамскому шоссе к Москве, не смогли сломить сопротивления дивизии, потеряв в октябрьских боях до 90 танков и несколько батальонов пехоты. 16 ноября после мощной авиационной и артиллерийской подготовки противник обрушился на 316-ю стрелковую дивизию силами 2-й и 11-й танковых дивизий. В 316-й дивизии после октябрьских боев почти не осталось средств противотанковой обороны. Основной удар танковой армады врага пришелся по 4-й и 6-й стрелковым ротам 2-го батальона 1075-го стрелкового полка, оборонявшимся у разъезда Дубосеково и деревни Петелино. Обе роты проявили себя стойко, отбив несколько танковых атак с помощью гранат и бутылок с зажигательной смесью, подбив при этом 24 танка. Политрук 6-й роты П. Б. Вихрев в разгар боя у деревни Петелино совместно с 14 бойцами уничтожил до взвода автоматчиков и пять немецких танков. Оставшись один, П. Б. Вихрев отстреливался до последнего патрона и, когда его окружили немцы, чтобы не попасть в плен, застрелился. Ему первому в дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза.

16 ноября в донесении И. В. Сталину командующий Западным фронтом Г. К. Жуков писал: «За проявленную отвагу в боях, за стойкость, мужество и героизм всего личного состава дивизии в борьбе с фашистами ходатайствую о присвоении 316 сд звания гвардейской дивизии и награждении ее орденом Красного Знамени». Уже 18 ноября 1941 г. дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую и награждена орденом Красного Знамени. Но в тот же день в бою у деревни Гусенево погиб ее легендарный командир генерал Иван Васильевич Панфилов. Постановлением ГКО от 23 ноября 1941 г. 8-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено его имя. До начала декабря 1941 г. панфиловцы с тяжелыми боями, переходя в контратаки, отходили от рубежа к рубежу, не давая фашистам осуществить прорыв к Москве. У поселка Крюково, ныне находящегося в черте Зеленограда, враг был окончательно остановлен. 8-я гвардейская дивизия вместе с другими соединениями Западного фронта выиграла время, необходимое для подхода резервов[159].

В период решающего германского натиска на Москву советское командование требовало от бойцов и командиров строжайшего исполнения приказаний и борьбы до последней капли крови. Массовый героизм военнослужащих исходил из глубины народного сознания. Но Ставка ВГК и лично И. В. Сталин считали, что излишней жесткости в деле обороны

быть не может. Именно тогда был издан ряд документов, которые вызывают неоднозначное толкование. Так, 17 ноября 1941 г. появился секретный приказ № 0428 Ставки ВГК, в котором ставилась задача «выгнать немецко-фашистских захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». Для этого приказывалось «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и 20–30 км вправо и влево от дорог». Отметим лишь, что подобные документы нельзя рассматривать в отрыве от суровой реальности и факта отсутствия альтернатив: либо враг будет остановлен, либо страна и все ее население окажется под пятой оккупантов. С этим приказом непосредственно связан подвиг Зои Космодемьянской, погибшей от рук захватчиков.

Вопреки распространяемому сегодня некоторыми СМИ тезису о том, что репрессии были главным методом управления войсками со стороны кремлевского руководства, правда войны была куда сложнее. Жестоких начальников, губивших невиновных людей, в России всегда хватало. Но тем более удивительно, что осенью 1941 г., когда, казалось бы, требовались беспощадные меры для укрепления стойкости, выходили приказы, запрещавшие такую практику. Так, еще 4 октября 1941 г. И. В. Сталин и Б. М. Шапошников подписали приказ НКО под заголовком «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем говорилось, что за последнее время наблюдаются случаи «грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным», что «метод убеждения неправомерно отодвинули на задний план», «воспитательная работа... подменяется руганью», «забыта истина, что применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случае прямого неповиновения». Документ предписывал: «восстановить в правах воспитательную работу», «самым решительным образом, вплоть до придания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий». Приказ объявлялся всему начальствующему составу действующей армии до командира и комиссара полка включительно[160]. Конечно, выход такого приказа не искоренил, да и не мог искоренить всех фактов незаконных репрессий, но думается, что он подействовал отрезвляюще на многие не в меру горячие головы среди командного состава.

В конце ноября начался поистине кульминационный период всех сражений на советско-германском фронте 1941 г. Он не был продолжительным. С начала нового немецкого наступления на Москву 15–18 ноября до перехода Красной армии в контрнаступление 5–6 декабря прошло всего полмесяца с небольшим, но именно за это время силы германских соединений, наступавших на Москву, основанные на их численном превосходстве, профессионализме германских солдат и офицеров, были превзойдены стойкостью советских бойцов, экстренными мерами правительства Советского Союза по мобилизации ресурсов на отпор врагу. В срыве наступления сыграла свою роль и накопившаяся масса ошибок германского командования в анализе общей ситуации на восточном фронте.

Немецкой авиации не удалось в ноябре захватить господство в воздухе в районе Москвы. Неудачными оказались германские атаки на советские аэродромы. Неспособность люфтваффе в должной мере поддерживать наземные части вермахта снижала темпы продвижения группы армий «Центр» к советской столице, отрицательно влияла на моральное состояние германских военнослужащих. С другой стороны, массированные атаки на жилые кварталы и предприятия города не дезорганизовали москвичей.

Германской авиации в столичном регионе противостояли части Московской зоны ПВО и силы местной ПВО (МПВО). К 22 июля 1941 г. ПВО (1-й и 6-й истребительный корпуса) имела следующие силы: зенитных орудий среднего калибра — 796, других зенитных орудий — 248, самолетов — 602, аэростатов — 124, зенитных пулеметов — 571, десятки прожекторов. К началу войны город располагал бомбоубежищами вместимостью 400 тыс. человек. К концу 1941 г. с учетом 23 км линий метро в Москве можно было укрыть от налетов 1,6 млн человек. По данным Московского корпусного района ПВО на начало 1942 г., за шесть месяцев войны в налетах на столицу участвовало более 7 тыс. самолетов противника, из них

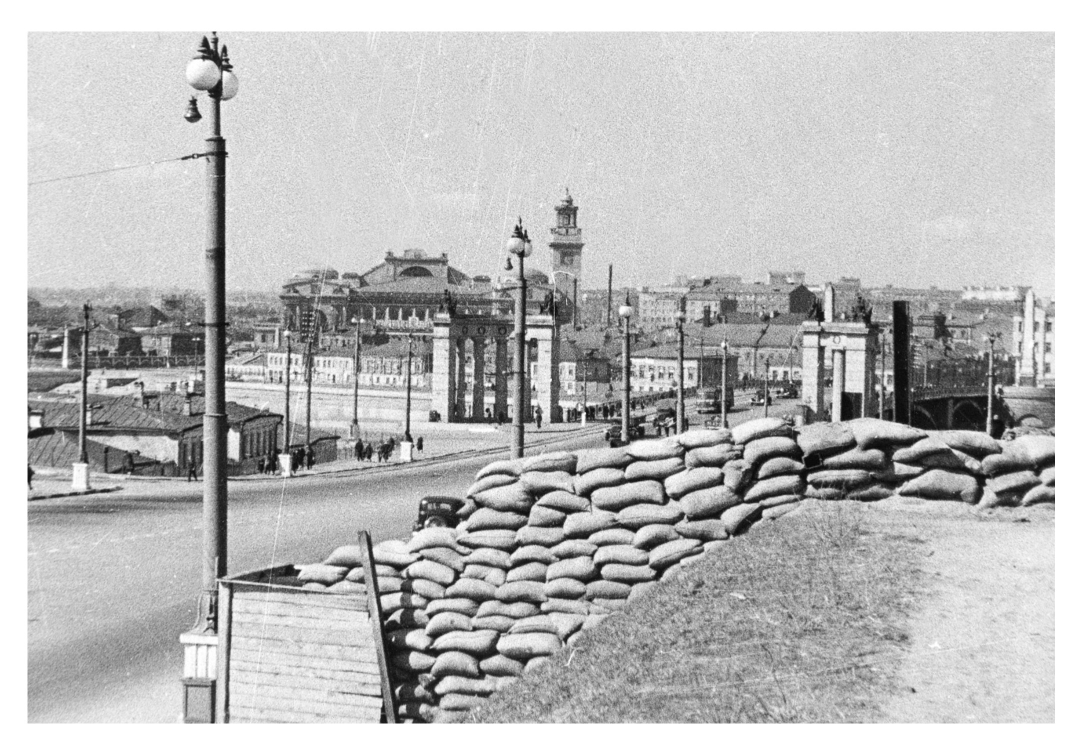
В ходе налета немецкой авиации в ночь на 24 июля 1941 г.
одна из бомб угодила в здание театра имени Вахтангова

Строительство оборонительных сооружений на улице Балчуг. Москва. Осень 1941 г.

Морские пехотинцы под Москвой. Октябрь 1941 г.

Москва. Осень 1941 г.

к городу прорвалось всего 229. МПВО отметила за то же время появление над городом около 700 вражеских самолетов.

Всего же в Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога. На город было сброшено 1610 фугасных и 110 тыс. зажигательных бомб. Показательно, что 687 фугасок упало на ложные объекты. Во время воздушных налетов пострадали 7,7 тыс. человек, 2196 человек погибли. МПВО занималась и обучением населения[161]. Противовоздушная оборона Москвы на тот период была, пожалуй, лучшей в мире, хотя из-за допущенных еще в предвоенное время ошибок и реалий противоборства с грозным и опытным противником потери германской авиации на подступах к городу не оказались столь высокими, как на то можно было рассчитывать.

Корреспондент английской газеты «Санди таймс» в СССР А. Верт, сравнивая отражение первых налетов на Москву с противовоздушной обороной Лондона, писал: «Особенно внушительное впечатление произвел мощный заградительный огонь (зениток. — *Прим. ред.*): шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. Десятки прожекторов освещали небо. В Лондоне мне не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного»[162].

В небе и на земле на подступах к столице происходили кардинальные изменения, свидетельствовавшие, что события разворачиваются не в пользу вермахта. В 20-х числах ноября перед лицом немецких войск стояли уже не ослабленные и деморализованные части РККА, а свежие части из внутренних регионов СССР. Сила группы армий «Центр» была еще велика, но Ф. фон Бок стал беспокоиться, что советские войска были в состоянии преподнести сюрприз[163]. Однако фельдмаршал еще верил в успех. До окраин города с северо-запада 3-й и 4-й танковым группам оставалось всего около 40 км. Взятие столицы в этой связи казалось делом ближайших дней.

Вслед за боями на волоколамском направлении упорные сражения развернулись в районе Истры. Здесь дивизии СС «Райх» противостояла 78-я стрелковая («сибирская») дивизия под командованием полковника, затем генерал-майора А. П. Белобородова. Вскоре 78-я дивизия стала 9-й гвардейской. Несмотря на контратаки советских войск, 21 ноября 46-й корпус 4-й танковой группы противника занял населенный пункт Ново-Петровское. В то же время 40-й корпус пробился на восток севернее г. Истра[164].

Соединения группы армий «Центр» продолжали развивать удар на стыке Калининского и Западного фронтов, где советская оборона была наиболее уязвимой. Это обстоятельство позволило немецким войскам добиться значительного успеха. 23 ноября они заняли Клин и Солнечногорск. 25 ноября 11-й танковой дивизии вермахта удалось переправиться через р. Истру и Истринское водохранилище[165]. Фельдмаршал Ф. фон Бок делал ставку на успех 4-й танковой группы. С истринского участка немецкие соединения выходили на ближние подступы к Москве. Бои шли в районе дачных поселков в окрестностях города. Об окружении столицы уже не говорилось: германское командование жаждало поскорее ворваться в ее кварталы и добить советские части на улицах. Участок боевых действий северо-западнее Москвы стал решающим для противоборствующих сторон.

Но успех немецкого наступления зависел во многом и от событий на южном фланге группы армий «Центр», в районе Тулы. С 18 ноября главный удар танковой армии Г. Гудериана был направлен в стык Западного и Юго-Западного фронтов. Прорвав слабую оборону левого фланга 50-й армии, немцы устремились в обход Тулы с востока. К исходу 25 ноября они достигли рубежа в 6 км к югу от Каширы. Но сильный контрудар 2-го кавкорпуса П. А. Белова (с 26 ноября — 1-й гвардейский кавкорпус) заставил противника перейти к обороне. Все попытки Г. Гудериана овладеть Тулой оказались безрезультатными. Важно подчеркнуть, что позиции советских частей, оборонявших этот город, создавали большой выступ в немецком фронте, который как бы разрезал группу армий «Центр» на две неравные части и не давал возможности германскому командованию осуществлять нормальное снабжение и пополнение выдвинутых вперед соединений Г. Гудериана. В начале декабря немцы вновь попытались овладеть Тулой. Им удалось даже выйти к Московскому шоссе. Город был почти полностью окружен, оставался лишь узкий коридор шириной в 5–6 км, но преодолеть его германские части не смогли. Войска 50-й армии и тульские ополченцы

Москвичи готовятся к обороне города

Женщины с детьми получают питание в бомбоубежище на станции метро «Маяковская» в Москве

отразили натиск противника. Очевидно, что если бы Тула в тот момент пала, то советская оборона к югу и юго-западу от Москвы могла бы не выдержать очередного натиска и части вермахта подошли бы к столице вплотную.

Германские потери росли. В пехотных ротах оставалось всего по 20—30 человек, а пополнения ждать не приходилось. Но Ф. фон Бок, казалось, не замечал нарастающих трудностей. Он уже видел город в бинокль и рассчитывал ворваться в него даже без содействия сил Г. Гудериана. Фельдмаршал понимал, что должен использовать свой последний шанс. Он сравнивал происходящие на северо-западе от Москвы события с битвой на Марне времен Первой мировой войны и полагал, что ему придется бросить в сражение все до последнего солдата, чтобы окончательно перевесить чашу весов в свою пользу[166].

Генерал Г. Рейнгардт, новый командующий 3-й танковой группы, 24 ноября получил приказ достичь канала Москва — Волга в районе Яхрома — Дмитров. Ценой громадных усилий танковой группе удалось в конце ноября продвинуться к каналу и переправиться в районе Яхромы на его восточный берег. Но здесь ее соединения были остановлены передовыми частями советской 1-й ударной армии, переданной 29 ноября из резерва Ставки Западному фронту. Вскоре соединениям армии удалось разбить и отбросить на противоположную сторону уже переправившиеся немецкие части из 56-го армейского корпуса.

Южнее полосы наступления 3-й танковой группы активными действиями советской 20-й армии было остановлено продвижение вперед 4-й танковой группы на рубеже, проходящем через район деревни Красная Поляна (что в 27 км от Кремля), которая была занята немецкими войсками 1 декабря. Вплоть до 7 декабря на этом участке продолжались ожесточенные бои.

Последняя, отчаянная попытка группы армий «Центр» прорваться к Москве произошла 1—3 декабря в районе Звенигорода и Наро-Фоминска (в полосе 4-й армии). Утром 1 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки немцы начали наступление. В районе Звенигорода они особого успеха не имели, но северо-западнее Наро-Фоминска враг, используя свое более чем пятикратное превосходство, прорвал оборону 33-й советской армии. К полудню 2 декабря пехотные части вермахта при поддержке 15 танков заняли Петровское и Бурцево. До окраин Москвы оставалось всего 30 км. Прорыв немцев являлся попыткой немецкого командования путем фронтального удара взломать оборону столицы, поскольку сил для наращивания натиска на флангах группы армий «Центр» уже не имелось. Однако в результате контрудара боевой группы 33-й армии под командованием полковника М. П. Сафира части вермахта были остановлены. Пехотный полк противника, усиленный танковым батальоном, был разгромлен, а его остатки отброшены назад. По советским данным, немцы потеряли до 2 тыс. солдат и 11 танков. Операция по ликвидации наро-фоминского прорыва группы армий «Центр» имела большое значение в битве за Москву. 5-я и 33-я армии Западного фронта сдержали отчаянный натиск германских войск и не допустили их продвижения к столице по Минскому и Киевскому шоссе[167].

Сегодня существуют различные точки зрения относительно воздействия, которое оказала наступившая морозная погода на наступление немцев в конце ноября — начале декабря 1941 г. Данные о температуре воздуха в этот период в отечественных и зарубежных исследованиях расходятся. Отметим, однако, что, по немецким источникам, она редко превышала тогда обычную для этого времени отметку минус 15—16 градусов и лишь в первых числах декабря достигла 30 градусов ниже нуля по Цельсию[168]. Естественно, сильный мороз вносил немалые коррективы в действия германских войск, в частности заставлял экипажи танков и водителей грузовиков тратить массу времени на подогрев моторов, а боевые подразделения были вынуждены совершать переходы только вблизи населенных пунктов. Но температура ниже 30 градусов стояла всего два дня, и, конечно, холод оказывал воздействие не только на немецких, но и на советских солдат. Причиной срыва наступления группы армий «Центр» был не мороз, а возросшее сопротивление Красной армии. Прорыв частей вермахта, усиленных танками, в районе Наро-Фоминска, когда им всего за сутки удалось продвинуться на глубину 25 км, но затем пришлось ретироваться под воздействием контрудара советских частей, яркое тому подтверждение.

С 20-х чисел ноября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока Генштаба ОКХ сообщал о подходе к фронту новых соединений Красной армии, способных вести упорную борьбу против группы армий «Центр». В сводке за 26 ноября 1941 г. указывалось, что «воздушная разведка установила интенсивное железнодорожное движение между городами Тамбов и Ранненбург»[169]. В других документах ОКХ отмечалось, что не только на северном фланге группы армий «Центр», но и в районе Тулы «противник ввел в бой свежие силы»[170]. Однако в сводках того времени (которые разделяли представители и ОКХ, и ОКВ) наряду с достоверными сведениями присутствовали совершенно неверные выводы о намерениях советских войск. Так, 2 декабря германскому военному руководству было представлено разведсообщение, в котором говорилось: «...русское командование в настоящее время не располагает резервами и поэтому предпринимает попытки, введя в бой все имеющиеся в распоряжении силы, приостановить наступление немецких войск»[171]. Заметим, что этот вывод был сделан всего за три дня до начала контрнаступления советских войск под Москвой. Германские генералы имели шанс предотвратить худшие для себя последствия надвигающегося кризиса, если бы более внимательно отнеслись к тревожным сведениям с фронта. Весьма характерна следующая немецкая оценка обстановки на 4 декабря 1941 г.: «В общем же, боеспособность противника не настолько велика, чтобы без значительного подкрепления он мог бы предпринять крупное наступление»[172]. Активные действия Западного и Калининского фронтов настораживали командующих объединениями группы армий «Центр», однако сверху никаких указаний о переходе к обороне они не получали и особых мер для охраны своих позиций не предпринимали.

Итак, наконец-то противник под Москвой был остановлен окончательно. Однако угроза столице оставалась: враг находился рядом с ней. Чтобы снять эту опасность, необходимо было отбросить его как можно быстрее. К решению такой задачи и готовилась Красная армия.

Самоотверженность блокадного Ленинграда

Не сумев захватить Ленинград с ходу, немецкое командование начало его осаду. Железное кольцо блокады мертвой хваткой сжимало Ленинград. Линия фронта проходила в непосредственной близости от города: на юге она была всего в 2—4 км, а на юго-западе, северо-западе и севере — в 25—30 км от его окраин. Осажденный город сражался в неимоверно тяжелых условиях. В планах противника его судьба была давно решена. Еще 22 сентября 1941 г. в директиве главного командования германских ВМС указывалось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... Предполагается тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей»[173].

С остервенением немецкие войска претворяли в жизнь этот поистине варварский план. На первых порах в основном использовалась авиация. Ее удары резко возросли с началом блокады. В сентябре 1941 г. в налетах на город участвовало 2712 самолетов. Были разрушены и повреждены сотни домов, возникло много пожаров, были убиты и ранены около 4,5 тыс. человек. Но сентябрьские налеты не прошли для врага безнаказанно. Войска ПВО из 480 прорвавшихся к Ленинграду немецких самолетов уничтожили 272. Командование противника поняло, что при такой противовоздушной обороне оно потеряет всю свою авиацию прежде, чем нанесет значительный ущерб городу. И в этой связи гитлеровцы главные усилия по его разрушению переложили на артиллерию, а центр тяжести в боевом применении авиации был перенесен на обеспечение блокады Ленинграда. Так, в период с декабря 1941 по апрель 1942 г. в налетах на коммуникации, ведущие к блокированному городу, участвовало 3724 вражеских самолета, а на Ленинград — 125 (почти в 30 раз меньше). Однако продолжались и воздушные налеты на город. Только с ноября 1942 по март 1943 г. на головы ленинградцев немецкая авиация сбросила 390 фугасных и 1854 зажигательные бомбы[174]. С конца 1942 г. противник стал

применять новые бомбы. Начиненные фосфором, они вызывали сильные пожары. Немало жертв было среди мирных граждан, которых артиллерийский обстрел заставал на улицах города и в домах. Зимой 1942–1943 гг. были разрушены сотни жилых домов, пострадало немало памятников культуры мирового значения. Так, 6 ноября 1942 г. 250-килограммовая бомба причинила серьезные повреждения Аничкову мосту через Фонтанку, а 6 января 1943 г. такая же бомба вывела из строя разводной пролет Республиканского (Дворцового) моста. Многим заводам, особенно расположенным в южной части города, обстрелами и бомбардировками был нанесен огромный ущерб — некоторые из них были разрушены почти до основания.

С различных участков фронта и из армий стран ограбленной Европы нацисты стягивали под Ленинград 210-мм и 240-мм пушки, 400-мм гаубицы, 305-мм и 420-мм мортиры. Обладая большой дальнобойностью и огневой мощью снарядов, они обстреливали все районы города. За время блокады на Ленинград враг обрушил 150 тыс. снарядов и 105 тыс. авиабомб. В итоге было разрушено свыше 10 тыс. зданий, более 17 тыс. ленинградцев погибли, а 500 тыс. лишились крова.

Борьбу с вражеской артиллерией вели дальнобойные орудия фронта и Балтийского флота, объединенные с марта 1942 г. во фронтовую артиллерийскую группу. Вначале они только отвечали на вражеский огонь, а с лета 1942 г. стали проводиться артиллерийские и авиационно-артиллерийские операции по уничтожению батарей противника, независимо от того, вели они огонь в данный момент или нет. Немцы, неся ощутимые потери, прекращали обстрел города и переключались на борьбу с нашими батареями. В результате интенсивность обстрела Ленинграда была снижена в три-четыре раза. Только за период с января по апрель 1942 г. корабли и береговые батареи провели 1879 стрельб и израсходовали 21 414 снарядов калибра от 406 до 100 мм. Оказывая огневую поддержку войскам Ленинградского фронта, ведя огонь по сухопутным коммуникациям и резервам противника и контрбатарейную борьбу, артиллерия флота уничтожила около 10 артиллерийских и минометных батарей, более 100 раз заставляла замолчать батареи противника, обстреливавшие Ленинград[175]. Таким образом, артиллеристы и летчики, приняв на себя многие десятки тысяч тяжелых снарядов врага и постоянно уничтожая его орудия и склады боеприпасов, значительно уменьшили разрушение города и облегчили судьбу населения.

В тяжелых условиях блокады личный состав Балтийского флота оказывал большую помощь промышленности и городскому хозяйству осажденного Ленинграда. Моряки эскадренных миноносцев «Опытный», «Сторожевой», «Славный», «Строгий», «Грозящий», «Вице-адмирал Дрозд», «Стройный», крейсеров «Максим Горький» и «Киров», бригады подводных лодок, линкора «Октябрьская революция» и других кораблей, частей и соединений флота строили оборонительные сооружения, а также принимали участие в восстановлении жизненно важных для города объектов. 10 января 1942 г. вышел из строя последний насос центральной городской водопроводной станции, в результате чего город остался без воды. На помощь ленинградцам пришли моряки Балтийского флота. Восстановительные работы вел экипаж подводной лодки К-56, стоявшей около центральной водопроводной станции. Через 22 часа моряки пустили первый дизель и дали воду в напорную башню. А через 60 часов напряженной работы в холодном помещении они пустили четыре дизеля аварийной станции, и город получил воду[176]. Моряки Балтийского флота восстановили также Табачную фабрику имени Урицкого. С помощью Балтийского флота был восстановлен и 1-й молочный завод, пострадавший от вражеской бомбежки. Этот завод снабжал молоком детей, больных и раненых. За короткий срок группа моряков выполнила большие ремонтные работы. Вместо разрушенной котельной они подогнали по рельсам к зданию завода паровоз, проложив для этого сотни метров рельсового пути, и дали пар в цеха завода. Завод ожил и вновь стал давать продукцию, столь необходимую для госпиталей и детских садов. Большие работы были проведены также на заводах «Большевик», «Канонерский», «Красногвардеец», имени Жданова, имени Орджоникидзе, «Судомех», «Республика», Невском химическом комбинате, фабриках «Канат», «Светоч», заводах № 5, 103, «Красная Бавария» и многих других предприятиях. Личный состав эсминца «Славный» восстановил главные турбины ГЭС № 2. Балтийские

моряки оказали огромную помощь и в обеспечении города топливом, в восстановлении и отоплении детских садов, бань и прачечных. Медицинский персонал флота оказывал большую медицинскую помощь населению. В самый тяжелый период блокады флот из своих фондов передал для снабжения населения города 1545 тонн пшеничной и ржаной муки, 100 тонн жиров, 105 тонн сахара, 24 тонны рыбных консервов, 4 тонны сгущенного молока[177].

А положение жителей блокадного Ленинграда было действительно удручающим. Создалось катастрофическое положение с продовольствием. На город неумолимо надвигался голод. Горели и рушились дома. Иссякали запасы топлива. Прекратилась подача электроэнергии в дома. Остановился городской транспорт. Лютые морозы вывели из строя водопровод и канализацию. Снежные сугробы перекрыли все улицы. Смерть ежедневно косила тысячи голодных людей, не разбирая пола и возраста. Не оставляют никого равнодушным сохранившиеся страницы дневника маленькой Тани Савичевой: «Бабушка умерла 25 янв... Дядя Алеша 10 мая... Мама 13 мая в 7.30 утра... Умерли все. Осталась одна Таня». Горе пришло в каждую семью. На глазах у матерей и отцов умирали их сыновья и дочери, дети оставались без родителей.

С первого дня блокады 2,4 млн ленинградцев испытывали тяжелый психоэмоциональный стресс, обусловленный ежедневными бомбовыми ударами, артиллерийскими обстрелами и опасностью захвата города немцами. С сентября по декабрь 1941 г. всего 12 дней не было обстрелов, а с октября по декабрь 1941 г. противник бомбил Ленинград каждую ночь. За время блокады на Ленинград враг обрушил 150 тыс. снарядов и 105 тыс. авиабомб. В итоге было разрушено свыше 10 тыс. зданий, 15 млн кв. метров жилой площади, на которой проживали 716 тыс. человек, располагались 840 заводов, 526 школ и детских садов, 21 научное учреждение, 16 747 ленинградцев погибло, 33 782 человека были ранены (из них 33%, по неполным данным, умерли)[178].

В период массового психоэмоционального стресса появилась неизвестная ранее форма патологии, получившая название «болезни нервной регуляции». Этим термином определяется обширный класс заболеваний, обусловленных нарушением состояния аппарата нервной регуляции функций органов. В первые месяцы блокады увеличилась заболеваемость гипертонической болезнью и тяжесть ее симптомов у гипертоников с довоенного времени. В этот период в группе практически здоровых людей, занятых физическим трудом, на фоне обычного режима питания наблюдались случаи гипогликемической комы. Врачи-блокадники отмечали пагубное воздействие воздушных тревог, бомбардировок и артиллерийских обстрелов на состояние человека.

По сравнению со средней цифрой умерших в первом полугодии 1941 г., принятой за 100%, общий показатель смертности в августе повысился до 143%, в сентябре — 182%, в октябре — 196%. На долю убитых во время авиационных налетов приходилось 23% общего числа жертв[179]. Определенная часть летальных исходов могла быть связана с внезапной сердечной смертью людей, испытавших эмоции ужаса в зоне обстрелов или бомбовых ударов.

С 22 ноября 1941 г. в городе начался голод. Хлебный паек рабочих сократился до 250 граммов. Служащие (15% блокадников), дети (20%) и иждивенцы (31%) получали по 125 граммов хлеба. В нем было мало муки и много примесей (жмых, отруби, обойная пыль, пищевая целлюлоза). Однако даже такой хлеб был единственным продуктом, выдаваемым почти регулярно, за исключением третьей декады декабря. Карточные нормы белка снизились до 40–10 граммов в сутки вместо 100–160 граммов, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности и трудовой активности. Продукты, содержавшие животный белок, практически не выдавались. Калорийность пищи блокадников теоретически соответствовала 707 ккал в сутки для рабочих (при норме 3500–4500 ккал), 473 ккал в сутки для служащих (при норме 3000–3200 ккал), 405 ккал в сутки для иждивенцев (при норме 2500–3000 ккал)[180]. Низкокалорийное добавочное питание и котловое довольствие на оборонных предприятиях и в организациях не могло компенсировать энергетических затрат, которые значительно возросли в связи с трудоемкими оборонительными и спасательными работами, ненормированным рабочим днем, отсутствием городского транспорта, отопления, водопроводной

Жители блокадного Ленинграда на уборке улиц от снега

Советские военнослужащие осматривают немецкий самолет Фокке-Вульф Fw 190, сбитый под Ленинградом

Ленинградские курсанты идут на защиту родного города

Советские солдаты со знаменем на крыше дома в освобожденной Гатчине

Ребенок на улице блокадного Ленинграда у плаката «Уничтожить немецкое чудовище!»

воды. Обеспечение ежедневного быта требовало значительных физических усилий с дополнительными энергетическими затратами. Последующие прибавки хлеба происходили в основном за счет увеличения примесей.

Жители блокадного города испытывали острый энергетический кризис. Голодание привело к массовой алиментарной дистрофии (истощению от голода). Эта неизвестная ранее форма патологии была зарегистрирована у 88,6% населения. Тяжесть истощения стремительно прогрессировала с самого начала заболевания. Необычайно быстрая потеря массы тела (до 22%) происходила в первый период голодания. Состояние больных алиментарной дистрофией на третьей стадии врачи определили новым термином «минимальная жизнь» или «жизнь на минимальном пределе». Это состояние характеризовалось значительным снижением уровня всех функций организма. Состояние минимальной жизни было потрясением биологических основ жизнедеятельности организма. Возможность поддержания жизни на столь низком уровне стала открытием для биологии и медицины. Ранее считалось, что потеря массы тела на 40% приводит к летальному исходу.

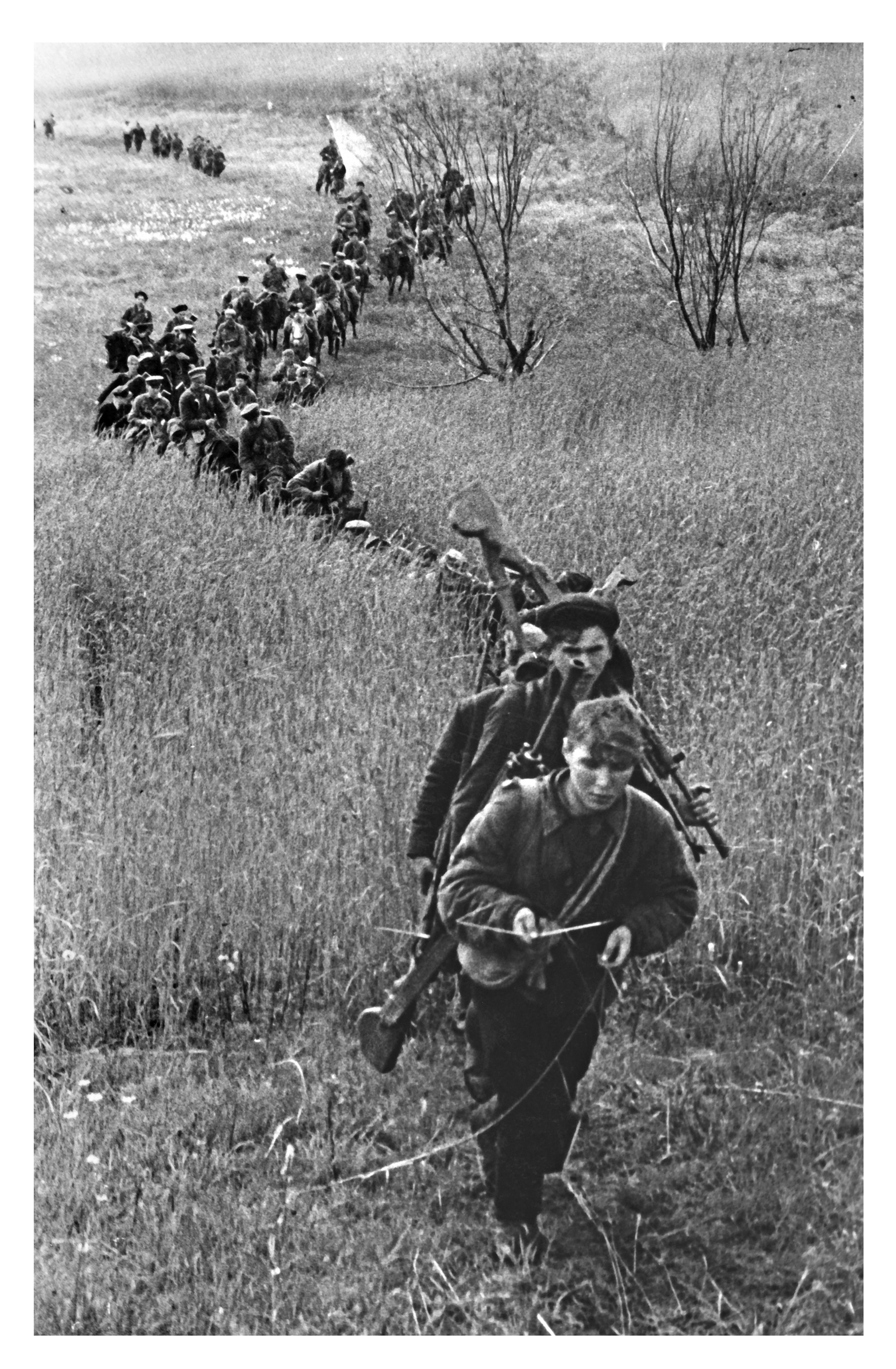
Одним из факторов, способствовавших выживанию блокадников пожилого и старческого возраста в период почти полного голода, являлось очищение сосудов, что приводило к некоторому увеличению кровоснабжения органов на фоне замедления кровотока. В период голода резко сократились инфаркты и инсульты. По наблюдениям врачей в исходах голодания большое значение имели волевые качества человека. Люди, не обладавшие сильным характером, тяжелее переносили голод. Утрата желания жить при потере родных способствовала летальному исходу. Были зарегистрированы случаи смерти на первой стадии заболевания, когда происходило истощение жировых депо, но не возникало тяжелых атрофических изменений органов. Больные погибали без признаков других заболеваний, что свидетельствовало о роли психогенного фактора в генезе смерти на первой стадии истощения. Внезапная смерть больных, находившихся в относительно удовлетворительном состоянии, могла наступить в связи с незначительным эмоциональном напряжением[181].

Истощение от голода стало причиной массовой смертности блокадников в 1941–1942 гг. В период первой блокадной зимы причиной смерти многих было переохлаждение организма. На фоне гипотермии, связанной со снижением теплопродукции, люди замерзали и умирали на улицах. Непосредственными причинами смерти для многих истощенных людей были пневмония и заболевания желудочно-кишечного тракта. Эти заболевания усиливали тяжесть алиментарной дистрофии и ускоряли летальный исход. Наиболее высокая смертность была характерна для детей до четырех лет и от семи до десяти лет.

По неполным данным, от голода в черте осажденного города погибли около 1053 тыс. человек[182], в процессе эвакуации умерли 360 тыс. ленинградцев, страдавших тяжелой формой дистрофии. В общей сложности жертвами голода стали свыше 1413 тыс. человек, что составляет 57,6% ленинградцев[183]. Эти сведения на 764 тыс. человек превышают данные официальной статистики (649 тыс.) Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения (25 мая 1945 г.)[184]. В этом документе не учтены неопознанные (безымянные) блокадники, погибшие в черте города, и ленинградцы, умершие от голода в процессе эвакуации.

В период блокады изменилась структура заболеваемости. Практически исчезли многие заболевания. Несмотря на антисанитарные условия (отсутствие водоснабжения, канализации), значительно снизилась по сравнению с 1940 г. заболеваемость многими инфекциями. Крайне редко возникали такие болезни, как скарлатина, краснуха, ветряная оспа, корь, свинка, болезни стрептококковой этиологии (ангины, острый ревматический полиартрит), грипп. Снизилась заболеваемость туберкулезом. Однако повысилась заболеваемость дифтерией с тяжелой интоксикацией и частыми неврологическими осложнениями.

В период выхода из состояния острой дистрофии возобновились заболевания, в возникновении и течении которых имеет значение эмоционально-стрессовый фактор. По мере ослабления тяжести дистрофии доминирующее место занимала гипертоническая болезнь. В сентябре 1942 г. произошла вспышка этой болезни с острым течением. Заболеваемость

Ленинградские партизаны на марше. 1942 г.

Тяжелые танки КВ-1, следуют на фронт. Ленинград. Дворцовая площадь. 1941 г.

Партизаны 3-й партизанской бригады в бою. Ленинградская область

Стрелковое подразделение тренируется наступлению при поддержке танков
(танки изготовлены на Ленинградском заводе «Красное Сормово»). Ленинградский фронт. Осень 1942 г.

возросла в 8–9 раз по сравнению с довоенным периодом, причем заболеваемость повысилась во всех возрастных группах. В связи с особенностями протекания гипертоническая болезнь получила название «ленинградской гипертонии». Эта форма гипертонической болезни не имеет аналогов в медицине. Особенностями блокадной гипертонии явились внезапное и острое начало заболевания, быстрое развитие поражения органов, резко выраженная склонность к ангиоспазмам, отсутствие тахикардии, снижение частоты острых инфарктов миокарда и инсультов. Ленинградская гипертония протекала тяжело, с высокой летальностью. Смерть при гипертонической болезни в подавляющем большинстве случаев (78% в 1942 г., 88% в первом квартале 1943 г.) была связана с сердечной недостаточностью. В 1944 г. после снятия блокады численность больных гипертонией пошла на убыль, но волна гипертонической болезни не спадала до середины 1945 г.[185], а у части бывших блокадников гипертоническая болезнь обнаруживается по настоящее время.

Современные представления о закономерностях возникновения, развития и исхода болезней позволяют полагать, что наряду с генетическим фактором одной из предпосылок выживания организма в период голодания были последствия умеренного (физиологического) психоэмоционального стресса, пережитого в течение 2,5 месяца до начала голода. Ленинградцы, пережившие психоэмоциональный прессинг в форме физиологического стресса, обладали существенными преимуществами в противостоянии голоду и переохлаждению, что повышало их жизнеспособность в экстремальной ситуации, тогда как патологический стресс повышал риск летального исхода.

Феномен выживания части блокадников в условиях многомесячного почти полного голода и трехмесячного переохлаждения не может быть объяснен только медицинской помощью, несмотря на жертвенный подвиг ленинградских врачей. За время блокады от бомбардировок и артиллерийских обстрелов пострадали городские лечебницы и военные госпиталя, в результате чего город лишился почти 11 тыс. больничных и более 26 тыс. госпитальных коек. В самый тяжелый период блокады в городе было немногим больше 20 тыс. больничных коек (в 1941 г. — 24 035 коек). В общей сложности были госпитализированы 143 013 человек.

В стационарах жизнь больных поддерживалась обогреванием и физическим покоем. Врачи отмечали, что больные, согретые подручными средствами, буквально оживали на глазах. Органы здравоохранения смогли убедить городские власти в острой необходимости повышения норм питания для стационарных больных. В госпиталях и больницах содержание пищевого белка было повышено до 30–52 граммов в сутки вместо условных 10–40 граммов, полагавшихся по карточкам. Однако подавляющему большинству истощенных и обессилевших блокадников приходилось обходиться без медицинской помощи при высоком риске полного голода и переохлаждения в промерзших помещениях. В феврале 1942 г. из 1500 врачей, обеспечивающих помощь на дому, осталось всего 300 человек.

У ленинградцев, выдержавших блокаду, была твердая установка выжить, помочь семье и городу в противостоянии блокадной трагедии. Самообладание в период опасности способствовало сохранности психосоматической регуляции, предупреждая развитие необратимых расстройств жизненно важных функций. Среди ленинградцев, выдержавших блокаду, не оказалось слабовольных и бесхарактерных людей.

Значительная часть людей, выдержавших блокаду, умерли от ее последствий в первые годы. Все блокадники стали инвалидами независимо от официального оформления этого статуса. Процесс послеблокадного восстановления растянулся на долгие годы. Для подавляющего большинства блокадников восстановление было неполным и непрочным, но тем не менее оно оказалось достаточным для более или менее полноценной жизни, напряженной трудовой деятельности, продолжения рода. Организм блокадников восстанавливался практически без соответствующей медицинской помощи. Теоретические основы и программа медицинской реабилитации, разработанные блокадными клиницистами, практически не использовались в течение последующих 50 лет. И только в 2000 г. была организована больница, предназначенная для лечения блокадников.

Советские солдаты в окопах на берегу Невы. Ленинградский фронт

Батарея зенитных орудий у Исаакиевского собора ведет огонь, отражая ночной налет немецкой авиации

В баррикады превратились даже ленинградские трамваи

Артиллерийский расчет сержанта Дымовского ведет бой на ближних подступах к Ленинграду

Башенная артиллерийская установка. Ленинград. Декабрь 1941 г.

Ленинградские зенитчики

Гвардейцы-летчики, участники воздушных боев над Синявинскими высотами

Огонь ведут корабельные зенитные орудия. 14–29 сентября 1942 г.

Возможность выживания и восстановления организма после потрясения основ жизнедеятельности расширила представления биологии и медицины о пределах жизнеспособности человека. Анализ опыта ленинградской блокады свидетельствует о том, что на грани жизни и смерти проявились неизвестные ранее закономерности, которые можно расценивать как открытия в биологии и медицине, значимые для современной медицинской науки и практики.

Но жесточайшие испытания не сломили волю ленинградцев. Веря, что победа все равно будет за нами, они продолжали укреплять оборону, воевать с пожарами, голодом, трудились в промерзших цехах, выпуская необходимую фронту продукцию. У станков стояли пожилые рабочие, которые не могли держать в руках винтовку, женщины и подростки. Вот что написал в своем письме отцу на фронт четырнадцатилетний школьник Ф. Быков: «Дорогой папа! Я теперь не учусь в школе, а работаю на заводе. У нас в цехе много ребят, мы учимся работать на станках. Наш мастер дядя Саша говорит, что мы своей работой поможем отстоять Ленинград от проклятых фашистов. А мама работает тоже, только в другом цехе, где делают мины. Дорогой папа! Я все время хочу есть, и мама тоже все время хочет есть. Потому что хлеба теперь дают мало, мяса вовсе почти нет и масла не бывает. Дорогой папа! Бей фашистов!»[186].

К слову сказать, в дни ожесточенных боев под Москвой ленинградцы изготовили и направили защитникам столицы более 1 тыс. орудий и минометов. За время блокады было отремонтировано и изготовлено 2 тыс. танков, 1,5 тыс. самолетов, тысячи орудий, много боевых кораблей, 225 тыс. автоматов, 12 тыс. минометов, около 10 млн снарядов и мин.

Сотрудники Всесоюзного института растениеводства сохранили ценнейшую коллекцию зерновых культур. Зимой 1941–1942 гг. 28 сотрудников института умерли от голода, но ни один ящик с зерном не был тронут. Беспримерное самопожертвование простых ленинградцев помогло им не просто отстоять свой любимый город, оно показало всему миру, где находится предел возможностей фашистской Германии и ее союзников. И в материальном, и в духовном плане блокированный город не был одинок в своей борьбе. Взоры всего советского народа, всех свободолюбивых людей планеты были прикованы к его героической обороне.

Ленинградцам помогала вся страна. По указанию ГКО была создана военно-транспортная магистраль, проходившая по Ладожскому озеру и связавшая с сентября 1941 по март 1943 г. осажденный город с Большой землей. Эту артерию, имевшую стратегическое значение, по праву назвали Дорогой жизни. В навигацию перевозки по ней производили Ладожская военная флотилия и Северо-Западное речное пароходство, а в период ледостава — автомобильный и конный транспорт. По военно-автомобильной дороге только зимой 1941–1942 гг. было доставлено более 360 тыс. тонн грузов, а из города вывезены около 550 тыс. человек, около 3,7 тыс. вагонов оборудования, культурных ценностей и другого имущества. И во вторую блокадную зиму Дорога жизни по-прежнему играла важную роль. Благодаря ей ленинградцы получали продовольствие, оружие, военную технику и боеприпасы. Только с 19 ноября 1942 по 30 марта 1943 г., то есть за 102 дня работы ледовой трассы, было доставлено в Ленинград 206 094 тонны грузов, в том числе 111 813 тонн продовольствия[187]. Это позволило уже с 25 декабря, еще до прорыва блокады города, повысить нормы выдачи хлеба: рабочим — на 100 граммов, служащим, инвалидам и детям — на 75 граммов в сутки.

За весь период действия по Дороге жизни было перевезено свыше 1,6 млн тонн грузов, эвакуированы около 1,4 млн человек. Всего за период блокады из города были вывезены 1750 тыс. человек — единственный в истории случай эвакуации такого огромного числа жителей из осажденного города. В начале лета 1942 г. по дну Ладожского озера был проложен трубопровод длиной 35 км, по которому за десять месяцев в город поступило свыше 40 тыс. тонн горючего, а осенью того же года проложен и энергетический кабель от электростанций Волховстроя и новые кабели связи.

Несколько улучшившееся положение в осажденном городе позволило в сентябре 1942 г. начать занятия в трех высших учебных заведениях и в 84 школах (кстати, до войны в Ленинграде действовало 467 школ), в которых обучались 26 854 ученика[188]. И хотя теперь школы работали без перебоев, трудностей не становилось меньше. Подчас школьники и учителя умирали от истощения прямо в классах. Постепенно начали оживать культурно-просвети-

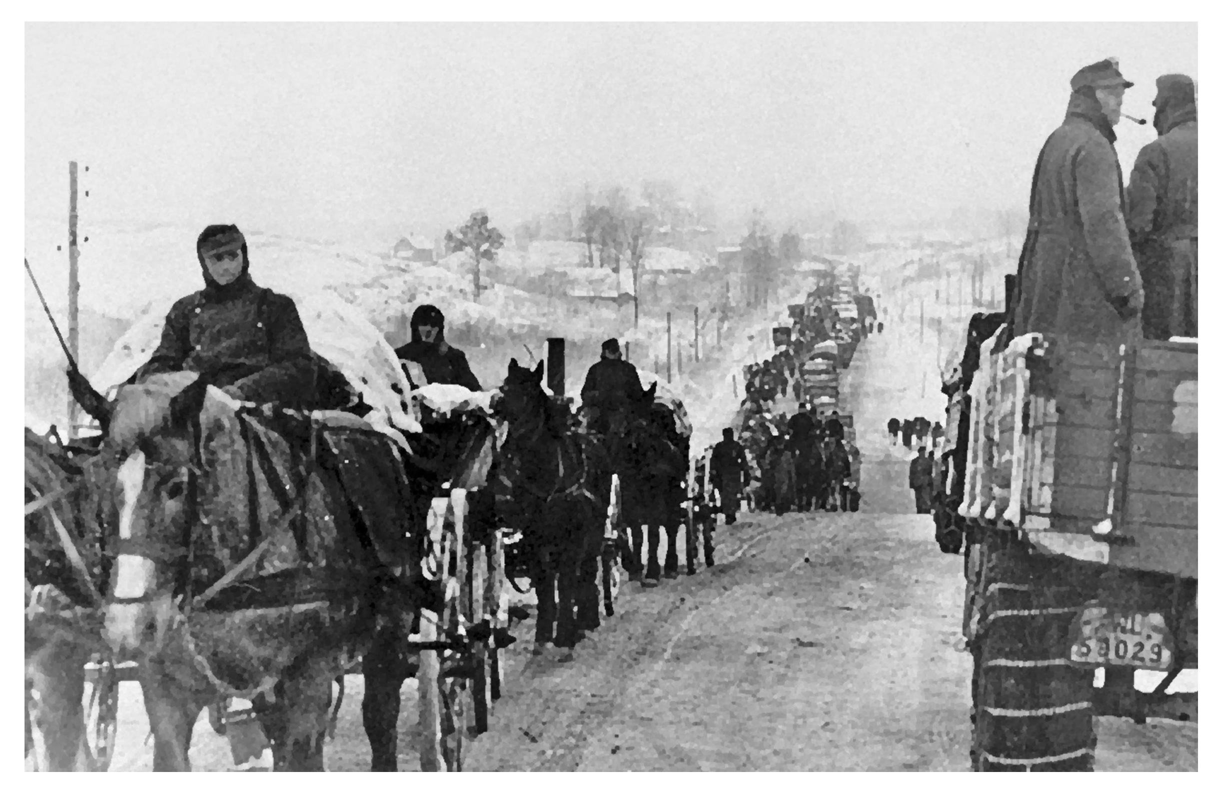
Стрелковое подразделение отражает вражескую атаку. Ленинградский фронт

Заградительные аэростаты на Невском проспекте блокадного Ленинграда

Батарея советских 152-мм гаубиц образца 1909/1930 годов ведет огонь под Ленинградом

Отступление немецких войск из района Ленинграда

тельные организации, творческие коллективы. Во вторую блокадную зиму в городе работал 21 кинотеатр, продолжали давать спектакли театры.

В тягчайших испытаниях Ленинград не только выдерживал удары врага, но и активно боролся за свою деблокаду. При недостатке сил и средств защитникам города понадобилось почти 500 суток, чтобы прорвать вражеское кольцо окружения и восстановить сухопутное сообщение со страной. Путь к достижению этой стратегической цели был отмечен проведением целого ряда наступательных операций и сражений. Первая попытка разорвать кольцо блокады была предпринята 10 сентября 1941 г., когда соединения 54-й армии, развернутые на восточном берегу р. Волхов, нанесли удар в направлении Синявино и Мги. Спустя десять дней навстречу этой армии начали наступление войска Ленинградского фронта, но деблокировать город тогда не удалось.

В ночь на 20 сентября 1941 г. подразделения 115-й стрелковой дивизии генерала В. Ф. Конькова и 4-й морской бригады генерала Б. Н. Ненашева форсировали Неву в районе Невской Дубровки (правый берег Невы) и захватили напротив нее, на левом берегу, у Московской Дубровки (51-й км шоссе Ленинград — Шлиссельбург) плацдарм протяженностью до 4 км и глубиной около 800 м. Противник начал яростные контратаки, стремясь его ликвидировать. В результате ударов врага плацдарм сократился по фронту до 2 км, но был удержан советскими войсками. Ожесточенная борьба за этот клочок земли, названный «невским пятачком», продолжалась. На нем последовательно сражались части различных стрелковых дивизий и бригад. Защитники плацдарма отражали в день по 12–16 атак противника. На них обрушивалось до 50 тыс. снарядов, мин и авиабомб в сутки. Однако сломить их волю враг не смог. Лишь воспользовавшись внезапно начавшимся на Неве ледоходом, который отрезал защитников «пятачка» от правого берега реки, после нескольких дней ожесточенных боев 29 апреля 1942 г. немецкие войска ликвидировали плацдарм. Однако 26 сентября войска Невской оперативной группы снова захватили этот плацдарм у Московской Дубровки и вели борьбу за него вплоть до прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г., сковав значительные силы противника на правом фланге ударной группировки Ленинградского фронта. Около 315 дней удерживали советские воины «невский пятачок», ставший одним из символов их несокрушимого мужества и стойкости.

5–7 октября 1941 г. была проведена Петергофско-Стрельнинская операция, в которой особую доблесть и массовый героизм проявили моряки-кронштадтцы. Преодолевая упорное сопротивление врага, они к исходу второго дня овладели Нижним, Верхним, Александрийским парками и Ольгиным прудом. К этому времени десантники израсходовали значительную часть боеприпасов. Войска 8-й армии пробиться на помощь им не смогли. Противник, получив из-под Ленинграда части СС, танки и артиллерию, 7 октября расчленил десант на отдельные группы и отрезал им пути отхода к заливу. У каскада «Шахматная гора» моряки дали свой последний бой. Со словами пролетарского гимна «Интернационал» они бросились на врага. Действуя штыком и прикладом, десантники дрались не только с вооруженными до зубов фашистами. Противником моряков оказалась и сотня специально выдрессированных овчарок, спущенных на них эсэсовцами. Почти все десантники погибли в парках и дворцах Петергофа. Вот имена лишь восьми человек из этой тысячи бесстрашных героев: командир отряда полковник Ворошилов, военный комиссар Петрухин, политрук Ефимов, старшие лейтенанты Зорин и Труханов, краснофлотцы Веселовский, Добрынин и Шитиков.

Советские войска, стремясь прорвать блокаду Ленинграда, провели также такие наступательные операции, как Любанская (7 января — 30 апреля 1942 г.), Старопановская (20 июля — 26 августа 1942 г.), Ям-Ижорская (23 июля — 4 августа 1942 г.), Синявинские (10–26 сентября, 20–28 октября 1941 г., 19 августа — 10 октября 1942 г.). Именно во время последней Синявинской операции и был вновь захвачен «невский пятачок», а также сорвана подготовка противника к новому штурму Ленинграда, когда немецкое командование в целях отражения наступления советских войск на синявинском направлении развернуло здесь переброшенные из Крыма соединения 11-й полевой армии.

Попытки прорыва блокады Ленинграда не прекращались. Советские войска вели кропотливую работу по подготовке пятой операции, которая была предпринята в начале 1943 г. и увенчалась успехом.

Поражение вермахта под Москвой

Советское военное командование внимательно следило за складывающейся под Москвой ситуацией. В конце ноября в тылу Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов были сосредоточены свежие дивизии, прибывшие с Дальнего Востока, Сибири, Урала и из других внутренних областей СССР. На их основе были сформированы 1-я ударная, 26, 10, 61-я армии. Часть прибывающих сил вступала в бой прямо с колес и теснила выдвинутые вперед немецкие части. Г. К. Жуков и его штаб видели, что противник выдохся и отходит при первом сильном нажиме со стороны Красной армии. Теперь главное было не упустить момент для перехода в контрнаступление.

Следует сказать, что гигантские усилия в целях помощи фронту приложили тогда советские железнодорожники и военные водители. В считаные недели они перевезли в западном направлении сотни тысяч бойцов. Зачастую под вражеским артогнем или бомбежкой они совершали свой подвиг, позволивший сосредоточить на подступах к Москве мощную группировку, готовую к разящему удару по врагу. Четкость в работе всех видов транспорта, прежде всего железнодорожного, строжайшая военная дисциплина среди его работников стали одним из главных залогов успеха в боях за столицу. Достаточно сказать, что за время обороны в среднем более 5,5 тыс. железнодорожных вагонов ежесуточно доставляли защитникам Москвы технику, вооружение, боеприпасы, горючее, продовольствие и прочее — все, без чего ведение войны просто невозможно[189].

План советского руководства по разгрому врага вырабатывался в самое кратчайшее время в ноябре — начале декабря 1941 г. В конце октября враг стоял уже у ворот столицы. Чтобы снять непосредственную угрозу городу, необходимо было подготовить контрнаступление с использованием новых воинских соединений. С этой целью 1 ноября Ставка ВГК приняла решение о формировании в тылу страны десяти резервных армий и других частей различных родов войск со сроком ввода в строй к 1 декабря. Но начавшееся в середине ноября второе наступление немцев на Москву заставило на время отказаться от этого замысла. Для отражения вражеских ударов потребовалось привлечь значительную часть готовившихся резервов. Нужда в них была весьма острой особенно после падения Солнечногорска. Поэтому 24 ноября Ставка приняла решение о переброске под Москву семи резервных армий. Причем поставленные им задачи носили первоначально оборонительный характер. Так, 10-я армия должна была не допустить выдвижение врага на Рязань, 26-я — в направлении Коломны, 61-я — к Ряжску и Ранненбургу[190]. Но и тянуть с переходом в контрнаступление теперь было нельзя, иначе противник мог, не добившись поставленной цели, занять жесткую оборону, по-прежнему находясь на ближайших подступах к Москве.

29 ноября командующий Западным фронтом попросил И. В. Сталина отдать приказ о переходе в наступление. Г. К. Жуков вспоминал: «...29 ноября я позвонил Верховному главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления»[191]. Рассмотрев предложения Г. К. Жукова, Ставка довела до командующих фронтами общие задачи предстоящего контрнаступления. Что же представлял собой его план? По существу, для доклада И. В. Сталину были подготовлены всего одна карта, на которой красным карандашом были изображены полосы наступления, и объяснительная записка к ней. В объяснительной записке от 30 ноября 1941 г., под которой стояли подписи Г. К. Жукова, В. Д. Соколовского и Н. А. Булганина, говорилось следующее:

«1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1-й ударной, 20-й и 16-й армий и армии Голикова — с утра 3–4 декабря, 30-й армии — 5–6 декабря.

2. Состав армий согласно директивам Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.

3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Бого-

родицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск, 5, 33, 43, 49 и 50-я армии фронта 4—5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

5. Главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой — армией генерал-лейтенанта Голикова».

Передавая документ через заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта А. М. Василевского, Г. К. Жуков тогда же написал несколько строк непосредственно для него: «Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой». Резолюция И. В. Сталина была короткой: «Согласен. И. Сталин»[192].

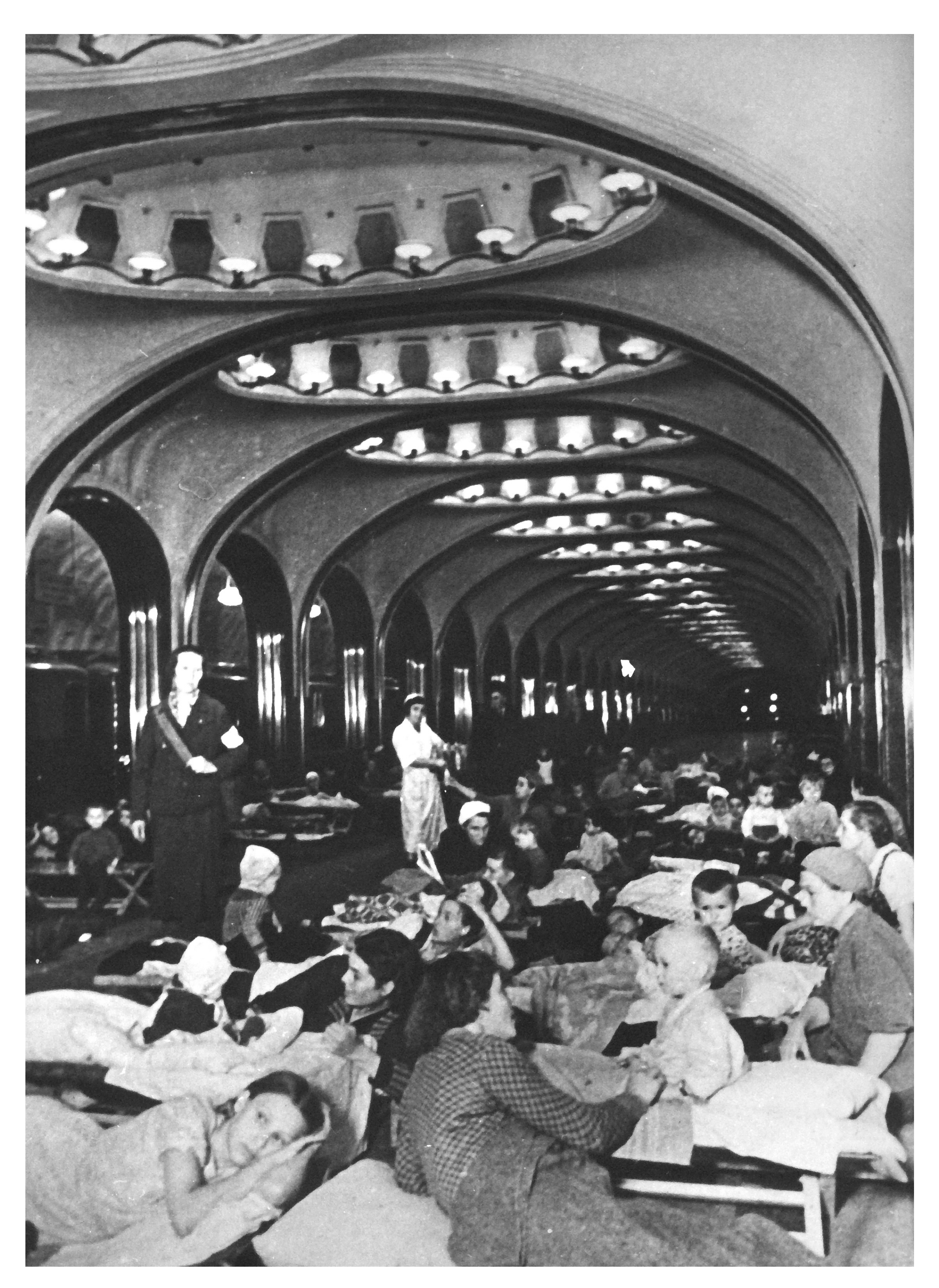
Таким образом, замысел контрнаступления не предусматривал глубокой операции. Г. К. Жуков намеревался разгромить передовые части противника и отбросить на несколько десятков километров от Москвы. В действительности все произошло совершенно иначе.

Группа армий «Центр», возобновив наступление на Москву в середине ноября 1941 г., так и не смогла выполнить поставленную перед ней задачу по взятию советской столицы. В начале декабря она достигла пределов своих возможностей, хотя отдельные ее соединения и части продолжали атаки на советские позиции. На северо-западе от Москвы немцам на короткое время удалось достичь Красной Поляны, откуда они могли уже вести огонь из тяжелых орудий по Москве, а также использовать этот район в качестве плацдарма для удара по городу. Дабы предотвратить это, советское командование перебросило на этот участок дополнительные сухопутные силы и приказало нанести по германским позициям бомбово-штурмовой удар.

Наступил кульминационный момент сражений. Войска группы армий «Центр» растянулись одним эшелоном на фронте до 1 тыс. км. Над фланговыми группировками врага с севера нависли войска Калининского фронта, а с юга — армии левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронта. Коммуникации противника подвергались ударам советских партизан и авиации. К тому же началась холодная и снежная зима, к которой Красная армия была подготовлена намного лучше[193]. В осенне-зимних боях 1941 г. вермахт понес большие потери, многие части были, по существу, обескровлены. Всего с 16 ноября до начала декабря 1941 г. немцы потеряли 155 тыс. человек убитыми и ранеными, 300 орудий, около 800 танков и до 1500 самолетов[194]. Все эти факторы в значительной мере предопределили разразившийся под Москвой невиданный кризис германской армии. К тому же в конце ноября наши войска добились больших успехов на флангах советско-германского фронта — под Тихвином и Ростовом. Освобождение этих городов не только сорвало немецкие планы соединения с финнами и выхода к Кавказу, но и способствовало созданию условий для начала контрнаступления Красной армии на центральном участке фронта.

Время для удара по войскам группы армий «Центр» было выбрано советским командованием очень удачно. Противник был истощен, но еще не перешел полностью к жесткой обороне. Нужно было использовать выгодную ситуацию, пока Ф. фон Бок не получил подкрепления из Германии и оккупированных стран Европы.

Несмотря на потери, группировка Красной армии под Москвой за счет формировавшихся резервов к началу декабря включала в себя 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1 тыс. самолетов. Группа армий «Центр» к этому времени насчитывала 1708 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. По сути, советское контрнаступление явилось уникальным явлением в мировой истории войн: переход от обороны к стратегическому наступлению осуществлялся меньшими, чем у противника, силами. Но наше командование учитывало не только соотношение сил, но и другие факторы: измотанность вражеских войск, отсутствие у них заранее подготовленных оборонительных позиций, их неготовность к ведению войны в суровых зимних условиях, а также высокий моральный дух советских воинов.

Женщины с детьми в бомбоубежище на станции метро «Маяковская» в Москве

Москва. Сбитый фашистский самолет на площади Свердлова. Июнь 1941 г.

Воины кавалерийского корпуса 16-й армии Западного фронта генерал-майора Л. М. Доватора направляются на передовые позиции. Ноябрь 1941 г.

Лыжники под Москвой. В тыл врага. 1941 г.

Танки во время парада на Красной площади. 7 ноября 1941 г.

Стрелковое подразделение, вооруженное пулеметами, проходит по Красной площади.
Москва, 7 ноября 1941 г.

Советское стрелковое подразделение заняло оборону на окраине села

Парад на Красной площади. 7 ноября 1941 г.

Советское контрнаступление началось для германского командования внезапно. Наиболее чувствительными к ударам Красной армии оказались соединения вермахта, находившиеся на флангах группы армий «Центр». Они практически до последнего момента не предпринимали никаких мер на случай отступления. 5 и 6 декабря войска Калининского и Западного фронтов, 7 декабря войска Брянского фронта, подобно нарастающей лавине, двинулись вперед. Красноармейцы часто шли в атаку без привычной артиллерийской подготовки, что усиливало эффект внезапности советского удара. В результате прорывов линии фронта среди части германских солдат и даже офицеров стали возникать панические настроения. Тем не менее овладение укрепленными пунктами противника нередко превращалось в жестокие кровопролитные бои. В основной своей массе военнослужащие вермахта пока не готовы были признавать превосходство Красной армии и отчаянно сопротивлялись.

Весьма любопытен тот факт, что начало советского наступления намечалось на утро 4 декабря. Однако накануне заместитель начальника Генерального штаба генерал А. М. Василевский приказал срочно передать И. С. Коневу следующую директиву: «В связи с тем, что к Вам опаздывают танки, которые будут направлены лишь завтра, Верховный главнокомандующий приказал начать не 4 декабря, а 5-го, повторяю, 5 декабря». Далее А. М. Василевский сообщил, что на Калининский фронт выступил дивизион РС, и он сам вмешается в дело скорейшей отправки боекомплектов[195].

На северо-западных подступах к Москве с началом советского контрнаступления 1-я ударная, 16-я и 20-я армии нанесли 3-й танковой группе сильные удары в районах Яхромы, Красной Поляны и Крюкова и начали теснить ее части. Дивизии 4-й танковой группы были окончательно остановлены на линии, которая пересекает Ленинградское, Пятницкое и Волоколамское шоссе в 15—23 км от главного рубежа Московской зоны обороны, проходившего в районе современной Московской кольцевой автомобильной дороги. Командующий группой генерал Э. Гёпнер доложил Ф. фон Боку, что боевые силы его объединения быстро тают и он также вынужден начать отход.

Южнее столицы 7 декабря перешла в наступление оперативная группа генерала Ф. Я. Костенко, которая была сосредоточена в тылу Юго-Западного фронта. Главный удар пришелся по 95-й и 45-й пехотным дивизиям 2-й армии генерала Р. Шмидта. Силы немецкой армии оказались рассечены на две части. Настоящий кризис возник в районе г. Ливны. 7 декабря генерал Р. Шмидт сообщал в штаб группы армий «Центр»: «На будущее инициатива наступления переходит в руки противника, который получает свободу действий в переброске и сосредоточении сил»[196].

Вскоре к наступлению группы Ф. Я. Костенко присоединились уже более крупные силы Юго-Западного фронта — 13-я и 3-я армии, что не позволило германскому командованию беспрепятственно отвести назад войска немецкого 34-го армейского корпуса. Создалась угроза глубокого оперативного прорыва Красной армии на курском и орловском направлениях и связанная с этим опасность нарушения важнейших коммуникаций и путей отхода 2-й танковой армии. В свою очередь, соединения 2-й танковой армии, атакованные ударными силами 10-й советской армии и оперативной группы генерала П. А. Белова, вынуждены были уже 7 декабря оставить г. Михайлов и начать отход от Тулы[197].

Уже 6 декабря штаб группы армий «Центр» отдал приказ на отход части сил 3-й и 4-й танковых групп на новый рубеж. Для рытья окопов и постройки дотов у р. Истры срочно перебрасывались саперы. Отступая с оккупированной территории, германские войска оставляли за собой выжженную землю. На мирное население обрушились новые ужасающие бедствия. Античеловеческая сущность нацизма отразилась в приказе командира дивизии СС «Райх» от 8 декабря 1941 г. В нем, в частности, говорилось: «...все войсковые части, расположенные в населенных пунктах восточнее Истры, являются ответственными за то, чтобы места расквартирования [противника] были бы сожжены без остатка. Для каждого дома должны быть приготовлены пучки соломы и бутылки с бензином. Все дома должны быть подожжены в 7.00 9 декабря. Надо следить за тем, чтобы зарево от пожаров не привлекло бы внимание противника»[198]. Подобные приказы стали в то время обычным явлением для германской

армии. Причем созданием после себя «полной пустыни» занимались не только войска СС, но и обычные части вермахта.

Тем временем войска противника продолжали откатываться назад. Темпы контрнаступления нарастали. 11 декабря советские граждане наконец услышали из фронтовых сводок то, о чем мечтали, на что надеялись, что считали неизбежным, и просто полагали, что это событие по ряду причин было отсрочено. В сводке Совинформбюро «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы» сообщалось: «С 16 ноября 1941 г. германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотные и пять мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву. Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл, окружить и занять Москву... 6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери»[199].

Как уже говорилось, успехам наших войск под Москвой значительное содействие оказали наступательные операции Красной армии на других участках советско-германского фронта, прежде всего под Ростовом-на-Дону и Тихвином. К моменту начала контрнаступления от стен столицы на этих направлениях были достигнуты крупные результаты.

В октябре 1941 г. войска группы армий «Юг» захватили значительную часть Донбасса и с боями продвигались в направлении Ростова-на-Дону. В начале ноября 1941 г. ее авангард — 1-я танковая армия — стремился ударом в направлении Шахты — Новочеркасск обойти Ростов-на-Дону с севера, окружить советские войска, выйти на оперативный простор и открыть дорогу на Северный Кавказ. Упорное сопротивление частей Красной армии при наличии хорошо продуманной системы противотанковой обороны, активной поддержке авиации в итоге вынудило противника отказаться от первоначального замысла и приостановить наступление. В состав Южного фронта на тот момент входили 9, 12, 18 и 37-я армии. Кроме того, непосредственную оборону Ростова-на-Дону осуществляла 56-я отдельная армия.

Советское командование приступило к подготовке контрнаступления. Оно рассчитывало сковать вражеские войска вспомогательными ударами, а затем перейти в наступление силами 37-й армии во фланг немецкой группировки. Войскам 56-й отдельной армии предписывалось удерживать район Ростов — Новочеркасск и при успехе общего наступления нанести удар в северо-западном направлении.

Наступление войск Южного фронта началось 17 ноября. В этот же день после перегруппировки сил неприятель начал наступление на Ростов с севера. К 20 ноября соединения Южного фронта смогли продвинуться на 30—35 км в глубь обороны противника. В то же время немецкие войска, используя превосходство в танках, 21 ноября прорвались к Ростову и заняли город, оттеснив части 56-й армии за Дон и на восток. 23 ноября 56-я армия была включена в состав Южного фронта. 26 ноября продолжающие наступление советские войска достигли рубежа р. Тузлов, тем самым создав угрозу левому флангу и тылам вражеской группировки, захватившей Ростов. На следующий день ударная группировка Южного фронта совместно с частями 56-й армии нанесла удар на Ростов с северо-запада и юга. Опасаясь окружения, немецкое командование вынуждено было оставить город. 2 декабря 1941 г., преследуя отступавшие вражеские части, наши войска вышли на рубеж р. Миус, где были остановлены противником. В результате боев за город Южный фронт не допустил прорыва гитлеровцев на Кавказ, нанес серьезный урон его танковым и механизированным соединениям противника, отбросил его от Ростова на 70—80 км. Активные наступательные действия наших войск на южном участке советско-германского фронта приковали к себе значительные силы врага, тем самым не позволив немецкому командованию усилить свою центральную группировку, которая рвалась к Москве.

В конце 1941 — начале 1942 г. на южном фланге советско-германского фронта была проведена еще одна крупная операция — высадка десантов в районе Керчи и Феодосии и освобождение этих городов. Керченско-Феодосийская операция преследовала несколько

целей: десанту предстояло снять угрозу переправы противника с Керченского на Таманский полуостров и далее наступления на Кавказ, отвлечь часть сил вермахта от осажденного Севастополя и создать плацдарм для последующего освобождения Крыма. В результате операции советским войскам не удалось уничтожить части вермахта на Керченском полуострове, однако они все же создали благоприятные условия для деблокады Севастополя и освобождения Крыма. К сожалению, эти достижения были перечеркнуты провальной Крымской кампанией 1942 г.

На северном фланге советско-германского фронта в первых числах декабря шли упорные бои за Тихвин. Враг захватил город еще 8 ноября 1941 г. и перерезал единственную железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру шли грузы для Ленинграда. Положение осажденных ленинградцев резко осложнилось. Особую роль в ликвидации прорыва немцев на тихвинском и маловишерском направлениях сыграли пять стрелковых дивизий из Забайкалья и Приамурья, своевременно прибывшие под Ленинград.

Для улучшения ситуации и восстановления снабжения города на Неве Ставка ВГК приказала без промедления контратаковать противника на тихвинском направлении. По плану операции 54-я армия Ленинградского фронта, 4-я и 52-я отдельные армии при содействии войск Северо-Западного фронта должны были ударами по сходящимся направлениям разгромить тихвинскую группировку немецких войск. В короткие сроки удалось добиться некоторого превосходства над немцами в людях и артиллерии, чего не получилось сделать по танкам и авиации.

Операция началась 10 ноября. Недостаток времени на подготовку операции и отсутствие необходимого количества подвижных соединений серьезно тормозили развитие наступления. Только 20 ноября соединения 52-й армии, прорвав оборону противника, овладели Малой Вишерой, а 7 декабря части левого фланга 4-й армии вышли в тыл вражеской группировке и создали угрозу перехвата ее тыловых коммуникаций. Немецкое командование, сознавая реальную угрозу окружения, начало отвод своих потрепанных в боях соединений из района Тихвина за р. Волхов на позиции, откуда они начинали наступление еще 16 октября. Войска 4-й армии, преследуя отходящего противника, 9 декабря освободили Тихвин. 16 декабря соединения 52-й армии освободили Большую Вишеру и стали продвигаться к р. Волхов. На следующий день из войск 4-й и 52-й армий был создан Волховский фронт под командованием генерала армии К. А. Мерецкова. В конце декабря 54-я армия отбросила немецкие войска за железную дорогу Мга — Кириши, а войска Волховского фронта вышли к р. Волхов и захватили несколько плацдармов на левом берегу.

В результате проведенной наступательной операции советские войска сорвали вражеский план организовать второе кольцо окружения Ленинграда и, продвинувшись вперед на 100—120 км, освободили от врага значительную часть территории. Тихвинская наступательная операция оттянула на себя значительные силы противника, тем самым также способствуя разгрому немецко-фашистских войск под Москвой. Правда, потери соединений Красной армии за 51 сутки боев составили около 49 тыс. человек, из них 18 тыс. безвозвратно[200].

Оборона Ленинграда имела огромное военно-стратегическое, политическое и моральное значение. Защитники города оттянули на себя крупные силы немецко-фашистских войск и финской армии. Гитлеровское командование лишилось возможности наиболее эффективного маневра стратегическими резервами, переброски войск на другие направления. Особое значение это имело в критический период битвы под Москвой осенью — зимой 1941 г.

После 8 декабря 1941 г. германское командование окончательно убедилось, что советское наступление грозит крупнейшим с начала войны поражением немецкой армии. Штаб группы армий «Центр» чрезвычайно беспокоился, что войска Красной армии стремятся охватить соединения 3-й танковой группы и для этого развивают свой успех в направлении Клина. В районе этого города развернулись сильные бои.

Замысел советского наступления, известного сегодня под названием Клинско-Солнечногорской операции, заключался в том, чтобы ударами 30-й армии с севера и 1-й ударной, 20-й и 16-й армий с востока рассечь основные силы немецких 3-й и 4-й танковых групп

в районе Клина, Истры, Солнечногорска и создать благоприятные условия для дальнейшего развития наступления на запад.

Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Клин был узлом, который связывал между собой соединения 3-й танковой группы, а всю эту группу — с тылом группы армий «Центр». Выход советских частей к городу создавал серьезную угрозу всем немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Соединения 30-й армии Западного фронта охватили Клин с северо-запада, севера и востока, а 1-й ударной армии — с юго-востока. Чтобы обеспечить отвод главных сил 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск — Руза, немецкое командование продолжало цепляться за каждый рубеж. Темпы наступления 1-й ударной и 30-й советских армий в этот момент снизились. С другой стороны, переброска в этот район немецких частей облегчила действия другим войскам Западного фронта (16-й и 20-й армиям), которые наносили удары по врагу на солнечногорском и истринском направлениях[201]. 12 декабря были освобождены Солнечногорск и Истра. Фронт подошел вплотную к Истринскому водохранилищу.

А. Гитлер признал наконец, что наступление на Москву в 1941 г. окончательно сорвалось. 8 декабря он дал принципиальное согласие на отвод войск на новые тыловые рубежи, однако потребовал предварительно их подготовить: «отрыть стрелковые окопы, установить печи в землянках» и прочее[202]. В директиве фюрера говорилось о необходимости «прекратить все крупные наступательные операции». Но признавать крах всего плана по разгрому СССР он и не собирался. Дело в том, что Германия, по его мнению, вступала теперь в новый этап борьбы. Решающие сражения за переустройство всего мира только начинались. 7 декабря японские самолеты разбомбили американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе. Война де-факто превратилась в глобальный конфликт. А. Гитлер был к этому психологически готов. Вступление Америки в войну, по его расчетам, должно было придать новый импульс боевым действиям на восточном фронте, правда, теперь уже в следующем году. Решение на переход к обороне было обусловлено необходимостью удержания важных в оперативном и военно-хозяйственном отношении районов противника, предоставления отдыха войскам и их пополнения, а главное, созданием предпосылок для возобновления в 1942 г. больших наступательных операций на востоке. Предусматривались также передислокация сил из различных районов Германии и оккупированных западных стран на советско-германский фронт, замена солдат старших возрастов на более младших, сокращение штатов военных миссий в союзных странах, мобилизация рабочих, имеющих бронь, и замена их пленными[203].

На отдельных участках наступление советских частей и соединений было стремительным, в других районах за опорные пункты противника шли многодневные кровопролитные бои. На разгром немцев у поселков Красная Поляна, Крюково, Ленино советские войска затратили три-четыре дня, у Клина — шесть, у Наро-Фоминска — девять, у Калинина — двенадцать суток. В течение пяти суток шли тяжелые бои на рубеже Истринского водохранилища и р. Истры, где немцы, взорвав плотину, сосредоточили два корпуса и пытались сорвать наступление 16-й армии. И только когда генерал К. К. Рокоссовский организовал две подвижные группы для наступления в обход водохранилища и осуществил смелый маневр, немцы осознали, что могут попасть в окружение. Германским соединениям был отдан приказ быстро отходить на линию рек Лама и Руза. К 15 декабря подвижные группы 16-й армии совместно со 2-м гвардейским кавкорпусом генерала Л. М. Доватора начали преследование противника. Но за счет сокращения линии фронта и подхода резервов из Германии немцы в два раза увеличили оперативную плотность своей группировки и создали прочную оборону на рузском рубеже[204].

Тем не менее советские воины ощутили уверенность в своих силах. Наступление Красной армии проводилось на широком фронте, и прорывы немецкой обороны неизбежно следовали один за другим. Командование Западного фронта подготовило специальную директиву относительно тактики наступления[205]. Генерал Г. К. Жуков потребовал 9 декабря от всех командующих армиями категорически запретить ведение фронтальных боев, шире применять

обходы, а для этого формировать ударные группы, которые во вражеском тылу должны были уничтожать склады, артиллерийскую тягу и прочее. Предусматривалось атаковать немцев днем и ночью, обеспечивая войскам защиту от возможных контрударов противника[206].

Если говорить о первенстве в указании не бить врага в лоб, то оно принадлежит все же генералу армии Г. К. Жукову. Стремление применять обход логически вытекало из складывавшейся обстановки на фронте. Именно Г. К. Жуков еще в ночь на 8 декабря послал генералу П. А. Белову радиограмму следующего содержания: «Если Вы хотите отличиться и иметь богатые трофеи, не жмите с фронта, а, придерживая, обходите быстрее противника юго-восточнее Венёв; и не бойтесь смелых обходов, так как левее Вас действует армия Голикова, которая завтра будет подходить к Сталиногорску»[207]. Итог известен. В результате смелых действий частей генерала П. А. Белова и других командующих многие соединения противника оказались под угрозой окружения. Их отступление ускорилось и часто происходило беспорядочно. В районе южнее и юго-восточнее Тулы советские войска смогли захватить действительно богатые трофеи. На южном фланге группы армий «Центр» отход немецких дивизий местами стал превращаться в бегство.

К середине декабря Западный, Калининский и Юго-Западный фронты достигли линии, с которой немецкие войска начали свое ноябрьское наступление на Москву, а местами продвинулись далее на запад. Столь быстрое советское наступление грозило крахом всего фронта группы армий «Центр». Чтобы предотвратить катастрофу, германское командование решило срочно готовить новые тыловые рубежи и объединить несколько соседних формирований под одним руководством.

Сильной стороной германских пехотных подразделений было умение быстро окапываться и создавать эффективные препятствия на пути противника. Однако зимой 1941 г. частям вермахта приходилось иметь дело с ледяным застывшим грунтом, работа с которым требовала большего времени. 12 декабря 1941 г. штаб 9-й армии издал приказ широко использовать местное население при строительстве укреплений (причем на самых тяжелых работах). Подчеркивалось, что «впереди позиций на глубину до 20 км необходимо подготовить создание «полной пустыни». В этой зоне русские не должны найти ни одного жилого дома, ни одного сарая, ни одного пучка соломы, ни одного домашнего животного и ни одной картофелины. Для этого в более поздний период должны быть сожжены все поселения до последней избы»[208]. Этот приказ был подготовлен офицерами вермахта. Тысячи советских крестьян обрекались на смерть от холода и голода.

Войска советских 30-й и 1-й ударной армий продолжали теснить соединения северного фланга группы армий «Центр». 15 декабря был взят Клин. Его освобождение решило судьбу Калинина. 16 декабря в этот город вошли войска генерала И. С. Конева. Угроза охвата немецких 9-й армии и 3-й танковой группы еще более возросла. Г. К. Жуков не намеревался давать противнику передышки. 16 декабря генерал Э. Гёпнер под давлением обстоятельств отдал распоряжение об отводе подчиненных ему сил далее на запад.

На южном фланге группы армий «Центр» еще 9 декабря части Красной армии освободили Елец, а 12 декабря войска Юго-Западного фронта смогли частично окружить елецкую группировку немцев. 14 декабря в контрнаступление включилась 49-я армия. Войска Юго-Западного фронта сумели почти полностью разгромить немецкий 34-й армейский корпус 2-й армии. Успешное взаимодействие войск левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов позволило им за десять дней боев отбросить 2-ю танковую армию на 80—100 км и нанести серьезное поражение 2-й немецкой армии. Фельдмаршал Ф. фон Бок принял решение возложить руководство боевыми операциями на этом участке целиком на генерала Г. Гудериана. 12 декабря 1941 г. 2-я армия и 2-я танковая группа временно объединились в «армейскую группу Гудериана». Ей ставилась задача «остановить прорвавшегося противника на линии: район восточнее Курска — район Новосиль — район Алексина»[209].

Танковые дивизии немцев понесли значительные потери в людях и особенно в материальной части и не могли теперь рассматриваться как эффективные боевые единицы. Поэтому 15 декабря 4-я и 3-я немецкие танковые группы вошли в подчинение 9-й армии.

Однако быстро исправить ситуацию подобными реорганизациями было невозможно. Для действенного заслона советскому контрнаступлению требовались более серьезные решения.

Постоянное преследование Западным и Калининскими фронтами утомленных германских частей создавало условия, при которых вывод последних из боя грозил стать неконтролируемым процессом с полной потерей взаимодействия. 16 декабря в ситуацию вмешался А. Гитлер, который отдал приказ, запрещавший проведение крупных отступательных операций. Он требовал фанатически упорного сопротивления противнику. Любое отступление могло производиться только с санкции вышестоящего начальства. Одновременно приказом предусматривалась переброска на фронт с Запада маршевых батальонов[210]. В ночь на 17 декабря в соединения 2, 4, 9 и 2-й танковой армии ушла телеграмма Ф. фон Бока с приказом о мерах по усилению стойкости войск: «...только там, где противник будет встречать ожесточенное сопротивление, он будет вынужден отказаться от новых попыток прорыва. Отступлением его к этому не побудить... Никто не может быть снят с передовой. Подкрепление в ближайшее время не ожидается. Действительности нужно смотреть в глаза»[211]. 18 декабря А. Гитлер заменил Ф. фон Бока. Новым командующим группой армий «Центр» стал фельдмаршал Г. фон Клюге. Обязанности командующего сухопутными войсками фюрер возложил на себя.

Анализ положения на советско-германском фронте зимой 1941—1942 гг. показывает, что приказ А. Гитлера «держаться» был, вероятно, единственно приемлемым для вермахта выходом в тех условиях. Предотвратить панику и повторение в том или ином виде судьбы наполеоновской армии в 1812 г. возможно было только чрезвычайными мерами. Отрицательная оценка, которую этот приказ получил среди значительной части военнослужащих вермахта, указывает на то, что дух и традиции германской армии были поколеблены. Восстановить их на прежнем уровне ни А. Гитлеру, ни его генералам уже не удалось.

Во второй половине декабря 1941 г. нажим советских войск на группу армий «Центр» продолжал усиливаться. С полной силой это проявилось на участках юго-западнее Калинина, в районе Рузы и западнее дороги Тула — Серпухов. 20 декабря обострилось положение на фронте 2-й танковой армии. Боевая мощь ее отдельных дивизий могла сравниться теперь с усиленным пехотным полком. Критической оставалась ситуация и на участке 4-й танковой группы. Ее штаб констатировал, что «в некоторых местах противнику удалось отрезать пути отступления». Генерал Э. Гёпнер в телеграмме от 21 декабря 1941 г. крайне негативно отнесся к приказам вышестоящего командования, которые, с его точки зрения, мешали руководству войсками[212].

Приказ «держаться» повлиял на ожесточенность немецкого сопротивления. Это видно на примере боев за Волоколамск, к которому в середине декабря подошли соединения 16-й армии. Однако сломить с ходу немецкую оборону они не смогли. Бои за город продолжались еще два дня, и он был освобожден частями 16-й и 20-й армий при содействии 1-й ударной армии Западного фронта только 20 декабря. В этот же день войска 1-й ударной армии вышли к р. Ламе, но попытки наших соединений развить успех, достигнутый в ходе Клинско-Солнечногорской операции, не удались, бои в этом районе приняли затяжной характер. Противник сумел создать на этом участке систему укреплений, вырыть окопы полного профиля и, опираясь на опорные пункты, сдерживать советский натиск. Тяжелые бои разгорались буквально за каждый дом или подвал.

На других участках фронта, используя образовавшиеся в немецкой обороне бреши, части 39, 29, 10, 49-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса сумели продвинуться на десятки километров вперед. Прорыв 1-го гвардейского кавкорпуса и 10-й армии угрожал взятием в кольцо крупных сил 2-й танковой и 2-й немецких армий. Вскоре обозначился успех в полосе 43-й и 33-й армий. Причем здесь соединениям приходилось порой просто вгрызаться в немецкую оборону: враг успел создать на подступах к Наро-Фоминску и Боровску разветвленную систему укреплений. Тем не менее 26 декабря 33-я армия генерала М. Г. Ефремова освободила Наро-Фоминск, а 4 января 1942 г. — Боровск, в то время как 43-я армия заняла Балабаново, а 2 января выбила противника из Малоярославца. Южнее этого участка

быстрыми темпами наступала на Калугу подвижная группа 50-й армии. Окончательно город был освобожден 30 декабря.

Именно в это время британский министр иностранных дел А. Иден, прибывший в Москву на переговоры с И. В. Сталиным, совершил ознакомительный визит на один из участков советско-германского фронта. Советские офицеры показали ему огромные колонны брошенных немцами автомашин, бронетранспортеров и танков. Англичанин был удивлен и поражен масштабами германского разгрома. Никогда раньше немцы не терпели столь очевидного и сокрушительного поражения. Безусловно, личные впечатления А. Идена от всего увиденного под Москвой оказали большое влияние на выработку правительством Великобритании своей дальнейшей политики военной помощи Советскому Союзу.

О моральном эффекте вида брошенной вражеской техники и его влиянии на граждан страны говорилось в телеграмме члена Ставки ВГК Н. А. Булганина от 16 декабря 1941 г. Находясь на недавно освобожденной территории в районе Яхромы, он писал И. В. Сталину и Г. К. Жукову: «Количество разбитых средних и больших немецких танков, бронемашин и автовездеходов на дорогах, лесных просеках и в лесах... превосходит все наши представления. Местность производит впечатление настоящего разгрома бронетанковых частей фашистов. Проезжая, попутно видел лично не менее 60 разбитых танков и еще большее количество большегрузных автовездеходов... Считаю очень полезным обязать наши киноорганизации заснять картину этого разгрома фашистов»[213]. И действительно, вскоре на экранах кинотеатров страны (23 февраля 1942 г.) появился документальный фильм Л. Варламова и И. Копалина, снимать который начали еще в дни обороны столицы, — «Разгром немецких войск под Москвой». Фильм имел огромную популярность не только в СССР, но и в союзных ему государствах. Так, в США он был переозвучен, адаптирован для американского зрителя и под названием Moscow Strikes Back («Москва наносит ответный удар») получил премию «Оскар».

Высшее военное руководство Германии, понимая неизбежность дальнейших жертв, неуклонно требовало удержания позиций. 24 декабря 1941 г. А. Гитлер отдал приказ, запрещающий дальнейший отход 2-й танковой армии, и распорядился, чтобы о нем поставили в известность Г. Гудериана. Он настаивал на «чрезвычайном напряжении всех сил», но не указывал, на какие подкрепления можно рассчитывать. Г. Гудериан не имел права ослушаться А. Гитлера, но и выполнить приказ был не в состоянии. Поздним вечером 24 декабря генерал разрешил отвести назад 47-й моторизованный корпус и оставить населенный пункт Чернь, а 25 декабря попросил об отставке, которая немедленно последовала. Его обязанности стал исполнять генерал танковых войск Р. Шмидт[214].

23 декабря соединения 4-й немецкой армии генерала Л. Кюблера, назначенного на этот пост вместо Г. фон Клюге, дрогнули под натиском советской 49-й армии, наступавшей на Малоярославец, а также 33-й и 43-й армий на наро-фоминском и боровском направлениях. Однако здесь фюрер все же позволил «отвести на запад правый фланг и центр 4-й армии для устранения угрозы тылу»[215].

20 декабря 1941 г. Ставка ВГК отдала приказ войскам Калининского фронта о переходе в наступление, которое намечалось на 22 декабря. 30-я и 31-я армии Калининского фронта наносили удар на Старицу с востока, а 22-я и 29-я армии — с севера. Целью советского командования было выйти в тыл германским соединениям, оборонявшимся против Калининского фронта, и разгромить 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Войска фронта, занимавшие охватывающее положение по отношению к группе армий «Центр», теперь могли использовать это. В конце декабря 1941 — начале января 1942 г. здесь разгорелись ожесточенные бои.

29 декабря штаб группы армий «Центр» доносил, что «на фронте 9А противник продолжал ожесточенные атаки против всех корпусов армии, атакуя в отдельных местах до двенадцати раз подряд. Северо-западнее Старицы советские войска, ведя наступление силами не менее четырех дивизий, осуществили главный прорыв»[216]. Фельдмаршал Г. фон Клюге пока ничего не мог противопоставить успешным действиям Калининского фронта. Группа армий получила в декабре пополнение в составе маршевых рот и батальонов, всего 40,8 тыс. человек, тогда как ее потери составили 103,6 тыс. человек[217]. У германского командования все острее

созревало понимание, что одного приказа «держаться» недостаточно, для укрепления стойкости войск требовалось сокращать линию фронта, что возможно было осуществить только путем отхода. Ширина фронта то сокращалась, то вновь увеличивалась по мере продвижения вперед сил Красной армии.

Удар на Калугу образовал брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. После того как 31 декабря войска южного крыла Западного фронта начали наступление на Сухиничи, брешь между внутренними флангами этих армий расширилась. Сухиничи были атакованы с востока и юга, тем временем 1-й гвардейский кавкорпус продвинулся в направлении Юхнова. Сотрудник военно-исторического исследовательского управления бундесвера К. Рейнгардт справедливо отмечал, что войскам 2-й полевой и 2-й танковой армии вермахта тогда просто повезло, что советское командование осуществило прорыв в северо-западном направлении на Калугу, а не на Орёл, так как Орёл в то время был совершенно не подготовлен к обороне. Его взятие частями Красной армии означало бы безусловный разгром немецких армий[218].

Однако это весьма спорно. Остается вопросом, смогли бы советские войска прорваться в то время к Орлу. Ко всему прочему, 10-й и 50-й армиям предстояло тогда наступать в сторону от направления основных ударов Западного фронта, то есть по расходящимся направлениям, что угрожало их флангам. Вновь образованный 18 декабря 1941 г. Брянский фронт достаточных сил для взятия Орла не имел. Но очевидно другое: немецкое командование сильно опасалось такого развития событий. Кризисное положение на этом участке могло стать причиной для более глубокого отступления германских соединений. 28 декабря 1941 г. командование 2-й армии в донесении в штаб группы армий подчеркивало, что «от того, будет ли удержан рубеж Курск — Орёл, полностью зависит ее судьба»[219]. Сообщалось также, что в результате морозов ниже 25 градусов, из строя вышло значительное количество транспортных средств. «Условия погоды, — отмечалось далее, — бьют также и по русским, но, однако, по ним они бьют не так сильно, как по нам, так как русские более подвижны в зимних условиях»[220]. Относительно подвижности советских войск на тот период и их большей приспособленности к зимним условиям немцы были абсолютно правы. В частности, в Красной армии в широких масштабах началось формирование специальных лыжных батальонов, приданных различным фронтовым соединениям. Их подготовленные бойцы могли совершать многокилометровые марши, обходя заслоны врага и нападая на него с тыла. Вновь прибывавшие на передовую части и соединения, как правило, заблаговременно получали необходимую теплую амуницию: валенки, душегрейки, тулупы, теплые варежки и прочее. Случаи задержки подвоза были, но в сравнении с положением солдат вермахта, имевших зачастую лишь легкие шинели, ситуация в целом была неплохой. Неготовые к зиме гитлеровцы в основном утеплялись за счет реквизиций (а по сути, грабежа) местного населения.

Хуже в Красной армии обстояло дело с подвозом боеприпасов, поступлением на фронт новой техники, ее ремонтом, что сказалось в ближайшем будущем на темпах наступления. Далее появились перебои с продовольствием, что влияло на физическое и моральное состояние военнослужащих.

В ходе последующих боевых действий 2-я немецкая армия смогла постепенно оправиться от потрясений. Не испытывая в дальнейшем сильного нажима советских частей, она смогла совершить перегруппировку и оборудовать оборонительные позиции восточнее линии Орёл — Курск. Центр боевой активности сторон к юго-западу от Москвы сместился в район Сухиничей. Советское командование не сумело использовать первоначальный успех 10-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса на стыке немецких 4-й полевой и 2-й танковой армий. Тому были объективные причины: части Красной армии продвинулись на большое расстояние и начали испытывать недостаток в боеприпасах, продовольствии и пополнении. Известно, что на конец 1941 — начало 1942 г. пришелся самый глубокий спад военного производства СССР. Эвакуированные заводы только начинали давать продукцию на новом месте. Количество снарядов, приходившихся на орудие в день, часто не превышало одного-двух — и это в период наступления.

В свою очередь, 2-я немецкая танковая армия, используя силы 208-й и 211-й пехотных дивизий, переброшенных с запада, повела атаки в целях деблокады своих войск, оставшихся в Сухиничах. В соответствии с замыслом Ставки ВГК, главные усилия на южном крыле Западного фронта должны были сосредотачиваться в полосе 43, 49 и 50-й армий. Им предстояло наступать через Юхнов на Вязьму, в северо-западном направлении — на соединение с войсками Калининского фронта. В этом отношении орловско-курское направление для советского командования становилось второстепенным.

В начале 1942 г. Красная армия продолжала наносить удары по противнику. 7 января контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление на всем советско-германском фронте. На совещании высшего руководства и командного состава РККА в Кремле 5 января по поводу дальнейших планов ведения войны в 1942 г. были высказаны различные точки зрения. И. В. Сталин настаивал на ударах по врагу сразу на нескольких направлениях. Главным оставалось западное: сходящиеся удары Западного и Калининского фронтов на Вязьму и глубокий охват группировки противника силами левого крыла Северо-Западного фронта. Намечались и активные действия на северном и южном крыле советско-германского фронта. Верховный главнокомандующий считал, что противник сломлен, немцам не следует давать передышки ни на одном участке: «...гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.»[221].

Г. К. Жуков был против решения о переходе к активным боевым действиям не только под Москвой, но и на флангах советско-германского фронта. Он предлагал вначале завершить наступление против группы армий «Центр», а на остальных участках занять пока прочную оборону. Но Г. К. Жуков оказался в меньшинстве. Ему пришлось смириться с выводом из состава своего Западного фронта 1-й ударной армии, которая была переброшена в район Демянска. Соответственно, его войска оказались ослаблены. Мощь их ударов постепенно теряла силу. Дело осложнялось и тем, что советское командование, переоценив результаты своих успехов, решило с ходу провести гигантскую операцию по окружению и разгрому всей группы армий «Центр». Выполняя директивы Ставки ВГК, Калининский, левое крыло Западного и правое крыло Брянского фронта развернули наступление на ржевском, юхновском, сухиническом направлениях, стремясь замкнуть кольцо по линии Ржев — Вязьма. Операция получила название Ржевско-Вяземской. Для содействия продвижению ударных советских соединений в тыл врага в район Вязьмы и Дорогобужа выбрасывались крупные десантные части из состава 4-го воздушно-десантного корпуса.

Первоначально успех сопутствовал ударной группировке Калининского фронта, которая прорвала вражескую оборону в районе Ржева и, расчленив 6-й армейский корпус немцев на две части, отбросила одну — на восток, к Ржеву, а другую — к железнодорожной станции Оленино. К исходу 10 января ее главные силы достигли рубежа в 35 км юго-западнее Ржева. Ставка потребовала от И. С. Конева «в течение 11-го и ни в коем случае не позже 12 января овладеть г. Ржев»[222].

Ставка ВГК и Генштаб требовали от советских войск в начале января более энергичного натиска на врага. Для этого предписывалось отказаться от шаблонных методов наступления. Среди таких документов выделяется директивное письмо Ставки ВГК, подписанное И. В. Сталиным и А. М. Василевским. В нем, в частности, говорилось: «...наступление может дать эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил... А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии... То же самое нужно сказать о задачах командования фронта при организации прорыва и наступления... понятно, что ударная группа фронта... является более мощной». Предлагалось также шире применять артиллерийское наступление, то есть непосредственную и постоянную поддержку наступающих артиллерийским огнем, подавляющим огневые точки

врага[223]. В директиве видно желание высшего военного руководства принудить командующих на фронте не наступать «растопыренными пальцами», а вклиниваться в оборону противника и добивать его с помощью огня и маневра.

Желания бить врага его же оружием — быстрыми прорывами в тыл — и в Ставке, и на фронте было предостаточно. В начале января многим советским военачальникам казалось, что еще одно небольшое усилие, и враг не выдержит мощного напора, дрогнет и побежит. Его паника будет означать и его окончательную гибель. Соединения, направляемые в глубокий прорыв по тылам противника, должны были захватить ключевые пункты еще до того, как немцы смогут организовать их крепкую оборону. Однако одного желания было мало. Явно не хватало людских резервов и материальных средств, чтобы завершить начатое. Так, введенные в прорыв на Калининском фронте 29-я и 39-я армии понесли в предыдущих боях большие потери, и их возможности, даже вместе с кавалерийским корпусом, явно не соответствовали поставленным целям. В итоге Ржев так и не был взят тогда советскими войсками.

В то же время немцы стали получать из Западной Европы, прежде всего из Германии и Франции, крупные подкрепления. Свежие германские части стали вводиться в бой как раз в тот момент, когда последовал долгожданный приказ А. Гитлера от 15 января 1942 г. на отход основной части группы армий «Центр» на заранее подготовленные тыловые позиции. На отдельных участках германское отступление сопровождалось сильными контрударами по флангам прорвавшихся вперед советских соединений, и они сами оказались отрезанными от главных сил.

В начале января 1942 г. фактически рухнул немецкий фронт в районе Медыни. Севернее города образовалась брешь, через которую устремились вперед крупные советские силы. Угроза захвата Юхнова и быстрого продвижения частей Красной армии к Вязьме стала реальностью. Выход соединений Западного фронта в тыл 4-й полевой и 4-й танковой армий раскалывал войска группы армий «Центр» на две части. Это могло привести к полному окружению и уничтожению по частям германской группировки к западу от Москвы. Бои за Медынь начались 8 января. Наступление 1-го гвардейского кавкорпуса генерала П. А. Белова через Мосальск в направлении Варшавского шоссе создавало угрозу ликвидации пути снабжения расположенных здесь немецких частей. Командующий 4-й немецкой танковой армией отдал приказ об отводе 20-го армейского корпуса. Но уже вечером того же дня он был поставлен в известность, что отстранен от командования. На его место назначался генерал пехоты Р. Руофф, до этого командовавший 5-м армейским корпусом.

Продвижение советских войск на запад по своему замыслу и исполнению выглядело весьма смелым, даже дерзким. Части 50, 49 и 43-й армий наступали на Юхнов с трех направлений. 43-я армия атаковала также и Медынь. Чуть севернее, в районе Вереи, активно действовали соединения 33-й армии, выход которой на оперативный простор создавал угрозу основным коммуникациям группы армий «Центр» и непосредственно Вязьме — важнейшему транспортному узлу в тылу немецких войск. Прорвав фронт в районе Волоколамска и Вереи, советские войска вышли к р. Рузе.

К середине января фронт группы армий «Центр» был прорван в нескольких местах: на севере — под Ржевом, в центре — севернее Медыни, на юге — в районе Сухиничей. Понимая, что дальнейшая борьба на существующих рубежах неминуемо ведет к потере управления войсками и их гибели, фельдмаршал Г. фон Клюге 14 января отправил донесение начальнику Генерального штаба ОКХ. Он предложил немедленный и планомерный отход на линию озеро Жеданье — Ржев — Погорелое Городище, а также восточнее Гжатска — Юхнов — южнее и западнее Сухиничей. Это объяснялось необходимостью закрыть брешь в районе Медыни и улучшить снабжение войск. По выражению Г. фон Клюге, отвод войск являлся «единственно возможной мерой, способной спасти положение»[224]. Вопрос крушения немецкого фронта становился вопросом времени. Этот факт начинал осознавать и сам А. Гитлер. Видимо, он почувствовал, что возможности жесткой обороны исчерпаны. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и рассчитывая на быстрое завершение строительства тыловых позиций, фюрер принял решение отступить. Директива об отводе войск на новый оборонительный

рубеж севернее Ржева — восточнее Зубцова — восточнее Гжатска и восточнее Юхнова была отдана 15 января.

Отход группы армий «Центр», несмотря на все издержки и потерю части вооружения, давал очевидные преимущества. Во-первых, сокращалась общая протяженность линии фронта (примерно на 100 км). Появлялась свобода маневра и возможность создать группы для проведения контрударов. Во-вторых, немецкие части могли теперь в большей мере опираться на сильно укрепленные населенные пункты, часть из которых являлась узлами транспортных сообщений (Ржев, Сычёвка, Вязьма, Юхнов и другие). В условиях зимнего времени это было особенно важно, так как группа армий получала лучшие, чем у советских войск, возможности для отдыха личного состава в натопленных помещениях и быстрой перегруппировки своих соединений.

Советское командование приняло решение еще более усилить натиск: 39-й армии не допустить беспрепятственного отхода противника, 11-му кавкорпусу перерезать минскую автостраду и выбросить 4-й воздушно-десантный корпус в район Вязьмы[225]. Действительно, в тот период часть войск Калининского фронта совершала, несмотря на глубокий снег, многокилометровые марши вперед. Особенно это относится к решительным действиям 3-й и 4-й ударных армий. Захватив инициативу, они углубились в германскую оборону на 200—250 км, обошли с юга демянскую группировку врага, разгромив его силы в районе Осташкова, и даже вышли на какое-то время на ближние подступы к Витебску. Героические действия командования и военнослужащих этих армий позволили сковать под Демянском мощные силы группы армий «Север», но, что самое важное, они нарушили оперативное взаимодействие между этой группой и группой армий «Центр». Это сразу сказалось на всей ситуации в этом районе. Тем не менее, растянувшись на фронте более 300 км, советские ударные объединения вынуждены были перейти к обороне.

До конца января вели активные наступательные действия войска правого крыла и центра Западного фронта. 20 января они освободили Можайск, а 22 января — железнодорожную станцию Уваровку. Однако уже 25 января они столкнулись с мощным противодействием германских сил, занявших зимние позиции. Советские потери резко возросли, а выбить немцев из их укрепленных пунктов было невероятно трудно. Солдаты вермахта, несмотря на снег, старались глубоко окапываться, строить блиндажи, создавать эффективные огневые заслоны. Серьезного успеха, правда, добилась 33-я армия генерала М. Г. Ефремова, пробив брешь в еще слабой вражеской обороне севернее Юхнова и устремившись в нее в направлении на Вязьму. К концу января ефремовцы были уже в 7—8 км от окраин города, что с большой тревогой было воспринято в штабе группы армий «Центр».

Однако одна из реалий зимы 1942 г. — выход ряда соединений Западного и Калининского фронтов в тыл немецкой обороны — теперь могла обернуться против них. Частям Красной армии в районе Ржева и Медыни так и не удалось решающим образом переломить ситуацию в свою пользу, окружить и уничтожить соединения группы армий «Центр». 29-я, 39-я армии Калининского фронта, 33-я армия Западного фронта пробили лишь узкие бреши в немецкой обороне. Очевидной стала измотанность советских наступающих соединений. Им не хватало снабжения, пополнения личным составом. Быстрое продвижение вперед вынуждало оставлять оголенные фланги. Немецкое командование, напротив, получило реальный шанс воспользоваться нараставшими трудностями Красной армии. Постепенно высвобождавшиеся после отхода резервы готовились теперь к ликвидации глубоких советских прорывов.

Германское командование пыталось во что бы то ни стало закрыть брешь под Ржевом. 22 января соединения 9-й армии при активной поддержке 8-го авиакорпуса нанесли контрудар западнее Ржева по войскам Калининского фронта. Растянутость советских позиций, незащищенность коммуникаций, по которым шло снабжение частей Красной армии, усталость бойцов сделали невозможным оказание эффективного противодействия внезапной атаке немецких сил. 23 января неприятелю удалось восстановить связь между 6-м и 23-м корпусами. Тем самым были перерезаны линии снабжения советских частей, продвинувшихся

ранее в южном направлении на Вязьму, и одновременно закрыты пути отхода на север для 29-й и 39-й советских армий.

Нестабильным оставалось положение и в районе г. Белого. Соединения 22-й и 4-й ударной армий несколько раз пытались овладеть городом и даже в один момент ворвались на его окраины, но вскоре были выбиты частями 246-й пехотной дивизии вермахта. Немцы превратили Белый в свою крепость; нечто подобное они сделали со Ржевом, Сухиничами, а позднее и с другими городами. Юго-западнее Белого продолжалось наступление сил Красной армии на Демидов и Витебск, юго-восточнее города — на Вязьму. Но, оседлав автотрассу, проходящую через Белый, командующий группой армий «Центр» мог надеяться на ликвидацию угрозы оленинской группировки 9-й армии. Сохранение немецкого выступа в этом районе, разрезающего советский фронт и уходящего далеко в тыл наступающих армий генерала И. С. Конева, позволяло Г. фон Клюге надеяться на замедление темпов советского продвижения на вяземском и смоленском направлениях.

Однако натиск 39-й армии и 11-го кавкорпуса Калининского фронта в южном направлении пока не ослабевал. Кавалерийские части в конце января приблизились к Смоленскому шоссе западнее Вязьмы, но взять город не смогли. 29-я армия вела ожесточенные схватки с 6, 23 и 46-м корпусами вермахта. В то же время 4-я ударная армия продолжила наступление южнее Жарковского. Однако прорвавшиеся советские части оказались в трудном положении. К 5 февраля 1942 г., как отмечалось в донесении штаба объединения В. Моделя, противник (29-я советская армия) был «сдавлен в районе Манчалово». Предполагалась его скорая и окончательная ликвидация[226].

Если на северном фланге группы армий «Центр» кризис в основном был преодолен, то в полосе 4-й полевой и 4-й танковой армий немецкий фронт едва держался. Ситуация вышла из-под контроля, когда в середине января 1942 г. обозначился уже упомянутый успех 33-й армии. Ставка ВГК и сам командующий армией генерал М. Г. Ефремов рассчитывали на быстрый захват Вязьмы. Оперативная обстановка позволяла надеяться на выход крупных сил Красной армии в тыл группы армий «Центр» и соединение частей Западного фронта с частями Калининского фронта, продвигавшимися к Вязьме с севера. Чтобы облегчить прорыв соединений М. Г. Ефремова и П. А. Белова, с 18 по 21 января в районе Знаменки и Желанья были десантированы части 250-го воздушно-десантного полка и 201-й воздушно-десантной бригады, которые должны были сковать немецкую оборону с тыла, а затем соединиться с главными наступающими силами Красной армии. Удачно войдя в прорыв, соединения 33-й армии вышли в тыл немецкой обороны, в результате чего между 4-й полевой и 4-й танковой армиями образовалась широкая брешь севернее Юхнова. Командующий 4-й армией Л. Кюблер был заменен командиром 43-го армейского корпуса генералом пехоты Г. Хейнрици. 4-й армии предписывалось осуществить отход и, «повернув на восток, занять окончательные позиции в прежней бреши между обеими армиями»[227]. 20-й танковой дивизии приказывалось установить связь с частями 4-й армии, а 5-й танковой дивизии — восстановить положение юго-восточнее Вязьмы, где действовали в то время передовые подразделения ударной группы 33-й армии, группы П. А. Белова, а также десантников. Удержание Вязьмы стало для немцев фактором стратегического значения, так как ее потеря грозила обрывом многих питающих группу армий «Центр» транспортных артерий.

Ударная группа 33-й армии — 113, 338, 160 и 329-я стрелковые дивизии (329-я дивизия была передана из состава 5-й армии только 31 января 1942 г.) — продвигалась к Вязьме практически все время в походных колоннах, пока без сильного противодействия со стороны немцев. Большое беспокойство у немецкого командования вызывали и действия группы П. А. Белова, которая 25—30 января прорвалась через Варшавское шоссе в район Федотково. Там она установила связь с одним из воздушно-десантных отрядов. П. А. Белов также стремился к Вязьме, но продвигался к ней южнее 33-й армии. 2 февраля группа П. А. Белова была уже 12 км южнее Вязьмы. Однако в тот же день соединения 40-го и 13-го корпусов 4-й немецкой армии перерезали узкий коридор у Варшавского шоссе. Советские части не успели перевести через дорогу большую часть артиллерии и зенитных средств. Несмотря на это,

П. А. Белов получил приказ продолжать рейд, не ввязываясь в затяжные бои. С этого времени группа начала действовать в полном отрыве от главных сил фронта[228].

Закрыть брешь в районе прорыва 33-й армии немцам было сложнее. Советские части находились уже на окраинах Вязьмы. Ставка и фронтовое командование надеялись на раскол немецкого фронта и возможное окружение значительных сил группы армий «Центр». Но в ночь на 3 февраля немецкие войска нанесли удары по флангам 33-й армии и перерезали слабо защищенный коридор, через который группа М. Г. Ефремова вошла в прорыв на Вязьму. Тем самым было положено начало резкому изменению оперативной обстановки на этом участке фронта. В результате ночного боя, временами переходящего в рукопашную, немцы захватили Воскресенск. Бой продолжался всю ночь, утро и следующий день. Лишь вечером 3 февраля брешь за ударной группой 33-й армии была полностью закрыта. В окружении юго-восточнее Вязьмы оказались четыре дивизии 33-й армии во главе со своим командующим генералом М. Г. Ефремовым. Общая численность отрезанной группировки (с учетом проведенной мобилизации новобранцев) доходила в феврале — апреле 1942 г. до 10 тыс. человек.

Был ли виноват сам генерал М. Г. Ефремов в том положении, в котором оказались его войска? До сих пор этот вопрос остается спорным в историографии Московской битвы. Исходя из документов советской стороны, можно сказать, что виноваты были все: и командование 33-й армии, и штаб Западного фронта, и Ставка ВГК, не сумевшие вовремя разгадать грозящую советским войскам опасность. Однако мы не должны забывать и о мероприятиях германского командования, поставившего тогда своей целью во что бы то ни стало отрезать и уничтожить прорвавшиеся в немецкий тыл советские соединения. Отвод войск на зимние оборонительные позиции не только укрепил оборону немцев, но и позволил им высвободить достаточные силы для нанесения контрударов. С другой стороны, советское командование слишком поздно осознало, что прошел тот период, когда можно было дерзко (без оглядки на фланговые угрозы) продвигаться вперед. Об этом с некоторым запозданием (и, очевидно, оправдывая и собственный просчет) писал 13 февраля 1942 г. в своей директиве командующий Западным фронтом: «В последнее время противник, используя прямолинейность в действиях наших боевых порядков, отсутствие охранения и разведки на флангах, применяет приемы отрезания головных боевых порядков, вклинившихся в его расположение. Такое положение получилось в 50-й армии Болдина и 33-й армии Ефремова. Мои указания об использовании вторых и последующих эшелонов и боевых порядков для разворота и расширения в сторону флангов командиры Болдин и Ефремов не выполнили, чем поставили головные части армий в затруднительное положение. Приказываю: одновременно со смелыми и решительными действиями по вклинению головных эшелонов боевых порядков в расположение противника, вторым и последующим эшелонам быстро расширять прорыв в сторону фланга и уничтожать блокированного в населенных пунктах противника. Особой заботой командиров всех степеней иметь прочное обеспечение охранением и непрерывной разведкой на флангах наступающих соединений, частей и подразделений»[229]. Однако в тех обстоятельствах действовать по всем правилам военной науки М. Г. Ефремов просто не мог. У него не было сил, чтобы «расширяться в сторону флангов», а у Г. К. Жуков не имел резервов, чтобы помочь ему в этом деле. В целом не хватало еще и опыта для проведения таких смелых операций с безупречным качеством. Этому надо было учиться.

Боевые действия соединений генерала М. Г. Ефремова в окружении продолжались еще два с половиной месяца, до 18—19 апреля 1942 г. В феврале — апреле войска Западного фронта предприняли яростные попытки прорваться к окруженной группе. Жестокие бои развернулись на узком участке фронта, в районе слияния рек Вори и Угры. Здесь в марте 1942 г. образовался плацдарм на западном берегу Угры, между деревнями Красная Горка и Большое Устье, с которого части 43-й армии генерала К. Д. Голубева долго, но в основном безуспешно атаковали укрепленные позиции немцев. Потери 43-й армии были значительны — до 5 тыс. человек убитыми. Но эти жертвы оказались напрасными. В апреле генерал М. Г. Ефремов, видя истощение своих сил, обратился напрямую (через голову командования Западного фронта) в Ставку ВГК с просьбой разрешить ему выходить на восток по кратчайшему пути —

через р. Угру[230]. Однако большинству ефремовцев пробиться на Большую землю так и не удалось. Германские подвижные части смогли перехватить колонну советских войск на дороге Буслава — Беляево, а затем добить остатки группы М. Г. Ефремова в районе деревень Жары, Новая Михайловка и Климов Завод. Из окружения вырвались лишь разрозненные подразделения численностью всего несколько сотен человек. Примерно 600 бойцов ушли к партизанам отряда В. В. Жабо. Сам М. Г. Ефремов, геройски руководивший своими солдатами, во время боя был тяжело ранен. Не имея сил и далее продвигаться к линии фронта, он застрелился в районе деревни Климов Завод 18 апреля 1942 г.[231]

Начальник штаба 4-й танковой армии генерал О. Реггигер, оценивая сражения западнее Москвы, в своем донесении в штаб группы армий «Центр» отмечал: «Можно сказать, что противник имел смелый план операции, который и был смело осуществлен. Однако русское командование переоценило боевую способность своих солдат и недооценило боевую способность наших. Наш фронт восстановлен. Ожидается, что противник возобновит наступательные действия в целях найти слабые участки в нашей линии фронта с тем, чтобы осуществить на этих участках прорыв»[232].

В полосе действия армий южного крыла Западного фронта тем временем продолжались упорные бои в районе Сухиничей. 27 января 1942 г. немецкие части, оказавшиеся на некоторое время отрезанными в этом городе от основных сил 2-й танковой армии, были деблокированы. Сухиничская группировка немцев соединилась с жиздренской. Этот успех был достигнут дорогой ценой. В течение января 2-я танковая армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 6811 человек, больными и обмороженными еще 8796 человек[233]. Тем не менее бои за сами Сухиничи не ослабевали. 29 января советские войска, объединенные управлением 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского, заняли город и нацелились на Жиздру.

Период затухания Ржевско-Вяземской операции лишь недавно стал предметом пристального рассмотрения отечественных историков. Итоги кровопролитных для обеих сторон боев под Ржевом, Сычёвкой и Юхновом весной 1942 г. не только подвели черту под Московской битвой, но и во многом предопределили последующий характер боевых действий на западном направлении вплоть до весны 1943 г. Отметим также, что мощнейшая группировка вермахта на восточном фронте — группа армий «Центр» — вступала в совершенно новый этап войны, к которому ей еще предстояло приспособиться, одновременно избавившись от иллюзий захвата Москвы в 1942 г.

Как уже отмечалось, войска Западного и Калининского фронтов понесли в конце зимы 1942 г. тяжелые потери. Можно сказать, что к середине февраля они утратили свое относительно небольшое превосходство над противником, тем более что тот уже оправился от предыдущих потрясений. Однако Верховный главнокомандующий считал, что последнее слово в сражениях за столицу еще не сказано. 16 февраля он отдал приказ «разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже» (рубеж, который существовал на 1 октября 1941 г.). К тому же сроку намечалось разгромить и болховско-жиздринско-брянскую группировку врага. Как и следовало ожидать, добиться успеха, несмотря на многочисленные кровопролитные атаки, не удалось. 20 марта И. В. Сталин отдал новое распоряжение о разгроме ржевско-вяземской группировки группы армий «Центр» и выходе к 20 апреля на старые оборонительные рубежи. Результат, по сути, был тем же[234]. Нереальные задачи остались невыполненными. Наши войска топтались на месте, сумев в начале марта освободить лишь Юхнов.

На северном фланге группы армий «Центр» ожесточенность советских атак была отнюдь не меньшей. Утром 17 февраля советские танки на северном участке обороны 6-го армейского корпуса смогли прорваться к югу, навстречу отрезанным советским войскам. Часть танков была подбита, но часть сумела прорваться сквозь немецкие оборонительные порядки. Казалось, еще немного, и немецкое кольцо будет прорвано, но этого не случилось. Одна из последних попыток командования Калининского фронта выручить окруженных была отбита огнем и контратакой немецких подразделений. В то же время остатки 29-й армии оставили Манчалово (15 км западнее Ржева) и отошли в леса вокруг железнодорожной

станции с одноименным названием, где и закрепились[235]. Более трех недель 29-я армия под командованием генерала В. И. Швецова сражалась в отрыве от основных сил фронта. Ее соединения израсходовали почти все боеприпасы, подходили к концу и продовольственные запасы. Медлить с прорывом из кольца больше было нельзя. Получив соответствующее разрешение командующего фронтом, соединения 29-й армии в ночь на 17 февраля, рассредоточившись на отдельные группы, стали выходить к основным силам Калининского фронта.

В боевых порядках советских частей были также партизаны и десантники. Дело в том, что 16 и 17 февраля в районе действия 29-й армии был десантирован 4-й батальон 204-й воздушно-десантной бригады 1-го воздушно-десантного корпуса в составе 500 человек. Командовал батальоном старший лейтенант П. Белоцерковский. Десантники должны были оказать содействие советским стрелковым подразделениям в прорыве на юго-запад, на соединение с 39-й армией. Отходившим советским частям был навязан тяжелый бой. Вскоре фельдмаршал Г. фон Клюге направил фюреру итоговое донесение, в котором говорилось, что за четыре недели 9-я армия генерала В. Моделя, несмотря на трудные погодные условия, разбила противника. Она «нанесла тяжелое поражение 39-й и полностью уничтожила 29-ю русскую армию. Всего с 21 января ликвидировано пять и разбито четыре дивизии, взято в плен 4833 и убито 26 647 человек, захвачено и уничтожено 187 танков, 1037 орудий и минометов»[236].

Однако утверждение командования группы армий «Центр» об уничтожении 29-й советской армии было явным преувеличением. 19 февраля 1942 г. генерал И. С. Конев доложил И. В. Сталину, что на участке 30-й армии вышли из окружения около 200 человек. В полосе 252-й стрелковой дивизии (39-й армии) пробились 185-я и 381-я дивизии, а также армейские части во главе с генералом В. И. Швецовым, всего до 3500 бойцов и командиров, которые сразу же стали приводить себя в порядок[237]. Таким образом, костяк 29-й армии был сохранен.

Несколько по иному сценарию развивались события в районе действий 39-й армии. Несмотря на то что войска генерала И. И. Масленникова были отрезаны от своих тылов, они все-таки смогли зимой 1942 г. сохранить контакт с войсками Калининского фронта, находившимися восточнее г. Белого. 39-я армия перешла к обороне и закрепилась в болотистой местности в районе верхнего течения р. Обши. Свой фронт она развернула в направлении железнодорожных перегонов Ржев — Оленино и Ржев — Сычёвка. Советские соединения пока успешно отражали все атаки немецких войск, находясь практически в полуокружении и располагая лишь ненадежными транспортными коммуникациями. Весной 1942 г. штаб 9-й германской армии неоднократно поднимал вопрос о ликвидации советских сил на этом участке. Однако осуществить операцию по полному окружению 39-й армии немцам удалось только в июле 1942 г. Ослабленные в боях части генерала И. И. Масленникова оказались тогда отрезанными от Большой земли и вынуждены были прорываться из кольца навстречу 41-й армии, неся значительные потери[238].

Красная армия к середине февраля 1942 г. освободила довольно большую территорию к северу от Смоленска и Ярцево. С начала контрнаступления под Москвой объединения Калининского и Северо-Западного фронтов продвинулись вперед на 250–300 км. В ходе Торопецко-Холмской операции во второй половине января 1942 г. 3-я и 4-я ударные армии развивали наступление на витебском и смоленском направлениях. Командование вермахта было вынуждено перебросить на этот участок дополнительно 59-й армейский корпус, а также резервы из Западной Европы (три пехотные дивизии и отдельные пехотные подразделения, которые вошли в состав групп «Зинценгер» и «Вельвер»). Эти группы с 1 февраля 1942 г. стали подчиняться управлению 3-й танковой армии, которое было переведено в Витебск[239]. В немецком фронте образовался громадный выступ, который мешал взаимодействию сил групп армий «Центр» и «Север». Линия фронта описывала здесь большую дугу вокруг верхнего течения Западной Двины. Но на участке озеро Селигер — Осташков — Селижарово еще с момента ввода советских ударных армий в прорыв этот выступ имел относительно узкую горловину (ширина не превышала 135 км), через которую и поступало все снабжение для наступающих советских частей. С севера ее могли перерезать дивизии вражеской демянской группировки,

а с юга — войска оленинской группировки. После успешных действий под Вязьмой и Оленино в штабах ОКХ и группы армий «Центр» стал разрабатываться замысел ликвидации этого советского выступа — решительный удар сил групп армий «Север» и «Центр» навстречу друг другу. Однако в германские планы вмешались объективные обстоятельства.

Ко второй половине февраля 1942 г. под Демянском немецкие соединения 16-й армии, предназначенные для наступления навстречу 9-й полевой армии, были зажаты с трех сторон войсками Северо-Западного фронта. Следовательно, у командующего 16-й армией генерала Э. Буша возникли большие проблемы в собственной обороне. Анализ положения на этом направлении в начале весны 1942 г. показывает очевидную обоснованность ряда решений советского военного руководства, которые подвергались критике уже в послевоенные годы. Сложившуюся тогда ситуацию западнее Москвы невозможно рассматривать отдельно от положения на других участках фронта. Одним из примеров этого служит осуждаемый сегодня приказ Ставки ВГК от 19 февраля 1942 г. о выводе 1-й ударной армии из состава Западного фронта в резерв. Говоря об ослаблении в связи с этим ударной силы своего фронта, маршал Г. К. Жуков писал в своих мемуарах, что он активно выступал против этого решения[240]. Но дело в том, что в конце января 1-я ударная армия была передана именно Северо-Западному фронту в целях разгрома демянской группировки противника. Бои в демянских болотах продолжались с неослабевающей силой даже после образования внутреннего кольца окружения шести немецких дивизий (96 тыс. человек)[241]. 1-я ударная армия сыграла важную роль в образовании внешнего кольца окружения. Полностью завершить разгром немецкой группировки тогда не удалось, однако и германская 16-я армия не могла уже участвовать в наступлении навстречу 9-й армии. Коммуникации 3-й и 4-й советских ударных армий остались в безопасности. В этом, безусловно, есть заслуга переброшенной из состава Западного фронта 1-й ударной армии.

Несмотря на все старания советского командования продолжить наступление своих сил на западном направлении весной 1942 г., столкнуть войска группы армий «Центр» с их позиций было непросто. Оборонительные позиции частей вермахта укреплялись с каждым днем. Западный и Калининский фронты не располагали уже той ударной силой, которая была у них в начале общего наступления. Напротив, германские войска, опираясь на свою оборону, могли теперь не просто отбивать советские атаки, но и сами проводить контрудары. Естественно, эти удары были недостаточно мощными и не могли привести к крупному успеху, тем не менее они изматывали соединения Красной армии, создавали предпосылки для уничтожения отдельных вклинившихся в немецкую оборону советских частей.

20 апреля 1942 г. считается датой окончания Ржевско-Вяземской операции Красной армии и всей Московской битвы. Удачно начавшееся контрнаступление, переросшее затем в общее наступление советских войск под Москвой, достигнув больших результатов, завершилось тяжелыми кровопролитными боями с окрепшим и получившим подкрепление врагом, в условиях сильной распутицы, сковавшей передвижение войск.

На завершающем этапе Московской битвы значительно активизировались действия советских партизан. Заслуживает внимания оценка эффективности их действий именно противником. Немцам приходилось выделять значительное количество пехотных и танковых соединений для боевых действий в своем тылу. Советские партизаны, которые часто действовали совместно с десантниками и регулярными частями Красной армии, отрезанными от основного фронта, не только наносили гитлеровцам большой урон в личном составе и технике, но и ставили под вопрос нормальное снабжение группы армий «Центр». Нестабильность в собственном тылу значительно ослабляла потенциальные возможности вражеской группировки, деморализующе влияла на личный состав германских соединений.

Всего за шесть с половиной месяцев напряженных боев под Москвой партизаны Калининской, Смоленской, Московской, Тульской, Орловской и Курской (частично) областей истребили более 30 тыс. вражеских солдат и офицеров, подорвали 170 складов с вооружением, боеприпасами и продовольствием, более 400 складов на путях сообщения противника, пустили под откос 40 вражеских эшелонов с живой силой и техникой[242].

В феврале — марте 1942 г. сложилась такая ситуация, что ни одна из сторон не могла уже добиться решительного перевеса над противником. Наступление Красной армии выдохлось, а сил германских соединений хватало лишь на то, чтобы удерживать или улучшать свои позиции. Во второй половине марта на отдельных участках фронта немецкие соединения все еще продолжали отходить под натиском Красной армии. К началу апреля активность боевых действий на фронте западнее Москвы значительно снизилась. Сказывались недостаток боевой мощи и отсутствие резервов как у немецких, так и у советских войск. Сильные атаки на германскую оборону продолжались лишь на нескольких участках. Начавшаяся в начале апреля распутица затрудняла все передвижения войск и военной техники.

В ходе наступления на Москву, с октября до начала декабря 1941 г., войска группы армий «Центр» потеряли более 145 тыс. человек[243]. Ее ежемесячные потери за это время несильно превысили средний показатель предыдущего периода (до 1 октября, по немецким данным, группа потеряла 229 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести)[244]. Пополнение группы армий оставалось крайне неудовлетворительным. Это напрямую сказалось на боеспособности германских частей, когда войска Красной армии перешли в контрнаступление. Потери группы армий «Центр» за декабрь составили 103,6 тыс. человек при поступившем пополнении 40,8 тыс. человек; соотношение потерь и пополнения в последующие месяцы выглядит следующим образом: январь — 144,9 тыс. и 19,1 тыс. человек; февраль — 108,7 тыс. и 69,7 тыс.; март — 79,7 тыс. и 50,8 тыс. человек. Соответственно, потери группы за четыре месяца составили 436,9 тыс. человек, причем невосполненная убыль солдат и офицеров достигла 256,5 тыс.[45] Точное количество танков, орудий, броне- и автомашин, мотоциклов, которых лишились германские части зимой 1941–1942 гг., подсчитать и немцам, и советскому командованию было достаточно трудно: часть была подбита, часть вышла из строя по дороге в тыл и прочее. Но согласно Сводным ведомостям о трофеях Красной армии за декабрь 1941 — март 1942 г. выходит, что только войска Западного и Калининского фронтов за этот период захватили 906 немецких танков. Некоторые боевые машины остались неповрежденными и вскоре были использованы в наступлении Красной армии, в частности против фронта 4-й немецкой армии в районе р. Угры. Кресты у танков были перекрашены на звезды. Примечательно также, что за декабрь 1941 — март 1942 г., по советским источникам, войсками Западного и Калининского фронтов непосредственно в боях было уничтожено только 258 немецких танков, то есть в три раза меньше, чем было захвачено в качестве трофеев. Кроме того, только за январь 1942 г. немецкие войска западнее Москвы оставили на поле боя: 1168 орудий, 750 мотоциклов, 5710 автомашин[246].

Такие тяжелые потери в людях и военной технике немецкая армия еще никогда не несла. Они самым непосредственным образом сказались на снижении потенциальных возможностей не только группы армий «Центр», но и всей группировки вермахта на советско-германском фронте. В этих условиях верховное главнокомандование вермахта не могло настаивать на продолжении в ближайшее время наступательных операций в направлении столицы. Немецкое командование рассчитывало в 1942 г. наступлением на Кавказ отрезать ее от основных источников снабжения на юге, после чего Красная армия не смогла бы, по их мнению, удержать не только столицу, но и весь свой фронт. В то же время руководство вермахта не могло и ослаблять группу армий «Центр». На западном стратегическом направлении были расположены основные силы Красной армии, которые в будущем готовы были начать новое крупное наступление. Группа армий «Центр» продолжала оставаться самой многочисленной на восточном фронте, призванной выполнять теперь в основном оборонительные задачи.

Летом 1942 г. в вермахте сказался недостаток личного состава, танков, артиллерии, другого вооружения, потерянного зимой 1941–1942 гг. В результате того, что Москва и большая часть центрального региона европейской России оставались в советских руках, германскому командованию уже в период Сталинградской битвы не удалось обеспечить надежного прикрытия левого крыла своей группы армий «Б», который все более растягивался по мере продвижения армии Ф. Паулюса к Волге. Руководство вермахта было вынуждено обеспечи-

вать охранение своих флангов ненадежными румынскими и итальянскими соединениями. Не может быть сомнения, что победа Красной армии в Сталинградской битве теснейшим образом связана с разгромом вермахта под Москвой.

Вместе с тем очевидно и другое. Группа армий «Центр», обороняясь, сумела нанести значительный урон Красной армии. Так, только безвозвратные потери советских частей в ходе Ржевско-Вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.) составили более 272,3 тыс. человек[247]. Советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных и других частей, формируемых для отправки на фронт. Огромные потери первых месяцев войны не давали возможности продлить их подготовку в тылу. Уже закаленные в боях соединения получали лишь самый короткий отдых. Вполне вероятно, что успех, достигнутый немцами в обороне зимой — весной 1942 г., дал возможность некоторым высокопоставленным офицерам вермахта задуматься о целесообразности перехода к стратегической обороне на всем восточном фронте[248]. Суть такой стратегии заключалась в следующем: сочетая незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить Вооруженные силы Советского Союза и заставить СССР заключить невыгодный для себя мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. По мнению А. Гитлера, германская армия летом 1942 г. должна была получить второе дыхание, теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. В то же время в сознании большинства высших военных руководителей Германии срок капитуляции советской столицы лишь переносился на некоторое время.

Тем не менее некоторые высокопоставленные руководители рейха придерживались более скептической точки зрения на дальнейший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Ф. Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования[249]. Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», а генерал Г. Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России. Генерал Р. Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться». А адъютант А. Гитлера Н. фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к «великому перелому в ходе Второй мировой войны»[250].

Победа, достигнутая под Москвой, а следовательно, и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения по максимуму использовались руководством Красной армии. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились свежие соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них оставалось шансов выиграть войну.

Анализ состояния вермахта и Красной армии после битвы под Москвой, основанный на документах обеих сторон, позволяет сделать вывод об отсутствии перспектив у крупнейшей группировки вермахта на восточном фронте — группы армий «Центр» — развернуть в 1942 г. новое наступление стратегического масштаба. Победа под Москвой досталась Красной армии дорогой ценой. Однако является историческим фактом, что немецкие войска зимой 1941–1942 гг. стали терять веру в свои силы, а советские солдаты и их командиры, напротив, приобрели уверенность в победе над врагом.

Группа немецких солдат, захваченных в плен во время битвы под Москвой

Битва под Москвой продолжалась в общей сложности 203 дня и ночи на огромном пространстве, равном примерно территории Франции. С обеих сторон в ней были задействованы около 7 млн человек. Общие безвозвратные потери советских войск в сражениях на ближних и дальних подступах к столице составили 926 тыс. человек. Немцам также был нанесен значительный урон — 615 тыс. человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными. Никогда до этого вермахт не терял стольких людей, уже имевших за плечами богатый опыт войны. Полноценной замены им у Германии не было. А. Гитлер пришел к выводу, что после того, как германские войска приведут себя в порядок, возможно будет осуществить удар только на одном стратегическом направлении — южном. Для продолжения войны Германии срочно требовались нефть Кавказа и пшеница Ставрополья и Кубани. Взять Москву — стратегическую цель всей кампании — оказалось А. Гитлеру не по силам.

Битва под Москвой имела огромные последствия для дальнейшего хода как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны. Решающим моментом стал тот факт, что Германии не удалось осуществить свой блицкриг. Это, в свою очередь, дало возможность СССР провести мобилизацию ресурсов для продолжения войны. Тысячи предприятий, эвакуированных с Украины, Белоруссии, из западных областей России на восток, к началу 1942 г. стали заново вводиться в строй. За Волгой продолжали формироваться новые мощные соединения Красной армии, оснащенные новым оружием и техникой. Большинство советских людей окончательно уверились в том, что враг не сможет поставить их на колени и борьба еще только начинается.

Переход советских войск в наступление зимой 1941–1942 гг. разрушил существовавший во многих странах миф о непобедимости нацистской Германии. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию в отношении возможного нападения на СССР. В оккупированных вермахтом европейских государствах — Франции, Югославии, Греции, Польше и других — активизировались движение Сопротивления и партизанская война. Значительно изменилось отношение Великобритании и США к тем усилиям, которые прикладывал Советский Союз, сражаясь с агрессором.

7 декабря 1941 г., спустя два дня после начала советского контрнаступления под Москвой, в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Эта страна, обладавшая мощнейшим промышленным потенциалом и значительными людскими ресурсами, становилась теперь реальным союзником Советского Союза. 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Канады и других стран подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств, где заявили о решимости одержать полную победу над странами оси — Германией, Японией и Италией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 423.

[2] Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 8–9.

[3] Венок славы: в 12 т. М., 1983. Т. 1. С. 41.

[4] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15.

[5] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 148.

[6] Там же. С. 136.

[7] Там же. С. 155.

[8] Там же. С. 122.

[9] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1–2.

[10] *Хазанов Д. Б.* 1941. Борьба за господство в воздухе. М., 2008. С. 119.

[11] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 138.

[12] *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 252–253.

[13] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1–2.

[14] Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 53.

[15] См.: История дипломатии. Изд. 2-е. М., 1975. Т. 4. С. 188.

[16] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 75–76.

[17] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 104.

[18] US. Library of Congress. Manuscript Division. Volkogonov Collection. Reel 4.

[19] В составе группы армий «Юг» насчитывалось 730 тыс. человек, 9700 орудий и минометов, 799 танков и 772 самолета. Кроме того, на южном крыле группы армий располагались венгерские войска, включавшие 44,5 тыс. человек, 200 орудий и минометов, 160 танков и 100 самолетов (Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 155).

[20] *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 52–53.

[21] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 148. Л. 5–12.

[22] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 138.

[23] Там же. С. 499.

[24] ЦАМО. Ф. 481. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260.

[25] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 85. Л. 23–26.

[26] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 443.

[27] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 154.

[28] ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 5. Л. 51–54.

[29] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М., 1996. Т. 16 (51). С. 22–23.

[30] Там же.

[31] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 147–148.

[32] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 145–146.

[33] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 41.

[34] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 18–19.

[35] История Великой войны 1941–1945: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 106–107.

[36] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 269; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 692–696.

[37] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 181. Д. 47. Л. 45.

[38] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 159.

[39] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 2.

[40] Управление нового фронта было создано за счет штаба Московского военного округа с его командующим генералом В. И. Тюленевым.

[41] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 164. Д. 15. Л. 3.

[42] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Киев, 1975. Т. 1. С. 93.

[43] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 444.

[44] История Великой войны 1941–1945. Т. 1. С. 125.

[45] *Гальдер Ф.* Военный дневник: в 3 т. / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 66.

[46] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 81.

[47] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 164.

[48] *Михалёв С. Н.* Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 334.

[49] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 181.

[50] В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. Л., 1985. С. 89.

[51] ЦАМО. Ф. 221. Оп. 3928. Д. 51. Л. 256.

[52] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 201.

[53] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.

[54] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 143.

[55] *Солсбери Г.* 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. М., 1996. С. 359–360.

[56] См.: *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1978. С. 53; *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С. 160; *Эдлинский С. Ф.* Балтийский транспортный флот в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1957. С. 45.

[57] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 274.

[58] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 205.

[59] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 86.

[60] Германский рейх и Вторая мировая война. Т. 4. Ч. 2 / Пер. с нем. С. 973–974.

[61] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 82.

[62] Там же. С. 81.

[63] Там же. С. 82.

[64] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 256–257.

[65] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 198.

[66] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1959. С. 163–164.

[67] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2511. Л. 39.

[68] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 43–47.

[69] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 130.

[70] Там же. Ф. 246. Оп. 1525. Д. 1. Л. 19–20.

[71] *Дашичев В. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 208.

[72] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 30–33.

[73] Цит. по: *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. / Пер. с нем. М., 1980. С. 52.

[74] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 1–14.

[75] Там же. Д. 72. Л. 152–153.

[76] Там же. Л. 158.

[77] *Дашичев В. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 201.
[78] Там же. С. 234–235.
[79] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 81. Л. 116.
[80] Там же. Ф. 16. Оп. 1032. Д. 9. Л. 41–43.
[81] Там же. Ф. 382. Оп. 8439. Д. 4. Л. 27.
[82] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 91.
[83] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27.
[84] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 352–353.
[85] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 324.
[86] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 3408. Д. 15. Л. 431.
[87] Там же.
[88] КИУР — Киевский укрепленный район.
[89] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206.
[90] Там же.
[91] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.
[92] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 195.
[93] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.
[94] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 195–196.
[95] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 32–41.
[96] *Clark A.* «Barbarossa». The Russia-German Conflict 1941–1945. L., 1965. P. 111–112.
[97] Военно-исторический журнал. 1961. № 11. С. 73.
[98] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 139.
[99] Там же. Д. 554. Л. 41.
[100] *Рейнгардт К.* Указ соч. С. 65.
[101] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 38–41.
[102] Там же. Д. 548. Л. 96–99.
[103] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. М., 1994. С. 11.
[104] Там же. С. 13–14.
[105] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 72.
[106] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 213.
[107] Там же.
[108] *Хазанов Д. Б.* Неизвестная битва в небе Москвы 1941–1942 гг. М., 2007. С. 31.
[109] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 15–16.
[110] Там же. Т. 1. С. 16–17.
[111] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111–112.
[112] Liddell Hart Centre for Military Archives. 9/24/107.
[113] Цит. по: *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве // 50-летие победы под Москвой. Материалы военной научной конференции. М., 1993. С. 24.
[114] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 150–151.
[115] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 169.
[116] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 84–86.
[117] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 175–181.
[118] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 170.
[119] ЦАМО. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 46. Л. 12.
[120] Там же. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.
[121] Цит по: Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 39–40.
[122] Там же.
[123] ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.
[124] *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 26.
[125] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 173.
[126] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.
[127] Там же.

[128] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.
[129] Там же. С. 175.
[130] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 250–251, 280–281.
[131] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 244.
[132] Там же. С. 234.
[133] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 203–204.
[134] Там же. Д. 114. Л. 66.
[135] Там же. Л. 210–211.
[136] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 43–44.
[137] Там же. С. 42.
[138] Цит. по: *Безыменский Л. А.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.
[139] Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!»... М., 1967. С. 339.
[140] Цит. по: Москва военная. 1941–1945. С. 308.
[141] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 250–251, 271–272.
[142] Там же. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 102. Л. 145–146.
[143] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 280–281.
[144] Там же. Ф. 16. Оп. 946. Д. 24. Л. 26.
[145] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 55.
[146] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 19.
[147] Там же. Л. 247.
[148] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 55.
[149] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 230.
[150] Там же. Оп. 12462. Д. 572. Л. 47.
[151] Там же. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 12–13.
[152] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 306–318.
[153] *Иванов В. К.* Московская зона обороны. Ее роль в защите столицы (1941–1942). М., 2001; Москва военная. С. 307–308.
[154] Там же.
[155] Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 408.
[156] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 51.
[157] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 161.
[158] *Clark A.* Указ. соч. P. 172.
[159] Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 406–407.
[160] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 233–234.
[161] Москва военная. 1941–1945. С. 409–410.
[162] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 124.
[163] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 153.
[164] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 116–118.
[165] Там же. С. 120–121.
[166] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 188.
[167] *Сафир В. М.* Оборона Москвы. Наро-фоминский прорыв // Военно-исторический архив. Вып. 1. М., 1997. С. 77–96.
[168] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 6–18.
[169] Там же. Д. 539. Л. 2–3.
[170] Там же. Л. 71–72.
[171] Там же. Л. 50–58.
[172] Там же. Л. 71–72.
[173] Цит. по: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 196.
[174] Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 407.
[175] Боевой путь советского Военно-морского флота. М., 1988. С. 266–267.

[176] Боевой путь советского Военно-морского флота. М., 1988. С. 266.

[177] Там же. С. 267.

[178] *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). Изд. 2-е. СПб., 1985; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., СПб., 2005. С. 700, 727, 736, 747.

[179] *Черепенина Н. Ю.* Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 35–80.

[180] См.: *Гладких П. Ф.* Указ. соч.

[181] См.: Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. Л., 1947; *Магаева С. В., Тервонен Л. И.* Психологическая общность ленинградских блокадников. СПб., 2010; *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Ленинградская блокада. Открытия в биологии и медицине. М., 2008.

[182] *Медвецкий А. Г.* Трагедия и подвиг блокадного Ленинграда // Боль памяти блокадной. Сборник воспоминаний жителей и защитников блокадного Ленинграда. М., 2000. С. 56, 59.

[183] *Магаева С. В., Симоненко В. Б.* Статистика жертв ленинградской блокады // СПб-Университет. 2009. № 8–24.

[184] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 700, 727, 736, 747; Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995. С. 84–87, 194, 301–305, 350–351, 372, 406–407, 573–574; В официальных источниках говорится, что с сентября 1941 по январь 1943 г. в Ленинграде умерли от голода 641 тыс. человек, погибли от артиллерийских обстрелов противника 17 тыс. жителей города (Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь М., 2010); В других источниках речь идет о 800 тыс. ленинградцах, погибших в блокаду (Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин, 1992. С. 67).

[185] *Симоненко В. Б., Магаева С. В., Пахомова Ю. Б.* Патогенез ленинградской (блокадной) гипертонии // Клиническая медицина. 2002. № 3. С. 3–6.

[186] *Ходза И. А.* Дорога жизни. Л., 1984. С. 7.

[187] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 64. Л. 103–104.

[188] Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в годы Великой Отечественной войны. Л., 1958. С. 207–209.

[189] История Великой войны: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 226.

[190] Там же. С. 227–228.

[191] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 254–259.

[192] Публ. по: Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сб. документов. М., 1994. С. 63.

[193] *Самсонов А.* Москва, 1941 год. От трагедии поражений — к великой победе. М., 1991. С. 168.

[194] *Кульков Е. Н.* Московская битва // Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 355.

[195] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 935. Д. 1. Л. 17–18.

[196] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 120.

[197] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 249.

[198] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 72.

[199] Сообщения Советского информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 407–409.

[200] *Соколов Д. К.* Тихвинская наступательная операция 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 563–564.

[201] *Невзоров Б. И.* Москва: враг не прошел // Рубежи ратной славы Отечества. М., 1996. С. 23.

[202] Там же.

[203] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 50–54.

[204] Там же. Д. 380. Л. 82.

[205] Накануне подобный приказ был издан Генеральным штабом.

[206] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 259.

[207] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 30.

[208] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 106–111.

[209] Там же. Д. 525. Л. 140.

[210] Там же. Д. 7. Л. 55–57.

[211] Цит. по: Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 180–181.

[212] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 123.
[213] Там же. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 62.
[214] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 275.
[215] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 112.
[216] Там же. Д. 156. Л. 472.
[217] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 279.
[218] Там же. С. 283.
[219] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75–79.
[220] Там же.
[221] История Великой войны. Т. 1. С. 261.
[222] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 37.
[223] Там же. С. 33–34.
[224] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 2. С. 57–58.
[225] История Великой войны. Т. 1. С. 264.
[226] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 54–55.
[227] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 2. С. 67.
[228] Битва под Москвой. М., 1989. С. 249.
[229] ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.
[230] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. С. 55–56.
[231] См.: *Мартынов В. Е.* Угра-фронт. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 2010; *Капусто Ю.* Последними дорогами генерала Ефремова. М., 1992; Материалы Историко-архивного поискового центра «Судьба» (1988–2010).
[232] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171–178.
[233] Там же. Д. 139. Л. 42–52.
[234] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 137–138.
[235] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 371–372.
[236] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 298.
[237] Там же.
[238] Группа армий «Центр» в результате операции «Зейдлиц» (2–31 июля 1942 г.) перерезала все коммуникации 39-й армии и, по существу, разгромила ее. По донесению отдела разведки и контрразведки группы армий «Центр» от 31 июля 1942 г., на поле боя остались около 10 тыс. убитых советских солдат, 49 225 человек были взяты в плен, захвачено 1528 орудий и минометов, 226 танков и другого вооружения (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 227. Л. 19). Генерал-лейтенант И. И. Масленников, раненый в ногу, был вывезен из окружения на самолете в середине июля 1942 г.
[239] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 297.
[240] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 52–53.
[241] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 307–308.
[242] *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 226.
[243] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 244.
[244] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
[245] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 271.
[246] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 983. Л. 1–16.
[247] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 104.
[248] *Вегнер Б.* Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 519.
[249] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 219.
[250] Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.

ПОВОРОТ ВОЙНЫ НА ЗАПАД

Драма 1942 г.

Получение доступа к богатым нефтяным месторождениям Кавказа являлось одним из факторов, который делал привлекательным для Германии завоевание СССР. Недостаток нефтепродуктов вынуждал руководство Третьего рейха развернуть масштабное производство синтетического горючего и ставил немецкое руководство в зависимость от владеющих нефтью союзников — Венгрии и Румынии. Впервые идея похода на Кавказ за нефтью была озвучена А. Гитлером еще 31 июля 1940 г., на самых ранних стадиях планирования вторжения в Советский Союз. Повторно к этому вопросу фюрер вернулся в июне 1941 г., за несколько дней до нападения на СССР. Директивой № 32 предусматривалось наступление через Кавказ в Иран в качестве плана действий на период после разгрома Вооруженных сил Советского Союза.

Переход от общих замыслов к детальному плану произошел в октябре 1941 г., когда оперативный отдел ОКВ подготовил первый план Кавказской операции. 19 ноября А. Гитлер сообщил начальнику генерального штаба Ф. Гальдеру, что Кавказ станет первой целью кампании 1942 г. На тот момент еще была сильна уверенность, что столица СССР будет взята до конца 1941 г. Несмотря на поражение под Москвой, А. Гитлер не стал менять своих стратегических планов. В директиве ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 г., ставшей основным руководящим документом для групп армий на 1942 г., были окончательно определены цели летней кампании: «Главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ»[1]. Операция получила кодовое наименование «Блау».

Одной из задач подготовительного периода операции «Блау» было введение советского командования в заблуждение относительно действительного направления главного удара в летней кампании 1942 г. С этой целью штаб группы армий «Центр» по указанию ОКХ разработал операцию под кодовым наименованием «Кремль». Для рядовых исполнителей она выглядела как настоящий план наступления на Москву. Предусматривалось проведение перегруппировки и ложных перебросок войск, передислокация штабов и командных пунктов, подвоз переправочных средств к водным преградам. Штаб 3-й танковой армии был передислоцирован с левого крыла группы армий «Центр» в район Гжатска. Именно здесь армия должна была наступать согласно плану операции «Кремль». Усилилась аэрофоторазведка московских оборонительных позиций, окраин Москвы, районов к востоку от нее. Планы столицы и других крупных городов, расположенных в полосе наступления группы армий «Центр», с 10 июня рассылались вплоть до штабов полков, что увеличивало вероятность утечки этой информации. Все дезинформационные мероприятия тесно увязывались

с подготовкой и осуществлением операции «Блау». Так, в полосе 2-й танковой и 4-й армий они должны были «достигнуть кульминационной точки» 23 июня, а в полосе 3-й танковой и 9-й армий — 28 июня. После этого они постепенно сворачивались.

Сосредоточение германским командованием усилий в полосе группы армий «Юг» сразу же ухудшило для советских войск соотношение сил сторон в южном секторе советско-германского фронта. За счет перегруппированных из центрального сектора фронта и переброшенных с запада свежих соединений немцам удалось нанести Красной армии ряд сильных ударов весной и в начале лета 1942 г. В Крыму немецкая 11-я армия в мае разгромила Крымский фронт и вновь оккупировала Керченский полуостров. В мае того же года 6-й немецкой армии удалось не только остановить наступление Юго-Западного фронта под Харьковом, но и окружить и разгромить крупные силы Юго-Западного и Южного фронтов на барвенковском выступе. В конце мая — начале июля развернулось сражение за Севастополь. После 250 дней осады черноморская твердыня пала под ударами превосходящих сил противника.

Первоначально операция «Блау» была назначена на 23 июня, но в связи с затяжкой боевых действий в районе Севастополя этот срок был перенесен на 28 июня. К востоку от Курска, между верховьями рек Сосна и Сейм, на 110-километровом участке фронта развернулись немецкие 2-я и 4-я танковая и 2-я венгерская армии, объединенные в армейскую группу под общим руководством командующего 2-й немецкой армией генерала М. фон Вейхса. Утром 28 июня после артиллерийской и авиационной подготовки соединения армейской группы «Вейхс» перешли в наступление. Немецкие танковые дивизии взломали фронт и прорвались к Воронежу.

Однако, несмотря на допущенные ошибки и просчеты, перед началом летней кампании советское командование предприняло ряд шагов в целях накопления стратегических резервов. Действующая армия к концу июня 1942 г. состояла из 54 общевойсковых, одной танковой армий и двух оперативных групп. В резерве Ставки Верховного главнокомандования находилась одна танковая армия и формировалось еще 10 резервных армий. Для этого с фронта выводились на доукомплектование дивизии, понесшие большие потери.

Напряженная обстановка, создавшаяся на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов, заставила советское командование принять меры к предотвращению форсирования противником р. Дон и приостановлению дальнейшего продвижения его войск на восток. С этой целью директивами Ставки ВГК на левый берег Дона, на участок от Задонска до Воронежа, была выдвинута 3-я резервная армия, на участок от Воронежа до Павловска — 6-я резервная армия, переименованные соответственно в 60-ю и 6-ю армии.

Как это было запланировано ранее, 7 июля 1942 г. группа армий «Юг», насчитывавшая уже более 1200 тыс. человек, была разделена на группы армий «А» и «Б». Группу армий «Б», включавшую 4-ю танковую, 6-ю и 2-ю армии, 8-ю итальянскую и 2-ю венгерскую армии, возглавил фельдмаршал Ф. фон Бок. Для группы армий «А» с весны 1942 г. готовился штаб под командованием фельдмаршала В. Листа. В подчинение группы армий «А» поступили 1-я танковая армия и армейская группа Р. Руоффа (17-я немецкая и 2-я румынская армии).

После прорыва к Воронежу германская 4-я танковая армия повернула на юг и начала стремительное наступление вдоль Дона во фланг и тыл Юго-Западного и Южного фронтов. Под угрозой окружения советские войска были вынуждены отходить на восток. 15 июля 1942 г. замкнулось кольцо окружения вокруг войск 9-й, 38-й и части сил 24-й армии в районе Миллерово. Ввиду осложнения обстановки Ставка ВГК приказала командующему Южным фронтом Р. Я. Малиновскому отвести войска фронта за Дон в его нижнем течении. Ему предписывалось организовать прочную оборону по южному берегу Дона от Верхнекурмоярской до Батайска и далее по оборонительному рубежу на северных подступах к Ростову. Отход Южного фронта за Дон начался в ночь на 16 июля. Сделать это достаточно организованно и упредить немецкие танки в отходе к Ростову не удалось. 25 июля 1942 г. город был захвачен противником.

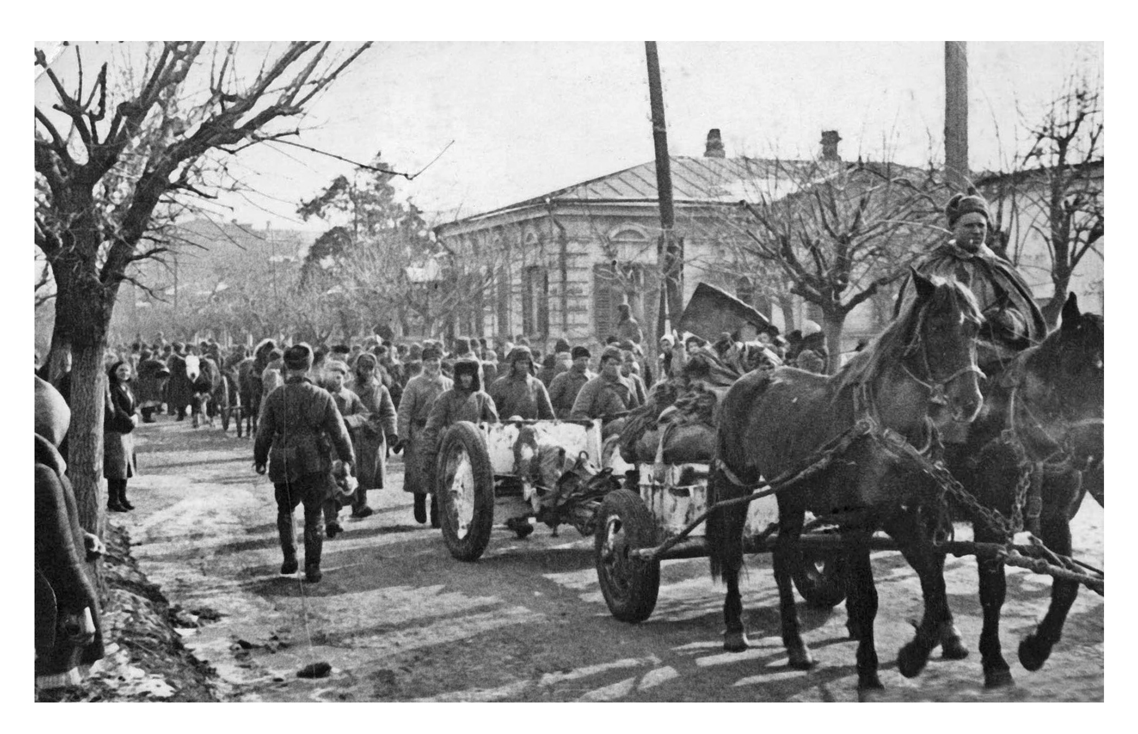
23 июля Юго-Западный фронт, отступивший в большую излучину Дона, был переименован в Сталинградский. Первым командующим Сталинградским фронтом стал маршал

Северный Кавказ. Воины-альпинисты под командованием лейтенанта А. С. Ефремова поднимаются по леднику для обороны горного перевала. 1942 г.

Советские пехотинцы ведут оборонительный бой в предгорьях Кавказа

2-я гвардейская стрелковая (будущая Таманская) дивизия входит в освобожденный Краснодар

Разведчики вышли к Дону

дивизий 62-й армии занимали оборону на фронте шириной 100 км, что обусловливало весьма низкую среднюю плотность. Командующий армией сосредоточил основные усилия на левом фланге армии, закрывая направление, по которому достичь Сталинграда можно было по кратчайшему расстоянию. Такое уплотнение на левом фланге было достигнуто за счет растягивания частей и соединений на остальных участках. Приказом командования Сталинградского фронта в распоряжение командующего 62-й армией передавался 13-й танковый корпус «в качестве мощного резерва против прорывающихся танков противника». Он насчитывал 94 танка Т-34 и 63 танка Т-70. Однако подготовка личного состава оставляла желать лучшего. Командир 13-го танкового корпуса Т. И. Танасчишин с тревогой докладывал командованию о том, что «механики-водители танков имеют только по 3—5 часов вождения»[5].

Наступающая в большой излучине Дона 6-я немецкая армия образовала две ударные группировки — северную и южную. Северная группировка наступала через Перелазовский и Клетскую, южная — через Морозовск и Суровикино. В состав первой вошли 14-й танковый и 8-й армейский, в состав второй — 51-й армейский и 24-й танковый корпуса.

С утра 23 июля северная группировка 6-й армии Ф. Паулюса нанесла удар на правом фланге 62-й армии, именно там, где оборона имела низкую плотность. Оборонявшиеся здесь 184-я и 192-я стрелковые дивизии, полк 33-й гвардейской стрелковой дивизии и 40-я танковая бригада были окружены уже в первый день сражения. Для координации действий окруженных частей прибыл самолетом начальник оперативного отдела 62-й армии полковник К. А. Журавлёв, который взял управление окруженными войсками на себя. Так была образована группа К. А. Журавлёва. Прорвав фронт, немецкие танковые части развивали наступление к Калачу. У этого города находилась важная переправа через Дон в его большой излучине, захват которой означал катастрофу для 62-й армии. Навстречу танковому клину противника были выдвинуты стрелковая дивизия и танковая бригада тяжелых танков КВ-1, сдержавшие натиск врага. 13-й танковый корпус 25 июля нанес контрудар в районе Первомайского и предотвратил выход неприятеля в тыл основным силам 62-й армии.

Южная ударная группировка 6-й немецкой армии 25 июля вышла на фронт Суровикино и Суворовский и атаковала оборонявшиеся здесь соединения и части правого фланга 64-й армии. Не выдержав удара немцев, они отошли на рубеж железной дороги, прикрыв фланг и тыл 62-й армии. Часть сил 64-й армии была вынуждена переправиться через Дон и организовать оборону на его восточном берегу.

Советское командование сознавало, что принятые в первые дни немецкого наступления контрмеры дадут лишь временное облегчение. В ходе переговоров по прямому проводу между Ставкой и штабом фронта вечером И. В. Сталин утвердил представленный ему план формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий. 1-ю танковую армию планировалось сформировать к 26 июля, а 4-ю танковую — к 1 августа. Командующими армиями были назначены генералы К. С. Москаленко и В. Д. Крюченкин. Каждая из армий должна была состоять из двух танковых корпусов, трех стрелковых дивизий и частей усиления. Формирование танковых армий происходило преимущественно за счет прибывающих резервов. Всего с 25 по 31 июля Ставка дополнительно направила в состав фронта 11 стрелковых дивизий, четыре танковых корпуса и восемь отдельных танковых бригад. Вследствие прорыва противника к Калачу формирование армий в сжатые сроки осуществить не удалось. Маршал А. М. Василевский позднее вспоминал: «Единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий»[6].

Уже 25 июля задачу получила 1-я танковая, а 26 июля — 4-я танковая армия. Целью наступления обеих армий являлась так называемая верхнебузиновская группировка врага, ядром которой был 14-й танковый корпус 6-й немецкой армии. Серьезным недостатком в проведении контрудара был ввод танковых корпусов по частям, по мере их прибытия в состав танковых армий. 28-й танковый корпус (208 боевых машин) перешел в наступление под Калачом 26 июля. В течение дня его части продвинулись на 6—7 км, в результате угроза

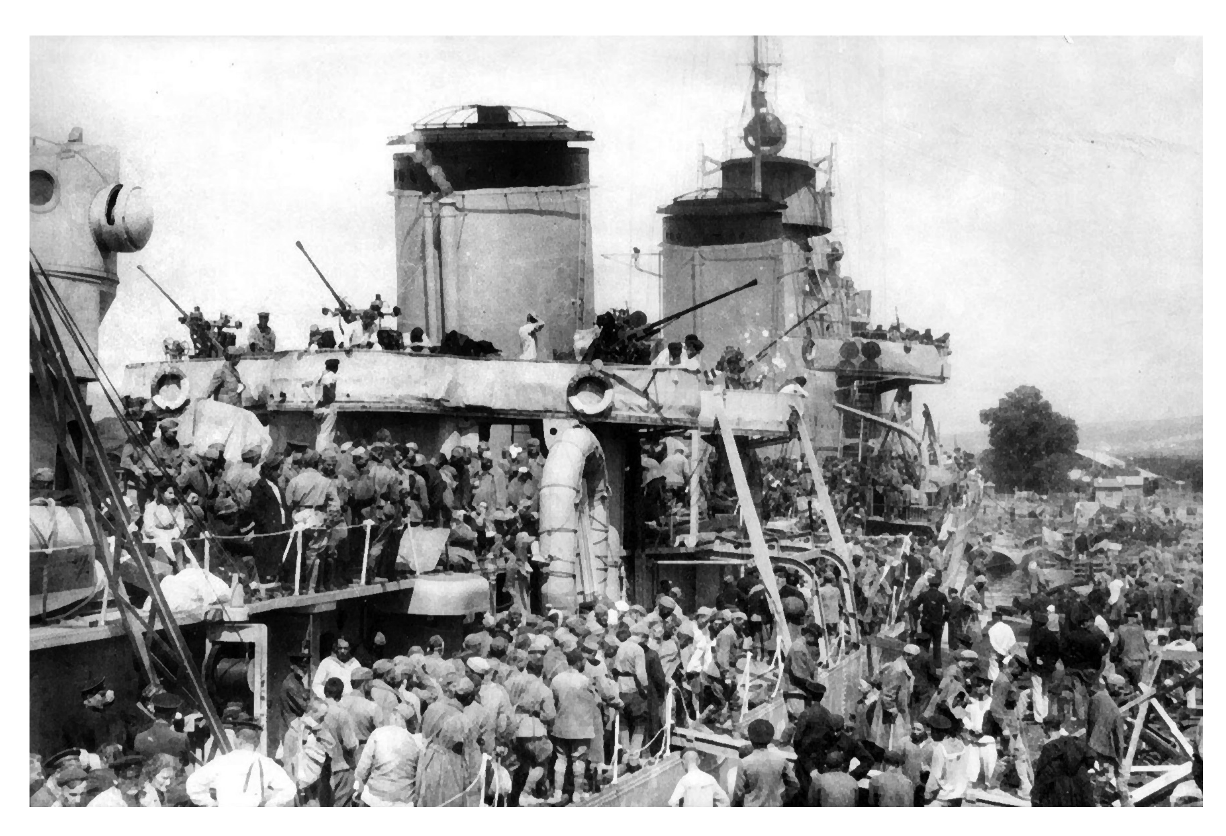
Зенитный расчет на Историческом бульваре Севастополя. 1942 г.

Севастополь. Партизаны Аджимушкая. 1944 г.

Погрузка советских войск на борт лидера эсминцев «Ташкент», идущего на помощь осажденному Севастополю

Раненые солдаты и эвакуируемые мирные жители, прибывшие из осажденного Севастополя, сходят на берег с борта лидера эсминцев «Ташкент» в порту Новороссийска

Штурман-бомбардировщик в самолете. Черноморский флот. 1943 г.

Контрольное бомбометание на входе в Северную бухту Севастополя

Линейный корабль Черноморского флота «Парижская коммуна» (до марта 1921 и с 31 мая 1943 г. носил имя «Севастополь») ведет огонь по позициям врага из Южной бухты Севастополя

С. К. Тимошенко. 28, 38, 57 и 9-я армии Юго-Западного фронта передавались в состав Южного фронта. Оборонять Сталинград предстояло резервным армиям. В состав Сталинградского фронта директивой Ставки были включены 63-я (бывшая 5-я резервная, 67 тыс. человек), 62-я (бывшая 7-я резервная, 81 тыс. человек), 64-я (бывшая 1-я резервная, 72,8 тыс. человек) армии. Таким образом, для восстановления целостности фронта в сражение вводились сразу более 200 тыс. человек. Также фронту передавались две морские стрелковые бригады, курсантские полки восьми училищ с Северного Кавказа. Из прежнего состава Юго-Западного фронта в Сталинградский фронт перешли 8-я воздушная и 21-я армии. В составе 21-й армии на тот момент насчитывалось всего 28 тыс. человек. 8-я воздушная армия имела 337 исправных самолетов[2]. Целый ряд потерявших материальную часть танковых бригад фронта отводился в тыл для отдыха и пополнения.

62-я армия в это время находилась в Сталинграде и выводилась через Калач на сталинградский рубеж к западу от Дона. 64-я армия перевозилась по железной дороге из района Тулы. Условия, в которых начиналась Сталинградская битва, трудно назвать типичными для сражений Великой Отечественной войны. Первоначально советские и немецкие войска на сталинградском направлении не имели соприкосновения друг с другом. 4-я немецкая танковая армия направилась на Кавказ, а 6-я армия генерала Ф. Паулюса подходила в большую излучину Дона с запада. На тот момент это объединение было одним из самых многочисленных в вермахте. Одной из первых задач Сталинградского фронта стало выдвижение вперед на 60—80 км передовых отрядов для выяснения сил и вероятных планов врага. Столкновение передовых отрядов 62-й армии с частями 6-й армии ознаменовало начало Сталинградской битвы. Первый бой состоялся уже во второй половине дня 16 июля 1942 г. у хутора Морозов. Вскоре в схватку с врагом вступили остальные передовые отряды. Однако их действия не оправдали ожиданий командования. Офицер Генерального штаба в 62-й армии майор Кордовский писал об их действиях: «В результате высылки ПО (передовых отрядов. — *Прим. ред.*) на большое удаление армия потеряла большое количество живой силы и мат. части до начала боя на переднем крае. ПО свою основную задачу выполнили очень мало»[3].

23 июля 1942 г. С. К. Тимошенко был отозван в распоряжение Ставки, а на его место назначен генерал В. Н. Гордов. В качестве причины снятия С. К. Тимошенко можно назвать череду неудач войск фронта, начиная с катастрофы под Харьковом и заканчивая окружением под Миллерово. 23 июля в район Сталинграда по поручению Ставки прибыл начальник Генерального штаба А. М. Василевский.

В тот же день появилась на свет директива № 45 верховного главнокомандующего германскими вооруженными силами о продолжении операции «Брауншвейг» (так с 30 июня стала называться операция «Блау»). При этом германское командование исходило из того, что задачи, поставленные перед войсками южного крыла восточного фронта директивой от 5 апреля 1942 г., уже в основном выполнены. Относительно задач группы армий «Б» на сталинградском направлении было сказано следующее: «...нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке»[4]. После этого предполагалось нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги.

Армии Сталинградского фронта занимали к 23 июля следующее положение: 63-я армия генерала В. И. Кузнецова оборонялась по левому берегу Дона на участке Бабка, устье р. Медведицы общей протяженностью около 300 км; 21-я армия генерала А. И. Данилова располагалась восточнее 63-й армии на фронте шириной свыше 60 км до Клетской; 62-я армия генерала В. Я. Колпакчи развернулась на 100-километровом участке фронта в большой излучине Дона от Клетской до Суровикино; 64-я армия генерала В. И. Чуйкова разворачивалась южнее 62-й армии и обороняла 80-километровый участок от Суровикино до Верхнекурмоярской, опираясь левым флангом на восточный берег Дона.

Одним из главных условий достижения успеха в грядущем оборонительном сражении было правильное определение направления главного удара противника. Пять стрелковых

переправе была ликвидирована. Спустя три дня, 29 июля, начал наступление 22-й танковый корпус 4-й танковой армии. К 1 августа от его 175 танков в строю осталось всего 56 машин[7]. 30 июля первоначально всего одной танковой бригадой предпринял контратаку 23-й танковый корпус 1-й танковой армии. Атаки советских частей заставили 14-й танковый и 8-й армейский корпуса 6-й армии перейти к обороне до подхода с запада 17-го и 11-го армейских корпусов. Это позволило советским войскам достичь некоторых тактических успехов. 13-му танковому корпусу удалось пробиться в расположение окруженной группы полковника К. А. Журавлёва, а затем вывести ее подразделения на север, в район сосредоточения 4-й танковой армии. Однако вырвавшиеся из окружения части понесли большие потери.

Тем не менее нельзя назвать контрудары 1-й и 4-й танковых армий безрезультатными. А. М. Василевский позднее вспоминал: «Контрудар не привел к разгрому группировки врага, прорвавшейся к Дону, но, как показали последующие события, сорвал замысел противника окружить и уничтожить 62-ю армию». Ф. Гальдер 5 августа записал в дневнике: «Паулюс докладывает о серьезных контрударах противника». В записи от 6 августа сквозит откровенная тревога: «У Паулюса на северном участке тяжелые оборонительные бои». Однако наступательные возможности танковых армий Сталинградского фронта неуклонно сокращались. В семи танковых бригадах 1-й танковой армии на 5 августа остался всего 61 танк[8].

В конце июля произошла смена командующих армиями, действовавшими под Сталинградом, считавшихся недостаточно подготовленными для ведения боев в сложной обстановке на важнейшем направлении. Командующим 62-й армией вместо В. Я. Колпакчи был назначен генерал А. И. Лопатин, а в командование 64-й армией вместо В. И. Чуйкова вступил генерал М. С. Шумилов.

Тем временем армия Ф. Паулюса подтянула дивизии 11-го и 17-го армейских корпусов. Утром 7 августа ее северная и южная ударные группировки перешли в наступление по сходящимся направлениям. На следующий день наступавшие части 14-го и 24-го танковых корпусов встретились в районе Калача, и оборонявшиеся на западном берегу Дона соединения 62-й армии оказались в окружении. Численность окруженных войск в штабе Сталинградского фронта оценивали в 28 тыс. человек[9]. Окруженные соединения мелкими группами пробивались в разных направлениях к своим войскам.

После завершения боев с окруженными частями 62-й армии войска Ф. Паулюса развернулись фронтом на север. Здесь оставался так называемый сиротинский плацдарм, нависавший над северным флангом 6-й армии. Занимали его части 4-й танковой армии. После передачи участка фронта на Дону 8-й итальянской армии Ф. Паулюс перегруппировал свои главные силы в район южнее Клетской. Новое немецкое наступление началось 15 августа. Уже в середине первого дня наступления две стрелковые дивизии 4-й танковой армии были окружены. Далее последовали прорыв немецких танков к переправам через Дон и отсечение от них отходящих советских частей.

Быстрый распад обороны 4-й советской танковой армии сорвал сосредоточение 1-й гвардейской армии, прибывающей из резерва Ставки ВГК. Ее соединения были введены в бой с целью остановить противника и удержать плацдарм в малой излучине Дона. Упорное сопротивление советских войск на этом участке заставило немецкое командование изменить первоначальный план наступления на Кавказ. Сталинградское направление требовало спешного усиления. 30 июля 4-я немецкая танковая армия была передана из группы армий «А» в группу армий «Б», при этом произошло изменение ее состава. В итоге в распоряжении командующего армией Г. Гота остались немецкие танковый и армейский корпуса, а также румынский армейский корпус. Однако 4-я танковая армия действовала на стыке советских войск, отходивших на разных направлениях. Это было действительно слабое место. 31 июля Сталинградскому фронту из состава Северо-Кавказского фронта была передана 51-я армия под командованием генерала Т. К. Коломийца, что увеличило протяженность обороняемого фронта до 700 км. Армия насчитывала в своем составе всего пять дивизий, растянутых на 200-километровом фронте. Сдержать натиск противника, наступавшего вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград, они не смогли.

Следовавшие с Дальнего Востока соединения находились еще в пути. Более того, 208-ю стрелковую дивизию уже 1 августа атаковал противник прямо в эшелонах в районе Котельниково. В течение последующих дней она была разгромлена ударами с воздуха и атаками вражеских танков. От наступления вдоль железной дороги Г. Гот отказался. Он предпочел выполнить широкий обходной маневр по степи. Сменив направление удара, 4-я танковая армия быстро преодолела сталинградский обвод. Пройдя около 150 км, ее передовые части вышли к станции Абганерово. До Сталинграда оставалось около 30 км. Однако в районе Абганерово и Тингута противник встретил упорное сопротивление двух танковых бригад, получивших новую технику со сталинградского завода, а также стрелковых частей 64-й армии и курсантских полков. Столкнувшись с усиленной танками советской обороной и испытывая нехватку горючего, 48-й немецкий танковый корпус перешел к обороне. Быстрого прорыва к Сталинграду с юга не получилось. Разъезду «74 км» и станции Абганерово предстояло на несколько дней стать ареной напряженных танковых боев. Сам факт прорыва вызвал серьезное беспокойство Ставки ВГК. И. В. Сталин с раздражением телеграфировал в штаб фронта 6 августа: «Ставка возмущена тем, что Вы допустили прорыв танков противника через южный фас сталинградского обвода, не оказав ему здесь должного сопротивления»[10].

Изменение обстановки на фронте совпало с организационными преобразованиями в войсках на сталинградском направлении. 5 августа был образован Юго-Восточный фронт, в который вошли 64, 57 и 51-я армии. Командующим войсками нового фронта был назначен генерал-полковник А. И. Ерёменко, начальником штаба — генерал Г. Ф. Захаров. Отражение немецкого наступления под Абганерово стало первой задачей нового фронта. В течение 7 и 8 августа обе стороны производили перегруппировку и сосредоточение сил. 9 августа советским танкам удалось отбить разъезд «74 км». Бой у Абганерово продолжался почти три недели. По мере подхода свежих сил 4-я немецкая танковая армия переносила направление удара и взламывала оборону стрелковых соединений 64-й армии. Однако развить прорыв и устремиться в глубину обороны у немцев не получалось: подтягивались части танковых бригад и запечатывали прорыв. 25 августа в дневнике Ф. Гальдера появилась следующая запись: «Под Сталинградом войска Гота натолкнулись на мощную оборонительную позицию противника»[11].

Тем временем возобновила наступление 6-я полевая армия. 21 августа она захватила плацдарм на восточном берегу Дона в 60 км от Сталинграда. К 22 августа на восточный берег реки переправились уже шесть пехотных дивизий. После постройки 140-метрового моста в ночь на 23 августа к ним присоединились три танковые дивизии. Утром они перешли в наступление, и оборона 62-й советской армии на подступах к плацдарму была взломана. Уже к середине дня 23 августа немецкие танки вышли к северной окраине Сталинграда, к исходу дня они подошли к Волге в районе Латошинка, Рынок. Одновременно с выходом противника к северной окраине Сталинграда по городу был нанесен мощнейший авиаудар. Задача массированного воздействия на город была поставлена еще в директиве А. Гитлера № 45 от 23 июля 1942 г. В ней говорилось: «Особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда»[12]. А. И. Ерёменко позднее вспоминал: «Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели 23 августа в Сталинграде, поразило нас, как тяжелый кошмар. Беспрерывно то там, то здесь взметались вверх огненно-дымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные султаны пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма»[13]. Недавно выросший как индустриальный центр, Сталинград еще не успел отстроиться, и в нем была масса деревянных домов. В городе бушевали страшные пожары, погибли около 40 тыс. мирных жителей.

К моменту прорыва противника Сталинград был почти беззащитен. Городской оборонительный обвод заняли 10-я дивизия НКВД, курсанты военно-политического училища, части ПВО, сводный отряд морской пехоты и другие подразделения из резерва фронта. Однако этих сил было явно недостаточно. Избежать катастрофы позволили беспрерывно прибывающие резервы. В целях отражения наступления 4-й танковой армии Г. Гота к югу от Сталинграда Ставка ВГК планировала выделить Юго-Восточному фронту 2, 4 и 16-й танковые корпуса.

Наступление армии Ф. Паулюса 23 августа смешало все карты. До назначенных районов они большей частью не добрались. 2-й танковый корпус оказался к югу, а 4-й и 16-й танковые корпуса — к северу от вклинения 14-го танкового корпуса. 2-й танковый корпус А. Г. Кравченко был немедленно использован для усиления обороны на подступах к Сталинграду с севера. Он перешел в контрнаступление уже утром 24 августа. Тем самым было не только предотвращено распространение врага на территорию Сталинграда, но и отбиты важные пункты в черте города.

Ставка ВГК и лично И. В. Сталин требовали «окружить прорвавшегося противника и истребить его». Для этого были созданы две ударные группы к северу и югу от участка вражеского прорыва. Первую в составе 4-го и 16-го танковых корпусов, 84, 24 и 315-й стрелковых дивизий возглавил заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал К. А. Коваленко, вторую группу в составе 2-го и 23-го танковых корпусов — генерал А. Д. Штевнёв.

Сильные контрудары Сталинградского фронта заставили немецких военачальников задуматься об отводе своих войск, вбитых клином в советскую оборону. 26 августа Ф. Гальдер записал в дневнике: «У Сталинграда весьма напряженное положение из-за атак превосходящих сил противника. Наши дивизии уже не так сильны. Командование слишком нервничает. Виттерсгейм (14-й танковый корпус. — *Прим ред.*) хотел убрать назад свой вытянутый к Волге палец. Паулюс помешал этому»[14]. Хотя в ходе контрударов танковых групп А. Д. Штевнёва и К. А. Коваленко не было достигнуто решительного результата, они сыграли немаловажную роль в сражении за город. Успешно наступавшая 29 августа 4-я немецкая танковая армия вышла на позиции, благоприятствующие смыканию флангов двух армий на ближних подступах к городу. Однако шанс отрезать главные силы 62-й и 64-й советских армий от Сталинграда был упущен. Будучи скована контрударами групп К. А. Коваленко и А. Д. Штевнёва, 6-я полевая армия не смогла нанести удар навстречу 4-й танковой армии и образовать кольцо окружения. Соединения 62-й и 64-й армий беспрепятственно отошли с рубежей Дона и Мышковки в Сталинград.

К 23 августа из города были эвакуированы более 100 тыс. жителей, но там еще оставались свыше 400 тыс. человек. Вопрос об эвакуации населения ставился С. К. Тимошенко еще в июле 1942 г. Однако длительное время переправы через Волгу были заняты эвакуируемой из оставленных южных районов сельскохозяйственной техникой и гуртами крупного рогатого скота, которые имели огромное значение для снабжения страны продовольствием. Прорыв немцев к Волге потребовал срочной организации эвакуации людей из осажденного Сталинграда. Для этого были использованы все суда речного флота и катера Волжской военной флотилии. Этот этап эвакуации проходил под ударами с воздуха и даже под артиллерийским огнем противника. Так, санитарный пароход «Бородино» с 700 ранеными был расстрелян прямой наводкой в районе Рынка и затонул. Спаслись всего около 300 человек. Такая же участь постигла и пароход «Иосиф Сталин» с эвакуируемыми жителями. Из находившихся на корабле 1200 человек спаслись вплавь всего около 150 пассажиров. За несколько дней из горящего города удалось переправить за Волгу свыше 300 тыс. человек.

Контрудары групп А. Д. Штевнёва и К. А. Коваленко не смогли переломить ситуацию в пользу советских войск. Отошедшие в Сталинград части и соединения по-прежнему были изолированы от главных сил фронта. Их снабжение шло через Волгу и не могло быть достаточно устойчивым. Ставка решила нанести севернее Сталинграда удар силами 1-й гвардейской армии. После сосредоточения она должна была наступать в направлении совхоза Котлубань — Самофаловка — Гумрак с целью соединиться с частями 62-й армии.

Решение на переброску в район Сталинграда резервов было принято уже 25 августа. В состав Сталинградского фронта начали прибывать части и соединения 24-й (бывшая 9-я резервная, пять стрелковых дивизий) и 66-й (бывшая 8-я резервная, шесть стрелковых дивизий) армий. 24-ю армию возглавлял Д. Т. Козлов, а 66-ю армию — Р. Я. Малиновский. Под Сталинград из района Ржева был направлен Г. К. Жуков.

Контрудары противника в последнюю неделю августа существенно подорвали боевые возможности введенных в бой корпусов. В составе 4-го танкового корпуса оставалось

36 танков, 16-го танкового корпуса — 104 боевые машины[15]. Только вновь прибывший под Сталинград 7-й танковый корпус П. А. Ротмистрова насчитывал в строю 169 танков.

В 5 часов 30 минут утра 3 сентября после 30-минутной артподготовки 1-я гвардейская армия перешла в наступление. Коридор между войсками Сталинградского фронта и 62-й армии удалось сократить с 8 до 5,5 км. Вечером 3 сентября И. В. Сталин направил Г. К. Жукову следующее распоряжение: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если Северная группа войск не окажет немедленной помощи»[16].

4 сентября основные силы 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий развернулись на фронте от Самофаловки до Ерзовки и возобновили наступление. Противник упорно оборонялся. Оставшиеся на поле боя подбитые танки были превращены немцами в огневые точки. Успеха новые атаки не имели.

12 сентября 1942 г. Г. К. Жуков и Г. М. Маленков докладывали в Москву: «...вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был бы взят противником»[17].

Командующий 6-й армией Ф. Паулюс вместе с М. фон Вейхсом 12 сентября прибыли в Винницу в ставку фюрера. Ф. Паулюс не поддержал оптимистичных оценок сроков овладения Сталинградом, сославшись на усталость войск. Итогом совещания было решение передать Ф. Паулюсу соединения 4-й танковой армии. А. Гитлер также пообещал, что северный фланг на Дону получит значительное подкрепление со стороны войск союзников.

Соединения отошедшей в Сталинград 62-й армии к 11 сентября насчитывали 48 тыс. человек[18]. Незадолго до начала штурма города на должность командующего армией был назначен генерал В. И. Чуйков. Первый штурм Сталинграда начался 14 сентября в 6 часов 30 минут утра. Немцам удалось найти слабое место в обороне 62-й армии и прорваться к центру города. Был захвачен Мамаев курган (высота 102,0), господствовавший над городом. Между 62-й и 64-й армиями враг вбил клин. Переданные Ф. Паулюсу дивизии из 4-й танковой армии Г. Гота в ходе тяжелых уличных боев заняли южную часть города и сталинградский элеватор. Восстановить положение можно было только за счет ввода в бой резервов, которые уже подходили к городу. Первой стала проходившая переформирование 13-я гвардейская стрелковая дивизия А. И. Родимцева численностью около 9,6 тыс. человек. Части дивизии переправились в город в ночь на 15 сентября и вступили в бой за вокзал и так называемые дома специалистов. На следующий день силами дивизии А. И. Родимцева у немцев был отбит Мамаев курган.

Новый удар Сталинградского фронта с целью воссоединиться с 62-й армией состоялся уже в середине сентября 1942 г. Для этого были привлечены значительные силы. В составе наносившей главный удар 1-й гвардейской армии насчитывалось 124 тыс. человек и 340 танков[19], в 24-й армии, наступавшей на вспомогательном направлении, — 54 тыс. человек. Атака началась 18 сентября. Однако советские танки и пехоту встретил плотный огонь противника и массированные удары с воздуха. Офицер Генерального штаба при 7-м танковом корпусе майор Матусевич доносил: «Можно безошибочно констатировать, что указанное наступление было сорвано авиацией пр[отивни]ка»[20]. Немецкая авиация выполнила за этот день свыше 2 тыс. самолето-вылетов. Под ударами с воздуха стрелковые части залегли, а прорвавшиеся вперед танки были расстреляны артиллерией и вкопаны в землю танками врага. Попытки возобновить наступление успеха не имели. Общие потери 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий с 1 по 26 сентября составили 107 тыс. человек[21]. 28 сентября произошло разделение войск, действовавших в Сталинграде и к северу от него, на Донской и Сталинградский фронты. Донской фронт возглавил К. К. Рокоссовский.

27 сентября — 7 октября состоялся второй штурм города. Советские войска упорно сопротивлялись. Вспоминая об этих боях, В. И. Чуйков писал: «В своих контрударах мы отказались от наступления частями и даже большими подразделениями. К концу сентября

во всех полках появилась сталинградская штурмовая группа — малая по численности, сильная ударом, неотразимая в действии и изворотливая, как змея».

В ходе отражения второго штурма был потерян выступ у Орловки. 4 октября завязались бои за сталинградские заводы. Войска 62-й армии вели бои в исключительно тяжелых условиях. При фронте протяженностью 25 км глубина оборонительной полосы армии составляла всего от 200 м до 2,5 км. Маневр из глубины был невозможен из-за отсутствия постоянных переправ через Волгу, а маневр по фронту мог осуществляться только по узкой прибрежной полосе и лишь в ночное время.

Упорные бои на улицах города приняли затяжной характер, истощая силы противоборствующих сторон. Немецкое командование снимало с флангов и бросало в город все новые и новые дивизии. В ответ в Сталинград перебрасывались соединения из ударной группировки к северу от города или из 64-й армии. Потрепанные в боях части выводились на переформирование и отдых.

Очередной штурм Сталинграда совпал по времени с оперативным приказом А. Гитлера от 14 октября 1942 г. В нем говорилось: «Летняя и осенняя кампании этого года, за исключением отдельных еще продолжающихся операций и намечаемых наступательных действий местного характера, завершены»[22]. Фактически это означало переход немецких войск на восточном фронте к обороне. Исключением оставался Сталинград.

Для высвобождения сил 6-й немецкой армии для удара на Сталинград по указанию А. Гитлера на среднее течение Дона спешно выдвигалась 3-я румынская армия. Ее подход позволил заменить румынами 17-й армейский корпус и высвободить для атаки на Сталинград две пехотные дивизии. В результате начавшегося 14 октября штурма 6-й армии удалось захватить корпуса Сталинградского тракторного завода (СТЗ) и выйти к Волге и заводу «Баррикады», отрезать от переправ северную группу 62-й армии (группу С. Ф. Горохова). Последняя попытка немецкого командования полностью овладеть Сталинградом была предпринята с переброской в город саперных батальонов, изъятых из пехотных дивизий на спокойных участках фронта. Штурм начался 10 ноября, но уже на второй день наступательный порыв немецких войск иссяк.

С наступлением холодов и началом ледостава на Волге положение защитников Сталинграда значительно ухудшилось. В журнале боевых действий фронта 13 ноября 1942 г. появилась тревожная запись: «С появлением сала (тонкий лед. — *Прим. ред.*) на Волге... положение с переправами становится близко к катастрофическому»[23]. На тот момент 138-я стрелковая дивизия И. И. Людникова занимала участок на восточной окраине завода «Баррикады» размером 700 м по фронту и 400 м в глубину. Боеприпасы и продовольствие сбрасывались в расположение дивизии с самолетов У-2. Без радикальных мер со стороны командования последним островкам сопротивления советских войск в Сталинграде грозило неминуемое уничтожение.

В конце июля 1942 г. началась битва за Кавказ. Войска Южного фронта отошли к нижнему течению Дона и заняли оборону по левому берегу реки. В полосе шириной 171 км от станицы Верхнекурмоярской до Константиновской оборонялась 51-я армия (около 40 тыс. человек) Северо-Кавказского фронта. 25 июля эта армия была передана Южному фронту. От Константиновской до Азова оборонялись 37, 12 и 18-я армии Южного фронта. 56-я армия (18 тыс. человек) после боев за Ростов отводилась во второй эшелон. Подчиненная Южному фронту 4-я воздушная армия насчитывала всего 130 боевых самолетов[24].

В состав Северо-Кавказского фронта, которым командовал С. М. Будённый, входили 47-я армия, 1-й отдельный стрелковый, 17-й кавалерийский корпуса и 5-я воздушная армия. Фронт оборонял восточный берег Азовского моря, Керченский пролив и берег Черного моря до населенного пункта Лазаревское. От Лазаревского до Батуми и далее на советско-турецкой границе находились войска Закавказского фронта, которым командовал генерал И. В. Тюленев. Часть войск фронта находилась в Северном Иране. Черноморский флот и Азовская военная флотилия были оперативно подчинены Северо-Кавказскому фронту.

Перед группой армий «А» стояла задача окружить и уничтожить советские войска, ушедшие «за реку Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова»[25]. После окружения основных

сил советских войск на южном берегу Дона группа армий «А» должна была разделиться на две группировки. Первой ставилась задача на «овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего противник лишится черноморских портов и Черноморского флота». Вторая должна была начать наступать на нефтепромыслы: «...захватить район Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги, по возможности на перевалах. В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку». Группе армий «А» предполагалось подчинить 4-ю танковую армию (86 тыс. человек)[26].

Немецкое наступление с рубежа Дона началось 25 июля. Владение инициативой и перевес в силах позволили противнику сломить сопротивление советской обороны. За двое суток враг продвинулся до 80 км. 28 июля отходившие с Дона части Южного и Северо-Кавказского фронтов были объединены в один — Северо-Кавказский фронт под командованием С. М. Будённого. Командование Закавказского фронта получило приказ подготовить оборонительные рубежи по рекам Терек, Урух, а также по перевалам Главного Кавказского хребта и занять их войсками. В конце июля в составе фронта были сформированы две оперативные группы. Первую (Донскую) группу, предназначенную для прикрытия ставропольского направления, возглавил генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. В нее были включены 51, 37 и 12-я общевойсковые и 4-я воздушная армии. Вторую (Приморскую) группу, предназначенную для прикрытия краснодарского направления и Таманского полуострова, возглавил генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. В нее вошли 18, 56, 47 и 5-я воздушная армии, 1-й отдельный стрелковый и 17-й кавалерийский корпуса[27].

Отход советских войск с рубежа Дона в любой момент грозил обернуться катастрофой. В составе фронта не было ни одного механизированного соединения, в то время как немецкая группировка имела девять подвижных соединений: пять танковых и четыре моторизованные дивизии. Они могли опередить советские войска, отходившие пешим маршем, перехватить маршруты отхода, окружить и уничтожить их. На какое-то время продвижение 1-й немецкой танковой армии на юг было задержано взрывом плотины Веселовского водохранилища. Расположенная ниже плотины р. Маныч (шириной всего 40 м) быстро превратилась в море шириной 3–4 км. Одним из средств сдерживания танковых частей противника стала авиация. Немецкий историк В. Тике писал об этих днях: «Необычная активность советской авиации создавала помехи выдвижению немецких соединений»[28]. В начале августа обстановка в некоторой степени улучшилась в результате поворота 4-й танковой армии на Сталинград и ее подчинения группе армий «Б».

Несмотря на организованный отход с южного берега Дона, положение войск Северо-Кавказского фронта в начале августа 1942 г. продолжало оставаться тяжелым. 1-я немецкая танковая армия за неделю прошла 255 км, ее очередной целью стал Майкоп. 6 августа немецкие танки форсировали Кубань в районе Армавира. Мост через р. Белую у Майкопа был захвачен переодетыми в красноармейскую форму диверсантами из 800-го полка особого назначения «Бранденбург». В результате двухдневных боев в лесной гористой местности к 10 августа Майкоп был захвачен противником. В руках немцев оказалось одно из нефтяных месторождений Кавказа. Однако оккупантов ждало горькое разочарование. Отходящие советские части успели взорвать многие скважины, разрушить емкости для хранения нефти и вывели из строя нефтеперерабатывающее оборудование, сняв ключевые агрегаты. Часть оборудования НПЗ успели эвакуировать. Даже спустя два месяца после захвата противнику не удалось ввести в эксплуатацию майкопские скважины.

Прорыв противника к Майкопу означал возможность выхода его к побережью Черного моря вдоль железной дороги Армавир — Туапсе и рассечение Приморской группы надвое. В директиве Ставки ВГК № 170564 от 10 августа 1942 г. командующему Северо-Кавказским фронтом указывалось, что в создавшейся обстановке «самым основным и опасным для Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота в данный момент является направление от Майкопа на Туапсе»[29]. Для предотвращения захвата Туапсе на это направление были переброшены 18-я армия под командованием генерала Ф. В. Камкова и 17-й казачий кавалерийский корпус.

Напряженные бои развернулись и в центральной части Главного Кавказского хребта, в подготовке обороны которого были допущены серьезные просчеты. Главные силы соединений 46-й армии расположились у подножия хребта, ближе к морю. На перевалы выдвинулись лишь небольшие отряды. Марухский перевал обороняла всего одна усиленная стрелковая рота, а Клухорский прикрывался двумя стрелковыми ротами и саперным взводом. 49-й немецкий горный корпус получил задачу «пробиться через Кавказ западнее Эльбруса и в случае успеха выйти к Тбилиси». Он состоял из уроженцев Тироля и жителей других гористых районов Южной Германии, которые чувствовали себя в горах как дома. Немецкие горные егеря располагали вьючными животными и специальной облегченной горной артиллерией. Первое столкновение состоялось уже 15 августа на подступах к Клухорскому перевалу. Пройдя по доступным только подготовленным людям скалистым склонам, горные егеря обошли с флангов позиции наших подразделений непосредственно на перевале. Самая высокая точка на Военно-Сухумской дороге (2816 м) оказалась в руках немцев. Советское командование узнало о случившемся с запозданием, когда противник продвинулся уже на 10–25 км по южным склонам, создав угрозу Сухуми и коммуникациям Черноморского побережья. Началось спешное выдвижение к перевалам главных сил соединений 46-й армии. Однако противник не ограничился наступлением на Клухор. Он также атаковал соседний Марухский перевал и начал выдвижение своих войск к Хотютау. В итоге последнего маневра немецкие горные части вышли на южный склон Эльбруса. 21 августа в пропагандистских целях группа немецких альпинистов из числа военнослужащих горных частей установила флаг со свастикой на Эльбрусе. Военного значения эта акция не имела, но широко освещалась в прессе. Куда более серьезную угрозу создавал выход в конце августа 1942 г. немецких горных частей в район Санчарских перевалов, через которые пролегал кратчайший путь к Гудауте и Гаграм.

Сам факт прорыва немцев на южные склоны Главного Кавказского хребта вызвал серьезное беспокойство советского руководства. 23 августа в Сухуми приехал член Государственного Комитета Обороны Л. П. Берия. Командующий 46-й армией В. Ф. Сергацков был отстранен от должности и заменен генералом К. Н. Леселидзе. 27 августа армейские части усилили отрядами НКВД, на Кавказ направили опытных спортсменов-альпинистов. Во главе с новым командующим соединения 46-й армии на ряде перевалов контратаковали противника. Выбить немецкие части с перевалов так и не удалось, но прорыв горных егерей через перевалы к Черному морю также не состоялся.

Для выяснения причин неуспеха операции А. Гитлер 8 сентября направил начальника штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодля в штаб группы армий «А». О результатах этого визита Ф. Гальдер писал в дневнике: «Миссия Йодля к Листу привела к тому, что он (Йодль) требует теперь не выдвигать вперед горный корпус, а отвести его назад»[30]. Ответом А. Гитлера на эти требования стало смещение В. Листа. Теперь группу армий «А» формально возглавлял лично сам А. Гитлер. Боевые действия на перевалах продолжались. С советской стороны в бой были введены отдельные горнострелковые отряды, специально экипированные для действий в горах. Только с наступлением холодов активные действия на перевалах прекратились.

В то время как 1-я немецкая танковая армия пыталась пробиться к нефтяным месторождениям, 17-я армия Р. Руоффа вытесняла советские войска с Таманского полуострова и побережья Черного моря. С 19 августа на новороссийском направлении развернулись ожесточенные бои. Обороняла город 47-я армия Северо-Кавказского фронта, численность защитников Новороссийска составляла около 15 тыс. человек. Прорваться к Новороссийску с ходу противнику не удалось. Упорная оборона 47-й армии заставила 17-ю армию 25 августа приостановить наступление.

Не добившись решительного результата ни на туапсинском, ни на новороссийском направлениях, немецкое командование приняло решение сосредоточить усилия на приморском фланге 17-й армии. После перегруппировки войск 28 августа противник возобновил наступление на этом направлении, прорвал оборону 47-й армии на ее левом фланге и к 31 августа вышел на Черноморское побережье и занял Анапу[31].

Еще 1 сентября на основании директивы Ставки ВГК Северо-Кавказский фронт был преобразован в Черноморскую группу войск Закавказского фронта. В состав группы вошли войска 12, 18, 47, 56-й армий и 4-й гвардейский кавалерийский корпус. Командовать фронтом остался И. В. Тюленев, Черноморскую группу войск возглавил Я. Т. Черевиченко.

В начале сентября бои вокруг Новороссийска развернулись с новой силой. Пользуясь низкой активностью вражеской авиации, в обороне участвовали корабли Черноморского флота. Но 7 сентября к Новороссийску все же прорвались подразделения 5-го немецкого армейского корпуса. После трехдневных ожесточенных уличных боев советские войска вынуждены были 10 сентября оставить большую часть города. За прорыв противника к Новороссийску Г. П. Котов был снят с должности командующего 47-й армией, и его место занял А. А. Гречко. Войска армии закрепились в промышленных районах восточной части города и преградили противнику путь к прибрежной дороге. Попытки немцев пробиться к ней успеха не имели.

Потерпев неудачу, германское командование приняло решение обойти советскую оборону через горы силами 3-й румынской горной дивизии. Начав наступление 19 сентября, румыны за три дня боев захватили несколько высот и вклинились в советскую оборону на 6 км. В ответ последовал контрудар силами двух бригад морской пехоты и одной стрелковой дивизии. В боях 22–26 сентября передовые части румынской горной дивизии были окружены и почти полностью уничтожены. После этого на новороссийском направлении противник был вынужден перейти к обороне. Советские войска, удержав за собой восточный берег Цемесской бухты, не позволили врагу использовать Новороссийск в качестве порта.

Ведя активные действия на приморском фланге, германское командование продолжало считать своей главной задачей на Кавказе захват нефтепромыслов. После занятия Майкопа главные силы 1-й танковой армии развернулись в направлении Грозного. Для прикрытия района Махачкала, Грозный и Владикавказ на рубеж р. Терек были заблаговременно выдвинуты 44-я и 9-я армии. В целях установления между ними более тесного взаимодействия армии объединили в Северную группу войск Закавказского фронта. В ее состав была также включена 37-я армия, занявшая оборону по р. Баксан. Возглавил Северную группу генерал И. И. Масленников. Донская группа 11 августа была расформирована.

Во второй половине августа советские войска на Кавказе отошли на рубеж Главного Кавказского хребта и р. Терек. Только в результате упорной борьбы немцам в первых числах сентября силами 23-й танковой дивизии удалось образовать плацдарм в районе Моздока. Это был серьезный удар по целостности обороны Северной группы на грозненском направлении. Однако, расширяя захваченный плацдарм на Тереке, немцы сразу же столкнулись с непреодолимыми трудностями. Советская артиллерия с господствующих высот обстреливала как сам плацдарм, так и переправу через Терек. Контрбатарейная борьба в горных условиях стала для противника серьезной проблемой. Одновременно советское командование настойчиво пыталось ликвидировать плацдарм контрударами с использованием танков.

Соединения 1-й немецкой танковой армии медленно расширяли плацдарм в двух направлениях. Предпринимались попытки прорыва в излучине Терека, в направлении так называемых Эльхотовских ворот. Они представляли собой ущелье, пересекающее Сунженский хребет у осетинского села Эльхотово. Через Эльхотовские ворота можно было выйти к Орджоникидзе (Владикавказу), на Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги. Однако узкое ущелье было перекрыто развитой системой инженерных сооружений, противотанковыми минами и рвами, ежами и проволочными заграждениями. Все попытки немцев пробиться через Эльхотовские ворота потерпели неудачу. С плацдарма противник пытался развернуть наступление и в восточном направлении на Грозный. Однако советскому командованию удалось построить прочную оборону в узкой долине между Терским и Сунженским хребтами, опирающуюся на противотанковые опорные пункты, усиленные вкопанными в землю танками. Несмотря на ввод в бой свежей дивизии СС «Викинг», немцам не удалось продвинуться вдоль долины далее Малгобека.

Советское командование не могло смириться с существованием плацдарма противника на южном берегу Терека. По указанию Ставки ВГК началась подготовка наступательной операции 9-й армии, план которой был представлен на утверждение 23 октября. Предполагалось из района Ищерской нанести удар в тыл плацдарма по левому берегу Терека.

В свою очередь, немецкое командование приняло решение перенести направление главного удара и прорваться к Орджоникидзе через Нальчик. На этом направлении оборонялись части 37-й советской армии. 25 октября румынские части, входившие в состав 1-й танковой армии, начали фронтальное наступление на Нальчик. Днем позже во фланг 37-й армии ударили немецкие танковые дивизии с плацдарма под Моздоком. В ходе уличных боев 27 октября Нальчик был захвачен немецкими и румынскими войсками.

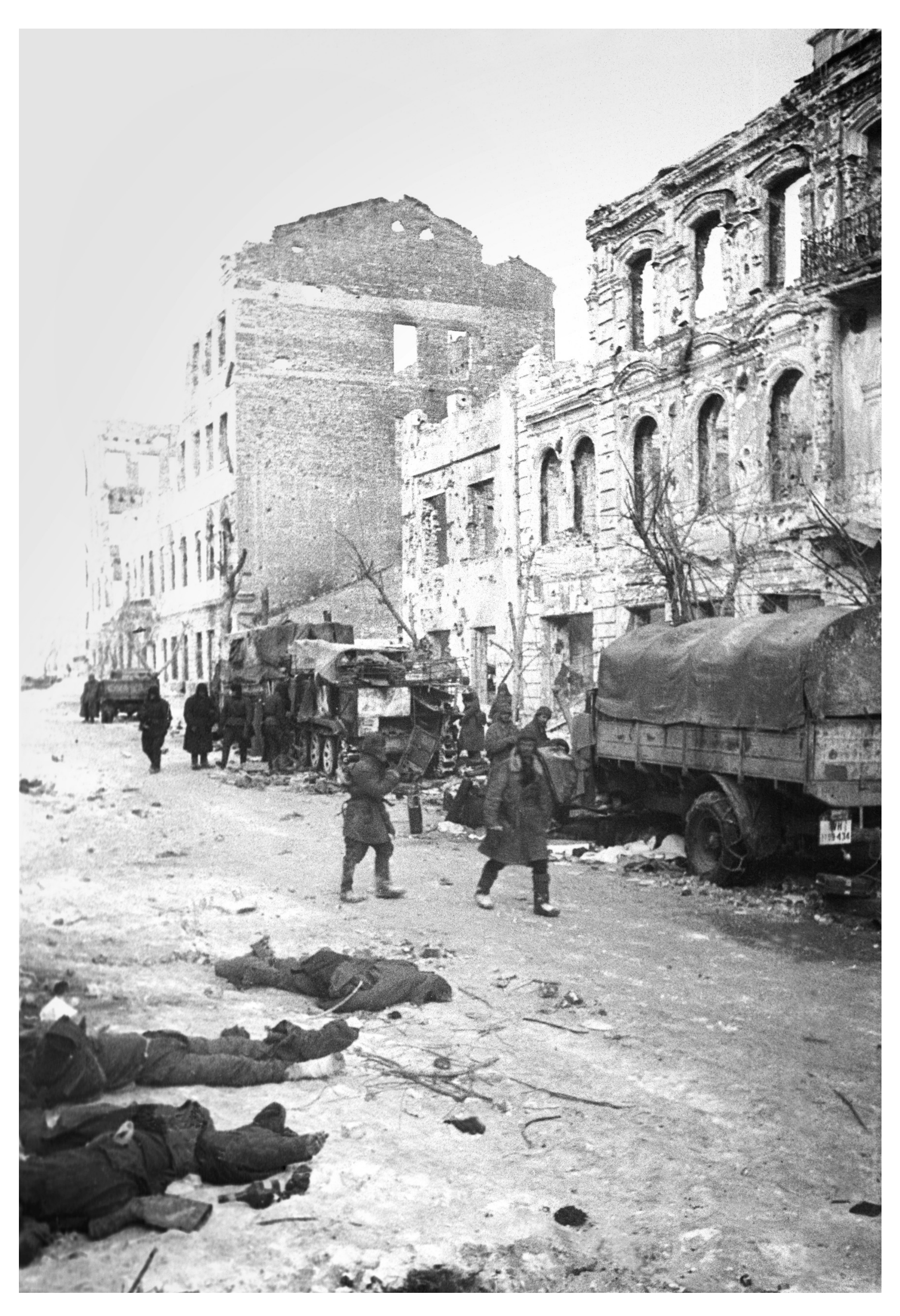
Ко 2 ноября немецкие танки стояли в 15 км западнее Орджоникидзе. 13-я и 23-я танковые дивизии врага угрожали городу и главной коммуникации Закавказского фронта, проходящей через Центральный Кавказ, — Военно-Грузинской дороге. Командование фронта было вынуждено отказаться от контрнаступления под Ищерской. После войны И. В. Тюленев писал: «Положение было тревожным. Я приказал срочно перебросить на орджоникидзевское направление из района Ищерской 10-й гвардейский стрелковый корпус и 52-ю танковую бригаду»[32].

Войска, подготовленные ранее для наступления под Ищерской, были перегруппированы и задействованы под Орджоникидзе. Наступление началось 6 ноября 1942 г. 13-я танковая дивизия немцев была практически окружена, у противника оставался лишь узкий коридор шириной в 3 км, насквозь простреливаемый артиллерией. В ночь на 11 ноября немцы начали поспешно отходить, бросая оставшиеся без горючего танки, автомашины, другую технику и тяжелое вооружение. При разгроме вражеской танковой группировки советские войска захватили 140 танков (неисправных), семь бронемашин, 70 орудий, 95 минометов, 183 мотоцикла, 2350 автомашин (большинство неисправных) и много разного военного имущества. Если 1 ноября 13-я танковая дивизия располагала 119 исправными танками, то к 17 ноября осталось только 32 машины. Тяжелое поражение, нанесенное 3-му танковому корпусу, заставило 1-ю танковую армию перейти к обороне.

После неудачной попытки прорваться к Туапсе со стороны Новороссийска командование группы армий «А» решило овладеть городом ударом через горы западной части Главного Кавказского хребта. Захват Туапсе привел бы к изоляции большей части оборонявшейся на Черноморском побережье группы советских войск, в том числе защитников Новороссийска. К наступлению привлекались горноегерские части, из них была сформирована так называемая группа Х. Ланца. В первые же дни наступления, совершив обход через горы, легкопехотные дивизии и группа Х. Ланца вышли в тыл частям 18-й армии, оборонявшим шоссе на Туапсе. Были окружены два полка 32-й гвардейской стрелковой дивизии. Неудача в обороне сразу привела к кадровым перестановкам. 11 октября Я. Т. Черевиченко был освобожден от должности командующего Черноморской группой и заменен генералом И. Е. Петровым, защищавшим Севастополь. На должность командующего 18-й армией был назначен А. А. Гречко, успешно руководивший обороной под Новороссийском. Под Туапсе стягивались резервы с пассивных участков фронта. Вводом в бой резервов ситуацию удалось стабилизировать, и защитники Туапсе обрушили на врага череду контрударов. Продвижение противника замедлилось, а вскоре вовсе остановилось. Немецкие войска на Кавказе практически повсеместно перешли к обороне.

Разгром вермахта под Сталинградом и на Кавказе

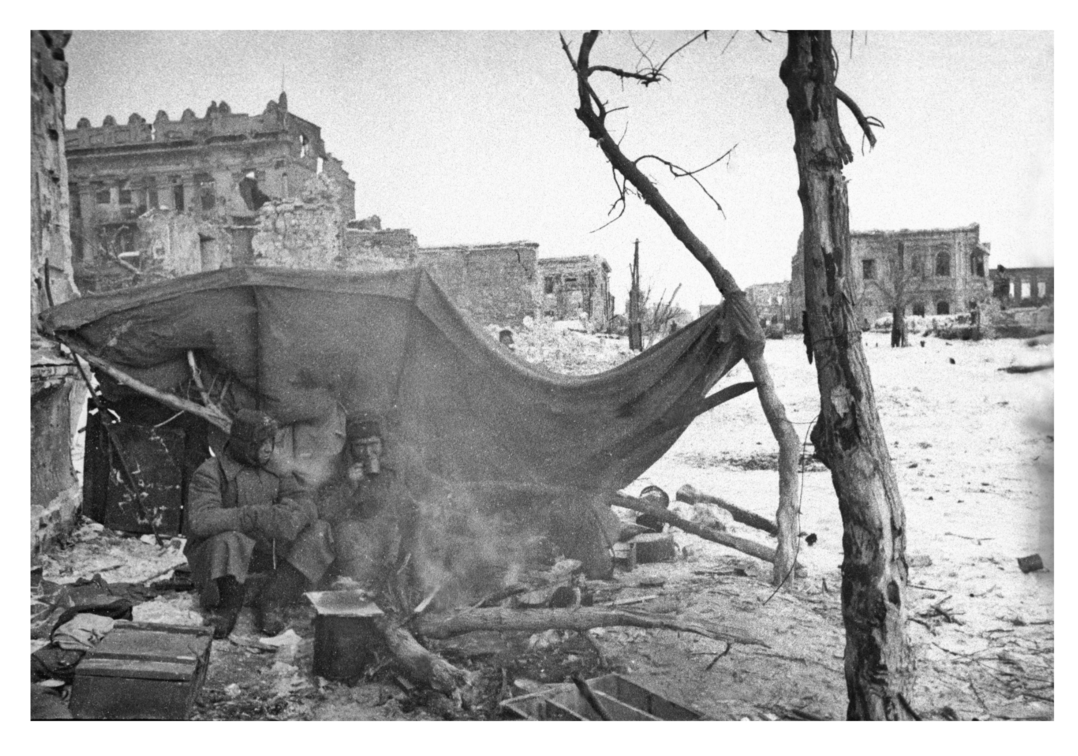
Первые наметки плана грядущего контрнаступления появились еще в разгар боев за Сталинград и контрударов Сталинградского фронта в сентябре 1942 г. Описывая порядок выработки решения, Г. К. Жуков вспоминал: «Мы с Александром Михайловичем (начальник

Сталинград после ожесточенных боев. 1943 г.

Сталинград. Уличный бой

Сталинград. В минуты затишья. 1943 г.

Сталинград. Регулировщик. 1943 г.

Сталинград. Находчивые красноармейцы пустили на корм лошадям трофейные эрзац-валенки. 1942 г.

На улицах Сталинграда после окончания боев

Генштаба А. М. Василевский. — *Прим. ред.*) отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение. «А какое «иное» решение?» — вдруг, подняв голову, спросил И. В. Сталин. Я никогда не думал, что у И. В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу. «Вот что, — продолжал он, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской группировки»[33].

Сама идея удара Сталинградским и Донским фронтами уже витала в воздухе. Вопрос был в определении направления ударов и количества сил для их нанесения. Представленные командующими фронтами планы контрнаступлений хотя и содержали рациональное зерно, особенно план командующего Сталинградским фронтом А. И. Ерёменко, но не могли быть приняты. Г. К. Жуков позднее отмечал в мемуарах: «Основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного главнокомандования и Генеральному штабу»[34]. Операция получила кодовое наименование «Уран». Ее опорой стали созданные Ставкой резервы и перегруппировки войск. Сыгравшая ключевую роль в операции «Уран» 5-я танковая армия была переброшена в район Сталинграда по железной дороге с Брянского фронта (из района Плавска). Главная роль в проведении операции «Уран» отводилась Сталинградскому и вновь созданному Юго-Западному фронту, командующим которым назначили генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. Эти два фронта занимали позиции против флангов сталинградской группировки противника. Донской фронт выполнял задачу сковывания окружаемого врага и наступал своим правым крылом с ограниченными целями. Координировать действия фронтов в качестве представителя Ставки ВГК было поручено А. М. Василевскому.

Ударная группировка Юго-Западного фронта в составе 5-й танковой армии (90 тыс. человек, 359 танков) под командованием генерала П. Л. Романенко и 21-й армии (92 тыс. человек, 199 танков) во главе с генералом И. М. Чистяковым развернулась на плацдармах на левом берегу Дона у Серафимовича и в районе Клетской. Она должна была прорвать оборону 3-й румынской армии и подвижными войсками развивать наступление на юго-восток в целях выхода на Дон на участке Нижнечирская, Большенабатовский. Перед войсками Донского фронта стояла задача окружить вражескую группировку, занимавшую оборону западнее Дона, отрезав ее от Сталинграда. Войска Сталинградского фронта наносили главный удар силами 57-й армии (56 тыс. человек, 225 танков) и 51-й армии (45 тыс. человек, 207 танков) с задачей разгромить части 6-го румынского армейского корпуса и во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта окружить сталинградскую группировку немцев. Три советских фронта насчитывали десять общевойсковых, танковую и четыре воздушные армии, пять танковых, два механизированных и три кавалерийских корпуса, 34 отдельные бригады, девять укрепрайонов и пять отдельных танковых полков. В общей сложности в этой стратегической группировке имелось 1143 тыс. человек, 1560 танков, 14 934 орудия и миномета и 1916 боевых самолетов[35].

К началу советского наступления войска перешедшей к обороне немецкой группы армий «Б» занимали следующее положение. На левом фланге группы армий «Б», примыкавшем к войскам группы армий «Центр», северо-западнее Воронежа действовала 2-я немецкая армия. Здесь в полосе шириной 210 км находилось 14 дивизий. Южнее этой армии, в основном по рубежу р. Дон, на фронте 190 км оборонялась 2-я венгерская армия. Затем располагалась 8-я итальянская армия, занимавшая полосу шириной 180 км. К итальянцам примыкала 3-я румынская армия (10 дивизий, 155 тыс. румын и 11 тыс. немцев), действовавшая в полосе шириной 170 км. У Клетской начинались позиции 6-й армии. Армия Ф. Паулюса состояла из 16 дивизий и занимала участок шириной 140 км, правым флангом упиравшийся в Сталинград. Южнее Сталинграда находилась 4-я танковая армия, три немецкие дивизии которой действовали на участке шириной 50 км. Семь входивших в состав этой армии румынских дивизий при ширине участка примерно 200 км располагались вдоль излучины Волги, южнее Сталинграда. Их численность составляла 75 тыс. человек[36]. Группа армий «Б» была самой мощной из стратегических группировок врага. В ней насчитывалось свыше 1011 тыс. человек,

675 танков, 10 290 орудий и минометов, 1216 боевых самолетов[37]. Далее в калмыцких степях на фронте шириной 300 км вплоть до Терека, где действовала 1-я танковая армия группы армий «А», оборонялась всего одна дивизия. Поддержку с воздуха осуществляли соединения 4-го воздушного флота, который на 20 ноября 1942 г. насчитывал 732 боевых самолета, из которых только 55% были боеготовыми[38].

В период подготовки операции «Уран» советское командование сильно недооценивало численность противника. Передвижения советских войск в подготовительный период контрнаступления под Сталинградом не могли остаться незамеченными. Командование группы армий «Б» получило множество сведений о концентрации советских войск в районе Саратова, что могло свидетельствовать о подготовке наступления на сталинградском направлении. К 3 ноября немецкая разведка сообщила, что советские войска готовятся к наступлению против 3-й румынской армии. Однако эти сообщения не были восприняты как подготовка к крупномасштабному наступлению. Кроме того, немецкой разведкой были получены сведения о готовящемся советском наступлении против ржевского выступа (операция «Марс»)[9]. Немецкие аналитики считали невозможным для Красной армии проведение одновременно двух крупных наступательных операций.

19 ноября в 8 часов 50 минут утра после 1 часа 20 минут артиллерийской подготовки атаки войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление. Действия артиллерии затруднялись из-за сильного снегопада и утреннего тумана. Авиационная подготовка атаки ввиду нелетной погоды не осуществлялась. Плохая погода не позволила развернуть активные действия воздушных армий и днем 19 ноября. Отсутствие авиационной подготовки и затруднение с корректировкой артиллерии заставили советское командование уже в середине первого дня ввести в бой 1-й и 26-й танковые корпуса 5-й танковой армии в целях завершения прорыва. Танки продвинулись на 30–35 км и вышли в районы Медвежьего, Перелазовского и Манойлина.

Германское командование попыталось остановить прорыв с плацдармов на Дону с помощью контрударов своего подвижного резерва — румынской и немецкой танковых дивизий 48-го танкового корпуса. Однако все они потерпели неудачу. Румынская дивизия была разгромлена, а 22-я танковая дивизия немцев сопротивлялась южнее Медвежьего до 24 ноября включительно. Она была обойдена и позднее оттеснена на внешний фронт окружения.

На следующий день после начала наступления Юго-Западного фронта, 20 ноября 1942 г., поочередно, по мере того как рассеивался туман, стали переходить в наступление войска Сталинградского фронта. Действиям пехоты предшествовала артиллерийская подготовка атаки длительностью 75 минут в 57-й армии и 60 минут в 51-й армии. Непосредственная авиационная подготовка в полосе Сталинградского фронта из-за плохой погоды не проводилась. Наступающие соединения уже в первый день прорвали оборону румынских войск. В середине дня в прорыв были введены 13-й и 4-й механизированные и 4-й кавалерийский корпуса. К рассвету 21 ноября части 4-го мехкорпуса вышли к железной дороге Сталинград — Сальск на участке от станции Абганерово до станции Тингута. За 20 и 21 ноября корпус захватил 10 танков, 44 орудия, 600 автомашин, около 7 тыс. пленных[40]. К полудню 22 ноября был занят Советский и тем самым прервано сообщение 6-й полевой армии с тылом по железной дороге.

На третий день наступления, 21 ноября, соединения 5-й танковой и 21-й армий замкнули кольцо окружения вокруг главных сил 3-й румынской армии. Последние очаги сопротивления в расположении окруженных румынских войск были ликвидированы к 24 ноября. Советскими войсками были захвачены в плен около 27 тыс. человек.

В ночь на 22 ноября командир 26-го танкового корпуса генерал Г. С. Родин, воспользовавшись ночной темнотой, направил для захвата переправы через Дон у Калача передовой отряд. Уничтожив охрану, передовой отряд захватил переправу и организовал оборону. Он появился внезапно, и «охрана моста приняла его за оснащенную трофейными русскими танками немецкую учебную часть, которая часто пользовалась этим мостом»[41]. Немецкие солдаты просто не могли поверить в появление советских танков в глубоком тылу 6-й армии.

Сталинград. Здесь отгремели бои. 1943 г.

Бойцы у костра в освобожденном Сталинграде. Февраль 1943 г.

Из Сталинградского «котла» эти солдаты вермахта перейдут в лагерь для военнопленных…

Они отстояли Сталинград. Февраль 1943 г.

В 16 часов 23 ноября части 4-го механизированного корпуса соединились с 26-м танковым корпусом в районе Калача и Советского. Вскоре после этого к Советскому вышли бригады 4-го танкового корпуса. Юго-Западный и Сталинградский фронты замкнули кольцо окружения. Все коммуникации, связывавшие 6-ю армию с основными силами группы армий «Б», были перерезаны.

Однако нельзя сказать, что план операции «Уран» был реализован полностью. Ударная группировка 24-й армии Донского фронта начала наступление 22 ноября вдоль левого берега Дона на Вертячий, Песковатку. К исходу 23 ноября она вклинилась во вражескую оборону, но прорвать ее, несмотря на привлечение для этой цели с утра 24 ноября 16-го танкового корпуса (115 танков), не смогла. Одной из причин этого было неверное определение начертания переднего края противника. В результате отсечь так называемую задонскую группировку 6-й армии, ее 11-й корпус, войскам Донского фронта не удалось. В период с 24 по 27 ноября она отошла в направлении Сталинграда и влилась в общий состав окруженной группировки противника.

Известие о прорыве советских танков в тыл 6-й армии застигло А. Гитлера в Бергхофе, горной резиденции фюрера в Южной Баварии. Первым представителем люфтваффе, прибывшим в Бергхоф, стал начальник генерального штаба Г. Ешоннек. А. Гитлер сообщил ему, что 6-я армия будет некоторое время отрезана от основных сил, и потребовал немедленного ответа о возможности ее снабжения по воздуху. Г. Ешоннек ответил утвердительно, сославшись на опыт Демянска в 1942 г., когда воздушным путем снабжалась группировка численностью 100 тыс. человек. Однако в районе Демянска самолетам требовалось пролететь всего 60—80 км, а под Сталинградом в несколько раз больше — 200—300 км. Также были существенно недооценены объемы необходимых для 6-й армии грузов. В первые дни после окружения, с 25 по 29 ноября, 6-й армии доставлялось по воздуху только по 53,8 тонн грузов в день вместо необходимых 600 тонн[42].

К 25 ноября в составе частей 6-й армии было 284 тыс. человек[43]. В эту цифру входили два корпуса, перешедшие в подчинение Ф. Паулюса из состава 4-й танковой армии, а также две румынские дивизии (13 тыс. человек)[44]. К вечеру 30 ноября площадь, занимаемая окруженной группировкой противника, сократилась до 1500 кв. км (40 км с запада на восток и 30—40 км с севера на юг). Дальнейшее сокращение периметра приостановилось ввиду формирования устойчивых позиций на западном фасе окружения, опиравшихся на старый советский оборонительный обвод.

В кризисной обстановке, сложившейся в южном секторе советско-германского фронта, германское командование остро нуждалось в эффективном управлении войсками. К ноябрю 1942 г. в состав группы армий «Б» входило семь армий, в том числе четыре армии сателлитов Германии. Такое большое количество армий, к тому же разбросанных на широком фронте, существенно затрудняло управление войсками, поэтому была выделена группа армий «Дон» под командованием Э. Манштейна. В нее вошли армейские группы «Холлидт», «Гот», 3-я румынская и 6-я немецкая армии. Первой задачей группы армий «Дон» было восстановление целостного и относительно устойчивого фронта. Для этого из Франции, а также из групп армий «Центр», «А» и «Б» перебрасывались четыре танковые, три пехотные, две авиаполевые дивизии (всего девять). Вторая задача группы армий «Дон» заключалась в деблокировании окруженной армии Ф. Паулюса. Первоначально Э. Манштейн планировал нанести два удара: главный — силами 4-й танковой армии из района Котельниково и вспомогательный — армейской группой «Холлидт» с рубежа р. Чир в направлении на Калач. Этот вариант был изложен в приказе от 1 декабря 1942 г. группе армий «Дон» на наступление с целью деблокировать окруженную 6-ю армию. Операция получила кодовое наименование «Зимняя гроза». Точная дата начала наступления не была еще определена, но в любом случае операция могла начаться не раньше 8 декабря. Задержка была связана с необходимостью подтягивания резервов с Северного Кавказа.

В свою очередь, советским командованием было запланировано новое наступление в целях разгрома 8-й итальянской армии и войск неприятеля, отброшенных на реки Чир

и Дон, а также перебрасываемых с других направлений и из Западной Европы резервов. Тем самым внешний фронт отодвигался от района окружения на 150–200 км, и любые попытки немцев деблокировать свою группировку, окруженную в районе Сталинграда, оказались бы обречены на провал. Разработка плана операции была поручена командованию Воронежского и Юго-Западного фронтов.

Новая операция предусматривала нанесение ударов по сходящимся направлениям на Миллерово: с севера из района Верхний Мамон и с востока из района севернее Чернышевской, а также с нижнего течения р. Чир на Тацинскую. В результате этих ударов советские войска должны были выйти на рубеж Новая Калитва, Марковка, р. Деркул до Волошино, Миллерово, Ильинка, р. Калитва, р. Северский Донец до устья, выдвинув подвижные войска на Каменск для захвата в этом районе плацдарма на юго-западном берегу Северского Донца. Операция получила кодовое наименование «Сатурн». План был утвержден Ставкой ВГК 3 декабря 1942 г. Для проведения операции Юго-Западный фронт был усилен войсками из резерва Ставки. На правом крыле фронта, на участке от Верхнего Мамона до Вешенской, была развернута новая 1-я гвардейская армия под командованием генерала В. И. Кузнецова. Прежняя 1-я гвардейская армия была переименована в 3-ю гвардейскую. В свою очередь, Воронежский фронт усиливался танковым корпусом из резерва Ставки и создавал ударную группировку в составе этого корпуса и четырех стрелковых дивизий 6-й армии на фланге, примыкающем к Юго-Западному фронту.

В стык Юго-Западного и Сталинградского фронтов выдвигалась 5-я ударная армия под командованием генерала М. М. Попова (бывшая 10-я резервная армия). В ее состав входили танковый корпус и две стрелковые дивизии. Эта армия развертывалась на участке от устья р. Лиски до Верхне-Рубежного, принимая в свой состав две стрелковые дивизии и кавалерийский корпус от 5-й танковой армии Юго-Западного фронта и 4-й механизированный корпус из 57-й армии, выдвинутый на левый берег Дона у Нижнечирской. Для ускорения разгрома окруженной группировки противника проводилось также усиление Донского фронта. В район Вертячего и Песковатки из Тамбова направлялась 2-я гвардейская армия под командованием генерала Р. Я. Малиновского (90,5 тыс. человек).

Решая вопрос о развитии достигнутого успеха, советское командование одновременно вело интенсивную подготовку к отражению деблокирующего удара. Предполагалось, что он будет нанесен по кратчайшему расстоянию между внешним и внутренним фронтами окружения. К тому моменту расстояние между линией обороны 6-й армии и фронтом на р. Чир составляло около 40 км. Напротив, Котельниково было удалено от позиций 6-й армии почти на 120 км. Однако у этого направления было одно важное преимущество: при наступлении с юго-запада не требовалось преодолевать крупные водные преграды. Удар же по кратчайшему расстоянию требовал форсирования Дона.

Планы противника оставались не вскрытыми до самого последнего момента. В журнале боевых действий Сталинградского фронта 9 декабря отмечалось: «Можно предполагать, что немецкое командование намечает провести операцию, имея направление главного удара из района Нижнечирская на Мариновка и вспомогательного вдоль [железной дороги] Котельниково — Сталинград»[45].

Немецкая операция «Зимняя гроза» началась утром 12 декабря. Сравнительно слабая оборона 51-й армии на котельниковском направлении была быстро взломана танковым ударом. Советские стрелковые части были вынуждены отойти на рубеж р. Аксай. Начало операции «Зимняя гроза» сразу же вызвало серьезную тревогу у советского руководства. Уже вечером 13 декабря был отменен первоначальный план операции «Сатурн». И. В. Сталин мотивировал отказ от ранее намеченных целей следующим образом: «Операция «Сатурн» с выходом на Каменск, Ростов была задумана при благоприятной для нас военной обстановке, когда у немцев не было еще резервов в районе Боковский, Морозовский, Нижнечирская»[46]. Вечером 14 декабря последовал приказ Верховного главнокомандующего: «Ввиду изменившейся обстановки на юге осуществление первого этапа операции «Кольцо» отложить»[47]. Кодовое наименование «Кольцо» получила операция по ликвидации окруженной в Сталинграде не-

мецкой группировки. 2-ю гвардейскую армию, в первую очередь ее мехчасти, предписывалось форсированным маршем выдвигать на юг. Она должна была сосредоточиться позади 51-й армии. Однако к вечеру 13 декабря, когда немцы уже вышли на р. Аксай, 2-я гвардейская армия Р. Я. Малиновского была еще в пути. 16 декабря к 7 часам вечера выгрузилось только 120 эшелонов из 156. Журнал боевых действий армии рисует достаточно сложную картину состояния войск сразу после прибытия: «Обозы отстали. Автотранспорт не работает за отсутствием горючего. Связь с выгрузившимися частями отсутствует»[48].

Опорой советской обороны на пути ударной группировки «Зимней грозы» до прибытия резервов стали два механизированных корпуса. За два дня боев им удалось не только предотвратить продвижение противника к р. Мышкове, но и заставить 6-ю танковую дивизию оставить Верхнекумский и отойти назад к Аксаю. В пятидневных боях советские войска достигли несомненного успеха: было выиграно время, необходимое для сосредоточения 2-й гвардейской армии. Успех в обороне был высоко оценен командованием. 18 декабря 4-й мехкорпус стал 3-м гвардейским.

Немецкое наступление фактически остановилось. Последним успехом операции «Зимняя гроза» стал захват плацдарма на р. Мышкове, рубеж которой уже занимали войска 2-й гвардейской армии. Плацдарм находился в 48 км от южного участка внутреннего фронта окружения сталинградского котла. Германскому командованию стало очевидно, что деблокирующая группировка не сможет самостоятельно преодолеть это расстояние. 20 декабря начальник штаба группы армий «Дон» генерал Ф. Шульц безуспешно попытался уговорить командование 6-й армии пробиваться из окружения: «Точка зрения фельдмаршала (Э. Манштейна. — *Прим. ред.*) такова, что наступление 6-й армии по операции «Зимняя гроза» должно начаться чем раньше, тем лучше». Р. Шмидт ответил уклончиво: «Мы доложим, когда сможем начать выступление»[49]. Он считал, что подготовка 6-й армии к прорыву займет 6—8 дней для накопления запасов горючего.

Однако действия советских войск не дали германскому командованию этих нескольких дней на сосредоточение сил для прорыва из кольца окружения. 16 декабря войска Юго-Западного и Воронежского фронтов начали операцию «Малый Сатурн». Наступление советских войск быстро создало угрозу немецким авиабазам, расположенным в Тацинской и Морозовской. 23 декабря последовал приказ штаба группы армий «Дон», по которому войска снимались с котельниковского направления и направлялись к Морозовской. Днем позже перешла в наступление закончившая сосредоточение 2-я гвардейская армия. Главный удар она наносила в направлении на Котельниково с севера, 51-я армия наступала на Котельниково с северо-востока, а ее 13-й и 3-й гвардейский механизированные корпуса прорывались через фронт 4-й румынской армии для глубокого охвата группировки врага с юга. Прорвав оборону противника, войска 2-й гвардейской армии уже 26 декабря вышли на южный берег Аксая. Успешно развивалось наступление и в полосе 51-й армии.

К утру 29 декабря советские войска ударом с нескольких направлений разгромили гарнизон немцев в Котельниково и освободили город. Остатки румыно-немецких войск поспешно отошли в западном и юго-западном направлениях. Внешний фронт окружения начал стремительно удаляться от рубежа р. Мышковы. В результате наступления войск Сталинградского фронта в период с 24 по 30 декабря войска группы армий «Дон» были отброшены в район Дубовское, Зимовники, то есть на удаление в 200 км от Сталинграда. Самостоятельный прорыв 6-й армии на котельниковском направлении стал безнадежным и даже технически невозможным.

С 1 января 1943 г. 62, 64 и 57-я армии, блокировавшие с востока и юга окруженную у Сталинграда вражескую группировку, были переданы в состав Донского фронта, а 5-я ударная армия с 26 декабря 1942 г. — в состав Юго-Западного фронта. Сталинградский фронт в составе 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий был переименован в Южный фронт и получил задачу развивать наступление в общем направлении на Ростов.

Замысел Ставки ВГК заключался в следующем. Южный фронт должен был силами 5-й ударной (с 3 января 1943 г.) и 2-й гвардейской армий выдвинуться в район Ростова и тем са-

мым отрезать пути отхода войскам группы армий «А» на север, а силами 51-й и 28-й армий наступать через Сальск на Тихорецк. Главные силы Черноморской группы войск Закавказского фронта должны были нанести удар через Краснодар на Тихорецк. Таким образом, планировалось окружить основные силы северокавказской группировки противника, отрезав пути их отхода и на Ростов, и на Таманский полуостров. Кроме того, Черноморская группа войск частью своих сил должна была разгромить правое крыло 17-й немецкой армии в районе Новороссийска и овладеть Таманским полуостровом. Северной группе войск Закавказского фронта предписывалось нанести удар правым крылом с целью прижать основные силы 1-й танковой армии врага к Главному Кавказскому хребту.

Тем временем ввиду угрожающего развития событий в полосе группы армий «Дон» 1 января 1943 г. начался отход главных сил 1-й танковой армии из района Моздока в северо-западном направлении. Командующему Закавказским фронтом было приказано организовать преследование врага Северной группой войск таким образом, чтобы основные силы группы и все ее подвижные соединения были на правом заходящем крыле и стремились бы прижать противника к горам. Однако И. И. Масленников, несмотря на отход неприятеля, продолжал опасаться его ударов на Грозный и Дзауджикау и длительное время держал главные силы в центре и на левом крыле группы. Поэтому наступление Северной группы войск проходило медленно, недостаточно организованно, с неполным напряжением сил. При этом на правом крыле группы оно развивалось вдвое медленнее, чем в направлении на Нальчик, Пятигорск.

Основной трудностью в выполнении поставленной задачи для войск Южного фронта являлся отрыв их от станций снабжения на 350 км. Качественно изменить ситуацию возможно было лишь после ликвидации окруженной группировки под Сталинградом и восстановления Сталинградского железнодорожного узла. Возможности советской транспортной авиации как для снабжения войск по воздуху, так и для высадки воздушных десантов были достаточно скромными. Ослабление подвижных соединений и растянутость линий снабжения привели к замедлению темпов наступления войск Южного фронта. Только 7 февраля 1943 г. соединения 28-й армии завязали бои за Батайск и Ростов. Последний был освобожден 14 февраля, когда уже в полную силу развернулось сражение за Харьков.

Черноморская группа войск Закавказского фронта, которая должна была наносить главный удар на Краснодар и Тихорецкую, действовала против многочисленной 17-й армии противника. Даже с войсками, перебрасываемыми из состава Северной группы, которые опоздали к началу операции и прибыли только во второй половине января, она не имела достаточного численного превосходства над неприятелем. Наносившая главный удар 56-я армия начала наступление только 16 января. К 24 января она вклинилась в расположение врага на глубину 25–30 км, выйдя частью сил на южные подступы к Краснодару, однако развить свой успех оказалась не в состоянии.

Кроме того, наступление проходило в крайне неблагоприятных погодных условиях. Непрерывные дожди со снегопадом привели дороги в непригодное состояние. Гужевого и вьючного транспорта не хватало, а автотранспорт мог с трудом передвигаться лишь по основным дорогам. К 24 января 1943 г. на южном крыле советско-германского фронта противнику удалось организованно отойти с предгорьев Главного Кавказского хребта, сомкнуть фланги групп армий «Дон» и «А» и организовать оборону на сплошном фронте. Не увенчались успехом и попытки овладеть Новороссийском путем высадки десанта в районе населенных пунктов Южная Озерейка, Мысхако. Десант, высаженный в районе Мысхако, ввиду своей малочисленности и безуспешных действий войск 47-й армии взять Новороссийск не смог.

Тем не менее в ходе наступательных операций на Северном Кавказе советские войска в течение января и первых чисел февраля 1943 г. продвинулись на 600 км. Значительная часть группы армий «А» (21 дивизия 17-й армии) была оттеснена в низовья Кубани и на Таманский полуостров. 24 января Северная группа войск была преобразована в Северо-Кавказский фронт. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант И. И. Масленников. 4 февраля 1943 г. Ставка ВГК приказала Северо-Кавказскому фронту перейти в наступление с целью вытеснить немецкие войска из Кубани и с Таманского полуострова. Для того чтобы

В освобожденном Сталинграде митинг героев А. И. Родимцева

Генерал армии К. К. Рокоссовский вручает медали «За оборону Сталинграда»

Сталинград. Пулеметчики. Врага приходилось ждать как с земли, так и с неба

Сталинград . Рабочие идут сражаться на подступах к своему заводу. Лето 1942 г.

занять исходное положение для наступления, отдельным соединениям 58-й и 37-й армий необходимо было совершить 75—120-километровый марш в трудных условиях бездорожья и распутицы. Командование фронта торопилось с наступлением и начало его 9 февраля, не ожидая полного сосредоточения войск в исходных районах. Артиллерия усиления и даже часть войсковой артиллерии отстала на 80—100 км. Напротив, немецкое командование располагало для снабжения войск 17-й армии значительными силами транспортной авиации, ранее задействованными для снабжения окруженной 6-й армии.

В результате наносившие главный удар 58-я и 9-я армии в течение двух дней не смогли прорвать вражескую оборону. Прорыв был осуществлен лишь 37-й и 18-й армиями, войска которых совместно с частью сил 46-й армии 12 февраля освободили г. Краснодар. Тем не менее в результате прорыва фронта севернее и южнее Краснодара противник был вынужден начать отвод своих войск почти на всем фронте на новые оборонительные рубежи. Фронт стабилизировался к 4 апреля на рубеже Свистельники, восточнее Варениковской, восточнее Крымской, Цемесская бухта.

Немецкое наступление в районе Котельниково заставило советское командование отказаться от проведения операции «Сатурн» в ее первоначальном варианте. Ставка ВГК потребовала «видоизменить операцию». Видоизменение состоит в том, чтобы главный удар направить не на юг, а на юго-восток, в сторону Нижнего Астахова и с выходом на Морозовск, с тем чтобы боковско-морозовскую группу противника взять в клещи, пройтись по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока[50]. Прорыв предполагалось осуществить в тех же ранее запланированных районах. Новый вариант операции получил наименование «Малый Сатурн». Теперь командующему Юго-Западным фронтом предписывалось нанести главный удар из района Верхнего Мамона не в южном, а в юго-восточном направлении. Ближайшей задачей 1-й и 3-й гвардейских армий было окружить и уничтожить основные силы 8-й итальянской армии, а также группировку противника в районе Боковской и далее наступать на Морозовск.

Вследствие перераспределения задач был изменен состав сил. Ударная группировка 1-й гвардейской армии была усилена еще двумя танковыми корпусами — одним из 6-й армии и одним из резерва фронта. По обновленному плану 1-я гвардейская армия силами пяти стрелковых дивизий должна была прорвать оборону противника в районе осетровского плацдарма. Далее предполагалось ввести в бой 24, 25 и 18-й танковые корпуса (всего 365 танков). Армия должна была развивать наступление в южном и юго-восточном направлениях, охватывая с запада и уничтожая основные силы 8-й итальянской армии и группы «Холлидт». Стрелковыми соединениями армии необходимо было выдвинуться на рубеж Марковка, Чертково, Никольская, а тремя танковыми корпусами, громя тылы врага, развивать стремительный удар на Тацинскую, Морозовск и Чернышковский. 3-я гвардейская армия силами четырех стрелковых дивизий, двух стрелковых, одной мотострелковой бригады и одного механизированного корпуса прорывала оборону противника в районе Боковской и развивала удар в общем направлении на Морозовскую, охватывая частью сил 8-ю итальянскую армию с юга. К концу операции армии следовало выдвинуться на рубеж Никольская, Тацинская, Морозовск. Вспомогательный удар силой одной стрелковой дивизии армия наносила восточнее Вешенской. 5-я танковая армия Юго-Западного фронта, а также 5-я ударная армия Сталинградского фронта должны были наступать с севера и востока против группировки немецких войск в районе Тормосина. С запада операция обеспечивалась наступлением 6-й армии Воронежского фронта на Кантемировку с выходом ее на рубеж Новая Калитва, Марковка и ударом 17-го танкового корпуса этой армии через Кантемировку на Волошино. Действия 6-й армии должны были поддерживаться 2-й воздушной армией Воронежского фронта, действия 1-й и 3-й гвардейских армий — 17-й воздушной армией Юго-Западного фронта.

К началу операции советские войска, развернувшиеся на фронте от Новой Калитвы до устья Лиски (приток р. Чир), насчитывали в своем составе 25 стрелковых дивизий, четыре танковых, два механизированных и один кавалерийский корпуса, восемь танковых полков, три стрелковые, одну мотострелковую и три танковые бригады. Им противостояли основные

силы 8-й итальянской армии, оперативная группа «Холлидт», остатки 3-й румынской армии и часть сил армейской группы «Гот» в составе 19 пехотных, трех танковых и одной кавалерийской дивизий, трех пехотных бригад и одной сводной группы силой до двух дивизий.

Операция «Малый Сатурн» началась 16 декабря 1942 г. в 8 часов утра в густом тумане с артиллерийской подготовки. Плохая видимость заставила приблизить наблюдательные артиллерийские пункты к переднему краю обороны противника на расстояние 250—300 метров, но, несмотря на это, система огня противника и значительная часть его артиллерии не были подавлены. Плохие погодные условия также не позволили в начальный период операции осуществлять поддержку сухопутных войск с воздуха. Самолеты до середины дня в воздух подниматься не могли.

Точно так же, как в ходе наступления по плану «Уран», для завершения прорыва тактической обороны противника пришлось в первый день ввести танковые корпуса армий. Это снизило их боевые возможности при последующих действиях в оперативной глубине. В ожесточенных двухдневных боях танковые корпуса совместно с пехотой прорвали вражескую оборону. К исходу 18 декабря войска 1-й гвардейской и 6-й армий расширили фронт прорыва до 60 км. К этому времени был завершен прорыв и в полосе 3-й гвардейской армии на фронте шириной 20 км. После прорыва фронта боевые действия перешли в маневренную фазу. Танковые корпуса 6-й и 1-й гвардейской армий, а также механизированный корпус 3-й гвардейской армии начали развивать наступление на юг и юго-восток, уничтожая тылы и отступавшие колонны противника, окружая отдельные его группировки и передавая борьбу с ними подходившим стрелковым дивизиям. Советские танковые корпуса подошли к Миллерово почти одновременно с разных направлений. Вечером 18 декабря 25-й танковый корпус был всего в 25 км к северо-востоку от города. На рассвете 19 декабря 18-й танковый корпус достиг станции Мешковской, расположенной примерно в 50 км к северу от Миллерово, которое к тому моменту обороняли только недавно прибывшие туда части войск СС. Взятие его было поручено 17-му и 18-му танковым корпусам, а 24-й и 25-й танковые корпуса направились дальше на юго-восток, к Тацинской и Морозовску.

К 22 декабря были окружены три итальянские и одна немецкая пехотные дивизии северо-восточнее Алексеево-Лозовское. Эта группировка врага была ликвидирована 24 декабря, причем советские войска взяли в плен 15 тыс. вражеских солдат и офицеров. Были также окружены группы противника юго-восточнее Кантемировки, в Чертково, Верхнечирском, восточнее Каменского.

В связи с разгромом 8-й итальянской армии и войск левого крыла группы армий «Дон» немецкое командование было вынуждено отказаться от продолжения операции «Зимняя гроза». Спешно началась переброска войск с других участков фронта группы армий «Дон». Кроме того, с марша бросались в бой войска, прибывавшие из Франции. Объединялись все эти силы в так называемую армейскую группу «Фреттер-Пико».

Наибольшее внимание в этот момент немецкое командование уделяло Тацинской, которая являлась крупной авиабазой, обеспечивавшей снабжение по воздуху окруженных в Сталинграде войск. Одним из главных участников боев в районе Тацинской стал 24-й танковый корпус под командованием генерала В. М. Баданова. На рассвете 25 декабря корпус занял исходные позиции и начал штурм Тацинской. В 17 часов В. М. Баданов доложил в штаб фронта о ее захвате. На аэродроме было уничтожено 44 немецких самолета. Однако в строю в корпусе осталось 58 танков, почти не имевших горючего. Корпус занял круговую оборону. Танки были вкопаны в землю в качестве неподвижных огневых точек. Ввод немцами в бой резервов не позволил деблокировать окруженный в районе Тацинской корпус. В. М. Баданов принял решение прорываться в ночь на 28 декабря, и утром корпус соединился с передовыми частями 1-й гвардейской армии у Ильинки. За смелый рейд на Тацинскую корпус был преобразован во 2-й гвардейский, а В. М. Баданову присвоено звание генерал-лейтенанта.

Рухнувший фронт 8-й итальянской армии спешно восстанавливался немцами. Оборона сконцентрировалась вдоль основной коммуникации в районе, где проводился «Малый Сатурн». Это была железная дорога, проходившая из Россоши через Миллерово к переправам

Сталинград. Дом культуры железнодорожников превратился в долговременную огневую точку

через Северский Донец. Немецкие гарнизоны пропускали советские части дальше, оставаясь в окружении в городках на железной дороге. Первым таким пунктом стало Чертково (50 км к северу от Миллерово), окруженное 22 декабря. Снабжение этих узлов сопротивления осуществлялось по воздуху.

К 30 декабря войска Юго-Западного фронта, уничтожив окруженные в тылу группировки противника, закрепились на рубеже Новая Калитва, Марковка, Чертково, Волошино, севернее Миллерово, Ильинка, Скосырская, Чернышковский. Противнику удалось временно задержать наступление советских войск. Столкнувшись с сопротивлением немецких войск в районе Тацинская, Морозовск и Миллерово, советское командование решило не ввязываться в позиционные бои и сменить направление удара. Две последующие операции — Воронежско-Касторненская и Острогожско-Россошанская — были ориентированы на наступление не в юго-западном, а в западном направлении.

В результате операции «Малый Сатурн» войсками Юго-Западного фронта было полностью уничтожено пять дивизий и три бригады итальянцев, разгромлено и сведено в остатки две немецкие и четыре румынские дивизии. При этом взяты в плен более 60 тыс. солдат и офицеров противника и захвачены большие трофеи.

Задача на уничтожение окруженной армии Ф. Паулюса была поставлена войскам Донского фронта К. К. Рокоссовского еще в конце ноября 1942 г. Однако для ее выполнения Донской фронт в декабре не имел необходимого количества сил и средств. Предназначенная для усиления Донского фронта 2-я гвардейская армия была направлена в состав Сталинградского фронта и использована для отражения деблокирующего удара противника в районе Котельниково. В связи с этим войскам Донского фронта была поставлена задача перейти к обороне по всему фронту окружения. К концу декабря 1942 г. угроза деблокирующего удара извне была ликвидирована.

Положение окруженной армии Ф. Паулюса к январю 1943 г. резко ухудшилось. Запасы боеприпасов, горючего и продовольствия были на исходе. Расчеты немецкого командования на организацию непрерывного снабжения окруженных войск по воздуху провалились с потерей в конце декабря аэродромов в Тацинской и Морозовске.

В подготовке и проведении последней операции Донского фронта под Сталинградом принимал участие представитель Ставки ВГК маршал артиллерии Н. Н. Воронов. Во второй половине декабря командование Донского фронта все еще недооценивало силы окруженных. Н. Н. Воронов позднее писал, что К. К. Рокоссовский «смело и уверенно назвал цифру в 86 тысяч, которые составляют пять пехотных дивизий, две мотодивизии, три танковые дивизии и три каких-то боевых отряда»[51]. Об этом писал и маршал А. М. Василевский: «По разведывательным данным из фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулюс, определялась в то время в 85–90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 300 тыс.»[52]. В действительности, по данным на 18 декабря 1942 г., на довольствии в 6-й армии состояли 249,6 тыс. человек. В это число входили 13 тыс. румын и 19,3 тыс. хиви.

План операции был представлен в Ставку 27 декабря 1942 г.[53] Н. Н. Воронов предлагал нанести главный удар по западному фасу котла. В мемуарах он формулирует основную идею плана следующим образом: «Мы решили мощным таранным ударом с запада на восток рассечь надвое окруженную группировку противника с попутным уничтожением ее отдельных частей». Выбор именно такого направления действий войск фронта оправдывался рядом соображений, в частности характером местности, изрезанной глубокими балками, идущими с запада на восток. Наступление с запада на восток обеспечивало советским танковым частям свободу маневра в глубину, тогда как при ударе с севера на юг действия их были бы ограничены. Также над разработчиками операции довлели неудачи наступлений Сталинградского и Донского фронтов в сентябре — октябре 1942 г.

Однако первый вариант плана операции не был поддержан Ставкой. В направленной К. К. Рокоссовскому и Н. Н. Воронову директиве Ставки ВГК указывалось: «Главный не-

достаток представленного Вами плана по «Кольцу» заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции»[54]. План операции был доработан при сохранении общего замысла с нанесением главного удара по западному фасу периметра окружения. Однако именно в западной группировке 6-й армии находились наиболее боеспособные дивизии, сосредоточенные для прорыва из окружения на запад.

Начало операции «Кольцо» было назначено на 10 января 1943 г. Главный удар с целью расчленить окруженную группировку противника на две части намечалось нанести войсками 65-й армии и смежных с ней флангов 21-й и 24-й армий из района юго-восточнее Вертячего в общем направлении на завод «Красный Октябрь». На направлении главного удара было сосредоточено 33% всех стрелковых дивизий, 50% артиллерийских, 57% гвардейских минометных и 75% танковых частей фронта. Второй удар войск Донского фронта планировалось нанести смежными флангами 64-й и 57-й армий из района Варваровки в общем направлении на станцию Басаргино с выходом в тыл западной части группировки врага. 66-я и 62-я армии должны были нанести удары по сходящимся направлениям на Городище в целях отсечения и уничтожения северо-восточной вражеской группировки.

В составе войск Донского фронта к 10 января 1943 г. насчитывалось 212 тыс. человек, 257 танков, 6860 орудий и минометов (калибра 76 мм и больше) и около 300 самолетов[55]. Войска К. К. Рокоссовского, не имея преимущества в живой силе и танках, превосходили 6-ю армию в артиллерии и самолетах.

За два дня до начала операции «Кольцо», 8 января 1943 г., согласно старым традициям ведения войны, советское командование предъявило командованию окруженных под Сталинградом немецких войск ультиматум с предложением капитулировать. Генерал-полковник Ф. Паулюс после переговоров с ОКХ отклонил ультиматум. Задача 6-й армии изменилась. Немецкое командование рассчитывало силами обреченной армии Ф. Паулюса сковать советские войска в районе Сталинграда и создать условия для организованного отвода основных сил группы армий «А» с Северного Кавказа в Донбасс через Ростов.

Операция «Кольцо» началась утром 10 января. Атаке пехоты и танков предшествовала непосредственная авиационная и мощная 55-минутная артиллерийская подготовка. К исходу первого дня наступления на ряде участков оборона противника была прорвана на глубину 6—8 км. 11 и 12 января войска Донского фронта, ломая сопротивление частей окруженной группировки, продолжали продвигаться вперед, и к исходу 12 января главная ударная группировка фронта вышла на р. Россошку. На направлении удара 64-й и 57-й армий вражеская оборона на р. Червленной была прорвана, здесь советские войска также продвинулись на 6—8 км. Не удалось добиться решительного успеха только в полосе 66-й армии. Однако удар по достаточно сильной и боеспособной группировке противника привел к чувствительным потерям. Из 257 танков, имевшихся к началу операции, к 12 января в строю в танковых частях Донского фронта осталось меньше половины — 120 машин. Общие потери армий Донского фронта с 10 по 15 января составили 22 тыс. человек[56].

Попытка немецкого командования задержать дальнейшее продвижение советских войск на своем втором оборонительном рубеже, который в основном проходил по среднему сталинградскому оборонительному обводу, успеха не имела. Войска Донского фронта, проведя в течение 13 и 14 января перегруппировку сил, с утра 15 января возобновили наступление. Остатки 6-й армии стали отходить к развалинам Сталинграда.

К 16 января территория района окружения 6-й армии сократилась до размеров, составлявших менее трети первоначальной. Более того, в ночь на 16 января противник лишился аэродрома Питомник, являвшегося хорошо оборудованной в навигационном отношении авиабазой. Новый аэродром Гумрак, даже не имевший радиомаяка, был не пригоден для посадки транспортных самолетов Ю-52. С 1 по 16 января окруженным войскам было доставлено 2325 тонн грузов, в среднем по 145 тонн в день, что составляло вдвое меньше минимальной потребности. Снабжение армии Ф. Паулюса по воздуху разваливалось.

С утра 22 января наступление войск К. К. Рокоссовского возобновилось на всем фронте. Противник упорно удерживал укрепления внутреннего обвода, но после сокрушительных ударов советской артиллерии его оборона была прорвана. 23 января был потерян аэродром Гумрак. Вновь организованный аэродром Сталинградский просуществовал всего на несколько часов дольше Гумрака. Теперь снабжение войск в котле осуществлялось только парашютными контейнерами. Сам их поиск и сбор был сопряжен с немалыми трудностями. Ф. Паулюс докладывал: «Многие «бомбы»[57] не найдены, потому что мы не имеем достаточно топлива, чтобы их разыскивать». Значительная часть сброшенных контейнеров была собрана уже советскими трофейными командами.

25 января войска Донского фронта ворвались в Сталинград с запада. К исходу 26 января войска 21-й и 62-й армий соединились в районе Мамаева кургана и расчленили группировку противника на две части: южную, зажатую в центральной части города, и северную, оказавшуюся окруженной в районе Тракторного завода и завода «Баррикады». Боеспособность немецких войск к этому времени резко снизилась. Началась массовая сдача в плен солдат и офицеров армии Ф. Паулюса. Только за три дня, с 27 по 29 января, части 64-й армии взяли в плен 15 тыс. солдат и офицеров.

30 января Ф. Паулюс получил последнюю радиограмму от А. Гитлера. Она гласила: «Поздравляю Вас с производством в генерал-фельдмаршалы». В сущности, это был завуалированный приказ покончить жизнь самоубийством, поскольку до этого ни один немецкий фельдмаршал в плен не сдавался. Однако командующий 6-й армией не счел нужным отказываться от плена. Более того, начальник штаба армии Р. Шмидт в тот же день поручил переводчику выйти с белым флагом на площадь и найти советских командиров, которым можно было бы сдаться. Сначала переговоры велись с начальником оперативного отдела штаба 38-й мотострелковой бригады старшим лейтенантом Ф. М. Ильченко. Утром 31 января в подвал универмага, в котором располагался штаб Ф. Паулюса, спустилась делегация штаба 64-й армии во главе с начальником штаба армии генерал-майором И. А. Ласкиным. В 10 часов утра Ф. Паулюсу был предъявлен ультиматум о прекращении сопротивления и полной капитуляции окруженной группировки немецких войск. Ультиматум был принят. Командующий южной группой немецких войск в Сталинграде генерал-майор Ф. Роске подписал приказ о прекращении боевых действий и сдаче оружия. Всего в ходе капитуляции южной группировки 31 января в плен войскам 21-й армии сдались 12,8 тыс. человек.

Северная группировка 6-й армии продержалась не намного дольше южной. После мощного огневого удара нашей артиллерии 2 февраля сложил оружие и прекратил сопротивление 11-й армейский корпус в районе завода «Баррикады». Частями 21-й армии в этот день были взяты 17 964 пленных, частями 62-й армии — еще 15 тыс. человек.

Всего в ходе операции «Кольцо», по данным немецких историков, в плен попали около 113 тыс. немцев и румын, в том числе 2,5 тыс. офицеров, из них 22 генерала[58]. Трофеями советских войск с 10 января по 2 февраля 1943 г., по донесению штаба Донского фронта, стали 5762 орудия, 1312 минометов, 80 438 автомашин, 10 679 мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, три бронепоезда и другое военное имущество и техника.

Операция «Кольцо» закрепила успех Красной армии под Сталинградом. Всего в ходе наступательной операции войск Донского фронта в период с 10 января по 2 февраля 1943 г. были полностью ликвидированы 22 дивизии противника. По престижу армии Германии был нанесен сильный удар. Настоящему разгрому подверглась транспортная авиация люфтваффе. С 24 ноября 1942 по 31 января 1943 г. было потеряно около 500 самолетов, задействованных в снабжении 6-й армии. Восстановить силы своей транспортной авиации Германия так и не смогла.

По итогам Сталинградской битвы участвовавшие в ней армии в апреле 1943 г. получили звание гвардейских. 21-я армия И. М. Чистякова стала 6-й гвардейской, 24-я армия И. В. Галанина — 4-й гвардейской, 62-я армия В. И. Чуйкова — 8-й гвардейской, 64-я армия М. С. Шумилова — 7-й гвардейской, 66-я армия А. С. Жадова — 5-й гвардейской армией.

После того как потеря 6-й армии стала свершившимся фактом, 3 февраля 1943 г. в Германии был объявлен национальный траур. Звонили церковные колокола, по радио транслировали траурную музыку, газеты выходили с траурными рамками. Сталинград стал крупным и безусловным поражением германской армии в тот период, когда она еще была достаточно сильна. Германскому командованию не только не удалось достичь заявленных целей летней кампании 1942 г., она закончилась для армий восточного фронта настоящей катастрофой. Была надолго потеряна стратегическая инициатива.

Сталинградская битва стала первым сражением, в котором советское командование эффективно использовало самостоятельные механизированные соединения как в наступлении, так и в обороне. Столкнувшийся с массированным использованием танковых и механизированных корпусов Красной армии командующий группой армий «Дон» Э. Манштейн писал: «Советское командование многому научилось с начала войны, особенно в отношении организации и использования крупных танковых соединений. Большое количество танков оно имело и в 1941 г., но тогда оно не могло использовать их самостоятельно и в то же время в единых формированиях. Теперь же оно целесообразно организовало их в танковые и механизированные корпуса»[59]. Советское командование, опираясь на опыт войны, получило в свое распоряжение инструмент борьбы, отсутствие которого длительное время мешало эффективному проведению наступательных операций.

В результате операций «Уран» и «Малый Сатурн» фронт группы армий «Б» утратил свою целостность. Локтевую связь с группой армий «Дон» осуществляла только растянутая по фронту армейская группа «Фреттер-Пико». Продвижение на запад 6-й армии Юго-Западного фронта привело к охвату фланга оборонявшегося на Дону итальянского альпийского корпуса. Еще 21 декабря 1942 г. Ставка дала указания командующему Воронежским фронтом Ф. И. Голикову подготовить и провести наступательную операцию в целях разгрома немецких войск на Дону между Воронежем и Кантемировкой и освобождения от противника участка железной дороги Лиски — Кантемировка. Это позволяло значительно улучшить снабжение действовавших в южном секторе фронта советских армий. Для проведения крупной наступательной операции Воронежский фронт усиливался 3-й танковой армией П. С. Рыбалко. Всего в составе Воронежского фронта было 896 танков, в том числе 382 боевые машины в 3-й танковой армии. По своему замыслу операция представляла собой классическую операцию на окружение — фланговые удары по сходящимся направлениям. Северная ударная группировка использовала нависающее положение вследствие изгиба русла Дона, а южная — открывшийся вследствие «Малого Сатурна» фланг противника. Северную и южную ударные группировки составляли соответственно 40-я армия и 3-я танковая армия. Противником войск Воронежского фронта в предстоящем наступлении были части 8-й итальянской и 2-й венгерской армий с включением в их состав немецких соединений.

Наступление Воронежского фронта началось 13 января 1943 г. В ходе первого этапа операции, с 13 по 15 января, войска фронта осуществили прорыв обороны противника на всех трех направлениях и создали необходимые условия для развития операции на окружение и расчленение его острогожско-россошанской группировки. Второй этап — окружение и уничтожение противника — длился с 16 по 27 января. В течение первых трех дней войска фронта осуществили маневр на окружение и расчленение группировки противника и образовали внутренний и внешний фронты окружения. С 19 по 27 января шла окончательная ликвидация окруженных войск противника.

За 15 дней, которые длилась Острогожско-Россошанская операция, советские войска продвинулись на 140 км на запад и освободили железнодорожный участок Лиски — Кантемировка. Лишившись станции Валуйки, противник потерял рокаду Касторное — Ворошиловград и не имел больше возможности маневрировать резервами вдоль фронта. С 13 по 27 января были взяты в плен около 86 тыс. солдат и офицеров противника. Венгерская армия потерпела самое крупное поражение за всю свою историю. Последовательный разгром армий союзников вызвал негодование А. Гитлера, который заявил: «Я больше не хочу видеть союзных солдат на восточном фронте».

Тот же принцип охвата ослабленного фланга был использован в следующей операции против группы армий «Б» — Воронежско-Касторненской, которую осуществляли Брянский и Воронежский фронты. Пассивность ушедшего в глухую оборону противника позволила сосредоточить на выбранных для нанесения ударов направлениях 72% стрелковых войск, 90% артиллерийских средств и все 100% танковых войск. С 24 по 28 января войска Брянского и Воронежского фронтов прорвали оборону противника и развивали наступление в глубину. К исходу 28 января были перехвачены основные пути отхода воронежско-касторненской группировки немцев. Однако сплошного фронта окружения создано не было. Нескольким немецким и венгерским дивизиям удалось пробиться из окружения, бросив артиллерию и другую тяжелую технику.

Важным фактором, во многом определившим судьбу окруженных соединений противника, было принятие советским командованием решения о проведении наступательной операции на харьковском и курском направлениях. Задача уничтожения окруженных соединений 7-го и 13-го армейских корпусов 2-й немецкой армии и остатков 2-й венгерской армии потеряла свой приоритет. Обвал фронта группы армий «Б» южнее Воронежа в результате двух последовательно проведенных операций открывал перспективы наступления на запад и выхода в тыл группы армий «Центр», к Днепру и перехвата путей отхода войск групп армий «Дон» и «А».

В ходе наступательных операций, проведенных в январе 1943 г., на южном крыле советско-германского фронта советские войска продвинулись в среднем на 200—400 км, а на отдельных направлениях — до 650 км. Результатом двух последовательно проведенных Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций стали разгром основных сил немецкой группы армий «Б» и образование бреши шириной 400 км на фронте от Ливн до Старобельска. Это создавало благоприятные условия для дальнейшего продвижения на запад и освобождения важного в экономическом отношении региона — Донбасса.

Основная роль в разгроме группы армий «Дон» и освобождении Донбасса отводилась Юго-Западному фронту, который возглавлял генерал-полковник Н. Ф. Ватутин. Главная ударная группировка фронта в составе 6-й и 1-й гвардейской армий и подвижной группы фронта получила задачу наступать из района Старобельска в общем направлении на Мариуполь с целью отрезать пути отхода на запад немецких войск в Донбассе. Операция имела кодовое наименование «Скачок». Согласно плану операции подвижная группа фронта должна была «отрезать всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника». Во главе подвижной группы командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин поставил своего заместителя генерала М. М. Попова. Всего в трех танковых корпусах подвижной группы было 137 танков.

Операция «Скачок» началась 29 января 1943 г. Удары соединений 6-й армии обрушились на правое крыло армейской группы Х. Ланца. 30 января в наступление включилась 1-я гвардейская армия, наносившая главный удар своим правым флангом из района западнее Старобельска на Красный Лиман, и 3-я гвардейская армия, наступавшая с плацдарма севернее Краснодона на Дебальцево в целях обхода Ворошиловграда с юга. В этот же день в стыке 6-й и 1-й гвардейской армий была введена в бой подвижная группа фронта.

Еще во время проведения Острогожско-Россошанской операции войска Воронежского фронта начали подготовку к развитию наступления в направлении Курска и Харькова. Эта операция называлась «Звезда» и началась 2 февраля 1943 г. На курском направлении войска 60-й армии, отбросив противника на запад, 8 февраля овладели Курском, а войска 13-й армии — Малоархангельском и Фатежем.

Тем временем в состав групп армий «Б» и «Дон» постепенно прибывали пехотные и моторизованные дивизии с запада. Они находились на переформировании после зимы 1941—1942 гг. и перебрасывались на восток полностью укомплектованными, имея новую зимнюю униформу. Наиболее мощным резервом был танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера СС П. Хауссера. Его дивизии были переформированы по усиленным в сравнении с армейскими штатам и перевооружены танками новейших типов, в том числе тяжелыми танками «тигр». С 13 февраля группа армий «Дон» была переименована в группу

армий «Юг». В ее состав были включены все войска, действовавшие на фронте от Лебедина до Азовского моря. Группа армий «Б» была расформирована.

К моменту передачи в подчинение Э. Манштейна армейской группы «Ланц», оборонявшей Харьков, она оказалась охвачена с севера и юга наступающими 40-й и 3-й танковой армиями Воронежского фронта. Несмотря на категорические приказы А. Гитлера удерживать город любой ценой, под угрозой окружения в ночь на 16 февраля немцы оставили Харьков. Войскам Воронежского фронта было приказано преследовать противника в западном направлении, к 21 февраля выйти на рубеж Рыльск, Лебедин, Полтава и в последующем наступать в направлении Киева.

За время наступления, с 29 января по 17 февраля, войска правого крыла Юго-Западного фронта продвинулись на 200–250 км, левого крыла — на 120 км. Командующий фронтом Н. Ф. Ватутин был убежден, что немцы не собираются удерживать Донбасс и отводят свои войска за Днепр. Такой вывод он сделал на основании отхода немецких войск с нижнего течения р. Северский Донец на р. Миус и перегруппировки подвижных соединений противника из района Ростова в район Константиновки и Красноармейского. Исходя из этого, главной задачей фронта Н. Ф. Ватутин считал перехват путей отхода противника на запад. Для этого было необходимо, во-первых, захватить узел железных и шоссейных дорог в Красноармейском, во-вторых, перехватить переправы через Днепр перед отходящими (по мнению Н. Ф. Ватутина) войсками противника. Кроме того, войскам Юго-Западного фронта ставились задачи по захвату плацдармов на западном берегу Днепра.

Как оказалось впоследствии, предположение Н. Ф. Ватутина о ближайших планах немецкого командования было неверным, но в тот момент и в стане противника не существовало единого мнения. 17 февраля в штаб группы армий «Юг» в Запорожье прилетел А. Гитлер для ознакомления с обстановкой и обсуждения дальнейших действий. Фюрер был разозлен тем, что, несмотря на все его приказы, Харьков был сдан, и он настаивал на немедленном контрударе в целях его возвращения. Э. Манштейн, напротив, был убежден в необходимости остановить наступление советских войск к Днепру. Фактически речь шла о направлении использования резервов, прежде всего танкового корпуса СС: для возвращения Харькова или для удара во фланг наступающим к Днепру советским частям. 18 февраля в штаб группы армий «Юг» поступило донесение о том, что советские войска находятся уже в 60 км от Днепра и в 100 км от Запорожья. Вскоре последовали сообщения о советских танках в Павлограде и Синельниково. Все это заставило А. Гитлера более реалистично оценить обстановку и санкционировать план контрудара, предложенный Э. Манштейном.

У советских войск к тому времени условий для стремительного продвижения к Днепру уже не было. К 19 февраля войска правого крыла Юго-Западного фронта, наступая по расходящимся направлениям на Красноград, Днепропетровск и Красноармейское, растянулись на 400-километровом фронте. 6-я армия, насчитывавшая всего 29 тыс. человек и 149 танков, наступала на фронте шириной свыше 200 км, подвижная группа генерала М. М. Попова — 80 км, 1-я гвардейская армия — 60 км. На темпах наступления также сказывались усталость войск и недостаток военной техники. На 18 февраля 1943 г. в 3-й танковой армии формально числилось 432 танка, однако 122 из них ремонтировались на дорогах, 214 машин были подбиты или технически неисправны и находились на дорогах и полях боев по пути от Россоши до Харькова. Только 96 танков могли участвовать в наступлении.

Немецкое контрнаступление во фланг 6-й армии Юго-Западного фронта началось 20 февраля. К тому моменту собранные для контрнаступления войска были объединены под управлением 4-й танковой армии. Отсутствие сплошного фронта позволило эсэсовским дивизиям быстро продвигаться вперед. Уже 22 февраля ими был захвачен Павлоград. Навстречу дивизиям СС перешел в наступление 48-й немецкий танковый корпус. Его успеху способствовал тот факт, что 1-я гвардейская армия была задержана борьбой за Красноармейское и Славянск. Вследствие этого прикрытие разрыва между вырвавшимися вперед соединениями 6-й армии было довольно слабым. Немецкие танки вышли на тылы 6-й армии, и 23 февраля две ударные группировки противника соединились в Павлограде.

Подтягивание соединений 1-й и 4-й танковых армий и смыкание флангов корпусов группы армий «Юг» также позволило немцам активизировать наступление на танковые корпуса подвижной группы М. М. Попова. 20 февраля пришлось оставить Красноармейское. На следующий день М. М. Попов обратился к Н. Ф. Ватутину с предложением об отводе войск и закреплении на новом рубеже, но получил категорический отказ. От М. М. Попова даже потребовали вернуть Красноармейское. Н. Ф. Ватутин все еще считал, что противник лишь стремится освободить себе пути отхода на запад. Однако вскоре командующий Юго-Западным фронтом осознал угрозу надвигавшейся катастрофы и приказал расформировать подвижную группу М. М. Попова, а соединения группы передать 1-й гвардейской армии В. И. Кузнецова. Основной задачей 1-й гвардейской армии стала оборона района Барвенково.

Командование обоих фронтов начало принимать срочные меры для выхода из кризиса. К контрудару был привлечен правый сосед 6-й армии — 3-я танковая армия Воронежского фронта. Она разворачивалась на юго-запад и сосредоточивалась для контрудара во фланг наступавшему танковому корпусу СС. Командующий 3-й танковой армией генерал П. С. Рыбалко создал ударную группу под общим руководством командира 12-го танкового корпуса генерал-майора танковых войск М. И. Зиньковича. Она насчитывала около 70 танков.

После окружения передовых стрелковых и танковых соединений 6-й советской армии следующей задачей немецкого контрнаступления стал захват Харькова, и выдвигавшаяся на юг для контрудара группа М. И. Зиньковича сама попала под удар развивающих наступление на Харьков соединений противника. К 3 марта сражение окончательно перешло в фазу наступления немецких войск на всех направлениях. Соединения 3-й танковой и остатки 6-й армии начали отход по всему фронту.

Утром 11 марта начался штурм Харькова со стороны Белгородского шоссе. Однако, столкнувшись с упорным сопротивлением советских войск в уличных боях, командующий 4-й танковой армией Г. Гот изменил свое решение об использовании эсэсовских дивизий в штурме города. Они двинулись в обход Харькова с севера. С 11 по 15 марта части 3-й танковой армии вели оборонительные бои на ближних подступах к Харькову и в самом городе с танковым корпусом СС, обходившим Харьков с запада и севера, и 48-м танковым корпусом, обходившим город с востока.

После того как стало очевидным, что избежать окружения не удастся, 15 марта командующий 3-й танковой армией П. С. Рыбалко принял решение вывести из города и его пригородов соединения. Прорыв был осуществлен в целом успешно, и к 17 марта соединения армии П. С. Рыбалко сосредоточились на восточном берегу Северского Донца. В состав 3-й танковой армии поступил 1-й гвардейский кавалерийский корпус, и при его поддержке армия организовывала оборону восточнее Харькова.

В районе Харькова к 18 марта занял оборону 48-й танковый корпус, а танковый корпус СС продолжил наступление в северном направлении, к Белгороду. Разрыв между отходившими в разных направлениях 40-й и 69-й армиями оказался не прикрытым. Утром 18 марта Белгород был захвачен передовым отрядом дивизии «Лейбштандарт». Первые советские танковые контратаки последовали через несколько часов, но отбить Белгород не удалось.

Для восстановления положения советскому командованию пришлось задействовать высвободившиеся под Сталинградом армии. В разрыве между 40-й и 69-й армиями развертывалась 21-я армия, а в районе Волчанска, между 69-й и 3-й танковой армиями, начали развертываться войска 64-й армии. Также в район Белгорода была переброшена 1-я танковая армия с Северо-Западного фронта.

К 19 марта контрнаступление Э. Манштейна выдохлось. Эсэсовские дивизии понесли большие потери в людях и технике. Каждая из них насчитывала уже менее чем по 35 танков. К тому же наступал период весенней распутицы, неизбежно становившийся временем оперативной паузы в операциях обеих сторон. 22 марта войскам группы армий «Юг» был отдан приказ о переходе к обороне. Достигнутые сторонами позиции образовали южный фас выступа советско-германского фронта, названного впоследствии Курской дугой. Стратегическая инициатива осталась в руках советского командования.

Эти немецкие солдаты вовремя поняли, что «дело фюрера» проиграно,
и добровольно перешли на сторону Красной армии. Южнее города Орла. Июль 1943 г.

Это пианино стало трофеем наших наступающих войск; нашелся и «маэстро» —
гвардеец-танкист младший сержант Чаповский. Западный фронт. Июль 1943 г.

Крах наступательной стратегии вермахта

Железное кольцо блокады продолжало мертвой хваткой сжимать Ленинград. Линия фронта проходила в непосредственной близости от города. Германское военное командование по-прежнему стремилось любой ценой удержать выгодные для него рубежи, с которых немецкие войска угрожали Ленинграду, готовясь к штурму города. Советские войска в 1941–1942 гг. предпринимали несколько попыток прорвать блокаду города на Неве. Одной из последних стала Синявинская операция, проведенная с 19 августа по 10 октября 1942 г. Прорвать кольцо не удалось, но в результате подготовка вражеских войск к новому штурму Ленинграда была сорвана. Немецкое командование вынуждено было использовать соединения 11-й полевой армии Э. Манштейна, переброшенные под Ленинград из Крыма для отражения ударов советских войск на синявинском направлении.

В это время шли тяжелейшие сражения под Сталинградом. Ставка ВГК приступила к планированию мероприятий, которые привели бы к перелому в военных действиях и захвату стратегической инициативы. Обе противоборствовавшие стороны сосредоточили огромные силы на юго-западном и западном направлениях. Причем на обоих направлениях неприятель имел превосходство в силах и средствах. Кроме того, на западном направлении противник имел мощные оборонительные рубежи, что увеличивало его оперативные и боевые возможности. Ставка ВГК приняла решение сосредоточить основное внимание на подготовке контрнаступления под Сталинградом (операция «Уран»), ставшего главной операцией кампании. Поскольку предстояло наступать на противника, обладающего общим превосходством в силах, одним из важнейших условий успеха становилась задача по введению его в заблуждение. В этих целях советское командование приказало подготовить и провести специальную отвлекающую операцию, получившую название «Марс».

Главная идея состояла в том, чтобы одновременно с контрнаступлением под Сталинградом силами войск Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов, наступая в районах Демянска, Великих Лук и Ржева, сковать неприятеля и заставить его привлечь туда дополнительные резервы. Задачи операции «Марс» были поставлены во второй половине сентября. Дата начала операции привязывалась к контрнаступлению под Сталинградом. Была организована и специальная «утечка» информации. Для этого использовались двойные агенты. В книге П. А. Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль» рассказывается о двойном агенте Александре Демьянове (Гейне — Макс) и о стратегической радиоигре. «Дезинформация, передаваемая «Гейне» — «Максом», готовилась в оперативном управлении нашего Генштаба при участии одного из его руководителей, [С. М.] Штеменко, затем визировалась в разведуправлении Генштаба и передавалась НКВД, чтобы обеспечить ее получение убедительными обстоятельствами. По замыслу Штеменко, важные операции Красной армии действительно осуществлялись в 1942–1943 гг. там, где их «предсказывал для немцев «Гейне» — «Макс», но они имели *отвлекающее, вспомогательное значение* (выделено нами. — *Прим. ред.*). Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 г. «Гейне» — «Макс» сообщил, что Красная армия нанесет главный удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью. Не подозревавший об этой радиоигре Жуков заплатил дорогую цену: в наступлении под Ржевом полегли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием»[60].

Сообщали агенты и о прибытии в войска Калининского и Западного фронтов заместителя Верховного главнокомандующего генерала Г. К. Жукова, что крайне настораживало немцев, ведь с его именем они связывали свои неудачи под Москвой. Одновременно по распоряжению А. М. Василевского в штабы фронтов под Сталинград посылались незашифрованные директивы Ставки, предписывавшие прекратить все частные наступательные операции и перейти к жесткой обороне. Таким образом, вся направленность подобной работы имела одну цель — убедить врага в том, что удар по нему готовится именно под Москвой.

Проводимые советским командованием дезинформационные мероприятия по плану операции «Марс» дали положительные результаты. В «Журнале военных действий верховного командования вермахта (KTB/OKW)» 23 октября записан вывод начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала К. Цейтцлера: «В первую очередь удар Красной армии последует на центральном участке советско-германского фронта и лишь во вторую очередь — где-нибудь на Дону». По его предложению было решено подготовить контрудар на правом крыле Калининского фронта, чтобы сорвать наступление Красной армии. С этой целью по приказу А. Гитлера из-под Ленинграда на московское направление срочно перебрасывалась 11-я армия фельдмаршала Э. Манштейна. Кроме того, группа армий «Центр» с октября по декабрь 1942 г. была дополнительно усилена 21 дивизией.

19 ноября 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом, а уже 23 ноября они замкнули кольцо окружения вокруг 22 дивизий 6-й полевой, 4-й танковой немецких и 4-й румынской армий вермахта. К этому же времени была разгромлена и 3-я румынская армия. А. Гитлер был вынужден отдать приказ, согласно которому с московского направления в район Миллерово срочно перебросывалась 11-я армия и на ее базе создавалась новая группа армий «Дон» в целях объединения всех войск в угрожаемой зоне. Однако отправить на юг удалось лишь штаб 11-й армии во главе с Э. Манштейном. Дело в том, что 24 ноября войска Красной армии согласно плану «Марс» начали наступление на великолукском направлении. На другой день они нанесли удары в районе Ржева, Белого, Сычёвки, а 28 ноября — под Демянском.

Сокрушить подготовленную оборону гитлеровцев и ликвидировать ржевский выступ советским войскам не удалось. В ходе ожесточенных боев армии левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронта лишь на отдельных направлениях смогли достигнуть небольших территориальных успехов. Но своими активными наступательными действиями войска этих фронтов сковали крупные силы противника. Тем самым они не только не позволили немецкому командованию перебрасывать части и соединения под Сталинград, но и заставили его к уже переброшенной до начала операции «Марс» 21 дивизии дополнительно направить на московское направление из резерва ОКХ и стран Западной Европы еще пять дивизий и две бригады[61].

Среди частных наступательных операций, проводившихся на западном и северо-западном направлениях зимой 1942—1943 гг., особое место занимает операция 3-й ударной армии Калининского фронта в районе Великих Лук. Этот город для противника являлся одним из основных пунктов так называемого стратегического треугольника Великие Луки — Новосокольники — Невель, на который опирались северный фланг группы армий «Центр» и южный фланг группы армий «Север». Город представлял собой важный узел коммуникаций, связывавший войска северной и центральной группировок с тылом. Через него проходили две железные и шесть шоссейных дорог, что позволяло противнику осуществлять маневр резервами. Что касается советских войск, то для них захват Великих Лук открывал кратчайшие пути в Прибалтику, а затем к западной границе СССР. Поэтому в зимней кампании 1942—1943 гг. как немецкое, так и советское командование тесно связывали свои перспективные стратегические замыслы на западном и северо-западном направлениях с Великими Луками. Командование вермахта еще с весны 1942 г. планировало на западном и северо-западном направлениях нанести глубокий удар из района Ржева и с демянского плацдарма на Осташков, чтобы разгромить нависшую над ржевско-вяземским выступом группировку советских войск и в последующем создать условия для возможного наступления на Москву. Эта операция неоднократно откладывалась, а затем от нее и вовсе отказались, так как немецкое командование вынуждено было считаться с возможным переходом советских войск в крупное наступление[62]. Чтобы сорвать его, А. Гитлер еще в октябре приказал подготовить и нанести упреждающий удар из района Великих Лук на Торопец. К запланированной операции было решено привлечь управление 11-й армии, переброшенное из-под Ленинграда в район Витебска, а также сосредоточенные здесь четыре резервные дивизии и 9-ю армию. Развернутые на правом крыле Калининского фронта 3-я и 4-я ударные армии к активным

действиям первоначально не привлекались. Им предстояло обезопасить главную группировку, проводившую операцию «Марс», от возможного удара противника с северо-запада. Однако вследствие того, что разведка выявила подход резервов врага в районы Смоленска и Витебска, план пришлось изменить. На великолукском направлении было решено нанести упреждающий удар силами 3-й ударной армии с передачей ей части сил 43-й армии.

Первыми 24—25 ноября 1942 г. перешли в наступление советские войска. Операция завершилась 21 января 1943 г. В общей сложности она продолжалась 50 суток и велась на фронте шириной 50 км и глубиной до 25 км. В результате 3-я ударная армия нанесла немцам большой урон. Была полностью уничтожена одна и разгромлены четыре дивизии, в том числе танковая и моторизованная. Великолукская операция по своему характеру напоминала проводившуюся в то же время Сталинградскую контрнаступательную операцию, только масштабы ее были значительно меньше. Как и в Сталинградском сражении, здесь наносился удар по флангам врага, в короткий срок была окружена основная группировка противника с образованием внутреннего и внешнего фронтов. Так же как и на берегах Волги, организовывались блокада окруженных войск, их рассечение и уничтожение по частям, отражались контрудары в целях срыва попыток деблокировать окруженные войска, а затем завершалось их уничтожение. Отличительной чертой боевых действий 3-й ударной армии являлся смелый и быстрый маневр силами и средствами, гибкое взаимодействие сил на внутреннем и внешнем фронтах, массированное применение артиллерии. Войска приобрели опыт борьбы за укрепленный город. Но имели место и недостатки: наступление велось в медленном темпе, механизированный корпус не был использован централизованно, его бросали в бой по частям, допускалось распыление сил на многих направлениях, предпринимаемые удары не всегда обеспечивались огнем. Тем не менее в общей системе стратегических действий, проводившихся на западном и северо-западном направлениях, эта операция сыграла существенную роль. С ликвидацией великолукского плацдарма утратили свое значение демянский и ржевско-вяземский выступы. Удерживать их дальше противнику уже не было смысла. Кроме того, с северного фланга группы армий «Центр» он не смог перебросить на юг ни одной дивизии.

Одновременно с операцией под Великими Луками продолжались напряженные, но безрезультатные боевые действия по ликвидации демянского выступа. Возник он в январе 1942 г., когда в ходе зимнего наступления 1941—1942 гг. войска Северо-Западного и Калининского фронтов окружили южнее Новгорода значительную часть сил 16-й немецкой армии. Правда, через короткое время внезапный удар противника деблокировал эту группировку. Образовался так называемый рамушевский коридор. По нему-то и снабжались оборонявшиеся в районе Демянска соединения 2-го армейского корпуса[63]. В последующем советские войска не раз пытались закрыть этот коридор. С мая 1942 по февраль 1943 г. Северо-Западный фронт провел семь наступательных операций[64].

6 февраля 1943 г. Северо-Западный фронт получил новую задачу: участвовать в операции под кодовым наименованием «Полярная звезда» трех фронтов — Северо-Западного, Ленинградского и Волховского. Войскам левого крыла Северо-Западного фронта надлежало нанести главный удар в общем направлении на Псков, навстречу удару Ленинградского фронта на Нарву. На первом этапе операции предполагалось разгромить противника в районе Демянска[65]. Войска фронта перешли в наступление 15 февраля. Немецкое командование начало отвод основных своих сил с демянского выступа 17 февраля и завершило его за 10 суток. Все советские армии продвигались вперед только по мере отхода врага. Завершив отход, гитлеровцы заняли подготовленный рубеж по р. Ловать. В результате линия немецкого фронта на этом участке была сокращена более чем на 300 км. Плотность обороны врага резко возросла. Поэтому прорвать этот рубеж с ходу советским войскам не удалось.

Контрнаступление советских войск под Сталинградом, завершившееся разгромом крупной группировки врага и переходом в общее наступление на южном крыле советско-германского фронта, отвлекающая операция «Марс», наступление советских войск в районе Великих Лук не позволили врагу усилить свои войска под Ленинградом. Более того, противнику пришлось перебросить из-под Ленинграда 11-ю полевую армию под командованием

Э. Манштейна. В такой обстановке Ставка ВГК приказала приступить к реализации плана прорыва блокады Ленинграда. Операция получила кодовое название «Искра». Ее замысел состоял в том, чтобы встречными ударами двух фронтов — Ленинградского (командующий — генерал Л. А. Говоров) и Волховского (командующий — генерал К. А. Мерецков) — разгромить немецкую группировку севернее Синявино, прорвать блокаду и восстановить железнодорожную связь города со страной вдоль южного берега Ладожского озера. На Ленинградском фронте главный удар наносила 67-я армия. Она должна была преодолеть по льду Неву, прорвать оборону противника на участке Московская Дубровка, Шлиссельбург и соединиться с ударной группировкой Волховского фронта, состоявшей из 2-й ударной и части сил 8-й армий. Им предстояло разгромить противника в восточной части выступа между Шлиссельбургом и Синявино и соединиться с частями 67-й армии. К проведению операции привлекались 13-я и 14-я воздушные армии, железнодорожная артиллерия и самолеты Балтийского флота, а также авиация дальнего действия. В подготовке к прорыву блокады Ленинграда активное участие принимали партизаны области. К концу 1942 г. все они (около 3 тыс. человек) были объединены в четыре партизанские бригады, полк, несколько отдельных отрядов и групп[66]. Партизаны, действовавшие в тылу группы армий «Север», получили задание от Ленинградского штаба партизанского движения усилить удары по вражеским коммуникациям, особенно по железнодорожному узлу Пскова. Координация действий фронтов возлагалась на представителей Ставки ВГК генерала Г. К. Жукова и маршала К. Е. Ворошилова.

Шлиссельбургско-синявинский выступ имел ширину 12—17 км и глубину около 15 км. Немцы прекрасно понимали, что выступ — это замок в блокадном кольце, и потому в течение 16 месяцев укрепляли его. С запада район прикрывала Нева шириной 400—600 метров с крутым и обрывистым левым берегом высотой 12—14 метров. Скаты берега противник поливал водой, чтобы они обледенели, а подступы к нему прикрывались многослойной системой огня, проволочными и другими заграждениями. На территории выступа немцы сосредоточили около пяти пехотных дивизий, в которых насчитывалось 10—12 тыс. человек, и возвели три оборонительных рубежа. Созданная группировка имела почти 700 орудий и минометов, около 50 танков и штурмовых орудий[67]. К 1 января 1943 г. оба фронта в основном завершили подготовку к операции. Однако, учитывая крайне неблагоприятные метеорологические условия, связанные с оттепелью и недостаточной устойчивостью ледяного покрова на Неве, плохой проходимостью болот, командования фронтов обратились в Ставку ВГК с просьбой перенести начало операции на 10—12 января. Просьба была удовлетворена. В первых числах января И. В. Сталин вызвал Г. К. Жукова с Воронежского фронта и направил его под Ленинград. Инструктируя Г. К. Жукова, И. В. Сталин сказал: «В Ленинграде как представитель Ставки находится Ворошилов. Государственный Комитет Обороны считает, что вам также необходимо поехать туда. Нужно на месте посмотреть, все ли сделано для того, чтобы операция «Искра» прошла успешно»[68].

Наступление ударной группы Ленинградского фронта началось 12 января проведением мощной артиллерийской подготовки, к которой было привлечено более 4,5 тыс. орудий и минометов. Били орудия всех калибров — от противотанковых пушек до корабельных орудий. Артиллеристы и минометчики не скупились на снаряды и мины. Только артиллеристы 2-й ударной армии с 12 по 18 января израсходовали около 630 тыс. снарядов и мин, а морская артиллерия — 15,5 тыс. тяжелых снарядов[69]. Вслед за ударами артиллерии на невский лед стремительно скатились штурмовые отряды, группы разграждения и команды саперов 67-й армии. В считаные минуты они пересекли ледяное поле Невы. Применяя металлические кошки и крючья, лестницы, багры и доски, передовые подразделения начали преодолевать обледенелые береговые кручи реки. Они поднялись на обрывистый берег и почти тут же ворвались в траншеи врага. В первый же день через Неву переправился танковый батальон 286-й стрелковой дивизии, который во взаимодействии с саперами и пехотой захватил 2-й Городок. Несмотря на низкую облачность и снегопад, летчики Ленинградского фронта и Балтийского флота совершили свыше 250 самолето-вылетов. Части, действовавшие на правом фланге 67-й армии с плацдарма в районе Московской Дубровки, продвинулись всего

На марше — 6-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва. Май 1943 г.

Пехота и танки направляются на фронт

Танковая разведка. Воронежский фронт. Июль 1943 г.

на 500–600 метров. Бои здесь приняли затяжной характер. Левофланговые части армии, наступавшие на Шлиссельбург, сумели переправиться через реку лишь во второй половине дня и развить наступление на Рабочий поселок № 2.

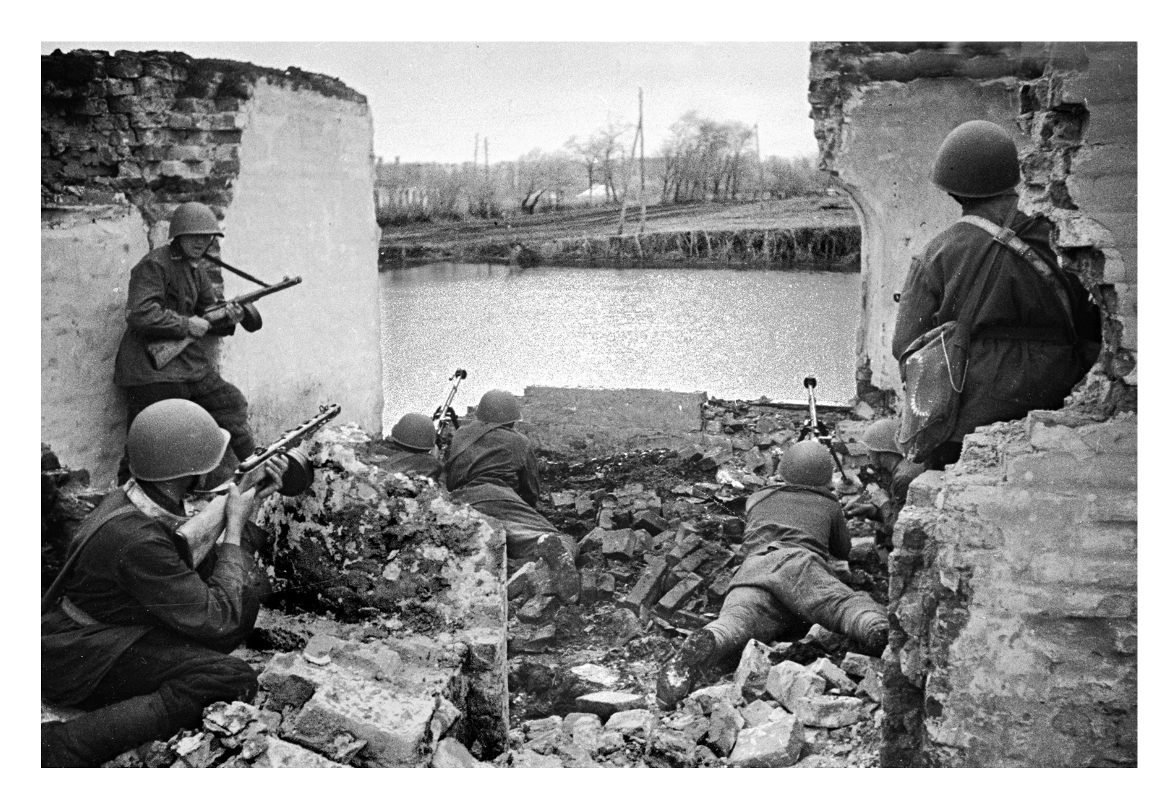
Ожесточенные бои развернулись и в полосе Волховского фронта, наступавшего навстречу ленинградцам. Особенно упорные бои разгорелись на участке, где оборонялся 366-й полк 227-й немецкой пехотной дивизии. Немцы в плен не сдавались, стреляли до последнего патрона, но изменить ход событий это уже не могло. К вечеру узел сопротивления пал. В северной части участка с ходу прорвать вражескую оборону не удалось. Сказалось отсутствие у многих частей и подразделений, действовавших здесь, необходимого опыта ведения наступательных боев в условиях лесисто-болотистой местности, недостаточно эффективным был огонь артиллерии, оказалось нарушено взаимодействие пехоты и танков. Первоначально никак не могли добиться успеха и части, наступавшие на Рабочий поселок № 8. Однако совместными усилиями части 2-й ударной армии сумели преодолеть оборону врага в центре.

В отчете 18-й немецкой армии, в котором подводились итоги первого дня операции, отмечалось: «Несмотря на стойкое сопротивление наших войск и контратаки, противник уже в первый день битвы смог добиться глубоких прорывов. Наши войска были так истощены, что смогли лишь едва замедлить дальнейшее наступление противника». Командование советских войск тоже не было удовлетворено достигнутым. Один из офицеров, представитель Генерального штаба на Ленинградском фронте, в своем донесении в Москву указывал, что «сплошного прорыва по всему фронту на участке прорыва нет, остаются особо укрепленные узлы — Шлиссельбург и район 8-й ГЭС»[70].

Во второй день наступления бои носили еще более упорный характер. Немецкое командование перебросило в район севернее Синявино части трех пехотных дивизий и предприняло яростные контратаки в районе Московской Дубровки. Его замысел был ясен: опираясь на сохранившиеся узлы сопротивления, пробиться к Неве и отрезать наступавшую ударную группировку 67-й армии Ленинградского фронта. Ожесточенные бои продолжались до темноты. На отдельных участках некоторые части вынуждены были отойти на 1,5–2 км. 2-я ударная армия Волховского фронта, наступавшая навстречу 67-й армии, отражая удары врага, продолжала медленно прогрызать оборону. Погода испортилась. Из-за плохой видимости эффективность огня артиллерии снизилась. Танки, увязая в снегу и незамерзающих болотах, попадали под прицельный огонь немецкой артиллерии. Но и это не остановило наступление. К исходу дня был освобожден Рабочий поселок № 8.

14–15 января бои продолжали носить упорный характер. В полосе 2-й ударной армии Волховского фронта нажим войск был усилен вводом в сражение свежей стрелковой дивизии. 67-я армия Ленинградского фронта сломила сопротивление противника и медленно, километр за километром, продвигалась на восток. Развить успех не удавалось из-за того, что большая часть средних и тяжелых танков оставалась на западном берегу Невы. Военные инженеры соорудили дереволедяную переправу. Поперечины-шпалы крепились ко льду сквозными болтами. Болты тут же смерзались со шпалами. Настил как бы приваривался ко льду. Именно таким методом была создана центральная переправа в районе Марьино. Она вступила в строй в ночь на 14 января, а утром по ней прошли первые тяжелые и средние танки. В то утро в сражение был введен второй эшелон 67-й армии, который получил задачу нарастить силу удара соединений, наступавших навстречу войскам Волховского фронта на Рабочие поселки № 1 и 5. Особенно ожесточенные бои развернулись под Шлиссельбургом.

Части 67-й армии Ленинградского и 2-й ударной армии Волховского фронта с утра 18 января одновременно с двух сторон, с востока и запада, начали штурм Рабочих поселков № 1 и 5. В 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка № 1 произошла встреча 123-й стрелковой бригады 67-й армии с 372-й стрелковой дивизией 2-й ударной армии. Спустя два часа, в 11 часов 45 минут, в районе Рабочего поселка № 5 встретились наступавший со стороны Невы батальон из 269-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии и действовавший со стороны Волхова 414-й стрелковый полк 18-й стрелковой дивизии. В 14 часов после упорных боев части 86-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта очистили

Бои под Воронежем. 1943 г.

Бои на Калининском фронте. 1943 г.

от вражеских войск Шлиссельбург. Отсюда немцы обстреливали Дорогу жизни. Теперь этой угрозы не существовало. К концу дня южное побережье Ладожского озера было полностью очищено. Через создавшийся коридор шириной 8—11 км Ленинград получил наконец-то сухопутную связь с Большой землей. Свершилось событие, взволновавшее весь мир: петля блокады, столько месяцев душившая Ленинград, была разорвана. Тем не менее дальнейшее наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов на юг, в сторону Мги, развития не получило. Все попытки расширить полосу прорыва оказались безуспешными. Советские войска не смогли овладеть Синявинскими высотами.

Большую помощь войскам, участвовавшим в прорыве блокады Ленинграда, оказали партизаны, действовавшие в тыловом районе группы армий «Север». Они получили конкретное задание от Военного совета Ленинградского фронта и Ленинградского штаба партизанского движения: усилить удары по железным дорогам, чтобы не допустить подхода вражеских резервов к той части побережья Ладожского озера, где намечалось соединение войск Ленинградского и Волховского фронтов. За декабрь 1942 г. и январь 1943 г. партизаны подорвали 46 воинских эшелонов противника.

18 января Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве железной дороги южнее Ладожского озера. Дорогой победы назвал ее народ. Железнодорожная ветка от станции Поляна Октябрьской железной дороги до Шлиссельбурга протяженностью 33 км была построена всего за 19 суток. В районе Шлиссельбурга в условиях постоянных налетов вражеской авиации железнодорожные войска и спецформирования НКПС развернули сооружение временного железнодорожного моста длиной в 845 метров. Он был построен в минимально короткие сроки, и уже 7 февраля в Ленинград прибыл первый поезд[71].

По свидетельству маршала К. А. Мерецкова, под Ленинградом в январе 1943 г. был впервые захвачен «тигр», проходивший испытания во фронтовой обстановке. Советские танкисты провели тщательный анализ прочности его брони и уязвимых мест. Это существенно помогло советским войскам летом 1943 г. отразить танковый удар врага, а промышленности позволило в короткие сроки создать новые самоходные артиллерийские установки и снаряды, способные поражать танки противника этого типа.

Прорыв блокады стал переломным этапом в битве за Ленинград. Конечно, по размаху и количеству участвовавших войск и военной техники операция «Искра» не относится к крупным операциям Великой Отечественной войны. В известной мере ее можно назвать и незавершенной, хотя в ходе ожесточенных боев советские войска отбросили противника от южного побережья Ладожского озера на 10—12 км. В результате прорыва блокады рухнули планы А. Гитлера, мечтавшего о том, что «Ленинград сам поднимет руки», что «он падет рано или поздно», что «никто не освободит его и Ленинграду придется умереть голодной смертью». Впрочем, хотя инициатива в ведении боевых действий под Ленинградом, да и на всем северо-западном направлении, перешла в руки советского командования, фюрер все еще лелеял надежду разделаться с городом. В оперативном приказе Ставки вермахта № 5 от 13 марта 1943 г. он указывал: «Во второй половине лета (в начале июля) предполагается провести операцию против Ленинграда. Операция будет проведена при максимальном сосредоточении всей имеющейся в распоряжении артиллерии с использованием новейшего наступательного оружия... Конкретные задачи в связи с этим будут поставлены специальным приказом»[72].

В течение января — марта 1943 г. армии Калининского, Западного, Брянского и Центрального фронтов вели наступление на западном направлении. Брянский фронт стремился обойти Орёл с юга и юго-востока. Однако войска встретили сильное сопротивление противника и за две недели смогли продвинуться всего на 10—30 км, достигнув рубежа Новосиль, Малоархангельск. Главные силы Западного и Калининского фронтов перешли в наступление только в начале марта, что позволило противнику к этому времени перебросить крупные силы из-под Ржева и Вязьмы в район Орла, в полосу Центрального фронта, соединения которого перешли в наступление только 25 февраля. И все же им удалось выйти к Десне. Серией контрударов немецкое командование вынудило армии фронта в конце марта перейти к обороне восточнее рубежа Мценск, Новосиль, Севск, Рыльск. В результате образовался северный фас курского выступа.

Уличные бои в городе Ростов-на-Дону. Февраль 1943 г.

Ремонт самолета после воздушного боя. Орловское направление. Июль 1943 г.

Подбитый «тигр» — результат удара советской авиации

Курская дуга. Командир танка, лейтенант Б. В. Смелов осматривает подбитый им «Тигр»

Бой на Курской дуге. 1943 г.

Курская дуга. После танкового боя. Лето 1943 г.

Курская дуга. Танковый бой. Июль 1943 г.

Тренировка стрелкового подразделения

Подбитый «тигр» — результат удара советской авиации

Курская дуга. Советские бойцы поднимаются в атаку

Контрнаступление под Курском. Лето 1943 г.

На марше. Под Курском. Май 1943 г.

В освобожденном селе под Курском. Лето 1943 г.

Разведчики ведут «языка». Август 1943 г.

Гвардии старший лейтенант А. Самусенко, командир танкового взвода, участница битвы на Курской дуге.
Брянский фронт, 1943 г.

Зимняя кампания 1942–1943 гг. продолжалась почти пять месяцев. В целом в зимних наступательных операциях Красной армии участвовало 11 фронтов из 12 (49 общевойсковых, три танковые и 13 воздушных армий). Наступление первоначально велось в полосе шириной 450 км, затем она увеличилась до 1200 км. В общей сложности суммарный фронт активных действий Вооруженных сил Советского Союза достиг 1700 км. Зимой 1942–1943 гг. впервые были нанесены крупные поражения не только собственно немецким войскам, но и армиям основных союзников Германии — Румынии, Италии и Венгрии. Наконец, в ходе этой кампании Вооруженным силам Советского Союза удалось свести к нулю все результаты, достигнутые войсками вермахта в летних операциях 1942 г. Линия фронта отодвинулась за пределы тех исходных рубежей, с которых противник начал свое летнее наступление. Одновременно наши войска освободили важные районы, утраченные в 1941 г. В итоге зимней кампании войска Красной армии освободили территорию общей площадью свыше 480 тыс. кв. км. Вермахт и сателлиты Германии потеряли до 1700 тыс. человек, более 3,5 тыс. танков, 24 тыс. орудий и 4,3 тыс. самолетов[73].

Опыт операций советских войск показал, что не все возможности эффективно использовались. К сожалению, нередко допускались серьезные ошибки в оценке планов и намерений врага, проявлялась медлительность в действиях, упускались благоприятные возможности для разгрома войск противника по частям. Все еще ощущалась нехватка современной военной техники, прежде всего танков, и боеприпасов. Непомерно большими оставались потери войск, особенно на завершающем этапе кампании. Потери Красной армии за этот период составили 2833,6 тыс. человек (из них безвозвратные 967,7 тыс.)[74]. Только в Северо-Кавказской и Воронежско-Харьковской наступательных, Харьковской оборонительной операциях и при прорыве блокады Ленинграда было потеряно более 1,6 тыс. танков, 660 орудий и минометов, около 700 боевых самолетов[75].

После окончания операций зимней кампании 1942–1943 гг. на советско-германском фронте наступила стратегическая пауза. Обе стороны прекратили активные боевые действия и приступили к всесторонней подготовке летних сражений. В центре советско-германского фронта образовался так называемый курский балкон — исходный плацдарм для нанесения фланговых ударов по орловской и белгородско-харьковской группировкам врага. В результате всего этого были созданы благоприятные условия для развертывания последующих наступательных операций на территории Украины, Белоруссии и Крыма.

Курская битва, вошедшая в историю как «битва на огненной дуге», в комплексе военных событий занимает центральное место. Она стала кульминационной точкой не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны, которая после этого приобрела необратимую направленность к победе антигитлеровских сил и неминуемому поражению стран фашистского блока. Развернувшиеся сражения не имеют себе равных в истории войн по степени ожесточенности и упорства борьбы, концентрации войск, прежде всего бронетанковых и авиационных сил, в ограниченных рамках времени и пространства, в стремлении любой ценой достигнуть поставленных целей. С обеих сторон в Курской битве приняли участие самые отборные войска, лучшая по тому времени военная техника, самые подготовленные командные кадры. В итоге произошла полная смена планов дальнейшего ведения войны: способов вооруженной борьбы, стратегии и тактики военных действий как Красной армии, так и вермахта.

Необходимые предпосылки и исходные условия для Курской битвы были созданы предшествовавшим ходом военных действий. Серьезные сдвиги произошли и в военно-экономической обстановке. Советская экономика, преодолев кризис, являвшийся следствием потери значительной территории страны и грандиозной эвакуации крупных промышленных предприятий во второй половине 1941 г., быстро наращивала выпуск военной продукции. С декабря 1941 по декабрь 1942 г. выпуск танков и самоходных установок (САУ) увеличился в 5 раз, артиллерийских систем — в 4 раза, боевых самолетов — в 2,6 раза. Повысилось не только количество вооружения, выпускаемого отечественной промышленностью, но и его качество. В бронетанковых и механизированных войсках Красной армии значитель-

но возросла доля тяжелых и средних танков. Появились новые типы самоходных орудий СУ-152 и СУ-122, новые самолеты Як-3, Як-9, Ту-2 не уступали новым немецким истребителям и бомбардировщикам.

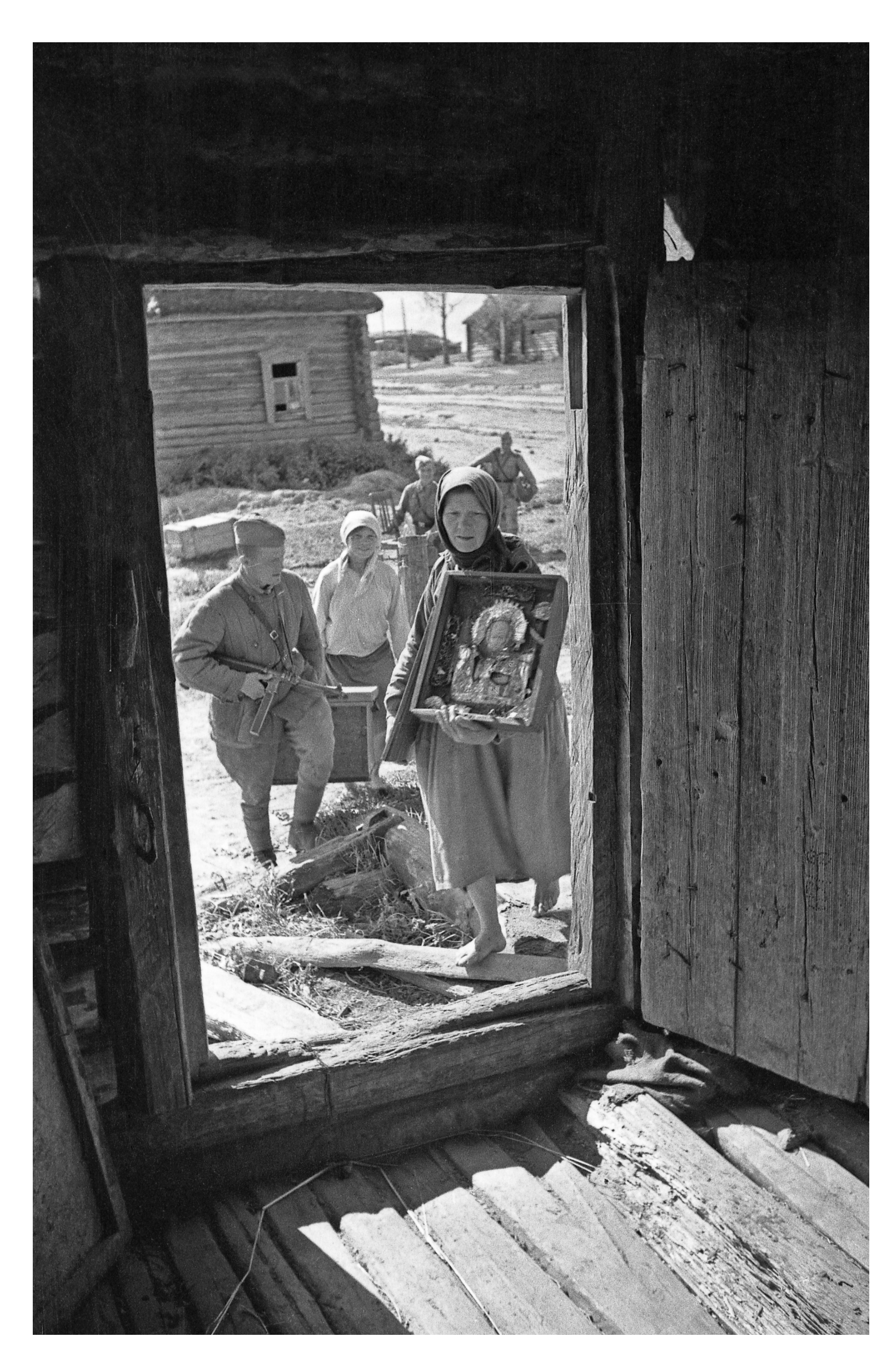
Однако и Германия наращивала свою военно-техническую мощь. Так, в 1943 г. ей удалось увеличить производство танков, орудий и минометов по сравнению с предыдущим годом более чем в 2 раза, а боевых самолетов — в 1,7 раза[76]. Был организован массовый выпуск новых танков и самоходных орудий с усиленной броней и улучшенным вооружением, новейших самолетов и противотанковых средств. Тем не менее германская промышленность была не в состоянии восполнить огромные материальные потери вермахта. Общее соотношение сил на советско-германском фронте к началу июля 1943 г. изменилось в пользу Красной армии. Советские войска превосходили вермахт по личному составу в 1,2 раза, по орудиям и минометам — в 1,9 раза, по танкам и САУ — в 1,7 раза, по боевым самолетам — в 3,4 раза[77].

Благоприятно для Советского Союза стала складываться и международная обстановка. В результате разгрома фашистских войск под Сталинградом и других поражений немцев в зимней кампании 1942–1943 гг. в Италии и Румынии назревал острый политический кризис. Не только европейские союзники Германии, но и Турция, Япония потеряли веру в возможность победы сил вермахта. В то же время военные успехи Красной армии способствовали активизации национально-освободительной борьбы народов, находившихся под игом немецко-фашистских захватчиков. Все это ставило нацистскую Германию и ее сателлитов в сложное положение, а перед Советским Союзом и его западными союзниками открывало позитивные перспективы дальнейшего ведения войны.

К разработке планов на лето 1943 г. обе стороны приступили еще до завершения зимней кампании. Германское руководство считало, что война с Россией еще не проиграна и создавшееся положение можно исправить. Оно настойчиво искало возможность взять реванш за поражение в битвах под Москвой и Сталинградом, поддержать пошатнувшийся моральный дух своей армии и населения Германии, поднять престиж Третьего рейха в глазах его союзников и предотвратить распад фашистского блока. Оптимизм противника основывался на том, что к весне 1943 г. вермахту удалось не только стабилизировать обстановку на восточном фронте, но и создать важные плацдармы на центральном стратегическом направлении. Уверенность в том, что в ближайшее время немецкие войска смогут нанести решающий удар, основывалась, конечно же, на успехах контрнаступления в феврале — марте и захвате ими Белгорода и Харькова.

13 марта 1943 г., еще до окончания боев за Харьков, А. Гитлер издал оперативный приказ № 5, в котором определил общие цели военных действий на восточном фронте на весну и лето 1943 г.: «Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время имеет место на фронте группы армий «Юг». На остальных участках задача сводится к обескровливанию наступления противника. Здесь мы должны заблаговременно создать прочную оборону»[78]. Отсутствие второго фронта в Европе дало возможность противнику осуществить определенную перегруппировку сил с запада на восток, а также с других участков восточного фронта. На советско-германском фронте к июлю 1943 г. общее количество дивизий по сравнению с летом 1942 г. увеличилось с 217 (из них 178 немецких) до 232 (из них 196 немецких).

Стремясь начать летнюю кампанию на советско-германском фронте широкими наступательными действиями, Германия делала все возможное, чтобы укрепить свои армии, пополнить их, дать им дополнительное вооружение. К началу летнего наступления в состав танковых войск вермахта поступило значительное количество новых тяжелых танков T-VI («тигр»), более маневренных тяжелых танков T-V («пантера») и самоходных установок «фердинанд» с 88-мм пушкой. Немецкое командование возлагало большие надежды на массированное применение этой новой бронетанковой техники. Кроме того, на вооружение авиации

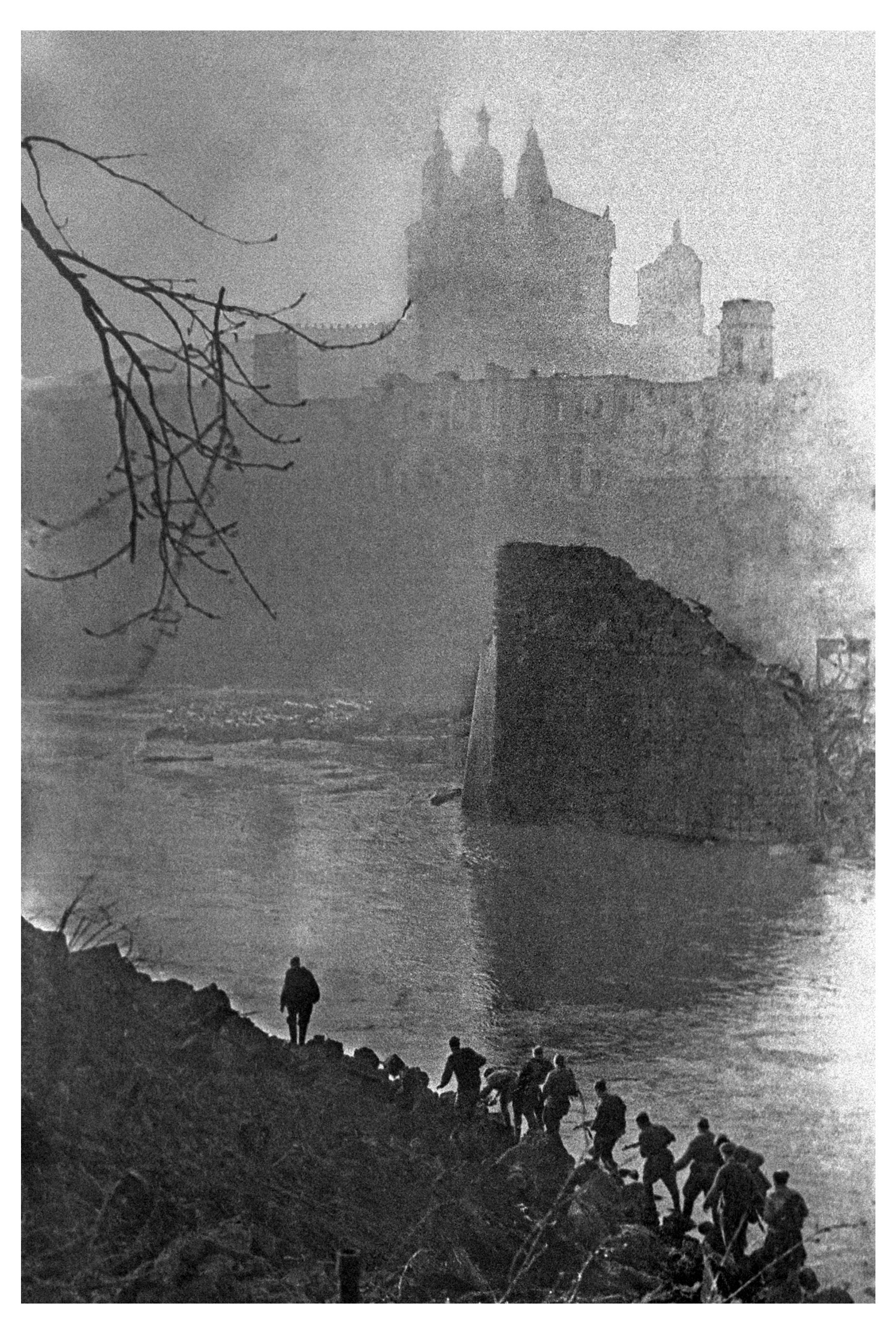
Смоленщина. Снова в родной дом. 1943 г.

Буксировка подбитого танка Т–34 с поля боя тягачом на базе Т–34 (без башни) под обстрелом противника

Саперы разминируют набережную Днепра в освобожденном Смоленске. 25 сентября 1943 г.

Смоленск. Бойцы подразделения капитана Ушакова отыскивают место для наводки переправы через Днепр.
25 сентября 1943 г.

В освобожденном селе на Смоленщине

Калининская область. Жители Погорелого Городища возвращаются в освобожденный город

поступили истребитель «Фокке-Вульф-190А», штурмовики «Хенкель-190А» и «Хеншель-129», которые должны были обеспечить удержание господства в воздухе и надежную поддержку танковых дивизий. Основная часть этих сил и средств была включена в состав групп армий «Юг» и «Центр», предназначенных решать основные задачи в предстоящей военной кампании. Усиливая техническую оснащенность своей армии, германское верховное главнокомандование одновременно пополняло поредевшие в боях с Красной армией дивизии. К началу летней кампании в результате так называемой тотальной мобилизации общая численность вооруженных сил Германии увеличилась на 1,5–2 млн человек и была доведена до 10,3 млн, став почти такой же, какой была год назад. К лету 1943 г. на советско-германском фронте враг имел на 42 дивизии больше, чем к началу войны против Советского Союза[79].

Увеличивая военное производство, укрепляя боевую мощь своих армий, германское руководство в то же время тщательно и всесторонне разрабатывало план решающей летней кампании. После катастрофы под Сталинградом оно не располагало достаточными силами и средствами для организации наступления на широком фронте. Поэтому ставка была сделана на нанесение мощного удара по советской обороне на узком участке в целях ее прорыва и развития наступления в глубь страны для овладения жизненно важными центрами и коммуникациями. А. Гитлер требовал любой ценой захватить инициативу, навязать Советскому Союзу свою волю. Наиболее выгодным для осуществления этого замысла, по мнению немецкого командования, являлся курский выступ. Район этот занимал большую территорию, включая ряд областей Российской Федерации и Украины. Здесь правое крыло немецкой группы армий «Центр» нависало над войсками Центрального фронта с севера, а левое крыло немецкой группы армий «Юг» охватывало войска Воронежского фронта с юга. Курский выступ находился как раз между этими двумя крупнейшими группировками противника. Конфигурация выступа, характер местности, а также сложившееся в результате зимней кампании расположение германских войск позволяли подготовить и провести здесь крупную операцию. К середине апреля план наступательной операции на советско-германском фронте был готов. Операция получила кодовое наименование «Цитадель» — это означало, что «данная операция представляет крупное наступление на последний оплот сопротивления русских».

Подчеркивая важность операции «Цитадель», верховное главнокомандование германских вооруженных сил в своем приказе № 6 от 15 апреля 1943 г. отмечало: «Этому наступлению придается первостепенное значение. Оно должно быть проведено быстро и успешно. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето этого года. В связи с этим следует провести все подготовительные мероприятия со всей энергией и осмотрительностью. На направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры, большое количество боеприпасов. Каждый командир и каждый солдат должен проникнуться сознанием решающего значения этого наступления»[80]. Суть плана заключалась в нанесении по курскому выступу двух мощных концентрических ударов с сосредоточением максимума усилий в первом стратегическом эшелоне. С северо-запада, из района Орла, силами группы армий «Центр» и с юго-запада, из района севернее Харькова, силами группы армий «Юг» предполагалось нанесение двух встречных ударов под основание курского выступа по сходящимся направлениям на Курск в целях окружения и разгрома советских войск. В дальнейшем противник, завершив окружение советских войск в районе Курска, намеревался нанести стремительный удар в тыл Юго-Западного фронта, осуществить второй этап операции «Цитадель», получивший наименование «Пантера». Для этого после завершения окружения советских армий предполагалось использовать все освободившиеся подвижные немецкие соединения. В то же время германское командование не исключало возможности после осуществления плана операции «Цитадель» развить успех в другом направлении — на северо-восток, в обход Москвы, чтобы выйти в тыл всей центральной группировке Красной армии. Эта операция должна была явиться генеральным сражением на восточном фронте и продемонстрировать превосходство немецкой военной стратегии, возросшую мощь, боеспособность и неудержимость нацистской Германии. Гитлеровское

командование надеялось вернуть утраченную стратегическую инициативу, добиться изменения хода войны в свою пользу.

Операция «Цитадель» являлась не только военной, но и важнейшей политической акцией. «Мы должны наступать из политических соображений», — заявил 3 мая на совещании в Мюнхене фельдмаршал В. Кейтель. На проведение операции руководство Третьего рейха толкала и общая идея беспощадной войны против СССР. «Здесь, на Востоке, решается судьба... Здесь русские должны быть истреблены и как люди, и как военная сила и захлебнуться в собственной крови», — убеждал офицеров танкового корпуса СС Г. Гиммлер в апреле 1943 г.[81]

Германское командование всесторонне и тщательно готовилось к предстоящим сражениям. План операции «Цитадель» неоднократно обсуждался и уточнялся высшим руководством германской армии: верховным главнокомандованием вооруженных сил, главным командованием сухопутных войск, командованием военно-воздушных сил, непосредственными его исполнителями — командующими группами армий, армиями, воздушными флотами. Командование вермахта привлекало для операции на курском направлении наиболее крупные силы, в основном отборные войска, самых опытных генералов. Курское направление было усилено 32 дивизиями, в том числе тремя танковыми и двумя моторизованными. Особое значение немецкое командование придавало внезапности начала операции «Цитадель». В этих целях предусматривалось осуществление в широких масштабах дезинформации советских войск. Но, несмотря на то что все мероприятия проводились с большой тщательностью и методичностью, эффективных результатов они не дали.

В составе ударных группировок на курском направлении немецкое командование сосредоточило огромные силы: 50 дивизий, в том числе 17 танковых и две моторизованные, три отдельных танковых батальона и восемь дивизионов штурмовых орудий. Сухопутные силы поддерживались авиацией 4-го и 6-го воздушных флотов. Правое крыло (2-я и 9-я полевые армии, часть сил 2-й танковой армии) группы армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге) нависало над Центральным фронтом, оборонявшим северный фас курского выступа. Орловская ударная группировка была создана из основных сил 9-й полевой армии генерала В. Моделя. Войска группировки наносили удар вдоль железной дороги Орёл — Курск. Общая численность этой группировки достигала 270 тыс. солдат и офицеров, около 3,5 тыс. орудий и минометов и до 1,2 тыс. танков и самоходных орудий. Левое крыло (часть 2-й полевой, 4-я танковая армии и оперативная группа «Кемпф»)[82] группы армий «Юг» (командующий — генерал-фельдмаршал Э. Манштейн) охватывало войска Воронежского фронта, оборонявшие южный фас курского выступа. Белгородско-харьковская ударная группировка противника должна была нанести два удара: главный — силами 4-й танковой армии вдоль шоссе Обоянь — Курск и вспомогательный — силами группы «Кемпф» от Белгорода на Корочу. Общая численность группировки достигла 280 тыс. солдат и офицеров, более 2,5 тыс. орудий и минометов, 1493 танка, в том числе 337 «пантер» и «тигров», а также 253 штурмовых орудия[83]. Лучшие силы группы армий «Юг» были включены в 4-ю танковую армию, в том числе 2-й танковый корпус СС, четыре танковые дивизии которого получили почти все новые танки, выделенные группе армий «Юг». Западнее курского выступа против советских войск действовала 2-я немецкая армия, имевшая в своем составе восемь пехотных дивизий.

Для поддержки войск с воздуха в районе курского выступа германское командование создало две мощные авиационные группировки. Ударную группировку в районе южнее Орла должен был поддерживать 6-й воздушный флот, который насчитывал около 900 самолетов. Ударную группировку севернее Харькова поддерживал 4-й воздушный флот в составе 960 самолетов. В обеих авиационных группировках были собраны лучшие военно-воздушные силы гитлеровской армии. Они были пополнены модернизированными бомбардировщиками «Хейнкель-111», новыми истребителями «Фокке-Вульф-190А», штурмовиками «Хеншель-129»[84].

Всего в составе ударных группировок противника, развернутых на северном и южном фасах Курской дуги, насчитывалось свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и мино-

Минометный расчет меняет огневую позицию. Брянский фронт

Расчет ПТР сержанта П. Тарасова под прикрытием дымовой завесы сближается с вражескими танками. Западный фронт. Май 1943 г.

Семья колхозника А. Н. Куприкова возвращается в свое село Долгое, освобожденное от оккупантов. 22 июля 1943 г.

Бойцы подразделения старшего лейтенанта А. Бурака при поддержке артиллерии ведут наступление

Советский солдат со знаменем в освобожденном городе Орле. 1943 г.

метов, более 2,7 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 2 тыс. боевых самолетов[85]. Кроме того, на флангах ударных группировок действовало до 20 пехотных дивизий, готовых к взаимодействию с основными силами в ходе развития операции «Цитадель».

В период подготовки операции «Цитадель» германское командование предприняло меры, чтобы обезопасить тыловые районы своих ударных группировок. Против партизан было направлено более 10 дивизий — целая армейская группа войск. Кроме того, проводились массированные налеты бомбардировщиков, которые группами по 15–20 машин подвергали бомбежке и обстрелу позиции партизан. Гитлеровцы блокировали леса, в которых находились базы партизан, и выселили всех жителей из деревень и поселков, прилегающих к лесным массивам. Часть населения была угнана в Германию, многие населенные пункты стерты с лица земли. Была проведена операция и против украинских партизан, действовавших в тылу группы армий «Юг». Немецкие генералы надеялись, что они сделали все возможное для успеха операции «Цитадель». Ни к одной операции Второй мировой войны они не готовились так всесторонне, так старательно, как к битве под Курском.

Верховное главнокомандование Вооруженных сил Советского Союза к выработке плана предстоящих действий приступило сразу же после завершения зимней кампании — в конце марта 1943 г. На полях сражений Красная армия окрепла организационно, повысилось ее боевое мастерство, возрос моральный дух воинов. К лету 1943 г. в составе действующей армии было свыше 6,4 млн человек, а на ее вооружении — почти 99 тыс. орудий и минометов, около 2,2 тыс. боевых установок реактивной артиллерии, 9,58 тыс. танков и САУ, почти 8,3 тыс. боевых самолетов. Наличие таких крупных сил и средств позволяло советским войскам, сохранявшим стратегическую инициативу, начать крупное наступление. Его цель состояла в том, чтобы завершить наметившийся перелом в войне, разгромить вражеские группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину с угольно-металлургической базой Донбассом и восточные районы Белоруссии, изгнав войска захватчиков за линию р. Сож, среднего и нижнего течения Днепра.

В ходе претворения в жизнь намеченного плана летнего наступления, который предусматривал нанесение главного удара на юго-западном направлении, пришлось вносить существенные коррективы. Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку вермахта к крупному наступлению на Курской дуге и даже установить его дату. Верховное главнокомандование было поставлено перед дилеммой: наступать или обороняться?

Некоторые военачальники и командующие фронтами предлагали начать упреждающие наступательные операции на орловском направлении и в Донбассе. Однако Ставка ВГК, особенно И. В. Сталин, не была уверена в успехе как обороны, так и наступления, которые до этого не удавались Красной армии в летний период. Колебания Ставки усилились после того, как заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г. К. Жуков 8 апреля прислал с Воронежского фронта доклад с оценкой обстановки и соображениями по поводу плана действий Красной армии в районе курского выступа. «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни, — писал он, — в целях упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»[86]. Такой же точки зрения придерживался и начальник Генерального штаба Красной армии маршал А. М. Василевский. Эти выводы были подтверждены и докладами командующих войсками фронтов.

После детального обсуждения предложений военных советов фронтов и мнения Генерального штаба 12 апреля Ставка ВГК выработала план действий на лето и осень 1943 г. В течение указанного периода предполагалось изгнать немецко-фашистских оккупантов за линию Смоленск, р. Сож, среднее и нижнее течение Днепра, сокрушить так называемый Восточный вал гитлеровцев, а также ликвидировать вражеский плацдарм на Кубани. Главный удар летом 1943 г. предполагалось нанести на юго-западном направлении, его целью являлось освобождение богатой хлебом Левобережной Украины и угольно-промышленного центра Донбасса. Второй удар намечалось нанести на западном направлении с целью освободить

Жители освобожденного Смоленска возвращаются в город. 25 сентября 1943 г.

Погорельцы. Орловская область

восточные районы Белоруссии и разгромить группу армий «Центр», по-прежнему угрожавшую Центральному промышленному району страны и Москве. Что касается курского выступа, то здесь было решено преднамеренной обороной на заранее подготовленных рубежах истощить и обескровить ударные группировки немецких войск, а затем переходом в контрнаступление завершить их разгром. Основные усилия сосредоточивались в районах севернее и южнее Курска. Произошел редчайший в истории войны случай, когда сильнейшая сторона, имевшая все необходимое для наступления, выбрала из нескольких возможных наиболее оптимальный вариант своих действий. Но не все были согласны с таким решением. Командующие Воронежским и Южным фронтами генералы Н. Ф. Ватутин и Р. Я. Малиновский продолжали настаивать на нанесении упреждающего удара в Донбассе. Их поддерживали С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов и некоторые другие[87]. Окончательное решение состоялось в конце мая — начале июня, когда стало точно известно о плане «Цитадель». Последующий анализ и реальный ход событий показал, что беспрецедентное в военном искусстве решение о преднамеренной обороне в условиях значительного превосходства в силах в данном случае было наиболее рациональным видом стратегических действий.

Оборонительную операцию под Курском намечалось осуществлять в основном силами Центрального и Воронежского фронтов. Однако с учетом того, что противник готовил мощные удары, Ставка ВГК к 30 апреля образовала Резервный фронт (в дальнейшем он был переименован в Степной военный округ). Полевое управление фронта разместилось неподалеку от Воронежа. В резерве Ставки, а также во вторых эшелонах фронтов по указанию Верховного главнокомандования были сосредоточены пять танковых армий, ряд отдельных танковых и механизированных корпусов, большое количество стрелковых корпусов и дивизий. В состав Центрального и Воронежского фронтов с 10 апреля по июль поступило 10 стрелковых дивизий, 10 истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, 13 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 14 артиллерийских полков, восемь полков гвардейских минометов, семь отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков. Всего двум фронтам было передано 5635 орудий, 3522 миномета, 1284 самолета. Командования Западного и Брянского фронтов получили задачу подготовить против орловской группировки врага наступательную операцию, которая должна была начаться после того, как будет сорвано наступление противника. Наступательные операции готовили и остальные фронты.

Северную и северо-западную части курского выступа (так называемый северный фас) протяженностью 306 км обороняли войска Центрального фронта генерала армии К. К. Рокоссовского в составе пяти общевойсковых, танковой и воздушной армий. Фронт получил задачу измотать и обескровить немецкие войска, наступавшие на Курск с севера, после чего перейти в контрнаступление и во взаимодействии с Западным и Брянским фронтами завершить разгром вражеской группировки на орловском выступе. Основные силы были сосредоточены на правом крыле фронта. Южную и юго-западную части курского выступа (так называемый южный фас) протяженностью 244 км занимали войска Воронежского фронта генерала армии Н. Ф. Ватутина. Фронт получил такую же задачу — измотать врага, перейти в контрнаступление и во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта разгромить его в районе Белгорода и Харькова.

Кроме того, на курском направлении были развернуты крупные стратегические резервы, находившиеся в распоряжении Ставки Верховного главнокомандования. Эти резервы, расположенные на рубеже Верховье, Ливны, Старый Оскол, Кантемировка, были объединены в Степной военный округ (с 10 июля 1943 г. — Степной фронт, командующий — генерал-полковник И. С. Конев). В его состав вошли пять общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии, а также один стрелковый, три танковых, три механизированных и три кавалерийских корпуса. Они предназначались для усиления советских войск на любом угрожаемом направлении и для организации сплошного фронта обороны восточнее курского выступа, а в дальнейшем — для участия совместно с войсками других фронтов в контрнаступлении. С воздуха войска Степного фронта поддерживала 5-я воздушная армия[88]. Всего

в составе округа насчитывалось более 500 тыс. человек, более 1,4 тыс. танков и САУ, около 8 тыс. орудий и минометов, до 400 самолетов[89].

Таким образом, обе противоборствующие стороны, планируя операции на лето 1943 г., стремились к активным наступательным действиям. Однако советское командование первоначально отдавало инициативу противнику, чтобы затем, используя выгоды преднамеренной обороны, ослабить войска вермахта в оборонительных боях. Немецкая же сторона не могла отказаться от наступления, так как для нее операция «Цитадель» являлась не только военной, но и важнейшей политической акцией.

Советское командование максимально использовало трехмесячное относительное затишье в боях для создания на курском выступе хорошо организованной, прочной, глубокоэшелонированной обороны, способной выдержать массированный удар танков. Курский выступ был превращен в подлинный стратегический бастион. Никогда, ни раньше, ни позже, в войне не создавалось столь развитой оборонительной системы, построенной на основе самых последних требований военного искусства. Всего к началу битвы здесь было оборудовано восемь оборонительных полос и рубежей общей глубиной до 300 км. В каждой армии первого эшелона были возведены три полосы обороны общей глубиной 30—50 км. Кроме того, Центральный и Воронежский фронты построили по три фронтовых оборонительных рубежа на глубину 180—200 км. Восточнее курского выступа по линии Россошное — Колодезь был создан первый стратегический, а по левому берегу Дона — государственный рубеж обороны[90]. До начала немецкого наступления войсками Центрального и Воронежского фронтов было отрыто около 10 тыс. км траншей и ходов сообщения, построено более 9 тыс. командных и наблюдательных пунктов, установлено более 500 тыс. противотанковых и около 450 тыс. противопехотных мин, протянуто около 700 км проволочных заграждений. Объем выполненных здесь земляных работ сравним с количеством грунта, вынутым при строительстве судоходного канала длиной в 2 тыс. км, по которому могли бы двигаться океанские лайнеры[91].

Устойчивости обороны в противотанковом отношении предполагалось достичь мощной и глубокой системой противотанковых опорных пунктов и районов с круговой обороной. Из артиллерийских, танковых, самоходных артиллерийских частей и соединений формировались противотанковые резервы. Чрезвычайно важным мероприятием в инженерно-тактическом отношении было создание во всех общевойсковых объединениях, соединениях и частях подвижных отрядов заграждения. Для усиления обороны, особенно противотанковой, войска получили большое количество артиллерии.

Параллельно с организацией и оборудованием обороны шла напряженная работа по боевой подготовке войск к предстоящим действиям. В войсках проводилась продуманная морально-психологическая и идеологическая подготовка воинов, имевшая цель укрепить их моральный дух, мобилизовать личный состав на выполнение задач, поставленных Верховным главнокомандованием. Это дало свои результаты. На этот раз наступления противника ждали, но не страшились его, так как были твердо уверены в успехе.

К началу наступления сосредоточение сил советских войск и подготовка обороны на курском выступе приближались к завершению. Было в основном закончено накопление требуемых запасов материальных средств, организовано взаимодействие и налажено обеспечение во всех звеньях. Фронты непрерывно вели активную воздушную, войсковую и агентурную разведку, что позволяло постоянно следить за приготовлениями противника к наступлению и уточнять его намерения. Непосредственное руководство подготовкой операции по отражению немецкого наступления и переходу в контрнаступление осуществлялось находившимися постоянно в войсках представителями Ставки ВГК, в первую очередь маршалами Г. К. Жуковым и А. М. Василевским.

Несмотря на все усилия, германскому командованию все же не удалось добиться перевеса на восточном фронте. Общее соотношение сил, в том числе и в районе курского выступа, теперь уже складывалось не в пользу Германии. К началу июля 1943 г. Ставка ВГК сумела сосредоточить на курском направлении 1336 тыс. человек (с учетом тыловых частей и учреждений Центрального и Воронежского фронтов), 19,1 тыс. орудий и минометов (без

учета реактивной, зенитной артиллерии и 50-мм минометов), 3444 танка и САУ (в том числе 900 легких танков), 2172 самолета (с учетом авиации дальнего действия, 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта, ночных бомбардировщиков — 2900 машин). В составе немецкой группировки (9-я и 2-я полевые армии группы армий «Центр», 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» группы армий «Юг») к этому же сроку насчитывалось свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, 2733 танка и штурмовых орудия (в том числе 360 устаревших танков), около 2050 самолетов[92]. В общей сложности это составляло почти 70% танковых, до 30% моторизованных, более 20% пехотных дивизий и свыше 65% боевых самолетов, действовавших на советско-германском фронте. Эти силы предназначались для ведения боевых действий на участке, длина которого составляла менее 14% протяженности всего восточного фронта. С учетом сил и средств Степного военного округа советские войска превосходили противника в людях — более чем в 2 раза, в орудиях и минометах — в 2,8 раза, в танках и САУ — в 1,8 раза.

Таким образом, к лету 1943 г. с обеих сторон советско-германского фронта стояли мощные армии, располагавшие огромным опытом ведения боевых действий. Соотношение сил и средств было не в пользу немецкой стороны. Кроме того, внезапность, за счет которой войскам вермахта в немалой степени удавалось достигать успехов в летних операциях 1941–1942 гг., была утрачена. Этому способствовали неоднократные отсрочки начала наступления под Курском и хорошая работа советской разведки.

Анализ обстановки и прогноз намерений противника, основанные на данных, полученных разведкой, позволили не только раскрыть замысел врага, но и точно определить момент перехода его в наступление. 2 июля 1943 г. Верховный главнокомандующий телеграммой предупредил командующих Центральным и Воронежским фронтами о возможности перехода противника в наступление между 3 и 6 июля[93]. В ночь на 4 июля были захвачены в плен немецкие саперы, проделывавшие проходы в заграждениях перед передним краем, которые показали, что наступление начнется 5 июля в 3 часа утра и что немецкие части заняли исходное положение «с задачей захватить Курск»[94].

Генерал К. К. Рокоссовский основные силы сосредоточил на правом крыле в полосе шириной до 95 км. В первом эшелоне обороны были развернуты 48, 13 и 70-я армии. Здесь располагалось 58% стрелковых дивизий, 87% танков и САУ, 70% артиллерии. Во втором эшелоне, за 13-й и 70-й армиями, располагались 3-й и 16-й танковые корпуса 2-й танковой армии. На остальном участке фронта протяженностью свыше 200 км занимали оборону 65-я и 60-я армии. В резерве командующего войсками фронта находились 18-й гвардейский стрелковый, 9-й и 19-й танковые и кавалерийский корпуса, а также несколько истребительно-противотанковых артиллерийских частей[95]. С воздуха фронт поддерживала 16-я воздушная армия. Командующий Воронежским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин исходил из того, что наиболее вероятными направлениями главных ударов неприятеля в полосе фронта будут Белгород — Обоянь и Белгород — Короча, а вспомогательный удар возможен в направлении Волчанск — Новый Оскол. Поэтому основные усилия в обороне были им сосредоточены на 164-километровом участке левого крыла фронта. В первом эшелоне оборонялись 38, 40, 6 и 7-я гвардейские армии. Во фронтовом резерве находились 69-я и 1-я танковая армии, 35-й гвардейский стрелковый, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Действия войск фронта с воздуха поддерживали соединения 2-й воздушной армии.

Курская битва включала в себя два этапа — оборонительный и контрнаступление. Причем все фазы битвы переплелись по времени и пространству.

Располагая данными о времени начала германского наступления, командования Центрального и Воронежского фронтов приняли решение провести артиллерийскую контрподготовку по изготовившимся к наступлению вражеским частям, артиллерии, командным и наблюдательным пунктам. 5 июля незадолго до рассвета на направлениях ожидаемых ударов противника в полосах обоих фронтов дважды (с разрывом в один час) наша артиллерия провела мощную артиллерийскую контрподготовку, которая впервые осуществлялась во фронтовом масштабе по заранее разработанному плану. И впервые за годы войны артил-

лерийская контрподготовка, проведенная накануне генерального наступления противника, увенчалась успехом. Немецкие войска, не ожидавшие этого внезапного упреждающего огня, понесли урон в людях и технике; управление войсками оказалось нарушено. В результате этого сроки перехода в наступление были сорваны, и вражеские соединения не смогли начать наступление одновременно, как было запланировано операцией «Цитадель».

Спустя некоторое время как на севере, так и на юге противник начал мощную артподготовку. Затем в 5 часов 30 минут утра ударная группировка 9-й немецкой армии, а в 6 часов группировки войск 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» перешли в наступление. В первом эшелоне группами по 10—15 машин шли тяжелые танки T-VI («тигр»). За ними во втором эшелоне группами по 80—100 машин двигались более маневренные тяжелые танки T-V («пантера») и штурмовые орудия «фердинанд». Затем густыми цепями наступала пехота. С воздуха волнами, одна за другой, наносила удары авиация. Казалось, ничто было не в состоянии остановить эту армаду, развернутую в 45-километровой полосе на севере и на 70-километровом фронте на юге. Но советские войска, окрепшие в предыдущих боях, твердо держались, до последнего отстаивая каждую позицию.

На орловско-курском направлении основной удар пришелся на 13-ю армию генерала Н. П. Пухова. Первая атака немцев была отражена благодаря высокой плотности огня, особенно противотанкового, в сочетании с системой заграждений[96]. В течение 5 июля противнику ценой больших потерь удалось прорвать главную (первую) оборонительную полосу на ольховатском направлении и вклиниться на 6—8 км. Вспомогательный удар врага на Малоархангельск успеха не имел. На второй день сражения, 6 июля, немцы продолжали наступление главными силами на Ольховатку, пытаясь прорвать здесь вторую оборонительную полосу. В ответ в 3 часа 50 минут утра был осуществлен фронтовой контрудар силами двух армий — 1-й танковой (одним танковым корпусом) и 13-й общевойсковой (одним стрелковым корпусом), одной танковой бригадой, двумя полками самоходной артиллерии, поддержанных крупными силами артиллерии и авиации. Контрудар остановил наступление противника и вынудил его изменить план действий. 7 июля немецкое командование перенесло центр тяжести своих усилий несколько восточнее — в направлении железнодорожной станции Поныри, введя в сражение дополнительно еще одну танковую дивизию. За этот населенный пункт, обороняемый 307-й стрелковой дивизией со средствами усиления, начался ожесточенный бой. Командующий 9-й полевой армией генерал В. Модель, постепенно наращивая силы, ввел в сражение более двух пехотных дивизий и большое количество танков. Немцы бросали в атаки одновременно до 50—60 танков. Умело перегруппировываясь и отвечая сильными контратаками, части 307-й дивизии все же удержались на окраине Понырей, а на следующий день выбили оттуда противника[97]. К исходу 8 июля неприятель ввел две свежие танковые дивизии и продолжил наступление на Поныри-2. К 9 июля ему удалось продвинуться еще на 5—6 км, но достичь решающих успехов враг не сумел: к исходу дня он всюду был остановлен и вследствие понесенных огромных потерь перешел к обороне.

На южном фасе курского выступа, в полосе Воронежского фронта, борьба также носила исключительно напряженный характер. Еще 4 июля передовые отряды 4-й немецкой танковой армии пытались сбить боевое охранение 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. К исходу дня им удалось в нескольких пунктах выйти к переднему краю обороны армии. 5 июля начали действовать главные силы на двух направлениях — на Обоянь и Корочу. Основной удар пришелся на 6-ю гвардейскую армию, а вспомогательный был нанесен по 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова из района Белгорода на Корочу[98]. Уже в первый день Э. Манштейн ввел в сражение большую часть имевшихся в его распоряжении сил. Только на Обоянь наступало одновременно несколько сотен танков. Здесь действовали дивизии СС «Райх», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Великая Германия», две танковые, две пехотные дивизии, два отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий 4-й танковой армии генерала Г. Гота. В результате, несмотря на тяжелые потери, немцам за два дня удалось прорвать главную полосу обороны. Развернутые на второй полосе соединения вторых эшелонов сумели на этом направлении на некоторое время сдержать врага. Но наступление

продолжалось. 7 июля неприятель на узком участке прорвал вторую полосу обороны и вклинился на обоянском направлении на 10–18 км. Создалась серьезная опасность его прорыва к Курску. В этой обстановке по решению Н. Ф. Ватутина 8 июля по обоим флангам главной группировки противника, наступавшей на обоянском направлении, были нанесены мощные контрудары силами резервов Воронежского фронта (введены в сражение два танковых корпуса и две стрелковые дивизии 69-й армии генерала В. Д. Крюченкина), поддержанные всей авиацией фронта. Контрудары советских войск ослабили вражескую ударную группировку, вынудив немецкое командование израсходовать значительную часть сил на обеспечение флангов. И хотя к исходу 9 июля противник несколько продвинулся на обоянском направлении, но от продолжения атак был вынужден отказаться. Одновременно войска оперативной группы «Кемпф», двигаясь от Белгорода в направлении на Корочу, поставили под угрозу фланги 6-й и 7-й гвардейских армий. Помимо указанных контрударов фронтовых резервов огромную роль в отражении наступления противника на обоянском направлении сыграли действия 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова, части которой использовались в обороне главным образом для отражения вражеских атак огнем с места, из окопов. Ожесточенный танковый бой развернулся в районе деревни Яковлево (15 км от переднего края обороны). Здесь вдоль шоссе Белгород — Обоянь наступала моторизованная дивизия СС «Адольф Гитлер». Части 6-й гвардейской и 1-й танковой армий отразили до восьми танковых атак противника. В этих боях отличились 1-я гвардейская танковая бригада (командир — полковник В. М. Горелов) и 51-я гвардейская стрелковая дивизия (командир — генерал Н. Т. Таварткиладзе). Советские гвардейцы стояли насмерть и не отступали ни на шаг.

Интенсивные бои развернулись и в воздухе. Летчики 2-й воздушной армии (командир — генерал С. А. Красовский) 6 июля совершили около 1 тыс. самолето-вылетов и в 64 воздушных боях сбили до 100 немецких самолетов[99]. В небе под Курском советская авиация завоевала господство в воздухе. Многие воздушные бойцы проявили беспримерную доблесть и мужество, в их числе младший лейтенант И. Н. Кожедуб, открывший свой боевой счет, сбив бомбардировщик Ю-87. На следующий день он сбил еще один самолет, а 8 июля уничтожил два истребителя Ме-109 (впоследствии И. Н. Кожедуб стал трижды Героем Советского Союза, маршалом авиации). Старший лейтенант А. П. Маресьев, который все-таки добился от командования разрешения летать, несмотря на ампутацию ступней обеих ног, сбил три вражеских самолета.

Немецкое командование стремилось любой ценой прорваться к Курску. Несмотря на упорное сопротивление войск Воронежского фронта, стабилизировать обстановку не удалось. Ударная группировка 4-й немецкой танковой армии ценой больших потерь продвинулась на обоянском направлении на 10–18 км, завершив прорыв главной полосы обороны 6-й гвардейской армии, а в районе Яковлево — второй оборонительной полосы. На корочанском направлении 3-й вражеский танковый корпус захватил плацдарм на восточном берегу Северского Донца, прорвал главную полосу обороны и на трехкилометровом фронте вышел ко второй полосе обороны 7-й гвардейской армии. Германское командование стремилось развить достигнутый успех, продолжая наращивать свои усилия вдоль шоссе Белгород — Обоянь. 2-й танковый корпус СС к исходу дня 9 июля не только прорвался к армейской (третьей) полосе обороны 6-й гвардейской армии, но и сумел вклиниться в нее примерно в 9 км юго-западнее Прохоровки[100]. Однако вырваться на оперативный простор ему не удалось.

10 июля А. Гитлер приказал командующему группой армий «Юг» фельдмаршалу Э. Манштейну добиться решительного перелома в ходе битвы. Убедившись в полной невозможности сломить сопротивление войск Воронежского фронта на обоянском направлении, фельдмаршал решил изменить направление главного удара и теперь наступать на Курск кружным путем — через Прохоровку. Одновременно вспомогательная ударная группировка наносила удар по Прохоровке с юга. На прохоровское направление были подтянуты 2-й танковый корпус СС, в состав которого входили отборные дивизии «Райх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», а также части 3-го танкового корпуса.

Но советское командование внимательно следило за действиями противника. С целью не допустить прорыва врага в северо-восточном направлении в район боевых действий были выдвинуты 69-я армия, а затем 35-й гвардейский стрелковый корпус. Чтобы исключить любые случайности, Ставка ВГК приняла решение об усилении Воронежского фронта за счет стратегических резервов. Еще 9 июля командующий войсками Степного фронта генерал И. С. Конев получил приказ выдвинуть на курско-белгородское направление 4-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю армии и передать в подчинение Н. Ф. Ватутину 5-ю гвардейскую армию генерала А. С. Жадова и 5-ю гвардейскую танковую армию генерала П. А. Ротмистрова. Войска Воронежского фронта должны были сорвать наступление врага, нанеся мощный контрудар (пять армий) по его группировке, вклинившейся на обоянском направлении. Однако 11 июля нанести контрудар не удалось. Осуществлению замысла советского командования помешало успешное наступление немецких войск. В этот день противник захватил рубеж, намеченный для развертывания 5-й гвардейской танковой армии. Лишь вводом в сражение четырех дивизий и двух танковых бригад из армии генерала П. А. Ротмистрова удалось остановить противника в 2 км от Прохоровки. Поэтому встречные бои передовых отрядов и частей в этом районе начались уже 11 июля.

С утра 12 июля на прохоровском направлении по обе стороны железной дороги Белгород — Курск, где обе противоборствующие стороны решали свои задачи активными наступательными действиями, развернулось ожесточенное встречное сражение. Основные события произошли юго-западнее Прохоровки. С северо-запада на Яковлево наносили удар соединения 6-й гвардейской и 1-й танковой армий, а с северо-востока, из района Прохоровки, в том же направлении наносили удар 5-я гвардейская танковая армия с приданными двумя танковыми корпусами и 33-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской общевойсковой армии. Восточнее Белгорода удар наносился тремя стрелковыми дивизиями 7-й гвардейской армии.

В 8 часов 30 минут утра после 15-минутного артиллерийского налета 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии и приданные ей 2-й и 2-й гвардейский танковые корпуса перешли в наступление в общем направлении на Яковлево. Советское командование предполагало, что неприятель будет застигнут врасплох. Однако одновременно перешли в наступление и две дивизии 2-го танкового корпуса СС «Адольф Гитлер» и «Райх». На довольно узком участке от Березовки (30 км северо-западнее Белгорода) до Ольховатки, на изрезанной оврагами равнине, произошло столкновение двух сильных ударных группировок. Танковое сражение продолжалось целый день. Обе стороны несли большие потери. Борьба была на редкость ожесточенной. 13 июля маршал А. М. Василевский докладывал И. В. Сталину: «Вчера лично наблюдал бой наших 18-го и 29-го танковых корпусов с более чем 200 танками противника... В результате поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус потерял до 60% и 18-й танковый корпус 30% танков»[101].

Все попытки гитлеровцев, используя свое численное превосходство, охватить 5-ю гвардейскую танковую армию с флангов окончились неудачей. Но и наша танковая армия, израсходовав в сражении все резервы, была уже не в состоянии продолжать наступление и к вечеру перешла к обороне. В результате встречного сражения под Прохоровкой ни одна из сторон не смогла решить поставленные перед ней задачи: немцы — прорваться на Курск, 5-я гвардейская танковая армия — выйти в район Яковлево, разгромив противника. Но путь на Курск врагу был закрыт. Отборные моторизованные дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова» были вынуждены прекратить атаки и закрепиться на достигнутых рубежах. 3-й танковый корпус противника в этот день потеснил соединения 69-й армии на 10–15 км. Не смогли продвинуться вперед и другие советские армии, участвовавшие в контрударе 12 июля.

В целом контрудар Воронежского фронта существенно замедлил продвижение захватчиков и сорвал их план прорваться к Курску. Однако выполнить поставленные Ставкой ВГК цели не удалось. Одной из причин того, что контрудар не завершился полным разгромом

вклинившейся ударной группировки немцев, явилось то, что самая мощная группировка советских войск наносила удар по наиболее сильной группировке врага, но не во фланг, а, что называется, в лоб. Не была в полной мере использована выгодная конфигурация фронта, позволявшая нанести удары под основание вражеского вклинения в целях окружения и последующего уничтожения всей группировки немецких войск, действовавшей севернее Яковлево.

На Прохоровском поле лоб в лоб количество танков сражалось против качества танков. В распоряжении командующего 5-й гвардейской танковой армией находились 501 танк Т-34 с 76-мм пушкой, 264 легких танка Т-70 с 45-мм пушкой и 35 тяжелых танков «Черчилль III» с 57-мм пушкой, полученных СССР из Англии. У этого танка была очень маленькая скорость и маневренность. Каждый корпус имел полк самоходных артиллерийских установок СУ-76, но ни одной СУ-152. Противостоявший армии 2-й танковый корпус СС имел 400 современных танков. Это около 50 тяжелых танков «тигр» (пушка 88 мм), поражавших советские танки с дистанции до 2 тыс. метров, десятки скоростных (34 км/ч) средних танков «пантера», модернизированные Т-III и Т-IV. Чтобы поразить «тигр», танк Т-34 должен был приблизиться на 800 метров, что немцы далеко не всегда позволяли; остальным же советским танкам надо было подходить еще ближе. Кроме того, часть танков немцы поместили в капониры, чем обеспечили их неуязвимость с борта. Сражаться с надеждой на успех в таких условиях можно было только в ближнем бою, в результате росли потери. Под Прохоровкой мы потеряли более 60% танков (500 из 800), а немцы — 75% (300, а по немецким данным, 80–100 из 400)[102]. Для них это была катастрофа.

Большие потери советских войск объясняются, в частности, и тем, что советские командиры и штабы, войска в целом еще не владели должным образом боевым мастерством, а военачальники — военным искусством. Сказывались и упущения во взаимодействии пехоты с танками, наземных войск с авиацией, между соединениями и частями.

В последующие дни немецкое командование, перегруппировав свои силы, попыталось окружить и уничтожить южнее Прохоровки соединения 69-й армии. Но в результате тяжелых боев, продолжавшихся до 15 июля, этот замысел был сорван. Исчерпав все свои наступательные возможности, противник был вынужден с 16 июля начать частичный отвод своих войск в исходное положение. Воронежский и введенный 18 июля в сражение Степной фронт перешли к его преследованию. К исходу 23 июля они восстановили положение, занимаемое советскими войсками до начала оборонительного сражения.

Большое влияние на дальнейший ход событий на белгородско-курском направлении оказали события на южном крыле советско-германского фронта. 17 июля перешли в наступление войска Южного и Юго-Западного фронтов. Уже в первый день Южный фронт прорвал немецкую оборону и захватил плацдарм на западном берегу Миуса. Вечером того же дня Э. Манштейн приказал Г. Готу вывести из боя 2-й танковый корпус СС и подготовить его к отправке в полосу 6-й армии, оборонявшейся на р. Миус. На другой день командование группы армий «Юг» приняло решение выводить из боя и 3-й танковый корпус. В ночь на 19 июля начался общий отход немецких войск на южном фасе курского выступа.

Таким образом, в период с 12 по 17 июля в Курской битве произошел решающий перелом. Ввод в сражение 12 июля шести армий (четыре — на орловском и две, в том числе одна танковая, — на белгородско-харьковском направлениях), до этого не участвовавших в битве, резко изменил характер борьбы на Курской дуге. Теперь уже наступали советские войска. К 23 июля противник был отброшен на рубеж, с которого он начинал наступление. Для его срыва войскам Красной армии потребовалось немногим более недели. Замысел операции «Цитадель» был окончательно похоронен.

Многие зарубежные историки, авторы военных мемуаров (бывшие генералы и офицеры вермахта) утверждают, что отказ немецкого командования от продолжения операции «Цитадель» был вызван высадкой союзников СССР в Сицилии 10 июля 1943 г. Именно этими причинами А. Гитлер мотивировал свое решение отказаться от дальнейшего наступления под Курском, объявляя его 13 июля фельдмаршалам Г. фон Клюге и Э. Манштейну. Но это прои-

зошло спустя два дня после того, как армейское командование и ОКВ сошлись во мнении, что дальнейшее наступление под Курском стало невозможным. Причина остановки наступления хорошо объяснена в докладе о действиях 2-й танковой и 9-й полевой армий на орловском выступе с 5 июля по 18 августа, составленном офицером штаба 9-й армии во время войны. Из доклада следует, что контрудар советских войск в полосе 2-й танковой армии начался 11 июля[103]. По этому поводу в докладе говорится, что «за пределами полосы 9-й армии произошло событие, вынудившее остановить наступательную операцию. Противник на широком фронте перешел в наступление против 2-й танковой армии»[104]. Далее в докладе отмечается, что 13 июля намерения командования группы армий «Центр» восстановить положение за счет перегруппировки сил и продолжить наступление были окончательно похоронены: «Уже в этот день масштабы вражеского наступления против 2-й танковой армии доказали, что его оперативной целью является ликвидация всего орловского выступа»[105]. Штаб 9-й армии также считал, что именно советское контрнаступление в тылу армии и получение известий о наступлении войск Южного фронта против 1-й немецкой танковой армии стали главными причинами провала операции «Цитадель». Наступление войск Южного фронта создавало угрозу южному флангу группы армий «Юг». В результате фельдмаршал Э. Манштейн вынужден был перебрасывать туда свои резервы, а затем и танковые соединения, действовавшие на южном фасе Курской дуги. После войны бывший командующий 2-й немецкой армией генерал Г. Хейнрици и военный историк В. Гаук в германском журнале «Военно-научное обозрение» писали: «12 июля противник перешел в контрнаступление... В результате продолжение операции «Цитадель» в полосе группы армий «Центр» стало невозможным. А. Гитлер не мог ничего поделать. Ему оставалось только подчиниться обстоятельствам. Кроме того, поведение противника перед фронтом 1-й танковой армии свидетельствовало о его подготовке к наступлению. В этих обстоятельствах А. Гитлер вынужден был 13 июля объявить командующим обеих групп армий, участвовавших в операции «Цитадель», что операция должна быть остановлена»[106].

Из журнала боевых действий главного командования (ОКВ) следует, что военное руководство Германии рассматривало вопрос об усилении группировки на юге за счет немецких войск, расположенных в Западной Европе, и не планировало переброску каких-либо сил в Италию с восточного фронта. И накануне совещания А. Гитлера с Э. Манштейном и Г. фон Клюге, 12 июля, немецкое верховное командование не помышляло об усилении своих войск в Италии за счет восточного фронта[107]. Следовательно, не высадка союзников в Сицилии, а обстановка на советско-германском фронте явилась главным фактором, определившим крах «Цитадели». Враг исчерпал свои возможности.

Таким образом, план операции «Цитадель» по окружению и разгрому более чем миллионной группировки советских войск на курском выступе был сорван. Попытка врага взять реванш за Сталинград и вырвать у Красной армии стратегическую инициативу полностью провалилась. Оборона под Курском оказалась непреодолимой благодаря беспримерному мужеству и героизму солдат, офицеров, генералов, но она дорого обошлась советской стороне. В оборонительных боях на Курской дуге Центральный, Воронежский и Степной фронты потеряли 177 847 человек, 1614 танков и САУ, 3929 орудий и минометов[108]. Противник также понес значительный урон: почти половина немецких танковых дивизий утратила свою боеспособность. В опубликованных в Германии работах, в том числе в мемуарах Э. Манштейна, говорится о том, что немецкие войска за всю Курскую битву потеряли около 200 тыс. человек. Немецкие источники утверждают, что на 13 июля во 2-м корпусе СС остался 131 танк и штурмовое орудие из 422, а в 48-м танковом корпусе — 199 из 520. За период с 5 по 13 июля группа армий «Юг» потеряла 162 танка «пантера» из 200, а в 3-м танковом корпусе на 15 июля насчитывалось всего 69 танков и штурмовых орудий из 310 имевшихся[109].

Второй этап Курской битвы начался контрнаступлением советских войск. Как уже отмечалось, одновременно с созданием прочной обороны курского выступа Ставка готовила войска Западного (командующий — генерал-полковник В. Д. Соколовский), Брянского (командующий — генерал-полковник М. М. Попов), Центрального (командующий — генерал

армии К. К. Рокоссовский), Воронежского (командующий — генерал армии Н. Ф. Ватутин) и Степного (командующий — генерал-полковник И. С. Конев) фронтов к контрнаступательным операциям по планам, получившим кодовые наименования «Кутузов» и «Полководец Румянцев». Переход в контрнаступление предполагалось осуществить на всех направлениях по возможности одновременно. Однако получилось так, что все фронты начали операции в разное время. Наиболее благоприятная обстановка для нанесения ударов создалась против орловской группировки противника, где необходимые условия к переходу в контрнаступление сложились уже 10 июля.

В основу плана операции по разгрому противника в орловском выступе была положена идея нанесения концентрических ударов трех фронтов (Западного, Брянского и Центрального) в общем направлении на Орёл в целях окружения орловской группировки противника (2-я танковая, 2-я и 9-я полевые армии группы армий «Центр», всего около 600 тыс. человек, более 7 тыс. орудий и минометов, около 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 1,1 тыс. самолетов), рассечения ее на части и уничтожения. В составе фронта насчитывалось почти 1,3 млн человек, более 21 тыс. орудий и минометов, 2,4 тыс. танков и САУ, свыше 3 тыс. боевых самолетов[110]. Для реализации замысла были созданы четыре ударные группировки: на левом крыле Западного фронта (11-я гвардейская армия), в центре (61-я армия) и на левом крыле Брянского фронта (3-я и 63-я армии); четвертой ударной группировкой являлись войска правого крыла Центрального фронта (40, 13 и 70-я армии).

Все подготовительные мероприятия фронтами были осуществлены заблаговременно. Особое внимание уделялось массированию сил и средств на направлениях главных ударов, так как немецкое командование еще задолго до своего наступления на Курск создало на орловском плацдарме прочную глубокоэшелонированную оборону с широко развитой системой полевых укреплений. Прорыв сильной обороны и разгром мощной группировки оккупантов потребовал от советского командования глубокого построения боевых порядков соединений и высоких оперативных плотностей. Почти два месяца советские войска готовились к наступлению, но, несмотря на столь длительный срок, немецкое командование так и не обнаружило их намерений. После войны бывший командующий 2-й немецкой армией генерал Г. Хейнрици писал: «После четырех дней битвы (речь идет об операции «Цитадель». — *Прим. ред.*) на соседних участках фронта на Орловской дуге и под Харьковом не было никаких признаков подготовки русского наступления... Планы противника о действиях на этих участках все еще не были ясны»[111].

Орловская наступательная операция (кодовое название «Кутузов») началась 12 июля, когда оборонительное сражение на Курской дуге было еще в полном разгаре. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска Западного и Брянского фронтов перешли в наступление. По всему фронту развернулись ожесточенные бои. Первыми атаковали противника соединения 11-й гвардейской армии Западного фронта, 3, 61 и 63-й армий Брянского фронта. В течение первых двух дней наступления они прорвали тактическую зону обороны противника. Встревоженное неблагоприятным развитием событий, немецкое командование приказало своим войскам во что бы то ни стало отразить наступление советских войск на занимаемых рубежах. 2-я танковая армия была оперативно подчинена командующему 9-й полевой армией. Генерал В. Модель принял срочные меры для усиления обороны на северном и восточном фасах орловского плацдарма, перебросив туда несколько дивизий из ударной группировки 9-й армии, наступление которой по плану операции «Цитадель» было прекращено. Ослаблением ударной группировки врага воспользовалось командование Центрального фронта. 15 июля его войска перешли в контрнаступление, нанеся удар по орловской группировке противника с юга в направлении Кром. Сломив сопротивление серьезно ослабленной 9-й армии, Центральный фронт через три дня полностью восстановил положение, занимаемое до начала оборонительного сражения.

Обе стороны стремились как можно быстрее нарастить усилия. Немецкое командование вынуждено было перебрасывать в полосу 2-й танковой армии силы с других направлений, в том числе и из тех войск, которые участвовали в операции «Цитадель». Советское коман-

дование наращивало силы за счет созданных в период подготовки к контрнаступлению стратегических резервов. С 19 по 26 июля в полосе Брянского и Западного фронтов в сражение были введены 3-я гвардейская и 4-я[112] танковые, 11-я армии, а также 2-й гвардейский кавалерийский корпус. За девять дней наступления советские войска вклинились в оборону врага на 20–25 км. 29 июля был освобожден Волхов, но окружить немецкие войска, как это намечалось планом, не удалось. Вместо быстро проведенной операции получилось изнурительное кровопролитное прогрызание вражеской обороны, которое продолжалось 18 дней. В ходе боев на болховском направлении только 4-я танковая армия потеряла 84% имевшихся у нее танков Т-34 и 46% легких танков Т-70. Трудно шло наступление и армий правого крыла Центрального фронта. К 30 июля они, правда, продвинулись на глубину до 40 км, но при этом понесли большие потери, особенно в танках. Во 2-й танковой армии были выведены из строя почти 60% танков. Не добилась успеха и 2-я гвардейская танковая армия. За первые две недели боевых действий она потеряла половину из имевшихся у нее 800 танков[113].

Германское командование не ожидало столь массированного удара советских войск. На совещании в ставке 26 июля А. Гитлер объявил о своем решении оставить орловский выступ и отойти на создаваемый восточнее Брянска рубеж «Хаген». Подготовка этого рубежа началась еще в середине июля. Несмотря на отход главных сил противника, на всех участках растянувшегося на 400 км фронта продолжались тяжелые бои, так как немецкое командование умело организовало прикрытие отхода своих войск.

Начало августа ознаменовалось ожесточенной борьбой на подступах к Орлу, превращенному немцами в мощный оборонительный узел. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска настойчиво продвигались вперед. Брянский фронт теснил врага восточнее и севернее Орла. Соединения правого крыла Центрального фронта продвигались к городу с юга. Ожесточенные бои развернулись и в воздухе. Тесно взаимодействуя с наземными войсками, 1, 15 и 16-я воздушные армии в напряженной борьбе нанесли большой урон вражеской авиации и, захватив прочное господство в воздухе, сыграли значительную роль в успешном исходе наступательной операции. Сражавшиеся в небе Орловщины летчики французской эскадрильи «Нормандия» сбили в боях над орловским плацдармом 33 немецких самолета.

Все больший размах приобретала борьба советских людей в тылу врага. В июле 1943 г. партизаны развернули активные действия на коммуникациях противника. По разработанному Центральным штабом партизанского движения плану операции, вошедшей в историю под названием «Рельсовая война», они начали массовый вывод из строя железных дорог.

3 августа соединения 3-й армии продвинулись на 14 км и охватили Орёл с северо-запада. Вражеская оборона дала трещину. Передовые части 3-й и 63-й армий Брянского фронта в ночь на 4 августа также подошли к городу. Но враг не собирался сдавать город без боя. Завязались упорные уличные бои. Они шли за каждый квартал, каждый дом. На рассвете 5 августа Орёл был полностью освобожден. В тот же день войска Степного фронта вступили в Белгород. В честь одержанных побед вечером 5 августа 1943 г. в Москве впервые за время Великой Отечественной войны был произведен артиллерийский салют — 12 залпов из 124 орудий.

После освобождения Орла Брянский и Центральный фронты продолжали развивать наступление. Противник, сократив линию фронта, уплотнил свои боевые порядки и оказывал сильное сопротивление на промежуточных рубежах. Однако положение неприятельской группировки осложнилось. Советское командование нанесло по захватчикам еще один удар. 7 августа развернулась Смоленская стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Суворов»[114]. Это вынудило немецкое командование перебросить с брянского направления на смоленское 13 дивизий, что заметно ослабило сопротивление отходивших частей. 17–18 августа советские войска подошли к оборонительному рубежу «Хаген», подготовленному гитлеровцами восточнее Брянска. Здесь они были остановлены. Большие потери и сильная оборона противника помешали развить наступление.

За 38 дней контрнаступления советские войска продвинулись в западном направлении на 150 км. Орловский плацдарм врага, находившегося в опасной близости от Москвы, этот

«кинжал, нацеленный в сердце России», был ликвидирован. Для Красной армии открылась возможность выхода на территорию Белоруссии. Противник потерял 88,9 тыс. человек. Нелегко досталась победа и советским войскам. Безвозвратные людские потери трех советских фронтов составили 112 529 человек, санитарные — 317 361. Фронты потеряли 2586 танков и САУ, 892 орудия и миномета и 1014 боевых самолетов. По данным штаба 9-й немецкой армии, были угнаны 180 тыс. мирных жителей, более 30 тыс. голов крупного рогатого скота, разрушено при отходе 100 мостов, 420 км железнодорожных путей, 40 вокзалов.

В самый разгар сражения под Орлом, 3 августа, советское командование нанесло по захватчикам второй сокрушительный удар на южном фасе курского выступа. Началась Белгородско-Харьковская наступательная операция, получившая кодовое наименование «Полководец Румянцев». К ее проведению привлекались войска Воронежского и Степного фронтов, которые действовали во взаимодействии с Юго-Западным фронтом. Немецкое командование расценивало район Белгорода — Харькова как важнейший подступ к Украине и ключ к Донбассу. Оно называло его сильнейшим «бастионом немецкой обороны на востоке». Враг возвел здесь семь оборонительных рубежей общей глубиной до 90 км. В мощные узлы сопротивления были превращены Белгород, Томаровка, Борисовка, а также Харьков, опоясанный двумя кольцевыми оборонительными обводами. В состав немецкой группировки, оборонявшей белгородско-харьковский плацдарм, входили 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф». Они насчитывали до 300 тыс. человек, свыше 3 тыс. орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий. С воздуха эту группировку поддерживал 4-й воздушный флот, имевший в своем составе более 1 тыс. самолетов[115].

В соответствии с планом операции Воронежский и Степной фронты наносили рассекающий удар смежными крыльями из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки, Новую Водолагу. Войскам предстояло рассечь вражескую группировку на части и перерезать пути ее отхода из района Харькова на запад и юго-запад. Еще один удар наносился силами двух армий и танкового корпуса в направлении на Ахтырку. 57-я армия Юго-Западного фронта, переданная в ходе операции в состав Степного фронта, наступала юго-восточнее Харькова с задачей отрезать противнику пути отхода на юг. Всего к наступлению были привлечены свыше 980 тыс. солдат и офицеров, более 12 тыс. орудий и минометов, 2,4 тыс. танков и САУ, около 1,3 тыс. самолетов.

Рано утром 3 августа после 170-минутной артиллерийской подготовки и ударов авиации войска Воронежского и Степного фронтов перешли в контрнаступление. Введенные в сражение в середине первого дня 1-я и 5-я гвардейская танковые армии завершили прорыв тактической зоны обороны противника и уже к исходу этого дня вклинились в его оборону до 26 км. К вечеру 5 августа 1-я танковая армия, значительно опередив общевойсковые соединения, углубилась в оборону противника в направлении Богодухова на 100 км. К концу этого же дня войска 40-й и 27-й армий, прорвав оборону противника, продвинулись на 8–20 км. В это время соединения 53-й и 69-й армий совместно с 7-й гвардейской армией заняли Белгород и продолжали продвигаться вдоль западного берега Северского Донца на Харьков.

В течение 6 и 7 августа 6-я гвардейская армия нанесла поражение соединениям противника в районах южнее Томаровки и Борисовки. Продолжая развивать успех, 1-я танковая армия, значительно оторвавшись от пехоты (до 40 км), 7 августа освободила Богодухов, а 11-го — Высокополье и перерезала в этом районе основную коммуникацию харьковской группировки противника — железную дорогу Харьков — Полтава. Одновременно 7-я гвардейская, 53-я и 69-я армии Степного фронта, выйдя 11 августа к внешнему обводу Харькова, приступили к его прорыву, а юго-восточнее Харькова 57-я армия, форсировав Северский Донец, постепенно продвигалась к городу с запада. Таким образом, 11 августа харьковская группировка немцев оказалась охваченной с трех сторон, а дальнейшее продвижение 1-й танковой армии создало для нее угрозу полного окружения. Передовые отряды 40-й и 27-й армий завязали бои за Ахтырку и Котельву.

В создавшейся обстановке немецкое командование подтянуло на харьковское направление крупные резервы — танковые дивизии СС «Райх», «Мертвая голова» и «Викинг» и с 11 по

17 августа в районе Богодухова и Высокополья нанесло сильный контрудар по флангам 1-й танковой армии, пытаясь обойти ее и отрезать от тыла. Однако контрудар удалось отбить. Тем не менее противник повторил попытку сорвать наступление войск, обходивших Харьков. С 15 августа командование группы армий «Юг» приступило к формированию новой, еще более мощной контрударной группировки войск, в том числе в составе трех танковых и одной моторизованной дивизий в районе Ахтырки для удара на Богодухов, танковой дивизии СС «Мертвая голова» для удара с юга в тыл советским войскам, вышедшим в район Калитвы, и двух дивизий в районе Полтавы для действий с запада. С 18 августа в этих районах развернулись тяжелые бои. Противнику на ряде направлений удалось потеснить советские части, но уже 19 августа он был остановлен. 20 августа советское командование, подтянув резервы, нанесло ответные удары. Охваченная с трех сторон войсками Воронежского фронта ахтырская группировка оказалась под угрозой глубокого обхода и 20—23 августа была разгромлена. Ее остатки откатились в юго-западном направлении.

Таким образом, в результате ожесточенных встречных сражений, разыгравшихся с 11 по 23 августа в обширном районе западнее Харькова, попытки противника остановить наступление советских войск были сорваны и его контрударные группировки разбиты. В руках врага осталась единственная дорога из Харькова на Мерефу. Поэтому 22 августа немецкое командование стало отводить свои войска из района Харькова. Вечером 22 августа командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев отдал приказ о ночном штурме города, и 23 августа Харьков был освобожден. На этом закончилось контрнаступление советских войск на белгородско-харьковском направлении, а вместе с ним и Курская битва. В ходе контрнаступления армии Воронежского и Степного фронтов продвинулись в глубину на 140—150 км.

По своим масштабам, концентрации войск, напряженности боевых действий, а главное, по значению результатов и последствий битва под Курском стоит в ряду крупнейших битв Второй мировой войны. В течение 50 суток на сравнительно небольшой территории (на территории семи областей России и Украины в полосе 600 км по фронту и до 150 км в глубину) столкнулись две мощнейшие группировки вооруженных сил. В ожесточенные сражения с обеих сторон были вовлечены более 4 млн человек, свыше 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков и самоходных орудий, до 12 тыс. боевых самолетов. Со стороны вермахта в ней участвовало свыше 100 дивизий, что составляло более 43% дивизий, находившихся на советско-германском фронте. Около 30% от общего числа дивизий сражалось с советской стороны[116].

В ходе Курской битвы было разгромлено 30 немецких дивизий. Особенно большой урон был нанесен танковым частям, вооруженным новой тяжелой боевой техникой, на которую немецкое командование возлагало большие надежды. Вот что писал по этому поводу в своих мемуарах генерал Г. Гудериан: «Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время вышли из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на восточном фронте, а также для организации обороны на западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... И уже больше на восточном фронте не было спокойных дней»[117]. По советским источникам, вермахт в ходе Курской битвы потерял 1,5 тыс. танков, свыше 3,7 тыс. самолетов и 3 тыс. орудий. Согласно немецким источникам, сухопутные войска вермахта на всем советско-германском фронте в июле и августе 1943 г. лишились 474,7 тыс. человек.

Немалый урон понесли и советские фронты. Сразу после Курской битвы пришлось вывести в тыл на переформирование все пять танковых армий, 13 танковых корпусов и 28 стрелковых дивизий. Советские войска потеряли 863 303 человека, в том числе 254 470 безвозвратно, 6064 танка и САУ, 5244 орудия и миномета, 1626 боевых самолетов[118].

Красная армия под Курском не только выдержала мощный удар немецких войск, но и, перейдя в контрнаступление, отбросила врага в южном и юго-западном направлениях на 140—150 км, создала предпосылки для развертывания общего наступления советских фронтов, освобождения Левобережной Украины и выхода к Днепру. С этого времени и до

конца войны Вооруженные силы Советского Союза удерживали стратегическую инициативу в своих руках. В битве под Курском окончательно потерпела крах наступательная стратегия вермахта. Разгром гитлеровских войск на Курской дуге имел далеко идущие военные, политические и дипломатические последствия, оказал решающее влияние на весь дальнейший ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Вооруженные силы Германии и ее союзников были вынуждены перейти к обороне на всех театрах Второй мировой войны. По образному выражению, в Курской битве был сломан хребет нацистской Германии.

Битва под Курском определила поворот во всей стратегии военной экономики Германии. Если в 1942 г. на первом плане все еще стояло производство наступательного оружия, то с 1943 г. стало ясно, что Германия должна перейти от ведения наступательной войны к обороне. Программы обеспечения обороны, составленные с учетом этого обстоятельства, предусматривали соответствующую переориентацию производства. Увеличился выпуск самоходных установок и противотанковых орудий за счет танков, самолетов-истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, возросло также производство зенитных орудий и прочего.

Выход на просторы Украины

Тяжелое поражение, которое потерпел вермахт в сражениях на Курской дуге летом 1943 г., заставило германское верховное командование обратиться к оборонительной стратегии ведения войны. В середине августа А. Гитлер объявил о строительстве так называемого Восточного вала. Он должен был стать оборонительным рубежом, на котором предполагалось измотать Красную армию в позиционных оборонительных боях. По плану Восточный вал должен был состоять из так называемой «линии Вотана» в полосе групп армий «А» и «Юг» и «линии Пантера» в полосе групп армий «Центр» и «Север». Тем самым Восточный вал образовывал непрерывный барьер от Балтийского до Азовского моря, проходящий по р. Нарве, восточнее Пскова, Невеля, Витебска, Орши, р. Сож до Гомеля, среднему течению Днепра, Днепровским плавням, р. Молочной, Керченскому полуострову. К строительству сооружений привлекались как армейские саперные части, так и организация Тодта. Также для возведения укреплений линий «Пантера» и «Вотана» оккупантами было насильно мобилизовано местное население. Наиболее серьезную естественную преграду представлял собой Днепр: скорость его течения доходит местами до 2 метров в секунду, ширина — до 3,5 км, а глубина — до 12 метров. Высокий обрывистый правый берег господствует на большом протяжении над левым, низким.

Первыми прорывать оборону Восточного вала предстояло войскам Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов. Задачи им были определены директивой Ставки ВГК, которую штабы получили в ночь на 12 августа еще в ходе Белгородско-Харьковской операции[119]. Воронежский фронт после разгрома группировки противника в районе Харькова должен был продолжать наступление главными силами в направлении Полтавы, Кременчуга, выйти на Днепр и захватить переправы на его западном берегу. Степной фронт после освобождения Харькова должен был продолжать наступление в общем направлении на Красноград, Верхне-Днепровск и выйти к Днепру на участке Новый Орлик — Днепропетровск, форсировать его и овладеть плацдармами на противоположном берегу. Юго-Западный фронт должен был нанести удар главными силами из района Изюм, Богородичное в общем направлении на Барвенково, Павлоград, Орехов и, выйдя в район Запорожье, Орехов, отрезать пути отхода донбасской группировке врага на запад. Южный фронт получил задачу прорвать вражескую оборону на р. Миус и во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта разгромить действовавшую в Донбассе группировку против-

ника. В дальнейшем войскам фронта предстояло развивать наступление в Северной Таврии. Прорыв обороны неприятеля на Миусе войсками Южного фронта произошел уже в конце августа 1943 г. Оборона 6-й немецкой армии была взломана, и она начала отход, который приостановился с занятием позиций на «линии Вотана» по р. Молочной.

Развитие наступления советских войск заставило германское командование поспешить с отводом своих войск на Восточный вал. Успешные действия Центрального фронта создали благоприятные условия для наступления в направлении на Киев. В целом в период с 26 августа по 30 сентября войска Центрального фронта, прорвав оборону противника на участке Севск, Рыльск, продвинулись почти на 300 км на запад, форсировали Десну, Днепр и Припять. К 23 сентября 13-я армия уже занимала на западном берегу Днепра плацдарм глубиной 35 км и шириной 30–35 км. 60-я армия захватила на Днепре три плацдарма севернее и южнее устья р. Тетерев.

Приказ командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Э. Манштейна об отходе был отдан вечером 15 сентября 1943 г. Он гласил: «Группе армий отступать на «линию Вотана» на Днепре. Скорость отхода определяется исключительно поддержанием боеспособности войск»[120]. 4-я танковая армия отходила на рубеж Десны и Днепра: левым флангом — на Чернигов, а правым — в направлении переправ у Канева. 8-я армия получила задачу отступать на рубеж Днепра и переправляться через реку между Трипольем (40 км юго-восточнее Киева) и Кременчугом. С собой немцы угоняли скот, уводили все транспортные средства. По железной дороге вывозили зерно, сельскохозяйственную технику, станки и людей. То, что нельзя было вывезти, приказывалось уничтожить: взорвать, сжечь, разорить. Красную армию должна была встретить выжженная земля.

Стремясь сорвать планы противника по разрушению хозяйства и уничтожению урожая на оставляемых оккупантами территориях, командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин 19 сентября в своем приказе писал: «Противник, отходя, стремится сжечь весь хлеб. Обстановка требует максимальных темпов наступления»[121]. Темпы наступления войск правого крыла и центра фронта по мере их приближения к Днепру непрерывно возрастали, достигая 25–30 км в сутки.

В начале сентября 1943 г. Воронежский фронт получил из резерва Ставки 3-ю гвардейскую танковую армию, которой командовал генерал П. С. Рыбалко. Армия на 19 сентября насчитывала 40 тыс. человек, 612 танков и 82 САУ[122]. Она находилась на отдыхе и доукомплектовании после боев на Курской дуге. Командующий фронтом поставил танковой армии задачу форсировать Днепр и в дальнейшем наступать в направлении на Белую Церковь. Продвижение к Днепру было затруднено тем, что противник на всем пути отхода подрывал мосты, минировал дороги, уничтожал подручные средства переправ. На реках Псёл, Сула, Удай и Оржица не осталось ни одного моста. Серьезной проблемой были средства форсирования. Как позднее указывалось в отчете штаба армии, «к моменту выхода на берег Днепра армия не имела в своем распоряжении даже самых примитивных переправочных средств»[123]. Поэтому передовые отряды собирали лодки в ближайших деревнях, строили плоты из подручных материалов.

23 сентября в излучине Днепра, в районе Великого Букрина, противник имел незначительные силы, и этот день был самым благоприятным для захвата крупного плацдарма. Однако из-за растянутости войск на большую глубину, отсутствия тяжелых переправочных средств и отставания артиллерии эти условия не удалось использовать в должной мере. На правом берегу Днепра продолжали вести бой малочисленные подразделения мотопехоты 3-й гвардейской танковой армии. Враг настойчиво контратаковал их танками и пехотой при поддержке авиации, которая сосредоточила к этому времени свои усилия в районе букринской излучины.

Помимо прорывов к Днепру в целях образования плацдармов войска Воронежского фронта упорно преследовали отходящего к переправам противника. Но попытки захватить переправы на плечах отходивших немецких частей успеха не имели. Так, утром 24 сентября едва головной танк 53-й гвардейской танковой бригады ворвался на Каневский мост, три

пролета моста были взорваны неприятелем. В районе Киева немецкий 24-й танковый корпус к 28 сентября полностью переправился на правый берег Днепра и уничтожил за собой все переправы.

К северу от Киева в ночь на 26 сентября части и соединения правого фланга 38-й армии сделали первую попытку форсировать Днепр, используя подручные средства, но она была отбита огнем противника. В последующие дни, медленно наращивая усилия и отбивая ожесточенные контратаки, к исходу 29 сентября удалось переправить на правый берег Днепра в районе Ново-Петровцы, Лютеж только до шести батальонов. В последующие дни до 10 октября 38-я армия несколько расширила лютежский плацдарм (по фронту до 15 км и в глубину от 5 до 10 км).

Планом наступления войск Воронежского фронта к Днепру, разработанным еще 9 сентября, предусматривалось использование воздушно-десантных войск для обеспечения захвата плацдармов. Воронежскому фронту передавались 1, 3 и 5-я воздушно-десантные бригады, объединенные в воздушно-десантный корпус. Командиром корпуса стал заместитель командующего воздушно-десантными войсками генерал И. И. Затевахин. Общая численность корпуса составляла 10 тыс. человек. Для высадки десанта из состава авиации дальнего действия было выделено 150 бомбардировщиков Ил-4 и Б-25 «Митчелл», а также 180 транспортных самолетов Ли-2. Первоначально высадка десанта была намечена на 21 сентября. Однако из-за трудностей с железнодорожным сообщением сосредоточить воздушно-десантные бригады в районе Богодуховского аэроузла к намеченному сроку не удалось. Готовность к выброске была достигнута, когда плацдармы уже оказались захвачены наземными войсками. Сообразно изменившейся обстановке была спланирована выброска 3-й и 5-й воздушно-десантных бригад в районах Пия, Грушево, Потапцы, Тростинец, Литвинец, Копань (в 10—20 км к западу от линии Днепра) с задачей не допустить подхода частей противника к букринской излучине Днепра с запада и юго-запада. Всего в намеченных к высадке бригадах насчитывалось 6,6 тыс. человек.

Высадка началась в ночь на 24 сентября. Слабая техническая подготовка подразделений привела к тому, что десанты выбрасывались в очень большом по площади районе. Причем часть из них оказалась выброшенной на боевые порядки своих войск, часть — прямо в Днепр, а некоторые подразделения — даже на его левый берег[124]. Два самолета высадили десантников в глубоком тылу противника. Кроме того, пилоты транспортных самолетов, ссылаясь на сильный огонь зенитной артиллерии, осуществляли выброску с высоты порядка 2тыс. метров вместо 600—700 метров по нормативам, что приводило к рассеиванию десантников на большой площади. Из-за проблем со снабжением горючим и нехватки автозаправщиков транспортные машины совершили около 300 самолето-вылетов вместо 500 запланированных. В итоге к утру 25 сентября из состава обеих бригад были десантированы 4,6 тыс. парашютистов (в том числе около 200 над своей территорией). Сбор групп был затруднен из-за ошибок в распределении радиостанций между самолетами. Более того, были потеряны все четыре мощные радиостанции оперативной группы штаба корпуса, а также радиокоды к ним, поэтому связь между штабом фронта и десантом отсутствовала. Дальнейшая высадка десанта и доставка снабжения высаженным войскам были прекращены. Оставшиеся не введенными в бой полторы воздушно-десантные бригады были выведены в резерв Ставки ВГК.

Основная масса десантников, высадившаяся в назначенных районах, неожиданно для себя оказалась в центре расположения немецких войск. Штаб фронта ошибочно считал, что в намеченных для высадки районах войск противника нет. В действительности здесь уже были части 19-й танковой дивизии, а в день высадки подходили части 10-й моторизованной, 112-й и 255-й пехотных дивизий противника. Разрозненные группы десантников понесли значительные потери и не смогли выполнить возложенные на десант задачи. Тем не менее немецкие историки признают, что «высадка десанта нарушила создание упорядоченной линии обороны, соответствующим образом приспособленной к изгибу реки»[125]. Немецким частям пришлось занимать линию высот к востоку от Великого и Малого Букрина.

Наиболее крупные группы десантников собрались в районе Каневского леса (600 человек) и у села Черныши (200 человек), еще четыре группы общей численностью до 300 человек действовали в районе Яблонова. Связь десанта со штабом фронта удалось установить только 6 октября. Десантникам была поставлена новая задача: перейти к диверсионной деятельности и заняться дезорганизацией тыла противника. С 8 по 11 октября оперативной группой командования ВДВ была организована доставка десантникам продовольствия и боеприпасов по воздуху. Тем временем противник усилил нажим на районы базирования десанта, атаковал их с использованием танков. Это заставило уцелевшие подразделения десантников совершить 50-километровый марш на восток, перейдя в Черкасский лес и объединившись с партизанами. Здесь собрались около тысячи человек из состава высадившихся подразделений под общим руководством командира 5-й воздушно-десантной бригады подполковника П. М. Сидорчука.

Несмотря на неудачу с высадкой воздушного десанта, войскам Воронежского фронта удалось закрепиться на букринском плацдарме в излучине Днепра. На левый берег реки переправлялись легкие самоходные установки СУ-76, однако для эффективного противодействия неприятельским танкам этого было недостаточно. С 25 сентября на плацдарм начали прибывать части 40-й армии. 27 сентября было принято решение ввести в бой 27-ю армию под командованием генерала С. Г. Трофименко. Части армии переправлялись медленно и почти все без артиллерии. Приходилось по нескольку раз в сутки восстанавливать поврежденные авианалетами и артобстрелом мосты. Переправившиеся подразделения и части сразу вводились в бой. 30 сентября в букринской излучине имелся небольшой плацдарм — 11 км по фронту и 6 км в глубину.

Для переброски на западный берег реки тяжелых грузов, в первую очередь танков Т-34, а также для четкого и бесперебойного снабжения собранной на плацдарме группировки требовалось построить постоянно действующие переправы через Днепр. Строительство было сопряжено с большими трудностями. Так, для сооружения низководного деревянного моста для 3-й гвардейской танковой армии под грузы до 30 тонн длиной 535 метров требовалось забить около 800 свай. Противник препятствовал постройке авиаударами и прицельным артиллерийским огнем. Конструкции моста неоднократно повреждались. В результате завершить постройку моста удалось только к 14 октября.

Войска Степного фронта, так же как и войска левого крыла Воронежского фронта, в первой половине сентября имели незначительное продвижение. Обнаружив отход противника к Днепру, командующий Степным фронтом И. С. Конев отдал приказ армиям завершить разгром отходившей на Кременчуг и Днепродзержинск группировки врага, форсировать с ходу Днепр и в период с 24 по 28 сентября овладеть плацдармом на правом берегу реки. Войска фронта должны были форсировать Днепр на фронте шириной 130 км. В своих воспоминаниях И. С. Конев отмечал: «Отдавая приказ о форсировании Днепра с помощью подручных средств, я предоставил командирам дивизий широкую инициативу в выборе наиболее выгодных для переправы участков, не считаясь с разграничительными линиями»[126].

Из резерва Ставки Степному фронту была передана 37-я армия, которой командовал генерал М. Н. Шарохин. Она высвободилась после разгрома врага на Таманском полуострове. Ее соединения были достаточно хорошо укомплектованы и насчитывали в своем составе 7,5–8 тыс. человек. Общая численность армии составляла около 53 тыс. человек[127]. Маршал И. С. Конев позднее вспоминал: «Ввод свежей, хорошо укомплектованной 37-й армии имел большое оперативное значение. Я рассчитывал на успех не только при форсировании Днепра, но и при развитии наступления на правом берегу»[128]. 37-я армия должна была выдвинуться в первый эшелон фронта, сменить войска 69-й армии, выйти к Днепру и форсировать его. К утру 27 сентября передовые отряды 37-й армии подошли к Днепру, но форсировать его не смогли. Собственных переправочных средств у армии было мало, а приданные фронтом понтонные парки отстали, и к началу форсирования прибыла лишь небольшая их часть. Так, к 28 сентября войска армии из штатных средств могли использовать только три понтона Н2П и пять лодок А-3[129]. Подручные переправочные средства оказывались легко уязвимыми от огня противника и быстро выходили из строя. Кроме того, их сносило быстрым течени-

ем реки, скорость которого на этом участке достигала 1–1,2 метров в секунду. В результате подразделения несли значительные потери.

В итоге боев 28 сентября передовые отряды 37-й армии, форсировав Днепр, захватили несколько плацдармов на противоположном берегу, на которые были переправлены главные силы полков первого эшелона дивизий. В течение 29–30 сентября в ходе ожесточенных боев плацдармы были расширены до 6–15 км по фронту и до 5–6 км в глубину. Однако к этому моменту на левый берег было переправлено только девять танков. Низкие темпы переправы войск и техники позволили немецкому командованию укрепить свою оборону на подступах к плацдармам. Авиация и артиллерия неприятеля часто выводили из строя переправочные средства армии. Тем не менее к 10 октября плацдарм в полосе 37-й армии был объединен и расширен до 35 км по фронту и от 6 до 12 км в глубину.

В период с 25 сентября по 10 октября войска Степного фронта во всей своей полосе вышли к Днепру, очистили от противника левый берег и захватили на правом берегу реки пять плацдармов, из них два оперативного значения. Второй плацдарм (до 20 км по фронту и до 8 км в глубину) был захвачен в полосе 7-й гвардейской армии.

Войска Юго-Западного фронта, которым командовал генерал армии Р. Я. Малиновский, в период с 23 по 30 сентября ликвидировали вражеское предмостное укрепление в районе Днепропетровска. 6-я армия под командованием генерала И. Т. Шлемина, форсировав Днепр, захватила два небольших плацдарма южнее города. Войска фронта вышли в район Запорожья, где были остановлены противником. Запорожский плацдарм удерживался войсками 1-й немецкой танковой армии. А. Гитлер считал, что пока на восточном берегу Днепра существует плацдарм у Запорожья, советское командование не рискнет развивать наступление между излучиной Днепра и Азовским морем.

Эти предположения были небезосновательны. В директиве Ставки ВГК от 28 сентября подчеркивалось, что «до тех пор, пока не будет очищен от противника левый берег Днепра, он будет иметь возможность наносить удары во фланг и тыл нашим войскам, как находящимся на левом берегу Днепра, так и переправившимся на его правый берег»[130]. Ставка требовала ликвидировать вражеский плацдарм у Запорожья. 10 октября Юго-Западный фронт силами 12-й, 8-й гвардейской и частью сил 3-й гвардейской армии нанес удар на Запорожье с северо-востока, востока и юго-востока. Для удержания плацдарма немцы бросили в бой тяжелые танки «тигр» и штурмовые орудия «фердинанд». Командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков вспоминал: «Р. Я. Малиновскому и мне отлично были видны эти контратаки, особенно удар «тигров», которые, прошивая наши боевые порядки, прорывались вплоть до противотанкового рва внешнего обвода»[131]. В течение четырех дней в районе Запорожья шли ожесточенные бои. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска к исходу 13 октября все же прорвали вражескую оборону и в ночь на 14 октября овладели городом.

Всего в конце сентября 1943 г. в полосе Воронежского и Степного фронтов было захвачено 14 плацдармов на левом берегу Днепра, в полосе Центрального фронта — семь и Юго-Западного — два. За успешное форсирование Днепра, стойкость и мужество в бою по захвату и удержанию днепровских плацдармов указами Президиума Верховного Совета СССР 47 генералам, 1123 офицерам, 1268 солдатам, ефрейторам, сержантам и старшинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сентябрь 1943 г. характеризовался общим ухудшением военно-политического положения Германии. Еще 10 июля союзники по антигитлеровской коалиции высадились на Сицилии. Предотвратить захват острова немецким и итальянским войскам не удалось, но они смогли организованно эвакуироваться на материковую Италию. Высадка союзников стала импульсом для активных действий сил оппозиции, противостоящих режиму Б. Муссолини. Большой фашистский совет под председательством Д. Гранди и при поддержке короля Виктора Эммануила III сверг Б. Муссолини. 25 июля Б. Муссолини был арестован, и новое правительство под председательством маршала П. Бадольо начало тайные переговоры о мире с союзниками. 3 сентября было подписано перемирие, а 8 сентября, после высадки 8-й английской армии

на юге Апеннинского полуострова, о выходе Италии из войны было объявлено официально. В ответ немцы оккупировали страну. Более того, в результате спецоперации Б. Муссолини был освобожден из-под ареста и вывезен на контролируемую немецкими войсками территорию. 12 сентября он стал диктатором Итальянской социальной республики.

Удержанию немецкими войсками Италии способствовали условия местности. Апеннинские горы создавали серьезное препятствие для наступающих войск и благоприятствовали обороне небольшими силами. Союзники были вынуждены последовательно преодолевать пересекающие полуостров линии обороны. Сдерживание их на «линии Вольтурно» и «линии Барбара» позволило немцам опереться на так называемую «линию Густава» в районе Монте-Кассино. Она стала серьезным препятствием для войск союзников, и их дальнейшее продвижение к Риму в конце 1943 г. было приостановлено. Первоначальные планы союзников по захвату Рима к октябрю 1943 г. оказались нарушены.

Следующей задачей советских войск после захвата и расширения плацдармов на правом берегу Днепра стал прорыв с плацдармов на запад и освобождение Правобережной Украины. По решению командующего войсками Воронежского фронта разгром группировки врага на правом берегу Днепра намечалось осуществить нанесением двух ударов по сходящимся направлениям. Главный удар фронта предполагалось наносить с букринского плацдарма. 40-я и 27-я армии должны были развивать наступление на Васильков и Фастов с задачей обхода Киева с юго-запада. 3-я гвардейская танковая армия, вводимая в бой в первый же день наступления, к исходу пятого дня операции должна была выйти на шоссе Киев — Житомир в районе Ставище с тем, чтобы перерезать пути отхода группировке немецких войск на запад. Второй удар планировалось нанести с лютежского плацдарма 38-й армией в южном направлении вдоль р. Ирпень. Задача армии заключалась в том, чтобы, обойдя Киев с северо-запада, на четвертый день операции овладеть городом.

Первоначально срок начала наступления был назначен на 4 октября, однако ввиду недостатка боеприпасов и непрерывных контратак противника наступление было отложено. Наконец, в 7 часов утра 12 октября наступление началось с 40-минутной артиллерийской подготовки. Незначительные размеры букринского плацдарма и недостаток тяжелых переправочных средств не позволяли использовать основную массу артиллерии на правом берегу реки. Огонь же артиллерии с левого берега вследствие плохих условий наблюдения оказался малоэффективным. Кроме того, резко пересеченная, холмистая местность в районе букринского плацдарма, изрезанная длинными оврагами с отвесными стенами, затрудняла использование танков. Плацдарм располагал лишь несколькими проселочными дорогами, ведущими в сторону противника, у краев обрывов или в узких промоинах. Каждый из корпусов 3-й гвардейской танковой армии мог использовать лишь одну-две такие дороги. На направлениях наступления корпусов можно было развернуть одновременно не более одной танковой роты. Наступление успеха не имело и было приостановлено уже 16 октября.

Новая попытка нанести удар с букринского плацдарма была предпринята 21 октября. Прорыв вражеской обороны теперь предполагалось осуществить сосредоточением усилий в полосе 40-й армии. Однако противник, вскрыв сосредоточение советских танков на плацдарме, значительно усилил противотанковую оборону и подтянул сюда дивизию СС «Райх». Попытки развить наступление 21—22 октября успеха не имели. Решение командующего фронтом провести в конце октября третье наступление с этого плацдарма было отменено.

Наступление 60-й и 38-й армий севернее Киева в период с 11 по 17 октября также не принесло успеха и завершилось лишь некоторым расширением плацдармов.

Действия Степного и Юго-Западного фронтов оказались более успешными. К середине октября войска Степного фронта завершили подготовку к наступлению на криворожском направлении. На левом крыле фронта между Куцеваловкой и Верхне-Днепровском на неглубоком, но широком по фронту плацдарме были развернуты войска 5-й гвардейской, 37-й, 7-й гвардейской и 57-й армий, а также один механизированный корпус. За этими армиями были сосредоточены прибывшие из резерва Ставки 5-я гвардейская танковая армия и 7-й механизированный корпус.

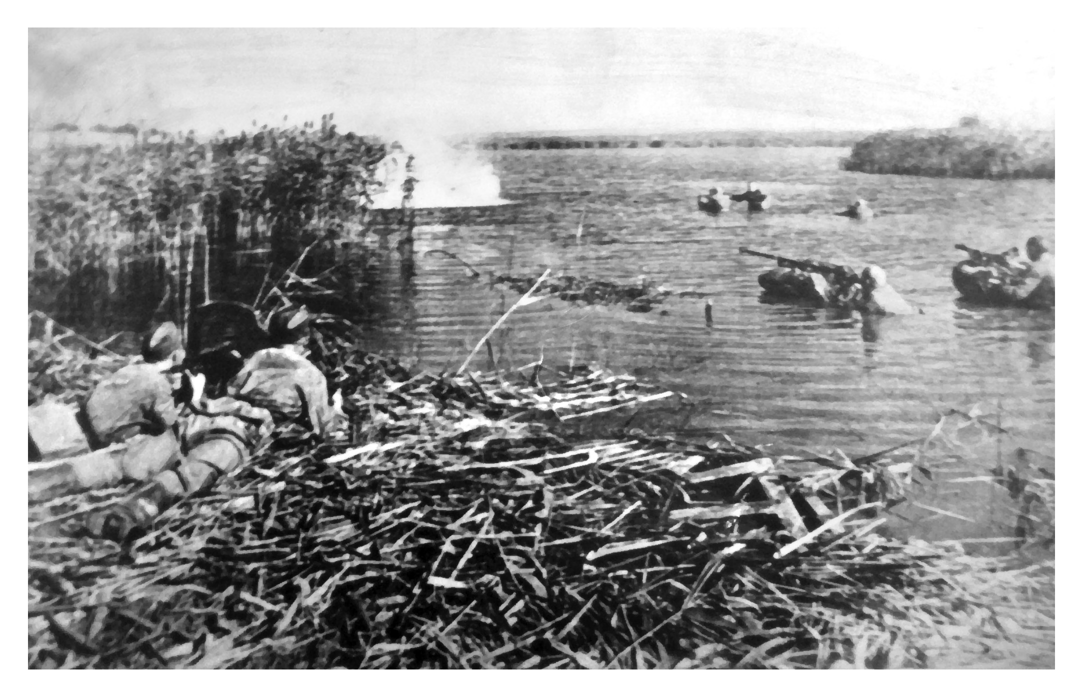
Саперы на переправе под Киевом. 1943 г.

Советские солдаты идут по Крещатику в освобожденном Киеве

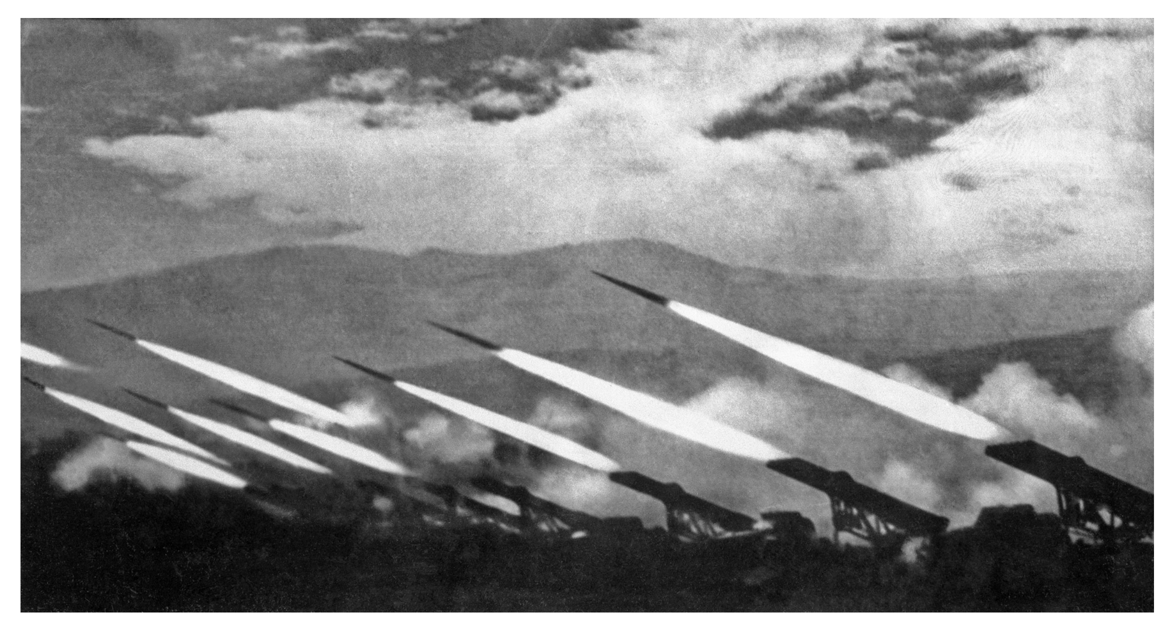
В районе Львова. Группа немецких пленных, захваченных в ходе Львовско-Сандомирской операции. Июль 1944 г.

Советские воины форсируют Днепр. 1943 г.

Жители Винницы встречают своих освободителей — воинов Красной армии

Район Карпат, Западная Украина. Залп гвардейских реактивных минометов БМ-13 «Катюша» на шасси американских грузовиков «Студебеккер»

Ударная группировка Степного фронта перешла в наступление 15 октября, нанося главный удар в направлении Пятихатки, Кривой Рог. Операция развивалась успешно. Немецкая оборона на стыке 47-го танкового и 52-го армейского корпусов 1-й танковой армии была взломана. В прорыв были введены подвижные войска — 5-я гвардейская танковая армия (два танковых и один механизированный корпуса) и два отдельных механизированных корпуса. К 23 октября советские войска увеличили прорыв до 70 км по фронту и почти на 100 км в глубину. Танковые и механизированные части к этому времени продвинулись к Кривому Рогу и в район Митрофановки (30 км восточнее Кировограда). Части 18-го танкового корпуса с десантом пехоты с ходу ворвались в Кривой Рог, но, будучи контратакованы сильной танковой группировкой противника, закрепиться в городе не смогли.

С 20 октября Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты были переименованы соответственно в 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты.

23 октября перешли в наступление войска правого крыла 3-го Украинского фронта. Ликвидация запорожского плацдарма противника на левом берегу позволила войскам 3-го Украинского фронта сосредоточить все свои усилия на борьбе за расширение плацдарма на правом берегу Днепра в районе Днепропетровска. На плацдарме помимо 46-й армии была развернута 8-я гвардейская армия, перегруппированная из района Запорожья. Наступление 3-го Украинского фронта на правобережье развивалось успешно. Уже 25 октября его войска при содействии левого крыла 2-го Украинского фронта овладели Днепропетровском и Днепродзержинском — важнейшими промышленными районами и крупными узлами обороны врага в излучине Днепра. С 25 по 28 октября соединения фронта продвинулись на глубину до 50 км и вышли на рубеж Щорск, Лозоватка, Звонецкое.

Немецкое командование принимало все меры для сдерживания дальнейшего продвижения советских войск на криворожском направлении. С потерей Кривого Рога, а также района Никополя оккупанты лишались важных экономических районов, имеющих богатейшие запасы железной и марганцевой руды. Кроме того, по заявлению Э. Манштейна, дальнейшее продвижение советских войск могло привести к тому, что «1-я танковая армия будет отрезана в восточной части днепровской дуги. Эта последняя опасность для командования группы армий была наиболее угрожающей»[132].

Обеспокоенное серьезными успехами советских войск, командование вермахта начало спешно перебрасывать к Кривому Рогу соединения, прибывавшие на Украину из Западной Европы, а также часть сил с соседних участков фронта. ОКХ выделило для группы армий «Юг» две пополненные танковые дивизии, кроме того, были обещаны еще три. С фронта в районе Канева и Запорожья сняли еще несколько соединений. С 24 по 28 октября разгорелись ожесточенные бои в районе Кривого Рога и восточнее Кировограда. Выдвинувшиеся в район Кривого Рога войска 37-й и 5-й гвардейской танковой армий оказались под воздействием фланговых ударов противника и вынуждены были отступить за р. Ингулец и перейти к обороне. Попытки немецкого командования в период с 28 октября по 2 ноября развить контрудар успеха не имели.

Войска Южного фронта, выйдя 21 сентября к р. Молочной, приступили к подготовке новой наступательной операции в целях разгрома 6-й немецкой армии группы армий «А», оборонявшейся на этом водном рубеже, освобождения Северной Таврии и прорыва к низовьям Днепра. По плану главный удар наносился силами 5-й ударной, 44-й и 2-й гвардейской армий севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое, Агайман. Второй удар из района южнее Мелитополя наносила 28-я армия, обходя город с юго-запада. В резерве фронта находились 51-я армия, один танковый, один механизированный и два кавалерийских корпуса.

Штурм южной оконечности Восточного вала начался 26 сентября. С первого же дня наступления бои приняли ожесточенный характер. Только 9 и 10 октября обозначился успех советских войск южнее Мелитополя, где 28-я армия прорвала оборону врага и вышла к южной окраине города. Командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин для развития успеха 28-й армии перегруппировал в полосу ее наступления 51-ю армию, а также один кавалерий-

ский и один танковый корпуса. По первоначальному плану операции их предполагалось использовать на направлении главного удара севернее Мелитополя.

18 октября Южный фронт был усилен 3-й гвардейской армией, которая ранее действовала в составе войск Юго-Западного фронта. Немецкое командование, стремясь любой ценой удержать Мелитополь и Восточный вал, также усиливало свою группировку за счет войск, выводимых из Крыма.

Мелитополь был освобожден 23 октября. Войска правого крыла фронта, где была развернута переданная фронту 3-я гвардейская армия, прорвали вражескую оборону и перерезали железную дорогу Запорожье — Мелитополь, являвшуюся основной линией снабжения немецких войск группы армий «А». В результате прорыва 4-м Украинским фронтом обороны на р. Молочной немецкое командование было вынуждено начать поспешный отвод своей 6-й армии к Днепру. Войска фронта перешли к преследованию противника.

Введенные в прорыв подвижные соединения к 5 ноября вышли к низовьям Днепра и Крымскому перешейку, захватив плацдарм на южном берегу Сиваша. Главные силы 6-й армии, 4-й и 29-й армейские корпуса были отброшены к Днепру и образовали так называемый никопольский плацдарм. За период наступления с 26 сентября по 5 ноября войска фронта, продвинувшись в западном и юго-западном направлениях на глубину от 50 до 300 км, очистили от врага почти всю Северную Таврию (за исключением плацдарма в районе Никополя). В результате выхода соединений фронта к Крымскому перешейку все немецкие и румынские войска, находившиеся в Крыму, были блокированы с суши и изолированы от остальных сил германской армии.

А. Гитлер придавал большое значение удержанию Никополя не только с экономической точки зрения (там располагались месторождения марганцевой руды). Для него освобождение советскими войсками Никополя означало потерю Крыма. На Крымском полуострове были блокированы значительные силы румынской армии — 63 тыс. человек[133]. Чтобы сохранить союзника, А. Гитлер обещал маршалу И. Антонеску провести наступательную операцию в целях восстановления связи с Крымом.

После преодоления Днепра войскам Красной армии предстояло освободить Киев, расширить захваченные плацдармы и создать условия для освобождения от немецких оккупантов Правобережной Украины. Со своей стороны, германское командование еще надеялось сильными контрударами восстановить оборону по правому берегу Днепра, но больше всего оно прилагало усилия к тому, чтобы не допустить дальнейшего продвижения Красной армии на Правобережной Украине в районе Киева. Это открыло бы советским войскам путь в западные области Украины, южные районы Польши, к Карпатам, к границам тогдашних сателлитов нацистской Германии — Румынии и Венгрии. Поэтому наиболее сильную группировку войск командование вермахта создало на киевском направлении.

По замыслу советского командования, для освобождения Киева предполагалось нанести два удара. Главный намечался с букринского, а другой — с плацдармов севернее Киева. В октябре ударная группировка, сосредоточенная на букринском плацдарме, дважды предпринимала наступление, однако успеха не добилась. Сильно пересеченная местность сковывала наступательные действия войск, особенно танковых соединений. В то же время войска, наносившие вспомогательный удар севернее Киева, расширили плацдарм в районе Лютежа. Учитывая создавшуюся обстановку, Ставка ВГК решила перенести основные усилия войск с букринского плацдарма на лютежский. В директиве от 24 октября она отмечала, что «неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности», и приказала Военному совету 1-го Украинского фронта и представителю Ставки маршалу Г. К. Жукову произвести перегруппировку войск в целях «усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром киевской группировки противника и овладение Киевом»[134]. В директиве предлагалось перегруппировать с левого крыла фронта на лютежский плацдарм 3-ю гвардейскую танковую армию и три-четыре стрелковые дивизии. Туда же направлялись две дивизии из резерва Ставки. В то же время группировка войск, находившаяся на букринском плацдарме, должна была продолжать

активные действия, чтобы сковать возможно больше сил противника, а при благоприятных условиях прорвать его фронт и наступать на Киев.

В соответствии с указаниями Ставки ВГК командование 1-го Украинского фронта в короткое время провело необходимую перегруппировку войск. 3-я гвардейская танковая армия и основная часть артиллерии РВГК были скрытно выведены с букринского плацдарма на левый берег Днепра, а затем совершили марш на север, пройдя вдоль линии фронта 130—200 км. Перегруппировка производилась в основном ночью или утром и вечером, когда стоял густой туман. Для введения противника в заблуждение в прежнем районе расположения танковой армии были установлены макеты танков, поэтому немецкое командование не смогло своевременно обнаружить перегруппировку крупных сил советских войск в новый район.

Армия П. С. Рыбалко после перегруппировки на лютежский плацдарм получила пополнение боевой техникой и на 3 ноября 1943 г. насчитывала в строю 256 танков различного типа, 63 САУ и 122 бронемашины[135]. 5-й гвардейский танковый корпус 38-й армии имел 111 танков[136].

К началу ноября 1-й Украинский фронт насчитывал около 663 тыс. человек, около 7 тыс. орудий и минометов, 675 танков и САУ, 700 боевых самолетов. Против него действовали 4-я танковая и 8-я полевая армии группы армий «Юг» и 2-я полевая армия группы армий «Центр», насчитывавшие до 500 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов, до 400 танков и штурмовых орудий и свыше 660 боевых самолетов. Еще в конце сентября Воронежскому фронту из Центрального были переданы вместе с их полосами 13-я и 60-я армии, а 4-я гвардейская и 52-я армии изымались из Воронежского фронта и переподчинялись Степному. Это позволило сосредоточить в руках командующего Воронежским (1-м Украинским) фронтом управление войсками, действовавшими на киевском направлении.

Ударную группировку 1-го Украинского фронта, сосредоточенную на лютежском плацдарме, составляли 38-я общевойсковая и 3-я гвардейская танковая армии. 38-я армия была усилена 5-м гвардейским танковым корпусом генерала А. Г. Кравченко. В ее оперативном подчинении находилась 1-я чехословацкая бригада полковника Л. Свободы. В оперативном подчинении 3-й гвардейской танковой армии находился 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Действия ударной группировки фронта с запада обеспечивала 60-я армия. 40-й и 27-й армиям предстояло перейти в наступление с букринского плацдарма на два дня раньше ударной группировки фронта и активными действиями в направлении Кагарлык — Белая Церковь оттянуть на себя возможно больше сил противника и тем самым облегчить выполнение главной задачи. Основные усилия 2-й воздушной армии сосредоточивались на обеспечении наступления ударной группировки фронта.

Первыми 1 ноября 1943 г. в наступление перешли наносившие сковывающий удар 40-я и 27-я армии. Бои сразу же приняли ожесточенный характер. Враг оказывал упорное сопротивление и неоднократно переходил в контратаки. Продвижение советских войск было незначительным. Противник там был не только скован, но и вынужден ввести в сражение свои резервы. Три танковые и одну моторизованную дивизии немецкое командование не смогло своевременно перебросить на север, где решался исход сражения за Киев. 3 ноября началось наступление ударной группировки фронта севернее Киева. В первый же день оборона противника перед лютежским плацдармом была взломана, однако прорвать ее на всю глубину не удалось. 4 ноября ухудшилась погода, пошел моросящий дождь. Наступать стало еще сложнее. Наращивая силу удара, командующие армиями ввели в сражение свои вторые эшелоны, а затем и резервы, в том числе чехословацкую бригаду. Напряженные бои шли весь день. К вечеру командующий фронтом ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию. Ломая сопротивление врага, танкисты продолжали наступление и ночью. Танки атаковали гитлеровцев с зажженными фарами и воющими сиренами, ведя огонь на ходу. И враг не выдержал столь ошеломляющего удара. Утром 5 ноября соединения танковой армии вышли в район Святошино и перерезали шоссе Киев — Житомир. Оборонявшийся в районе Киева 7-й армейский корпус 4-й немецкой танковой армии оказался под угрозой окружения

в городе и начал отходить на юг и юго-запад. К вечеру соединения 38-й армии были уже на окраинах Киева. Завязались уличные бои. В полночь советские части прорвались в центр города. Их поддерживали танки 5-го гвардейского танкового корпуса. Части чехословацкой бригады овладели вокзалом и к утру 6 ноября вышли на берег Днепра. К 4 часам утра 6 ноября сопротивление противника в Киеве было полностью сломлено.

После освобождения Киева 1-й Украинский фронт развернул наступление на Житомир, Фастов и Коростень. За 10 последующих дней войска продвинулись на запад на 150 км и освободили города Фастов и Житомир. На правом берегу Днепра образовался стратегический плацдарм, протяженность которого по фронту превышала 500 км. В результате этого важные коммуникации, связывавшие немецкие группы армий «Центр» и «Юг», были перерезаны.

Понимая всю опасность создавшегося положения, германское командование сосредоточило южнее рубежа Житомир, Фастов крупные силы пехоты и танков. Они должны были нанести с юго-запада контрудар по войскам 1-го Украинского фронта, разгромить их, овладеть Киевом и ликвидировать плацдарм. Но советское командование своевременно разгадало планы врага и приняло соответствующие меры по их срыву. В ходе борьбы за Киев и расширения лютежского плацдарма фланги 1-го Украинского фронта оголились. Ставка ВГК, внимательно следившая за ходом боевых действий, заметила это и указала Н. Ф. Ватутину на то, что «быстрое продвижение правого крыла и центра 1-го Украинского фронта на запад и в то же время упорство противника и его контратаки на фронте Фастов — Триполье и сосредоточение здесь основной танковой группировки немцев говорит о том, что противник, давая возможность продвигаться нам на запад, собирает силы для удара под корень»[137].

Действительно, немецким командованием был задуман контрудар, который, по свидетельству Э. Манштейна, «должны были нанести три... свежие танковые дивизии (25-я, 1-я и «Лейбштандарт») под общим руководством штаба 48 тк в направлении на продвигавшиеся от Киева на юго-запад танковые соединения противника»[138]. Немецким командованием была сделана ставка на технику. Только в трех прибывших дивизиях и отдельном батальоне тяжелых танков насчитывалось 170 новейших танков «пантера» и 72 «тигра»[139].

Ставка ВГК приказала 1-му Украинскому фронту своим центром временно приостановить продвижение на запад, усилить 38-ю армию, действовавшую на рубеже Житомир, Триполье, не допустить прорыва противника к Киеву с юга, разбить его группировку в районе Белая Церковь, после чего возобновить наступление.

Получив прибывшие резервы, 48-й немецкий танковый корпус 15 ноября нанес удар в направлении шоссе Киев — Житомир. Действовали две ударные группы: одна — из района западнее Фастова на Брусилов и другая — из района южнее Житомира на Радомышль. Удары врага были мощными. В контрударе участвовали сразу шесть немецких танковых дивизий. Всю вторую половину ноября шли тяжелые, кровопролитные бои. В отдельные дни гитлеровцы вводили в сражение сразу по 300–400 танков. Ценой больших потерь им удалось 20 ноября вновь захватить Житомир и к 25 ноября продвинуться на глубину до 40 км, однако дальнейшее продвижение врага было приостановлено. Войска центра и левого крыла фронта оставили Житомир и с боями отошли на рубеж Черняхов, Радомышль, Великие Гуляки. 25 ноября войска 1-го Украинского фронта нанесли фланговый удар в районе Брусилова с целью разгромить наступавшую группировку врага. В результате 48-й корпус был вынужден прекратить наступление и перейти к обороне.

В период ожесточенных боев в районах Житомира, Фастова и Брусилова 13-я и 60-я армии, действовавшие на правом крыле фронта, продолжали развивать наступление и 17 ноября овладели важным железнодорожным узлом Коростень, а 18 ноября освободили Овруч. Однако противник не мог смириться с потерей важного узла коммуникаций и коротким контрударом вновь вернул контроль над этими городами. В декабре противник предпринял еще две попытки прорваться к Киеву, но обе они были отражены советскими войсками. Усиленный резервами 1-й Украинский фронт 24 декабря перешел в наступление и за восемь дней отбросил немецкие войска в исходное положение, которое они занимали до начала контрнаступления. Теперь линия фронта проходила в 125 км к западу и 50 км к югу от Киева.

Таким образом, в результате битвы за Днепр Вооруженные силы Советского Союза добились крупных военно-политических результатов. Попытка командования вермахта остановить их на Восточном валу была сорвана. Красная армия взломала этот вал и создала на правом берегу Днепра два важных стратегических плацдарма: один — в районе Речица, Коростень и Киев, другой — на кировоградском и криворожском направлениях. Эти плацдармы создавали благоприятные условия для проведения операций по освобождению от врага Белоруссии и Правобережной Украины. Расчеты германского командования на ведение затяжной войны на советской территории оказались несостоятельными. В ходе операций, проведенных на Украине, Красная армия нанесла тяжелое поражение всему южному крылу вражеского фронта. С конца августа по декабрь 1943 г. она разгромила свыше 60 дивизий противника, в том числе 11 танковых и моторизованных. Гитлеровцы понесли значительные потери, особенно в танках, артиллерии и самолетах. Но и потери советских войск в битве за Днепр были велики: безвозвратные — 417 323 человека, санитарные — 1 269 841 человек.

Битва за Днепр вошла в историю Великой Отечественной войны как героическая эпопея. Солдаты, офицеры и генералы при форсировании Днепра, преследовании врага и борьбе за расширение плацдармов на его западном берегу проявили массовый героизм. Их мужество, отвага, высокий наступательный дух и боевое мастерство получили высокую оценку со стороны советского правительства. Десятки тысяч воинов были награждены орденами и медалями, свыше 2500 человек удостоены звания Героя Советского Союза.

8 ноября 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден орден Победы для награждения особо отличившихся военачальников. Первыми орденами Победы были удостоены маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский, в ходе битвы за Днепр являвшиеся представителями Ставки ВГК на фронтах.

К концу 1943 г. летне-осенняя кампания, начатая битвой под Курском, была успешно завершена. В ходе нее Красная армия освободила от фашистских оккупантов почти две трети временно захваченной врагами советской территории и продвинулась на запад на 300–600 км. Гитлеровцы были изгнаны из западных областей Российской Федерации, Донбасса, Левобережной Украины и с Таманского полуострова. Боевые действия перенесены в Белоруссию и Правобережную Украину.

Немецкая армия понесла огромные потери, ее морально-боевой дух был надломлен. В результате поражения на восточном фронте резко ухудшилось внутреннее и внешнеполитическое положение нацистской Германии. Успешное наступление Красной армии обернулось крушением карьеры для ряда гитлеровских военачальников. От должностей были отстранены командующие армиями: 1-й танковой — генерал-полковник Э. фон Макензен, 16-й армией — генерал-фельдмаршал Э. Буш, 4-й танковой — генерал-полковник Г. Гот. А в начале 1944 г. потерял свою должность командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн.

Мощными и непрерывными ударами на огромном фронте Красная армия, поддержанная действиями союзников на юге Италии и в Северной Африке, расшатала блок фашистских государств. 8 сентября 1943 г. капитулировала фашистская Италия. Усилилось недовольство политикой Германии и неверие в ее победу среди правящих кругов Румынии, Венгрии и других сателлитов, крупные военные силы которых были разгромлены советскими войсками.

Успешно завершив летне-осеннюю кампанию 1943 г., Красная армия создала благоприятные условия для последующего проведения операций по полному освобождению страны от фашистской оккупации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 380.

[2] Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне: в 4 т. М., 1958. Т. 1. С. 618.

[3] ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 18. Л. 259.

[4] «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 388.

[5] ЦАМО. Ф. 220. Оп. 235. Д. 6/2. Л. 457.

[6] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 211.

[7] ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 120. Л. 153.

[8] Там же. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 131.

[9] Там же. Л. 141.

[10] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 349.

[11] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 623.

[12] «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 389.

[13] *Ерёменко А. И.* Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961. С. 148.

[14] *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 624.

[15] ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 192.

[16] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 387.

[17] Цит. по: *Москаленко К. С.* На юго-западном направлении. Воспоминания командарма. М., 1969. С. 332.

[18] ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 3.

[19] Там же. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 120. Л. 13.

[20] Там же. Ф. 3401. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

[21] Там же. Ф. 220. Оп. 220. Д. 72. Л. 85–86.

[22] «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 390.

[23] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 451. Д. 98. Л. 44.

[24] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. Суровые испытания. С. 369–370.

[25] «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 387.

[26] *Золотарев В. А., Соколов А. М., Янович М. В.* Нефть и безопасность России. М., 2007. С. 211–213.

[27] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 373–374.

[28] *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943. М., 2005. С. 152.

[29] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 357.

[30] *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 631–632.

[31] *Андроников Н. Г., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1942. М., 2009. С. 380–383.

[32] *Тюленев И. В.* Через три войны. М., 1972. С. 187.

[33] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 302.

[34] Там же. С. 326.

[35] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 48–49.

[36] *Axworthy M.* Third Axis. Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War 1941–1945. Arms and Armour. 1995. P. 89, 101.

[37] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 49.

[38] *Hayward J.* Stopped at Stalingrad. The Luftwaffe and Hitlers Defeat in the East, 1942–1943, University Press of Kansas, 1998. P. 225.

[39] Операция «Марс» готовилась советским командованием как отвлекающая.

[40] *Исаев А. В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 326.

[41] *Дёрр Г.* Поход на Сталинград (оперативный обзор) / Пер. с нем. М., 1957. С. 70–71.

[42] Там же. С. 117.

[43] Там же. С. 114.

[44] *Axworthy M.* Third Axis. Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War 1941–1945. P. 111.

[45] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 451. Д. 125. Л. 34.

[46] Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: в 2 кн. М., 2002. Кн. 2. С. 204.

[47] Там же. С. 211.

[48] ЦАМО. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 75. Л. 17.

[49] Die Anlagenbänden zu den Kriegstagebüchern der 6 Armee. Florian Freiherr von und zu Aufsess, Selbstverlag, 2006. Bd 2. S. 296.

[50] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 466.

[51] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 302.

[52] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 232–233.

[53] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 568–569.

[54] Там же. С. 475.

[55] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 95–96.

[56] ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 189. Л. 131.

[57] Так Паулюс назвал парашютные контейнеры.

[58] Сталинград. События. Воздействие. Символ / Пер. с нем. М., 1995. С. 118.

[59] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 419.

[60] *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 247–248.

[61] Некоторые отечественные и зарубежные историки утверждают, что благодаря английскому историку Д. Гланцу (*Гланц Д.* Крупнейшее поражение Жукова / Пер. с англ. М., 2008) была сделана попытка представить «Марс» «отвлекающей операцией». В действительности же еще за 30 лет до появления книги Д. Гланца маршал А. М. Василевский писал: «После обсуждения в Ставке вопросов плана сроки операции (контрнаступления под Сталинградом. — *Прим. ред.*) были окончательно утверждены, Г. К. Жуков получил вслед за тем задание подготовить отвлекающую операцию на Калининском и Брянском фронтах» *(Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 225). Об этой же операции имеется материал в трудах: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 453–454, 456, 470; История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1976. Т. 6. С. 29–30.

[62] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 1088.

[63] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 224.

[64] Операции проводились: с конца мая по начало июня, с 17 по 24 июля, с 10 по 24 августа, с 15 по 28 сентября, с 28 ноября по 5 декабря, с 23 по 30 декабря 1942 г. и, наконец, в середине февраля 1943 г.

[65] ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 253–254.

[66] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1963. Т. 3. С. 446.

[67] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 198.

[68] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1992. Т. 2. С. 197.

[69] *Жеребов Д. К., Соломахин И. И.* Семь январских дней. Прорыв блокады Ленинграда 12–18 января 1943 г. Л., 1987. С. 24.

[70] Цит. по: *Абатуров В. В., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф 1943. М., 2010. С. 79–80.

[71] *Куманёв Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1976. С. 255.

[72] «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 501–502.

[73] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 243.

[74] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 71.

[75] *Абатуров В. В., Соколов А. М.* Указ. соч. С. 13.

[76] История Великой войны 1941–1945: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 366.

[77] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 250.

[78] Der Zweite Weltkrieg. Dokumente Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, 1972. S. 20.

[79] Курская битва. 1943. Материалы в помощь лекторам. М., 2008. С. 121.

[80] Там же. С. 122.

[81] *Блейер В.* и др. Германия во Второй мировой войне (1939–1945) / Пер. с нем. М., 1971. С. 257–258.

[82] Группа получила название по имени ее командующего генерала танковых войск В. Кемпфа. Она состояла из 11-го, 42-го армейских и 3-го танкового корпусов (всего шесть пехотных и три танковые дивизии).

[83] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1979. Bd. 3. S. 527–528.

[84] Там же. S. 540.

[85] В общей сложности это составляло почти 70% танковых, до 30% моторизованных, более 20% пехотных дивизий и свыше 65% боевых самолетов, действовавших на советско-германском фронте. Эти силы предназначались для ведения боевых действий на участке, составлявшем менее 14% протяженности всего восточного фронта (История Великой войны. Т. 1. С. 375).

[86] Русский архив. Великая Отечественная война. Курская битва. Документы и материалы. 27 марта — 23 августа 1943 г. М., 1997. Т. 15 (4-4). С. 18.

[87] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 254.

[88] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1992. Т. 3. С. 33.

[89] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 259.

[90] История Второй мировой войны 1939–1945. С. 137–138.

[91] Курская битва. 1943. Материалы в помощь лекторам. С. 132.

[92] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 259.

[93] Русский архив. Великая Отечественная война. Курская битва. Документы и материалы. 27 марта — 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 26, 33, 41.

[94] ЦАМО. Ф. 226. Оп. 321. Д. 96. Л. 2.

[95] Там же. Д. 23. Л. 33.

[96] Огневое поражение противника (по опыту Великой Отечественной войны). М., 1992. С. 127.

[97] ЦАМО. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 16. Л. 44–45.

[98] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 264.

[99] ЦАМО. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 4.

[100] Там же. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 252. Л. 31.

[101] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 2. С. 28.

[102] История Великой войны 1941–1945. Т. 1. С. 403–404.

[103] Командование 2-й танковой армии и штаб группы армий «Центр» приняли разведку боем советских войск за переход в наступление их главных сил.

[104] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 646. Л. 3.

[105] Там же.

[106] *Heinrici G., Hauk F.-W.* «Zitadelle». Der Angriff auf den russischen Stellungsvorspring bei Kursk // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1965. 15 Jan. S. 597.

[107] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. (Далее — KTB/OKW). Frankfurt a. M., 1963. Bd. 3. S. 774.

[108] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 124, 346.

[109] *Engelmann Y.* «Zitadelle». Die grosse Panzerschlacht im Osten, 1943. Friedberg, 1980. S. 71, 146, 148, 151.

[110] Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 274.

[111] *Heinrici G., Hauk F.-W.* «Zitadelle». Der Angriff auf den russischen Stellungsvorspring bei Kursk // Wehrwissenschaftliche Rundschau. S. 587.

[112] В 4-й танковой армии насчитывалось 500 танков и САУ.

[113] История Великой войны 1941—1945. Т. 1. С. 415.

[114] Операция «Суворов» являлась составной частью общего стратегического наступления Красной армии летом и осенью 1943 г. Ее целью был разгром 4-й немецкой армии и освобождение Смоленска. В ней принимали участие войска Западного и Калининского фронтов. В связи с тем, что Ставка ВГК приняла решение о проведении операции «Суворов», завершение операции «Кутузов» целиком возлагалось на Брянский и Центральный фронты. 11-я гвардейская и 4-я танковая армии, а также 2-й гвардейский кавалерийский корпус из Западного фронта передавались Брянскому.

[115] *Колтунов Г. А., Соловьёв Б. Г.* Курская битва. М., 1983. С. 93.

[116] История Великой войны 1941—1945. Т. 1. С. 427—428.

[117] *Guderian G.* Errinnerungen eines Soldaten. Haidelberg, 1951. S. 29.

[118] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 124, 126, 128, 346.

[119] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. М., 1999. Т. 16 (5-3). С. 189—190.

[120] KTB/OKW. Bd 3. S. 1102.

[121] *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. 1943—1945. Воспоминания командарма. М., 1973. Кн. 2. С. 121.

[122] ЦАМО. Ф. 315. Оп. 4440. Д. 129. Л. 31.

[123] Там же. Д. 128. Л. 119.

[124] Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 300.

[125] *Hinze R.* Crucible of Combat. Germany defensive battles in the Ukraine 1943—1944. Helion & Company Ltd., 2009. P. 37.

[126] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 127.

[127] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 12. М., 1953. С. 11.

[128] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 69.

[129] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 12. С. 28.

[130] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 208.

[131] *Чуйков В. И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1985. С. 381.

[132] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 561.

[133] *Axworthy M.* Third Axis. Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War 1941—1945. P. 63.

[134] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 227.

[135] ЦАМО. Ф. 315. Оп. 4440. Д. 129. Л. 51.

[136] Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Военно-исторический очерк: в 4 кн. М., 1958. Т. 2. С. 384.

[137] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 236.

[138] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 568.

[139] *Jentz T.* Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Emloyment of Germany’s Tank Force. 1943—1945. Schiffer Military History, Atlegen, PA. 1996. P. 117.

ГЕРМАНИЯ В ТИСКАХ ДВУХ ФРОНТОВ

Сокрушительные удары Красной армии

К началу третьего периода войны советско-германский фронт проходил вдали не только от Германии, но и от ее европейских союзников. Агрессор удерживал часть России, Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию, Правобережную Украину, Молдавию. Германия и ее союзники стремились стабилизировать оборону на захваченных рубежах и избежать поражения. Основные события, как и ранее, развернулись на советско-германском фронте. Они по-прежнему оказывали огромное влияние на планирование и ход вооруженной борьбы на западном фронте.

Начавшийся 1944 г. вошел в историю как год решающих побед: Вооруженные силы Советского Союза провели 10 крупных наступательных операций групп фронтов (стратегических операций), важнейшим итогом которых было завершение освобождения оккупированной территории СССР, перенесение военных действий за его пределы. Заметным событием этого года являлось открытие второго фронта англо-американскими войсками.

Политические цели и стратегические замыслы относительно дальнейшего ведения войны противоборствующие стороны строили, исходя из итогов вооруженной борьбы 1943 г. и экономических возможностей. Планирование кампаний 1944 г. политическое и военное руководство противоборствовавших коалиций начало осенью 1943 г. В середине декабря после многочисленных обсуждений членами Ставки ВГК, руководящими работниками Генерального штаба и командующими войсками фронтов предложений по планам боевых действий в 1944 г. состоялось совместное заседание членов ГКО, Ставки ВГК и Политбюро ЦК ВКП(б). На нем с докладами об итогах и опыте борьбы на фронтах, перспективах дальнейшего ведения войны выступили начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский и его заместитель генерал А. И. Антонов. Вопросы военной экономики докладывал председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский, проблемы международного характера проанализировал И. В. Сталин. После всесторонней оценки военно-политического положения страны, тщательного анализа соотношения сил был определен наиболее целесообразный план ведения войны на 1944 г.

Важнейшими целями обеих кампаний 1944 г. являлись разгром основных группировок войск Германии и ее союзников, полное изгнание оккупантов с территории СССР, вывод из войны сателлитов Германии, а также помощь странам Центральной и Юго-Восточной Европы в освобождении от фашизма. В первой зимне-весенней кампании предусматривалось разгромить противника на стратегических флангах советско-германского фронта и освободить обширные районы страны. Главный удар планировалось нанести на юго-западном направлении силами четырех Украинских фронтов. Основная цель — разгром немецких групп

армий «Юг» и «А», освобождение Правобережной Украины и Крыма и выход на подступы к Южной Польше, Чехословакии и Балканам. На северо-западном направлении Ставка планировала разгромить группу армий «Север», полностью снять блокаду Ленинграда, очистить от оккупантов Ленинградскую область, выйти к границам Прибалтики. Фронтам западного направления ставилась также активная задача: сковать силы группы армий «Центр» и быть готовыми к освобождению Белоруссии.

Планирование на 1944 г. осуществляли и союзники по антигитлеровской коалиции. Важнейшим военно-стратегическим итогом Тегеранской конференции большой тройки (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) стало согласованное решение об открытии второго фронта в Западной Европе в мае 1944 г. Это был значительный шаг вперед на пути военного сотрудничества восточных и западных союзников по антигитлеровской коалиции. По настоянию советской делегации главной операцией союзников в 1944 г. было принято считать вторжение во Францию (Нормандская операция) и последующее наступление на Германию. В ходе совещаний по военным вопросам советской стороной было убедительно доказано, что высадка войск в Южной Франции и действия в Италии могут расцениваться как важные стратегические, но все же вспомогательные операции. Для действенной помощи союзникам при вторжении в Западную Европу Советский Союз принял на себя обязательство после высадки союзных экспедиционных войск во Франции начать широкое наступление Красной армии на одном из важных участков советско-германского фронта, чтобы облегчить союзникам операции по захвату и удержанию плацдармов во Франции.

Германское командование уже не планировало крупных наступательных операций, однако от цели одержать победу в войне не отказалось. Упорной обороной, проведением отдельных наступательных операций оно намеревалось стабилизировать восточный фронт, удержать советские войска вдали от границ Германии, восполнить потери своих войск, укрепить их боеспособность, создать прочную оборону и сорвать наступление Красной армии.

К началу 1944 г. противоборствующие стороны располагали мощными вооруженными силами. Красная армия насчитывала 11 млн человек, около 150 тыс. орудий и минометов, 12 тыс. танков и САУ, 21 тыс. боевых самолетов. Действующая армия имела 11 фронтов, 55 общевойсковых, три танковые, 12 воздушных армий, три флота. В их составе было 460 стрелковых дивизий, 15 танковых и восемь механизированных корпусов, 76 артиллерийских и минометных дивизий, 70 отдельных артиллерийских и минометных бригад, 124 авиационные дивизии. В них насчитывалось 6,4 млн человек, около 5,3 тыс. танков и САУ, 96 тыс. орудий и минометов, 10,2 тыс. боевых самолетов. В резерве Ставки находились шесть общевойсковых, две танковые и одна воздушная армии — всего 19 дивизий, восемь танковых и четыре механизированных корпуса, четыре артиллерийские и минометные дивизии и четыре бригады, в которых было 500 тыс. человек, 5 тыс. орудий и минометов, 270 танков и САУ, 312 боевых самолетов. На Дальнем Востоке и на Кавказе располагались девять общевойсковых армий, 42 стрелковые и 30 авиационных дивизий. В них насчитывалось 1,5 млн человек, 20 тыс. орудий и минометов, около 2,4 тыс. танков и САУ, 5 тыс. боевых самолетов. В военных округах имелось 2,5 млн человек, 18 тыс. орудий и минометов, 4 тыс. танков и САУ[1].

На территории СССР продолжалось формирование иностранных воинских частей и соединений: 1-й польский корпус был преобразован в 1-ю польскую армию, сформирован 1-й чехословацкий армейский корпус, создавались югославские отдельные танковая и пехотная бригады, два авиационных полка, формировалась румынская добровольческая дивизия.

К началу года численность немецких вооруженных сил составляла 10 млн человек, 68 тыс. орудий и минометов, 12 тыс. танков и штурмовых орудий, 5,5 тыс. боевых самолетов. На советско-германском фронте находилось четыре группы армий, девять полевых и три танковые армии, четыре воздушных флота. В них насчитывалось 4,2 млн человек, около 47 тыс. орудий и минометов, 5,3 тыс. танков и штурмовых орудий, 2,8 тыс. боевых самолетов. Это большая часть действующей армии вермахта. В целом германскому командованию удалось сохранить боеспособность своих вооруженных сил на достаточно высоком уровне, но поддерживать их боевую мощь было трудно. Кроме того, на советско-германском фронте действовали войска

союзников Германии: 32 дивизии, в которых насчитывалось около 700 тыс. человек, около 8 тыс. орудий и минометов, 100 танков, 270 самолетов.

1944 г. стал кульминационной точкой развития советской военной экономики. Ее промышленность смогла даже несколько превзойти довоенный показатель производства валовой продукции, составивший 104% по отношению к 1940 г. Это было достигнуто за счет развития тяжелой индустрии и выпуска военной продукции. Предметов народного потребления производилось чуть больше половины, продуктов питания — в два-три раза меньше довоенного уровня. Особые трудности выпали на долю населения освобожденных от оккупации районов. В единоборстве с Германией советская экономика опиралась прежде всего на свои силы. Вместе с тем более заметной стала военно-экономическая помощь западных держав в рамках ленд-лиза.

В первой половине 1944 г. основные события развернулись на южном крыле советско-германского фронта. В период с декабря 1943 по 17 апреля 1944 г. войсками четырех Украинских фронтов была осуществлена Днепровско-Карпатская наступательная операция, целью которой являлось освобождение Правобережной Украины. В ее рамках были проведены Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Ровно-Луцкая, Никопольско-Криворожская, Проскуровско-Черновицкая, Уманско-Ботошанская, Березнеговато-Снигирёвская, Полесская и Одесская фронтовые наступательные операции. Это была единственная операция группы фронтов, в которой участвовали все шесть танковых армий.

К началу 1944 г. на Правобережной Украине находились крупнейшие группировки войск противоборствовавших сторон. Четыре Украинских фронта (без 51-й армии, находившейся на Перекопском перешейке) насчитывали 2230 тыс. человек, 28,6 тыс. орудий и минометов, 2015 танков и САУ, 2600 самолетов. Замысел советского командования состоял в том, чтобы мощными ударами на 1400-километровом фронте от Овруча до Херсона рассечь оборону противника, разгромить его по частям и освободить Правобережную Украину. В начале наступления намечалось нанести поражение противнику в восточных районах Правобережья и выйти на рубеж р. Южный Буг. Затем фронты должны были завершить разгром вражеских войск и овладеть рубежом Луцк, Могилёв-Подольский, р. Днестр. Решение этих задач возлагалось на войска четырех Украинских фронтов, авиацию дальнего действия и Черноморский флот. Операции 1-го и 2-го Украинских фронтов координировал маршал Г. К. Жуков, 3-го и 4-го — маршал А. М. Василевский.

Советским войскам противостояли группы немецких армий «Юг» и «А», имевшие в своем составе около 95 дивизий, в том числе 18 танковых и четыре моторизованные. Эти силы насчитывали 1760 тыс. человек, 16,8 тыс. орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий, около 1460 самолетов[2]. Немецкое командование ожидало нанесения главного удара Красной армии на юге и готовилось встретить его упорной обороной. Оно стремилось во что бы то ни стало удержать важные во всех отношениях районы Правобережной Украины. Но враг не предполагал, что советские войска развернут наступательные боевые действия сразу же после битвы за Днепр и сумеют развить их в условиях весенней распутицы. Это явилось для него полной неожиданностью.

На огромном пространстве от Полесья до Черного моря вновь развернулась гигантская битва. Наступление войск 1-го Украинского фронта в ходе Житомирско-Бердичевской операции (24 декабря 1943 — 14 января 1944 г.) началось неожиданно для немецкого командования. Ударная группировка фронта (1-я гвардейская, 18-я и 38-я общевойсковые, 3-я гвардейская и 1-я танковые армии) 24 декабря нанесла удар в общем направлении на Винницу. Одна армия наносила вспомогательный удар севернее главной группировки и две — южнее. 25—28 декабря эти армии перешли в наступление, которое развивалось успешно. К исходу 28 декабря советские войска прорвали оборону противника на фронте шириной около 300 км и продвинулись на глубину до 100 км. В целом войска фронта продвигались по направлениям, расходящимся на запад, юго-запад и юг. 4-я немецкая танковая армия не смогла сдержать натиск советских войск и, понеся тяжелые потери, отступила. Чтобы восстановить положение на этом участке фронта, фельдмаршал Э. Манштейн вынужден был принять срочные меры.

В начале января он сосредоточил против 1-го Украинского фронта дополнительно десять пехотных и шесть танковых дивизий. Стянув в район Винницы и Умани крупные силы, он 11—12 января нанес два контрудара. Врагу удалось потеснить советские войска на 35—50 км. Но большего он добиться не смог. В это время передовые части 38-й, 40-й общевойсковых и 1-й танковой армий вышли на подступы к Виннице, Жмеринке, Умани и Жашкову, создали предпосылки для нанесения удара во фланг и тыл вражеской группировке, которая все еще удерживала правый берег Днепра в районе Канева. Продвинувшись в ходе Житомирско-Бердичевской операции на 100—170 км, войска 1-го Украинского фронта 14 января приостановили наступление.

5 января 1944 г. перешел в наступление 2-й Украинский фронт, начав проведение Кировоградской операции (5—16 января 1944 г.). Он имел задачу разгромить кировоградскую группировку противника. Главные силы фронта (три общевойсковые и одна танковая армии) наступали в юго-западном направлении на Первомайск, а две армии — в северо-западном направлении на Шполу. Цель этого вспомогательного удара заключалась в том, чтобы совместно с войсками 1-го Украинского фронта окружить неприятельскую группировку, оборонявшуюся на каневском выступе на Днепре. Перед началом наступления 2-й Украинский фронт был усилен за счет резервов Ставки, в том числе двумя механизированными корпусами. Сразу же с переходом советских войск в наступление разгорелись ожесточенные бои. В течение двух дней сопротивление врага было сломлено, его оборона на участке шириной около 70 км прорвана. Соединения ударной группировки продвинулись на глубину более 20 км, охватив Кировоград. Введенная здесь в сражение 5-я гвардейская танковая армия потеряла до половины боевого состава. 8 января танковые и механизированные корпуса овладели городом, но завершить окружение противника из-за отставания стрелковых дивизий не удалось. В последующие дни 2-й Украинский фронт продолжал развивать наступление в северо-западном направлении, чтобы соединиться с 1-м Украинским фронтом и отсечь группировку немецких войск на каневском выступе. Однако добиться этого не смог: 8-й механизированный корпус, направленный по вражеским тылам в северо-западном направлении, в упорных боях потерял почти все свои танки, оставшиеся 20 боевых машин вернулись в исходное положение. Действовавшие на этом же направлении 4-я гвардейская и 52-я армии продвинулись на 20—40 км, но до назначенного им рубежа не дошли. Они были остановлены переброшенными сюда тремя танковыми дивизиями противника. Отражая сильные контрудары врага, войска 2-го Украинского фронта вынуждены были 16 января перейти к обороне. В сложной обстановке, которая возникла в те зимние дни на кировоградском направлении, воины 2-го Украинского фронта вновь показали образцы мужества и героизма.

В результате Кировоградской операции положение немецких войск в полосе действий 2-го Украинского фронта значительно ухудшилось. Советские войска еще глубже охватили с юга каневскую группировку гитлеровцев, получившую позднее название корсунь-шевченковской. Кроме того, наступление на Кировоград сорвало переброску двух танковых дивизий врага с юга в район Умани для участия в контрударе по войскам 1-го Украинского фронта.

12 января Ставка ВГК потребовала от командующих 1-м и 2-м Украинскими фронтами завершить окружение и уничтожение вражеских войск на каневском выступе, но наступательные возможности обоих фронтов были исчерпаны. К тому же все их усилия в это время были сосредоточены на отражении сильных контрударов противника. Неудачей закончилось и наступление 3-го и 4-го Украинских фронтов, предпринявших попытку ликвидировать никопольский плацдарм гитлеровцев. 10—11 января они пытались прорвать его оборону, но из-за недостатка сил за пять-шесть дней напряженных боев им удалось лишь несколько потеснить врага. Стало ясно, что действовавшие здесь советские войска, испытывавшие недостаток в людях, танках и боеприпасах, имеющимися силами не смогут добиться более решительных результатов. Их наступление было приостановлено.

В конце января все Украинские фронты вновь обрушили на врага мощные удары. Задачу по разгрому корсунь-шевченковской группировки, оборонявшейся на каневском выступе, Ставка ВГК возложила на 1-й и 2-й Украинские фронты. Они должны были встречными

ударами на Шполу, Звенигородку окружить, а затем уничтожить группировку врага. На 1-м Украинском фронте была создана новая 6-я танковая армия, имевшая 282 танка и САУ, а в составе 5-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта насчитывалось 242 боевые машины. Наступление 2-го Украинского фронта началось 24 января, 1-го Украинского — 26 января. Ударную группировку 2-го Украинского фронта составляли две общевойсковые (4-я гвардейская и 53-я) и одна танковая (5-я гвардейская) армии. Ударную группировку поддерживала 5-я воздушная армия. В ударную группировку 1-го Украинского фронта входили 27-я, часть сил 40-й и 6-я танковая армия. Поддержку с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия. Ударные группировки фронтов быстро прорвали вражескую оборону, и танковые армии устремились навстречу друг другу. Сразу же последовали контрудары. 27 января четыре немецкие танковые дивизии ударами с юга и с севера отсекли главные силы 5-й гвардейской танковой армии и закрыли брешь в своей обороне. Однако отрезанные противником танковые соединения продолжали наступление. 28 января они встретились в районе Звенигородки с передовыми частями 6-й танковой армии. Окружение корсунь-шевченковской группировки врага завершилось. Десять его дивизий и одна бригада оказались в котле — всего 59 тыс. человек, 313 орудий и около 70 танков и штурмовых орудий. К 3 февраля были образованы внутренний и внешний фронты окружения.

Командование группы армий «Юг» предпринимало лихорадочные меры по спасению окруженных войск. А. Гитлер лично пообещал окруженным: «Можете положиться на меня как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона». Окруженные части, объединенные в группу Штеммермана (по имени командира 11-го корпуса), стали получать топливо и боеприпасы по воздуху. С 27 января по 3 февраля 1944 г. ежедневно им доставлялось 120—150 тонн грузов[3]. Из района Винницы выдвигались четыре танковые дивизии, которые имели задачу нанести контрудар по войскам 1-го Украинского фронта. Одновременно четыре другие танковые дивизии атаковали войска 2-го Украинского фронта. Силы противника на внешнем фронте окружения продолжали возрастать. Сражение становилось ожесточеннее с каждым днем. Из-за распутицы у советских войск возникали большие трудности с подвозом боеприпасов, горючего и продовольствия. Использовались сотни конских, воловьих и коровьих упряжек и вьюков. Местные жители на руках подносили мины, снаряды и патроны. Для танковых армий горючее перебрасывалось самолетами.

Советская авиация блокировала гитлеровцев с воздуха, срывая их снабжение. Положение окруженной группировки становилось все более безнадежным. 8 февраля советское командование предложило противнику гуманные условия капитуляции, но они были отвергнуты. Немецкое командование сняло с других участков фронта крупные силы, чтобы выручить свои окруженные дивизии. 11 февраля боевые действия достигли наибольшего ожесточения. 14 дивизий (из них восемь танковых) извне и изолированные соединения внутри котла наносили встречные удары на Лисянку и Шендеровку. Возникла реальная угроза прорыва. 12 февраля Ставка возложила на И. С. Конева руководство войсками, действовавшими на внутреннем фронте окружения, а представитель Ставки Г. К. Жуков должен был координировать действия войск обоих фронтов на внешнем фронте. Н. Ф. Ватутину было приказано сосредоточиться на руководстве войсками правого крыла 1-го Украинского фронта, завершавшими Ровно-Луцкую наступательную операцию. Ставка ВГК ввела в сражение свой резерв — 2-ю танковую армию. Все попытки противника прорвать кольцо окружения оказались тщетными. Правда, немецким дивизиям, наступавшим извне, ценой больших потерь удалось пробиться в район Лисянки, а окруженным войскам, наступавшим навстречу им, — в район Шендеровки. Между ними оставалась полоса шириной всего 12 км. Но преодолеть ее они так и не смогли. Важную роль в этом сыграла штурмовая авиация 2-й воздушной армии, которая нанесла два мощных удара по танковым группировкам врага, пытавшимся освободить окруженные войска.

Ставка немедленно отреагировала на сближение вражеских ударных группировок, указав своему представителю Г. К. Жукову на отсутствие заранее подготовленного плана операции по ликвидации окруженной группировки, а также на то, что «слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена»[4]. 12 февраля общее руководство всеми войсками, при-

влеченными для ликвидации окруженной группировки, было возложено на командующего 2-м Украинским фронтом И. С. Конева. В связи с этим 27-я армия была передана в состав этого фронта. Перед войсками 1-го Украинского фронта стояла задача не допустить в своей полосе прорыва противника для соединения с окруженной группировкой.

Развязка произошла 17 февраля. Остатки вражеской группировки предприняли последнюю отчаянную попытку вырваться из котла. Э. Манштейн разрешил им бросить всю военную технику, кроме танков и штурмовых орудий, и пробиваться любым путем. Сосредоточившись в районе Шендеровки, гитлеровцы в ночь на 17 февраля под прикрытием темноты и разыгравшейся пурги колоннами двинулись в юго-западном направлении. На голову врага обрушили удар летчики 392-го полка 312-й ночной легкобомбардировочной дивизии, ураганный огонь открыли «катюши» и артиллерия. Несмотря на это, гитлеровцы рвались вперед напролом. Шквальным огнем встретили их соединения 4-й гвардейской и 27-й армий. Они почти в упор расстреливали вражеские колонны. Героически сражались артиллеристы 438-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, нанесшие врагу огромный урон. Сражение завершилось на рассвете 17 февраля. Корсунь-шевченковская группировка противника была ликвидирована.

По донесению штаба 2-го Украинского фронта, окруженная в районе Корсунь-Шевченковского группировка немецких войск только убитыми потеряла 55 тыс. человек, 19,2 тыс. солдат и офицеров были взяты в плен[5]. Вся военная техника и вооружение врага остались на поле сражения. Но все же довольно большой группе удалось вырваться из котла. По утверждению Э. Манштейна, число вышедших из окружения достигло 32 тыс. человек[6]. При проведении Корсунь-Шевченковской операции потери 1-го и 2-го Украинских фронтов убитыми и ранеными составили немногим более 80 тыс. человек[7].

Одновременно с наступлением под Корсунь-Шевченковским войска правого крыла (13-я и 60-я армии) 1-го Украинского фронта провели Ровно-Луцкую операцию (27 января — 11 февраля 1944 г.). Немецкое командование не ожидало здесь удара, поскольку лесисто-болотистая местность да к тому же сильная распутица создавали крайне тяжелые условия для наступательных действий. Однако вопреки предположениям врага наступление советских войск, начавшееся 27 января, развивалось успешно. 2 февраля кавалеристы внезапным ударом овладели Луцком и Ровно. Скрытный маневр кавалерийских соединений по вражеским тылам оказался эффективным способом борьбы в условиях Полесья и позволил достичь крупного оперативного успеха. Ему способствовали многочисленные партизанские отряды и соединения, действовавшие в том регионе. С подходом войск Красной армии партизаны усиливали удары по коммуникациям и гарнизонам врага. Соединения 60-й армии 11 февраля овладели Шепетовкой. В этот же день войска правого крыла 1-го Украинского фронта в основном выполнили поставленные задачи. За 16 дней наступления они продвинулись на 120 км, охватив левое крыло группы армий «Юг» с севера и создав условия для нанесения удара по ее тылу.

План немецкого командования остановить Красную армию на Днепре окончательно рухнул благодаря действиям 3-го и 4-го Украинских фронтов. Главная роль при этом Ставкой ВГК отводилась 3-му Украинскому фронту. Нанеся удар с севера, его войска должны были выйти в тыл вражеской группировке, оборонявшейся на никопольском плацдарме, и во взаимодействии с наступавшим с юга 4-м Украинским фронтом окружить и уничтожить врага. В конце декабря Ставка поставила задачи фронтам, полагая, что противник начал отход из запорожской излучины Днепра. Однако уже через несколько дней выяснилось, что гитлеровцы не намерены оставлять никопольский плацдарм. Чтобы тщательно подготовить операцию, Ставка перенесла ее начало на конец января. Для проведения Никопольско-Криворожской операции (30 января — 29 февраля 1944 г.) было привлечено 47 стрелковых дивизий, танковый, кавалерийский и два механизированных корпуса — всего 705 тыс. человек, 7,8 тыс. орудий и минометов, 240 танков и САУ. Поддержка с воздуха возлагалась на 8-ю и 17-ю воздушные армии, располагавшие более чем 1,3 тыс. самолетов. Войскам 3-го и 4-го Украинских фронтов противостояла 6-я немецкая армия, имевшая в своем составе 17 пехот-

ных, две танковые и одну моторизованную дивизии, отдельный батальон тяжелых танков и восемь дивизионов штурмовых орудий — всего 540 тыс. человек, свыше 2,4 тыс. орудий и минометов, более 300 танков и штурмовых орудий. Их поддержку с воздуха осуществляли до 700 самолетов 4-го воздушного флота. Наступление началось 30 января нанесением удара на Кривой Рог. Как и рассчитывал командующий 3-м Украинским фронтом, немецкое командование приняло его за главный удар и ввело здесь из резерва две танковые дивизии. На следующий день перешли в наступление главные силы обоих фронтов. Действия наземных войск поддерживали 8-я и 17-я воздушные армии. Оборона противника была прорвана в первый же день. А 1 февраля в прорыв был введен 4-й гвардейский механизированный корпус, который стал быстро продвигаться в южном направлении.

Преодолевая в условиях распутицы упорное сопротивление врага, войска фронтов к 5 февраля продвинулись на глубину 45—60 км и овладели крупным железнодорожным узлом Апостолово. Немецкая армия оказалась рассеченной на две части. Ее соединениям, оборонявшимся в районе Марганец, Никополь, угрожало окружение, и враг начал поспешно отводить их на юго-запад вдоль правого берега Днепра.

4-й Украинский фронт к исходу 7 февраля полностью очистил от вражеских войск никопольский плацдарм и 8 февраля вместе с частями 6-й армии 3-го Украинского фронта освободил Никополь. Однако окружить и уничтожить немецкие войска на никопольском плацдарме не удалось. Командование группы армий «А» вовремя осознало угрозу окружения плацдарма и уже 4 февраля приступило к отводу войск. 10 февраля ударная группировка 3-го Украинского фронта вышла к Днепру. Ее боевые возможности к этому времени уже значительно снизились. Тем не менее никопольская группировка противника понесла большие потери. Все тяжелое вооружение и автотранспорт были брошены или разбиты советской артиллерией и авиацией.

После небольшой паузы, использованной для подтягивания тылов и перегруппировки войск, 3-й Украинский фронт 17 февраля возобновил наступление, нанеся удар на Кривой Рог. 22 февраля этот крупный промышленный центр и узел дорог был освобожден. К 29 февраля фронт правым крылом и центром выдвинулся к р. Ингулец, захватив ряд плацдармов на ее западном берегу. В результате были созданы выгодные условия для нанесения последующих ударов по врагу в направлении Николаева и Одессы. Ликвидировав никопольский плацдарм и отбросив врага из запорожской излучины Днепра, советские войска лишили немецкое командование последней надежды на восстановление связи по суше с блокированной в Крыму 17-й армией. Значительное сокращение линии фронта позволило Ставке ВГК высвободить силы для овладения Крымским полуостровом. Такая задача была поставлена 4-му Украинскому фронту.

Таким образом, напряженная борьба в Приднепровье к весне 1944 г. завершилась победой Красной армии. Войска четырех Украинских фронтов взломали оборону врага на всем протяжении от Припяти до низовий Днепра. Продвинувшись в течение двух месяцев в западном направлении на 150—250 км, они разгромили несколько крупных группировок врага и сорвали его планы восстановления обороны по Днепру. Родине были возвращены такие крупные промышленные районы, как Никопольский и Криворожский. После целого ряда поражений зимой 1943—1944 гг. германское командование уже не помышляло о наступательных операциях, а стремилось лишь закрепиться на занимаемых рубежах и удержать фронт. Победы Красной армии в ходе зимней кампании на Украине позволили создать благоприятные условия для продолжения наступления на юго-западном стратегическом направлении.

Разработка планов новых операций началась в Ставке ВГК и Генеральном штабе еще в первой половине февраля. Решением Ставки, в выработке которого принимали участие ее представители на фронтах и военные советы фронтов, предусматривались нанесение мощных ударов на черновицком, уманско-ясском, николаевско-одесском направлениях, завершение разгрома групп армий «Юг» и «А», освобождение Правобережной Украины и выход к Карпатам. Для осуществления намеченных операций привлекались войска 1, 2 и 3-го Украинских фронтов. Переход в наступление намечался на начало марта 1944 г.

Наступление на Правобережной Украине возобновилось 4–6 марта. В нем участвовали 1, 2 и 3-й Украинские и 2-й Белорусский[8] фронты. В течение двух месяцев они провели Проскуровско-Черновицкую, Уманско-Ботошанскую, Березнеговато-Снигирёвскую, Одесскую и Полесскую операции. Наиболее масштабное наступление вели 1-й и 2-й Украинские фронты, проводившие Проскуровско-Черновицкую и Уманско-Ботошанскую операции. Главной ударной и маневренной силой их являлись шесть танковых армий, в составе которых имелось 1430 танков и САУ.

Советские войска упредили противника в сосредоточении и развертывании сил. Несмотря на сильную весеннюю распутицу, бездорожье и плохую погоду, перегруппировки закончились в основном в намеченные сроки, в то время как перегруппировка войск группы армий «Юг» еще продолжалась. В период подготовки операций советская авиация наносила удары по аэродромам врага и уничтожала его самолеты в воздухе. Она срывала железнодорожные перевозки, затрудняла перегруппировки войск, днем и ночью изнуряла врага и нарушала управление. С началом освобождения западных областей Украины советским войскам пришлось также вести борьбу с вооруженными отрядами украинских националистов, находившихся на службе немецко-фашистских оккупантов. Отряды националистов терроризировали население, нападали на мелкие воинские подразделения и железнодорожные эшелоны, пытались дезорганизовать действия властей в освобожденных районах, направляли свой террор в первую очередь против местного партийно-советского актива, военнослужащих. Жертвой одного из бандитских нападений бандеровцев стал командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин. 29 февраля во время выезда в войска он попал в засаду украинских националистов, был тяжело ранен и в ночь на 15 апреля скончался. 1 марта в командование войсками 1-го Украинского фронта вступил маршал Г. К. Жуков. Он по-прежнему оставался заместителем Верховного главнокомандующего, но задачи по координации действий двух Украинских фронтов теперь с него снимались. Эту обязанность взяла на себя Ставка ВГК.

Украинские фронты возобновили наступление почти одновременно: 4 марта — 1-й Украинский, на следующий день — 2-й Украинский, 6 марта — 3-й Украинский. 15 марта перешел в наступление 2-й Белорусский фронт. Теперь наступление развивалось на огромном пространстве от Припяти до Черного моря, что крайне затрудняло маневр сил противника на южном крыле стратегического фронта. В полосе наступления 1-го Украинского фронта (Проскуровско-Черновицкая наступательная операция, 4 марта — 17 апреля 1944 г.) неприятель не успел создать достаточно развитой в инженерном отношении обороны. Войска фронта при мощной поддержке артиллерии и авиации быстро преодолели его сопротивление. Уже к исходу второго дня прорыв расширился до 180 км по фронту и до 50 км в глубину. Главную трудность для советских войск в эти дни представляла распутица. В непролазной грязи увязали не только автомашины, но и танки. Артиллерия отстала, нарушился подвоз боеприпасов и горючего. В этих условиях самым надежным средством тяги оказался гужевой транспорт. Когда останавливался и он, самое необходимое несли на плечах солдаты и местные жители. Впрочем, и отступавшему противнику было не легче: он тоже оставлял на раскисших дорогах большое количество техники и транспортных средств. Несмотря на все трудности, передовые части ударной группировки 7–10 марта вышли на рубеж Тернополь, Проскуров (Хмельницкий) и перерезали важную для врага железнодорожную магистраль Львов — Одесса, являвшуюся основной коммуникацией двух групп армий вермахта на Украине. Между 4-й и 1-й немецкими танковыми армиями был вбит глубокий клин.

Командование группы армий «Юг» срочно готовило силы для контрудара. Оно поспешно стягивало в этот район силы с других участков фронта и из резерва и к 10–11 марта сосредоточило там пять пехотных и девять танковых дивизий, то есть половину всех танковых соединений, действовавших на Украине, после чего нанесло мощный контрудар по войскам ударной группировки 1-го Украинского фронта, пытаясь отбросить их к северу от железной дороги Тернополь — Проскуров. Завязалось ожесточенное сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1300 танков, САУ и штурмовых орудий. По мнению Г. К. Жукова,

такого по ожесточенности сражения не было со времен Курской битвы[9]. В целях отражения ударов врага главные силы фронта вынуждены были 12 марта перейти к обороне. Требовалось подтянуть отставшие силы, подвезти боеприпасы, горючее и подготовить мощный удар по противнику. До 29 марта наступление продолжалось лишь на второстепенных направлениях.

Стремительно продвигались вперед войска 2-го Украинского фронта, участвовавшие в Уманско-Ботошанской операции (5 марта — 17 апреля 1944 г.). Этому во многом способствовал успех 1-го Украинского фронта, войска которого создали угрозу выхода в тыл группе армий «Юг». Перейдя в наступление 5 марта, войска 2-го Украинского фронта прорвали вражескую оборону в первый же день и начали развивать успех в общем направлении на Умань. Введенные в прорыв в первый день операции 2-я и 5-я гвардейская танковые армии, отразив контратаки врага, с ходу форсировали р. Горный Тикич, преодолели последний вражеский рубеж обороны на пути к Южному Бугу и начали преследование противника. 10 марта была освобождена Умань — главная база снабжения 1-й немецкой танковой армии, захвачены богатые трофеи, в том числе большое количество танков. На следующий день передовые отряды танковых армий вышли к Южному Бугу и с ходу форсировали его. С этого рубежа командующий фронтом ввел в сражение 6-ю танковую армию. Успешно развивалось наступление войск фронта и на вспомогательном направлении. В ночь на 12 марта маршал И. С. Конев получил директиву Ставки ВГК, в которой 2-му Украинскому фронту ставилась задача форсировать Днестр и выйти на р. Прут — границу с Румынией[10]. Войска фронта устремились к Днестру.

6 марта началась Березнеговато-Снигирёвская операция 3-го Украинского фронта (6–18 марта 1944 г.). По замыслу командования фронта главный удар наносился с плацдармов на р. Ингулец в направлении Нового Буга с целью расколоть фронт 6-й немецкой армии, а затем, повернув подвижные соединения на юг, выйти в тыл николаевской группировке врага. Ударная группировка фронта быстро взломала вражескую оборону, используя свое преимущество в артиллерии, и развернула стремительное наступление на запад. К утру 8 марта подвижные соединения овладели Новым Бугом. 6-я немецкая армия оказалась рассеченной на две части.

После овладения Новым Бугом конно-механизированная группа (КМГ) под командованием генерала И. А. Плиева повернула на юг и, пройдя около 80 км по тылам противника, 12 марта вышла с запада к р. Ингулец южнее Снигирёвки. Подвижные соединения перехватили пути отхода немецких войск, отступавших под ударами армий левого крыла фронта. Под угрозой окружения оказались 13 дивизий противника. 13 марта части 28-й армии освободили Херсон. Однако уничтожить окруженную в районе Березнеговатое, Снигирёвка вражескую группировку не получилось. Причина заключалась в том, что советские войска вследствие недостатка сил, особенно подвижных, не смогли быстро создать сплошной фронт на путях отхода гитлеровцев. Большая часть вражеской группировки, хотя и с тяжелыми потерями, прорвалась сквозь растянутые боевые порядки КМГ, отойдя к Николаеву и за р. Ингул. Убедившись в невозможности ликвидировать прорыв советских войск и учитывая возросшую опасность окружения четырех армейских корпусов в районе Березнеговатое, Снигирёвка, командующий группой армий «А» еще 12 марта принял решение отвести войска 6-й армии за Южный Буг. Бросив огромное количество тяжелой техники и транспортных средств на раскисших из-за распутицы и ставших непроходимыми дорогах, неприятель отошел на указанный рубеж. Преследуя его, войска 3-го Украинского фронта 18 марта вышли к Южному Бугу, но с ходу форсировать реку и овладеть Николаевом не смогли.

Таким образом, в первой половине марта взаимосвязанные действия трех Украинских фронтов принесли крупный успех. Вражеская оборона была сокрушена на широком фронте. Преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, форсируя разлившиеся реки, советские войска по разбухшим от грязи дорогам и полям упорно продвигались вперед. Немецкие дивизии отступали, бросая разбитые и израсходовавшие горючее танки, тягачи с орудиями, автомашины.

Исходя из сложившейся обстановки, Ставка ВГК еще 11 марта уточнила задачи фронтам: 1-му и 2-му Украинским — окружить и уничтожить 1-ю немецкую танковую армию в районе севернее Каменец-Подольского, 3-му Украинскому — форсировать Южный Буг, освободить Одессу, а затем выйти на р. Прут[11].

Ожесточенное сражение на рубеже Тернополь, Волочиск, Проскуров продолжалось с 11 по 19 марта. Чтобы сдержать натиск врага, советское командование ввело в сражение 1-ю танковую армию генерала М. Е. Катукова. Все удары врага были отражены. Измотав его в оборонительных боях, армии 1-го Украинского фронта 21 марта возобновили наступление, нанося главный удар в южном направлении. На их поддержку переключилась основная масса фронтовой авиации. 24 марта передовые части 1-й танковой армии вышли к Днестру и с ходу форсировали его, а через пять дней армия преодолела Прут и овладела областным центром Черновцы (Черновицы). С его потерей противник лишился последнего связующего звена между своими войсками, действовавшими к северу и югу от Карпат. Стратегический фронт вражеских войск оказался разрезанным на две части.

С выходом танковых армий 1-го Украинского фронта на рубеж Бучач, Коломыя, Черновцы пути отступления 1-й немецкой танковой армии на запад были закрыты. А войска 1-го Украинского фронта тем временем отрезали ей пути отступления на юг. Танковая армия оказалась под угрозой окружения. Но к этому времени войска 1-го Украинского фронта утратили свои ударные возможности. Особенно большие потери понесли танковые армии — основная ударная сила фронта. Например, 3-я гвардейская танковая армия, потеряв до 70% своих танков, 28 марта была выведена в резерв Ставки ВГК на доукомплектование. Кроме того, между 1-й гвардейской общевойсковой и действовавшей правее 3-й танковой армиями образовался 30-километровый разрыв, прикрыть который было нечем. В таком состоянии войска 1-го Украинского фронта не смогли нанести сильных ударов по окруженному противнику.

В конце марта 1-я немецкая танковая армия, сосредоточив все свои силы севернее Каменец-Подольского, по приказу Э. Манштейна предприняла прорыв в северо-западном направлении. Это оказалось неожиданным для командования 1-го Украинского фронта, которое ожидало удара неприятеля в юго-западном направлении, через Днестр, и сосредоточило здесь свои основные усилия. За два дня противник продвинулся на глубину более 40 км. Окруженные войска нанесли встречный удар и 7 апреля соединились с деблокирующей группировкой в районе Бучача. Таким образом, 1-я немецкая танковая армия, имевшая в своем составе 23 дивизии, в том числе 10 танковых и одну моторизованную, вырвалась из окружения. Она потеряла большую часть вооружения и военной техники, а также значительную часть личного состава. Все вырвавшиеся из окружения дивизии 1-й танковой армии до их восстановления значились в германских оперативных документах как боевые группы.

Существенную помощь войскам 1-го Украинского фронта в разгроме северного крыла группы армий «Юг» оказал 2-й Белорусский фронт, осуществивший Полесскую наступательную операцию (15 марта — 5 апреля 1944 г.). Быстро взломав оборону неприятеля, войска фронта к 18 марта продвинулись на глубину 30—40 км и блокировали Ковель. Наступление советских войск в Полесье проводилось в условиях труднопроходимой лесисто-болотистой местности в период весенней распутицы. Внезапный для противника удар 2-го Белорусского фронта на ковельском направлении вызвал серьезную обеспокоенность у германского командования, поскольку возникала реальная угроза выхода советских войск в глубокий тыл группы армий «Центр». Были приняты срочные меры по восстановлению положения на этом участке восточного фронта. Задача по отражению советского наступления в Полесье была возложена на группу армий «Центр». 5 апреля из-за недостатка сил 2-й Белорусский фронт прекратил наступление. В тот же день последовала директива Ставки ВГК о его расформировании. Войска, входившие в него, передавались в состав 1-го Белорусского фронта.

Главные силы 2-го Украинского фронта, используя плацдармы, захваченные передовыми частями танковых армий на Южном Буге, форсировали этот важный водный рубеж и к 19 марта в районе Могилёва-Подольского вышли на Днестр. Через три дня они успешно

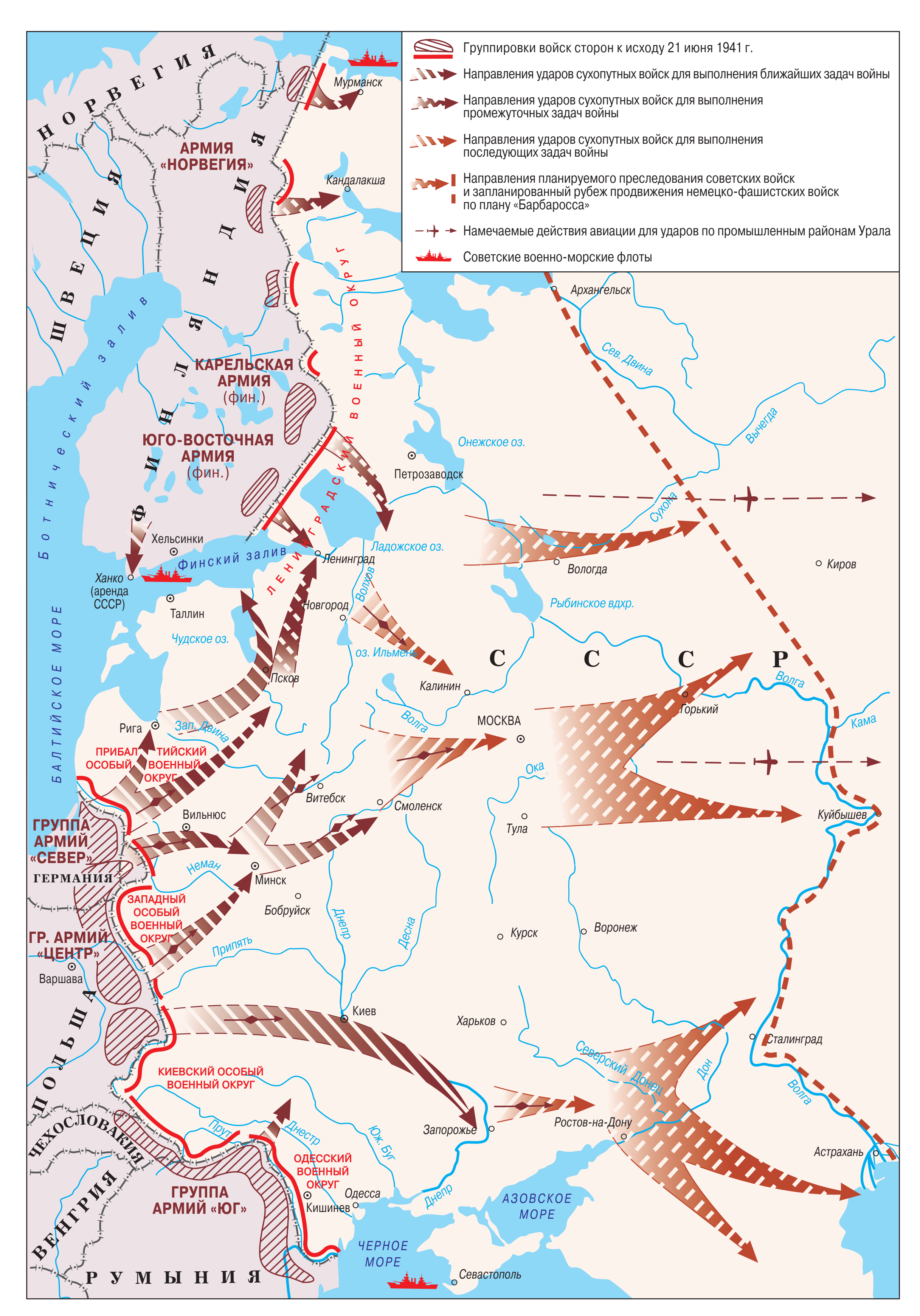
форсировали и эту водную преграду, овладели крупным плацдармом на ее правом берегу. 40-я армия вышла на подступы к Хотину. К югу от Тернополя в обороне врага образовалась огромная брешь. 22 марта маршал И. С. Конев получил приказ повернуть свои войска на юго-восток и наступать вдоль обоих берегов Днестра, чтобы не допустить отхода группы армий «А» за Днестр, а затем вместе с 3-м Украинским фронтом окружить и уничтожить врага. Продолжая наступление, передовые отряды 27-й и 52-й армий 26 марта западнее г. Бельцы вышли на р. Прут, заняв 85-километровый участок вдоль границы СССР с Румынией. Таким образом, части 27-й и 52-й армий стали первыми в Красной армии, кто восстановил нарушенную агрессором почти три года назад государственную границу СССР.

С выходом Красной армии на границу с Румынией начался новый этап Великой Отечественной войны — поход советских войск в Европу. В связи с этим правительство СССР 2 апреля 1944 г. сделало заявление, в котором говорилось, что Советское государство не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии. Вступление советских войск в ее пределы обусловливается исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением противника[12]. В ночь на 28 марта соединения правого крыла 2-го Украинского фронта форсировали Прут и продвинулись на 20—40 км в глубь румынской территории. На подступах к Яссам и Кишинёву они встретили упорное сопротивление противника.

Главным итогом Уманско-Ботошанской операции стали освобождение значительной части территории Украины, Молдавии и вступление советских войск в пределы Румынии. Но окружить и уничтожить основные силы группы армий «А» (с 5 апреля 1944 г. — группа армий «Южная Украина») не удалось. В первой половине апреля войска 2-го Украинского фронта на правом крыле достигли Карпат, а в центре вышли к Яссам. К середине апреля войска левого крыла фронта вышли на Днестр восточнее Кишинёва. Здесь противником были заранее подготовлены оборонительные рубежи. Для того чтобы закрыть огромную брешь, которая образовалась в результате разгрома 8-й армии, остановить наступление советских войск в Молдавии и Румынии и предотвратить угрозу окружения своей приморской группировки, германское командование вынуждено было начиная с конца марта и в течение всего апреля произвести крупные перегруппировки войск. Всего против 2-го Украинского фронта с 21 марта до конца апреля из Румынии и группы армий «А» было переброшено армейское и восемь корпусных управлений, 18 дивизий и три бригады. С конца марта сопротивление немецко-румынских частей на ясском и кишиневском направлениях резко возросло. К этому времени силы 2-го Украинского фронта значительно растянулись, артиллерия и тылы в условиях полного бездорожья отстали. Поэтому в середине апреля войска фронта приостановили наступление, перейдя к обороне на рубеже Рэдэуци, Пашкани (около 70 км западнее Ясс), Дубоссары, Днестр.

3-й Украинский фронт после выхода в середине марта на р. Южный Буг начал подготовку к ее форсированию в нижнем течении. Форсирование войскам фронта предстояло осуществить в ходе Одесской наступательной операции (26 марта — 14 апреля 1944 г.), к проведению которой привлекались силы Черноморского флота. Они должны были нарушить морские сообщения противника, а морская пехота и авиация — содействовать войскам 3-го Украинского фронта в овладении приморскими городами и портами.

26 марта фронт перешел в наступление во всей своей полосе. 28 марта, форсировав Южный Буг, правофланговые армии 3-го Украинского фронта прорвали оборону противника на 45-километровом фронте и продвинулись на глубину до 25 км. В тот же день левофланговые армии после тяжелых боев на подступах к Николаеву овладели городом, а затем форсировали Южный Буг в его устье. Удержание рубежа по р. Южный Буг силами 6-й немецкой и 3-й румынской армий стало безнадежным, и поэтому в ночь на 28 марта они начали отходить на запад. Войска 3-го Украинского фронта незамедлительно перешли к преследованию противника. Командующий фронтом перенес направление главного удара с центра на правое крыло, где обозначился наибольший успех. Туда были перегруппированы КМГ генерала И. А. Плиева, два стрелковых и 23-й танковый корпуса. Подвижные соединения фронта

План войны Германии против СССР (план «Барбаросса»)

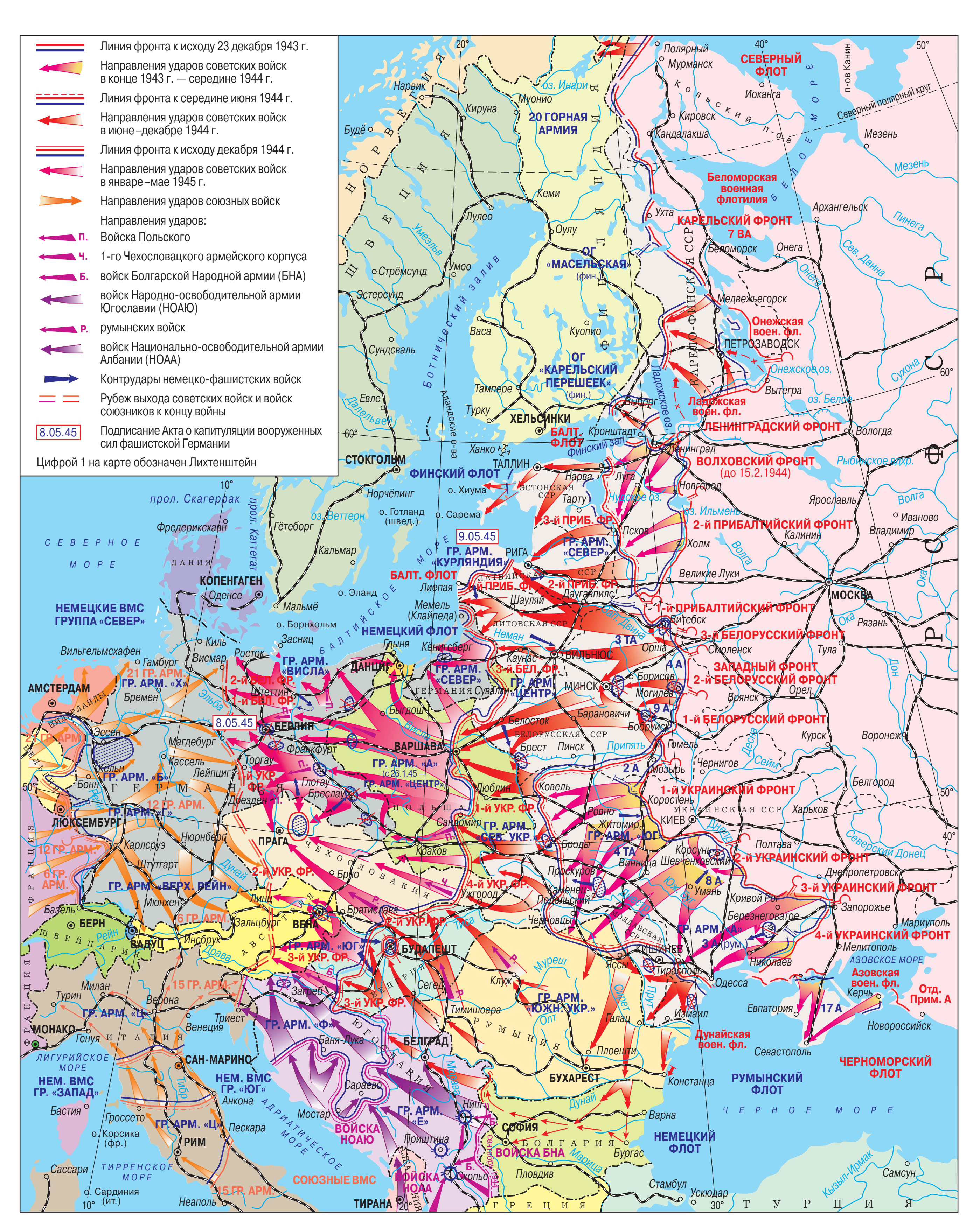

Силы и средства	СССР	Германия и ее союзники
Личный состав, млн чел. Дивизий	3,0 186	5,0 190
Орудий и минометов, тыс. шт.	39,4	47,2
Танков, тыс. шт.	11	4,4
Самолетов, тыс. шт.	9,1	4,4

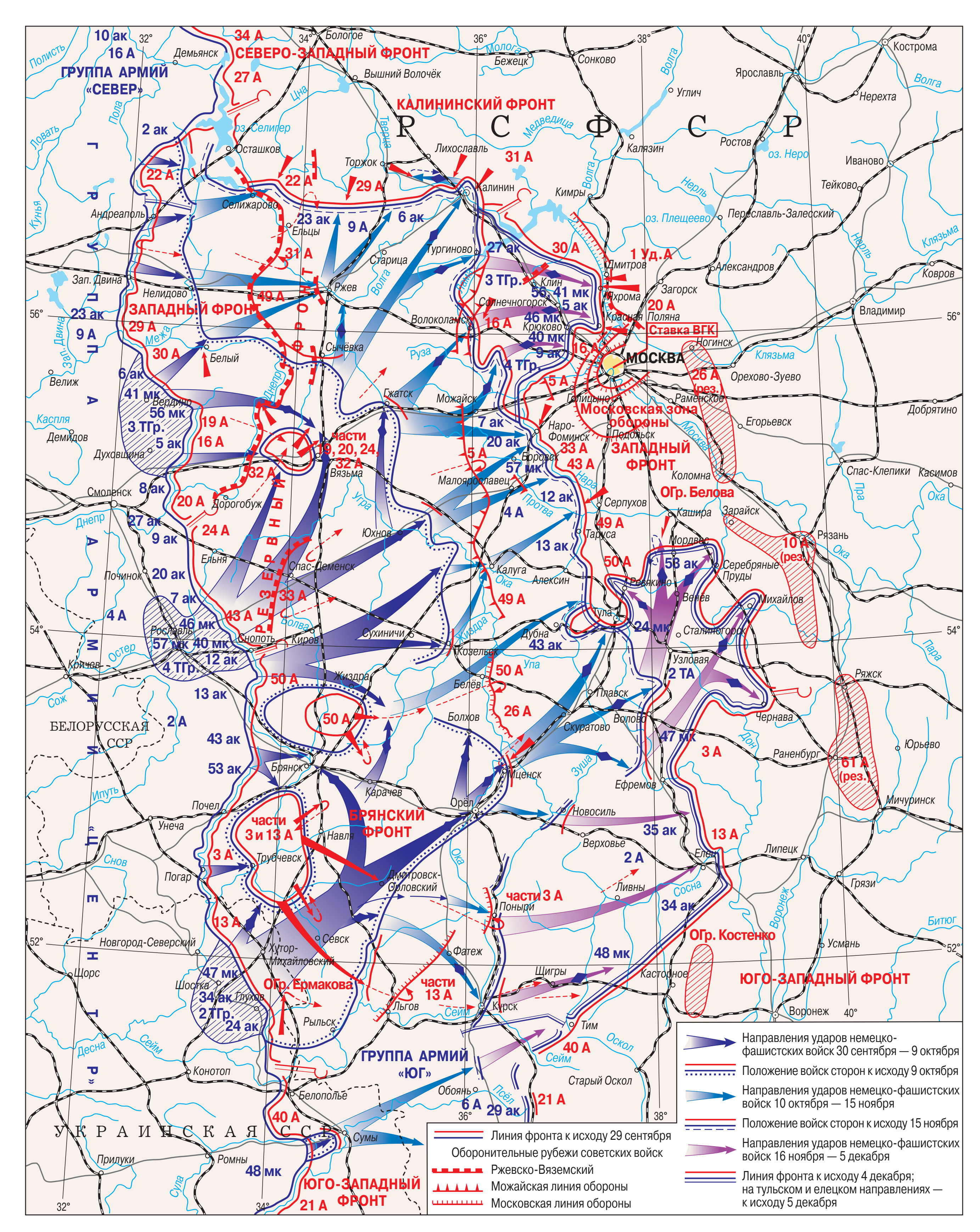
Общий ход военных действий в первом периоде Великой Отечественной войны.
22 июня 1941 — 13 ноября 1942 г.

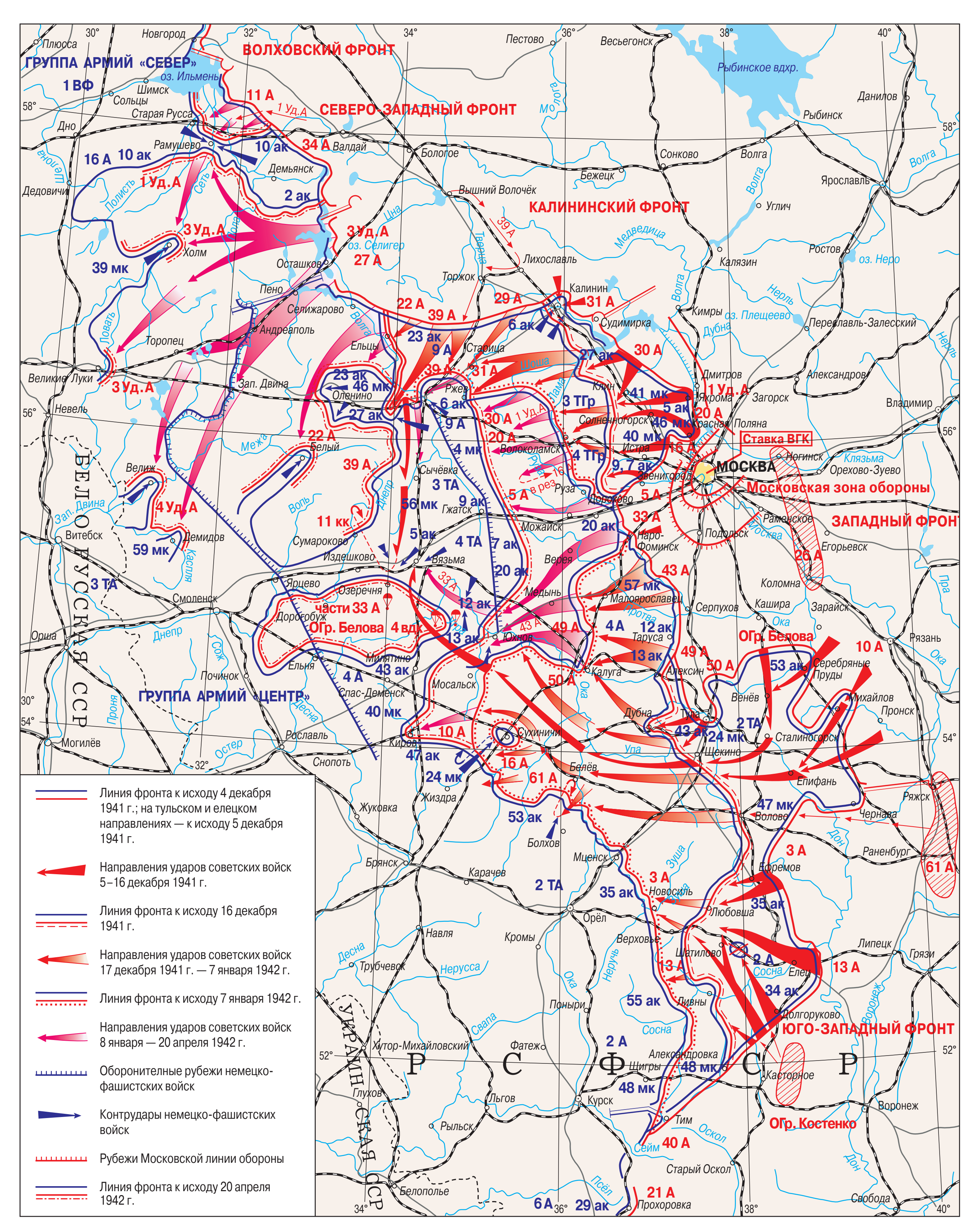
Общий ход военных действий во втором периоде Великой Отечественной войны.
19 ноября 1942 — конец 1943 г.

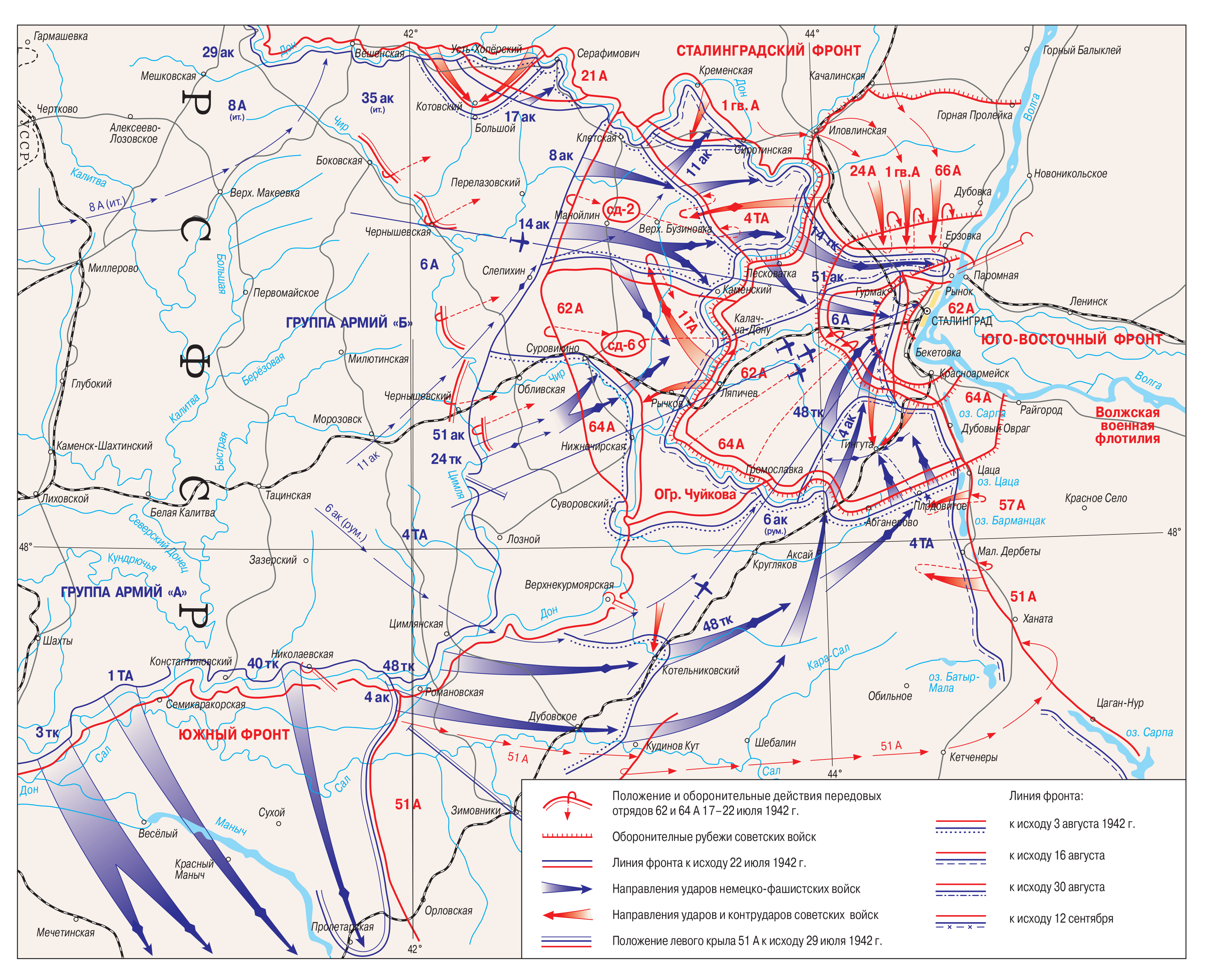
Общий ход военных действий в третьем периоде Великой Отечественной войны. Январь 1944 — 9 мая 1945 г.

Московская оборонительная операция.
30 сентября — 5 декабря 1941 г.

Контрнаступление Красной армии под Москвой.
5 декабря 1941 — 7 января 1942 г.

Сталинградская битва. Оборонительные сражения.
Июль–ноябрь 1942 г.

Линия фронта к исходу 18 ноября 1942 г.

Направления ударов советских войск 19–30 ноября 1942 г.

Контрудары и отход немецко-фашистских войск

Линия фронта к исходу 30 ноября 1942 г.

Направления ударов советских войск 16–31 декабря 1942 г.

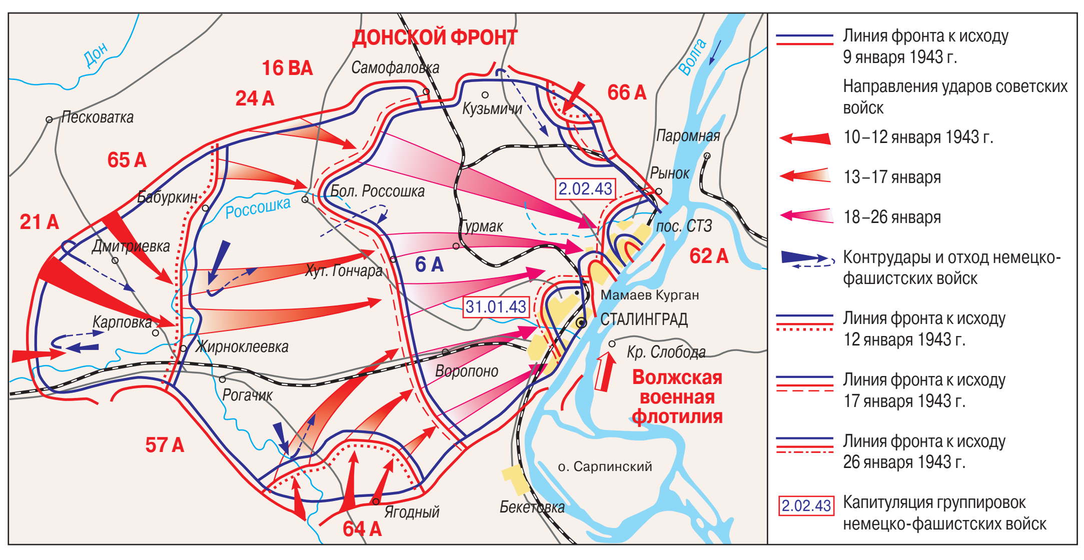
Направления ударов немецко-фашистских войск 12–23 декабря с целью деблокады войск, окруженных под Сталинградом

Направления ударов советских войск в Котельнической операции 24–31 декабря 1942 г.

Линия фронта к исходу 31 декабря 1942 г.

Воздушная блокада окруженной группировки немецко-фашистских войск

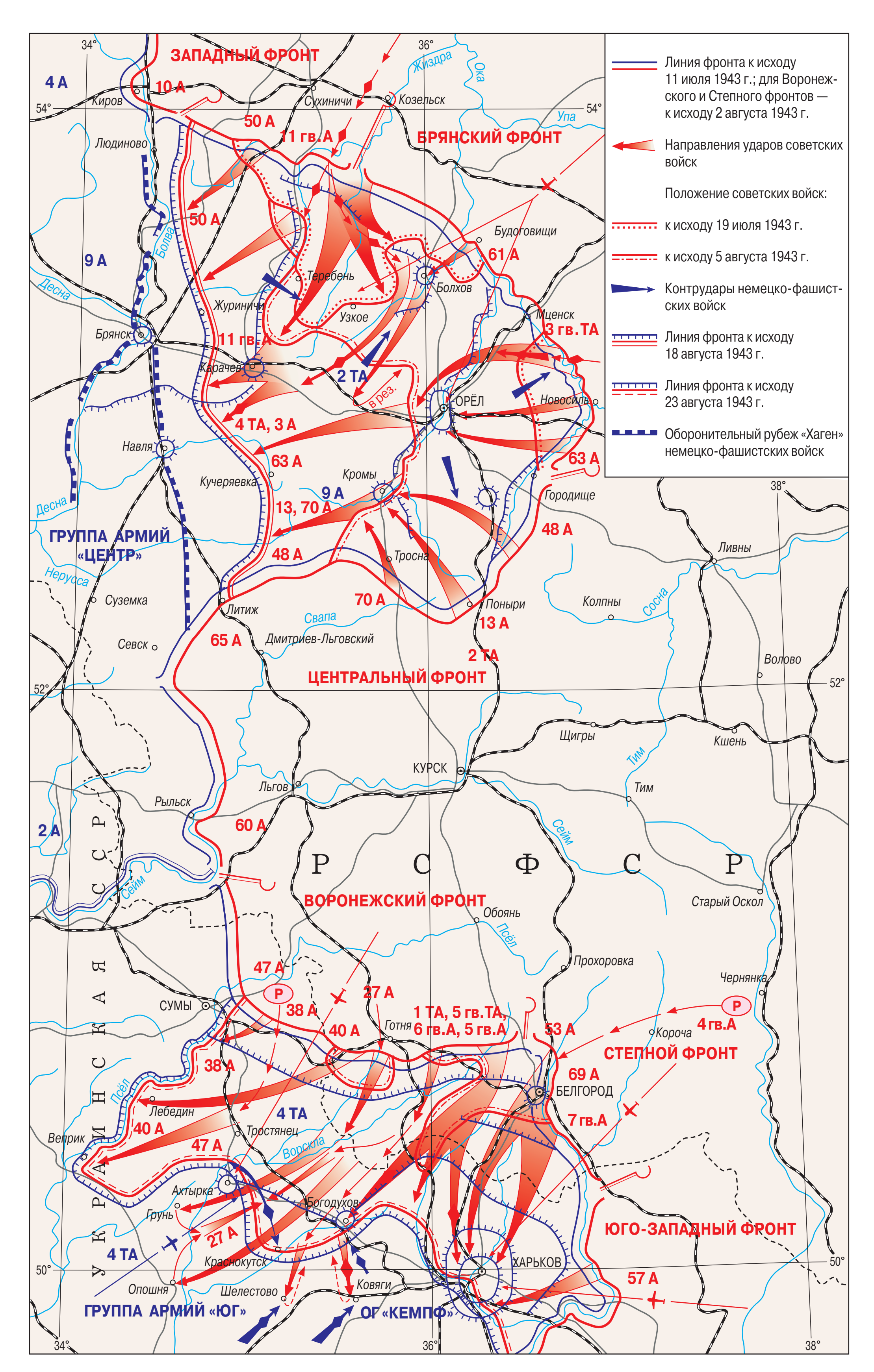
ВОРОНЕЖСКИЙ ФРОНТ 2 ВА
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
1 гв.А
17 ВА, 2 ВА
ДОНСКОЙ ФРОНТ
16 ВА
СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ
8 ВА
ГРУППА АРМИЙ «В»
ГРУППА АРМИЙ «ДОН»
часть сил 4 ВФ
ОГ «Фреттер Пико»
ОГ «Холлидт»
Арм. Группа «ГОТ»
4 ТА, 4 А (рум.)
Р С Ф С Р
У К Р А И Н С К А Я С С Р
Россошь
Верх. Мамон
Богучар
Кантемировка
Чертково
Миллерово
Каменск-Шахтинский
Морозовск
Тацинская
Калач-на-Дону
Сталинград
Котельниковский
Серафимович
Вешенская
Цимлянская

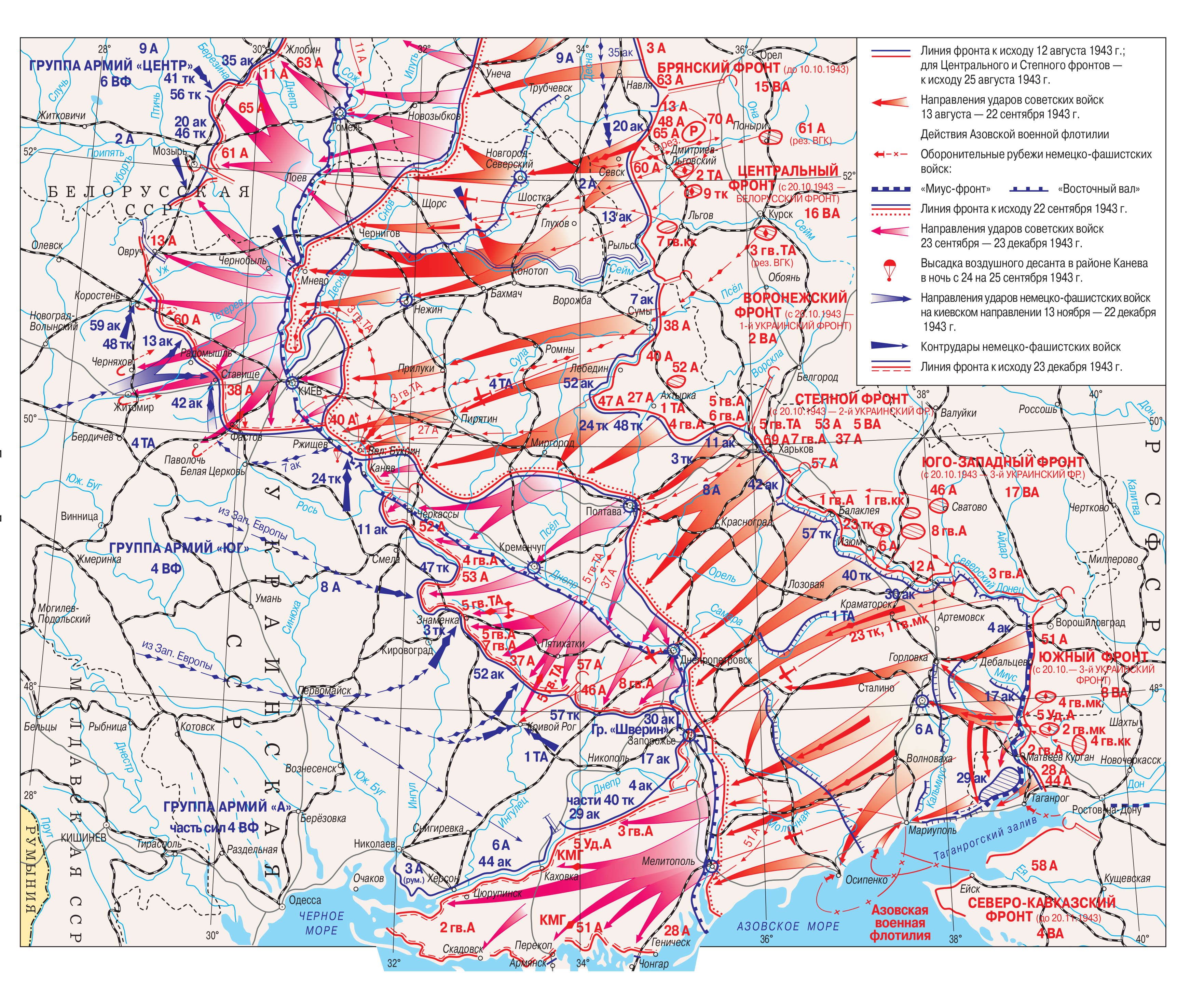
Сталинградская битва. Развитие контрнаступления. Ликвидация окруженной группировки немецко-фашистских войск. Декабрь 1942 — февраль 1943 г.

- Линия фронта к исходу 4 июля
- Вторая полоса обороны советских войск
- Тыловая армейская полоса обороны
- Первый фронтовой рубеж обороны
- Второй фронтовой рубеж обороны
- Третий фронтовой рубеж обороны
- Оборонительный рубеж Степного военного округа
- Государственный рубеж обороны
- Направления планируемых ударов немецко-фашистских войск
- Районы сосредоточения стратегических резервов советских войск
- Районы расположения вторых эшелонов и резервов фронтов
- Районы расположения оперативных резервов немецко-фашистских войск
- Направления ударов немецко-фашистских войск
- Направления контрударов советских войск
- Линия фронта к исходу 6 июля
- Линия фронта к исходу 12 июля
- Линия фронта к исходу 15 июля
- Направления ударов советских войск 17—23 июля
- Линия фронта к исходу 23 июля
- Встречное танковое сражение 12 июля

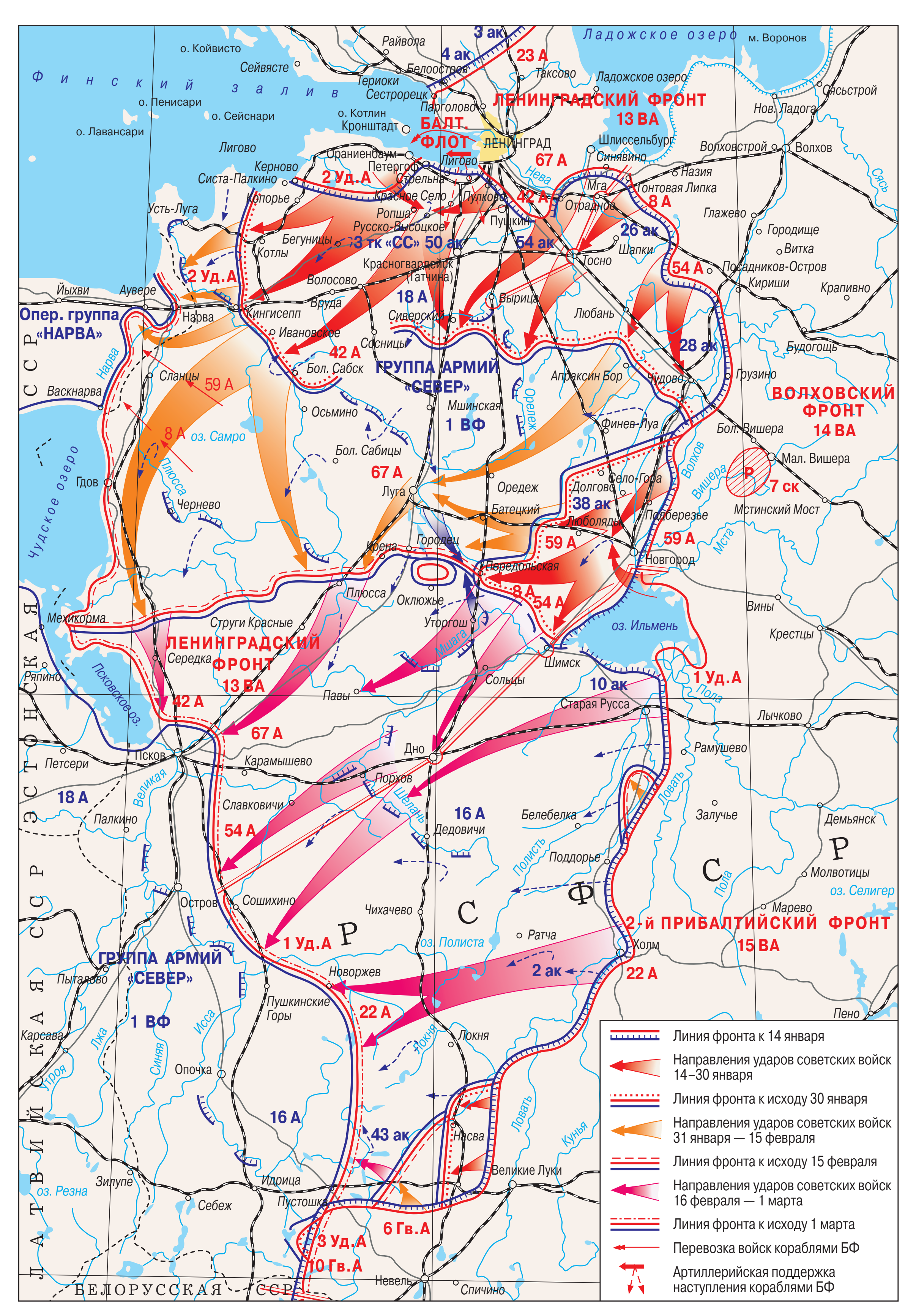
Курская битва. Обстановка и оборонительные операции советских войск. Июль 1943 г.

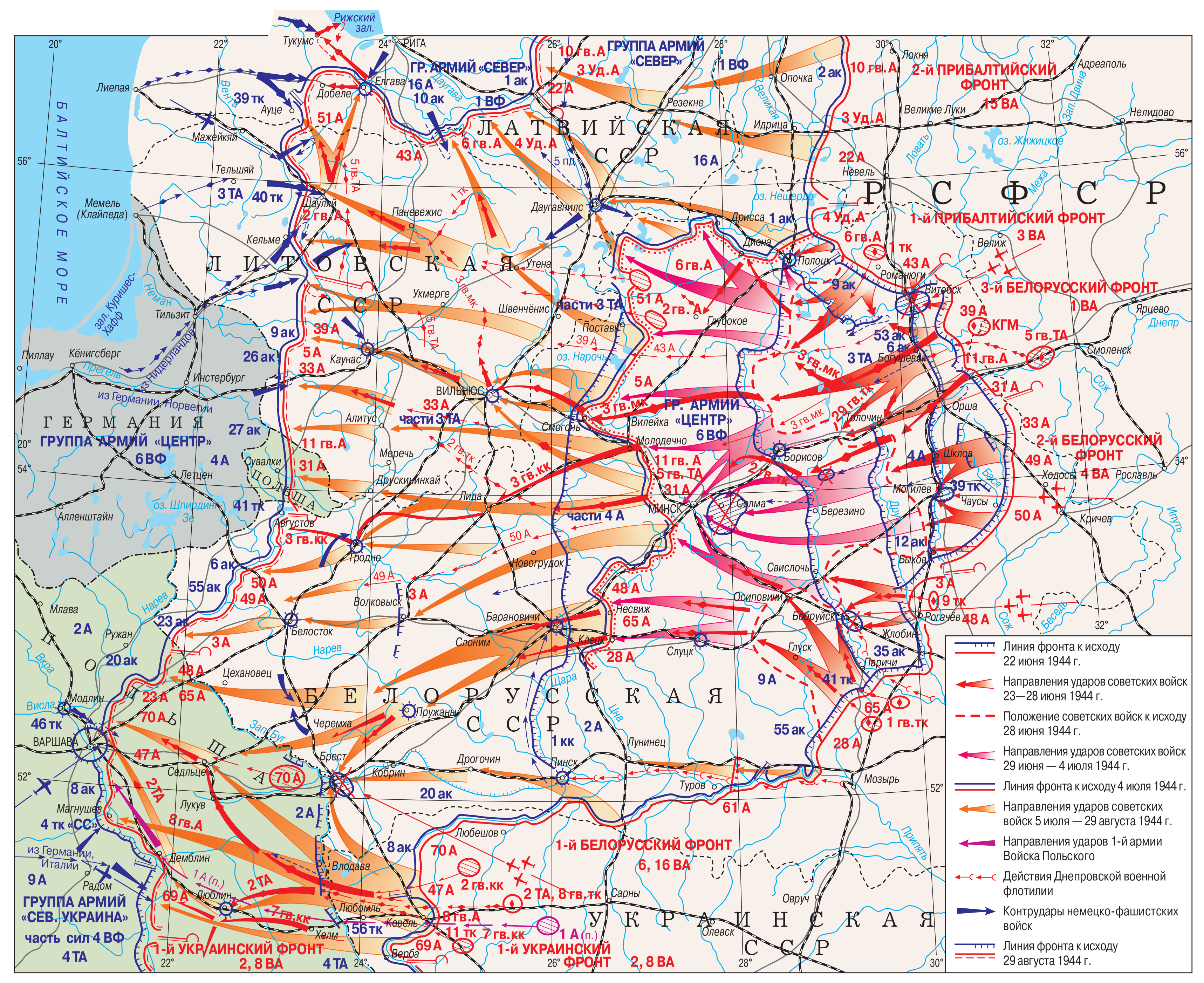
Курская битва. Контрнаступление советских войск.
12 июля — 23 августа 1943 г.

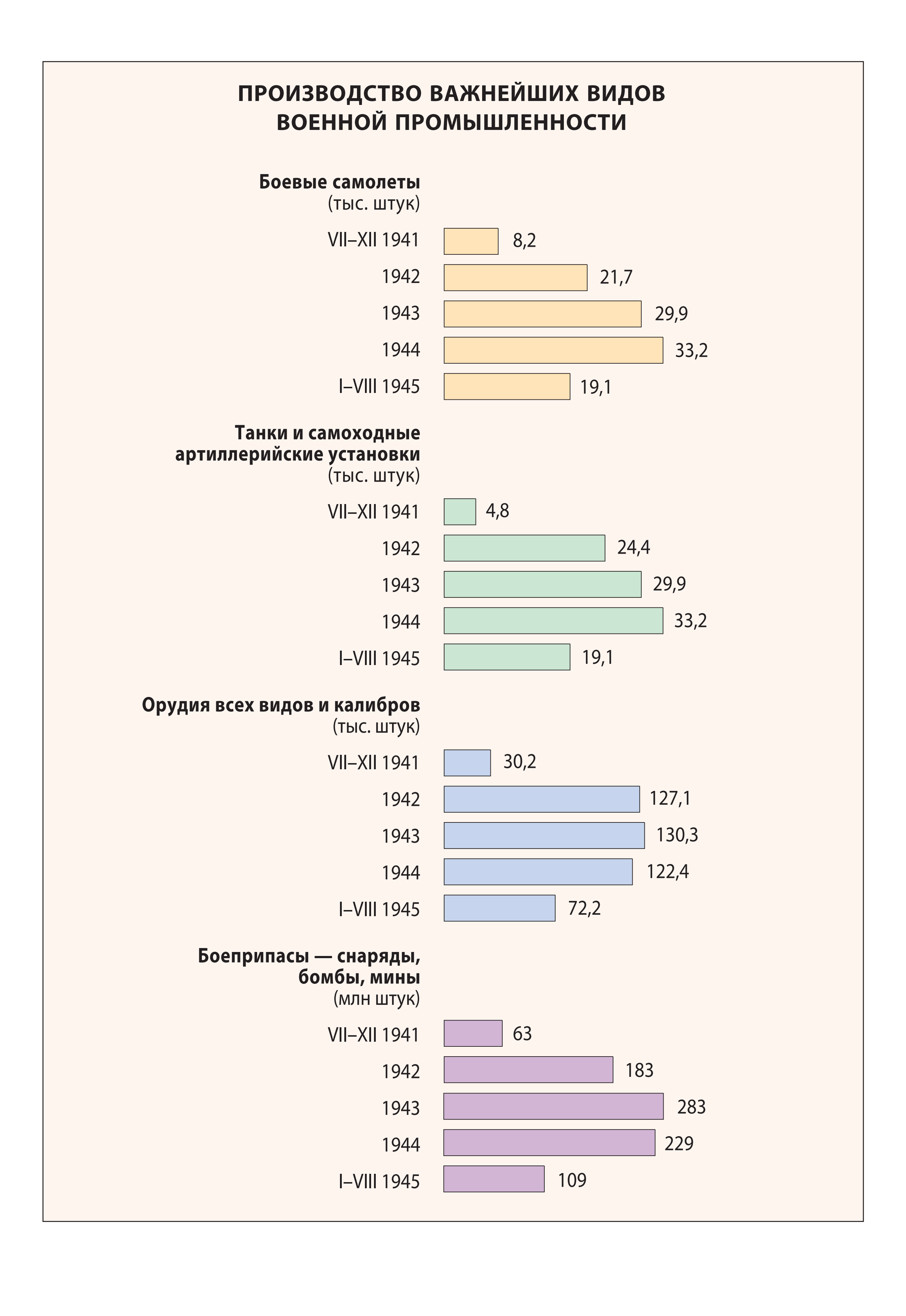
Битва за Днепр

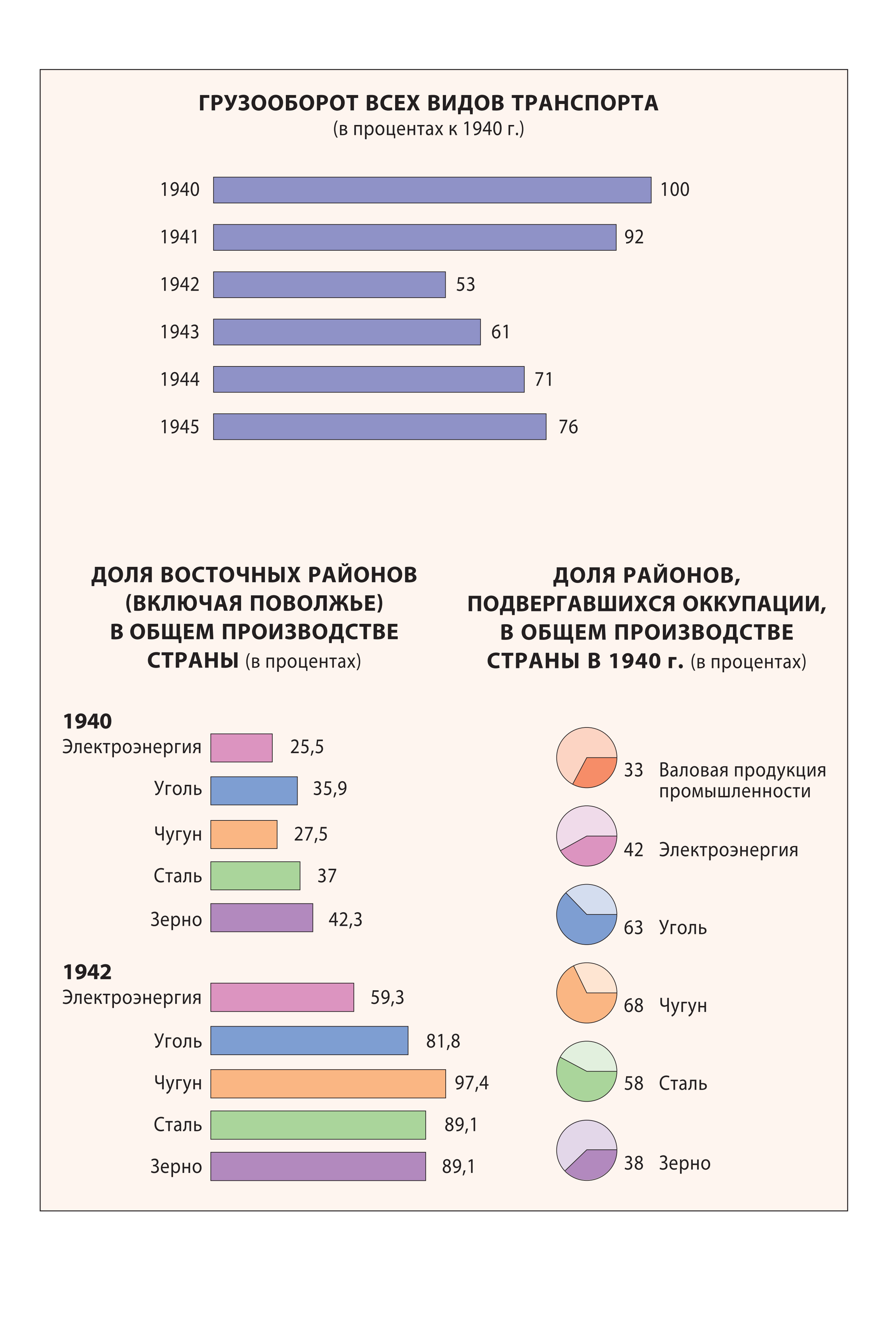

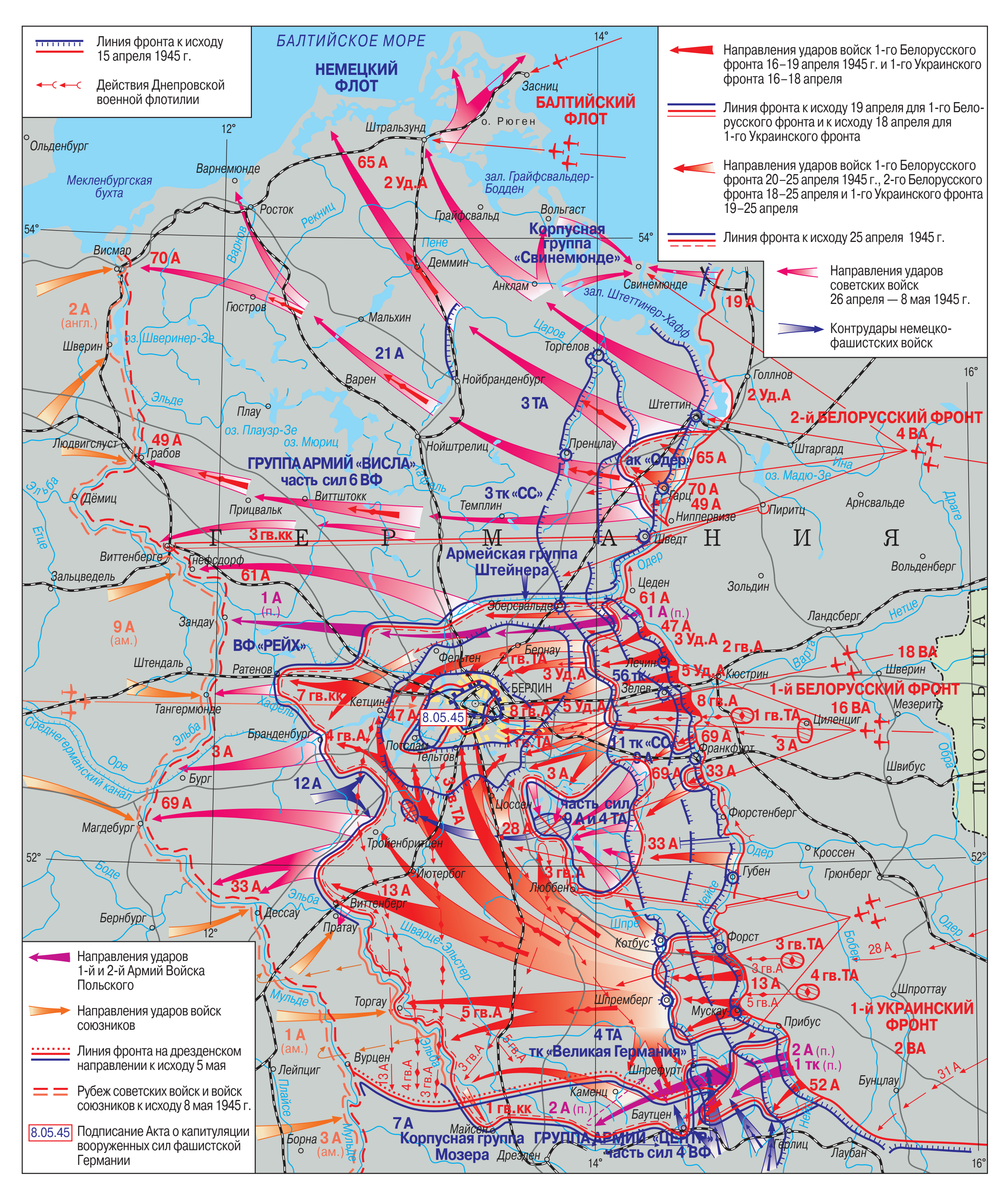
Битва за Ленинград. Наступление советских войск под Ленинградом

Белорусская наступательная операция.
23 июня — 29 августа 1944 г.

ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ
ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
Боевые самолеты
(тыс. штук)
VII–XII 1941
8,2
1942
21,7
1943
29,9
1944
33,2
I–VIII 1945
19,1
Танки и самоходные
артиллерийские установки
(тыс. штук)
VII–XII 1941
4,8
1942
24,4
1943
29,9
1944
33,2
I–VIII 1945
19,1
Орудия всех видов и калибров
(тыс. штук)
VII–XII 1941
30,2
1942
127,1
1943
130,3
1944
122,4
I–VIII 1945
72,2
Боеприпасы — снаряды,
бомбы, мины
(млн штук)
VII–XII 1941
63
1942
183
1943
283
1944
229
I–VIII 1945
109

ГРУЗООБОРОТ ВСЕХ ВИДОВ ТРАНСПОРТА
(в процентах к 1940 г.)
1940
100
1941
92
1942
53
1943
61
1944
71
1945
76
ДОЛЯ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ (ВКЛЮЧАЯ ПОВОЛЖЬЕ) В ОБЩЕМ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРАНЫ (в процентах)
1940
Электроэнергия
25,5
Уголь
35,9
Чугун
27,5
Сталь
37
Зерно
42,3
1942
Электроэнергия
59,3
Уголь
81,8
Чугун
97,4
Сталь
89,1
Зерно
89,1
ДОЛЯ РАЙОНОВ, ПОДВЕРГАВШИХСЯ ОККУПАЦИИ, В ОБЩЕМ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРАНЫ В 1940 г. (в процентах)
33
Валовая продукция промышленности
42
Электроэнергия
63
Уголь
68
Чугун
58
Сталь
38
Зерно

Берлинская наступательная операция.
16 апреля — 8 мая 1945 г.

4 апреля овладели Раздельной и отсекли от главных сил 12 немецких и румынских дивизий, которые поспешно отходили к Одессе и переправам через Днестр и Днестровский лиман. 7 апреля КМГ вышла к Днестровскому лиману и блокировала врага с запада. Отрезанные в приморской полосе дивизии были деморализованы, отмечались случаи сдачи в плен целых подразделений. Однако большая часть неприятельских войск все же сумела прорваться через Раздельную к Тирасполю. Командующий группой армий «Юг» стремился эвакуировать часть своих войск из Одессы морем, но эта попытка была сорвана ударами фронтовой авиации и действиями сил Черноморского флота. Совместно они потопили свыше 30 вражеских судов. И все же прочно окружить вражескую группировку под Одессой войска фронта не смогли. Сил двух корпусов КМГ, растянутых на 60-километровом фронте вдоль Днестра, оказалось недостаточно, чтобы преградить крупным силам врага путь на запад. К исходу 14 апреля основная часть отступавших войск переправилась на правый берег Днестра, избежав окружения. Вечером 9 апреля советские войска с севера ворвались в Одессу и ночным штурмом к 10 часам утра следующего дня освободили город. Через два дня войска 3-го Украинского фронта освободили Тирасполь. С 11 по 14 апреля они с ходу форсировали Днестр и захватили плацдармы на его западном берегу. Бои на рубеже Днестра, так же как и на ясском направлении, приняли исключительно упорный характер.

6 мая 1944 г. Днепровско-Карпатская стратегическая наступательная операция Красной армии по освобождению Правобережной Украины, начавшаяся еще в конце декабря 1943 г., завершилась. Ведя в течение 135 суток непрерывное наступление на 1300—1400-километровом фронте, советские войска продвинулись на глубину 250—450 км и завершили разгром южного крыла германского восточного фронта. Командование вермахта было вынуждено перебросить с Запада на Украину 34 дивизии и четыре бригады, чем основательно ослабило группировку своих войск в Европе. Советские войска освободили от оккупантов Правобережную Украину, часть Молдавии и вторглись в пределы территории союзника Германии — Румынии. Были созданы выгодные условия для разгрома противника на центральном участке советско-германского фронта и для прорыва на Балканы.

Одновременно с операциями на Украине наступление велось под Ленинградом и на центральном участке советско-германского фронта. Под Ленинградом войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и силы Балтийского флота провели Ленинградско-Новгородскую наступательную операцию, в ходе которой была окончательно снята блокада Ленинграда.

В наступлении на центральном участке советско-германского фронта участвовали войска 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов. Перед ними стояла задача разгромить витебскую и мозырскую группировки противника с последующим развитием ударов на Полоцк, Борисов, Бобруйск, Минск. Ставка ВГК требовала от них развить наступление в Прибалтику и Белоруссию. К началу 1944 г. в составе этих фронтов насчитывалось около 1600 тыс. человек, 24 тыс. орудий и минометов, 1160 танков и САУ и 2440 боевых самолетов. Им противостояли войска группы армий «Центр», имевшие в своем составе 1350 тыс. человек, около 13 тыс. орудий и минометов, 630 танков и штурмовых орудий, 700 боевых самолетов. На западном направлении советские войска не добились существенных успехов, но они сковали основные силы мощной по своему составу группы армий «Центр», оказав тем самым большую помощь фронтам, действовавшим на юго-западном и северо-западном направлениях. В середине апреля фронты, осуществлявшие операции на западном направлении, по приказу Ставки перешли к обороне и закрепились на достигнутых рубежах.

Зимне-весенняя кампания 1944 г. — одна из крупнейших наступательных кампаний Великой Отечественной войны, продолжалась около пяти месяцев. Красная армия за это время с напряженными боями продвинулась на глубину от 250 до 450 км. Общая ширина стратегического фронта наступления составляла свыше 1700 км. В наступлении участвовало 11 фронтов, 59 общевойсковых, 11 воздушных и шесть танковых армий, два флота. Основные стратегические группировки вермахта на советско-германском фронте потерпели крупное поражение. В этой кампании Красная армия положила начало восстановлению государст-

венной границы СССР и перенесла военные действия за пределы страны. Были возвращены важные экономические районы Ленинградской области, Украины, Крыма. От оккупации было освобождено около 330 тыс. кв. км советской территории, на которой до войны проживали около 19 млн человек.

Второй фронт открыт

Лето 1944 г. вошло в историю двумя грандиозными операциями Второй мировой войны: операция «Оверлорд» — вторжение союзных экспедиционных англо-американских вооруженных сил во Францию, ознаменовавшая открытие долгожданного второго фронта, и операция Красной армии «Багратион» — разгром немецкой группы армий «Центр». Эти события значительно изменили облик всей Второй мировой войны. Германия впервые оказалась зажатой в тисках двух фронтов, с востока и запада, причем на кратчайших направлениях к сердцу Третьего рейха — Берлину. И результаты этих операций были весьма впечатляющими. Западным союзникам удалось в течение июня — августа 1944 г. освободить с помощью французского Сопротивления почти всю территорию Франции. Красная армия освободила Белоруссию, перенесла боевые действия на территорию Восточной Польши, вступила в республики Прибалтики. В Берлине понимали, что разгром Третьего рейха неизбежен и недалек.

Подготовка летних операций продолжалась два месяца. В ходе нее противоборствующие стороны предпринимали меры по укреплению своих вооруженных сил. Советское командование проводило мероприятия по усилению каждого фронта в соответствии с его местом и ролью в операциях по перегруппировке и сосредоточению стратегических резервов, материально-техническому обеспечению войск. В мае — июне была осуществлена крупная перегруппировка войск. С юго-западного направления и Прибалтики на центральный участок фронта, где наносился главный удар, было переброшено восемь общевойсковых, две танковые и одна воздушная армии, два кавалерийских, 13 танковых и механизированных и 11 авиационных корпусов, 70 стрелковых и кавалерийских дивизий. В итоге здесь было сосредоточено от 40 до 60% сил и средств действующей армии: 3 млн человек, 4,6 тыс. танков и САУ, 44 тыс. орудий и минометов, 6,3 тыс. боевых самолетов[13].

Для увеличения численности своих вооруженных сил германское руководство предпринимало одну тотальную мобилизацию людских ресурсов за другой. Пополнение армии шло и за счет квалифицированной рабочей силы, занятой даже в военной промышленности. Взамен мобилизованных в армию немцы в еще больших количествах использовали труд иностранных рабочих и военнопленных, для чего рядом с крупнейшими предприятиями создавались концлагеря. В конце 1944 г. общее число иностранцев, работавших на германских предприятиях, достигло почти 9 млн человек, из них 6 млн гражданских рабочих, 2 млн военнопленных, 500 тыс. узников концлагерей. В результате чрезвычайных мер гитлеровцам удалось изыскать значительные резервы для пополнения своей армии. Вооруженные силы Германии насчитывали 10,2 млн человек, около 57 тыс. орудий и минометов, 9 тыс. танков и штурмовых орудий, 6,2 тыс. боевых самолетов. Основные силы и средства вермахта по-прежнему находились на советско-германском фронте. Здесь действовали четыре группы армий, девять полевых и три танковые армии, четыре воздушных флота. Вместе с войсками сателлитов Германия на 1 июня имела на восточном фронте 4,3 млн человек, 59 тыс. орудий и минометов, около 8 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,2 тыс. самолетов[14].

Готовились к наступлению и англо-американские войска. Союзники сосредоточили на территории Великобритании огромные силы: четыре армии, 10 860 боевых и 1360 транспортных самолетов, 3500 планеров, 6939 кораблей, транспортных и десантных судов. Общая численность экспедиционных сил составляла свыше 2876 тыс. человек, из них 1533 тыс.

американцев[15]. На первом этапе операции были задействованы 1,6 млн солдат и офицеров. К началу высадки союзников наиболее боеспособные германские соединения — 179 дивизий и пять бригад — находились на советско-германском фронте. В Западной Европе немцы имели 61 дивизию. Многие из них были значительно ослаблены, в 23 отсутствовал транспорт (так называемые стационарные дивизии), а семь дивизий еще формировались. Их поддерживали 160 боевых самолетов. Побережье Северной Франции, Бельгии и Голландии занимали 36 дивизий, а на обширном участке побережья залива Сены, где союзники намечали высадку, оборонялись всего три немецкие дивизии. Немецкие войска в это время в значительной степени были связаны действиями против сил Сопротивления[16].

При подготовке операций англо-американское командование обеспечило внезапность высадки и ввело противника в заблуждение относительно района и времени высадки десанта, осуществив эффективные мероприятия по дезинформации немцев. Было применено много новинок в деле материального обеспечения войск: сконструированы специальные плавучие молы и искусственные порты, по дну Ла-Манша проложен бензопровод, применено множество специальных судов различного назначения. Нормандская десантная операция началась 6 июня и продолжалась по 24 июля 1944 г. Она стала самой крупной морской десантной операцией Второй мировой войны. 6 июня под грохот сотен дальнобойных корабельных батарей, под прикрытием тысяч бомбардировщиков и истребителей на французское побережье в Нормандии высадились первые эшелоны англо-американских союзных сил и захватили несколько плацдармов. Преодолевая сопротивление врага, танки и пехота союзников завязали бои, расширяя захваченные плацдармы. Все это позволило уже в первые 16—17 часов высадить на берег более 130 тыс. человек, переправить 900 танков, 600 орудий, 4,3 тыс. тонн боеприпасов и снаряжения. К 17 июня на плацдарме находилось 19 дивизий и 12 отдельных бригад (около 500 тыс. человек)[17]. Их поддерживали 11 тыс. самолетов и около 7 тыс. судов и кораблей. К 5 июля на плацдарм были переправлены уже до 1 млн солдат и офицеров. Однако расширение плацдарма шло медленно. Только 25 июля (через 50 дней после начала высадки) союзники создали стратегический плацдарм, на котором сосредоточились 1-я американская, 1-я английская и 1-я канадская армии. К концу операции «Оверлорд» общая численность союзных войск составляла 2,8 млн человек. Им противостояло 58 дивизий вермахта, рассредоточенных во Франции, Бельгии и Голландии. Захватив и расширив плацдарм, англо-американские войска начали наступление на Париж[18].

Вопрос, почему второй фронт не был открыт в 1943 г., и в наши дни привлекает внимание военных историков. Ответ на него надо искать прежде всего в военно-политических и стратегических устремлениях союзников. Что касается западной историографии, то она связывает задержку открытия второго фронта с невозможностью осуществления десантной операции по военно-техническим причинам. Историки Запада, в частности, ссылались на У. Черчилля, который 12 мая 1943 г. заявил, что вторжение слишком рискованно в связи с отсутствием точных данных о побережье, наличием сильных течений, очень прочной немецкой обороной, большой численностью немецких резервов и возможностью их переброски по хорошим коммуникациям.

Шло время, но аргументация оставалась прежней. В середине 1970-х гг. английский историк В. Тьют, доказывая невозможность дня «Д» в 1943 г., писал, что командование британских вооруженных сил «здраво оценивало, что возможно и что невозможно, имея в этом полную поддержку военного кабинета». Что мешало английским вооруженным силам пересечь Ла-Манш? Ответ В. Тьюта: «Нужно было добиться господства не только на море, но и в воздухе. Кроме того, существовал еще один важный фактор: необходимость иметь целую армаду специально построенных десантно-высадочных средств»[19]. В качестве непреодолимого препятствия упоминался и Атлантический вал, все сооружения которого якобы планировались самим фюрером «до мельчайших подробностей».

Следует заметить, что с требованиями открыть второй фронт жители Англии выступали уже в 1942 г. «Второй фронт теперь!» — скандировали тысячные толпы людей на Трафальгарской площади в Лондоне. Высадки союзников в Нормандии еще более жаждали стонавшие

под пятой захватчиков народы Европы, участники движения Сопротивления, готовые помочь армиям освободителей, узники лагерей смерти, надеявшиеся на освобождение. Но можно ли было тогда открывать второй фронт? Обратимся к цифрам.

Согласно докладу президента Ф. Рузвельта конгрессу, численность вооруженных сил США в 1942 г. достигла 7 млн человек[20], к концу этого года американская армия насчитывала 73 дивизии и 167 авиагрупп. Летом 1942 г. в вооруженных силах только одной Англии находились 3 млн человек (около 50 дивизий). Напомним, в ходе вторжения во Францию в 1944 г. союзные войска насчитывали всего 37 дивизий и 13 бригад[21]. Только за 1942 г. в США были построены транспортные суда водоизмещением свыше 5 млн тонн[22], в то время как для десанта через Ла-Манш потребовался морской транспорт общим тоннажем всего 1–2 млн тонн. В августе 1942 г. из США были направлены в Англию 102 тыс. человек и 19 тыс. в другие районы, в октябре — 19 тыс., а в Африку — 33 тыс. человек. В марте 1943 г. переброска войск США снизилась до минимальной. В последние девять месяцев 1943 г. предусматривалось перебросить в Англию 800 тыс. человек вместо 900 тыс., фактически же прибыли 700 тыс. человек, тогда как переброска войск в Африку в ходе Северо-Африканской операции была «перевыполнена» вдвое (300 тыс. вместо 150 тыс. человек)[23].

В мае 1942 г. министерство обороны Великобритании считало, что для открытия второго фронта в 1943 г. необходимо иметь английских десять пехотных и одну-две воздушные дивизии плюс несколько союзных (канадских, польских), а всего 27 дивизий (около 940 тыс. человек). В мае 1942 г. реально имелось 848 тыс. английских войск, но с 1943 г. «периферийная стратегия» предопределила отправку многих дивизий в Северную Африку, на Сицилию и в Италию в дополнение к находившимся в Средиземноморье 23 дивизиям (декабрь 1942 г.). Если суммировать эти данные, то получается, что в начале 1943 г. союзники могли собрать по крайней мере 60 дивизий, немцы же против них могли выставить шесть подготовленных мобильных, 19 немобильных и 20 дивизий сокращенного состава с менее чем четырехмесячной подготовкой[24].

Следует иметь в виду, что «с марта по июнь 1943 г. во Франции было только две-три мобильные боеготовые дивизии группы армий «Д» и 14 дивизий группы армий «Б». Фактически большая часть немецкой армии была на русском фронте. 1 июля 1943 г. из 3142 имевшихся у Германии танков 2269 (72%) было на востоке, из 1422 штурмовых орудий — 997 (70%). На русском фронте находилось 186 из 276 дивизий и семь дивизий СС из имевшихся 12. Все лучшие дивизии были сконцентрированы в районе Курска (около 50, включая 16 танковых и моторизованных). Все новые танки «пантера» и «тигр» также были под Курском»[25]. «После разгрома немцев под Курском русские наступали на юге и к концу сентября форсировали Днепр. В России у немцев не было лишних дивизий, которыми можно было бы усилить запад в случае вторжения». Более того, в эти месяцы продолжалась переброска фашистских войск с запада на советско-германский фронт. Это подтверждается и документами, и воспоминаниями генералов вермахта. Осенью 1943 г. с запада на восток было направлено семь дивизий[26]. Итак, сил для вторжения было достаточно, и летом 1943 г. они обеспечивали значительный перевес над войсками вермахта на западе.

Неплохо шло дело и с созданием десантной армады. Она успешно создавалась и в США, и в Англии. География операций союзников до 1944 г., где высаживались крупные десанты, обширна. Это Северная Африка (операция «Торч», 5,5 дивизии), Сицилия (семь дивизий), операции в Тихом океане. В операции «Торч», к примеру, были высажены около 110 тыс. человек (в Нормандии в 1944 г. — 130 тыс.). К тому же в операции «Торч» участвовало больше 500 (по другим данным, 650) океанских судов, не меньше, если говорить только о них, чем в Ла-Манше, да и происходило это далеко от берегов Англии, то есть требовало гораздо больших усилий и времени.

Следует иметь в виду, что в десантной операции «Оверлорд» была использована далеко не вся военно-морская мощь союзников: американцы имели 25 линкоров, а использовали три; из 75 крейсеров использовали три; из 391 эсминца — 40. Великобритания послала в Ла-Манш четыре из 14 линкоров, 21 крейсер из 63, 116 эсминцев из 257[27]. К этому надо добавить

подавляющее превосходство англо-американских сил в авиации. Уже за год до вторжения «союзники были в состоянии обеспечить и противовоздушную оборону своих войск, и наступление авиации благодаря наличию хороших летчиков, а также превосходству самолетов в количественном и качественном отношении». Действительно, если в 1943 г. Германия для борьбы на двух фронтах имела 25 тыс. самолетов (при этом подавляющая их часть действовала на советско-германском фронте), то только США и Англия в этом году произвели 100 тыс. самолетов. «По сравнению с объединенным промышленным и людским потенциалом России, США и Британской империи Германия и Япония казались пигмеями»[28]. Наконец, при открытии второго фронта в 1943 г. положительным стратегическим фактором для союзников была бы большая удаленность советско-германского фронта от Западной Европы, а отсюда — трудность переброски дивизий вермахта на запад. Немцы не имели коммуникаций с достаточной пропускной способностью, особенно во Франции, где они были парализованы действием сил Сопротивления и стратегическими бомбардировками союзной авиации, имевшей превосходство в воздухе уже в 1943 г.

Как бы то ни было, но в 1943 г. благоприятный момент для высадки союзных войск во Францию был упущен. Заканчивался год великого перелома в войне, а второй фронт так и не был открыт. Почему? Этот вопрос пыталось выяснить советское правительство на Московской конференции (19–30 октября 1943 г.). Германия, констатировала Москва, понесла в Курской битве огромные потери, которые она уже не может возместить никакими тотальными мерами. Это создает предпосылки для скорейшего открытия второго фронта. Союзники соглашались с доводами Советского Союза, но точно выяснить сроки открытия второго фронта так и не удалось. Заявление союзников о том, что вторжение через Ла-Манш будет осуществлено весной 1944 г., содержало серьезные оговорки, связанные с метеорологическими условиями в районе Ла-Манша, значительным сокращением численности германских военно-воздушных сил в Северо-Западной Европе.

На Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), где впервые собрались вместе главы трех союзных держав, советская делегация указала, что грубое нарушение Англией и США обязательств об открытии второго фронта не только в 1942 г., но и в 1943 г. привело к затяжке войны и нанесло большой ущерб общей борьбе против фашистского блока. Теперь, после Сталинграда и Курска, ситуация изменилась: победа над нацистской Германией была предрешена и могла быть достигнута объединенными усилиями союзников в короткие сроки. Советская сторона заявила, что как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная армия, в свою очередь, перейдет в наступление. Ситуация на советско-германском фронте уже была такова, что США не могли позволить своему союзнику Великобритании и дальше оттягивать сроки открытия второго фронта. Ф. Рузвельт поддержал советскую делегацию, и 30 ноября 1943 г. от имени США и Англии было заявлено, что начало операции «Оверлорд» состоится в мае и она будет поддержана операцией против Южной Франции («Энвил»). Но в мае 1944 г. операции на западе Европы не начались. У. Черчилль настаивал на вторжении через Балканы, имея в виду перерезать дорогу Красной армии в Центральную Европу. Позже англичане предлагали заменить эту операцию высадкой в Истрии под предлогом «стимулирования действий итальянских партизан».

Долгая история обещаний и срывов закончилась только к началу июня 1944 г. На Британских островах завершили свою подготовку объединенные вооруженные силы союзников, предназначенные для вторжения на Европейский континент. Главнокомандующим этими силами был назначен американский генерал Д. Эйзенхауэр, командующим сухопутными операциями стал английский генерал Б. Монтгомери, морскими — английский адмирал Б. Рамсей, воздушными — английский маршал авиации Ли Меллори. Заместителем Д. Эйзенхауэра был назначен английский главный маршал авиации А. Теддер. Сосредоточенная на Британских островах армия вторжения, оснащенная по последнему слову тогдашней военной техники, армада кораблей и судов, тысячи самолетов были готовы к проведению невиданной по масштабам и технической оснащенности стратегической морской десантной операции «Оверлорд». Войска и морские силы ждали сигнала к наступлению.

К середине 1944 г. в положении воюющих государств и коалиций произошли существенные изменения. В ходе зимних и весенних операций 1944 г. Красная армия добилась больших успехов. К июню она продвинулась на запад на 300—500 км, изгнала фашистских захватчиков с 329 тыс. кв. км советской территории, на которой до войны жили почти 19 млн человек, освободила важные экономические районы страны, на протяжении 400 км была восстановлена государственная граница СССР. Боевые действия развернулись в северо-восточных районах Румынии — сателлита нацистской Германии. Открылись реальные перспективы наступления советских войск как в глубь Балкан, так и в сторону Польши и Чехословакии. В ходе зимне-весенней кампании 1944 г. Вооруженные силы Советского Союза разгромили около 175 дивизий противника. Вермахт лишился более 1 млн солдат и офицеров, 20 тыс. орудий и минометов, 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий и около 5 тыс. самолетов[29].

Потери вермахта были настолько велики, что немецко-фашистскому командованию пришлось дополнительно перебросить на восточный фронт свыше 40 дивизий. Все это резко ограничивало возможности фашистского блока в ведении борьбы на других театрах войны. В Италии под давлением англо-американских союзников войска вермахта оставили Рим. Не было сил у Германии и для укрепления обороны во Франции. Союзники по антигитлеровской коалиции продолжали вести успешную борьбу с ВМС Германии в Атлантике и по-прежнему владели стратегической инициативой на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Все более расширялась освободительная борьба народов оккупированных стран. Сильные удары по немецко-фашистским захватчикам наносили народно-освободительные армии Югославии, Греции, Албании; широкого размаха достигло партизанское движение в Польше, Чехословакии, Франции, Болгарии и других странах. Тем не менее Германия имела еще существенные экономические возможности: ее промышленность продолжала военное производство в больших масштабах.

К лету 1944 г. во Второй мировой войне участвовало уже 45 государств: военные действия, достигшие небывалого размаха, велись на всех важнейших театрах на суше, море и в воздухе. Численность вооруженных сил воюющих государств приближалась к своему апогею. В вооруженных силах США было 10,2 млн человек, Англии — 4,5 млн.

Крупные успехи Вооруженных сил Советского Союза, достигнутые в результате летне-осенней кампании 1943 г. и зимне-весенней 1944 г., показали, что Красная армия способна самостоятельно разгромить нацистскую Германию и освободить народы Европы от фашизма. Военно-политическое руководство США и Англии в конце 1943 г. форсировало подготовку вторжения в Северную Францию. С начала 1944 г. контингент американских войск в Великобритании увеличивался ежемесячно на 150 тыс. человек. К маю 1944 г. здесь были сосредоточены уже 21 дивизия и 102 авиагруппы, а также 52 английские бригады[30]. Подготовка англо-американских войск к вторжению во Францию проводилась в исключительно благоприятной обстановке, когда основное внимание немецкого командования было сосредоточено на советско-германском фронте.

План операции вторжения под условным названием «Оверлорд» и последующих действий заключался в том, чтобы высадить войска на 80-километровом участке побережья залива Сены, на 20-й день захватить плацдарм в Нормандии (100 км по фронту и до 20 км в глубину), накопить силы и средства, необходимые для овладения Северо-Западной Францией, после чего, действуя вместе с войсками, высадившимися в Южной Франции, предпринять широкое наступление в восточном направлении, к границам Германии. Для этого на Британских островах и в прилегающей к ним акватории к началу июня была создана крупная группировка войск. Сухопутные силы состояли из 39 дивизий, 12 отдельных бригад, 10 отрядов коммандос (английских) и рейнджерс (американских). ВВС имели 10 860 боевых, более 2300 транспортных самолетов, 2600 планеров. ВМС насчитывали 1210 боевых кораблей и катеров, 4120 десантных судов и высадочных средств, около 1600 вспомогательных и торговых судов[31].

Германское командование не имело возможности держать во Франции силы и средства, достаточные для отражения высадки англо-американских войск, а также не могло надежно укрепить оборону Атлантического побережья. Все резервы оно бросало в основном на восточ-

ный фронт против Советского Союза. К 6 июня 1944 г. во Франции, Бельгии и Нидерландах дислоцировалось 58 немецких дивизий, в том числе 42 пехотные, девять танковых и четыре авиаполевые[32]. Наибольшие плотности немецких войск были созданы в Северо-Восточной Франции, на побережье пролива Па-де-Кале. Если бы все немецкие дивизии западнее Рейна были равномерно распределены по побережью Атлантики, то фронт обороны каждой достигал бы 77 км[33]. У А. Гитлера не было особых иллюзий в отношении боеспособности этих дивизий. Он заявлял: «Сумму сил во Франции вообще нельзя измерить количеством дивизий, которые мы имеем там теоретически, а только по небольшому числу дивизий, которые действительно подвижны»[34]. Все немецкие силы, оборонявшиеся во Франции, Бельгии и Нидерландах, были объединены в две группы армий («Б» и «Г») и подчинены командованию «Запад», которое возглавил генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт.

Действуя строго по графику, ранним утром 5 июня 1944 г. транспорты вышли из пунктов посадки, имея на борту 287 тыс. человек. К исходу дня они прибыли в район формирования десантных отрядов в 50–60 км от южного побережья Англии. Отсюда десантные отряды направились по десяти заранее протраленным фарватерам в залив Сены. За четыре с половиной часа до того, как первые доставленные по морю войска вступили на берег Франции, в 6 часов 30 минут утра, началась выброска воздушно-десантных войск. В воздушно-десантной операции — самой крупной из известных операций такого рода — участвовало 1662 самолета и 512 планеров 19-го американского авиатранспортного командования, 733 самолета и 355 планеров 38-й и 46-й авиатранспортных групп Королевских ВВС. 6 июня утром англо-американские экспедиционные силы приступили к высадке с Британских островов через пролив Ла-Манш в Северную Францию.

В операции участвовало более 6 тыс. транспортных и десантных судов разного тоннажа. Американские войска высаживались на двух участках назначенной полосы вторжения в ее западной части — «Юта» и «Омаха», английские и канадские войска — на восточном участке полосы вторжения, точнее на трех его участках, расположенных очень близко друг к другу — «Голд», «Джуно» и «Суорд» (севернее г. Кан). Английские парашютные части должны были быть выброшены на 20–25 км южнее этого участка, непосредственно перед Каном, перерезать пути сообщения и захватить мосты через самую крупную реку в этом районе — Орн. Американские воздушные десанты предназначались для действий на участке «Юта». Несмотря на массированные удары с воздуха и обстрел с моря, которые предшествовали высадке, береговые заграждения ко времени выхода на берег союзных войск не были разрушены. Обстрел морскими орудиями только подавил тяжелые немецкие батареи, но не вывел их из строя благодаря необычайно большой толщине бетонных укрытий. Уже после окончания военных действий союзники установили, что бомбы не смогли пробить прикрывающие щиты (те орудия, которые оказались выведены из строя, были поражены снарядами, попавшими в амбразуры).

В течение всей операции в воздухе господствовала союзная авиация. Тяжелые бомбардировщики атаковали узловые пункты тыловых коммуникаций противника, для того чтобы воспрепятствовать переброске подкреплений. Небольшие потери, которые союзники понесли во всех этих боях, свидетельствуют о слабом противодействии противника в воздухе и эффективности подготовительных операций. Тяжелые бомбардировщики союзников выполняли задания, не испытывая никакого противодействия со стороны немецких истребителей, а штурмовики действовали небольшими силами (одна-две эскадрильи), вследствие чего их атаки шли почти беспрерывно при необычайно большом радиусе действия. Только через несколько дней после вторжения противнику удалось несколько увеличить численность своих воздушных сил над районом высадки.

Первый и решающий день высадки закончился успешно. Союзные войска создали три плацдарма глубиной от 2 до 9 км. На побережье Нормандии закрепились пять пехотных и три воздушно-десантные дивизии с частями усиления — всего более 156 тыс. человек. Сюда же было доставлено 900 танков и бронемашин, 600 орудий, большое количество автотранспорта. Успеху высадки во многом способствовало полное господство англо-американского флота

и авиации. За первые сутки десантной операции только стратегическая англо-американская авиация совершила 14 тыс. самолето-вылетов. В течение ближайших пяти дней союзные силы были заняты объединением захваченных участков побережья в единый плацдарм и доставкой на этот плацдарм резервов, необходимых для закрепления и расширения позиций. К исходу 12 июня союзники прочно закрепились на побережье протяженностью 80 км по фронту и 13–18 км в глубину. На плацдарме теперь находились 16 дивизий и бронетанковые части, эквивалентные трем бронетанковым дивизиям. В составе союзных сил в Нормандии насчитывалось 327 тыс. человек, 54 тыс. боевых и транспортных машин.

Во Франции по мере продвижения армий западных союзников ширилось и становилось все более эффективным движение Сопротивления, которое начало действовать после оккупации гитлеровцами части страны. Уже в октябре 1941 г. началось объединение внутреннего и внешнего французского Сопротивления. Возглавил эту борьбу Ш. де Голль. Объединяясь и вооружаясь, патриоты вступали в борьбу. Активное участие в борьбе против оккупантов приняла и русская эмиграция, находившаяся в то время во Франции. «Им хотелось участвовать в войне, сражаться за «свою вторую родину», с которой они были связаны культурой, и отделаться от эмигрантского ярлыка»[35]. Еще в 1943 г. здесь был создан «Союз русских патриотов», а затем «Союз русских патриотов юга Франции», из которых комплектовались группы вооруженного сопротивления. Назвать хотя бы примерное число русских эмигрантов, сражавшихся против фашизма в войсках Свободной Франции или в рядах Сопротивления, невозможно. Их, вероятно, были тысячи. Сражались они героически. Многие были удостоены государственных наград Франции[36]. Русская эмиграция понесла большие потери. Только во Франции немцами были расстреляны более 150 эмигрантов. Погибла княгиня В. А. Оболенская, Е. Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария) и многие другие отважные женщины.

Открытие второго фронта искренне приветствовали в Москве. Действия Красной армии начали координироваться с действиями армий западных союзников в Европе. Успешному продвижению англо-американских войск способствовал ряд факторов: слабость войск противника и почти полное отсутствие немецкой авиации (всего 156 самолетов), высокая активность движения Сопротивления, нарастающая мощь самих союзных войск по мере поступления во Францию новых соединений и техники. Но главной причиной было согласование стратегических усилий союзных государств, скоординированное наступление на рейх с запада и востока, достигнутое на Тегеранской конференции. Не случайно главнокомандующий союзными войсками генерал Д. Эйзенхауэр, обращаясь 6 июня (в день открытия второго фронта) к своим войскам и населению, сказал: «Высадка в Нормандии является частью плана освобождения Европы совместно с нашими союзниками»[37]. Еще в ходе зимней кампании 1944 г. Красная армия, выполняя решения Тегеранской конференции и развивая свое стратегическое наступление, полностью разгромила 30 дивизий и шесть бригад. Для восстановления своих сил на востоке германское командование было вынуждено в январе — мае 1944 г. перебросить на советско-германский фронт из Германии и Франции 40 дивизий и четыре бригады[38]. В результате немецкая группировка в Западной Европе накануне вторжения союзных армий во Францию была значительно ослаблена, что оказало существенную помощь США и Англии в открытии второго фронта. По признанию генерала Д. Эйзенхауэра, в течение всего заключительного периода войны в Европе стратегическое планирование и практические действия англо-американских войск на западном фронте находились в прямой зависимости от хода и исхода наступательных операций Красной армии.

На четвертый день после высадки союзников в Нормандии началось советское наступление в Карелии. Третья годовщина войны СССР против нацистской Германии ознаменовалась началом мощного наступления Красной армии в Белоруссии. Грандиозное сражение развернулось на фронте 700–1100 км и продолжалось с 23 июня до конца лета 1944 г., что также создало благоприятные условия для развития операции «Оверлорд». К концу операции (25 июля 1944 г.) общая численность союзных войск составляла 2,8 млн человек[39]. Им противостояло 58 дивизий вермахта, рассредоточенных во Франции, Бельгии и Голландии. Захватив и расширив плацдарм, англо-американские войска начали наступление на Париж.

К началу сентября вся Франция была освобождена. Это явилось значительным успехом союзных войск.

Наступление Красной армии летом 1944 г. заставило немецкое командование держать основные силы вермахта на советско-германском фронте. Здесь летом 1944 г. находились 4,3 млн солдат и офицеров фашистского блока, тогда как во Франции против западных союзников действовала группировка, насчитывавшая 1 млн человек. Это в решающей степени способствовало успеху наступления союзных сил генерала Д. Эйзенхауэра во Франции, причем с минимальными потерями. «В то время как на фронте в Нормандии... части западных союзников готовились осуществить прорыв нашего фронта, на восточном фронте развивались события, непосредственно приближавшие катастрофу», — писал Г. Гудериан[40]. Необходимость укрепить свои силы на востоке вынудила немцев к отступлению во Франции. В этой обстановке англо-американские войска в сентябре 1944 г. сумели перейти германскую границу в районе Ахена и Люксембурга, вступили на территорию Бельгии и Голландии и перешли к обороне.

Операция «Багратион» — главное событие 1944 г.

В итоге четырехмесячного наступления на Правобережной Украине советские войска достигли важных политических и стратегических результатов. Действовавшая здесь самая крупная стратегическая группировка вермахта потерпела серьезное поражение. Одна ее часть была отброшена к югу, другая отошла на территорию Западной Украины. Освободив полностью Правобережную Украину, войска Красной армии вышли на подступы к Польше, на государственную границу СССР с Чехословакией, перенесли боевые действия на территорию Румынии. По существу, был завершен разгром всего южного крыла стратегического фронта врага, что коренным образом изменило обстановку на других театрах военных действий. Одновременно с операциями на Украине наступление велось под Ленинградом и на центральном участке советско-германского фронта.

На северо-западном направлении вслед за Ленинградско-Новгородской операцией войска правого крыла Ленинградского и левого крыла Карельского фронта при содействии сил Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий провели Выборгско-Петрозаводскую наступательную операцию (10 июня — 9 августа 1944 г.), которая завершила битву за Ленинград. В результате советские войска освободили северные районы Ленинградской области, большую часть Карело-Финской ССР и нанесли сокрушительное поражение финской армии. Успешные боевые действия в этой операции значительно изменили обстановку на северном участке советско-германского фронта, предопределили выход из войны Финляндии и создали благоприятные условия для полного освобождения Советского Заполярья.

Ленинградская битва, длившаяся 1125 дней, имела крупное политическое и военно-стратегическое значение. Оттянув на себя значительные силы немецких войск и всю финскую армию, Ленинград лишил германское командование возможности перебрасывать свои силы на те участки фронта, где решались главные задачи. Оборона Ленинграда стала символом мужества и героизма советского народа. В истории человечества ни один город не подвергался столь долгой и мучительной осаде. Ни один город, испытавший тиски жестокой блокады, не находил в себе сил, чтобы перейти в решительное наступление и отбросить неприятеля. А Ленинград, опираясь на помощь всей страны, собрал в кулак могучие силы и ударил по врагу так, что тот откатился от города на сотни километров.

В наступлении на центральном участке советско-германского фронта участвовали войска 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов. Перед ними стояла задача разгромить витебскую и мозырскую группировки противника с последующим развитием ударов на Полоцк, Борисов, Бобруйск, Минск. На западном направлении советские войска

После выполнения боевого задания

На улицах освобожденного города

не добились существенных успехов, но они сковали основные силы мощной по своему составу группы армий «Центр», оказав тем самым большую помощь фронтам, действовавшим на юго-западном и северо-западном направлениях. В середине апреля фронты, осуществлявшие операции на западном направлении, по приказу Ставки перешли к обороне и закрепились на достигнутых рубежах. В мае 1944 г. почти на всем протяжении советско-германского фронта царило затишье, обе противоборствующие стороны готовились к предстоявшим сражениям.

Итоги зимне-весенней кампании определили обстановку на советско-германском фронте к началу лета 1944 г. На 1 июня общая численность Вооруженных сил Советского Союза составляла 11,2 млн человек, 153 тыс. орудий и минометов, около 19 тыс. танков и САУ, 24 тыс. боевых самолетов. Действующая армия, развернутая на фронте протяженностью 4,5 тыс. км, включала 11 фронтов, 54 общевойсковые, пять танковых, 12 воздушных армий, три флота. В их составе было 450 стрелковых и кавалерийских дивизий, 16 танковых и шесть механизированных корпусов, 72 артиллерийские и минометные дивизии, 82 отдельные артиллерийские и минометные бригады, 132 авиационные дивизии — всего 6,6 млн человек, 98,1 тыс. орудий и минометов, 7,1 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, около 12,9 тыс. боевых самолетов[41]. Советские войска превосходили противника в людях — в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 1,8 раза, в боевых самолетах — в 1,9 раза, в танках и самоходных (штурмовых) орудиях — в 1,6 раза. В резерве Ставки ВГК состояли две общевойсковые, одна танковая и одна воздушная армии, около 30 стрелковых и кавалерийских дивизий, восемь танковых и семь механизированных корпусов, 11 артиллерийских и минометных дивизий и 11 отдельных бригад — всего около 650 тыс. человек, 9,5 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков и САУ и 3 тыс. самолетов.

Разрабатывая план на летнюю кампанию 1944 г., Ставка ВГК приняла решение провести последовательно ряд стратегических операций. Главный удар наносился в центре советско-германского фронта в целях освобождения оккупированной части Белоруссии, Литвы, западных областей Украины и восточной части Польши. Для этого необходимо было разгромить группы немецких армий «Центр» и «Северная Украина». Разгром белорусской и львовской группировок врага — основное содержание главного удара Красной армии летом 1944 г. Ее задачи на лето и осень 1944 г. были сформулированы в первомайском приказе Верховного главнокомандующего. Приоритет в будущей кампании отдавался центральному участку советско-германского фронта[42]. Только уничтожив крупную стратегическую группировку противника, какой являлась группа армий «Центр», можно было освободить Белоруссию. При этом учитывалось, что на ее оккупированной территории активно действовала разветвленная сеть партизанских формирований, которые постоянно дезорганизовывали тыл противника.

Германское руководство рассчитывало упорной обороной на занимаемых рубежах сдержать наступление Красной армии, всемерно затянуть войну в надежде на раскол антигитлеровской коалиции и не допустить выхода советских войск на территорию Германии и на Балканы. Главный удар Красной армии летом 1944 г. оно ожидало на юго-западном направлении, полагая, что выход на Балканы, овладение румынской нефтью и Черноморскими проливами являлись главными целями Советского Союза. Допускалась возможность большого наступления Красной армии в Прибалтике. Считалось также, что наступление в Белоруссии не будет преследовать решительных целей. Исходя из такой оценки возможных действий Красной армии, командование вермахта создало наиболее сильную группировку войск на южном крыле восточного фронта. Но положение нацистской Германии продолжало с каждым днем ухудшаться. Существенное осложнение обстановки произошло после того, как вооруженные силы США и Англии открыли второй фронт в Европе. Однако Германия еще представляла собой сильного противника. Располагая огромной армией, немецкое командование дополнительно перебросило на советско-германский фронт свыше 40 расчетных дивизий. Против Красной армии действовали главные силы вермахта — 228 дивизий и 23 бригады, на западе немецкое командование держало всего 86 дивизий[43].

Командование вермахта любой ценой стремилось удержать белорусский выступ, или, как еще его называли, балкон. Здесь немцы создали сильную в инженерном отношении

Редкие минуты отдыха

Один из пунктов управления дивизии

оборону глубиной 250—270 км. Особенно тщательно готовился первый рубеж под условным наименованием «Пантера», который проходил по северо-восточным и восточным границам белорусского выступа, где сосредоточивалось до 80% всего личного состава и военной техники. Главная роль отводилась группе армий «Центр» во главе с фельдмаршалом Э. Бушем. В ее состав входили 3-я танковая, 4, 9, 2-я армии, занимавшие рубеж на 950-километровом фронте. Всего группа армий «Центр» имела 50 дивизий и три бригады[44]. На стыке с группой армий «Центр» оборону держали соединения 16-й армии, входившей в состав группы армий «Север», а также 4-я танковая армия из группы армий «Северная Украина». В общей сложности на белорусском направлении действовали 63 дивизии. В них насчитывалось 1,2 млн человек, 900 танков и штурмовых орудий, 9500 полевых орудий и минометов. С воздуха германские войска поддерживала авиация 6-го и частично 1-го и 4-го воздушных флотов в количестве 1350 боевых самолетов[45]. Главные силы противника были сосредоточены в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилёва, Бобруйска и Ковеля, где они прикрывали самые доступные для наступления направления. В оперативной глубине обороны враг умело использовал лесисто-болотистую местность, оборудовав там армейский, промежуточный и тыловой рубежи.

Планирование наступательной операции советских войск по освобождению Белоруссии осуществлялось в начале апреля 1944 г. 20 мая генерал А. И. Антонов представил Верховному главнокомандующему план, предусматривавший одновременный прорыв обороны противника на шести участках, расчленение его войск и разгром по частям. Особое значение придавалось ликвидации наиболее мощных фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, стремительному продвижению на Минск, а также окружению и уничтожению основных сил группы армий «Центр» восточнее Минска на глубину 200—300 км. Наращивая удары и расширяя фронт наступления, советские войска должны были неотступно преследовать остатки вражеских войск, не позволяя им закрепиться на промежуточных рубежах.

Предполагалось, что успешное выполнение этого замысла позволит освободить всю Белоруссию, выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии, рассечь германский фронт, создать выгодные предпосылки для ударов по вражеским войскам в Прибалтике. К операции привлекались войска четырех фронтов. Армии 1-го Прибалтийского фронта наступали из района северо-западнее Витебска, 3-го Белорусского фронта — южнее Витебска на Борисов. На могилевском направлении действовал 2-й Белорусский фронт. Войска 1-го Белорусского фронта нацеливались на Бобруйск, Минск. К началу операции в составе четырех фронтов были сосредоточены 2400 тыс. человек, 5,2 тыс. танков и САУ, 36 тыс. орудий и минометов, 5,3 тыс. боевых самолетов[46]. Советские войска превосходили противника в людях — в 2 раза, в танках и самоходных (штурмовых) орудиях — в 5,8 раза, в орудиях и минометах — в 3,8 раза, в боевых самолетах — в 3,9 раза. Это давало уверенность в успехе, тем более что ни в одной из предшествовавших операций Великой Отечественной войны в армии не было такого количества артиллерии, танков и боевых самолетов.

План операции был утвержден Верховным главнокомандующим 30 мая. Операция получила условное название «Багратион» — в честь выдающегося русского полководца, героя Отечественной войны 1812 г. генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона. В ночь на 31 мая были отработаны частные директивы, которые за подписью И. В. Сталина и Г. К. Жукова были направлены командованиям фронтов.

Для согласования действий фронтов Ставка ВГК выделила своих представителей. Так, наступление войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов координировал начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский, а 1-го и 2-го Белорусских фронтов — заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г. К. Жуков. Вопросами применения военно-воздушных сил занимался представитель Ставки ВГК по авиации командующий ВВС Красной армии главный маршал авиации А. А. Новиков. Для эффективного использования сил и средств артиллерии в 1-й и 2-й Белорусские фронты Ставка ВГК направила начальника Главного артиллерийского управления маршала Н. Д. Яковлева, а в 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты — командующего артиллерией Красной армии маршала М. Н. Чис-

тякова. Прибытие на фронт такого количества военачальников высокого ранга подчеркивало огромное значение этой операции.

Немаловажная роль в операции отводилась белорусским партизанам. К лету 1944 г. на белорусской земле насчитывалось 143 тыс. партизан, входивших в состав 150 партизанских бригад, и 49 отдельных отрядов[47], действовавших самостоятельно. На вооружении у них находилось более 700 орудий и минометов различного калибра, 588 противотанковых ружей, более 6100 станковых и ручных пулеметов, 16 210 автоматов, 83 150 винтовок и 13 698 пистолетов[48]. С 1 января по 20 июня в партизанские отряды вступили более 65 тыс. человек, 94,7% из них — местные жители. Партизаны представляли собой внушительную силу, которая должна была действовать совместно с войсками Красной армии. В начале июня Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) разработал план новой «рельсовой операции», по которому предусматривалось за два-три дня до начала наступления войск фронтов силами партизан осуществить мощный удар по железным дорогам, парализовав движение. С этой целью партизаны должны были подорвать около 50 тыс. рельсов.

Ведя подготовку к операции по массовому подрыву рельсов, белорусские партизаны не прекращали боевой, диверсионной и разведывательной деятельности. С 31 мая по 30 июня они произвели крушения 230 немецких поездов, в том числе на таких важных участках, как Минск — Барановичи, Барановичи — Брест, Орша — Борисов. Большие задачи партизаны выполняли по разведке противника. За шесть месяцев 1944 г. они передали разведорганам фронтов 5865 оперативных документов, захваченных у противника.

В соответствии с планом в ночь на 20 июня белорусские партизаны приступили к осуществлению операции по массовому подрыву рельсов. В результате за три дня до начала наступления советских войск они подорвали 40 865 рельсов[49]. Партизаны полностью вывели из строя ряд важнейших железнодорожных коммуникаций и частично парализовали перевозки врага на многих участках железных дорог Белоруссии. «Последняя неопределенность относительно начала сроков наступления, — писал бывший командующий 4-й немецкой армией генерал К. фон Типпельскирх, — рассеялась 20 июня, когда партизанами были предприняты крупные диверсии на железных дорогах Пинск — Лунинец, Борисов — Орша и Молодечно — Полоцк, то есть как раз на коммуникациях группы армий «Центр». 23 июня четыре русских фронта начали наступление»[50].

Для дезинформации неприятеля фронтовым объединениям было приказано создать не менее трех оборонительных рубежей на глубину до 40 км. Населенные пункты приспосабливались к круговой обороне. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы только по оборонительной тематике, что создавало иллюзию ослабления этого стратегического направления. Военная хитрость дала свои результаты: внимание немцев в значительной степени было отвлечено от готовившегося наступления. При перегруппировке войск проводилась тщательная маскировка. В прифронтовой полосе части и соединения передвигались только в ночное время и небольшими группами. Ни днем, ни ночью не разрешалось разводить костры. 5-я гвардейская и 2-я танковые армии, а также часть соединений дальней авиации, которым предстояло принять участие в операции, до начала наступления в Белоруссии находились на южном крыле советско-германского фронта. Предпринимались и другие меры по дезинформации противника. Чтобы убедить врага в том, что летом 1944 г. советские войска нанесут главный удар на юге и в Прибалтике, в мае на ясском направлении и в полосе 3-го Прибалтийского фронта проводились ложные сосредоточения крупных масс войск. Благодаря этим мерам была достигнута внезапность в операции «Багратион». Германскому командованию не удалось раскрыть ни общего замысла операции, ни ее масштаба, ни направления главного удара, ни срока начала боевых действий. Поэтому из 34 танковых и моторизованных дивизий 24 дивизии командование вермахта держало южнее Полесья[51].

Большую работу провели органы тыла по материальному обеспечению войск. По распоряжению Ставки ВГК в войсках сосредоточивались пять комплектов боеприпасов, 10—20 заправок авиационного и автомобильного бензина, 30 сутодач продовольствия. В общей сложности четырем фронтам требовалось доставить 400 тыс. тонн боеприпасов, 300 тыс. тонн

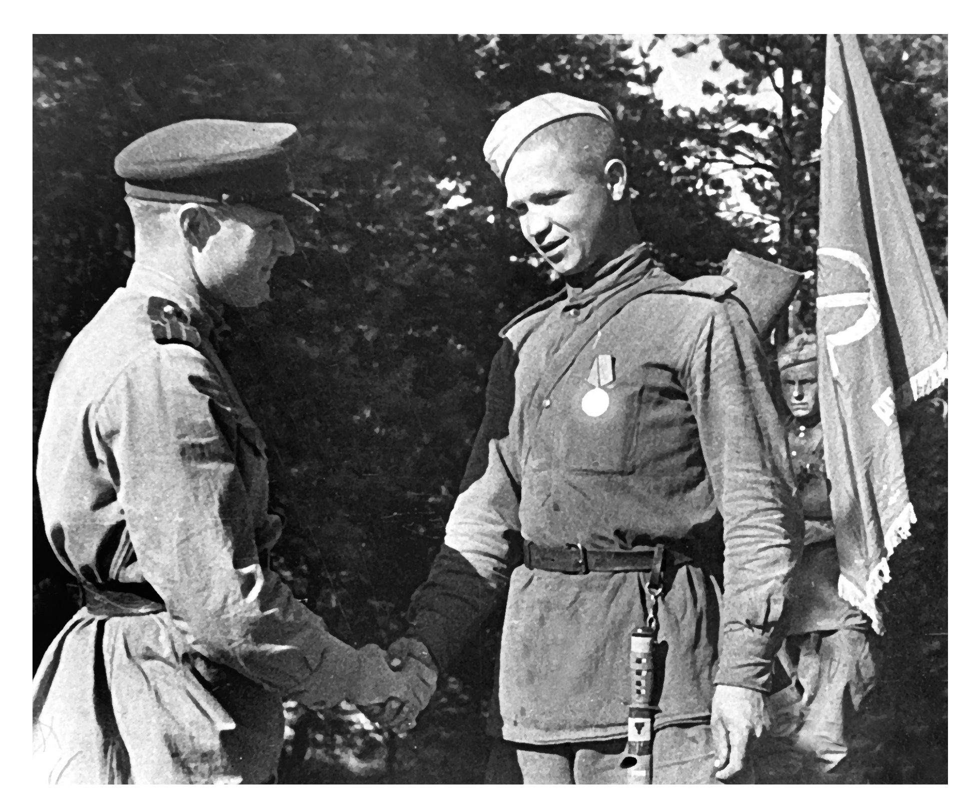
горючего, свыше 500 тыс. тонн продовольствия и фуража[52]. Ежедневно фронтам подавалось в среднем до ста поездов. За три недели на фронты прибыло более 75 тыс. вагонов с войсками, техникой, боеприпасами и другими грузами. Было отремонтировано и построено много новых железных, шоссейных и грунтовых дорог.

22 июня началась разведка боем. Чтобы скрыть направление главного удара, она осуществлялась на широком фронте — 450 км. Специально подготовленные передовые батальоны и разведывательные отряды при поддержке танков, артиллерийского огня и авиации атаковали противника. Приняв разведку боем за наступление главных сил, немцы открыли ответный артиллерийский огонь и стали спешно подтягивать резервы к оборонительному рубежу «Пантера». Впервые за три года войны не немецкая армия, а советская открывала летнюю кампанию крупной наступательной операцией силами нескольких фронтов. Утром 23 июня мощный шквал артиллерийского и авиационного огня внезапно обрушился на оборону противника. В течение 120 минут более 30 тыс. орудий и минометов крушили укрепления, подавляли и уничтожали огневые средства и военную технику врага. Большинство его оборонительных сооружений было выведено из строя, огневые средства, артиллерийские и минометные батареи подавлены, а управление войсками нарушено. В атаку двинулись главные силы 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов. На следующий день в сражение включились соединения правого крыла 1-го Белорусского фронта. Казалось, после столь мощной артиллерийской обработки переднего края и ударов авиации в траншеях не может оставаться ничего живого. Вопреки ожиданиям противнику удалось быстро прийти в себя. Из тыловых районов он начал срочно подтягивать тактические и оперативные резервы.

Однако, несмотря на ожесточенное сопротивление гитлеровцев, советские воины, действуя умело и решительно, шаг за шагом продвигались вперед. Соединения 6-й гвардейской и 43-й армий 1-го Прибалтийского фронта в первый день операции опрокинули немцев севернее Витебска и продвинулись на 12—16 км. В ночь на 24 июня они вышли к Западной Двине, с ходу форсировали реку и захватили несколько плацдармов на ее левом берегу. Немецкое командование не ожидало наступления войск 1-го Прибалтийского фронта. Об этом писал бывший генерал вермахта К. фон Типпельскирх: «Особенно неприятным было наступление северо-западнее Витебска, так как оно, в отличие от ударов на остальном фронте, явилось полной неожиданностью, поразив особенно слабо защищенный участок фронта на решающем в оперативном отношении направлении»[53]. Успешно действовали войска 30-й и 5-й армий 3-го Белорусского фронта. 23 июня они прорвали оборону на участке шириной 50 км и углубились на 10—13 км. Проявляя настойчивость, непрерывно маневрируя на поле боя, на следующий день они продвинулись еще на 12—15 км. Завязалось сражение за Богушевск — важный узел сопротивления врага. На рассвете 25 июня советские войска овладели этим городом. На оршанском направлении соединения 11-й гвардейской и 31-й армий тоже встретили сильное сопротивление. Чтобы не допустить выхода соединений этих армий на Минское шоссе, германское командование сосредоточило на этом участке самые боеспособные дивизии, поэтому, несмотря на все усилия и значительные потери, прорвать оборону не удалось.

Более успешно действовали войска 2-го Белорусского фронта. Соединения 49-й армии в первый же день прорвали оборону на глубину 5—8 км и форсировали р. Проню. В последующем, ломая сопротивление врага, они форсировали р. Весту, вклинились в оборону гитлеровцев на глубину почти 30 км и вышли на оперативный простор, начав преследование отступавшего противника.

Левофланговые армии (65-я и 28-я) 1-го Белорусского фронта при активной поддержке авиации в первый день наступления вклинились во вражескую оборону на 10 км, освободили 50 населенных пунктов, расширив участок прорыва до 30 км. К исходу третьего дня соединения 65-й армии вышли на р. Березину южнее Бобруйска, а войска 28-й армии форсировали р. Птичь. 3-я армия генерала А. В. Горбатова, наступавшая на рогачевско-бобруйском направлении, в первый день добилась незначительных результатов. Дивизии двух стрелковых корпусов, отбивая яростные контратаки пехоты и танков, овладели только первой и второй

Медаль «За отвагу» — первая награда разведчика

Летчики в перерывах между вылетами

траншеями. С большими трудностями шло наступление в полосе 48-й армии генерала П. Л. Романенко. Широкая болотистая пойма р. Друть крайне замедлила переправу пехоты и особенно танков. Лишь после двухчасового напряженного боя наши части выбили немцев из первой траншеи и к 12 часам дня заняли вторую траншею.

Маршал Г. К. Жуков, координируя действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, впоследствии имел мужество признать и собственные упущения: «При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва. К тому же армии не имели достаточных средств для обеспечения прорыва. Я как представитель Ставки вовремя не поправил командование фронта»[54].

Командующий фронтом приказал командармам А. В. Горбатову и П. Л. Романенко ввести в сражение все резервы, перегруппировать войска к северу от направления главного удара, где сопротивление неприятеля было слабее, и к 28 июня выйти к Бобруйску. Командующий 16-й воздушной армией получил распоряжение усилить на этом же направлении удары по врагу с воздуха. 26 июня произошел перелом. Войска 3-й и 48-й армий, а также введенный в сражение 9-й танковый корпус при поддержке авиации прорвали тактическую оборону. Танкисты утром следующего дня вышли на левый берег Березины, отрезав противнику пути отступления. Летчики 16-й воздушной армии совершили около 3 тыс. боевых вылетов, активно помогая стрелковым дивизиям и танкистам пробиться к Бобруйску.

Несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, войска четырех фронтов настойчивыми и согласованными ударами прорвали оборону на глубину 25—30 км, с ходу форсировали ряд рек. На всех направлениях для противника сложилась критическая обстановка. Немалые надежды германское командование возлагало на то, что советские войска удастся остановить на рубежах Западной Двины и Днепра. Вдоль этих рек, имевших широкие заболоченные поймы, немцы построили сильную оборону. Но советские воины, проявляя смекалку и высокое боевое мастерство, используя главным образом подручные средства: рыбацкие лодки, сколоченные из бревен плоты, пустые бочки, фашины и доски, — быстро и умело форсировали водные преграды.

Немецкое командование изо всех сил стремилось задержать наступление советских фронтов, однако сделать этого ему не удалось. Для развития успеха в сражение вступили подвижные группы фронтов — конно-механизированные. Утром 26 июня на глубине 32—34 км от переднего края начала действовать 5-я гвардейская танковая армия П. А. Ротмистрова. При активной поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации она, овладев районным центром Толочин, вышла на Минское шоссе в 50 км западнее Орши. На 1-м Белорусском фронте была введена в прорыв конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева.

Наступление велось по сходящимся направлениям. Советские войска приступили к осуществлению замысла по окружению группировок врага в районах Витебска и Бобруйска. На третий день операции, утром 25 июня, соединения 43-й армии генерала А. П. Белобородова 1-го Прибалтийского фронта соединились с войсками 39-й армии генерала И. И. Людникова 3-го Белорусского фронта в районе Гнездиловичей. В окружении под Витебском оказались пять пехотных дивизий 3-й танковой армии общей численностью 35 тыс. человек. Немцы упорно сопротивлялись. 26 июня они предприняли попытку вырваться из сжимавшегося кольца и уйти на юго-запад. В районе Заозерье противник несколько раз пытался выйти из окружения, но тщетно. Совместным ударом 43-й и 39-й армий, поддержанных крупными силами авиации, окруженная группировка была расчленена, а через два дня уничтожена. Только убитыми враг потерял 20 тыс. человек. Более 10 тыс. были вынуждены сдаться в плен, в их числе оказались командиры 53-го армейского корпуса и 206-й пехотной дивизии, 14 полковников, сотни старших и младших офицеров[55]. В обороне противника возникла первая значительная брешь.

Стремительно развивалось наступление войск 3-го Белорусского фронта, наносивших удары на Богушевск и Оршу. В то время как 39-я армия уничтожала врага в районе Витебс-

ка, 5-я армия быстро прорвала оборону врага и 24 июня освободила Богушевск. Введенные в прорыв конно-механизированная группа генерала Н. С. Осликовского и 5-я гвардейская танковая армия 26 июня вышли на Минское шоссе западнее Орши. Труднее всего пришлось войскам 11-й гвардейской и 31-й армий, наступавшим на оршанском направлении. Используя сильную оборону, гитлеровцы оказали яростное сопротивление. Но и здесь оборона врага была прорвана. 27 июня была освобождена Орша — мощный узел обороны на пути к Минску. Тогда же 2-й Белорусский фронт силами 49-й и 50-й армий форсировал Днепр, разгромил неприятельскую группировку на могилевском направлении и 28 июня освободил Могилёв. Продолжая наступление, подвижные войска 3-го Белорусского фронта 28 июня достигли Березины и с ходу форсировали реку. Путь на Минск был открыт. 3-я немецкая танковая армия оказалось отсеченной от остальных сил группы армий «Центр», а 4-я армия противника глубоко охвачена с севера.

Успешно развивались события и на левом крыле белорусского выступа, где наступали ударные группировки 1-го Белорусского фронта. Введенные в сражение 1-й и 3-й гвардейские танковые корпуса прорвались в тыл врага и отрезали ему все пути к отступлению. 9-й танковый корпус на большой скорости устремился по шоссе к Бобруйску и к утру 27 июня вышел на левый берег Березины. Убедившись, что мост через реку разрушен, командир корпуса генерал Б. С. Бахаров принял решение временно перейти к обороне и перехватить шоссе и переправы через реку северо-восточнее Бобруйска, чтобы не допустить отхода противника из района Жлобина. 27 июня 9-й танковый корпус, приданный 3-й армии, и 1-й гвардейский танковый корпус замкнули кольцо вокруг бобруйской группировки врага. В окружение попало около шести дивизий 35-го армейского и 41-го танкового корпусов 9-й немецкой полевой армии — до 40 тыс. солдат и офицеров, много вооружения и военной техники. Все попытки врага вырваться из кольца были сорваны. Для скорейшего уничтожения окруженных войск противника представители Ставки ВГК Г. К. Жуков и А. А. Новиков решили привлечь 16-ю воздушную армию. В воздух поднялось 400 бомбардировщиков и штурмовиков под прикрытием 126 истребителей. Массированный налет продолжался полтора часа. Этот воздушный удар причинил гитлеровцам большой урон и деморализовал их[56]. Полный разгром окруженной группировки завершили соединения 48-й и 65-й армий. В этот день был освобожден Бобруйск.

В результате разгрома вражеских войск на бобруйском направлении была создана еще одна брешь в их обороне. Советские войска, глубоко охватив 4-ю немецкую армию с юга, вышли на рубежи, выгодные для броска на Минск и развития наступления на Барановичи.

Наступление советских войск в Белоруссии с 23 по 28 июня поставило группу армий «Центр» на грань катастрофы. Ее оборона была сокрушена на всех направлениях 520-километрового фронта. Советские войска, ломая сопротивление врага, продвинулись на запад на различных участках от 80 до 150 км, окружили и уничтожили 13 вражеских дивизий. К исходу 28 июня войскам 1-го и 3-го Белорусских фронтов удалось обойти оба фланга группы армий «Центр». Создались благоприятные условия для нанесения концентрических ударов в направлении Минска в целях окружения 4-й немецкой армии.

Германское командование предпринимало отчаянные попытки остановить наступление советских войск. А. Гитлер негодовал. 28 июня он отозвал генерал-фельдмаршала Э. Буша с должности командующего группой армий «Центр» и на его место назначил генерал-фельдмаршала В. Моделя. Были также смещены командующие 3-й танковой и 9-й полевой армиями. В. Моделю с немалым трудом удалось восстановить положение. Он принял решение организовать оборону восточнее Минска и ускорить отвод 4-й армии. Сюда командование вермахта начало переброску танковых дивизий, а также охранных и специальных частей из групп армий «Север» и «Северная Украина», однако этих сил оказалось недостаточно, чтобы остановить продвижение Красной армии. Советские войска, лесами и болотами обходя опорные пункты врага, продолжали углублять свои клинья в направлении Минска, Слуцка и Молодечно.

Основные бои развернулись в полосе наступления 3-го Белорусского фронта, на р. Березине в районе Борисова. В 1812 г. эта река была свидетельницей гибели армии Наполеона, теперь же здесь под ударами советских войск терпели поражение войска вермахта. В ночь на 1 июля соединения Красной армии ворвались в Борисов и к 3 часам утра освободили город. С мощным ударом советских войск слился удар белорусских партизан, с которыми, как ни в какой другой операции Великой Отечественной войны, были налажены связь и оперативное взаимодействие войск фронтов. Партизаны наносили удары по коммуникациям противника, срывали подвоз подкреплений, вооружения и боеприпасов к линии фронта, организовывали засады.

Учитывая создавшееся положение, Ставка ВГК 28–29 июня уточнила фронтам задачи по развитию наступления. Войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов должны были двусторонним обходным маневром стремительно выйти к Минску и освободить его, тем самым создав кольцо окружения вокруг немецких войск, отступавших из района Могилёва. Войска 1-го Прибалтийского фронта получили задачу преследовать противника в северо-западном и западном направлениях и обеспечить действия войск, осуществлявших окружение под Минском. Перед 2-м Белорусским фронтом ставилась задача фронтовым ударом сковать врага в центре белорусского выступа, нарушить его планомерный отход, рассекать и уничтожать группировки, содействовать окружению главных сил 4-й армии восточнее Минска и вместе с войсками левого крыла 3-го Белорусского фронта освободить столицу Белоруссии[57]. В тех условиях, когда противник поспешно отходил на запад, важно было не дать ему закрепиться на заранее оборудованных оборонительных рубежах. Командиры дивизий и корпусов, командующие армиями получили приказ о создании маневренных передовых отрядов для захвата переправ на реках, главным же силам предстояло организовать решительное преследование немецких войск. Стремительное наступление на параллельных маршрутах позволило 1-му и 3-му Белорусским фронтам упредить врага в выходе к Минску, в то время как 2-й Белорусский фронт осуществлял фронтальное преследование. Непрерывное воздействие советской авиации осложняло положение врага.

Исключительно важная роль в достижении высоких темпов наступления принадлежала танковым войскам. Совершая рейд по лесам и болотам в тылу противника, не ввязываясь в затяжные бои, 4-я гвардейская танковая бригада подполковника О. А. Лосика, входившая во 2-й гвардейский танковый корпус, опередила главные силы отступавших немцев более чем на 100 км. Ночью 2 июля бригада по шоссе устремилась к Минску, с ходу развернулась в боевой порядок и ворвалась на городские окраины с северо-востока. Вслед за танкистами 2-го гвардейского танкового корпуса на северную окраину Минска вышли передовые части 5-й гвардейской танковой армии. Тесня противника, танковые части, поддержанные подоспевшими войсками 11-й гвардейской и 31-й армий 3-го Белорусского фронта, начали отбивать у врага квартал за кварталом. В середине дня с юго-востока в город вступил 1-й гвардейский танковый корпус, а вслед за ним — 3-я армия 1-го Белорусского фронта[58]. Поздно вечером столица Белоруссии была освобождена от оккупантов. В тот же день в 22 часа Москва салютовала воинам-победителям 24 залпами из 324 орудий. 52 соединения и части Красной армии получили наименование Минских.

С большим энтузиазмом восприняли эту победу и союзники по антигитлеровской коалиции. 5 июля У. Черчилль писал И. В. Сталину: «С большой радостью я узнал о Вашей славной победе — взятии Минска — и о колоссальном продвижении, осуществленном непобедимыми русскими армиями на столь широком фронте»[59].

Освобожденный Минск, крупнейший экономический и культурный центр республики, лежал в руинах. Маршал А. М. Василевский 6 июля докладывал Верховному главнокомандующему: «5 июля я посетил Минск. Впечатление у меня осталось крайне тяжелым. Город был сильно разрушен фашистами. Из крупных зданий враг не успел взорвать только Дом белорусского правительства, новое здание ЦК КПБ, радиозавод и Дом Красной армии. Электростанция, железнодорожный вокзал, большинство промышленных предприятий и учреждений взорваны»[60].

Строительство железнодорожной ветки

Маршал Советского Союза А. М. Василевский и маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров на переправе через реку Березину. Лето 1944 г.

Соединения 4-й немецкой армии к исходу 3 июля оказались отрезанными восточнее Минска, а вся группа армий «Центр» понесла такой большой урон и была настолько деморализована, что самостоятельно справиться со своим положением оказалась не в состоянии. По этому поводу генерал К. фон Типпельскирх (25 июня назначен командующим 4-й армией вместо генерала Г. Хейнрици) писал после войны: «Результат длившегося теперь уже десять дней сражения был потрясающим. Около 25 дивизий были уничтожены или окружены. Лишь немногие соединения, оборонявшиеся на южном фланге 2-й армии, оставались еще полноценными, избежавшие же уничтожения остатки практически полностью утратили свою боеспособность»[61].

Значительный урон понесла и советская сторона. Войска Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов с 22 по 30 июня потеряли более 19,6 тыс. человек убитыми, свыше 74,6 тыс. ранеными и пропавшими без вести. Потери войск правого крыла 1-го Белорусского фронта на первом этапе операции «Багратион» (24 июня — 4 июля) составили более 50 тыс. человек, из них 9160 человек погибшими[62].

Армии 1-го Прибалтийского фронта успешно провели Полоцкую операцию, уничтожив противника в этом районе, а 4 июля освободили Полоцк. Войска 3-го Белорусского фронта 5 июля овладели г. Молодечно. С освобождением столицы Белоруссии и со стремительным продвижением советских войск на запад все прочнее становилось кольцо вокруг окруженной группировки восточнее Минска. В гигантском котле оказались около 20 различных соединений, большое количество отдельных частей и подразделений, всего 150 тыс. солдат и офицеров 4-й и 9-й армий. Из окружения сумел выскользнуть командующий разгромленной 4-й армией генерал К. фон Типпельскирх вместе со своим штабом. По указанию А. Гитлера руководство войсками, попавшими в окружение, было возложено на командира 12-го армейского корпуса. Командование вермахта приказало своим солдатам пробиваться самостоятельно, действовать группами по 3–5 тыс. человек в нескольких направлениях, а после прорыва кольца отходить на Барановичи.

Ликвидацию окруженной группировки немцев под Минском И. В. Сталин возложил на войска 2-го Белорусского фронта и 31-ю армию 3-го Белорусского фронта. На заключительном этапе главную роль в ликвидации минского котла играли 31-я и 33-я армии. По поводу первых дней борьбы с окруженным врагом командующий 2-м Белорусским фронтом генерал Г. Ф. Захаров писал 7 июля: «Ликвидация окруженных разрозненных групп противника идет возмутительно медленно и неорганизованно. В результате безынициативной и нерешительной деятельности командармов противник в поисках выхода мечется из стороны в сторону, нападает на штабы корпусов и армий, склады, на автоколонны, тем самым нарушает бесперебойную работу тыла и управление»[63]. Учитывая сложившуюся обстановку, генерал Г. Ф. Захаров приказал 49-й и 50-й армиям выделить пять дивизий для борьбы с окруженным противником, а остальными частями обойти немецкие группы с севера и юга, расчленить их и уничтожить в лесах севернее и северо-восточнее населенного пункта Волма.

В результате действий соединений 2-го Белорусского фронта с 5 по 7 июля окруженному противнику был нанесен значительный урон. Его войска, оставшиеся без управления после сдачи в плен генерала С. Мюллера, который отдал приказ о прекращении борьбы, распались на несколько изолированных групп и были дезорганизованы. Отсутствие боеприпасов и горючего заставило их бросить технику и артиллерию. Каждая группа стремилась выбираться из кольца самостоятельно. Второй этап ликвидации окруженной группировки, с 8 по 9 июля, характеризовался разгромом разрозненных групп, укрывавшихся в лесах юго-восточнее Минска и стремившихся просочиться через боевые порядки советских войск. В ходе третьего этапа, с 10 по 13 июля, советские войска прочесывали леса, где вылавливали мелкие группы противника. Для уничтожения отдельных немецких групп, укрывавшихся в лесах, войска и партизаны организовали внутреннее кольцо окружения, которое, однако, не было сплошным. Внешний же фронт окружения, созданный силами 2-го и 1-го Белорусских фронтов, был подвижным. Создавался он преимущественно танковыми соединениями, которые упорно преследовали отступавшие дивизии в западном направлении. Если 3–4 июля внешний

фронт окружения находился от войск, попавших в минский котел, в 50 км, то в последующем это расстояние увеличилось до 150 км. Стремительное наступление Красной армии сделало абсолютно безнадежным выход окруженных из котла. Большую поддержку в уничтожении врага оказывали партизаны, которые хорошо ориентировались на местности, знали каждую тропинку в лесу. При их помощи удавалось быстро отыскивать разрозненные группы гитлеровцев. Совместно с частями Красной армии партизаны вели атаки и участвовали в пленении врага. К 13 июля ликвидация окруженных вражеских войск была завершена. Противник потерял свыше 70 тыс. человек убитыми и около 35 тыс. пленными, в том числе 12 генералов[64].

17 июля по центральным улицам Москвы под конвоем провели около 57,6 тыс. немецких солдат и офицеров, взятых в плен в Белоруссии. Проход пленных продолжался почти три часа. После его окончания народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия докладывал Государственному Комитету Обороны:

«НКВД СССР докладывает о результатах конвоирования через город Москву немецких военнопленных, захваченных войсками Красной армии 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов.

Движение колонн военнопленных с Московского ипподрома началось ровно в 11 часов утра сегодня, 17 июля, по маршруту: Ленинградское шоссе, ул. Горького, площадь Маяковского, Садово-Каретная, Садово-Самотёчная, Садово-Черногрязская, улица Чкалова, Курский вокзал и по улицам: Каляевской, Новослободской и 1-й Мещанской. По этому маршруту прошло 42 000 военнопленных, в том числе колонна военнопленных генералов и офицеров численностью 1227 человек, из них 19 генералов и 6 старших офицеров (полковники и подполковники). Движение колонн военнопленных на этом маршруте продолжалось 2 часа 25 минут.

Вторая часть колонн военнопленных прошла от площади Маяковского по улицам: Большая Садовая, Садово-Кудринская, Новинский бульвар, Смоленский бульвар, Зубовская площадь, Крымская площадь, Большая Калужская улица, станции Канатчиково Окружной железной дороги. По этому маршруту прошло 15 600 военнопленных, и движение колонн продолжалось 4 часа 20 минут.

Колонны шли по фронту 20 человек. Движением колонн руководил командующий Московским военным округом генерал-полковник Артемьев.

По прибытии к пунктам погрузки военнопленные немедленно погружались в железнодорожные эшелоны для отправки в лагеря военнопленных. К 19 часам все 25 эшелонов военнопленных были погружены в вагоны и отправлены к местам назначения.

Из общего количества конвоированных через город 57 600 военнопленных 4 человека были направлены в санлетучку ввиду ослабления. Военнопленные генералы по прибытии на Курский вокзал были погружены на автомашины и доставлены по назначению.

При прохождении колонн военнопленных население вело себя организованно. При прохождении колонн военнопленных со стороны населения были многочисленные восторженные возгласы и приветствия в честь Красной армии, нашего Верховного главнокомандования и в честь генералов и офицеров Красной армии. Было большое количество антифашистских выкриков: «Смерть Гитлеру», «Смерть фашизму», «Сволочи, чтобы они подохли», «Почему вас не перебили на фронте» и т. д.

Никаких происшествий в городе во время прохождения колонн военнопленных не было. Улицы города по прохождении военнопленных были соответствующим образом очищены и промыты»[65].

И. В. Сталин решил воспользоваться пленением крупных группировок врага не только для этой акции, но и для проведения сложнейшей и крупномасштабной разведывательной операции. Он отдал специальный приказ, в соответствии с которым необходимо было подготовить и провести операцию по введению немецкого командования в заблуждение, «создав впечатление активных действий в тылу Красной армии остатков немецких войск, попавших в окружение в ходе нашего наступления. Замысел Сталина заключался в том, чтобы обманным путем заставить немцев использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и «помочь» им сделать серьезную попытку прорвать окружение». Генерал НКВД

П. А. Судоплатов сообщил, что 19 августа 1944 г. генеральный штаб немецких сухопутных войск получил посланное абвером сообщение Макса о том, что соединение под командованием подполковника Г. Шерхорна численностью в 2500 человек блокировано Красной армией в районе р. Березины. Так началась операция «Березино» — продолжение операции «Монастырь»[66]. Для того чтобы придать дезинформации Макса большую достоверность, его оформили на службу в Генштаб, а несколько агентов были устроены в другие ведомства, в том числе и в Наркомат путей сообщения. В действительности группы Г. Шерхорна в тылу Красной армии не существовало. Немецкая часть, которой командовал этот офицер, защищала переправу на р. Березине, но была разгромлена и взята в плен. В Белоруссии из офицеров и бойцов бригады особого назначения, немецких антифашистов, а также немецких военнопленных, завербованных НКВД, была создана группа, создававшая впечатление о наличии реальной немецкой группировки в тылу Красной армии. Крупнейшая радиоигра с немецким верховным командованием продолжалась с 19 августа 1944 по 5 мая 1945 г. За время проведения операции «Березино» были захвачены 22 германских разведчика, 13 радиостанций, 255 парашютов с ценным грузом — вооружением, боеприпасами, обмундированием и медикаментами, которые были использованы нашими войсками[67].

В результате разгрома крупных сил противника под Витебском, Могилёвом, Бобруйском и Минском ближайшая цель операции «Багратион» была достигнута, причем на несколько дней ранее намеченного срока. За 12 дней, с 23 июня по 4 июля, советские войска продвинулись почти на 250 км. В центре стратегического фронта образовалась гигантская 400-километровая брешь, заполнить которую командование вермахта в короткие сроки не имело сил. Туда-то и устремились советские войска. На группу армий «Центр» неумолимо надвигалась катастрофа. Стремительное наступление Красной армии и огромная брешь, созданная ею на центральном участке советско-германского фронта, вызвали панику в Берлине. Чтобы стабилизировать свой фронт, германское командование произвело крупные перегруппировки. Только с 23 июня по 16 июля в Белоруссию было переброшено 46 дивизий и четыре бригады из Германии, Польши, Венгрии, Норвегии, Италии и Нидерландов, а также с других участков фронта[68].

Для затруднения переброски резервов и дезорганизации железнодорожных перевозок неприятеля Ставка ВГК приказала авиации дальнего действия подготовить и провести воздушную операцию в целях вывода из строя важнейших железнодорожных коммуникаций в Западной Белоруссии, Литве и Польше. Для этого было привлечено восемь авиакорпусов дальней авиации. За семь дней (с 4 по 12 июля) летчики произвели более 2600 самолето-вылетов, нанося удары по железнодорожным объектам. Массированные налеты бомбардировщиков причинили немалый ущерб противнику. Только на железнодорожном узле Брест было уничтожено 30 эшелонов с военной техникой. Одновременно по распоряжению БШПД в западных районах республики и на территории Польши в борьбу с подходившими резервами врага включились партизанские формирования. В итоге бомбардировок авиации и партизанских диверсий движение противника по железной дороге в значительной степени было парализовано. Резервы немцев, неся огромные потери, прибыли в намеченные районы с большим опозданием, что способствовало успеху наступления советских войск в операции «Багратион».

Наступление Красной армии продолжалось. С середины июля боевые действия развернулись на фронте от Финского залива до Карпат. Преодолев ожесточенное сопротивление врага, войска 1-го Прибалтийского фронта 4 июля освободили Полоцк и двинулись на Шяуляй. Войска 3-го Белорусского фронта с боями продвигались на запад, к Вильнюсу. 8 июля они окружили 15-тысячный гарнизон города. Пять дней шли тяжелые бои. 13 июля Вильнюс был освобожден. После этого армии фронта вышли к Неману, форсировали его и 1 августа освободили Каунас. В составе 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта бок о бок с советскими летчиками храбро сражались французские летчики 1-го отдельного истребительного авиационного полка «Нормандия». За героические действия по прикрытию советских войск во время боев в районе Немана французский авиационный полк был удостоен почетного наименования «Неманский».

Соединения 2-го Белорусского фронта в течение июля — августа продвинувшись на 300–350 км и, выйдя на рубеж Августов, Ломжа, стали готовиться к наступлению в Восточной Пруссии.

После освобождения Минска армии правого крыла 1-го Белорусского фронта развернули наступление на барановичско-брестском и пинском направлениях, к 16 июля продвинулись на 150–170 км и вышли на рубеж Свислочь, Пружаны. Обширные болотистые районы Полесья были обойдены ими с севера. Фланговые ударные группы сомкнулись, и протяженность линии фронта сократилась более чем в два раза. Создались условия для согласованного удара по врагу всеми силами и во всей полосе.

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин поставил командующему 1-м Белорусским фронтом задачу: наряду с продолжением наступления войсками правого крыла и центра нанести мощный удар по группировкам противника в районах Люблина и Бреста, завершив освобождение белорусских земель, и оказать помощь польскому народу в изгнании оккупантов из восточных районов страны.

18 июля войска левого крыла 1-го Белорусского фронта начали операцию, получившую название Люблин-Брестской (18 июля — 2 августа 1944 г.). Прорвав оборону врага западнее Ковеля, соединения ударной группировки 20 июля на широком фронте вышли к государственной границе, на Западный Буг, и форсировали его с ходу в трех местах. Советские войска вступили на территорию Польши. 22 июля был освобожден польский город Хелм. 24 июля соединения фронта овладели крупным административным центром Польши — Люблином, а через день вышли к Висле в районе Демблина. 27 июля сюда подошла 1-я армия Войска польского. 69-я армия прорвалась к реке южнее Пулавы. С 27 июля по 4 августа соединения 8-й гвардейской и 69-й армий форсировали Вислу в районе городов Магнушев и Пулава и овладели плацдармами на ее западном берегу.

Немецкое командование, сосредоточив в районе Бреста резервы и остатки 2-й и частично 9-й армий, нанесло сильные контрудары, однако все его попытки преградить советским войскам путь к Варшаве успеха не имели. Чтобы выйти в глубокий тыл брестской группировки и отрезать неприятелю пути отхода на запад, командующий фронтом маршал К. К. Рокоссовский решил силами 2-й танковой армии нанести удар на Прагу — предместье Варшавы. Танковая армия по глубоким тылам врага устремилась вдоль восточного берега Вислы к столице Польши. К этому времени германское командование спешно сосредоточивало пять танковых и одну пехотную дивизию к юго-востоку от Варшавы. Оно намеревалось нанести сильный контрудар в южном направлении, разгромить левое крыло 1-го Белорусского фронта, сорвать форсирование Вислы и наступление на Варшаву. 2 августа немцы нанесли мощнейший удар по соединениям 2-й танковой и 4-й армий. В условиях растянутости коммуникаций, острой нехватки боеприпасов советское командование приняло решение перейти к обороне, а затем с подходом резервов и подтягиванием тылов вновь начать наступление.

1 августа в Варшаве началось вооруженное восстание, о котором Генеральный штаб Красной армии был оповещен лишь на следующий день. И. В. Сталин выразил сомнение относительно действий Армии крайовой без артиллерии, танков и авиации, даже без достаточного количества стрелкового оружия, но все же согласился оказать помощь повстанцам, доставив им оружие[69]. Советское командование, несмотря на всю сложность оперативной обстановки (значительные потери в ходе операции «Багратион», усталость войск, мощные контрудары противника в районе Магнушева и Пулавы, отставание тылов Красной армии), оказывало помощь польским патриотам. 8 августа Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский представили Верховному главнокомандующему проект плана Варшавской операции, которую предполагалось начать 25 августа силами 1-го Белорусского фронта в целях занятия Варшавы. Подготовительные мероприятия, в том числе перегруппировку войск, планировалось провести с 10 по 20 августа.

Через несколько дней Ф. Рузвельт и У. Черчилль обратились с посланием к И. В. Сталину, в котором писали о том, что нужно сделать все, чтобы спасти как можно больше патриотов, находящихся в Варшаве. В ответном послании И. В. Сталин 22 августа подчеркивал, что

Обездоленные жители дер. Ягодная. 22 июля 1943 г.

Здравствуйте, родные! Встреча солдата с освобожденными родными в Белоруссии. 1944 г.

Бои за Белоруссию. 1944 г.

«рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна» и что восстание, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, с военной точки зрения не выгодно ни Красной армии, ни полякам. В то же время И. В. Сталин заявил: «Не может быть сомнения, что Красная армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам»[70].

На варшавском направлении были предприняты наступательные операции в целях отвлечения сил врага. 6 сентября войска 2-го Белорусского фронта штурмом овладели г. Остроленка, который прикрывал подступы к Варшаве. 10 сентября перешла в наступление 47-я армия 1-го Белорусского фронта. Через четыре дня пала крепость Прага — мощный узел обороны немцев на Висле. Попытки войск Красной армии прорваться к Варшаве продолжались. К этому привлекались и части 1-й польской армии. В ночь на 16 сентября 1-я польская дивизия имени Т. Костюшко при поддержке советской артиллерии, авиации и инженерных войск в пределах Варшавы форсировала Вислу и захватила плацдарм на ее западном берегу. Но соединиться с повстанцами десант не смог: немцы оттеснили их от берега. Захваченный плацдарм на левом берегу Вислы удержать не удалось: под давлением крупных сил противника воины 1-й польской дивизии вынуждены были с большими потерями отойти на правый берег.

Для оказания помощи восставшим летчики 16-й воздушной армии и 1-й польской смешанной авиадивизии с 13 сентября по 1 октября 1944 г. совершили 5 тыс. самолето-вылетов, из них 1361 — на бомбардировку и штурмовку войск противника в Варшаве и 2435 — на сбрасывание грузов. Было сброшено 156 минометов, 505 противотанковых ружей, более 3 тыс. автоматов, винтовок, карабинов, 3 млн патронов для стрелкового оружия, 515 кг медикаментов, 113 тонн продовольствия, телефонные аппараты, кабель и другое военное

имущество[71]. Зенитная артиллерия фронта обеспечивала повстанцам защиту от налетов вражеской авиации. К повстанцам были сброшены офицеры связи и корректировщики. Однако эта помощь оказалась недостаточной и не спасла польских патриотов от трагического исхода.

Для организации эффективной помощи повстанцам в сентябре совместно с англичанами и американцами была проведена специальная операция. Американским самолетам были разрешены пролет над территорией СССР и посадка в Полтаве. 18 сентября 104 американские «летающие крепости» в сопровождении истребителей вышли в район Варшавы и с большой высоты сбросили на парашютах 1284 контейнера с грузами в расположение восставших. Но к повстанцам попало лишь несколько десятков контейнеров, остальные оказались в расположении противника и советских войск на правом берегу Вислы[72]. В общей сложности, по подсчетам Армии крайовой, английские и американские ВВС доставили в Варшаву 430 карабинов и пистолетов-пулеметов, 150 пулеметов, 230 противотанковых ружей, 13 минометов, 13 тыс. мин и гранат, 2,7 млн патронов, 22 тонн продовольствия[73]. После этого от подобных операций американские ВВС отказались.

Немецкое командование объявило Варшаву крепостью, и гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Попытки войск Красной армии и Войска польского пробиться к городу не увенчались успехом. «Чтобы взять Варшаву фронтальной атакой, — считал И. В. Сталин, — нужно переправить на другой берег Вислы тяжелые танки и тяжелую артиллерию», что в сложившихся условиях сделать было чрезвычайно трудно[74]. Повстанцы находились в различных районах города. К концу сентября в городе оставались около 2,5 тыс. вооруженных людей, ведущих борьбу с гитлеровцами в четырех отрезанных друг от друга районах. Население Варшавы голодало. Было ясно, что Армия крайова овладеть городом не сможет и что рано или поздно Варшава будет освобождена Красной армией. 2 октября 1944 г. после 63 дней боев командующий Армией крайовой подписал акт о капитуляции. Все население Варшавы гитлеровцы изгнали и приступили к методическому уничтожению города. Многие польские патриоты оказались в концлагерях. Попытка установить в Варшаве власть Армии крайовой провалилась. Восстание привело к гибели 22 тыс. повстанцев, 5,6 тыс. воинов Войска польского, 180 тыс. жителей города и почти полному уничтожению польской столицы[75].

29 августа выходом советских войск на рубеж Елгава, Добеле, Августов, рек Нарев и Висла завершилась Белорусская наступательная операция, продолжавшаяся 68 суток. Ставка ВГК приказала войскам четырех фронтов перейти к обороне на всем фронте.

Операция «Багратион» является одной из самых крупных операций не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Ее отличительная особенность — это огромный пространственный размах и впечатляющие оперативно-стратегические результаты. Войска Красной армии, начав наступление 23 июня на фронте 700 км, к концу августа продвинулись на 550–600 км к западу, расширив фронт военных действий до 1100 км. От захватчиков была очищена обширная территория Белоруссии — 80% и четвертая часть Польши. Советские войска вышли к Висле и границе с Восточной Пруссией. Разгрому подверглась одна из наиболее сильных вражеских группировок — группа армий «Центр». Из 97 дивизий и 13 бригад вермахта, участвовавших в боях, 17 дивизий и три бригады были полностью уничтожены, а 50 дивизий лишились более половины своего состава. Германские войска потеряли 409,4 тыс. солдат и офицеров, в том числе 255,4 тыс. безвозвратно. В ходе операции войска четырех советских фронтов взяли в плен более 200 тыс. немецких солдат и офицеров[76].

Операция «Багратион» явилась первой стратегической наступательной операцией Красной армии, проведенной в период, когда в Западной Европе начали военные действия вооруженные силы США и Англии. При этом 70% сухопутных сил вермахта продолжало сражаться на советско-германском фронте. Катастрофа в Белоруссии вынудила германское командование перебросить сюда крупные стратегические резервы с запада, что, разумеется, создавало благоприятные условия для наступательных действий союзников после высадки их войск в Нормандии и ведения коалиционной войны в Европе.

Победа в Белоруссии произвела огромное впечатление на правительства союзных держав. Президент США Ф. Рузвельт в послании И. В. Сталину от 21 июля 1944 г. писал: «Стреми-

тельность наступления Красной армии изумительна, и я очень желал бы иметь возможность посетить Вас, чтобы посмотреть, как Вам удается поддерживать связь с наступающими войсками и обеспечивать их снабжение». Английский премьер-министр У. Черчилль, отмечая огромные успехи Красной армии, так оценил положение Германии: «Мало оснований сомневаться в том, что вскоре наступит ее общий крах»[77].

В ходе наступления войска четырех фронтов потеряли 765 815 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и убывшими по болезни, что составляет 48,8% их общей численности к началу операции. А безвозвратные потери составили 178 507 человек. Фронты потеряли 2957 танков и САУ, 2447 орудий и минометов, 822 боевых самолета и 183,5 тыс. единиц стрелкового оружия[78].

Выход Красной армии к границе Восточной Пруссии и Висле открывал новые перспективы для проведения крупных операций в целях окончательного освобождения Прибалтийских республик, Польши, овладения Восточной Пруссией и глубокого вклинения на варшавско-берлинском направлении. Используя создавшуюся обстановку, американо-английские войска 25 июля развернули наступление во Франции с плацдарма, захваченного в Нормандии, активизировали боевые действия в Италии, а 15 августа высадились в Южной Франции.

Сравнивая успехи англо-американских войск и Красной армии в то лето, историки России и значительной части западных стран расходятся в оценках результатов операций «Оверлорд» и «Багратион», по-разному рассматривают роль западного и восточного фронтов в сокрушительном разгроме вермахта в 1944 г. Успехи союзных войск в Западной Европе породили у некоторых авторов, причем не только в западных странах, но в последние годы и в нашей стране, тенденцию приписывать второму фронту главенствующую роль в военных действиях в Европе в 1944 г. Утверждается, что «военное положение Германии стало безнадежным именно с тех пор, как ей не удалось сбросить в море союзников в день высадки»[79]. Считают, что «до высадки теоретически было еще допустимо, что Гитлер может выиграть войну»[80]. Однако, как свидетельствуют факты, второй фронт, несмотря на безусловные успехи, одержанные союзниками, так и не стал «первым» по своей значимости в войне. Да и не мог. Даже после открытия второго фронта в Европе против Красной армии сражалось от 195 до 240 дивизий, а на западном фронте — только 56—75 дивизий. Перед завершающей кампанией 1945 г. советские войска имели против себя 179 немецких и 16 венгерских дивизий, а англо-американские войска — 106 немецких дивизий. Хотя, конечно же, наступление союзных войск на западе значительно усилило натиск на Третий рейх, ускорило окончание войны в Европе.

Немецкая группа армий «Центр», против которой направлялся основной удар, потерпела полное поражение. «Менее чем за две недели Красная армия изгнала противника из Белоруссии, — писал известный английский военный теоретик и историк Б. Г. Лиддел Гарт. — К середине июля 1944 г. она заняла больше половины северо-восточной части Польши... окружила Вильнюс, переправилась через Неман, приближаясь к границам Восточной Пруссии»[81].

Как свидетельствуют немецкие документы, в июне, когда началась Белорусская операция, восточный фронт был усилен тремя дивизиями, а с него не было снято ни одной немецкой дивизии. В июле — августе сюда прибыло 15 дивизий и четыре бригады вермахта, а убыло на переформирование в Германию четыре дивизии. Потери вермахта на советско-германском фронте также значительно превосходили те, которые понесли немецкие войска в июне — августе в Западной Европе: 917 тыс. против 294 тыс. человек. При этом надо иметь в виду, что немецкие дивизии на западе имели низкую боеспособность, так как были укомплектованы только на 60—71%, недостаточно обучены и вооружены. Это, по свидетельству главнокомандующего войсками вермахта в июле 1944 г. на западе фельдмаршала Г. фон Клюге, явилось «неизбежным следствием отчаянного положения на востоке».

26 июня 1944 г. американская газета «Джорнэл», оценивая начавшуюся операцию «Багратион», писала о действиях советских войск: «Они помогли так, как если бы сами штурмовали укрепления на французском побережье, ибо Россия начала крупное наступление, вынудившее немцев держать миллионы своих войск на восточном фронте, которые в противном случае могли легко оказать сопротивление американцам во Франции». Лондонское радио 16 июля

1944 г. отмечало: «Русское наступление называют лавиной. Если сравнить его темпы с темпами наступления войск союзников в Нормандии, то последнее... идет пока очень медленно»[82]. Это подтверждают и свидетельства гитлеровских генералов. Так, Г. Гудериан вспоминал: «В то время как на фронте в Нормандии развертывавшиеся передовые части западных союзников готовились осуществить прорыв нашего фронта... на восточном фронте развивались события, непосредственно приближавшие чудовищную катастрофу»[83].

В то время, когда шли ожесточенные сражения в Белоруссии, последовал новый сокрушительный удар по немецко-фашистским войскам в западных областях Украины. Здесь войскам Красной армии противостояла сильная вражеская группировка — группа армий «Северная Украина» под командованием генерала Й. Харпе. Конкретные задачи 1-му Украинскому фронту по подготовке операции, получившей впоследствии название Львовско-Сандомирской, Ставка ВГК определила в своей директиве от 24 июня 1944 г. Цель операции заключалась в том, чтобы разгромить группу армий «Северная Украина», завершить освобождение Украины и начать изгнание врага с территории Польши. На первом этапе предполагалось разгромить львовскую и рава-русскую группировки противника. Достижение этой цели создавало благоприятные условия для развития наступления в западном направлении к рекам Сан и Висла и предгорьям Карпат[84].

К началу наступления 1-й Украинский фронт, возглавляемый маршалом И. С. Коневым, имел в своем составе 1,2 млн человек, 13,9 тыс. орудий и минометов калибра свыше 76-мм, 2,2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 2806 самолетов. До 70% войск и артиллерии, более 90% танков и САУ сосредоточивалось на участках прорыва. Немецкое командование, понимая важность сохранения в своих руках Западной Украины как плацдарма, с которого Красная армия может прорваться в южные районы Польши и Чехословакии, создало хорошо укрепленную, глубокоэшелонированную оборону. Группа армий «Северная Украина», удерживая фронт от Припяти до Карпат (440 км), к началу операции состояла из 4-й и 1-й немецких танковых и 1-й венгерской армий (40 дивизий, из них пять танковых, одна моторизованная и две бригады). Всего группа армий насчитывала 600 тыс. человек (с частями тыла 900 тыс. человек), 900 танков и штурмовых орудий, 6,3 тыс. орудий и минометов, 700 самолетов 4-го воздушного флота. К середине июля на подступах к Висле и Карпатам противник создал оборону из трех полос общей глубиной 40—50 км, не считая внешних и внутренних обводов вокруг Львова. Сильнее всего оборона была на львовском направлении[85]. Это было самое крупное фронтовое объединение из тех, которые создавались в предыдущих наступательных операциях Великой Отечественной войны, и это был единственный за время войны случай, когда задача разгромить группу армий противника ставилась одному фронту.

В связи с успешным наступлением Белорусских фронтов немецкое командование в ночь на 13 июля начало отводить свои войска на рава-русском направлении. Используя столь выгодно сложившуюся обстановку, командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев приказал главным силам 3-й гвардейской и 13-й армий, не проводя артиллерийской подготовки, перейти в наступление. Боевые действия в течение дня развивались успешно. Но смять противника во время отхода и на его плечах с ходу занять вторую полосу обороны, к сожалению, не удалось. Немцы оказывали упорное и организованное сопротивление. Потребовалось провести артподготовку, осуществить ввод вторых эшелонов стрелковых корпусов. 14 июля на южном участке атаковали врага соединения 38-й и 60-й армий. Развернулись тяжелые бои по всему фронту, особенно на южном участке, где противник нанес сильный контрудар. Ломая сопротивление врага, советские войска продвигались вперед. К исходу следующего дня после ожесточенных боев на рава-русском направлении вражеская оборона была прорвана на глубину 15—20 км. На львовском направлении завершить прорыв к намеченному сроку не удалось. Завершив прорыв вражеской обороны на северном участке, командование фронта ввело в сражение подвижные войска: 16 июля — КМГ В. К. Баранова, а с утра 17 июля — 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М. Е. Катукова. Советские конники и танкисты развернули стремительное наступление на Ярослав, а также в обход бродской группировки врага с севера. Важным событием явилось форсирование Западного Буга и вступление войск фронта 17 июля на территорию Польши.

На львовском направлении на всем фронте 60-й и 38-й армий шли ожесточенные сражения. В ходе контрударов врагу удалось на некоторых участках потеснить части 38-й армии на 2–4 км. Чтобы выправить положение, во второй половине дня 15 июля бомбардировщики и штурмовики 2-й воздушной армии совершили около 2 тыс. самолето-вылетов. Ударами авиации и артиллерии вражеские танковые дивизии были дезорганизованы, и наступательные возможности их к исходу дня резко снизились. Контрудар противника был отбит. Настало время вводить танковые армии, однако условия для этого были очень сложными. 3-я гвардейская танковая армия вводилась в сражение 16 июля через так называемый колтовский коридор (восточнее г. Золочев, у местечка Колтов) шириной 4–6 км. Бездорожье, проливные дожди вынуждали соединения армии двигаться по одному маршруту под артиллерийско-минометным огнем врага. Стремясь ликвидировать колтовский коридор и не допустить прорыва танковых войск в оперативную глубину, гитлеровцы непрерывно контратаковали с севера и юга. Создалась исключительно напряженная обстановка. Однако танкисты продолжали двигаться вперед. Вечером 16 июля генерал П. С. Рыбалко донес, что его корпуса вышли в район северо-восточнее Золочева, а передовые отряды армии выдвинулись к р. Пелтев. С утра 17 июля через колтовский коридор начала входить в прорыв и 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко. Стремясь остановить наши танки, враг продолжал упорно контратаковать. Ввод в прорыв двух танковых армий в такой узкой полосе при одновременном отражении сильных контратак противника на флангах является единственным примером в истории Великой Отечественной войны.

Прорыв вражеской обороны был завершен лишь к исходу дня 18 июля. Оборона противника была взломана на фронте 200 км, соединения 1-го Украинского фронта продвинулись на глубину 50–80 км и окружили в районе Броды восемь дивизий. В течение пяти суток, к исходу 22 июля, войска 13-й и 60-й армий при поддержке 2-й воздушной армии завершили ликвидацию бродской группировки врага. Были уничтожены более 30 тыс. солдат и офицеров противника и 17 тыс. взяты в плен, в том числе командир армейского корпуса с его штабом, а также два командира дивизии. В качестве трофеев было захвачено 719 орудий, до 1,1 тыс. минометов и около 3,9 тыс. автомашин, а также много другого вооружения и техники[86]. Разгром бродской группировки врага имел большое оперативное значение. Теперь войска львовской ударной группировки могли полностью развернуть свои силы для наступления на Львов.

Пока шло уничтожение противника в районе Броды, главные силы фронта продолжали наступление. Особенно успешно оно развивалось на правом крыле фронта. 1-я гвардейская танковая армия генерала М. Е. Катукова, повернувшая 20 июля на юго-запад, стремительно развивала наступление к р. Сан, чтобы, форсировав ее, перехватить пути отхода противника на запад. В это время соединения 3-й гвардейской и 4-й танковых армий развивали наступление на Львов. Маршал И. С. Конев решил освободить город путем глубокого обходного маневра танковых армий и одновременного удара по врагу с востока. Этот замысел был осуществлен блестяще. За три дня 3-я гвардейская танковая армия, используя успех правого крыла фронта, совершила 120-километровый марш-маневр в обход Львова с севера. 24 июля она вышла в район Яворова и развернула наступление одновременно на двух противоположных направлениях — на Львов и Перемышль. Умело действовала и 4-я танковая армия, части которой на рассвете 22 июля ворвались во Львов с юга. Город был освобожден утром 27 июля. Почти одновременно с освобождением Львова войска 3-й и 1-й гвардейских танковых армий 27 июля ночным штурмом взяли город и крепость Перемышль.

За две недели наступления 1-й Украинский фронт нанес тяжелое поражение группе армий «Северная Украина» и продвинулся на запад более чем на 200 км в полосе шириной 400 км. Группа армий «Северная Украина» оказалась рассеченной на две части. 4-я немецкая танковая армия откатывалась за Вислу, а 1-я танковая и 1-я венгерская армии — в Карпаты. Между 1-й и 4-й немецкими танковыми армиями образовался разрыв шириной до 100 км.

Командование вермахта принимало срочные меры, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению войск 1-го Украинского фронта на сандомирском направлении. Туда стягивались войска, которые снимались с других участков восточного фронта, а также пе-

ребрасываемые из Европы. Ставка ВГК 27 июля потребовала от маршала И. С. Конева продолжать преследование противника, форсировать Вислу и захватить плацдармы на ее левом берегу. Одновременно фронт должен был своим левым крылом освободить Закарпатскую Украину[87]. В связи с тем, что действия войск фронта развивались по двум расходящимся направлениям (на северо-запад и юго-запад), Ставка ВГК 30 июля приняла решение образовать из войск левого крыла 1-го Украинского фронта новый фронт — 4-й Украинский. В его состав вошли 1-я гвардейская и 18-я общевойсковые, 8-я воздушная армии[88]. Создание нового фронта было завершено к 5 августа.

Войска 1-го Украинского фронта без паузы продолжали продвигаться к Висле, причем главные силы фронта были повернуты на новое, сандомирское направление. Форсирование Вислы с ходу было весьма трудной задачей. Ширина реки в районе Сандомира достигала 250 метров, а глубина превышала 2 метра. 29 июля 3-я гвардейская армия, взаимодействуя с КМГ генерала С. В. Соколова, в районе Аннополя (севернее Сандомира) вышла к реке. На следующий день ее передовые части захватили небольшие плацдармы на левом берегу Вислы, но из-за сильного сопротивления врага расширить их не удалось. Более успешно действовали соединения 1-й гвардейской танковой и 13-й армий. К исходу 30 июля на захваченный ими плацдарм удалось переправить основные силы 24-го стрелкового корпуса 13-й армии и мотопехоту 1-й гвардейской танковой армии. К 1 августа были наведены паромные переправы, по которым на плацдарм быстро перебросили танки, артиллерию и пехоту. Сюда же переправилась и 3-я гвардейская танковая армия. Бои за расширение плацдарма не прекращались ни днем, ни ночью.

Последующие бои приняли затяжной характер. Немцы продолжали подбрасывать свежие дивизии. К концу августа противник увеличил количество своих войск на сандомирском плацдарме более чем в два раза. Однако войска фронта отразили все контрудары противника. К концу Львовско-Сандомирской операции плацдарм был увеличен до 75 км по фронту и до 60 км в глубину. Наличие такого важного плацдарма обеспечивало возможность развернуть на нем крупную ударную группировку для последующего наступления на запад, в Силезию. В конце августа войска 1-го Украинского фронта, отразив все контрудары противника, успешно завершили наступательную операцию и в соответствии с директивой Ставки ВГК 29 августа перешли к обороне.

В результате Львовско-Сандомирской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта нанесли тяжелое поражение одной из четырех стратегических группировок германского вермахта, действовавших на советско-германском фронте, — группе армий «Северная Украина». Крупные потери вынудили немецкое командование перебросить в полосу наступления 1-го Украинского фронта 10 дивизий (из них три танковые) с других направлений, в том числе до восьми дивизий из группы армий «Южная Украина», что облегчило войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов разгром противника в районах Ясс и Кишинёва. Из участвовавших в сражении 56 дивизий группы армий «Северная Украина» (в том числе 10 танковых и моторизованных) было уничтожено восемь дивизий и разгромлено 32. Только с 14 по 31 июля враг потерял убитыми, ранеными и пленными около 200 тыс. солдат и офицеров, свыше 2,2 тыс. орудий и минометов разного калибра, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 666 железнодорожных вагонов, 12 тыс. лошадей и до 150 различных складов. Напряженная борьба потребовала немалых жертв и со стороны советских войск. Они потеряли около 290 тыс. человек (из них 65 тыс. безвозвратно), свыше 1,8 тыс. орудий и минометов, около 1,3 тыс. танков и САУ, около 300 самолетов[89].

Войска 1-го и 4-го Украинских фронтов освободили от немецко-фашистских захватчиков западные области Украины, а также юго-восточную часть Польши, захватили крупный плацдарм на западном берегу Вислы, с которого впоследствии развернулось наступление в центральные районы Польши и далее к границам Германии.

В летне-осенней кампании 1944 г. Красная армия вела наступление на фронте протяженностью 4,2–4,5 тыс. км, войска союзников — на фронте 600–800 км. За шесть месяцев наступления советские войска продвинулись на запад на 600–800 км, а на некоторых направ-

лениях — до 1100 км, продвижение союзников в Западной Европе к концу 1944 г. составило лишь 260–450 км.

Оценивая впоследствии результаты летнего и осеннего наступления советских войск в 1944 г., бывший фашистский генерал З. Вестфаль писал: «В течение лета — осени 1944 г. немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже сталинградское... Теперь Германия неудержимо катилась в пропасть»[90].

Кризис и распад блока агрессоров

В период непосредственной подготовки Германии к нападению на СССР в основном завершился процесс формирования агрессивной военной коалиции. К заключенному 27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией военному союзу (Пакт трех держав) до середины июня 1941 г. присоединились Венгрия, Румыния, Болгария, а также марионеточные государственные образования — Словацкая Республика и Независимое Государство Хорватия. В этот же период на совместной антисоветской основе установилось тесное германо-финляндское военное сотрудничество. В силе оставался заключенный в 1936–1937 гг. между Германией, Италией и Японией Антикоминтерновский пакт, к которому до начала Второй мировой войны присоединились Венгрия, марионеточное государство Маньчжоу-Го и франкистская Испания. Ведущее положение в блоке агрессоров по праву сильного занимала Германия. Ее высшее руководство рассматривало более слабых союзников как вассалов, отводя им вспомогательную роль в реализации собственных захватнических планов. Что касается остальных участников этого блока, то они после молниеносных кампаний вермахта в Европе уверовали в непобедимость Германии и полагали, что благодаря сотрудничеству с таким могущественным партнером им удастся закрепить за собой ранее захваченные территории или приобрести новые.

После того как 22 июня 1941 г. мощная группировка немецких войск развернула решительное наступление в глубь советской территории, все союзники Германии предполагали, что война против СССР будет победоносно завершена максимум через три-четыре месяца. Поэтому многие из них поспешили зафиксировать свой вклад в уничтожение Советского Союза. Летом 1941 г. Финляндия и Румыния выставили против СССР по две армии, Италия, Венгрия и Словакия — по одному корпусу. При этом финляндское руководство рассчитывало захватить Советскую Карелию, Кольский полуостров и часть Ленинградской области к северу от Невы и Свири[91]. Румынский диктатор И. Антонеску заручился согласием А. Гитлера на «неограниченное» расширение территории за счет Украины[92]. За услуги А. Гитлеру венгерское правительство надеялось «получить обратно все территории исторической Венгрии»[93], то есть распространить свою власть на всю Трансильванию, а также на утраченные после Первой мировой войны словацкие и часть украинских земель[94]. Б. Муссолини направил свои войска на советско-германский фронт, стремясь не допустить «после германской победы над Россией слишком большой диспропорции между германским и итальянским вкладом в войну»[95].

Нацистская пропаганда с первых дней войны против СССР пыталась представить операцию «Барбаросса» как крестовый поход цивилизованной христианской Европы против большевизма, как общеевропейскую освободительную войну. Так нацистская верхушка надеялась скрыть свои истинные преступные замыслы и планы массового уничтожения советских граждан, разграбления СССР и расширения за счет его территории «жизненного пространства» германской империи с тем, чтобы завоевать симпатии антибольшевистски настроенной части населения нейтральных и оккупированных стран, умножить круг соучастников антисоветской агрессии. Во многих странах Европы были развернуты немецкие пункты вербовки желающих принять участие в антисоветском крестовом походе. Таких оказалось немного. Во второй половине 1941 г. их общая численность не превышала 43 тыс.

человек. Из них были сформированы 250-я испанская пехотная дивизия («Голубая дивизия»), 369-й хорватский усиленный полк, 638-й французский пехотный полк, 373-й валлонский пехотный батальон, норвежский добровольческий легион СС, финский, шведский и датский батальоны СС[96]. Какого-либо заметного влияния на ход военных действий на советско-германском фронте эти добровольческие формирования не оказали.

Развернувшаяся с 22 июня 1941 г. ожесточенная вооруженная борьба на всех участках фронта, упорство советских войск в обороне довольно быстро заставили европейских союзников Германии пересмотреть свои первоначальные представления о скором и победоносном завершении войны против СССР. Уже в конце июля 1941 г. итальянское руководство пришло к выводу, что Красная армия сумеет выстоять не только в течение осени, но и зимой 1941—1942 гг., что война с Россией «будет иметь непредсказуемые последствия»[97]. Особую позицию заняла Болгария. Ее правящая верхушка была вынуждена считаться с болгарским народом, который сохранил чувство благодарности к России и русским, оказавшим ему помощь в 1878 г. в избавлении от османского ига. Поэтому болгарское правительство не объявило войну СССР и в конце августа 1941 г. приняло решение не направлять свои войска на советско-германский фронт[98].

Одним из первых, кто почувствовал непредсказуемость результатов Восточного похода вермахта, был венгерский диктатор М. Хорти. 7 сентября он прибыл в ставку А. Гитлера в Виннице и потребовал вывести с фронта понесший большие потери венгерский подвижный корпус. Немецкое командование удовлетворило это требование лишь в начале ноября[99]. Из-за больших потерь финляндских войск их главнокомандующий К. Г. Маннергейм в сентябре отклонил требование немецкого командования принять участие в штурме Ленинграда[100]. Одновременно правительство Финляндии поставило в известность Берлин о намерении сократить численность своих вооруженных сил на 140—150 тыс. человек, мотивируя это необходимостью ликвидировать острую нехватку в стране рабочих рук, возникшую в результате проведения в июле общей мобилизации[101].

С конца июня 1941 г. Германия стала настаивать на том, чтобы Япония выступила против СССР. Сначала японское правительство проявило готовность удовлетворить это требование. В течение июля — начале августа численность Квантунской группировки войск, развернутой у дальневосточной границы СССР, была удвоена и доведена до 850 тыс. человек[102]. Из Токио в Берлин поступило сообщение от японского командования о его решимости «как можно скорее вступить в войну против Советского Союза»[103]. Однако японское правительство, исходя из анализа хода военных действий на советско-германском фронте, скоро убедилось в том, что Германия в 1941 г. войну не выиграет, и отложило нападение на СССР. 30 августа 1941 г. военно-морской атташе Германии в Токио контр-адмирал П. Ваннекер сообщил в Берлин, что после бурной дискуссии японское руководство приняло решение «не нападать на Россию» и что «армия также отказалась от выполнения своих планов на севере до весны 1942 г.»[104]. Япония завершала подготовку к вступлению в войну с США и Великобританией. 21 ноября германское правительство на запрос японского генерального штаба о том, будет ли Германия помогать Японии в случае ее войны против США, дало утвердительный ответ[105]. Оно было заинтересовано в развязывании Японией войны и на Тихом океане, надеясь, что она своими действиями лишит США возможности оказывать материальную помощь Великобритании и СССР.

Чтобы укрепить пошатнувшееся единство в рядах союзников, германское правительство выступило инициатором продления истекавшего в 1941 г. срока действия Антикоминтерновского пакта. 25 ноября в Берлине состоялась церемония подписания Испанией, Италией, Японией, Венгрией, Германией и Маньчжоу-Го «Протокола о продлении срока действия пакта против Коммунистического интернационала»[106]. В тот же день протоколы о присоединении к Антикоминтерновскому пакту подписали Болгария, Румыния, Словакия и Хорватия, а также Финляндия и Дания. Марионеточное китайское правительство Нанкина направило ноту о вступлении в Антикоминтерновский пакт еще 23 ноября 1941 г. В связи с продлением и расширением числа участников пакта в Берлине состоялись торжества под

знаком крестового похода против большевизма. Однако эта пропагандистская акция мало что изменила во взаимоотношениях Германии с ее союзниками.

Существенным фактором, способствовавшим возникновению напряженности внутри блока агрессоров, был провал их ставки на отсутствие у СССР союзников. Начавшееся сразу после 22 июня 1941 г. сближение СССР, США и Великобритании показало правителям Венгрии, Румынии и Финляндии, что, вступив в войну против СССР, они оказались отнюдь не по своей воле противниками западных держав. В связи с этим они пытались демонстрировать свою лояльность к США и Великобритании, чем вызывали раздражение Берлина. Характерно заявление румынского диктатора И. Антонеску, которое он сделал после того, как Великобритания по настоянию СССР объявила 7 декабря 1941 г. войну Румынии, Венгрии и Финляндии, а Япония в тот же день развязала войну против США и Великобритании на Тихом океане: «Я являюсь союзником рейха в войне против России. Я нейтрален в конфликте между Великобританией и Германией. Я на стороне американцев против Японии»[107].

11 декабря 1941 г. Германия и Италия подписали с Японией соглашение о ведении совместной войны против США и Англии до победного конца. На следующий день под давлением Берлина Венгрия вместе с Румынией объявили войну США, а Болгария — одновременно и США, и Великобритании. Финляндия, не связанная членством в Пакте трех держав, не последовала их примеру. До июня 1944 г. США сохраняли с ней дипломатические отношения. Маскируя свой антисоветский сговор с Германией, правительство Финляндии утверждало, что оно ведет якобы самостоятельную «войну-продолжение» Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., никак не связанную с возникновением войны между великими державами.

18 января 1942 г. было подписано германо-итальяно-японское военное соглашение «об оперативном взаимодействии», по которому Япония взяла на себя обязательство вести боевые действия в Азии к востоку от 70-го градуса восточной долготы, а Германия и Италия — к западу от этой координаты. Соглашение предусматривало в случае необходимости переброску части сил военно-морского флота Японии в Атлантику на помощь Германии и Италии или части флотов Германии и Италии на Тихий океан[108].

Вступление Японии войну способствовало некоторому укреплению положения стран оси и в какой-то степени компенсировало рост центробежных тенденций во взаимоотношениях нацистской Германии со своими союзниками. 26 января 1942 г. на совещании штаба верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель следующим образом сформулировал задачи нового наступления: «Цель высшего руководства состоит в том, чтобы весной продолжить наступление и окончательно уничтожить ослабленных русских. Период плохой погоды весной даст время для отдыха войск и подготовки к выполнению новых задач. Союзники также предоставят нам значительные силы с тем, чтобы принять участие в наступлении»[109].

Для участия в «большом наступлении» летом 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта в группу армий «Б» были выставлены 8-я итальянская, 2-я венгерская, 3-я и 4-я румынские армии. Прибывшие на фронт итальянские, венгерские и румынские войска подвергались дискриминации со стороны немецкого командования, исповедовавшего расистские идеи. Созданные германские штабы связи при союзных армиях осуществляли над ними полный контроль. Вместе с тем они мало уделяли внимания снабжению союзных армий продовольствием, оружием, боеприпасами и прочим. Некоторые из высших гитлеровских генералов считали излишним скрывать свое презрение к ним, насмешливо называя их «армиями Лиги Наций»[110].

Менее сговорчивыми союзниками Германии оказались Финляндия и Япония. Финское руководство зимой 1941–1942 гг. не изъявило готовности увеличить свой военный вклад в войну против СССР. Напротив, в начале 1942 г. с фронта были сняты 180 тыс. финских солдат[111]. Но захваченные районы Карелии, включая Петрозаводск (переименован финнами в Яанислуннд), были освобождены Красной армией только в 1944 г.

После катастрофы вермахта под Москвой весьма усложнились отношения Германии с Японией. С одной стороны, японское политическое и военное руководство, особенно командование сухопутных войск, возлагало большие надежды на успех нового наступле-

ния вермахта. Японский генштаб разработал на 1942 г. новый план войны против СССР, в котором предусматривалось захватить советскую Сибирь и установить там японский оккупационный режим[112]. Этот план полностью совпадал с желанием гитлеровцев. С другой стороны, японские правящие круги выражали сомнения в целесообразности возобновления наступательных действий немецких войск на советско-германском фронте. Об этом свидетельствовало рассмотрение командованием Германии и Японии возможности установления между флотами обеих стран непосредственной связи через Индийский океан. При обсуждении этого замысла глава японской военной миссии в Германии вице-адмирал Н. Номура в феврале 1942 г. предложил направить главный удар стран оси на «юго-восток против английских владений в Северной Африке и на Ближнем Востоке». Еще более четко и откровенно эту идею высказывали представители ВМС Японии германскому военному атташе в Токио. 3 марта 1942 г. они утверждали, что «если удастся в ближайшие месяцы установить связь между Восточной Азией и Европой через Индийский океан, то можно будет считать войну выигранной и Британскую империю уничтоженной». Они настаивали на том, чтобы во имя достижения этой цели Германия на какое-то время «отложила окончательный разгром Советского Союза», и даже предложили свое посредничество в германо-советских переговорах о перемирии[113]. 18 марта 1942 г. в Токио из Берлина пришел ответ на это предложение. В нем сообщалось, что «Германия и ее союзники чувствуют себя достаточно сильными для того, чтобы в этом году начать решающее наступление и разгромить Россию», и утверждалось, что вермахт «проложит путь к соединению с японскими вооруженными силами не только через Африку и восточную часть Средиземноморья, но и через Кавказ»[114].

Когда в конце лета 1942 г. началось наступление немецких армий на Сталинград и Кавказ, японские правящие круги всячески демонстрировали свое восхищение его первоначальными успехами, выражали надежду на «полную германскую победу». Они заверяли своих европейских союзников в том, что выступят против СССР осенью 1942 г. или самое позднее весной 1943 г.[115] Однако, как и в 1941 г., Красная армия сломила новое наступление вермахта, командование которого в октябре 1942 г. отдало приказ своим войскам «во что бы то ни стало удерживать зимние позиции» и тешило себя мыслями о том, что зима будет не столь жестокой, как в 1941 г.[116]

Стойкость советского народа и героическая борьба его вооруженных сил, с одной стороны, рост тягот войны и антивоенных настроений среди населения союзных Германии европейских стран — с другой, побуждали последних уже с начала 1942 г. искать запасные варианты самосохранения и закрепления за собой захваченных у других народов территорий. Правящие круги Венгрии и Румынии, например, учитывая наличие антисоветских тенденций в политике США и Англии, стремились восстановить «сожженные ранее мосты» с этими державами, заручиться их поддержкой на случай разгрома Германии. Так, с ведома диктатора И. Антонеску в Румынии стала действовать группа англофилов во главе с министром иностранных дел М. Антонеску, лидером влиятельной национал-царанистской партии Ю. Маниу и другими, выступая за установление отношений с Великобританией и США.

Как стало известно немецкому руководству, уже в марте 1942 г. бывший румынский министр иностранных дел Г. Гафенку установил связи с «близкими к врагам» кругами в Швейцарии и получил задание от своего правительства «добиться от англичан понимания ситуации, в которой находится Румыния»[117].

Диктатор М. Хорти 9 марта 1942 г., стремясь обеспечить себе большую свободу маневра, сместил с поста премьер-министра преданного гитлеровцам Л. Бардоши и заменил его на М. Каллаи, который считал недальновидной ставку только на «германскую карту». Согласно донесению германского посольства в Швейцарии, вскоре после смены правительственного кабинета в Венгрии группа венгерских промышленников через посредника в Швейцарии обратилась к Великобритании, проявлявшей ранее определенное понимание стремления Венгрии вернуть некогда утраченные территории, с просьбой понять ее согласие удовлетворить требование Германии об участии в новом наступлении в целях разгрома советских войск[118]. Подобные донесения вызывали резкую реакцию со стороны нацистской верхушки.

В июле 1942 г. германское посольство в Риме доносило «о заметном ухудшении германо-итальянских отношений». Итальянские партнеры высказывали недовольство в связи с тем, что Германия, «верховодя в Европе», не желает предоставить Италии «почетное второе место», замалчивает ее «победы на Африканском и других театрах военных действий» и прочее. Осенью тон донесений стал еще более пессимистичным. Эти сообщения свидетельствовали о том, что в Италии большое распространение получила точка зрения, будто страна вступила в войну преждевременно, что неизвестно, каким образом Германия думает выиграть войну, поэтому следует искать пути к «достижению компромиссного мира»[119]. В октябре — начале ноября 1942 г. руководство Италии начало выражать беспокойство по поводу того, что, направив свои наиболее боеспособные силы на советско-германский фронт, оно лишило себя возможности успешно обороняться против англо-американских войск в Северной Африке. 5 ноября 1942 г. Б. Муссолини заявил германскому послу в Риме Г. Макензену, что, по его мнению, следует заключить мир с СССР[120].

В Финляндии пресса, особенно социал-демократическая, с осени 1942 г. стала допускать «недружественные» по отношению к Германии выпады и пропагандировать идею сепаратного мира. Среди финских руководителей, которые ранее «считали германскую победу аксиомой», высказывались большие сомнения на этот счет. Они прямо заявляли германским представителям, что Финляндия в создавшейся обстановке должна «искать защиты» не только у Германии, но и у США и Англии[121].

Так постепенно назревали предпосылки кризиса коалиционной политики Германии. Ее союзники все больше стали выражать сомнение в возможности сокрушить Советский Союз и вынашивали планы заключения сепаратного мира с США и Великобританией или с СССР, надеясь таким путем застраховать себя от разгрома.

19 ноября 1942 г. началось мощное контрнаступление Красной армии под Сталинградом, которое завершилось поражением 6-й и 4-й танковой немецких, 3-й и 4-й румынских, 8-й итальянской армий. В январе 1943 г. под ударами советских войск развалилась и 2-я венгерская армия на Верхнем Дону. Эта победа Вооруженных сил СССР положила начало кризису блока агрессоров. Внутри блока проявились непримиримые противоречия.

Еще до завершения советского контрнаступления между высшими государственными и командными инстанциями Третьего рейха и его союзников возникли распри по вопросу о том, кто виновен в катастрофе на Волге. Немецкое командование, стремясь сохранить свой престиж, возлагало вину на венгерскую, итальянскую и румынские армии, отмечая полную некомпетентность командующих этими армиями, «неправильное воспитание» их личного состава, отсутствие «духовной закалки и подготовки к борьбе против большевизма»[122]. 19 февраля 1943 г. И. фон Риббентроп заявил японскому послу в Германии Х. Осиме: «Поражение под Сталинградом стало возможным только потому, что Япония не напала на СССР»[123].

Союзники Германии, в свою очередь, выступили с нападками на командование вермахта. И. Антонеску сетовал, что доверился «легкомысленным» немецким генералам, допустившим недооценку противника, и напомнил партнерам в Берлине о том, что своими крайне неудачными действиями они подрывают основы его власти в Румынии[124]. Итальянский военный атташе в Берлине генерал Э. Маррас всю ответственность за разгром 8-й итальянской армии стремился переложить на командование вермахта и выражал протесты по поводу замалчивания им «подвигов итальянцев». Он разыгрывал в высших командных инстанциях Третьего рейха столь «малорадостные сцены», что ему было отказано в праве появляться там без письменного разрешения[125].

Поражение под Сталинградом окончательно подорвало престиж вермахта в глазах союзников Германии. Они открыто стали говорить о том, что он уступает Красной армии в военном искусстве. 25 января 1943 г. германское посольство в Риме, например, доносило в Берлин: «Озабоченность и беспокойство в связи с развитием событий на Востоке возрастают в политических и военных кругах. Новая русская тактика характеризуется здесь как «очень грамотная». По их мнению, она применяется русскими с очень большим мастерством»[126]. В финской прессе весной того же года появились статьи, в которых выражалось сомнение,

удастся ли немецким генералам «найти эластичную оборонительную тактику против новой наступательной тактики русских»[127].

Крайне разошлись взгляды Германии и ее главных союзников — Италии и Японии — по вопросам дальнейшего стратегического планирования войны. Нацистская верхушка, отметив катастрофу вермахта под Сталинградом трехдневным трауром, объявила тотальную мобилизацию страны с тем, чтобы «продолжать борьбу на Востоке, с союзниками или без них, до тех пор, пока русский колосс не будет окончательно уничтожен»[128]. Эта стратегическая установка была расценена руководством Италии и Японии как ошибочная. Они настаивали на переключении всех сил Пакта трех держав на борьбу против США и Великобритании. В декабре 1942 — апреле 1943 г. Б. Муссолини через своих представителей в Берлине, в письмах и личных беседах с А. Гитлером пытался убедить последнего в необходимости заключить компромиссный мир с СССР, мотивируя это тем, что «уничтожить Россию невозможно даже в том случае, если бы в войну против нее вступила Япония»[129].

Японское правительство встало на сторону Италии. В первой половине апреля 1943 г. японский генеральный штаб провел трехдневные военные игры в целях изучения обстановки на Европейском театре войны. Результат этих игр был доведен до сведения военного руководства Германии. Японские генштабисты пришли к выводу, что вермахт должен временно перейти к стратегической обороне на советско-германском фронте и перенести центр тяжести борьбы на западное Средиземноморье в целях подготовки и проведения нового наступления против англо-американских экспедиционных сил в Алжире с уже захваченного в ноябре 1942 г. плацдарма в Тунисе и из Испанского Марокко. Они предлагали также активизировать подводную войну на линиях коммуникаций, связывающих англо-американские войска в Северной Африке с США и Великобританией[130]. Но А. Гитлер и его генералы отвергли эти предложения, напротив, с января по апрель 1943 г. они вели дипломатические атаки на Японию, пытаясь спровоцировать ее нападение на СССР. И. фон Риббентроп в беседах с японским послом в Берлине пытался убедить его и его правительство, что СССР «никогда не был так слаб, как теперь», чуть не клялся, что «совместное наступление на Россию с двух сторон приведет ее к поражению». Но эти доводы оказались бесполезны. Японские милитаристы имели собственные соображения. В секретной оценке обстановки, одобренной 27 февраля 1943 г. японским имперским генеральным штабом, нападение на СССР определялось «как неподдающийся учету риск» и высказывалось сомнение в «возможности уничтожения его военными средствами»[131].

Важным симптомом кризиса германо-финляндских отношений явилось совещание маршала К. Г. Маннергейма с президентом К. Рюти и некоторыми членами финляндского правительства 3 февраля 1943 г., где было принято решение добиваться выхода из войны[132]. Стремясь расширить поле для политических маневров, правительство Финляндии после окружения 6-й немецкой армии под Сталинградом стало всячески подчеркивать свои особые взаимоотношения с США, с которыми поддерживало дипломатические отношения.

Сталинградская битва положила конец односторонней ориентации Румынии и Венгрии на Германию. Их правительства активно приступили к поиску путей для заключения сепаратного мира с Англией и США[133]. Однако, отказываясь признать необходимость урегулирования отношений с СССР, правители этих стран заранее обрекли на провал свои попытки избежать поражения. Руководство Германии расценивало мирный зондаж своих союзников как предательство. А. Гитлер в начале зимы 1943 г. настаивал на аресте министра иностранных дел Румынии М. Антонеску, смещении с поста венгерского премьер-министра М. Каллаи. Но эти требования были отклонены диктаторами Румынии и Венгрии. Не дал каких-либо результатов и запрет всякого общения германских представителей в Румынии и Венгрии с М. Антонеску и М. Каллаи. Этот запрет А. Гитлера был нарушен его соратником Б. Муссолини, который летом 1943 г. принял М. Антонеску и, в принципе, одобрил его стремление к сговору с правительствами США и Великобритании.

Потерпела крах попытка И. фон Риббентропа в марте 1943 г. получить от правительства Финляндии официальные заверения в том, что «без согласия Германии Финляндия не за-

ключит с СССР перемирия или мира»[134]. Финляндское руководство в ответ на это требование заявило, что такое заверение не будет иметь никакой политической силы, так как его никогда не одобрит парламент.

Свидетельством возросшего недоверия хортистской Венгрии и королевской Румынии к Германии после Сталинградской битвы явилась их положительная реакция на выдвинутый правительством Турции в феврале 1942 г. план создания проанглийской «Балканской федерации». Правительство Венгрии заявило, что оно с радостью приветствует этот план, который будет способствовать «усилению антибольшевистского фронта». Однако в мае румынское правительство само выдвинуло план создания независимого от Германии блока так называемой средиземноморской Антанты, основу которой должны были составить «антибольшевизм и антиславизм»[135].

А. Гитлер и его окружение стремились любой ценой удержать контроль над своими союзниками по агрессивной коалиции. С этой целью немецкое командование решило снова продемонстрировать мощь вермахта, вернуть утраченную им инициативу на советско-германском фронте. С весны 1943 г. оно начало готовить наступление в районе курского выступа (операция «Цитадель»). Как известно, и в Курской битве вермахт потерпел новое сокрушительное поражение. Под ударами Вооруженных сил СССР и других стран антигитлеровской коалиции блок агрессоров начал рушиться. Поражение вермахта в Курской битве, заставившее немецкое руководство перебросить большой резерв для восполнения потерь на советско-германском фронте, стало громадным подспорьем англо-американским войскам в проведении в июле 1943 г. успешной высадки на Сицилию, а затем в Южную Италию. Б. Муссолини 25 июля был отстранен от власти, и 3 сентября 1943 г. новое итальянское правительство П. Бадольо подписало «Краткие условия перемирия» с США и Великобританией. Начался развал блока агрессоров.

28 сентября немецкие войска начали оккупацию Италии и дошли до Неаполя. На занятой ими северной части страны была создана так называемая Республика Сало во главе с Б. Муссолини. Но ее положение фактически ничем не отличалось от положения других оккупированных немцами стран, где они распоряжались по своему усмотрению. Немецкое командование к ноябрю 1943 г. довольно откровенно констатировало, что в Северной Италии «Муссолини со своей камарильей практически не играет никакой роли», что он «уже не хозяин в своем доме»[136].

Чтобы удержать других европейских партнеров по коалиции, гитлеровское правительство стало все шире применять репрессивные меры. За попытку финляндского правительства весной 1944 г. установить контакты с Москвой И. фон Риббентроп отменил предусмотренную договором поставку 40 тыс. тонн зерна, а затем вообще запретил все поставки из Германии в эту страну. Стремясь разорвать установившиеся контакты между правительством Венгрии и представителями США и Великобритании, А. Гитлер 19 марта 1944 г. приказал ввести немецкие войска в Венгрию и установить там оккупационный режим[137].

Подобные меры оказывали устрашающее воздействие на правящую верхушку гитлеровских сателлитов. Когда 13 мая 1944 г. правительства СССР, США и Великобритании совместно обратились к правительствам Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии с предложением выйти из войны на стороне Германии, они его отвергли. Более того, пытаясь как-то отсрочить неминуемое возмездие, они увеличили численность своих войск на советско-германском фронте. Если к концу 1943 г. здесь действовала одна армия (10 дивизий), то летом 1944 г. — две румынские армии (22 дивизии и пять бригад). Весной 1944 г. Венгрия выставила на советско-германский фронт одну армию (12 дивизий и две бригады) и в августе — сентябре еще две армии (19 дивизий и две бригады)[138]. Финляндия в мае 1944 г. держала на северном крыле фронта 19 дивизий[139].

В создавшейся ситуации заставить этих союзников Германии отказаться от продолжения войны смогли лишь открытие США и Англией второго фронта и новые сокрушительные удары Красной армии. 10 июля советские войска развернули мощное наступление против обороны финнов на Карельском перешейке, которое завершилось освобождением почти

всей Карелии. Перед лицом неизбежного поражения финское правительство вступило в переговоры с СССР. 19 сентября 1944 г. в Москве состоялось подписание соглашения о перемирии СССР и Великобритании с Финляндией[140].

Окружение, а затем разгром крупной группировки немецких и румынских войск в районе Ясс и Кишинёва окончательно подорвали диктаторский режим И. Антонеску в Румынии. 22 августа 1944 г. там началось вооруженное восстание. К власти пришло новое правительство, которое 24 августа объявило войну Германии. 12 сентября 1944 г. оно подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией[141].

Летом 1944 г. резко активизировалось антифашистское движение Сопротивления в Болгарии. 9 сентября, на следующий день после того, как советские войска пересекли румыно-болгарскую границу, всю страну охватило восстание. К власти пришло новое правительство, которое объявило войну Германии. 28 октября 1944 г. оно подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией[142].

23 сентября 1944 г. советские войска развернули наступление в глубь Венгрии. На освобожденной ими территории к концу года было образовано Временное национальное правительство Венгрии. 28 декабря оно объявило войну Германии, а 20 января 1945 г. подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией[143].

К концу 1944 г. Германия практически лишилась всех своих европейских союзников. Что касается Японии, то к тому времени она уже давно находилась в глухой обороне.

После поражений вермахта под Москвой и Сталинградом японское руководство убедилось, что его расчеты на помощь со стороны Германии в войне против США и Великобритании оказались несостоятельны. Поэтому оно все больше внимания уделяло развитию сотрудничества с коллаборационистами стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Сначала Японии удалось привлечь на свою сторону Таиланд тем, что в 1941 г. она вынудила правительство вишистской Франции удовлетворить претензии таиландских властей на часть его владений в Индокитае. За эту услугу Таиланд предоставил Японии свою территорию для размещения ее войск и 25 января 1942 г. объявил войну США и Великобритании[144]. В августе 1943 г. секретное соглашение о сотрудничестве с Японией в войне с западными державами подписало правительство Бирмы. В сентябре того же года договор о союзе с Японией заключило марионеточное правительство Филиппин, в октябре — нанкинское правительство Китая[145].

Поддаваясь лживым обещаниям японского правительства освободить Индию от колониальной зависимости, на путь сотрудничества с Японией вступил видный в прошлом деятель индийского национального конгресса Субхас Чандра Бос. В 1943 г. из оказавшихся на оккупированной Японией территории других азиатских стран он сформировал Индийскую национальную армию численностью 40 тыс. человек, а также «временное правительство свободной Индии», которое в октябре объявило войну Великобритании и США[146]. Ставка Токио на развитие коллаборационизма по большому счету себя не оправдала. Большинство населения стран Азии и Тихого океана на собственном опыте все более убеждалось в том, что истинные цели Японии заключаются в их порабощении, а не освобождении. На всех территориях, оккупированных Японией, к концу войны развернулось мощное антияпонское национально-освободительное движение.

С конца 1941 г. правительства нацистской Германии и милитаристской Японии пытались любой ценой затянуть войну в надежде, что различными дипломатическими маневрами можно внести раскол в антигитлеровскую коалицию, выторговать для себя «почетный мир». Поэтому подписание Германией Акта о безоговорочной капитуляции явилось для Японии тяжелым ударом. Ответом на него было заявление японского правительства от 15 мая 1945 г. о том, что оно считает Пакт трех держав от 27 сентября 1940 г., германо-итальяно-японское военное соглашение от 11 декабря 1941 г. и Антикоминтерновский пакт, которые связывали Японию с Германией, утратившими силу[147]. На этом блок агрессоров официально прекратил свое существование.

Крушение агрессивной военной коалиции в решающей степени было обусловлено ходом вооруженной борьбы на всех фронтах, и прежде всего на советско-германском фронте.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы 1941—1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 7.

[2] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 3. С. 33.

[3] *Nash D.* Hell's Gate. The Battle of the Cherkassy Pocket January — February 1944, RZM Imports. 2002. P. 115.

[4] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). С. 42.

[5] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 37.

[6] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 520.

[7] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование (далее — Гриф секретности снят...). М., 1991. С. 227.

[8] 2-й Белорусский фронт (командующий — генерал-полковник П. А. Курочкин) был создан в Полесье.

[9] Освобождение Белоруссии. М., 1974. С. 30.

[10] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). С. 58.

[11] Там же. С. 58—59.

[12] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 45.

[13] Там же.

[14] История Великой войны: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 525.

[15] Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Изд. 2-е. Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 172.

[16] К началу 1944 г. во Франции в освободительной борьбе участвовали около 3 млн человек. Своими активными действиями партизаны в 1944 г. произвели больше разрушений на железных дорогах, чем союзная авиация своими бомбардировками: 2731 и 1134 соответственно.

[17] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 316.

[18] Там же.

[19] *Tute W. D.* Day. L., 1974. P. 16.

[20] *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 44.

[21] *Орлов А., Комаров Н.* Операция «Оверлорд» // Красная звезда. 1974. 6 июня.

[22] *Золотарев В. А., Лавров С. Б.* Второй фронт: 40 лет спустя. М., 1987. С. 50.

[23] Там же. С. 59.

[24] Там же. С. 59—60.

[25] *Scott Dunn W.* Front Now 1943. Jr. The University of Alabama Press, University, Alabama, 1980. P. 228.

[26] Цит. по: *Groehler O.* Krieg im Westen. Berlin, 1965. S. 260.

[27] *Золотарев В. А., Лавров С. Б.* Указ. соч. С. 62.

[28] *Scott Dunn W.* Front Now 1943. P. 258.

[29] *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф 1944. М., 2010. С. 22.

[30] *Золотарев В. А., Лавров С. Б.* Указ. соч. С. 83—84.

[31] Там же. С. 84.

[32] *Carell P.* Sie kommen. Oldenburg, 1960. S. 15–22.
[33] *Groehler O.* Krieg im Westen. S. 263.
[34] Lagebesprechungen im Führerhauptguartier. Stuttgart, 1964. S. 244–245.
[35] *Антошин А. В.* Российская эмиграция: история и современность. Екатеринбург, 2006. С. 5.
[36] *Вырубов Н.* Причины участия эмигрантов в войне 1939–1945 гг. В рядах французской армии и Сопротивления // В память павших воинов. Париж, 1991. С. 6–7.
[37] *Hoyt E.* The Invasion Before Normandy. L., 1988. P. 171–172.
[38] Освобождение 1944. Материалы в помощь лекторам. М., 2010. С. 316.
[39] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 316.
[40] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 1954. С. 326.
[41] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 316.
[42] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 145–146.
[43] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1962. Т. 4. С. 378.
[44] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 55.
[45] Там же.
[46] Там же. С. 59.
[47] Там же. С. 58.
[48] Освобождение 1944. Материалы в помощь лекторам. С. 120.
[49] История Великой Победы. М., 2005. С. 478.
[50] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 442.
[51] История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1978. Т. 9. С. 47.
[52] *Антипенко Н. А.* На главном направлении. М., 1982. С. 134.
[53] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 443.
[54] Цит. по: Освобождение Белоруссии. 1944. М., 1974. С. 30.
[55] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2830. Д. 8. Л. 223.
[56] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 256.
[57] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 67.
[58] Там же.
[59] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. М., 1976. Т. 1. С. 237.
[60] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 2. Изд. 6-е. С. 382.
[61] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 447.
[62] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 г. (23 июня — 29 августа). М., 1959. Т. 2. С. 148.
[63] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 68.
[64] История Великой войны 1941–1945: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 555.
[65] Освобождение 1944. Материалы в помощь лекторам. С. 301–302.
[66] Операция «Монастырь» проводилась Секретно-политическим управлением НКВД и ГРУ с лета 1941 г. Цель операции — проникновение в агентурную сеть абвера, действовавшую на территории Советского Союза. Для этого была создана прогерманская антисоветская организация, ищущая контакты с германским верховным командованием. В последующем радиоигра, планировавшаяся вначале как средство выявления лиц, сотрудничавших с немцами, фактически переросла в противоборство между НКВД и абвером. Руководили радиоиграми генералы НКВД П. А. Судоплатов и Н. И. Эйтингон. Одним из главных участников стал выходец из дворян, сын, внук и правнук русских офицеров, надежный и талантливый агент органов безопасности А. Демьянов (псевдоним Гейне, впоследствии немцы дали ему прозвище Макс), с его помощью было легендировано существование подпольной организации «Престол», состоявшей из бывших дворян-монархистов, которая своей целью ставила свержение советского строя. По заявлению П. А. Судоплатова, в результате операции «Монастырь» немцам были переданы сведения, после оценки которых они несколько раз переносили начало операции «Цитадель».
[67] *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 261–266.

[68] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941—1945 гг. М., 1956. Вып. 4. С. 90—92, 106—110, 126—128.

[69] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 73.

[70] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. С. 296—297.

[71] Освобождение 1944. Материалы в помощь лекторам. С. 149.

[72] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 9. Л. 54—55.

[73] *Лазаревич Р.* Варшавское восстание: 1944 год / Пер. с польск. М., 1989. С. 193.

[74] Красная армия сумела взять штурмом Варшаву лишь 17 января 1945 г. в ходе нового наступления.

[75] Освободительная война польского народа 1939—1945. Варшава, 1965. С. 41.

[76] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 76.

[77] Там же. С. 77.

[78] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 322, 520.

[79] Chronology of World War II / Compiled by Ch. Argyle. N. Y., 1982. P. 161.

[80] Time. 1984. May 26. P. 12.

[81] *Лиддел Гарт Б.* Стратегия непрямых действий / Пер. с англ. М., 1957. С. 117.

[82] Цит. по: История Великой войны 1941—1945. Т. 1. С. 575.

[83] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 326.

[84] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 99—100.

[85] История Великой войны 1941—1945. Т. 1. С. 576—577.

[86] Освобождение 1944. Материалы в помощь лекторам. С. 156.

[87] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). С. 115—116.

[88] Там же. С. 121.

[89] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 33.

[90] Там же.

[91] *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. B., 1980. S. 126—127.

[92] Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939—1941. T. 1—2 / Hrsg. von A. Hillgruber. Frankfurt a. M., 1967. T. 1. S. 591—592.

[93] *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы Второй мировой войны. М., 1996. С. 144.

[94] Венгрия и Вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / Пер. с венг. М., 1962. С. 254.

[95] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1975. Bd. 2. S. 137.

[96] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 911—935.

[97] Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. A. A. Nr. 61140. Bl. 135—136.

[98] Ibid. A. A. Nr. 61133. Bl. 106—108.

[99] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 981—935.

[100] Военно-блоковая политика империализма. История и современность. М., 1980. С. 142.

[101] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. XIII. 1. S. 390 (далее — ADAP).

[102] *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы». С. 109.

[103] ADAP. Serie D. Bd. XIII. 1. S. 390.

[104] Bundesarchiv. Militärisches Zwieschenarchiv. Potsdam. WF—04 /32875. Bl. 108.

[105] ADAP. Serie D. Bd. XIII. 2. S. 653, 661.

[106] Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. A. A. Nr. 61193. Bl. 1—5.

[107] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 3. S. 889.

[108] *Meskbill J. M.* Hitler and Japan. The Hollow Alliance. N. Y., 1966. P. 31.

[109] Bundesarchiv. Militärisches Zwieschenarchiv. Potsdam. WF—01/9542. Bl. 127.

[110] *Forster J.* Stalingrad. Risse im Bundnis, 1942/1943. Freiburg, Br. 1975. S. 37.

[111] *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. Hamburg, 1967. S. 119.

[112] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 484.

[113] The National Archiv of United States. A microfilm publication. T. 20—337. P. 24126—27.
[114] Ibid. P. 24129—30.
[115] Deutschland im Zweiten Weitkrieg. Bd. 2. S. 485.
[116] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 391—392.
[117] Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. A. A. Nr. 61140. Bl. 210—214.
[118] Ibid. Bl. 248—251.
[119] Ibid. Nr. 51146. Bl. 248—250.
[120] История второй мировой войны 1939—1945: в 12 т. М., 1975. Т. 5. С. 101.
[121] Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. A. A. Nr. 61130. Bl. 20.
[122] *Forster J.* Stalingrad. Risse im Bundnis, 1942/1943. S. 50—53.
[123] Das Bundnis der Rivallen. Der Pakt Berlin — Tokio. Neue Dokumente. B., 1978. S. 53.
[124] *Föster J.* Stalingrad. Risse im Bundnis, 1942/1943. S. 50—53.
[125] Bundesarchiv. Militarisches Zwieschenarchiv. Potsdam. WF—01/13535. Bl. 715—734.
[126] Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. A. A. № 61140. Bl. 321.
[127] Bundesarchiv. Militarisches Zwischenarchiv. Potsdam. WF—01/13534.
[128] *Domarus M.* Mussolini und Hitler. Zwei wegegleiches Ende. Wuzburg, 1977. S. 375.
[129] Ibid. S. 378.
[130] Bundesarchiv. Militarisches Zwischenarchiv. WF—01/13534. Bl. 492.
[131] Das Bundnis der Rivallen... S. 175.
[132] *Юссила О.* и др. Политическая история Финляндии. 1809—1995 / Пер. с фин. М., 1998. С. 120.
[133] См.: *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1970. С. 335; *Пушкаш А. И.* Указ. соч. С. 186.
[134] Deutschland im Zweiten Weitkrieg. B., 1979. Bd. 3. S. 427.
[135] *Forster J.* Stalingrad. Risse im Bundnis, 1942/1943. S. 93—94.
[136] Bundesarchiv. Militarisches Zwischenarchiv. Potsdam. WF—01/135399. Bl. 1.
[137] Ungarn im Zweiten Weitkrieg. B., 1978. S. 31.
[138] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 183—184.
[139] *Forster J.* Der Zweite Weitkrieg. Militarhistorisches Abriss. B., 1972. S. 332.
[140] Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 204.
[141] Там же. С. 215.
[142] Там же. С. 219.
[143] Там же. С. 218.
[144] Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 623.
[145] История дипломатии. М., 1975. Т. 4. С. 385.
[146] История второй мировой войны 1939—1945: в 12 т. М., 1976. Т. 7. С. 468.
[147] *Хаттори Т.* Япония в войне. 1941—1945 / Сокр. пер. с яп. М., 1973. С. 534.

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Сопротивление оккупантам

Как известно, оккупация — это временное занятие значительными воинскими формированиями одного воюющего государства территории (или ее части) другого воюющего государства и установление на этой территории административной власти высших командных инстанций оккупационных войск. Оккупация не ведет к распространению суверенитета оккупирующего государства на занятую его войсками территорию, а власть военной оккупационной администрации осуществляется в пределах, установленных международным правом[1].

Принципы гуманизации ведения войны впервые сформулировали и юридически закрепили Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Так, правила ведения сухопутной войны, в частности правовой режим военного плена (военнопленные находятся во власти неприятельского правительства) и военной оккупации, определялись 4-й Гаагской конвенцией 1907 г. В договорном порядке в международном праве было закреплено понятие «вооруженные силы», которые состоят из регулярных и иррегулярных частей. В связи с этим были упорядочены вопросы партизанской войны: конвенции установили, что оккупированная неприятелем территория — это дозволенный театр военных действий (ТВД) для партизан[2].

Нацистская Германия, развязавшая Вторую мировую войну, преследовала цель достижения мирового господства, установления в завоеванных и зависимых странах «нового порядка», основанного на человеконенавистнической идеологии фашизма. С весны 1938 до лета 1941 г. она с помощью военной силы покорила 11 стран Западной и Центральной Европы, где почти на 2 млн кв. км проживали около 190 млн человек[3]. Используя их экономические, военно-технические и людские ресурсы, Германия всесторонне подготовилась и вероломно напала на Советский Союз, являвшийся для нее основным препятствием на пути к мировому господству. Ей удалось за короткое время захватить обширную советскую территорию. За три с лишним года оккупанты, хозяйничая в удерживаемых регионах СССР, вопреки соответствующим нормам международного права занимались грабежом, массовым истреблением мирного населения и военнопленных, совершая при этом чудовищные зверства. Прошедшие с тех пор десятилетия не стерли в народной памяти полные скорби дни, месяцы, годы. «Мы очень плохо знаем, что происходило с нашими людьми на захваченных немцами территориях. Большой советский миф о Войне не оставляет места для простой человеческой жизни. Мы должны в ноги поклониться тем миллионам наших соотечественников, что пережили оккупацию, не сломались, остались людьми»[4].

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз представлял собой огромную индустриально-аграрную державу, где на территории, составлявшей шестую часть земной суши, проживали более 100 наций и народностей общей численностью 190,7 млн человек.

Существовавший строй объединял интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав Союза, хотя и различные, во многом неравноценные, воспринимались большинством граждан СССР как преимущество социалистического строя. Важным слагаемым характерного для того времени «чувства семьи единой» была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Перед войной Российская Федерация (РСФСР) с населением 110 млн человек занимала две трети территории СССР[5].

Великая Отечественная война для советской страны началась трагически. Агрессор в период с конца июня до начала декабря 1941 г. захватил 8,7% территории Советского Союза в его предвоенных границах[6]. Это были самые высокоразвитые и густонаселенные районы европейской части страны: целиком вся Украина, Белоруссия, Молдавия, республики Прибалтики, многие области РСФСР. В этих регионах страны к началу войны проживали: по одним подсчетам, 84,9 млн человек, то есть 45% населения СССР[7], по другим — 88 млн[8]. Удельный вес захваченных противником регионов во всем народном хозяйстве страны был весьма значительным. Именно здесь производилось 71% чугуна, 58% стали, 52% цемента, 57% тракторов, 57% проката черных металлов, 74% кокса, добывалось 63% угля, 71% железной руды. А валовая продукция сельского хозяйства составляла 54% общесоюзной: 52% зерновых культур, 86% сахарной свеклы, 70% картофеля, 56% мяса (в убойном весе), 57% молока, 60% яиц[9]. Многие миллионы граждан СССР вместе с оборудованием промышленных предприятий, имуществом колхозов и совхозов под руководством властей или самостоятельно при приближении линии фронта смогли эвакуироваться в отдаленные тыловые районы страны. Около 73 млн человек оказались в оккупации[10].

Оккупационная политика нацистской Германии на советской земле существенно отличалась от проводимых носителями «нового порядка» мер в захваченных вермахтом западных странах. На Западе оккупанты насильственные меры сочетали с культивированием коллаборационизма, поддержкой местных фашистов, широко привлекали местных промышленников к сотрудничеству в проведении курса на экономическую интеграцию их стран в рамках «великогерманского пространства». На временно оккупированной территории СССР нацисты и их подручные утверждали свое господство в основном способами и методами кровавого террора. И это не результат личной жестокости чиновников военной и гражданской администрации. Террор планировался заранее как один из основных способов достижения целей, намеченных руководством нацистской Германии по отношению к населению СССР. Никаких сложностей с местным населением при реализации сформулированной фюрером сверхзадачи нацисты не предвидели. Они считали, что беспощадное насилие сделает его послушным и сговорчивым[11].

Деятельность немецких оккупационных властей представляла собой единый комплекс военных, политических, экономических и идеологических мероприятий. Они были направлены на постепенную германизацию наиболее благоприятных для жизни и хозяйствования районов оккупированной советской территории. В первую очередь намечалось поселить немцев в Прибалтике и Ингерманландии (имелись в виду Ленинград и прилегающие к нему районы), а также в Крыму и Таврии (юг Украины). Как писал Г. Гиммлер, эти области «должны быть тотально германизированы». Но прежде предполагалось выселить, а точнее, ликвидировать более 22 млн коренных жителей[12].

Авторы нацистских оккупационных планов предусмотрели различные способы сокращения численности местного населения, прежде всего русского. Средствам пропаганды предписывалось постоянно внушать жителям оккупированных территорий мысль, что роды очень вредят здоровью женщины. Намечалось расширить сеть абортариев, широко практиковать стерилизацию женщин, запретить обучение молодых матерей профилактическим мерам против детских инфекционных болезней, до минимума сократить подготовку детских врачей из числа русских, не оказывать никакой помощи внебрачным детям и прочее. «Для нас, немцев, — говорилось в одном из вариантов генерального плана «Ост», — важно ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»[13].

Разрушенный немцами участок железной дороги в районе г. Шауляй (Литва)

Варварские замыслы лидеров Третьего рейха по уничтожению значительной части населения СССР нашли свое воплощение в конкретных приказах, распоряжениях и указаниях, которые разрабатывались командными и штабными инстанциями вермахта, а также государственными органами рейха перед нападением на СССР. Уточнялись они уже в ходе войны. В соответствии с приказом главнокомандующего сухопутными войсками В. Браухича в районе боевых действий были созданы отряды особого назначения (Sonderkommando) службы безопасности (СД) с полномочиями «применять принудительные меры в отношении гражданского населения», обеспечивать захват материальных ценностей, а также советских архивов, документов партии и общественных организаций в тыловых районах немецких армий. Причем отрядам СД предоставлялось особое право действовать по собственному усмотрению. В оперативном тылу групп армий использовались оперативные группы (Einsatzgruppe) и оперативные отряды (Einsatzkommando) СД. Их задачи были аналогичны задачам отрядов особого назначения в тыловом районе армии. При выполнении карательных функций на оккупированной территории СССР они тесно взаимодействовали с абвером (контрразведкой) и тайной полевой полицией, не говоря уже о постоянной связи с войсковыми штабами[14].

В военно-экономической организации «Восток», которая занималась всеми вопросами по использованию ресурсов оккупированных территорий СССР, было около 6,5 тыс. сотрудников. В случае нужды экономическим инспекциям, управлениям и группам могли быть приданы команды по выявлению и сбору продукции сельского хозяйства и местной промышленности, а кроме того, технические батальоны для ремонта снабженческих предприятий, горнопромышленные роты, подразделения по сбору и охране жидкого топлива[15]. Одной из задач этой организации являлось обеспечение снабжения германских вооруженных сил, а также немецкого населения за счет «снижения внутреннего потребления России до такой степени, чтобы образовались необходимые излишки для вывоза». Предполагалось отделить черноземные зоны СССР от нечерноземных, чтобы излишки зерна с Украины и Северного Кавказа не направлять в другие районы, в том числе в такие крупные промышленные центры, как Москва и Ленинград. Захватчики вполне отдавали себе отчет, что подобные меры вызовут там голод, особенно в городах, но это их мало беспокоило. «Попытка спасти население от голодной смерти путем привоза из черноземной зоны имеющихся там излишков продуктов... — отмечалось в указаниях, — подорвала бы силу Германии»[16].

Наряду с военными и государственными органами в планировании экономического грабежа СССР активно участвовали промышленники. Уже в конце 1940 г. имперская промышленная группа «ИГ Фарбениндустри», имперское объединение «Уголь» и другие крупнейшие концерны и финансово-промышленные объединения, оповещенные о предстоящем Восточном походе, начали готовиться к использованию советских ресурсов. Разумеется, особый интерес они проявляли к ресурсам энергетики, прежде всего к нефти. Крупные германские концерны разработали соответствующую документацию и даже выделили большое количество специалистов, которым предстояло реализовывать планы грабежа тех или иных регионов СССР сразу после их оккупации[17]. Эти документы красноречиво свидетельствуют о тесном переплетении военно-экономических целей Восточного похода с конкретными интересами промышленников. Требование самых жестких мер и беспощадной эксплуатации, пронизывавшее все экономические расчеты в отношении СССР, соответствовало установкам нацистского руководства на уничтожение Советского Союза как государства и порабощение его народа.

Осуществление колониальных планов захватчики с немецкой педантичностью начали с первых дней вторжения перекройкой границ советских республик и созданием запланированного административного управления. На практике стали реализовываться три формы административной организации. Первая — это присоединение захваченных регионов к другим государствам: район Белостока (Западная Белоруссия) — к Восточной Пруссии; Западная Украина — к Польскому генерал-губернаторству, Трансистрия (земли между Днестром и Бугом) — к Румынии, которая затем присоединила к себе Северную Буковину

и Бессарабию. Оставшуюся оккупированную территорию разделили на две зоны. Одна включала район военных действий — пространство от линии фронта до тыловых границ групп армий. Вся власть здесь была сосредоточена в руках военных командных инстанций. Им подчинялись начальники тыловых районов вместе с полевыми и гарнизонными комендатурами, охранные дивизии, отдельные пехотные и полицейские полки, охранные батальоны, прочие войска специального назначения. В этой обширной прифронтовой зоне к управлению в незначительной мере привлекались местные органы власти, но только в населенных пунктах. Территории, находившиеся за пределами театра военных действий, были отданы немецкой гражданской администрации и подчинялись восточному министерству А. Розенберга.

Согласно замыслу расчленения СССР на его оккупированных территориях предусматривалось создание четырех рейхскомиссариатов: Балтенланд (или Остланд), Украина, Кавказ, Россия (или Московия)[18]. Следующим звеном оккупационной администрации являлись областные комиссариаты, которым, в свою очередь, подчинялись нижестоящие административные органы. Для всех областей административное деление было типичным. Каждая делилась на округа, возглавляемые обер-бургомистрами, они объединяли семь-восемь районов. В район, имевший свою управу, входили шесть-семь волостей с волостными старшинами во главе. Прежние структуры управления сохранились только в сельской местности. Низовыми административными единицами так и остались села, деревни, поселки, хутора. Но теперь представителями власти в них были объявлены сельские бургомистры или сельские старосты. Обычно сельский староста отвечал за земли бывшего колхоза. Крупные города непосредственно подчинялись властям генерального комиссариата. Созданные там управы действовали под руководством городского головы — обер-бургомистра. В административном отношении крупные города делились на районы, как правило в старых границах, а в каждом из них функционировали районные управы со старшинами во главе.

Формируя административный аппарат, военные и оккупационные власти не гнушались услугами коллаборационистов. Среди тех, кто пошел на службу к оккупантам, были белоэмигранты, националисты, политические противники социалистического строя, недовольные советской властью и жаждавшие мести либо морально сломленные люди, разуверившиеся в возможности победы Красной армии, а потому делавшие ставку на то, чтобы выжить, а также стяжатели и авантюристы всех мастей, не говоря уже о люмпенизированных элементах общества. Они-то и стали служащими городских и районных управ, бургомистрами, старостами и их помощниками, ими пополнялись ряды вспомогательной полиции.

Жители оккупированных городов, в том числе вновь прибывшие, получали удостоверение личности сроком на два-три месяца. Его следовало своевременно продлевать, иначе грозил штраф. Удостоверение с фотографией заполнялось на местном и немецком языках и заверялось немецкой печатью, вторая фотокарточка хранилась у бургомистра. В удостоверение вносились внешние данные владельца: телосложение, рост, цвет волос и глаз, особые приметы. На удостоверении вновь прибывших ставилась немецкая буква «F» либо русская буква «Ч» («чужой»). Иногда вместо удостоверения в советский паспорт вклеивался дополнительный листок с описанием примет владельца документа. В некоторых сельских местностях немецкие власти присваивали каждому жителю номер и обязывали носить на шее бирку с этим номером. Список жильцов с указанием присвоенных им номеров должен был висеть на воротах каждого дома.

Городские администрации строго следили за ведением домовых книг, потому что прописка вновь прибывших была обязательной. Для поездки в другой населенный пункт необходимо было получить пропуск в местной комендатуре, действительный только на одну поездку. Кроме цели и сроков поездки в нем указывались личные приметы владельца. Выезд из населенных пунктов и въезд в них разрешались только по определенным дорогам. Покидать дома, особенно в городах, можно было лишь в дневное время. Генеральным и областным комиссариатам подчинялись многочисленные сыскные полицейские и специальные карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны и иные подразделения.

С самого начала войны повсюду, куда бы ни ступала нога захватчика, совершались тысячи невероятных по своей жестокости преступлений, жертвами которых становились женщины, дети, старики. Особенно свирепствовали четыре специальные карательные части — эйнзацгруппы, действовавшие вслед за войсками групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Именно они организовали «форт смерти» № 9 под Каунасом, расстреляли 100 тыс. человек в Бабьем Яру под Киевом, потопили тысячи женщин и детей в Мозырских болотах, совершили другие, не менее страшные злодеяния[19].

С первых часов германской агрессии против СССР на украинскую землю потянулись оуновские формирования, в том числе пресловутый легион «Нахтигаль». 18 июня 1941 г. нахтигалевцы, одетые в форму германского вермахта, были переброшены к советской границе. Там на кресте и Евангелии они поклялись в «верности до крови» фюреру. Как известно из ряда источников, охоту на неугодных людей (прежде всего коммунистов, евреев и поляков) во Львове уже в первый день вступления в город немецких войск, 30 июня 1941 г., открыли легионеры именно из специального батальона «Нахтигаль» во главе с Т. Оберлендером, А. Герцнером и Р. Шухевичем. Фашисты намеренно оставили националистам Львов на семь дней, чтобы дистанцироваться от зверств «Нахтигаля». Легионеры в тот же день на глазах у всех расстреляли 15 человек, а 12 человек повесили на балконе Оперного театра, много людей вывезли в район Дрожжевого завода и там их расстреляли. Среди жертв были ректор Львовского университета Роман Ремской, бывший премьер-министр Польши, профессор, почетный член многих академий мира Казимир Бартель и многие другие. За первую неделю оккупации Львова каратели из зондеркоманды 4А и их пособники из «Нахтигаля» уничтожили более 5 тыс. жителей города: евреев, поляков, украинцев, русских[20].

Жителей и военнопленных сгоняли в лагеря смерти, ставшие неотъемлемой частью «нового порядка». Только на территории Украины и Белоруссии их было создано свыше 440[21]. Узники в этих лагерях умирали тысячами от голода и холода, непосильной работы. Их травили газами и расстреливали, применяли другие самые изуверские методы. Без суда и следствия расстреливались все представители руководящего слоя, под которым нацисты подразумевали партийный и советский актив, государственных служащих, армейских политработников. Только на территории оперативного тыла группы армий «Юг» тайная полевая полиция с октября 1941 по сентябрь 1942 г. расстреляла либо бросила в тюрьмы 35 тыс. партийных и советских активистов[22].

Все население было лишено элементарных экономических, юридических и политических прав. Любой чиновник оккупационного аппарата, полицейский, офицер и солдат вермахта мог по собственному усмотрению распоряжаться жизнью советских граждан, не говоря уже об их имуществе. Смертная казнь следовала за сопротивление немецким войскам и административным органам, хранение советских листовок, распространение сообщений советского радио, срыв объявлений властей, невыполнение требований сообщать о местонахождении спрятанных красноармейцев и партизан, то есть за любые формы противодействия оккупантам. Нацисты взяли на вооружение систему заложничества и круговой поруки для подавления и искоренения малейшего противодействия «новому порядку». В соответствии с приказом начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля в случае покушения на жизнь немца от 50 до 100 мужчин и женщин из числа местного населения уничтожались способом, усиливающим «устрашающее воздействие»[23]. В приказе говорилось: «С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд»[24]. Широко применялись массовые экзекуции. В Белоруссии в качестве кары за поддержку партизан было сожжено 628 деревень, из них многие вместе с людьми[25]. Символом массового террора стала деревня Хатынь, где 22 марта 1943 г. в огне погибли 149 селян, среди них 76 грудных и малолетних детей[26].

Хатынь, Бабий Яр — наряду с этими широко известными названиями, ставшими синонимами изуверской жестокости оккупантов, существует множество других, до сих пор

мало кому известных. В Барановичской области была дочиста сожжена вместе с жителями группа деревень под общим названием Докуровские только за то, что власти подозревали их в связях с партизанами. Свыше 200 тыс. человек были расстреляны и закопаны в ямах неподалеку от станции Понары в Виленской области (ныне в составе Литвы)[27]. И подобных страшных трагедий не счесть.

Обычно убийцы действовали с поразительной изобретательностью. Так, в городе Артёмовске они расправились с населением без лишних затрат, наглухо замуровав несколько тысяч стариков, женщин и детей в шахте алебастрового завода. А в г. Сталино, да и не только там, применялась специальная машина — «душегубка». Она представляла собой герметичный фургон, в котором обреченные люди погибали от поступавшего туда отработавшего газа дизеля. В Крыму фашисты под предлогом эвакуации вывозили население на баржах в открытое море, и тысячи ни в чем не повинных людей находили могилу на морском дне[28].

Судя по материалам Чрезвычайной государственной комиссии, поступившим из различных мест, от рук оккупантов и их приспешников пострадало огромное число мирных граждан — свыше 6 млн человек: из них на Украине — 3 178 084, в Белоруссии — 1 360 034 человека[29]. «Не будет преувеличением сказать, — пишет итальянский историк Дж. Боффа, — что в СССР было больше жертв фашизма, чем во всем остальном мире»[30]. В своей книге «История Советского Союза» он приводит цифру — 10 млн советских граждан, ставших жертвами оккупации. При этом ссылается на «Историю Коммунистической партии Советского Союза»[31]. Но почему основательный ученый Дж. Боффа оставляет без внимания и другую статистику: из 88 млн довоенного населения областей СССР, которые оказались под «сапогом» оккупантов, к моменту освобождения осталось 55 млн человек? Остальные были убиты, депортированы, призваны в Красную армию или эвакуированы на восток[32]. Впрочем, эти данные также слабо документированы, и вопрос требует дополнительного исследования. В любом случае, речь идет о миллионах людей, ставших жертвами преступных деяний захватчиков.

Количество и характер злодеяний были настолько беспрецедентными, что порой вызывали смятение даже в душах самих военнослужащих вермахта. Примечателен в этой связи трофейный документ, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации. В искренности его автора трудно усомниться: написан он в 1941 г., когда никто в Германии не сомневался в близкой победе над СССР. Речь идет о донесении командира 528-го пехотного полка майора Реслера вышестоящему начальнику. В конце июля часть, где служил майор, прибыла в Житомир. Совсем неподалеку от штаба полка он оказался свидетелем массового расстрела жителей города. «Душераздирающей», «страшной» назвал Реслер представшую перед ним картину: огромная яма была доверху заполнена трупами мужчин и женщин всех возрастов. «Я не видел ничего подобного, — пишет он, — ни в мировую войну, ни во французскую, ни в русскую кампании этой войны; я пережил много неприятного, будучи в формировании добровольцев в 1919 г., но никогда мне не приходилось видеть ничего подобного. Для меня совершенно непостижимо, на основании каких решений суда были совершены эти расстрелы; мне кажется совершенно не совместимым с нашими взглядами на воспитание и обычаи все то, что здесь происходит, когда совершенно открыто, как будто бы это происходит на сцене, человек убивает человека»[33]. Изучив донесение Реслера, начальник 9-го военного округа Ширвиндт отправил его в Берлин, назвав пересылаемый документ весьма красноречиво: «Экзекуции над гражданским населением на востоке». А в сопроводительном письме написал: «В отношении поступающих сообщений о массовых экзекуциях в России я был первоначально убежден в том, что они слишком преувеличены. При сем направляю донесение майора Реслера, которое подтверждает эти сообщения. Если подобные действия будут происходить так открыто, то они могут стать известны на родине и будут подвергнуты осуждению»[34]. Как видим, реакция далеко не высших должностных лиц вермахта на факты зверств в России была весьма различна. Майор Реслер осуждал массовые расстрелы без суда и следствия, считая их беспрецедентными по своей жестокости и антигуманными. Его начальник Ширвиндт ратовал лишь за то, чтобы массовые экзекуции не проводились столь открыто. Занимая более высокий пост, Ширвиндт, несомненно, был лучше посвящен

в истинные замыслы высшего германского руководства в отношении России и ее населения, обычно доводившиеся до исполнителей строго конфиденциально и дозированно. В отличие от менее посвященного Реслера, он, конечно, понимал, что массовые расправы над мирным населением — это не результат каких-то случайных эксцессов со стороны отдельных недисциплинированных военнослужащих вермахта, а заранее спланированные наверху действия. «Говоря по-военному, — давал указание А. Гитлер своим соратникам, — мы должны убивать от трех до четырех миллионов русских в год»[35].

Понимали ли сами руководители Третьего рейха преступный характер своих изуверских акций? Безусловно. Не случайно А. Гитлер на второй день после нападения на СССР заявил Й. Геббельсу: «Когда мы победим, никто не спросит нас о наших методах. У нас так много грешков, что мы обязаны победить»[36]. И они не стеснялись в выборе средств достижения своих завоевательных целей.

Планомерно и бесцеремонно действовали оккупанты при осуществлении экономического грабежа на захваченной территории СССР, эксплуатации его производственного потенциала в интересах вермахта, сырьевого и продовольственного снабжения населения Германии. Нацистские лидеры уже не делали из этого никакой тайны: ведь положение на восточном фронте складывалось для них довольно успешно, и они считали, что маскироваться ни к чему. Такая перемена в их настроении нашла отражение и в тоне печати. Так, один из популярных в то время журналистов, член НСДАП К. Меггерле 12 октября 1941 г. цинично писал в «Берлинской биржевой газете» (Berliner Borsenzeitung): «Германия, представляющая собой гениальнейший организационный талант, сумеет использовать это пространство для себя... Мир может быть уверен в том, что мы сумеем добыть из этой земли, ее рудников, ее промышленности все то, что находится в них... Это пространство будет охраняться армией, которая выйдет из этой кампании еще более сильной и с еще более совершенным умением побеждать».

Наряду с сырьем для военной экономики не меньшее значение для нацистов имела сельскохозяйственная продукция. По этому вопросу главный идеолог Третьего рейха Й. Геббельс весьма откровенно высказался летом 1942 г.: «Эта война ведется не ради «трона и алтаря», не за идеалы, а «за зерно и хлеб», за хорошо накрытый к завтраку, обеду и ужину стол, за создание материальных предпосылок для решения социальных вопросов, вопросов жилищного и дорожного строительства... идет война за сырье»[37].

Главное сельскохозяйственное управление экономического штаба «Восток» во главу угла своей деятельности поставило не просто вывоз продовольствия из России, а осуществление специальных мер, направленных на то, чтобы спровоцировать голод среди местного населения. «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, — говорилось на совещании членов экономического штаба «Восток», — то, несомненно, десятки миллионов людей будут обречены на голод»[38]. Сотрудники военно-экономической организации «Восток» руководствовались не собственными измышлениями, а специально разработанным для них документом под названием «12 заповедей об отношении к русским».

В одной из этих «заповедей» утверждалось: «Голод, бедность и нетребовательность уже давно свойственны русскому человеку». «Его желудок эластичный, — цинично поучал своих подчиненных автор сего документа Х. Бакке, статс-секретарь министерства продовольствия, — поэтому не проявляйте ненужного сострадания, не пытайтесь подходить к определению жизненного уровня русских по немецким стандартам». Он призывал относиться к русскому населению «исключительно твердо и беспощадно», постоянно иметь в виду «конечную государственную цель», исходить из того, что заново осваиваемые на Востоке земли будут «принадлежать Германии на долгие времена», что «немцы должны нести здесь знамя национал-социалистической революции в течение столетий». При проявлении малейшего сострадания к русским, предупреждал Х. Бакке, мягкотелым немцам грозит отзыв с оккупированной территории[39].

Одной из основных задач сельскохозяйственного управления экономического штаба «Восток» считалось постепенное освоение лучших восточных земель предприимчивыми

Снимок на память

Партизаны на марше

хозяевами из рейха. Планировалось, что германские крестьяне и ремесленники поселятся в специально созданных и по-современному оборудованных военных поселениях, а вокруг них разместятся резервации славянских «гелотов» (рабов), восстания которых предусматривалось пресекать самым беспощадным образом. За период оккупации Украины служба Г. Гиммлера создала два таких поселения. Первое под названием Хегевальд возникло в августе 1942 г. в районе Винницы, откуда власти изгнали коренное украинское население, второе — Ферстенштадт в районе Коростеня. Предполагалось, что эти военные поселения станут центрами германизации захваченных земель. Коренное население сел и деревень было занято изнурительным рабским трудом от восхода до захода солнца под контролем окружных и районных сельскохозяйственных фюреров (руководителей), а также их пособников. По свидетельству американского историка А. Даллина, на оккупированной советской территории наделенные всеми правами 14 тыс. немецких «сельскохозяйственных руководителей» отвечали за налаживание производства и получение наибольшего количества продовольствия и сельхозсырья для Германии[40]. Инструкция № 1, утвержденная 1 июля 1941 г., рекомендовала сельскохозяйственному фюреру после осмотра хозяйства (колхоза или совхоза) и изучения его состояния обратиться к деревенской общине со следующим заявлением: «Крестьяне! С сегодняшнего дня вы находитесь под защитой немецких военных властей. За свою работу вы будете получать от общинного хозяйства достаточное количество сельскохозяйственных продуктов и заработную плату наличными деньгами. Если вы этого не поймете, вам всем придется умереть с голоду... Противодействие будет караться самым суровым военным судом»[41].

Поначалу немцы попытались использовать колхозы и совхозы для того, чтобы обеспечить в своих интересах быстрое и систематическое поступление сельскохозяйственной продукции. Затем они пообещали, а в 1942 г. начали даже проводить некую «реформу», смысл которой заключался в том, что в будущем земля вновь станет частной собственностью и поступит в индивидуальное владение тех, кто хорошо себя ведет по отношению к оккупантам. «Но всерьез этих обещаний никто не воспринимал, — констатирует изучивший данный вопрос историк Ю. Арутюнян, — потому что даже те, кто, может быть, и соблазнился на подобные посулы, в конечном счете поняли, что немцы хотят лишь выиграть время и вывезти в Германию побольше добра»[42].

15 февраля 1942 г. А. Розенберг подписал документ под названием «Новый аграрный порядок», в котором предусматривалось преобразование всех колхозов в общинные хозяйства, совхозы переименовывались в государственные имения, а МТС — в сельскохозяйственные опорные пункты. «Новый аграрный порядок» А. Розенберга предусматривал обработку земли общинного хозяйства сообща, запрещался какой-либо самовольный раздел земли. Отдельные «благонадежные» крестьяне, получившие для индивидуального пользования бывшую колхозную землю, разделенную на полосы, должны были объединиться в товарищества по обработке земли, по сути — те же коллективные хозяйства. В различных регионах оккупанты пытались осуществить аграрную «реформу» по-разному.

Так, на Украине они осторожничали, боясь резкими переменами дезорганизовать производство в этом богатейшем сельскохозяйственном регионе; в Белоруссии действовали решительнее в направлении деколлективизации, восстановления частной собственности на землю. В захваченных районах России нововведения чаще всего ограничивались тем, что увеличивались приусадебные участки, но сохранялись колхозные структуры. Администрация не случайно стремилась сохранить колхозы, изменив лишь их название. Ведь она оставляла за собой право устанавливать объемы поставок сельхозпродукции, за выполнение которых община несла коллективную ответственность. Это было гораздо удобнее, чем иметь дело с отдельными хозяевами. Крестьяне сдавали не только основную часть общинного урожая, но и платили различные индивидуальные налоги, которые взимались даже за окна, двери, «излишнюю мебель», собак, печные трубы и прочее.

Вопреки ожиданиям оккупантов «новый аграрный порядок» привел к падению сельскохозяйственного производства. Уже в 1942–1943 гг. зерновых, например, было собрано значительно меньше по сравнению с предыдущим урожаем, а в 1943–1944 гг. объем зерновых

снизился наполовину, тогда как продовольственные реквизиции немцев возросли вдвое[43]. Несмотря на ужесточение политики, сменившей попытки заигрывания с местным населением, оккупационные власти так и не сумели достичь ожидаемого объема поставок. Сверх того, что шло на снабжение оккупационных войск, оставалось немного. Во всяком случае, не более того, что получила бы Германия без войны, пользуясь обычными каналами торговли.

Особенно тяжелым было положение сельского населения в прифронтовой зоне. Помимо работы на общинных полях крестьяне должны были постоянно обслуживать вермахт. К тому же наряду с «плановыми» налогами немцы ввели широкую систему конфискаций и реквизиций, прежде всего скота и продуктов. Например, к декабрю 1942 г. население Ярцевского и Сафоновского районов Смоленщины уже не имело ни коров, ни лошадей. Немцы, вторично оккупировавшие эти районы, подчистую забрали у жителей все продукты. В деревнях десятки людей ежедневно умирали от голода и тифа. Не было ни хлеба, ни лекарств[44].

Одной из причин бедственного положения населения на захваченных территориях нередко называется требование И. В. Сталина (имеются в виду речь от 3 июля 1941 г. и приказ Ставки ВГК от 17 ноября 1941 г.) об уничтожении всех запасов продовольствия на оставляемых Красной армией землях, чтобы они «не попали в руки врага», а также о сжигании домов в прифронтовой зоне. Что правда, то правда: такие указания были. Но мало кому известен документ, где И. В. Сталин выдвигает требование иного рода, и ради объективности его тоже нужно учитывать. Речь идет о записке секретарю ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущёву от 10 июля 1941 г., в которой И. В. Сталин дает следующее указание: при вынужденном отходе частей Красной армии «в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожить, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения»[45]. Этот сугубо секретный документ, подписанный И. В. Сталиным, не мог преследовать какую-то пропагандистскую цель; скорее всего, это была забота о тех, кого Красная армия оставляла на произвол оккупантов. Иной вопрос: как на деле выполнялись это и другие его указания? Анализ архивных документов и материалов убеждает в том, что сельское население, даже получив какое-то количество скота и птицы из не эвакуированных продовольственных фондов колхозов и совхозов, вскоре передавало и их, и свои запасы партизанам, а остальное отнимали немцы. К сожалению, иногда и партизанские заготовители продуктов не стеснялись в выборе средств[46]. Так что самим крестьянам почти ничего не оставалось, приходилось жить впроголодь.

Еще безрадостнее жилось населению городов и поселков городского типа, которое находилось в полной зависимости от оккупационных властей, новоявленных хозяев промышленных предприятий, где только и можно было заработать средства к существованию. Вступая в города, агрессор спешил установить контроль прежде всего над промышленными предприятиями. На видных местах сразу же появлялись распоряжения на немецком и русском языках: «Порядок на данном предприятии должен быть обеспечен, и работа не может быть прервана или нарушена. Весь... инвентарь и оборудование предприятия, а также все машины, инструменты, материалы и запасы сырья конфискованы и могут быть удалены из предприятия лишь по особому на то разрешению главнокомандующего германской армией, если это будет вызвано необходимостью для продолжения производства. Нарушение данного приказа карается со всей строгостью военного закона»[47].

Оккупанты были весьма заинтересованы в том, чтобы пустить в ход кое-какие машиностроительные и военные заводы для ремонта военной техники, производства отдельных видов оружия. В апреле 1942 г. дали ток два генератора Днепрогэса[48]. Максимальное число работавших предприятий приближалось к 400, а те, которые были признаны немцами бесполезными, безжалостно уничтожались. Вообще, в планах нацистов прослеживалось намерение восстановить на территории СССР экономическую структуру России 1900–1902 гг. Для работающих на производстве горожан была установлена почасовая оплата. Рабочий день продолжался 12–14 часов. Рабочий-специалист получал 2 рубля 50 копеек в час. Всех служащих разделили на пять разрядов: «А», «Б», «В», «Г», «Д». Служащему разряда «А» полагалось

900 рублей в месяц, разряда «Д» — 300 рублей (в ценах того времени). Недостаточная интенсивность труда наказывалась строгими вычетами. В случае невыхода на работу по болезни или из-за несчастного случая выплата жалованья прекращалась. За знание немецкого языка следовала прибавка около 25%. За работу в районе военных действий вообще не платили. Этнических немцев определяли на привилегированную службу, а евреи вместо денежной оплаты получали только питание.

Даже квалифицированный рабочий разряда «А», получавший, казалось бы, довольно высокую зарплату, был не в состоянии прокормить себя и семью. Продукты приходилось приобретать по высоким ценам только на рынках. В письме женщины из небольшого белорусского городка, отправленном в сентябре 1942 г., говорится: «...словом, жизнь тяжелая. Если купить что-нибудь хочешь, то... это только у спекулянтов и по сумасшедшей цене. Например, сахар — 500 рублей килограмм... кусочек мыла немецкого — 80 рублей, масло, и то очень редко на деньги (как правило, в обмен на что-либо. — *Прим. ред.*), — 250–300, яички 10 шт. — 50 рублей. А как мне на мои 650 рублей... покупать?»[49].

Кстати, о каких рублях идет речь? Как ни странно, о прежних советских. Рациональные немцы не стали изымать советскую валюту. Напротив, допечатывали еще столько, сколько требовалось. И вот этими фальшивыми рублями платили зарплату всем категориям служащих. Правда, русское население, привлекавшееся немцами на самые тяжелые работы, даже таких денег не получало: ему платили обычно пайками, но при условии требуемой выработки. Словом, как в концлагере. В «трудовые колонны» Г. Геринга мобилизовали все местное население в возрасте от 14 до 60 лет. На торфоразработках в Ленинградской области работали с шести утра до темноты, за что получали 200 граммов хлеба в день. Тот же, «кто отказывается от работы, считается врагом германского государства и будет расстрелян». «Кто бы ни пытался нам честно рассказать о «повседневной жизни» «под немцем» — а все будут получаться ужасы оккупации. Ибо так оно и было»[50]. А ведь речь идет не о заключенных, не об узниках концлагерей, а о «свободных гражданах будущей Великой Германии», которым были обещаны порядок и процветание.

Документальных свидетельств суровой жизни под пятой оккупантов в архивных папках хранится множество, но еще больше — в семейных архивах. Изучая их, слушая воспоминания очевидцев, лучше представляешь условия, в которых оказались наши соотечественники. Конечно, не только проблема питания волновала людей. Им надо было куда-то устроить детей, уходя на работу, решать вопросы с обучением их в школе, иметь возможность обратиться к врачу в случае болезни и прочее. Однако новым властям социальные проблемы были более чем чужды. Об этом свидетельствует массовое разрушение ими больниц, поликлиник, амбулаторий, санэпидстанций, детских яслей и садов, школ. Часто они приспосабливали эти помещения для своих потребностей, а при отступлении сжигали. На Украине фашисты уничтожили свыше 500 больниц, почти тысячу поликлиник и амбулаторий, 800 аптек[51].

Какой-либо системы здравоохранения на оккупированных территориях СССР не существовало. Врачи, имевшие частную практику, брали за прием в амбулатории 10 рублей, а за визит на дому — 20 рублей. За день пребывания в больнице нужно было платить 20 рублей, причем продукты питания, белье и постельные принадлежности больной должен был приносить с собой. Медикаменты можно было получить только из немецких военных госпиталей, но в ограниченном количестве и за высокую плату. Лишения и голод подтачивали здоровье людей. Как следствие, распространялись эпидемии, с которыми некому и нечем было бороться. Подобное «здравоохранение» тоже было направлено на физическое истребление советских людей[52].

А. Гитлер, Г. Гиммлер, А. Розенберг и другие нацистские руководители считали, что на захваченных советских территориях местному населению достаточно знать лишь элементарный счет. В каждой деревне планировалось установить громкоговоритель, но не для того, чтобы информировать людей, а лишь дать им пищу для разговоров. Да и содержание передач ограничивалось самыми примитивными сведениями. Категорически запрещалось рассказывать покоренным народам что-либо из их истории. А. Гитлер заявлял на этот счет:

«Если русские, украинцы, киргизы и т. д. научатся читать и писать, то это нам может лишь навредить». В свою очередь, Г. Гиммлер в документе «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей», который А. Гитлер утвердил 25 мая 1941 г., в качестве директивы, подчеркивал, что «примитивное население и его дети не должны иметь образование выше начальной школы. Целью обучения в создаваемых так называемых «народных школах» должны были стать только простой счет, самое большее — считать до 500, умение расписываться»[53].

Целенаправленные усилия оккупантов по разрушению социально-культурной сферы дополнялись безудержным разграблением людских ресурсов. Возрастающие потребности рейха в рабочей силе привели к массовой принудительной депортации трудоспособного населения. По замыслу немецкого командования, ушедших на фронт граждан рейха должны быть заменить рабочие руки населения захваченных стран, прежде всего СССР. На людей, как на диких зверей, устраивались облавы. Задержанных сгоняли в резервации, откуда эшелонами отправляли на запад. По некоторым данным, более 4 млн 200 тыс. человек были угнаны в Германию в 1942—1944 гг.[54] Иная цифра приводилась на Нюрнбергском процессе: на работу в Германию были отправлены 4 млн 978 тыс. советских граждан. В опубликованных недавно материалах Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий приводятся более подробные данные: всего за годы войны в рейх были вывезены 4 млн 829 тыс. человек из числа гражданского населения, из них после разгрома Германии в Советский Союз возвратились 3 млн 582 тыс. человек. Можно считать, что в неволе погибли не менее 23,2% от общего числа депортированных мирных граждан[55].

Однако некоторые граждане сами выражали желание поехать на работы в Германию. О побудительных причинах рассказала на допросе Вера Васильевна Бережная, которая при немцах работала заведующей мужским отделом биржи труда г. Чистяково Донецкой области. На вопрос, действительно ли были люди, уезжавшие по доброй воле в Германию, она ответила: «Во время оккупации Чистяковского района немецкими властями были такие созданы условия, что почти каждого ожидала голодная смерть. И население было готово на все, куда угодно ехать, лишь бы спасти свою жизнь»[56]. Правда, генеральный уполномоченный по мобилизации иностранной рабочей силы для рейха Ф. Заукель в марте 1944 г. признался: «Из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, добровольно прибыли не более двухсот тысяч»[57].

Страшные следы опустошения и разрушений оставили оккупанты при отступлении. Хозяйственные руководители групп армий разрабатывали специальные директивы, в которых подробно указывалось, как производить эвакуацию и разрушение оставляемых материальных ценностей. Так, хозяйственный руководитель группы армий «Юг» Нагель 2 сентября 1943 г. подписал директиву, согласно которой при отступлении из Донецкого бассейна необходимо было целиком вывезти все материальные ценности, а «все, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности водонапорные и электрические станции и вообще силовые и трансформаторные станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай, который не может быть вывезен, деревни и дома. Наряду с вывозом ценных машин и ценного имущества следует обратить внимание главным образом на вывоз зерна»[58]. Весьма примечателен в этом отношении другой документ. В поступившем 7 октября 1943 г. в штаб 466-го пехотного полка распоряжении самым подробным образом было расписано, как и что уничтожать в случае отступления: «...следует полностью уничтожать на оставляемой территории все сооружения и запасы, которые в какой-либо степени могут оказаться полезными для врага: жилые помещения (дома и блиндажи), машины, мельницы, ветряные мельницы, колодцы»[59]. Вот и сжигали дома без всякого исключения, а печи в них взрывали с помощью ручных гранат. Колодцы приводили в негодность, бросая в них падаль, навоз, кизяки. Всякого рода запасы сжигали, сельскохозяйственные машины и телеграфные столбы взрывали, паромы и лодки затапливали, разрушали мосты и минировали дороги. Усилия отступающих германских войск были направлены на то, чтобы оставляемая ими территория длительное время не могла быть использована для жизнеобеспечения. Ценой

героических усилий народ залечил нанесенные родной земле глубокие раны, но память о черных днях оккупации искоренить оказалось куда труднее.

Встретить какое-либо серьезное сопротивление в тылу своих войск командование вермахта не предполагало. Действительность оказалась иной. Через неделю после начала операции «Барбаросса», 1 июля 1941 г., начальник генерального штаба сухопутных войск Германии записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... Одних охранных дивизий совершенно недостаточно. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии»[60]. Первые попытки сопротивления явились естественной реакцией людей на вторжение вермахта на советскую землю. Совместно с местным населением против захватчиков выступали солдаты и офицеры Красной армии, которые в силу различных обстоятельств оказались при отступлении на занятой противником территории.

Патриоты вступали в партизанские отряды добровольно, что, разумеется, требовало от них большого мужества. Ведь в немецких войсках действовали инструкции и наставления, в соответствии с которыми каждого партизана в случае захвата ожидала неминуемая смерть. Но недостатка в добровольцах не было. В партизаны шли мужчины и женщины, старики и даже подростки, люди разных профессий, национальностей и вероисповеданий. Поднимали людей на борьбу не только политические убеждения. Большинство боролось за освобождение Родины против нацистского «нового порядка». Многие стремились защитить или отомстить за своих родных и близких, облегчить борьбу сыновей, ушедших в Красную армию, и прочее. Побудительные мотивы были различны, но все отстаивали честь и достоинство страны. То, что население вопреки усилению террора не оставалось в стороне от борьбы и сознательно рисковало жизнью, свидетельствует о его неодолимом стремлении к свободе и вере в победу правого дела.

Широкомасштабная народная война развернулась не сразу. Первые месяцы были лишь начальным этапом сопротивления оккупантам. В СССР к 1941 г. не было ни заблаговременно разработанной концепции партизанской борьбы, ни подготовленных к ее ведению кадров. Дело в том, что со второй половины 1930-х гг. на советское руководство немалое влияние оказывала установка, согласно которой в случае агрессии враг должен быть разбит на его собственной территории. Многие военачальники, уделявшие внимание взаимодействию регулярных войск с партизанами, были в 1930-х гг. репрессированы.

29 июня 1941 г. в директиве Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей содержалось указание о развертывании партизанского движения и подпольной борьбы. 18 июля вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Постановление осуждало тех руководителей партийных и советских организаций, которые бросали свои посты, бежали в тыл, и требовало незамедлительно приступить к формированию партизанских отрядов и диверсионных групп из числа преданных советской власти беспартийных и коммунистов. 3 июля 1941 г. из речи И. В. Сталина, прозвучавшей по радио, стал известен призыв партии и правительства к развертыванию партизанского движения.

Однако ни в секретных директивах, ни в речи И. В. Сталина еще не затрагивались вопросы практической организации партизанского движения, обеспечения борьбы в тылу противника вооружением, средствами связи, взаимодействия партизанских отрядов и подполья с Красной армией. Поэтому в начале войны большинство партизанских отрядов возникало стихийно. Их, как правило, создавали командиры Красной армии, оказавшиеся в окружении вместе со своими подчиненными, а также бежавшие из плена. В отряды наряду с красноармейцами-окруженцами вступали и местные жители. Часть партизанских отрядов была создана местными партийными и советскими органами. Командиры стихийных партизанских отрядов искали связь с Большой землей, направляли связных через линию фронта.

Партизаны действовали на этом этапе чаще всего самостоятельно, сообразуясь с обстановкой. Среди организаторов первых партизанских отрядов были: Г. Бумажков, В. Корж в Белоруссии, И. Боровик, С. Ковпак на Украине, П. Столяренко, В. Тиден в Карелии

и многие другие. Отряды, возникавшие стихийно, укреплялись благодаря поддержке местного населения. В результате борьба против опытного, хорошо вооруженного врага за сравнительно короткий срок из отдельных очагов сопротивления постепенно перерастала в массовое народное движение. Большую роль в развертывании партизанского движения сыграли войска НКВД.

Однако без организаторских действий и всесторонней помощи высших органов политического и военного руководства страны быстрое расширение масштабов партизанского движения, скорее всего, было бы невозможно. Уже в июле 1941 г. Ставка Главного командования, Генеральный штаб, Главное политическое управление РККА обязали военные советы и политические управления фронтов оказывать всемерную поддержку республиканским и областным комитетам партии в создании, вооружении и обучении партизанских отрядов и диверсионных групп, а также в переводе их за линию фронта в тыл противника и установлении с ними связи.

К этой работе были привлечены центральные и местные органы внутренних дел и государственной безопасности (НКВД — НКГБ). Они содействовали вооружению и материально-техническому обеспечению партизанских отрядов, передавали партизанам опыт разведывательной и контрразведывательной деятельности, конспирации и связи, предохраняли от проникновения в их среду шпионов. Нередко на положение партизанских отрядов переходили истребительные батальоны, находящиеся в ведении НКВД.

Наряду с командованием Красной армии органы НКВД засылали через линию фронта специально подготовленные группы для организации партизанской борьбы, которые становились организационным ядром вновь создаваемых отрядов. Они пополнялись красноармейцами, бежавшими или освобожденными партизанами из фашистского плена, а также местными жителями. По состоянию на 18 апреля 1942 г. на учете НКВД находилось 1798 партизанских отрядов (70 796 бойцов и командиров) и 1153 разведывательно-диверсионные группы (7143 разведчика и подрывника)[61].

За годы войны органами безопасности было организовано 1848 партизанских отрядов как на оккупированной территории СССР, так и за его пределами. Только НКГБ Белоруссии в 14 районов направил партизанские отряды общей численностью 1162 человека. В их составе были 539 оперативных и руководящих работников НКГБ и 623 работника НКВД[62].

Большую роль в становлении партизанских отрядов сыграли советские военнослужащие, попавшие в окружение, но избежавшие плена или бежавшие из него. Численность таких партизан в Ленинградской области в 1941 г. составляла 18%, в Орловской области — 10%, в Литовской ССР — 22%, в Белоруссии — более 10%. Они привносили в партизанские отряды дисциплину, знание оружия и боевой техники. Опираясь на их боевой опыт, партизаны более уверенно и эффективно решали свои задачи. К концу 1941 г. на оккупированной врагом территории закрепились и развернули борьбу почти 3,5 тыс. партизанских отрядов и групп, насчитывавших около 90 тыс. человек[63].

В годы войны ряд законодательных актов определил правовое положение партизан: они были приравнены к военнослужащим Красной армии. По состоянию на 15 февраля 1944 г. 3408 партизанам были присвоены очередные офицерские звания, а самым заслуженным из них — генеральские: В. А. Бегме, М. И. Дуке, С. А. Ковпаку, И. П. Кожару, В. И. Козлову, С. В. Рудневу, А. Н. Сабурову, А. Ф. Фёдорову, В. Е. Чернышёву и другим[64]. Семьям партизан выплачивались государственные пенсии и пособия. Быт и внутренний распорядок жизни в базовом лагере также строился на требованиях уставов, используемых Красной армией. В большинстве партизанских формирований поддерживалась строгая воинская дисциплина. Виновные в мародерстве или уличенные в других тяжких преступлениях строго наказывались, вплоть до расстрела.

Партизаны наносили противнику все более чувствительные удары. Со времени Московской битвы они начали взаимодействовать с регулярными войсками Красной армии. Во время контрнаступления под Москвой партизаны дезорганизовали снабжение немецкой группы армий «Центр», разрушив в ее тылу участки железных дорог, мостов, устраивая завалы

и засады на шоссейных и грунтовых дорогах. Командующий группой армий фельдмаршал Ф. фон Бок видел в их деятельности одну из причин поражения немецких войск.

30 мая 1942 г. было принято решение Государственного Комитета Обороны о создании Центрального штаба партизанского движения. Начальником ЦШПД был назначен первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. Одновременно при военных советах фронтов были созданы штабы по руководству партизанским движением: Карело-Финский, Ленинградский, Калининский, Западный, Брянский, а при Военном совете Юго-Западного направления — Украинский. В результате этих мер существенно улучшились организация борьбы в тылу врага, обеспечение партизанских отрядов средствами связи, боеприпасами, взрывчаткой. Повысились размах и эффективность боевых действий. Созданные впоследствии республиканские, краевые и областные штабы партизанского движения позволили ЦШПД управлять действиями партизанских сил как в полосах фронтов, так и на всей оккупированной территории — от линии фронта до западных границ СССР.

И. В. Сталин считал, что партизанское движение должно стать всенародным, и это нашло свое выражение в приказе НКО СССР от 5 сентября 1942 г., который подвел итоги совещаний партизанских функционеров[65]. А на следующий день был учрежден пост главкома «для сосредоточения ответственности, централизации руководства партизанским движением»[66]. Эту должность занял член ГКО маршал К. Е. Ворошилов. Ему же подчинялся и ЦШПД. Однако уже в ноябре 1942 г. К. Е. Ворошилова назначили представителем Ставки ВГК, а прежняя его должность 19 ноября 1942 г. была упразднена. С упразднением поста главкома вся полнота ответственности за руководство партизанским движением легла на ЦШПД. Вместе с тем его деятельность из-за межведомственных трений и отсутствия опыта разворачивалась с немалыми трудностями. Центральный штаб партизанского движения просуществовал всего полтора года, причем с мая по ноябрь 1942 г. он дважды претерпел крупные организационно-штатные изменения. В марте 1942 г. ЦШПД был вообще упразднен, хотя через месяц восстановлен (при этом из него стараниями Н. С. Хрущёва вывели Украинский ШПД, переподчинив непосредственно Ставке ВГК), а окончательно упразднен в январе 1944 г.

С лета 1942 г. руководство вермахта приняло меры по активизации борьбы с партизанами. Эта задача была возложена и на командование сухопутных войск Германии. Для этого использовалось до 10% немецких дивизий, находившихся на советско-германском фронте. В 1943 г. против партизан действовало 25 армейских дивизий, а также немало специальных и полицейских формирований, в том числе состоявших из перебежчиков. Эти «добровольцы» с приближением конца Третьего рейха, пытаясь загладить вину перед Родиной, нередко целыми частями с оружием переходили на сторону партизан. Несмотря на значительные потери, численность партизан постоянно росла. К концу 1942 г. в тылу врага действовало 1770 партизанских отрядов и бригад, в которых насчитывалось 125 тыс. человек[67]. В 1943 г. начался бурный рост партизанских сил. К концу этого года они увеличились вдвое, достигнув 250 тыс. человек.

1943 г. стал переломным не только в вооруженной борьбе на фронте, но и в тылу врага. Обогащенные боевым опытом, организационно и материально окрепшие партизанские формирования действовали не раз от разу, а уже непрерывно на всей оккупированной территории. Партизаны участвовали во всех крупных операциях, проводимых Красной армией. Перед ними, как и войсками, ставились конкретные боевые задачи. Партизаны вносили существенный вклад в успех операций. На размах и эффективность партизанской борьбы решающее влияние оказали победы, одержанные Красной армией в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском и других крупномасштабных операциях.

Деятельность партизан была направлена на решение широкого спектра чрезвычайно важных задач. Они нарушали коммуникации противника, совершали боевые рейды в его глубокий тыл, обеспечивали командование Красной армии важными разведывательными сведениями, которые способствовали успеху наступательных операций, и прочее. Наиболее крупной была проведенная в 1943 г. партизанами операция «Рельсовая война» (приказ об операции был подписан 14 июля 1943 г.), которая стала составной частью битвы под Курском.

Партизанская разведка

И женщинам пришлось взяться за оружие

Орловские партизаны в ночь на 22 июля 1943 г. разрушили 5845 рельсов. Общая операция началась в ночь на 3 августа. Центральный штаб партизанского движения привлек к участию в этой операции более 160 партизанских бригад и отдельных отрядов (около 100 тыс. человек). За первую ночь операции было взорвано более 42 тыс. рельсов, а всего в ходе операции — 215 тыс. рельсов. Только в Белоруссии партизаны пустили под откос 836 эшелонов и три бронепоезда. Некоторые железнодорожные магистрали были выведены из строя на длительный срок, что создало серьезные препятствия для отступавших немецких войск.

Свидетельством силы и размаха народной войны были партизанские края — большие территории, освобожденные от оккупантов и долгое время удерживаемые партизанами. Первый партизанский край возник в октябре 1941 г. в Ленинградской области. На его территории в 11 тыс. кв. км находилось 400 деревень. В январе — феврале 1942 г. партизаны Смоленской области в тылу группы армий «Центр» освободили 40 сел и деревень, где сразу же десантировались советские воздушно-десантные войска. Они отбили у противника Дорогобуж и объединились с соединениями Красной армии, совершавшими рейды в тылу немецких войск. В ходе этих боев была освобождена территория около 10 тыс. кв. км. Немецкое командование было вынуждено бросить на борьбу с партизанами семь дивизий.

Затем партизанские края возникли в Калининской, Орловской, Курской областях, в Белоруссии, на севере Украины, в Крыму и других местах. Летом 1943 г. партизаны стали полными хозяевами шестой части всей оккупированной территории. Здесь трудились в интересах победы над врагом и жили по советским законам, по неполным данным, около 4 млн граждан, работали восстановленные органы советской власти. Отсюда через линию фронта на Большую землю переправлялись призывники для службы в Красной армии, подростки для обучения в ремесленных училищах, дети-сироты в детские дома. Эти края ограничивали полосы отхода врага, затрудняли маневр и перегруппировку его войск, размещение резервов, баз снабжения, командных пунктов.

Непосредственно к партизанским краям примыкали партизанские зоны. Там гитлеровцы удерживали лишь часть населенных пунктов, наиболее крупных и важных в оперативном отношении. Но их гарнизоны чаще всего оказывались изолированными друг от друга, так как коммуникации, связывавшие эти гарнизоны, находились под постоянным воздействием партизан. Военная и административная власть оккупантов в этих зонах носила часто формальный характер, а потому население активно поддерживало партизан, которые немало сделали, чтобы воспрепятствовать массовому угону советских людей оккупантами на принудительные работы в Германию.

В годы войны во вражеском тылу действовали коммунистическое подполье и созданные под его руководством в городах и поселках боевые антифашистские комсомольско-молодежные организации. Подпольщики распространяли среди населения газеты и листовки, которые получали с Большой земли или издавали своими силами. В них содержалась информация о положении на фронте и в советском тылу, разоблачались нацистский оккупационный режим и его лживая пропаганда. Важной функцией подполья было обеспечение партизан разведывательной информацией, снабжение их медикаментами, оружием, боеприпасами. В сентябре 1943 г. подпольщики казнили наместника А. Гитлера в Белоруссии гауляйтера В. Кубе, виновного в уничтожении многих тысяч советских граждан. С помощью подполья легендарный советский разведчик Н. И. Кузнецов ликвидировал заместителя рейхскомиссара Украины Г. Кнута и ряд других немецких военных преступников.

Важное место в деятельности подпольщиков занимала организация саботажа и диверсий на захваченных советских промышленных предприятиях. Эта форма борьбы активно развивалась благодаря участию в ней множества рабочих. В октябре 1941 г. начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Т. Оберлендер доносил в Берлин, что гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого оккупационные власти имеют еще меньше шансов на успех. Промышленные гиганты, построенные до войны на Украине, так и не были введены в строй оккупантами, а шахты Донецкого бас-

После удачно проведенной операции

И стар, и млад встали на защиту Отчизны

Бойцы партизанского отряда отправляются на задание

В партизанском строю

сейна бездействовали. Германское руководство не смогло использовать многие советские фабрики и заводы для обеспечения собственных военно-экономических нужд. Массовый саботаж населением мероприятий оккупационных властей, действия вооруженных партизанских формирований и подпольных организаций — все это превратило оккупированную территорию в арену ожесточенной битвы с захватчиками.

Народная борьба в тылу немецких войск — одна из ярких страниц Великой Отечественной войны. Она, образно говоря, являлась своего рода вторым фронтом — фронтом за линией фронта, в тылу противника, имела большое военное, политическое и экономическое значение. В военном отношении оно заключалось в том, что партизанское движение, народная борьба в тылу врага являлись важным фактором, учитывавшимся в стратегических планах советского Верховного главнокомандования и принимавшимся в расчет при разработке крупных наступательных операций. Партизанским соединениям ставились конкретные боевые задачи.

Потери противника в результате действий партизан и подпольщиков достигли миллиона человек. Партизаны пустили под откос более 20 тыс. эшелонов, подорвали 120 бронепоездов, вывели из строя почти 17 тыс. паровозов и 171 тыс. вагонов, взорвали 12 тыс. мостов на железнодорожных и шоссейных дорогах, уничтожили или захватили свыше 65 тыс. автомашин. Общее число партизан достигло 2,8 млн человек[68] (из них 1,5 млн — партизанский резерв, который не принимал участия в боях из-за недостатка оружия). Их поддерживали 220 тыс. подпольщиков[69]. Вместе с советскими партизанами на временно оккупированной территории СССР сражались тысячи иностранных граждан: поляков, словаков, чехов, венгров, болгар, испанцев, югославов и других. В то же время в европейском движении Сопротивления участвовали до 50 тыс. граждан СССР, оказавшихся за пределами своего Отечества[70].

Временно оккупированная территория СССР не стала для захватчиков обеспеченным и спокойным тылом. Их расчеты заставить советских людей безропотно работать на германский рейх не оправдались. Советское государство высоко оценило заслуги партизан и подпольщиков. За героизм и мужество более 300 тыс. партизан были награждены орденами и медалями, 249 человек удостоились звания Героя Советского Союза, а двое руководителей партизанского движения — С. А. Ковпак и А. Ф. Фёдоров стали дважды Героями. Их имена вошли в историю[71].

Нельзя не отметить еще одну очень важную особенность партизанского движения. Оккупанты столкнулись в России с массовым детским и подростковым героизмом. Четверо ребят были удостоены звания Героя Советского Союза: Лёня Голиков, Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова. Число представленных к более скромным наградам исчисляется тысячами[72].

Борьба продолжалась и в плену

В ходе вооруженной борьбы, особенно в 1941–1942 гг., большое количество советских бойцов и командиров оказались во вражеском плену. Большинство немецких источников определяет их число в 5,2–5,7 млн человек. Однако это явно завышенная цифра. Дело в том, что помимо военнослужащих в лагеря направлялись также мужчины и женщины, имевшие хотя бы косвенное отношение к армии: обслуживающий персонал военторгов и банно-прачечных отрядов, мобилизованный на строительство оборонительных рубежей, призывники, получившие повестку из военкомата, и другие. В соответствии с приказом главной ставки от 8 июля 1943 г. «все мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, захваченные в зоне военных действий, армейском тылу, восточных комиссариатах, генерал-губернаторстве и на Балканах, считаются с сего числа военнопленными. Это же относится к мужчинам во вновь завоеванных областях востока. Они должны быть пересланы в лагеря военнопленных, а оттуда — на работы в Германию»[73].

По данным комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, за годы Великой Отечественной войны в фашистском плену оказались 4070 тыс. советских граждан: в 1941 г. — 2 млн (49%), в 1942 г. — 1339 тыс. (33%), в 1943 г. — 487 тыс. (12%), в 1944 г. — 203 тыс. (5%), в 1945 г. — 40,6 тыс. человек (1%)[74]. Эти данные незначительно отличаются от расчетов Генерального штаба — 4059 тыс. человек[75]. Большинство честно выполняли свой долг перед Родиной и заслуживают нашей благодарной памяти.

Пленные были во всех войнах. Однако их правовое положение нигде и ничем не было определено, а судьба целиком зависела от степени цивилизованности, политической и нравственной позиции пленившей стороны, колебавшейся от откровенного произвола до подлинно рыцарского отношения.

Советские военнопленные с самого начала оказались в сложнейшем правовом положении. Руководство СССР стремилось всеми мерами предотвратить даже единичные случаи сдачи в плен. Боевые уставы Красной армии такой возможности вообще не допускали, а уголовный кодекс рассматривал сдачу в плен как тяжкое преступление. Следует сказать, что с началом войны советское руководство предприняло некоторые меры к правовому регулированию проблемы военнопленных. Оно провело ряд переговоров с председателем Международного комитета Красного Креста. Общий смысл заявления сводился к тому, что советское правительство считает необходимым подчеркнуть: в войне с напавшей на СССР фашистской Германией Советский Союз имеет дело с таким врагом, который систематически грубо нарушает все международные договоры и конвенции, и это обстоятельство ставит советское правительство перед необходимостью соблюдать указанную выше Женевскую конвенцию в отношении фашистской Германии лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией[76]. 17 июля 1941 г. советское руководство через правительство нейтральной Швеции довело до сведения Берлина предложение взаимно соблюдать Гаагскую конвенцию от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны[77]. Ответа на него получено не было, нацисты не собирались следовать 23-й статье этой конвенции, по которой обязаны были сохранять военнопленным жизнь.

1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров своим постановлением утвердил «Положение о военнопленных», статьи которого строго соответствовали положениям Гаагской и Женевской конвенций[78]. Этим документом советское правительство гарантировало военнопленным жизнь и безопасность, а раненым и больным — медицинскую помощь. Всем им сохранялись военная форма, ордена, личные вещи и ценности, а высшему офицерскому составу — холодное оружие. Должностным лицам запрещалось оскорблять военнопленных, жестоко обращаться с ними. Это постановление в течение всей войны являлось основным юридическим документом, который определял порядок содержания военнопленных и обращения с ними в советских лагерях.

Между тем советские военнопленные оказались полностью предоставлены собственной судьбе, а она была ужасающей. Не было ни одной статьи Гаагской и Женевской конвенций, которую самым циничным образом не нарушали бы нацисты, когда речь заходила о советских военнопленных. Особую жестокость к советским военнопленным руководство Германии пыталось оправдать тем, что с точки зрения международного права у него нет каких-либо обязательств перед СССР, не ратифицировавшим ни Гаагскую, ни Женевскую конвенции о законах и обычаях войны. Но, подписав Женевскую конвенцию, Германия, согласно ее 82-й статье, была обязана соблюдать гуманные принципы обращения с военнопленными вне зависимости от того, являются их страны участниками конвенции или нет. Обвиняя Советский Союз, нацисты умалчивали, что в «Положении о военнопленных», утвержденном Советом народных комиссаров 1 июля 1941 г., СССР объявил о строгом соблюдении международных документов, касающихся участи военнопленных. Германскому руководству это было хорошо известно: переведенный на немецкий язык текст «Положения...» был представлен ему начальником управления разведки и контрразведки ОКВ адмиралом В. Канарисом уже 15 сентября. В прилагаемой к переводу докладной записке В. Канарис подчеркивал, что

содержание советского документа «соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского соглашения о военнопленных»[79]. В установке на уничтожение советских военнопленных адмирал усматривал угрозу многих вредных последствий для Германии как в политической, так и военной областях.

В то же время никто не может опровергнуть тот факт, что Советский Союз никогда не применял никаких репрессий по отношению к какой-либо категории немецких военнопленных. Никто не может утверждать, будто русские убивали немецких солдат или офицеров за их принадлежность к нацистской партии, службам или войскам СС и прочее. Ни о каких судах над советскими военнопленными, разумеется, и речи не было. В соответствии с директивой «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» решение о судьбе военнопленных имел право принимать каждый офицер, обладавший дисциплинарной властью, то есть начиная с командира взвода. И они не церемонились: расстрелы намеченных категорий пленных приняли всеобъемлющий характер.

Не лучше складывалась судьба у сотен тысяч советских военнопленных, оказавшихся в лагерях: гитлеровская машина уничтожения исправно работала во всех своих звеньях. Задавшись целью организованного и массового истребления советских военнопленных, фашисты сознательно оставляли их без крова, одежды, пищи. Наиболее «опасных», с точки зрения нацистов, военнопленных уничтожали немедленно — пулей и виселицей, остальных — созданием в лагерях обстановки, исключающей даже примитивные условия существования.

Обычно лагерем называлось огороженное колючей проволокой поле, находящееся под прицелом пулеметов. На строительство бараков зачастую не выделялось никаких средств. Чтобы укрыться от непогоды, люди руками выкапывали себе норы. «В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских пленных, — говорилось в записке рейхсляйтеру А. Розенбергу его советника Ю. Дорша, — пленные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят. Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по шесть — восемь дней без пищи, в состоянии животной апатии, вызванной голодом, и у них одно стремление: достать что-либо съедобное. Гражданские пленные в возрасте от 15 до 50 лет — жители Минска и его окрестностей. Эти гражданские пленные снабжаются питанием своими родственниками. Правда, питание получают только те, родственники которых с утра до вечера стоят с продуктами в бесконечных очередях, тянущихся к лагерю. Ночью голодающие гражданские нападают на получивших передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба»[80].

В плену советские солдаты и офицеры получали питание, заведомо недостаточное для выживания. Им выделялось вдвое меньше продуктов, чем военнопленным из других стран, и всегда худшего качества. 6 августа 1941 г. командованием вермахта была подписана директива о снабжении советских военнопленных. В соответствии с ней те, кто использовался на работах, получали в день по 200 граммов хлеба, 13 граммов мяса, 15 граммов жиров, 20 граммов сахара. В той же директиве эти мизерные нормы издевательски называются «достаточными по врачебному заключению»[81]. 21 октября 1941 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск Э. Вагнер отдал распоряжение о резком сокращении норм питания военнопленным, находящимся в прифронтовых районах. Касалось оно прежде всего ослабленных и нетрудоспособных, вызвав их массовую гибель. О качестве выдаваемых продуктов нагляднее всего говорят рекомендации министерства снабжения, утвержденные 24 ноября 1941 г. В соответствии с ними специально для русских применялась весьма своеобразная смесь: 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев, которая тем не менее называлась хлебом. Что касается мяса, то, по мнению нацистов, «русские должны снабжаться кониной и малопригодным к употреблению мясом»[82].

На совещании Ф. Гальдера с командующими группами армий, состоявшемся в Орше 13 ноября, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. фон Бок спросил, что

ему делать с русскими военнопленными, которые из-за истощения неспособны выполнять требуемую работу? «Неработающие военнопленные в лагерях для военнопленных должны умереть от голода», — ответил Э. Вагнер[83]. Не лучше было положение и тех военнопленных, кого угоняли в Германию. Они также обрекались на быструю гибель от непосильного труда, голода и отсутствия медицинского обслуживания, из них на чужбине умерли не менее 2 млн.

Концентрационные лагеря, созданные еще в начале 1933 г. для борьбы с врагами режима, подчинялись ведомству Г. Гиммлера и являлись, по существу, «фабриками смерти». Они располагали всеми средствами массового умерщвления людей: газовыми камерами, крематориями, обширными лабораториями для преступных медицинских экспериментов и прочим. Число концлагерей в Германии непрерывно росло. Если к началу Второй мировой войны их было всего шесть, то уже к апрелю 1942 г. — 15, а к апрелю 1944 г. — 20 с сотнями филиалов. Зловещую память в истории оставили такие гигантские лагеря смерти, как Освенцим, Дахау, Бухенвальд, Майданек, Нейенгамме, Треблинка, Штутгоф, Маутхаузен, Заксенхаузен, Собибур, женский лагерь Равенсбрюк, и многие другие. В каждом из них были замучены десятки, а то и сотни тысяч узников из разных стран, в том числе советские люди, в основном военнопленные. А ведь советские военнопленные тысячами гибли и в других лагерях.

С середины 1942 г. Германия стала испытывать серьезные затруднения с рабочей силой. Растущие потери войск на восточном фронте вынуждали призывать в армию все новые контингенты мужского населения. Из промышленности, транспорта, сельского хозяйства уходили все больше и больше мужчин, заменить которых было практически некем. В лихорадочных поисках путей преодоления дефицита рабочей силы гитлеровское руководство среди прочих мер обратило взоры и на советских военнопленных. Г. Геринг на одном из совещаний сформулировал указания об использовании советских военнопленных на работах. Рейхсмаршал педантично определил, где им работать, как одевать («обувь, как правило, деревянная», «нижнее белье русским едва ли известно и привычно»), как кормить («русские довольствуются малым»), как наказывать («шкала наказаний предусматривает лишь две меры — лишение питания и экзекуцию на месте»)[84]. Эти указания легли в основу целого ряда документов, регламентировавших обращение с советскими военнопленными, занятыми на работах.

Руководство СС было заинтересовано в том, чтобы поставлять промышленности как можно большее количество узников. За каждого из них монополии переводили в кассу службы безопасности определенную сумму. В первую очередь за счет военнопленных удовлетворялись потребности предприятий, находившихся под патронажем СС, а также такие гиганты военной промышленности, как концерны «Герман Геринг», «Гуго Шнайдер», Круппа, Мессершмита, Хейнкеля, и другие, производившие танки и штурмовые орудия, артиллерию всех калибров, боевые самолеты и прочее. Что же касается военнопленных, числившихся за вермахтом, то они в массовом количестве направлялись на самые тяжелые работы в горнорудной, химической и строительной промышленности.

Безмерно трагична судьба советских военнопленных в Германии. Видимо, никогда уже не удастся установить их подлинное количество. Но еще меньше надежды определить число советских воинов, погибших в немецком плену: расстрелянных, повешенных, умерших от голода, болезней и лишений, отравленных в газовых камерах, замученных во время «медицинских» опытов. Но даже те цифры, которые удалось установить на основании имеющихся данных, не могут не заставить содрогнуться каждого нормального человека. На 1 мая 1944 г. из 5,75 млн советских военнопленных, по немецким же данным, в лагерях умерли 1,981 млн человек, 1,03 млн убиты «при попытке к бегству» или переданы гестапо для «ликвидации», 280 тыс. погибли в пересыльных пунктах и лагерях[85]. А ведь впереди был еще год войны! Таково практическое воплощение нацистской идеологии, имеющей, к сожалению, и сегодня своих приверженцев и адептов.

Между тем крах нацистской Германии неотвратимо приближался. В предсмертной агонии нацисты, оставаясь верны себе, предпринимали последние судорожные шаги по уничтожению пленных. Всего за две недели до конца войны Г. Гиммлер отдал изуверский приказ: колонны узников из лагерей Заксенхаузен, Флоссенбург, Равенсбрюк, Нейенгамм и других,

расположенных на территории Германии, направить на север, к побережью, а там посадить на баржи и утопить в водах Балтийского моря[86]. Гигантские колонны пленных двинулись по дорогам Германии. Отставших или выбившихся из сил пристреливали. Но последний чудовищный приказ Г. Гиммлера до конца не был выполнен: Германия пала.

Многие советские воины бежали, едва оказывались в плену, не желая мириться с нацистским адом. Даже по далеко не полным данным, с 1941 по 1944 г. из почти 4 тыс. лагерей на территории самой Германии и оккупированных вермахтом стран бежали около 450 тыс. советских военнопленных. Не всем повезло: многие были схвачены полицией, выданы местными жителями, убиты при преследовании, но тысячи добились своего. Чаще всего побег удавался в том случае, когда лагерь находился на территории Франции или Италии. Куда сложнее было совершить его находившимся в Германии. Но и это удавалось самым смелым. Поистине героическим был побег советского летчика М. Девятаева и девяти его товарищей, узников лагеря на острове Узедом. 8 февраля 1945 г. при работе на аэродроме они завладели немецким бомбардировщиком, на котором и перелетели в расположение советских войск.

Многие из удачных побегов советских военнопленных положили начало активному участию их в движении Сопротивления. В партизанских отрядах, подпольно-диверсионных группах в Польше, Чехословакии, Франции, Италии и других странах Европы сражались, по неполным данным, свыше 40 тыс. граждан СССР[87]. В одной только Франции действовало около 40 партизанских отрядов и почти столько же небольших групп, которые насчитывали почти 4 тыс. советских людей[88]. Некоторые из них стали национальными героями, награждены высшими воинскими наградами этих стран: во Франции — В. Порик, в Италии — Ф. Полетаев, в Югославии — А. Дьяченко и Мехти Гусейн-заде, в Болгарии — И. Вальчук.

Но и многие из тех, кто не мог бежать, сопротивлялись кровавому режиму. Об этом говорят многочисленные немецкие документы военной поры, особенно документы гестапо. Вот что указывалось в «Сообщении о важных государственно-политических событиях» № 2 от 11 августа 1944 г.: «Руководство гестапо в Ганновере выявило в одном из советско-русских лагерей военнопленных офицеров подпольную группу «Центрального комитета советско-русских военнопленных». В планах группы были оказание помощи десантным войскам, захват оружия, пропаганда, саботаж, подготовка к побегу и установление контактов с немецкими коммунистами. Центральный комитет предположительно был образован в декабре 1943 г.[89] К тому времени гестапо выявило такие организации в 41 лагере, причем численность тех, кто дерзнул бороться и за колючей проволокой, в разных лагерях колебалась от нескольких человек до нескольких сотен.

Особую моральную стойкость и организаторские способности проявили такие известные командиры Красной армии, как, например, генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, который погиб смертью мученика в концлагере Маутхаузен зимой 1945 г., генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, командующий 19-й армией. В плен он попал тяжелораненым и без сознания. В немецком госпитале ему ампутировали руку и ногу. Но, даже став инвалидом, генерал М. Ф. Лукин не пал духом, а принял самое активное участие в организации и работе лагерного подполья.

Одной из форм сопротивления узников лагерей было всяческое противодействие попыткам немцев укомплектовать так называемую Русскую освободительную армию. Эмиссары А. А. Власова и сам командующий РОА со второй половины 1943 г. активно разъезжали по лагерям советских военнопленных, вербуя добровольцев в ее ряды. Этим мерам патриоты сопротивлялись и поодиночке, и организованно. Подпольную организацию в Хаммельбурге возглавлял генерал И. С. Никитин, бывший командир 6-го кавалерийского корпуса. Она проводила большую разъяснительную работу среди офицеров и генералов этого лагеря, чтобы помешать власовцам пополнить ряды РОА за счет их. Сам И. С. Никитин, воспользовавшись тем, что немцы, явно рассчитывая на успех, доверили ему выступить перед тысячами военнопленных, согнанных на митинг, заявил: «Я, советский генерал, коммунист, гражданин Советского Союза, своей Родине не изменю ни при каких обстоятельствах. Твердо уверен, что моему примеру последуют все»[90]. Генерал знал, на что идет. Он понимал, что нацисты его

немедленно расстреляют. Но им двигали любовь к Родине, чувство долга, а также уверенность, что его поступок найдет самый живой отклик в душах его товарищей по несчастью. Так и случилось. После гибели И. С. Никитина организацию возглавил генерал-майор Г. И. Тхор, ветеран советских ВВС, бывший заместитель командира 62-й авиадивизии, позже замученный нацистами в лагере Флоссенбург. В конце концов, власовцы вынуждены были признать, что во всех лагерях, где действовали подпольные антифашистские организации, попытки завербовать в РОА советских солдат и офицеров, по существу, провалились.

Конечно, были такие, кто шел и во власовскую армию, и в различные национальные формирования по идейным соображениям. Многие записывались в добровольцы, чтобы вырваться из лагерного ада, и впоследствии более или менее добросовестно служили немцам. Но значительная часть пленных шла на службу к немцам в надежде при первом удобном случае перебежать к своим. То и дело в «добровольных» формированиях происходили одиночные, групповые или даже массовые побеги, особенно когда разнеслась весть о наступлении советских войск под Сталинградом.

Самой активной и решительной формой лагерного сопротивления была подготовка вооруженного восстания. Свои планы подпольщики соотносили с надеждой на подход регулярных частей Красной армии или западных союзников. К 1944 г. по решению интернациональных комитетов почти во всех крупных концлагерях уже существовали штабы по подготовке вооруженных восстаний, их возглавляли, как правило, советские офицеры и генералы. Специально созданные разведывательные группы собирали сведения о численности охраны, расположении немецких гарнизонов вблизи продвижения своих и союзных войск. Первыми сумели освободиться узники Бухенвальда. Узнав, что передовые части 3-й американской армии генерала Дж. Паттона приблизились к Эрфурту, подпольный комитет принял решение о восстании. 11 апреля по сигналу (взрыву гранаты) боевые группы прорвали заграждение и заняли городок, где жили эсэсовцы. Захваченные склады позволили всем основательно вооружиться. Много эсэсовцев было уничтожено, 200 взяты в плен. После этого штаб организовал оборону лагеря. 13 апреля появились американцы.

В концлагере Маутхаузен восстание началось 5 мая. По сигналу штаба штурмовые отряды, прорвав ограждение, уничтожили большую часть охраны, захватили казармы эсэсовцев и склады, очистили от нацистов г. Маутхаузен, прочесали ближайшие окрестности. Захваченная в городе военная техника позволила сформировать артиллерийские и минометные подразделения. Штаб восстания, преобразованный в штаб обороны, взял на себя общее руководство боевыми действиями, четко организовал работу связи, материальное снабжение, санитарную службу. Через два дня в лагерь вошли американские танкисты[91] .

К сожалению, с освобождением из нацистских лагерей для многих военнопленных из числа советских граждан страдания не закончились. На Родине им предстояло пережить новые муки, тем более невыносимые для тех, кто не имел вины перед Родиной, а за свое мужественное поведение в плену, боевые заслуги до пленения, а часто и после побега из плена был достоин благодарности государства, сочувствия и внимания соотечественников.

Трагическое начало Великой Отечественной войны, когда в немецком плену буквально в первые же недели оказались сотни тысяч бойцов и командиров Красной армии, вызвало появление ряда документов, которые ужесточали отношение к военнослужащим, оказавшимся в плену, объявляли их предателями. Свою роль сыграл и приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., который обязывал «каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо отпора врагу предпочтут сдаться в плен — уничтожать всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен лишать государственного пособия и помощи»[92]. Безусловно, требование любой ценой исполнить свой воинский долг было справедливым в столь тяжелый для Родины час. Конечно, этот приказ в известной мере сыграл положительную роль, что признает большинство участников войны. Но в то же время он нанес немалый вред, ибо эмоциональные

призывы «железной рукой карать трусов и изменников», не подкрепленные четкими юридическими формулировками, привели к ужесточению репрессий. Многих военнослужащих и гражданских лиц, даже на непродолжительное время оказавшихся за линией фронта, тут же судили «за самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке», «за побег из части». Многих командиров, вышедших из окружения, военные трибуналы осудили по статье 193–21 Уголовного кодекса РСФСР, то есть «за самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений в целях способствования неприятелю».

Между тем имеются многочисленные доказательства того, что добровольно в плен сдавались очень немногие. Так, из 38 пересыльных лагерей («дулагов») в зоне действий группы армий «Центр» лишь два емкостью 200–400 человек были предназначены для перебежчиков, а 36 остальных вмещали до 1500 человек каждый. Так что перебежчиков, даже в первый год войны, было около 1,5%, а в последующем и того меньше. Это данные Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий[93].

Еще в ходе наступления под Москвой, когда соединения Красной армии стали освобождать первые большие группы пленных, одновременно выяснилось, что в селах скрывались сотни бывших окруженцев, не сумевших или не пытавшихся перейти линию фронта, отношение к пленным существенно изменилось. 27 декабря 1941 г. было принято постановление ГКО, которое предусматривало создание в пределах армейского тыла сборно-пересыльных пунктов, куда направлялись обнаруженные при освобождении городов, сел и других местностей бывшие советские военнослужащие, а также находившиеся в плену и в окружении противника для выявления среди них изменников Родины, шпионов и диверсантов. С этой же целью в 1942 г. была создана сеть специальных лагерей НКВД на разных участках фронта[94].

4 октября 1944 г. постановлением советского правительства было создано Управление уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан, находившихся в плену или насильственно вывезенных в Германию и в оккупированные ею страны, во главе с генерал-полковником Ф. И. Голиковым. В задачу управления входили учет перемещенных лиц и военнопленных, а затем организация их возвращения на Родину. Одновременно при совнаркомах союзных республик и исполкомах областей создавались отделы репатриации, приемно-распределительные пункты. На полную мощность они заработали уже после войны. В мае 1945 г. в тыловых районах начали формироваться лагеря для размещения и содержания бывших военнопленных и репатриируемых советских граждан. К лету на территории СССР уже действовало 43 специальных и 26 проверочно-фильтрационных лагерей, а в Германии и других странах Европы — еще 74 подобных «заведения»[95].

Репатриация была практически завершена только к 1 декабря 1946 г. К этому времени в СССР были возвращены около 5,5 млн человек, из них 1 833 567 военнопленных[96]. 18 августа 1945 г. ГКО принял постановление «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»[97]. Общее число бывших советских военнопленных, подвергшихся разного рода репрессиям за одно только пребывание в плену, и сейчас нельзя определить достаточно точно. В приговорах военных трибуналов, а тем более в постановлениях внесудебных органов (особое совещание, тройки и другие) формулировка «за пребывание в плену», естественно, отсутствовала, а установить, что скрывается за номерами тех или иных статей Уголовного кодекса, инкриминированных тому или иному обвиняемому, сложно. Всего из 1 836 562 бывших военнопленных Красной армии, прошедших через проверку в военное и послевоенное время, 600 тыс. были направлены для работы в промышленности в составе рабочих команд и батальонов, 339 тыс. (в том числе 233,4 тыс. бывших военнослужащих) арестованы и переданы органам НКВД, около 1 млн человек вторично призваны для прохождения военной службы в частях Красной армии[98].

Вместе с тем указанные сведения требуют пояснения. Вторичное направление в действующую армию означало чаще всего отправку в специально созданные для военнопленных запасные дивизии, откуда многих из них посылали во все те же рабочие батальоны, лагеря

или на спецпоселение. Через рабочие батальоны Наркомата обороны, по данным специально назначенной комиссии под председательством Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, прошли 660 тыс. человек. Всего за 1945–1953 гг. в рабочих батальонах различных ведомств содержались не менее 1,5 млн военнопленных и военнообязанных[99].

В разные годы правительство СССР предпринимало определенные шаги для смягчения их участи. Так, 7 июля 1945 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Через десять лет после войны, 17 сентября 1955 г., Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В соответствии с этим актом освобождались от ответственности и подлежали амнистии те, кто находился в рядах немецкой армии, РОА, полиции, служил в карательных органах оккупантов. Вместе с ними на свободу вышли и те бывшие военнопленные, которые оказались в лагерях из-за необъективной проверки, несправедливого суда, а то и вовсе по одному лишь подозрению в сотрудничестве с оккупантами. Однако в правах они полностью не восстанавливались. В 1956 г. специально назначенная комиссия под председательством маршала Г. К. Жукова выступила против тезиса: «каждый, кто попал в плен, — предатель Родины». 29 июня 1956 г. по предложению комиссии было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В нем указывалось, что «время пребывания в плену, в окружении и на спецпроверке, если пленение не было добровольным и если военнослужащий, находясь в плену, не совершил преступлений против Родины, засчитывается в срок службы в армии, а также в общий трудовой и непрерывный стаж работы». Однако меры, предусмотренные постановлением, также в значительной степени остались на бумаге. На протяжении многих лет в анкетных листах существовала графа «Находился ли в плену?».

24 января 1995 г. Президент Российской Федерации подписал указ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»[100]. Они получили удостоверения участников Великой Отечественной войны и причитающиеся им скромные льготы.

По-другому складывались судьбы военнопленных противника. Отношение к ним было вполне гуманным. Конечно, тяжелый принудительный труд после нескольких лет пребывания на фронте, полное отсутствие личной свободы, непривычные климатические условия, отрыв от родных и близких, сложности быта и другие трудности, усугублявшиеся подчас нераспорядительностью или халатностью руководства лагерей, угнетали военнослужащих, отравляли их существование. И все же это не шло ни в какое сравнение с положением советских военнопленных в Германии. К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе никаких правовых документов по обращению с военнопленными, кроме ведомственных инструкций НКВД, на который была возложена их охрана, не было. Только 1 июля 1941 г. советское правительство приняло упомянутое положение о военнопленных[101]. Днем раньше, 30 июня 1941 г., Совнарком СССР принял постановление, а 6 августа издал распоряжение, которые устанавливали нормы питания для пленных. 24 ноября 1942 г. постановлением СНК была введена новая (повышенная) норма продовольственного пайка для военнопленных. Суточный рацион, в частности, включал 600 граммов, а на тяжелых работах — 700 граммов хлеба, 80 граммов крупы и макарон, 80 граммов мяса и рыбы, 13 граммов жиров, 10 граммов сахара, 500 граммов овощей, включая картофель, и прочее. НКВД предоставлял лагерной администрации право дифференцировать указанные нормы в пределах 30% в зависимости от характера работы, климатических условий, а также от выполнения установленных норм выработки военнопленными. Те, кто сдался в плен добровольно, получали на 100 граммов хлеба больше, чем все остальные. Всего за время войны было принято четыре постановления, всякий раз увеличивавших паек и улучшавших его качество. Кроме того, существовали нормы снабжения вещевым, табачным и даже денежным довольствием. Перечень предметов

обмундирования насчитывал 13 наименований — от головных уборов до портянок, а деньги «для предметов первой необходимости» выделялись в сумме от 10 до 50 рублей в зависимости от служебного ранга военнопленного.

В первое время особых проблем с немецкими военнопленными в Советском Союзе не возникало, поскольку их было мало. В 1941 г. в плен попали 10 602 солдата и офицера вермахта, а за первое полугодие 1942 г. — всего 6683 человека. Но уже во втором полугодии положение резко изменилось: в плен были захвачены 172 143 человека, а в первом полугодии 1943 г. вдвое больше — 364 881 солдат и офицер Германии и ее союзников. Всего за годы войны в советском плену оказались 3 777 290 человек, в том числе 2 388 443 немца, 156 681 австриец, 513 766 венгров, 187 367 румын, 48 957 итальянцев, 2377 франков и 479 699 представителей других национальностей, служивших в вермахте[102].

Многие немецкие солдаты и офицеры, плененные в 1942 г., были крайне истощены. Ко всему этому добавились и болезни. Для многих плен стал психологическим крахом. На основании выводов комиссии, изучавшей условия содержания военнопленных, ГКО 5 апреля 1943 г. принял постановление, в котором определялись серьезные меры по улучшению участи военнопленных. В результате принятых мер смертность в советских лагерях для военнопленных была в несколько раз ниже, чем в немецких. Внимание руководства СССР к положению пленных не ослабевало в течение всей войны, нормы суточного довольствия военнопленных несколько раз повышались, были четко определены все стороны жизни и быта военнопленных. НКВД даже разрешалось построить в 1945 г. в южных районах страны три лагеря-оздоровителя для военнопленных емкостью 20—25 тыс. каждый.

Забота о военнопленных диктовалась помимо всего прочего прагматической целью — подготовкой лояльных по отношению к СССР кадров в будущей Германии. В этом направлении велась и идеологическая работа с ними, которая в основном была возложена на офицеров спецпропаганды. 12—13 июля 1943 г. в лагере, расположенном в подмосковном Красногорске, был создан Национальный комитет «Свободная Германия», включавший представителей различных политических убеждений из прогрессивной немецкой эмиграции и военнопленных. Его президентом был поэт Э. Вайнерт, а в состав входили многие будущие крупные деятели ГДР (В. Пик, В. Ульбрихт и другие). С помощью листовок, газет и радиопередач на немецком языке его члены стремились убедить военнослужащих вермахта сдаваться в плен, дезертировать либо присоединяться к движению Сопротивления[103]. В сентябре того же года возник «Союз немецких офицеров», объединявший под председательством генерала В. Зейдлица пленных офицеров-антифашистов. Главной целью союза являлось отстранение правительства А. Гитлера от власти[104]. Деятельность обеих организаций целиком согласовывалась с советским руководством. Ответственность за координацию действий была возложена на Главное политическое управление Красной армии.

Во время войны к работам, связанным с ведением боевых действий или с военной промышленностью, иностранные военнопленные не привлекались, и в этом смысле положения Женевской конвенции в Советском Союзе выполнялись неукоснительно. Но уже 4 июня 1945 г., то есть сразу же после окончания войны в Европе, ГКО принял постановление «О распределении военнопленных и мероприятиях по улучшению их трудового использования», в котором говорилось о передаче 2100 тыс. военнопленных различным наркоматам. В распоряжение НКВД были выделены 460 тыс. человек. Они использовались на строительстве шоссейных и железных дорог, аэродромов, в черной и цветной металлургии, при восстановлении Беломорско-Балтийского канала, сооружении газопровода Саратов — Москва. Наркомат угольной промышленности получил 305 тыс. человек для строительства и восстановления шахт, Наркомат путей сообщения — 220 тыс. на восстановление дорог и заводов и на новое строительство. Наркомату обороны были выделены также 220 тыс. человек, которым предстояло очистить Одер и Вислу, построить автодорогу Иркутск — Слюдянка, соорудить Ново-Тверецкий канал, осуществить строительство объектов инфраструктуры в военных округах.

С началом войны с Японией стали поступать пленные и с Дальнего Востока. Всего их было захвачено свыше 593 тыс. человек. 23 августа 1945 г. ГКО принял постановление «О приеме,

размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии». 150 тыс. человек были привлечены для строительства пяти участков Байкало-Амурской магистрали, кроме того, в ряд областей и республик направлялись по 15–75 тыс. человек. Японские военнопленные в СССР находились в равном правовом положении с немецкими и в одинаковых с ними условиях содержания.

30 января 1949 г. в сообщении ТАСС «К вопросу о репатриации немецких военнопленных» указывалось, что советское правительство полностью закончит ее в течение года[105]. А 5 мая 1950 г. это агентство информировало о том, что из СССР репатриированы 1 939 063 немецких военнопленных. Одновременно сообщалось, что в Советском Союзе остались 13 532 человека, из которых 9717 осуждены за совершенные ими тяжкие военные преступления, а также 3815 человек, дела о военных преступлениях которых находятся в стадии расследования[106]. В результате переговоров советского правительства с правительственной делегацией Германской Демократической Республики, изложенных в коммюнике, опубликованном в центральных газетах 23 августа 1953 г., 5374 из них были репатриированы.

Что касается японских военнопленных, то их репатриация началась сразу же после окончания Второй мировой войны. В 1945 г. из общего количества взятых в плен солдат и офицеров Квантунской армии непосредственно в районе боевых действий были освобождены 70 880 человек. А за период с 1 декабря 1947 по 1 мая 1949 г. домой вернулись еще 418 166 человек. В 1950 г. СССР официально заявил, что репатриация японских военнопленных и гражданских лиц, кроме заключенных, находящихся в исправительно-трудовых лагерях, завершена. Передача заключенных была завершена в конце 1956 г. Вернувшиеся на родину репатрианты единодушно заявили, что ко всем гражданам Японии, находившимся в лагерях для военнопленных, власти относились лояльно.

Плен всегда был неизбежным спутником войны. Для большинства людей пленение означало крушение всех планов и надежд, ломало судьбы, обрекало их на нравственные, а часто и физические страдания. В минувшую войну трагедия плена в невероятных масштабах затронула нашу страну, оставив кровоточащую рану в памяти народа. И потому к юридическим, историческим и нравственным аспектам плена, без сомнения, еще долго будут обращаться историки, публицисты и писатели. Есть только один способ решить проблему плена: устранить войну из жизни человечества, достичь мира и взаимопонимания между народами. Не будет войн — не будет и военнопленных. И все те, кто решает судьбы народов, судьбы мира и войны, должны постоянно обращаться к трагической истории плена во Второй мировой войне. Может быть, они проникнутся муками миллионов людей, испытавших плен, может быть, колокольный звон концлагерей пробьется к их сердцам и совести. И пусть это послужит дополнительным толчком к поискам путей мира на земле.

Сотрудничество с врагом

За время Великой Отечественной войны противник захватил до 10% территории Советского Союза в его довоенных границах. Перед людьми, оказавшимися под властью оккупантов, встала дилемма: или склонить голову и стать рабами немецких господ, или вести против оккупантов борьбу в надежде на освобождение Красной армией. Открытое выступление против оккупантов большинства населения было невозможно по той простой причине, что оно не имело оружия, состояло преимущественно из женщин, детей, подростков и пожилых мужчин. Чтобы выжить, им нужны были средства к существованию. К середине 1942 г. оккупантам удалось заставить работать на себя под надзором примерно 22 млн человек, из которых 20,8 млн проживали в сельской местности[107]. В подавляющем большинстве они испытывали ненависть к иноземным поработителям не меньшую, чем другие советские люди, которые сражались на фронте или работали в советском тылу.

Вместе с тем среди населения временно оккупированной части страны имело место и сотрудничество с врагом. На Западе это явление получило название коллаборационизм (от фр. collaboration — сотрудничество, совместные действия). Именно на коллаборационистов опиралась в первую очередь власть оккупантов на местах: это служащие городских и районных управ, бургомистры в городах, старосты в деревнях и их помощники. Из местного населения формировались также вспомогательная полиция и «кадры» доносчиков. Большинство населения их презирало и относилось к ним как к врагам Родины.

Некоторые историки считают, что возникновение и усиление сопротивления оккупантам было лишь ответом на жестокое обращение с местным населением, что, мол, у него не было другого выбора, кроме как идти к партизанам. Необходимо при этом иметь в виду, что оккупанты скрывали свои планы превращения СССР в колонию Третьего рейха и массового уничтожения его населения, вели пропаганду о том, что Германия якобы ведет войну во имя неких «освободительных целей».

Известна демонстративная попытка создания некоего самоуправления в поселке Локоть (в то время Орловской области). Парадная, рекламная сторона этого «самоуправления» — открытие школ, церквей, театра, набор в добровольческую армию. В реальности «автономный административный округ» создавался на штыках немцев и военной бригады предателя Б. В. Каминского, поляка по происхождению. Жертвами режима Б. В. Каминского за время оккупации с октября 1941 по сентябрь 1943 г. стали более 10 тыс. человек. Были убиты 5598 человек, в том числе 293 человека сожжены заживо, убиты все евреи. В Германию угнали 6985 человек. Полностью было сожжено 24 деревни и 7300 колхозных дворов, разрушено 767 зданий культурных и общественных организаций. Ущерб от деятельности «самоуправления» составил более 900 млн рублей[108]. С наступлением Красной армии «Локотская республика» прекратила свое существование, а остатки бригады в 1944 г. были направлены на подавление Варшавского восстания, где она отметилась особой жестокостью. Б. В. Каминский по формальному поводу — за мародерство был расстрелян самими немцами[109].

С оккупантами сотрудничала и часть советских военнопленных, которых стали называть власовцами — по имени бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А. А. Власова, сдавшегося в плен в июле 1942 г. Однако подавляющее их большинство отношения к А. А. Власову не имели и не подчинялись Русской освободительной армии (РОА), которую немцы создали при его участии.

Что же заставило часть советских людей вступать на путь сотрудничества с врагом? Современные исследователи выделяют, как правило, три причины: стремление как-то выжить в жестоких условиях оккупации или плена[110], неприятие советского строя, национальный сепаратизм. Непримиримыми врагами советской власти являлись часть так называемых белоэмигрантов, оказавшихся на оккупированной германским вермахтом территории (П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, В. Каюм-хан и другие), а также часть репрессированных советской властью граждан. Однако число последних было незначительным.

Большинство людей, находившихся на фронте, доверяли советской власти. Однако боец или командир, оказавшийся в немецком плену, кроме физического перенапряжения, голода и холода испытывал на себе еще и колоссальное давление антисоветской пропаганды. Все вражеские листовки в 1941 г. наперебой твердили: с Советским Союзом уже покончено; все, кто еще сопротивляется, будет уничтожен; единственный путь спасения жизни — помогать Германии. Можно только удивляться, что в этой обстановке большинство воинов Красной армии, находившихся в плену, не поддались на угрозы и уговоры и предпочли мученическую смерть служению в стане врага. Но и тот, кто шел на сотрудничество с противником, часто делал это с единственной целью — при первой же возможности возвратиться к своим. Сотрудничество с врагом в СССР никогда не достигало таких масштабов, как, например, во Франции, Бельгии или Голландии. Советский Союз избежал участи многих европейских стран, где в полную силу действовали так называемые «пятые колонны»[111].

Несмотря на все это, попытки создания такой «колонны» на территории СССР предпринимались. Об этом свидетельствует деятельность некоторых националистических, в том числе

мусульманских формирований: Туркестанского комитета, Волжско-татарского комитета, Крымского центра, Северокавказского штаба, Калмыцкого комитета и других[112]. На Украине, как и в Белоруссии, они получили название Центральной рады. Их деятельность была направлена на раскол Советского Союза, внедрение национальной розни и нетерпимости. Эти комитеты, штабы и рады активно помогали немецким властям создавать в оккупированных районах различные воинские формирования. Как правило, людей загоняли туда обманным путем, используя ложь о том, что во всех их бедах виновно московское руководство, «задавившее культуру, искусство и религию национальных меньшинств». Довольно скоро они убеждались, что их затянули в самые обыкновенные бандформирования, возглавляемые немецкими офицерами.

Наиболее распространенной формой сотрудничества части советских военнопленных и гражданских лиц с противником в 1941 г. было их присоединение к отдельным германским частям для выполнения различных вспомогательных работ. Сами немцы называли таких людей Hilfswillige, или сокращенно — хиви («добровольные помощники»). Дальше прифронтовой полосы их не допускали. К концу 1942 г. их число достигло 200 тыс. Осенью 1943 г. германской пехотной дивизии по штату полагалось до 2 тыс. хиви при общей численности соединения 12,7 тыс. человек[113].

Некоторые военнопленные и гражданские лица из оккупированных областей СССР вступали в полицейские команды и охранные части, предназначенные для борьбы с партизанами и несения караульной службы, другие — в формирования, созданные специально для ведения боевых действий против Красной армии. Первоначально при комплектовании подразделений из бывших военнопленных предпочтение отдавалось лицам нерусской национальности. Создавались так называемые восточные легионы: туркестанский, азербайджанский, грузинский, армянский, северокавказский и другие. Их основу составляли батальоны численностью до 900 человек. Всего за войну, по немецким данным, было создано 90 таких батальонов[114]. Впоследствии германское командование приступило к созданию в своем тылу боевых частей, набранных из военнопленных славянских национальностей, в том числе «русских батальонов». В разное время на стороне противника действовали более крупные формирования: Русская национальная народная армия, Казачий стан генерала Т. Н. Доманова, 15-й казачий кавкорпус генерала Г. фон Паннвица и другие. Командные посты в «восточных легионах» и батальонах занимали немецкие офицеры. В казачьих частях значительный процент личного состава составляли бывшие белоэмигранты.

Осенью 1941 г. на территории Украины, Белоруссии, западных районов РСФСР немцы сформировали несколько десятков подразделений для несения караульной службы в составе немецких охранных дивизий. К маю 1943 г. 60–70 тыс. человек служили во вспомогательной полиции военного управления, около 300 тыс. человек, по немецким данным, находились в полицейских командах местных властей[115]. Главное управление СС также располагало различными частями и командами, предназначенными для противопартизанской борьбы и диверсионных акций.

Часть «восточных легионов» использовалась оккупационными властями Германии для подавления движения Сопротивления в различных странах Европы. Особенно активные боевые действия они вели в Югославии и Италии, однако начиная с середины 1943 г. все больше коллаборационистов стали переходить на сторону партизан и бойцов Сопротивления. Весьма показателен в этой связи боевой путь эсэсовской охранной бригады «Дружина», которую возглавлял бывший подполковник Красной армии В. В. Гиль-Родионов. Весной 1943 г. это соединение отказалось подчиняться германскому командованию. Совершив дерзкий налет на германский конвой, военнослужащие бригады освободили большую группу пленных партизан, после чего они ушли в леса и стали сражаться уже против своих бывших немецких «хозяев». Сам В. В. Гиль-Родионов, награжденный железным крестом рейха и орденом Красной Звезды после перехода на сторону Красной армии, погиб в 1944 г.

В некоторых временно оккупированных районах страны сотрудничество с противником приобрело активную форму прямого участия в боевых действиях, что нанесло наибольший

ущерб Красной армии и партизанам, стоило им немалых потерь. Речь идет о националистических формированиях крымских татар и некоторых народностей Северного Кавказа, воевавших на стороне вермахта. Вместе с тем, как отмечают и западные исследователи, «восточные» или «национальные» легионы (батальоны), направленные для действий против Красной армии и советских партизан, проявили неожиданную для немецкого командования ненадежность. В 1943 г. только в Ленинградской области свыше 4 тыс. бойцов из «восточных легионов» перешли к партизанам. В Витебской области волжско-татарский батальон, перебив немецких офицеров, в полном составе (свыше 800 человек) с вооружением перешел к партизанам. То же самое произошло с туркестанским, азербайджанским и грузинским батальонами[116].

На Северном Кавказе, куда летом 1942 г. прорвались танковые и пехотные соединения германской армии, поддержку вермахту оказали бандформирования из представителей чеченской, ингушской, балкарской и некоторых других национальностей. Отряды бандитов нападали на тыловые обозы Красной армии, препятствовали перегруппировке советских войск, грабили и убивали местное население. Вооруженную борьбу против Красной армии вела Организация украинских националистов, возглавляемая С. А. Бандерой, а с 1942 г. — созданная на ее основе Украинская повстанческая армия. Борьба ОУН — УПА против советской власти продолжалась до 1950-х гг. В тылу немецких групп армий на восточном фронте действовали также прибалтийские, украинские, русские и другие части СС. Руководителями националистов являлись, как правило, лидеры эмигрантских организаций или специальные немецкие агенты, засланные в советский тыл. На Северном Кавказе националистические банды продолжали борьбу против регулярных частей Красной армии, а также войск НКВД и после освобождения Северного Кавказа.

Сотрудничество с врагом некоторой части населения явилось поводом и основной причиной депортации (насильственного переселения) в годы войны многих малых народов Северного Кавказа, национальных меньшинств Крыма, Поволжья и других регионов страны. Прежде всего репрессии начались против лиц немецкой национальности, проживавших в Автономной Республике Немцев Поволжья, в Москве, Московской и Ростовской областях, пригородах Ленинграда (отсюда выселялись также финны), Грузии, Армении, Азербайджане, Дагестане и Чечено-Ингушетии. В августе — октябре 1941 г. 1,5 млн советских немцев были переселены в слабообжитые восточные районы. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. говорилось, что делалось это для их спасения от «гнева народного». Предусматривались наделение переселяемых людей землей и угодьями на новых местах, государственная помощь по их обустройству[117]. В 1944 г. на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан были вывезены сотни тысяч взрослых мужчин и женщин, стариков и детей: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы, болгары, греки (из причерноморских районов), армяне, ногайцы были лишены своей автономии[118]. На сборы им давалось 24 часа. Переселенцы вынесли много бед и лишений. Репрессии на этнической почве продолжались и в послевоенное время. Справедливость к ним была восстановлена лишь после 1953 г.[119]

Первые боевые части Русской освободительной армии генерала А. А. Власова были созданы в конце 1944 г. В ноябре германское командование сформировало из советских военнопленных 1-ю дивизию РОА (в документах вермахта она числилась как 600-я пехотная дивизия). Ее возглавил бывший командир стрелковой дивизии Красной армии полковник С. К. Буняченко. Это соединение прибыло на восточный фронт в марте 1945 г. В январе 1945 г. был подписан приказ о создании 2-й дивизии РОА (650-й дивизии вермахта), однако ее формирование так и не было завершено до конца войны. В состав войск генерала А. А. Власова входили также две авиационные эскадрильи, ряд учебных частей и тыловых подразделений. РОА считалась основой вооруженных сил так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР), созданного под покровительством оккупантов в ноябре 1944 г. Численность войск армии А. А. Власова не превышала 50 тыс. человек. Части РОА в 1944—1945 гг. кратковременно принимали участие в боевых действиях против регулярных войск Красной

армии. Большинству власовцев не удалось избежать возмездия за предательство. Часть личного состава РОА была пленена Красной армией еще на пути следования в Австрию. Сам А. А. Власов 12 мая 1945 г. был захвачен в Чехословакии разведгруппой советского 25-го танкового корпуса. Бывшего генерала нашли в кабине легковой машины, спрятавшегося под мешками с одеждой и провизией. Через некоторое время он вместе с другими руководителями Русской освободительной армии был предан суду военного трибунала и казнен.

Согласно документам германского военного архива в Потсдаме, на службе в немецкой армии находились около 180 тыс. советских граждан, из них примерно половина — военнослужащие, а остальные — из числа гражданского населения[120]. Сведения об общем числе советских граждан, в различных формах сотрудничавших с противником, крайне противоречивы. Оно было значительным и составило около 1 млн человек[121].

После окончания боевых действий в Европе часть добровольческих формирований, участвовавших в войне на стороне вермахта, оказалась на территории, занятой войсками союзников. В западные районы Чехословакии и Австрии стекались остатки РОА, «восточных легионов», охранных частей, отступавших под натиском Красной армии и англо-американских войск. Согласно ялтинским договоренностям СССР и его союзники обязались возвратить друг другу всех своих граждан, включая освобожденных военнопленных, перемещенных гражданских лиц, военнослужащих различных добровольческих формирований. Англо-американское командование не считало, однако, советскими гражданами тех лиц, которые не проживали в СССР до сентября 1939 г., то есть жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. Значительная часть «добровольцев» сумела таким образом остаться на Западе. Всего «невозвращенцев» (включая и жителей западных областей СССР) насчитывалось не менее полумиллиона человек.

Только через полвека многие из сотрудничавших с противником в годы войны были реабилитированы: в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 24 января 1995 г. «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период» были восстановлены их законные права. Но действие этого указа не распространяется на бывших советских военнопленных и гражданских лиц, которые служили в строевых и специальных формированиях вермахта, полиции, а также на тех, кто согласно закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» не подлежал реабилитации, ибо предательство и измена Родине сроков осуждения не имеют.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военная энциклопедия: в 8 т. М., 2002. Т. 6. С. 39.

[2] Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 332–333.

[3] Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. С. 386.

[4] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 344–345.

[5] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 455.

[6] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 115.

[7] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сб. М., 1990. С. 21–22.

[8] Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965. С. 166.

[9] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 21–22, 42, 85–86.

[10] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 386–387.

[11] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 103–107.

[12] Цит. по: *Безыменский Л.* Разгаданные загадки Третьего рейха. Книга не только о прошлом. М., 1981. С. 272–273.

[13] Цит. по: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1958. № 3.

[14] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 58–59.

[15] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 130–132.

[16] Unternehmen Barbarossa. Paderborn, 1984. S. 377–379.

[17] Германия во Второй мировой войне. 1939–1945 / Пер. с нем. М., 1971. С. 113.

[18] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 562.

[19] Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985. С. 371.

[20] 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 4. С. 48–49.

[21] *Азясский Н., Князьков А.* Плечом к плечу. Советские партизаны в период подготовки и в ходе Курской битвы (апрель — август 1943 г.). Воронеж, 1988. С. 18.

[22] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине, 1941–1944. Киев, 1985. Кн. 1. С. 137.

[23] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. С. 117–118.

[24] Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 81–84.

[25] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1984. Т. 2. С. 38.

[26] Там же. С. 32.

[27] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 94. Л. 21, 43.

[28] Там же. Д. 7. Л. 42, 121–122; Д. 28. Л. 24.

[29] Там же. Д. 227а. Л. 1–3.

[30] *Боффа Дж.* История Советского Союза / Пер. с итал. М., 1990. Т. 2. С. 99.

[31] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 251.

[32] Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 166.

[33] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 89. Л. 55.

[34] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 89. Л. 54.
[35] *Безыменский Л. А.* Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964. С. 31.
[36] Цит. по: За рубежом. 1988. № 36. С. 18.
[37] Там же.
[38] Unternehmen Barbarossa. S. 377.
[39] Fall Barbarossa. S. 365; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 153.
[40] *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941–1945. L., 1953. P. 101, 317.
[41] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 18. Л. 31, 38–39.
[42] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 224.
[43] *Верт Н.* История советского государства, 1990–1991 / Пер. с фр. М., 1994. С. 316.
[44] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1090. Л. 39–40 (далее — РЦХИДНИ).
[45] Цит. по: Источник. 1995. № 2. С. 113.
[46] РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1068. Л. 30, 111, 142; Д. 1069. Л. 28–31, 55, 57; Д. 1070. Л. 3; Д. 1107. Л. 4–5; Д. 1108. Л. 8.
[47] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 172. Л. 3.
[48] Там же. Д. 11. Л. 10–11.
[49] РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1123. Л. 33–34.
[50] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 351–354.
[51] *Вроньска Т. В.* В умовах війни: життя та побут населення мют України (1943–1945). Кїев, 1995. С. 7.
[52] *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 188.
[53] Цит. по: Социологические исследования. 1991. № 2. С. 6.
[54] *Верт Н.* Указ. соч. С. 315.
[55] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 228; Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 96.
[56] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 7. Л. 58–59.
[57] Цит. по: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1998. Т. 7. С. 15.
[58] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 9. Л. 1–9.
[59] Там же. Д. 174. Л. 1.
[60] *Гальдер Ф.* Военный дневник: в 3 т. / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 71.
[61] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 134.
[62] *Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 234.
[63] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 134.
[64] РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.
[65] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 6. Л. 7–9.
[66] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 69. Л. 214.
[67] Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 280.
[68] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 153.
[69] Там же.
[70] Там же. С. 153.
[71] Там же.
[72] *Мединский В. Р.* Указ соч. С. 233.
[73] Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 39.
[74] О массовых репрессиях в отношении военнопленных и депортированных граждан. Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. М., 1994. С. 1–2.
[75] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993. С. 338.
[76] АВП. Ф. 140. Оп. 25. П. 33. Л. 2.
[77] Документы внешней политики. Т. XXTV. М., 2000. С. 163.

[78] Русский архив. Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). С. 37–40.

[79] Нюрнбергский процесс. Сб. документов. Т. 4. С. 210.

[80] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944. Минск, 1965. С. 23.

[81] Цит. по: Преступные цели — преступные средства. С. 164.

[82] Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 93.

[83] Die Tödliche Utopie. S. 241.

[84] Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин, 1992. С. 199–200.

[85] «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 102–103.

[86] *Штрайт К.* Они нам не товарищи / Пер. с нем. М., 1991. С. 30.

[87] История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1977. Т. 8. С. 230.

[88] Против общего врага. Советские люди во французском Сопротивлении. М., 1972. С. 26–27.

[89] Война Германии против Советского Союза. С. 203–204.

[90] Красная звезда. 1959. 15 марта.

[91] *Сахаров В.* В застенках Маугхаузена. М., 1962. С. 180–195; *Пирогов К.* Этого забыть нельзя. Одесса, 1962. С. 213–222.

[92] 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 2. С. 302.

[93] Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.

[94] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 179.

[95] ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11566. Д. 18. Л. 142–144.

[96] Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 101.

[97] Там же. С. 105.

[98] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 325; *Земсков В.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба 1944–1956 // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 8.

[99] Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 94.

[100] Красная звезда. 1995. 25 января.

[101] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 157.

[102] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 369–370.

[103] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 485.

[104] Там же. С. 675.

[105] Правда. 1949. 30 января.

[106] Там же. 1950. 5 мая.

[107] Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 610–611.

[108] *Христофоров В. С.* Локотское окружное самоуправление: правда и вымысел // Великая война и Великая Победа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне. М., 2010. Кн. 2. С. 299.

[109] *Мединский В.* Указ. соч. С. 326–332, 339 и др.

[110] Из 5,7 млн человек советских военнопленных, находившихся в Германии с 1941 по 1945 г. в лагерях и на принудительных работах, около 60% (3,3 млн человек) погибли от голода, непосильного труда и плохого содержания (см.: *Штрайт К.* Они нам не товарищи... М., 2009. С. 8).

[111] *Семиряга М.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

[112] Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 29–33.

[113] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 154.

[114] *Хоффман Ф.* История власовской армии. М., 2002. С. 10.

[115] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 155.

[116] Подробнее см.: *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rusland, 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1981. S. 550, 559, 660; *Frolich S.* General Wlassov. Russen und Deutschen zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1978. S. 59, 63; *Hesse E.* Der Sowjetische Partisanenkrieg 1941–1944 im Spiegel der deutschen Kampfweisungen und Befehle. Zurich; Frankfurt, 1969. S. 124; *Hoffmann J.* Die Geschichte der Wlassov-Armee.

Freiburg, 1986. S. 14, 358; *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Herr und die Orientvölker der Sovjetunion. Freiburg, 1991. S. 46–47 и др.

[117] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 163.

[118] Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 85.

[119] Подробнее см.: Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. М., 2010. С. 192–195.

[120] *Репин Л.* «...Русские пленные добровольно служить не идут...» // Известия. 1990. 28 мая.

[121] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 2010. С. 293.

ПОДВИГ НАРОДА

Политическое руководство фронтом и тылом

Один из главных источников силы СССР, продемонстрированной во время войны, заключался в высокой степени централизма и организованности государственной системы. Максимальная централизация всех ветвей власти, а также активное сотрудничество с ней всего общества позволяли советскому руководству направлять основные ресурсы страны на самые важные, решающие участки борьбы с врагом. Даже при относительной ограниченности этих ресурсов возможность осуществлять «принцип ударности» сыграл в годы войны чрезвычайно важную роль. Призыв «Все для фронта, все для победы!» не оставался декларацией, лозунгом, а реально претворялся в жизнь. Это и стало важным фактором достижения победы.

Вся жизнедеятельность Советского государства и общества в условиях войны определялась в основном решениями чрезвычайного органа — Государственного Комитета Обороны (ГКО), образованного постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1941 г. Это произошло через неделю после начала войны, когда партийно-государственное руководство глубоко осознало угрожающие масштабы постигшей страну катастрофы и необходимость принятия неотложных кардинальных мер. В принятом постановлении говорилось, что в руках ГКО сосредоточивается вся полнота власти в государстве и все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны[1].

На основе общих политических целей и задач, определявшихся Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО осуществлял реорганизацию государственного аппарата и центральных органов военного управления в связи с особенностями военного времени; определял задачи военной экономики и концентрировал усилия государственных, партийных и хозяйственных органов на их выполнении; принимал меры к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства; определял общую численность Вооруженных сил СССР, соотношение видов вооруженных сил и родов войск; принимал решения об изменении их организационной структуры, штатов, формировании новых частей, соединений, объединений, назначении высшего командного состава; регулировал отдельные вопросы прохождения военной службы личным составом; определял объем и сроки призывов и мобилизаций; утверждал новые образцы, планы производства оружия, боеприпасов, боевой техники, военного имущества и другой продукции оборонной промышленности; принимал меры к укреплению дисциплины в вооруженных силах, правопорядка в стране; устанавливал ответственность за отдельные правонарушения, совершенные в условиях войны; участвовал в организации социалистического соревнования в оборонной промышленности; решал некоторые вопросы межгосударственных отношений (о создании на территории СССР иностранных военных формирований, закупке техники,

вооружения и другого имущества за рубежом); определял правовой статус различных советских органов, созданных за границей в период войны, а также правовое положение советских войск на территории освобождаемых от фашизма государств, порядок их взаимоотношений с местными властями и многое другое[2]. Созданный чрезвычайный высший орган власти состоял первоначально (позже его состав претерпевал некоторые изменения) из пяти человек: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель), Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков.

Представляя собой вершину пирамиды власти, Государственный Комитет Обороны руководил страной через аппарат ЦК ВКП(б), СНК СССР и центральные органы общественных организаций. Некоторые вопросы он решал напрямую через местные партийные и советские органы, различные наркоматы и ведомства, городские комитеты обороны, создаваемые преимущественно в прифронтовых городах. Принятые решения в зависимости от их содержания оформлялись в виде постановлений ГКО, СНК СССР, директив ЦК ВКП(б), указов Президиума Верховного Совета СССР, а по вопросам вооруженной борьбы и военного строительства — директив Ставки ВГК, созданной постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г., приказов народного комиссара обороны.

Военно-стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного главнокомандования. За исключением первых дней войны, Ставка ВГК непрерывно держала в своих руках все нити руководства вооруженными силами и их военными действиями. Она решала огромное количество задач: оценивала стратегическую обстановку и в соответствии с ее характером вносила на рассмотрение ГКО предложения о перспективах и целях вооруженной борьбы; разрабатывала планы военных кампаний и важнейших операций; изыскивала резервы для создания необходимых группировок войск; ставила задачи фронтам и флотам, объединениям ВВС и войск ПВО, организовывала взаимодействие между ними, направляла их действия; осуществляла всестороннее материально-техническое обеспечение операций; на основе обобщения опыта войны устанавливала наиболее целесообразные способы ведения боя и операции; согласовывала усилия Красной армии с действиями союзных войск.

В центре внимания и практической деятельности Ставки, как и ГКО, находились также многие военно-политические, военно-экономические и военно-технические вопросы. Она участвовала в расстановке командно-политических кадров, совершенствовании организационной структуры войск и их материально-техническом обеспечении, определяла тактико-технические требования к видам и образцам вооружения и боевой техники, изыскивала конкретных исполнителей, намечала необходимые сроки их производства и поставки в войска. Решала и другие проблемы, относящиеся к превращению страны в единый военный лагерь.

Пройдя трудный путь от растерянности, тяжелых поражений и неудач к постепенному формированию и освоению достаточно четкой, стройной и гибкой системы управления армией и флотом, Ставка ВГК стала эффективным органом стратегического руководства вооруженной борьбой. В ходе войны она проделала колоссальную по объему, масштабам и значимости работу. Под ее руководством были решены проблемы, связанные с восстановлением нарушенного стратегического фронта, проведено восемь военных кампаний, свыше 50 стратегических операций и операций групп фронтов. Она контролировала и направляла проведение более 250 фронтовых операций, ряда воздушных, противовоздушных и морских десантных операций, а также трех централизованных операций партизанских сил[3].

Главным рабочим органом Ставки ВГК был Генеральный штаб, который в своей деятельности тесно взаимодействовал с управлениями Наркомата обороны, Главным морским штабом, Главным штабом партизанского движения, наркоматами народного хозяйства, предприятиями оборонной промышленности, научно-исследовательскими центрами, конструкторскими бюро, испытательными полигонами и другими организациями и военными структурами.

Принятые ГКО постановления, имеющие силу закона, немедленно принимались к исполнению аппаратами ЦК ВКП(б), СНК СССР, наркоматов, прежде всего наркоматов обо-

роны и ВМФ, а также уполномоченными ГКО. Отдельные задания поручались секретарям компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, наркомам и их заместителям, видным ученым, руководителям местных органов власти. Масштабы, сроки деятельности уполномоченных ГКО определялись характером выполняемого задания. Наделенные чрезвычайными полномочиями, они имели большие возможности для успешного выполнения поставленных ГКО задач, выезжали в действующую армию для оказания помощи в организации и обеспечении боевых действий. Для лучшего руководства оперативной работой при уполномоченных ГКО иногда создавались небольшие группы помощников для особых поручений. В них включались крупнейшие деятели науки и техники, которые занимались разработкой и апробацией научных работ, связанных с обороной страны.

При ГКО действовали комитеты: транспортный, трофейный, по радиолокации, особый комитет занимался репарациями, трофейным промышленным оборудованием и прочим. Задания ГКО выполняли другие органы управления, некоторые из них создавались по мере необходимости: это были временные советы, комитеты, комиссии, бюро, которые после выполнения конкретных задач распускались. К числу органов, существовавших более продолжительное время, относилось, в частности, Оперативное бюро ГКО, образованное 8 декабря 1942 г. в составе Л. П. Берии (председатель), Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, Н. А. Булганина. На это бюро возлагалась обязанность осуществлять контроль за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности, наркоматов путей сообщения, черной и цветной металлургии, электростанций, угольной, нефтяной, химической промышленности, а также «за делами составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым». Весной 1944 г. к ведению Оперативного бюро ГКО дополнительно были отнесены наркоматы резиновой, бумажно-целлюлозной и электротехнической промышленности. 22 августа 1944 г. ГКО отнес к компетенции Оперативного бюро также вопросы, связанные со снабжением Красной армии и предприятий оборонной промышленности продовольственными и промышленными товарами. Для подготовки к рассмотрению Оперативным бюро ГКО вопросов снабжения, а также для проверки потребности в продовольственных и промышленных товарах и выявления дополнительных товарных ресурсов было признано необходимым создать комиссию при Оперативном бюро в составе А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, А. В. Любимова[4].

Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой советского народа в тылу врага. С этой целью в мае 1942 г. по решению ГКО при Ставке Верховного главнокомандования были созданы Центральный штаб партизанского движения и местные штабы партизанского движения.

Подавляющую часть постановлений и распоряжений ГКО подписывал И. В. Сталин. Само собой разумеется, он не мог детально вникать в содержание каждого из них, хотя проекты наиболее важных решений всегда рассматривал лично. Невидимая работа по подготовке постановлений ГКО ложилась на плечи работников Госплана, СНК, ЦК ВКП(б), Генерального штаба, наркоматов, советских и хозяйственных органов разных уровней. В большинстве случаев постановления ГКО принимались оперативно. Однако нередко рассмотрение сложных вопросов занимало и несколько дней, если требовались глубокая проработка проблемы, уточнение исходных данных или анализ альтернативных вариантов в целях выбора наиболее оптимального из них.

Деятельность чрезвычайного высшего органа власти свидетельствовала, что вначале импульсивно, неровно, но затем все более уверенно шел процесс его становления, определения главных направлений и стиля работы. О масштабах деятельности ГКО можно судить хотя бы по тому, что за 1626 дней своего существования (с 30 июня 1941 по 3 сентября 1945 г.) он принял 9971 постановление и распоряжение. Около двух третей из них в той или иной степени относились к вопросам экономики и организации военного производства[5].

В целях повышения ответственности и эффективности работы членов ГКО были приняты, хотя и не сразу, некоторые меры. В частности, постановлением от 4 февраля 1942 г.

четко распределялись обязанности членов Комитета. В конце 1941 — начале 1942 г. при каждом члене ГКО были созданы рабочие группы из квалифицированных специалистов, руководителей отраслей, представителей НКО и Госплана.

На высших органах государственной власти лежали задачи выработки не только военной, но и экономической стратегии на период войны. Неудачное ее начало перечеркнуло предвоенные планы и разработки. Перестройка потребовалась гораздо более глубокая и во многом в непредвиденных ранее направлениях. Высшему руководству государства пришлось оперативно вносить соответствующие изменения в военно-политическую стратегию — систему основополагающих взглядов на способы ведения войны, учитывать международную военно-политическую обстановку, материальные возможности страны, состояние средств вооруженной борьбы, наличие людских ресурсов и другие факторы.

В центре внимания ГКО постоянно находилась кардинальная задача по увязке возрастающих потребностей фронта с возможностями экономики страны, планированию и безотлагательному налаживанию производства всех видов вооружения, боеприпасов, их распределения и создания резервов. При этом учитывались требования, заявки и предложения, которые представлялись фронтами, Генеральным штабом, главными управлениями НКО.

К 1942 г. выработался определенный порядок деятельности ГКО по планированию военного производства. Строилось оно на основе квартальных и годовых общих народно-хозяйственных планов. В большей своей части это были месячные планы выпуска боевой техники, отдельных видов вооружения, боеприпасов в целом по отрасли. Это, однако, не исключало заданий и на более длительные сроки.

Круг решавшихся в ГКО вопросов и принятых по ним постановлений на всем протяжении войны был весьма обширен и разнообразен. Из всех связанных с войной постановлений около 350 были посвящены проблемам непосредственно военного строительства в наиболее напряженный период войны. Они несут особенно отчетливый отпечаток складывавшейся обстановки на фронте, характера боевых действий.

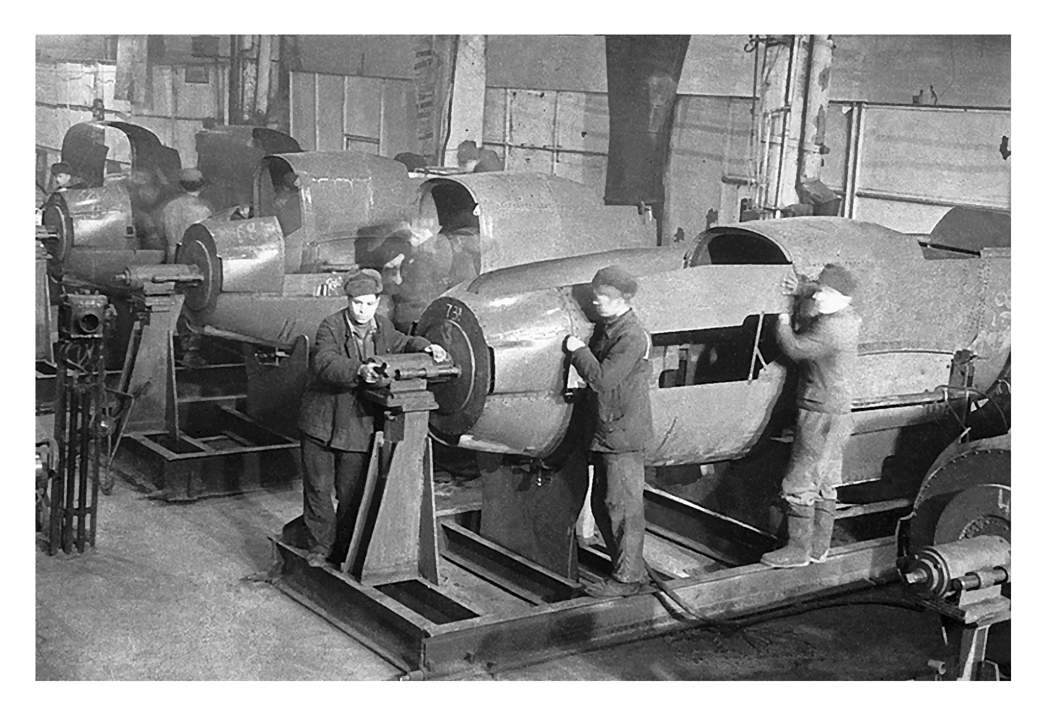
Крайне неблагоприятное для Красной армии начало войны чрезвычайно усложнило задачу организации и комплектования войск. В связи с начавшейся 23 июня 1941 г. мобилизацией численность вооруженных сил к 1 июля возросла на 5,3 млн человек[6]. Уже к концу года было сформировано 286 стрелковых дивизий. Развернулось формирование танковых бригад и батальонов, кавалерийских дивизий, противотанковых полков, других частей и соединений.

Решениями ГКО создавались новые государственные структуры, изменялась и уточнялась компетенция правоохранительных и судебных органов. На этой основе, например, все дела о преступлениях, совершаемых в исправительно-трудовых лагерях, которые находились в местностях, объявленных на военном положении, были переданы на рассмотрение военных трибуналов.

Значительное место в деятельности ГКО занимали вопросы тылового обеспечения Красной армии. В конце июля — начале августа 1941 г. постановлением ГКО была реорганизована вся система тыла Красной армии[7].

В ходе войны механизм подготовки решений и распоряжений ГКО совершенствовался, претерпевал изменения и его персональный состав. Однако процедура принятия решений и контроля их исполнения оставалась неизменной.

По аналогии с Государственным Комитетом Обороны в экстремальных условиях военного времени создавались чрезвычайные органы власти более низкого уровня. Так, постановлениями ГКО от 22 и 23 октября, 3 и 18 ноября 1941 г. в прифронтовых городах и областях были образованы комитеты обороны, объединявшие под своим руководством всю гражданскую и военную власть на местах[8]. В них входили председатели исполкомов советов депутатов трудящихся, начальники гарнизонов и управлений НКВД. Председателями их назначались первые секретари горкомов и обкомов партии. В ходе войны такие комитеты были созданы более чем в 60 городах прифронтовой полосы, в том числе в Ленинграде, Севастополе, Туле, Ростове-на-Дону, Сталинграде, Курске. «Создание комитетов обороны не отменяло существовавших органов руководства и управления на местах. В своей работе комитеты

Сборочный цех боевых самолетов

Инженеры и конструкторы на эвакуированных заводах продолжали работу над созданием новых самолетов

Девушки освоили мужские профессии

Женщины вяжут варежки для бойцов Красной армии

не подменяли их, а опирались во всей деятельности на партийные, советские, хозяйственные органы и общественные организации. Штатных работников комитеты не имели, а обычно выделяли из числа руководящего состава указанных органов уполномоченных, которые действовали от имени комитетов на наиболее ответственных участках... Большинство комитетов действовало до лета 1943 г., а в Сталинграде, Мурманске, Орджоникидзе — вплоть до 1944 г.»[9] Комитеты обороны занимались вопросами военно-мобилизационной работы, организацией народного ополчения и других добровольческих формирований, строительством оборонительных рубежей, укреплением МПВО, вопросами, связанными с боевой техникой и вооружением, эвакуацией и прочим. Эти органы сыграли положительную роль в деле мобилизации сил трудящихся городов и областей на отпор врагу.

Были реорганизованы и тыловые органы. В целях повышения их оперативности, необходимой централизации планирования и организации тылового обеспечения вооруженных сил 28 июля 1941 г. постановлением ГКО были созданы Главное управление тыла Красной армии и управления тыла во фронтах и армиях, а также учреждены должности начальника тыла Красной армии и начальников тыла фронтов и армий.

После окончания Второй мировой войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 г. ГКО был упразднен. Несмотря на субъективизм, имевший место в ряде случаев при анализе и оценке военно-политической обстановки, излишнюю централизацию при решении многих вопросов, деятельность ГКО в условиях войны способствовала максимальной мобилизации усилий советского народа на достижение победы над врагом.

Таким образом, в годы войны был не только создан необходимый в военное время чрезвычайный высший орган руководства страной, но и осуществлена полная и абсолютная централизация власти в руках его председателя И. В. Сталина. Единовластие его получило окончательное завершение и законодательное оформление, но это отнюдь не означало диктатуры вождя: И. В. Сталин находился на переднем плане борьбы, был в курсе всех дел и на фронте, и в тылу, умело держал руль управления страной. Он так же, как и весь народ, переживал неудачи первых месяцев войны, вынужденное отступление Красной армии воспринимал как трагедию, а победам радовался. Несомненно, личность И. В. Сталина — его сильная политическая воля, целеустремленность, умение организовать и дисциплинировать людей, ясно и понятно говорить с народом — сыграла положительную роль. Не менее важная роль принадлежала И. В. Сталину как символу и гаранту незыблемости государственной власти, единства народов СССР и уверенности в победе.

Приведем два, на наш взгляд, дополняющих друг друга оценочных положения о роли И. В. Сталина в руководстве фронтом и тылом, содержащихся в двух весьма взвешенных исторических исследованиях последнего пятилетия.

«В тяжелый для страны момент лета — осени 1941 г. и лета — осени 1942 г. именно воля И. Сталина заставила многих людей на передовой призвать свое личное мужество, одолеть малодушие под страхом смерти. Таким путем, а именно методом принуждения и репрессий, вождь компенсировал свои стратегические просчеты, допущенные им в начале войны в политической и военной областях»[10].

«На Сталине лежит личная вина за тяжелые поражения и огромные потери начала войны. Почему? Просто потому, что де-факто он единолично стоял у руля... В политической системе, которую он создал в СССР, на нем лежала личная ответственность за все. В июле 1941-го в теории надо было расстрелять не командующего Западным фронтом Павлова, а главнокомандующего Сталина. В мае 1945-го генералиссимуса Сталина надо было наградить... Но чем? Еще не придумано такой награды, которая была бы достойна Победы в той войне»[11].

Особое место в тотально централизованной государственной системе управления принадлежало разветвленному и громоздкому аппарату исполнительной и распорядительной власти, охватывавшему своим влиянием все сферы жизнедеятельности страны. Высшим его органом являлся Совет народных комиссаров (СНК) СССР. В него входили наркомы союзных и союзно-республиканских наркоматов, председатели Госплана СССР, ВЦСПС, действовавших при СНК комитетов, правления Государственного банка СССР. Возглавлял Совнарком

И. В. Сталин, назначенный председателем СНК СССР 6 мая 1941 г. и остававшийся им на протяжении всей войны. Совнарком и наркоматы разрабатывали и проводили в жизнь постановления ГКО. СНК занимался вопросами эвакуации промышленных предприятий и восстановления их на новых местах, координировал и направлял работу наркоматов, ведавших производством невоенной продукции. Он решал вопросы капитального и жилищного строительства, сельского хозяйства, осуществлял общее руководство внешней политикой, ведал социально-культурной сферой, статистикой, кредитной и денежной системами.

Хотя структура исполнительной власти с началом войны не претерпела больших изменений, обстановка военного времени диктовала необходимость расширения прав наркоматов в решении ряда вопросов. Постановление СНК СССР от 1 июля «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» дало наркомам большие полномочия в распределении и перераспределении ресурсов между отдельными предприятиями и стройками. 18 июля это постановление было распространено на наркоматы РСФСР и УССР. Значительные коррективы были внесены в стиль, формы и методы работы наркоматов: в большинстве из них перестали созываться заседания коллегий, деятельность которых возобновилась только в 1942 г. Практиковались лишь оперативные совещания при наркоме.

Сложившаяся в годы войны система планирования была весьма жесткой: она определяла не только задания каждому наркомату по количеству и номенклатуре выпускаемой продукции на квартал, но и скрупулезно предусматривала выделение каждой отрасли необходимых для этого топлива, электроэнергии, металла, оборудования, материалов, вагонов для перевозок, определяла финансовое обеспечение. Причем все фонды строго лимитировались. Такой подход был жестокой необходимостью военного времени.

В период войны выделились следующие направления планомерного сосредоточения основных экономических усилий страны: удовлетворение потребностей действующей армии, повышение объемов и качества ее вооружения; кооперирование и обеспечение всем необходимым отраслей, связанных с военным производством; материальная поддержка населения в целях активизации его труда для нужд фронта. По ходу войны на каждом из этих направлений накапливался опыт, на основе которого складывался и утверждался порядок военно-хозяйственного планирования.

Производство всех видов военной техники, вооружения, боеприпасов — сложный процесс, в котором участвуют десятки предприятий. И если ГКО определял и контролировал общее количество выпуска конечного продукта, то СНК СССР направлял организацию и обеспечение производств всем необходимым для полной их комплектации.

Дальнейшее наращивание выпуска военной продукции было невозможно без восстановления потерянных мощностей в тяжелой промышленности, в первую очередь в черной и цветной металлургии, топливной, электроэнергетике и ряде других отраслей. С эвакуацией промышленных предприятий на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию потребность этих районов в электроэнергии значительно возросла. Ее уже невозможно было удовлетворить за счет действовавших там электростанций. Требовалось широким фронтом осуществлять возведение новых электростанций. На решение этой задачи нацеливало, в частности, постановление СНК СССР от 25 апреля 1942 г. «О строительстве электростанций на Урале».

На положении дел в народном хозяйстве негативно сказывался все нараставший отток рабочей силы в армию. Для успешного налаживания военного производства, обеспечения бесперебойной работы предприятий оборонной промышленности и нового строительства развернулась подготовка крупных резервов дополнительной квалифицированной рабочей силы. Решать эту проблему приходилось также СНК СССР. В годы войны основным методом обеспечения промышленности рабочей силой стала принудительная мобилизация. Так, 29 декабря 1941 г. и повторно 13 марта 1942 г. Совнарком принял постановление «О призыве (мобилизации) городской, колхозной и другой сельской молодежи в школы ФЗО».

Для скорейшего удовлетворения нужд промышленности был разработан план краткосрочной подготовки рабочих массовых профессий на первый квартал 1942 г. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного

времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». В тот же день было утверждено специальное постановление СНК СССР о порядке реализации этого указа.

Важным резервом пополнения работниками сельскохозяйственного производства было использование граждан, эвакуированных из угрожаемых районов. Так, на 8 августа 1941 г. в одну только Горьковскую область прибыли более 130 тыс. человек, в том числе примерно 65 тыс. детей. Около 40 тыс. трудоспособных эвакуированных были устроены на работу в колхозах, совхозах, лесных хозяйствах, а также частично на предприятиях и в учреждениях. Все прибывшие размещались на имеющейся жилой площади[12]. Реализовывался и такой резерв: замена женщинами ушедших на фронт мужей-механизаторов. «Мой муж уходит в РККА защищать Родину, — заявила на митинге 26 июня 1941 г. жена комбайнера Никитенко. — Я занимаю его место на комбайне и буду высококачественно работать. Призываю всех женщин последовать моему примеру»[13]. И таких фактов освоения женщинами, а также подростками сельскохозяйственной техники было множество.

В целях более массового восполнения дефицита рабочей силы в сельском хозяйстве и интенсификации труда колхозников 13 апреля 1942 г. СНК СССР принял постановления «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» и «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Для обеспечения максимально эффективной реализации этих постановлений были предусмотрены меры административного, принудительного, в том числе судебного воздействия. Они предусматривались в принятых 15 апреля 1942 г. указах Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней» и «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы».

К сожалению, руководство сельским хозяйством со стороны правительства страдало серьезными недостатками: оно часто запаздывало с принятием постановлений, не всегда объективно учитывало, что на их реализацию необходимо соответствующее время.

Еще одним важным направлением в деятельности СНК СССР с конца 1941 г. стало руководство восстановлением народного хозяйства на освобожденной территории. Данные районы являлись ближайшим тылом действующей армии, и в связи с этим первостепенное значение имело восстановление и поддержание в порядке проходивших через них транспортных артерий. От них во многом зависел успех проводимых операций. К тому же без них было невозможно проведение и самих восстановительных работ. Программа восстановления всех областей народного хозяйства разрабатывалась непосредственно Госпланом под руководством СНК СССР. Ею определялись ключевые отрасли и даже отдельные предприятия, подлежавшие восстановлению в первую очередь, выделялись на эти цели финансовые ассигнования, оборудование, материалы и сырье, определялись объемы работ и их сроки.

Постепенно в деятельности СНК СССР в военные годы накапливался соответствующий опыт. Одной из основных форм его работы стали заседания Бюро или расширенные заседания с вызовом наркомов, председателей комитетов и начальников управлений, действовавших при нем. На этих заседаниях обсуждались наиболее значимые и актуальные вопросы, принимались соответствующие постановления.

Разумеется, война потребовала внести определенные изменения в сложившуюся ранее структуру СНК и наркоматов. Образовались новые органы руководства военным производством: наркоматы боеприпасов, вооружения, танковой промышленности, минометного вооружения. Изменялась структура действовавших наркоматов, во многих из них были созданы военизированные управления и отделы для обслуживания вооруженных сил: Управление военно-дорожного строительства, Отдел эвакогоспиталей, Главвоенторг и другие. Нужды военной экономики и задачи восстановления хозяйства освобожденных районов обусловили создание новых управлений и комитетов, среди них: главные управления по снабжению народного хозяйства нефтепродуктами, лесоматериалами, топливом, Управление по трудоустройству инвалидов войны, главные управления ПВО и Всевобуча.

Такая работа в той или иной степени проводилась во всех наркоматах. В Наркомате обороны она была направлена на улучшение руководства видами вооруженных сил и родами войск, улучшение обеспечения фронта всем необходимым. 24 января 1942 г. ГКО принял постановление, в котором ставилась задача по усилению органов продовольственного снабжения во всех звеньях тыла Красной армии. В НКО было организовано Главное управление продовольственного снабжения Красной армии, начальником которого стал Д. В. Павлов. В первой половине 1942 г. была проведена реорганизация Управления начальника инженерных войск Красной армии. Серьезная перестройка была произведена и в ряде других наркоматов. После реэвакуации наркоматов в Москву их общая структура в основном стабилизировалась и существовала до конца войны с небольшими изменениями.

Наркоматы, руководившие сельским хозяйством, направляли свою деятельность на решение продовольственной проблемы и на фронте, и в тылу. Это было чрезвычайно трудно: сельское хозяйство пострадало от войны даже больше, чем промышленность. Перелом к лучшему здесь произошел лишь в начале 1944 г.

Большой объем работы выполняли центральные органы управления социально-культурным строительством: наркоматы просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, а также Управление по делам искусств при СНК РСФСР.

Перевод деятельности и структуры народного хозяйства и высших государственных органов страны на военный лад был осуществлен в сравнительно короткий срок и организованно. Была создана наиболее отвечающая создавшейся обстановке система управления военными действиями и экономикой страны, в последующие годы войны уже не требовавшая больших изменений.

Сегодня нередко подчеркивается, что в Великой Отечественной войне победили не И. В. Сталин и Г. К. Жуков, а народ. Однако при этом упускается из виду, что народ ведь нужно было организовать, направить: лишенный единой воли, единой цели и общего порыва, он просто не смог бы победить. Эффективность государственной политики в решающей степени была обеспечена целенаправленной деятельностью ВКП(б). Единая, массовая, хорошо организованная, дисциплинированная партия стала, по существу, важнейшим государственным инструментом. ВКП(б) как правящая и единственная партия в стране фактически являлась основой политической системы в СССР. К началу войны в ней состояли 3,8 млн коммунистов. Члены и кандидаты в члены Центрального комитета ВКП(б) возглавили основные направления руководства вооруженной борьбой и перестройкой народного хозяйства на военный лад.

Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало чрезвычайно широкий круг вопросов: от мобилизации военнообязанных и объявления военного положения в первый день войны до многочисленных награждений, присвоения высших воинских и различных почетных званий в конце ее. Практически все важнейшие партийные и государственные дела, в том числе кадровые вопросы в высшем звене, за исключением тех, которые входили в компетенцию только ГКО, проходили через Политбюро и скреплялись подписью И. В. Сталина. Значительная их часть оформлялась указами Президиума Верховного Совета СССР, постановлениями ГКО или совместными постановлениями СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР и ЦК ВКП(б).

Целиком и полностью, безраздельно определяя судьбы страны, партийно-государственное руководство опиралось на местные органы партии, первичные организации, рядовых коммунистов, которые в течение всей войны повсюду находились в авангарде — и на фронте, и в партизанских отрядах, и среди тружеников тыла. Через первичные организации осуществлялась связь партии с беспартийными. На фронт ушло 40% довоенного состава территориальных партийных организаций.

27 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках, которое обязало 12 обкомов отобрать для этой цели от одной до десяти групп по 500 человек в каждой. Отбор производился в течение трех дней. С отобранными коммунистами были проведены военные сборы, а затем их направили в дивизии действующей армии.

В первые полгода войны на фронт были направлены около 8,8 тыс. руководящих работников — членов ЦК ВКП(б), секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских и районных комитетов, ответственных работников партаппарата, слушателей высших партийных учебных заведений. В вооруженные силы был послан большой отряд коммунистов и лучших комсомольцев в качестве политбойцов, рядовых красноармейцев и краснофлотцев, личным примером и призывным словом увлекавших за собой сослуживцев. Так, в качестве политбойцов в части и соединения были подготовлены и отправлены 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев. Всего за полугодие более 1,1 млн коммунистов были посланы в армию и на флот.

В отечественной историографии нередко встречаются упреки и критика по поводу организации ополченских формирований в Москве, их подготовленности, вооружении. Винтовки якобы брали из музеев. «Могла ли случиться такая ситуация, когда на троих бойцов оказалась одна винтовка? Конечно. На войне могло произойти и не такое, — оппонирует таким историкам В. Р. Мединский. — Но вопрос: насколько эта ситуация была типична? Почитаешь некоторых историков, так вообще не поймешь, когда, куда и, главное, зачем Ставка попрятала все стрелковое оружие... Советское народное ополчение... формировалось на добровольной основе, стихийно. Иногда и добровольно-принудительно, когда невозможно под строгими взглядами не записаться добровольцем. Но в любом случае это не армия. Еще не армия. Сколько будет добровольцев — точно не известно. Когда они соберутся — тоже точно сказать нельзя. Где примут бой — Бог знает. Все это добавляло обстановке нервозности и осложняло комплектование. Но постепенно ополченцы становились бойцами»[14].

В начале войны сеть первичных партийных организаций резко сократилась, в основном за счет территории, оккупированной врагом, где до войны находились 1,5 млн членов и кандидатов в члены ВКП(б). В советском тылу сеть организаций также сократилась. Так сложилось прежде всего в малочисленных сельских партийных коллективах — в колхозах, МТС, совхозах. Зато в вооруженных силах, куда за первое военное полугодие были мобилизованы свыше миллиона коммунистов, численность первичных организаций сразу удвоилась. А затем за счет дальнейшей мобилизации и усиленного приема она достигла почти трети всех первичных организаций партии.

Проведенная в начале войны и продолжавшаяся на всем ее протяжении перестройка партийной работы с учетом военной обстановки означала доведение до предела организационного централизма, свертывание демократических норм и методов партийной жизни, отход от уставных норм, расширение чрезвычайных форм и методов, строжайшую дисциплину, граничившую с дисциплиной военной. Все это привело к милитаризации партии. В тех условиях, в которых оказалась страна в первый период войны, это было во многом оправданно. Но в значительной степени милитаризация выходила за рамки необходимого и нагнеталась в соответствии со стремлением сталинского руководства к крайнему усилению административно-командной системы, утвердившейся еще до войны.

Партийные комитеты в краях, областях, городах, районах также перешли на чрезвычайные формы и методы управления, взяв на себя административно-хозяйственные функции.

В противовес психологическим акциям гитлеровских спецслужб, стремившихся спровоцировать в СССР национальные конфликты, и в интересах организации дружного отпора врагу необходимо было укреплять сплоченность и солидарность народов Советского Союза. В их достижение внесли свой вклад и местные партийные органы, которые широко развернули политико-массовую работу, прежде всего среди народов Северного Кавказа, оказавшихся на переднем крае борьбы с наступавшим врагом.

В 1942 г. в стране родилась идея боевых наказов воинам от их земляков. В печати появилось множество коллективных обращений к фронтовикам от их братьев по крови из Киргизии, Казахстана, Узбекистана и других союзных и автономных республик.

Ход последующих событий показал, что пропаганда, проводившаяся с учетом требований критического момента, не была напрасной: советские люди в подавляющем большинстве своем глубоко прониклись идеей, что именно они являются теперь хозяевами собственной

судьбы и никто, кроме них самих, не остановит врага и не защитит от его жестокости и насилия. Такое понимание ситуации укрепило в их душах чувство гражданского и патриотического долга.

ВКП(б) стала действительно воюющей партией, слившейся в низах со сражающимся народом. Хорошо известно, что за годы войны партия понесла огромные потери: погибли свыше 3 млн коммунистов. Тем не менее ее численность по сравнению с довоенной увеличилась более чем на 1,6 млн человек, достигнув к концу войны почти 6 млн членов и кандидатов в члены партии. При этом около 60% из них находились в рядах вооруженных сил[15].

Великая Отечественная война велась не только вооруженными силами. Она была войной всего советского народа и общества, политической и экономической систем СССР. Центральным звеном этих систем являлось государство, от деятельности органов которого зависело очень многое в решении задач, связанных с мобилизацией всех сил страны на ее защиту от агрессии нацистской Германии.

Формально, согласно действовавшей в то время Конституции СССР, на протяжении всей войны высшим законодательным органом оставался Верховный Совет СССР, включавший на тот период 1388 депутатов. В обстановке военного времени созыв сессий Верховного Совета не был регулярным (они созывались лишь трижды: в 1942, 1944 и 1945 гг.). На них обсуждались далеко не самые важные вопросы из тех, которыми в то время жила вся страна. Между сессиями Верховного Совета СССР законодательные функции осуществлял его Президиум, бессменным председателем которого был М. И. Калинин. Советы в годы войны активно участвовали в мобилизации трудящихся на помощь фронту. Однако своей истинной роли как органы представительной демократии они не выполняли. Фактически в Советском Союзе в военные годы работа выборных законодательных органов — верховных советов СССР, союзных и автономных республик — практически была свернута. Как и в предвоенные годы, даже в создавшихся чрезвычайных условиях роль Президиума Верховного Совета страны была незначительной. Судя по содержанию журнала посещения И. В. Сталина в кремлевском кабинете, он как председатель ГКО, руководитель ВКП(б) ни разу не встретился с председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым[16]. О низком престиже Президиума Верховного Совета говорит и то, что его председатель М. И. Калинин не входил в состав ГКО.

При сформировавшейся еще в предвоенные годы системе управления страной роль Президиума Верховного Совета СССР, несмотря на его провозглашенные в Конституции СССР широкие полномочия, оказалась сильно урезана. С образованием Государственного Комитета Обороны функции Президиума Верховного Совета СССР были еще больше сужены. Ему в основном предоставлялись те решения и документы, которые согласно Конституции и существовавшему законодательству требовали оформления их в виде указов. В частности, о введении военного положения, осуществлении общей и частичной мобилизации в армию, мобилизации людских и материальных ресурсов народного хозяйства, введении новых налогов, оборонительном строительстве, назначениях на высшие государственные должности и других делах. Конкретное представление о содержании деятельности Президиума Верховного Совета СССР, например в трудный период с 1 декабря 1941 по 1 мая 1942 г., дают принятые им указы. Они касались следующих вопросов: об отсрочке выборов — два указа, о передаче совхозов в ведение отдельных наркоматов — 22 указа, о передаче предприятий из ведения одного наркомата в другой — 16 указов, о наделении новыми правами ведомств и организаций — один указ, о лишении орденов, медалей, советского гражданства — два указа, о налогах — четыре указа, о мобилизации и трудовой дисциплине — два указа[17]. В то же время документы военных лет свидетельствуют, что нередко постановления ГКО, СНК СССР, а также отдельные распоряжения его членов принимались и без ведома Президиума Верховного Совета СССР с нарушением его прав, компетенции и обязанностей.

Как уже отмечалось, Государственный Комитет Обороны выполнял значительную часть функций высших органов государственной власти, в том числе Президиума Верховного Совета СССР. В местностях, находившихся на военном положении, все функции органов

государственной власти в сфере обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности были переданы военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где не имелось военных советов, — командованию войсковых соединений и частей. В стране в тот период сложилось своеобразное сочетание чрезвычайных и конституционных, гражданских и военных органов власти.

Одной из важнейших функций Президиума Верховного Совета СССР было толкование действовавших законов, определение порядка проведения их в жизнь. Однако его контроль над их соблюдением при существовавшей системе управления страной оказался в значительной мере ослабленным. В компетенцию Президиума Верховного Совета СССР входили также назначение и снятие наркомов, послов, присвоение маршальских званий, ратификация договоров и соглашений с иностранными государствами, введение новых и изменения во взимании действующих налогов, учреждение орденов и медалей, лишение советского гражданства, помилование и снятие судимостей. Им в законодательном порядке устанавливались, определялись, видоизменялись права и обязанности существовавших органов власти. Например, 14 декабря 1941 г. был принят указ «О предоставлении военным советам фронтов и флотов права снимать судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками». В ведении Президиума Верховного Совета СССР находилось награждение орденами и медалями отличившихся на фронтах и тружеников тыла, воинских частей, соединений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учреждений. Все представления на них рассматривались наградными отделами и утверждались Президиумом Верховного Совета СССР. В период с 22 июня 1941 по 1 мая 1942 г., когда стране было чрезвычайно трудно и, казалось бы, не до наград, было принято 568 указов о награждении, согласно которым 254 человека удостоились звания Героя Советского Союза, четыре — звания Героя Социалистического Труда. За это время орденами были отмечены 67 воинских частей, соединений, кораблей, отличившихся в боях, 30 промышленных предприятий и научных учреждений. Орденами и медалями был награжден 55 781 человек, в том числе 46 959 отличившихся в боевых действиях на фронте, в тылу врага и 8822 — за самоотверженный труд в народном хозяйстве[18].

Одним из законодательных актов Президиума Верховного Совета СССР в первый и наиболее трудный период войны был указ, принятый на основе соответствующего постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отсрочке выборов в Верховный Совет СССР» ввиду военных условий и невозможности их проведения. Таким образом, полномочия депутатов первого созыва продлевались.

Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР, а также других республик обязаны были осуществлять общее руководство местными советами, в составе которых числились свыше миллиона депутатов, направлять и координировать их работу. Но фактически эта функция была свернута (во многом еще в мирное время). Местные советы и их отделы в годы войны действовали в сокращенном составе. В действующую армию и на флот были призваны 38% всех членов исполнительных комитетов советов. Во всех звеньях местных советов остались лишь 481 тыс. человек (40,8%) — депутатов первого созыва.

Между тем деятельность местных органов государственной власти в период войны имела большое значение. Особенно важной была их роль, связанная с организацией материальной и духовной поддержки обороны страны. Именно они, находясь в гуще масс, в тесном взаимодействии с партийными органами на своих уровнях обеспечивали переход государства и общества с мирного положения на военное, своей организаторской и политико-воспитательной работой среди тружеников тыла добивались неуклонного наращивания ресурсов страны для борьбы с врагом и претворения в жизнь призыва «Все для фронта, все для победы!».

На огромную сложность задач, поставленных войной перед советами, указывал в свое время председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин: «Война подвергла жестокому испытанию не только отдельных людей, но и весь государственный организм в целом — его учреждения, предприятия, организации и в особенности советы как местные органы власти, задачи которых универсальны»[19].

Несмотря на холод, работа в цехах не прекращалась

Колхозники сдают зерно для Красной армии

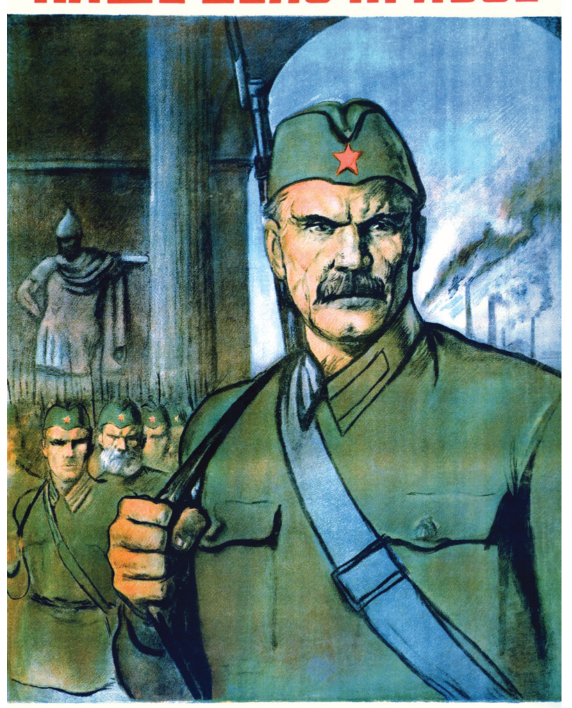
Цех по ремонту танков

Круглосуточно работали цеха по изготовлению боеприпасов

Тоидзе И.
Родина-мать зовет!
1941

Серов В.
Наше дело правое, победа будет за нами!
1941

Тоидзе И.
За Родину-мать!
1943

Алейников С.
Слава тем, кто умелым огнем сохраняет нас днем и ночью!
1941

Корецкий В.
Воину-освободителю – слава!
1943

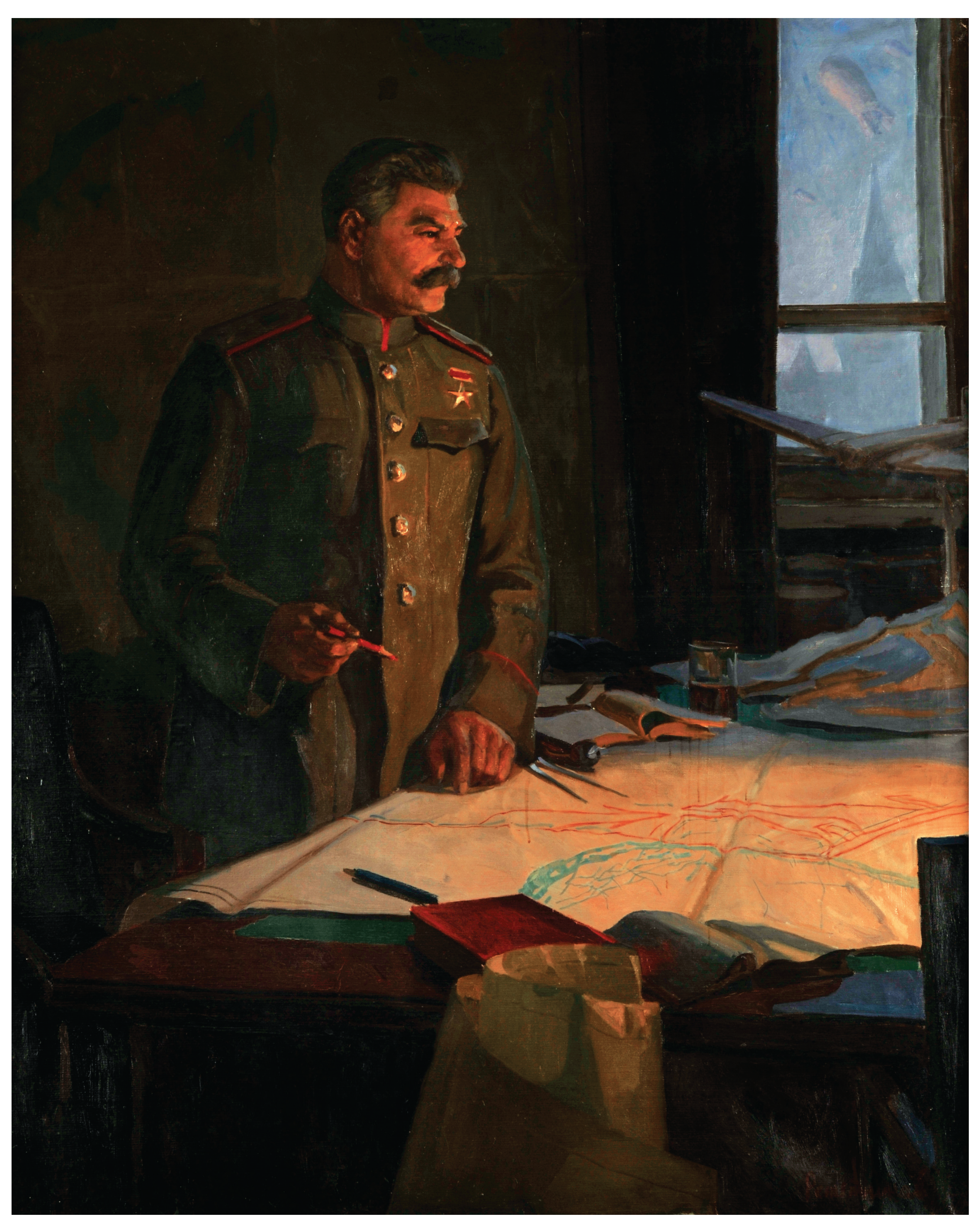
Соловьев М.
Плакат-окно ТАСС № 1256 «Советскому воину слава!»

Голованов Л.
Родина, встречай своих героев!
1945

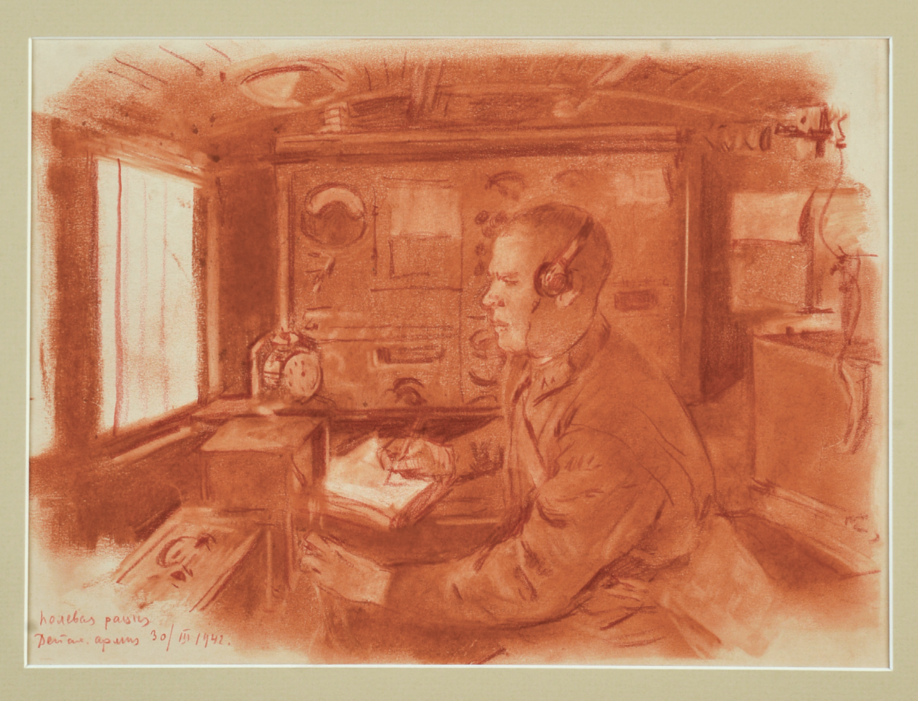
Иванов В.
Мы победили!
1945

Решетников Ф.
Иосиф Сталин у карты
1948

Мальков П.
Дежурный расчет зенитчиков

Мальков П.
Полевая рация

Мальков П.
У колодца. В занятом Красной армией селе «Б»

Гальперин В.
Советские войска вступают в Вену.
Танки у Парламента

Хмелько М.
За великий русский народ!
1947

Кривоногов П.
Защитники Брестской крепости
1951

Авакимян О.
Москва 1941 г.
1987

Соколов-Скаля П.
Артиллерия под Сталинградом. 19 ноября 1942 года
1946

Ражин Н.
Бой танков

Присекин Н.
Курская битва (фрагмент диорамы)
1995

Мальцев П.
Штурм Сапун-горы
1958

Ананьев Д.
Солдаты Великой Отечественной войны

Кривогонов П.
Поединок
1964

Сытов А.
Встреча на Эльбе (Автограф на память)
1987

Присекин С.
Маршалы Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский
на Красной площади 24 июня 1945 года
1985

Дмитриевский В.
Весна Победы
1998

По Конституции СССР 1936 г. к местным органам государственной власти относились краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) советы депутатов трудящихся. Они руководили деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивали охрану государственного порядка, соблюдение законов и прав граждан, управляли местным хозяйственным и культурным строительством, устанавливали местный бюджет. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских и сельских советов депутатов трудящихся являлись избираемые ими исполнительные комитеты в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов[20]. К началу войны в СССР насчитывалось 64 346 местных советов, в которые на выборах в декабре 1939 г. были избраны 1 185 650 депутатов[21].

Однако в чрезвычайных условиях войны советы сверху донизу как органы представительной демократии практически утратили свою роль. Местные советы функционировали в резко сокращенном составе из-за ухода на фронт большого числа депутатов. Их численность за годы войны сократилась почти на три пятых. В условиях жесточайшей централизации особенно тяжелым было положение поселковых и сельских советов, находившихся у подножия своеобразной пирамиды органов власти.

Тем не менее в годы Великой Отечественной войны в деятельности советов проявились потенциальные возможности, заложенные в их природе изначально. Возрождение и эффективная реализация в экстремальной обстановке войны этих потенциальных возможностей были обеспечены самоотверженным трудом тех, кто был оставлен работать в местных органах власти, и их добровольных помощников. От всех этих людей во многом зависело решение кардинальных вопросов, связанных с мобилизацией ресурсов страны на ведение войны. Это тоже был героизм, но особого рода: непрерывная и самого высокого накала организаторская работа своеобразного «колесика и винтика» слаженного государственного механизма[22].

Советская государственная система проявила гибкость в перестройке своей деятельности, всецело нацеленной на решение оборонных задач. Обстановка военного времени не могла не вызвать к жизни ряд весьма существенных изменений и дополнений советского законодательства, направленных на укрепление дисциплины и соблюдение правопорядка, значительное расширение полномочий военных властей, применение чрезвычайных мер по обеспечению общественного порядка, государственной безопасности и укреплению обороноспособности страны.

Таким образом, образование чрезвычайных органов власти в центре и на местах, полное слияние партийного и государственного руководства способствовали повышению его гибкости и оперативности, ответственности за исполнение принимаемых решений на всех уровнях. Пирамида политической власти в СССР, сформировавшаяся накануне войны, получила свое логическое завершение. Данный процесс содержал важный положительный аспект: общая внутренняя логика развития советского тоталитарного государства — укрепление единоначалия, достижение тотальной централизации управления, сращивание партийного и государственного аппаратов, огосударствление общественных институтов и организаций, строжайшая исполнительская дисциплина — совпала с задачей максимальной мобилизации всех сил и ресурсов страны для борьбы с агрессором. Данное совпадение в годы Великой Отечественной войны в значительной степени повысило роль и значение сложившейся в СССР политической системы. Несмотря на допущенные ошибки, просчеты как накануне, так и в ходе войны в целом государственная власть была достаточно авторитетной среди народа.

Таким образом, оценки роли советской политической системы в войне весьма противоречивы: от апологетических и всепрощающих до крайне отрицательных. Думается, истина, как обычно, находится между крайностями. Объективный исследователь не станет отрицать несомненный факт: не только поражения, но и многие значительные победы, достижения нашей страны всегда были связаны с данной системой. Тем более именно так было в военные годы, когда ее роль возросла многократно.

Реальные события, особенно первых месяцев войны, показали, что пирамида политической власти, выстроенная в СССР в предшествующие годы, обладала особенностями, делавшими ее вполне предрасположенной действовать в сложной, экстремальной обстановке. Перестроившись организационно и функционально, она доказала свою жизнестойкость, решающим образом способствовала достижению победы. Советский Союз добился экономической победы над врагом во многом благодаря суровой дисциплине, установленной политическим руководством страны во всех отраслях народного хозяйства, а также стремлению подавляющей части населения, занятого на трудовом фронте, отдать все силы обеспечению фронта тем, без чего разгром противника был бы невозможен.

В преодоление военно-экономического кризиса прямо или косвенно были включены все элементы государственной системы. По инерции мышления предыдущих лет в кризисных ситуациях преувеличивалось значение репрессивных мер. Поэтому на полное использование потенциальных возможностей тыла была направлена деятельность прокуратуры, военных трибуналов, народных судов и органов НКГБ — НКВД СССР, которые в совокупности составили мощный, отлаженный механизм принуждения[23]. Неизбежное усиление внеэкономического принуждения к труду сопровождалось установлением жесткого контроля за жизнью и деятельностью трудовых коллективов. Эта и другие особенности системы управления того времени предполагали активное функционирование в сфере экономики органов государственной безопасности. С учетом предвоенного опыта на их оперативные подразделения были возложены контрольно-инспекционные и хозяйственно-организаторские функции. Страх перед суровым наказанием за малейшее проявление халатного отношения к труду, конечно, играл свою роль в мобилизации людей на выполнение производственных заданий. Но было бы исторической неправдой, более того, клеветой на подавляющее большинство рабочих и крестьян утверждать, что они работали из-под палки.

В советском тылу трудящиеся чувствовали себя такими же защитниками Родины, как и солдаты на фронте. Объективно обусловлено было осознание каждым, от наркома до рабочего, своей ответственности, личной заинтересованности в приближении победы над врагом. Это являлось главным стимулом колоссального напряжения всех сил народа. Мужество и самоотверженность во время войны проявляли не только рядовые труженики, но и высшее звено, те, кто руководил военной экономикой, ее различными отраслями и предприятиями, обеспечивал доставку на фронт всего необходимого. Они отдавали все свои силы и талант для успешного выполнения задач, поставленных перед ними. К числу таких руководителей относятся, например, нарком боеприпасов Б. Л. Ванников, нарком танковой промышленности В. А. Малышев, нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин и многие другие.

За годы Великой Отечественной войны Советское государство и общество проделали колоссальную работу во всех областях жизни и борьбы народа. Совместными усилиями они обеспечили руководство хозяйством, концентрацию необходимых фронту средств и мобилизацию масс на борьбу за достижение победы. Подавляющее большинство населения, в том числе партийно-государственное руководство страны, были едины в своем порыве отстоять свободу и независимость Родины. Конечно, не обошлось без трусов, паникеров и предателей как на фронте, так и в тылу. Война сопровождалась также ошибками и просчетами политического и военного руководства страны и вооруженных сил. Но не эти явления и факты определяли характер войны, ее ход и исход. Духовная стойкость советского народа, его сплочение вокруг высших руководящих органов государства в годы жесточайшего противоборства с германским нацизмом явились не только одним из решающих условий военной мощи СССР, но и движущей силой на пути к Великой Победе. «Великая Война в очередной раз показала, насколько жизнеспособен наш народ, показала его силу, не побоимся этого слова, — его могущество. В этом первый и главный урок Войны... Этот урок должен быть нами глубоко усвоен. Он должен лежать в основе нашего национального самосознания, быть краеугольным камнем всей политической пропаганды»[24].

Великая Отечественная война показала, какими огромными духовными и физическими силами обладает народ, вставший на защиту своей Родины. Перед лицом смертельной

опасности советские люди подчинили всю свою жизнь и деятельность интересам фронта. Помощь ему заключалась прежде всего в ударном труде на заводах, фабриках, колхозных полях и транспорте, в увеличении и ускорении военного производства, в строжайшей экономии во всем и везде, в многочисленных патриотических движениях и начинаниях, направленных на изыскание для страны и фронта дополнительных резервов. Самоотверженным трудом рабочие, колхозники, представители советской интеллигенции выковывали вместе с воинами вооруженных сил победу над врагом. С первого до последнего дня войны фронт и тыл представляли собой единый боевой лагерь.

Трудовой подвиг народа

Военная история свидетельствует, что все войны во все времена велись и ведутся на материальной основе, а цели войны всегда преследовали в итоге экономические выгоды для агрессора. В 1930–1940 гг. стремление ряда европейских государств во главе с нацистской Германией овладеть природно-экономическим потенциалом нашей страны не только не ослабло, но, напротив, намного усилилось, приобрело ярко выраженную расовую и идеологическую окраску.

Опыт войн показывает, что победы куются не только на полях сражений, но и в цехах заводов и фабрик, в кабинетах научно-исследовательских институтов, на нефтяных промыслах и крестьянских нивах. В ходе боевых действий войск весьма большое значение приобретает состояние обеспеченности соединений и воинских частей вооружением, военной техникой, боеприпасами, горючим, продовольствием, всем необходимым для жизни и боя, подачи военной продукции до танка, самолета, воина. Иными словами, победа, в конце концов, будет за тем, чья экономика окажется сильнее, а система обеспечения воинских формирований — более отлаженной.

Фундамент будущей победы Советского Союза в экономическом противоборстве с Германией удалось заложить еще до начала войны. Сложная международная обстановка, угроза вооруженного нападения извне вынуждали советское руководство укреплять обороноспособность государства. Правительство настойчиво и целеустремленно, пренебрегая во многом жизненными интересами своего народа, готовило страну к отражению агрессии.

За годы довоенных пятилеток в СССР был достигнут высокий уровень развития производительных сил. С 1928 по 1940 г. национальный доход увеличился более чем в 5 раз, производство электроэнергии — в 9,7 раза, добыча угля — в 4,7 раза, нефти — в 2 раза, выплавка стали — более чем в 4 раза, выпуск продукции машиностроения — в 20 раз. Были возведены такие машиностроительные гиганты, как Горьковский автозавод, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы, Уральский завод тяжелого машиностроения, крупные заводы в Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, оборудованные по последнему слову техники. Началось сооружение крупных судостроительных заводов на Дальнем Востоке и на Севере. На востоке страны была создана вторая угольно-металлургическая база: Урало-Кузнецкий комплекс, который включал Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты и сыграл во время войны очень важную роль в обеспечении страны металлом, углем и химической продукцией. Стремительно развивался Карагандинский угольный бассейн, а между Волгой и Уралом создавалась новая нефтяная база. Накануне войны восточные районы давали уже около 20% всей промышленной продукции СССР[25].

Особое внимание уделялось развитию военной промышленности. Были значительно увеличены ассигнования на военные нужды: в 1940 г. они составили 32% государственного бюджета и выросли до 56,8 млрд рублей против 17,5 млрд в 1937 г. (тогда эта сумма составляла всего 10%)[26]. Развертывались новые военно-промышленные базы в Поволжье, на Урале и в Сибири. Там строились заводы-дублеры, оснащенные современным оборудованием, которые

опирались на местную топливно-металлургическую базу. Одновременно ряд гражданских предприятий был переведен на выпуск военной продукции. Большое внимание уделялось накоплению государственных резервов и мобилизационных запасов, общая стоимость которых с 1940 по июнь 1941 г. увеличилась почти вдвое.

Таким образом, в Советском Союзе накануне войны был создан солидный материально-производственный потенциал, необходимый для оснащения армии и флота различными видами оружия и военной техники. Однако не все намеченные мероприятия по укреплению обороны страны удалось тогда осуществить. Выявились и слабые стороны в подготовке советской экономики к отражению агрессии. Были допущены отдельные диспропорции. Отставали от потребностей народного хозяйства добыча нефти, производство металлов и химической продукции. Для ускоренного развития промышленности в восточных районах не хватало электроэнергии. В ряде районов оставалась низкой пропускная способность железных дорог. Не были решены проблемы сельского хозяйства, особенно отставало животноводство. Во многих отраслях промышленности и в сельском хозяйстве была низкая производительность труда.

Территориальное размещение оборонных предприятий определялось не столько геостратегическими требованиями, сколько развитой инфраструктурой. Большинство из них располагалось в Центральном, Северо-Западном и Южном промышленных районах. Слабо учитывались изменившиеся после Первой мировой войны характер и особенности вооруженной борьбы, связанные с повышением маневренности войск, их способностью действовать в высоких темпах и на большую глубину, наносить воздушные удары по тыловым военно-экономическим центрам. Последствия оказались катастрофическими: летом 1941 г. свыше 80% всех предприятий оборонной промышленности, в том числе 94% авиационных заводов, оказались в зоне боевых действий или в прифронтовых районах.

Планы расширения военного производства на востоке страны к началу войны не были в полной мере осуществлены: промышленные предприятия Урала, Поволжья, Западной и Восточной Сибири, а также Средней Азии и Дальнего Востока производили всего 18,5% военной продукции от намеченного уровня[27]. До 1941 г. в восточных районах отсутствовали даже прокатные станы для изготовления танковой брони, так что здесь не было выпущено ни одного танка.

Надо признать, что созданная в начале 1930-х гг. колхозная система сельского хозяйства оказалась хорошо приспособленной к максимальной мобилизации материальных ресурсов села на нужды войны. Обязательные госпоставки, которые в мирное время являлись тормозом для развития сельского хозяйства, в условиях войны позволили государству создать необходимый продовольственный фонд. Распределялся он строго централизованно путем установления нормированного снабжения, причем предпочтение отдавалось действующей армии. Она регулярно получала продовольствие, положенное по нормам обеспечения.

Несмотря на имевшиеся недостатки в развитии военного производства и размещении производительных сил, накануне войны советская экономика по сравнению с германской имела и ряд существенных преимуществ. В их числе были огромная территория, все основные виды стратегического сырья и значительные людские ресурсы, относительная независимость от внешней торговли. Но нацистская Германия намеревалась разгромить СССР до того, как он сумеет мобилизовать все свои ресурсы. Ко времени нападения на СССР Германия обладал более высоким военно-промышленным потенциалом как за счет собственной экономики, так и благодаря ограблению на общую сумму в 9 млрд фунтов стерлингов захваченных стран Европы, что вдвое превысило ее довоенный национальный доход[28]. Захваченные территории также служили источником дешевой, а то и вовсе дармовой рабочей силы.

Красная армия и Военно-морской флот имели большое количество вооружения, боевой и другой техники. По состоянию на 22 июня 1941 г. органы снабжения по отношению к реальному среднегодовому расходу в годы войны имели: по боеприпасам для 45-мм и 57-мм пушек — более 294%, для 76-мм пушек — 63%, для 122-мм пушек, 122-мм и 152-мм гаубиц — свыше 100%, для 50-мм минометов — около 185%, для 82-мм минометов — 36%,

Самолеты, построенные на деньги артистов Малого театра

Для нужд фронта готовят «коктейль Молотова»

Над изготовлением автоматов трудились квалифицированные специалисты

Деревня возрождается после ухода оккупантов

по винтовочным патронам — около 280%, по ручным гранатам — более 122%, по автобензину и дизельному топливу — около 50%, по основным номенклатурам вещевого имущества — от 90 до 150%, продовольствия и фуража — на три-четыре месяца[29].

На базе значительных сборов зерновых и технических культур в 1940 г. были созданы необходимые государственные запасы ржи, пшеницы, овса, муки, крупы, которые по состоянию на 1 января 1941 г. составили 6132,9 тыс. тонн. Это позволило создать необходимые мобилизационные фонды продовольствия и фуража для снабжения личного состава армии и флота на случай войны. Были созданы также резервы и запасы шерсти, хлопка, льноволокна, кожевенного сырья, хлопчатобумажных материалов. Тогда рассматривалось, что продовольственно-фуражные и сырьевые ресурсы в условиях войны, равно как боевая и транспортная техника, вооружение, боеприпасы и горючее, являются средством вооруженной борьбы, без которых ее вести нельзя[30]. Запасы материальных средств были сосредоточены на 887 складах, базах, из которых более 40% было размещено на территории западных приграничных военных округов, что явилось, как показала впоследствии война, серьезной ошибкой. «Еще в 1940 г., — писал А. В. Хрулёв, — в правительстве рассматривался вопрос о том, где сосредоточивать запасы. Военные работники предлагали разместить их за Волгой. Но этому воспротивился нарком Госконтроля Л. З. Мехлис. Он настаивал, чтобы их накапливать в приграничных районах, даже вблизи вероятного противника. В любом возражении против этого Мехлис видел вредительство»[31].

В первые месяцы войны расчеты германских стратегов, казалось бы, начали сбываться. Красная армия в приграничных и последующих сражениях потеряла значительное количество вооружения, военной техники. Она лишилась 40–70% боеприпасов, горючего, продовольствия и других видов материальных средств, размещенных на территории приграничных военных округов. Только Западный фронт к 29 июня лишился более 60 складов, в том числе 10 артиллерийских, 25 складов горючего, 14 продовольственных, трех автобронетанковых и других. Потери к этому времени составили: боеприпасов — 2 тыс. вагонов (30% всех запасов округа), горючего — более 50 тыс. тонн (50% запасов), продфуража — около 40 тыс. тонн (50% запасов), вещевого имущества — около 400 тыс. основных комплектов (90% запасов). Потери инженерного, обозно-хозяйственного, медицинского имущества и средств противохимической защиты достигли 85–90% всех запасов округа. Все это отрицательно влияло на боеспособность войск.

Кроме того, на оккупированной к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны проживали 40% населения страны, добывалось 63% каменного угля и 65% железной руды, вырабатывалось 53% электроэнергии, собиралось 38% валовой продукции зерна, производилось 84% сахара, численность крупного рогатого скота составляла 38%, поголовье свиней — 60%. Страна лишилась 41% протяженности железнодорожных путей. До сего времени одни называют этот период катастрофой для Советского Союза, другие — поражением вооруженных сил. Одни говорят, что руководство государства, правительство страны растерялись, были парализованы и находились в шоке, другие, наоборот, что наркоматы напрягались до предела и превратились в своего рода монолит.

Анализ протоколов заседаний ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны, Президиума Совета народных комиссаров и коллегий ряда наркоматов в первые месяцы войны позволяет сделать вывод, что в этот отрезок времени осуществлялась энергичная работа по поиску путей выхода из создавшегося положения. Была разработана научно обоснованная программа экономического обеспечения разгрома врага, проводилась поистине титаническая работа по перестройке народного хозяйства на военный лад. Эта задача была многогранной и чрезвычайно трудной: требовалось мобилизовать производственные мощности промышленности, материальные и трудовые ресурсы сельского хозяйства на нужды фронта, быстро и в значительных размерах развернуть производство военной продукции, по-военному организовать работу транспорта. Необходимо было перестроить саму структуру народного хозяйства, перераспределить материальные, трудовые и финансовые ресурсы, создать новую систему производственного кооперирования предприятий, изменить во многих случаях

коренным образом технологию производства и осуществить другие технические и организационные мероприятия, направить усилия рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, ученых на достижение победы над врагом. Все эти проблемы пришлось решать в обстановке неудержимо рвущегося вперед агрессора, вынужденной эвакуации огромных материальных и людских ресурсов из западных в восточные районы страны.

Хозяйственная политика в условиях войны определялась директивными установками ЦК ВКП(б), СНК СССР, постановлениями ГКО. Основополагающим документом в деле перевода советской экономики на военные рельсы являлось постановление ГКО от 4 июля 1941 г. «О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны». В нем ставилась задача выработать план работы, «имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации». Это означало доведение военного производства до уровня, обеспечивающего все потребности фронта, создание в короткие сроки на востоке основной промышленной базы страны и достижение военно-экономического перевеса над нацистской Германией. «Интересы быстрейшего создания слаженного военного хозяйства в чрезвычайных условиях побуждали органы советской власти к активным неотложным действиям. Дело облегчалось в этом случае тем, что господствующей формой собственности в народном хозяйстве была общественная, а конкретно — государственная. Другой формой собственности была кооперативно-колхозная, также легко регулируемая государством»[32].

Важную роль в перестройке советской экономики на военный лад и ее развитии в последующие годы войны сыграл разработанный Госпланом СССР во исполнение решения ГКО от 4 июля военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Он был одобрен 16 августа 1941 г. Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б). Документ представлял собой программу развития основной военно-промышленной базы в восточных регионах. В ней были сформулированы новые принципы маневрирования экономическими ресурсами страны в таких масштабах, каких ранее не знала история. Принимались чрезвычайные меры для развития на востоке страны тяжелой промышленности, увеличения выработки электроэнергии, добычи угля, нефти, увеличения роста военного производства.

Одним из самых главных показателей результатов перестройки народного хозяйства на военный лад явилось перераспределение ресурсов в интересах войны, а также увеличение выпуска и улучшение качества военной продукции. Уже в августе 1941 г. производство танков в нашей стране по сравнению со среднемесячным выпуском в 1940 г. увеличилось более чем в три раза. Всего в 1941 г. советской промышленностью было произведено свыше 15,7 тыс. боевых самолетов, более 6,5 тыс. танков, свыше 38,3 тыс. орудий (калибра 76 мм и крупнее, без танковых) и минометов (калибра 82—120 мм)[33].

Об огромных масштабах, в которых происходило перераспределение ресурсов в интересах увеличения военного производства, свидетельствуют и такие данные. Только на выпуск боеприпасов в 1941 г. было переключено 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств. В 1942 г. уже 1108 предприятий 58 наркоматов и ведомств занимались производством боеприпасов.

Превращение страны в единый военный лагерь и перевод народного хозяйства на военный лад в решающей степени зависели от кадровой политики Советского государства. Проблема кадров стала одной из острейших. Помимо мобилизации в вооруженные силы значительное число работоспособного мужского населения ушло в истребительные батальоны, партизанские отряды, народное ополчение. Требовалось непрерывное восполнение боевых потерь на фронте, обеспечение расширения военного производства, нужд гражданской обороны и строительства оборонительных сооружений, перебазирование в восточные районы страны огромных материальных ресурсов и культурных ценностей. Трудности усугублялись тем, что фашисты оккупировали советские территории, где до войны жили 12 млн рабочих и служащих.

В июне 1941 г. при Бюро Совнаркома СССР был образован специальный Комитет по распределению рабочей силы. Дело в том, что средняя численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны уменьшилась с 31,8 млн человек в первом полугодии 1941 г. до 22,8 млн во втором полугодии и до 18,4 млн в 1942 г.[34] Требовалось рационально распределить оставшиеся трудовые ресурсы, изыскать новые, чтобы в первую очередь обеспечить кадрами военную промышленность и связанные с ней отрасли. Позже на этот комитет были возложены функции учета рабочей силы. Перестройка государственного аппарата управления сопровождалась резким сокращением штатов наркоматов, различных учреждений и всего управленческого аппарата. Многие специалисты из учреждений направлялись на заводы и фабрики[35].

Для решения проблемы рабочей силы огромное значение имело развернувшееся с первых дней войны массовое патриотическое движение женщин-домохозяек, учащихся старших классов, студентов, кадровых рабочих-пенсионеров, которые пошли на производство, чтобы заменить на трудовом посту своих мужей, отцов, сыновей, ушедших на фронт. Только в течение второй половины 1941 г. на производство пришли 500 тыс. женщин-домохозяек и 360 тыс. учащихся 8–10-х классов средних школ. Важным источником пополнения квалифицированных кадров в решающих отраслях военной экономики была созданная перед войной система государственных трудовых резервов. Новые кадры квалифицированных рабочих готовились в условиях военного времени прямо у станка при помощи опытных рабочих, инженеров и техников.

Мобилизация трудовых ресурсов на нужды войны была связана с осуществлением и ряда других важных мер политического и организационного характера. Одним из первых шагов стало ужесточение режима работы. На пятый день войны, 26 июня, Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», по которому был увеличен рабочий день, отменялись отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. В результате примерно на треть была повышена загрузка производственных мощностей без увеличения численности рабочих и служащих. В соответствии с постановлением СНК СССР в военную промышленность и связанные с ней отрасли направлялись рабочие из легкой и пищевой промышленности, коммунального хозяйства, служащие из управленческого аппарата, мобилизовалось незанятое население. В декабре 1941 г. был принят указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», по которому самовольный уход приравнивался к дезертирству из армии. Высококвалифицированные рабочие и специалисты в решающих отраслях промышленности бронировались от призыва в армию.

Важнейшей сферой в области кадровой политики и увеличения трудовых ресурсов являлось повышение творческой активности масс. Уже с первых дней войны началось массовое движение за перевыполнение производственных норм, которое получило наименование двухсотников, трехсотников, пятисотников и тысячников, соревнование за совмещение профессий и многостаночное обслуживание.

В сельскохозяйственном производстве, колхозах и совхозах, на машинно-тракторных станциях с самого начала войны возникла острая кадровая проблема. Она разрешалась путем расширения занятости сельского населения, главным образом женщин, подростков и пожилых людей, в том числе эвакуированных, привлечения их к работе на полях и фермах.

В новых условиях по сокращенным программам работали высшие и средние специальные учебные заведения, а также разветвленная сеть курсов, которые готовили руководящие кадры для различных отраслей народного хозяйства.

Правительство, финансовые органы государства после тщательного анализа сложившейся обстановки пришли к выводу о необходимости проведения ряда мероприятий, направленных на резкое увеличение производства военной продукции. Страна превратилась в единый военно-трудовой комплекс. Фронт и тыл жили, воевали и работали под единым лозунгом: «Все для фронта, все для победы!», и это был не просто лозунг, а реальная действительность.

В деревне не осталось ни лошадей, ни коров

Все для приближения победы

С самого начала войны наряду с организацией вооруженного отпора фашистским захватчикам встала совершенно необычная и чрезвычайно важная стратегическая задача — перебазирование крупных людских и материальных ресурсов из угрожаемых районов в тыл страны. Надо было спасти главную военно-промышленную базу страны, перебазировать ее на восток, воссоздать в новых условиях и использовать в интересах военной экономики, экономического обеспечения победы в войне. Центральный комитет партии и советское правительство в первые дни войны определили порядок и организацию эвакуации, создали для этого специальные органы. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации, председателем которого назначен Л. М. Каганович, а с 3 июля — Н. М. Шверник. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Совет по эвакуации немедленно приступил к работе. Он опирался на институт своих уполномоченных, на бюро и комитеты по эвакуации, созданные при наркоматах и ведомствах, а также на всестороннюю помощь партийных и советских организаций. В союзных республиках, оказавшихся под угрозой вражеского нашествия, также были созданы органы по эвакуации. В тыловые районы были вывезены железнодорожным транспортом более 10 млн человек, водным — более 2 млн[36]. К весне 1942 г. 5914 тыс. эвакуированных были размещены в автономных республиках, краях и областях РСФСР, остальные — в основном в Казахской ССР, республиках Средней Азии и Закавказье. Эвакуированному населению оказывалась всесторонняя помощь и поддержка. Только во втором полугодии 1941 г. ассигнования из бюджета страны в помощь эвакуированным составили почти 3 млрд рублей[37].

Огромная по масштабам работа в течение второй половины 1941 г. была проведена по перебазированию промышленности из угрожаемых районов в глубокий тыл страны. В восточные районы были перемещены сотни металлургических, машиностроительных и других предприятий, в том числе такие гиганты, как Ворошиловградский, Бежицкий и Коломенский паровозостроительные заводы, Краматорский машиностроительный, Харьковский турбинный и другие. Только по железной дороге с Украины было вывезено 550 крупных предприятий, из Белоруссии — 109, из Эстонии — 62, из Ленинграда — 92, из Москвы и Московской области — 498, из других районов — 212[38]. В Поволжье было направлено 226 предприятий, на Урал — 667, в Западную Сибирь — 224, в Казахстан и Среднюю Азию — 308[39]. Некоторые предприятия эвакуировались в Азербайджан, Армению, Грузию. Одновременно с монтажом и пуском эвакуированных заводов в этих районах развернулось строительство оборонных предприятий. Сроки эвакуации были предельно сжаты. Например, к концу августа 1941 г. из Ленинграда в глубокий тыл отправили около 100 крупных предприятий, вывезли более 600 тыс. человек. Из Москвы и области к концу ноября 1941 г. было эвакуировано почти 500 крупных предприятий. Из Запорожья за 45 дней вывезли около 320 тыс. тонн станков, конструкций, металла и других грузов. На новых местах в среднем через полтора-два месяца предприятия начинали давать продукцию[40]. Успешному решению сложнейших задач по размещению и скорейшему возобновлению работы эвакуируемых предприятий способствовали осуществленные еще накануне войны меры по строительству в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири ряда предприятий-дублеров машиностроительной, химической и других важных отраслей промышленности.

Наркоматы некоторых ключевых отраслей промышленности были вынуждены ставить на колеса почти все свои заводы. Так, Наркомат авиационной промышленности вывез 118 заводов, или 85% своих мощностей, Наркомат вооружения — 31 предприятие из 32. Было демонтировано девять основных заводов танковой промышленности, эвакуировано две трети производственных мощностей по выпуску пороха. И все это происходило в то время, когда фронт постоянно требовал все больше вооружения и боеприпасов. Поэтому демонтаж предприятий, особенно военных, производился с таким расчетом, чтобы возможно дольше продолжать выпуск продукции на старом месте, одновременно перевозя оборудование и людей на новое место. Сложная военная обстановка и ограниченность во времени не могли, естественно, не влиять на результаты эвакуации. Иногда оставалась невывезенной

значительная часть даже готовой продукции, некоторые предприятия целиком достались противнику. Однако, и это главное, несмотря на огромные трудности, перебазирование производственных мощностей из угрожаемых районов прошло в целом слаженно и в соответствии с намеченными сроками.

Всего с июня по декабрь 1941 г. из угрожаемых районов по железной дороге были эвакуированы тысячи заводов и фабрик, в их числе 1523 крупных. 1360 предприятий, главным образом военных, были эвакуированы уже в первые три месяца войны[41]. Нередко под открытым небом в еще не достроенных цехах, едва установив станки, рабочие приступали к выпуску необходимой фронту военной продукции.

В труднейших условиях в восточные районы вывозили сельскохозяйственный инвентарь, многочисленные научные и культурные учреждения, культурные ценности, угоняли скот колхозов и совхозов.

В соответствии с требованиями военного времени быстро была проведена мобилизация и перестройка работы железнодорожного, автомобильного, морского, речного и воздушного транспорта, что позволило наладить переброску войск, доставку различных грузов, необходимых фронту и тылу. Железнодорожники сумели переправить на восток миллионы людей, огромное число промышленных предприятий, колхозов, научных и культурных учреждений. Туда же ушло около 1,5 млн вагонов с оборудованием, сырьем, топливом и людьми.

Впервые в мировой практике в короткие сроки, по сути, целая индустриальная держава была перемещена на тысячи километров в труднейших условиях войны. Это было поистине великое перемещение, не имевшее прецедента. Оно свидетельствовало о неисчислимых силах, величии духа и героизме советского народа, имело огромное значение для перестройки экономики на военный лад, обеспечения экономической и военной победы над агрессорами. Этот народный подвиг получил высокую оценку и за рубежом. Так, известный американский журналист Л. Сульцбергер, находившийся в то время в СССР, в статье, опубликованной в дни войны в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, легендарной. Летом 1942 г. он написал: «Легендарным стал перевод промышленных предприятий из западной части СССР на восток. Теперь десятки сибирских заводов выпускают станки, запчасти, танки, противотанковые ружья, тягачи, самолеты, орудия, снаряды, винтовки, пулеметы, боеприпасы, ручные гранаты, минометы, артиллерию, дизельные моторы, карбюраторы, перерабатывают медную и железную руду, нефть. На юго-востоке страны действуют текстильные предприятия. Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на восток — одна из величайших саг в истории»[42].

Не менее высокую и объективную оценку проведенному в СССР перебазированию производительных сил дал в своей книге «Россия в войне. 1941–1945» английский публицист А. Верт: «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее расселение на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»[43].

Если обратиться к историческим фактам, то следует констатировать, что к началу Первой мировой войны на территории Варшавского военного округа находилось 4189 промышленных предприятий, из числа которых было эвакуировано в глубь страны лишь несколько десятков. В результате производственные мощности российской промышленности уменьшились почти на 20%. Когда встал вопрос об их эвакуации, то владельцы заводов и фабрик саботировали это мероприятие. Удалось эвакуировать только чуть больше 3%, которые были размещены на линии Москва — Самара, остальные весь период войны практически работали в интересах противника. Кстати, французское правительство в 1940 г. вообще не сумело организовать эвакуацию промышленности из прифронтовых районов, так как этому воспрепятствовали сами владельцы предприятий[44].

В СССР перемещение промышленности на восток — это только одно, хотя и очень важное звено в перестройке всех сфер народного хозяйства на службу войне. Ядром, вокруг которого развивалась военная экономика, стала оборонная промышленность, созданная еще в мирное время. Так как ее мощностей явно не хватало для удовлетворения насущных

потребностей действующей армии, с первых дней войны тысячи гражданских заводов перешли на выпуск военной продукции в соответствии с разработанными ранее мобилизационными планами. В разных отраслях промышленности и на отдельных предприятиях условия перехода на военное производство были не одинаковы. Так, тракторные и автомобильные заводы сравнительно легко освоили производство танков. На Горьковском автомобильном заводе стали выпускать легкие танки. С лета 1941 г. значительно увеличилось производство средних танков Т-34 на Сталинградском тракторном заводе, продолжавшееся вплоть до выхода немцев к Волге в августе 1942 г. В крупнейший центр по выпуску танков превратился Челябинск, где на базе местного тракторного завода, а также эвакуированного из Ленинграда оборудования Кировского завода, Харьковского дизельного и ряда других предприятий было образовано многопрофильное танковое производственное объединение. В народе его совершенно справедливо назвали Танкоградом. До лета 1942 г. здесь выпускались тяжелые танки КВ-1, потом перешли на выпуск средних танков Т-34. Еще один мощный центр советского танкостроения располагался в Нижнем Тагиле. Здесь на базе Уралвагонзавода, а также эвакуированного оборудования Харьковского танкового завода № 183 и других предприятий было развернуто крупномасштабное производство, обеспечившее выпуск наибольшего за всю войну количества танков Т-34. В Свердловске на Уралмашзаводе, где раньше создавались главным образом уникальные крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для тяжелых танков КВ. Благодаря всем этим мерам по расширению производственных мощностей танковая промышленность сумела уже во втором полугодии 1941 г. выпустить в 2,8 раза больше боевых машин, чем в первом.

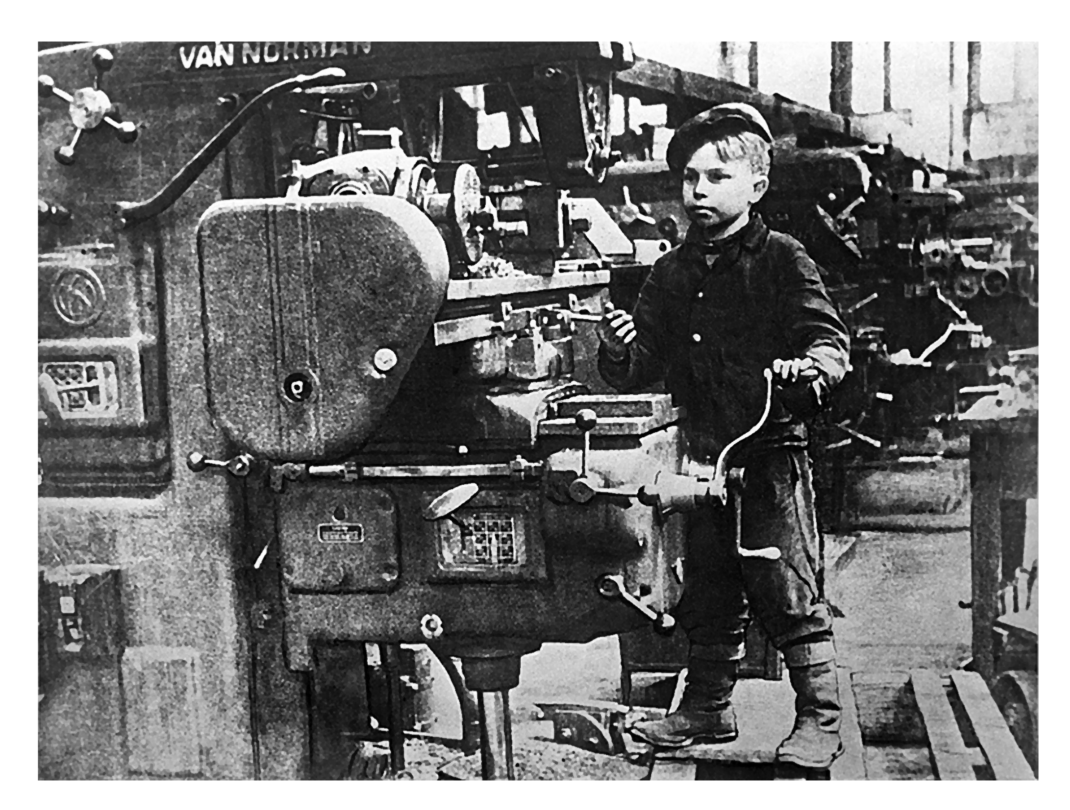
Гораздо меньшее число гражданских заводов было переключено на изготовление такой сложной военной техники, как самолеты, требующей высокого класса точности, в основном благодаря тому, что с августа 1940 г. Наркомату авиационной промышленности было передано из других отраслей более 60 действующих заводов. В целом к началу войны авиапромышленность СССР располагала большими производственными мощностями, сотнями тысяч высококвалифицированных рабочих и специалистов. Однако большинство авиазаводов было размещено так, что уже в первые недели и месяцы войны их потребовалось срочно эвакуировать на восток. В этих условиях рост выпуска самолетов шел прежде всего за счет восстановления вывезенных и ускоренного строительства новых авиационных заводов.

Заводы сельскохозяйственного машиностроения стали базой для массового производства минометов. Многие гражданские промышленные предприятия переходили на выпуск стрелкового и артиллерийского оружия, а также боеприпасов и других видов военной продукции, но они не всегда могли самостоятельно справиться с производством сложного многодетального современного вооружения. В этой ситуации единственным выходом были специализация и кооперирование. Принимая во внимание наличие металлообрабатывающего оборудования и квалифицированного состава работников, таким предприятиям поручалось производство отдельных узлов либо деталей винтовок или пулеметов, танков или самолетов, снарядов или бомб. Это позволило быстро и эффективно перевести заводы на выпуск военной продукции.

Как осуществлялся перевод гражданских предприятий на выпуск военной продукции, можно увидеть на примере Московской промышленной зоны. Так, столичный завод минеральных вод, изготовлявший в мирное время квас и лимонады, стал выпускать бутылки с горючей смесью, а кондитерская фабрика «Большевик» освоила производство зажигательных ампул для них. Предприятия местной и кооперативной промышленности дали фронту 3896 тыс. гранат, 6215,9 тыс. трассирующих снарядов, 219,8 тыс. стабилизаторов к реактивным снарядам, 328,8 тыс. противотанковых мин, 409,5 тыс. других видов мин, 23 тыс. лож для автоматов.

Шефство над госпиталями осуществляли 750 предприятий и учреждений столицы. Десятки тысяч женщин, студентов и школьников оказывали помощь госпиталям, многие из них круглосуточно дежурили около тяжелораненых[45].

В крайне тяжелых условиях к середине 1942 г. экономику страны все же удалось перевести на военные рельсы, что позволило использовать на военные нужды до 60% национального

В цехах работали повзрослевшие дети

Проверка пистолет-пулеметов

дохода, примерно столько же промышленной и около четверти всей сельскохозяйственной продукции[46]. Успех Советского Союза в перестройке экономики отметил президент США Ф. Рузвельт в своем послании американскому конгрессу от 7 января 1943 г.: «Мы не должны забывать, что наши достижения не более велики, чем достижения русских, которые развили свою военную промышленность в условиях неимоверных трудностей, порожденных войной»[47].

Самыми критическими месяцами для военной экономики оказались ноябрь и декабрь 1941 г. Из-за военных потерь и эвакуации тысяч предприятий валовая продукция промышленности с июня по ноябрь сократилась в 2,1 раза. В ноябре и декабре страна не получила ни одной тонны угля из Донецкого и Подмосковного бассейнов. В декабре по сравнению с июнем произошло сокращение производства проката черных металлов, основы военной промышленности, в 3,1 раза, проката цветных металлов — в 430 раз, выпуска подшипников — в 21 раз. При сокращении общего промышленного производства выпуск военной продукции, на которой концентрировались основные усилия страны, во втором полугодии 1941 г. тем не менее увеличивался, хотя и происходило это весьма неровно. В первые недели войны он возрастал довольно быстро, но затем в связи с эвакуацией многих военных заводов стал снижаться. Лишь к концу декабря наметился перелом. В первой половине следующего года, когда во все большем количестве в строй вводились эвакуированные предприятия и первые новостройки, заложенные уже после начала войны, рост производства важнейших видов вооружения и военной техники неуклонно продолжался (таблица 1).

Таблица 1

Производство вооружения и боевой техники в СССР в 1941 г. и первом полугодии 1942 г.[48]

Вооружение и боевая техника	Первое полугодие 1941 г.	Второе полугодие 1941 г.	Первое полугодие 1942 г.
Танки, тыс. шт.	1,8	4,8	11,2
Боевые самолеты, тыс. шт.	4,0	8,2	8,3
Орудия, тыс. шт.	10,0	30,2	53,6
Минометы, тыс. шт.	10,5	42,2	122,8
Пулеметы, тыс. шт.	42,8	106,2	134,1
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	зд	89,7	535,4
Винтовки и карабины, млн шт.	0,8	1,56	2,0

Значительно увеличивалось и производство боеприпасов, порохов всех видов и другой военной продукции. В 1942 г. объем валовой продукции всех отраслей промышленности увеличился более чем в 1,5 раза, а количество предприятий, выпускающих военную продукцию, возросло в 2,8 раза по сравнению с довоенным уровнем, при этом на Урале — в 5 раз, в Поволжье — в 9 раз, в Западной Сибири — в 27 раз[49].

Вместе с тем было ясно, что устойчивое развитие военного производства невозможно без эффективной работы обслуживающих отраслей, прежде всего черной и цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности, топливно-энергетического комплекса. В этих критических условиях принимались все возможные и даже невозможные меры по наращиванию добычи сырья и увеличению выработки электроэнергии, строительству машиностроительных мощностей, химических предприятий и прочее. Но даже при наличии металла, топлива и электроэнергии нельзя было выпускать вооружение и боеприпасы без оборудования, в первую очередь металлообрабатывающих станков. И эту проблему пришлось решать в условиях резкого сокращения производственных мощностей машиностроения путем активизации нового строительства крупных машиностроительных заводов в Свердловске, Алапаевке и Новосибирске. Принимались и другие меры по увеличению производства военной продукции.

Быстро набиравшая темпы военная промышленность потребляла огромное количество металла. Нужны были новые марки чугуна, стали, броневого листа. Требовалось устойчивое развитие машиностроения, химической промышленности, топливно-энергетического комплекса. С большим трудом, но вопросы эти решались. Так, металлурги Магнитогорска, Златоуста, Кузнецкого бассейна в кратчайшие сроки сумели освоить выплавку высококачественной стали, причем в обычных мартеновских печах. Впервые в мировой практике в этих же печах стали варить броневую сталь. Что касается топлива, то ведущими поставщиками угля, являвшегося в то время основным видом топлива, оказались Кузбасс, Урал и Караганда. Была проделана огромная работа по увеличению мощностей действующих и строительству новых электростанций. На востоке страны активизировалось строительство крупных машиностроительных заводов. В Поволжье и за Уралом ускоренными темпами шли добыча и производство горючего и смазочных материалов.

Таким образом, во второй половине 1941 и в 1942 г. в районах Волги, Урала и Западной Сибири был создан мощный военно-промышленный комплекс, который решал триединую задачу: добывал нефть, уголь, руду и другие ископаемые, вырабатывал электроэнергию и производил военную продукцию как для действующей армии, так и для войск внутренних военных округов, где готовились резервы для фронта. Естественно, эта работа требовала величайшего напряжения сил. Противник ожидал развала и дезорганизации нашего тыла, а произошло наоборот[50]. Однако фронт требовал все больше и больше вооружения, боеприпасов, других видов материальных средств.

Роль материально-технического обеспечения войск в ходе войны можно показать на ряде операций. Так, в октябре 1941 г. противник предпринял очередное генеральное наступление на Москву. Под натиском врага войска Красной армии вынуждены были отступать. Транспорта для своевременной эвакуации материальных средств не хватало. Было принято решение уничтожить стационарные склады с боеприпасами, размещенные в треугольнике Ржев — Гжатск — Вязьма, где сосредоточивались большие запасы. Промышленность в это время еще не имела возможности обеспечить возросшие потребности. Например, Западный фронт в октябре получил только 3862 вагона с боеприпасами. И, как следствие, на фронте наступил так называемый второй «снарядный голод». Примерно та же участь постигла войска всех фронтов, действовавших на московском направлении. К середине ноября за счет жесткой экономии удалось создать запасы во фронтах: два-три боекомплекта боеприпасов, кроме того, большое количество боеприпасов в войска было доставлено и планировалось поставить автомобильным транспортом с центральных складов, размещенных в московском регионе. Промышленность страны увеличила выпуск военной продукции, Западный фронт в ноябре получил 5187 вагонов с боеприпасами, план поставки на декабрь предусматривал подать 11,6 тыс. вагонов, а в январе — 20 тыс. вагонов с боеприпасами, увеличилась подача боеприпасов и другим фронтам. Запасы горючего во фронтах составляли пять-шесть заправок, кроме того, на московских базах было сосредоточено 58 тыс. тонн горючего, продовольствия и фуража 10–12 суточных дач, большое количество других видов материальных средств. Промышленность начала набирать темпы производства вооружения, боевой и другой техники, боеприпасов, горючего и других материальных средств; созданная новая система снабжения и управления тылом уже заработала. Личный состав войск фронтов неплохо питался, продовольственный паек боевых частей составлял 3450 ккал. Воины были полностью переодеты в зимнее, теплое обмундирование и обувь.

Ставка ВГК учитывала и то, что в середине ноября 1941 г. немецкая группа армий «Центр» имела суточный подвоз 23 эшелона при потребности 70, то есть в три раза меньше, а в феврале 1942 г. на направлении Брест — Минск — Смоленск можно было обеспечить подачу к фронту лишь восьми эшелонов в сутки[51]. Войсковые запасы материальных средств соединений и воинских частей немецкой армии оказались полностью израсходованными, танки и штурмовые орудия войск первой линии в большинстве своем боеприпасов в боевых укладках практически не имели, их баки для горючего были наполовину пусты. Личный состав питался за счет грабежа местного населения, а с 1 июля 1942 г. боевые части стали получать

продовольственный паек, который составлял только 2543 ккал, другие части — еще меньше. Солдаты были одеты в пилотки, тонкие мундиры, обуты в жесткие яловые сапоги с набитыми металлическими «морозками» на подошве. Оперативный тыл немецкой группировки войск в этих условиях оказался не способным питать войска всем необходимым для жизни и боя.

Вот уже более 60 лет в официальных изданиях переход войск Красной армии в контрнаступление обосновывается двумя параметрами: во-первых, окончанием перегруппировки войск, сосредоточением в московском регионе значительных сил и средств, передислоцированных из Сибири, Дальнего Востока и с других направлений; во-вторых, тем, что противник после наступления еще не успел закрепиться на достигнутых рубежах. В данном случае опрометчиво опускается военно-экономическая сторона дела, состояние обеспечения советских войск боеприпасами, горючим, продовольствием и фуражом, другими видами материальных средств, а также недостаточное обеспечение группировки войск противника. Совокупность вышеперечисленных факторов наравне с главными более полно характеризует основание для принятия решения о переходе войск фронтов в контрнаступление в битве под Москвой в декабре 1941 г.

В 1942 г. было произведено 25 432 самолета, 24 668 танков, 29 561 артиллерийское орудие, 3237 установок реактивных минометов, 229 645 минометов, 4 045 704 винтовки и карабина, 1 503 017 пистолетов-пулеметов. Это было не только значительно больше, чем сделано в Германии, но и по ряду показателей более высокого качества. Взять хотя бы истребители Як-7, Ла-5, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2, новые артиллерийские орудия. Половину всех выпускаемых танков составил на то время лучший в мире танк Т-34[52]. Вместе с тем предстояло, с одной стороны, закрепить достигнутые экономические успехи и увеличить материально-технические возможности для победы над врагом, с другой — снизить государственные затраты на производство военной продукции. Принятыми мерами впоследствии удалось снизить цены на выпуск вооружения, боевой и другой техники (таблица 2).

Таблица 2

Стоимость некоторых видов вооружения и военной техники в годы Великой Отечественной войны
(в тыс. руб. за единицу по ценам военного времени)[53]

Вооружение и военная техника	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Самолет Ил-4	800	468	380	380
Самолет Ли-2	650	510	424	424
Самолет Пе-2	420	353	265	265
Танк КВ	635	295	225	—
Танк Т-34	269,5	193	135	135
Танк Т-34-85	—	—	164	164
122-мм гаубица М-30	94	39	35	35
Пистолет-пулемет ППШ	0,5	0,4	0,14	0,148
7,62-мм винтовка	0,163	0,12	0,1	ОД

Рост индустриальной мощи СССР создавал условия для неуклонного развития военной промышленности. Многие заводы переходили на выпуск более совершенных систем вооружения. Увеличилось производство 152-мм гаубиц, которые имели дальность стрельбы 12,4 км. Промышленность стала выпускать 100-мм противотанковые пушки с высокой начальной скоростью полета снаряда. Увеличилось также производство 85-мм и 122-мм пушек для танков и самоходных артиллерийских установок. Началось изготовление 160-мм минометов — мощного средства уничтожения живой силы и разрушения оборонительных сооружений противника. Промышленность стала изготовлять более совершенный тип реактивной установки — систему БМ-31-12 на автомашинах для стрельбы тяжелыми реактивными сна-

Деревня сеяла, выращивала хлеб: все для фронта, все для победы…

Жители освобожденного города приводят в порядок улицы

рядами. Значительно обновилось стрелково-пулеметное вооружение, при этом изготовление устаревших образцов прекращалось. В танковой промышленности увеличилось производство новых боевых машин. Налаживался массовый выпуск тяжелого танка ИС и его модификации с мощной броневой защитой, 122-мм пушкой и более сильным двигателем. Танк ИС имел башню сферической формы и по тактико-техническим данным превосходил все зарубежные машины аналогичного класса. Значительный размах приобрел выпуск модернизированных танков Т-34 (Т-34-85), которые обладали большой скоростью, утолщенной броней и пушкой калибра 85 мм вместо прежней 76-мм. Увеличился выпуск самоходных артиллерийских установок СУ-76 (на базе легких танков) и СУ-85, а также ИСУ-122 и ИСУ-152 (на базе танка ИС). Завершилась разработка и подготовка к массовому выпуску самоходной установки СУ-100 (на базе танка Т-34). Производство легких танков прекратилось.

Расширялись производственные мощности авиационной промышленности. С конвейеров заводов стали сходить новые типы самолетов. Среди них истребитель Ла-7, имевший скорость 680 км в час и отличавшийся высокими маневренными качествами и боевыми возможностями. Модернизированный истребитель Як-3 стал выпускаться с более сильным мотором, мощным пушечным вооружением, он имел скорость 650 км в час и являлся самым легким и маневренным истребителем периода Второй мировой войны. На базе серийного истребителя Як-9 были созданы самолеты Як-9Д и Як-9ДД с большей дальностью действия, что повышало боевые действия авиации. Часть истребителей и штурмовиков оснащались ракетным оружием. Переводился на крупносерийное производство скоростной фронтовой бомбардировщик Ту-2, который по летно-техническим данным превосходил немецкий бомбардировщик Ю-88. Выпускались и другие новые и модернизированные самолеты.

Благодаря наращиванию вооружений, изменениям в самой структуре вооруженных сил уже к концу 1942 г. действующая армия в целом была перевооружена. Несмотря на трудности, войска стабильно обеспечивались оружием, боеприпасами, всеми видами довольствия, горючим. У Ставки ВГК появилась возможность создавать крупные стратегические резервы. Так, количество стрелковых соединений увеличилось на 26%, танковых соединений и воинских частей — в 2,5 раза. Были вновь сформированы и переформированы из стрелковых бригад 79 стрелковых дивизий, сформированы 25 стрелковых бригад, 30 танковых и механизированных корпусов, 89 танковых бригад и значительное количество других соединений и воинских частей. К ноябрю 1942 г. Красная армия не только выросла численно, но и догнала противника по ударной силе и огневой мощи.

Уровень производства военной продукции, увеличивавшийся с каждым днем, способствовал накоплению сил и средств для решительных операций в 1943–1945 гг. С другой стороны, увеличение численности военной техники потребовало подавать войскам значительно больше боеприпасов, горючего и других видов материальных средств. В составе тыла фронтов были созданы мощные автотранспортные бригады, в армейском — полки, грузоподъемность войскового транспорта увеличилась в два раза.

В стране развернулось всенародное патриотическое движение по созданию Фонда обороны. Работая с огромным напряжением сил, с удвоенной, утроенной энергией, коллективы заводов, фабрик отчисляли часть заработанных денег на создание госпиталей, приобретение военной техники. Население страны сдавало в Фонд обороны свои личные сбережения, облигации, лотерейные билеты, драгоценности, изделия из серебра, золота, платины. Только в течение 18 месяцев войны (к концу 1942 г.) от трудящихся Советского Союза в фонд обороны поступило 10,5 млрд рублей наличными[54].

Почти одновременно с созданием Фонда обороны в стране возникло массовое движение по сбору личных средств на строительство танковых колонн, эскадрилий боевых самолетов, бронепоездов, подводных лодок, боевых катеров, артиллерийских батарей и другого вооружения. Во время битвы за Москву жители Горьковской (ныне Нижегородская) области на свои средства построили и послали защитникам Москвы бронепоезд «Козьма Минин», а из Мурома прибыл бронепоезд «Илья Муромец».

Нередко женщинам приходилось впрягаться в ярмо

Работа на эвакуированных заводах по изготовлению танков не прекращалась ни на минуту

Неоценимую помощь оказало население городов и сел нашей страны, посылая в действующую армию бесчисленное количество теплых вещей. Только за сентябрь, октябрь и ноябрь 1941 г. от рабочих, служащих, колхозников и интеллигенции поступило: 1 172 972 пары валенок, 2 767 232 кг шерсти, 523 107 полушубков, 2 062 706 штук овчин, 1 245 115 пар шерстяных перчаток, варежек и меховых рукавиц, 2 297 638 пар шерстяных носков, чулок и шерстяных портянок, 1 420 048 единиц теплого белья, свитеров и фуфаек, 1 383 360 шапок-ушанок, 1 293 818 курток и ватных шаровар[55]. Все это позволило войскам хорошо перенести суровые условия зимы 1941–1942 гг. и успешно решать задачи по разгрому противника. Такой огромной материальной поддержки народа не знала ни одна армия мира.

Особые страницы в истории Великой Отечественной войны занимает безграничная любовь советского народа к защитникам Отечества. Со всех концов на фронт направлялись посылки с теплыми вещами и продуктами питания для воинов переднего края, а также для раненых, находящихся в госпиталях. Эти подарки сдавались на базы, организованные в виде специальных отделов хранения при центральных, фронтовых и окружных продовольственных складах. На них подарки сортировались, комплектовались, а затем отправлялись получателям.

В общей сложности в действующие соединения и воинские части было передано несколько сотен тысяч тонн различного продовольствия: мяса, масла, сахара, меда, сыра, рыбы, печенья, конфет, шоколада, сухарей, фруктов, овощей, вина и водки, миллионы банок консервов, а также огромное количество мыла, табака, папирос, различных предметов первой необходимости. Их общая стоимость определяется миллионами рублей. Только жители Вологодской области, например, за неполные четыре года войны отправили фронтовикам 95 вагонов подарков, жители Кировской области — 130 вагонов, Таджикской ССР — 151, Хабаровского края — 157 (за два с половиной года), Киргизской ССР — 196, Туркменской — 202, Приморского края — 250, Красноярского края — 253, Челябинской области — 613, Казахской ССР — 1600. И это было не плановое снабжение войск, а благородное движение народа всей страны.

В Красной армии и Военно-морском флоте был установлен жесткий контроль над правильным истребованием материальных средств для снабжения воинских формирований, хранением, распределением, учетом и отчетностью в их расходовании. Так, приказом наркома обороны были введены лимиты на расход боеприпасов, а затем и горючего. Старший начальник, определяя боевые задачи подчиненным, устанавливал лимит расхода необходимых ресурсов. Кроме того, ГКО принял специальное постановление «Об охране военного имущества Красной армии в военное время», в котором были определены меры ответственности как должностных лиц, так и всех военнослужащих за хищение (воровство), умышленную порчу, разбазаривание, незаконное расходование, нарушение правил хранения оружия, боеприпасов, продовольствия и прочего имущества. Например, «за хищение военного имущества, совершенное складскими работниками и другими лицами, в непосредственном ведении которых постоянно или временно находилось это народное достояние», применялась высшая мера наказания — расстрел с конфискацией всего личного имущества преступника. За другие виды преступлений также предусматривались самые суровые наказания. Даже в ходе боевых действий в каждой воинской части, которая имела свое хозяйство, где расходовались материальные и денежные средства, ежегодно проводилась хозяйственно-финансовая ревизия с оформлением подробного акта, по которому в строго установленные сроки принималось соответствующее решение.

В рамках проблемы особую актуальность представляют экономические возможности государства. На всем протяжении войны эти вопросы носили крайне напряженный характер: производство военной продукции влияло на формы и способы вооруженной борьбы и на ее результаты.

Наибольших объемов военное производство достигло в 1944 г. Его высокий уровень базировался на прочном фундаменте ведущих отраслей тяжелой промышленности. Рост продукции происходил за счет более эффективного использования мощностей действующих предприятий, ввода в строй новых и восстановления предприятий в освобожденных районах и благодаря повышению производительности труда во всех отраслях промышленности, в строительстве, на транспорте. В целом производительность труда в сфере военной промышленности с мая 1942 по май 1945 г. увеличилась на 121%, а себестоимость всех видов военной продукции

сократилась по сравнению с 1940 г. в среднем в два раза. Была решена одна из главных задач советской военной экономики: Советский Союз в 1943 г. превзошел Германию по количеству и качеству военной продукции. Военное производство в СССР к этому времени увеличилось по сравнению с довоенным периодом в 4,3 раза, а в Германии — всего в 2,3 раза.

Важную роль в этом сыграла советская наука. Для нужд фронта была перестроена работа научно-исследовательских учреждений промышленных наркоматов и Академии наук СССР. Ученые и конструкторы создавали, улучшали и модернизировали имеющуюся военную технику и оружие, быстро внедряли в производство все технические новшества. Примечательно, что достигнутые во время войны темпы внедрения в производство новых технических разработок не превзойдены до сих пор. То было время высокого подъема творческой мысли ученых, конструкторов, инженеров, рабочих. Физики создавали теоретические предпосылки для конструирования видов вооружения; математики разрабатывали приемы быстрых вычислений для артиллерии, авиации и флота; химики искали новые способы производства взрывчатых веществ, сплавов, лекарств. Работа геологов позволяла непрерывно расширять сырьевую базу промышленности, преимущественно в восточных районах. Стремительно развивались оптика, радиоэлектроника, радиолокация и другие области науки и техники. К их числу относится и реактивная техника.

Сложной в годы войны была ситуация с кораблестроением. Неблагоприятная обстановка на фронте в 1941 г. заставила советское правительство принять решение о приостановлении строительства заложенных ранее крупных и многих средних кораблей. Они были переведены на тыловые базы или законсервированы на стапелях. Большинство заводов Наркомата судостроения переключились на производство вооружения и боеприпасов для сухопутных войск и авиации. С 1942 г. свертывание военного кораблестроения прекратилось. Новые судостроительные заводы на Дальнем Востоке и на Севере наряду с завершением строительства производственных цехов и сооружений широко развернули постройку боевых кораблей и ремонтно-восстановительные работы на кораблях и судах Северного и Тихоокеанского флотов. В годы войны на этих заводах были построены два крейсера, эсминцы и сторожевые корабли, охотники за подводными лодками, изготовлялись боеприпасы и вооружение для Красной армии. Несмотря на блокаду, ленинградские судостроители сумели ввести в строй большое количество судов.

Поставив все народное хозяйство на службу войне, Советский Союз сумел успешно решить самую ответственную задачу экономического противоборства с Германией — обеспечить Красную армию, Военно-морской флот и партизан высококачественным вооружением и боеприпасами в количестве, необходимом для достижения победы (таблица 3).

Таблица 3

Производство продукции важнейших отраслей тяжелой индустрии и военной техники в СССР и Германии в 1941–1945 гг.[56]

Наименование продукции	СССР	Германия*	с 01.07.1941 по 01.07.1945 в среднем за год	1941–1945 гг. в среднем за год
Чугун, млн т	31,5	7,9	98,1	24,5
Сталь, млн т	45,4	11,3	133,7	33,4
Уголь, млн т	441,5	110,4	2151,0	537,6
Электроэнергия, млрд кВт*ч	147,3	36,8	334,0	83,5
Танки и САУ (штурмовые орудия), тыс. шт.	95,1	23,8	53,8	13,5
Боевые самолеты, тыс. шт.	108	27,0	78,9	19,7
Орудия (средних и крупных калибров), тыс. шт.	188,1	47,0	102,1	25,5

* Производство чугуна, стали и электроэнергии в Германии показано с учетом оккупированных ею стран.

Беженцы возвращаются

Подготовка снарядов для отправки на фронт

В цеху работает фронтовая комсомольско-молодежная бригада

Сопоставление среднегодового объема производства основных видов вооружений в СССР и Германии (а также ряда других государств) показывает, что в нашей стране оружия и военной техники выпускалось значительно больше. Так, на 1 млн тонн выплавленной стали в СССР производилось самолетов в 1,5 раза больше, чем в Англии, в 2,6 раза больше, чем в Германии, и в 3,2 раза больше, чем в США; бронетанковой техники — в 3 раза больше, чем в Германии, в 3,8 раза больше, чем в Англии, и в 6,3 раза больше, чем в США; артиллерийских орудий — в 5,4 раза больше, чем в Англии, в 7,7 раза больше, чем в США, и в 4 с лишним раза больше, чем в Германии[57].

Экономическая мощь Советского Союза, высокая мобильность военно-промышленного комплекса позволили в суровых условиях военного времени не только ликвидировать временное превосходство Германии, которая использовала экономику оккупированных стран Европы и богатейших районов Советского Союза, в производстве оружия, военной техники, но и превзойти ее как по количеству, так и по качеству вооружения. Если обратиться к конкретным цифрам, то с июля 1941 по 30 июня 1945 г. в СССР в среднем в год производилось 27 007 боевых самолетов против 19 725 в Германии, 23 774 танка и самоходные артиллерийские установки против 13 450[58].

В целях создания условий для более эффективного использования в стране оборонного комплекса по решению ГКО в государственном бюджете приоритет был отдан военным расходам. Осуществлена мобилизация ресурсов народного хозяйства на финансирование вооруженных сил и оборонных отраслей промышленности. Использована эмиссия денежных средств как одного из дополнительных источников финансирования производства военной продукции. Практически все производственные мощности промышленности и рабочая сила были использованы на нужды войны. В результате рост расходов в 1939–1945 гг. по сравнению с 1938 г. в целом по смете НКО составил 676,2%, в том числе на оплату заказов вооружения и военной техники — на 171,6%[59].

По состоянию на 1 января 1945 г. Красная армия имела в Европе 11 тыс. танков и САУ, 91,4 тыс. орудий и минометов и 14,6 тыс. боевых самолетов, в то время как вермахт располагал 4 тыс. танков и штурмовых орудий, 28,5 тыс. орудий и минометов и около 2 тыс. боевых самолетов. Словом, на завершающем этапе войны советские войска превосходили противника по танкам и штурмовым орудиям — в 2,8 раза, по орудиям и минометам — в 3,2 раза, по боевым самолетам — в 7,3 раза. Масса артиллерийско-минометного залпа советской стрелковой дивизии, составлявшая в 1941 г. 548 кг, возросла к декабрю 1944 г. до 1589 кг. Двойное и даже тройное огневое превосходство позволяло советским войскам успешно решать самые сложные оперативные и стратегические задачи[60].

Советский тыл обеспечивал фронт не только оружием и боеприпасами, но и другой продукцией, необходимой для жизнедеятельности войск: горючим, транспортом, продовольствием, обмундированием, обувью и прочим. Исключительное значение имело удовлетворение потребностей фронта в горючем. Эту задачу приходилось решать в условиях, когда нефтяная промышленность СССР сначала снизила уровень переработки нефти, а затем и ее добычи. Уже в первые месяцы войны были демонтированы и эвакуированы нефтеперерабатывающие заводы Одессы, Херсона и Бердянска. С сентября 1941 г. стала падать добыча нефти, особенно сильно — в 1942 и начале 1943 г. в связи с продвижением германских войск к Волге и на Северный Кавказ. Были проведены специальные работы по выводу из строя нефтепроводов и консервации скважин, чтобы ими не мог воспользоваться враг. В 1943 г. было добыто только 17,9 млн тонн нефти, или 57,7% от уровня 1940 г. Даже в 1945 г. нефтяная промышленность достигла всего 62% довоенного уровня. Решить проблему с горючим для фронта удалось путем внесения коренных изменений в программу производства и распределения нефтепродуктов. Внедрение более совершенных технологических систем на существующих предприятиях и пуск в эксплуатацию новых нефтеперегонных установок в восточных регионах позволили увеличить количество выпускаемых светлых нефтепродуктов. За 1940–1944 гг. отбор бензинов всех марок из бакинской сырой нефти повысился с 5,76 до 8,36%, в том числе авиабензина — с 2,56 до 6,15%.

Впервые в мировой практике стали получать авиабензин из низких сортов нефти, освоили извлечение бензина из крекинг-газа и лигроина. На ряде заводов вступили в строй установки для производства высокооктановых добавок к авиабензину, что имело огромное значение, ибо увеличение октанового числа бензина лишь на одну единицу повышало взлетную способность и скорость боевых самолетов на 30–40 км в час.

В соответствии с постановлением ГКО от 14 апреля 1943 г. в Орске, Гурьеве, Красноводске и Куйбышеве были возведены закупленные в США по ленд-лизу четыре нефтеперерабатывающих завода. Их годовая мощность составила 240 тыс. тонн авиабензина Б-78 — самого дефицитного для ВВС, а кроме того, 35 тыс. тонн авиационного масла и 600 тыс. тонн других сортов бензина[61]. Эти меры, а также поставки по ленд-лизу позволили стабилизировать обеспечение авиации горючим. На протяжении всей войны собственное производство авиационного бензина было выше довоенных размеров.

В то же время по сравнению с уровнем 1940 г. сократился выпуск всех остальных видов жидкого топлива: автомобильного бензина, керосина, дизельного и моторного топлива, мазута. Тем не менее для фронта эти виды горючего поставлялись в необходимых количествах. А в тылу жидкое топливо по возможности заменяли газогенераторным, приспосабливая автомашины для использования твердого топлива.

Страны антигитлеровской коалиции поставляли в нашу страну паровозы, станочное оборудование, броневой лист, железнодорожные рельсы, алюминий, медь и другие материалы. Что касается военной продукции, то количество вооружения и военной техники было незначительным. Всего морским путем на 26 тыс. судов в Советский Союз было доставлено более 16 млн тонн груза. При этом погибло 72 судна, а с ними 1,3 млн тонн грузов[62]. Для Наркомата обороны СССР в 1941–1945 гг. было поставлено 312,6 тыс. автомобилей разных марок. Их процент в автомобильном парке войск на 1 января составлял: в 1943 г. — 5,4%, в 1944 г. — 19%, в 1945 г. — 30,4%, а на 1 мая 1945 г. — 32,8%[63].

Из США, Великобритании и Канады было поставлено 2599 тыс. тонн нефтепродуктов, из них 1170 тыс. тонн высокооктановых компонентов и бензинов, которые использовались авиацией. При этом в СССР за время войны было произведено 29 427 тыс. тонн светлых нефтепродуктов, в том числе 1961 тыс. тонн высокооктановых бензинов[64].

С конца 1942 г. начало поступать продовольствие. Наиболее ощутимым было поступление мясных консервов. Воины называли заокеанские консервы в ярких баночках «вторым фронтом». В этом названии заключалась немалая доля иронии, ведь союзники обещали открыть второй фронт в 1942 г., а открыли его в конце войны, в середине 1944 г. Всего в 1941–1944 гг. из США и Канады было получено 4,3 млн тонн продовольствия, что составило примерно 25% общего тоннажа поставок, или чуть более 10% общего расхода его для нужд войск за всю войну. Среднегодовой экспорт зерна, крупы, муки (в пересчете на зерно) составил 2,8% среднегодовых заготовок зерна в СССР.

В Советском Союзе ценили помощь союзников, тем более что с лета 1943 г. американскую военную технику и различное имущество все чаще можно было видеть на фронте. Это подтверждают и многие ветераны войны. Поставки в известной мере стабилизировали производство и позволяли уменьшить наши внутренние расходы при обеспечении соединений и воинских частей. Руководство государства, все население страны выражали чувство искренней благодарности союзникам по антигитлеровской коалиции. Однако следует отметить, что помощь, оказанная Советскому Союзу Соединенными Штатами, Великобританией и Канадой, не могла иметь решающего значения в разгроме Германии и ее сателлитов. В свою очередь, Советский Союз обратными рейсами морских судов также поставлял союзникам материалы, имевшие для них стратегическое значение.

Огромный размах боевых операций и маневренный характер войны предъявляли повышенные требования к оснащению войск средствами передвижения, особенно автомобилями. В первые месяцы войны увеличение автотранспорта в действующей армии шло в основном за счет мобилизации его из гражданских отраслей народного хозяйства. Однако много автомобилей было потеряно в ходе вынужденного отступления. В то время как действующая

армия ощущала острый недостаток транспортных средств, промышленность не в силах была удовлетворить потребности, так как значительная часть автомобильных заводов была переключена на выпуск танков и других важных видов военной продукции. Создавшаяся зимой 1941–1942 гг. критическая ситуация с автотранспортом на фронте потребовала принять меры по увеличению производства автомобилей. На базе цехов эвакуированного Московского автозавода создавались новые автомобильные предприятия. Уже в 1942 г. был введен в строй Ульяновский автозавод, выпустивший в том же году первые 2 тыс. автомобилей. В 1944 г. на Южном Урале вошел в строй Миасский автомобильный завод. Продолжали выпуск автомобилей Московский и Горьковский автозаводы. На их долю приходилось свыше 90% всесоюзного выпуска этого вида продукции (таблица 4).

Таблица 4

Численность автомобильного парка Красной армии в годы войны[63]

Автомобили	По состоянию на					
	22.06.1941	01.01.1942	01.01.1943	01.01.1944	01.01.1945	01.05.1945
Отечественные, тыс. шт., % от всего парка	272,6 100	317,1 99,6	378,8 99,7	387,0 77,9	395,2 63,6	385,7 58,1
Импортные, тыс. шт., % от всего парка	—	—	22,0 5,4	94,1 19,0	191,3 30,4	218,1 32,8
Трофейные, тыс. шт., % от всего парка	—	1,4 0,4	3,7 0,9	14,9 3,9	34,7 6,0	60,6 9Д
Всего, тыс. шт.	272,6	318,5	404,5	496,0	621,2	664,4

Несмотря на значительные потери и сложности производства, автомобильный парк Красной армии обеспечивал внутрифронтовые, а в ряде случаев и стратегические перевозки.

Если в армейском и войсковом тылу ведущая роль в перевозках принадлежала автотранспорту, то в тыловом районе фронта и на остальной территории страны около 85% всего грузооборота приходилось на железные дороги. В целом они справились с комплексом сложнейших задач, выдвинутых войной[66]. Оккупация значительной территории СССР нанесла железнодорожному транспорту тяжелый урон. Сократилось количество подвижного состава, были разрушены многие транспортные объекты. Изменились характер и направление грузопотоков, существенно возросла загрузка железнодорожной сети. Казалось бы, из такой ситуации нет выхода. Но была разработана и осуществлена обширная программа по железнодорожному строительству, прежде всего по увеличению пропускной способности железнодорожных магистралей Поволжья, Урала и Сибири, восстановлению коммуникаций в прифронтовых и освобождаемых районах. Уже в 1942 г. стали постоянно эксплуатироваться около 1200 км новых железнодорожных линий, более 1300 км вторых путей и автоблокировка на протяжении 590 км. Высокими темпами велось восстановление разрушенных железных дорог на освобожденных территориях. В 1943 г. ремонтировали примерно 8 км путей в сутки, а в 1944 г. — 10 км[67].

В связи с переводом большинства гражданских предприятий на выпуск военной продукции в 1942 г. почти перестал пополняться паровозный парк, не хватало вагонов. Весной 1943 г. ГКО принял меры по увеличению мощностей вагоностроительных заводов. За счет только отечественного производства железнодорожный транспортный парк в 1943 г. возрос на 2 тыс. паровозов и 56 тыс. вагонов. Значительное количество железнодорожных платформ в 1943–1945 гг. было поставлено из США. В результате успешного восстановления разрушенных врагом и строительства новых линий эксплуатационная длина железных дорог увеличилась с 81,7 тыс. км к началу 1944 г. до 110 тыс. км в конце года. Все это способствовало расширению возможностей железнодорожного транспорта.

Как того требовали размах наступательных операций и масштабы военного производства, грузооборот железных дорог с весны 1943 г. непрерывно нарастал. Железнодорожники доставили фронту более 19 млн вагонов вооружения, боеприпасов, снаряжения, других

материальных средств. Народное хозяйство получило почти 67 млн вагонов различных грузов. Все виды транспорта в ходе войны выполнили огромную работу по обеспечению нужд фронта и тыла.

Немалую роль в годы войны сыграл речной и морской транспорт. Речным флотом доставлялись в основном нефть, минерально-сырьевые ресурсы, уголь, соль. В 1945 г. эти грузы составляли 90,2% речных перевозок. Только в 1943 г. по Волге было перевезено 1200 тыс. тонн жидкого горючего и смазочных материалов. В 1941–1942 гг. речной флот активно участвовал в эвакуации промышленного оборудования и жителей прифронтовых районов. По неполным данным, речным транспортом были эвакуированы свыше 2,5 млн человек, 1,5 млн тонн разнообразных грузов и 2 млн голов скота. Многие задачи решал и морской торговый флот. Транспортные суда Северного и Дальневосточного пароходств совершали экспортно-импортные рейсы в Великобританию, Исландию, Канаду, США, Африку, Австралию, на острова Яву, Борнео и в другие отдаленные пункты. Каспийский транспортный флот занимался главным образом перевозками нефти и нефтепродуктов.

Ненасытный молох войны требовал от тыла не только оружия, горючего, автомобилей, но и огромного количества продовольствия. Всего в военные годы на довольствии одновременно находились 9–12 млн военнослужащих, а на государственном продовольственном обеспечении — свыше 80 млн гражданского населения. Удовлетворить потребности армии в продуктах питания было совсем не просто, так как сельское хозяйство пострадало больше других отраслей экономики. На территории, подвергшейся оккупации, находилось 47% всех посевных площадей, в том числе 87% сахарной свеклы и 50% подсолнечника. За счет мобилизации в армию и на оборонные работы в деревне резко сократилась численность трудоспособного населения, тракторов и другой техники, что не могло не сказаться на сельскохозяйственном производстве. Валовой сбор зерновых в 1942 г. составил 31% от уровня 1940 г., подсолнечника — 11%, сахарной свеклы — 12%. Несколько лучше обстояло дело с продукцией животноводства. Она снизилась приблизительно на половину, поскольку часть скота удалось перебросить на восток.

Если в основных отраслях промышленности уже с середины 1942 г. начался некоторый подъем, то для сельского хозяйства 1943 г. из-за засухи оказался не менее трудным, чем предыдущий. Общий объем его продукции в 1943 г. был самым низким за всю войну. Лишь с 1944 г. наметился подъем сельскохозяйственного производства. В 1945 г. оно составляло всего 60% от довоенного уровня. В распределении произведенной в годы войны сельскохозяйственной продукции роль государства еще больше возросла. Резко увеличились государственные заготовки. По зерну и другой продукции они составляли более 40% от валового сбора. Зачастую на покрытие государственных поставок шел почти весь урожай. Благодаря этому государству удалось сосредоточить в своих руках огромные массы товарной продукции. За 1941–1944 гг. запасы зерна составили 68,2 млн тонн, тогда как в годы Первой мировой войны в России было закуплено всего 20,9 млн тонн. Несмотря на трудности, вызванные временной оккупацией противником части территории СССР, вооруженные силы на всем протяжении войны бесперебойно обеспечивались продовольствием в необходимых количествах и ассортименте. Общий расход продуктов питания и зернового фуража Красной армией и Военно-морским флотом за войну составил около 40 млн тонн[68].

В области материального обеспечения наиболее важное значение имело непрерывное удовлетворение потребностей действующих фронтов и флотов в вооружении, боевой и транспортной технике, боеприпасах, горючем, продовольствии и прочем.

За время войны военно-промышленный комплекс страны изготовил, а система тыла вооруженных сил приняла и доставила непосредственно в соединения и воинские части более 108 тыс. боевых самолетов, 95 тыс. танков и САУ, около 445,7 тыс. полевых орудий калибра 76 мм и выше и минометов, 954,5 тыс. пулеметов, 12 млн винтовок и карабинов, 6,1 млн автоматов, 427 млн снарядов для полевых орудий и минометов, а также около 21,4 млрд патронов, более 168,3 млн гранат, 7,5 тыс. морских артиллерийских систем калибра до 152 мм включительно, 40 тыс. мин и торпед, 163,1 тыс. глубинных бомб. Только масса боеприпасов

составляла более чем 10 млн тонн[69]. Война потребовала огромного количества бензина, дизельного топлива, масел и смазок. Всего за время войны Красная армия и Военно-морской флот израсходовали свыше 16 млн тонн различных сортов горючего[70].

Большой объем работ был выполнен по обеспечению действующей армии вещевым и хозяйственным имуществом. Советские воины своевременно получали необходимое имущество, были добротно одеты и обуты — значительно лучше, чем немецкие солдаты и их союзники. Всего за годы войны в армию было поставлено более 38 млн шинелей, 73 млн гимнастерок, 70 млн хлопчатобумажных и около 20 млн ватных шаровар, свыше 11 млн пар валенок и много других предметов[71].

Значительную работу выполняли народное хозяйство страны и тыл вооруженных сил по обеспечению перегруппировок войск и доставки фронтам и флотам пополнения, подвозу материальных средств и осуществлению других видов воинских перевозок.

В короткие сроки был налажен ремонт вооружения и боевой техники. Восстановлено более 304 тыс. артиллерийских систем, 20 364,9 тыс. единиц стрелково-минометного вооружения, 25 998 боевых машин реактивной артиллерии. Выполнено более 622 тыс. ремонтов танков и САУ, около 2 млн средних и капитальных ремонтов автомобилей. Количество ремонтов боевых кораблей и вспомогательных судов, проведенных на Балтийском, Черноморском и Северном флотах, превысило 8,8 тыс. Довольно значительный объем работ был выполнен по инженерно-аэродромному и аэродромно-техническому обеспечению авиации во всех видах вооруженных сил[72].

За годы войны было восстановлено и перешито 120 тыс. км железнодорожных путей[73], что более чем на 13% превышает эксплуатационную длину железнодорожной сети СССР в 1940 г. Объем воинских железнодорожных перевозок за войну в среднем превысил 19 млн вагонов[74], что эквивалентно почти 300 млн тонн грузов. В действующую армию и во внутренние военные округа ежедневно отгружались 284 поезда с войсками и военными грузами. Общий объем перевозок, выполненных автомобильным транспортом в ходе операций Великой Отечественной войны, составил 625 200 тыс. тонн.

Достойный вклад в общее дело победы над врагом внесла военно-медицинская служба. Во время войны были возвращены в строй более 72% раненых и свыше 90% больных. Работники военно-ветеринарной службы вылечили свыше 2 млн раненых и больных лошадей[75].

За счет военно-экономических ресурсов Советского Союза обеспечивались вооружением, военной техникой и другими видами материальных средств национальные соединения и воинские части союзных и дружественных стран при их формировании на территории СССР и ведении боевых действий против общего врага. Так, за время войны вооруженным силам Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и французскому авиаполку «Нормандия — Неман» только по линии центральных органов НКО СССР, не считая фронтов и флотов, было передано: 900 тыс. винтовок, карабинов и автоматов, 40 627 пулеметов, 16 502 орудия и минометa, 2346 самолетов, 1124 танка и САУ, большое количество иных видов вооружения и техники, а также боеприпасов, горючего, продовольствия, различного имущества и снаряжения. Одновременно оказывалась значительная помощь народам, освобожденным от фашистского ига: полякам, немцам, чехам, югославам и другим. Советские войска нередко спасали местное население от голодной смерти. По решению советского правительства для этой цели из ресурсов Красной армии было передано свыше 900 тыс. тонн продовольствия[76].

Все это потребовало немалых материальных и финансовых затрат. Для обеспечения вооруженных сил в годы войны было израсходовано 582,4 млрд рублей, что составило 50,8% всех расходов государственного бюджета. Таков вклад экономики страны в победу над Германией[77]. На всем протяжении войны, даже в наиболее критические ее периоды, политическое и военное руководство Советского Союза внимательно следило за наличием материальных ресурсов. «Руководство страны заглядывало дальше, заботясь, чтобы после войны страна не оказалась обескровленной, неспособной на сопротивление... Мы должны были закончить войну, сохранив потенциал страны для быстрого и решающего роста экономики»[78].

Что касается оружия и военной техники, то к концу войны в Советском Союзе имелось: 35,2 тыс. танков и САУ, что в 1,6 раза больше, чем к началу Великой Отечественной войны; 47,3 тыс. боевых самолетов — превышение в 2,4 раза; 321,5 тыс. орудий и минометов — в 2,9 раза больше, чем в начале войны[79]. Государственные резервы поддерживались на достаточно высоком уровне (таблица 5).

Таблица 5

Материальные резервы Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.[80]

Виды резервов	Рост запасов по отношению к их объему на 1 января 1941 г., в %			
	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Хлеб	107,7	122,5	93,0	137,8
Мясные консервы	108,3	94,5	117,3	141,2
Сахар	54,6	286,0	11,3	20,7
Медь	30,2	19,9	53,3	60,3
Цинк	80,2	67,2	215,5	226,2
Олово	112,8	300,0	382,9	468,0
Никель	200	300,0	533,3	466,6
Алюминий	29,7	13,5	67,6	268,2
Каучук натуральный	273,3	313,3	120,0	101,3
Автобензин	249,9	109,5	52,4	117,8
Дизельное топливо	—	70,5*	39,9*	45,4*
Уголь	79,2	51,6	55,7	42,7

* По отношению к объему 1942 г.

Все достижения советской экономики в годы Великой Отечественной войны были бы невозможны без подлинного героизма людей, которые работали, не жалея сил, не считаясь со временем, часто в очень тяжелых условиях, проявляя исключительную стойкость и упорство в выполнении поставленных задач, освоении новых для себя профессий. Лишь благодаря самоотверженности тружеников тыла удалось сравнительно быстро преодолеть все сложности перестройки экономики СССР на военный лад и затем непрерывно наращивать производство вооружения, обеспечивая войска всем необходимым для достижения победы.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны военно-экономическая система Советского Союза прошла суровую школу и, несмотря на огромные трудности, выдержала величайшие испытания военного времени.

Развитие минерально-сырьевой базы в ходе войны

Первый период войны складывался для СССР, как известно, неблагоприятно и даже трагически. На оккупированной гитлеровцами к ноябрю 1941 г. территории ранее проживали 40% населения страны, добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна, 58% стали, выпускалось 60% алюминия. На захваченной территории оказались горнодобывающие предприятия Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов, Криворожского железорудного и Никопольского марганцево-рудного бассейнов, Никитовское месторождение ртути, Тихвинское месторождение бокситов, частично месторождения никеля на Кольском полуострове,

многие заводы черной и цветной металлургии. Позднее немецкие войска подошли также к нефтяным промыслам Северного Кавказа. В некоторых захваченных районах гитлеровцам удалось частично наладить добычу полезных ископаемых и производство металлов. Полезные ископаемые этих районов не только выбыли из системы народного хозяйства СССР, но даже поставлялись в Германию. Острота положения усугублялась тем, что свыше 80% военной продукции производилось в центральных и северо-западных районах европейской части России и на Украине. К лету 1941 г. промышленные предприятия Урала, Поволжья, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока давали лишь 18,5% военной продукции. В создавшихся условиях важнейшей задачей хозяйственной политики страны стало развертывание в глубоком тылу, в восточных районах, новой крупной военно-промышленной базы.

Вторая половина 1941 г. была временем великого перемещения производительных сил на восток. Как уже упоминалось, с июля по декабрь этого года было эвакуировано в восточные районы 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных.

В руки врага попали запасы природных ископаемых огромной ценности: криворожская железная руда, никопольский марганец, донбасский уголь. Через считаные месяцы после начала войны промышленный потенциал СССР оказался уменьшенным наполовину. Металлургия была отброшена до уровня первой пятилетки. Некоторые виды производства понесли еще больший урон. Резко снизился и объем добычи нефти, хотя немцам в 1942 г. лишь на короткое время удалось завладеть одной только частью северокавказских нефтяных промыслов.

Война поставила перед нефтяниками две главные задачи. Во-первых, сделать все для бесперебойного обеспечения фронта и военного производства нефтепродуктами в достаточных количествах, во-вторых, принять все меры к тому, чтобы враг не смог добывать нефть из скважин, оказавшихся на временно оккупированной территории.

Отрасль, как и вся промышленность, перестраивалась на военный лад. Основными потребителями ГСМ становились вооруженные силы. Машиностроительные заводы, входившие в состав Наркомнефти, переориентировались на производство военной техники. В июне 1941 г. удельный вес военной продукции в общем производстве Наркомата нефтяной промышленности составлял 25%, в июле того же года — 40%[81].

Летом 1941 г. началась эвакуация предприятий отрасли с Кавказа. Они должны были в кратчайшие сроки возобновить работу на новом месте. На базе вывезенного оборудования построили НПЗ в Сызрани, Краснокамске, Перми, Красноводске, на станции Ванновская в Узбекской ССР, расширили Орский и Ишимбаевский нефтезаводы. Эвакуировались машиностроительные производства, научные и учебные заведения. Так, осенью 1941 г. Московский нефтяной институт имени И. М. Губкина был перебазирован в Уфу. Нефтяники перестали получать нужные им материалы и оборудование. Поставки труб, составлявшие в 1940 г. 301 тыс. тонн, в 1942 г. упали в 43,3 раза. Но, несмотря на все трудности, нефтяники справлялись с поставленными перед ними сложными задачами. Так, для артиллерийского и стрелкового оружия производились низкозамерзающие спецсмазки. Особенно качественными они получались из эмбинской нефти. Немецкая же техника зимой 1941–1942 гг. часто отказывала в сорокоградусные морозы. Красная Армия снабжалась бензином, который мог использоваться при температуре до минус 55 С.

Целенаправленно менялась структура производства нефтепродуктов: в начале 1942 г. из довоенного ассортимента, включавшего 72 вида смазочных масел и смазок, было решено оставить 35 наименований. В 1942 г. общее производство нефтепродуктов существенно упало. За 1943 г. Красная армия израсходовала ГСМ на 22,5% больше, чем в 1942 г. В ходе летнего наступления она получила высокооктанового авиабензина в 2,5 раза больше, чем в ходе Сталинградской операции, 317,3 тыс. тонн автобензина и 44 тыс. тонн дизтоплива. В целом же за все время войны подавляющую часть нефтепродуктов Вооруженные силы СССР получали от советских НПЗ, исключая высокооктановый авиабензин.

Особенно тяжелыми для нефтяной промышленности были первые годы войны. Ухудшилось материально-техническое снабжение, многие квалифицированные рабочие

и инженерно-технические работники ушли на фронт, большое число заводов нефтяного машиностроения было переключено на производство вооружения и боеприпасов. Несмотря на все это, нефтяники Азербайджана в первый год войны дали стране 23,5 млн тонн нефти — и это была самая большая добыча за всю историю нефтяной промышленности этой республики. Н. К. Байбаков, бывший в то время заместителем наркома топливной промышленности, впоследствии вспоминал: «Люди искали и находили выход из тяжелейших ситуаций, изобретали и придумывали, казалось, невозможное. Нефтяники на острове Артёма организовали водолазные поиски и подняли со дна Каспия многое из того «старья», в котором в мирное время не нуждались. В эти трудные годы, когда трубные заводы выпускали в основном оборонную продукцию, старые трубы были отремонтированы и пущены в дело. Так, в районе Азербайджана в начале войны был разобран старый трубопровод и направлен на строительство газопровода Бугуруслан — Куйбышев, что обеспечило топливом оборонные заводы Куйбышева»[82]. Нефтяники Азербайджана в конце войны добывали около 60% общесоюзной добычи нефти за счет ввода в эксплуатацию ранее бездействовавших скважин, усовершенствования технологических режимов работы нефтяных промыслов, героических усилий работающего персонала.

Советское правительство принимало меры по усилению поисковых и разведочных работ на нефть в районах Волго-Уральской углеводородной провинции. Из южных районов страны в Башкирию, Куйбышевскую, Оренбургскую и Пермскую области были переброшены крупные поисковые и разведочные организации с опытными кадрами геологов, буровиков, с буровым оборудованием, материалами и механическими базами. Эти мероприятия позволили начиная с 1942 г. значительно усилить поисковые и разведочные работы в указанном регионе. С 1941 по 1945 г. общий объем разведочного бурения достиг 427,1 тыс. метров, что в 1,5 раза превысило объем разведочного бурения за 1936–1940 гг. В июле 1943 г. в Ишимбаевском районе Башкирии было открыто достаточно крупное Кинзебулатовское месторождение, за счет которого в 1943–1944 гг. удалось не только приостановить падение, но и значительно повысить добычу нефти в этом районе, когда потребность в ней для нужд фронта ощущалась особенно остро.

В других нефтяных районах (Краснокамско-Полазненском и Бугурусланском) продолжалась доразведка уже выявленных месторождений, велись также поиски новых месторождений и залежей. Значительные работы по поискам нефти в этот период проводились в Татарской АССР. Для повышения эффективности геологопоисковых, буровых работ и улучшения оперативного руководства нефтяными предприятиями Волго-Уральского нефтяного региона в начале 1942 г. были организованы три комбината — Молотовнефтекомбинат, Куйбышевнефтекомбинат, Башнефтекомбинат и трест Востокнефтемаш. В годы войны сам Наркомат нефтяной промышленности также был размещен в Уфе.

Вскоре, в сентябре 1942 г., Государственный Комитет Обороны утвердил разработанные нефтяниками мероприятия — программу строительства нефтяной промышленности на востоке. В постановлении предусматривалось увеличить добычу нефти к концу 1942 г. в 1,5 раза по сравнению с августом 1941 г., намечалась сдача в эксплуатацию 482 нефтяных скважин, а в первом квартале 1943 г. — еще 580 скважин. В Уфу был переведен институт «Грознефтепроект», который объединили с институтом «Башнефтепроект». Еще ранее, осенью 1941 г., в Уфу был эвакуирован Московский нефтяной институт имени академика И. М. Губкина. Располагая высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом, институт развернул большие научно-исследовательские работы.

В результате поисковых и разведочных работ за годы войны нефтяниками была решена главная задача — создание мощных резервов нефти и газа, позволивших непрерывно наращивать добычу нефти и газа на востоке страны. В 1945 г. нефтяные районы Урало-Поволжья дали 2 млн 833 тыс. тонн нефти, то есть в 1,5 раза больше, чем в 1940 г.

Большое значение имело расширение нефтедобычи на севере Сахалина. Это был ближайший источник снабжения нефтепродуктами Дальнего Востока и Крайнего Севера. За годы войны нефтяники Сахалина дали стране 3 млн тонн нефти, а добыча возросла с 505 тыс. тонн

в 1940 г. до 752 тыс. тонн в 1945 г. Ударными темпами был сооружен нефтепровод Сахалин — материк (через Татарский пролив).

Захват немецкими оккупантами некоторых нефтяных районов на Кавказе, перемещение специалистов, рабочих, оборудования на восток страны, конечно, привели к падению добычи нефти на Кавказе и полному ее прекращению на Украине. Несмотря на это, Красная армия во все возрастающем объеме обеспечивалась нефтепродуктами необходимого качества. В феврале 1942 г. ученые института АзНИИ совместно со специалистами нефтеперерабатывающей промышленности разработали технологию получения высокооктанового бензина методом алкилирования.

Нефтяники сделали все, чтобы предотвратить добычу нефти оккупантами из скважин, оказавшихся на территории, временно ими занятой. По этому вопросу Н. К. Байбаков в своей брошюре «Нефтяной фронт» пишет: «Нам было поручено демонтировать и эвакуировать нефтепромысловое и нефтеперерабатывающее оборудование с Северного Кавказа и Баку, а в случае необходимости — вывести его из строя. С болью в сердце выполняли нефтяники это задание. Оборудование промыслов и заводов Кубани, Грозного и Дагестана эвакуировали на восток, большинство скважин и установок было ликвидировано. Оккупанты просчитались. За время пребывания на Кубани они не смогли наладить добычу нефти, а к Грозному и Баку фашистские полчища не подпустила Красная армия. В ЦК и Бакинском горкоме компартии Азербайджана были заблаговременно подготовлены меры по ликвидации промыслов и восстановительным работам на случай воздушных бомбардировок или временной оккупации Баку. Для осуществления этих мероприятий была образована Центральная комиссия под председательством начальника Азнефтекомбината М. А. Евсеенко, на каждом промысле — оперативные штабы, в цехах и на участках — объектовые комиссии. Оперативные ликвидационные группы и объектовые комиссии тщательно продумали мероприятия по выводу скважин и технологических установок из строя. Так, например, скважины решено было перекрывать обрывом труб и набросом сверху готовых болванок»[83].

Рост и развитие военного производства в восточных районах определяли необходимость расширения топливно-энергетической и сырьевой базы Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии, нужно было в предельно короткие сроки освоить не только известные, но и выявить, быстро разведать и передать промышленности новые месторождения высококачественного, особенно стратегического минерального сырья.

В результате перебазирования и строительства на востоке промышленных и оборонных предприятий, освоения новых месторождений минерального сырья коренным образом изменилось размещение производительных сил страны. Восточные районы превратились в ее основную военно-промышленную базу. Ведущее место занял Урал, ставший главным звеном военно-промышленной базы страны, ее арсеналом, основным поставщиком цветных и черных металлов. Уже в четвертом квартале 1941 г. на его долю пришлось 62% произведенного в стране чугуна, около половины выпуска стали и меди, почти третья часть цинка и весь выпущенный в этот период алюминий, а также никель, кобальт, магний. А к сентябрю 1942 г. выпуск промышленной продукции на Урале увеличился по сравнению с довоенным в 2,5 раза. Принятые меры способствовали значительному увеличению производственных мощностей металлургических предприятий, усиленных эвакуированным оборудованием. Магнитогорский комбинат принял оборудование 34 заводов, Нижнетагильский, Орский и Челябинский — 13 заводов. Всего за два с половиной месяца была сооружена первая очередь нового металлургического завода в Челябинской области. Были расширены также мощности старых металлургических заводов — Златоустовского, Свердловского и других.

Для удовлетворения резко возросшей потребности в железной руде были значительно усилены геологоразведочные работы, в первую очередь в районах действующих металлургических комбинатов — Тагило-Кушвинского, Бакальского, Магнитогорского, Орско-Халиловского и других. В Западной Сибири геологоразведочные работы на железные руды проводились в районах Кузнецкого комбината — на месторождениях Горной Шории и Кузнецкого Алатау. Из-за потери Никопольских рудников на Украине и сложности доставки концентратов

из Чиатурского района Грузии возникли большие трудности со снабжением марганцем металлургических заводов Урала и Западной Сибири. В довоенном 1940 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевых руд не превышал 8,4%. В создавшейся обстановке первостепенное значение приобрели разведка и форсированное освоение месторождений Полуночного, Уразовского и Улу-Телакского на Урале, Джездинского в Казахстане, Мазульского и Дурновского в Западной Сибири. Уже к концу 1940 г. на заводы черной металлургии пошел первый уральский марганец. В 1944 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевой руды достиг 84,7%.

В связи с выходом из строя никелевых рудников на Кольском полуострове резко возросло значение добычи сульфидных никелевых руд в Норильском районе Красноярского края и на месторождениях силикатных руд никеля на Урале. Последние стали основной сырьевой базой Уфалейского никелевого комбината. Активизировались геологоразведочные работы. Однако геологов не хватало. Как и прежде, немало высококвалифицированных кадров поступало через систему ГУЛАГа. В 1942 г. в Норильск был направлен руководитель геологопоисковых работ Н. Н. Урванцев. Лагерную «метку» имели крупные геофизики Д. Г. Успенский, А. П. Булмасов, Е. В. Петряков и ряд других специалистов, включая прибывших до войны. В. К. Котульский лишь условно мог считать себя свободным от «объятий» лагерного ведомства. Геологи-заключенные были и среди эксплуатационников, причем, например, М. Ф. Смирнова, несмотря на «статью», назначили главным геологом рудников 3/6, 7/9. Много было молодых сотрудников — выпускников вузов, студентов, в том числе оказавшихся на комбинате в связи с эвакуацией из районов военных действий. Общаясь с опытными специалистами и будучи сразу вовлеченными в конкретные дела, они быстро приобрели необходимые знания, практические навыки.

В результате с 1940 по 1945 г. объем выполненных работ возрос почти вдвое. С начала строительства Норильского комбината в отрасль было вложено около 60 млн рублей, из них 47 млн — в 1941–1945 гг. За 15 лет, с 1930 по 1945 г. выявленные запасы руды возросли в 3 тыс. (!) раз, причем с 1940 по январь 1946 г. общее количество разведанной руды почти удвоилось. По запасам никеля Норильск занял второе место в мире, по драгметаллам — первое. Запасы норильской меди — «вторые» в СССР. Только в 1945 г. Геологическое управление обеспечило прирост запасов, соответствующий годовой потребности в сульфидных рудах, и тем укрепило рудно-сырьевую базу комбината.

С 1940 по 1945 г. подсчитанные запасы каменного угля возросли почти втрое: за вычетом добытого — 479 млн тонн, в том числе коксующихся 31,5 млн тонн. Интенсивная эксплуатация сырьевого «задела» позволила увеличить в 1945 г. относительно уровня 1940 г. добычу богатой жильной руды в 8,5 раза, угля — на 375%; выпуск электролитного никеля и меди возрос, если сравнивать итоги 1945 и 1942 гг., в 11 и 11,3 раза соответственно. В 1945 г. было добыто свыше 255 тыс. тонн руды и почти 860 тыс. тонн угля.

С 1942 г. начал работать Норильский никелевый завод с полным циклом по выплавке никеля, меди, кобальта и платиноидов. Норильский и Уфалейский комбинаты стали основными поставщиками никеля и кобальта для металлургических заводов Урала и Сибири, производящих легированную сталь для брони. Все это позволило резко увеличить выпуск качественных и высококачественных сталей. Удельный вес качественного проката поднялся с 23% в первом полугодии 1941 г. до 49% во втором, а по восточным районам — с 36,9% в июле до 70,8% в октябре. В 1943 г. металлургические заводы на востоке страны давали 94,7% от общей выплавки чугуна и свыше 86,7% производства стали и проката.

Из-за оккупации Украины сложилось чрезвычайно острое положение с обеспечением промышленности алюминием. Как уже было сказано ранее, в стране остался один из пяти алюминиевых заводов — Уральский, правда, маломощный. Были приняты экстренные меры по увеличению его мощности и строительству новых заводов. В сентябре 1942 г. вступила в строй вторая очередь Уральского завода; в 1943 г. он уже давал столько алюминия, сколько до войны выпускали три завода. В военные годы стали выплавлять алюминий Богословский завод на Урале и Новокузнецкий в Кемеровской области, сырьевой базой которых служили

месторождения высококачественных бокситов СУБРа, а позже — выявленные месторождения бокситов на Южном Урале (ЮУБР). В годы войны были расширены Джезказганский и Балхашский меднорудные комбинаты, а вблизи последнего открыто и быстро вовлечено в освоение крупное Восточно-Коунрадское медно-молибденовое месторождение. Медедобывающая промышленность страны полностью обеспечивала нужды оборонных отраслей. Основная часть добычи свинцово-цинковых руд производилась на месторождениях Рудного Алтая и Каратау (Южный Казахстан), запасы которых в военные годы были существенно увеличены.

Резко возросшая потребность в вольфраме удовлетворялась за счет месторождений Джидинского, Белуха и Антонова гора в Забайкалье, Мульчихинского на Алтае, Лянгарского и Койташского в Узбекистане, Чорух-Дайронского в Таджикистане. С началом войны к ним присоединился Ингичкинский вольфрамовый рудник (Западный Узбекистан), построенный в рекордно короткий срок на базе залежи, открытой в день начала войны — 22 июня 1941 г. Молибденовые концентраты поставлялись, кроме Балхашского комбината, рудниками Умальтинским на Дальнем Востоке, Первомайским (на Джидинском месторождении) и Чикойским в Забайкалье. В 1943 г., после освобождения от немецких захватчиков Северного Кавказа, возобновилась добыча вольфрамовых и молибденовых руд на Тырныаузском месторождении. Добыча вольфрамовых руд была организована также на открытом в военные годы Караобинском месторождении в Казахстане и других.

Захват оккупантами Никитовских ртутных рудников на Украине поставил в тяжелое положение производство ряда боеприпасов. В связи с этим в сжатые сроки были доразведаны крупные запасы ртути на месторождениях Южной Киргизии, что позволило быстро ввести в действие Хайдарканский ртутный комбинат, ставший флагманом ртутной подотрасли. Кроме того, была осуществлена опытная отработка ряда более мелких месторождений: Чаувайского, Адыракоуского, Бирксуйского в Средней Азии, Акташского в Горном Алтае и других. Военные заводы были полностью обеспечены этим важным стратегическим металлом. Значительно расширил выпуск стратегической продукции и Кадамджайский сурьмяный комбинат (Южная Киргизия), первая очередь которого была введена в строй в 1934 г. Отпала необходимость в импорте и этого металла. Среди месторождений олова, выявленных в годы Великой Отечественной войны, важное значение имели Хрустальнинское в Приморье и Хинганское в Хабаровском крае, однако основную массу концентратов этого важнейшего металла оборонного значения (подшипниковые сплавы, консервные банки и прочее) поставляли в годы войны рудники Якутии и Чукотки. Добыча олова на них возросла с 1,9 тыс. тонн в 1940 г. до 4,2 тыс. тонн в 1945 г. А всего для нужд обороны предприятия северо-востока СССР поставили 17,6 тыс. тонн этого металла[84].

Нередко критические ситуации возникали вследствие неожиданного дефицита в отдельных районах самых распространенных видов сырья. Так, на отдельных заводах под угрозой срыва оказался выпуск важнейших видов военной продукции из-за отсутствия обыкновенного песка для опок, используемых при отливке отдельных деталей. Потребовалось личное вмешательство И. В. Сталина, чтобы организовать срочный поиск этого сырья. Его источники геологами тут же были найдены, и выпуск военной продукции не остановился.

С началом войны практически полностью прекратились поставки топлива из центра на северо-восток. Геологи приступили к форсированной разведке месторождений полезных ископаемых, и в первую очередь месторождений угля, как основы энергетики и жизнедеятельности населенных пунктов. В эти годы были разведаны такие крупные в масштабах края месторождения, как Аркагалинское, Эльгенское, Хасынское. За годы войны разведанные запасы каменного угля на Колыме увеличились в 5 раз. Добыча его возросла в 4 раза, достигнув в 1945 г. 582 тыс. тонн. Это обстоятельство во многом способствовало росту добычи золота и олова — тех стратегически важных металлов, ради которых и существовал Дальстрой.

В 1942 г. геологом Е. П. Машко было открыто крупное золоторудное месторождение — Омчакское. Уже через два года здесь начал работать рудник. В Омчакской долине в 1941 г.

начали добычу россыпного золота вновь организованные прииски имени К. Е. Ворошилова, имени С. М. Будённого и имени С. К. Тимошенко. А через год там был организован еще один «военный» прииск имени Н. Ф. Гастелло. В 1944 г. на вновь открытых месторождениях было создано Индигирское горнопромышленное управление, в составе которого насчитывалось семь приисков, в том числе прииски «Победа», «Панфиловский», «Маршальский», имени А. И. Покрышкина.

Перед геологами и горняками Чукотки была поставлена задача: в кратчайшие сроки начать добычу олова. В условиях Заполярья коллектив Чаун-Чукотского районного геологоразведочного управления сделал почти невозможное: в течение одного года объемы геологоразведочных работ были увеличены в несколько раз, и месторождение Валькумей было подготовлено к эксплуатации. На базе районного геологоразведочного управления был создан Чаун-Чукотский горнопромышленный комбинат, а Пыркакайский разведрайон преобразован в прииск.

В мае 1944 г. на Колыму приезжал вице-президент США Г. Уоллес. Пунктом посещения был избран прииск имени К. Е. Ворошилова. Вот как описывает геолог В. В. Арбузов, работавший в Тенькинском горнопромышленном управлении, этот визит: «Американская делегация прибыла на прииск имени Ворошилова в сопровождении руководителей Дальстроя и особо уполномоченного генерала из Москвы, но одетого в форму старшего лейтенанта. Когда группа подошла к промывочному прибору, была дана команда о прекращении подачи золотосодержащих песков. Через короткий промежуток времени пошла чистая вода, и на шлюзе стал виден золотой песок. Глаза вице-президента и гостей заблестели от восхищения, но было выражено сомнение о столь богатом золоте на других участках прииска. По желанию гостей был выбран другой промывочный прибор. Картина повторилась. Выражая восхищение, вице-президент пожал руку начальнику прииска»[85].

Основной рабочей силой в Дальстрое в годы войны были заключенные, от которых непосредственно зависело выполнение планов добычи золота и олова. Поэтому начальник Дальстроя И. Ф. Никишов ввел для них поощрения в виде дополнительного питания, денег и, самое главное, ходатайства о досрочном освобождении из лагеря или уменьшении срока. Многие горные инженеры и техники были переведены с общих работ на производство по своей специальности, возглавляли горные участки, шахты, прииски. Так, уже в послевоенные годы уехали на пенсию орденоносцами ранее репрессированные, ставшие уже известными на северо-востоке организаторами производства М. Е. Выгон, В. В. Позывной, П. И. Комаров.

Президиум Верховного Совета СССР наградил Дальстрой за большой вклад в победу в Великой Отечественной войне орденом Трудового Красного Знамени. За доблестный труд в годы войны орденами и медалями были награждены 39 854 работника Дальстроя. Руководителю геологической службы Дальстроя В. А. Цареградскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И. Н. Зубареву и другим отличившимся геологам была присуждена Сталинская премия.

Необходимо подчеркнуть, что именно северо-восток обеспечил значительную часть валютного металла для оплаты поставок военного снаряжения, поступавшего из-за рубежа. Немалый вклад в дело победы внесли разведчики недр и горняки Колымы, где в военные годы добывалось значительное количество золота и олова. Только на Колыме с 1941 по 1945 г. было добыто в общей сложности 345,6 тонн золота, в основном россыпного. На долю рудного золота в эти годы пришлось лишь 3,2 тонны. Первое рудное золото выдал в 1944 г. рудник имени А. М. Матросова, а в 1945 г. — рудник Игуменовский. С такой же интенсивностью трудились и работники цветной металлургии других регионов СССР. Открытие и ввод в эксплуатацию новых месторождений обеспечили рост производства цветных металлов. В частности, уже в 1943 г. производство никеля превысило довоенный уровень в 1,3 раза, вольфрамовых концентратов — в 1,8 раза, олова — в 1,7 раза.

Особое положение в военной экономике страны занимала топливно-энергетическая база. В 1942 г. добыча всех видов топлива сократилась по сравнению с 1941 г. более чем в два

раза. В конце первого года войны начался демонтаж оборудования на нефтепромыслах Майкопа и Грозного. В два раза сократилась добыча нефти в районе Баку, где также была демонтирована и направлена в восточные районы часть оборудования. Государственный Комитет Обороны принял меры к развертыванию геологоразведочных работ в Казахстане и Средней Азии и особенно в Волго-Уральском районе. В 1943 г. доля Куйбышевской области в общесоюзной добыче нефти возросла по сравнению с 1941 г. более чем в три раза, республик Средней Азии — почти в два раза. Н. К. Байбаков вспоминает: «В 1941 г. план добычи нефти был выполнен досрочно на 102%. Страна получила 23 481,8 тыс. т нефти. Бакинские нефтяники в 1942 г. дали стране 15 709,5 тыс. т нефти. Это было поистине героическим подвигом. В 1943 г. было добыто в Баку 12,7 млн т нефти, в то время как общая добыча нефти в стране составляла 17,9 млн т. В целом в 1941–1945 гг. бакинские нефтяники дали стране 75 млн т нефти»[86].

Большое значение имел ввод в эксплуатацию Елшанского газового месторождения близ Саратова. Это позволило перевести электростанции и промышленные предприятия Поволжья на газовое топливо, а в дальнейшем построить газопровод Саратов — Москва. «Волго-Уральский район получил мощный импульс для своего развития в годы Великой Отечественной войны»[87]. Накануне войны доля Волго-Уральского района в общесоюзной добыче нефти составляла всего около 6%. Перед войной там развивалась и нефтепереработка: в Саратове, Уфе и Ишимбае были введены в строй крекинг-установки и заводы по первичной переработке нефти. Строились (но не были сданы) нефтеперерабатывающие мощности в Сызрани. Начавшаяся война резко повысила значение этой удаленной от фронтов территории. Производственные мощности в Волго-Уральском районе наращивались и за счет эвакуации предприятий с запада. Так, вскоре после начала войны в Сызрань были переведены Одесский и Херсонский крекинг-заводы, а в Краснокамск-Осипенковский — Брянский. В Стерлитамак перебазировались Азербайджанский трест нефтеразведки и Бакинский завод нефтяного оборудования имени Ф. Э. Дзержинского. В Уфе, на площадке НПЗ, было установлено оборудование нефтеперерабатывающих заводов Краснодара и Грозного. В Ишимбае и Туймазах разместились каолиновый завод и контора бурения Грознефтекомбината, механические мастерские и буровые станки Майкопнефтекомбината, строительно-монтажная контора Майкопнефтегазстроя и другие предприятия.

В 1939 г. в Баку была организована экспериментальная контора турбинного бурения (ЭКТБ) Наркомнефти, задачей которой было создание многоступенчатого турбобура и внедрение его в практику. Во главе этой организации стояли такие инженеры и ученые, как П. П. Шумилов, Э. И. Тагиев, Р. А. Иоаннесян, М. Т. Гусман. В состав ЭКТБ входили конструкторское бюро, экспериментальный машиностроительный завод, опытные буровые на нефтепромыслах. К 1941 г. были созданы работоспособные конструкции турбобуров, пробурены десятки глубоких скважин, получены интересные теоретические результаты. В сентябре 1941 г. ЭКТБ эвакуировали в Краснокамск Молотовской (ныне Пермская) области, где после слияния с местной конторой бурения образовали контору турбинного бурения (КТБ). Это была уже не экспериментальная, а производственная организация. К лету 1942 г. КТБ стала работать на полную мощность. Переход с роторного на турбинное бурение позволил приблизительно вдвое повысить его скорость. До войны в Баку была пробурена первая наклонная скважина. В ночь на 1 января 1943 г. началось бурение и первой такой скважины под Краснокамском. Оно прошло удачно, и уже к 1943 г. этот метод стал широко применяться.

Осенью 1942 г. прошла «вторая волна» эвакуации как с Северного Кавказа, так и из Азербайджана. Волго-Уральский регион получил и новые кадры, и новые производственные мощности. Его значение неизмеримо возросло, что нашло свое отражение в изменении распределения капиталовложений. Если в годы довоенных пятилеток доля Волго-Урала в инвестициях в нефтяную промышленность составляла 5–10%, то в 1942 г. она равнялась 41,6%, в 1943 г. — 55,8%.

20 января 1943 г. было принято постановление Государственного Комитета Обороны «О мерах по обеспечению роста добычи нефти на нефтепромыслах Куйбышевнефтеком-

бината». В нем намечалось ее увеличение с 662 тыс. тонн в 1942 г. до 1 млн тонн в 1943 г. ГКО обязывал пробурить за год 282 скважины, в том числе за первые восемь месяцев 1943 г. следовало сдать в эксплуатацию 139 из них. Фактически было введено вдвое меньше — 70, но все равно для того времени это довольно много.

В Волго-Уральском районе, несмотря на отсутствие сколько-нибудь заметных положительных результатов, и в 1943 г. продолжалась масштабная нефтеразведка. Удельный вес разведочного бурения оставался значительно более высоким, чем до войны. Руководство отрасли и страны не поддалось искушению бросить все станки на эксплуатационное бурение малопродуктивных скважин. И вот настало время больших открытий. Увенчался успехом поиск нефти в Татарии. 25 июля 1943 г. Шугуровская скважина № 1 обнаружила «черное золото» в среднем карбоне, на глубине 600–650 метров. Это была первая промышленная нефть Татарии. Некоторые геологи предлагали переориентировать все исследования на средний карбон, причем работу вести преимущественно в районе Шугурово. Профессор Г. И. Миронов был против такого подхода, он настаивал на том, что углеводородное сырье надо искать и в более глубоких слоях и на других перспективных территориях. В сентябре 1943 г. под Ишимбаем, в Башкирии, около деревни Кинзебулатово, разведочная скважина дала мощный фонтан нефти с суточным дебитом в 200 тонн. Это было четвертое нефтяное месторождение Башкирии. 8 июня 1944 г. в Куйбышевской области с глубины 1600 метров ударил мощный фонтан девонской нефти с дебитом 485 тонн в сутки. За все время эксплуатации «сорок первая» дала около 300 тыс. тонн сырья. Следующее открытие было вновь сделано в Башкирии. 25 сентября 1944 г. в районе Туймазы с глубины 1680–1686 метров был получен фонтан нефти. Через несколько недель одна скважина давала сырья больше, чем все ранее пробуренные на данной площади. К сентябрю 1945 г., то есть за один год, суточная добыча на Туймазинских нефтепромыслах возросла более чем в 12 раз. В Татарии на карте появилось Бавлинское месторождение (на самом юго-востоке республики), но не в девоне, а в нижнем карбоне. Время девонской нефти Татарии пришло чуть позже.

Всего в Волго-Уральском районе в 1945 г. было получено 2818,2 тыс. тонн нефти — в 1,5 раза больше, чем в 1940 г. В целом же по стране добыча за этот период заметно упала — с 31 121 тыс. до 19 436 тыс. тонн.

В Волго-Уральском районе стали работать нефтеперерабатывающие установки, эвакуированные туда в первые годы войны. В регионе развивалась отраслевая наука, были созданы новые методы переработки и очистки сырья. Как известно, башкирская нефть относится к высокосернистым. Во время войны группа ученых во главе с Н. М. Караваевым, работавшая на Уфимском НПЗ, предложила технологию, снижающую содержание сернистых соединений с 3 до 0,3%, что позволило изготавливать из башкирского сырья высококачественное авиатопливо.

В годы войны США поставляли оборудование для четырех строившихся в СССР нефтеперерабатывающих заводов — в Гурьеве, Орске, Куйбышеве и Красноводске. Первым был пущен в сентябре 1945 г. НПЗ в Куйбышеве. Главное, был дан мощный импульс развитию отрасли, благодаря которому уже через несколько лет регион вышел на первое место в СССР сначала по нефтедобыче, а потом и по нефтепереработке, стал одним из ведущих центров производства нефтяного оборудования.

Кузбасс в годы войны стал основной базой энергетических и коксующихся углей. Добыча угля здесь в 1943 г. достигла почти 25 млн тонн — более четверти общесоюзной, в том числе коксующихся углей — 9,5 млн тонн. В два раза, по сравнению с довоенной, возросла добыча угля в угольных бассейнах Урала — Кизеловском, Корпинском, Копейском. Все более важное значение приобретал Карагандинский бассейн в Казахстане, где в 1943 г. добыча угля составила уже 9,7 млн тонн. В освобожденном в конце 1941 г. Подмосковном бассейне добыча угля в 1943 г. достигла 14,7 млн тонн, в 1,7 раза превысив его выпуск 1942 г. Во второй половине Великой Отечественной войны в общесоюзной добыче угля важную роль снова стал играть освобожденный Донбасс — уже в 1944 г. на его шахтах было добыто 21 млн тонн угля.

Работницы проверяют качество изготовленных снарядов

В цеху по изготовлению снарядов для Красной армии

Женщины и дети работают на восстановлении разрушенной железнодорожной станции

Солдаты помогают в уборке сена

С началом войны угольная промышленность Ростовской области оказалась в сложном положении. Из-за сокращения численности горняков уже в первые дни войны приходилось не только снижать объем добычи угля, но и вообще прекращать ее. В конце сентября 1941 г. Совет по эвакуации принял решение об эвакуации предприятий и шахт Дона. В соответствии с этим решением на восток страны было вывезено основное оборудование, на шахтах произведены обвалы стволов, разрушены водоотливные и воздушные каналы, затоплены выработки. Все делалось для того, чтобы враг не мог быстро восстановить шахты и использовать их в своих целях. Восстановление угольной промышленности Ростовской области началось с первых дней освобождения шахтерских городков от оккупации. Вновь, как и в начале войны, на шахты шли женщины. К концу 1943 г. на шахтах области работали уже 15 тыс. женщин. Трудились они как на восстановлении шахт, так и на эксплуатационных участках. В 1945 г. доля их в общей численности трудящихся на угольных предприятиях достигала 41,5% и превышала довоенную в два раза[88].

Остановимся несколько подробнее на проблеме урана. Первенцем этой принципиально новой отрасли горнорудного производства в нашей стране был небольшой радиево-урановый рудник Тюя-Муйюн в Южной Киргизии. Именно отсюда были получены первые его граммы, использовавшиеся в медицине. В годы первых пятилеток в Средней Азии был выявлен и разведывался еще ряд урановых месторождений.

В предвоенные годы немецкими учеными был открыт процесс самораспада урановых ядер. В Советском Союзе также проводились интенсивные исследования в этом направлении. В целях выявления возможной сырьевой базы урановой отрасли была создана так называемая урановая тройка в составе академиков В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана и В. Г. Хлопина (химик). Ими оперативно была проведена ревизия всех проявлений радиоактивности, выявленных в разных районах страны, а также месторождений урана, разведанных в Средней Азии, главным образом в пределах Ферганской долины. Последние и стали основной базой для организации крупномасштабной добычи урана, производившейся созданным здесь Комбинатом № 6. Первая его продукция пошла на загрузку опытных ядерных реакторов, сконструированных в Москве.

Поисковые работы на уран с началом войны, к сожалению, были прекращены, как «не дающие быстрой отдачи». Возобновлены они были в широких масштабах после издания в 1941 г. постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о необходимости создания ядерного оружия. Руководителем «уранового проекта» стал И. В. Курчатов. Поисками урана занимались все полевые партии Геолкома, а затем к ним присоединились и геологоразведочные организации отраслевых наркоматов[89]. Кроме целенаправленных поисков урана, велись и так называемые попутные поиски — массовые замеры радиоактивности выходов всех горных пород, всего поднимаемого керна, всех водных источников. И сразу же начали появляться результаты. Выявленные рудопроявления оперативно разведывались и в случае наличия кондиционных руд немедленно передавались в промышленное освоение. В особо крупных масштабах такие работы были развернуты в послевоенные годы. Итог — многие десятки выявленных месторождений, причем зачастую принципиально новых геолого-промышленных типов. Работы на уран были сразу же строго засекречены, запрещалось даже упоминать это сакраментальное слово. Позже секретность распространилась и на другие виды полезных ископаемых, в первую очередь на благородные, редкие и цветные металлы.

Таким образом, и в области эффективного использования минерально-сырьевой базы всех отраслей народного хозяйства Советский Союз опередил фашистскую Германию и ее союзников. В кратчайший срок были выявлены и поставлены на службу грядущей победе важнейшие дополнительные сырьевые источники и топливно-энергетические ресурсы, особенно в восточных районах страны. На базе вновь открытых месторождений закладывались новые шахты и рудники, создавались крупнейшие предприятия тяжелой промышленности и энергетики. Все это позволило нашей стране практически один на один, без существенной помощи союзников обеспечить военную экономику и вооруженные силы необходимыми сырьем, топливом и энергией.

Истоки народного подвига

Вопрос об истоках и закономерностях победы Советского Союза над нацистской Германией и ее союзниками — один из главных и трудных в историографии войны. Ответы на него содержатся в исторической литературе послевоенных десятилетий. Однако эта литература по своей сути и направленности неоднородна. Так, в официальных документах, коллективных трудах, монографиях и диссертациях, брошюрах и статьях на эту тему, увидевших свет преимущественно до 1980-е гг., содержится немало глубоких и верных суждений, не утративших своего значения и в наше время. Вместе с тем при чтении этих работ создается впечатление, что многие мысли, факты, даже фразы — о советском патриотизме, незыблемой дружбе народов, руководящей роли партии, превосходстве социалистической экономики, прочности советского общественного строя — перекочевывали из одних статей, книг, учебников, диссертаций в другие. При этом постепенно ослабевали критический анализ, научная доказательность, аргументация, и как следствие, снижались авторитет таких трудов и их эмоциональное воздействие на читателя.

Во второй половине 1980-х гг. картина стала меняться. Получили распространение взгляды, противоположные привычным. В моду входили односторонне тенденциозный подбор фактов, главным образом о военных неудачах и поражениях, сомнительные подсчеты людских потерь, обращение позитивного в негативное, настойчивые попытки принизить значение победы над фашизмом, умалить ее величие. Стало популярным ставить на одну доску агрессора и его жертву, затушевывая тем самым освободительный, антифашистский характер Великой Отечественной войны. Часто анализ событий войны с усердием, достойным лучшего применения, подменялся критикой пороков советской системы и характера народа, одержавшего Великую Победу. Тем самым игнорировалась необходимость дать верные ответы на ключевые вопросы: почему вражеские войска смогли дойти до Москвы и Волги, почему Советский Союз сумел выстоять и взять верх над сильным, коварным противником.

Конъюнктурное освещение истории Великой Отечественной войны, обусловленное как идеологическим влиянием, так и профессиональной неподготовленностью и нравственной неустойчивостью части исследователей, нанесло ощутимый вред ее объективной разработке. Нас не могут удовлетворить неполные, а подчас и неточные ответы, содержащиеся в трудах первых сорока послевоенных лет, на многие вопросы. Но столь же антинаучна и вредна распространившаяся в конце прошлого и начале нынешнего столетия в средствах массовой информации тенденциозная, дилетантская критика военных усилий СССР. Изменившиеся социально-политические, экономические, геостратегические и другие условия требуют не ортодоксальных взглядов, а рационально взвешенного, беспристрастного подхода к изучению означенной важной темы.

Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов. Они не одинаковы по своему характеру и значению, поэтому недопустимы переоценка одних, недооценка или игнорирование других. Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, ее огромные материальные и людские ресурсы, помощь союзников, просчеты противника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды. На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР. М. М. Пришвин 5 июля 1941 г. записал в своем дневнике: «Весь народ поднялся»[90]. Чем же был вызван такой взрыв патриотизма советских людей?

Вопрос этот сегодня чрезвычайно запутан. Прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали «советскую социалистическую Родину», «идеалы социализма», в результате распада СССР, изменений в общественном строе России и других бывших советских республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано. Несомненно, что поставленный вопрос требует всестороннего рассмотрения.

Патриотизм — это любовь человека к Родине, его способность в горе и радости быть вместе со своим народом. В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания чувство патриотизма достигло своего наивысшего накала. Стремление отстоять независимость страны, родную землю, свой очаг было неукротимым. И это не случайно, ибо патриотизм нашего народа имеет глубокие исторические корни, обладает устойчивой социальной природой и опирается на прочные традиции. Советские люди ощутили огромную опасность, которую нес германский фашизм, развязавший 22 июня 1941 г. неспровоцированную, несправедливую войну.

Фашизм угрожал многим государствам и народам. Но степень нависшей опасности была отнюдь не одинакова. Для таких государств, как Великобритания, Франция, США, поражение во Второй мировой войне означало бы коренное изменение соотношения сил в мире, перекройку геополитической карты, потерю части собственной территории, колоний, зон влияния, источников сырья и рынков сбыта. Иными словами, для крупных западных держав речь шла о национальном и геополитическом поражении. Однако их социально-политическое устройство и демографическое состояние, как свидетельствует опыт оккупированных агрессором стран Европы и Азии, остались бы прежними.

Иное дело Советский Союз. Для его народов поражение в войне могло стать не только национально-государственной, но и социальной катастрофой. Оно привело бы к отторжению значительных территорий и раздроблению СССР, превращению ряда регионов в колонизационное поле с насильственной германизацией одной части населения и переводом другой его части в разряд неполноценных людей. При этом не только в ходе завоевательного похода вермахта, но и в процессе реализации замыслов, рассчитанных на длительный срок, предусматривалось целенаправленное уничтожение населения до желательного для захватчиков уровня. Речь шла о судьбе Советского Союза, о том, быть нашему Отечеству или погибнуть. Вероятно, какие-то территории СССР сохранили бы видимость независимости. Но во всех случаях неизбежным было уничтожение социально-экономических основ и политических порядков, существовавших перед войной. Советские люди поняли это уже в самом начале войны. И тогда стало ясно, что большая, единая Родина — не только сумма «малых территорий». Осознание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей различного социального происхождения и положения, все нации и народности Советского Союза: русских и казахов, украинцев и грузин, белорусов и узбеков.

Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социалистического строя с его принципом социальной справедливости. Они получили право на труд, бесплатное образование и здравоохранение, отдых и доступ к достижениям науки и культуры. Подобной ситуации не было и не могло быть ни в одной стране Запада, подвергшейся нацистской агрессии. Подтверждением тому является пример Франции, которая оказывала сопротивление агрессорам всего 40 дней, поскольку политическое руководство страны и народ не стали единой силой, противостоящей фашистской Германии.

В Советском Союзе, напротив, доминанта общественного настроя, общественного мнения, общественного сознания военных лет представляется несомненной: война против оккупантов справедлива, поэтому необходимо приложить все силы для достижения победы. Аргументация здесь легка и в то же время затруднительна. Сам по себе этот настрой был настолько очевидным, что не требовал каких-либо подтверждений. Отсюда и сложность: убеждать, что сопротивление врагу являлось всенародным, долгое время считалось равносильным тому, что говорить, будто белое есть белое, а черное — черное. Аксиома не нуждается в доводах, однако надо обосновать, что мы имеем дело именно с аксиомой. Но установить ту истину, что большинство народа осознавало необходимость сосредоточения всех сил для разгрома врага, вряд ли можно путем каких бы то ни было социологических опросов. Об этом свидетельствует только поведение людей, в котором и проявляется массовое сознание. Безусловно, в нем преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя как уникального тогда в мире жизнеустройства разделялась большинством

населения. Однако неправомерно замалчивать тот факт, как это зачастую делалось ранее, что имело место и иное отношение к войне, которое выражалось по-разному. Например, на оккупированной территории антисоветские и пронемецкие настроения нередко выливались в пособничество и сотрудничество с врагом. На всей основной территории страны они не могли, естественно, проявляться открыто, ибо их носители карались бы по законам военного времени. Были и такие среди советских людей, которые открыто не выступали против участия в освободительной войне, но вместе с тем всячески стремились отсидеться в тылу, уклонялись от фронта, а если вопреки своей воле одевали военную форму, то при удобном случае дезертировали. Поражения своей стране и победы А. Гитлера желали разного рода националистические элементы, выходцы из господствовавших в дореволюционное время классов и социальных групп, противники советского строя (их называли «пораженцами», хотя этот термин и не получил распространения). Не стоит забывать, что война началась, когда не прошло еще и четверти века со времени революции и Гражданской войны и страна пережила потрясение от необоснованных репрессий. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что накануне гитлеровского нашествия в СССР вошли три Прибалтийские республики, Бессарабия, западные территории Белоруссии и Украины. Определенная часть их населения была настроена против советской власти.

Подобным настроениям в известной мере способствовали раскулачивание и выселение отдельных категорий сельских жителей в северные и восточные районы, связанная с арестами обстановка подозрительности и страха. Эти явления, а также определенные изъяны советского строя породили у части населения своеобразную раздвоенность сознания, о чем писал в конце своей жизни К. М. Симонов: «...тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом, только ступи шаг в сторону, другое время, страшное и с каждым днем все более необъяснимое»[91]. Эту сторону истории государства и народа невозможно замолчать или забыть. Но в военную пору люди сплотились во имя обороны Отечества, защиты ценностей, подавляющему большинству понятных и близких.

Социально-политический строй воспринимался гражданами как законный и естественный. Юридически он закреплялся принятой конституцией и всеобщими выборами в Верховный Совет СССР, в республиканские и местные советы. Люди были уверены в прочности государства и убеждены в правильности поставленных партией и правительством ближайших и перспективных целей. Преобладающая часть населения считала политическое устройство страны и условия жизни, несмотря на многие очевидные недостатки, справедливыми, одобряла принципы и тенденции социального развития. В этом убеждало вошедшее в быт бесплатное образование и медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье и прочее. Очевиден был и рост международного авторитета СССР[92].

Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни объяснялся без особого труда: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов, преобразовал страну, создал современную индустрию. Нарастающая угроза войны обусловила проведение широкомасштабных мер по укреплению обороноспособности государства. Все это требовало неимоверных усилий и затрат, направленных в конечном счете на достижение светлой цели — построение социализма, создание общества социальной справедливости.

Гражданам импонировало, что во всех звеньях государственного, партийного, хозяйственного, военного аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди»: стать профессорами и доцентами, артистами и писателями, офицерами и генералами, инженерами и руководителями предприятий, советскими и партийными деятелями. Положительно воспринималось и отсутствие явной безработицы, всемерно демонстрировавшееся уважение к людям труда, их производственным достиже-

ниям, не говоря уже о почете, которым окружали ударников и стахановцев. Таким образом, поддержка народом советского строя имела достаточно определенную идеологическую и социально-экономическую базу.

На протяжении почти двух десятилетий основой воспитания советских людей были идеи марксизма-ленинизма. Лейтмотивом в системе образования, работе общественных организаций, средств массовой информации была неизбежность победы социализма во всем мире, подчеркивалось, что СССР является оплотом трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров. Это глубоко проникло в сознание масс, и готовность выступить в защиту угнетенных народов была достаточно велика. Идеи освобождения, установления равенства и братства людей труда упали на благодатную почву: вера в историческую миссию России, призванной приносить благо другим народам, была традиционно сильной. Со второй половины 1930-х гг. главным в идеологической работе стала пропаганда понятия Родины как Отечества, объединяющего граждан страны. Ядром Родины была Русь, сплотившая, что потом, в годы войны отразилось в гимне, все народы в нерушимый союз. Всемерно культивировалась мысль об их исконной дружбе, необходимости совместной борьбы против иноземных захватчиков. Обращение к этим идеям, историческому опыту защиты Отечества не было случайным. Готовность советского народа отстоять свое прошлое и будущее была неразрывно связана с тысячелетней историей России, евразийскими особенностями ее культуры, формировавшейся в условиях постоянной борьбы с врагами на западе, востоке и юге.

Таким образом, в основе любви к Родине советских людей лежало не высокомерие и презрение к другим народам, а стремление к дружбе, равноправию, уважительности, желание помочь им встать на путь национального раскрепощения. Об этом говорилось в одном популярном стихотворении, написанном в 1939 г.:

Мы шагнули от наших границ
Не для того, чтоб нас боялись,
Не для того, чтоб падали ниц,
А во весь рост выпрямлялись.

Возможность и эффективность сочетания национальных и интернациональных интересов убедительно показали испанские события 1936—1939 гг. СССР помогал республиканской Испании бороться против итало-германской агрессии, укрепляя тем самым собственную безопасность. Но одновременно эта поддержка порождала надежды на социалистические преобразования на Пиренеях. И события в районе Халхин-Гола, и воссоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии с советскими республиками, и вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР воспринимались как решение двуединой задачи: укрепление СССР и освобождение трудящихся от капиталистического гнета.

Во время войны идея защиты Советского Союза приобрела большое значение. Она ассоциировалась и с освобождением оккупированных территорий СССР, а также народов Европы от фашистского ига, и с решающей ролью Советского Союза в спасении человечества. Победа СССР, рост его авторитета на мировой арене подчеркивали величие и мощь Советского государства. Этому способствовало и то обстоятельство, что к концу войны антифашистское движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы стало приобретать народно-демократический, социалистический характер.

Чаще всего встречающееся суждение о том, что советский народ защищал свое Отечество, Россию от чужеземного вторжения, правильно, но неполно. Это стремление свойственно всем народам. Но в СССР исторически сложилось так, что патриотизм отдельных народов стал неотделим от признания русских «старшим братом» и «чувства семьи единой». Каждый народ, спасая себя от порабощения, вместе с другими народами защищал единую Родину — Советский Союз, в составе которого узбеки и казахи, татары и чуваши, многие другие народы обрели свою государственность, создали свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и прочее.

В далеком тылу остались только женщины

Женщины, дети и старики роют окопы и противотанковые рвы

Во всех союзных республиках, подвергшихся оккупации, шла активная борьба против захватчиков. Регионы, расположенные в глубоком тылу, приняли эвакуированные предприятия. В составе «трудовой армии» находились граждане Средней Азии и Казахстана, которые были призваны через военкоматы, но по разным причинам не направлены на фронт. Они работали на стройках и промышленных предприятиях Урала и Сибири. В самую тяжелую пору войны были созданы национальные воинские формирования. Первое из них — 201-я латышская стрелковая дивизия, которая вступила в бой под Москвой в декабре 1941 г. 13 ноября ГКО принял решение о создании национальных воинских частей и соединений в республиках Средней Азии, Казахстане, Башкирии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Чечено-Ингушетии[93]. И бойцы национальных формирований, и воины разных национальностей, сражавшиеся в частях Красной армии, внесли свой вклад в разгром врага.

В конце войны депортации калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и некоторых других народов ослабили доверие к национальной политике руководства страны. Однако нельзя забывать, что депортации осуществлялись под флагом возмездия за пособничество оккупантам. На волне тогдашней всеобщей ненависти к фашистским захватчикам в определенной мере удалось самортизировать негативное воздействие этих противоправных и аморальных действий. Отметим, что подобного рода меры были обусловлены спецификой военного времени: они широко применялись и в других государствах, в частности США и Великобритании, где, как известно, не было ни И. В. Сталина, ни Л. П. Берии.

О характере и направлении формирования общественного сознания в СССР в годы войны, развитии идей и чувств патриотизма можно судить по докладам, сделанным И. В. Сталиным в это суровое время. Являясь своего рода идеологическими ориентирами, они в то же время в концентрированном виде отражали настроения большинства народа. 3 июля 1941 г. в своей первой после начала войны речи, произнесенной перед народом страны, он подчеркивал мысль об угрозе нашему социально-политическому строю: враг «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности... свободных народов Советского Союза»[94]. 6 ноября 1941 г. он говорил о силе и прочности советского строя, о «нашем социалистическом государстве»[95]. И. В. Сталин охарактеризовал царский режим как реакционный, при котором попирались права рабочих, интеллигенции, а также нерусских народов, устраивались «средневековые еврейские погромы»[96]. Национал-социалистическая партия Германии была названа партией «империалистов», притом наиболее хищных. Аналогично были названы нацисты в докладе 1 мая 1942 г.[97] И в дальнейшем оценка сущности гитлеризма давалась в таком же духе. Положения о советском строе, его достижениях постоянно проходили через сталинские материалы в течение всей войны[98]. Пожалуй, к концу ее им даже стало уделяться больше внимания. В ноябре 1944 г. И. В. Сталин отмечал: «Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу».

В социально-политическом контексте следует рассматривать и многочисленные высказывания И. В. Сталина о дружбе народов, рожденной социалистическим строем. «В советском патриотизме, — указывал он, — гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза»[100]. В его выступлениях неизменно упоминалось имя Ленина, подчеркивалась роль коммунистической партии в сплочении всех наций и народностей, населяющих огромную территорию СССР[101].

В самый критический момент войны, осенью 1941 г., появился тезис об особой роли русского народа. 6 и 7 ноября в выступлении на торжественном собрании и в речи на параде И. В. Сталин говорил о великой русской нации, «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова». Напомнив о «мужественном образе наших великих предков», он назвал имена и выдающихся русских полководцев — А. В. Суворова и М. И. Кутузова[102]. Ведущей, особой роли русского народа придавалось в ходе войны все большее значение.

Она неизменно подчеркивалась в многоплановой пропаганде. Особенно отчетливо об этом было сказано в выступлении И. В. Сталина на приеме в честь командующих войсками 24 мая 1945 г. Понятие «старший брат» в годы войны воспринималось как само собой разумеющееся. Решающий вклад русского народа в достижение победы был налицо. К тому же первым заговорил о «старшем брате» не русский, а грузин.

В ходе войны все большее отражение в официальных материалах получала идея освобождения народов от нацизма. Высказанная вначале как одна из главных целей Отечественной войны, эта идея по мере приближения войск Красной армии к границам СССР и вступления их в пределы восточноевропейских стран наполнялась конкретным содержанием.

Отметим также, что пропаганда уделяла постоянное внимание единению славянских народов. Это было особенно важно потому, что большинство славянских стран оказалось под пятой нацистов. Исключение составляли Болгария и Словакия, но в Словакии в 1944 г. вспыхнули широкие антифашистские восстания, а в Болгарии значительное партизанское движение в сентябре 1944 г. облегчило бескровное вступление Красной армии на ее территорию.

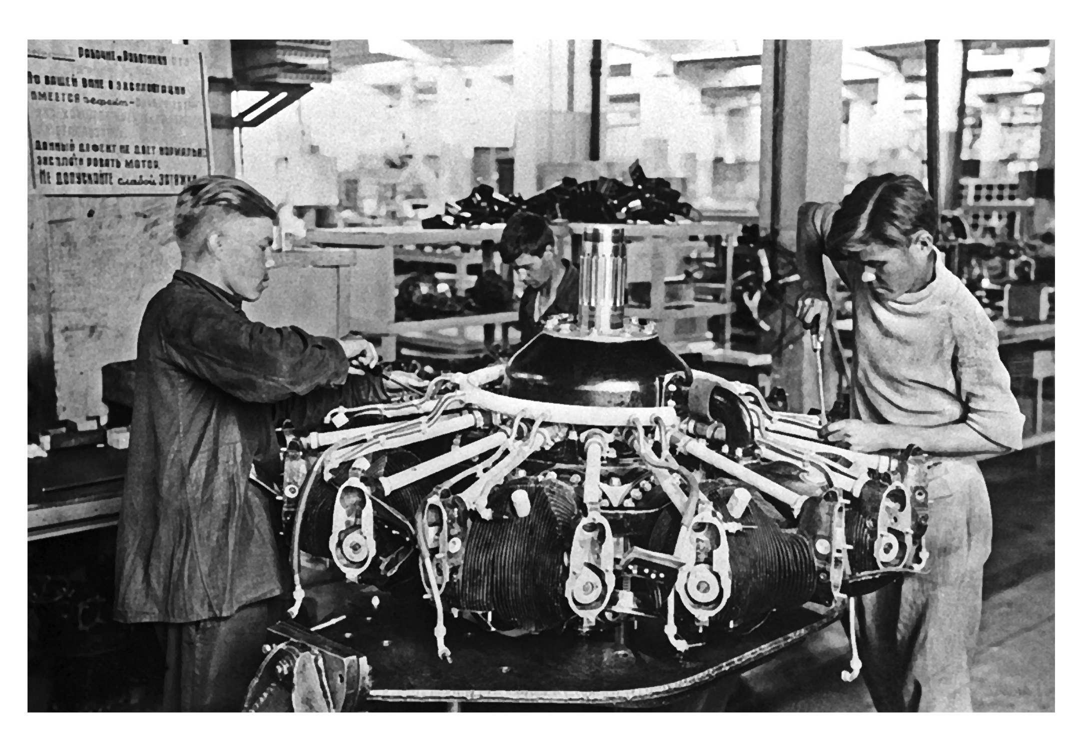
Патриотическому настрою среди верующих способствовали положительные изменения во взаимоотношениях государства и Церкви, поддержка Русской православной церковью и духовенством других конфессий справедливых целей войны, что к тому же придавало ей «респектабельность» за рубежом[103]. Служители мусульманской, иудейской конфессий вместе с православными поддерживали дух верующих, внушали уверенность в победе, собирали пожертвования в помощь фронту.

Таким образом, все народы СССР, практически все слои населения страны воспринимали войну против Третьего рейха как справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено отчетливым пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым ее гражданином. То, что в тылу было немало обывателей, и в грозное время заинтересованных лишь в собственных выгодах, а также коллаборационистов на оккупированных территориях, не меняло всенародного характера войны против нацистской Германии. И это сплочение обеспечило победу СССР. «Никогда еще 180 млн жителей, — писал французский военный историк Р. Гудима, — населяющих 22 млн кв. км советской территории, не были столь тесно связаны общей судьбой. Никогда еще представители различных профессий не были так крепко спаяны, как в эту войну. Рабочий на заводе, крестьянин в поле, выдающийся писатель и художник, артист армейского театра, священник, стоящий во главе партизан, все, мужчины и женщины, как в тылу, так и на фронте и даже за линией фронта, — все работали для победы»[104]. Трудно не согласиться с мнением зарубежного историка.

Главным в настроении советского общества в годы войны было желание отдать все силы для разгрома оккупантов. Не вызывало сомнения, что фашизм — это расизм, который несет народам СССР порабощение. Стремясь к мировому господству, он угрожает уничтожением самой цивилизации. В газетах, по радио приводилась масса фактов зверства нацистов. Идеологическая работа партии была направлена на воспитание у воинов и трудящихся ненависти к фашизму и его носителям. Борис Горбатов написал статью в форме письма к товарищу. Под названием «О жизни и смерти» она была опубликована в «Правде» 17 ноября 1941 г. В ней есть такие примечательные слова: «Нет в моем сердце сейчас ни страха, ни смятения, ни жалости к врагу — только ненависть». В укреплении чувства ненависти к нацистам в годы войны существенную роль сыграл ряд обстоятельств. Бесспорно, главное из них то, что войну против СССР начала Германия, войска которой вероломно вторглись на его территорию. Этот факт народ никогда не ставил под сомнение. Враг напал, враг уничтожает все живое и неживое, рвется все дальше и дальше, страну надо защищать, спасать. Вспомним 1812 год. Тогда по мере отступления русских «дух озлобленности против врага», как писал Л. Н. Толстой, все более и более охватывал людей[105]. Так и по мере отступления Красной армии чувство ненависти к интервентам непрестанно усиливалось. Чем дальше продвигались войска вермахта, тем глубже осознавалась смертельная угроза для страны и сильнее становилось сопротивление врагу.

Комсомольцы отвечали на заказы фронта все возрастающим трудовым подъемом

Сутками не выходя из цеха, трудились молодые патриоты

Пока отцы воюют, дети заняли их место у станков

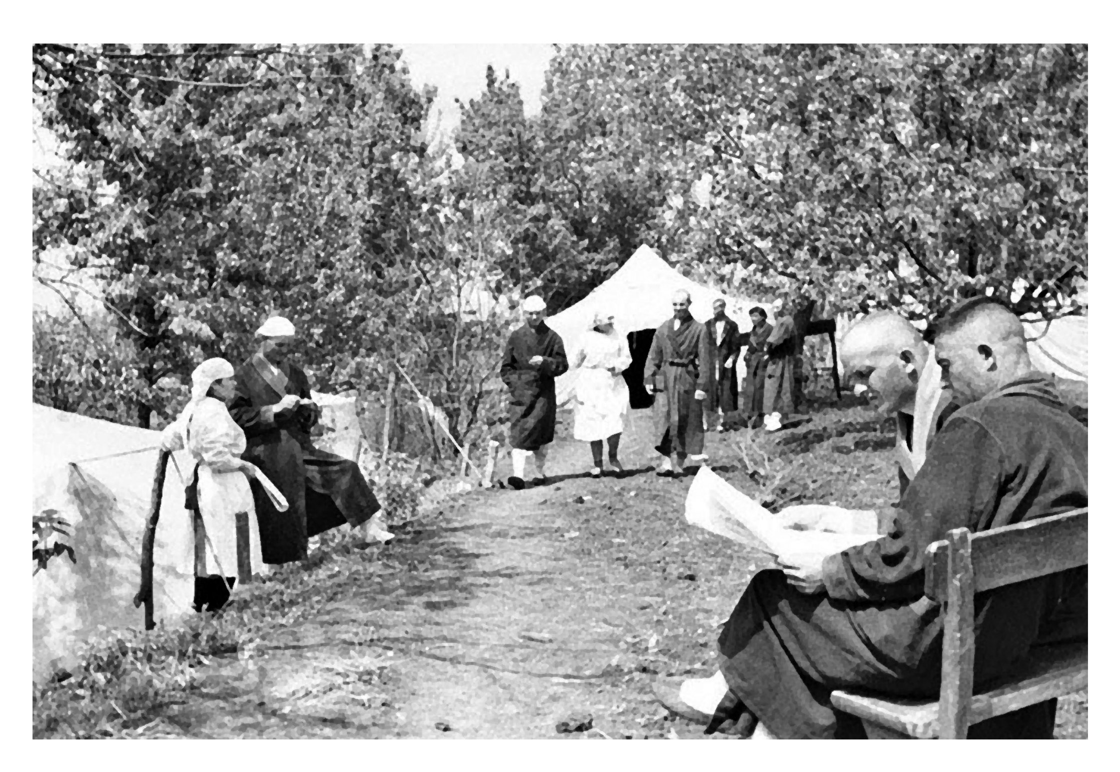
Врачи проводят операцию рядом с линией фронта

Мирные жители роют противотанковые рвы

Возрождающаяся жизнь

Полевой госпиталь

Сбор грибов для нужд фронта

Женщины и девушки ухаживают за ранеными в госпиталях

До войны с СССР Германию знали как страну, давшую миру И. Гёте, Ф. Шиллера, Г. Гейне, К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Вагнера, А. Эйнштейна, К. Либкнехта, К. Цеткин, Э. Тельмана, других выдающихся поэтов, композиторов, ученых, революционеров. Но советские люди плохо знали ту Германию, в которой была установлена нацистская диктатура. В предвоенное время мало издавалось антифашистской литературы и снималось соответствующих фильмов. Антигитлеровская пропаганда не носила достаточно эффективного характера, а после подписания Пакта о ненападении в августе 1939 г. она практически прекратилась.

Сильное воздействие на психологию, умонастроение людей оказала практика осуществления грабительских планов германских правителей. Уже вскоре после начала войны население воочию убедилось в жестокости и беспощадности оккупантов. Основным средством насаждения «нового порядка» они избрали массовый, ничем не ограниченный террор. Какое-либо разбирательство их преступлений, тем более судебное, отсутствовало. Военный комендант, чиновник, эсэсовец или гестаповец, офицер или солдат был и «законодателем», и «судьей». Вся захваченная территория была покрыта сетью концлагерей, тюрем и гетто. Граждане СССР, оказавшиеся в фашистской неволе, использовались на самых тяжелых работах, а содержались, как рабочий скот. Советские воины видели сожженные деревни Полесья, Полтавщины, Смоленщины, Брянщины, Подмосковья, места расстрелов мирных жителей, виселицы с повешенными партизанами, оскверненную Ясную Поляну и прочее. Непосредственность восприятия усиливала эмоциональный настрой.

Безусловно, гитлеровцы обращались с местным населением России, Белоруссии, Украины, Молдавии куда более жестоко, чем, например, с чехами или французами. Но и там безжалостность врага породила неутихающий гнев. Лидице в Чехии, где в 1942 г. были расстреляны все мужчины поселка, Орадур-Сюр-Глан во Франции, где в июле 1944 г. эсэсовцы уничтожили 642 мирных жителя, стали символами жестокости. Англичане не подверглись оккупации, но и они пострадали от воздушных налетов, а к концу войны — от ударов ракет ФАУ-1 и ФАУ-2. В СССР были сожжены тысячи деревень, уничтожены миллионы мирных граждан, подверглись бомбардировке сотни больших и малых городов. С советскими пленными немцы обращались куда безжалостнее, чем с гражданами других государств. Волна ненависти к врагу нарастала с каждым днем. Это чувство усиливала целенаправленная агитационно-пропагандистская работа партийных комитетов и организаций, органов советской власти, комсомола, профсоюзов.

Лозунг «Смерть немецким оккупантам!» как повседневный газетный девиз пришел на смену лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Во многих центральных газетах были введены рубрики: «Проклятие и смерть немецким палачам», «Ненависть к врагу», «Не забудем, не простим», «Мы отомстим»[106]. В «Правде», «Известиях», «Красной звезде», в местных и фронтовых газетах помещались подборки писем жертв и очевидцев из оккупированных районов. В печати появилось много сообщений о варварских разрушениях городов, поселков, деревень. Известный украинский писатель П. Тычина писал на страницах «Правды»: «Никогда не утихнет во мне чувство ненависти к фашистским захватчикам, сжегшим мое село Пески»[107].

В разоблачении агрессоров существенную роль сыграла Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию фашистских преступлений на территории СССР, созданная в 1942 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР. В ее состав вошли видные общественные деятели, ученые, писатели. Комиссию возглавлял председатель ВЦСПС Н. М. Шверник. Для содействия Чрезвычайной комиссии создавались соответствующие комиссии на местах. Для определения ущерба, причиненного оккупантами, были привлечены 7 млн человек: рабочие, колхозники, служащие. Акты о злодеяниях составлялись также в воинских частях и партизанских отрядах. Было подготовлено около 4 млн подобных документов[108]. Чрезвычайная государственная комиссия опубликовала сотни сообщений о бесчинствах гитлеровцев в различных районах страны. Материалы были широко обнародованы благодаря работникам музеев, организации передвижных выставок, проведению лекций и бесед.

На настроение воинов и всех советских людей большое влияние оказывала наглядная агитация. Многие художники участвовали в оформлении «Окон ТАСС», рисовали антифашистские плакаты, иллюстрировали лозунги. Один из самых известных плакатов военного времени, созданный художником В. Б. Корецким, изображал женщину с ребенком, к которым тянется окровавленный штык со свастикой. Слова плаката буквально обжигали: «Воин Красной армии, спаси!».

В результате небывалой масштабной пропагандистской работы возрастала ненависть уже не столько ко всему фашистскому, сколько к немецкому как таковому. Слова И. В. Сталина в февральском приказе 1942 г. о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»[109], не изменили направленности идеологической работы. Германия стала изображаться как исконный враг России, всегда стремившийся поработить русских. Доказывалось также вековое превосходство русских над немцами: «русские прусских всегда бивали», «что русскому здорово, то немцу смерть». Широчайшее распространение на фронте и в тылу получила презрительная кличка «фрицы». Эта концентрация негатива в отношении беспощадного врага была неизбежной, ибо требовалось, чтобы каждый всем своим существом осознал: борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Практически в течение всей войны тема ненависти к врагу, обобщенно обозначенному в народном сознании как «немецко-фашистские оккупанты», призыв к мести за совершенные захватчиками злодеяния были, несомненно, доминирующими. Поэты и прозаики в своих произведениях призывали убивать врага. К. М. Симонов писал в 1942 г.:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его поскорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей![110]

Ему в 1943 г. как бы вторил М. А. Светлов:

Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей![111]

Мысль о том, что стрелять во вломившегося в твой дом врага — это высшая справедливость, стала главной. Об этом писали Л. М. Леонов в «Нашествии», М. А. Шолохов в «Науке ненависти», В. С. Гроссман в очерке «Народ бессмертен», И. Г. Эренбург в своих многочисленных публицистических работах.

По мере освобождения советских территорий «горючего материала» все прибавлялось. А когда войска Красной армии перенесли боевые действия за пределы СССР, на польской и других землях были обнаружены чудовищные свидетельства зверств нацистов — гигантские фабрики смерти в Освенциме, Майданеке, Треблинке и других местах.

К концу войны ненависть к Германии, к немцам достигла своего апогея. В условиях, когда Красная армия вступила в пределы Германии, такой накал мог иметь непредсказуемые последствия, порождая массовые расправы. К тому же надо было думать и о налаживании послевоенного сотрудничества с немцами. Ситуация, таким образом, резко изменилась. Потребовалось сделать новый поворот в идеологической деятельности и политике. В то время начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров выступил с критикой статей И. Г. Эренбурга за их резкий «антинемецкий характер», за то, что немцы изображались автором как «единая колоссальная шайка»[112]. В какой-то мере корректировка пропагандистской направленности помогла тогда несколько исправить положение, хотя разного рода эксцессов происходило немало. Как считают современные историки ФРГ, «не может быть неожиданным то обстоятельство, что немецкое население в последние месяцы войны подверглось эксцессивным актам мести. Имели место грабежи, поджоги, а также немало убийств и изнасилований. Правда, советское руководство вскоре попыталось пресечь

бесчинства, но соответствующие приказы выполнялись... по-разному... Оккупационные власти в то же время обеспечивали население необходимым продовольствием, устраняли нанесенный войной ущерб, помогали переходу к самоуправлению, развитию культурной жизни»[113].

Чувство ненависти советских людей к поверженному врагу в массовом плане было обращено против фашистского руководства и различных звеньев нацистской системы. Оно не ослепило солдат, не превратило их в грабителей и разорителей. Оно не лишило их высоких нравственных качеств, а, напротив, обострило черты гуманизма. Красная армия, освободив свою Родину, вступила на территорию других государств, в том числе и Германии, в силу военной необходимости, а не как агрессор. Имевшие место случаи несправедливого отношения отдельных солдат и офицеров Красной армии к мирным жителям не могут опровергнуть того исторического факта, что армия-победительница была великодушна и добра к гражданам освобожденных от фашизма стран, включая и поверженный Третий рейх.

Чувство ненависти к противнику во время войны являлось важным военным фактором на всех уровнях — от тактического до стратегического. Оно придавало воинам Красной армии, от рядового до полководца, дополнительные силы, столь необходимые в тяжелом ратном труде как в обороне, так и в наступлении, стало одной из предпосылок, определивших сначала изменение хода войны, а затем и разгром агрессора.

Сражающаяся культура

С началом Великой Отечественной войны вся духовная жизнь, культура Советского государства подчинились требованиям военной обстановки. Литература и искусство всемерным участием в войне доказали, что «когда гремят пушки, музы не молчат». Писатели и поэты, художники и композиторы, мастера театра и кино создавали произведения, созвучные героической эпохе. Они по праву стали одним из видов «боевого оружия» Великой Отечественной войны.

Отражая ход войны, литература и искусство всегда оставались неотъемлемой частью жизни народа, его Красной армии. Темы, образы, содержание произведений передавали драматическую и героическую обстановку военных лет. В дни неудач и поражений, успехов и побед, в обороне и наступлении научная и художественная литература и искусство воздействовали на души и сердца людей. Главными героями художественного творчества, а также складывающейся историографии Великой Отечественной войны были воин, партизан, труженик тыла. Их общий дух можно выразить словами бронебойщика Бориса Губанова, убитого в 1942 г. под Синявино, записку из дневника которого опубликовал писатель-фронтовик Николай Маркевич. В дневнике было написано: «Надо помнить: всякий подъем всегда медленный и трудный. Чтобы быть человеком, хоть чуточку похожим на героев, рожденных Отечественной войной, нужно быть правдивым и честным до мелочей, последовательным и настойчивым. Послабление — страшный враг, это я знаю по себе. Чувствую подъем и вспоминаю слова Толстого: «Как хорошо и отрадно взять себя в руки». Точно, это прекрасно. И еще: «Настала пора больших дел, простых слов и чувств». Мы узнали теперь смысл жизни, он глубок и прост. Жизнь — в умении отдавать себя для общего дела, быть частью общего, а не посторонним наблюдателем. Так-то, Борис, смотри смелее вперед. Мы знаем, за что стоим — за Россию, за Родину. Так будем же носить в себе прекрасный призыв Багратиона: «Отдайте жизнь, но Родины и чести не отдавайте никому»[114].

Дух этих простых и глубоких слов как раз и был смыслом сражающейся культуры во время Великой Отечественной войны. Это была главная тенденция ее развития, которую невозможно замолчать, игнорировать, как бы ни старались различного рода фальсификаторы истории. Невозможно дегероизировать творцов Великой Победы и таким путем лишить нынешние

и последующие поколения россиян одной из самых ярких, величественных и героических страниц истории Отечества.

Культура во всех своих проявлениях всегда была органической частью деятельности людей, в том числе и ратной. В годы Великой Отечественной войны, став «сражающейся», она являлась важным фактором борьбы советского народа против фашистских захватчиков, а в довоенные годы выступала определяющим стимулом при подготовке населения к отражению агрессии.

Довоенная советская художественная культура складывалась как многонациональная культура, способствующая укреплению дружбы народов СССР, формированию у них «чувства семьи единой», того чувства и мировоззрения, которые должны были обеспечить непобедимость советской страны и на поле брани. Понимание соотношения национального и интернационального в литературе и искусстве народов СССР не вызывало тогда серьезных проблем. Литература и искусство были призваны всемерно способствовать формированию у народа высоких патриотических чувств, любви к Родине, ее прошлому и настоящему, преданности принципам социализма, воспитанию советских людей в духе интернационализма, готовности к защите Отечества, в духе ненависти к вероятному противнику и осознания надвигавшейся военной опасности. Советская художественная культура вносила свой вклад в создание духовного потенциала страны, который раскрылся во время войны. Формированию патриотизма советского человека служили произведения литературы и искусства на историческую тему, созданные художниками различных национальностей. Значительное развитие получила историческая романистика, многие страницы которой пронизывались глубоким патриотическим чувством к Родине, борьбе народов России за свое социальное и национальное освобождение, героическим страницам национальной истории и культуры.

В предвоенные годы большое значение придавалось приобщению воинов Красной армии и флота к художественной культуре на разных уровнях и в различных формах. Характерно, что через Красную армию и флот сотни тысяч мужчин, особенно из деревни, впервые соприкоснулись с литературой и искусством. Особое значение в этом имело шефство над воинскими частями писателей, театральных коллективов, живописцев, работников кино. Активными участниками шефской работы выступали известные писатели, знаменитые театральные коллективы, в том числе Большой театр, МХАТ и другие. В 1930 г. было создано литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), открылся Центральный театр Красной армии. Действовали театры при военных округах, репертуар которых состоял преимущественно из пьес на историко-революционную и военную темы.

По мере усиления военной опасности для СССР военно-патриотическая тема все заметнее вторгалась в литературу и искусство. В литературе и искусстве воскрешались военно-патриотические традиции, художественно интерпретируемые как средство победы над врагом. До заключения Пакта о ненападении с Германией в литературе и искусстве заметное место занимала антифашистская тема. Разгром советскими войсками японских милитаристов в районе р. Халхин-Гол также нашел отражение в печати, вызывая чувство гордости у советских людей за свою армию. В художественной публицистике широко освещались присоединение Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины, Прибалтийских республик к СССР. В то же время Советско-финляндская война 1939—1940 гг. не оставила заметного следа в художественном творчестве того времени.

Отмечая большой вклад советской художественной культуры в предвоенные годы в военно-патриотическое воспитание народа, особенно молодежи, нельзя не сказать и о том, что были и серьезные недостатки, последствия которых проявились уже во время войны. Речь идет о том, что с упором на положительный образ строителя нового общества и защитника Отечества в литературе и искусстве не получили должного отражения истинные масштабы надвигавшейся опасности, реальная сила противника, степень нашей готовности и неподготовленности к войне. Ряд произведений несет свою долю вины за тиражирование пагубных настроений зазнайства и самоуверенности.

Огромная работа, проводившаяся в стране в предвоенные годы в сфере советской культуры, принесла свои плоды в первые же часы начавшейся войны. Она, как пограничники и передовые части Красной армии, сразу же встала на защиту Отечества. Справедливо утверждал выдающийся советский композитор Д. Д. Шостакович, что «искусство впрямую участвовало в борьбе народа с врагом. Оно не избегало страшной правды войны, однако даже в самые тяжкие дни в нем звучали героика, призыв, вера в грядущую победу»[115]. Культура стала сражающейся. С началом войны призывно зазвучала песня «Священная война» композитора А. В. Александрова, слова которой «Вставай, страна огромная...» стали музыкальным набатом Великой Отечественной, как и плакат И. М. Тоидзе «Родина-мать зовет!». Но первым в бой вступило наше радио, сообщив о нападении фашистской Германии на Советский Союз. 22 июня 1941 г. оно передало выступление народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, которое заканчивалось словами: «Наше дело правое, победа будет за нами!». 3 июля 1941 г. по радио выступил И. В. Сталин. Разъяснив сложную и тяжелую для народа и Красной армии обстановку, которая сложилась в начале войны, он рассказал о характере войны, навязанной агрессором Советскому Союзу, ее целях, назвал ее Великой Отечественной, войной необычной, сказал, что дело идет о жизни и смерти СССР, его народов, и призвал к тому, «чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей»[116].

Перед всем советским народом на фронте и в тылу встали задачи исторического значения, решение которых существенно зависело от состояния идеологической и культурной работы в обществе. Поэтому деятельность идеологических учреждений, средств массовой информации, художественной культуры была направлена на разъяснение политических целей освободительной борьбы, вопросов, непосредственно связанных с ходом вооруженной борьбы. Общие идеи конкретизировались в зависимости от тенденций и процессов, характеризовавших отдельные периоды и этапы войны. В них отражались практические задачи, качественные изменения в обстановке, политике воевавших государств, соотношении военных, политических и моральных сил противоборствовавших сторон.

Повышению духовной стойкости и активности советского народа, мобилизации его воли на борьбу с врагом способствовали героико-патриотическая пропаганда, воспитание на славных революционных, трудовых и боевых традициях. Особое внимание обращалось на привитие советским людям высокой ответственности, дисциплины и организованности, широко пропагандировалась необходимость строгого соблюдения законов военного времени, недопущения фактов расхлябанности.

Действенным идеологическим оружием являлась печать. Уже к концу 1941 г. действовали 19 фронтовых и 93 армейские газеты, а к середине следующего года их количество достигло 800. Позже их стало еще больше. В центральных, региональных, военных газетах и журналах неустанно звучали призывы к самоотверженной борьбе на фронте и в тылу, разъяснялись очередные задачи военного, политического и хозяйственного строительства.

Исключительной популярностью в массах пользовались сводки Советского информационного бюро. Знакомые слова «от Советского информбюро», произносимые по радио диктором Юрием Левитаном, собирали у репродукторов сотни людей, стремившихся поскорее узнать последние известия. Сообщения Совинформбюро через средства массовой информации быстро распространялись среди тружеников тыла и фронтовиков. Из них советские граждане получали сведения о положении на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн, внутренних и международных событиях, о боевом и трудовом героизме сражающегося народа.

Сражающимися сразу же стали поэты и писатели. Фронтовая поэзия начала войны и ее первых лет дышала ненавистью к врагу и любовью к своему народу, стараясь вселить в него тот дух, который был необходим, чтобы устоять перед военной машиной агрессора, выстоять, а затем победить. Она воспевала опасный ратный труд воина Красной армии, партизана, тяжелый труд труженика, создававшего оружие и военную технику для борьбы

с агрессором. Рядом с поэзией сражалась публицистика — боевая, мобилизующая. Репортажи М. А. Шолохова, А. Н. Толстого, Н. С. Тихонова, К. М. Симонова и многих других писателей поднимали дух бойцов и командиров, зажигали ненавистью их сердца. Именно такими были «Наука ненависти» М. А. Шолохова и «Русский характер» А. Н. Толстого. Слова М. А. Шолохова: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердце и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагу мы носим на кончиках штыков» — в начале войны были вдохновляющими, зовущими к борьбе с врагом. Вместе с ростом ненависти к фашистам и сопротивлением ему росла и литература. Летом 1942 г., в один из самых тяжелых периодов, было опубликовано одно из первых крупных произведений о военных днях — повесть В. С. Гроссмана «Народ бессмертен». Были опубликованы сборники рассказов Л. С. Соболева «Морская душа», В. М. Кожевникова «Март — апрель», повесть В. Л. Василевской «Радуга».

С первых дней боев театр тоже служил фронту. Были созданы мобильные фронтовые актерские бригады, которые выезжали со своими концертами и спектаклями в воинские части, часто на передовую. В их составе были известные артисты: Л. А. Русланова, М. Н. Гаркави, И. М. Москвин, В. И. Качалов, А. К. Тарасова, А. А. Яблочкина, П. М. Садовский, Н. К. Черкасов, А. Л. Абрикосов и многие другие. Со временем на фронте ставились пьесы. В 1942 г. в «Правде» были напечатаны пьесы «Фронт» А. Е. Корнейчука и «Русские люди» К. М. Симонова, которые сыграли важную роль в укреплении морального духа и боеспособности Красной армии и партизанских отрядов. Пьеса Л. М. Леонова «Нашествие» отразила глубинные внутренние мотивы сопротивления народа фашизму. Большую роль в укреплении боевого духа воинов Красной армии и населения в тылу сыграли советские кинофильмы, в том числе и документальные. Показывали киносюжеты о героизме защитников Ленинграда, Москвы, других городов, отражали напряженность оборонительных боев Красной армии, их первые успехи, а также действия партизан в тылу врага. Наиболее заметными в то трудное время стали фильмы «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» и «Ленинград в борьбе». Свою роль играла и кинохроника боев за Севастополь, Сталинград, на Курской дуге и других.

С первого дня войны с воинами Красной армии, партизанами, тружениками тыла сражалась песня. Музыка помогала пережить трудности, укрепляла силы в обороне и звала в атаку, укрепляла веру в победу. Вслед за «Священной войной» А. В. Александрова появились другие песни: «Синий платочек», «Землянка», а в осажденном Ленинграде в августе 1942 г. звучала симфония № 7 Д. Д. Шостаковича, посвященная городу-герою. Широко исполнялись и песни прошлого: «Ермак», «Бородино», «Варяг», «Прощание славянки» и другие.

В условиях, когда фронт все дальше уходил на запад и шло освобождение временно оккупированной немцами советской территории, остро встал вопрос о повышении уровня массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения. Необходимо было мобилизовать людей на восстановительные работы на освобожденной от противника территории России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии. Одновременно нужно было вести воспитательную работу и повышать культуру народа, который подвергся воздействию фашистской пропаганды, перенес жесточайший террор врага, наитяжелейшие моральные испытания и материальные лишения. И дело это оказалось чрезвычайно сложным.

С началом освобождения Красной армией европейских государств и ее боевыми действиями за рубежом в идейно-политической работе все большее место занимало разъяснение освободительной миссии Советского Союза. Победы на фронте и международной арене повышали интерес советских людей к вопросам внешней и внутренней политики государства, особенно потому, что приближался час справедливого возмездия агрессору. При этом в процессе воспитания советских людей в духе ненависти к фашизму гитлеровская клика не отождествлялась со всей немецкой нацией. Неизменно подчеркивалась необходимость уважения ко всем народам.

В последние два года войны особенно широко использовались все формы воздействия на массы: печать, радио, лекции, беседы, литература, искусство, наука; ученые, педагоги, писатели, журналисты читали лекции о положении на фронтах Отечественной войны,

странах антифашистского блока, литературе и искусстве, достижениях науки и техники. Среди лекторов, выступавших перед фронтовиками и трудящимися, были ученые Академии наук СССР С. И. Вавилов, Б. Д. Греков, Н. С. Державин, А. М. Панкратова, Е. В. Тарле, а также сотрудники Академии наук УССР и БССР и лекционного бюро Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Большое значение придавалось пропаганде естественнонаучных знаний.

По мере развертывания вооруженной борьбы на территории стран Восточной Европы усиливалось внимание к духовному потенциалу народа, принявшего на себя основной удар фашистской агрессии. Зарубежная общественность, обращалась к истории и современной им жизни СССР. Чтобы удовлетворить эти потребности, Совинформбюро отправляло за границу необходимые материалы для статей во все возрастающем количестве, их получали многие радиостанции, телеграфные и газетные агентства, тысячи газет и журналов. Велась наступательная контрпропаганда. Многое сделала в этом направлении группа деятелей литературы и искусства, сотрудничавшая с Совинформбюро, в которую входили талантливые писатели и журналисты: Б. Л. Горбатов, Л. М. Леонов, Б. Н. Полевой, К. М. Симонов, А. А. Сурков, А. Н. Толстой, К. А. Тренёв, К. А. Федин, И. Г. Эренбург, а также историки Е. М. Жуков, Е. В. Тарле и другие. Большую работу в Лондоне вел Эрнст Генри (С. Н. Ростовский). Популяризация за границей массового героизма советского народа, его культуры содействовала росту симпатий к России. Все средства и участки идеологического фронта были подчинены мобилизации духовных и физических сил сражающегося народа для нанесения ударов по врагу.

Представители общественных наук — историки, философы, экономисты, этнографы, юристы — продолжали решать главные задачи: укрепление духовного потенциала общества и дальнейшая мобилизация его сил на разгром фашизма, разоблачение нацизма, в том числе его антинаучной теории расизма. В этих целях в трудах и выступлениях крупных советских ученых отражалось героическое прошлое русского народа, освещались события Второй мировой войны, их историческое значение, развитие культуры, русской общественной мысли, героизм народа, разоблачались преступления фашизма.

В духовной жизни общества по-прежнему видное место принадлежало литературе и искусству, которые всеми средствами художественного воздействия помогали мобилизовать народ на окончательный разгром врага, возвеличивали героизм людей на фронте и в тылу. Однако изменился характер и вид изданий. Главными темами издаваемой литературы были Великая Отечественная война, военное дело. Одновременно заметно стал расти выпуск художественных произведений, которые отражали лучшие черты русского национального характера, патриотизм русских, советских людей. Литературные произведения осмысливали основные события войны. К. М. Симонов в 1944 г. опубликовал повесть «Дни и ночи», посвященную обороне Сталинграда. Тогда же А. А. Бек в повести «Волоколамское шоссе», освещая Московскую битву, раскрыл природу подвигов и побед. Он показал, что смелость командирской мысли, новаторство, чувство высокого долга перед Родиной быстро развивались в условиях суровой войны, усиливая мощь Красной армии. Характеру советского человека, совершающего подвиги в борьбе с врагом, посвящен документальный роман «Молодая гвардия» А. А. Фадеева.

Большой эмоциональной силой обладала публицистика Б. Л. Горбатова, Б. Н. Полевого, К. М. Симонова, Н. С. Тихонова, И. Г. Эренбурга, О. Ф. Берггольц, в которой обличались преступления фашистов против человечности, культуры. Острые публицистические произведения, очерки, статьи публиковали Вс. В. Вишневский, Л. М. Леонов, М. А. Шолохов, К. А. Федин и другие. Большой отряд писателей работал в центральных и фронтовых редакциях.

В поэтическом творчестве Н. Н. Асеева, М. А. Светлова, О. Ф. Берггольц, А. Т. Твардовского и других поэтов раскрыты образ советского солдата, его любовь к Родине, вера в победу. Поэма «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского стала бессмертным памятником рядовому воину, символом всего воюющего народа. Весной 1945 г., когда все ждали близкую победу,

О. Ф. Берггольц писала: «Она у твоего порога. Дыханье переводит и молчит. Ну, день, ну, два, еще совсем немного...». В произведениях А. А. Суркова, М. В. Исаковского и ряда других писателей осмысливается великий подвиг народа.

Тема войны и победы была главной и в драматургии. Подлинно народно-героическими спектаклями стали: «Сталинградцы» Ю. П. Чепурина, «У стен Ленинграда» Вс. В. Вишневского, «Песня о черноморцах» Б. А. Лавренёва и другие. Зрители проявляли большой интерес к русской классике, созвучной героике войны. Театры страны поставили свыше сотни оперных и драматических произведений: А. Н. Островского «Волки и овцы» и «Бешеные деньги», А. П. Чехова «Чайка», Л. Н. Толстого «Живой труп», И. С. Тургенева «Месяц в деревне» и другие.

Широкий размах имела концертная деятельность музыкантов на фронтах и в тылу. Выступали певцы В. В. Барсова, Л. А. Русланова, М. В. Михайлов, Л. О. Утёсов, К. И. Шульженко, скрипач Д. Ф. Ойстрах, пианист Э. Г. Гилельс, исполнительница народных песен и танцев Т. Ханум, Ансамбль песни и пляски Красной армии под руководством А. В. Александрова. Последние фронтовые спектакли игрались перед героями, взявшими Рейхстаг.

На завершающем этапе войны появились песни, которые украшали досуг в часы затишья и шагали рядом с солдатами до Берлина: «Давно мы дома не были» В. П. Соловьёва-Седого (слова А. И. Фатьянова), «Под звездами балканскими» М. И. Блантера (слова М. В. Исаковского), «Ходили мы походами» К. Я. Листова (слова А. А. Жарова), «Казаки в Берлине» братьев Покрассов (слова Ц. Солодаря). Большой популярностью продолжали пользоваться русские народные песни, отвечавшие происходящим событиям, в которых было слито личное и общее, интимное и гражданственное, духовные чаяния фронта и тыла.

События завершающего периода войны отражены в картинах «Освобожденная Франция» (С. И. Юткевич), «Берлин» (Ю. Я. Райзман) и других. Кинодокументалисты запечатлели решающие сражения Великой Отечественной войны. Битву за Берлин снимали многие операторы; они с документальной точностью и большой художественной силой показали падение столицы рейха. Документальные фильмы о победах Красной армии получили огромный международный резонанс.

Одновременно на киноэкранах появился фильм С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный», выходили комедии, экранизировались водевили А. П. Чехова «Юбилей» и «Свадьба». Музыкальный фильм «В шесть часов вечера после войны» режиссера И. А. Пырьева рассказывал о стойкости и моральном облике людей, сумевших пронести любовь и верность сквозь грозные годы. Деятели изобразительного искусства все чаще обращались к темам изгнания врага с родной земли, победы русского оружия, мирного созидательного труда. Продолжали создаваться картины бытового, портретного и пейзажного жанров. Мечту о мирной жизни убедительно выразили А. А. Дейнека в картине «Раздолье», А. А. Пластов в картинах «Жатва» и «Сенокос» и другие. Черты мужества, открытости, нравственной красоты советских людей запечатлены в скульптурных портретах генерала И. Д. Черняховского, партизанского командира С. А. Ковпака, летчика-истребителя И. Н. Кожедуба и других героев войны. Получила распространение демонстрация художественных произведений на выставках 1944–1945 гг., в том числе в освобожденных районах России, Украины, Белоруссии, Эстонии, Молдавии. Проводились выставки фронтовых художников студии имени М. Б. Грекова, произведений И. Е. Репина, шедевров русской архитектуры.

Литература и искусство всех жанров внесли существенный вклад в достижение победы. Они несли большой морально-нравственный заряд, выражали надежды, чувства и мысли всего многонационального народа, его веру в победу. Вместе с тем в творчестве литераторов, художников, мастеров театра и кино нередко замалчивались трудности и лишения, перенесенные народом. Преобладали победный пафос, дух героизма и самоотверженности.

Во время войны, особенно в последние годы, в духовном развитии общества значительное место занимали культурно-просветительные учреждения. Клубы, дворцы культуры, избычитальни, библиотеки вели разнообразную работу среди населения. Проводились лекции, доклады, организовывалась художественная самодеятельность, устраивались концерты

и спектакли, демонстрировались кинофильмы. Музеи развертывали выставки. Когда Красная армия вела успешные наступательные операции на фронте и почти ежедневно передавались сообщения о победах, Советское государство принимало меры по восстановлению учреждений культуры в освобожденных районах.

Урон, нанесенный советской культуре агрессорами, был огромным. По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба, из 992 музеев СССР было разграблено 407, в их числе 173 в Российской Федерации. Погибли богатейшие музеи Смоленска, Сталинграда, Новгорода, Полтавы, Киева, Минска, других городов. Были уничтожены тысячи исторических и культурных памятников. За годы войны из нашей страны вывезено около 565 тыс. единиц хранения музейных ценностей. Среди них произведения звезд всемирной величины: Рембрандта, Рафаэля, Тициана, Брейгеля, Репина, Сурикова, Левитана, Кипренского и других. Были разрушены и разграблены великие архитектурные ансамбли пригородов Ленинграда, 44 тыс. зданий театров и клубов, 1670 церквей, 532 синагоги, 237 костелов и другие здания религиозных культов. Расхищено и уничтожено только в массовых библиотеках СССР 100 млн книг (по последним данным, эта цифра занижена). В Российской Федерации было разрушено 8 тыс. клубов, домов культуры, изб-читален, свыше 4 тыс. библиотек[117].

В рядах сражающейся культуры особую роль играли историческая наука и научно-популярная литература о войне. Они были описательно-познавательными по форме и героико-патриотическими по содержанию и характеру, активными и оперативными. Но это было и историографией подвига. Статьи, брошюры, книги, выходившие в свет, непосредственно входили в ткань войны, становились ее специфической составляющей, в той или иной мере факторами войны и победы. В них раскрывались причины войны, ее справедливый характер со стороны Советского Союза, описывались отдельные эпизоды и этапы вооруженной борьбы, показывался героизм воинов на фронте и тружеников в тылу, разоблачались фашизм, бесчеловечный «новый порядок», насаждаемый гитлеровцами на временно оккупированной территории СССР. Освещались вопросы перестройки народного хозяйства на военный лад, раскрывался опыт предприятий, колхозов, совхозов по обеспечению нужд фронта, ход социалистического соревнования. Большое внимание уделялось анализу международных отношений, показу борьбы народов против фашизма, образованию и функционированию антигитлеровской коалиции.

Одной из важнейших задач исторических публикаций в годы войны являлось освещение боевых традиций и героического прошлого народов Советского Союза, национальных и интернациональных традиций, сложившихся в борьбе с агрессорами, вторгавшимися в нашу страну с востока, юга и запада. Это было необходимо для укрепления морально-политического единства советского народа, формирования патриотизма, усиления морально-боевого духа воинов на всех этапах борьбы с захватчиками. Но, пожалуй, особо важно это было во время неудач и поражений Красной армии, в период утраты городов и сел, промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Тогда же издавались сборники документов периода Гражданской войны в нашей стране, отражавших события, которые перекликались с событиями Великой Отечественной войны: о героической обороне Петрограда в 1919 г., разгроме немецких оккупантов на Украине в 1918 г., обороне Царицына в 1918 г. В течение всей войны в центре внимания исторических публикаций находились боевые традиции русского и других народов СССР, их героическое прошлое, победы русского оружия, выдающиеся политические и военные деятели нашей страны, герои революционного движения. Одновременно издавались материалы о трудовой и воинской доблести советских людей в их борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Таким путем формировалась историография Великой Отечественной войны, совершенствовалась организация научной работы, создавались научные организации, подбирались кадры исследователей, накапливался материал. В ноябре 1941 г. Президиум Академии наук СССР образовал Комиссию по созданию «Летописи Отечественной войны», которая потом стала называться Комиссией по истории Отечественной войны. Возглавляли ее Г. Ф. Александров

и член-корреспондент Академии наук СССР И. И. Минц. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы в областях, краях, республиках, наркоматах и учреждениях, в армии и на флоте. По сбору и хранению материалов о Великой Отечественной войне большую работу проводили государственные архивы СССР. Создавалась богатейшая документальная основа трудов по истории Великой Отечественной войны.

Особую роль в этом направлении сыграли военно-научные учреждения и военные учебные заведения, военное командование и штабы различных уровней. Уже в июле 1941 г. Генеральным штабом в действующую армию были направлены офицеры для изучения опыта боевых действий соответствующих родов войск, боевых приемов наших войск, тактики противника. В Оперативное управление Генерального штаба Красной армии начали поступать материалы, обобщающие боевой опыт наших войск и новые боевые приемы войск противника, выводы и предложения по организации, вооружению и боевому применению войск Красной армии, по организации, ведению и обеспечению боя (операции) и управлению войсками. В апреле 1942 г. был создан специальный отдел (впоследствии управление) по изучению и обобщению опыта войны с целью его оперативного использования в действующей армии. Подобные органы (отделы и отделения) были сформированы в Главном политическом управлении РККА, штабах видов вооруженных сил и родов войск, фронтов и армий, флотов и флотилий, главных и центральных управлениях НКО.

Всего за годы войны отделами и управлениями Генерального штаба, штабами видов Вооруженных сил СССР и родов войск было издано свыше 800 книг и брошюр о боевых действиях и развитии советского военного искусства. Подобного рода материалы (научные труды, учебные пособия, лекции) в большом количестве готовили также военные академии.

Большое внимание уделялось подготовке и изданию научно-популярной литературы для массового читателя. Интерес к ней был огромен. В Академии наук СССР была образована специальная Комиссия по изданию научно-популярной литературы под руководством академика В. Л. Комарова. Издательство политической литературы опубликовало серию книг, в которую вошли сборники «Битва за Москву», «Героический Ленинград», «О героическом Сталинграде», «Орловская битва». Воениздат большими тиражами выпустил серию брошюр о героической обороне Одессы, разгроме гитлеровцев под Москвой, Сталинградом, Ростовом, Курском, в Маловишерской, Елецкой и ряде других операций, о боевых действиях флота. Широко, достаточно полно и оперативно освещались события Великой Отечественной войны в общественно-политических и военных журналах, фронтовых, флотских, окружных, армейских и дивизионных газетах. Это поистине летопись героизма советских воинов.

В военные годы в области историографии была проделана большая работа по созданию источниковой базы истории Великой Отечественной войны, накоплен и систематизирован значительный материал, заложена основа для дальнейшего, более глубокого изучения событий войны для последующего развития ее историографии. Именно тогда формировались концепции, взгляды на военно-исторические события, их военно-политические, экономические и общеисторические оценки. Периодическая печать военных лет активно пропагандировала военно-историческую литературу, публикуя рецензии и библиографические обзоры вышедших книг и брошюр по истории Великой Отечественной войны. Историческая литература в годы войны в основном имела или оперативный, или публицистический характер, одновременно обобщая огромный фактический материал. Она выполнила свое историческое предназначение, способствуя борьбе советского народа с фашистскими захватчиками и их разгрому. Конечно, она не избежала определенных недостатков, обусловленных как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Нацеленная на решение задач по мобилизации духовных сил народа на разгром врага, на воспитание уверенности в победе, эта литература акцентировала внимание на позитивных эпизодах борьбы с захватчиками, не останавливаясь подробно на неудачах и их причинах. В целом она отвечала уровню и возможностям того времени.

Таков вклад литературы и искусства, советской культуры в целом в борьбу с фашизмом и победу над ним. Но это был и их собственный подвиг как сторона, часть общего подвига Красной армии и всего советского народа в Великой Отечественной войне.

Вклад общественных организаций и Церкви в победу

«Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, все этносы, народности, женщины и мужчины, молодежь были поставлены перед необходимостью осознать и защитить общие коренные интересы. Государственный патриотизм, социально-политическая сплоченность, гражданская зрелость нашего народа стали основой их исторического творчества, повышения ответственности за общенародные дела, их боевого духа на фронте, в партизанских действиях и трудового энтузиазма в тылу»[118].

Государственный Комитет Обороны руководил страной, как известно, не только через аппарат ЦК ВКП(б), СНК СССР, но и через центральные органы общественных организаций. Благодаря возросшему вниманию руководства страны роль массовых общественных организаций и добровольных обществ в годы войны значительно возросла. Развитию активности граждан способствовали профессиональные союзы, комсомол, кооперативные объединения, оборонные, научно-технические, культурные, спортивные общества, пионерская и другие массовые организации.

Наиболее многочисленными среди них были профсоюзы, которые имелись на всех предприятиях, стройках и в учреждениях страны. Большой вклад профессиональные союзы внесли в организацию военного производства. Они содействовали перемещению тысяч предприятий на восток страны, проводили массовую подготовку новых кадров рабочих, особенно из числа женщин и молодежи. Развернувшееся соревнование за увеличение выпуска военной продукции непосредственно направлялось профсоюзными организациями. На 1 января 1944 г. в соревновании участвовало более 80% всех рабочих и служащих. В результате производительность труда в период войны на основных предприятиях повысилась на 40–50%[119]. В целях мобилизации сил народа на отпор врагу профсоюзы участвовали в проведении Всевобуча, подготовке военных резервов, укреплении местной противовоздушной обороны, организации шефства предприятий над воинскими частями. Большинство профсоюзных санаториев и домов отдыха были преобразованы в госпитали для раненых и больных воинов.

В годы военного лихолетья, как и в мирное время, профессиональные союзы контролировали состояние охраны труда и техники безопасности на предприятиях и в учреждениях, следили за выполнением законодательства о труде и применением прогрессивных систем его оплаты, управляли социальным страхованием, выдавали рабочим и служащим пособия по временной нетрудоспособности, добивались улучшения медицинского обслуживания населения. Миллионы женщин, занятых в мирное время домашним хозяйством, вовлекались в производственную и общественную жизнь: профсоюзы заботились об улучшении условий их труда, вели борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В суровых условиях военного времени профсоюзные органы непосредственно руководили отделами рабочего снабжения (орсами), содействовали развертыванию подсобных хозяйств, коллективного и индивидуального огородничества. К концу войны огородничеством в нашей стране занимались свыше 18 млн рабочих и служащих[120]. Благодаря коллективным и индивидуальным огородам городское население в 1942–1945 гг. получило дополнительно более 26 млн тонн картофеля и овощей[121].

Большая роль принадлежала молодежи, комсомолу, насчитывавшему в годы войны более 9 млн членов: он дал Красной армии и флоту 3500 тыс. человек[122]. Молодые люди самоотверженно сражались с захватчиками на фронте, в партизанских отрядах и подполье. Наравне с юношами стойко переносили все тяготы войны и геройски бились с врагом и девушки. К январю 1942 г. в рядах вооруженных сил было 350 тыс. комсомолок, в последующие годы их число значительно возросло. В действующую армию отправлялись как рядовые члены ВЛКСМ, так и руководящие работники. В 1941 г. на военную работу перешли 30% секретарей обкомов, горкомов и райкомов ВЛКСМ. В дальнейшем в вооруженные силы были направлены еще 1200 секретарей обкомов, первых секретарей горкомов и райкомов и свыше 66 тыс. секретарей первичных комсомольских организаций[123].

Большую работу вели организации Всевобуча. В процессе обучения создавались комсомольско-молодежные подразделения снайперов, автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков и воинов других специальностей. Эти подразделения подготовили свыше 1700 тыс. специалистов. Кроме того, были созданы специальные подразделения из девушек, подготовившие 214 тыс. снайперов, пулеметчиков и других специалистов[124]. Из молодежи формировались кадры для борьбы в тылу врага. Комсомол возглавлял патриотическое движение молодежи в тылу. Оно проявлялось в самых различных формах: организация комсомольско-молодежных бригад, создание Фонда помощи детям-сиротам и прочее. Юноши и девушки проявляли истинный трудовой героизм. Советская молодежь внесла в Фонд обороны страны около миллиарда рублей.

Государство высоко оценило заслуги комсомола: 3500 тыс. комсомольцев были награждены орденами и медалями СССР, а 3 тыс. из них удостоены звания Героя Советского Союза[125]. За боевые заслуги орденами и медалями награждены 100 тыс. девушек, 58 из которых получили звание Героя Советского Союза[126].

Во многих делах взрослым помогали школьники. Прежде всего, они трудились на полях колхозов и совхозов. В соответствии с постановлением правительства от 13 апреля 1942 г. о привлечении учащихся школ к полевым работам свыше 20 млн школьников в летние каникулы 1942 г. выработали 757 млн трудодней[127]. Активно участвовали они в восстановлении разрушенных школ и других зданий, выходили на воскресники, отдавая заработанные средства Красной армии. Во многих школах были созданы различные мастерские, продукция которых была нужна фронту и народному хозяйству. Летом 1942 г. в школьных мастерских Москвы работали 17 тыс. учащихся. Они выпустили продукции на 30 млн рублей[128]. Школьники занимались сбором лекарственных и других полезных растений. Только за лето 1942 г. они собрали более половины всех заготовленных в стране дикорастущих растений[129]. Учащиеся активно шефствовали над лечебными учреждениями. Они украшали цветами госпитали, читали раненым книги, помогали им писать письма, выступали с концертами художественной самодеятельности[130].

Весьма важную роль в годы войны сыграла потребительская кооперация. Она отвечала за снабжение рабочих и интеллигенции в сельской местности, заготовку некоторых видов сырья и организацию встречной продажи колхозникам промышленных товаров. Через потребкооперацию снабжалась шестая часть всего населения деревни, в том числе детские сады, ясли, интернаты инвалидов войны, эвакуированные граждане[131]. В условиях войны потребительской кооперации пришлось заняться производством обуви, одежды, обозных и шорных изделий и прочего. Кооперативные организации заготавливали овощи, дикорастущие растения и плоды, пушнину и многое другое. Все это шло на удовлетворение нужд фронта и тыла.

Наряду с другими общественными организациями потребительская кооперация активно помогала народному хозяйству материальными средствами. Ее пайщики за военные годы приобрели облигаций на 2600 млн рублей. Эти деньги были использованы в интересах ведения войны. Кроме того, пайщики и работники потребкооперации из своих средств и отчислений от прибылей внесли в Фонд обороны 105,2 млн рублей[132].

Для подготовки молодежи к прохождению службы в вооруженных силах в предвоенные годы были образованы такие организации, как Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР (Осоавиахим)[133], «Общество спасания на водах» (ОСВОД), Общество друзей радио, Автодор, и другие[134]. К началу войны Осоавиахим насчитывал в своих рядах 13 млн членов, объединенных в 329 тыс. первичных организаций, которые проводили оборонно-массовую работу среди населения. В Центральном аэроклубе СССР имени В. П. Чкалова в Тушино и других клубах без отрыва от производства обучались одновременно до 8 тыс. юношей и девушек — будущих летчиков. Свыше 30 тыс. спортсменов осваивали планеризм. В 1941 г. в Осоавиахиме завершили подготовку около 400 тыс. летчиков запаса, пилотов-планеристов, парашютистов, авиамехаников, морских специалистов, автомобилистов, мотоциклистов и связистов[135]. После 17 сентября 1941 г., когда по решению ГКО было

создано Управление Всевобуча, осоавиахимовские организации наряду с оборонно-массовой работой среди населения продолжали готовить резервы для Красной армии.

За годы войны Осоавиахим подготовил 987 тыс. общественных инструкторов для обучения населения по программам противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО)[136]. Подготовка ими советских граждан к противовоздушной обороне играла весьма важную роль. 99% всех пожаров, возникших в результате воздушных налетов противника, ликвидировали группы самозащиты, обученные по программе Осовиахима[137]. 19 февраля 1944 г. постановлением ГКО Осоавиахиму были поручены разминирование освобожденной территории, сбор оставшейся на полях сражений боевой техники, оружия и боеприпасов.

Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР насчитывал в 1941 г. 7,9 млн членов. Организации Красного Креста помогали раненым и больным воинам вернуться в строй, участвовали в подготовке среднего и младшего медперсонала. За годы войны ими было подготовлено около 300 тыс. медицинских сестер, более 500 тыс. сандружинников и до 30 тыс. санитаров[138]. Большинство выпускников медицинских школ Красного Креста направлялись в действующую армию — в роты, батальоны и полки. Фронтовые и тыловые лечебно-профилактические учреждения не испытывали недостатка в среднем и младшем медперсонале[139]. Организации Красного Креста занимались также обучением гражданского населения по программе «Готов к санитарной обороне» (ГСО). За четыре года войны они подготовили 23 млн значкистов ГСО. Из них создавали санитарные дружины и посты, которые помогали органам здравоохранения в проведении всех профилактических мероприятий среди населения[140]. Многое сделал Красный Крест и для организации донорства. За годы войны доноры, в том числе военнослужащие, дали фронту более 1,7 млн литров крови. Противоэпидемические отряды на освобожденной территории обследовали свыше 500 тыс. дворов, подвергли санитарной обработке 400 тыс. граждан, отремонтировали 7 тыс. колодцев и построили около 2 тыс. бань[141].

Большой вклад в общее дело внесла инженерно-техническая общественность, организованная в научные инженерно-технические общества. В них входили часть технической интеллигенции и рабочие, новаторы производства. Руководящим ядром этой системы являлся Всесоюзный совет научных инженерно-технических обществ (ВСНИТО). В нем имелось несколько отраслевых комитетов, объединявших родственные отрасли науки и техники. Каждому такому комитету поручалась разработка какой-либо комплексной проблемы. Обычно ее расчленяли на отдельные темы, привлекая к их разработке отраслевые общества, научно-исследовательские и проектные организации, виднейших ученых и инженеров-практиков.

Всю свою творческую энергию инженерно-технические общества направляли на удовлетворение запросов вооруженных сил и оборонной промышленности. ВСНИТО был инициатором создания новых специальных производств в военной промышленности, разрабатывал технологию и осуществлял техническое консультирование в течение всего периода освоения этих производств. В период войны инженерно-технические общества внедрили в производство большое количество рационализаторских предложений, подготовили к изданию более 500 справочников и пособий[142]. Примером полезной инициативы инженерно-технических обществ могут служить многие факты. Так, Ленинградское отделение общества машиностроителей разработало новую технологию отливки мин, снарядов и скоростной серийной постройки малых судов[143]. Инженерно-техническое общество лесной промышленности предложило применять на строительстве железных дорог шпалы облегченного типа, что позволило увеличить изготовление шпал на 53%. Общество легкой промышленности разработало комплекс мероприятий по расширению сырьевой базы кожевенной промышленности, в частности была увеличена выработка обувной кирзы на 45%[144]. Общество железнодорожного транспорта разработало и внедрило метод увеличения пропускной способности железных дорог, а также ускоритель набора воды паровозами. Это дало большую экономию времени и средств. Общество водного транспорта разработало новый метод расчета портовых гидротехнических сооружений, сконструировало плавучий причал из деревянных понтонов для

десантных операций, предложило новую систему эксплуатации водного транспорта. Это повысило пропускную способность пристаней и портов[145].

Трудно переоценить деятельность добровольных спортивных обществ, в которых к началу 1941 г. насчитывалось 3105 тыс. физкультурников[146]. В предвоенные годы особенно широкое распространение получил физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) и соответствующий значок, выдаваемый за его выполнение с 1931 г. Комплекс освоили многие миллионы юношей и девушек, что способствовало их физическому развитию. С началом войны основной состав инструкторов и физкультурников спортивных обществ ушел на фронт. Оставшиеся в тылу активисты участвовали в подготовке резервов для действующей армии. За военные годы были подготовлены несколько миллионов человек по программам военно-лыжного обучения, а также сотни тысяч — по рукопашному бою и плаванию с боевым снаряжением. Из состава альпинистских спортивных организаций было сформировано около 40 горнострелковых отрядов, которые в 1942—1943 гг. внесли весомый вклад в боях на Кавказе.

Важную работу вели созданные в годы войны в системе Советского информационного бюро, учрежденного постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 24 июня 1941 г. (начальник — секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, его заместитель — С. А. Лозовский[147], являвшийся также заместителем наркома иностранных дел), антифашистские комитеты (Всеславянский комитет, Антифашистский комитет советских ученых, Антифашистский комитет советских женщин, Антифашистский комитет советской молодежи и Еврейский антифашистский комитет). Они были созданы в целях установления связей со всеми друзьями советского народа, распространения документов о его героической борьбе против фашизма, получения материальной помощи от различных общественных организаций за рубежом. Это укрепляло международные связи СССР, обеспечивало его поддержку общественностью стран антигитлеровской коалиции. Работа комитетов носила также актуальный идеологический характер, способствовала разоблачению человеконенавистнической идеологии фашизма — идеологии расизма, агрессии, геноцида в отношении порабощенных народов. Ей противопоставлялись такие общечеловеческие идеи, понятные и близкие любому народу Земли, как мир, национальная независимость и суверенитет, солидарность в борьбе с агрессором, равноправие и дружба народов, демократия, справедливость, гуманизм, веротерпимость. Декларирование этих идей, хотя и во многом не совпадавших с политикой и практикой руководства СССР предвоенных лет, а также периода войны, рождало у людей надежды на серьезные изменения, которые должны последовать в жизни страны после войны. Эти идеи привлекали к СССР симпатии демократической общественности за рубежом, способствовали росту его международного авторитета и влияния.

Антифашистские комитеты стали центрами, объединявшими не только интеллигенцию в стране, но и все патриотические слои общества. Эти комитеты снабжали статьями и материалами соответствующую печать во многих странах, вели большую организационно-политическую работу по закреплению связей с родственными организациями в других странах. Рассекреченные материалы архивов позволяют по стенограммам и протоколам заседаний проследить ход работы в этих комитетах: микроклимат, который был в годы войны среди членов этих комитетов; механизм руководства комитетами со стороны соответствующих отделов ЦК ВКП(б) и НКИД СССР. Документы свидетельствуют и о целом ряде проблем в ходе работы комитетов, сложностях в решении ряда важных вопросов, подозрительности и мелочной опеке при решении текущих вопросов.

В советский период, говоря о деятельности Совинформбюро, обычно отмечали только положительные моменты, а острые проблемы, как правило, опускались. Например, освещение работы Еврейского антифашистского комитета. Его деятельность вообще замалчивали[148]. Заговорили об этом комитете в периодической печати лишь с начала 1990-х гг.

Деятельность антифашистских комитетов в СССР в годы Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует об осознании советскими людьми своей силы и о чувстве человеческого достоинства, которое им было присуще. Они организовывали и проводили различные мероприятия, в том числе антифашистские митинги женщин, молодежи, про-

фсоюзов, ученых, спортсменов с трансляцией по радио за границу. Комитеты поддерживали связи с зарубежными организациями. Однако состав членов комитетов, делегаций, выезжавших за границу, ораторов на митингах, тексты речей и обращений — все многократно проверялось и утверждалось в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В своей повседневной деятельности комитеты по указанию А. С. Щербакова подчинялись руководству Совинформбюро[149].

И все же деятельность антифашистских комитетов имела значительный эффект и на международной арене как зачаток народной дипломатии, и внутри страны, демонстрируя широкую поддержку Советского Союза со стороны народов зарубежных стран. Профсоюзный, молодежный, женский комитеты заложили основы послевоенных международных общественных организаций.

В работе творческих союзов писателей, кинематографистов, композиторов, театральных деятелей ведущими темами стали патриотизм, ненависть к гитлеровским захватчикам, героизм советских людей в тылу и на фронте, на захваченных врагом территориях, справедливость защиты Отечества. В годы войны было издано около 170 млн экземпляров художественных произведений[150]. Несомненный вклад в победу внесли советские композиторы и кинематографисты. Широкий размах приобрели выступления на фронтах концертных бригад, в составе которых находились популярные певцы и актеры: М. И. Жаров, И. С. Козловский, Н. А. Крючков, М. В. Михайлов, Л. А. Русланова, Е. В. Самойлов, А. К. Тарасова, М. А. Ладынина, Л. О. Утёсов, К. И. Шульженко и другие. За годы войны 3685 бригад дали для воинов свыше 1,3 млн спектаклей и концертов[151]. В целом, несмотря на трудности военного времени, общественные организации и творческие союзы активизировали свое участие в жизни страны, которое стало более эффективным.

Русская православная церковь на протяжении почти тысячи лет воспитывала русских людей на идеалах любви к ближнему, родной земле. Для православных людей патриотизм — это заложенное в самой природе человека чувство любви к Отечеству, выражающее общность интересов христианина с интересами Родины. Церковь идеологически цементировала общество, а в годину тяжких испытаний вдохновляла русских воинов и весь народ на борьбу с захватчиками.

Как знать, возможно, предвидя неизбежную жестокую схватку с фашизмом, руководство СССР осознало, что на этот многовековой опыт Церкви еще придется опереться при мобилизации духовных сил народа. Во всяком случае, некоторые признаки назревавших изменений политики государства в отношении религии и Церкви, во многом определяющих национальное сознание, обозначились уже в предвоенные годы.

По данным переписи населения 1937 г., о своей вере в Бога заявили более 45% населения СССР, две трети жителей сельской местности и не менее трети горожан[152]. Возрождая отдельные русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных лидеров и государственных чиновников. В ноябре 1939 г. Политбюро своим решением отменило указание В. И. Ленина от 1 мая 1919 г. «О борьбе с попами и религией». Одновременно утратили силу соответствующие инструкции, «касающиеся преследования служителей Русской православной церкви и православноверующих». Определенные послабления последовали тем гражданам, которые были осуждены по статьям закона, предусматривавшим уголовное преследование за отправление культа. По указанию высшего руководства страны Наркомат внутренних дел осуществил «ревизию» осужденных данной категории, чтобы «освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не принесла вреда советской власти»[153]. Что и было сделано. Однако более полное развитие эта наметившаяся позитивная тенденция получила лишь в ходе войны.

Несомненно, репрессии, обрушившиеся в предвоенные годы на религиозных деятелей, нанесли огромный урон. Публикации средств массовой информации тех лет, отражавшие официальную точку зрения, пропагандировали, что религиозные организации приносят советскому обществу только вред и чем скорее оно избавится от «недобитых контрреволюционеров», тем лучше. Регулярная плановая расправа с религиозными деятелями всех

конфессий страны рассматривалась и И. В. Сталиным, и руководством НКВД как одно из главных направлений внутренней идеологической политики в предвоенные годы[154]. Среди многочисленных жертв репрессий были и рядовые сельские священники, и архиепископы, и ученые-богословы. Репрессивная политика была направлена против служителей православия и религиозных деятелей других вероисповеданий. Немало духовных лиц оказались в ссылке, в лагерях и тюрьмах. «За грехи свои» несли они тяжкий крест на Соловецких островах, в Сибири, на Дальнем Востоке. Были и такие, кому назначались меры более суровые. Митрополит Ювеналий говорил об этом в докладе «Тысячелетие крещения Руси» на торжественном собрании в Большом театре 10 июня 1988 г., отметив, что «церковь разделяла судьбу своих сограждан, репрессиям подвергались и верующие».

Патриотическому настрою верующих способствовала поддержка Русской православной церковью и духовенством других конфессий справедливых целей войны. Глава РПЦ Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий 22 июня 1941 г. обратился к верующим с посланием, в котором призывал их помнить «не о личных опасностях, а о священном долге перед Родиной и верой». В мае 1942 г. в Уфе совещание при центральном духовном управлении мусульман приняло обращение к верующим с призывом защищать родную землю[155]. Патриотическую позицию разделяло руководство и других конфессий.

Страшная война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, явилась серьезным испытанием для всех народов страны. Учитывая многонациональность и поликонфессиональность СССР, жестокие репрессии, которым подверглись последователи всех вероисповеданий, особенно мусульмане (вплоть до самого начала войны продолжались массовое закрытие мечетей и широкомасштабные репрессии в отношении религиозных деятелей), а также национальные обиды, нанесенные русификаторской политикой царского самодержавия и действиями советского режима, А. Гитлер и его окружение полагали, что нападение на Советский Союз будет способствовать обострению межнациональных противоречий и приведет к восстаниям мусульманских, буддистских, католических, лютеранских этнонациональных общностей против советской власти, к развалу державы.

При этом особые надежды нацистские лидеры возлагали на мусульман как наиболее крупное и, может быть, наиболее обиженное национальное меньшинство. Однако такие ожидания не оправдались. Сотни тысяч мусульман Советского Союза сразу же после начала войны, отставив в сторону обиды, нанесенные властью, решительно влились в ряды защитников своей Родины. Патриотическая позиция рядовых верующих и их духовных наставников нашла свое выражение в самых разных формах: активное участие в сражениях на фронте и в тылу врага, сбор средств в Фонд обороны, снабжение Красной армии оружием, снаряжением, продовольствием, поддержка семей воинов, ушедших на фронт, забота о миллионах сограждан, эвакуированных из районов боевых действий. Руководители мусульманских религиозных организаций, имамы мечетей в своих обращениях к верующим и в проповедях призывали правоверных, не жалея сил, сражаться с фашистскими захватчиками, оказывать всемерную помощь Красной армии, советскому государству в деле борьбы за освобождение оккупированных врагом земель и разгрома гитлеризма, молиться за победу.

Горе, страдания, которые принесла война, переживания за судьбу родных и близких привели в церкви многих новых прихожан, особенно женщин. Церковь для них была местом утешения, поддержки морального духа и веры в успешное завершение войны.

Во время служб в церквах проводился сбор пожертвований на вооружение Красной армии, содержание раненых и больных, для оказания помощи детям-сиротам, потерявшим своих родителей. 30 декабря 1943 г. в ответ на призыв митрополита Сергия церковные и приходские общины начали сбор средств на сооружение танковой колонны. Каждый верующий добровольно вносил в фонд, сколько мог. В результате только за четыре месяца 1943 г. было собрано 8 млн рублей на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского. Сбор пожертвований верующих продолжался всю войну. Всего в 1941–1945 гг. верующие собрали более 300 млн рублей. На их средства была создана также авиационная эскадрилья имени Александра Невского.

Укреплению надежд на возможность либерализации отношения государства к духовным запросам верующих, в частности мусульман, к их священной религии способствовал и такой факт. В марте 1943 г. И. В. Сталин направил телеграмму председателю Центрального духовного управления муфтию Габдрахману Расулеву с просьбой передать благодарность мусульманам, участвовавшим в сборе средств на постройку танковой колонны. Телеграмма И. В. Сталина была опубликована в печати вместе с телеграммой муфтия.

Сыновья и дочери мусульман Советского Союза выказали чудеса героизма, сражаясь с грозным врагом. Письма земляков воинам-мусульманам поднимали их моральный дух. Тем более что в этих письмах сообщалось о заботе, которую проявляет Родина об их семьях. Такое письмо в июне 1943 г. пришло на фронт и старшине Б. Абзалову, награжденному за храбрость орденом Отечественной войны 2-й степени, из Гиждуванского района Бухарской области. Односельчане писали, что они выстроили для его семьи новый дом, обеспечили двумя коровами, сшили детям новую одежду. Об этом писала «Правда Востока» 16 июня 1943 г.

Подавляющее большинство духовенства и верующих, оказавшихся на оккупированной территории, естественно, не поддерживали оккупантов. Священники оказывали помощь попавшим в плен советским военнослужащим, принимали участие в партизанском движении[156]. В то же время гитлеровцы пытались использовать Церковь в своих целях. Они открывали закрытые при советской власти церкви, принуждали священников проводить во время религиозных служб линию на поддержку германской армии. Партизаны с самого начала убивали попов, считая их пособниками оккупантов. Но постепенно все вставало на свои места. Уже с начала 1942 г. партизаны и подпольщики сориентировались. Они стали выделять священников, которые в своих проповедях открыто говорили о неизбежности победы русского оружия, служили молебны за здравие односельчан, находившихся в Красной армии. «Главное управление имперской безопасности, идя навстречу Церкви, делая, казалось, верный и совершенно беспроигрышный тактический ход в 1941 г., стратегически все равно проиграло. Не смогли немцы оценить силу патриотизма, заложенную в Русской православной церкви»[157].

Церковь осудила тех своих служителей, которые сотрудничали с оккупационной администрацией. Состоявшийся в Москве в сентябре 1943 г. Архиерейский собор особо отметил, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»[158]. Отлучению от Церкви были подвергнуты, в частности, члены группы духовенства Белоруссии, которая в телеграмме А. Гитлеру благодарила его «за освобождение Белоруссии от московско-большевистского ига», епископ Владимиро-Волынский Поликарп (Сикорский), сотрудничавший с оккупантами, митрополит Алексий (Гранадский), благословивший украинских националистов, возглавляемых С. А. Бандерой[159]. На совести бойцов ОУН — УПА, которых по имени вождя стали называть бандеровцами, множество преступлений: истребление тысяч поляков, чехов, евреев, советских мирных граждан и военнослужащих.

Нацистская пропаганда всячески стремилась представить Третий рейх якобы защитником христианства, объявив войну против СССР «новым крестовым походом». Лицемерие этой пропаганды раскрывалось в посланиях главы РПЦ к пастве: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто он поднял меч «на защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры... Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. Фашистам с их убеждениями и деяниями, конечно, совсем не по пути за Христом и христианской культурой»[160].

В этих условиях советское руководство, и прежде всего И. В. Сталин, приняло решение изменить отношение властей к Русской православной церкви и другим конфессиям. В 1941 г. были ослаблены гонения на Церковь и антирелигиозная пропаганда, перестали издаваться журналы «Антирелигиозник» и «Безбожник». В то же время советское правительство поддерживалось церковнослужителями, которые активно включились в мобилизацию духовных сил народа на разгром нацистской Германии. Во время празднования дня Красной армии 23 февраля 1943 г. митрополит Сергий и И. В. Сталин обменялись посланиями. И. В. Ста-

лин от имени советского правительства выразил Церкви благодарность за оказываемую государству помощь. Эти документы, опубликованные в газете «Правда», имели большое общественно-политическое значение.

Улучшению отношения советского политического руководства к Церкви во многом способствовал и внешнеполитический аспект. Тенденция к улучшению отношений государства с церковью отчетливо проявилась как раз накануне встречи руководителей трех великих держав антигитлеровской коалиции в Тегеране. 4 сентября 1943 г. в Кремле состоялась встреча И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берии с высшими иерархами Русской православной церкви, которая закрепила начавшийся диалог и сотрудничество. На встрече был положительно решен вопрос об увеличении количества действующих церквей, возвращении из ссылок и тюрем ряда священнослужителей. 8 сентября 1943 г. Архиерейский собор избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Восстановление патриаршества явилось крупным общественным событием. При Совете народных комиссаров СССР был образован Совет по делам Русской православной церкви, регулировавший взаимоотношения государства с церковью. Правительство дало согласие на открытие духовных семинарий и академии для подготовки священнослужителей. Церковь получила право создавать предприятия для изготовления религиозной утвари и прочего, был разрешен печатный орган Московской патриархии. Но и после этого верующим было нелегко преодолевать различные бюрократические препятствия. Так, в Совет по делам Церкви только в 1944–1945 гг. поступило 5770 ходатайств об открытии церквей, из них было удовлетворено только 414[161].

Все лучшее в патриотической деятельности Русской православной церкви и других ведущих конфессий в годы Великой Отечественной войны дает основание для вывода о том, что религиозные организации страны, несмотря на предвоенные гонения и жесткий контроль в военный период, внесли значительный вклад в достигнутую Великую Победу.

Награды героям

К началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась отражавшая свое время система наград и степеней отличия за воинские и трудовые подвиги. Высшие из них — звание Героя Советского Союза (учреждено 16 апреля 1934 г.), звание Героя Социалистического Труда (учреждено 27 декабря 1938 г.).

Удостоенному звания Героя Советского Союза вручались высшая награда СССР — орден Ленина и знак отличия — медаль «Золотая Звезда» (автор медали — архитектор М. И. Мержанов, учреждена 1 августа 1939 г.). Она изготавливалась из золота и с помощью соединительного кольца присоединялась к четырехугольной колодке, обтянутой муаровой лентой красного цвета. Первоначальный вариант колодки (до 1943 г.) не имел соединительного кольца и был меньше размером. Общая масса медали «Золотая Звезда» — 34,8 грамма. Первым кавалером «Золотой Звезды» стал летчик, герой-челюскинец А. В. Ляпидевский. К началу Великой Отечественной войны в стране насчитывалось 517 Героев Советского Союза.

Звание Героя Социалистического Труда являлось высшей степенью отличия за заслуги в области хозяйственного и социально-культурного строительства. Удостоенному этого звания вручались орден Ленина и знак отличия — золотая медаль «Серп и Молот» (учреждена 22 мая 1940 г.). Первым Героем Социалистического Труда стал И. В. Сталин (указ от 20 декабря 1939 г.).

История орденов Советской России началась 16 сентября 1918 г., когда декретом ВЦИК был учрежден орден Красного Знамени РСФСР. С 1 августа 1924 г. этот боевой орден стал общесоюзной высшей наградой, а с 6 апреля 1930 г. таковым являлся орден Ленина. В СССР развитие наградного дела продолжалось. 7 сентября 1928 г. был учрежден орден Трудового Красного Знамени, 6 апреля 1930 г. — орден Красной Звезды, 25 ноября 1935 г. — орден

«Знак Почета». Были учреждены и медали: «За отвагу» (17 октября 1938 г.), «За боевые заслуги» (17 октября 1938 г.), «За трудовую доблесть (27 декабря 1938 г.), «За трудовое отличие» (27 декабря 1938 г.).

В период войны орденом Ленина (авторы эскизов ордена — художники И. И. Дубасов, Н. Д. Шадр, П. И. Таёжный, С. И. Дмитриев) было произведено свыше 41 тыс. награждений. Орден Ленина вручался также городам и крепостям, которым были присвоены звания Город-Герой и Крепость-Герой.

Орден Трудового Красного Знамени (авторы рисунка ордена — художник В. К. Куприянов и медальер В. В. Голенецкий) был учрежден для награждения за большие трудовые заслуги перед Советским государством и обществом в области производства, науки, культуры, литературы, искусства, народного образования, здравоохранения, в государственной, общественной и других сферах трудовой деятельности. В период Великой Отечественной войны орденом Трудового Красного Знамени были награждены более 21,5 тыс. тружеников тыла.

Орден «Знак Почета» (автор проекта ордена — художник Д. С. Голядкин) был учрежден для награждения за высокие достижения в производстве, научно-исследовательской, государственной, социально-культурной, спортивной и иной общественно полезной деятельности, а также за проявления гражданской доблести. Всего за время существования ордена «Знак Почета» было произведено свыше 1,5 млн награждений, в том числе 66 тыс. в годы Великой Отечественной войны.

Орден Красного Знамени (автор проекта — художник В. В. Денисов) был учрежден для награждения за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите Отечества. Первым кавалером ордена Красного Знамени стал Маршал Советского Союза В. К. Блюхер. За многолетнюю историю ордена было произведено около 600 тыс. награждений. Многие советские военачальники несколько раз награждались этим орденом. Так, маршал авиации И. И. Пстыго удостаивался ордена Красного Знамени семь раз, Маршалы Советского Союза С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, К. К. Рокоссовский, главный маршал авиации А. И. Колдунов, генералы армии А. Л. Гетман, С. П. Иванов, И. Г. Павловский, Е. Е. Мальцев, А. И. Радзиевский и другие — шесть раз, Маршалы Советского Союза К. С. Москаленко, С. К. Тимошенко — пять раз. Всего за годы войны состоялось 238 тыс. награждений орденом Красного Знамени. Среди них — более 3270 награждений соединений, частей, подразделений и предприятий.

Орден Красной Звезды (авторы проекта ордена — В. К. Куприянов и В. В. Голенецкий) — военный орден. Награждение орденом производилось за личное мужество и отвагу в боях, отличную организацию и умелое руководство боевыми действиями, а также за большие заслуги в деле обороны Союза ССР как в военное, так и в мирное время, в обеспечении государственной безопасности. Впоследствии орден Красной Звезды вручался за выслугу лет, чем был сильно обесценен как военный орден. Первым кавалером ордена Красной Звезды стал Маршал Советского Союза В. К. Блюхер. Ему был вручен орденский знак № 1. В годы Великой Отечественной войны орденом Красной Звезды было произведено более 2 млн 860 тыс. награждений. В числе награжденных 1740 воинских частей и соединений (в том числе 14 чехословацких и польских частей, воевавших на территории СССР). А всего орденом было произведено около 4 млн награждений.

До начала Великой Отечественной войны среди награжденных орденами и медалями СССР значились свыше 100 тыс. военнослужащих[162]. Награждение производилось только указами Президиума Верховного Совета СССР. В годы Великой Отечественной войны право награждения военнослужащих было предоставлено различным категориям военного командования, а также были разработаны дополнительные правила и условия представления к награждению и поощрения бойцов и командиров. Право награждения орденами и медалями СССР сохранялось за военным командованием до 1947 г.

Всенародным чествованием героев битвы с фашизмом стало учреждение новых орденов и медалей, носящих славные имена наших предков. Тем самым эстафета подвига во имя Отчизны продлевалась далеко за пределы советской истории — в глубину веков ратоборства

России с захватчиками и поработителями. Боевые традиции, мужество и храбрость пращуров как бы вновь воскресали во всей своей славе в подвигах их наследников.

Самым «победоносным» из новых наград стал орден, носящий имя великого русского генералиссимуса А. В. Суворова, подарившего России небывалые победы и «Науку побеждать». Автором проекта ордена А. В. Суворова является архитектор Центрального военно-проектного института П. И. Скокан. При награждении орденами Суворова 1, 2 и 3-й степеней главнейшим и непременным условием было успешное проведение боевых операций меньшими, чем у противника, силами. Высшей степенью ордена является 1-я степень, которой награждались командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и оперативных отделов и начальники родов войск (артиллерии, воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий. Орденом Суворова 2-й степени награждались командиры корпусов, дивизий и бригад, их заместители и начальники штабов. Орденом Суворова 3-й степени награждались командиры полков, батальонов и начальники штабов полков, а с 8 февраля 1943 г. и командиры рот.

Знак ордена Суворова 1-й степени представляет собой платиновую выпуклую пятиконечную звезду, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. В середине звезды, в ободке, золотой круг, покрытый темно-серой эмалью с красной эмалевой полоской в верхней части круга и красной эмалевой звездочкой в середине верхнего луча звезды, с надписью в верхней части по окружности золотыми буквами «АЛЕКСАНДР СУВОРОВ». Нижняя часть круга окаймлена золотым лаврово-дубовым венком. В центре круга расположено накладное золотое полированное погрудное рельефное изображение А. В. Суворова (с гравюры 1818 г. работы художника Н. И. Уткина). Надпись «АЛЕКСАНДР СУВОРОВ» на орденах 2-й и 3-й степеней выполняется красной эмалью. Эмалевая красная звездочка в верхнем луче звезды у ордена второй и третьей степени отсутствует. Знак ордена Суворова 2-й степени изготавливается из золота. Круг в середине звезды, изображение А. В. Суворова и венок изготовляются из серебра. Знак ордена Суворова 3-й степени изготовляется целиком из серебра.

Первыми кавалерами ордена Суворова 1-й степени (указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1943 г.) стали выдающиеся полководцы Красной армии: представители Ставки ВГК маршал Г. К. Жуков (орденский знак № 1) и генерал А. М. Василевский (знак № 2), маршал артиллерии Н. Н. Воронов (знак № 3), командующие фронтами генералы Н. Ф. Ватутин (знак № 4), К. К. Рокоссовский (знак № 5), Ф. И. Толбухин (знак № 6), Л. А. Говоров (знак № 7). За годы войны 51 военачальник дважды награждался орденом Суворова 1-й степени, а 18 человек — трижды. Первыми кавалерами ордена Суворова 2-й степени стали танкисты генералы В. М. Баданов, П. А. Ротмистров, В. Т. Вольский, Е. Г. Пушкин и другие. Руководимые ими танковые соединения отличились в боях по разгрому противника на Дону и Волге. Так, танкисты 24-го танкового корпуса под командованием генерала В. М. Баданова с 17 по 24 декабря, пройдя по вражеским тылам около 300 км, уничтожили в боях около 7 тыс. солдат и офицеров, разгромили крупный вражеский аэродром, захватили эшелон с новыми самолетами, большое количество военного имущества неприятеля, уничтожили более 200 вражеских боевых машин. Первым кавалером ордена Суворова 3-й степени стал командир 104-й отдельной стрелковой бригады полковник Э. Н. Гаранин. Всего орденами Суворова 1, 2 и 3-й степеней произведено 7268 награждений, в том числе 1529 соединений, частей и военно-учебных заведений.

В основу статута ордена Кутузова 1, 2 и 3-й степеней были заложены кутузовские боевые качества: умелая, цепкая оборона, малые потери живой силы, изматывание противника и затем переход в решительное контрнаступление. Высшей степенью ордена является 1-я степень, которой награждались командующие фронтами и армиями, их заместители и начальники штабов. Орденом Кутузова 2-й степени награждались командиры корпусов, дивизий, бригад и начальники штабов, а 3-й степени — командиры полков, батальонов, рот и начальники штабов полков.

Орден Кутузова 1-й степени изготавливается из золота и представляет собой изображение выпуклой пятиконечной звезды, поверхность которой выполнена в виде расходящихся

лучей. Середина звезды представляет собой круг, покрытый белой эмалью с золотым лавро-во-дубовым венком по окружности, перевитым внизу красной эмалевой лентой. В центре круга золотое рельефное изображение М. И. Кутузова на фоне серебряной кремлевской башни, увенчанной пятиконечной звездочкой, покрытой рубиново-красной эмалью. Вокруг изображения М. И. Кутузова на белой эмалевой ленте надпись «МИХАИЛ КУТУЗОВ». Ободки ленты и надпись золотые. Промежутки между концами золотой звезды покрыты пятью пучками серебряных лучей, выходящих из-под белой эмалевой ленты. Знак ордена Кутузова 2-й степени изготавливается из серебра, без венка по кругу.

В числе первых орденом Кутузова 1-й степени были награждены командующие фронтами: генерал армии И. В. Тюленев, генерал-полковник М. А. Пуркаев, начальники штабов фронтов генерал-лейтенанты Г. Ф. Захаров и М. С. Малинин, командующие армиями генерал-лейтенанты И. В. Галанин (орденский знак № 1), К. И. Галицкий, А. С. Жадов, К. А. Коротеев, П. Л. Романенко, В. З. Романовский, И. И. Федюнинский. Среди первых кавалеров ордена Кутузова 2-й степени — генералы А. Г. Селиванов, В. Ф. Герасименко, П. М. Козлов, К. С. Мельник; ордена Кутузова 3-й степени (указ от 7 августа 1943 г.) — майор Н. П. Губин, однако знак № 1 был вручен начальнику штаба артиллерии армии М. Т. Парфёнову (указ от 21 сентября 1943 г.). Всего орденом Кутузова 1, 2 и 3-й степеней было произведено 7329 награждений, в том числе 1590 частей и соединений.

Орденом Александра Невского награждались командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов. Знак ордена Александра Невского представляет собой выпуклую, покрытую рубиново-красной эмалью пятиконечную звезду на фоне десятиконечной правильной фигуры, на поверхности которой расположены расходящиеся полированные лучи. Красная звезда имеет позолоченные ободки. В середине звезды — круглый окованный щит с рельефным изображением Александра Невского и надписью по окружности выпуклыми буквами: «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ». Щит окаймлен лавровым позолоченным венком. Нижние концы ветвей венка покрыты фигурным щитком с позолоченным изображением на нем серпа и молота. На фоне лучей десятиконечной фигуры изображены концы двух позолоченных бердышей, скрещенных позади круглого щита. В нижней части ордена скрещены позади фигурного щитка позолоченные меч, копье, лук и колчан со стрелами. Знак ордена Александра Невского изготавливался из серебра.

Впервые награждение орденом Александра Невского произведено 5 ноября 1942 г. Первым кавалером стал командир батальона морской пехоты старший лейтенант И. Н. Рубан. Ныне установлено, что орден Александра Невского № 1 никому не вручался, а был оставлен на хранение в музее Монетного двора. Орденский знак № 2 вручен капитану С. П. Цыбулину (62-я армия). Всего же орденом Александра Невского было произведено свыше 42,1 тыс. награждений, в том числе 1473 воинские части и соединения Красной армии и Военно-морского флота[163]. Ордена Александра Невского были удостоены также 59 иностранных граждан, в том числе летчики легендарного полка «Нормандия — Неман».

В дни, когда велась борьба за освобождение Украины от немецких захватчиков, 10 октября 1943 г. был учрежден орден Богдана Хмельницкого 1, 2 и 3-й степеней. Предложение об учреждении этого ордена было внесено кинорежиссером А. П. Довженко. В советской наградной системе это был единственный орден с надписью на украинском языке, хотя официально об этом не было нигде сообщено. Знак ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени представляет собой изображение выпуклой пятиконечной звезды, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. Середина звезды представляет собой золотой круг, окаймленный серебряным фигурным ободком. В центре круга золотое рельефное погрудное изображение Богдана Хмельницкого с булавой в правой руке. В верхней части круга по краю надпись на украинском языке «БОГДАН ХМЕЛЬНИЦЬКИЙ». Промежутки между концами золотой звезды покрыты пятью пучками серебряных лучей, выходящих из-под фигурного ободка. Знак ордена изготавливается из золота с серебряными пучками лучей и серебряным ободком по кругу. Знак ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени отличается тем, что выпуклая пятиконечная звезда выполнена не из золота, как в ордене первой степени, а из серебра.

Круг в центре звезды выполнен из золота, как в ордене первой степени. Знак ордена Богдана Хмельницкого 3-й степени выполнен полностью из серебра.

В числе первых орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени были награждены начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов, командующие армиями генерал-полковники А. А. Гречко и К. С. Москаленко, генерал-лейтенанты Н. А. Гаген, Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, И. Д. Черняховский, генерал-лейтенант танковых войск М. Е. Катуков, генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский. Орден Богдана Хмельницкого № 1 был вручен командующему 12-й армией генерал-майору А. И. Данилову. Под его руководством армия в результате глубокого маневра 14 октября 1943 г. освободила г. Запорожье. Всего орденом Богдана Хмельницкого было произведено 8451 награждение, в том числе 1076 частей и соединений.

8 ноября 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР учредил высший военный орден Победы для награждения высшего командного состава за успешное проведение боевых операций в масштабе нескольких фронтов или одного фронта, в результате которых обстановка в корне менялась в пользу Красной армии или Объединенных Наций. Знак ордена Победы представляет собой выпуклую пятиконечную рубиновую звезду, окаймленную бриллиантами. В промежутках между концами звезды расходящиеся лучи, усеянные бриллиантами. Середина звезды представляет собой круг (медальон), покрытый голубой эмалью, окаймленный платиновым с нанесением позолоты лаврово-дубовым венком, в центре которого изображение Кремлевской стены с мавзолеем Ленина и Спасской башней в центре. Над изображением надпись белыми эмалевыми буквами «СССР». Характерная особенность лаврово-дубовых венков состоит в том, что они не похожи один на другой, поскольку сделаны ручным способом. В нижней части круга на красной эмалевой ленточке надпись белыми эмалевыми буквами «Победа». Знак ордена Победы изготавляется из платины. Общий вес бриллиантов — 16 карат. Для награжденных орденом Победы была учреждена мемориальная доска для внесения на нее имен кавалеров ордена Победы. Мемориальная доска установлена в Большом Кремлевском дворце.

За выдающиеся заслуги в Великой Отечественной войне орденом Победы были награждены 16 советских и иностранных военачальников. Этого ордена удостоились: И. В. Сталин (дважды), А. М. Василевский (дважды), Г. К. Жуков (дважды), Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, А. И. Антонов. 6 июня 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Победы были награждены верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерал армии США Д. Эйзенхауэр и фельдмаршал Б. Монтгомери (Великобритания), командующий группой союзных армий, высадившихся в Нормандии. 6 июля 1945 г. орденом Победы был награжден румынский король Михай I, а в августе 1945 г. — маршал Польши М. Роля-Жимерский. Пятым иностранным гражданином, награжденным высшим военным орденом СССР, стал председатель Национального комитета освобождения Югославии, верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии маршал И. Б. Тито.

Особое место в ряду правительственных наград СССР занимал орден Славы, который был учрежден Президиумом Верховного Совета СССР 8 ноября 1943 г. для награждения рядового и сержантского состава за личную храбрость, мужество и бесстрашие. Знак ордена Славы представляет собой пятиконечную звезду размером между противолежащими вершинами 46 мм. Поверхность лучей звезды слегка выпуклая. На лицевой стороне в средней части звезды — круг-медальон диаметром 23,5 мм с рельефным изображением Кремля со Спасской башней в центре. По окружности медальона — лавровый венок. В нижней части круга выпуклая надпись «СЛАВА» на красной эмалевой ленточке. На оборотной стороне ордена — круг диаметром 19 мм с рельефной надписью в середине «СССР». По краю звезды и круга на лицевой стороне — выпуклые бортики. Знак ордена 1-й степени изготавливается из золота. Знак ордена 2-й степени изготавливается из серебра, причем круг с изображением Кремля со Спасской башней позолочен. Знак ордена 3-й степени серебряный, без

золочения в центральном круге. Для орденской ленты был избран оранжево-черный цвет, повторявший цвет самой почетной боевой награды дореволюционной России — ордена Святого Георгия, более известного как Георгиевский крест. Награжденным орденами Славы трех степеней были установлены определенные льготы и преимущества наравне с Героем Советского Союза.

Орден Славы 3-й степени № 1 был вручен наводчику роты противотанковых ружей (ПТР) 109-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии рядовому И. В. Харину. В боях за деревню Дмитриевка 14—16 ноября 1943 г. из противотанкового ружья он поджег два средних танка и автомашину с грузом противника, чем способствовал успеху своего подразделения. До этого И. В. Харин был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Орден Славы 2-й степени № 1 получил командир отделения батальона автоматчиков 1-й гвардейской танковой бригады младший сержант В. П. Блинков, отличившийся 26 марта 1944 г. в боях за г. Кальмиц Станиславской области. Орденом Славы 3-й степени он был отмечен в наступательных боях зимой 1943—1944 гг. Первыми кавалерами ордена Славы трех степеней стали ефрейтор М. Т. Питенин и старший сержант К. К. Шевченко (указ от 29 июля 1944 г.). Всего кавалерами ордена Славы трех степеней стали 2638 человек. Среди них четыре женщины: снайпер Н. П. Петрова (награждена посмертно), пулеметчик сержант Д. Ю. Станилиене, медицинская сестра старшина М. С. Нечепорук и воздушный стрелок-радист гвардии старшина Н. А. Журкина. Полные кавалеры ордена Славы А. В. Алешин, И. Г. Драченко, П. Х. Дубинда и Н. И. Кузнецов — одновременно и Герои Советского Союза. Орденом Славы 2-й степени были награждены 46 473 человека, 3-й — около 980 тыс. человек.

Одним из первых орденов, учрежденных в годы Великой Отечественной войны, является орден Отечественной войны 1-й и 2-й степеней (указ от 20 мая 1942 г.). Статут нового ордена подробно и конкретно определял подвиги и заслуги, за которые могло быть произведено награждение им. Знак ордена Отечественной войны 1-й степени представляет собой изображение выпуклой пятиконечной звезды, покрытой рубиново-красной эмалью на фоне золотых лучей, расходящихся в виде пятиконечной полированной звезды, концы которой размещены между концами красной звезды. В середине красной звезды — золотое изображение серпа и молота на рубиново-красной круглой пластинке, окаймленной белым эмалевым пояском, с надписью «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА» и с золотой звездочкой в нижней части пояска. Красная звезда и белый поясок имеют золотые ободки. На фоне лучей золотой звезды изображены концы винтовки и шашки, скрещенных позади красной звезды. Приклад винтовки обращен вправо вниз, эфес шашки — влево вниз. Изображения винтовки и шашки оксидированы. Знак ордена Отечественной войны 1-й степени изготавливается из золота и серебра. Знак ордена Отечественной войны 1-й степени, в отличие от ордена 1-й степени, изготовлялся из серебра. Нижняя лучистая звезда полирована. Изображение винтовки и шашки оксидировано. Остальные части ордена, не покрытые эмалью, позолочены.

Орден Отечественной войны стал первой фронтовой наградой. Его учреждение совпало по времени с тяжелыми боями советских войск в Крыму и под Харьковом. В числе первых награжденных орденом Отечественной войны 1-й степени (указ от 2 июля 1942 г.) были воины-артиллеристы: капитан И. И. Криклий, младший политрук И. К. Стаценко, старший сержант А. В. Смирнов, отличившиеся в ожесточенных боях на харьковском направлении. В мае 1942 г. артиллеристами гвардейского дивизиона капитана И. И. Криклия за два дня непрерывных боев было уничтожено 32 танка противника. Сам он лично подбил пять боевых машин, но был смертельно ранен в бою. Старший сержант А. В. Смирнов со своим расчетом бесстрашно отражал танковые атаки врага. Когда погибли все номера расчета, он продолжал вести огонь из орудия. Он стрелял даже после того, когда осколком снаряда ему оторвало кисть руки. Всего в бою отважный воин уничтожил шесть немецких танков. Политрук И. К. Стаценко не только руководил подчиненными, но и сам уничтожил несколько боевых машин врага.

Орденом Отечественной войны 1-й степени в годы сражений были награждены многие тысячи представителей различных родов войск, а также более 12 тыс. партизан[164]. За активное

участие в борьбе против нацистской Германии, за мужество и доблесть в годы войны более тысячи граждан из 16 зарубежных стран удостоились ордена Отечественной войны. Всего за годы войны этим орденом было произведено награждений: орденом 1-й степени — около 350 тыс., 2-й степени — свыше 1 млн. В связи с 40-летием Победы указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. практически все участники сражений с фашизмом награждены орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней.

Более чем 300-летняя история российского Военно-морского флота богата замечательными боевыми победами. Особое место в когорте героев, покрывших неувядаемой славой его боевые знамена, принадлежит замечательным русским флотоводцам адмиралам Ф. Ф. Ушакову и П. С. Нахимову. Их имена увековечены в наградах Великой Отечественной войны. Для награждения личного состава ВМФ за отличия и заслуги, проявленные в боях, Президиум Верховного Совета СССР 3 марта 1944 г. учредил ордена Ушакова 1-й и 2-й степеней, Нахимова 1-й и 2-й степеней, медали Ушакова и Нахимова.

Знак ордена Ушакова 1-й степени (автор рисунка ордена — капитан 1 ранга, впоследствии вице-адмирал Б. М. Хомич) представляет собой платиновую выпуклую пятиконечную звезду, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. В середине звезды в ободке, выполненном в виде троса, золотой круг, покрытый голубой эмалью, с надписью золотыми буквами в верхней части по окружности: «АДМИРАЛ УШАКОВ». В центре круга расположено золотое полированное погрудное рельефное изображение Ф. Ф. Ушакова. Круг с ободком наложен на черный (оксидированный) якорь, к скобе которого прикреплена черная (оксидированная) якорцепь, обрамляющая круг. Под кругом, поверх якорцепи и рогов якоря, наложены золотые лавровая и дубовая ветви, на соединении которых помещено золотое изображение серпа и молота. Знак ордена Ушакова 2-й степени отличается тем, что звезда знака золотая, круг с ободком покрыт голубой эмалью, буквы надписи и погрудное изображение Ф. Ф. Ушакова серебряные, а под кругом на тренде якоря помещено серебряное изображение серпа и молота. Знак ордена Ушакова 2-й степени лаврово-дубовых ветвей не имеет.

Орденом Ушакова 1-й степени был награжден командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц за умело проведенную совместно с Ленинградским фронтом операцию по освобождению Эстонии. В числе первых орденом Ушакова 1-й степени также были награждены командир бригады подводных лодок Черноморского флота контр-адмирал П. И. Болтунов и командующий военно-воздушными силами Черноморского флота генерал-лейтенант авиации В. В. Ермаченков, особо отличившиеся при освобождении Крыма. Всего орденом Ушакова 1-й степени было сделано 47 награждений, в том числе 10 награждений соединений, частей и учебных заведений ВМФ; 2-й степени — 194 награждения, в том числе 13 награждений соединений и частей ВМФ.

Знак ордена Нахимова 1-й степени представляет собой выпуклую пятиконечную рубиновую звезду, имеющую окантовку из черного (оксидированного) металла, образующую по концам лучей лапы якорей. Основа звезды и окантовка серебряные. В середине звезды в черном ободке золотой круг, покрытый голубой эмалью, с надписью в верхней части по окружности «АДМИРАЛ НАХИМОВ». В центре круга расположено золотое полированное погрудное рельефное изображение П. С. Нахимова. В нижней части круга под изображением П. С. Нахимова две лавровые ветви, изогнутые по окружности, на соединении которых помещено изображение серпа и молота, а по краю круга нанесено изображение из выпуклых точек. Между концами рубиновой звезды, обрамляя золотой круг, проложены звенья якорцепи, из-под которых выходят пучки золотых расходящихся лучей. Знак ордена Нахимова 2-й степени отличается тем, что звезда знака покрыта рубиново-красной эмалью, а круг в середине звезды со всеми изображениями на нем и лучи, выходящие из-под звеньев якорцепи, серебряные. Знак ордена 1-й степени изготавливается из золота и серебра, а 2-й степени — из серебра.

Первым кавалером ордена Нахимова 1-й степени стал генерал-лейтенант береговой службы П. А. Моргунов. Руководимые им силы береговой обороны Черноморского флота успешно срывали все попытки врага остановить наступление советских войск на Севастополь,

который был освобожден 9 мая 1944 г. Самым первым ордена Нахимова 2-й степени удостоился летчик 46-го штурмового авиационного полка Северного флота младший лейтенант Н. И. Васин (приказ командующего флотом от 5 апреля 1944 г.). Всего орденом Нахимова 1-й степени было произведено 82 награждения, в том числе четыре части и соединения ВМФ, а 2-й степени — 469 награждений, в том числе две части ВМФ.

Первыми награжденными медалью Ушакова стали: на Черноморском флоте — мичманы С. В. Горохов, В. П. Степаненко и старшина 1-й статьи В. И. Шевбунов; на Северном флоте — старшина 2-й статьи Н. В. Фадеев; на Балтийском флоте — старший краснофлотец А. К. Афанасьев, старшины 1-й статьи Н. В. Беляев и Е. А. Бычинский. В связи с 50-летием школы юнг на Соловецких островах указом Президента Российской Федерации от 7 июля 1992 г. медалью Ушакова были награждены около тысячи граждан Российской Федерации, бывших юнг, принимавших непосредственное участие в боевых действиях.

Одними из первых медалью Нахимова были награждены: разведчики сержант И. А. Колосов, краснофлотцы Е. В. Толстов и Ф. Г. Мошков (Северный флот), краснофлотец Н. Д. Белик, старшина 1-й статьи Г. И. Беликов, главный старшина И. Ф. Белкин (Черноморский флот), краснофлотец Н. Г. Вавилкин, старшина 1-й статьи В. А. Васильев, краснофлотец А. С. Гаврилов (Балтийский флот).

Одной из наиболее почитаемых медалей в годы войны являлась медаль «За отвагу». Она была учреждена еще 17 октября 1938 г. (автор рисунка медали — художник С. И. Дмитриев). За годы Великой Отечественной войны медалью «За отвагу» было произведено свыше 4 млн 230 тыс. награждений. Другой медалью, учрежденной еще в предвоенные годы вместе с медалью «За отвагу», была медаль «За боевые заслуги». В период войны медалью «За боевые заслуги» было произведено 5 210 078 награждений.

В Великой Отечественной войне, еще более массово, чем в Отечественной войне 1812 г., проявились замечательные патриотические качества народа. Великим памятником доблести и славы вечно будут жить в истории славные подвиги героических защитников Ленинграда и Москвы, Одессы и Севастополя, Сталинграда и Киева, Кавказа и Заполярья. Государство отметило героическую оборону этих городов и территорий, учредив 22 декабря 1942 г. медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», 1 мая 1944 г. — медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа». 2 февраля 1943 г. была учреждена особая медаль «Партизану Отечественной войны», которая имела две степени, 5 декабря 1944 г. — медаль «За оборону Советского Заполярья» и 21 июня 1961 г. — «За оборону Киева». Весь мир выражал свое восхищение стойкостью и бесстрашием советских воинов, заслуживших эти награды. 9 июня 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР учредил памятные медали: «За взятие Будапешта», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги». Указанные награды были вручены непосредственным участникам этих событий.

В ознаменование окончания войны и разгрома фашистской Германии были учреждены медали: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (указ от 9 мая 1945 г., авторы медали — художники Е. М. Романов и И. К. Андрианов) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (указ от 6 июля 1945 г., авторы рисунка медали — художники Е. М. Романов и И. К. Андрианов). Первой медалью награждались все военнослужащие, принимавшие участие в войне в составе действующей армии, а также лица, не принимавшие участие в военных действиях, но прослужившие определенное время в рядах Красной армии и внесшие вклад в победу над оккупантами, а также партизаны и подпольщики. Этой медалью были награждены около 15 млн человек.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждались работники промышленности, транспорта, сельского хозяйства, деятели науки и культуры, работники государственных и общественных организаций, обеспечивавшие своим трудом победу Советского Союза над фашистской Германией. Всего этой медалью были награждены более 16,1 млн человек.

После разгрома на Дальнем Востоке Японии была учреждена медаль «За победу над Японией» (указ от 30 сентября 1945 г.). Этой медалью награждались непосредственные участники боев. Ее получили более 1,8 млн чел.

Всего за боевые подвиги и отличия за период Великой Отечественной и Советско-японской войн по состоянию на 1 января 1946 г. было произведено 13 млн награждений, в том числе за боевые подвиги и отличия в боях с немецкими захватчиками — более 12 млн.[165] Из общего числа произведенных награждений звание Героя Советского Союза присвоено 11 681 человеку (в том числе 640 удостоены в послевоенные годы). Награждены второй медалью «Золотая Звезда» — 104, третьей медалью «Золотая Звезда» — три человека. Среди удостоенных высшей степени отличия в годы войны представители многих наций и народностей, населявших СССР[166]. Всего орденами произведено более 5,3 млн награждений, а медалями — 7 млн 587 тыс. награждений. По годам число награждений распределяется следующим образом: в 1941 г. — более 32 тыс. человек, в 1942 г. — более 395 тыс., в 1943 г. — более 2 млн, в 1944 г. — более 4 млн, в 1945 г. — более 5 млн человек.

Единственным в стране четырежды Героем Советского Союза стал полководец Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Первым в стране тремя медалями «Золотая Звезда» награжден А. И. Покрышкин (24 мая 1943 г., 24 августа 1943 г., 19 августа 1944 г.). Во время войны он был заместителем командира и командиром эскадрильи, командиром истребительного авиационного полка, затем истребительной авиационной дивизии. На фронте — с первого дня войны. Тремя медалями «Золотая Звезда» награжден еще один прославленный летчик — И. Н. Кожедуб (4 февраля 1944 г., 19 августа 1944 г., 18 августа 1945 г.).

В ожесточенных схватках с врагом с первых дней войны проявились высокие качества военнослужащих всех родов войск. На всем протяжении границы стойко отражали удары агрессора пограничники. За подвиги, совершенные в первые дни войны, 11 бойцов и командиров-пограничников удостоены звания Героя Советского Союза. Первым Героем Советского Союза в стрелковых войсках стал командир 1-й мотострелковой дивизии 2-й армии Западного фронта полковник Я. Г. Крейзер (22 июля 1941 г.), в кавалерии — командир 134-го кавалерийского полка 28-й кавалерийской дивизии майор Б. А. Кротов (9 ноября 1941 г.), в артиллерии — наводчик орудия противотанковой батареи 680-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии красноармеец Я. Х. Кольчак (28 августа 1941 г.). 22 июля 1941 г. в числе первых звание Героя Советского Союза было присвоено воину-танкисту, командиру 19-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса генералу К. А. Семенченко. В инженерных войсках первым был удостоен звания Героя Советского Союза помощник командира саперного взвода 184-го отдельного саперного батальона 7-й армии красноармеец В. В. Карандаков (20 ноября 1941 г.). Первым Героем Советского Союза в ВВС стал Н. Ф. Гастелло (26 июля 1941 г.). Самоотверженно сражались военные моряки. 13 июля 1941 г. звание Героя Советского Союза было присвоено помощнику командира взвода Мурманского укрепленного района старшему сержанту В. П. Кислякову — первому в Военно-морском флоте.

Вклад ученых, конструкторов военной техники, вооружения, тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны отмечен званием Героя Социалистического Труда. Одним из первых были удостоены этого звания народный комиссар авиационной промышленности А. И. Шахурин, его заместители П. В. Дементьев и П. А. Воронин, директор авиационного завода А. М. Третьяков (указ от 8 сентября 1941 г.). Героями Труда стали также конструктор одного из первых образцов реактивного оружия А. Г. Костиков (28 июля 1941 г.), конструктор танков Ж. Я. Котин и директор Кировского завода в Ленинграде И. М. Зальцман (19 сентября 1941 г.), авиаконструктор С. В. Илюшин (25 ноября 1941 г.).

После войны выяснилось, что около 3 млн наград оказались неврученными. Главной из причин была сама война. Награжденные уходили в новые бои, погибали, умирали от ран. Сказались и большие перемещения личного состава в войсках. И наконец, монетные дворы не успевали изготавливать орденские знаки. Только в 1944 г. было недодано более 1 млн орденов и медалей. Благодаря принятым мерам более 2 млн наград обрели за послевоенные годы своих владельцев. Розыск продолжается и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Кн. 4. С. 213.

[2] Военная энциклопедия: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 467—468.

[3] Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941—1945) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21—22 апреля 2005 г. М., 2007. С. 33—34.

[4] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 468.

[5] *Падерин А. А., Томан Б. А.* Государство и общество в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 2002. С. 120.

[6] Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 5. М., 2001. С. 183.

[7] Там же. Т. 8. М., 2004. С. 159.

[8] Там же. С. 126—127.

[9] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941—1945. М., 2002. С. 54.

[10] *Черепанов В. В.* Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 468.

[11] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939—1945. М., 2011. С. 179.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 41. Л. 1.

[13] Там же. Л. 28.

[14] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 171—172.

[15] Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008. Кн. 2. С. 202.

[16] См.: *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 252—262, 301.

[17] ГАРФ. Ф. 7523; Ведомости Верховного совета СССР 1941—1942 гг.

[18] *Падерин А. А., Томан Б. А.* Указ. соч. С. 185—186.

[19] *Калинин М. И.* Вопросы советского строительства. М., 1958. С. 670.

[20] Конституция и конституционные акты Союза ССР (1922—1936). Сб. документов. М., 1940. С. 186—187.

[21] *Куликова Г. Б.* Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. М., 1974. С. 86.

[22] *Лотарева М. И.* Деятельность местных органов народовластия по организации материальной и духовной поддержки обороны страны в годы Великой Отечественной войны (1942—1945). М., 2007. С. 24—25.

[23] *Черепанов В. В.* Указ. соч. С. 466.

[24] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 615.

[25] Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 3.

[26] Там же. С. 4.

[27] История второй мировой войны 1939—1945 гг.: в 12 т. М., 1982. Т. 12. С. 154.

[28] *Соловьёв Б. Г.* Экономическое противоборство СССР с Германией в Великой Отечественной войне. Ереван, 2000. С. 16—17.

[29] Военное хозяйство — Тыл Вооруженных сил России (XVIII—XX вв.) М., 2003. С. 285.

[30] Там же.

[31] Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 43.

[32] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941—1945. М., 2002. С. 158.

[33] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Изд. 2-е, пер. и доп. М., 1985. С. 105.

[34] Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 106.

[35] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 79.

[36] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сб. М., 1990. С. 15.

[37] Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. С. 108.

[38] Народное хозяйство СССР Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 15.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 1849. Д. 1. Л. 105.

[42] Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 5.

[43] Цит. по: Международная научная конференция «Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа — по архивным документам». М., 1995. С. 6.

[44] Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 5.

[45] Там же. 2006. № 1. С. 15.

[46] *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973. С. 198.

[47] Правда. 1943. 9 января.

[48] Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 15.

[49] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 18.

[50] *Соловьёв Б. Г.* Указ. соч. С. 18.

[51] *Ковалёв И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981. С. 143.

[52] Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 15.

[53] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 350.

[54] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 560.

[55] Советский тыл в Великой Отечественной войне М., 1974. Кн. 1. С. 188.

[56] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 85.

[57] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР 1941–1945 гг. М., 1963. С. 381–382.

[58] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. М., 1970. С. 571.

[59] Советская социалистическая экономика. 1917–1957 гг. М., 1957. С. 581.

[60] Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 16.

[61] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 103. Л. 168–170.

[62] *Краснов В. Н.* Ленд-лиз и развитие советского флота // Вопросы истории, естествознания и техники. 1993. № 1. С. 73.

[63] История автомобильного транспорта России 1941–1945 гг. М., 1998. С. 76–77.

[64] Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ч. IV, V, VI. Л., 1963. С. 326.

[65] История автомобильного транспорта России 1941–1945 гг. С. 76–77.

[66] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1962. С. 225.

[67] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 87.

[68] ЦАМО. Ф. 87. Оп. 37009. Д. 75. Л. 358.

[69] Там же. Ф. 81. Оп. 6342. Д. 1. Л. 8, 58–61.

[70] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 492.

[71] ЦАМО. Оп. 120370. Д. 470. Л. 110.

[72] Там же. Ф. 81. Оп. 12074. Д. 3-а. Л. 177.

[73] Тыл Советской армии. М., 1968. С. 274.

[74] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 498138. Д. 2. Л. 6, 11; Оп. 132054. Д. 18. Л. 1.

[75] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 496.

[76] Тыл Советской Армии. С. 284.

[77] Там же. С. 273.

[78] *Байбаков Н. К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 186.

[79] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 523.

[80] *Байбаков Н. К.* Указ. соч. С. 164.

[81] *Иголкин А.* Подвиг нефтяников // Нефть России. 2008. № 5.

[82] *Байбаков Н. К.* Из трудовой биографии // НТО им. Губкина И. М. 1995 г.

[83] *Байбаков Н. К.* Нефтяной фронт. М., 1995.

[84] *Зеленков В. Г., Ичетовкин Н. В.* Северо-Восток в годы Великой Отечественной войны. Магадан, 2006.

[85] *Козловский Е. А.* Уроки Великой войны: геология и национальная безопасность. М., 2009.

[86] *Байбаков Н. К.* Нефтяной фронт. М., 1995.

[87] *Иголкин А.* Новая столица советской нефтедобычи // Нефть России. 2007. № 7.

[88] *Колтунова А. Н.* Женщины на шахтах Дона в годы Великой Отечественной войны // Уголь. М., 2006. Май.

[89] *Славский Е. П.* Творцы ядерного века. М., 1998.

[90] *Пришвин М. М.* Дневники. М., 1990. С. 301.

[91] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 288–289.

[92] Пятидесятилетие Великой Победы над фашизмом. История и современность. Материалы международной научной конференции 27 сентября — 3 октября 1995 г. Смоленск, 1995. С. 343.

[93] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85.

[94] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 13.

[95] Там же. С. 22, 27.

[96] Там же. С. 28.

[97] Там же. С. 51.

[98] Там же. С. 42, 78, 116–117, 118, 144 и др.

[99] Там же. С. 144.

[100] Там же. С. 160–161.

[101] Там же. С. 88, 91, 177.

[102] Там же. С. 30, 40.

[103] Народ и война. 50 лет великой Победы. СПб., 1995. С. 247–254.

[104] Великий подвиг советского народа. М., 1975. С. 210.

[105] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. М., 1987. Т. 5. С. 280.

[106] *Кондакова И. И.* Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945 гг.). М., 1982. С. 139.

[107] Правда. 1944. 22 июня.

[108] Сборник сообщений Чрезвычайной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1964. С. 430.

[109] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 46.

[110] *Симонов К. М.* Стихотворения и поэмы. М., 1982. С. 133.

[111] *Светлов М. А.* Стихотворения, песни, поэмы. М., 1983. С. 134.

[112] Правда. 1945. 14 апреля.

[113] Война Германии против Советского Союза. С. 251.

[114] Цит. по: Летописцы победы. М., 1984. С. 16–17.

[115] Цит. по: *Тюшкевич С. А.* Борьба за огонь. М., 2010. С. 212.

[116] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 13–14.

[117] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. Изд. 2-е доп. и испр. М., 2005. С. 298; *Тюшкевич С. А.* Указ. соч. С. 219.

[118] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 370.

[119] Центральный архив ВЦСПС (далее — ЦА ВЦСПС). Ф. «ПМ». Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 г. Л. 8, 10.

[120] См.: История профдвижения в СССР. М., 1961. С. 389.

[121] ЦА ВЦСПС. Ф. «ПМ». Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 г. Л. 40.

[122] Центр хранения документов молодежных организаций (далее — ЦХДМО). Материалы к отчету ЦК ВЛКСМ XI съезду комсомола. Л. 84.

[123] ЦХДМО. Л. 86–87.

[124] Там же. Л. 187–188.

[125] Там же. Л. 94.

[126] Там же. Л. 96–97.

[127] ЦХДМО. Л. 155.
[128] Там же.
[129] Там же. Отчет о работе организации юных пионеров. Л. 11.
[130] Там же.
[131] См.: 40 лет советской потребительской кооперации. М., 1957. С. 83.
[132] Там же. С. 95.
[133] С 1951 г. Осоавиахим получило название «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту» (ДОСААФ).
[134] К середине 1930-х гг. Автодор, Общество друзей радио прекратили свое существование, а подготовка специалистов, обучавшихся в них, была возложена на Осоавиахим. В связи с этим роль последнего в военном обучении населения еще более возросла.
[135] ЦХДМО. Материалы к отчету ЦК ВЛКСМ XI съезду комсомола. Л. 42.
[136] ЦА ДОСААФ. Ф. «Осоавиахим». Оп. 16. Арх. 41. Л. 80, 82.
[137] Там же. Оп. 1. Арх. 1. Л. 151.
[138] ЦХДМО. Материалы к отчету ЦК ВЛКСМ XI съезду комсомола. Л. 87.
[139] 40 лет советского Красного Креста. 1918–1958. М., 1959. С. 38.
[140] Там же.
[141] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 213.
[142] Там же. Л. 53, 191.
[143] ЦА ВЦСПС. Ф. 447. Д. 84. Л. 23.
[144] Там же. Л. 24.
[145] Там же. Л. 56–57.
[146] Там же. Ф. «ПМ». Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 г. Л. 139.
[147] С. А. Лозовский после войны был арестован как враг народа и расстрелян в 1952 г. вместе с двенадцатью другими активными деятелями Еврейского антифашистского комитета.
[148] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 120.
[149] РГАСПИ. Оп. 121. Д. 84. Л. 82–94; Д. 94. Л. 92–98, 143–152; Оп. 125. Д. 106. Л. 1–6; Д. 317. Л. 1–3.
[150] В то же время инициативы общественности по созданию добровольных организаций ветеранов войны, помощи детям, пострадавшим от войны, не были поддержаны.
[151] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 22.
[152] Антирелигиозник. 1937. № 11. С. 2.
[153] *Фончиков В. В.* Выступление на встрече историков, философов, деятелей культуры // 30-е годы: взгляд из сегодня. М., 1990. С. 158.
[154] Там же.
[155] Там же. С. 15.
[156] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 328.
[157] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 364.
[158] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 328.
[159] Там же.
[160] *Цыпин В.* История Русской православной церкви. 1917–1990 // Московская епархия. 1994. С. 117.
[161] Отечественная история. 1995. № 3. С. 78–79.
[162] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 301.
[163] Там же. С. 302.
[164] Там же. С. 303.
[165] Там же.
[166] Там же. С. 305.

ФИНАЛ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

На варшавско-берлинском направлении

Закончился 1944 г. На советско-германском фронте вермахт потерпел сокрушительные поражения. От немецких оккупантов была освобождена вся территория СССР, за исключением Курляндского полуострова. Советские войска очистили от захватчиков также значительную часть восточноевропейских государств. Линия фронта проходила в Восточной Пруссии по государственной границе нацистской Германии, затем через Польшу, Словакию и Венгрию. Успешно вела борьбу с оккупантами на своей территории Народно-освободительная армия Югославии. В составе Красной армии сражались войска Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии. На западе войска союзников вышли на границу с Германией. В Арденнах они отражали начатое немцами в середине декабря 1944 г. контрнаступление. Совместно с армиями США, Англии, Канады и Франции против германского вермахта сражались польские, новозеландская, южноафриканская дивизии, а также боевые группы итальянских войск. К началу 1945 г. поражение Германии было очевидным. Красная армия с востока, англо-американские войска с запада готовили сокрушительные удары.

Под оккупацией Германии все еще продолжали находиться некоторые европейские государства. Из когда-то многочисленных союзников теперь на стороне вермахта остались лишь армия свергнутого в Венгрии режима и остатки итальянских войск. К началу 1945 г. вермахт имел еще довольно значительные силы: 295 дивизий и 30 бригад. Вместе с ним действовали 16 венгерских дивизий и бригад, четыре итальянские дивизии и бригада. Германские войска могли не только обороняться, но и на отдельных направлениях наносить ощутимые удары, что показали декабрьские события в Арденнах и январские в Венгрии. Оставаясь еще сильным противником, Германия уже не могла выиграть войну. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе начальник главного штаба вооруженных сил Германии фельдмаршал В. Кейтель говорил: «С лета 1944 г. я понял, что военные уже сказали свое слово и не могут оказать решающего воздействия на ход войны — дело осталось за политикой»[1].

План германского верховного командования на 1945 г. заключался в том, чтобы упорной обороной на востоке задержать наступление Красной армии и не допустить ее продвижения в глубь Германии. На западном фронте удары вермахта должны были заставить США и Великобританию изменить свою политику по отношению к Германии и способствовать достижению сепаратных сделок. Исходя из этого, германское командование и распределило свои силы. На восточном фронте, который по-прежнему оставался главным, находились 185 дивизий и 21 бригада, включая венгерские войска. Здесь насчитывалось 3,7 млн чело-

век, в то время как на западе было всего 1,9 млн. Войска на востоке имели 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. боевых самолетов.

Завершающую кампанию войны в Европе Вооруженные силы Советского Союза должны были начать мощным наступлением пяти фронтов от Балтики до Карпат. Военные действия Красной армии, которые должны были развернуться на участке в 1200 км, включали в себя проведение двух крупнейших взаимосвязанных между собой стратегических операций — Висло-Одерской и Восточно-Прусской. На варшавско-берлинском направлении разгром сильной вражеской группировки возлагался на войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, которыми командовали маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев. Севернее наступали армии левого крыла 2-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, южнее — часть сил 4-го Украинского фронта, возглавляемого генералом И. Е. Петровым. Идея советского командования заключалась в нанесении одновременных сильных ударов с плацдармов, захваченных на левом берегу Вислы еще летом 1944 г. в ходе Белорусской и Львовско-Сандомирской операций. После рассечения фронта противника планировалось быстро ввести в образовавшиеся бреши крупные массы войск и развить успех танковыми и механизированными соединениями, чтобы не дать возможности отступавшим немецким войскам организовать оборону на заранее подготовленных рубежах.

Красная армия вместе с восточными союзниками к началу 1945 г. имела 6,7 млн человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и САУ и 14,7 тыс. боевых самолетов. Она превосходила противника в личном составе — в 1,8 раза, в орудиях и минометах — в 1,9 раза, в танках и САУ — в 1,5 раза, в боевых самолетах — в 3,6 раза. Ставка ВГК приступила к подготовке завершающей военной кампании еще осенью 1944 г. Идея ее предусматривала наступление на всем советско-германском фронте. На первом этапе предполагалось разгромить противника в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии и овладеть рубежом устье Вислы — Познань — Бреслау (Вроцлав) — Моравска-Острава — Вена. На втором этапе намечалось взять Берлин, Прагу и, соединившись с англо-американскими войсками, завершить разгром Германии.

Обе стороны тщательно готовились к противоборству. Немецкое командование полагало, что зимой 1945 г. советские войска нанесут два удара: главный — через Венгрию и Чехию, а второй — в Восточной Пруссии. Оно ожидало и наступления советских войск, находившихся на рубеже р. Вислы, но с ограниченными целями. Кроме того, командование вермахта ошибочно считало, что Красная армия будет наступать не одновременно на всем советско-германском фронте, а последовательно, как в 1944 г. Просчет германской разведки в определении вероятного направления главного удара Красной армии привел к тому, что плотность сил и средств немцев на варшавско-берлинском направлении оказалась в 1,5—2 раза меньше, чем в среднем на всем восточном фронте. Слабость войск в Польше противник стремился компенсировать созданием мощной системы оборонительных позиций. К началу 1945 г. на обширном пространстве общей глубиной более 500 км было построено семь оборонительных рубежей. Однако войсками был занят только первый (вислинский) рубеж глубиной до 70 км. Для обороны остальных рубежей в Польше группа армий «А» сил не имела. Командующий группой армий генерал Й. Харпе предполагал занимать их последовательно, чтобы ослабить и остановить советское наступление. Германское командование придавало особое значение обороне крупных городов, подобных Варшаве, Познани, Катовице, Бреслау. Они объявлялись крепостями, гарнизоны которых возглавляли специально подобранные генералы. Одновременно принимались меры по повышению боеспособности войск. Офицеры заставляли подчиненных дать подписку, что без приказа не оставят позиций, в противном случае их семьи будут расстреляны.

На западном берегу Вислы советские войска имели три плацдарма в районах Магнушева, Пулавы и Сандомира. Ставка ВГК сосредоточила в полосах 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов почти треть личного состава, артиллерии, авиации и более 50% танков. Всего фронты насчитывали 2,5 млн человек, 33,5 тыс. орудий и минометов, более 7 тыс. танков и САУ, 5 тыс. боевых самолетов. В результате на варшавско-берлинском направлении

было достигнуто подавляющее превосходство над противником: по личному составу оно было четырехкратным, по артиллерии и танкам — шестикратным, по самолетам — восьмикратным. Командующий 1-м Белорусским фронтом решил прорвать вражескую оборону на трех участках. Главный удар нанести с магнушевского плацдарма, второй — с пулавского, третий — севернее Варшавы. Прорыв наиболее сильной обороны противника он возлагал на стрелковые соединения. Их усилия предполагалось наращивать вводом в сражение отдельных танковых корпусов. Танковые армии сохранялись для развития успеха в глубину. Их ввод намечался на второй-третий день операции. Командующий призывал танковых командиров смело продвигаться в глубину, не боясь большого отрыва от пехоты, чтобы не дать противнику возможности организовать оборону. При любом отрыве Г. К. Жуков обещал танкистам надежную поддержку авиацией. Командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев создал одну ударную группировку, которая должна была прорывать оборону с сандомирского плацдарма. Удар общевойсковых армий, усиленных тремя отдельными танковыми корпусами, он планировал нарастить вводом в сражение двух танковых армий. При этом И. С. Конев, планируя наступление в Польше, не допускал большого отрыва танковых соединений от основных сил фронта.

Одновременно готовилось наступление и в Восточной Пруссии. В Северной Польше и Восточной Пруссии оборонялись войска немецкой группы армий «Центр» под командованием генерала Г. Рейнгардта. Группа имела 580 тыс. солдат и офицеров, более 8 тыс. орудий и минометов, 700 боевых самолетов. Войска К. К. Рокоссовского и И. Д. Черняховского вместе с 43-й армией насчитывали 1669 тыс. человек, 25,4 тыс. орудий и минометов, около 4 тыс. танков и САУ и более 3 тыс. боевых самолетов. Это обеспечивало превосходство над противником в личном составе и артиллерии в 2—3 раза, а в танках и самолетах — в 4—5,5 раза. Войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского должны были ударами с плацдармов на р. Нарев разгромить неприятеля в Северной Польше. Генерал И. Д. Черняховский, командовавший 3-м Белорусским фронтом, получил задачу наступать на Кёнигсберг с востока. В разгроме противника на кенигсбергском направлении ему способствовала 43-я армия генерала А. П. Белобородова, входившая в состав 1-го Прибалтийского фронта генерала И. Х. Баграмяна. Замысел И. Д. Черняховского заключался в нанесении фронтального удара на Кёнигсберг в обход мощных укреплений противника севернее Мазурских озер. Конечная цель наступления войск 3-го Белорусского фронта состояла в том, чтобы охватить основные силы восточно-прусской группировки немцев с севера и в последующем совместно со 2-м Белорусским фронтом разгромить их. К. К. Рокоссовский планировал нанести удары с плацдармов на р. Нарев. Оборону неприятеля на главном направлении намечалось прорвать с ружанского плацдарма силами общевойсковых армий. Для развития успеха на север предполагалось использовать сначала танковый, механизированный и кавалерийский корпуса, а затем и танковую армию, стремительно выйти к морю и отрезать германские войска в Восточной Пруссии. Другой удар намечался с сероцкого плацдарма вдоль левого берега Вислы.

Советское командование не сообщало свои планы на зимнее наступление 1945 г. западным союзникам. 14 декабря 1944 г. посол США в Москве А. Гарриман, изложив И. В. Сталину намерения союзников в Европе, попросил его информировать о планах советского командования. И. В. Сталин ответил, что сможет это сделать лишь через несколько дней. И в это время случилось непредвиденное — началось наступление немцев в Арденнах.

Нацистская Германия, зажатая с востока, юго-востока, юга и запада, старалась найти выход из критического положения. Гитлеровское руководство, надеясь на раскол коалиции антифашистских государств, предпринимало все меры для затягивания войны, искало пути к заключению сепаратного мира с США и Англией. Все делалось для того, чтобы как можно больше войск перебросить на восток и закрыть там бреши, образовавшиеся в результате стремительного продвижения Красной армии. Для этого некоторые гитлеровские генералы предлагали даже открыть западный фронт. Однако А. Гитлер и его ближайшие советники считали целесообразным продолжать военные действия на всех фронтах, причем на западном

фронте намечалось провести крупную наступательную операцию. По расчетам А. Гитлера, в результате удачного исхода операции планы союзников должны были оказаться расстроены на длительный срок, и противнику пришлось бы произвести принципиальный пересмотр своей политики.

Именно в этих условиях руководство Третьего рейха и предприняло попытку переломить ход событий на западном фронте. Проведением контрнаступления на западе оно решило подтолкнуть правящие круги США и Англии к заключению сепаратной сделки. Районом контрнаступления были избраны Арденны[2] — один из самых уязвимых участков обороны англо-американских войск. Он был прикрыт небольшими силами: 115-километровый участок обороняли до пяти дивизий из состава 1-й американской армии 12-й группы армий союзников. По плану операции (кодовое название «Вахта на Рейне») главный удар наносился из района Арденн (на юго-востоке Бельгии) в общем направлении на Антверпен. Тем самым отрезалась вся группировка англо-американских армий в районе Ахена от американских и французских сил, действовавших во Франции южнее Арденн. На выполнение этой задачи отводилось семь дней.

В это время Красная армия вела успешное наступление в Заполярье, Прибалтике, на будапештском направлении, перенесла боевые действия в Восточную Пруссию. Именно поэтому немецкое командование не имело возможности перебросить части и соединения с востока на запад, а сосредоточенные для прорыва в Арденнах группировки по своему составу были недостаточны для достижения запланированных целей. Латание брешей, постоянно образующихся на восточном фронте в результате ударов советских войск, привело к недостатку резервов у германского верховного главнокомандования, что в конечном счете исключило возможность создания дополнительных сил для развития успеха в Арденнской операции. Поэтому гитлеровское командование предполагало осуществлять переброску дополнительных сил в Арденны уже в ходе наступления.

Контрнаступление немцев началось рано утром 16 декабря 1944 г. в нелетную погоду, что лишало союзников возможности нанести массированный удар по немецким войскам. В этот день на рассвете 25 немецких дивизий, в том числе семь танковых, прорвали фронт 12-й американской группы армий и двинулись на Брюссель и Антверпен. Наступление войск группы армий «Б» под командованием фельдмаршала В. Моделя оказалось для американцев неожиданностью, в результате чего они не смогли оказать сильного сопротивления наступавшему врагу. Причем ни командование армий и групп, ни верховное командование союзников не предполагали, что гитлеровцы готовят мощный удар в районе Арденн в середине декабря. Главнокомандующий союзными войсками Д. Эйзенхауэр о немецком наступлении узнал лишь вечером.

Хотя войска вермахта и не сумели полностью выполнить задачи, поставленные на первые дни операции, но внезапность позволила им быстро прорвать оборону. К месту прорыва Д. Эйзенхауэр стал спешно подтягивать войска. Быструю помощь отходившим войскам могла оказать мощная англо-американская авиация, но ее действия сковывала нелетная погода. Создалась критическая ситуация. Союзные войска утратили инициативу и с трудом сдерживали натиск гитлеровцев. В эти дни Д. Эйзенхауэр писал в Вашингтон Объединенному комитету начальников штабов: «Если русские намереваются предпринять решительное наступление в этом или следующем месяце, известие об этом факте имеет для меня исключительно важное значение... Можно ли что-либо сделать, чтобы добиться такой координации?»[3]. Через три дня Ф. Рузвельт отправил послание И. В. Сталину, в котором, в частности, говорилось: «Для того чтобы мы могли получить информацию, важную для координации наших усилий, я хочу дать указание генералу Эйзенхауэру направить компетентного офицера из его штаба в Москву для обсуждения с Вами положения дел у Эйзенхауэра на западном фронте и вопроса о взаимодействии с восточным фронтом»[4]. В Москву вылетел заместитель Д. Эйзенхауэра английский маршал авиации А. Теддер.

К 25 декабря немцы продвинулись в 80-километровой полосе почти на 100 км. Передовые танковые части вышли в район г. Динан и находились в 4 км от р. Маас. Хотя к 26 де-

Торжественный марш колонны советских войск по улице Софии

Советские войска вступают в Бухарест

кабря ударами британских и американских войск с севера и 3-й американской армии с юга продвижение вермахта было остановлено, напряженные бои в этом районе продолжались. К концу декабря контрнаступление гитлеровцев было остановлено. Отражению немецкого контрнаступления в Арденнах войсками западных союзников в большой степени способствовало продолжавшееся в декабре мощное наступление 2-го и 3-го Украинских фронтов в рамках Будапештской операции (октябрь 1944 — февраль 1945 г.). Почти одновременно с Арденнской операцией начались бои за Будапешт. Уже 26 декабря советские войска в районе венгерской столицы окружили 188-тысячную вражескую группировку, для деблокирования которой командование вермахта начало стягивать силы, в том числе соединения, находившиеся в его резерве. Именно этих резервов и не хватало гитлеровцам для продолжения наступления в Арденнах.

Немецкое командование было вынуждено снять также некоторые соединения непосредственно с западного фронта. Так, уже 27 декабря был отдан приказ о срочной переброске четырех наиболее боеспособных дивизий, а с 5 января 1945 г. — более 400 боевых самолетов с запада на восточный фронт[5]. В результате этого не проводилась наступательная операция на северном крыле западного фронта, запланированная на 30 декабря, — союзники избежали еще одного удара. Таким образом, напряженная обстановка для немецких войск на востоке явилась одним из факторов, способствовавших отражению союзниками мощного вражеского наступления. Хотя германское верховное главнокомандование имело на западе резервные соединения, оно не смогло использовать их в Арденнах. Этому помешали удары советских войск на будапештском направлении, а также то, что на восточном фронте германское командование зимой 1944–1945 гг. ожидало еще более мощные удары Красной армии. Имевшиеся резервы, по мнению гитлеровского руководства, могли потребоваться для переброски на восток, где «русские в самое ближайшее время начнут гигантское наступление против Восточной Пруссии и Верхней Силезии».

После того как в районе Арденн не удалось достичь поставленных целей, немецкое руководство намеревалось это сделать проведением нескольких операций на других направлениях. Одна из них намечалась в Эльзасе и на Верхнем Рейне[6]. Ударами из района севернее Страсбурга предполагалось окружить и уничтожить ослабленную 7-ю американскую армию, а затем возобновить наступление на Маас. Наступление германских войск в Эльзасе началось в ночь на 1 января 1945 г. В тот же день около тысячи немецких самолетов нанесли мощные удары по 27 аэродромам американо-английских войск, расположенным в Бельгии и Нидерландах. Для западных союзников это стало «еще одной неприятной неожиданностью». В результате налета было уничтожено 250 самолетов союзников, но и немцы потеряли около 300 самолетов. Развернулись ожесточенные бои на южном фасе арденнского выступа, где американские войска подвергались сильному натиску со стороны противника.

Захват германскими войсками арденнского выступа, наступление в Эльзасе, налет крупных сил немецкой авиации на аэродромы союзников — все это ухудшило положение американских, английских и французских войск. Союзное верховное командование было не только обеспокоено сложившейся тяжелой обстановкой, оно оказалось в растерянности. Несмотря на то что к 3 января наступление немцев было остановлено, положение, которое сложилось на всем западном фронте, особенно в Арденнах и Эльзасе, для союзных войск оставалось тяжелым. Д. Эйзенхауэр вынужден был обратиться в Вашингтон с просьбой срочно направить в Западную Европу дополнительные силы. Однако переброска нескольких соединений была обещана только в течение ближайших двух месяцев. Между тем Арденнская операция вермахта показала, что немецкая армия еще очень сильна и дальнейшие действия западных союзников потребуют значительных жертв. Наступление немцев в Эльзасе вызвало крайнее беспокойство у союзного командования, ожидавшего удары гитлеровцев и на других направлениях. Своим опасением главнокомандующий союзными войсками поделился с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, на встрече с которым присутствовали также Ш. де Голль и Б. Монтгомери. Генерал Д. Эйзенхауэр и его штаб, как вспоминал У. Черчилль, «жаждали узнать, могут ли русские что-либо сделать со своей стороны, чтобы

облегчить нажим, которому мы подверглись на западе. Все усилия офицеров связи в Москве получить ответ у русских коллег терпели неудачу»[7].

В связи с тем что А. Теддера надолго задержала в Каире нелетная погода, его встреча с И. В. Сталиным состоялась лишь 15 января 1945 г. У. Черчилль вновь обратился к И. В. Сталину. 6 января британский премьер писал: «Если он (А. Теддер. — *Прим. ред.*) еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное наступление (Красной армии. — *Прим. ред.*) на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты»[8]. И. В. Сталин откликнулся на эту просьбу. На следующий день он сообщил: «...учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка решила... не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января»[9]. Обещанный срок начала наступления Красной армии теперь ограничивал возможности дальнейшего переноса наступления из-за неблагоприятной погоды. Его пришлось начать, так и не дождавшись ее улучшения. Уже 12 января, на восемь дней ранее намеченного срока, Вооруженные силы Советского Союза начали Висло-Одерскую операцию. Вслед за этим 13 января в Восточной Пруссии гитлеровцам был нанесен еще один мощный удар.

Наступление Красной армии между Вислой и Одером и в Восточной Пруссии имело большое значение для срыва гитлеровских планов на западе. Именно в результате зимнего наступления советских войск германское руководство вынуждено было отказаться от активных действий и начало срочно перебрасывать силы на восток. В январе 1945 г. гитлеровцы начали переброску резервных соединений, сил и средств, непосредственно участвовавших в наступлении в Арденнах и Эльзасе, на советско-германский фронт. Несмотря на то что во второй половине января союзники предприняли операции, чтобы ликвидировать прорыв германских войск, А. Гитлер вынужден был отдать приказ о выводе соединений 6-й танковой армии СС из сражения и передаче их в резерв ОКВ, с тем чтобы в дальнейшем перебросить их на восток. До конца января на советско-германский фронт было направлено восемь лучших немецких дивизий, в том числе четыре танковые и моторизованные, имевшие в своем составе 800 танков и штурмовых орудий. Кроме того, три пехотные дивизии, находившиеся в Дании и предназначавшиеся для использования в Арденнах, также были переброшены на советско-германский фронт.

12 января войска 1-го Украинского фронта нанесли сокрушительный удар по 4-й танковой армии немцев. На позиции противника обрушился артиллерийский огонь, бушевавший почти два часа. Каждый километр обороны врага на участке прорыва обрабатывало более 230 орудий и минометов. Хотя густой туман и низкая облачность не позволили авиации оказать помощь войскам, наступление развивалось успешно. Ошеломленный огнем и атакой противник только во второй половине дня сумел организовать сопротивление, но его быстро сломили введенные в сражение танковые корпуса, а затем и передовые отряды танковых армий. В первый день наши войска продвинулись на глубину до 15—20 км, но задачу выполнили не полностью. Тогда маршал И. С. Конев приказал выделить часть сил для продолжения наступления ночью, чтобы не дать возможности противнику закрепиться в глубине. Однако командующий немецкой группой армий «А» генерал Й. Харпе ввел в сражение резервы, которые нанесли контрудар силами двух танковых дивизий. Разгорелось встречное сражение, которое длилось более двух суток. В отражении вражеского контрудара решающую роль сыграли 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко и 13-я армия генерала Н. П. Пухова. Ударами по флангам и тылу они окружили и разгромили обе танковые дивизии противника. Их остатки, пробиваясь лесами ночью, только к концу января сумели отойти к Одеру.

Главные силы фронта, преследуя отходившего противника, подходили к Пилице, а войска левого крыла наступали на юго-запад, к Кракову. Глубокий прорыв 1-го Украинского фронта и наступление соседнего 1-го Белорусского фронта создали угрозу окружения немецкого корпуса, оборонявшегося севернее сандомирского плацдарма. Его части начали срочно отходить. Тогда маршал И. С. Конев направил наперерез отходившему корпусу танковую армию генерала Д. Д. Лелюшенко, которая разгромила штаб корпуса и взяла в плен

начальника штаба. Польские партизаны захватили командира корпуса генерала Г. Рекнагеля. Однако его дивизии все же сумели прорваться на запад. 17 января армии левого крыла 1-го Украинского фронта подошли к Кракову. Итогом шестисуточного наступления стал разгром основных сил 4-й немецкой танковой армии, остатки которой беспорядочно отходили к Одеру. К исходу 17 января, овладев рубежом на глубине 150 км, войска фронта выполнили ближайшую задачу в два раза быстрее срока.

Успешно начал наступление и 1-й Белорусский фронт. Утром 14 января на оборону немцев обрушился мощный артиллерийский огонь продолжительностью 25 минут. На участках прорыва огонь вели до 250 орудий на каждый километр. Передовые батальоны, выделенные для разведки боем, быстро продвигались вперед. Ожидая длительной артиллерийской подготовки, противник оставался в укрытиях и сопротивления не оказал. Г. К. Жуков ввел в бой главные силы. Удары с магнушевского и пулавского плацдармов были сокрушительными. 5-я ударная и 8-я гвардейская армии генералов Н. Э. Берзарина и В. И. Чуйкова прорвались на глубину 12 км, а 69-я и 33-я армии генералов В. Я. Колпакчи и В. Д. Цветаева — до 20 км. Командующий 9-й немецкой армией генерал С. фон Лютвиц пытался контрударом задержать советское наступление с магнушевского плацдарма, но тщетно. Две его танковые дивизии, встретив сопротивление, отошли за р. Пилицу.

После перехода советских войск в наступление в Польше в штабе ОКВ было принято решение срочно перебросить на восточный фронт 42 дивизии из Германии, Норвегии, Италии и с западного фронта. Объясняя мотивы этого решения, немецкий генерал К. фон Типпельскирх в своей книге писал: «Если вообще стоило продолжать войну, то разве лишь для того, чтобы остановить красный поток и по возможности отбросить его назад. Была надежда, что все же удастся найти какую-то общую политическую линию с западными державами, пока на востоке еще не прорваны последние заслоны»[10]. С конца декабря 1944 по 12 февраля 1945 г. германское командование направило на берлинское направление и в Венгрию 33 дивизии, в том числе 15 дивизий (из них шесть танковых), значительное количество артиллерийских зенитных и авиационных частей с западного фронта.

На второй день наступления маршал Г. К. Жуков ввел в сражение с магнушевского плацдарма 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М. Е. Катукова, чтобы в этот же день форсировать Пилицу. К вечеру танкисты продвинулись на 40–50 км и подошли к реке. 5-я ударная армия захватила мост грузоподъемностью 60 тонн. Успешно действовала 2-я гвардейская танковая армия генерала С. И. Богданова. Она устремилась на север и продвинулась на 50 км. Ясное небо позволило 16-й воздушной армии генерала С. И. Руденко 16 января совершить 3431 самолето-вылет (в десять раз больше, чем за два первых дня наступления). Это стало рекордом для 16-й воздушной армии за все январское наступление. Она безраздельно господствовала в воздухе. Противник был настолько подавлен, что, несмотря на летную погоду, сумел за день сделать только 42 вылета. При мощной поддержке авиации увеличились темпы наступления 1-го Белорусского фронта. Прорывы, начатые с двух плацдармов, слились в общий удар на фронте протяженностью более 120 км. Особенно стремительно продвигалась танковая армия генерала С. И. Богданова. К исходу 16 января она прорвалась на глубину 90 км и перерезала шоссе Варшава — Берлин.

Появления советских танков западнее Варшавы противник не ожидал. Одновременно севернее города наступала 47-я армия генерала Ф. И. Перхоровича. В результате создалась угроза окружения Варшавы. Комендант, испугавшись, запросил разрешения на отвод войск. Начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Г. Гудериан разрешил отход войск. Гарнизон начал спешно покидать город. Узнав об этом, А. Гитлер пришел в ярость и приказал арестовать нескольких офицеров генерального штаба, а также расследовать деятельность самого Г. Гудериана. Но попытки А. Гитлера прекратить отход гарнизона из Варшавы успеха не имели. Утром 17 января 1-я польская армия генерала С. Г. Поплавского завязала бои за город, который к середине дня был освобожден. В многострадальной Варшаве из проживавших в конце 1939 г. 1310 тыс. жителей остались всего 162 тыс. Один из красивейших городов Европы лежал в руинах.

К исходу 17 января войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов продвинулись на глубину 100—150 км, разгромили основные силы немецкой группы армий «А». В катастрофе, которая разразилась в Польше, А. Гитлер обвинил генерала Й. Харпе. Его заменил личный друг фюрера генерал Ф. Шёрнер. Фюрер не простил потерю Варшавы и командующему 9-й армией генералу С. фон Лютвицу, назначив вместо него генерала Т. Буссе. Однако смена командующих исправить положение не могла. Даже Ф. Шёрнер, о способностях которого говорили все и которого А. Гитлер осыпал наградами, ничего существенного предпринять не мог. Стратегический фронт обороны вермахта на варшавско-берлинском направлении был прорван.

В тот же день Ставка ВГК уточнила задачи фронтам. Выполняя их, маршал И. С. Конев решил продолжать наступление на Бреслау пятью общевойсковыми и двумя танковыми армиями, чтобы не дать возможности отходившему противнику закрепиться на укрепленных позициях восточной границы Германии и с ходу форсировать Одер. Для овладения Краковом и Силезским промышленным районом он выделил три общевойсковые армии. Наступая с темпом 25—30 км в сутки, танковые армии должны были к исходу 25 января овладеть районами на подступах к Одеру.

Сопротивление противника возрастало с каждым днем. Германское командование перебросило на восток пять пехотных дивизий, в том числе две ранее действовавшие против англо-американских войск. А. Гитлер оставил идею продолжения наступления на западе и приказал перейти к обороне. В этой ситуации командующий 1-м Украинским фронтом повернул 3-ю гвардейскую танковую армию на юг для удара в тыл противнику. Внезапное появление его танков ошеломило немцев. Они в панике начали отходить за Одер. Через три дня к реке вышла главная группировка войск фронта. В условиях яростного сопротивления противника развернулись ожесточенные бои за удержание и расширение плацдармов, продолжавшиеся и в начале февраля.

Успешно шло наступление на Краков. Обходным маневром 59-я и 60-я советские армии стремительно овладели древним городом. Благодаря этому Краков, подготовленный гитлеровцами к разрушению, остался целым, за что в те дни жители города горячо благодарили освободителей. Овладение Краковом открыло советским войскам путь в Силезию, на подступах к которой противник сосредоточил до 12 пехотных и танковых дивизий. Перед армиями левого крыла 1-го Украинского фронта находились крупные города Силезского промышленного района. Они тянулись на десятки километров, сливаясь друг с другом. Маршал И. С. Конев имел указание не допустить больших разрушений силезских шахт и заводов. В этих условиях фронт двумя армиями обошел Силезский район с севера и одной армией с юга. 27 января 3-я гвардейская танковая армия перерезала неприятелю пути отхода на запад. Дальнейшее продвижение привело бы к полному окружению силезской группировки. Однако Ставка ВГК рекомендовала И. С. Коневу не препятствовать отходу противника из промышленного района, дабы избежать больших жертв и разрушений. Немцы отошли через оставленный коридор. 28 января советские войска овладели центром Верхней Силезии г. Катовице, а 1 февраля вышли к Одеру. Поставленная фронту задача была выполнена в срок.

Стремительно вел наступление и 1-й Белорусский фронт. Маршал Г. К. Жуков считал, что противник разбит и оказать сопротивления в ближайшие дни не способен. Для максимального использования достигнутого успеха требовалось ускорить продвижение. Танковые армии и корпуса получили задачи, обходя узлы сопротивления немцев, наступать с темпом 70—100 км в сутки. Общевойсковые армии должны были преследовать врага, продвигаясь с темпом по 20—25 км в день. 19 января 1-я и 2-я гвардейские танковые армии овладели рубежом Коваль, Коло и далее по р. Варте.

Немецкое командование не сумело организовать оборону. Г. К. Жуков неумолимо добивался еще более решительного преследования неприятеля. Он требовал от командармов танковых армий, чтобы их соединения уже через два дня вышли на рубеж Накло, Познань. Танкистам предстояло преодолеть 150 км. 2-я гвардейская танковая армия выполнила свою задачу. Ее главные силы 22 января овладели указанным рубежом, а передовые отряды

продвинулись на 60 км дальше и, форсировав пограничную р. Нетце, захватили немецкий г. Дейч-Уш. 1-я гвардейская танковая армия подошла к Познани, но с ходу овладеть городом ей не удалось.

Наступление танковых армий поддерживали самолеты 16-й воздушной армии. Однако после 20 января действия авиации были ограничены плохой погодой. Используя успех танковых войск, стрелковые дивизии преследовали гитлеровцев. В отдельные дни темпы продвижения достигали 45 км. Это было пределом форсированного марша пехоты. Но в результате такого быстрого продвижения войска растянулись, а армейские тылы отстали. Это затрудняло управление и материальное обеспечение. И хотя командующий фронтом сократил дневные переходы на 5—8 км, пехота все же преодолела вартовский оборонительный рубеж в ранее установленный срок — к исходу 22 января.

Командующий фронтом поставил танковым армиям новые задачи. Информируя о наличии на границе с Германией мощных железобетонных оборонительных сооружений, он нацеливал войска уже на Берлин. В телеграмме С. И. Богданову и М. Е. Катукову маршал сообщал: «Упреждение противника в занятии этих позиций обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться»[11]. Однако дальнейшие действия сковывались из-за трудностей с подвозом горючего. Его основные запасы оставались на восточном берегу Вислы, от которого войска ушли более чем на 300 км. Железнодорожные мосты через реку отсутствовали. Первый из них был наведен лишь к концу января. Дизельного топлива для танков и бензина для автомашин не хватало. Основные силы танковых армий остановились. Кроме того, 1-й гвардейской танковой армии не удалось с ходу овладеть крепостью Познань, которую оборонял 60-тысячный гарнизон. Для ее блокирования Г. К. Жуков приказал оставить часть сил 69-й армии и стрелковые соединения 8-й гвардейской армии. Одновременно 1-й гвардейской танковой армии ставилась задача: обойти Познань и быстро продвигаться к германской границе. Разгром противника в Познани был завершен только 23 февраля.

Армии 1-го Белорусского фронта рвались к Берлину. Маршал Г. К. Жуков планировал к 30 января преодолеть укрепленные районы на восточной границе Германии, а затем, подтянув тылы и пополнив запасы, продолжить наступление, с ходу форсировать Одер и стремительно продвигаться к германской столице. Развивая наступление к Одеру, войска 1-го Белорусского фронта быстро преодолели сильные укрепления в приграничной полосе Германии. Танкисты генерала С. И. Богданова с ходу преодолели Померанский укрепленный район, 31 января вышли к Одеру и овладели плацдармом севернее Кюстрина. Совместно с ними к реке подошли и соединения 5-й ударной армии. Южнее 1-я гвардейская танковая армия вела упорные бои по прорыву укреплений Мезеритского укрепленного района. В ночь на 30 января ее передовая 44-я гвардейская танковая бригада, преодолев мощные огневые сооружения, еще не занятые немецким гарнизоном, не ожидавшим подобной дерзости от русских, устремилась к Одеру. Через два дня ей удалось захватить плацдарм южнее Кюстрина. За этот блистательный рейд весь личный состав бригады был награжден боевыми орденами. Сам командир бригады полковник И. И. Гусаковский удостоился второй медали «Золотая Звезда». Однако главные силы танковой армии не сумели использовать успех передового отряда. Противник занял оборону и остановил их.

В это время немецкие войска на западном фронте вынуждены были отказаться от захваченной территории в Арденнах. Под ударами американских соединений они отошли на исходные позиции. 29 января в военном дневнике ОКВ было отмечено, что «ввиду создавшейся обстановки на востоке фюрер приказал перейти к обороне на западе»[12].

Обстановка на берлинском направлении быстро менялась. Германское командование, стремясь остановить наступление войск 1-го Белорусского фронта, 26 января образовало в Восточной Померании новую группу армий «Висла» во главе с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером, который быстро создал здесь сильную группировку. Используя 200-километровый разрыв между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, командование группы армий готовило контрудар с севера — в тыл вышедшим к Одеру войскам Г. К. Жукова. Разведка фронта сво-

Танковый десант вступает в бой. Румыния. 1944 г.

Советские танкисты взламывают немецкие укрепления на границе с Восточной Пруссией. Декабрь 1944 г.

евременно вскрыла сосредоточение вражеских войск. Маршал Г. К. Жуков повернул на север три армии первого эшелона. Сюда же выдвигалась из второго эшелона 3-я ударная армия. Дальнейшее усиление угрозы с севера вынудило направить туда и обе танковые армии. Сил, необходимых для продолжения наступления на Берлин, до которого было 60 км, не осталось. Ставка ВГК приказала 1-му Белорусскому фронту перейти к обороне. В начале февраля оставшиеся на Одере четыре ослабленные в предыдущих боях армии вели ожесточенные бои по расширению захваченных в районе Кюстрина плацдармов. Одновременно они уничтожали неприятельские группы, которые продолжали еще отходить за Одер.

К исходу 3 февраля была очищена от немцев 100-километровая полоса правого берега реки, за исключением небольших районов Кюстрина и Франкфурта. В этот день завершилась Висло-Одерская операция. За 23 дня советские войска продвинулись на глубину более 500 км, вторглись в Германию и вплотную подошли к ее столице. В ходе наступления советские войска взяли в плен 147,4 тыс. немецких солдат и офицеров, захватили около 14 тыс. орудий и минометов, 1,4 тыс. танков и штурмовых орудий и другие трофеи. Для восстановления прорванного в Польше стратегического фронта обороны германское командование только в январе перебросило сюда 29 дивизий и четыре бригады. «В первые дни февраля, — считал Г. Гудериан, — наше положение как на восточном, так и на западном фронте стало роковым»[13]. А германский военный историк Ф. Меллентин высказался еще более категорично: «Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 г. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи»[14].

25 раз Москва салютовала в честь побед, одержанных войсками двух фронтов. В отдельные дни четыре-пять артиллерийских салютов до позднего вечера озаряли московское небо — так быстро наступали войска. Никогда столица не салютовала так часто, как в январе 1945 г. Победы Красной армии радовали не только советских людей. Успехи признавались и за рубежом. У. Черчилль 27 января писал И. В. Сталину: «Мы очарованы вашими славными победами над общим врагом и мощными силами, которые вы выставили против него»[15].

Наступление советских войск было осуществлено с относительно небольшими потерями. 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты, наступавшие вместе с польскими войсками, потеряли убитыми и пропавшими без вести 43 476 солдат и офицеров и ранеными около 151 тыс. человек. Фронты лишились 374 орудий и минометов и 343 боевых самолетов. Однако урон танковых войск, на которых лежала основная тяжесть борьбы с противником, оказался значительным. Было потеряно 1267 танков и САУ, что составило почти пятую их численности к началу наступления.

В Висло-Одерской операции особенно больших успехов добился 1-й Белорусский фронт, армии которого вырвались вперед. Успехи могли быть еще более значительными при более действенной поддержке соседних фронтов. Отставание 1-го Украинского фронта хотя и создало угрозу левому крылу 1-го Белорусского, но было незначительным. Основную роль в прекращении наступления на Берлин сыграла потеря взаимодействия со 2-м Белорусским фронтом. Генеральный штаб и И. В. Сталин, взявший в 1945 г. координацию действий фронтов на главном направлении в свои руки, не сумели должным образом организовать усилия войск. На восстановление нарушенного взаимодействия и создание условий для продолжения наступления на Берлин потребовалось почти два месяца.

Одновременно с Висло-Одерской операцией шли ожесточенные сражения в Восточной Пруссии, начавшиеся 13 января 1945 г. Немцы возвели в Восточной Пруссии мощную оборону, включавшую железобетонные укрепления. Только в одном Хейльсбергском укрепленном районе насчитывалось более 900 долговременных оборонительных сооружений. Укрепления прикрывались противотанковыми рвами и надолбами. Защита восточно-прусского плацдарма возлагалась на группу немецких армий «Центр» под командованием генерала Г. Рейнгардта.

В отличие от Висло-Одерской операции начальный этап наступления в Восточной Пруссии протекал медленнее, так как противник ожидал здесь удара советских войск и принял необходимые меры. Кроме того, из-за плохих метеоусловий были ограничены действия авиации, снизилась эффективность огня артиллерии. Первым 13 января перешел в наступле-

ние 3-й Белорусский фронт, который проводил Инстербургско-Кёнигсбергскую операцию. Немцы ждали удара. Их артиллерия вела методический огонь по боевым порядкам пехоты, готовившейся к атаке. Убедившись, что наступление началось, противник на рассвете провел мощную артиллерийскую контрподготовку. Ответным огнем артиллерии и поднятыми в воздух ночными бомбардировщиками их батареи были подавлены, но внезапности достичь не удалось. И пехота, и танки атаковали противника. К концу дня 39-я и 5-я армии генералов И. И. Людникова и Н. И. Крылова вклинились в оборону всего на 2—3 км. Успешнее наступала 28-я армия, но и она, продвинувшись на 5—7 км, взломать вражескую оборону не смогла. Сплошной туман не позволил применить авиацию. Танки продвигались на ощупь и несли большие потери. Задачи первого дня никто не выполнил. Генерал И. Д. Черняховский приказал приблизить наблюдательные пункты артиллерии к атакующей пехоте, усилить стрелковые роты орудиями для стрельбы прямой наводкой, улучшить взаимодействие пехоты с танками. Принимал меры и противник. Командующий 3-й немецкой танковой армией спешно стягивал к участку прорыва советских войск все силы, какие мог.

С утра 14 января немцы начали контратаки, которые следовали одна за другой. Несмотря на ввод 2-го гвардейского танкового корпуса, ударная группировка продвигалась медленно. Рубежом, который намечалось захватить в первый день, удалось овладеть только на четвертые сутки. Наиболее сильная оборона осталась позади. Прорыв советских войск вынудил командующего группой армий «Центр» отвести войска из междуречья Немана и Инстера. Установив отход противника, 39-я армия перешла к его преследованию и быстро продвигалась вперед. В то же время 5, 28 и 2-я гвардейская армии продвигались медленно. Командующий 3-м Белорусским фронтом решил использовать успех 39-й армии и перенес основные усилия на правый фланг, где утром 18 января 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова вступил в бой.

Погода прояснилась, что позволило авиации поддержать войска. Вместе с советскими летчиками действовал французский истребительный авиационный полк «Нормандия — Неман». Группа этого полка из четырех самолетов, которой командовал младший лейтенант Ж. Андрэ, смело вступила в бой с 20 немецкими бомбардировщиками. Она сбила четыре и подбила два самолета врага. Его бомбовый удар был сорван.

Корпус В. В. Буткова наступал быстро и с ходу форсировал р. Инстер, где враг пытался остановить советское наступление. Используя стремительные действия танкистов, стрелковые дивизии 39-й армии только в течение дня продвинулись на 20 км. За шесть дней ударная группировка 3-го Белорусского фронта на участке 60 км прорвалась на глубину 45 км. И хотя темпы продвижения были в два раза медленнее планируемых, войска нанесли 3-й танковой армии немцев тяжелый урон, создав условия для продолжения наступления на Кёнигсберг.

Наступление 2-го Белорусского фронта началось лишь 14 января. Первые два дня Млавско-Эльбингской операции, которую проводил фронт, дела шли плохо: ударные группировки, наступавшие с ружанского и сероцкого плацдармов, продвинулись всего на 7—8 км. Густой туман и начавшийся снегопад не позволяли применить авиацию и резко снижали эффективность артиллерийского огня. 15 января маршал К. К. Рокоссовский ввел в сражение два отдельных танковых корпуса, но сломить возраставшее сопротивление противника не удалось. Перелом был достигнут лишь на следующий день, когда улучшилась погода. 4-я воздушная армия генерала К. А. Вершинина совершила более 2,5 тыс. самолето-вылетов. Используя удары авиации, соединения прорвали занятую противником оборону. Его ближайшие резервы были разгромлены. Удары с обоих плацдармов объединились в общий прорыв на участке 60 км. Продвинувшись за три дня на 30 км, ударные группировки фронта создали условия для быстрого развития успеха в глубину. 17 января в прорыв была введена 5-я гвардейская танковая армия генерала В. Т. Вольского. Преследуя противника, она быстро продвигалась на север и 18 января блокировала Млавский укрепленный район. Увеличились темпы продвижения и остальных войск фронта. Танкисты генерала В. Т. Вольского, обходя укрепления немцев, продолжали свой путь к морю. Наступавшие с сероцкого плацдарма 65-я и 70-я армии под командованием генералов П. И. Батова и В. С. Попова устремились вдоль северного берега Вислы на запад и овладели крепостью Модлин.

Боевые ордена

Орден Ленина

Орден Ленина учрежден Постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года. Среди первых военачальников-кавалеров ордена Ленина были В. К. Блюхер, С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов.

Орден Красного Знамени

Учрежден в 1918 году после образования СССР для награждения за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите социалистического Отечества.

Орден Красной Звезды

Учрежден Постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года для награждения за большие заслуги в деле обороны как в военное, так и в мирное время, в обеспечении государственной безопасности.

Орден Отечественной войны

I степень

II степень

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года, став первой наградой периода Великой Отечественной войны. Им награждались лица рядового и начальствующего состава Красной армии, Военно-морского флота, войск НКВД и партизанских отрядов, проявившие в боях за Советскую Родину храбрость, стойкость и мужество, а также военнослужащие, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск.

Награждение орденом Отечественной войны производится Указом Президиума Верховного Совета СССР. Степень ордена, которым удостаивается награждаемый, определяется Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Орден Кутузова

I степень **II степень** **III степень**

Первая и вторая степень ордена Кутузова учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года. Третья степень ордена учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1943 года. Им награждаются командиры Красной армии за хорошо разработанный и проведенный план операции (фронтовой, армейской или отдельного соединения), в результате чего противнику нанесено тяжелое поражение, а наши войска сохранили свою боеспособность.

Орден Суворова

I степень **II степень** **III степень**

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года. Орденом Суворова награждаются командиры Красной армии за выдающиеся успехи в деле управления войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении, в результате чего была достигнута победа в боях за Родину в Отечественной войне.

Орден Славы

I степень **II степень** **III степень**

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета от 8 ноября 1943 года. Орденом Славы награждаются лица рядового и сержантского состава Красной армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия.

Орден Славы по своему статуту и цвету ленты почти полностью повторял одну из самых почитаемых в дореволюционной России наград — Георгиевский крест (среди отличий — разное число степеней: 3 и 4 соответственно). Награждение производится последовательно: сначала третьей, затем второй и, наконец, первой степенью.

Орден Александра Невского

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года. Орденом Александра Невского награждаются командиры Красной армии, проявившие в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость и умелым командованием обеспечивающие успешные действия своих частей.

Орден Богдана Хмельницкого

I степень **II степень** **III степень**

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 октября 1943 года. Им награждаются командиры и бойцы Красной армии и Военно-морского флота, руководители партизанских отрядов и партизаны, проявившие особую решительность и умение в операциях по разгрому врага, высокий патриотизм, мужество и самоотверженность в борьбе за освобождение советской земли от немецких захватчиков.

Орден Победы

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года. Орден является высшим военным орденом. Им награждаются лица высшего командного состава Красной армии за успешное проведение таких боевых операций в масштабе одного или нескольких фронтов, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной армии.

Для награжденных орденом Победы учреждается, в знак особого отличия, мемориальная доска, для внесения в нее имен кавалеров ордена. Мемориальная доска устанавливается в Большом Кремлевском дворце. Всего ордена Победы в СССР было удостоено 10 маршалов Советского Союза (трое из них дважды) и генерал армии.

Орден Ушакова

I степень   II степень

Орден Нахимова

I степень   II степень

Данные ордена, появившиеся одновременно, учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года специально для награждения офицеров Военно-морского флота. Орденами награждаются офицеры Военно-морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом.

Боевые медали
Великой Отечественной войны

«За отвагу»

«За боевые заслуги»

«За оборону Москвы»

«За оборону
Ленинграда»

«За оборону
Севастополя»

«За оборону
Сталинграда»

«Партизану Великой Отечественной войны»

«За оборону
советского Заполярья»

«За оборону Киева»

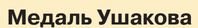
«За оборону Одессы»

«За оборону Кавказа»

Боевые медали
Великой Отечественной войны

Медаль Ушакова

Медаль Нахимова

«За освобождение Праги»

«За освобождение Варшавы»

«За освобождение Белграда»

«За взятие Кёнигсберга»

«За взятие Вены»

«За взятие Будапешта»

«За взятие Берлина»

«За победу над Японией»

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»

«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»

Высшие знаки отличия

Звание Героя Советского Союза и медаль «Золотая Звезда»

Постановлением ЦИК СССР от 16 апреля 1934 года установлена высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза, которое присваивается за личные или коллективные заслуги перед Советским государством и обществом, связанные с совершением геройского подвига.
За подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, звания удостоено 11 тысяч 657 человек.

Маршальская Звезда

Маршальская Звезда сама по себе не является орденом. Тем не менее она служит знаком особого отличия маршалов Вооруженных сил СССР.
Впервые Маршальская Звезда была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1940 года, как знак особого отличия для лиц, имеющих звание Маршал Советского Союза. Таких Маршальских Звезд было изготовлено около 370 штук.

Наступление продолжало развиваться. Войска 2-го Белорусского фронта на шестой день взяли рубеж, на который планировалось выйти на десятый-одиннадцатый день. 21 января Ставка ВГК уточнила задачу фронту: главными силами наступать на север, а частью сил — на запад, чтобы 2—4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, Торунь[16]. В результате войска выходили к морю и отрезали противника в Восточной Пруссии от Центральной Германии.

Наступление 2-го Белорусского фронта к морю и прорыв 3-го Белорусского фронта к Кёнигсбергу создали угрозу окружения 4-й немецкой полевой армии. А. Гитлер разрешил генералу Ф. Госбаху отвести армию на укрепленный рубеж вдоль Мазурских озер. Обнаружив отход противника, оборонявшиеся здесь войска обоих фронтов перешли к преследованию. Однако 50-я армия начала его с большим опозданием. Командарм генерал И. В. Болдин, четыре года возглавлявший 50-ю армию, пройдя с ней боевой путь от Тулы до Восточной Пруссии, был отстранен от должности. Новый командующий генерал Ф. П. Озеров приказал форсированным маршем догонять оторвавшегося противника. Соединения 2-го Белорусского фронта преследовали врага. Вечером 23 января передовой отряд 5-й гвардейской танковой армии ворвался в Эльбинг. Ошеломленный внезапным появлением советских танков гарнизон не успел изготовиться к бою. Отряд проскочил город и быстро достиг залива Фришес-Хафф. Противник сумел быстро организовать оборону Эльбинга и задержать продвижение 29-го танкового корпуса. Обойдя город, соединения танковой армии вместе с 42-м стрелковым корпусом вышли к морю. Коммуникации неприятеля были перерезаны. 2-я немецкая полевая армия была отброшена на запад, за Вислу. 4-я армия оказалась также в катастрофическом положении. Ее командующий генерал Ф. Госбах на свой страх и риск решил не задерживаться на Мазурских озерах, а пробиваться дальше на запад, чтобы соединиться с частями 2-й полевой армии. А. Гитлер снял с должности командующего группой армий Г. Рейнгардта, а затем и Ф. Госбаха. Сменившие их генералы Л. Рендулич и Ф.-В. Мюллер пытались исправить положение, но было слишком поздно.

В ходе Истенбургско-Кёнигсбергской операции войска 3-го Белорусского фронта с 19 по 26 января прорвались к внешнему оборонительному обводу Кёнигсберга. Южнее они с ходу преодолели рубеж Мазурских озер. Обходя Кёнигсберг с севера, 39-я армия вышла к морю западнее города. 43-я армия генерала А. П. Белобородова, 11-я гвардейская армия генерала К. Н. Галицкого прорвались к заливу Фришес-Хафф южнее Кёнигсберга. Прижатая к морю 2-м и 3-м Белорусскими фронтами группа армий «Центр», переименованная с 26 января в группу армий «Север», была рассечена войсками И. Д. Черняховского на три неравные части: четыре вражеские дивизии оказались в Земландии, около пяти — в Кёнигсберге и до 20 дивизий — в районе Хейльсберга (юго-западнее Кёнигсберга).

Немецкое командование стремилось во что бы то ни стало ликвидировать прорыв 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю и восстановить сухопутные коммуникации Восточной Пруссии с Центральной Германией. От залива Фришес-Хафф до Вормдитта оно развернуло восемь дивизий, которые в ночь на 27 января нанесли по войскам 2-го Белорусского фронта сильный удар с востока. Стрелковые дивизии 48-й армии, растянувшись на фронте в 90 км, отразить атаки немцев не сумели. Гитлеровцы продвинулись до 20 км. Навстречу прорвалась с запада 7-я танковая дивизия СС. Успеху неприятеля способствовала нелетная погода. Маршал К. К. Рокоссовский немедленно отреагировал на прорыв немцев. В первую очередь он усилил 48-ю армию, оказавшуюся в тяжелом положении, танковым и стрелковым корпусами, пятью противотанковыми артиллерийскими бригадами. Против контрударной вражеской группировки были срочно повернуты остатки танковой армии, механизированный и кавалерийский корпуса. Прорвавшийся противник 30 января был остановлен. Большая роль в этом принадлежала 50-й и 3-й армиям, которые, наступая в северо-западном направлении, создали угрозу тылу контрударной группировки врага. В последующем она была отброшена в исходное положение. 8 февраля маршал К. К. Рокоссовский получил задачу повернуть на запад, разгромить вражескую группировку в Померании и выйти к Одеру. 3-й Белорусский фронт должен был нанести удар по хейльсбергской группировке, а 1-й Прибалтийский фронт под командованием И. Х. Баграмяна — по противнику в Земландии и Кёнигсберге.

В результате Хейльсбергской операции 3-го Белорусского фронта, которая отличалась крайне ожесточенным характером, противник был уничтожен южнее Кёнигсберга. Ослабленные тяжелыми боями войска фронта 11 февраля возобновили наступление, которое шло медленно. За сутки удавалось продвинуться не более чем на 2 км. Стремясь переломить ход операции, командующий фронтом почти непрерывно находился в войсках.

18 февраля по пути из 5-й в 3-ю армию дважды Герой Советского Союза генерал армии И. Д. Черняховский был смертельно ранен осколком шального артиллерийского снаряда. Красная армия потеряла одного из талантливейших военачальников, которому шел 39-й год. Командовать фронтом Ставка ВГК назначила маршала А. М. Василевского.

Готовился перейти в наступление и 1-й Прибалтийский фронт. Он должен был в течение недели очистить от немцев Земландский полуостров[17]. Однако на день раньше, 19 февраля, враг сам нанес удар, в результате которого восстановил сухопутную связь Земландии с Кёнигсбергом и сорвал наступление фронта. Армии 3-го Белорусского фронта продолжали медленно теснить противника к морю. К 21 февраля они сжали хейльсбергскую группировку, насчитывавшую до 110 тыс. солдат и офицеров. 24 февраля 1-й Прибалтийский фронт, передав войска 3-му Белорусскому фронту, был упразднен. Вступив в командование фронтом, маршал А. М. Василевский приказал прекратить напрасные атаки, до 10 марта пополнить запасы и тщательно подготовить завершающие удары. Учитывая ограниченные силы, он решил уничтожить окруженные группировки последовательно, начиная с самой сильной — хейльсбергской.

Наступление возобновилось 13 марта. Туманы и низкая облачность по-прежнему ограничивали применение артиллерии и авиации. К этим трудностям прибавились весенняя распутица и половодье. Несмотря на сложные условия и упорное сопротивление немцев, советские войска 26 марта вышли к заливу Фришес-Хафф. Германское командование заранее начало спешную эвакуацию войск на Земландский полуостров. Из 150 тыс. немецких солдат и офицеров, которые оборонялись юго-западнее Кёнигсберга, 93 тыс. были уничтожены, 46 тыс. взяты в плен[18]. 29 марта остатки хейльсбергской группировки прекратили борьбу. После завершения Хейльсбергской операции у 3-го Белорусского фронта освободилось шесть армий: три из них были направлены на Кёнигсберг, остальные выводились в резерв Ставки ВГК, начав перегруппировку на берлинское направление.

При уничтожении прижатого к морю противника активно действовал Балтийский флот под командованием адмирала В. Ф. Трибуца. Флот наносил удары по врагу авиацией, подводными и легкими надводными силами. Они нарушали морские коммуникации немцев. Только за февраль и март флот уничтожил 32 транспорта и семь боевых кораблей. На Балтийском море крупного успеха добилась подводная лодка С-13 под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско. Действуя на прибрежной коммуникации между Данцигской и Померанской бухтами, она в ночь на 31 января обнаружила огромное судно, шедшее на запад с сильным охранением. Решив атаковать противника со стороны берега, А. И. Маринеско приказал лечь на параллельный курс с врагом. Подводная лодка шла ближе к берегу, и неприятель не заметил того, как она обогнала его и вышла на позицию для атаки. В 23 часа 5 минут в районе Штольпмюнде лодка произвела трехторпедный залп «веером». Три торпеды попали в немецкий лайнер «Вильгельм Густлофф» водоизмещением свыше 25 тыс. тонн. На его борту эвакуировались специалисты из школы подводного плавания, подготовленные для новых, только что спущенных на воду лодок, сотни высокопоставленных офицеров и генералов, большое количество беженцев. 9 февраля подводная лодка А. И. Маринеско добилась еще одного успеха. На подходе к Данцигской бухте она атаковала крупный транспорт — «Генерал фон Штойбен» водоизмещением около 15 тыс. тонн с 3 тыс. солдат и офицеров на борту. В тот момент, когда А. И. Маринеско уже был готов дать залп носовыми торпедными аппаратами, на С-13 неожиданно повернул вражеский миноносец. Лодке пришлось резко отвернуть, чтобы уклониться от возможного таранного удара. Развернувшись, С-13 произвела двухторпедный залп из кормовых аппаратов. Обе торпеды попали в цель. Судно стало быстро погружаться. Сторожевые корабли смогли поднять из воды лишь около

Венгрия, район озера Балатон. Колонна немецких пленных солдат проходит мимо остова разрушенного советского танка ИС-2

Будапешт. Февраль 1945 г.

Югославия. Сентябрь — октябрь 1944 г.

Австрия. Советские самоходные артиллерийские установки СУ-76М в Вене. 1945 г.

300 гитлеровцев. Ни один советский подводник не добивался таких блестящих результатов за один поход. Подводная лодка С-13 под командованием А. И. Маринеско всего за период войны потопила четыре корабля противника, а также выполняла задания по высадке диверсионных групп в тыл врага. За боевые заслуги лодка С-13 была награждена орденом Красного Знамени, все члены экипажа — орденами и медалями. Однако сам командир получил звание Героя Советского Союза только после многочисленных ходатайств флотской общественности в 1990 г., спустя 27 лет после своей кончины.

Несмотря на отдельные успехи, Балтийский флот не сумел блокировать с моря войска противника в Восточной Пруссии. Для решения такой задачи у адмирала В. Ф. Трибуца не было сил. Имея превосходство в судах, немцы без особого противодействия продолжали снабжать и перебрасывать морским путем свои войска, что затрудняло их разгром.

После того как в конце марта войска 3-го Белорусского фронта завершили ликвидацию группировки противника юго-западнее Кёнигсберга, основной удар был перенесен на разгром врага, осевшего в самом городе. Это была нелегкая задача. Гитлеровцы превратили Кёнигсберг в город-крепость, его обороняли более 130 тыс. человек, имевших около 4 тыс. орудий, 100 танков и штурмовых орудий. В первой половине марта маршал А. М. Василевский направил две армии в районы севернее города. Усилив оборонявшиеся там войска, командующий создал две ударные группировки. С севера к штурму Кёнигсберга готовились 39, 43 и 50-я армии. Навстречу им наносила удар 11-я гвардейская армия. Наземные войска поддерживали три воздушные армии, авиация Балтийского флота, а также по одному авиационному корпусу воздушных армий Ленинградского и 3-го Белорусского фронтов, которые насчитывали 2,4 тыс. боевых самолетов. До половины артиллерии составляли тяжелые орудия, предназначенные для разрушения долговременных оборонительных сооружений. Выполнение этой задачи началось 2 апреля и продолжалось три дня. Применить авиацию из-за нелетной погоды не удалось. Только вездесущие кукурузники По-2 ночами держали противника в напряжении[19].

Кёнигсбергская операция началась 6 апреля. После мощной артиллерийской подготовки пехота и танки 3-го Белорусского фронта атаковали позиции немцев. Из-за плохой погоды авиация за день совершила всего 274 вылета. Преодолев упорное сопротивление противника, войска продвинулись на 2—4 км и к исходу дня вышли на окраины города. Решающими стали последующие два дня, когда установилась летная погода. 516 тяжелых бомбардировщиков 18-й воздушной армии только вечером 7 апреля в течение 45 минут обрушили на крепость 3742 крупнокалиберные бомбы[20]. В массированных ударах участвовали и другие воздушные армии, а также авиация флота. 8 апреля наступавшие с севера и юга войска разрезали противника на две части. Комендант крепости Кёнигсберг генерал О. Лаш, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, попросил командующего 4-й армией генерала Ф.-В. Мюллера разрешить прорыв оставшихся сил на Земландский полуостров, но получил отказ. Ф.-В. Мюллер пытался ударом с полуострова на запад помочь гарнизону Кёнигсберга, но советская авиация сорвала атаки. К вечеру остатки гарнизона были зажаты в центре города и утром оказались под сокрушительным огнем артиллерии. Солдаты стали сдаваться в плен тысячами. 9 апреля О. Лаш приказал всем сложить оружие.

А. Гитлер расценил такое решение как преждевременное и приговорил генерала к смертной казни через повешение. Доклады офицеров, засвидетельствовавших мужественное поведение генерала, не повлияли на решение фюрера. 9 апреля гарнизон Кёнигсберга капитулировал. Сдался и сам О. Лаш, что спасло генерала от несправедливого приговора А. Гитлера. Вместе с О. Лашем в плену оказались 93 853 солдата и офицера. Около 42 тыс. немецких военнослужащих гарнизона крепости погибли.

Завершение штурма цитадели Москва отметила салютом высшей категории — 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Была учреждена медаль «За взятие Кёнигсберга», что обычно делалось только по случаю овладения столицами государств. Медаль получили все участники штурма.

Потеряв Кёнигсберг, германское командование продолжало удерживать Земландский полуостров, где нашли последнее убежище остатки восточно-прусской группировки. Они

насчитывали 65 тыс. солдат и офицеров, 1,2 тыс. орудий и минометов и 166 танков и штурмовых орудий. Для разгрома противника А. М. Василевский сосредоточил на участке протяженностью около 40 км все пять оставшихся в его распоряжении армий численностью всего 111,5 тыс. человек. Советские войска превосходили противника в людях и танках вдвое, а в артиллерии — втрое[21].

Главный удар в Земландской операции наносили 39-я и 5-я армии, действовавшие в полосе шириной 15 км. На флангах, вдоль северного и южного побережья полуострова, наступали еще две армии, а одна находилась во втором эшелоне. Стремясь избежать напрасного кровопролития в потерявших всякий смысл боях, А. М. Василевский за два дня до перехода в наступление обратился к германским войскам, зажатым на полуострове, с предложением сдаться. Ответа не последовало. В ночь на 13 апреля авиация фронта нанесла массированные удары по боевым порядкам врага. Утром при поддержке артиллерии и авиации войска атаковали укрепленные позиции. Противник яростно сопротивлялся и контратаковал. Советские войска медленно, по 3—5 км в день, продвигались вперед. На пятый день основная часть полуострова была захвачена. Балтийский флот огнем корабельной и железнодорожной артиллерии содействовал наступлению войск и нарушал эвакуацию неприятеля морем. Остатки земландской группировки численностью до 20 тыс. солдат и офицеров отошли в район Пиллау — самую южную часть Земландского полуострова. Порт Пиллау (ныне Балтийск) был последним пунктом Восточной Пруссии, откуда можно было эвакуировать население и войска. Сам город являлся крепостью, прикрывавшей военно-морскую базу с моря и суши. Немцы обороняли сухопутные подступы к порту с особым упорством, чему способствовали лесные массивы и ненастье.

2-я гвардейская армия преодолеть сопротивление врага не смогла. Маршал А. М. Василевский ввел в сражение 11-ю гвардейскую армию. Оборону удалось прорвать только на третий день. В ожесточенных боях за крепость и порт 11-я гвардейская армия 25 апреля овладела Пиллау. На этом стратегическая Восточно-Прусская операция завершилась. Она продолжалась 103 дня и была самой длительной операцией последнего года войны. Несмотря на то что противник в Восточной Пруссии был прижат к морю и рассечен на части, дальнейшая борьба по его уничтожению заняла более двух месяцев. Сопротивление возрастало вследствие обреченности прижатых к морю войск. К тому же отсутствовала прочная блокада с моря. Слабые силы Балтийского флота не могли решить такой задачи. Неблагоприятная погода и весенняя распутица не позволяли в полной мере использовать превосходство 3-го Белорусского фронта в артиллерии, авиации и танках. В Восточной Пруссии советские войска понесли тяжелые потери. С 13 января по 25 апреля 126 464 солдата и офицера погибли и пропали без вести, более 458 тыс. воинов получили ранения или выбыли из строя по болезни. Было потеряно 3525 танков и самоходных артиллерийских установок, 1644 орудия и миномета и 1450 боевых самолетов[22]. При этом Красная армия уничтожила 25 германских дивизий (другие 12 дивизий потеряли от 50 до 70% своего состава), захватила в плен более 220 тыс. солдат и офицеров. Трофеями стали около 15 тыс. орудий и минометов, 1442 танка и штурмовых орудия, 363 боевых самолета и много другой боевой техники[23]. Потеря крупных сил и важной в военно-экономическом отношении области ускорила поражение Германии.

В начале февраля, когда войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вышли к Одеру, их дальнейшему наступлению на запад мешала угроза противника с юга, из Силезии, и с севера, из Восточной Померании. Главная опасность нависла с севера, откуда вновь созданная группа армий «Висла» стремилась ударом в тыл главных сил 1-го Белорусского фронта сорвать их наступление на Берлин и выиграть время для усиления обороны на подступах к столице. Для ликвидации угрозы из Померании Ставка ВГК 8 февраля приказала 2-му Белорусскому фронту повернуть свои силы на запад и не позднее 20 февраля ликвидировать образовавшийся с 1-м Белорусским фронтом разрыв.

Имея на подготовку наступления всего один день, войска 2-го Белорусского фронта 10 февраля начали Восточно-Померанскую операцию. Удар был слабым, так как у фронта

осталось теперь только четыре армии, которые понесли в предыдущих сражениях значительные потери. Остальные были переданы 3-му Белорусскому фронту. За десять дней напряженных боев войска смогли продвинуться всего на 60 км. Сил для дальнейшего наступления не хватило. Докладывая об этом Верховному главнокомандующему, маршал К. К. Рокоссовский сообщал, что ввод в сражение переданной ему из резерва Ставки ВГК 19-й армии возможен только 22—23 февраля, так как ей осталось пройти еще 160 км. Командующий просил усилить фронт еще двумя армиями с двумя танковыми корпусами и для пополнения выделить до 100 тыс. человек. Однако резервных армий Ставка больше не имела.

Между тем противник, сосредоточив в Восточной Померании на узком участке шесть дивизий, 16 февраля нанес по 1-му Белорусскому фронту контрудар. Не изготовившаяся к его отражению 47-я армия отошла на 8—12 км. Однако большего немцы добиться не смогли и 20 февраля перешли к обороне. Учитывая возросшую активность противника в Восточной Померании, Ставка ВГК решила ускорить его разгром. К решению этой задачи она привлекала также и войска 1-го Белорусского фронта.

2-й Белорусский фронт возобновил наступление 24 февраля и уже в первый день прорвал оборону. Главный удар наносила прибывшая из резерва 19-я армия генерала Г. К. Козлова, которая за пять дней продвинулась на глубину 70 км. 3-я ударная и 61-я армии 1-го Белорусского фронта начали наступление 1 марта. Затем вступили в сражение 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. Быстро прорвав оборону, ударная группировка фронта устремилась на север. Первой к Балтийскому морю 4 марта вышла 45-я гвардейская танковая бригада полковника Н. В. Моргунова. На следующий день к морю в район Кольберга вышли ударные группировки обоих фронтов. Разрезав восточно-померанскую группировку, войска 1-го Белорусского фронта повернули на запад, к Одеру, а 2-го Белорусского — на восток, к Данцигу.

Соединения 1-го Белорусского фронта к 10 марта очистили от врага низовье Одера. Армии 2-го Белорусского фронта 21 марта прорвались к Данцигской бухте. К концу марта они разгромили противника в районе Данцига и Гдыни. Маршал К. К. Рокоссовский начал перегруппировку войск на Одер для участия в Берлинской операции. Остатки немецких войск продолжали удерживать отдельные участки на косе Фрише-Нерунг, в устье Вислы, севернее Гдыни, и Хельскую косу. Объединенные в отдельную армию «Восточная Пруссия», они были блокированы советскими войсками.

В Восточно-Померанской операции с 10 февраля по 4 апреля советские войска разгромили более 20 дивизий и восемь бригад вермахта. Урон советских войск также был значительным. Безвозвратные потери 1-го и 2-го Белорусских фронтов составили 52 740 солдат и офицеров, почти 173 тыс. воинов были ранены или выбыли из строя по болезни. Вместе с советскими войсками действовала 1-я армия Войска Польского, безвозвратные и санитарные потери которой составили 8668 человек. В ходе боев фронты потеряли 1027 танков и самоходных артиллерийских установок, 1005 орудий и минометов, 1073 боевых самолета.

1-й Украинский фронт в ходе напряженных боев в Силезии, которые продолжались около двух месяцев, продвинулся на 100 км. После потери Силезии угольная промышленность Германии оказалась на грани катастрофы. Она лишилась важных военно-промышленных районов, которые снабжали вермахт военной техникой, вооружением, боеприпасами и синтетическим горючим. С выходом на рубеж р. Нейсе 1-й Украинский фронт, отстававший от 1-го Белорусского фронта, восстановил с ним взаимодействие. Вместе с тем и потери, ценой которых были достигнуты успехи, оказались большими. За 34 дня наступления в феврале — марте только безвозвратные потери 1-го Украинского фронта составили 39,5 тыс. солдат и офицеров, 127,7 тыс. были ранены.

Разгромив крупные силы противника в Восточной Померании и Силезии, Красная армия сорвала намерения германского командования нанести фланговые удары по ее войскам, вышедшим на подступы к Берлину. Овладев рубежом рек Одер и Нейсе, они создали благоприятные условия для завершающих ударов по Германии и в Чехословакии. Освободившиеся в Померании и Силезии войска получили наконец-то возможность продолжения наступления на берлинском направлении.

Завершающий удар по агрессору

К середине апреля 1945 г. военные действия охватили значительную часть территории Германии: с востока наступала Красная армия, а с запада — союзные войска. Вооруженные силы Советского Союза в ходе зимне-весеннего наступления завершили разгром противника в Восточной Пруссии, изгнали войска вермахта и его союзников с территории Польши, Венгрии, значительной части Чехословакии, овладели Силезией и Восточной Померанией, а также столицей Австрии — Веной. Ленинградский фронт во взаимодействии с Балтийским флотом продолжал блокировать курляндскую группировку врага. Войска 3-го Белорусского фронта при содействии части сил 2-го Белорусского фронта уничтожали остатки немецких войск на Земландском полуострове, в районе юго-восточнее Данцига и севернее Гдыни. Основные силы 2-го Белорусского фронта вышли в низовья Одера, сменив там войска 1-го Белорусского фронта. На левом берегу Одера армии 1-го Белорусского фронта вели ожесточенную борьбу по расширению ранее захваченных плацдармов. До столицы Германии оставалось всего 60—70 км. Войска правого крыла 1-го Украинского фронта вышли к р. Нейсе. Их удаление от Берлина составляло 140—150 км. Соединения левого крыла фронта находились у чехословацкой границы. Таким образом, советские войска были готовы к нанесению завершающего удара по врагу.

Войска западных союзников форсировали Рейн и завершили ликвидацию рурской группировки немцев. Нанося главный удар на Дрезден, они стремились рассечь на две части западный фронт врага и на рубеже р. Эльбы соединиться с Красной армией.

К этому времени нацистская Германия находилась в полной политической изоляции, лишившись всех своих союзников в Европе. Ее внутреннее положение также свидетельствовало о приближении неотвратимого краха. Потеря сырьевых ресурсов ранее оккупированных стран обусловила резкий спад промышленного производства Германии. Дезорганизация всей ее экономики привела прежде всего к падению военного производства: выпуск военной продукции к весне 1945 г. по сравнению с летом 1944 г. сократился на две трети. Увеличились трудности и с пополнением вермахта личным составом. Даже призвав в армию 16—17-летних юнцов, германское руководство не смогло восполнить потери, понесенные зимой 1944—1945 гг. Однако благодаря тому, что протяженность восточного фронта существенно сократилась, командованию вермахта удалось сосредоточить крупные силы на наиболее важных направлениях. Кроме того, в начале апреля оно перебросило часть сил и средств с западного фронта на восточный. Сущность стратегического плана верховного командования вермахта состояла в том, чтобы любой ценой удержать оборону на востоке, сдержать наступление Красной армии, а тем временем попытаться заключить сепаратный мир с США и Англией. Нацистское руководство выдвинуло лозунг: «Лучше сдать Берлин англосаксам, чем пустить в него русских»[24]. В специальных указаниях национал-социалистского руководства Германии говорилось, что «война решается не на Западе, а на Востоке». Поэтому на завершающем этапе войны на советско-германском фронте действовало 214 дивизий (в том числе 34 танковые и 15 моторизованных) и 14 бригад противника, в то время как на западном фронте против англо-американских войск оставались лишь 60 дивизий (в том числе пять танковых).

Берлин являлся не только политическим оплотом нацизма, но и одним из крупнейших военно-промышленных центров Германии. На берлинском направлении были сосредоточены основные силы немецкого вермахта — группы армий «Висла» и «Центр» (3-я и 4-я танковые, 9-я и 17-я полевые армии). В них имелось 48 пехотных, шесть танковых и девять моторизированных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных пехотных батальонов, а также большое количество отдельных артиллерийских и специальных частей. Общая численность этой вражеской группировки составляла 1 млн человек. Она располагала 10,4 тыс. орудиями и минометами, 1,5 тыс. танками и штурмовыми орудиями. Ее авиационная группировка насчитывала 3,3 тыс. самолетов[25]. В районе Берлина немецкое командование

сосредоточило до 2 тыс. боевых самолетов, основную массу которых составляли истребители (из них 120 реактивных Ме-262). Кроме истребительной авиации для прикрытия столицы с воздуха привлекалось около 600 зенитных орудий[26]. Перед 1-м Белорусским фронтом в полосе до 175 км оборонялись 23 немецкие дивизии, а также значительное количество отдельных бригад, полков и батальонов. Наиболее плотная группировка врага находилась перед юостринским плацдармом. В самом Берлине формировались более 200 батальонов фольксштурма, а общая численность его гарнизона превышала 200 тыс. человек. Основные оперативные резервы гитлеровцев располагались северо-восточнее Берлина и в районе Котбуса. Их удаление от линии фронта не превышало 30 км. В тылу групп армий «Висла» и «Центр» спешно формировались стратегические резервы в составе восьми дивизий.

На подступах к Берлину немецким командованием была подготовлена глубокоэшелонированная оборона, строительство которой началось еще в январе 1945 г. Основу обороны немецких войск составляли Одерско-Нейсенский оборонительный рубеж и Берлинский оборонительный район. Одерско-нейсенский рубеж состоял из трех полос, между которыми на наиболее важных направлениях имелись промежуточные и отсечные позиции. Общая глубина этого рубежа достигала 20–40 км. Передний край главной полосы обороны проходил по левому берегу рек Одер и Нейсе, за исключением районов Франкфурта, Губена, Форста и Мускау, где неприятель продолжал удерживать небольшие предмостные укрепления на правом берегу. Населенные пункты были превращены в сильные опорные пункты. Используя шлюзы на Одере и многочисленные каналы, гитлеровцы подготовили ряд районов к затоплению. В 10–20 км от переднего края была создана вторая полоса обороны. Наиболее оборудованной в инженерном отношении она была на Зеловских (Зееловских) высотах — перед юостринским плацдармом. Третья полоса находилась на удалении 20–40 км от переднего края главной полосы. Как и вторая, она состояла из мощных узлов сопротивления, соединенных между собой траншеями и ходами сообщения. Не только перед передним краем оборонительных полос, но и в глубине были созданы многочисленные минные поля. Средняя плотность минирования на важнейших направлениях достигала 2 тыс. мин на 1 км фронта. Перед первой траншеей и в глубине обороны, особенно на пересечении дорог, располагались истребители танков, вооруженные фаустпатронами.

Берлинский оборонительный район включал три кольцевых обвода. Внешний оборонительный обвод проходил по рекам, каналам и озерам в 25–40 км от центра столицы. Основу его составляли крупные населенные пункты, превращенные в узлы сопротивления. Внутренний оборонительный обвод, который считался главной полосой обороны укрепленного района, проходил по окраинам пригородов Берлина. На их улицах были возведены многочисленные противотанковые препятствия и проволочные заграждения. Общая глубина обороны на этом обводе составляла 6 км. Третий городской обвод проходил по окружной железной дороге. Все улицы, ведущие к центру города, были перекрыты всякого рода заграждениями, а мосты приготовлены к подрыву. Для удобства управления обороной Берлин был разбит на девять секторов. Наиболее сильно укреплен был центральный сектор, где находились основные государственные и административные учреждения, включая рейхстаг и имперскую канцелярию[27]. В изданном 9 марта приказе ОКХ говорилось: «Оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона... Противнику нельзя давать ни минуты покоя, он должен быть ослаблен и обескровлен в густой сети опорных пунктов, оборонительных узлов и гнезд сопротивления. Каждый утраченный дом или каждый утраченный опорный пункт должен быть немедленно возвращен контратакой, Берлин может решить исход войны»[28]. 15 апреля А. Гитлер обратился со специальным воззванием к солдатам восточного фронта. Он призвал их во что бы то ни стало отразить наступление Красной армии. Фюрер требовал от командиров расстреливать на месте каждого, кто осмелится отойти или отдаст приказ на отход. Призывы к стойкости сопровождались угрозами в отношении семей тех солдат и офицеров, которые сдадутся в плен советским войскам. В. Кейтель и М. Борман издали приказ защищать каждый населенный пункт до последнего человека, а за проявление малейшей слабости карать смертной казнью.

Перед советскими войсками, вышедшими на подступы к столице Третьего рейха, стояла задача нанести по врагу завершающий удар и заставить его безоговорочно капитулировать. Замысел Берлинской операции вырабатывался в Ставке ВГК еще в ходе зимнего наступления советских войск. Затем к детальной разработке плана операции приступили Генеральный штаб, командующие, штабы и военные советы фронтов. Окончательный план Берлинской операции был утвержден Верховным главнокомандующим в начале апреля. Цель операции состояла в том, чтобы в короткие сроки разгромить основные силы групп армий «Висла» и «Центр», овладеть Берлином и, выйдя на р. Эльбу, соединиться с войсками западных союзников. Это должно было лишить Германию возможности дальнейшего организованного сопротивления и вынудить ее к безоговорочной капитуляции. Завершение разгрома немецких войск предполагалось осуществить совместно с западными союзниками, принципиальная договоренность с которыми по координации действий была достигнута на Крымской конференции.

2–6 апреля 1945 г. Ставка ВГК поставила фронтам конкретные задачи. Основная роль в предстоящей операции отводилась 1-му Белорусскому фронту, которому на 6-й день операции предписывалось овладеть столицей Германии — Берлином и не позднее 12–15-го дня операции выйти на Эльбу. Фронт наносил три удара: главный — по кратчайшему направлению с кюстринского плацдарма непосредственно на Берлин и два вспомогательных — севернее и южнее Берлина. На направлении главного удара наступали четыре общевойсковые и две танковые армии, на других направлениях — по две общевойсковые армии на каждом. Учитывая важную роль фронта в предстоявшей операции, Ставка усилила его одной общевойсковой армией и восемью артиллерийскими дивизиями прорыва[29]. Дата перехода в наступление — 16 апреля.

Перед войсками 1-го Украинского фронта была поставлена задача: разгромить вражескую группировку южнее Берлина, не позднее 10–12-го дня операции овладеть рубежом Белиц — Виттенберг и далее по Эльбе до Дрездена. Фронт осуществлял два удара: главный (южнее Берлина) наносили три общевойсковые и две танковые армии, вспомогательный (на Дрезден) — две общевойсковые армии. На левом крыле фронта войска переходили к жесткой обороне[30]. Ставка ВГК усилила ударную группировку 1-го Украинского фронта, передав ему две общевойсковые армии (28-я и 31-я) из 3-го Белорусского фронта, а также семь артиллерийских дивизий прорыва[31]. На совещании в Ставке И. В. Сталин приказал командующему войсками 1-го Украинского фронта «быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин»[32]. Начало наступления войск 1-го Украинского фронта было назначено на 16 апреля.

2-й Белорусский фронт должен был форсировать Одер, разгромить штеттинскую группировку неприятеля и не позднее 12–15-го дня операции овладеть рубежом Анклам, Виттенберг. Главный удар фронт наносил силами трех общевойсковых армий из района южнее Штеттина в северо-западном направлении с целью отсечь западно-померанскую группировку врага от Берлина. При благоприятных условиях войска фронта должны были частью сил, действуя из-за правого крыла 1-го Белорусского фронта, свернуть оборону противника вдоль левого берега Одера. Кроме того, на 2-й Белорусский фронт возлагалась задача частью сил прикрыть побережье Балтийского моря от устья Вислы до Альтдамма[33]. Начало наступления — 20 апреля.

Окружение вражеской группировки предполагалось осуществить обходом Берлина с севера и северо-запада войсками 1-го Белорусского, а с юга и юго-запада — войсками 1-го Украинского фронта. Рассечение ее обеспечивалось ударом двух общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта в общем направлении на Бранденбург. 1-й Украинский фронт, наступая в северо-западном направлении, должен был не только разгромить вражеские соединения в районе Котбуса и тем самым обеспечить с юга наступление 1-го Белорусского фронта, но также изолировать главные силы группы армий «Центр» и содействовать 1-му Белорусскому фронту в овладении Берлином. Наступление 1-го Белорусского фронта с севера обеспечивал 2-й Белорусский фронт. Ему предстояло отсечь 3-ю танковую армию противника от основных сил группы армий «Висла» и уничтожить ее. Приморский фланг 2-го Белорусского фронта прикрывал Балтийский флот.

Советские минометчики с полковым минометом у зимнего дворца Хофбургов в Вене

Советские солдаты атакуют под прикрытием бронетранспортера М3 Scout Car американского производства в австрийском городе. 1945 г.

Советские пулеметчики ведут уличный бой в центральной части города Вены. 1945 г.

До начала наступления оставалось совсем немного времени, а работа предстояла огромная. Главная трудность заключалась в создании ударных группировок. Дело в том, что основные силы фронтов находились в стороне от намеченных ударов. В особенно сложном положении оказался 2-й Белорусский фронт, которому предстояло перегруппировать большую массу войск и техники из районов Данцига и Гдыни на Одер, то есть на расстояние 300 км. Тем не менее в назначенные сроки фронты в целом завершили подготовку к операции, хотя им и пришлось преодолеть неимоверные трудности. Основная проблема в подготовительный период заключалась в очень ограниченном времени, отведенном Ставкой на подготовку к операции. Не успевшие полностью сосредоточиться в новых районах войска выводились во второй эшелон или в резерв. Наступление было решено начать, не дожидаясь опоздавших.

Крупная авиационная группировка врага и близость ее аэродромного базирования к линии фронта предъявляли высокие требования к надежному обеспечению защиты советских войск от ударов с воздуха. К началу операции в составе трех фронтов и корпусов войск ПВО страны, которые должны были прикрывать фронтовые объекты, имелось около 3,3 тыс. истребителей, свыше 5,1 тыс. зенитных орудий и до 3 тыс. зенитных пулеметов. В основу организации противовоздушной обороны был положен принцип массированного использования сил и средств для надежного обеспечения боевых порядков наземных войск на направлениях главных ударов. Прикрытие наиболее важных тыловых объектов, особенно переправ через Одер, возлагалось на войска ПВО страны.

Одновременно готовились к наступлению и союзные войска. План наступления на западном фронте был изложен в послании Д. Эйзенхауэра И. В. Сталину от 28 марта. Основной удар они предполагали нанести на Лейпциг и Дрезден. В ответном послании от 1 апреля руководитель советского правительства писал: «Ваш план рассечения немецких сил путем соединения советских войск с Вашими войсками вполне совпадает с планом советского главнокомандования». Далее он ставил в известность союзное командование, что советские войска будут брать Берлин, выделив для этой цели часть своих сил, и сообщал ориентировочные сроки начала наступления[34]. Однако это решение не устраивало английское руководство. У. Черчилль требовал осуществить мощный рывок на Берлин силами англо-американских войск. Этот план поддерживал и Б. Монтгомери. В своем послании президенту США от 1 апреля У. Черчилль писал: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу... Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять»[35].

В то время как советские фронты завершали подготовку к Берлинской операции, войска западных союзников, почти не встречая сопротивления, стремительно продвигались на восток. 11 апреля бронетанковые дивизии 9-й американской армии генерала У. Симпсона начали выходить к Эльбе. До столицы Германии оставалось немногим более 100 км. Далеко оторвавшиеся от своих главных сил передовые части американцев испытывали недостаток горючего. У. Симпсон уверял, что если ему в течение двух суток подвезут горючее, то он через 24 часа, опередив русских, будет в Берлине. Однако главнокомандующий союзными войсками Д. Эйзенхауэр, реально оценивая обстановку, отдавал себе отчет в том, что необходимых для овладения Берлином сил у него пока нет. 15 апреля он писал в Вашингтон: «Хотя и верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, однако следует помнить, что на эту реку вышли только передовые части; основные же силы пока находятся далеко позади»[36]. У. Черчилль не разделял мнения своего американского союзника. Он вынужден был согласиться с ним лишь после того, как Красная армия сокрушила оборону немецких войск на берлинском направлении.

Советское командование узнало о планах союзников по взятию Берлина. Еще 1 апреля в Ставке ВГК, где обсуждался план Берлинской операции, была зачитана телеграмма, в которой, в частности, говорилось: «...англо-американское командование готовит операцию

по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери»[37]. Ставка потребовала от командующих фронтами ускорить подготовку операции, не дожидаясь 2-го Белорусского фронта, который в это время ликвидировал противника в районах Данцига и Гдыни.

Советское командование понимало, что предстоят тяжелые и упорные бои, требующие большого напряжения. Для участия в операции привлекались максимально возможные силы и средства: 21 общевойсковая, четыре танковые и три воздушные армии, десять отдельных танковых и механизированных корпусов и четыре кавалерийских корпуса. Кроме того, предполагалось использовать часть сил Балтийского флота, 18-й воздушной армии (авиации дальнего действия), войск ПВО страны и Днепровскую военную флотилию. Совместно с Красной армией действовали польские войска в составе двух армий, танкового и авиационного корпусов, двух артиллерийских дивизий прорыва и отдельной минометной бригады (всего 185 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, более 500 танков и САУ, 320 самолетов). В соответствии с поставленными задачами они распределялись между тремя фронтами — 1-м и 2-м Белорусскими и 1-м Украинским.

Таким образом, для разгрома врага на берлинском направлении советское командование создало мощную группировку сил и средств, насчитывавшую в общей сложности 2,5 млн человек, 6250 танков и САУ, 41,6 тыс. орудий и минометов, 7,5 тыс. боевых самолетов. Никогда еще за всю войну столь большое количество сил и средств не сосредоточивалось для наступления в такой узкой полосе, общая ширина которой составляла всего 385 км.

Завершающей операцией руководили опытнейшие советские полководцы. 1-й Белорусский фронт возглавлял Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, одновременно являвшийся заместителем Верховного главнокомандующего. Командующим 1-м Украинским фронтом являлся Маршал Советского Союза И. С. Конев. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в Берлинской операции возглавлял войска 2-го Белорусского фронта.

Армии, участвовавшие в Берлинской операции, возглавляли генералы, имевшие богатый боевой опыт: П. И. Батов, Н. Э. Берзарин, А. С. Жадов, М. Е. Катуков, В. Я. Колпакчи, В. И. Кузнецов, Д. Д. Лелюшенко, Н. П. Пухов, С. И. Руденко, П. С. Рыбалко, И. И. Федюнинский, В. Д. Цветаев, В. И. Чуйков и другие. Воины армии и флота были охвачены величайшим патриотическим подъемом и наступательным порывом. Все рвались в бой. Об участии в штурме фашистского логова советские воины мечтали с первых дней войны, но многие не дожили до него.

До начала операции на 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах была проведена разведка боем. На направлении главного удара 1-го Белорусского фронта усиленным стрелковым батальонам, выделенным от дивизий первого эшелона, в ходе двухдневных боев удалось вклиниться в оборону противника и захватить отдельные участки первой и второй траншей, а на некоторых направлениях продвинуться на глубину до 5 км. Целостность вражеской обороны была нарушена. Кроме того, в ряде мест удалось преодолеть зону наиболее плотных минных заграждений. Исходя из оценки результатов разведки боем, командующий войсками фронта принял решение сократить продолжительность артиллерийской подготовки атаки главных сил до 20–25 минут. В полосе 1-го Украинского фронта в ходе разведки боем, проводившейся в ночь на 16 апреля усиленными стрелковыми ротами, было установлено, что противник прочно занимает оборонительные позиции непосредственно по левому берегу Нейсе. Командующий войсками фронта принял решение не вносить изменений в разработанный план операции.

16 апреля 1945 г. за два часа до рассвета грохот более чем 40 тыс. орудий и минометов оповестил о начале завершающей операции по разгрому нацистской Германии. А ночью 743 дальних бомбардировщика нанесли массированный удар по основным опорным пунктам Одерско-Нейсенского оборонительного рубежа. 42 минуты на головы фашистов сыпались бомбы. Сила огня была огромной. Если за весь первый день операции артиллерия фронта израсходовала 1236 тыс. снарядов, что составляло почти 2,5 тыс. железнодорожных вагонов, то только в период артиллерийской подготовки — 500 тыс. снарядов и мин, или 1 тыс. вагонов.

Артподготовка закончилась мощным залпом реактивной артиллерии. Сразу же поднялись и двинулись в атаку соединения и части 3-й и 5-й ударных, 8-й гвардейской и 69-й армий. Мощные прожекторы, расположенные в полосе этих армий, направили свои лучи в сторону противника, ослепив его. В 6 часов 15 минут перешли в наступление 1-я армия Войска Польского, 47-я и 33-я армии. 745 тяжелых бомбардировщиков 18-й воздушной армии нанесли удар по второй полосе обороны противника. С рассветом резко активизировала боевые действия авиация 16-й воздушной армии. Только за первый день операции она произвела свыше 5,3 тыс. самолето-вылетов и сбила 165 немецких самолетов. Всего в течение первых суток наступления летчики 16, 4 и 18-й воздушных армий совершили более 6,5 тыс. самолето-вылетов, сбросили по пунктам управления, узлам сопротивления и резервам противника свыше 1,5 тыс. тонн бомб. Первые полтора-два часа наступление советских войск развивалось успешно. Пехота и танки непосредственной поддержки пехоты, не встречая сильного сопротивления, продвинулись на 1,5–2 км. Но с рассветом сопротивление врага стало возрастать. Для повышения темпов наступления были введены в бой сначала вторые эшелоны полков, а затем вторые эшелоны дивизий. Несмотря на сильное вражеское сопротивление, соединения фронта медленно продвигались вперед.

Особенно трудными для 1-го Белорусского фронта были бои при прорыве обороны на Зееловских высотах, господствовавших над окружающей местностью. Гитлеровцы превратили их в мощный укрепленный рубеж, на который делалась главная ставка в обороне столицы. Высоты штурмовала 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова, соединения которой продвигались крайне медленно. «К 13 часам, — вспоминал маршал Г. К. Жуков, — я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела, и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять»[38]. Крутые скаты Зееловских высот были изрыты окопами и траншеями. Все подступы к ним простреливались перекрестным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. Отдельные строения были превращены в опорные пункты, на дорогах устроены заграждения из бревен и металлических балок, а подходы к ним заминированы. По обеим сторонам шоссе, идущего от г. Зеелова на запад, стояла зенитная артиллерия, которая использовалась для противотанковой обороны. Подступы к высотам преграждал противотанковый ров глубиной до 3 метров и шириной 3,5 метра.

Чтобы усилить удар атакующих войск и взломать вражескую оборону, командующий фронтом ввел в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии генералов М. Е. Катукова и С. И. Богданова. Активизировали свои действия 16-я и 18-я воздушные армии, возглавляемые генералом С. И. Руденко и главным маршалом авиации А. Е. Головановым. Во второй половине дня 16 апреля первой в сражение была введена танковая армия генерала М. Е. Катукова. К исходу дня все три ее корпуса вели боевые действия в полосе 8-й гвардейской армии. Однако в этот день так и не удалось сломить сопротивление противника на Зееловских высотах. К вечеру в сражение вступила и танковая армия генерала С. И. Богданова. Однако ее соединения, выйдя в 19 часов на линию передовых частей 3-й и 5-й ударных армий и встретив ожесточенное сопротивление врага, дальше продвинуться не смогли.

Между тем командующий группой армий «Висла» генерал Г. Хейнрици к исходу 16 апреля еще более усилил свою оборону на второй полосе, выдвинув туда свои резервы. В этих условиях маршал Г. К. Жуков решил прорвать вторую полосу с утра 17 апреля после 30–40-минутной артиллерийской подготовки, сосредоточив на участках прорыва 250–270 орудий и минометов на 1 км фронта. Значительная часть орудий выделялась для ведения огня прямой наводкой. Танковым армиям было приказано организовать взаимодействие со стрелковыми соединениями и наступать совместно с ними. От войск требовалось, не ввязываясь в затяжные бои, обходить сильные опорные пункты. Задача по их уничтожению возлагалась на вторые эшелоны армий.

Сражение за вторую полосу вражеской обороны носило исключительно упорный характер. Однако советские войска, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, настойчиво продвигались вперед. Воины всех родов войск проявляли массовый героизм. Совместными

усилиями всех родов войск вражеская оборона была прорвана. Попытка немецкого командования остановить продвижение соединений 1-го Белорусского фронта вводом в сражение четырех дивизий из резерва успехом не увенчалась. Бомбардировщики 16-й и 18-й воздушных армий днем и ночью наносили удары по резервам противника, задерживая их выдвижение к линии фронта. 16 и 17 апреля наступление поддерживали и корабли Днепровской военной флотилии. Они вели огонь до тех пор, пока сухопутные войска не вышли за пределы дальности стрельбы корабельной артиллерии. Упорное сопротивление врага пришлось преодолевать также войскам фронта, наносившим удары на флангах. Соединения 61-й армии под командованием генерала П. А. Белова, начавшие наступление 17 апреля, к исходу дня форсировали Одер и захватили плацдарм на его левом берегу. К этому времени 1-я армия Войска Польского преодолела Одер и прорвала первую позицию главной полосы обороны. В районе Франкфурта войска 69-й и 33-й армий вклинились в оборону гитлеровцев на глубину от 2 до 6 км.

На третий день наступления тяжелые бои в глубине вражеской обороны продолжались. Немецкое командование ввело в сражение почти все свои оперативные резервы. Исключительно ожесточенный характер борьбы сказался и на темпах продвижения советских войск. В течение дня они продвинулись еще на 3–6 км и вышли к третьей полосе немецкой обороны. Все это время танковые армии действовали в боевых порядках пехоты, непрерывно штурмуя вместе с ней одну за другой вражеские позиции. Труднопроходимая местность и сильная противотанковая оборона противника не позволяли танкистам оторваться от пехоты. Подвижные войска фронта пока не получили оперативного простора для ведения стремительных маневренных действий на берлинском направлении.

Медленное продвижение войск 1-го Белорусского фронта маршала Г. К. Жукова, по мнению Верховного главнокомандующего, ставило под угрозу выполнение замысла по окружению берлинской группировки врага. Еще 17 апреля Ставка ВГК потребовала от командующего фронтом обеспечить более энергичное наступление подчиненных ему войск[39]. Одновременно с этим она дала указание командующим 1-м Украинским и 2-м Белорусским фронтами содействовать наступлению 1-го Белорусского фронта.

Лишь к исходу 19 апреля ударная группировка 1-го Белорусского фронта прорвала третью оборонительную полосу. Таким образом, в итоге четырехдневных боев войска 1-го Белорусского фронта продвинулись на глубину до 30 км, нанеся поражение 15 дивизиям противника. Однако армии фронта понесли значительные потери. За четыре дня враг вывел из строя 727 танков и САУ, то есть 23% общего состава. Это резко снизило ударную мощь войск Г. К. Жукова. Его танковые армии так и не смогли оторваться от пехоты. В прорыве вражеской обороны большую помощь наземным войскам оказала авиация. Летчики 16-й воздушной армии за эти дни совершили около 14,7 тыс. самолето-вылетов и сбили в воздушных боях 474 вражеских самолета. В боях под Берлином майор И. Н. Кожедуб увеличил счет сбитых самолетов до 62. Прославленный советский ас был удостоен третьей медали «Золотая Звезда». Всего за четыре дня в полосе 1-го Белорусского фронта авиация совершила до 17 тыс. самолето-вылетов.

Одерский оборонительный рубеж немцев был прорван. После этого армии 1-го Белорусского фронта получили возможность развивать наступление непосредственно на Берлин. На темпы их продвижения существенное влияние оказало то обстоятельство, что ударная группировка фронта развертывала наступление с небольшого по площади плацдарма и в сравнительно узкой полосе, ограниченной водными преградами и лесисто-болотистыми районами. Это стесняло маневр и не позволяло быстро расширить полосу прорыва. К тому же переправы и тыловые дороги были чрезвычайно перегружены, что крайне затрудняло ввод в сражение новых сил из глубины.

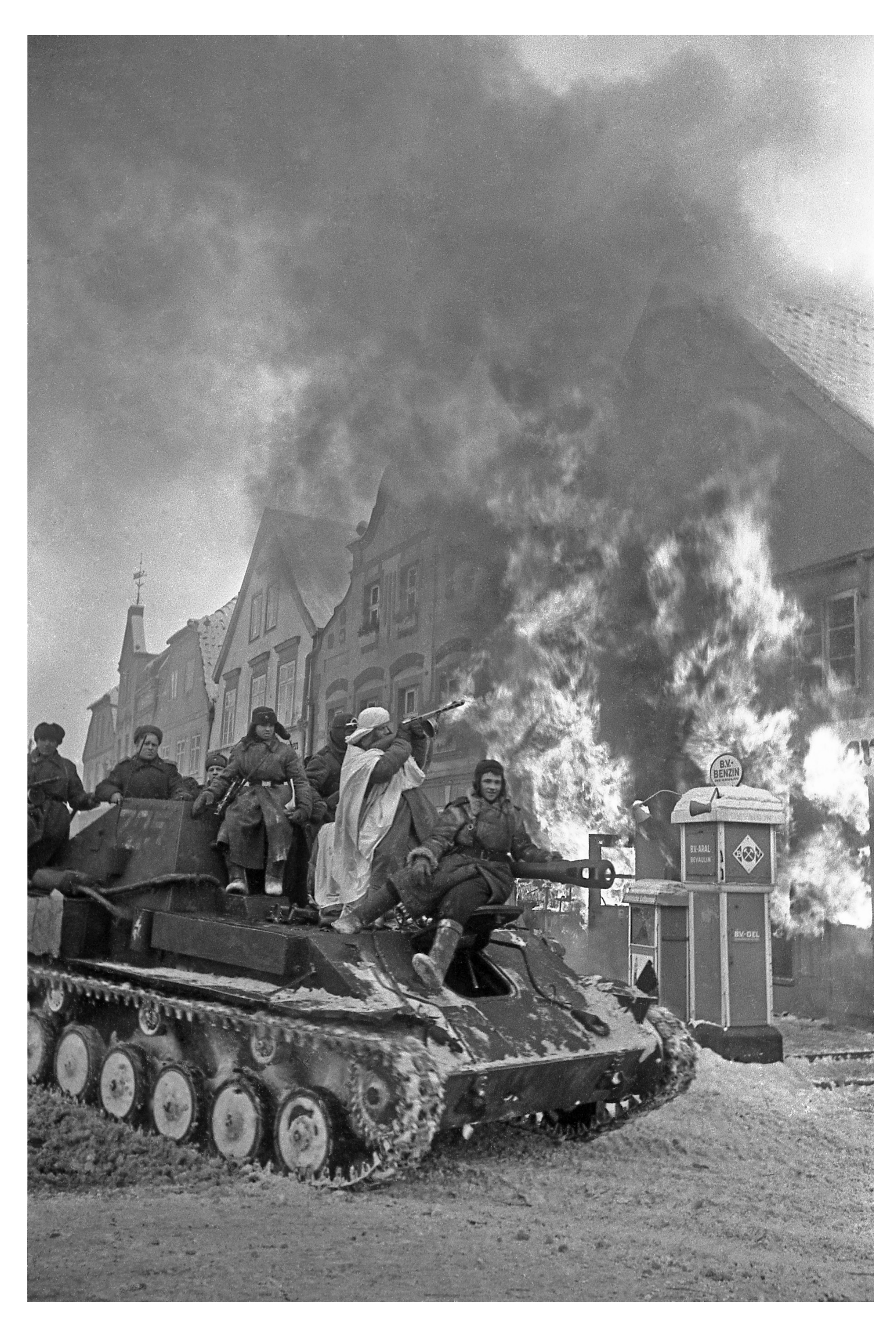
Более успешно развивалось наступление 1-го Украинского фронта. Вслед за артиллерийской подготовкой передовые батальоны дивизий первого эшелона под прикрытием дымовой завесы, поставленной на 390-километровом фронте, приступили к форсированию р. Нейсе. Быстро захватив плацдармы на левом берегу реки, они обеспечили условия для наведения

Вена. 1945 г.

Последние бои на косе Фриш-Нерунг. Восточная Пруссия. 8 мая 1945 г.

На улицах Мюльхаузена. 1945 г.

мостов и переправы главных сил. Всего на направлении главного удара фронта было оборудовано 133 переправы. Первый эшелон главной ударной группировки закончил преодоление Нейсе через час. В 8 часов 40 минут соединения 13-й, а также 3-й и 5-й гвардейских армий начали прорыв главной полосы вражеской обороны. Бои на левом берегу Нейсе приняли ожесточенный характер. Враг предпринимал яростные контратаки, стремясь ликвидировать захваченные советскими войсками плацдармы. Уже в первый день сражения немецкое командование из своего резерва ввело в бой три танковые дивизии и танкоистребительную бригаду. Накал боев продолжал нарастать. Чтобы быстрее сломить сопротивление немцев, маршал И. С. Конев ввел в сражение 25-й и 4-й гвардейский танковые корпуса, а затем передовые отряды танковых и механизированных корпусов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. Тесно взаимодействуя, общевойсковые и танковые соединения к исходу дня 16 апреля прорвали главную полосу немецкой обороны. Прорыв был осуществлен на фронте шириной 26 км и на глубину до 13 км.

На следующий день в сражение были введены главные силы обеих танковых армий. Сломив сопротивление немецких войск, соединения ударной группировки 1-го Украинского фронта 17 апреля завершили прорыв второй полосы обороны противника и начали развивать наступление на Котбус. К Эльбе и на Торгау двигалась 5-я гвардейская армия. За два дня войска с упорными боями продвинулись на глубину 15—20 км. Израсходовав все резервы в борьбе за тактическую зону обороны, 4-я немецкая танковая армия генерала Ф. Грезера начала отход к р. Шпрее, где находилась третья полоса обороны. Создались благоприятные условия для развития успеха советских войск в глубину. На дрезденском направлении войска 2-й армии Войска Польского и 52-й армии после ввода в сражение 1-го польского танкового и 7-го гвардейского механизированного корпусов также завершили прорыв тактической зоны обороны и за два дня боевых действий продвинулись на некоторых участках до 20 км. Успешное наступление 1-го Украинского фронта создавало для противника угрозу глубокого обхода его берлинской группировки с юга. Поэтому германское командование сосредоточило все свои усилия с целью остановить наступление на рубеже р. Шпрее. Туда были направлены резервы группы армий «Центр».

Однако все попытки немецкого командования изменить ход сражения успеха не имели. Маршал И. С. Конев в ночь на 18 апреля поставил задачу 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям под командованием генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко выйти к Шпрее, форсировать ее с ходу и развивать наступление непосредственно на Берлин с юга. Военный совет фронта обратил особое внимание командующих танковыми армиями на необходимость стремительных и высокоманевренных действий. В директиве командующий фронтом потребовал смелее и решительнее пробиваться вперед, города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Утром 18 апреля танковые армии вышли к Шпрее. Совместно с войсками 13-й армии они с ходу форсировали ее, на 10-километровом участке прорвали третью полосу немецкой обороны и захватили плацдармы севернее и южнее Шпремберга. В тот же день 5-я гвардейская армия, 4-й гвардейский танковый и 6-й гвардейский механизированный корпуса также преодолели Шпрее южнее Шпремберга. Таким образом, в результате успешных действий войск ударной группировки фронта были созданы необходимые условия для последующего броска на Берлин. Прикрытие войск при форсировании ими Шпрее осуществляли самолеты 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, которой командовал трижды Герой Советского Союза полковник А. И. Покрышкин. Только за один день 18 апреля летчики дивизии сбили 18 немецких самолетов. Войскам левого крыла 1-го Украинского фронта, наступавшим на дрезденском направлении, пришлось отражать сильные контратаки противника. Чтобы сдержать натиск немецких соединений и частей, командующий войсками фронта был вынужден 18 апреля ввести здесь в сражение 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Таким образом, за три дня наступления армии маршала И. С. Конева продвинулись на направлении главного удара на 30 км и прорвали Нейсенский оборонительный рубеж противника. Значительную помощь наземным войскам оказала авиация 2-й воздушной ар-

мии, которая за эти дни произвела более 7,5 тыс. самолето-вылетов и в 138 воздушных боях сбила 155 немецких самолетов.

В то время как 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты вели напряженные боевые действия по прорыву Одерско-Нейсенского оборонительного рубежа, войска 2-го Белорусского фронта завершали подготовку к форсированию Одера. Им предстояло последовательно преодолеть две крупные водные преграды (Ост-Одер и Вест-Одер). 18–19 апреля силами передовых полков, выделенных от дивизий первого эшелона 65, 70 и 49-й армий, был форсирован восточный рукав Одера. Войска овладели междуречьем и, выйдя к западному рукаву реки, заняли исходное положение для наступления главными силами. Форсирование Ост-Одера было проведено с помощью подручных и легких переправочных средств под прикрытием огня артиллерии и дымовых завес. Существенную помощь наземным войскам оказала авиация 4-й воздушной армии. Своими активными действиями 2-й Белорусский фронт сковал противника в широкой полосе. Оборонявшаяся в нижнем течении Одера 3-я немецкая танковая армия была лишена возможности перегруппировать свои силы, чтобы оказать помощь Берлину.

Наиболее успешно развивали наступление войска ударной группировки 1-го Украинского фронта. Продвигаясь все дальше на север, они охватывали правое крыло франкфуртско-губенской группировки немецких войск, в состав которой входили часть 4-й танковой и главные силы 9-й полевой армии противника. Танковые армии 1-го Украинского фронта продвинулись в северо-западном направлении на 30–50 км, вышли в район Люббенау, Луккау и перерезали коммуникации 9-й немецкой армии. Все попытки противника прорваться из районов Котбуса и Шпремберга к переправам через Шпрее и выйти на тылы войск 1-го Украинского фронта оказались безуспешными. Соединения 3-й и 5-й гвардейских армий стремительно продвигались на запад, надежно прикрывая коммуникации танковых армий, что позволило танкистам уже 20 апреля, не встретив серьезного сопротивления, преодолеть еще 45–60 км и выйти на подступы к Берлину. Вслед за ними продвигалась 13-я армия.

К исходу 20 апреля вражеский фронт на берлинском направлении был рассечен на две части: войска группы армий «Висла» оказались отрезанными от группы армий «Центр». В высшем руководстве вермахта началась паника, когда в гитлеровскую ставку поступило сообщение, что советские танки ворвались в Вюнсдорф (10 км южнее Цоссена). В Цоссене глубоко под землей располагался главный командный пункт вермахта, где размещались штаб оперативного руководства во главе с генералом А. Йодлем и штаб сухопутных войск, возглавляемый генералом Г. Кребсом. Личный состав обоих штабов в спешке покинул Цоссен[40].

В предвидении встречи Красной армии с войсками западных союзников Ставка ВГК в своей директиве от 20 апреля потребовала от командующих фронтами, ВВС, БТ и МВ установить специальные знаки и сигналы для взаимного опознавания с союзными войсками[41].

Танковые армии 1-го Украинского фронта, наступая в северо-западном направлении, к исходу 21 апреля вплотную подошли к внешнему обводу Берлинского оборонительного района. Для усиления их натиска и подготовки к предстоявшим боям в городе маршал И. С. Конев усилил 3-ю гвардейскую танковую армию 10-м артиллерийским корпусом, 25-й артиллерийской дивизией прорыва, 23-й зенитной артиллерийской дивизией и 2-м истребительным авиационным корпусом. Кроме того, на автотранспорте перебрасывались две стрелковые дивизии 28-й армии, введенной в сражение из второго эшелона фронта. С утра 22 апреля танковая армия П. С. Рыбалко, развернув все три своих корпуса в первом эшелоне, начала атаку вражеских укреплений. Соединения армии прорвали внешний оборонительный обвод Берлинского района и к исходу дня завязали бои на южной окраине Берлина. На северо-восточную его окраину еще накануне ворвались войска 1-го Белорусского фронта.

Успешно действовала и 4-я танковая армия Д. Д. Лелюшенко. К исходу 22 апреля она также прорвала внешний оборонительный обвод германской столицы, вышла в район Белиц и заняла выгодное положение для соединения с войсками 1-го Белорусского фронта. В результате создались условия для завершения совместно с ними окружения всей берлинской группировки. 5-й гвардейский механизированный корпус совместно с подошедшими

соединениями 13-й и 5-й гвардейской армий перекрыл путь к Берлину немецким резервам, спешившим на помощь своей столице с запада и юго-запада. В Трейенбритцене танкисты генерала Д. Д. Лелюшенко освободили из фашистской неволи более 1 тыс. военнопленных различных национальностей (англичан, американцев и норвежцев). Все они были офицерами высокого ранга, в том числе и бывший командующий норвежской армией генерал О. Рюге. А спустя несколько дней гвардейцы 4-й танковой армии освободили из концлагеря в пригороде Берлина бывшего премьер-министра Франции Э. Эррио — крупного государственного деятеля, который еще в 1920-х гг. выступал за франко-советское сближение[42].

Немецкое командование, стремясь замедлить наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта на Берлин, 18 апреля нанесло контрудар в районе Герлица по 52-й армии. Создав на этом направлении значительное превосходство в силах, неприятель предпринял попытку выйти в тыл ударной группировке фронта. 19—23 апреля здесь развернулось ожесточенное сражение. Врагу удалось потеснить советские, а затем и польские войска на глубину до 20 км. На помощь войскам 2-й польской и 52-й армий были переброшены часть сил 5-й гвардейской армии и 4-й гвардейский танковый корпус, а также перенацелены четыре авиационных корпуса[43]. В результате наступление вражеской контрударной группировки к исходу 24 апреля было остановлено.

Ударная группировка 1-го Белорусского фронта, наступавшая непосредственно на Берлин с востока, после прорыва Одерского рубежа, преодолевая упорное сопротивление противника, продвигалась вперед. Около 14 часов 20 апреля дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса генерала С. Н. Переверткина 3-й ударной армии дала два первых залпа по германской столице, а затем начался систематический ее обстрел. К исходу 21 апреля войска 3-й и 5-й ударных армий при поддержке 2-й гвардейской танковой армии сломили сопротивление врага на внешнем обводе Берлина и вышли к северо-восточной окраине германской столицы. 9-й гвардейский танковый корпус 2-й гвардейской танковой армии к утру 22 апреля вышел к р. Хафель на северо-западной окраине Берлина и во взаимодействии с частями 47-й армии приступил к ее форсированию. Успешно действовали 1-я гвардейская танковая и 8-я гвардейская армии, 21 апреля прорвавшие внешний оборонительный обвод Берлина и с утра следующего дня завязавшие бои непосредственно на улицах города. К исходу 22 апреля советские войска создали условия для завершения окружения и рассечения всей берлинской группировки врага[44].

Расстояние между передовыми частями 47-й и 2-й гвардейской танковой армий, наступавшими с северо-востока, и 4-й гвардейской танковой армии, наступавшей с юга, составляло 40 км, а между левым флангом 8-й гвардейской и правым флангом 3-й гвардейской танковой армии — не более 12 км. Ставка ВГК, оценив сложившуюся обстановку, потребовала от командующих фронтами к исходу 24 апреля завершить окружение основных сил 9-й немецкой полевой армии и не допустить отхода их в Берлин или на запад. В целях обеспечения своевременного и точного выполнения указаний Ставки командующий 1-м Белорусским фронтом ввел в сражение свой второй эшелон — 3-ю армию и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Они должны были во взаимодействии с войсками правого крыла 1-го Украинского фронта отсечь от Берлина основные силы 9-й немецкой армии и завершить их окружение юго-восточнее столицы. 47-й армии и 9-му гвардейскому танковому корпусу было приказано ускорить наступление и не позднее 25 апреля завершить окружение всей берлинской группировки врага.

Тем временем германское командование прилагало отчаянные усилия, чтобы не допустить окружения своей столицы. После полудня 22 апреля в имперской канцелярии состоялось последнее оперативное совещание, на котором А. Гитлер согласился с предложением своих генералов снять с западного фронта все войска и бросить их в сражение за Берлин. В связи с этим 12-й армии генерала В. Венка, занимавшей оборонительные позиции на Эльбе, было приказано развернуться фронтом на восток и идти на Берлин на соединение с 9-й армией. Одновременно армейской группе под командованием генерала СС Ф. Штайнера, действовавшей севернее Берлина, приказывалось нанести удар во фланг группировке со-

ветских войск, обходившей германскую столицу с севера и северо-запада. Для организации наступления 12-й армии в ее штаб А. Гитлер направил фельдмаршала В. Кейтеля. Совершенно игнорируя фактическое положение дел, командование вермахта тешило себя иллюзией, что наступлением 12-й армии с запада и группы Ф. Штайнера с севера оно сможет не допустить полного окружения столицы. 24 апреля армия В. Венка перешла в наступление против 4-й гвардейской танковой и 13-й армий, поспешно перешедших к обороне по рубежу Белиц, Трейенбригцен. 9-я полевая армия генерала Т. Буссе получила приказ оставить свои позиции на Одере и отходить на запад, чтобы южнее Берлина соединиться с 12-й армией.

23 и 24 апреля боевые действия на всех направлениях приняли особенно ожесточенный характер. Темпы продвижения советских войск несколько снизились. Замысел немецкого командования предотвратить окружение и рассечение своей группировки был сорван. 24 апреля войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта соединились с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями 1-го Украинского фронта юго-восточнее Берлина. Главные силы врага оказались расчлененными на две изолированные группировки: берлинскую и франкфуртско-губенскую. 25 апреля западнее Берлина, в районе Кетцина, соединились 4-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта и 2-я гвардейская танковая и 47-я армии 1-го Белорусского фронта. В результате кольцо окружения вокруг берлинской группировки врага замкнулось. В тот же день в районе Торгау состоялась встреча частей 1-го Украинского фронта и американских войск. Начальник штаба фронта генерал И. Е. Петров докладывал в Генеральный штаб: «...передовые подразделения 58-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии, выйдя к Эльбе, переправились через нее и вошли в соприкосновение с разведывательными группами американской 69-й пехотной дивизии». Москва отметила это событие традиционным салютом: прогремели 24 артиллерийских залпа из 324 орудий. Через несколько дней у городов Росток и Шверин соединились советские и английские войска.

Германское военно-политическое руководство до последнего момента надеялось, что встречное наступление Красной армии и англо-американских войск приведет к вооруженному столкновению, а вслед за этим и к распаду союза трех великих держав. Однако их расчеты не оправдались. Никаких боевых стычек между союзниками не произошло, последние иллюзии нацистского руководства на благополучное для себя окончание войны рухнули безвозвратно.

Войска 2-го Белорусского фронта успешно форсировали р. Вест-Одер. Соединения 65-й и 70-й армий захватили несколько небольших плацдармов. 49-я армия овладела плацдармом лишь на второй день форсирования, 21 апреля. К исходу 25 апреля соединения 65-й и 70-й армий завершили прорыв главной полосы вражеской обороны. За шесть дней они продвинулись на глубину 20—22 км. 49-я армия, используя успех соседей, 26 апреля переправилась главными силами на левый берег Одера по переправам 70-й армии и к исходу дня продвинулась на 10—12 км. В этот же день в полосе 65-й армии начали переправу войска 2-й ударной армии. Своими активными действиями в низовьях Одера 2-й Белорусский фронт надежно сковал 3-ю немецкую танковую армию, лишив ее возможности нанести контрудар с севера по советским армиям, окружавшим Берлин.

Не давая врагу опомниться, советские войска уже 26 апреля приступили к уничтожению франкфуртско-губенской группировки. Гитлеровцы предпринимали яростные попытки разорвать кольцо окружения. Три дня и три ночи не прекращались кровопролитные сражения. По совету генерала А. Йодля А. Гитлер решил повернуться спиной к англо-американским войскам, а все усилия сосредоточить на удержании Берлина. Прекращая сопротивление на западе, он намеревался создать благоприятную почву для соглашения с англо-американским руководством. Как заявил генерал А. Йодль начальнику штаба люфтваффе генералу К. Коллеру в личной беседе 23 апреля, «совсем безразлично, что при этом предпримут американцы на Эльбе. Может быть, удастся доказать этим, что мы хотим воевать только против Советов»[45].

Окруженные южнее Берлина войска противника, основу которых составляла 9-я армия, насчитывали до 200 тыс. человек, более 300 танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс.

орудий и минометов. Взявшие в кольцо эту группировку войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов превосходили ее по личному составу почти в полтора и по артиллерии в четыре раза. Танков у той и другой стороны было поровну, ибо основные силы танковых войск обоих советских фронтов сражались за Берлин.

Войскам 1-го Украинского фронта предстояло действовать одновременно на четырех направлениях: наступая на север, штурмовать Берлин; не допустить прорыва из окружения 9-й армии на запад; сорвать наступление 12-й армии на восток; отразить контрудар герлицкой группировки с юга. Штурм Берлина и разгром 9-й армии предстояло осуществлять в тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом, войска которого, кроме того, обходя столицу с севера, выходили на Эльбу. Войска 1-го Белорусского фронта теснили 9-ю армию с севера. Утром 27 апреля навстречу им перешла в наступление 3-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта.

Возраставшая угроза уничтожения, следовавшие один за другим грозные приказы А. Гитлера гнали окруженную группировку немцев на запад, навстречу 12-й армии. В свою очередь, фельдмаршал В. Кейтель и генерал А. Йодль, на которых фюрер возложил организацию встречного наступления, требовали от обеих армий самых решительных действий. 9-ю армию и попавшие в окружение дивизии 4-й танковой армии советские войска сжимали со всех сторон. В довершение к этому окруженная группировка подвергалась сильным ударам авиации. Немцы отчаянно стремились вырваться из этого ада. Наиболее результативным для оставшихся в окружении германских войск оказался день 29 апреля: они сумели на узком шестикилометровом участке прорваться на 25 км. Но контрудары советских войск при поддержке авиации заставили гитлеровцев остановить дальнейшее продвижение. Прорвавшиеся части были окружены в трех изолированных друг от друга районах. До соединения с 12-й армией, которая перешла в наступление 25 апреля, оставалось менее 30 км. 5-й гвардейский механизированный и 102-й стрелковый корпуса отразили удар. Уже через день активность противника резко снизилась.

По категорическому требованию В. Кейтеля и А. Йодля генерал В. Венк ввел в сражение последние оставшиеся в резерве две дивизии и 29 апреля предпринял еще одну попытку прорваться к 9-й армии. 2-я воздушная армия нанесла удар такой силы, что от дальнейшего наступления В. Венку пришлось отказаться. На следующий день В. Кейтель признал, что попытка деблокировать Берлин окончательно провалилась, о чем он вынужден был доложить А. Гитлеру. Тем не менее 20 тыс. солдат и офицеров упорно пробивались из окружения для соединения с 12-й полевой армией. В ночь на 1 мая они вышли в тыл 5-го гвардейского механизированного корпуса, который оборонялся против 12-й армии. Между частями, выходившими из окружения, и армией В. Венка оставалось всего 3—4 км. Части 5-го гвардейского механизированного корпуса заняли круговую оборону. На помощь им командующий 4-й гвардейской танковой армией генерал Д. Д. Лелюшенко бросил свои резервы. Разгорелись ожесточенные бои. Стремясь не допустить соединения противника, советские войска напрягали все силы. Даже раненые не покидали боевые порядки. В танковой армии таких было более 2 тыс.[46] Решающую роль сыграли штурмовики 1-го гвардейского авиакорпуса. Совместными усилиями танкистов и летчиков противник был разбит.

1 мая 9-я армия и попавшая в окружение часть 4-й танковой армии противника прекратили свое существование. Немцы потеряли 60 тыс. убитыми, а 120 тыс. сдались в плен. Лишь немногим удалось прорваться на запад. В качестве трофеев советским войскам достались более 300 танков и штурмовых орудий, 500 пушек и минометов, свыше 17 тыс. автомобилей и много другого имущества.

Стремясь облегчить положение Берлина, А. Гитлер потребовал от командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Ф. Шёрнера возобновить наступление герлицкой группировки. С утра она опять предприняла контрудар. Атаки немцев продолжались до конца апреля, когда противник полностью исчерпал свои наступательные возможности. Вклинившись почти на 35 км, герлицкая группировка перешла к обороне. Выйти на тыловые коммуникации 1-го Украинского фронта, как предполагал фельдмаршал Ф. Шёрнер, она не смогла.

Бои на улицах Вены. 1945 г.

«Катюши» в Берлине. 29 апреля 1945 г.

Исключительно ожесточенный характер носили бои по ликвидации 300-тысячной группировки противника, окруженной в самом городе. Главная задача 1-го Белорусского фронта, вместе с которым действовала часть войск 1-го Украинского, заключалась в штурме Берлина. Еще в начале марта А. Гитлер объявил его городом-крепостью, и теперь это был мощный оборонительный район. Германское командование продолжало стягивать войска в столицу Германии. 22 апреля адмирал К. Дёниц, который должен был возглавить войска, находившиеся в Северной Германии, получил от А. Гитлера телеграмму следующего содержания: «Битва за Берлин — решающая для судеб Германии. Все остальные задачи имеют второстепенное значение. Отложить все мероприятия военно-морских сил и поддержать Берлин переброской в город войск воздушным путем, по воде и суше»[47]. На следующий день по радио было передано заявление Й. Геббельса, который сообщал, что руководство обороной Берлина взял на себя сам фюрер и это придает битве за столицу европейское значение. По его словам, на оборону города вышло все население, а члены партии, вооруженные панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрестках улиц. Гарнизон Берлина к 25 апреля насчитывал 300 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, 250 танков и штурмовых орудий. Возглавлял его генерал Г. Вейдлинг, назначенный 12 апреля комендантом города-крепости. Обстановка в городе была крайне тяжелой. Еще до окружения в Берлине закончились запасы угля, прекратилась подача электроэнергии, а 21 апреля закрылись все предприятия, остановились трамваи, метро, перестали работать водопровод и канализация. С выходом советских войск на окраины города гарнизон и жители лишились продовольственных складов. Населению на неделю выдали на человека по 800 граммов хлеба, 800 граммов картофеля, 150 граммов мяса и 75 граммов жиров. Жизнь города была парализована, начался голод. Дальнейшее сопротивление вело только к разрушению столицы и напрасным жертвам, в том числе и среди мирных жителей.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, окружившие германскую столицу, имели около 464 тыс. солдат и офицеров, 14,8 тыс. орудий и минометов, почти 1,5 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок. В ходе штурма города к ним присоединились еще 12,5 тыс. польских воинов. Во избежание напрасного кровопролития командование 1-го Белорусского фронта 23 апреля предложило гарнизону Берлина сдаться, но ответа не последовало. Днем 25-го и в ночь на 26 апреля более 2 тыс. самолетов 16-й и 18-й воздушных армий нанесли по городу три массированных удара. Утром четыре общевойсковые армии и столько же танковых обоих фронтов, наступая с севера, востока и юга, начали штурм. Вклинившись в глубину, войска отсекали один квартал за другим, нарушая стройную систему обороны противника. Для захвата здания успешно использовались штурмовые группы и отряды, которые состояли из пехоты, усиленной танками, артиллерией, саперами и огнеметчиками. Пехота при их поддержке врывалась в здание и, продвигаясь с одного этажа на другой, уничтожала засевших там солдат. Бои шли круглые сутки одновременно на земле, в подземных коммуникациях и в воздухе. Сменяясь, штурмовые подразделения продвигались вперед.

5-й ударной армии, сражавшейся в Берлине, был придан отряд глиссеров Днепровской военной флотилии. К р. Шпрее десять маленьких кораблей отряда подвезли на автомобилях. Спущенные на воду в ночь на 23 апреля, они под ураганным огнем перебросили на занятый противником берег передовые подразделения 230-й и 301-й стрелковых дивизий. Захват плацдарма дал возможность начать паромную переправу. Буксируя паромы, моряки переправили через Шпрее 27 танков, 600 орудий и минометов. За три дня отряд, насчитывавший 30 человек, доставил на другой берег более 16 тыс. солдат и офицеров. К концу переправы в живых остались всего 16 человек. Двое из них, командир отряда лейтенант М. М. Калинин и командир катера старшина Г. П. Казаков, были удостоены звания Героя Советского Союза. Еще семерым это высокое звание было присвоено посмертно. За совершенный подвиг были награждены и остальные моряки отряда.

В ходе уличных боев немцы широко применяли фаустпатроны. Пользоваться этим простым противотанковым средством были обучены даже подростки из фольксштурма: стреляло оно всего на 30 метров, но пробивало броню до 200 мм. На узких улицах города фаустпатроны

стали грозой танков. Одна только 2-я гвардейская танковая армия за неделю боев в Берлине потеряла 204 танка. Половина из них оказалась подбитой фаустпатронами. Поэтому танкисты предпочитали наступать под прикрытием автоматчиков, в задачу которых входило уничтожение засевших в домах фаустников. С этой целью 2-й гвардейской танковой армии была придана 1-я польская дивизия, 3-й гвардейской танковой — три стрелковые дивизии 28-й армии. 1-я гвардейская танковая армия наступала совместно с 8-й гвардейской армией.

Чем глубже вклинивались советские войска в город, тем яростнее становилось сопротивление врага. Наивысшего напряжения бои достигли 27 апреля. В этот день была разгромлена потсдамская группировка врага, захвачен Потсдам. Армии вонзили глубокие клинья в центр фашистской столицы. Завязались сражения на центральном участке Берлина. Здесь располагались все руководящие военные и правительственные органы нацистской Германии. Из высшего руководства в Берлине остались лишь А. Гитлер, М. Борман и Й. Геббельс со своим ближайшим окружением. Все они укрылись в глубоких подземельях рейхсканцелярии. К вечеру 28 апреля противник был рассечен на три части. Сообщение между ними сохранялось только по подземным коммуникациям. Чтобы советские войска не смогли использовать метро, А. Гитлер приказал открыть шлюзы на Шпрее, хотя он не мог не знать, что будет затоплен участок метро между Лейпцигерштрассе и Унтер-ден-Линден, где на станциях укрывались тысячи берлинцев.

Первой к Рейхстагу вышла 3-я ударная армия. Наступая с севера, ее 79-й стрелковый корпус прорвался к мосту через Шпрее и после ожесточенных боев в ночь на 29 апреля захватил его. На пути к Рейхстагу бойцы корпуса овладели тюрьмой Моабит, освободив тысячи оставшихся в живых узников. Здесь нацисты замучили Эрнста Тельмана, Мусу Джалиля, тысячи русских военнопленных, французов, англичан, бельгийцев, немецких антифашистов. От моста до Рейхстага было всего 500 метров, но они оказались необычайно трудными. Площадь перед зданием обороняли отборные подразделения СС и батальон фольксштурма. Предыдущей ночью сюда для подкрепления прибыли три роты морской школы из Ростока. Почти 5 тыс. немецких солдат и офицеров, сосредоточенных у стен Рейхстага, поддерживали три дивизиона полевой артиллерии и зенитный артиллерийский дивизион. Система обороны на подступах к зданию включала три траншеи, прикрытые минными полями и противотанковым рвом с водой, 15 железобетонных дотов. Ходы сообщения связывали траншеи с подвалами Рейхстага. В целом оборона была прочной.

С утра 30 апреля войска 3-й ударной армии генерала В. И. Кузнецова завязали ожесточенные бои за Рейхстаг. Задача по овладению этим важнейшим опорным пунктом центрального участка обороны города была поставлена перед частями и соединениями 79-го стрелкового корпуса генерала С. Н. Переверткина из ударной армии В. И. Кузнецова. Штурм Рейхстага осуществляли 150-я и 171-я стрелковые дивизии генерала В. М. Шатилова и полковника А. И. Негоды. Стрелковые войска поддерживали танкисты из 23-й танковой бригады. Первая попытка овладеть зданием с ходу окончилась неудачей. Началась тщательная подготовка штурма. Для поддержки атаки пехоты только для ведения огня прямой наводкой было сосредоточено 135 орудий, танков и самоходных артиллерийских установок. Еще десятки пушек, гаубиц и реактивных установок вели огонь с закрытых позиций. С воздуха штурмующих поддерживали эскадрильи 283-й истребительной авиационной дивизии полковника С. Н. Чирвы.

Еще перед началом Берлинской операции было принято решение об изготовлении в каждой армии, наступавшей непосредственно на Берлин, красных флагов. Их количество и оформление определялось самостоятельно военными советами армий. Так, в 3-й ударной армии было изготовлено девять флагов, что соответствовало количеству стрелковых дивизий, входивших в состав армии. В ночь на 22 апреля флаги были вручены представителям стрелковых дивизий. Флаг № 5 (именно ему впоследствии суждено было стать Знаменем Победы) вручили 150-й стрелковой дивизии генерала В. М. Шатилова, части которой оказались на острие штурма Рейхстага. 26 апреля этот флаг Военного совета 3-й ударной армии был передан 756-му стрелковому полку.

30 апреля произошло событие, которое негативно сказалось на правдивом освещении боя за овладение Рейхстагом в течение многих лет. Особенно это касалось водружения Знамени Победы. Виновником этого стало командование 150-й стрелковой дивизии, которое преждевременно доложило устно, а потом и письменно донесло по команде, что воины дивизии ворвались в Рейхстаг и в 14 часов 25 минут водрузили красный флаг. Доклад дошел до И. В. Сталина. Последствия его были таковы: командующий войсками 1-го Белорусского фронта Г. К. Жуков оперативно издал приказ № 06 с объявлением благодарности командирам и бойцам, участникам штурма Рейхстага, которые «сломили сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30 апреля 1945 г. в 14.25 подняли на нем наш Советский флаг»[48]. Впоследствии, объясняя этот факт, командир 756-го стрелкового полка полковник Ф. М. Зинченко в своих воспоминаниях писал, что «всему виной поспешные, непроверенные донесения. Возможность их появления была не исключена. Бойцы подразделений, залегших перед Рейхстагом, несколько раз поднимались в атаку, пробивались вперед в одиночку и группами, вокруг все ревело и грохотало. Кому-то из командиров и могло показаться, что его бойцы если и не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели. Особенно твердым было такое убеждение у каждого из нас в самом начале штурма, когда еще не вполне представлялось, какое сопротивление способен оказать противник. Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем так хотелось быть первыми!»[49]. К Рейхстагу устремились военные кинооператоры, фотокорреспонденты, журналисты. Однако штурмующие батальоны по-прежнему вели бои на подступах к зданию, где ни одного советского солдата и ни одного флага еще не было.

В 18 часов начался третий штурм Рейхстага. Первые группы советских воинов сумели ворваться в здание лишь в девятом часу вечера. Вместе с атакующими батальонами 674, 756 и 380-го стрелковых полков, которыми командовали подполковник А. Д. Плеходанов, полковник Ф. М. Зинченко и майор В. Д. Шаталов, действовали группы воинов-добровольцев, возглавляемые адъютантом командира 79-го стрелкового корпуса майором М. М. Бондарем и командиром батареи управления командующего артиллерией корпуса капитаном В. Н. Маковым[50]. В составе батальона В. И. Давыдова действовала группа полковых разведчиков во главе с лейтенантом С. Е. Сорокиным из 674-го стрелкового полка. По инициативе командования и политотдела корпуса эти группы были созданы специально для водружения изготовленных в корпусе флагов. Сами флаги представляли собой полотнища из красной материи, которые до поры до времени были спрятаны на груди у воинов. Флаг разведчиков группы С. Е. Сорокина был прибит к древку. Первыми к зданию Рейхстага прорвались батальоны капитанов С. А. Неустроева, В. И. Давыдова, старшего лейтенанта К. Я. Самсонова и группы добровольцев. Они ворвались в здание, о чем командир 756-го стрелкового полка доложил командиру 150-й стрелковой дивизии генералу В. М. Шатилову. Но знамя все еще не было установлено. Комдив приказал очистить здание от противника и «немедленно установить на его куполе знамя Военного совета армии». Чтобы ускорить выполнение задачи, командир дивизии назначил Ф. М. Зинченко комендантом Рейхстага. Первыми на крышу здания пробились с боями воины штурмовой группы капитана В. Н. Макова в составе сержанта М. П. Минина, старших сержантов Г. К. Загитова, А. Ф. Лисименко и А. Боброва, все они были артиллеристами-разведчиками из 136-й армейской пушечной бригады. В 22 часа 40 минут они наконец водрузили красное полотнище, прикрепив его к металлической трубе-штанге скульптурной группы, расположенной на фасаде парадного входа западной части здания. Через некоторое время на той же скульптурной группе укрепили свой флаг воины штурмовой группы майора М. М. Бондаря. Разведчики 674-го полка, возглавляемые лейтенантом С. Е. Сорокиным[51], установили красный флаг на западном фасаде крыши.

Полковые разведчики сержант М. А. Егоров, младший сержант М. В. Кантария и политработник батальона лейтенант А. П. Берест, которым было поручено водрузить красный флаг № 5 Военного совета 3-й ударной армии как Знамя Победы, в то время еще находились на наблюдательном пункте 756-го стрелкового полка, который располагался в здании МВД (дом Гиммлера). Прибывший туда около 24 часов командир 756-го стрелкового полка

полковник Ф. М. Зинченко приказал немедленно установить флаг на крыше Рейхстага. Примерно в третьем часу ночи 1 мая М. А. Егоров и М. В. Кантария в сопровождении лейтенанта А. П. Береста установили на восточной части здания красный флаг Военного совета 3-й ударной армии, прикрепив его к конной скульптуре Вильгельма I. Во второй половине дня 2 мая они же закрепили на куполе Рейхстага большое красное полотнище. Красный флаг № 5 Военного совета 3-й ударной армии уже как Знамя Победы был ими снят. Знамя находилось в штабе 756-го стрелкового полка, а затем передано на хранение в политотдел 150-й стрелковой дивизии, где и находилось до 19 июня. Во второй половине мая по распоряжению начальника политотдела дивизии на полотнище была сделана надпись: «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идриц. див.» (150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия).

19 июня 1945 г. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отдал распоряжение о доставке Знамени Победы в Москву на Парад Победы. В тот же день на нем к имеющейся надписи были сделаны добавления: «79 ск», а потом и «3 УА 1 БФ». Утром 20 июня на берлинском аэродроме «Темпельгоф» состоялись проводы Знамени Победы, сопровождали его участники штурма Рейхстага: С. А. Неустроев, К. Я. Самсонов, И. Я. Сьянов, М. А. Егоров и М. В. Кантария. Во второй половине дня самолет Ли-2, пилотируемый летчиком старшим лейтенантом П. Жилкиным, приземлился в Москве на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе. Ответственным за организацию встречи Знамени Победы был назначен помощник коменданта Москвы полковник Н. Гребенщиков. Рота почетного караула была сформирована из участников Парада Победы, входивших в состав сводного полка 1-го Белорусского фронта. По распоряжению маршала Г. К. Жукова начальником караула был назначен капитан В. И. Варенников. После неудачной генеральной репетиции парада, которая проходила 23 июня, последовало распоряжение Главного политуправления Красной армии (в его распоряжении находилось Знамя Победы) командованию сводного полка 1-го Белорусского фронта передать, а Центральному музею Красной армии принять на хранение Знамя Победы.

Многие воины были представлены к наградам, а вся группа капитана В. Н. Макова по ходатайству командира 79-го стрелкового корпуса — к званию Героя Советского Союза. Однако в первых числах мая 1945 г. из различных частей, участвовавших в штурме Рейхстага, стали поступать сообщения о том, что именно их бойцы первыми водрузили Знамя Победы, и ходатайствовали о присвоении им звания Героя Советского Союза. В связи с этим командующий фронтом маршал Г. К. Жуков принял решение никого к звезде Героя не представлять вплоть до окончательного уточнения. Группа капитана В. Н. Макова была награждена орденом Красного Знамени. Такую же награду получили М. А. Егоров и М. В. Кантария, а звание Героя Советского Союза им было присвоено вместе с командирами штурмовавших Рейхстаг батальонов В. И. Давыдовым, С. А. Неустроевым и К. Я. Самсоновым только через год — 8 мая 1946 г., к первой годовщине Победы над нацистской Германией. 15 мая этого высокого звания была удостоена другая группа участников штурма Рейхстага.

В конце апреля имперскую канцелярию, в подземном убежище которой укрывался А. Гитлер, с внешним миром соединяла только радиосвязь. Фюрер, все еще надеясь на помощь извне, то и дело запрашивал, когда же войска деблокируют столицу. Наконец 30 апреля пришел ответ. В. Кейтель радировал, что 9-я армия Т. Буссе из окружения так и не вырвалась, а 12-я армия В. Венка наступать на Берлин не может. Потеряв всякую надежду на спасение, А. Гитлер в 15 часов 30 минут (по среднеевропейскому времени) покончил жизнь самоубийством. Дни нацистской Германии были сочтены, ее агония подходила к концу. В ночь на 1 мая в расположение войск 8-й гвардейской армии прибыл немецкий офицер-парламентер с пакетом, адресованным советскому командованию. В нем содержалась просьба установить время и место перехода линии фронта начальником Генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом Г. Кребсом для передачи сообщения особой важности.

Просьба была удовлетворена, и в 3 часа утра Г. Кребс был доставлен к командующему армией генералу В. И. Чуйкову. Начальник Генерального штаба сообщил о самоубийстве А. Гитлера, составе нового правительства Германии и передал обращение Й. Геббельса и М. Бормана к Главному командованию Красной армии с просьбой о временном прекра-

щении боевых действий в Берлине как условии для мирных переговоров между Германией и СССР. Сообщение было передано маршалу Г. К. Жукову, который, в свою очередь, доложил о нем в Москву, выделив для переговоров с германским руководством в Берлине своего заместителя генерала В. Д. Соколовского. Вскоре позвонил И. В. Сталин: «Передайте Соколовскому, никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести»[52]. Г. Кребс в 9 часов утра отбыл для передачи ответа советского командования.

Не дожидаясь решения своего командования, отдельные гарнизоны противника прекращали сопротивление и сдавались в плен. К исходу 1 мая гарнизон Рейхстага сложил оружие. А 2 мая в 6 часов 30 минут генерал Г. Вейдлинг, командовавший обороной Берлина, заявил о безоговорочной капитуляции гарнизона. К 15 часам остатки берлинского гарнизона сдались в плен. Только в этот день советские войска пленили до 135 тыс. вражеских солдат и офицеров.

С 26 апреля 2-й Белорусский фронт наступал в северо-западном направлении, стремясь прижать 3-ю танковую армию к Балтийскому морю. Маршал К. К. Рокоссовский наращивал силу ударов по противнику: кроме трех армий в наступление перешла также 2-я ударная армия. Вступили в сражение переправившиеся через Одер все танковые, механизированный и кавалерийский корпуса. При поддержке 4-й воздушной армии они стремительно продвигались в глубину. Навстречу войскам фронта наступала 21-я группа армий союзных войск под командованием британского фельдмаршала Б. Монтгомери. В конце апреля английские войска форсировали Эльбу и, не встречая сопротивления, начали быстро продвигаться на восток. 3 мая им без боя сдался гарнизон Гамбурга. С утра 5 мая прекратили боевые действия немецкие войска и силы флота в Голландии и Дании, на северо-западе Германии и островах Северного моря.

Однако против Красной армии вермахт продолжал вести борьбу. Войска 1-го Белорусского фронта, которые в период штурма Берлина обходили его с севера и с юга, теперь продвигались к Эльбе. 2 мая передовые отряды 61-й армии генерала П. А. Белова встретились южнее Виттенберга с 84-й пехотной дивизией американских войск. В период с 4 по 7 мая, соединившись с 9-й американской армией, на Эльбу вышли 1-я польская и 47-я советская армии. Отступавшая под их натиском 12-я армия генерала В. Венка после предварительных переговоров с американцами переправилась на западный берег реки и сдалась им. По словам К. фон Типпельскирха, тогда «удалось спасти примерно 100 тыс. человек от русского плена»[53]. Еще южнее, сменив войска 1-го Украинского фронта, рубеж Эльбы заняли 3, 69 и 33-я армии 1-го Белорусского фронта. К р. Мульде вышли, соединившись с главными силами 1-й американской армии, две стрелковые дивизии 13-й армии 1-го Украинского фронта, в то время как его главные силы со 2 мая перемещались на юг, готовясь для наступления на Прагу.

Вечером 7 мая командующие советскими фронтами, действовавшими против Германии, получили директиву Ставки ВГК, в которой указывалось, что германские вооруженные силы как на западном, так и на восточном фронтах 8 мая с 23 часов среднеевропейского времени согласно достигнутому в Реймсе соглашению должны капитулировать. Ставка приказывала любыми средствами известить об этом командование и войска противника, потребовать от них сложить оружие и сдаться в плен, а в случае продолжения сопротивления — нанести решительные удары.

Так победоносно завершилась Берлинская операция. 1-й, 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты, продвинувшись на глубину от 160 до 220 км, овладели Берлином и соединились с англо-американскими войсками. За такой короткий срок Красная армия разгромила 93 германские дивизии, большое количество отдельных полков и батальонов; было захвачено около 480 тыс. военнопленных, 11 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,5 тыс. боевых самолетов. Столь высокой результативности не достигалось ни в одной из проведенных операций Великой Отечественной войны. Берлинская операция занесена в Книгу рекордов Гиннесса как самое кровопролитное сражение современности, в котором с обеих сторон участвовали 3,5 млн человек, 52 тыс. орудий и минометов, 7750 танков и 11 тыс. самолетов.

Красноармеец-связист Михаил Усачев оставляет свой автограф на стене Рейхстага. 1945 г.

В ходе Берлинской операции, как и в предыдущих сражениях Великой Отечественной войны, воины всех родов войск проявили высокое боевое мастерство, мужество, героизм. Более 600 солдат, сержантов и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе 13 человек награждены второй медалью «Золотая Звезда». Среди них И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, П. И. Батов, А. И. Родимцев, Т. Я. Бегельдинов, С. И. Крегов, М. П. Одинцов, Е. Я. Савицкий и другие. Третьей медалью «Золотая Звезда» был награжден Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. 1141 тыс. воинов удостоились орденов и медалей, 187 частей и соединений получили наименование Берлинских. В ознаменование этого события была учреждена медаль «За взятие Берлина». Ее вручили непосредственным участникам штурма города — 1082 тыс. солдатам, сержантам и офицерам Красной армии и Войска Польского. Тысячи воинов-победителей оставили свои подписи на стенах Рейхстага. Сейчас в Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации как дорогие реликвии хранятся куски штукатурки с надписями, сделанными советскими солдатами и офицерами, штурмовавшими Берлин.

Несмотря на капитуляцию германских вооруженных сил, группа армий «Центр» и часть группы армий «Австрия», сосредоточенные на территории Чехословакии, отказывались сложить оружие. Они насчитывали 900 тыс. солдат и офицеров, 9,7 тыс. орудий и минометов, 1,9 тыс. танков и штурмовых орудий, около 1 тыс. боевых самолетов.

Приближение советских и американских войск активизировало движение Сопротивления в Чехии. В апреле 1945 г. там действовало 120 партизанских отрядов, насчитывавших 7,5 тыс. человек. Деятельность партизан носила оборонительный характер, что объяснялось прежде всего нехваткой оружия и недостатком опытных кадров. Чешское партизанское движение не имело центрального штаба. Связь отдельных отрядов с командованием Красной армии была эпизодической или отсутствовала вовсе.

После передачи 1-му Белорусскому фронту рубежа по Эльбе 1-й Украинский фронт высвободившиеся силы (3-я и 5-я гвардейские, 13, 28, 52-я общевойсковые армии, 2-я армия Войска Польского, 4-й гвардейский, 25-й и 1-й польские танковые, 7-й гвардейский механизированный и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса) перегруппировал на пражское направление. Войска левого крыла фронта (31, 21 и 59-я армии) занимали оборону на рубеже западнее Левеньерга — севернее Крнова. 6-я армия продолжала блокировать гарнизон крепости Бреслау. Действия наземных войск поддерживала 2-я воздушная армия. 4-й Украинский фронт (60, 38, 1-я гвардейская и 18-я армии, 31-й танковый корпус), действуя в полосе шириной 220 км от Крнова до Всетина, завершал Моравско-Остравскую операцию. В составе 18-й армии находился 1-й чехословацкий армейский корпус. Наземные войска фронта поддерживала 8-я воздушная армия, в состав которой входила и 1-я чехословацкая смешанная авиационная дивизия. От Всетина до Корнейбурга в полосе 350 км наступали войска 2-го Украинского фронта (40, 53, 7-я гвардейская, 46-я общевойсковые, 6-я гвардейская танковая, 1-я и 4-я румынские армии, 1-я гвардейская конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева). Его правое крыло продвигалось на Оломоуц, навстречу войскам 4-го Украинского фронта. Армии центра и левого крыла временно перешли к обороне. 23-й танковый корпус находился в резерве фронта. Наземные войска фронта поддерживала 5-я воздушная армия.

Таким образом, советские войска и действовавшие вместе с ними 2-я польская, 1-я и 4-я румынские армии и чехословацкий армейский корпус насчитывали более 2 млн человек, 30,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, более 3 тыс. боевых самолетов. Они превосходили немцев в личном составе в два с лишним раза, в артиллерии и авиации — в три раза, танков было поровну. Такое превосходство не предвещало легкого успеха, но характер действий противника определялся теперь не столько соотношением сил, сколько критическим положением Германии. Операцию 1-го и 2-го Украинских фронтов намечалось начать 7 мая.

В начале мая 1945 г. в ряде городов Чехии возникли антинацистские выступления, переросшие в Майское восстание чешского народа. Оно началось стихийно. 5 мая восстало

население Праги. Повстанцы захватили городскую радиостанцию и объявили о ликвидации фашистского протектората. Немецко-фашистским войскам в Праге был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. Шёрнер приказал подавить восстание, участники которого перерезали основной путь намеченного отхода немцев на запад. 6 мая гитлеровцы, применив против восставших танковые части и авиацию, снова овладели частью города. Восставшие, понеся большие потери, обратились по радио к союзникам за помощью. Маршал И. С. Конев вспоминал: «...одновременно мы получили разведывательные данные о том, что генерал-фельдмаршал Шёрнер поспешно стягивает к Праге войска. 5 мая я отдал приказ войскам ударной группировки начать наступление утром 6 мая»[54].

Преемник А. Гитлера гросс-адмирал К. Дёниц, стремясь договориться на антисоветской основе с США и Англией, предпринял отчаянные попытки добиться быстрейшего прихода в Прагу американских войск и сорвать соглашение союзников о демаркационной линии на территории Чехословакии. Одновременно командующий войсками группы немецких армий «Центр» фельдмаршал Ф. Шёрнер получил приказ усилить сопротивление против Красной армии, «сохранять целостность фронта. Прорывы своевременно ликвидировать... Руководство боевыми действиями осуществлять так, чтобы выиграть время».

1-й Украинский фронт под командованием маршала И. С. Конева наносил удар на Прагу с севера через Рудные горы. Ранним утром 6 мая разведка установила, что сплошной обороны противник создать не успел. Во второй половине дня стрелковые дивизии 13-й и 3-й армий совместно с соединениями 3-й и 4-й гвардейских танковых армий нанесли мощный внезапный удар по самым слабым местам в обороне немцев. 5-я гвардейская армия сумела завершить подготовку к наступлению только к вечеру, когда основные силы фронта уже прорвали оборону и, несмотря на сильные дожди, затруднявшие движение по размокшим дорогам, продвинулись более чем на 20 км.

6 мая войска фельдмаршала Ф. Шёрнера начали общий отход из Чехословакии. В этот же день прекратил сопротивление блокированный еще с середины февраля 40-тысячный гарнизон города-крепости Бреслау, убедившись в бесполезности дальнейшей борьбы в тылу советских войск. Маршал И. С. Конев приказал всем армиям немедленно преследовать противника. 7 мая наступление войск 1-го Украинского фронта развернулось в полосе более 400 км. К исходу дня главная ударная группировка вышла к северным отрогам Рудных гор. Особого успеха добилась 13-я армия. Действуя совместно с 4-й гвардейской танковой армией, она значительно вырвалась вперед. 5-я гвардейская общевойсковая и 3-я гвардейская танковая армии, завязав бои за Дрезден, отстали. 7 мая в наступление на Прагу перешел 2-й Украинский фронт. Его 7-я гвардейская армия сразу же продвинулась на 12 км. Используя ее успех, командующий 2-м Украинским фронтом маршал Р. Я. Малиновский на следующий день ввел в сражение 6-ю гвардейскую танковую армию, которая устремилась к столице Чехословакии.

8 и 9 мая стали решающими днями наступления советских войск на Прагу. Соединения правого крыла 1-го Украинского фронта преодолели сопротивление противника на перевалах через Рудные горы. На рассвете 9 мая передовые части 3-й и 4-й гвардейских танковых армий ворвались в Прагу. Днем с востока в город вступили передовые части 60-й и 38-й армий 4-го Украинского фронта А. И. Ерёменко. В течение нескольких часов город был очищен от остатков немецких войск. Основные силы группы армий «Центр» были окружены и к исходу 11 мая сдались в плен. Советские войска 10 мая вышли в районы Хемница, Пльзень и Ческе-Будеевице и установили контакт с союзниками. На следующий день они встретились в Карловых Варах и южнее Пльзеня в Клатови.

В результате боевых действий в Пражской операции в плен были взяты около 860 тыс. солдат и офицеров, захвачено 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и штурмовых орудий, более тысячи боевых самолетов. Потери советских, румынских, польских и чехословацких войск составили 11 997 человек, 40,5 тыс. солдат и офицеров получили ранения. Кроме того, было потеряно 373 танка и самоходные артиллерийские установки, 1006 орудий и минометов, 80 боевых самолетов.

Советские солдаты на улице Берлина. Май 1945 г.

Маршал Г. К. Жуков с группой генералов в Карлхорсте. 8 мая 1945 г.

Безоговорочная капитуляция нацистской Германии

Овладение столицей Германии сорвало расчеты нового руководства страны на затягивание боевых действий на востоке в целях поисков благоприятного окончания войны. Последней в реализации такой политики была попытка избежать капитуляции перед Красной армией германских войск в Чехословакии. В результате их разгрома у вермахта не осталось сил для продолжения сопротивления, и Германия безоговорочно капитулировала. 5 мая капитулировали германские войска, действовавшие в Хорватии, Австрии и Баварии. «Мы должны радоваться каждой возможности оккупации нашей территории американскими, а не русскими воинами», — так оценили эти события в Ставке К. Дёница. Все немецкие войска, расположенные в Голландии, Северо-Западной Германии и Дании, капитулировали перед 21-й группой армий. Прекратили сопротивление и военно-морские силы на Балтийском и Северном морях, но лишь против англо-американских сил. Выполняя соглашение о перемирии, командование германского военно-морского флота вместе с тем поставило кораблям задачу продолжать эвакуацию войск из Курляндии и Восточной Пруссии. Оно приказало направить туда все, что только возможно, в том числе 12 эсминцев из Дании. Таким образом, Б. Монтгомери, несмотря на запрет Д. Эйзенхауэра, разрешил, правда неофициально, незаконную эвакуацию немцев с восточного фронта.

По поручению К. Дёница 5 мая в Реймс, где находился штаб генерала Д. Эйзенхауэра, прибыл адмирал Г. Фридебург. Когда он поставил вопрос о капитуляции войск группы армий «Центр» и «Австрия» перед американскими войсками, ему объяснили, что речь может идти только об общей безоговорочной капитуляции, в том числе и на советско-германском фронте, причем германские войска везде должны оставаться на достигнутых рубежах. Поняв невозможность дальнейшего затягивания переговоров, А. Йодль запросил у К. Дёница полномочий подписать капитуляцию на предъявленных условиях и сразу же получил их. 7 мая в 2 часа 41 минуту (по центральноевропейскому времени) генерал А. Йодль, начальник штаба союзных войск в Европе генерал У. Смит и представитель СССР генерал И. А. Суслопаров в присутствии свидетеля от Франции подписали протокол о капитуляции. Германские войска должны были с 23 часов 1 минуты 8 мая, оставаясь в районах расположения, прекратить боевые действия на всех фронтах. Условия капитуляции, подписанные в Реймсе, считались не окончательными. Их должен был заменить акт о всеобщей капитуляции. А. Йодль уже в Реймсе сообщил состав германской делегации, уполномоченной ратифицировать окончательный акт. В нее входили начальник штаба верховного командования вермахта вместе с главнокомандующими военно-воздушными и военно-морскими силами. Время и место ратификации надлежало определить совместным решением западных держав и Советского Союза.

Президент США Г. Трумэн и премьер-министр Великобритании У. Черчилль предложили И. В. Сталину объявить о победе над Германией уже 8 мая, но он не согласился. Отвечая главам правительств США и Великобритании, он писал, что на советско-германском фронте противник продолжает сопротивляться, более того, советская сторона имеет сведения о намерениях значительной группировки немцев продолжать борьбу. И. В. Сталин предлагал подождать, когда вступит в силу намеченный в Реймсе срок окончания боевых действий. По московскому времени это был 1 час ночи 9 мая. Опасения И. В. Сталина имели веские основания. Буквально через пять минут после того, как А. Йодль получил разрешение подписать документ о капитуляции в Реймсе, К. Дёниц отдал фельдмаршалу А. Кессельрингу и генералу К. Винтеру, возглавлявшим войска в Чехословакии, приказ: «Задача состоит в том, чтобы отвести на запад как можно больше войск, пробиваясь при этом в случае необходимости через расположение советских войск с боем»[55].

И. В. Сталина беспокоило не только продолжение сопротивления противника, но и то, где будет подписан протокол о капитуляции. Как вспоминал заместитель начальника Генерального штаба генерал С. М. Штеменко, И. В. Сталин тогда заявил: «Договор, под-

писанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята на территории, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции»[56]. С союзниками была достигнута договоренность, согласно которой Акт о безоговорочной капитуляции было решено оформить именно в Берлине. От Советского Союза Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил было поручено подписать заместителю Верховного главнокомандующего маршалу Г. К. Жукову.

В полдень 8 мая в Карлсхорст (восточное предместье Берлина) прибыли представители верховных главнокомандований союзников. Командование экспедиционных сил в Европе представлял заместитель Д. Эйзенхауэра главный маршал авиации Великобритании А. Теддер, вооруженные силы Соединенных Штатов Америки — командующий стратегическими военно-воздушными силами США генерал К. Спаатс, французские вооруженные силы — главнокомандующий армией генерал Ж.-М. де Латр де Тассиньи. Из Фленсбурга под охраной английских офицеров в Карлсхорст была доставлена делегация Германии: фельдмаршал В. Кейтель, адмирал Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф. Церемонию подписания Акта о военной капитуляции, как был дословно назван этот документ, подводивший черту под существованием вермахта, открыл маршал Г. К. Жуков. За главным столом располагались представители четырех союзных держав. «В 0 часов 43 минуты 9 мая (в 22 часа 43 минуты 8 мая по центральноевропейскому времени. — *Прим. ред.*) 1945 года, — писал Г. К. Жуков, — подписание Акта о безоговорочной капитуляции было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал»[57].

Акт состоял из шести пунктов следующего содержания:

«1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского Верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному командованию Красной армии и одновременно Верховному командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23-01 часа по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями союзного Верховного командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным командованием Красной армии и Верховным командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае если немецкое Верховное командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное командование Красной армии, а также Верховное командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными»[58].

Сухопутные, морские и воздушные силы вермахта на советско-германском фронте начали складывать оружие. В 23 часа 8 мая прекратила сопротивление прижатая к Балтийскому морю

группа армий «Курляндия», утром 9 мая сдались в плен остатки германских войск в районе Данцига и Гдыни. В Норвегии капитулировала оперативная группа «Нарвик». Советский десант, начавший высадку 9 мая на датский остров Борнхольм, через два дня завершил прием немецких войск. Только на юго-западном участке советско-германского фронта войска группы армий «Центр» и «Австрия» по-прежнему пытались пробиться к американцам. 10 мая Д. Эйзенхауэр вынужден был отдать приказ, в соответствии с которым те германские военнослужащие, которые нарушат Акт о капитуляции и попытаются ускользнуть от Красной армии, будут возвращены советскому командованию. Попытка фельдмаршала Ф. Шёрнера укрыться в американском плену закончилась неудачей: американцы передали его советскому командованию. Мелкие группы немцев на территории Чехословакии и Австрии пришлось уничтожать вплоть до 19 мая.

Согласно сведениям, которые по требованию советского командования представил фельдмаршал В. Кейтель, 9 мая на советско-германском фронте вермахт имел более 1,5 млн солдат и офицеров. С 9 по 17 мая советские войска взяли в плен или приняли при капитуляции 1 390 978 солдат и офицеров, а также 101 генерала.

5 июня в Берлине собрались главнокомандующие вооруженными силами СССР, США, Великобритании и Франции, выделенными для оккупации Германии. По поручению своих правительств, действовавших на основе решений Крымской конференции, маршал Г. К. Жуков, генерал Д. Эйзенхауэр, фельдмаршал Б. Монтгомери и генерал Ж.-М. де Латр де Тассиньи составили Контрольный совет. Они подписали Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении побежденного государства. Для оккупации, которую четыре державы-победительницы осуществляли в целях демилитаризации страны, развязавшей Вторую мировую войну, Германия была разделена на четыре зоны. В каждой из них верховная власть теперь принадлежала соответствующему главнокомандующему. Декларация о поражении Германии вместе с Актом о военной капитуляции заложили основные принципы управления поверженной страной. Свое дальнейшее развитие они получили в решениях Потсдамской конференции глав правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Агрессор был разбит, в Европе наконец-то наступил долгожданный мир.

Так закончилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Советский народ ликовал. Почти четыре года тяжелейшей, напряженной и кровопролитной войны наконец-то закончились блестящей победой. Указом Президиума Верховного Совета СССР «в ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны» день 9 мая был объявлен праздником Победы. В этот день в стране повсюду проходили многолюдные митинги, собрания, народные гулянья. А вечером Москва салютовала войскам Красной армии, кораблям и частям Военно-морского флота. Эхо тысячеорудийного залпа разнеслось по всему миру. В целях увековечения выдающегося события была учреждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой награждены более 13 660 тыс. советских воинов. А те, кто ковал победу в тылу, удостоились медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Завершающим событием Великой Отечественной войны стал Парад Победы, проведенный 24 июня в Москве. На парад были выведены сводные полки десяти фронтов, действовавших к концу войны. В состав каждого входили представители всех родов войск. Каждый полк нес по 36 боевых знамен особо отличившихся частей и соединений. Кроме того, в параде принимали участие сводные полки Наркомата обороны СССР, Военно-морского флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона. Принимал парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовал парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. На трибунах Красной площади разместились члены ЦК ВКП(б), депутаты Верховного Совета СССР, собравшиеся в Москве на свою первую послевоенную сессию, депутаты Верховного Совета РСФСР, народные комиссары, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, передовики московских заводов и фабрик, работники науки и культуры, представители дипломатического корпуса, многочисленные гости из-за

М. Егоров и М. Кантария выходят со знаменем на крышу Рейхстага

Берлин. Алексей Ковалев водружает один из Красных флагов на Рейхстаге. 2 мая 1945 г.

Встреча маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери у Бранденбургских ворот. 1945 г.

Груда немецких военных штандартов, знаков отличия — символ разгрома нацистской Германии

Советская певица Лидия Русланова исполняет «Катюшу» на фоне разрушенного Рейхстага. Май 1945 г.

Берлин. Маршал Г. К. Жуков. Подписание безоговорочной капитуляции. Май 1945 г.

В районе Бранденбургских ворот. Берлин. 1945 г.

Сотни красных флагов были водружены над Рейхстагом. Май 1945 г.

Двор Рейхсканцелярии вскоре после окончания боев за Берлин. Май 1945 г.

Салют в честь Победы на крыше Рейхстага. Солдаты батальона капитана С. А. Неустроева. Май 1945 г.

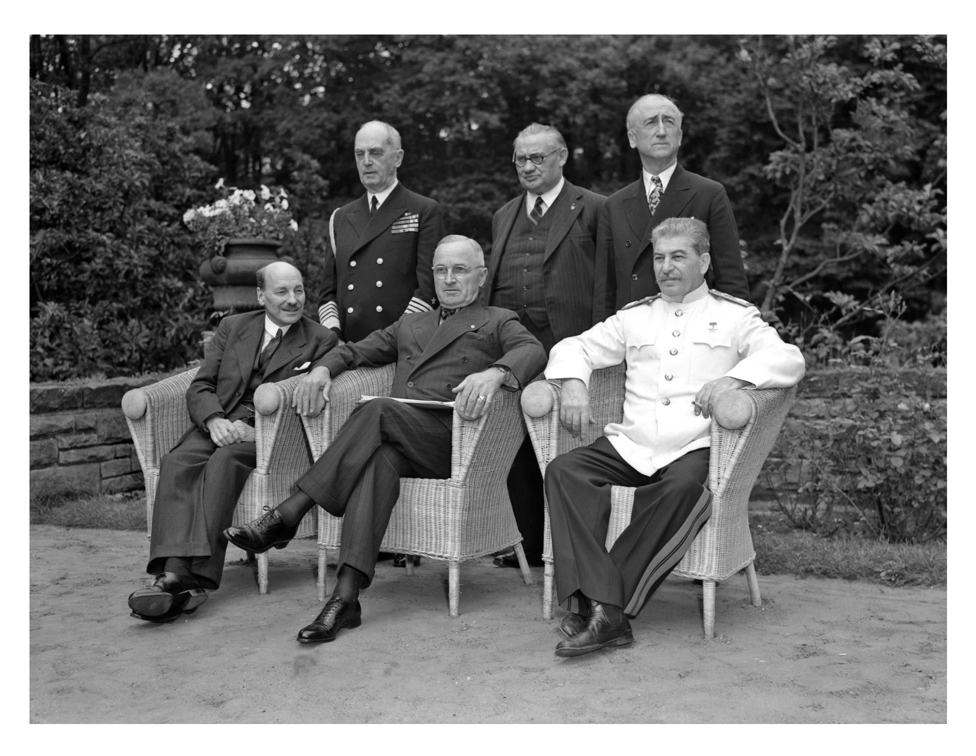
Германия. Воины-победители пробуют пиво… Лето 1945 г.

Романтическое свидание… Лето 1945 г.

Победа! Берлин. 2 мая 1945 г.

Потсдамская конференция. К. Этли, Г. Трумэн, И. Сталин. Июль 1945 г.

рубежа. Перед Мавзолеем на особой площадке находились советские генералы, на трибуне Мавзолея — руководители партии и правительства СССР. После объезда войск маршалы Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский возвратились к Мавзолею. Сводный оркестр в составе 1400 музыкантов вышел на середину Красной площади и исполнил «Славься!» М. И. Глинки. Маршал Г. К. Жуков произнес речь:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты и старшины, офицеры армии и флота, генералы и адмиралы!

Товарищи рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники науки, техники и искусства, служащие советских учреждений и предприятий!

Боевые друзья!

От имени и по поручению Советского правительства и Всесоюзной коммунистической партии большевиков приветствую и поздравляю вас с великой победой над германским империализмом. Сегодня столица нашей Родины Москва от имени Родины чествует доблестных советских воинов, одержавших эту победу. Сегодня воины-победители, питомцы сталинской военной школы, пронесут по улицам Москвы и мимо стен седого Кремля свои боевые знамена, покрытые бессмертной славой многочисленных побед.

Четыре года назад немецко-фашистские полчища по-разбойничьи напали на нашу страну. Советский народ вынужден был оставить мирный труд и взяться за оружие, чтобы отстоять честь, свободу и независимость своего Отечества. Война с фашистской Германией, этим коварным и сильным врагом, явилась для нас тяжелым и грозным испытанием. Дело шло, как указывал товарищ Сталин, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, быть нашим народам свободными или впасть в порабощение.

Вначале ход войны был неблагоприятным для нас. Мы терпели военные неудачи, у нас были моменты отчаянного положения. Враг подбирался к сердцу нашей Родины Москве и готовился торжествовать победу. В то время не только враги, но и многие наши друзья за границей считали, что Красная армия не выдержит мощного натиска немецкой военной машины. Однако наш советский народ, наша Красная армия не падали духом. Вооруженные гениальным сталинским предвидением, вдохновляемые партией Ленина — Сталина, мы были твердо уверены в победе своего правого дела.

Отстаивая каждую пядь родной земли, проявляя в боях чудеса героизма, советские войска настойчиво учились бить врага наверняка, бить по всем правилам сталинской военной науки. И они научились этому. Отразив натиск немецких войск, Красная армия под водительством своего гениального полководца маршала Сталина перешла в решительное наступление, очистила от врага советскую землю, перенесла войну на территорию Германии, наголову разгромила гитлеровскую армию и водрузила Знамя Победы над Берлином. Так подлые немецкие захватчики разделили участь всех прочих захватчиков, посягавших на нашу священную землю. Подняв меч против нас, немцы нашли гибель от нашего меча.

Соединенными усилиями великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — фашистская Германия повержена в прах. Ее чудовищная военная машина разрушена. Преступное гитлеровское правительство уничтожено. Очаг немецко-фашистской агрессии в Европе ликвидирован. Человечество избавлено от своего злейшего врага — германского фашизма. Ныне все признают, что в достижении исторической победы над Германией Советский Союз сыграл главную, решающую роль. На протяжении трех лет Красная армия один на один сражалась против вооруженных сил Германии и ее сателлитов. В течение всей войны основные силы немецкой армии были прикованы к советско-германскому фронту и здесь же Красной армией были истреблены или захвачены в плен. На советско-германском фронте был растоптан авторитет германского оружия и предрешен победоносный исход войны в Европе.

Война показала не только богатырскую силу и беспримерный героизм нашей армии, но и полное превосходство нашей стратегии и тактики над стратегией и тактикой врага. В победоносном исходе Отечественной войны мы видим торжество нашей передовой сталинской военной науки.

В Отечественной войне Красная армия с честью оправдала великое доверие народа. Ее славные воины достойно выполнили свой долг перед Родиной. Красная армия не только отстояла свободу и независимость нашего Отечества, но и избавила от немецкого ига народы Европы. Отныне и навсегда наша победоносная Красная армия войдет в мировую историю как армия-освободительница, овеянная ореолом немеркнущей славы.

Отечественная война завершена. Одержана победа, какой еще не знала история. Источниками этой великой победы являются наш социалистический строй, мудрое руководство большевистской партии, правильная политика Советского правительства, морально-политическое единство народов нашей страны, исполинская сила Красной армии и доблестный труд советского народа. Мы победили потому, что нас вел к победе наш великий вождь и гениальный полководец Маршал Советского Союза Сталин!

Товарищи! Победу над германским империализмом мы завоевали ценою тяжелых жертв. В жестоких битвах с врагом пало смертью храбрых много наших боевых друзей, лучших сынов и дочерей нашего народа. На алтарь Отечества ради победы они отдали самое дорогое — свою жизнь. Сегодня, в день великого торжества, почтим их священную память и произнесем: «Вечная слава героям, павшим в боях за нашу советскую Родину!».

После четырех лет ожесточенных сражений мы вступили в период мирного развития. Из тяжелой войны, которую пришлось нам вести, Советское государство вышло еще более могучим, а Красная армия — самой передовой и сильной армией в мире. Но нам, советским людям, не пристало зазнаваться и успокаиваться. Нам нужно и в дальнейшем укреплять военно-экономическую мощь нашей Родины, неустанно совершенствовать свое боевое мастерство, изучать богатейший опыт Отечественной войны, развивать нашу советскую военную науку.

Товарищи! Сегодняшний день войдет в историю как яркая демонстрация силы и могущества нашего государства и его Вооруженных сил. Нет сомнения, что и в дальнейшем наша Красная армия и наш Военно-морской флот будут верным стражем наших великих завоеваний, готовым всегда и везде отстоять государственные интересы Союза Советских Социалистических Республик.

Да здравствует наша Победа!

Слава победоносным воинам, отстоявшим честь, свободу и независимость нашей Родины!

Слава великому советскому народу — народу-победителю!

Слава вдохновителю и организатору нашей Победы — великой партии Ленина — Сталина!

Слава нашему мудрому вождю и полководцу Маршалу Советского Союза великому Сталину!

Ура!»[59].

Торжественный марш сводные полки совершили в том порядке, в каком они располагались на театре военных действий к концу войны — с севера на юг. Первым шел полк Карельского фронта, за ним Ленинградского, далее 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов. В составе полка 1-го Белорусского фронта особой колонной прошли представители Войска Польского. Затем следовали полки 1, 4, 2 и 3-го Украинских фронтов. Во главе полков были командующие войсками фронтов, а в полках 1-го и 2-го Белорусских фронтов — их первые заместители. В первых шеренгах полков шли командующие армиями, а подразделения возглавляли командиры корпусов, дивизий и бригад. Для каждого сводного полка оркестр исполнял особый марш. За полками фронтов шел сводный полк Военно-морского флота, который вел вице-адмирал В. Г. Фадеев. Полк состоял из представителей всех родов сил Северного, Балтийского и Черноморского флотов, Днепровской и Дунайской военных флотилий. Затем по площади торжественным маршем прошли сводный полк НКО, слушатели военных академий, курсанты военных училищ и воспитанники суворовских училищ. После этого на площадь вступила сводная кавалерийская бригада, а за ней — военная техника различных видов, подразделений воздушно-десантных войск на автомашинах и другие.

Апофеозом парада стал момент, когда под барабанный бой 200 советских солдат бросили к подножию Мавзолея 200 знамен разгромленной германской армии. Этим символическим актом советские воины навеки закрепили в памяти народа бессмертный подвиг его сыновей, сокрушивших в долгой, жестокой и беспощадной борьбе врага, с каким нашему Отечеству за всю его многовековую историю еще не приходилось сражаться. И тем весомее было величие одержанной советским народом и его вооруженными силами Победы, которая будет жить в веках. Парад длился два часа. Из-за дождя демонстрация москвичей была отменена.

В День Победы в Москве прогремел салют — тридцать залпов из тысячи орудий. Первый победный салют был проведен еще 5 августа 1943 г. в честь освобождения Орла и Белгорода. Москва салютовала освободителям двадцатью залпами из 120 орудий. Салют сопровождался фейерверком разноцветных ракет. С этого дня салюты и фейерверки стали производиться в честь советских войск регулярно. Все победные салюты производились по приказам Верховного главнокомандующего, в которых наряду с кратким изложением боевых подвигов войск перечислялись участвующие в боевых действиях соединения и части с указанием воинских званий и фамилий особо отличившихся командиров. Всему личному составу от имени Верховного главнокомандующего объявлялась благодарность. Приказы передавались Центральной радиостанцией Москвы и транслировались всеми радиостанциями Советского Союза. Салюты по 24 залпа из 324 орудий производились в честь особо выдающихся событий и при освобождении крупных городов, столиц союзных республик и иностранных государств. Всего за время войны было 25 таких салютов. Салютовали в честь разгрома и изгнания оккупантов из Киева, Одессы, Севастополя, Петрозаводска, Минска, Вильнюса, Кишинёва, Бухареста, Таллина, Риги, Белграда, Варшавы, Будапешта, Кракова, Вены, Праги, а также за овладение Кёнигсбергом и Берлином. Кроме того, такие салюты были даны при выходе советских войск на южную и юго-западную государственную границу СССР, в честь соединения с англо-американскими войсками в районе Торгау. Два таких салюта были произведены во время Советско-японской войны 1945 г. Салюты по 20 залпов из 224 орудий производились 206 раз. Из них 150 салютов давались в честь освобождения больших городов, 29 — при прорыве сильно укрепленной обороны противника, семь — после завершения разгрома крупных неприятельских группировок, 12 — в честь форсирования рек, 12 — при вторжении наших войск в немецкие провинции, захвате островов, при преодолении Карпат и прочее. 122 раза Москва салютовала 12 залпами из 124 орудий. Это были салюты при овладении узлами шоссейных дорог, крупными пунктами, имевшими оперативное значение.

Разгром Японии

Весна и лето 1945 г. вошли в историю как время полного разгрома нацистской Германии и краха милитаристской Японии. Особой гордостью для народов России и других стран Содружества независимых государств является то, что и на западе, и на востоке Евразии последние победные точки в вооруженной борьбе с главными зачинщиками Второй мировой войны были поставлены воинами Вооруженных сил СССР. Вынеся основную тяжесть кровопролитной борьбы на Европейском театре военных действий, сковывая на протяжении всей Второй мировой войны, а затем и разгромив костяк японской континентальной армии — миллионную Квантунскую группировку войск, Советский Союз внес существенный вклад в достижение общей победы.

Капитуляция нацистской Германии в мае 1945 г. ознаменовала окончание войны в Европе. Но на Дальнем Востоке и Тихом океане Япония продолжала борьбу против США, Великобритании и других союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Трудно подсчитать, сколько еще преступлений совершили бы японские милитаристы, если бы война на Тихом

океане продолжалась. Требовалось найти такие решения, которые могли бы кардинально переменить ход событий, но их у союзников не было.

Американский Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) разработал и 29 марта 1945 г. утвердил план высадки на Японские острова под кодовым названием «Даунфол». Однако эффективность реализации этого плана была весьма проблематичной. Оккупацию японской метрополии предполагалось осуществить в два этапа: с 1 ноября 1945 г. начать высадку войск в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а затем 1 марта следующего года высадиться на острове Хонсю (операция «Коронет»). Но по расчетам американского и английского командования для вторжения на Японские острова требовалась семимиллионная армия. Фактически же на февраль 1945 г. США и их союзники имели на всем Азиатско-Тихоокеанском театре войны лишь 2458 тыс. человек, 19,3 тыс. самолетов и 711 кораблей основных классов, и накопление сил и средств протекало крайне медленно. 6 февраля начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл заявил, что переброска американских войск начнется через неделю после окончания войны в Европе. Великобритания в июле 1945 г. заявляла о своей готовности послать для высадки на Японские острова «самое большее три дивизии и позже, возможно, еще две» и разместить на Окинаве в октябре 1945 г. две и в начале 1946 г. десять эскадрилий авиации. В противоположность этому, по оценке У. Черчилля, в метрополии находилась «хорошо обученная, хорошо вооруженная и исполненная фанатичной решимости драться до конца» японская армия. На Японских островах в последние дни войны дислоцировались 3,7 млн военнослужащих. Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось, исходя из опыта, в лучшем случае на конец 1946 г. (на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более восьми месяцев), по более глубоким расчетам — не ранее 1947 г., а по прогнозам многоопытного американского генерала Д. Макартура, осуществлявшего общее руководство военными действиями в этом регионе, война, учитывая фанатизм японского солдата, могла бы продлиться еще 5–7 лет: достаточных сил и средств для быстрого принуждения Японии к капитуляции у союзников в зоне Тихого океана не было, да и потери ожидались огромные. Считалось, что при этом потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских — свыше 0,5 млн, а японских — 10 млн человек. Учитывая, что общие потери американцев во Вторую мировую войну уже составили свыше 285 тыс. человек, из них около 99 880 убитыми (несмотря на довольно низкие цифры потерь по сравнению с другими ведущими союзниками, эти потери были для США, не имевших общих границ с противниками и ведущих войну вне пределов своей основной территории, все же весьма чувствительными), военно-политическое руководство США не спешило с началом проведения операции «Даунфол»[60].

На обширном Азиатско-Тихоокеанском театре создавалась явно тупиковая ситуация, при которой союзники не находили, опираясь только на участвовавшие в вооруженной борьбе в то время силы, быстрого, не связанного с огромными потерями и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий.

Руководство СССР приняло в этих условиях тяжелое, но единственно верное решение: еще не залечив раны после войны с нацистской Германией, вступить по многочисленным просьбам союзников спустя три месяца по ее завершении в войну против Японии и, говоря языком современного международного права, принудить агрессора к миру. А для этого нужно было разгромить более чем миллионную группировку японских войск в Китае и Корее, лишив дальневосточного агрессора опоры на континенте. Вступление СССР 9 августа 1945 г. в войну против Японии не только обеспечило благоприятное для России разрешение накопившихся за десятилетия проблем и споров между двумя странами, укрепление безопасности советских дальневосточных границ, повысило роль и значение Советского Союза в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, но и значительно приблизило день наступления долгожданного мира, спасло многие миллионы жизней. Объявляя войну Японии, правительство СССР преследовало исключительно справедливые, гуманные цели: ускорив победу над японским милитаризмом, покончить с войной на Дальнем Востоке, уберечь воюющие стороны от но-

вых многомиллионных жертв, вернуть Советскому Союзу отторгнутые японцами Южный Сахалин и Курильские острова, открыть свободный выход для его кораблей и судов в Тихий океан, чему препятствовала Япония, помочь народам Китая и Кореи в освобождении от японских захватчиков, а народам других стран Азиатско-Тихоокеанского региона — от японского колониального и оккупационного гнета.

Советский Союз имел достаточно оснований для вступления в войну против Японии, о чем дал понять Токио задолго до этого, денонсировав 5 апреля 1945 г. пакт о нейтралитете, что, в принципе, было предусмотрено 3-й статьей пакта. В заявлении советского правительства по этому поводу указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией с одной стороны и Англией и США с другой. Советским Союзом было заявлено: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным»[61].

Денонсировав за четыре месяца до согласованного с союзниками срока вступления в войну пакт о нейтралитете, советское правительство фактически недвусмысленно предупредило японское руководство о возможности участия СССР в военных действиях против Японии. И это в Токио хорошо понимали. В середине апреля сотрудники военного аппарата японского посольства в Москве в своих разведдонесениях сообщали в центр: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходят от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется около двух месяцев»[62].

Нельзя исключать, что японская разведка имела сведения и о договоренности союзников по поводу возвращения Советскому Союзу после войны Южного Сахалина и Курильских островов. Но и без этого в Токио знали, что СССР будет требовать возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель. Ведь именно такая позиция СССР определила решение Японии заключить в 1941 г. Пакт не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривавший разрешение территориальных споров, что косвенно подтверждается существованием у японского правительства намерения добиться от СССР отказа от вступления в войну в обмен на «добровольную» уступку некоторых территорий. Советский Союз не пошел на эту противоречившую договоренностям с союзниками сделку.

В заявлении, сделанном 8 августа японскому послу народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым по поводу вступления Советского Союза в войну против Японии, говорилось: «Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»[63].

Таким образом, война Советского Союза против Японии носила для его народа справедливый, а для жертв японской агрессии и самих японцев — гуманный характер, что обеспечивало достаточный уровень патриотического подъема советских людей, стремившихся к восстановлению исторической справедливости, порождало массовый героизм воинов Красной армии и Военно-морского флота в борьбе с японскими агрессорами и обеспечивало моральную поддержку вступления СССР в войну со стороны мирового общественного мнения.

Тем не менее все еще могло сложиться по-иному, но это зависело целиком и полностью от степени решимости японского руководства продолжать войну. По крайней мере в период работы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей союзных держав прибывшие в освобожденный советскими войсками Потсдам лидеры США, Великобритании и Китая решили попытаться обойтись без Советского Союза. 26 июля 1945 г. эти три страны — участницы войны против Японии с молчаливого согласия организатора конференции — Совет-

Моряки Тихоокеанского флота водружают военно-морской флаг над бухтой Порт-Артура. 1945 г.

Японские солдаты сдают оружие. 1945 г.

ского Союза, не участвовавшего в то время в военных действиях против дальневосточного агрессора, обратились к токийскому руководству с Потсдамской декларацией, в которой потребовали от Японии немедленной капитуляции. Это было проявлением зыбкой надежды склонить Японию к признанию поражения во Второй мировой войне, когда ее силы еще не были в достаточной степени подорваны. Потсдамская декларация, констатируя готовность союзных государств нанести окончательный удар по Японии, подчеркивала, что военная мощь Великобритании, США и Китая при этом поддерживается и вдохновляется решимостью всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не примет предъявленных ей условий безоговорочной капитуляции. Проводя аналогию с горьким бесплодным опытом сопротивления нацистской Германии, Потсдамская декларация указывала на неизбежность поражения Японии и призывала ее сделать выбор: будет ли она находиться по-прежнему под властью милитаристов, неразумные расчеты которых поставили японскую империю на грань уничтожения, или пойдет по пути, указанному разумом. Предъявляя Японии требования о безоговорочной капитуляции, Потсдамская декларация обращала ее внимание на решимость союзных наций закончить войну в самое ближайшее время[64]. Однако руководство Японии, понимая, что подписавшие декларацию страны в то время не обладали достаточными возможностями для принуждения ее к капитуляции, спустя два дня отвергло ультиматум и приняло меры к наращиванию сопротивления союзным силам.

Объявление 8 августа 1945 г. советским правительством о вступлении СССР в войну против Японии явилось демонстрацией последовательности политики Советского Союза, направленной на разгром агрессоров на Западе и Востоке, свидетельством его верности обязательствам, данным союзникам по мировой коалиционной войне на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров великих держав.

Все вышесказанное и ряд других обстоятельств позволяет констатировать, что Советско-японская война, представляя собой (как и Великая Отечественная) самостоятельную часть Второй мировой войны, явилась вместе с тем по ряду причин логическим продолжением Отечественной войны советского народа за независимость, безопасность и суверенитет своей страны. Эта война вызревала в течение всей Великой Отечественной войны, на сложный ход которой существенное влияние оказывал японский военный фактор, а именно: необходимость даже в самые критические ее периоды держать на Дальнем Востоке свыше миллиона советских войск; политическая подготовка к вступлению СССР в войну против Японии началась в разгар Великой Отечественной войны, а непосредственная подготовка Вооруженных сил Советского Союза к этому развернулась, когда Красная армия еще только готовилась нанести решающий удар по нацистской Германии; победа над Германией не давала полной гарантии безопасности Советского государства. Важной особенностью советской военной кампании на Дальнем Востоке было не только то, что ее планировали и начали готовиться к ней в период Великой Отечественной войны, но и и то, что в ней участвовали многие из тех советских воинов, которые пережили тяжелую четырехлетнюю войну против нацистской Германии и, не успев насладиться миром, вынуждены были вступить в военные действия против не менее сильного и коварного противника на другом конце Евразии. Это накладывало отпечаток на весь комплекс вопросов, которые должны были решать в связи с новой войной все, кто ее готовил, и все, кто участвовал в ней, от Верховного главнокомандующего до солдата и матроса.

В ходе войны против Японии получили свое развитие как богатые традиции, столетиями складывавшиеся на земле русской, так и те, что появились в советское время, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Более того, традиции этой Отечественной войны впервые были использованы и развиты советскими воинами именно в войне на Дальнем Востоке. Здесь наглядно подтвердилась и такая традиция, как верность союзническому долгу — той движущей силе, что помогла союзникам по антифашистской коалиции не только выдержать испытание Второй мировой войной, но и победить.

Возглавить военную кампанию на Дальнем Востоке советское руководство доверило выдающемуся советскому полководцу Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому,

блестяще справившемуся с поставленной задачей. Сыгравший исключительно важную роль в руководстве Вооруженными силами СССР в ходе борьбы с нацистской агрессией маршал с минимальными потерями и в кратчайшие сроки сумел осуществить грандиозную Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, изгнав оккупантов из Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, а также вернуть России Южный Сахалин и Курильские острова, что не только принудило Японию к скорому принятию условий капитуляции перед союзными державами, но и обеспечило тем самым минимизацию преступлений японской военщины. Следует подчеркнуть, что именно с действиями советских войск под командованием маршала А. М. Василевского связано закрепление самых западных и самых восточных границ нашего Отечества.

Политическая цель военной кампании Советского Союза на Дальнем Востоке сводилась к тому, чтобы как можно быстрее ликвидировать последний очаг Второй мировой войны, устранить постоянную угрозу нападения японских захватчиков на СССР, во взаимодействии с союзниками изгнать их из оккупированных Японией стран, содействовать восстановлению всеобщего мира.

Главной военно-стратегической целью Вооруженных сил Советского Союза в войне с Японией являлся разгром Квантунской группировки войск, освобождение от японских захватчиков Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Решение этой задачи должно было оказать решающее влияние на ускорение капитуляции Японии и обеспечить успех в разгроме японских войск на Южном Сахалине и Курильских островах.

Замыслом Маньчжурской стратегической наступательной операции предусматривалось нанесение двух мощных главных ударов по флангам Квантунской группировки войск с запада и востока и нескольких вспомогательных ударов по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям, что обеспечивало глубокий охват основных сил японцев, рассечение их и быстрый разгром по частям. Операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов, а также оккупации по согласованию с союзниками северной части японского острова Хоккайдо ставились в зависимость от выполнения этой главной задачи[65].

Для проведения Дальневосточной кампании советским командованием были привлечены три фронтовых объединения: Забайкальский (командующий — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (командующий — Маршал Советского Союза К. А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (командующий — генерал армии М. А. Пуркаев) фронты, Тихоокеанский флот (командующий — адмирал И. С. Юмашев), Краснознаменная Амурская военная флотилия (командующий — контр-адмирал Н. В. Антонов), три армии ПВО, а также части монгольской Народно-революционной армии (главнокомандующий — маршал Х. Чойбалсан). Советские и монгольские войска и силы флота насчитывали на Дальнем Востоке более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов (без учета зенитной артиллерии), 5,25 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 5,2 тыс. самолетов, 93 боевых корабля основных классов. Общее руководство войсками осуществляло специально созданное Ставкой ВГК Главное командование советских войск на Дальнем Востоке[66].

Квантунская группировка японских войск в Маньчжурии (Кантогун) за годы войны превратилась в самостоятельное крупное стратегическое объединение. Войска и силы Квантунской группировки были сведены во фронтовые и армейские объединения, которые включали три фронта (1-й, 3-й и с 10 августа 1945 г. — 17-й), отдельную 4-ю полевую армию, 2-ю и 5-ю воздушные армии, а также Сунгарийскую военную флотилию. Общая численность сосредоточенных у советских границ войск противника превышала 1 млн человек. На их вооружении находились 1215 танков, 6640 орудий, 1907 самолетов. Свыше 30 боевых кораблей и катеров насчитывала Сунгарийская речная флотилия. Кроме того, на территории Маньчжурии и Кореи находилось значительное количество жандармских, полицейских, железнодорожных и иных японских формирований, а также войска 250-тысячной марионеточной армии Маньчжоу-Го и кавалерийские соединения князя Внутренней Монголии Дэвана (Тонлопа). На границе с СССР и МНР у японцев имелось 17 укрепленных районов общей протяженностью свыше 800 км, в которых насчитывалось около 4,5 тыс. долговременных

огневых сооружений[67]. Японское командование, как свидетельствуют военные историки Японии, рассчитывало, что «против превосходящих по силе и подготовке советских войск» войска Японии в Маньчжурии продержатся в течение года. На первом этапе (около трех месяцев) оно планировало оказать упорное сопротивление советско-монгольским войскам в приграничных укрепленных районах, а затем на горных хребтах, преграждающих пути с территории МНР, Забайкалья, Приамурья и Приморья в центральные районы Маньчжурии. В случае прорыва этого рубежа предусматривался отход японских войск на линию железной дороги Тумынь — Чанчунь — Далянь (Дальний), где предполагалось организовать оборону, а затем перейти в контрнаступление в целях восстановления первоначального положения. В критический момент на помощь Квантунской группировке предусматривалось перебросить японские войска Суйюаньской армейской группы и Северо-Китайского фронта Экспедиционных сил в Китае.

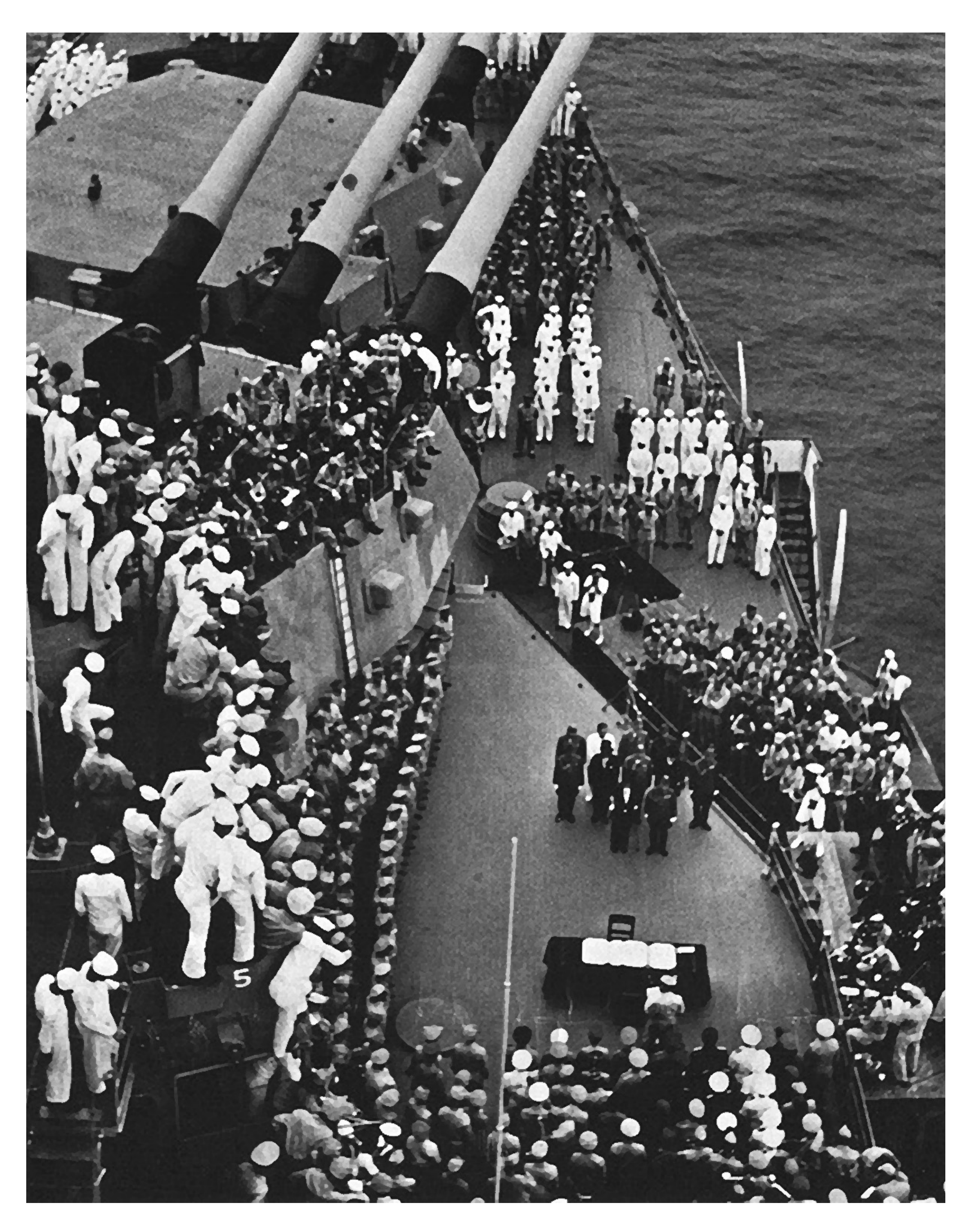
В зону предстоявших действий советских войск помимо Маньчжурии входили Южный Сахалин и Курильские острова, где к 1945 г. дислоцировалась часть соединений 5-го фронта, штаб которого находился на острове Хоккайдо (три пехотные дивизии, отдельная смешанная бригада, отдельный пехотный и отдельный танковый полки), а также при определенных условиях и сам остров Хоккайдо[68].

Дальневосточный театр военных действий охватывал территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северной Кореи и прилегающую акваторию морей бассейна Тихого океана. По своей площади, протяженности границ и физико-географическим условиям он резко отличался от Европейского театра. Площадь сухопутной части Дальневосточного ТВД составляла 1,5 млн кв. км, где проживали 70 млн человек. Эта огромная территория превосходила размеры территорий трех главных виновников развязывания Второй мировой войны — Японии, Германии и Италии вместе взятых. Она простиралась с севера на юг на 1500 км и с запада на восток на 1200 км. Общая же протяженность линии границы, вдоль которой предстояло развертываться советским войскам, составляла более 5 тыс. км, что превышало протяженность советско-германского фронта.

Сухопутная часть ТВД по своим физико-географическим условиям была весьма сложной и представляла собой сочетание горно-таежной, болотистой и пустынной местности при наличии развитой гидрографической сети к востоку от хребта Большого Хингана. На такой местности оперативные объединения и даже соединения могли вести наступательные действия лишь на отдельных направлениях, порой изолированных друг от друга сотнями километров.

Обширной была и морская часть театра, на которой действовал советский Тихоокеанский флот. Она включала бассейны Охотского, Японского и Желтого морей и акваторию северо-западной части Тихого океана. Ее протяженность в меридиональном направлении составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км)[69].

Театр военных действий против советских войск был заблаговременно подготовлен японцами в отношении создания системы оборонительных сооружений, пунктов базирования, аэродромов, сети коммуникаций. Чтобы прорвать оборонительные рубежи и успешно развивать наступление, нужны были мощные силы и современная система тылового обеспечения. Средства материально-технического обеспечения стали перебрасывать на Дальний Восток с февраля, однако основной поток войск и грузов начал поступать сюда с мая 1945 г. В короткий срок, в течение трех месяцев, по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали на Дальний Восток с европейской части территории СССР на расстояние 9–12 тыс. км было переброшено два фронтовых и четыре армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированного корпусов, 36 управлений стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, а также 53 бригады основных родов сухопутных войск, два укрепленных района, что в общей сложности составило 30 расчетных дивизий. Всего к началу военных действий насчитывалось 87,5 расчетной дивизии. Кроме того, прибыли управления 6-го бомбардировочного авиационного корпуса и пяти авиационных дивизий, поступили три корпуса ПВО территории страны.

Генерал Дуглас Макартур подписывает акт о капитуляции Японии. 1945 г.

Только с мая по 8 августа 1945 г. в составе сухопутных войск с запада на Дальний Восток было переброшено свыше 403 тыс. военнослужащих, около 275 тыс. единиц стрелкового оружия, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, 17 374 грузовые автомашины, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей[70]. По пространственному размаху, срокам осуществления и количеству переброшенных войск, вооружения, боевой техники и материальных средств это была крупнейшая в истории войн стратегическая перегруппировка.

Помимо А. М. Василевского на Дальний Восток были направлены опытные военачальники: Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, М. В. Захаров, С. П. Иванов, А. Н. Крутиков, А. П. Белобородов, Н. Д. Захватаев, Н. И. Крылов, А. А. Лучинский, И. И. Людников, И. М. Манагаров, И. М. Чистяков и другие. В соответствии с задачами, которые намечалось выполнить на каждом конкретном направлении, создавались ударные группировки с учетом прибывавших с запада фронтовиков. Прибывали соединения и объединения, не просто имевшие огромный боевой опыт, но именно те, которые могли успешно решать задачи в специфических условиях Дальневосточного ТВД. Так, соединения и части 5-й и 39-й армий, участвовавшие в прорыве укрепленных оборонительных полос в Восточной Пруссии, предназначались для прорыва сплошной полосы рассчитанных на длительное автономное выживание железобетонных укреплений в приграничной зоне 1-го Дальневосточного фронта, а соединения 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, имевшие опыт действий в горно-степной местности, были включены в состав Забайкальского фронта для наступления в горных районах и на широких пустынных пространствах Маньчжурии, преодоления огромного горного массива считавшегося японцами «неприступным» Большого Хингана[71].

Вся деятельность по подготовке к военным действиям против Японии велась с таким расчетом, чтобы не позволить противнику раскрыть группировку советских войск и сил, содержание проводимых мероприятий, а также планы советского командования на ведение операций и войны в целом. В результате большой предварительной работы за неделю до начала боевых действий войска Дальнего Востока были практически полностью готовы приступить к разгрому Квантунской группировки войск.

7 августа поступила директива Ставки ВГК войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, которая предписывала 9 августа начать военные действия для выполнения задач, поставленных еще 28 июня 1945 г. С первых часов 9 августа ударные группировки советских фронтов атаковали японские войска с суши, воздуха и моря. Боевые действия развернулись на фронтах общей протяженностью более 5 тыс. км. Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся войсками Квантунской группировки для связи с Японией, и силами авиации и торпедных катеров нанес мощные удары по японским военно-морским базам в Северной Корее. При содействии Амурской флотилии и Военно-воздушных сил советские войска успешно форсировали на широком фронте реки Амур и Уссури и, сломив в упорных боях ожесточенное сопротивление японцев в приграничных укрепленных районах, начали развивать успешное наступление в глубь Маньчжурии. Особенно стремительно наступали бронетанковые и мотомеханизированные соединения Забайкальского фронта, в составе которого находились дивизии, прошедшие войну с нацистской Германией, и кавалерийские соединения Монгольской народно-революционной армии.

В результате сокрушительных ударов, наносимых советскими войсками, мощные японские укрепленные линии, созданные по Амуру, Уссури и Большому Хинганскому хребту, были повсюду прорваны, а там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, они были блокированы и обойдены. Стремительные действия всех родов советских наземных войск, авиации и кораблей Военно-морского флота сорвали японские планы применения бактериологического оружия[72].

Уже в час ночи 9 августа поднятый по тревоге штаб Квантунской группировки получил из 5-й армии, а вскоре и из других объединений донесения, из которых «стало ясно, что

Советский Союз начал всеобщее наступление». «Внутри штаба, — отмечают японские военные историки, — царило возбуждение, подобное трепетанию огня в тигле». Начальник штаба генерал-лейтенант Г. Хата в отсутствие находившегося в Дайрене главнокомандующего полного генерала О. Ямады взял управление войсками на себя и тут же ввел в действие разработанный заранее на основе плана императорской ставки приказ на ведение операций по отражению ударов противника. До 6 часов утра он направил указания для каждого операционного направления действовать в соответствии с имевшимися оперативными планами, предполагавшими «срыв наступления противника и нанесение ему разом мощного удара... используя для этого всю огневую мощь». Вместе с тем он ввел в действие «План обороны военного времени» и «Закон об обороне Маньчжоу-Го»[73]. Таким образом, войска Квантунской группировки смогли достаточно организованно встретить начало советского наступления. Однако по командным пунктам, штабам и узлам связи японских войск был нанесен мощный удар советской авиации. В результате этого удара, в котором участвовали сотни бомбардировщиков и штурмовиков, связь между штабами и формированиями противника в Маньчжурии вскоре была нарушена, и командование Квантунской группировки потеряло управление своими объединениями и соединениями, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач[74].

Наступление советских войск развивалось успешно. Уже на четвертый день Маньчжурской стратегической наступательной операции соединения 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А. Г. Кравченко преодолели «неприступный» Большой Хинган и вырвались на Маньчжурскую равнину, вклинившись глубоко в тыл Квантунской группировки войск и упредив выход ее основных сил к этому горному хребту, а к исходу 12 августа устремились к ключевым центрам Маньчжурии — Чанчуню и Мукдену (Шэньяну). К исходу шестых суток наступления советские и монгольские войска разгромили фанатично сопротивлявшегося противника в 16 укрепленных районах и продвинулись: 1-й Дальневосточный фронт — на 120–150 км, Забайкальский фронт — на 250–450 км, 2-й Дальневосточный фронт — на 50–200 км[75].

Командование войск продемонстрировало высокое военное искусство, а воины проявили массовый героизм и самоотверженность, о чем свидетельствовали боевые донесения. Вот что говорилось в одном из них о действиях войск 53-й армии: «Точно в установленный срок части и соединения армии подошли к Большому Хингану и тут же по горным верблюжьим тропам, по совершенно неизвестной местности, где никогда не проходили войска, начали форсировать его, не имея при этом ни точных географических карт этого района, ни проводников... Путь пришлось прокладывать через горы и заболоченные узкие долины. Потребовались огромные усилия, люди по нескольку суток работали без сна и отдыха на устройстве дорог, проходов, взрывали скалы, засыпали овраги, на себе тащили через горы, по болотам и пескам машины, пушки, повозки, на руках переносили боеприпасы»[76]. «Если бы мне раньше сказал кто-либо, — сообщал командир 1136-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии 39-й армии полковник Г. Г. Савокин, — что мой полк пройдет по горячим пескам, по горам и ущельям со скоростью марша до 65 км в сутки с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил... Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших 20–25 лет, а у меня в полку была молодежь 1927 г. рождения... Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие высоким моральным духом»[77].

Большую помощь советским войскам на приморском (северокорейском), сунгарийском и сахалинском операционных направлениях оказывали моряки Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. На сунгарийском и сахалинском направлениях действовали основные силы Амурской военной флотилии в составе трех бригад речных кораблей. Флотилия поддерживала наступление 15-й и 2-й Краснознаменной армий 2-го Дальневосточного фронта. Она обеспечивала переправу войск через водные рубежи, оказывала артиллерийскую поддержку сухопутным войскам и высаживала тактические десанты. Командующий войсками фронта генерал армии М. А. Пуркаев дал высокую оценку действиям речников.

Китайское население радостно встречает своих освободителей. 1945 г.

Достойно осуществили Вооруженные силы СССР свою освободительную миссию и в отношении корейского народа. На приморском направлении вели наступление войска 1-го Дальневосточного фронта. С моря их поддерживал Тихоокеанский флот. В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции советские войска нанесли по японским гарнизонам в Корее ряд сокрушительных ударов, успешно высадили морские десанты в корейские порты Юки, Расин и военно-морские базы Сейсин и Гёнзан, лишив противника возможности усиливать свои войска морем или эвакуировать их в метрополию. Поражение японских войск в Северной Корее было столь сокрушительным, вызванное им потрясение в стане колонизаторов столь сильным, что справедливо говорить о развале под ударами Красной армии в августе 1945 г. военно-политической машины японского империализма в Корее и всей действовавшей почти полвека системы колониального угнетения в этой стране. Высадка американских войск в Корее южнее 38-й параллели началась только 9 сентября, спустя неделю после капитуляции Японии.

Наступление Красной армии в Маньчжурии и Корее развивалось настолько мощно и стремительно, что противник оказался не в силах сдержать ее натиск. В течение десяти дней общевойсковые объединения Красной армии при активной поддержке Военно-воздушных и Военно-морских сил смогли расчленить стратегическую группировку японских войск в Маньчжурии и Северной Корее на части и обеспечить их окружение.

После того как японские войска, получив молниеносный сокрушительный удар, понесли невосполнимый урон, японский император Хирохито 14 августа подписал рескрипт о капитуляции, о чем на следующий день им было объявлено по японскому радио. Однако и после этого японцы продолжали оказывать упорное, порой ожесточенное сопротивление советским войскам. В тылу наступавших войск до конца августа активно действовали ди-

версионные отряды[78]. Заявления о готовности к капитуляции не подкреплялись реальными шагами. В связи с этим 17 августа 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский направил главнокомандующему Квантунской группировкой войск генералу О. Ямаде радиограмму, в которой говорилось: «Японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю... с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен»[79]. Ультиматум советского главнокомандующего был подкреплен активными и решительными действиями войск. Чтобы ускорить процесс капитуляции и немедленно взять под контроль наиболее важные объекты на территории противника, 18—27 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Шэньяне, Чанчуне, Гирине, Люйшуне, Даляне, Пхеньяне, Хамхыне и ряде других ключевых городов Китая и Кореи[80]. С этой же целью действовали и армейские подвижные передовые отряды, также успешно выполнившие свои задачи.

Быстрый разгром японских войск в Маньчжурии и Корее не оставлял Токио никаких надежд. 19 августа 1945 г. японское командование на континенте отдало своим войскам приказ о безоговорочной капитуляции.

Таким образом, к 20 августа советские войска вышли на Маньчжурскую равнину, расчленили японские войска на ряд изолированных группировок и завершили их окружение. Стремительное наступление советских и монгольских войск поставило Японию в безвыходное положение, расчеты ее командования на упорную оборону и последующее контрнаступление с решительными целями были сорваны. Миллионная Квантунская группировка войск была разгромлена. С 19 августа японские войска почти повсеместно стали сдаваться в плен[81].

Крупный успех советских войск в Маньчжурии, достигнутый в первые же дни войны, позволил советскому командованию 11 августа начать наступление на Южном Сахалине. Проведение Южно-Сахалинской наступательной операции было возложено на войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северную Тихоокеанскую флотилию. Южный Сахалин обороняла входившая в состав 5-го фронта со штабом на острове Хоккайдо усиленная 88-я японская пехотная дивизия, опиравшаяся на Котонский укрепленный район протяженностью 12 км по фронту и до 30 км в глубину. Боевые действия на Сахалине начались прорывом мощного укрепленного района. Советским войскам пришлось действовать в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Наступление велось вдоль единственной грунтовой дороги, связывавшей Северный Сахалин с Южным и проходившей между труднодоступными отрогами гор и заболоченной долиной р. Поронай.

16 августа в тылу противника в порт Торо (Шахтёрск) был высажен морской десант. Десантники перекрыли дороги, ведущие к укрепленному району вдоль западного побережья Сахалина. Встречными ударами советских войск с фронта и тыла 18 августа оборона противника была прорвана. Советские войска развернули встретившее упорное сопротивление противника наступление к южному побережью острова. 20 августа был высажен морской десант в порт Маока (Холмск), а утром 25 августа — в порт Отомари (Корсаков). В тот же день советские войска вступили в административный центр Южного Сахалина г. Тойохара (Южно-Сахалинск), где располагался штаб 88-й пехотной дивизии. Организованное сопротивление насчитывавшего около 30 тыс. солдат и офицеров гарнизона японцев на Южном Сахалине прекратилось[82].

Успешный ход военных действий в Манчжурии, Корее и на Южном Сахалине позволил советским войскам 18 августа приступить к проведению операции по освобождению Курильских островов и одновременно готовить крупную десантную операцию на остров Хоккайдо, необходимость в которой вскоре отпала. Для осуществления Курильской десантной операции привлекались войска Камчатского оборонительного района и корабли Тихоокеанского флота.

На Курильских островах 5-й японский фронт имел свыше 50 тыс. солдат и офицеров. Из всех островов Курильской гряды самым укрепленным в противодесантном отношении был остров Шумшу — ближайший к Камчатке. Замыслом советского командования пред-

полагалось внезапно высадить морской десант в северо-восточной части острова, овладение которым нарушало всю систему обороны северных островов Курильской гряды, и, используя его в качестве плацдарма, в последующем наступать на Парамушир, Онекотан и другие острова Северных Курил.

18 августа началась высадка войск на остров Шумшу, бои за который приняли ожесточенный характер, что привело к значительным потерям с обеих сторон. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска 23 августа завершили освобождение острова. К началу сентября войска Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы заняли всю северную гряду островов, включая остров Уруп, а силы Северной Тихоокеанской флотилии — остальные острова к югу от Урупа[83].

Сокрушительный удар по Квантунской группировке войск на Дальнем Востоке явился одним из определяющих факторов разгрома Японии. Он привел к самому крупному во Второй мировой войне поражению японских вооруженных сил и к наиболее тяжелым для них потерям. Последние превысили 720 тыс. солдат и офицеров, в том числе 84 тыс. убитыми и ранеными, более 640 тыс. пленными (среди них 609,5 тыс. — японской национальности)[84]. Лишившись крупнейшей военно-промышленной базы на Азиатском субматерике и наиболее сильной группировки сухопутных войск, Япония оказалась не в состоянии продолжать вооруженную борьбу и была принуждена к миру, что намного сократило сроки окончания Второй мировой войны. Разгром японских войск в Маньчжурии и Корее, а также на Южном Сахалине и Курильских островах лишил Японию всех плацдармов и баз, которые она в течение многих лет создавала, готовясь к агрессии против СССР, совершая вооруженные провокации и препятствуя поставкам по ленд-лизу в советское Приморье. Безопасность Советского Союза на Дальнем Востоке была обеспечена.

Победа далась нелегко: Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, в том числе 24 425 выжившими ранеными и заболевшими в ходе Дальневосточной кампании. В числе общих потерь — 1421 военнослужащий Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, из них 1030 человек убитыми[85].

1 сентября 1945 г., спустя 14 лет после вторжения алчущей мирового господства Японии в Маньчжурию, на борту линкора США «Миссури» от имени императора, японского правительства и императорской ставки министром иностранных дел М. Сигэмицу и начальником генерального штаба японской армии Е. Умэдзу был подписан Акт о капитуляции Японии во Второй мировой войне. Тем самым Япония зафиксировала обязательство, что «японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации»[86] лидеров США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 г., которую японское руководство отвергло с порога и к которой по этой причине и многочисленным просьбам союзников в связи с неспособностью их в короткие сроки завершить разгром дальневосточного агрессора 8 августа присоединился Советский Союз. На этом завершилась Вторая мировая война, заключительным событием которой, принудившим Японию к скорой капитуляции, стала Дальневосточная кампания СССР в войне против Японии, блестяще проведенная в условиях, когда на остальных театрах военных действий царило затишье, о чем не любят вспоминать наши бывшие союзники.

Цена победы и цена войны

Всемирная история не знает войн без человеческих жертв и потерь материальной и духовной культуры. При этом издержки победившей стороны обычно компенсировались приобретениями, а потерпевшая сторона, напротив, только теряла. Это в полной мере относится как ко Второй мировой войне в целом, так и к ее основной, решающей части — Великой Отечественной войне Советского Союза.

Казалось бы, здесь все должно быть ясно. Однако во многих исторических работах и особенно в средствах массовой информации (электронных и печатных) проблема потерь и приобретений освещается недостоверно, а зачастую сознательно фальсифицируется, чтобы принизить решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма, умалить всемирно-исторический подвиг Красной армии и советского народа. В этих целях категорию «цена победы» часто подменяют категорией «цена войны», сознательно игнорируя социальный характер минувших войн, их ход и результаты. При этом как бы забывают, что следует делать различие между агрессором и жертвой агрессии. Если агрессор, попирая международные правила и моральные нормы, сознательно убивает и разрушает, то обороняющаяся сторона, ведя справедливую борьбу, вынуждена применять военную силу, чтобы нанести агрессору поражение и добиться победы.

Война, которую вели государства антигитлеровской коалиции, и в первую очередь Советский Союз, была войной справедливой, направленной в защиту Отечества, суверенитета, целостности государства, своего исторического выбора. Но, как всякая война, она была связана с потерями и разрушениями. Иначе одержать победу над врагом было невозможно. Человеческие жертвы, материальные потери и разрушения стали прямым результатом агрессии. И это обстоятельство является ключевым для правильного понимания цены войны и цены победы.

Изменился диапазон оценок победы и ее цены и в постсоветской России. Социальная заданность, политическая и идеологическая ангажированность многих авторов предопределили существенные методологические изъяны и теоретическую несостоятельность их представлений о цене этих войн и цене победы над агрессором. Проявляется упрощенное понимание войны как общественного явления. Освещение войны как двустороннего процесса, как противоборства двух социально-политических и военных сил по каким-либо причинам сводится к рассмотрению одной воюющей стороны. Нередко действия агрессора против мирного населения выдаются за общие издержки войны, и на этом основании ответственность за них распространяется и на пострадавшую сторону. Историческое, позитивное значение победы над фашизмом не рассматривается вообще, а цена войны сводится исключительно к жертвам, затратам, потерям. Но как же быть с достижениями, и прежде всего с самой победой?

С первых дней вынужденной для Советского Союза войны его политическое руководство призывало сделать все для того, чтобы разгромить врага и одержать победу. 3 июля 1941 г. И. В. Сталин говорил: «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»[87].

В Декларации Объединенных Наций, принятой 1 января 1942 г., в качестве важнейшей цели провозглашалась необходимость достижения полной победы (исключая сепаратные соглашения и прочее) над фашистской Германией и ее союзниками в интересах защиты жизни, свободы, независимости и для сохранения прав человека и справедливости. Победа Советского Союза и антигитлеровской коалиции и поражение фашистского блока — две стороны цены войны.

Одна сторона цены войны, определяющая и ведущая, состоит в том, что Германия и Япония, страны с гегемонистскими устремлениями, стремившиеся к достижению мирового господства, оказались разгромленными. Были сорваны политические и военные планы агрессоров, уничтожена их военная машина, а вместе с ней ликвидированы самые антигуманные, самые реакционные политические режимы. Основная преграда на пути социального прогресса была устранена. Победа антигитлеровской коалиции закрепила и усилила стремление народов к новому общественному устройству, основанному на справедливом распределении собственности, демократических принципах, безопасности личности, создала возможность формирования мира на принципах разума и здравого смысла. Историческим фактом стало сохранение и укрепление многих государств, подвергшихся агрессии, в первую очередь Советского Союза. Появились новые благоприятные возможности для развития национального

Домой, с Победой! Июль 1945 г.

Поезд с демобилизованными воинами прибывает на Белорусский вокзал. 1945 г.

Встреча демобилизованных на Белорусском вокзале. 1945 г.

Москва. Парад Победы. Жуков принимает парад. 24 июня 1945 г.

Москва. Парад Победы. Поверженные знамена и штандарты разгромленных немецких войск

освобождения народов, находившихся в колониальной зависимости, для утверждения идеалов социальной справедливости и гуманизма. Отчасти это было обусловлено осознанием фашистской опасности, которое на первый план выдвинуло общечеловеческие интересы. Подобного в истории еще не было. Именно эта опасность и героическая борьба советского народа, Красной армии, а также все возрастающее давление народных масс заставили правящие круги Англии, Франции и США, проявив разумный реализм, пойти на сотрудничество с Советским Союзом в войне против стран фашистского блока.

Этот шаг свидетельствовал о том, что наиболее дальновидные государственные деятели на время готовы были «забыть» о «прирожденной агрессивности коммунизма» ради достижения победы. В основу антигитлеровской коалиции легли общие интересы по разгрому агрессора. Конечно, столь разнородная в социально-политическом отношении коалиция в ходе войны, особенно на ее последнем этапе, подвергалась большим испытаниям. Но она их выдержала. Надежды А. Гитлера и его окружения на раскол среды союзников не оправдались. Более того, плоды существования и деятельности антигитлеровской коалиции в годы войны выразились в создании Организации Объединенных Наций, играющей значительную роль в жизни мирового сообщества и по сей день.

Устранив главное препятствие на пути развития цивилизации, победа над фашизмом положила начало глубоким переменам в расстановке социальных и национальных сил на международной арене, создала новые возможности для выбора народами своего образа жизни, подтвердила жизненность прогрессивных тенденций XX в., стремление народов к более справедливому общественному устройству.

Победа народов и государств антигитлеровской коалиции, и прежде всего СССР, над Германией, а затем и над Японией ознаменовала завершение одного периода всемирной истории и начало другого: становление биполярного мира, появление на планете двух сверхдержав. Последовавшее затем разделение Европы на два блока, разрушение СССР и вызванное этим значительное ослабление позиций социализма как политического и социального явления никоим образом не умаляют значения победы над агрессивными силами.

Историческое значение и цена Второй мировой войны состоят и в том, что она политически и практически поставила вопрос об устранении из жизни общества мировых войн как общественно-политического явления. Война пополнила исторический опыт международного сотрудничества в борьбе за выживание человечества и усилила осознание общей ответственности за мир на нашей планете. После Второй мировой войны миролюбивым силам удалось предотвратить возникновение ядерной войны.

Другая сторона цены войны, причем неизбежная, выражает тот факт, что Вторая мировая война явилась жестоким и кровавым испытанием для человечества. В течение шести лет многие десятки миллионов людей были убиты, получили ранения, стали инвалидами. Большие потери понесло гражданское население. Главным образом потому, что фашистская Германия проводила политику геноцида по отношению к другим народам, и в первую очередь к народам СССР. А. Гитлер неоднократно подчеркивал, что недостаточно просто разбить русскую армию, а необходимо «стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ». Точно установить число погибших военнослужащих и гражданских лиц по ряду стран чрезвычайно трудно, так как во многих из них отсутствуют статистические данные потерь населения за войну в целом либо эти данные не отражают действительного положения. Кроме того, фашисты стремились всячески скрыть свои злодеяния.

Однако проведенные исследования показывают, что в годы Второй мировой войны погибли не менее 60 млн человек. Кроме прямых людских потерь, многие воевавшие государства понесли и большие косвенные потери. Мобилизация значительной части мужского населения в вооруженные силы, форсированное вовлечение женщин в систему общественно организованного труда, материально-бытовые трудности и другие факторы резко изменили режим воспроизводства народонаселения, снизили показатели рождаемости и увеличили смертность. Самые большие прямые и косвенные потери населения понесли государства Европы. Здесь погибли более 40 млн человек, то есть значительно больше, чем на других

континентах вместе взятых. В годы войны почти во всех европейских странах на длительное время ухудшились условия существования и развития народонаселения. Война серьезно деформировала его возрастную, половую и семейно-брачную структуру. Существенно снизилось качество, а во многих странах и уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки.

Более половины людских потерь в Европе приходится на СССР. Большая часть из них — гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней и голода, от налетов вражеской авиации.

В определении численности военных потерь сделано многое. Эти данные обнародованы исследовательской группой Генерального штаба Вооруженных сил РФ в средствах массовой информации, опубликованы в книгах, в которых на основе архивных документов определено основное число жертв, положенных на алтарь Победы. К сожалению, некоторые публикации не избежали умышленных и неумышленных «погрешностей». Исследование людских и материальных утрат остается одной из важных, трудных и сложных научно-поисковых задач.

Масштабы людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны определялись учетно-статистическим и балансовым методами. Учетно-статистический метод использован при оценке потерь на основе имеющихся учетных документов. Этим методом были определены утраты личного состава действующей армии. Однако учетно-статистический метод невозможно применить при оценке многих категорий потерь гражданского населения. Полная оценка людских утрат получена методом демографического баланса, путем сопоставления численности и возрастной структуры населения СССР на начало и конец войны. Этот метод был положен в основу работы государственной комиссии по уточнению потерь, состоявшей из научных работников, специалистов министерств и ведомств, представителей общественных организаций, занятых демографическими проблемами, при участии Генерального штаба. В число прямых людских потерь не вошли косвенные: от снижения рождаемости в период войны и повышенной смертности в послевоенные годы.

Подсчет потерь балансовым методом произведен за период с 22 июня 1941 по 31 декабря 1945 г. Вторая граница периода была отодвинута от момента окончания войны на конец года, чтобы учесть умерших от ран в госпиталях, репатриацию в СССР военнопленных и перемещенных лиц из числа гражданского населения и репатриацию из СССР граждан других стран. Демографический баланс предполагает сопоставление числа населения в одних и тех же территориальных границах. Для расчетов в данном случае приняты границы СССР на 22 июня 1941 г. Оценка численности населения СССР на это время получена путем «передвижки» на указанную дату итогов предвоенной переписи населения страны (17 января 1939 г.) с корректировкой числа рождений и смертей за два с половиной года, прошедших от переписи до нападения фашистской Германии. Таким образом, численность населения СССР на середину 1941 г. определена в 196,7 млн человек. На конец 1945 г. эта численность рассчитана путем «передвижки» назад возрастных данных Всесоюзной переписи 1959 г. При этом использована уточненная статистика о смертности населения и данные о внешней миграции за 1946–1958 гг. Расчет произведен с учетом изменения границ СССР после 1941 г. В итоге на 31 декабря 1945 г. население определено в 170,5 млн человек, из которых 159,5 млн — родившиеся до начала войны[88].

Общая убыль (погибшие, умершие, пропавшие без вести и оказавшиеся за пределами страны) за годы войны составила 37,2 млн человек (разница между 196,7 и 159,5 млн). Однако вся эта величина не может быть отнесена к людским потерям, вызванным войной, поскольку и в мирное время за 4,5 года население подверглось бы естественной убыли за счет обычной смертности. Если уровень смертности населения СССР в 1941–1945 гг. брать таким же, как в 1940 г., то число умерших составило бы 11,9 млн человек. За вычетом указанной величины людские потери среди граждан, родившихся до начала войны, составляют 25,3 млн человек. К этой цифре необходимо добавить потери детей, родившихся в годы войны и тогда же умерших из-за повышенной детской смертности (1,3 млн). Следовательно, общие людские потери СССР в результате войны составили 26,6 млн человек (37,2 млн плюс 1,3 млн — 11,9 млн)[89].

В ходе войны в СССР были мобилизованы 34 476,7 тыс. человек (в Германии — 21 млн)[90]. На 1 июня 1941 г. трудоспособное население СССР составляло около 63 млн человек (33,9 млн рабочих и 29 млн колхозников). Мужчин всех возрастов было около 93 млн. Мужское население, в свою очередь, распределялось на следующие три возрастные группы: допризывная молодежь (до 18 лет) — около 30 млн, юноши и мужчины призывного возраста (от 18 до 50 лет) — около 40 млн, мужчины старше 50 лет — около 23 млн[91]. При этом среди мужчин в возрасте от 18 до 50 лет значительное число лиц по состоянию здоровья (инвалидности с детства и физическим недостаткам), из-за судимости и отбывания продолжительных сроков наказания призыву в армию и на флот не подлежали. Кроме того, не подлежали призыву военнообязанные, работавшие в оборонных отраслях промышленности, на транспорте, рудодобывающих предприятиях. Остались непризванными в 1941–1943 гг. военнообязанные, оказавшиеся на оккупированных территориях Советского Союза. Таким образом, в годы войны в вооруженные силы возможно было мобилизовать (призвать) не более 34–35 млн человек. Фактически за четыре года войны были мобилизованы (за вычетом повторно призывавшихся) 29 575 тыс. человек. А вместе с кадровым составом, находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе, в течение всей войны надели шинели 34,5 млн человек. Из них: в России — 19,2% граждан, а с учетом тех, кто был призван перед войной, — 22,2%; в каждой из республик Закавказья, Средней Азии и в Казахстане — более 18%; в Белоруссии — 11,7%; на Украине — 12,2%. Наибольшее число мобилизованных пришлось на долю России. В ее областях, краях и республиках за этот период были призваны 21 187,6 тыс. человек[92].

Из населения страны в годы войны была изъята многомиллионная масса самых жизнедеятельных и трудоспособных людей, равная (по тому времени) численности всего населения Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Финляндии вместе взятых. Чтобы яснее представить, насколько эта цифра огромна, достаточно сказать, что более половины всех занятых в сфере материального производства и в непроизводственных отраслях народного хозяйства рабочих, служащих и колхозников в течение войны призывались в армию, из них 2 237 300 человек — дважды.

В период войны для замены мужчин в тыловых частях и в учреждениях, а также в некоторых боевых войсках в Красную армию, Военно-морской флот и войска НКВД призывались женщины. В возрасте от 19 до 30 лет они направлялись в войсковые части и учреждения, а в возрасте от 30 до 45 лет — в стационарные тыловые учреждения. В части ПВО женщины направлялись на укомплектование должностей военнослужащих не только обслуживающего состава, но и боевых расчетов (разведчиков, орудийных номеров, номеров зенитных пулеметов, прожекторных станций, постов аэростатного заграждения и многих других). Всего за период Великой Отечественной войны на военную службу были призваны 490 235 женщин. На 1 января 1945 г. военнослужащие-женщины по составам распределялись следующим образом: 70 647 офицеров, 113 990 сержантов, 276 809 солдат, 2057 слушателей и курсантов[93].

Мужчины и женщины старших возрастов, ограниченно годные к военной службе по состоянию здоровья, принимались в вооруженные силы путем вольного найма. Численность вольнонаемного состава (мужчин и женщин) достигала по состоянию на январь: в 1943 г. — 369 673 человека, в 1944 г. — 459 198 человек, в 1945 г. — 512 161 человек. За время войны погибли, умерли и пропали без вести 94 662 рабочих и служащих вольнонаемного состава.

К началу войны в Красной армии и Военно-морском флоте состояли по списку 4 826 907 военнослужащих. Кроме того, на довольствии в Наркомате обороны находились 74 945 военнослужащих и военных строителей, проходивших службу в формированиях гражданских ведомств.

Отчетная статистика свидетельствует, что из 34 476,7 тыс. человек, надевавших в течение войны шинели, свыше одной трети (33%) постоянно находились в строю (состояли по списку 10–11,5 млн человек). Половина этого личного состава проходила службу в войсках действующей армии, то есть воевала на советско-германском фронте.

За годы войны по различным причинам из вооруженных сил в общей сложности убыли 21,6 млн человек, или 62,9% от числа всех призывавшихся и состоявших на военной службе. Более половины этой убыли составили безвозвратные потери — 11 444,1 тыс. человек. Из этого числа вернулись из плена 1836 тыс. человек и вторично были призваны на освобожденной территории ранее числившиеся пропавшими без вести 939,7 тыс. С учетом этого фактические безвозвратные (невосполнимые)[94] потери военнослужащих, состоявших по списку в Вооруженных силах СССР, составили 8668,4 тыс. человек[95].

Общие людские потери как военнослужащих, так и гражданского населения в годы войны получены в результате статистических исследований ученых-демографов и последующей работы (в конце 1980-х гг.) государственной комиссии по уточнению потерь. Общее количество потерь было обнародовано на торжественном заседании Верховного Совета СССР 8 мая 1990 г., посвященном 45-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, в округленном виде — почти 27 млн человек. В указанное число демографических людских потерь входят убитые в бою, умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных акций мирные граждане, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях военнопленные, подпольщики, а также не вернувшиеся рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы в Германию, эмигрировавшие в другие страны.

Никогда ранее наша страна не сталкивалась с подобными военными жертвами. Суммарные потери в период Первой мировой (1914–1918) и Гражданской (1918–1922) войн с их смертоносными эпидемиями (убиты, умерли от ран и болезней 10,3 млн человек) почти в два с половиной раза меньше. При этом убыль населения России в Первую мировую войну (демографические потери военнослужащих и гражданского населения) составила 4,5 млн человек. Аналогичная убыль в Гражданской войне — 8 млн человек. Великая Отечественная война не сводилась лишь к противоборству воюющих армий, как это было в прошлом. Немецко-фашистские захватчики наносили свои смертоносные удары и по войскам, и по гражданскому населению, не делая разницы между фронтом и тылом, между военнослужащими и мирными гражданами. Все это резко увеличивало число жертв. На оккупированной территории всего было преднамеренно истреблено мирного населения более 7,4 млн человек (таблица 1).

Таблица 1

Число мирного населения Советского Союза, преднамеренно истребленного фашистами на оккупированной территории[96]

Республики	Число истребленных жителей	
	всего	В том числе детей
РСФСР	1 800 000	Более 15 000
Украинская ССР	3 256 000	Более 75 000
Белорусская ССР	1 547 000	78 600
Литовская ССР	370 000	Более 10 000
Латвийская ССР	313 798	34 831
	(в т. ч. 100 000 жителей Литвы)	
Эстонская ССР	61 307	—
Молдавская ССР	64 246	Более 3000
Карело-Финская ССР	8028	—
Итого	7 420 379	216 431

Большой урон советскому населению, находившемуся под оккупацией, причинил насильственный угон наиболее трудоспособной его части на каторжные работы в Германию и оккупированные ею страны. Советских невольников именовали там остарбайтерами (восточные рабочие). Общее количество угнанных граждан СССР достигло 5 269 513 человек. Из них: граждан РСФСР — 1 906 661 человек, Украины — 2 402 234 человека, Белоруссии — 399 374 человека, Литвы — 160 019 человек, Латвии — 279 615 человек, Эстонии — 74 226 человек, Молдавии — 47 242 человека, Карело-Финской республики — 142 человека. Из общего числа советских граждан, вывезенных на работы в Германию, после окончания войны были репатриированы на Родину 2 654 100 человек. Не возвратились по разным причинам и стали эмигрантами 451 100 человек. Остальные 2 164 313 человек погибли в фашистской неволе. Причинами высокой смертности среди остарбайтеров являлись каторжный труд, плохое питание, болезни и жестокие наказания за малейшие нарушения лагерного режима[97].

Кроме погибших на работах в Германии к числу общих потерь гражданского населения следует отнести умерших и погибших мирных граждан на оккупированной территории. К началу 1943 г. под оккупацией оказалось около 2 млн кв. км советской территории, на которой, по данным Госплана СССР, ранее проживали 88 млн человек[98]. Для большинства оккупированных районов этот кошмарный период продолжался два-три года. Для советских граждан в возрасте от 18 до 45 лет (для граждан еврейской национальности — от 18 до 60 лет) захватчики ввели жестокую трудовую повинность. При этом рабочий день даже на вредных производствах длился 14—16 часов в сутки. Лиц, уклонявшихся от работы, отправляли в каторжные тюрьмы или на виселицу. По имеющимся данным, в оккупации по различным причинам умерли и были преднамеренны уничтожены около 13,7 млн человек.

Помимо погибших на принудительных работах в Германии к числу общих потерь гражданского населения отнесены 451,1 тыс. так называемых «невозвращенцев» из состава остарбайтеров, которые в основном были завербованы в качестве дешевой рабочей силы в страны Западной Европы, Латинской Америки, США и Австралию и стали эмигрантами[99].

Гражданское население СССР несло большие потери в прифронтовых районах, блокадных и осажденных городах. Наибольшей оказалась убыль в таких городах, как Ленинград, Воронеж, Керчь, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Севастополь, Одесса, Смоленск, Тула, Харьков, Минск и Мурманск. Например, в Сталинграде и Воронеже, которые фашистам так и не удалось полностью захватить, отмечаются самые большие потери городского населения. В Сталинграде к моменту изгнания врага осталось всего 12,2%, а в Воронеже — 19,8% от предвоенной численности населения, в большинстве своем нетрудоспособная его часть.

Отсутствие полных статистических материалов по рассматриваемым видам потерь гражданского населения не позволяет с достаточной точностью показать их по всем регионам страны, подвергшимся немецкой оккупации. Нет также документальных сведений о потерях военизированных формирований различных гражданских ведомств (наркоматов путей сообщения, связи, морского и речного флотов, гражданской авиации, Управления оборонительного строительства СНК СССР и НКВД СССР), ряда формирований народного ополчения, а также истребительных отрядов и батальонов, создававшихся в городах и районах.

Число потерь личного состава Красной армии и Военно-морского флота определено по материалам Генерального штаба, донесениям фронтов, флотов, армий, военных округов и Центрального военно-медицинского управления.

Плохо организованный в первый период войны сбор донесений, а нередко отсутствие какой-либо возможности доносить о наличии и расходе личного состава не позволяло вышестоящим штабам точно определить истинное состояние дел в войсках фронтов. Части и соединения, попавшие в окружение, не имели возможности представлять информацию о своем положении. Только в течение июля — октября 1941 г. не были получены донесения от 35 стрелковых дивизий Юго-Западного фронта, 16 дивизий Западного, 28 дивизий и трех бригад Южного, пяти дивизий Брянского и одной дивизии Резервного фронта. Общая списочная численность только этих войск, судя по их прежним донесениям, составила 434 тыс. человек. Кроме того, не представили донесения за этот период большое количество танковых,

кавалерийских и других соединений и отдельных частей фронтового и армейского подчинения. Поэтому при определении числа потерь соединений и объединений, разгромленных противником или оказавшихся в окружении, использованы их последние донесения о боевом и численном составе, а также некоторые архивные материалы немецкого военного командования. Вследствие этих условий неучтенные потери отнесены к числу пропавших без вести и включены в сведения соответствующих фронтов и отдельных армий, не представивших донесения в третьем и четвертом кварталах 1941 г. Хотя полученные расчетным способом данные о потерях этих войск не являются абсолютно точными, но они в целом дают вполне реальную картину о числе людских утрат, особенно в первых стратегических оборонительных операциях.

По возрасту жертвами войны среди павших оказались в основном самые молодые и дееспособные люди. В общем числе погибших, умерших от ран и болезней и не вернувшихся из плена военнослужащих их были 6414,4 тыс. человек, в том числе военнослужащие моложе 20 лет составили 18%, 21–25 лет — 22%, 26–30 лет — 17,5%, 31–35 лет — 16,5%, 36–40 лет — 12%, 41–45 лет — 8%, 46–50 лет — 5,5%, старше 50 лет — 1%. Это были представители всех национальностей и народностей Советского Союза, при этом две трети среди павших воинов были русские[100].

В 1993–1995 гг. в областях, краях и республиках страны проводилась большая работа по выявлению и поименному учету всех погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, в том числе ополченцев, партизан и подпольщиков, специалистов морского, речного, железнодорожного и автомобильного транспорта, работников здравоохранения и связи, проходивших службу в специальных формированиях различных ведомств. Это позволило восстановить многие ранее неизвестные имена павших и назвать их всех поименно в Книгах Памяти. В этих изданиях отражены и безвозвратные потери в войне с Японией, которые составили 12 031 человек.

Безвозвратные потери Военно-морского флота на советско-германском фронте и в войне с Японией составили 154 771 человек. Из них убиты и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации 47 699 человек, умерли от болезней, погибли в происшествиях 11 807 человек, пропали без вести, попали в плен 95 265 человек[101].

Огромными были и санитарные потери военнослужащих. К ним относятся раненые, контуженные, больные, обмороженные и обгоревшие, притом только те, которые были эвакуированы из действующей армии на лечение в госпитали. По донесениям фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий, санитарные потери армии и флота достигли 18 344 148 человек, в том числе 15 205 592 раненых, контуженых и обожженных, 3 047 675 заболевших и 90 881 обмороженный. Однако, как свидетельствует военно-медицинская статистика, масштабы этих потерь были значительно большими. Всего в период с 22 июня 1941 по сентябрь 1945 г. в лечебных учреждениях всех наименований были учтены 22 326 905 человек[102]. Это можно объяснить тем, что в число санитарных потерь включен весь заболевший личный состав, в том числе поступивший в лечебные учреждения из войск, не принимавших участия в боевых действиях, из воинских эшелонов и маршевых подразделений, находившихся в пути следования на фронт, а также из военных формирований гражданских ведомств, соединений и частей народного ополчения, партизанских отрядов и других частей и учреждений, которые не представляли в Генеральный штаб отчетность о численности и потерях своих формирований. При подсчете и анализе санитарных потерь необходимо учитывать то, что большое количество военнослужащих за время пребывания на фронте были ранены (контужены) от двух до семи раз и в связи с этим в донесениях о потерях показывались неоднократно. Поэтому повторный счет возможен не только среди раненых, но и вообще при подсчете всех боевых потерь.

Военно-медицинская статистика показывает, что из числа раненых, контуженых и обмороженных, поступивших за всю войну на излечение в медицинские учреждения, 71,7% возвращены в строй, 20,8% признаны негодными к службе и уволены из армии с исключением с воинского учета или отправлены в долгосрочные отпуска по ранению и болезни, а около 7,5% умерли (1 104 110 человек)[103]. При этом число умерших в госпиталях учтено как в санитарных, так и в общих безвозвратных потерях.

Нелегким был труд медицинских работников фронта и тыла. Через их заботливые руки прошли более 22 млн военнослужащих и вольнонаемных. Их большая заслуга прежде всего в том, что свыше 17 млн пораженных в боях и заболевших возвращены в строй. А из числа раненых после излечения продолжали сражаться с врагом более 10,5 млн человек. «Военная медицина из службы призрения за пораженными в боях и больными в прошлых войнах превратилась в один из основных источников пополнения действующей армии опытными в боевом отношении солдатами и офицерами, возвращенными в строй после лечения». Орденами и медалями были награждены свыше 116 тыс. врачей и более 30 тыс. других работников здравоохранения, а 47 медиков удостоены звания Героя Советского Союза[104].

Возвращаясь к анализу общего числа людских потерь армии и флота, следует отметить, что имеющиеся статистические сведения позволяют вполне достоверно оценивать убыль личного состава, учтенную в оперативном порядке по годам и периодам войны, кампаниям, стратегическим операциям, битвам и отдельным сражениям. При внимательном рассмотрении этих данных предстает объективная картина масштабов наших утрат за годы войны. Бесстрастная статистика напоминает о первых героических, а чаще трагических днях, о тяжелейшей обстановке, в которой пришлось сражаться защитникам Родины в памятный 1941 г. Это кровопролитные бои у границы, защита Брестской крепости, первые успешные контратаки, отчаянные попытки вырваться из окружения и плена. Безвозвратные и санитарные потери за шесть месяцев и девять дней 1941 г. составили 4 473 820 человек. Из них убиты и умерли на этапах санитарной эвакуации 465,4 тыс. человек, умерли от ран в госпиталях 101,5 тыс., умерли от болезней, погибли в результате происшествий 235,3 тыс., пропали без вести и попали в плен 2335,5 тыс., ранены и контужены 1256,4 тыс., заболели 66,1 тыс., обморожены 13,6 тыс. человек. Особенно высок процент (52,2% от общих потерь) пропавших без вести и оказавшихся в плену. Не меньшими потери были и в 1942 г.: безвозвратные — 3258,2 тыс., санитарные — 4111,1 тыс. человек. В 1943 г. безвозвратные потери составили 2 312 429, в 1944 г. — 1 763 891, в 1945 г. (вместе с Дальневосточной кампанией) — 801 848 человек[105].

Обобщенные данные о численности и потерях за всю действующую армию свидетельствуют, что только за 1941 г. безвозвратные потери фронтов и отдельных армий составили 98,9%, а санитарные — 43,5% к среднемесячной численности. В целом в течение 1941 г. вышло из строя 142,4% личного состава. В 1942 г. безвозвратные потери фронтов снизились до 56,3%, а санитарные возросли до 76,9% к среднемесячной численности. Всего за 1942 г. вышло из строя 133,2% личного состава. В последующие годы общие потери были несколько меньшими, чем в начале войны. В целом же за всю войну на советско-германском фронте в действующей армии вышло из строя 488% личного состава от ее среднемесячной численности. При этом безвозвратные потери — 173,2%, а санитарные — 314,8%[106].

На протяжении войны имели место резкие колебания в числе различных видов потерь. В первые месяцы 1941 г. безвозвратные потери достигали наибольшего показателя, превышая санитарные. Затем, при некоторой стабилизации фронта, улучшении учета, безвозвратные потери уменьшились, а санитарные возросли. Процентное отношение общих потерь к списочному составу армии имеет большие колебания, связанные с интенсивностью боевых действий на фронте. Заметен также и резкий спад числа потерь во втором квартале 1943 г., в период так называемой оперативной паузы (1 апреля — 30 июня 1943 г.).

Итоговые данные о людских потерях по периодам и кампаниям Великой Отечественной войны (таблица 2) показывают, что наибольшими для Вооруженных сил Советского Союза они были в первом периоде войны (37,7% от общих потерь и 54,6% безвозвратных за всю войну). Больше всего безвозвратных потерь было в летне-осенних оборонительных кампаниях 1941 и 1942 гг. (25,2 и 18,3% соответственно), когда войска действующих фронтов и армий отходили с боями в глубь территории страны. В этих кампаниях отмечается превышение безвозвратных потерь (более 1 млн человек) над санитарными. В последующие периоды войны безвозвратные потери снизились и были в 2—2,5 раза меньше санитарных.

Таблица 2

Людские потери Красной армии и Военно-морского флота по периодам и кампаниям Великой Отечественной войны[107]

Период войны	Кампании	Количество суток	Людские потери (тыс. человек)					
			Безвозвратные		Санитарные		Всего	
			Число	%	Число	%	Число	%
Первый 22.06.1941–18.11.1942	Летне-осенняя 22.06.1941–04.12.1941	166	2841,9	25,2	1145,8	6,2	3987,7	13,5
	Зимняя 05.12.1941–30.04.1942	147	1249,0	11,1	1602,7	8,7	2851,7	9,6
	Летне-осенняя 01.05.1942–18.11.1942	202	2064,1	18,3	2258,5	12,3	4322,6	14,6
	Итого	515	6155,0	54,6	5007,0	27,2	162,0	37,7
Второй 19.11.1942–31.12.1943	Зимняя 19.11.1942–31.03.1943	133	967,7	8,6	1865,9	10,2	2833,6	9,5
	Оперативно-стратегическая пауза 01.04.1943–30.06.1943	91	191,9	1,7	490,6	2,7	682,5	2,3
	Летне-осенняя 01.07.1943–31.12.1943	184	1393,8	12,3	3628,8	19,8	5022,6	17,0
	Итого	408	2553,4	22,6	5985,3	32,7	8538,7	28,8
Третий 01.01.1944–09.05.1945	Зимне-весенняя 01.01.1944–31.05.1944	152	801,5	7,1	2219,7	12,1	3021,2	10,2
	Летне-осенняя 01.06.1944–31.12.1944	214	962,4	8,5	2895,0	15,8	3857,4	13,0
	Кампания в Европе 01.01.1945–09.05.1945	129	800,8		2212,7	12,1	3013,5	10,2
	Итого	495	2564,7	22,7	7327,4	40,0	9892,1	33,4
Итого за Великую Отечественную войну		1418	11 273,1	99,9	18 319,7	99,9	29 592,8	99,9
Кампания на Дальнем Востоке 09.08.1945–02.09.1945		25	12,0	0,1	24,4	0,1	36,4	0,1
Всего		1443	11 285,1	100	18 344,1	100	29 629,2	100

Что касается людских потерь (безвозвратных и санитарных) в военных кампаниях, то наибольшими они были в летне-осенней 1943 г. (17%), а наименьшими — в зимних кампаниях 1941–1942 и 1942–1943 гг. (9,6 и 9,5% соответственно от всех потерь за войну). Сравнительно небольшими были утраты советских войск и сил флота в Дальневосточной кампании, в ходе которой за 25 суток боевых действий выбыли из строя 36 400 человек, в том числе убиты, умерли, пропали без вести 12 031 человек.

Особого внимания заслуживают данные о числе среднесуточных потерь. Каждые сутки на советско-германском фронте выбывали из строя в среднем 20 869 человек, из этого числа безвозвратные потери составили около 8 тыс., санитарные — 12,9 тыс. человек. Самые большие среднесуточные потери отмечаются в летне-осенних кампаниях 1941 г. (24 тыс. человек в сутки) и 1943 г. (27,3 тыс. человек в сутки)[108].

В период Великой Отечественной войны на советско-германском фронте действовали различные виды и рода войск. Наиболее многочисленными из них были стрелковые войска (пехота), которые и составляли основу сухопутных войск. Они во взаимодействии с частями бронетанковых и механизированных войск, артиллерией и другими видами и родами войск выполняли важнейшие задачи и несли на себе основную тяжесть войны как в наступлении, так и в обороне. И утраты их были особенно велики. Только за 28 месяцев войны, с 1943 по

1945 г., общие потери всех родов войск составили 16 859 тыс. человек, в том числе 4028 тыс. безвозвратные и 12 831 тыс. санитарные. Если эти потери взять за 100%, то на долю стрелковых войск приходится 86,6%, бронетанковых — 6%, артиллерии РГК — 2,2%, авиации — 0,29%. При сравнении общего числа потерь, понесенных за эти годы каждым родом войск, с его среднемесячной списочной численностью можно сделать вывод, что за 28 месяцев выбыли из строя: в стрелковых войсках — 546,3%, в бронетанковых — 236,7%, в коннице — 183,7%, в огнеметных частях — 93,2%, в инженерных — 84,4%, в артиллерии — 66% личного состава. А если к данному числу потерь каждого рода войск добавить убыль за 1941 и 1942 гг.[109], то это процентное соотношение (особенно стрелковых войск) будет значительно больше.

В Великой Отечественной войне погибли, умерли от ран и болезней, пропали без вести и попали в плен более 1023,1 тыс. человек, или 35% общего числа офицеров, состоявших на военной службе в кадрах вооруженных сил в период войны. Это в 14 раз больше, чем царская Россия потеряла в ходе Первой мировой войны. Из общего числа потерь офицерского состава погибли, умерли от ран и болезней 631 003 человека (61,68%), пропали без вести, попали в плен 392 085 человек (38,32%). По воинским званиям эти потери распределяются следующим образом: генералы и адмиралы — 416, полковники — 2502, подполковники — 4887, майоры — 19 404, капитаны — 71 738, старшие лейтенанты — 168 229, лейтенанты — 353 040, младшие лейтенанты — 279 967, военнослужащие без офицерских званий, занимавшие офицерские должности — 122 905[110]. В это число не вошли не принимавшие участия в войне генерал-полковники А. Д. Локтионов, Г. М. Штерн, генерал-лейтенанты П. А. Алексеев, Ф. К. Арженухин, И. И. Проскуров, Е. С. Птухин, П. И. Пумпур, К. П. Пядышев, П. В. Рычагов, Я. В. Смушкевич, генерал-майоры П. С. Володин, М. М. Каюков, А. А. Левин, репрессированные перед войной и расстрелянные в годы войны. В числе погибших: командующие войсками фронтов генералы армии Н. Ф. Ватутин, Д. Г. Павлов, И. Д. Черняховский, генерал-полковник М. П. Кирпонос; заместители и помощники командующих войсками фронтов генерал армии И. Р. Апанасенко, генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, генерал-майор Л. В. Бобкин; начальники штабов фронтов генерал-лейтенанты П. И. Бодин, П. С. Клёнов, генерал-майоры В. Е. Климовских, Г. Д. Стельмах, В. И. Тупиков; командующий войсками Одесского военного округа генерал-полковник И. Г. Захаркин; начальники штабов военных округов генерал-майоры А. Д. Корнеев, Н. В. Пастушихин; члены военных советов фронтов генерал-лейтенанты К. А. Гуров и К. Н. Зимин; члены военных советов армий генерал-майоры А. Ф. Бобров, И. В. Васильев, И. А. Гаврилов, Б. О. Галстян; командующие армиями генерал-полковник К. Н. Леселидзе, генерал-лейтенанты С. Д. Акимов, А. М. Городнянский, Ф. А. Ершаков, М. Г. Ефремов, А. И. Зыгин, В. Я. Качалов, П. П. Корзун, В. Н. Львов, И. Ф. Николаев, К. П. Подлас, П. С. Пшенников, А. К. Смирнов, П. М. Филатов, Ф. М. Харитонов, В. А. Хоменко, генерал-майоры К. М. Качанов, А. А. Коробков, А. В. Лапшов, А. И. Лизюков, М. П. Петров, К. И. Ракутин.

Величайшая заслуга Красной армии в том, что она, неся большие потери, остановила нашествие войск Германии и ее сателлитов, а затем изгнала их с территории Советского Союза. Ради этого были принесены большие жертвы. Только при освобождении Харьковского промышленного района, Донбасса, Правобережной Украины безвозвратные потери наступавшей армии составили почти 700 тыс. человек. Всего при освобождении оккупированных районов СССР потери советских войск составили 3395,8 тыс. человек. В боях за изгнание оккупантов с территории РСФСР (вместе с Крымом) безвозвратные потери Красной армии и ВМФ составили 1860,9 тыс. человек, Украинской ССР — 968,1 тыс., Белорусской ССР — 213,6 тыс., Латвии — 130,2 тыс., Литвы — 137,2 тыс., Молдавии — 18,7 тыс., Эстонии — 67,1 тыс. человек[111].

Весной 1944 г. Красная армия, не дожидаясь открытия второго фронта, развернула сражения в целях изгнания войск нацистской Германии с территории стран Восточной Европы. Осуществляя освободительную миссию на Западе и Востоке в 1944–1945 гг., Вооруженные силы Советского Союза провели ряд крупных стратегических операций. В них участвовали 11 фронтовых объединений, четыре флота, 50 общевойсковых, шесть танковых, 13 воздушных

армий и три флотилии. Около 7 млн советских воинов более года вели ожесточенные бои с врагом вне территории СССР. Полностью или частично они освободили 13 стран Европы и Азии с населением свыше 147 млн человек. Все потери советских войск, безвозвратные и санитарные, в этот период составили около 4 млн человек (таблица 3). Всего в странах Европы и Азии, полностью или частично освобожденных Красной армией, покоится прах более миллиона советских воинов, в числе которых свыше 600 тыс. наших соотечественников-россиян.

Таблица 3

Людские потери Вооруженных сил СССР при освобождении стран Европы и Азии

Страны	Потери		
	Безвозвратные	Санитарные	Всего
Польша	600 212	1 416 032	2 016 244
Чехословакия	139 918	411 514	551 432
Венгрия	140 004	344 296	484 300
Германия	101 961	262 861	364 822
Румыния	68 993	217 349	286 342
Австрия	26 006	68 179	94 185
Югославия	7995	21 589	29 584
Норвегия	3436	14 726	18 162
Болгария	977	11 773	12 750
Китай	9272	20 630	29 902
Северная Корея	691	1272	1963

Большой вклад в разгром нацистской Германии и Японии внесли страны антигитлеровской коалиции. Они также понесли значительные людские потери. Так, например, потери Польши составили 6 млн, Югославии — 1,7 млн, Франции — 600 тыс., Великобритании — 370 тыс., США — 300 тыс. человек.

Война нанесла большой урон и Германии — свыше 13 млн человек убитых, раненых, пленных, пропавших без вести. Фашистская Италия потеряла только погибшими 500 тыс. человек. Потери Японии достигли 2,5 млн (в основном военнослужащих), свыше 270 тыс. человек — жертвы атомных бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки[112].

В ходе ведения боевых действий, особенно в первый период войны, вместе с гибелью личного состава уничтожалось много вооружения и техники. Всего за годы войны потери основных видов боевой техники и оружия составили: 15,47 млн единиц стрелкового оружия всех типов, 96,5 тыс. танков и САУ, 317,5 тыс. орудий и минометов всех калибров (в том числе 50-мм минометы, количество которых в действующей армии составляло от 29—30% в 1941 г. до 3% в 1945 г.), 88,3 тыс. боевых самолетов всех типов (в том числе боевые потери — 43,1 тыс.). По этим данным видно, что самый высокий процент составляют безвозвратные потери танков и САУ: 427% к наличию на 22 июня 1941 г., свыше 73% по отношению к общему ресурсу (количество оружия и техники на 22 июня 1941 г. и поступивших на оснащение вооруженных сил в годы войны). За годы войны было утрачено 1014 кораблей различных классов, из них 314 надводных и подводных кораблей 1, 2 и 3 ранга. Значительные потери в технике и оружии приходятся на период проведения стратегических оборонительных и наступательных операций. В это время советские войска потеряли 62,2% стрелкового оружия, 65,6% танков и САУ, 56,8% орудий и минометов и 60% боевых самолетов от всех утрат, понесенных за войну[113].

В годы Великой Отечественной войны советские войска потеряли 351,8 тыс. автомобилей (34,6% ресурса), 75,1 тыс. радиосредств всех видов (40% ресурса), около 10 тыс. единиц инженерного вооружения (паромы, буксирные катера, грейдеры, скреперы, компрессорные

станции, подвижные зарядные и силовые станции, водоподъемники, подвижные мастерские и другое вооружение), свыше 24 млн единиц средств химзащиты, более 31 тыс. специальных химических машин, приборов и установок, несколько тысяч единиц тылового имущества и оборудования[114].

Огромны безвозвратные потери основных видов боевой техники и оружия у Германии и ее сателлитов: 32,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 289,2 тыс. орудий и минометов, 58,9 тыс. боевых самолетов. 74—75% всех потерь — это потери на советско-германском фронте[115].

Изучение архивных документов, а также военно-исторических трудов и публикаций показало, что определение с достоверной точностью масштабов людских потерь вооруженных сил Германии и войск ее сателлитов (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии) на советско-германском фронте в годы Второй мировой войны представляет весьма сложную проблему. Прежде всего, это связано с отсутствием полного комплекта отчетно-статистических материалов по этим вопросам, представлявшихся в ходе войны из войск в высшие инстанции. Сведения немецких штабов о потерях были наиболее реальными примерно до января 1945 г. Однако на последнем этапе войны, когда войска фашистской Германии терпели крупные поражения, штабной механизм вермахта утратил четкость в работе, потери стали определяться приблизительно, чаще всего на основе информации за предыдущие месяцы. Резко нарушились их систематический документальный учет и отчетность. В сведениях появились противоречия и неточности. Особенно это характерно для тыловых и обслуживающих частей и учреждений, полицейских и других военных формирований, которые комплектовались гражданами других стран. Кроме того, в отчетных документах о числе людских потерь вермахта не показывались потери армий сателлитов Германии, а также других иностранных военных формирований, принимавших участие в боях на советско-германском фронте.

По немецким документам и публикациям установлено, что в вооруженных силах Германии на 1 марта 1939 г. находилось 3214 тыс. человек[116]. В период с 1 июня 1939 по 30 апреля 1945 г. в германскую армию были призваны 17 893 тыс. человек. Изменение численности вермахта, произошедшее с марта по июнь 1939 г., было незначительным. Исходя из этого, можно полагать, что через вооруженные силы Германии в годы Второй мировой войны с учетом довоенной численности прошли 21 107 тыс. человек. Общая убыль за время войны составила 16 307 тыс., из них 2463 тыс. уволено по ранению и болезни (инвалиды), 2 млн человек демобилизованы и направлены на работу в промышленности. К началу капитуляции Германии в ее войсках оставались в строю 4100 тыс. человек[117].

В результате исследований установлено, что суммарные безвозвратные потери вермахта на советско-германском фронте с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. составили 8876,3 тыс. солдат и офицеров (по данным некоторых немецких историков — 5,3 млн), а армий ее сателлитов (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии) — 1 468 145 человек. Общие потери — 10 344,5 тыс. человек. Демографические (невосполнимые) потери Германии (убиты, умерли от ран и болезней, не вернулись из плена, пропали без вести) составили 5965,9 тыс. человек, ее сателлитов — 806 тыс., а общие демографические потери — 6771,9 тыс. человек[118]. В указанное число не включены людские потери воинских формирований, которые воевали на стороне Германии, но в состав ее вооруженных сил и войск СС не входили. Из-за отсутствия достоверных данных не учтены потери военно-полевой полиции, учреждений службы безопасности (СД) и военной администрации на оккупированных территориях (численностью около 600 тыс. человек), членов общих сил национал-социалистской партии Германии (гестаповцы), не входивших в войска СС (свыше 250 тыс. человек), охранных и карательных подразделений (250 тыс. человек). Все эти формирования (учреждения) выполняли задачи по обеспечению и обслуживанию войск групп армий, воздушных флотов, сил военно-морского флота, а в критической обстановке принимали участие в боевых действиях.

На стороне нацистской Германии выступали, хотя в вермахт не входили, Русская освободительная армия генерала А. А. Власова (РОА), 15-й казачий корпус генерала Г. фон Панвица, русский корпус генерала Б. А. Штейфона, а также ряд отдельных частей, сформированных из граждан СССР (160—180 тыс. человек).

При рассмотрении потерь противника следует учитывать число попавших в плен. По донесениям фронтов и отдельных армий, обобщенным в Генеральном штабе Вооруженных сил СССР, советскими войсками были пленены 4377,3 тыс. немецких военнослужащих, из которых около 600 тыс. человек после соответствующей проверки были освобождены непосредственно во фронтах. В основной массе это были лица негерманской национальности, насильственно призванные в вермахт и армии ее союзников (поляки, чехи, словаки, румыны, словенцы, болгары, молдаване, фольксдойче и другие), а также частично нетранспортабельные инвалиды. На территорию СССР в тыловые лагеря для содержания военнопленных эти лица не отправлялись и в учетные данные не включены. Основная масса военнопленных (3777,3 тыс. человек)[119] с фронтовых пунктов сбора была направлена в тыловые лагеря НКВД СССР, в их числе около 752,5 тыс. военнослужащих союзных Германии стран. Однако учтенными в лагерях НКВД оказались 3486,2 тыс. человек. Разница между числом направленных и учтенных военнопленных составила 291,1 тыс. человек. Объясняется это тем, что военнопленные из числа граждан Советского Союза, служивших в вермахте или принимавших участие в войне на стороне нацистской Германии (более 220 тыс.), а также военные преступники (14,1 тыс.) были направлены в специальные лагеря НКВД, а другая часть (около 57 тыс.) умерла в пути от болезней и обморожений, не достигнув тыловых лагерей.

Потери вооруженных сил Японии за 25 дней Советско-японской войны 1945 г. составили 83 737 человек убитыми и 640 276 человек военнопленными (вместе с 79 276 солдатами и офицерами, капитулировавшими после 3 сентября 1945 г.).

Тяжелая демографическая ситуация сложилась в Польше и Югославии, которые потеряли значительную часть своего населения: Польша — 6 млн, Югославия — 1,7 млн человек. Меньшие потери оказались во Франции — 600 тыс. и Великобритании — 370 тыс. человек. Потери Голландии — 270 тыс., Греции — 450 тыс., Чехословакии — 340 тыс., Австрии — 374 тыс. человек. Немалые людские потери в годы войны понесли и народы Азии. По сравнению с Европой и Азией другие страны и континенты пострадали меньше. США потеряли около 300 тыс. человек погибшими, Австралия и Новая Зеландия — свыше 40 тыс., Африка — 10 тыс.[120]

Большие различия в людских потерях применительно к отдельным странам, группам государств, регионам мира обусловлены, с одной стороны, характером и степенью их участия непосредственно в вооруженной борьбе, а с другой, социально-политическими целями, которые при этом преследовали воевавшие страны. Сотни тысяч военнопленных и миллионы мирных граждан были целенаправленно уничтожены на оккупированных немецко-фашистскими и японскими захватчиками территориях. С особым ожесточением гитлеровцы применяли тщательно разработанную ими политику физического уничтожения людей. Фашисты осуществляли массовый угон гражданского населения в Германию, где оно попадало либо на каторжные работы, либо в концентрационные лагеря. Так, из 18 млн граждан Европы, оказавшихся в гитлеровских концентрационных лагерях, были уничтожены свыше 11 млн человек[121].

Война оказала большое влияние не только на естественное воспроизводство населения во всех странах мира, но и на межгосударственную и внутреннюю миграцию. Уже сам факт наступления фашистских армий привел к значительному перемещению населения Европы. Кроме того, гитлеровцы прибегали к массовому насильственному вывозу в Германию рабочей силы из оккупированных районов. Вызванная войной внутренняя миграция, сопровождавшаяся огромными лишениями и тяготами, способствовала повышению смертности и снижению рождаемости. Аналогичные процессы происходили в Азии.

В годы Второй мировой войны значительно выросли финансовые расходы на ее ведение. Если в Первую мировую войну совокупные военные расходы из бюджетов государств составили 208 млрд долларов, то во время Второй мировой войны они достигли 1147 млрд долларов (695 млрд — страны антигитлеровской коалиции, 422 млрд — Германия с союзниками). Сравнение этих данных в сопоставимых ценах показывает, что бюджетные издержки Второй мировой войны по отношению к войне 1914—1918 гг. возросли в несколько раз.

Огромные военные расходы вели к крайнему напряжению финансов. Так, в Германии, где и в предвоенные годы затраты на содержание вермахта были весьма высокими, военный бюджет в 1943—1944 финансовом году по сравнению с 1938—1939 бюджетным годом вырос в шесть с лишним раз. Многократно возросли расходы в Англии, достигнув в 1944—1945 финансовом году 5125 млн фунтов стерлингов. США в том же финансовом году затратили на военные цели 81 млрд долларов (в 1940—1941 гг. — 6 млрд), то есть за войну они увеличили свои военно-бюджетные расходы в 13,5 раз. Удельный вес военных расходов в последний финансовый год войны составил 85,7% федерального бюджета. В Советском Союзе объем ресурсов государственного бюджета, использованного на военные нужды в 1941—1945 гг., составил 582,4 млрд рублей[122].

Тяжелое бремя военных расходов серьезно отразилось на экономике воевавших стран. Доля военно-бюджетных издержек в национальном доходе США составила 43,4%, Англии — 55,7%, Германии — 67,8%, Японии — 49,7%, а доля прямых расходов в СССР достигла 55% национального дохода. Значительную часть военных издержек составили потери, вызванные разрушениями и уничтожением материальных ценностей. Общая стоимость уничтоженных материальных ценностей во всех воевавших странах превысила 316 млрд долларов. Особый урон народному хозяйству наносили действия немецко-фашистских войск. Варварскому разграблению были подвергнуты временно оккупированные области СССР. Отступая под ударами советских войск, вермахт применял тактику «выжженной земли». Огромен ущерб от прямого уничтожения и разрушения материальных ценностей на территории СССР. Он составил почти 41% потерь всех стран, участвовавших в войне. СССР потерял за годы войны около 30% национального богатства. Материальных потерь почти избежали США. Они составили лишь 1267 млн долларов, или 0,4% общей стоимости потерь материальных ценностей всех стран за время войны. Материальные потери оказались сравнительно небольшими и для государств, которые не принимали активного участия в войне, находились далеко от театров военных действий.

Во Второй мировой войне были велики и косвенные материальные издержки, ведь война не только поглотила огромную массу материальных средств, но и препятствовала созданию новых материальных ценностей мирного назначения, нарушила структуру производства, сократила выпуск продукции мирного назначения, резко снизила или вовсе прекратила новое строительство. Косвенные издержки войны явились также результатом людских потерь, уменьшивших как производительные силы, так и возможности создания материальных благ. Снизилось качество жизни.

Цена победы — лишь часть цены войны, но часть особая: она выражает и результаты, и издержки борьбы народа и его вооруженных сил против сильного врага, то есть прежде всего военную победу. Конечно, судьба войны решалась во всех сферах общественной жизни усилиями всего народа, но военная машина Германии — опора фашистского режима — могла быть уничтожена только военной силой в ходе военных действий. Непосредственным носителем военной победы является военная сила (армия и флот) как орудие политики СССР и других государств антигитлеровской коалиции.

Решающее значение военной победы во Второй мировой войне подтверждается тем, что военные руководители нацистской Германии, а затем и Японии подписали акты о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил на суше, море и в воздухе, признав свое поражение.

Непосредственными показателями (параметрами) цены победы явились разгром военной силы агрессора, лишающий его возможности ведения войны; захват его территории, наиболее важных административных, промышленных и иных объектов; лишение противника союзников, а также необходимых ресурсов; захват инициативы и достижение решающих результатов путем нанесения агрессору потерь в живой силе и военной технике, разрушения его промышленности, других отраслей хозяйства, уничтожения или поражения административных, политических, военных, научных и иных центров. Военная победа в войне означала достижение Советским Союзом и другими государствами антигитлеровской коалиции политических и военных целей (военно-политических и стратегических).

СССР вышел из войны сильным в военном, морально-политическом и внешнеполитическом отношении. Его вооруженные силы освободили свою территорию, внесли решающий вклад в освобождение стран Европы (а потом и Азии), разгром и искоренение фашизма. В результате победы Советский Союз подтвердил право на вхождение в свой состав Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Закарпатской Украины (что до войны западные страны не признавали), области Петсамо и Кёнигсберга, а на Востоке — Южного Сахалина и Курильских островов.

Наряду с этим Советский Союз получил значительные репарации. Союзники вынуждены были согласиться, чтобы они составили 10 млрд долларов — 50% от общей суммы[123]. И хотя Советский Союз потом получил не все из причитающегося, наша страна демонтировала и вывезла к себе 4389 промышленных предприятий из Германии, Польши (немецкая Силезия), Австрии, Венгрии, Чехословакии и Маньчжурии. Трофейный военный и торговый флот Германии был разделен поровну между СССР и союзниками. Советский Союз получил при этом 155 боевых кораблей, в том числе один крейсер, четыре эсминца, шесть миноносцев, десять подводных лодок. В состав ВМФ СССР также вошла часть кораблей Италии и других стран фашистского блока.

В цене победы (подвига, освободительной миссии) Советского Союза отразился исторический факт его основной решающей роли в борьбе с фашизмом и разгроме Германии и ее союзников. СССР принял на себя основной удар агрессора, выстоял, переломил ход войны и победил. Другие страны антигитлеровской коалиции такой задачи не решали, что обусловило их значительно меньшие потери.

На характере и величине потерь войск стран антигитлеровской коалиции сказалась внезапность нападения как способ развязывания войны со стороны Германии и Японии, что оказало большое влияние на последующий ход вооруженной борьбы и во многом обусловило крупные успехи, достигнутые агрессивным блоком в первые годы войны, с одной стороны, и потребовало огромных усилий государств, подвергшихся агрессии, чтобы ликвидировать ее последствия, с другой. Особенно это касается Советского Союза. Различие в потерях армий государств предопределялось также изменением состава коалиций на различных этапах войны: соответственно менялось соотношение сил, масштабы военных действий и состав группировок вооруженных сил на фронтах и прочее.

Вооруженную борьбу в годы Второй мировой войны вели массовые многомиллионные армии, многочисленные военно-воздушные и военно-морские силы. К началу 1945 г. общая численность вооруженных сил обеих коалиций превышала 150 млн человек. С наибольшим напряжением сражались Вооруженные силы СССР. США и Великобритания, имея многомиллионные армии, направляли на действующие фронты незначительную часть войск: вплоть до 1944 г. там было около трети их вооруженных сил. Основная же масса войск этих государств не оказывала непосредственного влияния на ход вооруженной борьбы и ее результаты и, конечно, не имела боевых потерь.

Из восьми стратегических фронтов и театров военных действий самым масштабным, активным и результативным был советско-германский фронт. На нем решались основные политические и стратегические задачи Второй мировой войны, были сосредоточены основные силы противоборствующих сторон и достигнуты основные результаты в пользу СССР и его союзников.

Чтобы иметь верное, а не предвзятое представление о цене победы, недостаточно учитывать лишь общие данные о потерях. Следует оценивать и их характер на различных этапах войны. Факты свидетельствуют, что наибольшие потери советские войска несли в 1941 г., когда они вынуждены были вести военные действия, не будучи полностью укомплектованными и отмобилизованными, приведенными в полную боевую готовность. Момент неожиданности, внезапности нападения агрессора долгое время оказывал отрицательное воздействие на части Красной армии. Однако и в этих условиях она наносила немецким войскам ощутимые удары. Уже через несколько дней после нападения, 29 июня, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер записал в дневнике:

«Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов, теперь это уже недопустимо»[124].

В ходе войны советские войска, командиры, военачальники, рядовые довольно быстро и основательно учились воевать по-новому, овладевать искусством ведения как оборонительных, так и наступательных боев и операций, управления войсками. Неуклонно росла техническая оснащенность Красной армии. Критически осваивался опыт боев и сражений, активно развивалась военная теория, выводы которой находили применение в военной практике. Красная армия получала все большую морально-психологическую поддержку населения страны: призыв «Все для фронта, все для победы!» выступал активнодействующим фактором борьбы с агрессором. Все это положительно сказалось как на эффективности действий советских войск, так и на уменьшении числа их потерь.

Кощунственно звучат слова о том, что мы закончили войну, «не умея воевать... залили своей кровью, завалили врага своими трупами». Беспочвенны и утверждения многих публицистов, что победа наших войск якобы достигалась благодаря многократному численному превосходству над противником, ценой неисчислимых жертв.

Историческая истина, подтвержденная реальными событиями и документами, объективными исследованиями, свидетельствует, что победа над немецко-фашистскими войсками была достигнута благодаря превосходству советского военного искусства, героизму воинов, усилиям всех народов СССР. Однако истина состоит и в том, что цена победы могла быть и не такой высокой. Причин, почему она оказалась выше, чем могла быть, немало. Одна из них заключена в просчетах и ошибках политического и военного руководства страны, которое неадекватно оценивало ход и перспективы войны на Западе, полагая, что она там затянется и будет время для подготовки страны и Красной армии к отражению агрессии. Из-за этого не были своевременно проведены необходимые мероприятия по приведению Вооруженных сил СССР в боевую готовность. В число причин, обусловивших размеры потерь советских войск, следует включить и то, что политическое и военное руководство страны исходило из представления о том, что война, когда она станет фактом, будет иметь начальный период, который позволит мобилизовать и людские резервы, и экономику, и транспорт, как это было в Первой мировой войне. Но война началась и протекала иначе. Из-за этого отчасти не была своевременно обеспечена боеготовность войск приграничных военных округов и не создана организация управления вооруженными силами.

На величине потерь сказалась также слабая профессиональная подготовка многих командиров и военачальников, недостаточная подготовка командных кадров запаса, мобилизованных в армию с началом войны. Военное командование далеко не всегда решало стратегические, оперативные и тактические задачи ценой минимума жертв. Определенная часть потерь была обусловлена просчетами в управлении войсками и их несвоевременным материально-техническим обеспечением. Крупные недостатки и просчеты в управлении приводили к немалым потерям людей и военной техники (например, в Харьковском сражении в мае 1942 г.). Большие потери несли советские войска при прорыве подготовленной обороны противника на начальных этапах ряда успешных в целом наступательных операций, в том числе и Берлинской. Дорого обошлась и оттяжка с открытием союзниками второго фронта в Европе, которая наряду с объективными трудностями обусловливалась также их политическими расчетами и стремлением к «экономии своих сил».

Цена победы советского народа над фашистской Германией — это выражение результатов ожесточенной борьбы, в которой решался вопрос о жизни и смерти Советского Союза, его народов, материальной и духовной культуры, о жизни и смерти человеческой цивилизации. Следует отличать жертвы, понесенные в ходе бескомпромиссной борьбы с агрессором ради победы над ним, от жертв преступной политики захватчиков. При этом необходимо всегда помнить о том, что без жертвенности никакая окончательная победа невозможна. В годы Великой Отечественной войны жертвенность была массовой и потому превратилась в неодолимую, непобедимую силу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 3. С. 230.

[2] Арденны (Ardennes) — возвышенность на юге Бельгии и частью во Франции и Люксембурге, западная оконечность Рейнских Сланцевых гор. Поверхность преимущественно платообразная. Преобладающая высота около 400 метров (наибольшая — гора Ботранж, 694 метров). Расчленена глубокими долинами рек системы Мааса. Имеется развитая сеть автомобильных дорог. Резко пересеченный характер местности значительно затрудняет движение вне дорог всех видов техники и транспорта, особенно колесных машин.

[3] *Комаров Н., Орлов А.* «Вахта на Рейне» и наступление на Висле // Красная звезда. 1975. 18 декабря.

[4] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 297.

[5] *Кульков Е. Н.* Операция «Вахта на Рейне». М., 1986. С. 126–147.

[6] Операция получила кодовое название «Северный ветер». Гитлеровское командование еще осенью 1944 г. обдумывало вопрос о контрнаступлении в северном Эльзасе, но из-за недостатка сил и средств отказалось от него в пользу Арденнской операции.

[7] *Churchill W. C.* The Second World War. Vol. 1–6. L., 1950–1954. Vol. 6. P. 268–269.

[8] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 298.

[9] Там же. С. 299.

[10] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 516.

[11] Там же. Д. 189. Л. 146.

[12] KTB/OKW. Bd. 4. Halbband 2. S. 1358.

[13] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 402.

[14] *Меллентин Ф.* Танковые сражения. 1939–1945 гг. М., 1957. С. 280.

[15] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 358.

[16] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 193.

[17] ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 39.

[18] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 3. С. 247.

[19] *Соколов А. М.* Великая Отечественная. Хронограф 1945. М., 2010. С. 195–196.

[20] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 248.

[21] Там же. С. 249.

[22] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 164, 348.

[23] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 250.

[24] Цит. по: История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1979. Т. 10. С. 311.

[25] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 269.

[26] Там же. С. 269–270.

[27] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 313.

[28] Цит. по: История Великой войны 1941–1945: в 2 т. Т. 2. С. 192.

[29] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 223.

[30] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 316.

[31] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5-4). С. 225.

[32] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. Изд. 10-е. М., 1990. Т. 3. С. 223.

[33] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5-4). С. 225–226.

[34] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 269.

[35] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. 6. С. 443.

[36] The Papers of Dwight D. Eisebhower. The War Years. Baltimore, 1970. Vol. 4. P. 2613.

[37] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Материалы в помощь лекторам. М., 2005. С. 300.

[38] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1992. Т. 3. С. 233.

[39] Там же. С. 246.

[40] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 275.

[41] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5-4). С. 230.

[42] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 333.

[43] *Воробьёв Ф. Д.* и др. Последний штурм. М., 1975. С. 221.

[44] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 334.

[45] KTB/OKW. Bd. 4. S. 1694.

[46] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 194. Л. 39.

[47] KTB/OKW. Bd. 4. S. 1454.

[48] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 267.

[49] *Зинченко Ф. М.* Указ. соч. С. 150.

[50] Там же. С. 157–158.

[51] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 286; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Материалы в помощь лекторам. С. 304–305.

[52] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 270.

[53] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. С. 549; *Макдональд Ч.* Тяжелые испытания / Пер. с англ. М., 1979. С. 387.

[54] *Конев И. С.* Сорок пятый. М., 1970. С. 242.

[55] KTB/OKW. Bd. 4. S. 1483.

[56] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1973. Т. 2. С. 441.

[57] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 281.

[58] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1947. Т. 3. С. 261–262.

[59] Имена Победы. М., 2010. С. 47–49.

[60] Command Decisions / Ed. With Introductory Essay by K. Greenfild. Washington, 1987. P. 501, 504; Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Washington, 1949. P. 8; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 536–537, 545; War in Asia and the Pacific, 1939–1949; A Fifteen-Volume Collection / Ed. by *D. Detwiler, C. Burdick*. N. Y. ; L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (part 1). P. 180.

[61] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3. М., 1947. С. 166.

[62] Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии): в 110 т. Т. 73. Кантогун (Квантунская группировка войск). Ч. 2. Токио, 1974. С. 325.

[63] Правда. 1945. 9 августа.

[64] См.: Военная энциклопедия: в 8 т. М., 2002. Т. 6. С. 549–550.

[65] См. подробнее: *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 22; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 16–165, 318–324.

[66] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 193, 196–197.
[67] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 383–384, 393.
[68] Там же. С. 383–397; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 276.
[69] Война и общество. 1941–1945 / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов: в 2 кн. Кн. 1. М., 2004. С. 276.
[70] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 388.
[71] Война и общество. 1941–1945. Кн. 1. С. 276–277.
[72] См.: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 161–239.
[73] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 395.
[74] См.: *Зимонин В. П.* Канун и финал Второй мировой войны. Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру (историографический анализ). М., 2010. С. 154.
[75] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 237.
[76] Цит. по: Победа на Дальнем Востоке. Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 507.
[77] ЦАМО. Ф. 394. Оп. 9072. Д. 399. Л. 79.
[78] РГВА. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 122; Оп. 8. Д. 59. Л. 160–162.
[79] Правда. 1945. 17 августа.
[80] Военная история Отечества с древних времен до наших дней: в 3 т. М., 1995. Т. 2. С. 408.
[81] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 106–116.
[82] Военная история Отечества с древних времен до наших дней. Т. 2. С. 408; Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 822; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 32; Д. 3. Л. 617618.
[83] *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 47; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 39.
[84] *Зимонин В. П.* Канун и финал Второй мировой войны. С. 159.
[85] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 353.
[86] См.: Акт о капитуляции Японии. 1945 // Военная энциклопедия: в 8 т. М., 1997. Т. 1.
[87] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15.
[88] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 221.
[89] Демографическое сокращение численности населения страны в результате воздействия войны.
[90] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 217–218.
[91] Там же. С. 212–213.
[92] Там же. С. 213.
[93] Там же. С. 213–214.
[94] В приказе заместителя наркома обороны № 023 от 4 февраля 1944 г. к безвозвратным потерям отнесены погибшие в боях, пропавшие на фронте без вести, умершие от ран на поле боя и в лечебных учреждениях, умершие от болезней, полученных на фронте, или умершие на фронте от других причин, попавшие в плен врагу.
[95] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 50–51.
[96] Россия и СССР в войнах XX века. С. 222; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 398, 457, 619; Социологические исследования. 1991. № 12. С. 7; Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 23.
[97] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 223–224.
[98] Социологические исследования. 1991. № 12. С. 4.
[99] Там же. С. 10.
[100] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 51–52.
[101] Там же. С. 54.
[102] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 231–232.
[103] Там же. С. 232.
[104] *Смирнов Е. И.* Фронтовое милосердие. М., 1991. С. 98.
[105] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 59.
[106] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 244.

[107]Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 247–248.

[108]Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 72.

[109]Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 443–445. В архивах отчетные документы по потерям родов войск за 1941–1942 гг. практически отсутствуют.

[110]Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 295–296.

[111]Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 484.

[112]Там же. С. 534–535.

[113]Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 344–348.

[114]Там же. С. 349.

[115]Там же.

[116]*Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 1956. Т. 1. С. 78–81.

[117]Там же. С. 338.

[118]Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 545–546, 549.

[119]ЦАМО. Ф. 13. Оп. 3028. Д. 10. Л. 1–15.

[120]Величие Победы: истоки и уроки. Материалы научной конференции. М., 2000. С. 77–78.

[121]Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 293.

[122] Величие Победы. Истоки и уроки. С. 156.

[123] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 608.

[124] *Гальдер Ф.* Военный дневник: ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 60.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИСКУССТВА ВОЕВАТЬ

Советское военное искусство

Вооруженные силы СССР провели в войне 1941–1945 гг. против нацистской Германии и ее союзников восемь военных кампаний, более 50 стратегических (в том числе 34 групп фронтов), около 250 фронтовых операций, тысячи сражений и крупных боев. Большинство операций отличалось оригинальностью замысла, высоким мастерством командного состава и умелыми действиями войск, большой эффективностью ударов по врагу. В годы войны советская военная стратегия руководствовалась теми задачами, которые ставило перед ней высшее военно-политическое руководство Советского государства.

Напав на Советский Союз, нацистская Германия преследовала цель уничтожить его как государство, истребить миллионы людей и тем самым расчистить для себя «жизненное пространство», а оставшуюся часть населения превратить в рабов — источник дешевой рабочей силы, обслуживающей касту новых «господ». Политические цели войны со стороны Советского государства заключались в том, чтобы защитить свободу и независимость народов СССР, изгнать немецких захватчиков из пределов советской земли, оказать помощь порабощенным народам Европы, уничтожить фашизм и создать условия для свободного развития народов по пути мира. Эти цели носили освободительный характер и были самыми справедливыми. Они оказывали решающее влияние на военную стратегию. Из политических целей войны вытекали конкретные стратегические задачи. Основными из них были: разработка планов мобилизации сил и средств, строительства вооруженных сил, их стратегического развертывания и использования на суше, в воздухе и на море; определение наиболее эффективных способов и форм ведения войны, кампаний и стратегических операций; руководство ходом вооруженной борьбы, организация стратегического взаимодействия между фронтами, группами фронтов и видами вооруженных сил; материально-техническое обеспечение нужд войны.

Цели войны в условиях, когда разгромить противника одним стратегическим усилием не представлялось возможным, достигались Вооруженными силами Советского Союза последовательно, путем выполнения ряда военно-политических задач, являвшихся содержанием военных кампаний. В годы войны каждая из проведенных кампаний включала ряд стратегических операций и других военных действий, объединенных общим замыслом Ставки ВГК и направленных на достижение важных военно-политических целей войны. Наступательные кампании, как правило, планировались заблаговременно. Особое внимание уделялось планированию тех стратегических операций, которые проводились на главных

направлениях. Творчество в развитии советской военной стратегии проявлялось в поисках таких форм и способов военных действий, которые в наибольшей степени соответствовали бы условиям войны и обеспечивали успешное решение крупных стратегических задач в короткие сроки. Основными видами стратегических действий, которые применяли Вооруженные силы Советского Союза в годы войны, были стратегическое наступление (с его разновидностью стратегическим контрнаступлением) и стратегическая оборона.

Преобладающим и решающим видом стратегических действий Красной армии было стратегическое наступление: из восьми кампаний, проведенных на советско-германском фронте, шесть были наступательными. Только наступательными действиями можно было вырвать у врага стратегическую инициативу, освободить оккупированную территорию, разгромить его вооруженные силы и одержать окончательную победу в войне.

Основной формой ведения боевых действий в стратегическом наступлении в годы минувшей войны являлась стратегическая наступательная операция. Она представляла совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени ударов, операций и боевых действий группы фронтов, объединений и соединений видов вооруженных сил, проводимых по единому замыслу под руководством Ставки ВГК для достижения стратегической цели. Целями таких операций были разгром крупной группировки противника, освобождение важного экономического, политического района, объекта, вывод из войны союзников нацистской Германии и прочее. В ходе войны стратегическое наступление осуществлялось двумя способами: проведением последовательных по фронту и глубине операций на одном-двух стратегических направлениях (во втором периоде) или на всем советско-германском фронте (в кампаниях 1944 г.) либо проведением одновременных операций на всех основных стратегических направлениях или на всем фронте (в зимней кампании 1941—1942 гг., в кампании 1945 г.).

Общее наступление зимой 1941—1942 гг. развернулось одновременно на всех трех стратегических направлениях силами девяти фронтов из десяти имевшихся, в наступлении не участвовал только Карельский фронт. Главным направлением оставалось западное. Ход военных действий показал, что Ставка, переоценив силы Красной армии, результаты, достигнутые в контрнаступлении, и недооценив возможности противника, допустила крупный просчет в выборе способа ведения стратегического наступления. Из-за общего недостатка сил и средств ни на одном из стратегических направлений не было создано необходимое для успешного наступления превосходство над противником, силы оказались рассредоточены по всему фронту, резервы израсходованы и не было возможности наращивать силу ударов. В результате намеченных целей достичь не удалось и операции остались незавершенными. Во втором периоде войны способ ведения стратегического наступления избирался иной, более соответствующий реальным возможностям страны и вооруженных сил. Общее наступление после контрнаступления под Сталинградом развернулось на южном крыле советско-германского фронта, оборона врага была сокрушена на фронте почти 2 тыс. км при общей протяженности советско-германского фронта свыше 6 тыс. км. Проводя последовательные по фронту и глубине операции, советские войска продвинулись на запад до 300 км, а на Северном Кавказе — до 700 км. Летом и осенью 1943 г. стратегическое наступление, начало которому положило контрнаступление под Курском, проводилось на двух стратегических направлениях — юго-западном (главном) и западном силами девяти фронтов. Последовательными операциями был охвачен фронт от Великих Лук до Азовского моря — свыше 2 тыс. км. Общая глубина продвижения советских войск — 300—600 км. Если стратегическое наступление советских войск до середины 1944 г. осуществлялось на одном или нескольких участках советско-германского фронта, то начиная с летне-осенней кампании 1944 г. оно фактически велось на всем советско-германском фронте. При этом глубина продвижения советских войск возросла с 200—400 км в зимней кампании 1941—1942 гг. до 600—1100 км в завершающих кампаниях войны. В кампании 1945 г. в Европе был избран еще более совершенный способ осуществления стратегического наступления: оно одновременно развернулось почти по всему советско-германскому фронту и привело к полному разгрому нацистской Германии.

Во втором и третьем периодах войны количество личного состава, привлекаемого к началу наступательной кампании, возросло примерно в 1,5 раза, количество орудий и минометов — в 3–3,5 раза, танков — в 3–6 раз, самолетов — в 4–5 раз. Возрастание размаха стратегического наступления советских войск в годы войны обусловливалось ростом возможностей военной экономики, мощи вооруженных сил, совершенствованием военного искусства. В первом и втором периодах войны, когда не хватало сил и средств для одновременного создания нескольких ударных группировок, стратегическое наступление обычно начиналось контрнаступлением на направлениях главных ударов кампаний, что было характерно для условий, когда борьба велась за захват и удержание инициативы (контрнаступление под Москвой, Сталинградом, Курском). Это позволяло Ставке создавать сильные группировки войск на решающих направлениях, захватывать инициативу, а после привлечения новых сил и ввода стратегических резервов расширять фронт наступления и закреплять ее.

Успех наступательных кампаний во многом зависел от правильного определения направления главного удара. Советское командование стремилось наносить главные удары на тех направлениях, где можно было достичь значительных военно-политических результатов, приводивших к разгрому противника и изменению стратегической обстановки на всем фронте вооруженной борьбы. Так, в зимней кампании 1941–1942 гг. главный удар был нанесен по противнику, рвавшемуся к Москве. На этом направлении подверглась разгрому наиболее сильная группировка врага, что резко изменяло стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте, создавая предпосылки для развертывания наступления не только на центральном направлении, но и на других участках советско-германского фронта.

Нанесение главных ударов в кампаниях Великой Отечественной войны во многом диктовалось совокупностью политических, экономических и военных факторов. На направлениях главных ударов в кампаниях Ставка ВГК решительно сосредоточивала необходимые силы и средства. В составе ударных группировок действовало, как правило, несколько фронтовых объединений, включавших от четверти до половины (а иногда и более) сил и средств действующей армии. Например, в летне-осенней кампании 1944 г. на направлении главного удара, ширина полосы которого составляла 1160 км (26% от общей протяженности советско-германского фронта), было сосредоточено 40% личного состава, 48% орудий и минометов, 77% танков и САУ, 53% самолетов от общего их количества в действующей армии.

Советским Верховным главнокомандованием были найдены и успешно применены принципиально новые формы стратегических действий вооруженных сил в виде операций групп фронтов. Они представляли собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени ударов, операций и боевых действий объединений и соединений различных видов вооруженных сил, осуществляемых для достижения стратегических целей. К проведению каждой такой операции в подавляющем большинстве случаев привлекалось от двух до четырех фронтовых объединений. Эти операции являлись составной частью кампании, в рамках которой проводилось от трех до семи операций групп фронтов. Целями операций являлись разгром стратегических группировок противника и овладение важными в экономическом, политическом и военном отношении районами (рубежами), а также вывод из войны отдельных государств. Успех стратегических операций во многом зависел от правильного определения направления главного удара. В большинстве случаев он выбирался с таким расчетом, чтобы приходился по слабым, наиболее уязвимым местам в обороне противника в целях последующего выхода главных сил фронтов на фланги и в тыл его основной группировки, ее окружения и уничтожения. Вместе с тем опыт войны подтвердил, что при наличии во фронтах и армиях мощных средств поражения противника (артиллерии, авиации) и сил для быстрого развития успеха (танковых армий, танковых и механизированных корпусов) можно наносить главный удар и по сильным группировкам врага в целях их расчленения и разгрома по частям.

Основными способами разгрома противника в стратегических наступательных операциях были окружение крупных группировок с последующим их уничтожением, рассечение стратегического фронта врага, дробление стратегического фронта с последующим уничтожением

изолированных группировок. Задача по окружению и уничтожению крупных вражеских группировок решалась нанесением ударов по сходящимся направлениям (разгром сталинградской, корсунь-шевченковской, ясско-кишиневской и пражской группировок), одного-двух охватывающих ударов с целью прижать противника к морю, расчленить и уничтожить его (Восточно-Прусская операция и другие) и прорывом фронта противника на нескольких направлениях с последующим развитием ударов в глубину и выходом в тыл его основной группировки в оперативной глубине (Белорусская, Берлинская операции). Таких масштабов, размаха и результатов, каких достигли Вооруженные силы Советского Союза по окружению и уничтожению крупных группировок противника, не знала история военного искусства. Так, из 130 дивизий противника, разгромленных Красной армией в 1944 г., свыше половины были уничтожены и пленены в итоге операций по окружению.

Рассечение стратегического фронта врага осуществлялось нанесением мощного удара войсками взаимодействующих фронтов на глубину расположения вражеской группировки. В завершающих кампаниях войны с возрастанием огневой мощи, ударной силы и подвижности войск практиковался и такой способ разгрома врага, как нанесение глубоких рассекающих ударов в целях расчленения и дробления стратегического фронта противника и уничтожения его по частям. Дробление стратегического фронта достигалось нанесением ударов на нескольких направлениях и развертыванием наступления на широком фронте. Нередко перечисленные способы сочетались, один из них перерастал в другой (Белорусская операция).

Совершенствование искусства подготовки и ведения стратегических операций, возрастание возможностей советских войск обусловили увеличение их размаха, а время проведения сократилось. К наиболее крупным стратегическим операциям привлекались, как правило, 100—200 дивизий, 20—40 тыс. орудий и минометов, 3—6 тыс. танков, 2—7,5 тыс. самолетов. Наибольшим размахом отличались контрнаступление под Москвой, Сталинградом, Белорусская, Ясско-Кишинёвская, Прибалтийская, Висло-Одерская, Берлинская операции. Во многих из них разгрому подвергались крупные группировки войск противника, уничтожалось огромное количество военной техники, освобождались значительные территории, сотни городов и населенных пунктов. В результате каждой стратегической операции существенно изменялась обстановка на советско-германском фронте. Победа под Курском сорвала планы противника на летнюю кампанию 1943 г. и предопределила завершение коренного перелома в войне; успешное проведение Ясско-Кишинёвской операции кардинально изменило обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта и сыграло решающую роль в выходе Румынии и Болгарии из фашистского блока и объявлении ими войны Германии; после разгрома противника в Будапештской операции была выведена из войны Венгрия; Висло-Одерская операция привела к освобождению Польши, а Пражская операция — Чехословакии; результаты Берлинской операции оказали решающее влияние на конечный исход вооруженной борьбы против нацистской Германии.

Если стратегическое наступление начиналось вслед за стратегической обороной, то первой стратегической операцией было контрнаступление (под Москвой, Сталинградом, Курском). Основной целью контрнаступления являлся разгром наступающей группировки противника, овладение важными районами (рубежами), захват стратегической инициативы. Контрнаступление обычно осуществлялось в форме стратегической наступательной операции группы фронтов (иногда и одного фронта) с использованием стратегических резервов. К его проведению привлекались фронты, которые до этого вели оборонительные действия (контрнаступление под Москвой), а также фронты на соседних направлениях (под Сталинградом, Курском). Для контрнаступления характерным являлось создание ударных группировок в сложных условиях оборонительного сражения при отражении наступления превосходящих сил противника (битва под Москвой).

Вместе с тем опыт подтвердил возможность сосредоточения таких группировок заблаговременно, еще до начала оборонительного сражения (битва под Курском). Контрнаступление начиналось из положения обороны (под Сталинградом, Курском) или после успешных контрударов, проводимых на фронтах (под Москвой). При этом очень важным являлось

правильное определение времени перехода в контрнаступление. Оно, как правило, начиналось, когда противник уже исчерпал свои наступательные возможности, его ближайшие оперативные резервы были израсходованы и он не успевал перейти к обороне, чтобы создать оборонительную группировку, необходимую для отражения мощного встречного удара.

В комплексе проблем, которые решала советская военная стратегия в первый год войны, трудно найти более сложную, чем проблема организации и ведения стратегической обороны. И не только потому, что перед войной предусматривалось ведение обороны преимущественно в масштабе армии и фронта. Основная сложность заключалась в том, что стратегическую оборону в начале войны приходилось организовывать и вести в условиях стремительно развивавшегося наступления противника при его подавляющем превосходстве, когда Вооруженные силы Советского Союза еще не завершили отмобилизование и оперативное развертывание. В тяжелых условиях, сложившихся для Красной армии в 1941 г. и летом 1942 г., необходимо было прежде всего обескровить ударные группировки врага, остановить его наступление, выиграть время и создать предпосылки для изменения стратегической обстановки в свою пользу.

Применение Красной армией новых форм активной стратегической обороны обеспечило срыв планов противника, нанесение ему тяжелых потерь, удержание важнейших рубежей, экономических и административных центров, военно-морских баз и других объектов. Ни одно государство Западной Европы, даже крупное, подвергшееся фашистской агрессии, не смогло решить подобные задачи.

С началом войны Вооруженным силам Советского Союза пришлось организовывать и вести стратегическую оборону на всем советско-германском фронте. В создавшихся условиях цели оборонительных операций достигались заблаговременной подготовкой оборонительных рубежей, высокой активностью войск при ведении оборонительных действий, нанесением неожиданных для врага контрударов, умелым использованием авиации и артиллерии, искусным маневром силами и средствами, проведением частных наступательных операций, созданием необходимых резервов. Однако из-за большого превосходства противника в силах на направлениях его главных ударов, недостаточной глубины обороны, слабой моторизации войск и, следовательно, их невысокой подвижности, а также из-за недостатков в организации разведки и управления советские войска нередко вынуждены были отступать на значительную глубину. Противнику удавалось прорывать фронт обороны наших войск и выходить им в тыл. В связи с этим их отдельные группировки вынуждены были вести тяжелую борьбу в окружении, что приводило к большим потерям в личном составе и боевой технике. Но от операции к операции совершенствовались организация и искусство ведения стратегической обороны. Она становилась более устойчивой и активной, увеличивалась глубина оперативного построения войск, возрастала эффективность контрударов, росло искусство инженерного оборудования местности, усиливалась противотанковая и противовоздушная защищенность войск и объектов тыла.

В ходе войны была разработана и воплощена в практику новая форма стратегической обороны — оборонительная операция группы фронтов. Подобные операции в 1941—1942 гг. велись силами двух-трех фронтов в полосах, достигавших нескольких сотен километров. При этом боевые действия развертывались также на большую глубину, исчисляемую тоже сотнями километров.

Сложной проблемой организации стратегической обороны было восстановление нарушенного стратегического фронта. В 1941—1942 гг. она решалась путем усиления боеспособности оперативных объединений первого эшелона, накопления и ввода в сражение стратегических резервов ВГК, перегруппировок войск с соседних участков фронта. Это позволяло проводить последовательные оборонительные операции, постоянно наращивать усилия на угрожаемом направлении, изматывать ударные группировки противника и в конечном счете восстанавливать стратегический фронт обороны. Так было, например, на западном (московском) направлении, где летом и осенью 1941 г. последовательно проводились три оборонительные операции.

В Курской оборонительной операции 1943 г. впервые была решена проблема организации и ведения преднамеренной обороны в стратегическом масштабе. Оригинальность и новизна ее замысла заключались в том, что при благоприятной в целом обстановке, обладании стратегической инициативой и общем превосходстве в силах советские войска перешли к обороне с тем, чтобы использовать преимущества в последующем стратегическом наступлении. Жесткая оборона (общей глубиной до 300 км) дала возможность в относительно короткие сроки «перемолоть» основные ударные группировки противника, нанести большие потери его танковым войскам, перейти в контрнаступление, а затем и в общее наступление на всем фронте от Великих Лук до Тамани.

В ходе войны масштаб оборонительных операций сокращался. Резко снижался и темп продвижения противника, что обусловливалось повышением устойчивости и активности стратегической обороны советских войск. Решение этой проблемы предопределялось прежде всего своевременным вскрытием замысла противника и правильным определением направлений его главных ударов, умелым массированием советским командованием на этих направлениях сил и средств. Повышение устойчивости и активности обороны обеспечивалось более глубоким ее построением на направлении действий главных стратегических группировок противника за счет эшелонирования войск, заблаговременной подготовки оборонительных рубежей и системы заграждений. Рост искусства организации стратегической обороны и изменение соотношения сил в пользу Красной армии привели к тому, что уже с лета 1942 г. противник вынужден был ограничиться наступлением на отдельных стратегических направлениях, а после поражения под Курском, где вермахт предпринял третье по счету и последнее крупное летнее наступление на востоке, он перешел к обороне на всем советско-германском фронте.

Успех наступательных и оборонительных кампаний, как и стратегических операций, в годы Великой Отечественной войны во многом предопределялся наличием и умелым использованием стратегических резервов. Этому вопросу Ставка ВГК на протяжении всей войны уделяла особое внимание. Трижды в 1941 г. (под Минском, Киевом и Вязьмой) противнику удавалось прорывать стратегический фронт обороны Красной армии путем окружения крупных группировок советских войск в этих районах. Один раз неприятель добился такого же успеха и летом 1942 г., пробив огромную брешь в стратегическом фронте советских войск на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и выйдя в большую излучину Дона. Во всех этих случаях перед Верховным главнокомандованием возникала сложнейшая задача восстановления сплошного стратегического фронта. Эта проблема решалась, главным образом, выдвижением к участку прорыва стратегических резервов, восстановлением и использованием отошедших войск первого стратегического эшелона, переброской сил с других направлений, а также с Дальнего Востока, из Забайкалья, Средней Азии.

В начале войны стратегические резервы создавались за счет кадровых соединений внутренних военных округов. С июля 1941 г. основным способом создания резервов стало формирование новых частей, соединений и объединений (соединения, понесшие большие потери, как правило, расформировывались). С 1942 г. стал практиковаться иной способ их создания: из состава действующих фронтов выводили в резерв ВГК армии, соединения родов войск, там они пополнялись личным составом и вооружением, проходили обучение, сколачивание. Такой способ позволял сохранять опытный костяк соединений, его боевые традиции и со второго периода войны он стал основным способом создания стратегических резервов. В составе стратегического резерва наряду со стрелковыми, кавалерийскими, танковыми, авиационными корпусами и дивизиями, а также специальными частями находились общевойсковые, танковые и воздушные армии, резервы вооружения, боеприпасов и других материальных средств. Характерно, что количество артиллерийских, авиационных, танковых формирований, находящихся в резерве Ставки ВГК, постоянно возрастало. Это обеспечивало возможность быстрого массирования главных средств поражения противника и развития успеха на важнейших стратегических направлениях. Новым в истории военного искусства стало создание в резерве Ставки ВГК фронтовых объединений (Резервный фронт

и Московская зона обороны в 1941 г., Степной фронт в 1943 г.). Ставка ВГК вводила резервы в сражение на тех направлениях, где решались основные стратегические задачи. При этом качество и техническая оснащенность стратегических резервов в годы войны постоянно возрастали.

В обороне стратегические резервы использовались, главным образом, для восстановления стратегического фронта, усиления группировок фронтов, проведения контрударов и частных наступательных операций. За первые пять с половиной месяцев войны (по декабрь 1941 г.) из резерва Ставки ВГК в действующие фронты было направлено свыше 300 дивизий, из них более половины — на западное направление, являвшееся в то время главным. В наступлении стратегические резервы применялись обычно в решающие моменты вооруженной борьбы для достижения превосходства над противником, наращивания силы ударов главных группировок наступавших войск или обеспечения флангов. Так, при подготовке и в ходе Белорусской операции 1944 г. фронтам из резерва Ставки ВГК были переданы управления четырех общевойсковых армий, две танковые армии, 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, шесть отдельных танковых и механизированных корпусов, 33 авиационные дивизии, большое количество артиллерийских частей и соединений, а также более 210 тыс. человек маршевого пополнения. В ходе Прибалтийской операции 1944 г. 1-й Прибалтийский фронт был усилен двумя общевойсковыми армиями, что позволило ему не только нанести мощный удар по противнику, но и, наращивая усилия в ходе стратегического наступления, отсечь группу армий «Север» в Прибалтике от основных сил вермахта.

Огромное значение для достижения победы имели четкая организация и осуществление стратегического руководства вооруженными силами в войне. Государственный Комитет Обороны как высший орган государственного управления ставил перед вооруженными силами военно-политические задачи в соответствии с политическими целями войны, предоставляя необходимые силы и средства для ее ведения. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку ВГК, которая являлась высшим органом стратегического руководства военными действиями вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Она непосредственно руководила фронтами и видами вооруженных сил, организовывала взаимодействие между ними и координировала их действия, обеспечивала необходимыми силами и средствами. Осуществляя руководство вооруженной борьбой, Ставка ВГК определяла задачи стратегической разведки, ставила Генеральному штабу задачи по разработке планов военных кампаний и операций, созданию стратегических группировок и резервов, планированию оперативно-стратегических перевозок, развитию системы управления на ТВД и многие другие. Ставка также организовывала взаимодействие между советскими войсками и партизанами, согласовывала усилия Красной армии и армий союзных государств, определяла мероприятия по развитию тыла, рассматривала итоги обобщения боевого опыта и предложения о новых способах подготовки и ведения операции и боя, планы подготовки командных кадров, назначала командование фронтов и армий, командиров корпусов и дивизий.

Рабочими органами Ставки ВГК являлись Генеральный штаб, управления Наркомата обороны и Наркомата ВМФ. Круг вопросов, решаемых Генеральным штабом, был весьма обширен. Он охватывал все стороны жизни и деятельности вооруженных сил. Через Генеральный штаб, а также через штабы стратегических направлений и фронтов, представителей Ставки ВГК, органы наркоматов обороны и ВМФ обеспечивалась координация действий сухопутных войск, ВВС, ВМФ, сил ПВО страны, решались многие другие вопросы.

Важные функции выполнял корпус офицеров Генерального штаба, представители которого постоянно находились в войсках. С их помощью Генеральный штаб не только получал необходимую информацию о состоянии дел в войсках, но и осуществлял проверку выполнения директив, приказов и распоряжений Верховного главнокомандования. Офицеры Генерального штаба оказывали активную помощь командующим и штабам в организации управления войсками.

Решения Ставка ВГК принимала после тщательного их обсуждения. Нередко перед принятием решения в Ставку вызывали командующих фронтами, видами вооруженных

сил и родов войск, где заслушивались их соображения и расчеты, с учетом которых вносились поправки в разрабатываемые Генеральным штабом планы. Кроме того, Ставка ВГК направляла своих представителей и уполномоченных во фронты для контроля и оказания практической помощи в реализации замыслов высшего военного руководства. Все это способствовало повышению эффективности военного руководства и управления войсками. Институт представителей Ставки ВГК в войсках появился с переходом Вооруженных сил СССР к широким наступательным действиям, с увеличением размаха операций, к которым привлекались силы нескольких фронтов, авиации и Военно-морского флота. В этой связи возникла необходимость в четкой координации их действий в несколько иной форме, чем та, которая применялась ранее.

В начале войны, когда обстановка на фронте менялась очень быстро, связь между фронтами и Ставкой ВГК оказалась недостаточно устойчивой и управление войсками было крайне затруднено, возникла необходимость приблизить стратегическое руководство к войскам. В этих целях 10 июля 1941 г. было создано промежуточное звено управления — главные командования стратегических направлений: Северо-Западного, Западного и Юго-Западного, а впоследствии и Северо-Кавказского. В задачи этих командований входили оперативно-стратегическое руководство фронтами и флотами, действовавшими на этих направлениях, координация их усилий, осуществление контроля над выполнением директив Ставки, руководство работой тыла. Их деятельность сыграла определенную положительную роль, однако в конкретной обстановке лета 1941 г. при недостаточной материально-технической базе управления войсками они не смогли резко улучшить руководство фронтовыми объединениями. Ставка ВГК вынуждена была нередко управлять фронтами напрямую. Когда положение на фронтах несколько стабилизировалось, главные командования направлений были упразднены. Ставка ВГК стала осуществлять руководство боевыми действиями на фронтах через своих представителей. Обладая большими полномочиями и опытом стратегического руководства, представители Ставки ВГК самостоятельно и творчески решали на месте вопросы, возникавшие при реализации замыслов и решений Верховного главнокомандования. Находясь непосредственно на фронте, они контролировали своевременность выполнения приказов и директив Ставки, оказывали помощь командованию фронтов в подготовке и ведении операций, организовывали взаимодействие сил и средств, участвовавших в стратегической операции, координировали действия фронтов. С весны 1944 г., когда фронт вооруженной борьбы отодвинулся далеко на запад, в целях повышения оперативности руководства войсками на представителей Ставки возлагалось в отдельных случаях непосредственное руководство операциями фронтов и групп фронтов. На завершающем этапе войны с сокращением линии советско-германского фронта и уменьшением числа действующих фронтов надобность в промежуточных звеньях стратегического руководства отпала.

Таким образом, развитие советской военной стратегии в годы Великой Отечественной войны характеризовалось полным использованием экономических, моральных, военных возможностей страны, решительностью целей в кампаниях и операциях, применением видов военных действий в соответствии с возможностями, стратегическими целями и обстановкой, правильным определением главных направлений и умелым использованием резервов, творческими методами руководства вооруженными силами. В ходе войны советская военная стратегия доказала свое превосходство над немецко-фашистской стратегией, несмотря на крупные преимущества, которые имела нацистская Германия в начале войны.

Сложившаяся за годы войны система стратегического руководства характеризовалась высокой степенью централизации на уровне Ставки ВГК и Генерального штаба. Ее структура создавалась и совершенствовалась на основе принципов коллегиальности, сочетавшейся с единоначалием, четкого разделения функций между различными органами управления, персональной ответственности каждого руководителя за порученный участок работы. О жизненности и эффективности такой структуры свидетельствует тот факт, что советской военной стратегией в годы Великой Отечественной войны были успешно решены многие сложнейшие проблемы, основные из которых рассмотрены выше. Это являлось прочной

базой, на которой от кампании к кампании возрастал уровень стратегического мастерства советских полководцев, увеличивались размах и результативность стратегических операций.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил, что теория советского оперативного искусства, разработанная в предвоенные годы, в основном правильно отражала вопросы подготовки и ведения фронтовых и армейских операций. В годы войны на основе приобретенного опыта и в соответствии с изменявшимися условиями эта теория получила дальнейшее развитие.

Во время войны фронт являлся высшим оперативно-стратегическим объединением советских войск. Фронтовая операция в большинстве случаев была составной частью стратегической операции, в которой фронт выполнял крупные оперативные задачи. Лишь в некоторых операциях стратегическая задача решалась силами одного фронта (Львовско-Сандомирская 1-го Украинского фронта, Петсамо-Киркенесская Карельского фронта и другие). Фронт, участвовавший в стратегической операции группы фронтов, проводил, как правило, несколько последовательных по глубине оборонительных или наступательных операций (Западный фронт под Москвой в 1941 г. — октябрьскую и ноябрьскую оборонительные операции, 3-й Белорусский фронт в Белорусской наступательной операции — Витебско-Оршанскую, Минскую, Вильнюсскую и Каунасскую). Каждая последующая операция начиналась после достижения фронтом целей первой операции и постановки ему задачи, решение которой часто требовало создания новой группировки сил и средств, организации взаимодействия, изыскания новых форм оперативного маневра. Подготовка последующей операции чаще всего проводилась в ходе предшествующей. В ряде же случаев для пополнения и перегруппировки войск делались паузы продолжительностью в несколько суток.

Фронты действовали на главном или вспомогательном направлении, находились, как правило, в первом эшелоне и лишь в редких случаях составляли резерв Ставки ВГК (битва под Москвой — Резервный фронт, под Курском — Степной). В ходе войны произошло превращение фронта из стратегического в оперативно-стратегическое объединение.

Армия являлась основным оперативным объединением сухопутных войск, находясь в первом (втором) эшелоне фронта или в резерве. В рамках фронтовой операции общевойсковая армия в тесном взаимодействии с другими армиями проводила две-три последовательные армейские операции. Иногда общевойсковые армии решали задачи на самостоятельных направлениях (Отдельная Приморская армия в Крымской операции 1944 г.). Танковые армии предназначались для решения оперативных задач самостоятельно и во взаимодействии с другими объединениями. Их, как правило, по распоряжению Ставки ВГК включали в состав фронтов, действовавших на важнейших направлениях. Во фронтовых наступательных операциях танковые армии использовались на направлениях главных ударов в качестве подвижных групп, которые являлись основным средством развития тактического успеха в оперативный. В некоторых случаях танковая армия в начале операции входила в состав первого эшелона фронта, действуя в самостоятельной полосе (Корсунь-Шевченковская, Дебреценская, Будапештская операции). В оборонительных операциях танковые армии обычно составляли второй эшелон фронта и предназначались для нанесения контрударов (1-я и 2-я танковые армии в битве под Курском), а иногда использовались и для занятия обороны подготовленных оборонительных рубежей в глубине. Воздушная армия фронта предназначалась для совместных действий с сухопутными войсками, а также для решения ряда самостоятельных задач во всех видах боевой деятельности. Боевой состав объединений зависел от важности выполняемых ими задач, а также от возможностей экономики страны. Общей тенденцией, проявившейся в годы войны, являлось увеличение их боевой мощи, что способствовало достижению более решительных целей в операциях.

В годы Великой Отечественной войны наступательные операции являлись основной формой ведения боевых действий фронтов и армий. Их цель заключалась в разгроме крупной группировки противника и овладении районами (рубежами), имевшими важное оперативное (при проведении фронтом стратегической операции — стратегическое) значение. В первом и втором периодах войны целью фронтовой операции обычно были разгром 6—12 дивизий

противника и овладение важным районом или рубежом на глубине 60–120 км. В третьем периоде разгрому уже подлежало от 16 до 18 дивизий врага, глубина наступления достигала 250–350 км, а в ряде случаев и более. Цель армейской операции заключалась в разгроме части сил оперативной группировки противника в составе 3–6 дивизий и развитии наступления на глубину 50–80 км в первом периоде, 100–150 км во втором и третьем периодах войны. Задачи танковым армиям определялись, как правило, на глубину фронтовой операции. Конечная цель операции фронта (армии) достигалась путем последовательного выполнения ближайшей и дальнейшей задач. Действия войск для выполнения ближайшей задачи планировались более подробно и, как правило, по дням. Возрастание мощи и боевых возможностей объединений, необходимость преодоления увеличивающейся по глубине и силе обороны противника обусловили изменения и других показателей размаха операций. Так, произошло некоторое сокращение ширины полос наступления и продолжительности операций, увеличились темпы наступления, которые во многих важнейших операциях третьего периода войны для стрелковых войск составляли 20–30 км, для танковых — 30–40 км, а в ряде случаев 50–70 км в сутки.

Анализ опыта боевых действий свидетельствует, что в годы войны постоянно шли поиски творческого применения разнообразных способов проведения операций, наиболее целесообразного использования сил и средств, улучшались способы прорыва обороны противника и развития успеха в оперативной глубине, совершенствовалось применение родов войск и управление ими. Принимая решение, командующий фронтом (армией) исходил из цели и задач, поставленных Ставкой ВГК (фронтом), замысла стратегической (фронтовой) операции и условий складывающейся обстановки. При этом изыскивались наиболее совершенные способы разгрома главной группировки противника.

Широкое применение нашло нанесение ударов по сходящимся направлениям в целях окружения и уничтожения вражеских группировок. Правда, в первый период войны советским войскам далеко не всегда удавалось достигать поставленной цели на окружение, что являлось следствием недостатка сил и средств, особенно танковых и механизированных войск, и необходимого опыта у командных кадров. В последующем в ряде фронтовых операций достигалось окружение и уничтожение противника (Воронежский фронт — под Россошью и Острогожском в 1943 г., 1-й Белорусский фронт — в районе Бобруйска в 1944 г. и другие). Еще больше операций на окружение и уничтожение противника было осуществлено во взаимодействии с соседними фронтами в стратегических операциях. При невозможности или нецелесообразности проведения операции на окружение в замысле операций фронтов и армий предусматривалось нанесение фронтальных ударов на большую глубину в целях рассечения группировки врага на части, стремительного преследования противника и уничтожения его порознь.

Важнейшим условием достижения успеха операции являлось правильное определение направления главного удара. Оно обычно указывалось вышестоящим командованием (Ставкой ВГК, фронтом) в зависимости от замысла стратегической (фронтовой) операции. Опыт свидетельствует, что на выбор направления главного удара наибольшее влияние оказывали характер обороны противника, состояние своих войск, условия местности, начертание линии фронта, время, отводимое на подготовку операции. Преобладало стремление нанести главный удар по слабому (уязвимому) месту в обороне противника на местности, которая допускала возможность использования всех родов войск и кратчайшим путем выводила на тылы и фланги основной группировки врага в целях ее полного разгрома.

В ряде операций главные удары наносились и по сильным группировкам противника. Особенно это характерно было для операций, которые готовились при отсутствии достаточного времени на перегруппировку сил и средств (например, Воронежский и Степной фронты в Белгородско-Харьковской операции в августе 1943 г.), и для операций третьего периода войны, которые начинались с захваченных плацдармов на крупных водных преградах (Висло-Одерская, Берлинская операции). Как показал опыт, эффективность нанесения главного удара по сильным местам в обороне противника во многом обусловливалась возрастанием

во фронтах и армиях средств, способных подавить оборону противника на большую глубину (артиллерии и авиации), и сил для быстрого развития успеха (танковых армий, танковых и механизированных корпусов). Одним из решающих факторов, обеспечивающих успешное проведение операции, являлось массирование сил и средств на избранных направлениях. В начале войны из-за отсутствия опыта и достаточного количества сил и средств эта задача решалась далеко не полностью. С выходом директивы Ставки ВГК от 10 января 1942 г. о наступлении ударными группировками и переходе к артиллерийскому наступлению степень массирования сил и средств непрерывно повышалась. Это достигалось как за счет возрастания боевых возможностей соединений и объединений, так и за счет предельного ослабления второстепенных направлений, нарезки узких участков прорыва, неравномерного распределения средств, что позволяло усиливать соединения, наступавшие на главном направлении. В результате во втором и третьем периодах войны на участках прорыва, составлявших 5–15% от общей полосы наступления фронта, сосредоточивалось до половины и более стрелковых соединений, большая часть артиллерии, авиации и почти все танки. В армиях же на участках прорыва в 6–14 км сосредоточивалось до 70–80% сил и средств.

Общей тенденцией в совершенствовании оперативного построения войск являлось качественное усиление всех его элементов и появление новых. В начале войны из-за недостатка сил и средств оперативное построение фронтов было в основном одноэшелонным при наличии слабых резервов и авиации. В армиях иногда выделялся второй эшелон или резерв в составе одной-двух дивизий. В ряде случаев создавалась подвижная группа из кавалерийских соединений и отдельных танковых бригад. Во втором и особенно в третьем периодах войны оперативное построение стало более глубоким. В ряде операций фронты имели двухэшелонное построение. Первый эшелон фронта состоял из общевойсковых армий. Во второй эшелон входили одна, а иногда две общевойсковые армии. Подвижные группы включали от одной до трех танковых армий, одну-две конно-механизированные группы или отдельные танковые (механизированные) корпуса. Создавались фронтовые зенитно-артиллерийские группы, более сильные резервы из всех родов войск и подвижные отряды заграждений (ПОЗ). Значительно возросла мощь авиационных группировок фронтов, основу которых составляли воздушные армии.

С переходом на корпусную организацию усилился состав армий первого эшелона, а при построении объединения в два эшелона во второй эшелон стал выделяться стрелковый корпус. В отдельных случаях армии имели и три эшелона. Такое построение применялось главным образом в условиях, когда они действовали на флангах ударных группировок фронтов и должны были, используя успех на главном направлении, развивать наступление в сторону одного из флангов (например, 57-я армия 3-го Украинского фронта в Ясско-Кишинёвской операции). Типичным стало создание в армиях, действующих на направлениях главных ударов, подвижных групп из отдельных танковых (механизированных) корпусов. Значительно усилились артиллерийские группы, в состав которых включали артиллерийские дивизии, иногда и корпуса прорыва, а в состав зенитно-артиллерийской группы — зенитно-артиллерийские дивизии РВГК. Значительно усилился и артиллерийско-противотанковый резерв. В армиях, как правило, создавали подвижный отряд заграждений, окончательно оформившийся как новый элемент оперативного построения во втором периоде войны. В целом значительное усиление первого оперативного эшелона позволяло более успешно решать задачи прорыва обороны противника, а наличие крупных сил во вторых эшелонах и резервах обеспечивало возможность наращивать усилия в ходе боевых действий и поддерживать необходимое превосходство над противником на глубину всех операций.

Получило развитие и искусство ведения наступательных операций. Первый этап большинства наступательных операций фронтов (армий) составлял прорыв вражеской обороны. При этом наиболее важной задачей являлся прорыв тактической зоны обороны противника, в пределах которой сосредоточивалось до 80% всех его сил и средств. Темпы прорыва тактической зоны обороны противника постоянно возрастали. Если в первом периоде войны для прорыва слабой и относительно неглубокой (3–4 км) вражеской обороны затрачивалось двое-

трое суток, то в третьем периоде более сильную тактическую зону, состоявшую из двух полос (глубиной 12 км и более), советские войска в большинстве случаев преодолевали в течение двух дней, а в ряде операций — в первый же день наступления (1-й Прибалтийский фронт, 5-я и 39-я армии 3-го Белорусского, 65-я армия 1-го Белорусского фронта в Белорусской операции 1944 г., 27-я армия 2-го Украинского фронта в Ясско-Кишинёвской операции 1944 г. и другие).

Фронтовые и армейские наступательные операции начинались с огневого поражения противника путем проведения артиллерийской и авиационной подготовки. В операциях первого периода, вследствие того, что основную массу артиллерии фронтов (армий) составляла немногочисленная артиллерия дивизий и небольшое количество артиллерийских частей РВГК, а также из-за недостатка боеприпасов и коротких сроков проведения артиллерийской подготовки, советским войскам не удавалось достичь надежного поражения даже неглубокой, сравнительно слабой обороны противника. Малоэффективным было и авиационное воздействие из-за слабости и немногочисленности штурмовой и бомбардировочной авиации. Все это отрицательно сказывалось на темпах прорыва обороны. Ставка ВГК, обобщив опыт первых наступательных операций, потребовала перейти к практике артиллерийского наступления. Сущность его заключалась в непрерывной поддержке пехоты и танков массированным огнем артиллерии в течение всего периода наступления.

Предусматривались следующие периоды артиллерийского наступления: артиллерийская подготовка атаки, артиллерийская поддержка атаки и артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков в глубине обороны противника. При прорыве укрепленных районов предусматривался предварительный период (от нескольких часов до нескольких суток) для разрушения оборонительных сооружений противника. В конце первого периода войны зародилась новая форма оперативного применения авиации — авиационное наступление. Сущность его заключалась в непрерывной поддержке с воздуха наступающих войск фронта на всю глубину операции. Авиационное наступление включало два периода: авиационную подготовку атаки и авиационную поддержку (сопровождение) наступающих войск. В свою очередь, авиационная подготовка подразделялась (с 1944 г.) на предварительную и непосредственную. Выработанная и оправдавшая себя на практике стройная система боевого применения артиллерии и авиации наряду с возрастанием количества и качества военной техники обеспечивала более надежное поражение противника перед началом атаки, причем не только на переднем крае. Глубина одновременного подавления вражеской обороны в период артиллерийской подготовки возросла с 2,5–5 км в 1941–1942 гг. до 8–10 км и более в 1945 г.

Опыт войны показал, что эффективность огневого поражения значительно зависела от творческого подхода к построению артиллерийской подготовки и времени ее проведения. График построения артиллерийской подготовки включал периоды огневых налетов, разрушения и подавления в различном сочетании. Характерным было и то, что в связи с увеличением глубины и прочности обороны противника и недостаточным количеством артиллерии большого калибра в первом и втором периодах войны наблюдалось увеличение продолжительности артиллерийской подготовки с 80–90 минут под Москвой и Сталинградом до 140–175 минут под Курском. Со второй половины 1943 г. наблюдалась тенденция сокращения продолжительности артиллерийской подготовки с одновременным увеличением времени на огневые налеты. В отдельных случаях она проводилась как один мощный огневой налет продолжительностью 20–25 минут (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях). Увеличение времени на огневые налеты, плотности артиллерии на участках прорыва, а также возрастание силы ударов авиации в период авиационной подготовки обеспечивали достаточно надежное поражение обороны противника, причем в более короткие сроки.

Наращивание усилий в целях быстрого преодоления вражеской обороны и развития успеха в высоких темпах в оперативной глубине обеспечивалось вводом в сражение вторых эшелонов и резервов. Новым в развитии военного искусства явилось широкое применение для наращивания усилий крупных масс танковых и механизированных войск, используемых

в качестве подвижных групп фронтов и армий. Состав этих групп, способы ввода в сражение и их действия в годы войны постоянно совершенствовались. В наступательных операциях зимой 1941—1942 гг. во фронтах, как правило, подвижные группы не создавались. Командующие армиями создавали такие группы из отдельных танковых бригад, батальонов, лыжных батальонов и кавалерийских дивизий. Однако эти группы, как показал опыт, не могли успешно решать поставленные перед ними задачи. С лета 1943 г. в качестве подвижных групп фронтов стали использоваться танковые армии однородного состава. В первом периоде войны выявилось, что подвижные группы для развития успеха целесообразно вводить тогда, когда система противотанковой обороны врага нарушена. Этот опыт был обобщен в приказе наркома обороны № 325 от 16 октября 1942 г. В нем давались принципиальные установки об использовании танковых частей и соединений. Танковые (механизированные) корпуса предлагалось использовать для развития успеха в оперативной глубине на главном направлении после выхода наступающей пехоты в район артиллерийских позиций противника. Чтобы не допустить снижения темпов наступления при отсутствии штатных танков в стрелковых корпусах (дивизиях), в большинстве случаев в первый же день операции вводились в сражение подвижные группы общевойсковых армий. На тех направлениях, где армейские подвижные группы не действовали, нередко в целях завершения прорыва тактической зоны обороны использовалась часть сил подвижной группы фронта. В итоге решалась задача своевременного наращивания усилий стрелковых соединений и обеспечения прорыва в высоких темпах, значительно ускорялся процесс перерастания тактического успеха в оперативный. Благодаря возросшей ударной силе стрелковых соединений, а также умелой организации последовательного ввода на одном направлении сначала подвижной группы армии, а затем фронта (1-й и 3-й Белорусские фронты в Белорусской операции) произошло освобождение подвижных групп фронтов от задач завершения прорыва тактической обороны, что сохраняло их силы и средства, создавало более благоприятные условия для стремительного развития операции на большую глубину.

Опыт войны свидетельствует, что важнейшим условием успешного осуществления ввода подвижных групп в сражение являлось всестороннее его обеспечение. Оно возлагалось на общевойсковые армии, в полосах которых вводились подвижные группы, и воздушные армии фронтов. С началом выдвижения танковой армии для ввода в сражение авиация прикрывала ее с воздуха, осуществляла авиационную поддержку при вводе армии в сражение и при ее наступлении в оперативной глубине, уничтожая войска и огневые средства противника, препятствовавшие продвижению танков. Она также вела борьбу с резервами противника, его контрударными и отходящими группировками, решала задачи воздушной разведки. В ряде операций (Орловская, Львовско-Сандомирская) перед вводом танковой армии в сражение проводилась короткая по времени, но мощная авиационная подготовка. Для непосредственной поддержки и прикрытия танковой армии в операциях 1943 г. выделялось по одной штурмовой и истребительной авиадивизии, в операциях 1944—1945 гг. по мере увеличения боевого состава воздушных армий — по два авиационных корпуса (штурмовых, истребительных, бомбардировочных) и более.

В годы войны непрерывно совершенствовалось преследование врага, возрастали темпы и глубина преследования. Так, если в первом периоде войны темпы преследования составляли 8—12 км в сутки, то во втором и особенно в третьем периодах они достигали: для стрелковых соединений — 25—40 км, для танковых и механизированных — 40—70 км в сутки. По опыту большинства наступательных операций третьего периода войны преследование велось во всей полосе фронта (армии) на глубину 150—250 км и более. Осуществлялось как параллельное, так и фронтальное преследование противника. Наилучшие результаты достигались при умелом сочетании обоих способов. При этом большая часть сил использовалась для преследования противника по параллельным путям его отхода, а меньшая — с фронта. Успех зависел также от подвижности войск. Это обусловило то, что главную роль при преследовании стали играть танковые и механизированные соединения. Действуя по отдельным направлениям и на широком фронте, они отрывались от стрелковых войск на 60—80 км.

Боевой опыт свидетельствует, что важную роль играли передовые отряды. Используя промежутки в обороне врага и не ввязываясь в бои за отдельные опорные пункты, они, действуя на удалении 20—30 км от главных сил, захватывали важные рубежи и объекты и удерживали их до подхода главных сил, упреждали неприятеля в выходе на тыловые рубежи, нарушали коммуникации и планомерный отход его войск. Для поддержания тесного взаимодействия с танковыми и механизированными соединениями от стрелковых войск тоже высылались подвижные передовые отряды, которые обеспечивали возможность главным силам осуществлять преследование противника в походных порядках. Достижению высоких темпов способствовала непрерывность преследования, осуществляемого днем и ночью, что не давало противнику времени на организацию обороны на промежуточных рубежах. Все это позволяло войскам с ходу преодолевать промежуточные рубежи и водные преграды.

Важная роль отводилась авиации, решавшей задачи непосредственной поддержки наступавших войск. Однако опыт показал, что решить в полной мере задачи непрерывной авиационной поддержки, особенно на заключительных этапах операций, удавалось не всегда. Одной из причин этого являлось отставание с перебазированием авиации. В результате противнику иногда удавалось достигать превосходства в воздухе и наносить ощутимые удары по наступавшим войскам. Поэтому одной из задач подвижных войск в ходе преследования являлись захват и удержание аэродромов противника.

Существенная роль в развитии успеха операции отводилась вторым эшелонам. Чаще всего они использовались после ввода в сражение подвижных групп армий (фронтов) в оперативной глубине. Вторые эшелоны армий в большинстве случаев вводились для прорыва армейского и промежуточных рубежей обороны противника, а вторые эшелоны фронтов — после прорыва армейского оборонительного рубежа, иногда на заключительном этапе фронтовой наступательной операции (5-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта в Львовско-Сандомирской операции). Характерной задачей вторых эшелонов являлось наращивание усилий на направлении главного удара армии (фронта) или же там, где обозначился наибольший успех. Решение последней задачи наряду с совершенствованием организации перегруппировок вторых эшелонов сочеталось с умелым проведением командующими фронтами (армиями) маневра других сил и средств на это направление.

Опыт войны показал, что на успех наступления большое влияние оказывало своевременное материальное обеспечение войск. Наибольшие трудности в ходе преследования ощущались в обеспечении горючим, потребность в котором увеличивалась по мере роста размаха наступательных операций и технической оснащенности войск. Случалось, что из-за несвоевременной подачи горючего танковые и механизированные соединения, действующие далеко впереди стрелковых соединений, в отрыве от тылов, вынуждены были делать остановки в ожидании его подвоза (при освобождении Правобережной Украины, в Белорусской, Висло-Одерской и других операциях). Для преодоления этих трудностей решениями военных советов фронтов (армий) заблаговременно создавались повышенные запасы горючего непосредственно в частях, подразделениях и на боевых машинах. В отдельных случаях для его доставки использовалась авиация. Принимались меры по захвату и использованию трофейного горючего. В целях сохранения темпов преследования нередко практиковалась передача оставшегося в танковых корпусах (армиях) горючего в танковые и механизированные бригады, выделенные в передовые отряды. Одновременно принимались меры по ускорению его подвоза главным силам.

Важнейшим условием достижения конечных целей наступательных операций являлась высокая эффективность управления войсками как при подготовке, так и в ходе операций. Это обеспечивалось приведением систем управления (органов и средств) в соответствие с характером вооруженной борьбы, рациональной организацией деятельности командующих и штабов, применением целесообразных методов и форм их работы, поддержанием высокого уровня боеспособности войск, устойчивости и непрерывности руководства ими в наступлении. Стиль управленческой деятельности стал характеризоваться деловитостью и целеустремленностью, сочетанием коллегиальности и единоначалия. Утвердилась практика

организации взаимодействия на местности (на глубину видимости) и ее макетах, главным образом в форме проигрывания возможных вариантов предстоящих действий.

Развитие способов подготовки и ведения наступления в годы войны шло по пути дальнейшего совершенствования теории и практики глубокой наступательной операции. Это проявилось в возрастании размаха операций, более четком определении места и роли в них фронтовых и армейских объединений с одновременным повышением их боевой мощи и возможностей, в изыскании наиболее совершенных, исходя из условий конкретно складывавшейся обстановки, способов разгрома противостоящего противника, в решительном массировании сил и средств на избранном направлении и совершенствовании оперативного построения войск. Рациональный подход при подготовке операций фронтов и армий обеспечивал возможность разрешения таких наиболее важных проблем военного искусства, как надежное огневое поражение противника и быстрый прорыв его глубокоэшелонированной подготовленной обороны, ведение наступления в высоких темпах и на большую глубину, достижение поставленных целей в большинстве операций. Дальнейшее развитие получили вопросы боевого применения танковых и механизированных соединений и объединений. Значительно возросла роль артиллерии и авиации как основных средств огневого поражения противника.

Оборонительные операции в годы Великой Отечественной войны занимали значительное место в действиях Вооруженных сил Советского Союза, особенно в первом периоде войны. Фронтовые оборонительные операции до середины 1943 г. обычно осуществлялись в рамках стратегической оборонительной операции, проводимой силами нескольких фронтов, а на приморских направлениях — и с участием военно-морских сил. Их цель заключалась в том, чтобы остановить наступление противника, нанести ему потери и создать условия для перехода в контрнаступление. Большим разнообразием отличались цели оборонительных операций во втором и третьем периодах войны. В них решались задачи экономии сил и средств для создания наступательных группировок, закрепления достигнутых в ходе наступательных операций рубежей и плацдармов, отражения контрнаступления или контрударов противника, обеспечения флангов наступающих ударных группировок фронта. Отличительной чертой оборонительных операций 1943—1945 гг. являлся их преднамеренный характер. Это стало возможным благодаря общему превосходству в силах и средствах над противником. Стратегической инициативой владело советское командование.

В ходе войны армейские оборонительные операции, как правило, являлись составной частью фронтовой операции. Армии при этом решали и такие задачи, как создание внутреннего или внешнего фронта окружения противника и его блокирование. На пассивных участках советско-германского фронта обороной решалась задача прикрытия труднодоступных операционных направлений: армии Карельского фронта, 8-я и 67-я армии Ленинградского фронта с ноября 1944 по май 1945 г. оборонялись на побережье Финского и Рижского заливов Балтийского моря, 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта с октября 1944 до середины 1945 г. удерживала оборону на побережье Балтийского моря.

С началом войны фронты и армии переходили к обороне в невыгодных для них условиях. Не располагая достаточным временем на ее организацию, они были вынуждены проводить оборонительные операции в широких полосах (армии — до 200 км) при подавляющем превосходстве врага в силах и средствах и полном господстве его авиации в воздухе, особенно на направлениях главных ударов. Командующие фронтами в этих условиях стремились создать более сильный первый эшелон. Поэтому оперативное построение фронтов было одноэшелонным с выделением небольших резервов из-за недостатка сил и средств. К концу первого периода войны появились такие элементы оперативного построения, как армейские артиллерийские и зенитно-артиллерийские группы, а также артиллерийско-противотанковый резерв. К этому же времени произошли изменения и в оперативном построении фронтов. Кроме первого эшелона стали создаваться более сильные фронтовые артиллерийско-противотанковые, танковые и другие резервы. В состав оперативного построения включалась воздушная армия. С лета 1943 г. помимо сильных резервов в ряде операций создавались

и вторые эшелоны. Иногда в состав второго эшелона включали не только общевойсковые, но и танковые армии.

Оперативное построение армий в операциях второго и третьего периодов войны чаще всего было одноэшелонным, хотя в ряде случаев они имели и вторые эшелоны. В армиях создавались также общевойсковые и танковые резервы, артиллерийские группы, артиллерийско-противотанковые резервы, специальные резервы. При этом ширина полос обороны армий несколько сократилась. С 1943 г. фронт обычно оборонялся в полосе 250–350 км, а армия в важнейших операциях — в полосе от 40 до 80 км. В этом случае стрелковая дивизия обычно оборонялась в полосе 7–8 км при плотности 20–30 орудий и минометов и до семи танков и САУ на 1 км фронта. Такие плотности обеспечивали успешное ведение оперативной обороны. Усиление элементов оперативного построения, появление новых, их эшелонирование предопределили возрастание глубины обороны объединений, что значительно повысило ее устойчивость и активность.

В оборонительных операциях летне-осенней кампании 1941 г. во фронтах и армиях инженерное оборудование местности ограничивалось в основном пределами первой (главной) полосы. К концу первого периода войны помимо главной полосы на ряде направлений готовились армейский тыловой рубеж, районы, обороняемые резервами, в том числе фронтовыми, а также фронтовые оборонительные рубежи (Сталинградская битва). Наибольшего развития инженерное оборудование местности достигло во втором периоде войны, особенно в условиях преднамеренного перехода войск к обороне, как это имело место в Курской битве. Там глубина подготовленной в инженерном отношении обороны во фронтах достигала в среднем 150–180 км, в армиях — 40–50 км. Во фронте оборудовалось до шести оборонительных полос. Кроме того, создавались промежуточные и отсечные позиции, широко применялись инженерные заграждения, особенно противотанковые. В условиях поспешного перехода к обороне особенностью инженерного оборудования местности являлось то, что плотности инженерных сооружений, количество подготавливаемых оборонительных полос, их глубина и расстояние между ними были несколько меньшими. Обусловливалось это главным образом ограниченным временем и возможностями войск, которые на заключительном этапе операции имели уже значительные потери. Тем не менее, учитывая предшествующий опыт, оперативная оборона советских войск в третьем периоде войны и в этих условиях была достаточно глубокой.

Важное значение в повышении устойчивости обороны имело умелое массирование сил и средств на решающих направлениях. Однако оборонительные операции в начале войны характеризовались относительно равномерным распределением сил, что объяснялось необходимостью оборонять широкие полосы ограниченными силами, а также недостаточным знанием сил и намерений противника. Полосы обороны армий в среднем составляли 70–120 км (по предвоенным взглядам, 80–100 км), но количество соединений в армиях было почти в три раза меньшим, чем предусматривалось до войны. Однако уже в оборонительных операциях на подступах к Ленинграду, Москве и Сталинграду благодаря непрерывному росту боевых возможностей оперативных объединений, приобретенному опыту, нередко удавалось своевременно выявлять замысел противника и отражать его главные удары наиболее сильными группировками войск. Массирование сил и средств на вероятных направлениях главных ударов врага еще более возросло в оборонительных операциях второго и третьего периодов войны.

В достижении успеха оборонительных операций огромную роль играла умело организованная противотанковая оборона, способная противостоять массированным танковым ударам врага. Борьба с танками, составлявшими основную ударную силу наступавших группировок противника, с начала и до конца войны имела первостепенное значение. План противотанковой обороны разрабатывался штабом фронта (армии) с привлечением штабов артиллерии и инженерных войск. Противотанковая оборона включала огонь артиллерии, танков, САУ, средств пехоты, а также инженерные заграждения. Основу ее составляли противотанковые опорные пункты и районы. Для борьбы с танками широко использовалась

авиация, особенно штурмовая, имевшая на вооружении специальные противотанковые бомбы. Совершенствование обороны в противотанковом отношении достигалось своевременным массированием сил и средств на угрожаемых направлениях. Благодаря количественному росту и массированию противотанковой артиллерии ее плотности на важнейших направлениях к концу войны увеличились до 20–35 орудий на 1 км фронта, что позволяло отражать удары танков противника с оперативной плотностью 45–60 танков и штурмовых орудий на 1 км фронта. В первом периоде войны артиллерийско-противотанковый резерв армий не превышал одного-двух артиллерийских полков. В оборонительных операциях второго и третьего периодов войны в его состав выделялось две-четыре истребительно-противотанковые артиллерийские бригады. Во фронтах артиллерийско-противотанковый резерв включал несколько полков или две-три истребительно-противотанковые бригады. Маневр ими позволял повышать плотности противотанковой артиллерии на угрожаемых направлениях. Огонь противотанковых средств сочетался с широким применением противотанковых заграждений, устанавливаемых подвижными отрядами заграждений в глубине обороны.

Высшей формой активности оперативной обороны являлись контрудары. С созданием танковых и механизированных корпусов, танковых армий однородного состава они стали важнейшим средством в руках командующих армиями (фронтами) для проведения контрударов. Вместе с тем слабая эффективность многих контрударов в первом периоде войны в значительной мере была обусловлена поспешностью их организации. Удары чаще всего наносились с фронта по острию вклинившейся группировки противника в условиях слабого ее подавления огнем артиллерии и ударами авиации. Все это приводило к тяжелым затяжным сражениям, а цели контрударов в полной мере не достигались. В дальнейшем совершенствование их подготовки и проведения шло в основном по следующим направлениям: нанесение контрудара по флангам вклинившейся группировки противника, привлечение большего количества сил и средств, надежное обеспечение их огнем артиллерии и ударами авиации, поддержание твердого управления и тесного взаимодействия между элементами оперативного построения, родами войск и авиации.

С увеличением количества артиллерии осуществлялось все более решительное ее массирование на главных направлениях, что позволило повысить средние плотности в оборонительных операциях второго и третьего периодов войны до 50–70 и более орудий и минометов на 1 км фронта. Обычно при подготовке обороны для артиллерии заблаговременно планировалась система огня по вероятным районам сосредоточения и рубежам развертывания войск противника, а также в глубине обороны на случай ее прорыва. Наиболее эффективным мероприятием в обороне по ослаблению готовившегося удара врага являлась артиллерийская контрподготовка, которая совершенствовалась путем привлечения для ее проведения мощной группировки артиллерии, улучшения разведки, более четкого определения целей для огневого поражения и увеличения масштабов — от армейского до фронтового.

В годы войны совершенствовалось и искусство применения авиации в оборонительных операциях. В первом периоде наблюдалось стремление наносить удары по многочисленным наступательным группировкам и объектам тыла противника. Это приводило к тому, что авиация использовалась рассредоточенно и не могла оказать эффективной поддержки оборонявшимся войскам. С формированием воздушных армий во фронтах возможности ее массирования существенно повысились. Авиация стала более успешно вести борьбу с прорвавшимися танковыми группировками противника, с его подходящими резервами, прикрывать свои войска от ударов вражеской авиации, вести разведку и обеспечивать фронтовые и армейские контрудары. Содействуя войскам в проведении оборонительных операций, авиация приобрела некоторый опыт авиационной контрподготовки, которая впервые была проведена во время боев за Сталинград в полосе 62-й армии Сталинградского фронта.

Особенности управления в оборонительных операциях первого периода войны определялись главным образом тем, что в большинстве случаев командующие и штабы имели минимальное количество времени на их организацию. Ограниченными были и привлекаемые силы и средства. Поэтому наиболее характерным в работе органов управления являлось

принятие командующими решений по карте с последующим уточнением отдельных вопросов на местности. Постановка задач осуществлялась, как правило, боевыми распоряжениями. Точно так же доводились задачи при организации контрударов, осуществлении маневра войск в ходе операции и при вводе в сражение вторых эшелонов (резервов). По мере стабилизации обстановки, особенно во втором и третьем периодах войны, стали чаще проводиться рекогносцировки, предшествовавшие окончательному принятию решения командующим. С учетом опыта первых оборонительных операций наметилась тенденция приближения пунктов управления к переднему краю. Она существовала на протяжении всей войны. Наряду с КП (командным пунктом) создавалась разветвленная сеть КНП (командно-наблюдательных пунктов) и НП (наблюдательных пунктов), в том числе начальников родов войск, а также ЗКП (запасных командных пунктов). Значительное внимание уделялось их инженерному оборудованию. Для организации связи, особенно в ходе операции, стало шире использоваться радио, в первую очередь для управления танковыми объединениями и соединениями, а также авиацией.

На полях сражений Великой Отечественной войны тактика, как и другие составные части советского военного искусства, прошла всестороннюю проверку и доказала свою зрелость. Война убедительно подтвердила известное положение о том, что именно от того, насколько умело и искусно действовал личный состав подразделений, частей и соединений на поле боя, насколько умело применял вверенное ему вооружение, зависело воплощение в жизнь оперативно-стратегических замыслов командования. Тактика общевойскового боя в годы войны отличалась применением различных форм и способов наступления и обороны, сочетанием маневра и огня, ведением смелых и решительных действий, нанесением мощных ударов по врагу, четким взаимодействием разнородных сил. Развитие тактики отражало изменения технической базы Вооруженных сил Советского Союза и основывалось на высоких морально-боевых качествах личного состава, возросшем боевом мастерстве солдат и офицеров. В сражениях и операциях проявлялась тактическая зрелость командиров, их способность побеждать врага не числом, а умением.

Применение видов вооруженных сил

Великая Отечественная война приняла характер длительной борьбы, главным образом между сухопутными армиями. Решительные стратегические цели достигались последовательным разгромом основных группировок сухопутных войск противника. Поэтому главная, решающая роль в войне принадлежала сухопутным войскам. Другие виды вооруженных сил, хотя и выполняли самостоятельно ряд важных задач стратегического значения, однако основные усилия направляли на совместные действия с сухопутными войсками.

Сухопутные войска. Основную тяжесть вооруженной борьбы несли сухопутные войска. Их объединения и соединения составляли основу группировок, выполнявших важнейшие задачи вооруженных сил. Сухопутные войска во взаимодействии с ВВС, ВМФ и войсками ПВО страны решали основные задачи во всех стратегических действиях: в обороне — отражали вторжение противника, удерживали занимаемые рубежи и районы, изматывали и обескровливали врага, наносили контрудары, подготавливая условия для перехода в контрнаступление; в наступлении — взламывали стратегический фронт вражеской обороны, громили группировки войск неприятеля, овладевали территорией, важнейшими районами и объектами, закрепляли занятые рубежи.

Военно-воздушные силы. Одной из характерных особенностей Второй мировой и Великой Отечественной войн является массовое использование противоборствующими сторонами и коалициями военно-воздушных сил. На протяжении всей Великой Отечественной войны между советскими и германскими ВВС шли ожесточенные сражения, которые отличалась

большим напряжением, в них участвовали сотни и тысячи самолетов с обеих сторон. Ареной сражений стало воздушное пространство от Баренцева до Черного моря. Военно-воздушные силы — мощный, наиболее мобильный, обладающий большой дальнобойностью вид вооруженных сил — были способны бить врага на земле, в воздухе и на море, оказывая большое влияние на ход и исход вооруженной борьбы.

Германские ВВС получили опыт в военных кампаниях на Западе, а их организационная структура отвечала требованиям ведения большой войны. В отличие от ВВС других стран в состав люфтваффе входили войска ПВО и парашютно-десантные войска. К июню 1941 г. военно-воздушные силы Германии подразделялись на воздушные силы главного командования (воздушные флоты), войсковую авиацию (армейскую и корпусную) и военно-воздушные силы военно-морских сил. Высшим авиационным объединением люфтваффе являлся воздушный флот, к июню 1941 г. их насчитывалось пять (1, 2, 4-й и частично 5-й были задействованы на советско-германском фронте). Каждый из них состоял из авиационных корпусов (один-два), зенитного корпуса и отдельной авиационной эскадры. Авиационный корпус являлся высшим тактическим соединением, включал две-три эскадры бомбардировщиков, одну-две эскадры истребителей, одну-три разведывательные и одну-две транспортные группы. Авиационная эскадра, основное тактическое авиационное соединение, имела две-три авиационные группы (39–47 самолетов каждая). Многие немецкие самолеты по основным летно-тактическим данным превосходили однотипные самолеты советских ВВС. В соответствии с планом войны против СССР группу армий «Север», которая действовала на ленинградском направлении, поддерживал с воздуха 1-й воздушный флот, группу армий «Центр» на московском направлении — 2-й воздушный флот, группу армий «Юг» на киевском направлении — 4-й воздушный флот и румынская авиация, немецкую армию «Норвегия» и две финские армии на севере — 5-й воздушный флот и ВВС Финляндии.

В составе ВВС Германии преобладала бомбардировочная авиация, что соответствовало агрессивным, захватническим целям немецкого командования. На ее долю приходилось 57,8% всего самолетного парка, на долю истребительной авиации — 31,2% и разведывательной авиации — 11%[1]. Всего для ведения войны против СССР к 22 июня 1941 г. военно-воздушные силы Германии и ее сателлитов выделили свыше 4,3 тыс. самолетов, в том числе ВВС Финляндии — 307, Румынии — 393, Венгрии — 48[2]. Сильными сторонами немецкой авиации являлись высокая профессиональная подготовка командного и летного составов, большой боевой опыт, высокая мобильность частей и соединений, способность быстро сосредоточивать усилия, скрытно создавать группировки на наиболее важных направлениях. Летный состав немецких ВВС имел опыт боевых действий в военных кампаниях против Польши, Норвегии, Франции, Англии. С 1940 г. на Германию работала авиапромышленность всех оккупированных ею стран Европы: 57 самолетостроительных и 17 моторостроительных заводов.

Советские ВВС к моменту нападения Германии находились в стадии реорганизации и перевооружения. Авиапромышленность по состоянию на июнь 1941 г. выпустила 2739 самолетов новых типов[3]. Новые советские машины по летно-техническим данным были на уровне требований того времени. Самолетов-штурмовиков типа Ил-2 ВВС других стран, в том числе и Германии, не имели. Однако их было слишком мало, чтобы противостоять вторжению германских ВВС в наше воздушное пространство.

Освоение новой техники задерживалось, перевооружение авиачастей отставало от планов. Еще хуже обстояло дело с освоением самолетов личным составом. После холодной и снежной зимы 1940–1941 гг. весенняя подготовка оказалась также не слишком напряженной, сводилась к аэродромным полетам, «ограниченному» учебному воздушному бою, редкой стрельбе по буксируемым конусам. Командование ВВС приняло решение ограничить пилотаж, поскольку в авариях и катастрофах ежедневно разбивалось два-три самолета. Опасаясь летных происшествий, многие командиры давали подчиненным выполнять лишь наиболее простые упражнения.

К началу войны ВВС Красной армии состояли из авиации Главного командования (дальней бомбардировочной авиации), фронтовой (ВВС военных округов), армейской

(ВВС общевойсковых армий) и войсковой (корпусных авиаэскадрилий) авиации. Авиация Главного командования составляла 13,5%, авиация сухопутных войск — 86,5% (фронтовая — 40,5%, армейская — 43,7%, войсковая — 2,3%). Соотношение родов авиации в составе ВВС западных военных округов было следующим: истребители — 59%, бомбардировщики — 31%, штурмовики — 4,5%, разведчики — 5,5%[4].

К июню 1941 г. в составе ВВС Красной армии было 79 авиационных дивизий и пять авиационных бригад. Дальнебомбардировочная авиация состояла из 13 бомбардировочных и пяти истребительных (вновь формировавшихся) авиадивизий; фронтовая и армейская — из 61 дивизии (девять бомбардировочных, 34 смешанные и 18 истребительных)[5]. Однако к началу войны развертывание авиации завершить не удалось. 25 дивизий, главным образом фронтовой и армейской авиации, не закончили формирование. В составе западных приграничных военных округов к началу войны находилось 32 авиационные дивизии, 121 авиационный полк, в том числе 34 полка, оснащенных новыми самолетами, и 36 корпусных авиационных эскадрилий[6].

Накануне войны советские Военно-воздушные силы возглавлял командующий ВВС — начальник Главного управления генерал П. Ф. Жигарев (с апреля 1942 г. и до конца войны — А. А. Новиков). Дальнебомбардировочная авиация в составе четырех авиакорпусов на западном направлении подчинялась командующему ВВС. Авиационные дивизии и отдельные разведывательные авиационные полки фронтовой авиации входили в состав военных округов и подчинялись командующим ВВС военных округов. Кроме того, вне подчинения Главного управления ВВС находилась авиация Балтийского, Черноморского и Северного флотов.

Важнейшие мероприятия по подготовке театра военных действий были проведены с опозданием. Строительство новых аэродромов вблизи советско-германской границы и реконструкция имевшихся велись недостаточными темпами. Со значительным отставанием от принятых правительством сроков выполнялись мероприятия по рассредоточению и маскировке самолетов на аэродромах. Стремление командования ВВС осваивать новую технику не в тыловых районах, а на аэродромах западных приграничных военных округов приводило к скапливанию десятков и сотен машин, иногда в непосредственной близи от границы. Положение усугублялось тем, что одновременно приходилось формировать новые части и соединения, перевооружать авиаполки и дивизии, проводить реконструкцию большинства приграничных аэродромов, вводить в строй молодых летчиков, перестраивать работу тыла ВВС, осваивать новые средства связи. Все эти процессы протекали болезненно и далеко не всегда организованно.

Война началась в разгар реконструкции и технического переоснащения Вооруженных сил Советского Союза, в том числе и ВВС. В первый же день немецкое командование предприняло массированные воздушные удары по советским аэродромам. Это была хорошо спланированная и подготовленная операция. Изучив в предвоенное время расположение действующих аэродромов, режим их работы, пользуясь скученностью авиатехники, отсутствием маскировки и сколь-нибудь существенных средств ПВО, противник нанес авиации приграничных военных округов огромный ущерб. В этих округах под ударами вражеской авиации оказалось 66 аэродромов, на которых базировалось 65% всей авиации этих округов. Было нарушено управление, взаимодействие авиации с наземными войсками. Уже к 23–26 июня немецкая авиация завоевала господство в воздухе на направлениях главных ударов своих войск, а к 10–15 июля — на всем советско-германском фронте.

Главной задачей ВВС на протяжении всей войны были прикрытие и поддержка сухопутных войск. Тесно взаимодействуя с другими видами вооруженных сил, они принимали активное участие во всех фронтовых и стратегических операциях. При подготовке и в ходе этих операций ВВС вели воздушную разведку, прикрывали свои войска и их тылы от ударов с воздуха, уничтожали войска и военную технику противника на поле боя и в оперативной глубине. На поддержку и прикрытие сухопутных войск и сил флота были направлены главные усилия ВВС (46,5% самолето-вылетов фронтовой авиации и 40,4% самолето-вылетов авиации дальнего действия).

Первый период Великой Отечественной войны, с 22 июня 1941 по ноябрь 1942 г., был характерен упорной борьбой в воздухе, перевооружением авиации, освоением летным составом новой, поступающей от промышленности авиационной техники, совершенствованием организационной структуры авиационных объединений, соединений, частей, созданием авиационных резервов, возрастанием централизованного руководства всех видов авиации. Немецкое командование ставило своей целью уничтожить советскую фронтовую авиацию главным образом на аэродромах. Советское командование противопоставило массированным налетам немецких ВВС активные наступательные воздушные бои истребительной авиации, проводимые в границах каждого фронта, чередуемые с периодическими авиационными ударами по аэродромам. Упор был сделан на изматывание и обескровливание сил противника. Воздушные бои не утихали ни днем, ни ночью.

Попытки германского командования уничтожить советские ВВС внезапными налетами на аэродромы практически провалились. Относительно большие потери были лишь в западных приграничных военных округах, но авиасоединения Северного и Южного фронтов, внутренних военных округов, а также дальнебомбардировочная авиация имели минимальные потери. На отдельных направлениях советская авиация не только активно вела воздушные бои, но и уничтожала самолеты врага на аэродромах. Так, в течение 25–30 июня 1941 г. объединенными силами ВВС Северного фронта, Балтийского и Северного флотов были нанесены авиационные удары по 39 аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, где базировались эскадры 5-го воздушного флота Германии, с целью ослабить северную авиационную группировку и сорвать готовившиеся налеты на Ленинград. По данным воздушного фотоконтроля, советские летчики вывели из строя более 130 вражеских самолетов[7]. По размаху действий, привлекаемым силам и результатам эти удары можно считать первой воздушной операцией советских ВВС. В начале июля 1941 г. по указанию Ставки ВГК 125 самолетов дальнебомбардировочной авиации нанесли удар по 14 аэродромам, а ВВС Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — по 28[8].

Борьба в воздухе продолжалась на всех стратегических направлениях действий сухопутных войск и при отражении налетов вражеской авиации на Москву, Ленинград и другие объекты тыла страны. Ожесточенные сражения развернулись на дальних и ближних подступах к Ленинграду. В июле — сентябре в налетах на город на Неве в общей сложности участвовало 4306 немецких самолетов, но к городу сумели прорваться лишь 508 бомбардировщиков[9].

Налеты на Москву стали единственной в своем роде в 1941 г. операцией люфтваффе, целью которой было разрушить город, парализовать работу правительственного аппарата и транспорта, создать панику среди населения. Ни одной из этих задач немецкая авиация не решила. С 22 июля по 15 августа на Москву было совершено 18 ночных налетов. Из 1700 самолетов к столице прорвалось всего 70. На подступах к Москве истребители и зенитная артиллерия ПВО страны вместе с истребительной авиацией фронтов уничтожили 200 вражеских самолетов.

Битва под Москвой явилась важнейшим этапом первого периода сражений в воздухе. Она характерна тем, что после напряженных боевых действий на этом направлении впервые за войну нашими ВВС было завоевано оперативное господство в воздухе. Авиационная группировка захватчиков была значительно ослаблена. Постепенно инициатива переходила к советским летчикам. Уже на начальном этапе битвы советскому командованию удалось организовать эффективные удары авиации по наступавшим мотомеханизированным группировкам противника. В этих ударах участвовали части фронтовой и армейской авиации совместно с истребителями ПВО Москвы, дальнебомбардировочной авиацией, резервными авиагруппами, авиаполками Московского военного округа. Потери немецкой авиации резко возросли. Ежемесячно только на советско-германском фронте из строя выходили 741 самолет и 318 экипажей люфтваффе[10]. За второе полугодие 1941 г. были уничтожены или повреждены 6225 немецких самолетов, из них 4643 составили фронтовые потери, в том числе на советско-германском фронте — 3827 или 82%[11]. К потерям добавился и рост количества боевых машин, требующих ремонта. Если в разгар лета 1941 г. в исправном состоянии находилось

65–68% немецких самолетов, то теперь не более 54%[12]. Негативно отразился на боевых возможностях люфтваффе кризис авиапромышленности Германии, пик которого пришелся на позднюю осень 1941 г.

Потери советских ВВС были значительными: за полгода страна лишилась более 20 тыс. самолетов[13], практически все довоенные запасы были исчерпаны. Но немцы не смогли подавить нашу авиапромышленность, воспрепятствовать эвакуации предприятий на восток и тем более помешать готовить новые кадры. Перестройка народного хозяйства на военные рельсы, эвакуация большинства авиазаводов в восточные районы страны и ввод их в строй в короткие сроки, самоотверженность тружеников тыла позволили постоянно наращивать производство боевых машин и восполнить тяжелые потери. Если в 1941 г. советская авиапромышленность выпустила 15 735 самолетов всех типов (без морской авиации), включая 12 377 военных[14], то немецкая — только 12 401 машину, в том числе 8886 военных[15]. Начиная с 1942 г. и до конца войны шло непрерывное наращивание темпов выпуска самолетов. В 1942 г. по сравнению с 1941 г. производство самолетов всех типов возросло в 1,7 раза и составило за год 25 436 самолетов[16]. На фронт отправлялись полки на истребителях МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, штурмовиках Ил-2, бомбардировщиках Пе-2, выпуск которых развернули перед войной. Началось широкое применение авиации, прежде всего легкомоторной (бипланов У-2 и других устаревших типов), а также дальних бомбардировщиков ночью и днем в сложных метеоусловиях.

Ожидая скорого и неизбежного падения Москвы, германское командование начало вывод значительных сил авиации (вместе с управлениями одного из авиакорпусов и всего 2-го воздушного флота) из Центральной России в Германию и Италию. В результате уже в конце ноября 1941 г. немцы утратили господство в воздухе на московском направлении, что стало одной из причин, почему они не смогли взять советскую столицу. Вскоре люфтваффе лишились господства и на других стратегических направлениях.

Непрерывное расширение военного производства дало возможность советскому командованию все больше и больше увеличивать по сравнению с довоенным временем число боевых самолетов в частях и соединениях действующей армии. В марте 1942 г. была создана авиация дальнего действия (АДД). Дальние бомбардировщики использовались преимущественно для нарушения перевозок врага, разрушения железнодорожных станций и портов в его тылу.

Одновременно с количественным ростом советских ВВС менялось соотношение между старыми и новыми типами самолетов. Уже к 1 ноября 1942 г. в ВВС осталась лишь треть самолетов старых типов. Они находились главным образом в авиации дальнего действия и ночной бомбардировочной авиации, на недействующих фронтах, в учебных частях. Одновременно в стране шла усиленная подготовка летных кадров.

Совершенствовалась и организационная структура объединений, соединений и частей ВВС. По решению Государственного Комитета Обороны в мае — ноябре 1942 г. вместо ВВС фронтов и общевойсковых армий на советско-германском фронте были созданы 13 воздушных армий и четыре воздушные армии на Дальнем Востоке. Это дало возможность командованию фронтов сосредоточивать усилия всех сил авиации на главных направлениях действий сухопутных войск, а Ставке ВГК и командованию ВВС Красной армии — использовать силы нескольких воздушных армий смежных фронтов в интересах решения крупных оперативно-стратегических задач, в том числе более эффективно вести борьбу за стратегическое господство в воздухе. Создавались и мощные авиационные резервы. В августе 1942 г. началось формирование авиационных корпусов и отдельных авиационных дивизий РГК. Всего до конца 1942 г. было сформировано 13 авиационных корпусов.

Увеличивало свою авиационную группировку и германское командование. Оно вернуло на советско-германский фронт многие части, которые были пополнены, переоснащены, получили отдых. Если зимой противник имел около 1,5 тыс. самолетов, то к маю это количество превысило 2 тыс. (без учета примерно 300–350 транспортных, связных и курьерских машин)[17]. ВВС Красной армии могли противопоставить им 4 тыс. машин фронтовой авиации[18]. Немецкое командование сосредоточило свои наиболее боеспособные авиагруппы

(до 60% общего числа) на южном крыле советско-германского фронта, последовательно и энергично концентрируя силы на одном из направлений. На важнейших направлениях немецкая авиация за счет интенсивной боевой работы выполняла свыше тысячи боевых вылетов в сутки, что сказывалось на общем ходе сражения. Господство в воздухе вновь оказалось в руках противника. В боях под Сталинградом лучшие германские летчики-истребители впервые применили в широких масштабах тактику «свободной охоты», контролировали небо над переправами, а также вблизи советских аэродромов, где регулярно сбивали взлетавшие и приземлявшиеся самолеты. Пользуясь благоприятной ситуацией, люфтваффе вечером 23 августа 1942 г. осуществили массированный налет на Сталинград, в ходе которого почти полностью сожгли деревянную часть города; в огне пожарищ погибли десятки тысяч человек, особенно пострадали мирные жители.

Чтобы оттянуть силы врага от Сталинграда, советское командование предприняло энергичные контрудары с участием авиации в районе Ржева, южнее Ленинграда, в верхнем течении Дона. Судя по немецким отчетам, в последнем районе авиация врага встретила поздней осенью наиболее ожесточенное противодействие[19]. С конца октября эффективность действий люфтваффе стала снижаться. Это позволило советскому командованию пополнить действующие объединения, накопить резервы.

Одной из наиболее важных и сложных задач в течение всей войны являлась борьба за стратегическое господство в воздухе. Эта задача решалась объединенными усилиями всех видов вооруженных сил, однако решающую роль играли ВВС. 19 ноября 1942 г. начался второй этап сражений в воздухе. Он характерен применением более решительных форм борьбы — воздушных сражений и воздушных операций, проводимых на широком фронте. Советские ВВС добились значительных успехов в борьбе за стратегическое господство в воздухе. Большой урон люфтваффе был нанесен под Сталинградом. «За период с 19 ноября по 31 декабря 1942 г. немцы лишились около 3000 самолетов, — резюмировал промежуточные итоги Сталинградской битвы немецкий историк П. Греффрат. — В это число входят не только сбитые самолеты, но и захваченные русскими на аэродромах. Было потеряно огромное количество боеприпасов, а также много техники и прочего имущества»[20].

К середине 1943 г. было полностью ликвидировано авиационно-техническое превосходство врага и созданы материальные предпосылки для окончательного разгрома люфтваффе и завоевания стратегического господства в воздухе. Большие изменения произошли в самолетном парке советских ВВС. С 1943 г. в истребительной авиации преобладали такие самолеты, как Ла-5ФН, Як-9Т, Як-9Д нескольких модификаций. Это имело решающее значение для завоевания стратегического господства в воздухе. Изменениям подвергся и самолетный парк штурмовой авиации. Были полностью сняты с вооружения И-153, И-15бис и другие. К июлю 1943 г. все полки штурмовой авиации, находившиеся в действующей армии, были вооружены самолетами Ил-2. Подавляющее большинство составляли двухместные машины. Парк фронтовой бомбардировочной авиации почти полностью обновился, главным образом самолетами Пе-2. Поступавшие на вооружение новые скоростные истребители Ла-5, Як-76 и Як-9 давали возможность широко и эффективно вести групповые воздушные бои и сражения с новыми немецкими самолетами типа Ме-109 и ФВ-190.

Готовя весной 1943 г. стратегические наступательные операции, Ставка ВГК поставила перед Военно-воздушными силами задачу: нанести решительное поражение авиации противника и окончательно овладеть стратегическим господством в воздухе. Обозначившийся под Сталинградом перелом в борьбе за стратегическое господство получил дальнейшее развитие в воздушных сражениях на Кубани, военных воздушных операциях советских ВВС.

Воздушные сражения как одна из форм ведения борьбы советской авиации с крупными группами вражеской авиации приобретали главное значение во втором периоде войны. Каждая из сторон стремилась добиться превосходства в воздухе до начала или в ходе проведения операций сухопутных войск. Воздушное сражение можно определить как совокупность групповых воздушных боев, проводившихся последовательно или одновременно истребительной авиацией по определенному замыслу (плану) в целях разгрома (уничтожения) в воздухе

основных сил напавшей или обороняющейся авиации противника. Воздушные сражения возникали и проводились не только над полем боя при прикрытии сухопутных войск, но и при отражении массированных налетов вражеской авиации на важнейшие тыловые объекты страны и в ходе осуществления советскими ВВС массированных авиационных ударов. Однако большинство воздушных сражений проходило в районах боевых действий сухопутных войск. Начиная с лета 1942 г. воздушные сражения, как правило, предусматривались планами боевого использования авиации в операциях сухопутных войск, Военно-воздушных сил, Военно-морского флота и при действиях войск ПВО территории страны.

Наиболее крупные воздушные сражения советских истребителей с вражеской авиацией были проведены летом 1942 г. под Сталинградом, весной и летом 1943 г. на Кубани, при отражении массированного налета на Курск и в Курской битве. Эти сражения, по существу, завершили борьбу за стратегическое господство в воздухе в пользу советских Военно-воздушных сил. Большинство воздушных сражений проводилось на направлениях главных ударов сухопутных войск обеих противоборствующих сторон.

Воздушные сражения на Кубани и под Новороссийском, проведенные весной 1943 г., являлись важнейшим этапом борьбы за стратегическое господство в воздухе, хотя они и были тесно связаны с действиями войск Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. Первое воздушное сражение началось 17 апреля, когда немцы пытались ликвидировать десантные части Красной армии на плацдарме в районе Мысхако. Рано утром противник нанес удар по частям 18-й армии, оборонявшимся на плацдарме. Действия наземных войск врага поддерживали 450 бомбардировщиков и 200 истребителей. С советской стороны для противодействия вражескому наступлению на земле и в воздухе в районе Мысхако привлекалось до 500 самолетов, в том числе 400 истребителей. В этот день немецкие бомбардировщики совершили в данный район более 1100 самолето-вылетов[21]. К 20 апреля по указанию Ставки ВГК на Северо-Кавказский фронт прибыли три авиационных корпуса. Невыгодное для советской авиации соотношение в силах было ликвидировано: количество самолетов в советской группировке было доведено до 900. 20 апреля противник предпринял самое мощное наступление против защитников плацдарма. В критический момент по войскам врага, изготовившимся к атаке, был нанесен массированный удар группой из 60 бомбардировщиков и 31 истребителя. Это явилось неожиданностью для немецкого командования. Вражеская атака захлебнулась. Повторным массированным контрударом группы в 100 самолетов наступление вражеских войск было окончательно сорвано.

Второе воздушное сражение началось 29 апреля. В тот день соединения 56-й армии возобновили наступление, чтобы уничтожить группировку врага на Тамани. Только в первые три часа над полем боя действовало 144 советских бомбардировщика, 82 штурмовика и 265 истребителей. В течение дня произошло 42 групповых воздушных боя. За 12 дней наступления 4-я воздушная армия, ВВС Черноморского флота и две дивизии АДД совершили около 10 тыс. самолето-вылетов, из них около 50% по войскам и технике противника на поле боя. За этот же период было проведено 280 воздушных боев. Враг потерял на земле и в воздухе 368 самолетов. Потери авиации Северо-Кавказского фронта составили 70 самолетов. Советская авиация полностью захватила инициативу и господство в воздухе.

Третье воздушное сражение на Кубани произошло в период с 26 мая по 7 июня, когда войска 56-й и 37-й армий Северо-Кавказского фронта возобновили наступление. За первые три часа боя вражеская авиация совершила более 1500 самолето-вылетов. Ей удалось временно захватить инициативу в воздухе. Шли непрерывные групповые воздушные бои. Командование 4-й воздушной армии постоянно наращивало силы истребителей в воздухе. Инициатива постепенно переходила на сторону 4-й воздушной армии. В первых числах июня обозначился перелом, советские истребители стали хозяевами кубанского неба.

Крупнейшее воздушное сражение было проведено советскими истребителями 2 июня 1943 г. В этот день немецкая авиация силами более 540 самолетов, включая 424 бомбардировщика, предприняла массированный налет на железнодорожный узел Курск. Налет осуществлялся шестью эшелонами (пять дневных и один ночью) с разных направлений.

Его отражали 280 истребителей 16-й и 2-й воздушных армий, 106-й и 101-й истребительных авиационных дивизий ПВО. К противодействию была привлечена и зенитная артиллерия Курской группы противовоздушной обороны. В ходе ожесточенных сражений советские истребители не смогли сдержать натиск немецких групп, и около 100 вражеских бомбардировщиков прорвались к Курску, нанесли удар по железнодорожному узлу и на 12 часов вывели его из строя. Мощное и организованное противодействие советских истребителей вынудило немецкое командование в дальнейшем отказаться от дневных налетов на крупные тыловые объекты.

Не менее напряженные воздушные сражения между советскими истребителями и вражеской авиацией развернулись в битве под Курском 5—7 июля 1943 г. С началом операции бомбардировщики группами по 100—150 самолетов под прикрытием истребителей обрушились на позиции советских войск. Летчики 16-й и 2-й воздушных армий оказали организованное сопротивление вражеской авиации, которая в первой половине дня 5 июля потеряла 79 самолетов. В результате противодействия наших истребителей и понесенных противником потерь активность вражеской авиации на Центральном фронте снизилась, а на Воронежском фронте враг и вовсе не смог преодолеть сопротивление советских истребителей. Всего за этот день советские летчики сбили в воздушном сражении 260 самолетов. Потери советских авиачастей составили 176 самолетов. В последующие дни борьба в воздухе продолжалась с нарастающей силой. Бросив все силы на поддержку наступавших войск, люфтваффе за первую неделю боев выполнили 8917 самолето-вылетов на северном фасе и 10 930 на южном против 6299 и 7733 вылетов, совершенных ВВС Красной армии (учтены только дневные вылеты)[22].

Добившись первых успехов, немцы преувеличили их значение для хода всей операции. Они недооценили стойкость советской обороны, возросшее мастерство многих летчиков и командиров, огромные возможности тыла. Советские экипажи действовали не всегда умело, но мужественно и самоотверженно. Тесно взаимодействуя с наземными войсками, авиация способствовала срыву вражеского наступления, причем особенно эффективными оказались удары штурмовиков по бронированным целям с использованием специальных противотанковых бомб кумулятивного действия. Четкий план по возмещению потерь, регулярный подход на фронт резервов оказались неприятным сюрпризом для противника. Главной цели операции — прорыва обороны и окружения советских войск в районе Курска — немцы не достигли. «Силы русского врага теперь выросли многократно, — резюмировал немецкий историк К. Беккер. — Провал «Цитадели» является некоей отправной точкой, когда с каждым днем проявлявшаяся все отчетливее слабость сухопутных войск вермахта вынуждала люфтваффе к рассредоточению имевшихся сил на многие участки фронта»[23].

Летом набрала небывалый прежде размах и борьба ночью. Соединения АДД выполнили в 1943 г. почти вдвое больше вылетов, чем в предыдущем. Экипажи самолетов Ил-4, Ли-2, B-25 «Митчелл»[24] и других не только нарушали железнодорожное и автомобильное сообщение неприятеля, разрушали важнейшие узлы, но также бомбили промышленные центры в глубоком тылу, выполняли вылеты к партизанам, решали другие важные задачи. Осознав опасность, противник в середине 1943 г. значительно усилил ПВО, сформировал на восточном фронте несколько подразделений ночных истребителей. В июле — августе над центральным участком советско-германского фронта ночное сражение между 750 дальними бомбардировщиками и примерно 100 ночными истребителями врага по накалу практически не уступало дневному. Бомбардировщики АДД в небе над Курской дугой с 5 июля по 23 августа выполнили около 11,3 тыс. самолето-вылетов, сбросили свыше 15,6 тыс. тонн бомб, потеряв 86 самолетов (немцы недосчитались около 20 ночных истребителей)[25].

Воздушные сражения как одна из форм борьбы за стратегическое господство в воздухе полностью себя оправдали. Усилия авиации сторон на советско-германском фронте направлялись, как правило, на содействие сухопутным войскам, и вся борьба в воздухе велась главным образом в воздушном пространстве на глубину 250—300 км в каждую сторону.

В борьбе за господство в воздухе советские Военно-воздушные силы готовили и проводили самостоятельные воздушные операции на всем советско-германском фронте. Пла-

нирование воздушных операций осуществлялось высшим звеном — Генеральным штабом и командованием ВВС Красной армии.

Первая воздушная операция ВВС была осуществлена 20–28 апреля 1943 г. с целью максимально ослабить противостоявшую авиационную группировку врага и создать условия для завоевания советскими ВВС оперативного господства в воздухе к началу наступления войск Северо-Кавказского фронта. В ней принимали участие четыре воздушные армии (4, 5, 17 и 8-я), соединения АДД и ВВС Черноморского флота. Было произведено 1110 боевых самолето-вылетов, в результате которых уничтожено и выведено из строя 260 вражеских самолетов[26].

Вторая воздушная операция ВВС проводилась 6–8 мая 1943 г. В ней участвовало шесть воздушных армий фронтовой авиации. Предполагалось осуществить четыре массированных авиационных удара по 18 основным аэродромам противника на фронте от Смоленска до Азовского моря — 1200 км. Операция была тщательно разработана и подготовлена во всех звеньях. Задачи воздушным армиям были определены директивами Ставки ВГК от 4 мая 1943 г.: уничтожить авиацию противника на аэродромах и в воздухе, сорвать железнодорожные перевозки и дезорганизовать автомобильное движение на дорогах. Время первого массированного удара по аэродромам определялось с 4 часов 30 минут до 5 часов утра 6 мая с последующим воздействием по ним в течение трех суток[27]. Важная роль в операции отводилась воздушной разведке. К началу операции всем частям, принимавшим участие в первом ударе, были точно известны места стоянок самолетов, расположения средств ПВО и время, когда все самолеты и летный состав противника находятся на большинстве аэродромов. Скрытность и тщательность подготовки воздушной операции обеспечили внезапность и высокую эффективность первого массированного удара. В нем участвовало 434 самолета, которые атаковали одновременно 17 вражеских аэродромов. Противник потерял 194 самолета на аэродромах и 21 самолет в воздушных боях. Советская авиация лишилась 21 самолета. В этот же день был нанесен повторный массированный удар, а 7 мая — третий. 8 мая советские ВВС нанесли четвертый удар. Однако этот удар был самым нерезультативным: удалось уничтожить только шесть вражеских самолетов. Всего за трое суток было произведено 1392 самолето-вылета. В итоге противник потерял 501 самолет[28].

С 8 по 10 июня 1943 г. была проведена третья воздушная операция, в которой участвовали 1, 15 и 2-я воздушные армии, соединения авиации дальнего действия. В ходе операции ударам было подвергнуто 15 вражеских аэродромов. В отличие от майской операции первый удар наносился не утром, а вечером. В операции участвовало 1805 самолетов. Всего противник потерял более 249 самолетов[29].

Вражеская авиация также проводила воздушные операции. Так, с 4 по 28 июня 1943 г. атаке подверглись промышленные центры Поволжья. Основными целями авиационных налетов являлись автозавод и завод «Двигатель революции» в Горьком, крекинг-завод и авиазавод в Саратове, Увекская нефтебаза, заводы синтетического каучука и автомобильный в Ярославле, а также минирование нижнего течения Волги. В среднем в каждом рейде бомбардировщик находился в полете 5–5,5 часа. Ущерб оказался существенным. Все перечисленные выше объекты серьезно пострадали. К сожалению, силы и средства ПВО оказались не готовы к подобному развитию событий, выявились слабое взаимодействие различных средств, нечеткое управление истребителями с земли, неумение летчиков действовать ночью без светового обеспечения, опоздания с вылетами[30].

В 1944 г. в ходе главного события года (операции «Багратион») советские ВВС ошеломили врага мощью удара и количеством задействованных сил — примерно 5500 самолетов. «Этим силам немецкие ВВС не могли противопоставить ничего даже приблизительно равноценного», — признавали офицеры вермахта[31]. Основными целями ударной авиации стали наиболее укрепленные узлы неприятельской обороны и районы сосредоточения войск. Маршал Г. К. Жуков, наблюдавший за разгромом крупной окруженной вражеской группировки юго-восточнее Бобруйска, в котором приняло участие свыше 500 самолетов, сбросивших за полтора часа более 160 тонн бомб, отмечал: «Сотни бомбардировщиков наносили удар

за ударом по группе противника. На поле боя возникли пожары: горели многие десятки машин, танков, горюче-смазочные материалы. Все поле боя было освещено зловещим огнем. Ориентируясь по нему, подходили все новые и новые эшелоны наших бомбардировщиков, сбрасывавших на противника бомбы разных калибров. Немецкие солдаты как обезумевшие бросались во все стороны, и те, кто не желал сдаваться в плен, тут же гибли»[32].

С завоеванием советскими Военно-воздушными силами стратегического господства в воздухе были созданы благоприятные условия сухопутным войскам и Военно-морскому флоту для проведения крупных стратегических наступательных операций групп фронтов одновременно на нескольких стратегических направлениях, а Военно-воздушным силам — для более решительного массирования сил в интересах стратегических операций и непрерывных наступательных действий. Немецкие ВВС, наоборот, перешли к оборонительным действиям и уже до конца войны не могли оказывать серьезного влияния на развитие операций своих сухопутных войск. Дневные налеты на объекты глубокого тыла СССР прекратились. «С 1943 г., — писал немецкий генерал К. фон Типпельскирх, — уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий»[33].

Важное место в боевой деятельности ВВС занимала воздушная разведка, которая велась в интересах Верховного главнокомандования, командующих видами вооруженных сил, оперативных объединений и командиров соединений. На выполнение задач воздушной разведки фронтовая авиация совершила 11% всех самолето-вылетов.

Наряду с участием во фронтовых наступательных и оборонительных операциях ВВС выполняли ряд самостоятельных задач: разрушение важных военно-промышленных и административно-политических центров противника, разгром крупных группировок войск и ослабление его авиационных группировок, уничтожение оперативных резервов и срыв их маневра путем нарушения железнодорожных и автомобильных перевозок. Впервые в истории войн авиация была привлечена для содействия партизанам в тылу врага (фронтовая авиация, авиация дальнего действия и части гражданского воздушного флота совершили 109 тыс. самолето-вылетов в тыл противника).

Основным принципом стратегического применения ВВС было массирование их усилий на решающих направлениях и участках фронта. Достигалось это выдвижением на эти направления авиационных соединений резерва ВГК, переброской соединений фронтовой авиации с других направлений и привлечением значительных сил авиации дальнего действия. Решением Ставки ВГК создавались мощные авиационные группировки.

Всего за годы Великой Отечественной войны советские ВВС произвели около 4 млн самолето-вылетов, сбросили на врага более 30 млн бомб (700 тыс. тонн)[34] и причинили огромный ущерб его живой силе и технике.

Военно-морской флот. В ходе войны Военно-морской флот выполнял две группы задач: первая (главная) — совместные действия с Красной армией, участие в проведении наступательных и оборонительных фронтовых и стратегических операций на приморских направлениях, в приозерных и приречных районах; вторая — самостоятельные боевые действия на морских сообщениях по защите своих коммуникаций и нарушению морских коммуникаций противника.

Главные усилия флотов и флотилий были направлены на содействие сухопутным войскам. Взаимодействуя с одним или несколькими фронтами, они выполняли следующие задачи: прикрывали приморские фланги сухопутных войск, вели совместно с ними оборону военно-морских баз, портовых городов, приморских плацдармов, осуществляли артиллерийскую и авиационную поддержку приморских флангов фронтов и армий, обеспечивали перевозки войск и грузов морем, перегруппировку войск по водным путям, блокировали с моря и содействовали в уничтожении окруженных и прижатых к побережью группировок противника.

Боевые действия ВМФ по нарушению морских коммуникаций врага имели две цели: нарушить доставку в Германию стратегического сырья (из Финляндии — никеля, из Швеции — железной руды, из Румынии — нефти и прочее); не позволить вражескому флоту ис-

пользовать морские пути для подвоза резервов, вооружения, военной техники, боеприпасов, продовольствия для своих войск, действовавших на приморских направлениях.

Важной задачей ВМФ являлись защита своих морских, озерных и речных коммуникаций, обеспечение перевозки войск, населения, воинских и народно-хозяйственных грузов по водным путям. Всего за годы войны флот обеспечил перевозку по внутренним морским путям более 10 млн человек военнослужащих и гражданского населения, свыше 110 млн тонн воинских и народно-хозяйственных грузов, а также доставку 17 млн тонн грузов от союзников по внешним морским коммуникациям[35].

Балтийский флот и сформированные на его материально-технической базе военные флотилии на Ладожском, Онежском и Чудском озерах в период стратегической обороны взаимодействовали с Северо-Западным, Северным, Ленинградским, Волховским и Карельским фронтами, оказывая им существенную помощь. С переходом советских войск в стратегическое наступление силы флота, следуя за наступающими войсками Красной армии на запад, на завершающем этапе войны в 1944—1945 гг. оказывали содействие войскам Ленинградского, 1-го и 2-го Прибалтийских, 2-го и 3-го Белорусских фронтов в уничтожении группировок немецких войск в Прибалтике, Восточной Пруссии и Померании. В условиях стремительного наступления советских войск на запад и невозможности использования крупных надводных кораблей из-за серьезной минной опасности в прибрежных районах Балтийского моря, а береговой артиллерии из-за большой удаленности фронта от их месторасположения для артиллерийской поддержки сухопутных войск широко применялась имевшая высокую подвижность и маневренность морская железнодорожная артиллерия. Морская артиллерия наиболее интенсивно использовалась для поддержки сухопутных войск в таких видах боевых действий, как оборона военно-морских баз, десантирование, прорыв мощных оборонительных рубежей противника, отражение танковых атак и прочее. Артиллерия флота решала поставленные перед ней задачи, как правило, в тесном взаимодействии с войсковой артиллерией, что обеспечивалось оперативным подчинением морской артиллерии командующим артиллерией армий и фронтов и совместным планированием боевого использования морской и армейской артиллерии в оборонительных и наступательных операциях.

Более 400 тыс. моряков сражались в годы войны на сухопутных фронтах. Только в ноябре 1941 г. было сформировано и отправлено на важные участки фронта 25 морских стрелковых бригад. Шесть бригад и отряд моряков приняли участие в битве под Москвой.

Содействие сухопутным войскам в разгроме группировок врага на приморских направлениях при ведении фронтовых и армейских наступательных операций осуществлялось прежде всего путем высадки морских десантов. За время Великой Отечественной войны было высажено свыше 120 оперативных, тактических, разведывательно-диверсионных десантов общей численностью до 250 тыс. человек[36]. Оперативные десанты численностью до 40—60 тыс. человек высаживались для овладения плацдармами на побережье, занятом противником, с целью развить наступление на новом направлении или овладеть важными островными районами (Керченско-Феодосийская 1941—1942 гг., Керченско-Эльтигенская 1943 г., Моонзундская 1944 г. десантные операции). Десанты высаживались также для нанесения ударов во фланг и тыл оборонявшимся на приморских направлениях вражеским группировкам, их окружения и разгрома совместно с наступающими с фронта войсками (Новороссийская 1943 г., Туапсинская 1944 г. десантные операции), а также для овладения островами (Курильская десантная операция 1945 г.) и решения других задач.

По своей численности балтийские десанты были различны: от роты и батальона до армейского корпуса. Подавляющее большинство десантов носило тактический характер. Всего за время войны Балтийский флот высадил 24 десанта, и только один из них, высаженный на Моонзундские острова осенью 1944 г., носил оперативный характер. Восемь десантов высадили Ладожская и Онежская флотилии[37]. Наиболее крупный из них в составе двух бригад морской пехоты был высажен Ладожской флотилией летом 1944 г. в районе р. Тулоксы. Северный флот за время войны высадил 22 десанта общей численностью 19 700 человек. Черноморский флот в Великую Отечественную войну приобрел, пожалуй, наибольший

боевой опыт и в проведении десантных операций, и в высадке тактических десантов. В ходе войны он осуществил четыре десантные операции (Керченско-Феодосийскую, Южно-Озерейскую 1943 г., Новороссийскую и Керченско-Эльтигенскую) и высадил 20 тактических десантов. В этих десантах были высажены 80 тыс. человек и большое количество боевой техники и военных грузов[38].

Крупнейшей из операций являлась Керченско-Феодосийская, в которой силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии на Керченский полуостров было высажено две армии (44-я и 51-я) и открыт новый Крымский фронт. И хотя в этой операции имел место ряд существенных недостатков, она явилась хорошей школой для командования Азовской военной флотилии, многих соединений Черноморского флота в организации и проведении последующих десантных операций, осуществленных флотом в период наступления Красной армии на побережье Черного моря в 1943—1944 гг.

По замыслу и сложности выполнения наиболее дерзкой десантной операцией, проведенной Черноморским флотом и войсками Северо-Кавказского фронта в сентябре 1943 г., по праву можно считать Новороссийскую операцию, в ходе которой флот успешно высадил десант в сильно укрепленный и обороняемый порт Новороссийск, оказал большую помощь войскам 18-й армии в прорыве мощной обороны противника и освобождении города и порта, являвшихся ключом к освобождению Таманского полуострова от немецких войск.

В ходе подготовки и ведения десантных операций успешно решались вопросы завоевания господства в воздухе в районе высадки десанта. Для подавления противодесантной обороны и прикрытия десантов помимо кораблей широко привлекалась авиация флота и фронта. В операциях 1943—1945 гг. значительная часть десантов высаживалась, как правило, после артиллерийской и авиационной подготовки. Так, в Керченско-Эльтигенской операции плотность артиллерии при высадке десанта составляла 55 орудий на 1 км фронта, а его действия на берегу поддерживали более тысячи самолетов 4-й воздушной армии Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. С переходом войск фронта (армии) в наступление силы флота принимали участие в артиллерийской и авиационной подготовке прорыва обороны противника, а также поддерживали войска в наступлении вдоль побережья.

Использовались все виды морской авиации: бомбардировочная, минно-торпедная, штурмовая, истребительная и разведывательная. Но особенно интенсивно и с большим напряжением действовала бомбардировочная, штурмовая и истребительная авиация. Морская авиация вела боевые действия как самостоятельно, так и во взаимодействии с авиацией Красной армии. В совместных действиях с сухопутными войсками морская авиация решала различные задачи: вела разведку, наносила бомбоштурмовые удары по войскам и аэродромам противника, узлам сопротивления и опорным пунктам, уничтожала вражеские артиллерийские и минометные батареи, наносила удары по танковым колоннам, железнодорожным станциям, мостам и переправам, прикрывала свои войска с воздуха и вела борьбу с вражеской авиацией.

В период стратегической обороны советских войск на ленинградском направлении авиация Балтийского флота почти полностью использовалась для непосредственной поддержки сухопутных войск и прикрытия их с воздуха от ударов вражеской авиации. И только с конца 1944 г. она была перенацелена на решение задач на морском направлении в целях уничтожения вражеских кораблей и транспортов в море и нанесения ударов по базам и портам противника.

В ходе Великой Отечественной войны авиация Балтийского флота совершила 46 тыс. самолето-вылетов для непосредственного содействия сухопутным войскам и уничтожила сотни танков, орудий и минометных батарей, тысячи автомашин, сотни складов, железнодорожных эшелонов и десятки тысяч солдат и офицеров врага[39]. Успешно действовала и авиация Северного флота, которая в период войны совершила 57 203 самолето-вылета и вместе с зенитчиками флота уничтожила 1300 вражеских самолетов[40]. За годы войны для ударов по базам, портам и судам в море черноморские авиаторы совершили 21,5 тыс. самолето-вылетов и сбросили на вражеские суда 4209 тонн бомб и 276 торпед, израсходовали около 172 тыс. снарядов и поставили 708 мин[41]. В результате боевого воздействия морской

авиации противник понес большие потери в боевых кораблях и транспортном флоте. За время войны авиация флота потопила 319 боевых кораблей и вспомогательных судов и 170 судов общим тоннажем 224 396 брутто-тонн. Было повреждено 373 боевых и вспомогательных судна и 146 судов общим тоннажем 297 911 брутто-тонн[42].

Расширение масштабов применения сил флота в совместных операциях потребовало изменений в планировании и организации их действий. Если в 1941—1942 гг. действия флота планировались в рамках фронтовых (армейских) операций, то с 1944 г. они, как правило, стали составной частью стратегических операций. Так, в Крымской операции наряду с содействием войскам 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии Черноморский флот выполнял самостоятельную задачу по срыву морских сообщений противника между Крымом и Румынией и блокаде вражеских войск в Крыму. В Ясско-Кишинёвской операции Черноморский флот одновременно с содействием войскам 3-го Украинского фронта наносил массированные удары по вражеским портам (Констанца, Сулин).

Для решения задач по прикрытию приморских флангов сухопутных войск с 1943 г. основными способами действий флотов стали нанесение ударов по морским силам противника авиацией и торпедными катерами, постановка минных заграждений, нанесение бомбоштурмовых ударов по военно-морским базам и аэродромам.

В ходе стратегической обороны флот прикрывал фланги войск с моря, вел борьбу с вражеской артиллерией, наносил артиллерийские и авиационные удары по наступающим войскам противника, а также высаживал десанты на его фланги и в тыл. Авиация флотов, как правило, целиком переключалась на содействие оборонявшимся войскам. В обороне Ленинграда участвовала почти вся корабельная и береговая артиллерия Балтийского флота.

Оперативное искусство ВМФ обогатилось большим опытом обороны военно-морских баз. Расположенные на флангах советско-германского фронта, они имели важное оперативно-стратегическое значение для поддержания устойчивости стратегической обороны Вооруженных сил Советского Союза. Большие трудности в организации обороны военно-морских баз были связаны с тем, что эти базы, хорошо защищенные с моря, почти не имели заранее подготовленных оборонительных рубежей на суше. Поэтому сухопутные направления оказались наиболее уязвимыми. Этот опыт был учтен при организации обороны Одессы, Севастополя, Ленинграда и других приморских городов. Наиболее эффективной формой организации совместных действий сухопутных войск с флотом при обороне военно-морских баз явилось создание оборонительных районов. Упорная борьба за базы сковывала на длительное время крупные силы противника и создавала серьезную угрозу на флангах и в тылу вражеских войск.

В период обороны Ленинграда его защита являлась основным направлением боевой деятельности Балтийского флота, а содействие войскам Ленинградского фронта, оборонявшим город, — главной его задачей, в решении которой участвовали основные силы флота. Балтийские моряки вступили в борьбу с противником на дальних подступах к Ленинграду и задолго до подхода его к городу. Обороняя военно-морские базы Либаву, Таллин, Ханко и Моонзундские острова, они отвлекали с ленинградского стратегического направления крупные силы противника. Оборона военно-морских баз и островов сковала на различные сроки до десяти немецких дивизий, замедлила темпы наступления врага на Ленинград и тем дала возможность советскому командованию организовать оборону города до подхода к нему войск вермахта. Важную роль сыграла также длительная защита передового оборонительного рубежа, созданного флотом на линии полуостров Ханко — остров Осмуссар. Удержание этого рубежа вплоть до эвакуации с Ханко в конце ноября — начале декабря 1941 г. военно-морской базы лишило противника возможности организовать морские воинские перевозки для группы армий «Север».

Для усиления войск Ленинградского фронта Балтийский флот передал в его распоряжение свыше 85 тыс. моряков в составе морских бригад, батальонов, маршевых рот и 32 артиллерийские батареи калибра 75—152 мм[43]. Начиная с сентября 1941 г., когда немцы, подойдя вплотную к Ленинграду, попытались с ходу захватить город, введя в бой крупные силы танков

и авиации, и до окончательного разгрома немецких захватчиков под Ленинградом в 1944 г. сотни орудий морской артиллерии вели огонь по противнику, уничтожая его живую силу и военную технику. С воздуха удары по врагу наносила морская авиация, которая в тесном взаимодействии с авиацией фронта громила врага. Сотни зенитных орудий и истребителей флота участвовали в противовоздушной обороне города. С начала войны и до марта 1943 г. Балтийский флот передал Ленинградскому фронту 125 тыс. своих моряков, которые мужественно сражались на суше и заслужили высокую оценку командования фронта. Моряков, как правило, посылали на самые опасные участки фронта. Они сражались под Красным Селом, у Пулковских высот, на ораниенбаумском плацдарме, в районе Невской Дубровки, под Шлиссельбургом.

Особенно важную роль в обороне Ленинграда на всех этапах борьбы за город сыграла морская артиллерия — корабельная, береговая, железнодорожная и зенитная. Командование фронта и флота широко и эффективно использовало ее в боях на подступах к Ленинграду, в непосредственной борьбе за город, в контрбатарейной борьбе с артиллерией противника, обстреливавшей Ленинград, во всех наступательных операциях фронта, при разгроме вражеских войск под Ленинградом и на Карельском перешейке.

За весь период обороны Ленинграда артиллерия флота провела 26 614 стрельб с общим расходом 371 080 снарядов калибра от 100 до 406 мм, не считая стрельб артиллерии более мелкого калибра[44]. 60% израсходованных снарядов приходилось на контрбатарейную борьбу с артиллерией противника, пытавшейся варварскими обстрелами разрушить город и подавить волю его защитников к сопротивлению. После отражения сентябрьского штурма, в котором артиллерия флота также сыграла важную роль, контрбатарейная борьба стала главной задачей артиллерии флота в течение всего периода блокады Ленинграда. И только при проведении наступательных операций фронта морская артиллерия переключилась на поддержку наступления сухопутных войск. В наиболее важные периоды битвы за Ленинград: отражение сентябрьского штурма, прорыв блокады города, разгром 18-й блокадной армии противника под Ленинградом, Выборгская операция — боевой расход морской артиллерии составлял от 18 до 29 тыс. снарядов, в ряде других операций — от 10 до 14 тыс.

Особую роль в героической обороне Ленинграда играло Ладожское озеро, по которому в годы войны проходила жизненно важная для защитников города коммуникация, связывавшая блокированный город со страной. По ладожской Дороге жизни в осажденный город доставлялись продовольствие, горючее, боевая техника, пополнение для фронта и флота, а из него вывозились раненые воины, гражданское население, промышленное оборудование, культурные ценности. Огромными усилиями воинов фронта, флота и строителей Ладожская трасса превратилась в постоянно действующую артерию, питавшую город, фронт и флот. Она спасла жизни сотням тысяч ленинградцев и позволила накопить в осажденном городе необходимые резервы для прорыва блокады Ленинграда, а затем и полного ее снятия. Общий объем перевозок по Ладожскому озеру с сентября 1941 по декабрь 1943 г. (по ледовой дороге и водным путем) составил 2335 тыс. тонн различных грузов, 124,7 тыс. кубометров дров и 1848,6 тыс. человек. Из этого количества в Ленинград были перевезены 1621,3 тыс. тонн грузов и 401 тыс. человек (в основном пополнение фронту и флоту). Из Ленинграда вывезены 1201,8 тыс. ленинградцев, раненых и больных воинов[45].

Оборона военно-морских баз стала одной из важнейших задач и для Черноморского флота, которую он осуществлял совместно с войсками Красной армии. Германское командование, стремясь уничтожить Черноморский флот, в первую очередь стремилось лишить его системы базирования на театре путем захвата баз с суши. Имея превосходство в силах, германская армия, захватив побережье Черного моря вплоть до Северного Кавказа, попыталась с ходу овладеть военно-морскими базами: Одессой, Севастополем, Новороссийском и Туапсе. Но эти попытки были сорваны совместными усилиями воинов Красной армии и моряков Черноморского флота. 73 дня героически сражались защитники Одессы и только по стратегическим соображениям оставили ее и эвакуировались в Крым. 250 дней сражался с превосходящими силами противника Севастополь. В борьбе за эти базы гитлеровцы поте-

ряли убитыми, ранеными и пленными свыше 450 тыс. своих солдат и офицеров. Что касается Новороссийска, то хотя немцам и удалось овладеть частью города и портом, но они не смогли использовать его для базирования своих кораблей и воинских перевозок. А атаки против Туапсе вообще оказались безрезультатными. Они были отражены советскими войсками и моряками Черноморского флота еще на дальних подступах к базе. В ходе героической обороны Одессы, Севастополя и кавказских баз Черноморский флот решал широкий комплекс разнообразных и сложных задач. Он оказывал большую помощь войскам, оборонявшим базу с сухопутного направления, огнем своей береговой и корабельной артиллерии, действиями авиации и посылкой на сухопутный фронт подразделений морской пехоты, сформированных из личного состава кораблей и частей флота. Особенно большую помощь гарнизонам осажденных с суши военно-морских баз флот оказал путем защиты морских коммуникаций, по которым в Одессу, Севастополь и другие базы доставлялись подкрепления, вооружение, боеприпасы, продовольствие, горючее, медикаменты, а из баз вывозились раненые бойцы, гражданское население, промышленное оборудование, стратегическое сырье. За время обороны военно-морских баз Черноморского флота были перевезены морем 555 тыс. бойцов и офицеров и около полумиллиона человек гражданского населения. Только из осажденной Одессы на кораблях и судах транспортного флота эвакуировали 300 тыс. жителей и оборудование 80 крупных и средних промышленных предприятий.

Важное значение в развитии форм и способов использования ВМФ имели самостоятельные операции по нарушению морских перевозок противника и защите своих морских сообщений. Со второй половины 1943 г. они носили планомерный характер. При проведении этих операций особая роль отводилась торпедоносной и штурмовой авиации, а также подводным лодкам. Большое внимание уделялось также завоеванию господства в воздухе и организации надежной ПВО кораблей в море и базах.

Важным видом содействия флота войскам Красной армии являлось обеспечение воинских перевозок. Эту задачу Балтийский флот начал решать с первых месяцев войны и в чрезвычайно сложной обстановке быстрого продвижения неприятельских войск к Ленинграду. В связи с отступлением советских войск в Прибалтике и на Карельском перешейке флоту пришлось обеспечивать эвакуацию оставшихся в тылу противника воинских гарнизонов, после того как они выполнили свои оборонительные задачи в тылу врага. Так, были эвакуированы гарнизоны Таллина, Ханко, части 50-го стрелкового корпуса из Койвисто, части 19-го стрелкового корпуса и другие. В 1941 г. Балтийский флот и Ладожская флотилия вывезли с изолированных приморских плацдармов около 170 тыс. бойцов и командиров, которые затем участвовали в обороне Ленинграда[46]. С переходом Красной армии в наступление под Ленинградом Балтийский флот продолжал осуществлять воинские перевозки в интересах наступающих войск. Осенью 1943 и зимой 1944 г. он обеспечил перевозку из Ленинграда и Лисьего Носа 2-й ударной армии, а летом 1944 г. — 21-й армии из Ораниенбаума в Лисий Нос. Воинские перевозки производились также на Ладожском и Чудском озерах. Их обеспечивали военные флотилии, действовавшие на этих озерах. Всего же за время войны на Балтийском море и Ладожском озере были перевезены свыше 4 млн тонн воинских и народно-хозяйственных грузов и более 4 млн человек из состава войск и гражданского населения[47].

Общий объем воинских перевозок на Северном морском театре в годы войны составил более 1 млн человек и более 1,6 млн тонн воинских грузов. Кроме того, на судах транспортного флота было перевезено 2 млн тонн народно-хозяйственных грузов. Корабли и авиация флота обеспечили проводку по внутренним коммуникациям 2568 судов в составе 471 конвоя[48]. При этом потери составляли всего 0,47% от общего количества проведенных транспортов.

Еще с большим напряжением Черноморский флот обеспечивал перевозки в осажденный с суши Севастополь. Преодолевая сильное противодействие вражеской авиации, торпедных катеров, подводных лодок и огонь вражеской артиллерии, непрерывно обстреливавшей город, моряки Черноморского флота доставили на транспортах и боевых кораблях в Севастополь свыше 204 тыс. бойцов и офицеров, 42 танка, 21 самолет, 776 орудий, 31 238 тонн боеприпасов и другие грузы[49]. Впервые в истории отечественных подводных сил для этой цели ши-

роко использовались подводные лодки. Они совершили в осажденный Севастополь свыше 80 боевых походов и доставили севастопольцам 3695,6 тонны различных грузов и вывезли из Севастополя 1392 человека[50].

В период обороны Кавказа, несмотря на очень сложную обстановку, Черноморский флот по единственной действовавшей прибрежной коммуникации обеспечил быструю перегруппировку войск и снабжение их всем необходимым. С июля по декабрь 1942 г. на транспортных судах и боевых кораблях были перевезены 156 тыс. бойцов и офицеров, около 36 тыс. эвакуированных жителей прибрежных районов Кавказа, свыше 87 тыс. тонн нефтепродуктов, около 20 тыс. тонн боеприпасов, 78 тыс. тонн продовольствия и других грузов[51]. Несмотря на серьезное противодействие авиации, подводных лодок, торпедных катеров и других сил неприятельского флота, а также ограниченное количество транспортных средств на Черном море, за время войны Черноморский флот обеспечил перевозку 2 642 267 тонн воинских грузов, 1720 танков, свыше 7,5 тыс. орудий, 40 тыс. автомашин, 320 тыс. тонн боеприпасов, 77 тыс. голов скота, 1 млн тонн нефтепродуктов и около 2 млн человек[52].

В достижение коренного перелома в войне Военно-морской флот внес также значительный вклад. Важную роль сыграли оперативные и снабженческие перевозки в интересах войск, транспортирование народно-хозяйственных грузов на морских театрах и прифронтовых речных и озерных бассейнах. Большое значение имело обеспечение перевозок нефти и нефтепродуктов по Каспийскому морю и Волге. В 1943 г. Государственный Комитет Обороны возложил задачу организации этих перевозок на наркома ВМФ и командующего Волжской флотилией. Успешное ее решение позволило удовлетворить возросшие потребности фронтов и военной промышленности в топливе. Только в 1942—1943 гг. Каспийским морем было перевезено 21 млн тонн нефти, по Волге — 12 млн тонн[53]. В этом несомненная заслуга Каспийской и Волжской флотилий.

При нарушении морских сообщений противника подводные лодки в 1941—1943 гг. действовали, как правило, одиночно. Затем они стали использоваться в оперативном взаимодействии с морской авиацией и торпедными катерами. Конвои противника подвергались ударам на всем маршруте их следования. Высокий коллективный подвиг в 1942 г. совершили подводники Балтики. Преодолев опаснейший противолодочный рубеж, они тремя эшелонами (всего 25 подводных лодок) прорвались в Балтийское море и существенно нарушили морские коммуникации врага. В 36 боевых походах было потоплено 47 и повреждено четыре транспорта противника[54]. В результате потопления трех крупных транспортов на Балтике, в том числе лайнера «Вильгельм Густлофф» подводной лодкой С-13 под командованием А. И. Маринеско, противник потерял 15 тыс. человек. Немецкий адмирал Ф. Руге назвал гибель этих транспортов катастрофой[55].

Торговые и военные моряки выполняли задачу государственной важности по обеспечению перевозок грузов, поступавших в Советский Союз из США и Англии по закону о ленд-лизе. Характерной особенностью боевой деятельности Северного флота по нарушению коммуникаций противника являлось использование для решения этой задачи разнородных сил: подводных лодок, авиации, надводных кораблей и береговой артиллерии. Главными силами в борьбе на коммуникациях с начала войны и до второй половины 1943 г. были подводные лодки, которые и добились наибольшего успеха. А с конца 1943 г. и до окончания войны на первое место по результативности вышла авиация. Опыт действий флота на коммуникациях показал, что задача нарушения вражеских морских перевозок наилучшим образом решается при непрерывности этих действий и хорошо организованном взаимодействии разнородных сил, при правильном распределении их по зонам действий и охвате всей коммуникации от портов погрузки до портов назначения.

Существенную помощь Северному флоту в борьбе с общим врагом оказывали наши союзники — Англия и США, которые в годы войны поставляли нам вооружение, боеприпасы, продовольствие, горючее, некоторые виды стратегического сырья и промышленного оборудования в обмен на сырье. Многое из того, что поставлялось в нашу страну союзниками во время войны, особенно корабли, самолеты, продовольствие, другие виды снабжения,

оставалось в Мурманске и Архангельске и использовалось для усиления Северного флота. Так, рост корабельного состава Северного флота во время войны, за исключением подводных лодок, происходил в основном за счет поступления кораблей от союзников. Поступившие из США и Англии тральщики, торпедные катера и большие охотники, вооруженные электромагнитными тралами, радиолокационными и гидроакустическими приборами, значительно усилили Северный флот[56]. В середине 1944 г. по договоренности с союзниками в счет репараций с Италии Северному флоту были переданы во временное использование линейный корабль, крейсер, девять эскадренных миноносцев и четыре подводные лодки[57]. И если линейный корабль и крейсер ввиду того, что угроза со стороны немецких крупных надводных кораблей на Севере в это время уже отпала, практически нами не использовались, то эскадренные миноносцы и подводные лодки принимали активное участие в боевых действиях Северного флота во второй половине 1944 и в первой половине 1945 г. Большое количество самолетов, полученных от союзников, действовало в составе ВВС Северного флота, причем их число в ходе войны непрерывно увеличивалось. Так, в 1942 г. их было 31, в 1943 г. — 115, в 1944 г. — 136, в 1945 г. — 411[58].

Большую помощь союзники оказали Северному флоту и Беломорской военной флотилии в обеспечении проводки конвоев по северной морской трассе между портами Англии и Советского Союза. В конвойных операциях участвовали крупные силы союзного флота, в том числе линкоры, авианосцы, крейсеры, эскадренные миноносцы, подводные лодки и другие корабли. Участие в этих операциях мощных группировок надводных сил, которых у Северного флота не было, не позволило гитлеровскому командованию широко использовать свои линкоры и крейсеры, сосредоточенные в водах Северной Норвегии, для нанесения ударов по нашим внешним коммуникациям. При обеспечении конвойных операций на севере союзный флот уничтожил два германских линкора, 21 подводную лодку и несколько других кораблей[59].

Многое сделали также моряки Тихоокеанского флота и Каспийской флотилии, обеспечивавшие безопасность плавания и доставку грузов через порты Дальнего Востока, Персидский залив и Каспийское море.

В результате активных действий на морских коммуникациях и против баз противника в период войны был нанесен значительный ущерб германской военной экономике, которая недополучила тысячи и тысячи тонн ценнейшего сырья и топлива — северного никеля, шведской железной руды, румынской нефти. Произошли также существенные срывы в снабжении приморских группировок войск противника.

В боевых действиях на коммуникациях Балтийский флот потопил в море и в базах 624 судна общим тоннажем 1590 тыс. брутто-тонн[60]. 415 судов было уничтожено авиацией, семь — подводными лодками, 90 — надводными кораблями, 60 подорвалось на минах и погибло, 10 уничтожено береговой артиллерией[61]. Среди боевых кораблей, уничтожение которых подтверждено противником, числятся два линейных корабля, броненосец береговой обороны, три крейсера, 16 эскадренных миноносцев, 18 сторожевых кораблей, 16 подводных лодок, 13 надводных минных заградителей, 59 тральщиков, 53 различных боевых катера и около 60 различных вспомогательных судов[62].

В целях нарушения морских перевозок противника подводные лодки Черноморского флота совершили 425 боевых походов, израсходовали 387 торпед и 689 снарядов, поставили 558 мин. Ими было потоплено 24 десантные баржи, тральщик и 65 различных судов общим водоизмещением около 146 тыс. брутто-тонн, повреждено две десантные баржи и 12 транспортных судов общим тоннажем 47 700 брутто-тонн. Результативность действий подводных лодок Черноморского флота была значительно ниже, чем на других наших морских театрах. В борьбе с морскими перевозками противника на Черном море принимали участие надводные корабли: крейсеры, эскадренные миноносцы, торпедные и сторожевые катера. Наиболее активно на коммуникациях действовали торпедные катера, которые за время войны совершили 867 выходов, тогда как эскадренные миноносцы — 36, а крейсеры — всего два[63]. Ограниченное использование крупных надводных кораблей объясняется серьезной

воздушной опасностью на театре, что требовало надежного истребительного прикрытия, а истребителей было недостаточно. Их не хватало даже для сопровождения бомбардировщиков и торпедоносцев при действиях против конвоев в море. После гибели лидера «Харьков» и двух эскадренных миноносцев при набеге на Ялту и Феодосию в 1943 г. Ставка вообще запретила использование кораблей Черноморской эскадры для таких целей. Действуя против морских перевозок противника, надводные корабли израсходовали около 3 тыс. снарядов и 150 торпед, поставили 870 мин и 160 минных защитников. Ими было потоплено 33 боевых корабля и вспомогательных судна и 20 транспортов, повреждено 27 боевых кораблей и вспомогательных судов и два торговых судна[64].

Флоты и флотилии приобрели большой опыт в организации защиты морских сообщений. Переход транспортов в пункт назначения осуществлялся в составе конвоев, а также перевозки проводились одиночно следовавшими транспортами. Их проводка организовывалась в порядке повседневной боевой деятельности флота. Для обеспечения крупных перебросок войск и важных грузов проводились специальные морские операции. В таких операциях обычно участвовали соединения надводных кораблей, крупные силы авиации и подводные лодки. За время войны в северные порты СССР было проведено 40 конвоев, а в обратном направлении — 36 союзных конвоев[65]. На транспортах, входящих в состав этих конвоев, было перевезено 4 млн тонн различных грузов.

В целом боевая деятельность Военно-морского флота в годы войны отличалась широким применением разнородных сил, высокой активностью и решительностью, четким взаимодействием с сухопутными войсками в интересах решения главных задач вооруженной борьбы на советско-германском фронте. От ударов советского ВМФ противник потерял на морских театрах сотни боевых кораблей и катеров, большое количество вспомогательных судов и транспортов.

Большую помощь сухопутным войскам оказывали и речные военные флотилии. Перед войной в составе Военно-морского флота имелось три флотилии: Днепровская, Каспийская и Краснознаменная Амурская. Летом 1940 г. Днепровскую флотилию расформировали и на ее базе создали две новые флотилии: Пинскую и Дунайскую. В ходе Великой Отечественной войны в связи с глубоким проникновением немецкой армии на территорию Советского Союза возникла необходимость создания ряда новых флотилий, в том числе Азовской, Волжской, Ладожской, Онежской, Беломорской и других, которые вместе с флотами приняли активное участие в борьбе с немецкими захватчиками и внесли существенный вклад в победу над Германией.

В первый период войны, когда Красная армия испытывала недостаток в артиллерии, и особенно подвижной, Дунайская, Днепровская и Волжская флотилии оказали большую помощь войскам в обороне на рубежах Дуная, Днепра и Волги. Артиллерия кораблей широко использовалась для борьбы с пехотными и танковыми колоннами немцев, подавления артиллерии и других огневых средств, прикрытия переправ войск, непосредственной поддержки стрелковых соединений. В последующие периоды войны артиллерийская поддержка также была распространенным видом боевой деятельности речных флотилий. Однако рост ударной мощи Красной армии заметно понизил роль артиллерийской поддержки со стороны речных флотилий. Высокие плотности артиллерийского огня, широкое использование танков и авиации в наступательных операциях вполне обеспечивали прорыв обороны противника и развитие наступления в ее глубине. Роль артиллерии десятка катеров в Берлинской операции, в которой Красная армия использовала 41 600 орудий и минометов, 6300 танков и 8400 самолетов, можно считать только символической.

В боевой деятельности речных флотилий важное место занимали десантные действия. Дунайская флотилия в 1944—1945 гг. осуществила высадку 20 десантов с общим количеством около 28 тыс. человек. Почти столько же десантов высадила Амурская флотилия за короткий период кампании на Дальнем Востоке. Подавляющая часть десантов на речных театрах относится к периоду наступления Красной армии. Высокая маневренность соединений кораблей и их огневая мощь позволяли им осуществлять стремительные прорывы и высадку

десантов в глубине обороны противника. Десанты в условиях речного театра так же, как и на приморском направлении, способствовали повышению темпов наступления сухопутных войск, создавали угрозу окружения противника, нарушали его коммуникации. Для высадки десантов привлекались подразделения и части морской пехоты, имевшиеся в составе флотилий или приданные им, а также армейские подразделения. Отсутствие специальных десантно-высадочных средств, как и на морских театрах, отрицательно сказывалось на десантных действиях речных флотилий. Привлекаемые для этой цели бронекатера имели единственное преимущество — бронирование, защищавшее часть десанта от пуль и осколков.

В годы Великой Отечественной войны определилось возросшее значение речных коммуникаций для перегруппировки войск, обеспечения фронта и снабжения тыловых районов, перевозки стратегических грузов и гражданского населения. В условиях потери важных железнодорожных магистралей, а затем их разрушения отступающим противником внутренние водные пути играли очень важную роль в различных видах перевозок. Во фронтовой полосе противник воздействовал на внутренние водные пути всеми видами оружия в пределах их дальности; опасными для речных продольных коммуникаций и переправ стали прорывы танковых и механизированных частей. Но главным и наиболее опасным средством воздействия на речные коммуникации, в том числе расположенные в глубоком тылу, стала авиация с ее огромными возможностями действовать на большие расстояния, наносить бомбоштурмовые удары по судам и портам, осуществлять минные постановки на больших участках речных коммуникаций.

Заметно возросло и значение речных флотилий в обеспечении судоходства по рекам. Задача защиты речного судоходства стала одной из главных, а в некоторых случаях единственной задачей речной флотилии. По условиям и способам выполнения эта задача делилась на две одинаково важные по своей значимости: организацию и обеспечение переправ войск и техники через реки и организацию и обеспечение воинских и народно-хозяйственных перевозок вдоль речных коммуникаций.

Большую работу по обеспечению сил флотов и флотилий в военные годы проделали тыловые органы, части и учреждения ВМФ в центре, на флотах и в военно-морских базах. За годы войны общий расход по ВМФ составил 5338 торпед, 54 858 морских мин, 3647 тралов, 73 484 глубинные бомбы, 11,5 млн снарядов и мин, 38,5 тыс. тонн авиационных бомб, 6,2 млн тонн топлива, 1,3 млн тонн продовольствия, 1,5 млн комплектов обмундирования[66]. Только на трех действующих флотах было отремонтировано 8815 кораблей и судов[67].

Успехи, достигнутые советскими моряками в борьбе с германским флотом в Великой Отечественной войне, достались им высокой ценой. В ходе войны Балтийский флот потерял от воздействия противника 307 боевых кораблей и 374 вспомогательных судна и транспорта[68]. Наибольшие потери флот понес в 1941 г. (133 боевых корабля, 292 транспорта и вспомогательных судна). Половину боевых кораблей флот потерял в результате подрыва на минах, а половину вспомогательных судов в базах и портах — от огня неприятельской артиллерии с берега[69]. Значительные потери флот понес и в подводных лодках — 47 единиц, что составило 72% от общего числа лодок, имевшихся в составе флота к началу войны[70]. Больше половины из них погибли в результате подрыва на минах, особенно при форсировании плотных минных заграждений, поставленных немцами в Финском заливе. Потери германского флота от боевого воздействия сил Балтийского флота распределяются так: 61% от авиации, 21% от мин, 10% от подводных лодок, 6% от надводных кораблей, 2% от установленной на берегу артиллерии[71].

Общие потери немецкого флота на Северном театре составили 214 кораблей и вспомогательных судов[72]. От воздействия разнородных сил Черноморского флота Германия и ее союзники за время войны потеряли: 451 боевой корабль и вспомогательное судно и 284 транспортных судна общей вместимостью 444 563 брутто-тонн потоплены; получили повреждения 373 боевых корабля и вспомогательных судна и 146 транспортных судов вместимостью 297 911 брутто-тонн[73].

Немалые потери в борьбе с германо-румынским флотом на Черном море понес и советский флот. За время войны Черноморский флот потерял 299 боевых кораблей различных классов, в том числе крейсер, 13 лидеров и эскадренных миноносцев, два сторожевых корабля, 46 торпедных катеров, 25 подводных лодок, 87 охотников за подводными лодками и сторожевых катеров, 86 тральщиков и катерных тральщиков, 26 бронекатеров и ряд других. Наибольшие потери флот понес от воздействия вражеской авиации, которая потопила 98 кораблей и различных катеров; 90 кораблей и катеров потопила береговая и армейская артиллерия, 76 погибло на минах. Кроме того, противник потопил 434 вспомогательных судна и транспорта. В судах наибольшие потери были от вражеской авиации, которая потопила 246 судов, 106 судов было уничтожено береговой и армейской артиллерией и 62 погибли на минах[74]. Всего за время войны Черноморский флот потерял 633 корабля и судна.

Заслуги Военно-морского флота в Великой Отечественной войне высоко оценены Родиной. Многие соединения и корабли награждены орденами, удостоены звания гвардейских и почетных наименований. Флот дал Родине более 500 Героев Советского Союза. Успешные действия советских моряков неоднократно отмечались в приказах Верховного главнокомандующего, благодарностями командования фронтов и армий. Великая Отечественная война еще раз доказала правильность всего исторического опыта нашего многовекового государства, выражающегося в необходимости иметь мощный флот в борьбе с любым противником.

Войска ПВО страны. Предназначенные для обеспечения воздушной безопасности страны и важнейших объектов вооруженных сил, войска противовоздушной обороны в течение всей войны прикрывали крупные административно-политические и промышленные центры Советского государства, особенно Москву, Ленинград, Баку. В первом периоде войны на выполнение этой задачи привлекалось три четверти всех сил и средств войск ПВО страны. Во втором и третьем периодах войны удельный вес сил и средств, выделяемых на прикрытие крупных центров, последовательно снижался.

Другой важной задачей была противовоздушная оборона путей сообщения. Удельный вес сил и средств, выделяемых для решения этой задачи, непрерывно увеличивался до конца 1944 г. Важной задачей войск ПВО страны с началом войны стала противовоздушная оборона глубинных промышленных районов (Днепропетровского, Донбасского, Ярославского, Горьковского, Куйбышевского, Сталинградского и других), которая создавалась по мере того, как эти районы оказывались в пределах досягаемости вражеской авиации. На ее выполнение в первом периоде войны использовалось 13% истребительной авиации, до 8% зенитной артиллерии среднего и более 11% малого калибра.

Противовоздушную оборону главных группировок сухопутных войск войска ПВО страны осуществляли в тесном взаимодействии с силами ПВО фронтов и флотов. Новым явлением в применении войск ПВО страны явилось их участие во фронтовых и стратегических операциях. Соединения и части ПВО вместе с соединениями и частями других видов вооруженных сил непосредственно участвовали в прикрытии от ударов с воздуха ключевых объектов тыла и сухопутных войск, поддерживали их оборонительные и наступательные действия, непосредственно участвовали в боях против наземных войск противника. Такое использование войск ПВО страны было обусловлено тем, что германское командование применяло авиацию в основном на поле боя и в прифронтовой полосе, а советские сухопутные войска не имели достаточного количества сил и средств для надежного прикрытия своих группировок войск и важных объектов тыла.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны советское военное искусство развивалось и совершенствовалось в тесной взаимосвязи всех трех его составных частей — стратегии, оперативного искусства и тактики — в зависимости от условий и особенностей боевой обстановки. Выдающаяся победа Вооруженных сил Советского Союза в этой войне продемонстрировала всему миру передовой характер советского военного искусства и показала, что оно являлось действительно высшим в то время достижением теории и практики ведения войны и военных действий.

Разведка и контрразведка накануне и в годы войны

Основными советскими разведывательными службами накануне и в годы Великой Отечественной войны являлись внешняя разведка органов государственной безопасности (НКВД — НКГБ) Советского Союза (далее — внешняя разведка) и Разведывательное управление Генерального штаба РККА (далее — военная разведка).

Внешняя разведка. В военной области внимание внешней разведки сосредоточивалось главным образом на крупных военно-стратегических проблемах, имеющих важное политическое значение. Попадающую в ее поле зрения другую конкретную военную информацию внешняя разведка передавала коллегам в военную разведку по принадлежности. Данное обстоятельство зачастую не учитывается в некоторых исторических исследованиях, вследствие чего происходит некорректное отождествление внешней и военной разведок. В действительности каждая из них занималась своим делом, взаимодействуя между собой при решении общих вопросов. В этой связи деятельность внешней и военной разведок рассматривается раздельно.

Ко второй половине 1930-х гг. внешняя разведка на регулярной основе снабжала советское руководство секретной, в том числе упреждающей информацией об основных военно-политических шагах Германии и других западных держав. Внешняя разведка добыла документальные секретные материалы о планах вооружения Германии; о предстоящих шагах по окончательному отбрасыванию всех ограничений, накладывавшихся Версальской системой; об инструкциях немецкому представителю в Женеве по поводу предстоящего выхода Германии из Лиги Наций; о замыслах по согласованию совместных агрессивных действий с Италией и Японией. Внешняя разведка доложила секретные сведения о подготовке Германией захвата Австрии, предстоящем поглощении А. Гитлером Чехословакии, о готовившемся нападении на Польшу. Достаточно полно и достоверно освещался политический курс США, Великобритании, Франции, Италии, Польши и других государств, важных с точки зрения обеспечения безопасности СССР. В 1937 г. руководство страны было информировано о намерениях Германии и планировании предварительного создания на территории Польши плацдарма для подготовки вторжения. Тем самым внешняя разведка установила, что непосредственным шагам по подготовке нападения на СССР будет обязательно предшествовать захват немцами Польши.

Характерной особенностью деятельности внешней разведки накануне войны, свидетельствовавшей о ее высоком профессионализме, была существенная доля достоверной секретной информации, добытой в результате получения доступа к шифрам и кодам ряда ведущих государств. Ей удалось добиться значительных результатов в области научно-технической разведки. Однако развернутые массовые репрессии в стране в полной мере коснулись и разведки. Было уничтожено около 60% личного состава. Жертвами репрессий стали в первую очередь опытные, отстаивавшие принципиальные позиции сотрудники.

Во второй половине 1938 г. положение во внешней разведке было проанализировано на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), после чего приняты меры по совершенствованию оперативной деятельности с тем, чтобы развернуть широкую разведывательную работу за рубежом по всем основным линиям: политической, научно-технической и контрразведывательной. Разведка была пополнена молодыми кадрами. Главные усилия концентрировались на странах оси Берлин — Рим — Токио и их союзниках. Большое внимание уделялось отслеживанию политики ведущих западных государств по отношению к фашистскому блоку, их попыткам направить гитлеровскую агрессию в сторону СССР.

Уже в январе 1941 г. разведкой были добыты сведения о существовании немецкого плана нападения на СССР (план «Барбаросса»), хотя точное его название стало известно лишь в конце войны. Позднее удалось получить информацию о цели предстоящей войны, методах и средствах достижения этой цели, о союзниках Германии в предстоящем походе на Восток и, наконец, о сроках нападения на СССР — то есть по всем основным разделам указанного плана.

Добытые внешней разведкой данные при их корректном анализе давали необходимое представление о содержании плана «Барбаросса». Однако имелись серьезные факторы, которые осложняли подобный анализ. К их числу следует прежде всего отнести беспрецедентные по своим масштабам и согласованности комплексные меры по введению советского руководства в заблуждение, проводившиеся немцами на общегосударственном уровне. Осуществлявшаяся немцами кампания дезинформации с использованием военных, дипломатических, пропагандистских, административных возможностей и каналов спецслужб представляла собой такую угрозу безопасности страны, с которой СССР столкнулся, пожалуй, впервые.

Что могла разведка противопоставить этому? В идеальном случае — достать сам план дезинформационных мероприятий. В реальной жизни идеальные варианты — это исключение, а правилом является упорное, кропотливое добывание информации по частям. Такие сведения внешняя разведка получила. В частности, берлинская резидентура сообщила о проведении немцами дезинформационных мероприятий, направленных на обеспечение скрытности подготовки нападения на Советский Союз. К их числу относились в том числе и ложные тезисы о наличии серьезных разногласий по поводу войны с СССР между военным командованием и МИД Германии. С конца 1940 г. внешняя разведка стала получать сведения, которые опровергали основной дезинформационный тезис Берлина, что война с СССР начнется только после победы над Англией, и позволяли руководству страны сделать правильные выводы[75].

Сама внешняя разведка в рассматриваемый период не уполномочивалась делать какие-либо выводы и прогнозы по добываемой информации. Данное обстоятельство было серьезным изъяном в ее деятельности. Причиной сложившегося положения стал установленный И. В. Сталиным порядок доклада разведывательной информации, когда внешняя разведка направляла ему агентурные сообщения без каких-либо собственных корректировок, дополнительных пояснений, выводов и прогнозов. Сообщались только краткие сведения и источники. В связи со сложившимся режимом личной власти все оценки, выводы и прогнозы, следовавшие после ознакомления с материалами внешней разведки, И. В. Сталин делал сам на основе собственных критериев. Тем самым он замкнул на себя поток «сырой» информации, которая не прошла через сито экспертов. Это открывало возможность для попадания к нему недостаточно проверенных, а иногда и дезинформационных сведений. Кроме того, во внешней разведке в тот период отсутствовало информационно-аналитическое подразделение, которое осуществляло бы профессиональную фильтрацию разведывательных материалов.

В итоге получилось так, что И. В. Сталин сам принимал решения о том, что в докладывавшихся ему сообщениях верно, а что нет. Естественно, сведения, в большей степени созвучные его представлениям, воспринимались благожелательно, а противоречившие им — с раздражением и соответствующими гневными резолюциями. В результате были созданы условия, в которых даже наличие достоверных данных не гарантировало от неверных выводов и принятия ошибочных решений, чреватых трагическими последствиями.

Оценивая итоги работы внешней разведки в 1938–1941 гг., сложно не согласиться с тем, что это был самый тяжелый период в ее деятельности. В напряженной атмосфере приближавшейся войны и острой потребности в достоверной информации внешняя разведка принимала энергичные меры по восполнению своего кадрового состава, восстановлению связи с агентурным аппаратом и расширению его за счет приобретения новых источников. Не везде удалось компенсировать понесенный в ходе репрессий ущерб в полной мере. С частью ценной агентуры контакт был потерян. Были допущены просчеты в подготовке резидентур к работе в военных условиях.

Тем не менее основные позиции в разведывательной деятельности были удержаны и по ряду направлений расширены. Это позволило решить основные задачи, стоявшие перед внешней разведкой в критический предвоенный период: добыть необходимую информацию о подготовке Германии к нападению на СССР; об основных этапах германской экспансии в Европе; о планах включения балканских стран в хозяйственную систему Германии; о политическом и экономическом проникновении Германии в сопредельные с СССР страны —

Иран, Афганистан, Финляндию, Румынию и создании в этих странах стратегических баз и разведпунктов на границах с Советским Союзом; об оценке США военно-промышленного комплекса Германии; о некоторых оппозиционно настроенных лицах в Германии, способных при определенных условиях вести работу против нацистского режима; о позиции Японии в отношении Советского Союза; о подходах ведущих западных держав к оказанию поддержки нашей стране в случае нападения Германии. Были также получены многочисленные ценные научно-техническое сведения, военно-технические материалы и образцы, внесшие существенный вклад в укрепление обороноспособности страны. Таким образом, внешняя разведка в предвоенный период смогла дать достаточно полную развернутую картину подготовки Германии к нападению на СССР.

В годы войны удалось вывести в Германию и союзные ей страны 97 разведчиков-нелегалов. Они добывали представляющую интерес военную и политическую информацию. Вместе с тем их деятельность на территории Германии без связи с ценной агентурой не могла полностью удовлетворить потребности Центра в необходимой стратегической информации. Эта задача успешно решалась с участием резидентур в третьих странах, где имелись более благоприятные возможности для работы по немецкой проблематике.

В соответствии с задачами, поставленными перед внешней разведкой, была активизирована работа в ведущих странах — союзниках СССР — Англии и США. Главным ее направлением стало добывание имеющейся у них информации о военно-политических планах и мероприятиях гитлеровской верхушки, которой союзники по разным причинам не делились с нашей страной. Внимательно отслеживались также позиции англичан и американцев в отношении Советского Союза, объемы реальной военно-технической помощи, которую они могли оказать нам, их конфиденциальные контакты с немецким руководством, устремления английских и американских спецслужб в работе по СССР. Интересовали внешнюю разведку и современные научно-технические разработки союзников, которые могли быть использованы в борьбе с Германией, а также на перспективу.

Важная особенность разведдеятельности в Англии заключалась в том, что английские спецслужбы еще до войны смогли расшифровать немецкие коды и получили доступ к секретной переписке по радиоканалам верховного главнокомандования со штабами групп армий и других подразделений германской армии. В этих документах раскрывались конкретные планы боевых операций против советских войск. Нет нужды объяснять чрезвычайную ценность такой информации для нашего командования. Поскольку английское руководство тщательно скрывало наличие подобных материалов, агентура внешней разведки была нацелена на приобретение доступа к ним. Эта задача была в значительной степени решена через «кембриджскую пятерку». В конце сентября 1941 г. лондонская резидентура сообщила о планах англичан по созданию в течение ближайших двух лет атомного оружия. Конкретные данные содержались в добытом секретном докладе премьер-министру У. Черчиллю. Это способствовало в совокупности с другими сведениями активизации наших исследований в указанной сфере[76].

В сентябре 1943 г. резидентура сообщила в Центр о результатах переговоров лидеров США и Англии в августе 1943 г. в Квебеке. Указывались конкретная дата открытия второго фронта в 1944 г. и кодовое название операции — «Оверлорд». Кроме того, Центр был информирован о разработке специального плана «Рэнкин», предусматривавшего более раннюю высадку союзников в Европе, если гитлеровский режим начнет разваливаться под ударами Красной армии или в результате действий внутренней оппозиции. Союзниками ставилась задача достичь Берлина не позднее русских[77]. Лондонская резидентура внесла существенный вклад в освещение планов английского руководства по послевоенному устройству Германии и мира, а также по подготовке англичан и американцев к встречам большой тройки в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Центр уделял повышенное внимание активизации разведывательной работы и в США. Весьма эффективно американские резидентуры действовали по линии научно-технической разведки. Были приобретены ценные источники, способные добывать важную ин-

формацию о ходе работ американцев по созданию атомного оружия. Существенный интерес для укрепления нашей обороноспособности представили секретные материалы в области реактивной авиации, радиолокации, электроники, ракетостроения[78].

Резидентуры в Турции располагали достаточно эффективным агентурным аппаратом, позволявшим получать интересующую Центр информацию, в том числе по Германии и ее сателлитам. Центр был своевременно информирован о секретных турецко-германских переговорах по поводу возможного вступления Турции в войну на стороне А. Гитлера после захвата немцами Кавказа. Это позволило руководству нашей страны принять адекватные меры по сдерживанию Турции. Резидентура добыла достоверные данные о том, что турки не вмешаются в советско-английскую операцию по вводу войск в Иран[79]. Данное обстоятельство сыграло существенную роль в процессе принятия решения о реализации указанного плана. Источники внешней разведки в Турции внимательно отслеживали попытки немецких представителей наладить через турок конфиденциальные контакты с американцами и англичанами в целях заключения сепаратного перемирия за счет интересов Советского Союза.

Большая работа была проведена по обеспечению безопасности Тегеранской конференции руководителей союзных держав в 1943 г. Имеющаяся агентура была также задействована для получения информации о позициях американцев и англичан на переговорах, которая дополняла сведения, полученные разведкой из других загранаппаратов. В ходе этой работы удалось подтвердить данные о готовящемся немецкими спецслужбами покушении на участников встречи. Операция немцев получила кодовое название «Длинный прыжок». Предпринятыми усилиями летом 1943 г. была обнаружена передовая группа немецких диверсантов, сброшенных на парашютах в 70 км от Тегерана. Все они были арестованы. Одновременно совместно с англичанами были нейтрализованы активные немецкие разведчики в Иране и разгромлена их агентурная сеть[80]. Все это способствовало успешному проведению встречи в верхах. Большая группа сотрудников внешней разведки, осуществлявших информационное и оперативное обеспечение переговоров, была удостоена высоких государственных наград.

Существенное внимание внешняя разведка уделяла в годы войны Афганистану. Это объяснялось тем, что германские спецслужбы создали в стране сильную агентурную сеть, которая имела связи среди влиятельных представителей афганской военно-политической верхушки. Данная агентура активно использовалась для подрывной работы против СССР как в самом Афганистане, так и на территории советских среднеазиатских республик. С учетом данных обстоятельств борьба с фашистской агентурой являлась одной из основных задач кабульской резидентуры, в результате выполнения которой подрывная работа немецких спецслужб против СССР с территории Афганистана была практически парализована.

После перелома в ходе боевых действий против нацистской Германии и наметившейся перспективы перехода к освобождению не только нашей страны, но и оккупированных европейских стран перед разведывательными органами Советского Союза встали новые задачи. Приближавшийся конец войны повысил потребность в сведениях о будущем устройстве мира и Европы, о предстоящих событиях и вероятных изменениях в отношениях между союзниками. Иными словами, резко возрастало значение объективных прогнозов развития ситуации. Для решения указанных задач внешняя разведка нуждалась в специальном информационно-аналитическом подразделении. Уже 7 декабря 1943 г. в составе 1-го управления НКГБ СССР (наркомат был повторно создан 14 апреля 1943 г. путем выделения из НКВД СССР) впервые в его истории был сформирован информационно-аналитический отдел (ИНФО)[81].

Упорядочение анализа, обработки и реализации разведывательной информации привело к качественно новому, более высокому уровню деятельности внешней разведки. Среди документов, подготовленных новым подразделением, следует отметить обзор, в котором анализировались планы германского руководства на советском фронте, особенно на Курской дуге, а также предстоящие действия союзников в Средиземноморье и Италии. Эксперты ИНФО участвовали в подготовке объединенного доклада разведорганов о современном положении гитлеровской Германии и ее возможностях для дальнейшего ведения войны. Сформулированные в данных материалах прогнозы полностью подтвердились.

Как показывает анализ деятельности внешней разведки в период Великой Отечественной войны, она достойно выполнила возложенные на нее руководством страны задачи. В частности, несмотря на трудности первого этапа войны и утерю связи с агентурой в ряде стран, внешняя разведка смогла квалифицированно мобилизовать все имеющиеся и вновь приобретенные возможности, в том числе в третьих странах, для добывания необходимой секретной информации по Германии и ее сателлитам.

Внешняя разведка вела активную и результативную борьбу с гитлеровской агентурой и прогерманскими организациями в нейтральных странах.

В годы войны 1-е управление добилось существенных успехов в области научно-технической разведки. Особо необходимо отметить добывание секретных материалов, касающихся всех основных аспектов создания атомного оружия, а также новых перспективных направлений в области сверхзвуковой реактивной авиации, радиотехники, радиолокации, электроники, ракетостроения, ракетного топлива. Существенный вклад в создание советского атомного щита внесли выдающиеся разведчики П. Р. Квасников, А. А. Яцков, В. Б. Барковский, А. С. Феклисов, которым уже после распада СССР было присвоено звание Героя России.

Военная разведка. В июне 1940 — июне 1941 г. силами военной разведки было добыто значительное количество сведений, вскрывавших нарастание военной угрозы со стороны Германии безопасности СССР. За этот период времени от руководителей зарубежных резидентур и от начальников разведывательных отделов штабов западных военных округов в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии поступило около 267 донесений, из них 129 было направлено высшему политическому руководству СССР, наркому обороны и начальнику Генерального штаба[82].

Сведения о подготовке Германии к войне против СССР поступали в Москву от военных разведчиков генералов В. И. Тупикова, И. А. Суслопарова, полковников Г. М. Ерёмина, Н. Д. Скорнякова, Л. А. Сергеева, А. Н. Яковлева. Разведчики-нелегалы А. М. Гуревич, Р. Зорге, Г. Марлей и другие также сообщали о подготовке Германии к войне против СССР.

Важные сведения поступали в Москву из Берлина от полковника Н. Д. Скорнякова. 29 декабря 1940 г. он направил в Центр донесение руководителя разведгруппы Ильзе Штёбе (псевдоним Альта). В донесении сообщалось о том, что А. Гитлер утвердил план войны против СССР[83]. После доклада этого сообщения советскому руководству начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков направил полковнику Н. Д. Скорнякову указание уточнить полученные сведения. Уже 4 января 1941 г. в Центр поступило донесение, в котором подтверждались сведения Альты[84]. Это донесение также было доложено И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко и К. А. Мерецкову.

В январе — июне 1941 г. в Центр поступили 10 донесений от полковника Г. М. Ерёмина (псевдоним Ещенко), который был военным атташе в Бухаресте. Они раскрывали различные направления подготовки Германии к войне против СССР[85].

Военный атташе СССР в Германии генерал В. И. Тупиков (псевдоним Арнольд) в апреле 1941 г. направил в Центр графическую «Схему возможных вариантов действий Германии против СССР». Один из трех представленных В. И. Тупиковым вариантов действий немецких войск точно отражал замысел плана нападения Германии на СССР[86].

Ценные сведения поступали в Разведывательное управление от Рихарда Зорге (псевдоним Рамзай), Герхарда Кегеля и других разведчиков. Г. Кегель, который числился в Разведуправлении под условным индексом «Х», 21 июня 1941 г. сообщил о том, что «война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов». Вечером того же дня он уточнил, что в германском посольстве в Москве «все считают, что наступающей ночью начнется война»[87]. На основе указанных донесений 21 июня И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко было доложено о том, что наступающей ночью Германия может напасть на СССР.

Военные разведчики работали за рубежом в условиях активной дезинформационной кампании, которую проводило германское руководство. Поэтому среди донесений военных разведчиков встречались и сообщения, в которых упоминались разные сроки возможного нападения Германии на СССР. Однако подавляющее большинство разведывательных доне-

сений достоверно отражало нарастание военной угрозы со стороны Германии. К сожалению, многие сведения не были учтены советским руководством.

Важные задачи военная разведка решала в битве под Москвой. Главные усилия были направлены на добывание сведений о замыслах германского командования, составе группировки немецких войск, действовавших на московском направлении, а также на получение достоверных сведений о том, не вступят ли Япония и Турция в войну против СССР на стороне Германии. Эти задачи решали разведчики-нелегалы, а также резиденты военной разведки, сотрудники Разведывательного управления, которые действовали в Лондоне, Вашингтоне, Женеве, Анкаре и Токио.

О том, что Япония в 1941 г. не вступит в войну против СССР, сообщали в Центр Р. Зорге из Токио, Л. А. Сергеев (псевдоним Морис) из Вашингтона и Ш. Радо (псевдоним Дора) из Женевы. Рихард Зорге 14 сентября 1941 г. сообщил: «Японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году»[88]. Сведения подобного характера поступили в Центр и от резидента военной разведки в Швейцарии Шандора Радо. Из Анкары поступали донесения, многие из которых были важны для правильного понимания реальных целей внешнеполитического курса турецкого правительства. На основе полученных сообщений Ставка ВГК приняла решение о переброске в район советской столицы войск с Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии. Это позволило укрепить оборону столицы и в итоге добиться крупного успеха.

Важную роль в битве под Москвой сыграли и силы войсковой разведки. Разведотделом Западного фронта с 1 июля по 1 августа были переброшены в тыл противника около 500 разведчиков, 17 партизанских отрядов, 29 разведывательно-диверсионных групп[89]. В тылу противника на московском направлении действовали разведывательные отряды «Огонь», «Ястреб», «Абрам», «Игорь», «Профессор», «Бравый», «Рябчик», «Смелый» и другие.

Разведчики добывали сведения, которые позволяли своевременно вскрывать переброски вражеских войск. Они разрушали шоссейные дороги и мосты через водные преграды, мешая немцам использовать резервы. Усилиями разведывательно-диверсионных отрядов и групп под откос были пущены многие эшелоны противника с военной техникой, личным составом и боеприпасами, уничтожены командные пункты, узлы связи, аэродромы и склады[90].

Оценивая деятельность военной разведки в битве под Москвой, генерал армии С. М. Штеменко, который в 1941 г. работал в Оперативном управлении Генерального штаба, писал: «...в период битвы под Москвой мы знали о противнике достаточно много, чтобы точно определить замысел, характер и направления его действий. Нам была известна степень напряжения сил немецко-фашистских войск на всем фронте их наступления. Поэтому Советское Верховное командование приняло решение на переход в контрнаступление под Москвой в наиболее подходящий для этого момент»[91].

Весной 1942 г. резиденты военной разведки добыли сведения о подготовке Германии к применению на советско-германском фронте химических отравляющих веществ[92]. По мере поступления в Центр эти сведения докладывали Верховному главнокомандующему[93]. Советское правительство поставило в известность премьер-министра Великобритании о подготовке Германии к химической войне[94]. Согласованные действия руководителей СССР и Великобритании сорвали планы А. Гитлера по применению химического оружия.

Выполняя задание Центра, резидентуры военной разведки «Дора» в Женеве, «Брион» и «Эдуард» в Лондоне, «Омега» в Вашингтоне начиная с марта 1942 г. активизировали свою деятельность по добыванию сведений о планах немецкого командования на лето 1942 г. Силами этих резидентур был вскрыт замысел германского командования по проведению операций на южном фланге советского фронта. Первое донесение поступило в Разведывательное управление Генерального штаба 3 марта 1942 г. Разведчик майор А. Ф. Сизов (псевдоним Эдуард) сообщил из Лондона, что Германия планирует «весной 1942 года начать наступление в направлении Кавказа»[95]. 12 марта руководитель резидентуры военной разведки в Швейцарии Ш. Радо доложил в Центр о том, что «основные силы немцев будут направлены против южного крыла восточного фронта с задачей достигнуть рубежа реки Волга и Кавказа, чтобы

отрезать армию и население центральной части России от нефтяных и хлебных районов»[96]. 5 марта агент Долли сообщил о содержании бесед японского посла в Берлине с министром иностранных дел И. фон Риббентропом, которые состоялись 18, 22 и 23 февраля. В этих беседах И. фон Риббентроп сообщил японскому послу о том, что «в операциях Германии против СССР в 1942 году первостепенное значение будет играть южный сектор восточного фронта. Именно там начнется наступление»[97]. Эти донесения разведчиков были использованы командованием военной разведки для подготовки специального сообщения членам Ставки ВГК «О планах Германии на 1942 год»[98].

Летом 1942 г. резидент Ш. Радо направлял в Москву сведения об объемах выпуска германской военной промышленностью самолетов, танков, артиллерийских орудий, перебросках воинских частей противника на южный участок советско-германского фронта. Достоверные сведения о противнике добывали агенты Люци, Лонг, Луиза и другие[99].

Основные положения немецкой директивы на летнее наступление стали известны Разведывательному управлению задолго до ее подписания. Генерал армии С. М. Штеменко писал: «...летом 1942 года замысел врага захватить Кавказ тоже был раскрыт достаточно быстро. Но и на этот раз у советского командования не было возможности обеспечить решительные действия по разгрому наступающей группировки противника в короткий срок»[100].

С помощью источника, который имел псевдоним Знаток, была вскрыта англо-американская договоренность «до весны 1943 года второго фронта в Европе» не открывать[101].

В апреле 1943 г. была проведена реорганизация системы разведки Наркомата обороны. Были созданы Главное разведывательное управление (ГРУ) НКО, ответственное за организацию и проведение стратегической агентурной разведки, и Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА), ответственное за организацию деятельности оперативной и тактической разведки. До окончания Великой Отечественной войны эта система военной разведки не изменялась.

Больших успехов добилась дешифровальная служба ГРУ. Она сумела прочитать немецкие телеграммы, зашифрованные машинкой «Энигма». Были раскрыты основные немецкие и японские системы общевойсковых, политических и дипломатических шифров, шифры немецкой разведки, прочитано более 50 тыс. шифротелеграмм противника[102]. Важные сведения о противнике добывали силы радиотехнической разведки.

ГРУ НКО и РУ ГШ КА добыли значительное количество разведывательных сведений, которые позволили заблаговременно вскрыть планы германского командования на лето 1943 г. Сведения о подготовке наступления немцев в направлении Курска поступали от военных разведчиков генерал-майора И. А. Склярова (псевдоним Брион), полковника А. Ф. Сизова (псевдоним Эдуард), Л. А. Сергеева, Ш. Радо и других. 22 апреля в Центр поступило сообщение от резидента ГРУ в Женеве Ш. Радо, который сообщил, что на совещании в Берлине «принято решение о мероприятиях, обеспечивающих немецкие наступательные операции в мае и июне в южном секторе советско-германского фронта. Операции эти имеют ограниченные цели — захват Курска и Ворошиловграда»[103].

В первой декаде мая военный разведчик Л. А. Сергеев докладывал: «...Немцы ставят задачей текущим летом не захват новых территорий, а уничтожение Красной армии. Главный удар немцев в летней кампании будет из района Курск, Орел в направлении на Воронеж»[104]. Агентурные источники из Германии сообщили о том, что немецкая промышленность выпускает танки «тигр» и «пантера», которые поступают на вооружение дивизий, направляющихся на советский фронт[105].

Резидентуры зарубежной разведки ГРУ НКО за два месяца до начала операции «Цитадель» добыли достаточно сведений, позволивших Ставке ВГК своевременно провести сложные подготовительные мероприятия к сражениям на Курской дуге.

Напряженно действовала оперативная разведка. Разведотделы Брянского, Центрального и Воронежского фронтов направили в тыл неприятеля около 50 разведывательных групп. Партизанские отряды, действовавшие на Украине и особенно в Белоруссии уничтожали немецкие эшелоны с личным составом, военной техникой и боеприпасами[106]. Войсковые

разведчики на одном из участков фронта захватили в плен солдата 168-й пехотной немецкой дивизии. Он сообщил, что наступление назначено на рассвете 5 июля. Эти сведения были подтверждены другими источниками и доложены советскому командованию[107].

Оценивая деятельность всех видов военной разведки накануне и в ходе Курской битвы, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Благодаря блестящей работе военной разведки весной 1943 года мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением. Хорошо работающая разведка была также одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивших успех этого величайшего сражения»[108].

Военная разведка сумела добыть ценные сведения и военно-политического характера, которые были использованы членами советской правительственной делегации в ходе переговоров с лидерами США и Великобритании на Тегеранской конференции.

В 1943 г. при начальнике Генерального штаба была создана Группа по обобщению и анализу сведений о противнике (Группа по разведке). Главной ее задачей являлась оценка данных, поступавших в Москву от всех органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НК ВМФ, Главного управления «Смерш» и партизанских штабов. Деятельностью Группы по разведке руководил генерал-полковник Ф. И. Голиков.

На основе добытых разведывательных сведений о противнике Группа по разведке в 1943 г. подготовила несколько важных документов, в которых оценивалось состояние вооруженных сил Германии, ее экономики, военной промышленности и стратегических резервов. Эти доклады направлялись И. В. Сталину, членам ГКО и начальнику Генерального штаба.

В 1943–1944 гг. стратегической агентурной разведкой Наркомата обороны были добыты ценные сведения военного и военно-политического характера. Силы оперативной разведки провели специальные операции по уничтожению представителей А. Гитлера в Белоруссии. В ходе Варшавского восстания по указанию Верховного главнокомандующего в столицу Польши была направлена группа военных разведчиков, которая помогала советскому командованию оказывать помощь восставшим полякам. Этой группой руководил разведчик И. А. Колос[109]. Важные сведения о противнике добывали фронтовые разведчики Г. И. Братчиков, И. Н. Банов, А. Д. Попов, Ф. И. Кравченко, Н. П. Фёдоров и другие.

На завершающем этапе войны командование Разведывательного управления Генерального штаба забрасывало в тыл противника радиофицированные разведывательные группы. В их состав входили военные разведчики — офицеры Красной армии, а также антифашисты — немцы, поляки, чехи, словаки. Эти разведгруппы действовали эффективно, добывали ценные сведения и проводили в тылу противника диверсионные акты, наносившие ему значительный материальный ущерб. Одну из таких групп возглавлял польский поручик Я. Ментким (псевдоним Бернард). Руководимая им разведгруппа за сентябрь 1944 — февраль 1945 г. передала в штаб 1-го Белорусского фронта более 120 радиограмм о переброски немецких войск, создании оборонительных рубежей, оборудовании стартовых площадок для ракетных установок ФАУ-2[110].

В годы Великой Отечественной войны военная разведка добыла важные сведения о работах в Англии и США по созданию атомной бомбы. В целях концентрации усилий советской разведки по добыванию атомных секретов, в начале 1944 г. в Москве было проведено совещание руководителей военной разведки и разведки НКВД. Главным разведывательным органом СССР, ответственным за добывание сведений о производстве в США атомного оружия, была определена разведка Наркомата внутренних дел СССР. Было принято решение о передаче разведке НКВД всех агентов военной разведки, которые имели доступ к атомным секретам США. Продолжали действовать в США разведчики-нелегалы А. А. Адамс, Ж. А. Коваль и Я. П. Черняк. Сотрудники ГРУ смогли добыть около 5875 листов секретных документов, раскрывавших технологию производства атомной бомбы, и 25 ценных образцов[111].

В целом в годы Великой Отечественной войны военная разведка эффективно решала поставленные перед ней задачи. В 1943–1945 гг. около 200 тыс. военных разведчиков были награждены орденами и медалями, а 581 удостоен звания Героя Советского Союза. Среди них Р. Зорге, Ф. И. Кравченко, Н. П. Фёдоров, Е. Г. Мазаник, М. Б. Осипова, И. Н. Банов,

А. Д. Попов и другие. Звание Героя России присвоено военным разведчикам А. А. Адамсу, В. Д. Волошиной, Ж. А. Ковалю, И. А. Колосу и Я. П. Черняку.

Контрразведка. В сложной обстановке накануне и в ходе Великой Отечественной войны действовали контрразведывательные органы. При подготовке к нападению на СССР немецкое командование особое внимание уделяло разведывательно-подрывному обеспечению будущих боевых действий. Составной частью подготовки войны являлись попытки создать в СССР «пятую колонну» и повстанческие формирования для парализации тыла Красной армии. С каждым месяцем подготовки к войне разведывательная деятельность нарастала. Весьма благоприятные возможности для сбора разведывательных данных с легальных позиций открылись перед германскими спецслужбами в 1939 г. после заключения между Германией и СССР Пакта о ненападении. Германское командование максимально использовало свои возможности для наращивания разведывательной и подрывной деятельности. В условиях значительного роста торговых и экономических связей с СССР на коммерческие и некоторые руководящие посты многих германских фирм назначались кадровые разведчики и опытные агенты, в ряде компаний были учреждены особые подразделения и должности для взаимодействия со спецслужбами Германии.

Военной разведке Германии в интересах вермахта удалось собрать ценную информацию о дислокации и силах частей и соединений Красной армии в западных регионах СССР. В остальном большая часть разведывательных данных, поступавших накануне Великой Отечественной войны из СССР в Германию, носила общий, неконкретный характер — сказался установленный в СССР жесткий контрразведывательный режим. В своей оценке военно-экономического потенциала и мобилизационных возможностей СССР немецкое командование допустило очевидные просчеты.

С началом боевых действий в задачи вражеских агентов, диверсионно-разведывательных групп и их пособников входило добывание военной информации в армейском и фронтовом тылу Красной армии, распространение дезинформационных и панических слухов, совершение диверсий и террористических актов, вывод из строя линий связи, захват, удержание до подхода воинских частей вермахта или уничтожение стратегически важных объектов, имеющих военное значение. Однако в связи с перспективами затяжной войны противник в конце лета 1941 г. вынужден был скорректировать деятельность своих спецслужб. С осени 1941 г. они распространили свои устремления на Поволжье, Урал и Сибирь. Абвер начал создавать новые разведывательные школы и курсы по подготовке шпионов и диверсантов. Первых агентов-выпускников стали забрасывать в глубокий тыл СССР лишь в марте 1942 г. Однако появление под Москвой свежих дивизий Красной армии, сыгравших решающую роль в контрнаступлении, стало для германского командования полной неожиданностью.

Массовой заброской своей агентуры противник пытался осуществить крупномасштабную операцию по разложению советского тыла. Но развернуть масштабную разведывательно-диверсионную деятельность, равно как саботаж и вредительство, опираясь на местное население, было для германских спецслужб нереально: их попытки создать в СССР «пятую колонну» оказались безуспешными. Основной причиной неудач немцев являлось то, что у них не было в достаточном количестве преданных агентов. Ко времени начала заброски агентов-парашютистов в глубокий тыл СССР, то есть к марту 1942 г., со всей очевидностью проявился авантюризм очередного германского «натиска на Восток». Поражение под Москвой негативно отразилось на умонастроениях постоянного и переменного состава школ и курсов абвера. Большинство агентов, завербованных из числа пленных красноармейцев, будучи заброшенными на советскую территорию, по сфабрикованным немцами личным документам устраивались на работу, обзаводились семьями, однако никаких мер по выполнению заданий германской разведки, как правило, не предпринимали и бесследно для своих бывших хозяев растворялись среди населения. Значительное количество агентов германских спецслужб являлись с повинной. Таким образом, надежной сети в промышленных центрах и на железнодорожных коммуникациях СССР германской разведке создать не удалось. Ни разведывательные, ни диверсионные, ни иные подрывные устремления противник через

своих агентов в полной мере реализовать не смог. Подтверждением тому является успешное сосредоточение крупных сил Красной армии под Сталинградом к середине ноября 1942 г., которое для германского командования оказалось неожиданным. Несмотря на масштабность подготовительных мероприятий к контрнаступлению, информация о них к противнику не поступила. Начиная с Курской битвы, деятельность германских спецслужб на советско-германском фронте окончательно перешла на тактический уровень в прифронтовой полосе.

В ходе тяжелейших оборонительных боев летом 1941 г. органы государственной безопасности осуществляли контрразведывательное обеспечение мобилизационного развертывания советских частей и соединений, практически заново налаживали агентурно-оперативную работу в действующей армии, осуществляли государственный контроль над выполнением в войсках директив высшего военно-политического руководства страны. Важным направлением деятельности органов военной контрразведки являлись контрразведывательные мероприятия по защите штабов, узлов связи, войск правительственной связи. Кроме того, на начальном этапе войны основные усилия военных контрразведчиков были подчинены решению задач по оказанию содействия военному командованию в повышении боеспособности частей и соединений, непосредственной борьбе с захватчиками, с подрывной деятельностью германских спецслужб.

В условиях быстрого продвижения вражеских войск в глубь территории Советского Союза важное значение для поддержания высокой организованности и дисциплины на фронте и в тылу приобрели борьба с изменой Родине, антисоветской пропагандой, дезертирством, трусостью, паникерством, решительное пресечение распространения провокационных слухов, а также враждебных действий преступных и других антиобщественных элементов. От результатов этой борьбы в определенной мере зависело укрепление морального духа бойцов на фронте и тружеников в тылу, успех борьбы с врагом в целом.

В общем процессе усиления централизации всех звеньев государственного управления в июле 1941 г. органы госбезопасности подверглись существенной реорганизации. В соответствии с постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. третьи управления Наркомата обороны, третьи отделы и отделения фронтов, округов, флотов, армий, корпусов, дивизий преобразовывались в особые отделы, которые были подчинены Управлению особых отделов НКВД СССР. На них были возложены задачи организации борьбы со шпионами, диверсантами, дезертирами, паникерами и трусами в частях и соединениях Красной армии и войск НКВД (10 января 1942 г. аналогичным образом были реорганизованы структуры военной контрразведки Наркомата Военно-морского флота). Вслед за этим 20 июля наркоматы внутренних дел и государственной безопасности были вновь сведены в единый НКВД СССР во главе с Л. П. Берией, его первым заместителем стал бывший нарком госбезопасности В. Н. Меркулов[112].

Учитывая, что противник в начале войны забрасывал непосредственно в прифронтовую полосу парашютные десанты и диверсантов, с первых дней войны важное значение имела охрана тыла действующей армии. Количество агентов немецких разведывательных органов, забрасываемых непосредственно в зону боевых действий Красной армии, постоянно возрастало. Так, в 1941 г. немцы забросили в прифронтовые районы 55% всех агентов, направленных на территорию СССР, в 1942 г. — 54%, в 1943 г. — 53%, в 1944 г. — 63%, в 1945 г. — 88%[113].

Для руководства борьбой с вражескими десантами и диверсантами в НКВД СССР был организован штаб, а в НКВД прифронтовых союзных республик и в некоторых областях и краях РСФСР — оперативные группы, на которые возложена задача по ликвидации вражеских десантов и диверсантов. Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью противника в ближайшем тылу стала одной из основных задач особых отделов НКВД, но массовые заброски шпионов и диверсантов в прифронтовую полосу вызвали необходимость привлечения не только оперативных, но и значительных войсковых сил для усиления охраны тыла фронта, обеспечения безопасности стратегических объектов страны. Начальникам охраны войскового тыла подчинялись пограничные и внутренние войска НКВД. В короткие сроки была создана заградительная система. На путях предполагаемого движения агентов противника выставлялись контрольно-пропускные пункты, дозоры и секреты из числа военнослужащих

подразделений заградительной службы. В прифронтовые населенные пункты, на железнодорожные станции направлялись патрули в целях проверки документов и задержания подозрительных лиц. Для осмотра мест вероятного появления агентов противника высылались дозоры, которые вели «зачистку» лесных массивов.

В первые месяцы войны эффективность заградительных мер в тылу действующей армии не отвечала предъявляемым требованиям. Летом 1941 г. несанкционированное оставление частями и соединениями рубежей стало принимать практически массовое явление. В своей директиве от 27 июня 1941 г. 3-е управление НКО СССР потребовало от органов контрразведки активизировать борьбу с дезертирством. Согласно директиве Ставки ВГК от 12 сентября 1941 г. началось создание заградительных отрядов в стрелковых дивизиях Юго-Западного фронта. Вскоре заградотряды были созданы и на других фронтах. Командирами этих отрядов назначались, как правило, сотрудники особых отделов, а личный состав набирался из военнослужащих внутренних и пограничных войск НКВД.

В октябре 1941 г. в докладе члену ГКО Л. П. Берии отмечалось, что с начала войны и до 10 октября сотрудники органов военной контрразведки и заградительные отряды НКВД задержали 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта, в том числе заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 человек[114]. Из общего числа задержанных 25 878 человек были арестованы, а остальные (632 486 человек) обращены на формирование подразделений и частей и вновь направлены на фронт.

Жесткие решения принимались и в 1942 г. Приказом наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. были введены чрезвычайные меры, направленные на усиление сопротивления врагу, повышение стойкости войск. Требовалось в составе армии создать «3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом)»[115]. Начальниками заградотрядов назначались проверенные в боях сотрудники особых отделов НКВД. Согласно сообщению НКВД СССР в ГКО и Генеральный штаб от 23 сентября 1942 г., заградительными отрядами 62-й и 64-й армий за сутки были задержаны 659 человек[116]. После стабилизации положения на фронтах в конце 1942 — начале 1943 г. масштабы дезертирства уменьшились, хотя отдельные факты встречались до конца войны.

Большую роль органы разведки и контрразведки играли в развитии партизанского движения в тылу врага. С весны 1942 г. при партизанских формированиях стали создаваться оперативно-чекистские группы, выполнявшие, по сути, функции особых отделов в действующей армии. Наиболее эффективно участие органов безопасности в партизанском движении осуществлялось в организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности, переброске партизанских формирований в тыл противника.

По мере перехода советских войск к активным боевым действиям особое значение приобретала партизанская разведка. В Центральном штабе партизанского движения, республиканских, фронтовых и областных штабах партизанского движения были образованы разведывательные отделы. Во всех партизанских соединениях и отрядах были назначены заместители командиров по разведке, как правило, кадровые сотрудники органов безопасности. Для сбора разведывательной информации велись агентурная разведка, визуальное наблюдение, допрос захваченных пленных, анализ трофейных документов, опрос перебежчиков и местных жителей.

Одним из направлений контрразведывательной деятельности органов безопасности являлось обеспечение безопасности партизанских формирований, их надежное ограждение от подрывной деятельности спецслужб противника. Проводилась тщательная проверка новых лиц, принимаемых в партизанские отряды, обеспечивалась личная безопасность руководства партизанских формирований, осуществлялась дезинформация противника, ликвидация лжепартизанских отрядов. В 1943–1944 гг. органами безопасности на базы крупных партизанских соединений А. Н. Сабурова, С. А. Ковпака, В. А. Бегмы и других были заброшены оперативные группы «Дружба», «Разгром», «За Родину», «Ходоки», «Утес», «Волынцы», «Неуловимые», «Заднестровцы» и «Унитарны», которые занимались контрразведывательной работой по обеспечению безопасности партизанских формирований[117].

В тесной связи с партизанским движением на оккупированной территории с первых же дней войны стало формироваться и быстро получило развитие самостоятельное направление в деятельности органов государственной безопасности — зафронтовая деятельность органов безопасности. Для решения задач деятельности органов безопасности на территории, временно оккупированной немецкими войсками, 5 июля 1941 г. в НКВД СССР была сформирована особая группа, которая подчинялась непосредственно наркому внутренних дел. 3 октября 1941 г. особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД СССР, который возглавил П. А. Судоплатов[118].

Для организации зафронтовой работы в январе 1942 г. в структуре НКВД СССР было создано 4-е управление, основные усилия которого сосредоточивались на организации и руководстве агентурно-разведывательной и диверсионной деятельностью в тылу противника, а также в угрожаемых районах СССР. Непосредственную работу вели оперативные группы. От них поступило 4418 разведывательных сообщений, из них 1358 было передано в Разведывательное управление Генштаба Красной армии, 619 — командующему авиацией дальнего действия, 429 — командующим и военным советам фронтов[119].

Велась большая работа по внедрению в разведывательные и контрразведывательные подразделения неприятеля сотрудников органов государственной безопасности. Это давало возможность снижать активность подрывной деятельности фашистских спецслужб. В 1943 г. за линию фронта были заброшены несколько сотен агентов контрразведывательных подразделений с задачей проникнуть в агентурную сеть разведывательных органов врага, из которых 57 внедрились в немецкие разведывательные органы и школы. В результате их деятельности было установлено 29 таких школ, добыта информация на 690 сотрудников и 1103 вражеских агента, перевербованы 69 агентов, впоследствии явившихся с повинной в советские органы безопасности[120].

Органами безопасности в годы Великой Отечественной войны было подготовлено и направлено в глубокий тыл противника 2222 оперативные группы, в составе которых находились около 15 тыс. оперативных работников. В подготовку чекистов для действий в тылу противника большой вклад внесла Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР — она подготовила и направила в тыл противника 244 оперативные группы, насчитывавшие более 7 тыс. человек[121].

Разведывательно-диверсионными резидентурами 4-го управления НКГБ СССР в странах Восточной Европы и Германии были завербованы и легализованы 146 агентов. Многие их них и после окончания войны долго и успешно работали на советскую разведку[122].

Оперативные группы и отряды органов безопасности, действовавшие в тылу противника, уничтожили 157 тыс. немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника, пустили под откос 2852 железнодорожных эшелона, разбили и повредили 2923 паровоза, 30 547 вагонов и цистерн с горючим, взорвали 1325 железнодорожных и шоссейных мостов, разрушили свыше 254 км железнодорожного пути, 863 км линий связи, взорвали или сожгли 1364 промышленных предприятия и склада[123].

Около 12 тыс. оперативных работников и бойцов спецподразделений органов безопасности погибли в боях, в ходе разведывательно-диверсионных рейдов по территории противника, в процессе проведения боевых операций по захвату вооруженной агентуры противника, замучены в застенках гестапо и румынской сигуранцы.

Одной из форм организации контрразведывательной деятельности органов безопасности в годы Великой Отечественной войны являлось проведение ими контрразведывательных операций (радиоигр) с немецкой разведкой. Для оказания помощи войскам Красной армии главное внимание уделялось передаче дезинформации. Координацией деятельности органов безопасности по ведению радиоигр занимался вначале НКВД СССР, а с 1943 г. — Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР.

Органы безопасности приступили к проведению контрразведывательных операций «в эфире» с германскими спецслужбами в 1942 г. Первое время эту работу вели сразу несколько

подразделений: 4-е управление НКВД, 1-й (немецкий) отдел 2-го (контрразведывательного) управления НКВД, в составе которого функционировало специальное отделение по радиоиграм, а также прифронтовые территориальные органы безопасности и внутренних дел. Установление радиосвязи с противником и использование для этой цели задержанных разведчиков могли осуществляться в каждом случае только с санкции и по указанию НКВД. Вся работа по использованию захваченных у германской агентуры радиостанций для дезинформации противника и проведения других агентурных комбинаций находилась в ведении 2-го управления НКВД СССР[124]. Весной 1943 г. все радиоигры были переданы в ведение 3-го отдела Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, который стал осуществлять координацию деятельности всех органов безопасности по организации и проведению этого вида контрразведывательных операций. В 4-м управлении НКГБ СССР продолжали вести лишь радиоигры «Монастырь», «Курьеры» и «Березино».

Основной оперативной задачей, которую решали органы безопасности в ходе проведения радиоигр, являлась парализация работы немецких спецслужб по основным линиям их деятельности: ведению разведки в прифронтовой полосе и на транспортных коммуникациях Советского Союза (радиоигры «Опыт», «Загадка», «Находка», «Борисов», «Контролеры», «Лесники»); ведению стратегической разведки в промышленных районах Урала, Сибири и Средней Азии (радиоигры «Фисгармония», «Дуэт», «Патриоты», «Тайник»); проведению на территории СССР диверсий и террористических актов против военных, советских и партийных руководителей («Подрывники», «Десант», «Туман»); созданию в Советском Союзе «фронта сопротивления», или «пятой колонны», путем объединения различного рода антисоветских элементов и обеспечения их необходимым вооружением («Монастырь», «Янус»); организации вооруженных выступлений против советской власти в национально-территориальных образованиях СССР («Арийцы», «Разгром», «Тростники»).

Еще одной задачей в ходе проведения радиоигр стало оказание реальной помощи Красной армии путем систематической передачи противнику дезинформации (радиоигры «Двина», «Узел», «Знакомые», «Развод», «Бурса», «Явка», «Танкист» и другие). Битвы под Сталинградом, Курском, Белорусская и Ясско-Кишинёвская операции советских войск — это далеко не полный перечень сражений, на исход которых в той или иной степени оказала влияние работа советских органов безопасности по дезинформации врага и обеспечению скрытности подготовки к наступлению.

Передача в эфир военной дезинформации проводилась только после утверждения Генеральным штабом текстов радиограмм, подготовленных контрразведчиками, с учетом почерка каждого агента и легенды о его разведывательных возможностях. Была детально отработана тактика ведения игр. Успех контрразведывательных операций отечественных органов безопасности во многом зависел от результатов работы радиоконтрразведывательной и дешифровальной служб, которые использовали новейшие оперативно-технические средства. За годы войны радиоконтрразведка определила местонахождение 1078 вражеских агентов-радистов[125].

Одной из крупнейших радиоигр советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны стала игра, получившая кодовое наименование «Монастырь»[126]. Она началась осенью 1942 г. и закончилась весной 1945 г. В ходе этой радиоигры осуществлялись стратегическая дезинформация противника и проникновение в агентурную сеть абвера, действовавшую на территории Советского Союза. В ходе радиоигры (начиная с сентября 1944 г.) неприятелем было совершено 67 самолето-вылетов и сброшены на нашу территорию: 25 германских разведчиков (все арестованы), 13 радиостанций, из которых семь включены в игру с немцами, 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования, 20 пулеметов МГ-42, 100 винтовок и автоматов, 35 пистолетов, 2 тыс. гранат, 142 тыс. патронов, более 2,5 тонн мясопродуктов, 370 кг шоколада, 4 тонны хлеба, 400 кг сахара, 100 бутылок вина и прочее. Кроме того, было прислано 2 258 330 рублей советскими деньгами[127].

А всего за годы Великой Отечественной войны спецслужбами СССР было проведено 183 подобные контрразведывательные операции. Благодаря радиоиграм отечественным

органам безопасности удалось практически парализовать разведывательно-диверсионную активность абвера и СД, были арестованы более 400 сотрудников и агентов немецкой разведки, выявлены и разоблачены 1852 вражеских агента. Из них 554 агента-парашютиста входили в состав 172 диверсионных групп, 663 агента — в состав 242 разведывательных групп, 302 агента — в состав 35 разведывательно-диверсионных групп, 109 агентов-диверсантов и 224 агента-разведчика действовали самостоятельно. 681 вражеский агент явился с повинной в органы госбезопасности, 127 были убиты при задержании. У задержанных агентов-парашютистов было захвачено 376 коротковолновых радиостанций[128].

В процессе контрразведывательной деятельности в годы войны отечественные органы безопасности активно вели оперативный розыск сотрудников и агентов немецких спецслужб, обучавшихся в разведывательных и разведывательно-диверсионных школах Германии. Система специальных разыскных мероприятий, проводимых органами безопасности, включала организацию наблюдения за вероятными маршрутами движения шпионов, диверсантов, террористов к объектам их разведывательно-диверсионных устремлений, наблюдение за их родственниками и близкими связями, возможными местами появления или укрытия агентов противника, контроль над эфиром с помощью радиоконтрразведывательной службы в диапазоне волн, используемом противником для связи со своими агентами, выведывание при помощи агентов у родственников или близких связей разыскиваемых лиц об их местонахождении, проверку документов у подозрительных лиц, появившихся в полосе боевых действий или вблизи особо важных объектов промышленности, транспорта и связи, использование в розыске контрольно-заградительной службы, поиск агентов противника при помощи агентов-опознавателей и прочее.

Важную роль в розыске агентов противника играли специально созданные для этих целей подвижные оперативно-поисковые группы, укомплектованные из военнослужащих подразделений охраны штабов и подразделений охраны органов военной контрразведки, в которые, как правило, включали опознавателей. Они действовали на коммуникациях, ведущих к линии фронта, в местах вероятных укрытий и маршрутов передвижения агентуры противника, в прифронтовых населенных пунктах.

Важнейшей задачей органов госбезопасности с первых дней Великой Отечественной войны стало участие в перебазировании производительных сил из прифронтовых областей в восточные регионы страны. Одновременно выполнялась задача по уничтожению, выводу из строя или приведению в негодность не эвакуированных объектов экономики, инфраструктуры, материальных ценностей — всего, что могло быть использовано врагом в свою пользу. При этом территориальные органы госбезопасности выполняли функции государственного контроля в целях повышения эффективности работы хозяйственных, советских и партийных органов.

С объединением НКГБ и НКВД в единый Наркомат внутренних дел СССР были восстановлены расформированные в феврале 1941 г. Экономическое и Транспортное управления органов государственной безопасности и их подразделения на местах. Их сотрудники немедленно подключились к контрразведывательному обеспечению перестройки народного хозяйства страны и оказания содействия государственным органам в выполнении военно-хозяйственных планов.

Эффективность обеспечения безопасности экономики СССР в период Великой Отечественной войны во многом зависела от морально-патриотического состояния тыла. Доверие граждан к высшему политическому руководству страны в условиях крайнего напряжения физических и духовных сил являлось существенным фактором производительного труда и гарантированного снабжения фронта. Замалчивание, а порой и искажение реального положения дел на фронте, в экономике, жесткая цензура, ограничение каналов информации неизбежно приводили к появлению различного рода слухов. Для их предупреждения, борьбы с ними использовались в основном карательные методы. В промышленных городах, на предприятиях противниками советской власти очень часто распространялись листовки, письма с призывами к забастовкам. В них также распространялась информация о бедственном

положении людей, критиковались местные и центральные органы власти за неспособность защитить интересы народных масс. Распространение такой информации квалифицировалось как преступление, их исполнители подлежали розыску и уголовному наказанию.

Трудности и лишения военного времени подавляющее большинство трудящихся переносило мужественно и терпеливо. Вместе с тем проявления недовольства рабочих и служащих были бы абсолютно незначительными, если бы не многочисленные факты бездушного отношения к согражданам со стороны государственных и партийных чиновников. В деятельности районных, городских и областных исполкомов выявлялись нарушения законов при назначении пособий и льгот семьям красноармейцев. Территориальные органы государственной безопасности систематически получали тревожные сведения о фактах с «возможными политическими последствиями». Информация «о нездоровых политических настроениях трудящихся» потоком шла в инстанции, но обстановка почти не менялась, а в ряде случаев становилась даже хуже прежней. Различные нарушения местные органы власти допускали и при решении хозяйственных задач. Практиковались разного рода мобилизации и дополнительные виды трудовой повинности, у населения нередко изымали строительные материалы без всякого документального оформления, отбирали домашних животных в счет уплаты государственных налогов и поставок и прочее. Должностные преступления носили массовый характер. Органы государственной безопасности вскрывали многочисленные факты злоупотреблений служебным положением и информировали о них местные комитеты ВКП(б).

Осуществляя всестороннюю подготовку к войне, спецслужбы Германии тщательно изучали политические процессы в Советском государстве, стремясь вскрыть негативные факты и явления. Они фиксировали трудности и сложности национального вопроса в СССР и делали ставку на разжигание сепаратизма и межнациональной вражды во время войны. Спекулируя на фактах необоснованных репрессий, негативных моментах при осуществлении карательной политики, спецслужбы Германии, опираясь на агентуру, которую они имели в Польше, западных областях Украины и Белоруссии, Прибалтийских республиках и в других регионах страны, организовывали вооруженное националистическое подполье. Фашистская разведка активно предпринимала попытки использовать своих агентов из представителей антисоветских грузинских, армянских, азербайджанских, северокавказских эмигрантских организаций для разжигания повстанческой и диверсионно-террористической деятельности на Северном Кавказе и в Закавказье.

В 1941–1943 гг. органы безопасности вели борьбу в основном с формированиями, созданными немецко-фашистскими захватчиками в тылу советских войск в отдельных районах страны, главным образом на Северном Кавказе. Действовавшие еще в 1920–1930-х гг. в Северокавказском регионе банды с началом войны стали пополняться дезертирами из Красной армии, националистически настроенными жителями, а также лицами, скрывавшимися от преследования правоохранительных органов. Органы безопасности проводили массовые облавы, прочесывание отдельных участков местности, блокирование населенных пунктов для проверки документов, организовывали службу заграждения.

В целях усиления борьбы с различными националистическими подпольными формированиями органы безопасности начали активно вести агентурно-оперативную работу. На территории Северного Кавказа стал использоваться так называемый секторный метод. Всего было организовано 15 оперативных секторов, которым подчинялись районные и участковые оперативно-чекистские группы. Оперативные сектора находились в Грозненской области (пять секторов), в Дагестанской (пять), в Кабардинской (три), Северо-Осетинской АССР (один), в Грузинской ССР (один)[129]. Такой вид организации борьбы с бандгруппами и различными формированиями оказался наиболее эффективным на Северном Кавказе. Всего в 1941–1945 гг. на Северном Кавказе было ликвидировано 18 националистических формирований и около 850 бандгрупп, задержаны 30 130 дезертиров и уклонившихся от службы в армии, 13 723 преступных элемента[130].

С 1944 по весну 1945 г. центр тяжести борьбы с националистическим подпольем переместился на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии и республик Прибалтики.

В это время органам НКВД — НКГБ пришлось дополнительно решать задачу борьбы с открытым организованным сопротивлением многочисленных и хорошо вооруженных крупных формирований националистического подполья. Особенно сложная обстановка сложилась в Западной Украине и Литве. Общая численность обученных формирований ОУН — УПА в Западной Украине оценивалась немцами в 80–100 тыс. бойцов. По заявлениям самих украинских националистов, она доходила до 400 тыс., а некоторые из них утверждали, что до 1 млн человек[131]. В ноябре 1944 г. в лесах Литвы находились примерно 33 тыс. человек, Латвии — 20 тыс. человек, а «лесное братство» Эстонии объединяло 15 тыс. человек[132]. По оперативным данным НКГБ — НКВД, на территории ряда западных областей Белорусской, Украинской ССР и Виленской области Литовской ССР активную борьбу вели польские подпольные организации и их вооруженные формирования, насчитывавшие до 100 тыс. человек, из которых 50% были вооружены стрелковым оружием[133].

После изгнания немецких оккупантов с территории западных областей Украины и Белоруссии, республик Прибалтики борьба с националистическим подпольем велась слабо. Местные органы власти уделяли этому вопросу недостаточное внимание. Осенью 1944 г. в решениях ЦК ВКП(б) «усиление борьбы против буржуазных националистов» стояло четвертым вопросом[134]. И лишь в конце 1944 г. на базе Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом было образовано Главное управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (ГУББ НКВД СССР)[135]. В дополнение к имевшимся четырем бригадам внутренних войск НКВД (10 тыс. человек.) и четырем пограничным полкам по охране тыла (4 тыс. человек) в Ровенскую и Волынскую области (Западная Украина) были дополнительно направлены две дивизии, четыре бригады, один кавалерийский полк и один танковый батальон войск НКВД общей численностью 28 тыс. человек. На Западную Украину были командированы заместители наркома внутренних дел С. Н. Круглов и И. А. Серов с группой квалифицированных работников НКВД — НКГБ СССР[136]. Численность войск НКВД в Литве сначала была доведена до 10 тыс. человек, а вскоре их количество увеличилось до 13 тыс., еще 8 тыс. человек охраняли границу, железные дороги, линии правительственной связи и несли конвойную службу. Для оперативного руководства и координации действий войск НКВД был создан штаб по оперативному руководству чекистско-войсковыми операциям по ликвидации вооруженных формирований в Прибалтике во главе с командующим войсками НКВД Прибалтийского военного округа генерал-майором В. Н. Головко.

В первой половине 1944 г. войска НКВД вели боевые действия фактически «вслепую», по спешно составленным планам операций, без учета анализа особенностей тактики бандитских групп. Низкое качество подготовки боевых операций, слабые навыки привлекаемых сил, несогласованные действия зачастую приводили к срыву этих операций. Борьба с националистическим подпольем не давала желаемых результатов. Во второй половине 1944 г. допущенные ошибки были учтены. Органами безопасности стали создаваться небольшие оперативные группы из числа оперативных сотрудников и офицеров войск НКВД, которые вели преследование и ликвидацию бандгрупп. В националистические формирования стали активнее внедряться агенты органов безопасности, перед которыми ставились задачи по подведению их под удар подвижных опергрупп и по ликвидации главарей. Велась активная работа по разложению националистических формирований, склонению их участников к явке с повинной в органы безопасности. В результате проведенных мероприятий в 1944 — начале 1945 г. многих участников УПА удалось уничтожить или арестовать. Почти весь руководящий состав вооруженных формирований, в том числе и командующий УПА Д. Клячковский по прозвищу Клим Савур, был ликвидирован. Это привело к разложению части вооруженных формирований, многие их участники явились с повинной в органы НКВД и гарнизоны внутренних войск.

После значительных потерь в людской силе и утраты большого количества материально-технических баз главари ОУН изменили тактику: крупные вооруженные формирования были рассредоточены на мелкие (по 30–50 человек), боевики ушли в глубокое подполье и совершали внезапные налеты, устраивали засады, нападая на мелкие войсковые подразделения, обозы, местных активистов, минировали железнодорожные пути.

Учитывая изменившуюся обстановку и методы действий вооруженных формирований, органами безопасности были внесены коррективы в тактику борьбы с ними. Были созданы три оперативные группы, дислоцировавшиеся в Ровно, Львове и Луцке, которые действовали до августа 1945 г. В результате проведенных агентурно-оперативных и оперативно-войсковых мероприятий количество бандитских формирований значительно сократилось, их активность снизилась. Однако полностью ликвидировать националистическое подполье на Украине, в Белоруссии и Прибалтике к концу Великой Отечественной войны не удалось. Эта цель была достигнута лишь к середине 1950-х гг.

Отечественные органы государственной безопасности внесли весомый вклад в победу советского народа. Внешняя разведка, контрразведка, пограничные войска, специальные технические службы в борьбе с подрывной деятельностью спецслужб иностранных государств прошли суровую проверку в годы войны, с честью выполнили возложенные на них задачи.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной

Тотальный характер войн с привлечением многомиллионных армий и значительного количества военной техники и различного оружия, начиная как минимум с Первой мировой войны, обусловил существенный рост потребности в управлении воюющими массами, совершенствовании уровня руководства вооруженной борьбой и, следовательно, неизмеримо повысил роль руководящих лиц. Особые требования стали предъявляться к уровню профессиональной квалификации командно-начальствующего состава вооруженных сил. Вторая мировая война закрепила тенденцию постоянного роста требований к военной элите как важнейшую характеристику современных войн[137].

В среде высших командиров армии и флота особую роль играла та категория, которую составляли полководцы и флотоводцы. Таковыми в военно-исторической литературе принято именовать военачальников оперативно-стратегического уровня, то есть командующих фронтами и армиями (общевойсковыми, танковыми и воздушными), командующих флотами и флотилиями[138].

Насколько же адекватными тем требованиям, которые предъявила Великая Отечественная война, оказались квалификация и деятельность высшего командного состава Вооруженных сил Советского Союза, какими факторами был обусловлен его решающий вклад в победу над фашистской Германией? «Война — самая суровая проверка умения управлять войсками... — считал Маршал Советского Союза А. М. Василевский. — Решающим мерилом успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, являлось искусство выполнять задачи стратегических, фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьезные поражения». И далее: «Наши командующие фронтами и армиями располагали знаниями и опытом, они были талантливыми военачальниками, умеющими правильно оценивать оперативно-стратегическую обстановку, принимать более удачное и неожиданное для врага решение по ней, совместно со своим штабом разработать наиболее простой, но не шаблонный, а выгодный для войск план проведения операции, быстро и тщательно подготовить войска для выполнения принятого решения»[139].

И. В. Сталин, лидер Советского государства, специального военного образования не имел. Полученное им в 1943 г. маршальское звание стало первым в его военной биографии. В годы войны он занимал шесть высших постов в партии и государстве: секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя Государственного Комитета Обороны, председателя Ставки Верховного главного командования, Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза, наркома обороны СССР. Учитывая менталитет советского народа и крайнюю степень централизации государственной власти, принятие им на себя важнейших государственных обязанностей в целом положительно

сказалось на отражении фашистской агрессии. Как политический руководитель он имел немало достоинств. Маршал А. М. Василевский, чаще других полководцев встречавшийся с И. В. Сталиным, считал его, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, «самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования»[140]. Маршал отмечал в Верховном главнокомандующем огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. С таким выводом выражали солидарность многие полководцы, государственные и военные деятели. Верховный всегда хорошо представлял себе обстановку на фронтах, твердо помнил состав и дислокацию резервов. Благодаря феноменальной памяти он знал не только командующих фронтами и армиями, но и многих командиров корпусов и даже дивизий. Он поддержал выдвижение ряда военачальников, ставших гордостью вооруженных сил: К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, И. Д. Черняховского, П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистрова, К. С. Москаленко, других талантливых маршалов и генералов.

В то же время выполнение И. В. Сталиным функций Верховного главнокомандующего было весьма противоречивым. На его деятельности, особенно в первые годы войны, отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и боевого опыта, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и гипертрофированная вера в собственную непогрешимость. Неоспоримо его умение быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Например, У. Черчилль был поражен, насколько быстро, буквально молниеносно «русский диктатор» раскрыл суть показанного ему плана «Торч» по высадке союзников в Северной Африке, над которым, как писал британский премьер, «мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев»[141].

Однако И. В. Сталин нередко превращал политику в самоцель, не учитывая при этом военно-стратегические соображения. Скажем, в 1942 г. по следам успешной Московской битвы он, вопреки точке зрения Г. К. Жукова и мнению Генерального штаба, настоял на плане стратегического наступления на всем протяжении советско-германского фронта, хотя сил и средств у Красной армии для этого не было. Подобный просчет обернулся тяжелыми поражениями в районе Любани, в Крыму и под Харьковом и утратой завоеванной стратегической инициативы.

По поводу способностей вождя к стратегическому руководству войсками высказано немало точек зрения, в том числе и противоречащих друг другу. «До Сталинградской битвы И. В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве, — подчеркивал Г. К. Жуков в своих мемуарах. — Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций. В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен Гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось. До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил»[142]. По свидетельству полководца, Верховный главнокомандующий только через полтора года войны начал более или менее разбираться в тактических и оперативно-стратегических вопросах. Эту точку зрения разделял и маршал А. М. Василевский: «Завершился процесс роста И. В. Сталина как военачальника после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин стал мыслить категориями современной войны»[143].

Наибольшее влияние на становление И. В. Сталина как Верховного главнокомандующего, по мнению историков, оказали маршалы Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, Г. К. Жуков и генерал армии А. И. Антонов. Так, А. И. Антонов, став в конце 1942 г. начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба, а по существу выполняя обязанности начальника в связи с постоянным пребыванием А. М. Василевского на фронтах, сумел сделать то, что многим представлялось немыслимым — упорядочить деятельность самого Верховного главнокомандующего. Были установлены точные сроки обработки поступающей с фронта информации, определено время докладов руководителей

важнейших структур Генерального штаба и Наркомата обороны, касающихся положения на фронтах, результатов разведки, тылового обеспечения, формирования резервов и прочего. Если до этого доклады И. В. Сталину об обстановке на фронтах строились во многом произвольно, а делали их разные и далеко не всегда самые квалифицированные лица вплоть до комиссара Генштаба, то А. И. Антонов убедил Верховного главнокомандующего в необходимости ввести эту работу в строго упорядоченное русло. Теперь обстановка докладывалась трижды в сутки: в течение дня, как правило, по телефону, а поздно вечером А. И. Антонов подводил итоги лично.

По мере накопления опыта войны ошибок и просчетов у Верховного главнокомандующего стало заметно меньше. И. В. Сталин уже более взвешенно и здраво оценивал возможности Красной армии и потенциал противника. Так, в ходе подготовки Курской битвы он, помня о неудачных попытках стратегического наступления в 1942 г., предпринятого под его давлением, одобрил план, который предусматривал переход к преднамеренной обороне, хотя Вооруженные силы Советского Союза уже обладали достаточным потенциалом для наступления. Обескровив врага в оборонительных боях, выбив его танки, советские войска перешли в контрнаступление и в короткий срок отбросили противника за Днепр.

В И. В. Сталине совмещались, казалось бы, диаметрально противоположные черты: всемерное радение о величии Советского Союза и самонадеянность, в 1941–1942 гг. поставившая страну на грань национальной катастрофы; внимание к кадрам и редкая жестокость к людям-«винтикам»; стратегический ум и поощрение тщеславия. Своим личным триумфом он обязан народу.

Что же касается командующих, то их деятельность была во многом предопределена позицией Верховного главнокомандующего по вопросам планирования, обеспечения и организации боевых действий, а также его отношением к конкретному военачальнику. В годы Великой Отечественной войны должности командующих фронтами занимали 43 маршала и генерала (таблица 1). Динамика изменений в этой категории военачальников в течение первого периода войны была чрезвычайно высокой. Совпали сразу несколько факторов: образование новых оперативно-стратегических объединений, гибель нескольких генералов, постоянная замена одних командующих другими по причине выявившейся в сражениях профессиональной несостоятельности многих маршалов и генералов. Потребность в подготовленных военачальниках резко выросла, а даже небольшой резерв командных кадров оперативно-стратегического и оперативного уровня отсутствовал. Негативную роль сыграла и чистка армии от неугодных военачальников в 1930–1941 гг. Пик пришелся, как известно, на 1937–1938 гг., но и в годы Великой Отечественной войны, особенно в 1941 г., наблюдались ее рецидивы[144]. По некоторым подсчетам, общее число лиц высшего командного, начальствующего и политического состава РККА (от бригадного до высшего звена), репрессированных в 1936–1941 гг., составило 932 человек, в том числе 729 были расстреляны[145]. Накануне и в первый год Великой Отечественной войны примерно 60 генералам, адмиралам, комдивам, комбригам и им равным удалось выйти на свободу и вернуться в строй, среди них К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков, А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, Л. Г. Петровский.

Из-за острейшего кадрового голода за первые 14 месяцев войны на должностях командующих фронтами побывали 36 человек. Это много, учитывая, что в этот период действовало от пяти до десяти фронтов. Так, на Западном фронте за четыре месяца войны сменились семь командующих. «Мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями, — признавал Г. К. Жуков. — Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Будённый, Черевиченко, Тюленев, Рябышев и др.). На армии ставились также малоизученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения у нас не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих фронтами и армиями»[146]. Показательно, что эти нелицеприятные выводы Г. К. Жуков сделал не много лет спустя, а, что называется, по горячим следам, в 1944 г. Так что острота проблемы

Командующие фронтами в годы Великой Отечественной войны

И. Р. Апанасенко

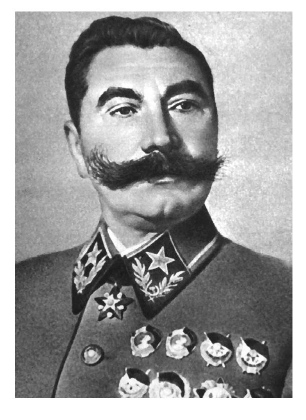
П. А. Артемьев

И. Х. Баграмян

И. А. Богданов

С. М. Будённый

А. М. Василевский

Н. Ф. Ватутин

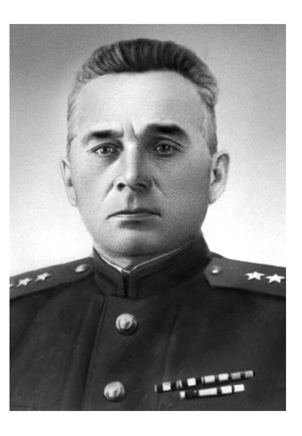
К. Е. Ворошилов

Л. А. Говоров

Ф. И. Голиков

В. Н. Гордов

А. И. Ерёменко

М. Г. Ефремов

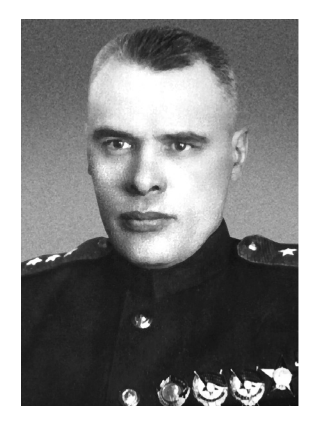
Г. К. Жуков

Г. Ф. Захаров

М. П. Кирпонос

Ф. И. Кузнецов

П. А. Курочкин

Р. Я. Малиновский

И. И. Масленников

М. А. Пуркаев

М. А. Рейтер

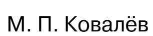

К. К. Рокоссовский

Д. И. Рябышев

М. П. Ковалёв

Д. Т. Козлов

И. С. Конев

Ф. Я. Костенко

К. А. Мерецков

Д. Г. Павлов

И. Е. Петров

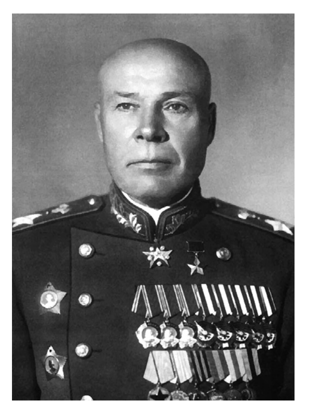
М. М. Попов

П. П. Собенников

В. Д. Соколовский

С. К. Тимошенко

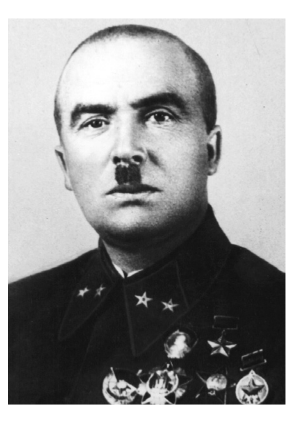

Ф. И. Толбухин

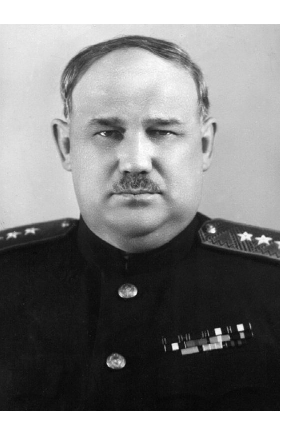

И. В. Тюленев

И. И. Федюнинский

В. А. Фролов

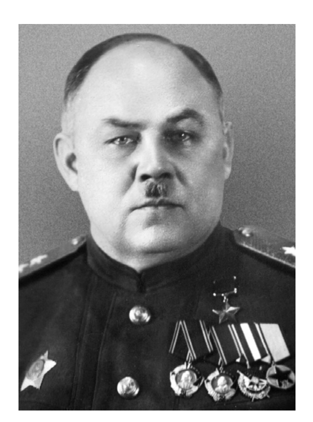
М. С. Хозин

Я. Т. Черевиченко

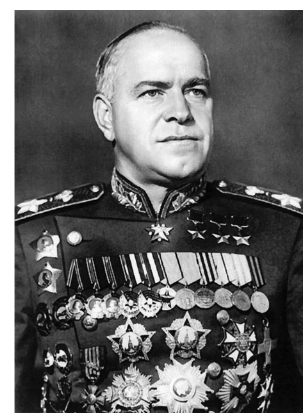

И. Д. Черняховский

Н. Е. Чибисов

Начальники Генерального штаба РККА в годы Великой Отечественной войны

Г. К. Жуков
(январь — июль 1941 г.)

Б. М. Шапошников
(июль 1941 — май 1942 г.)

А. М. Василевский
(май 1942 — февраль 1945 г.)

А. И. Антонов
(февраль 1945 — март 1946 г.)

Командующие флотами в годы Великой Отечественной войны

Л. А. Владимирский

А. Г. Головко

Ф. С. Октябрьский

В. Ф. Трибуц

И. С. Юмашев

Командующие фронтами на заключительном этапе Великой Отечественной войны.
Слева направо сидят: И. С. Конев, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков;
стоят: Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян

осознавалась еще в ходе войны, и заместитель Верховного главнокомандующего говорил о ней в свойственной ему манере — предельно откровенно, не сглаживая углов.

Корпус командующих фронтами, по существу, сформировался лишь к осени 1942 г. В последующие 32 месяца войны такое высокое назначение получили всего семь новых военачальников из 43. Что было общим, типичным для корпуса командующих фронтами? Среди них нет ни одного человека, кто занимал в старой армии сколько-нибудь заметный пост. Большинство по происхождению крестьяне, реже — рабочие и мещане. А. М. Василевский — сын священника. Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, С. К. Тимошенко, А. И. Ерёменко, С. М. Будённый вышли из солдатской среды императорской армии. А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Ф. И. Толбухин, И. Х. Баграмян дослужились там до офицеров, но невысокого ранга. Лишь М. А. Рейтер имел полковничий чин. Потом они добровольно вступили в Красную армию. Единственный из будущих полководцев — Л. А. Говоров на некоторое время оказался по другую сторону баррикад: в 1918–1919 гг. служил у А. В. Колчака, будучи насильственно мобилизованным. Потом бежал и, встретившись с частями Красной армии, вступил в нее добровольцем. Как ни покажется невероятным, но этот факт биографии на карьере Л. А. Говорова не отразился. Более того, в 1942 г. он, командующий Ленинградским фронтом, был принят в ВКП(б) без прохождения кандидатского стажа, а в 1945 г. удостоился высшего полководческого ордена Победы.

Мастерство будущих крупнейших полководцев Великой Отечественной войны, а тогда довольно молодых полковников, комбригов и комдивов, крепло в 1930-е — начале 1940-х гг. в Испании и Китае, в боях в районе озера Хасан, на р. Халхин-Гол и Карельском перешейке. Много занимались они и военной теорией. В одной из книг Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна есть упоминание о том, что кое-кто из западногерманских генералов-мемуаристов утверждал: русские полководцы побили гитлеровцев потому, что, обучаясь в военной академии рейхсвера, усвоили военную премудрость по рецептам прусской военной школы. И. Х. Баграмян называет такие утверждения зловредной фальсификацией[147]. И не без основания. Советские полководцы учились дома, в военных академиях и на многочисленных курсах усовершенствования командного состава, учились напряженно, в большинстве своем понимая, что в век техники на привычном боевом коне далеко не уедешь. До 1941 г. успели прослушать курс Военной академии Генерального штаба И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, Г. Ф. Захаров, П. А. Курочкин. Высшее академическое образование имели 32 командующих, то есть каждые трое из четырех.

Таблица 1

Некоторые социально-демографические и служебные характеристики командующих фронтами в годы войны[148]

Фамилия, инициалы	Год рождения	Национальность	Образование*	Пребывание в должности	Причина выбытия с должности
Апанасенко И. Р.	1890	Русский	ВАФ	05.1941–06.1943	Перевод к новому месту службы
Артемьев П. А.	1897	Русский	ВАФ	12.1941–10.1943	Расформирование фронта
Баграмян И. Х.	1897	Армянин	ВАФ, ВАГШ	11.1943–05.1945 (с перерывами)	—
Богданов И. А.	1897	Русский	ВАФ	07.1941–08.1941	Снижение в должности
Будённый С. М.	1883	Русский	ВАФ	06.1941–08.1942 (с перерывами)	Отстранение от должности
Василевский А. М.	1985	Русский	ВАГШ	02.1945–05.1945	Отозван Ставкой ВГК для планирования Дальневосточной кампании

Ватутин Н. Ф.	1901	Русский	ВАФ, ВАГШ	07.1942–02.1944	Гибель в бою
Ворошилов К. Е.	1881	Русский	нет	08.1941–09.1941	Отстранение от должности
Говоров Л. А.	1897	Русский	ВАФ, ВАГШ	06.1942–03.1945	Расформирование фронта
Голиков Ф. И.	1900	Русский	ВАФ	04.1942–04.1943 (с перерывами)	Отстранение от должности
Гордов В. Н.	1896	Русский	ВАФ	07–08.1942	Отстранение от должности
Ерёменко А. И.	1892	Русский	ВАФ	06.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Ефремов М. Г.	1897	Русский	ВАФ	08.1941–09.1941	Снижение в должности
Жуков Г. К.	1896	Русский	ВКУКС	08.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Захаров Г. Ф.	1897	Русский	ВАФ, ВАГШ	10.1941–11.1944	Снижение в должности
Кирпонос М. П.	1892	Украинец	ВА	06.1941–09.1941	Гибель в бою
Ковалёв М. П.	1897	Русский	ВА	09.1941–05.1945	—
Козлов Д. Т.	1896	Русский	ВАФ	08.1941–05.1942	Отстранение от должности
Конев И. С.	1897	Русский	ВАФ	09.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Костенко Ф. Я.	1896	Украинец	КУВНС	12.1941–05.1942	Гибель в бою
Кузнецов Ф. И.	1898	Русский	КУВНС, ВАФ	06.1941–08.1941	Снижение в должности
Пуркаев М. А.	1894	Мордвин	КУВНС, ВАФ	08.1942–05.1945	—
Рейтер М. А.	1886	Латыш	КУВНС, ВАФ	09.1942–07.1943	Снижение в должности
Рокоссовский К. К.	1896	Поляк	КУВНС	07.1942–05.1945	—
Рябышев Д. И.	1894	Русский	ВАФ	08.1941–11.1941	Отстранение от должности
Собенников П. П.	1894	Русский	КУВНС	07.1941–08.1941	Отстранение от должности
Соколовский В. Д.	1897	Русский	ВА	02.1943–04.1944	Отстранение от должности
Тимошенко С. К.	1895	Украинец	ВАК	07.1941–03.1943	Снижение в должности
Толбухин Ф. И.	1894	Русский	ВАФ	03.1943–05.1945	—
Тюленев И. В.	1892	Русский	КУВНС, ВАФ	06.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Федюнинский И. И.	1900	Русский	КУВНС	10.1941	Снижение в должности
Фролов В. А.	1895	Русский	ВАФ	08.1941–02.1942	Снижение в должности
Хозин М. С.	1896	Русский	КУКС	10.1941–04.1942	Снижение в должности
Черевиченко Я. Т.	1894	Украинец	ВАФ	10.1941–03.1942	Снижение в должности
Черняховский И. Д.	1906	Украинец	ВАММ	04.1944–02.1945	Гибель в бою
Чибисов Н. Е.	1892	Русский	ВАФ	07.1942	Снижение в должности

* ВАФ — Военная академия имени М. В. Фрунзе; ВАГШ — Военная академия Генерального штаба; ВКУКС — Высшие курсы усовершенствования командного состава; ВА — Военная академия Генштаба; ВАК — Высшие академические курсы при ВА ГШ; ВАММ — Военная академия механизации и моторизации; КУВНС — Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава; КУКС — Курсы усовершенствования командного состава.

Не удалось получить академического образования Г. К. Жукову и К. К. Рокоссовскому, но благодаря неустанной самостоятельной работе они свое редкое природное дарование обогатили военной теорией в полном объеме. Известный американский историк Г. Солсбери писал о Г. К. Жукове, что «он знал назубок всю классическую военную литературу от Цезаря до Клаузевица». Что же касается К. К. Рокоссовского, то он всю жизнь был истым книгочеем, неустанно учился, поражая сослуживцев общей и военной эрудицией[149].

Говоря о типичных чертах наших полководцев, уместно вспомнить о досье на них, обнаруженном среди трофейных немецких документов. Министр пропаганды Й. Геббельс 18 марта 1945 г. записал в своем дневнике: «Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в прошедшие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге Генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы вообще конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился: наш генералитет слишком стар и слишком израсходовался»[150]. Дело, разумеется, не только в происхождении, не только в политических убеждениях, хотя и они играли огромную роль. Большинство наших полководцев оказались попросту талантливее, нежели гитлеровские фельдмаршалы и генералы. Есть все основания согласиться с утверждением И. Х. Баграмяна, что советские полководцы «по своему профессиональному уровню превзошли военачальников капиталистических стран» (прежде всего, конечно, фашистской Германии)[151].

Однако все это проявилось позже, по ходу войны. Испытания же первыми сражениями не выдержал ни один из командующих созданными 22 июня 1941 г. Северным, Северо-Западным, Западным, Юго-Западным и Южным фронтами: М. М. Попов, Ф. И. Кузнецов, Д. Г. Павлов, М. П. Кирпонос, И. В. Тюленев соответственно. В условиях, когда противник вследствие просчетов высшего политического и военного руководства Советского Союза сразу же захватил стратегическую инициативу, советские войска были бы вынуждены отступать независимо от того, кто ими руководил. Но, учитывая недостаточную подготовленность именно тех лиц, кто 22 июня встал во главе фронтов, события неизбежно должны были принять катастрофический характер, как, собственно, и произошло. За исключением генерала армии И. В. Тюленева, все названные выше генералы стали командующими фронтами «по принадлежности», поскольку руководили соответствующими военными округами, преобразованными во фронты. Но сколько-нибудь серьезного опыта командования объединениями не имели.

Генерал армии Д. Г. Павлов стал командующим Западным особым военным округом, реорганизованным в Западный фронт, немногим более чем за год до начала войны с Германией. Быстрому служебному росту он обязан героическим участием в национально-революционной войне в Испании и Советско-финляндской войне. В Испании он командовал лишь танковой бригадой, на пост командующего пришел с должности начальника Автобронетанкового управления РККА, получив в подчинение сразу 44 дивизии.

Генерал-полковник М. П. Кирпонос, будучи генерал-майором, тоже отличился в войне с Финляндией, где командовал стрелковой дивизией. Потом неполные три месяца возглавлял стрелковый корпус, откуда был назначен сразу командующим Ленинградским, а затем Киевским особым военным округом. Являясь командующим Юго-Западным фронтом, самым крупным по численности войск, имел в подчинении еще большие, чем Д. Г. Павлов, силы — 58 соединений. Новые масштабы оказались обоим военачальникам просто не по плечу. С первых же минут войны они утратили нити управления соединениями фронта, проявили

растерянность, ставили подчиненным войскам нереальные задачи. Это была не столько их вина, сколько беда. И, к глубокому сожалению, горе для вверенных им войск.

По-разному сложилась судьба первой пятерки командующих. Д. Г. Павлов был снят с должности уже через неделю, предан суду Военной коллегии Верховного суда СССР и вместе со своими ближайшими подчиненными расстрелян 22 июля 1941 г. М. П. Кирпонос погиб в окружении 20 сентября 1941 г. Остальные трое военачальников были отстранены от своих обязанностей. Ф. И. Кузнецов вскоре возглавил вновь образованный Центральный фронт, но не справился и с ним. Не проявил он себя и как командарм. В конце концов, И. В. Сталин удалил его из действующей армии, направив командующим одним из тыловых военных округов. И. В. Тюленев в 1942 г. возглавлял некоторое время воевавший Закавказский фронт, где и пробыл до конца войны. И лишь М. М. Попов, самый молодой из указанных лиц (к началу войны ему не исполнилось и 39 лет), позднее смог не только формально, по должности, но и фактически реализовать себя. В ходе войны он командовал армиями, фронтами, а завершил войну начальником штаба Ленинградского фронта.

Несмотря на большие потери и серьезные поражения, которые в начале войны потерпели вверенные им войска, первые командующие фронтами, думается, не заслуживают порицания потомков. Это были храбрые, мужественные люди, они буквально рвались в бой, кое-кто поплатился и жизнью. А воевали они, как умели. В августе 1941 г. И. В. Тюленев, помня о лихих рейдах 1-й конной армии, в которой ему довелось служить в Гражданскую войну, лично повел подчиненных в атаку, получив при этом ранение. И. В. Сталин, которому генерал позвонил из госпиталя, отчитал его за лихачество, резонно заметив, что не дело генерала армии ходить в атаки. И. В. Тюленев тяжело переживал этот разговор и, возвращаясь к нему в своих рассказах, восклицал: «Да мало ли чего не положено! Я ведь человек, а не параграф»[152].

То, что первые командующие оказались не на месте, стало следствием не только их личных и служебных качеств, но и пагубной кадровой политики. Уже первые сражения войны показали, что далеко не все герои боев в Испании, Китае, Монголии, Финляндии, которых И. В. Сталин накануне Великой Отечественной выдвинул на смену прежнему поколению военачальников, справлялись с многотрудными обязанностями. И вновь руководству страны, как и после Советско-финляндской войны, пришлось идти на кардинальное обновление высшего командного состава. Однако, как уже говорилось выше, необходимым кадровым резервом Верховное главнокомандование не располагало, поэтому вынуждено было следовать путем проб и ошибок. Те, кто сменил указанных выше командующих, также сравнительно быстро оставили свои посты.

На Северо-Западный фронт вместо Ф. И. Кузнецова в начале июля 1941 г. был назначен генерал-майор П. П. Собенников. Его опыт руководства армией исчислялся несколькими месяцами, причем в военное время — несколькими днями. Действовал он неудачно и через полтора месяца был заменен, а затем осужден. Президиум Верховного Совета СССР, лишив его генеральского звания и наград, помиловал и направил на фронт. Войну П. П. Собенников закончил в звании генерал-лейтенанта на должности заместителя командующего армией.

Генерал-лейтенант М. М. Попов, переведенный с должности командующего войсками Северного фронта на аналогичную должность на вновь созданный Ленинградский фронт, уже в начале сентября был заменен маршалом К. Е. Ворошиловым. Но И. В. Сталин быстро убедился, что бывший нарком обороны совершенно не владеет мастерством ведения современной войны. «Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта, — телеграфировал Верховный главнокомандующий К. Е. Ворошилову 1 сентября 1941 г. — Ленинградский фронт занят только одним: как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончить с героями отступления? Ставка последний раз разрешает Вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда». Но чем мог по-настоящему ответить военачальник, придерживающийся архаичных взглядов на военное искусство?

8 сентября гитлеровцам удалось прорваться к Ладожскому озеру и захватить Шлиссельбург. Связь с Большой землей по суше прервалась, город на Неве был полностью блокирован

врагом. Во главе Ленинградского фронта с 10 сентября встал генерал армии Г. К. Жуков. Для К. Е. Ворошилова этот опыт руководства фронтом оказался единственным. От предложения возглавить Волховский фронт он уклонился, заявив, что «не хочет проваливаться на этом деле». Полностью разочаровавшись в бывшем наркоме, И. В. Сталин больше не назначал его на самостоятельную командную работу оперативно-стратегического масштаба.

На западном и юго-западном направлениях поначалу также была сделана попытка прибегнуть к опыту довоенных маршалов. Командующим Западным фронтом был назначен нарком обороны С. К. Тимошенко. 10 июля, когда были учреждены особые органы стратегического управления — главные командования, он возглавил также главкомат на Западном стратегическом направлении. Маршал Советского Союза С. М. Будённый возглавил главкомат Юго-Западного направления (аналогичную должность на Северо-Западном направлении занял К. Е. Ворошилов). Но поскольку перелома в ходе неудачных для Красной армии сражений добиться не удалось, то И. В. Сталин отказался от услуг военачальников, исповедовавших в основном устаревшие представления о природе современной войны, формах и способах ведения боевых действий. С. М. Будённый в сентябре 1941 г. стал во главе Резервного фронта, действовал неудачно, был переведен на Северо-Кавказский фронт, где в августе 1942 г. и завершил ту часть своей биографии, которая была связана с командованием фронтами.

Из трех названных маршалов наиболее достойным, в целом оказавшимся на уровне требований современной войны был С. К. Тимошенко, который сменил С. М. Будённого на посту главкома Юго-Западным направлением и одновременно стал командующим Юго-Западным фронтом вместо погибшего генерал-полковника М. П. Кирпоноса. Бесспорно, он несет значительную долю ответственности за тяжелое поражение советских войск под Харьковом в мае 1942 г., но многое у него и в полководческом активе. Именно руководимые им войска Юго-Западного стратегического направления провели в ноябре 1941 г. первое в истории Великой Отечественной войны успешное контрнаступление в районе Ростова-на-Дону. Зимой 1943 г. он удачно руководил Демянской наступательной операцией на Северо-Западном фронте. Правда, после этого командовать фронтами ему уже не довелось. «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, — высказывал свое мнение Г. К. Жуков, — изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой и образованный и в тактическом, и в оперативном отношениях. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока им был, кое-что успел повернуть в армии к лучшему. Случилось так, что... ему больше не поручалось командовать фронтами, хотя в роли командующего фронтом он мог быть много сильнее некоторых других командующих, таких, например, как Ерёменко. Но Сталин был на него сердит и после Харькова, и вообще, и это сказалось на его судьбе на протяжении всей войны. Он был человеком твердым, и как раз он никогда не занимался заискиванием перед Сталиным, если бы он этим занимался, вполне возможно, что он получил бы фронт»[153].

И, наконец, о положении с руководством боевыми действиями на Южном фронте. Генерал-лейтенант Д. И. Рябышев, сменивший И. В. Тюленева, командовал войсками около 40 дней. Новый командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко продержался на должности до декабря 1941 г. К слову, оба они, старые кавалеристы, завершили войну, возглавляя стрелковые корпуса. Вероятно, это и был тот высший предел, на котором они могли успешно действовать, руководя войсками.

1941 г. был не только временем «отбраковки» тех военачальников, которые не смогли достойно проявить себя, управляя войсками фронтов. Все более активно проявляли себя те генералы, которые вынесли на себе основную тяжесть войны в этих и более высоких должностях. Это были полководцы новой формации: И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, И. Д. Черняховский и некоторые другие, по праву руководившие решающими сражениями Великой Отечественной войны.

Несложная статистика поможет составить более полное представление о тех полководцах, которые заметно выдвинулись в ходе войны. Она длилась 46 месяцев, и 43 из них командовал фронтами И. С. Конев, более 36 месяцев — Л. А. Говоров, 34 месяца — К. К. Рокоссовский. Свое право вести в сражения огромные массы войск и техники они завоевали неоспоримыми достоинствами: умом, талантом, волей. При этом не следует забывать, что у руля фронтов они вставали не в ореоле славы, а сравнительно молодыми генералами, еще не очень известными. И выдержали конкуренцию с талантливыми военачальниками, назовем хотя бы таких же командующих фронтами и армиями на разных этапах войны: П. И. Батов, А. В. Горбатов, Г. Ф. Захаров, П. А. Курочкин, И. Е. Петров, М. М. Попов, М. А. Пуркаев.

Каждый из них отличался своим полководческим почерком. И. С. Конев, например, обладал редкой интуицией, умело сочетал мощь артиллерии с быстротой, натиском и внезапностью удара. Некоторые зарубежные военные историки называют его «гением внезапности». К началу войны это был вполне сложившийся, с большим опытом руководства войсками на всех уровнях, начиная с подразделения и заканчивая объединениями, военачальник. Военную форму И. С. Конев надел еще в Первую мировую войну. Вступив в Красную армию в августе 1918 г., всю Гражданскую войну прошел комиссаром, но все время тяготел к командной работе. В июле 1926 г. он был назначен командиром-военкомом полка, и уже на следующий год в его аттестации отмечалось, что И. С. Конев — «инициативный, энергичный и решительный командир». С сентября 1937 г. он командир 58-го особого стрелкового корпуса, командующий армией, командующий войсками Забайкальского, Северо-Кавказского (по июнь 1941 г.) военных округов. Много позже, в 1960-е гг., И. С. Конев предельно ясно изложил понимание того, как стать полноценным военачальником, способным командовать крупными соединениями и объединениями. Такого может создать только долгая военная школа, неторопливое, основательное прохождение всех ее ступеней, связанное с устойчивой любовью к пребыванию в войсках, проведению учений, непосредственному командованию, действиям в поле. Без этого, по убеждению маршала, разносторонний человек с хорошим военным образованием, волевой и имеющий свой почерк в действиях на поле боя, не может родиться. Не покомандовав полком, дивизией, корпусом, трудно стать полноценным командующим фронтом[154]. Нет сомнений, что к такому выводу видный полководец пришел, анализируя не только собственную службу, но и боевой путь многих других военачальников, в том числе тех, кто, вспыхнув, как звезда, так же быстро затухал. Маршал знал, о чем говорил. Сам И. С. Конев прошел все ступени без исключения. В годы Великой Отечественной войны командовал 19-й армией, войсками Западного, Калининского, Северо-Западного, Степного и 1-го Украинского фронтов. Ведомые им войска неизменно действовали на важнейших стратегических направлениях и отличились в Московской и Курской битвах, битве за Днепр, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. Правда, И. С. Конев не всегда уверенно руководил войсками в обороне, особенно в начале войны. Так, будучи командующим Западным фронтом, защищавшим Москву, в сентябре 1941 г. допустил, как и командующий Резервным фронтом маршал С. М. Будённый, фактический развал фронта. Поправлять дело тогда пришлось Г. К. Жукову.

Непревзойденным мастером боевого применения артиллерии, человеком высочайшей организованности проявил себя Л. А. Говоров. К началу Великой Отечественной войны он был одним из наиболее образованных командиров в Красной армии: окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба РККА, занимался наукой. Во время войны с Финляндией испытал себя как практик в должности начальника штаба артиллерии 7-й армии. Великую Отечественную генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров встретил на посту начальника Военно-артиллерийской академии. Когда в ходе битвы под Москвой был ранен командарм 5-й общевойсковой армии генерал Д. Д. Лелюшенко, на его место командующий Западным фронтом Г. К. Жуков выдвинул Л. А. Говорова, который возглавлял артиллерию Резервного и Западного фронтов. И не ошибся. В июне 1942 г. Л. А. Говоров принял командование уже войсками Ленинградского фронта. Этому фронту

он остался верен на протяжении всей войны. Вот один лишь пример его полководческого таланта. Перебравшись в Ленинград, он пришел, казалось бы, к немыслимому для условий блокированного города решению: придать обороне максимально активный характер. Для этого он задумал создать из сил, замкнутых вражеским кольцом, ударную (!) группировку для проведения крупной операции. И этот план методично и настойчиво проводил в жизнь. В течение лета и осени 1942 г. удалось, не нарушая устойчивости обороны, вывести из первого эшелона семь стрелковых дивизий. Забегая вперед, скажем, что созданная из них ударная группировка сыграла ключевую роль при осуществлении операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. А 27 января 1944 г. под руководством генерала Л. А. Говорова блокада была полностью ликвидирована. Позднее по приказу Ставки он координировал действия своего, а также 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Стратегические успехи полководца были заслуженно отмечены высшим военным орденом Победы.

Генерал армии К. А. Мерецков в отличие от большинства других полководцев, выдвинувшихся в ходе войны, к ее началу занимал должность заместителя наркома обороны, а до этого был начальником Генерального штаба. В качестве командующего армией отличился в войне с Финляндией, стал Героем Советского Союза. 23 июня он был неожиданно арестован по обвинению в военном заговоре. Только в сентябре, пройдя пытки и издевательства, по прямому указанию И. В. Сталина был освобожден и направлен на фронт. К. А. Мерецков стал командующим 7-й отдельной армией, которая в сентябре 1941 г. остановила наступление противника на рубеже р. Свирь, а затем возглавил 4-ю армию, участвовавшую в разгроме врага под Тихвином. В декабре 1941 г. К. А. Мерецков возглавил вновь образованный Волховский фронт и командовал им до февраля 1944 г. Чаще всего ему приходилось решать очень сложные задачи при ограниченных силах: Ставка направляла резервы в первую очередь на другие фронты, где в тот или иной момент определялся ход войны. Но полководец не подводил и при таком обороте дела. Когда встал вопрос об освобождении Карелии и Заполярья, Ставка, определяя, кому быть командующим Карельским фронтом, протянувшимся от Ладожского озера до полярных морей, вновь остановила выбор на К. А. Мерецкове. При нем войска фронта провели две наступательные операции: Свирско-Петрозаводскую (июнь — август 1944 г.), в ходе которой была освобождена Южная Карелия, и Петсамо-Киркенесскую (октябрь 1944 г.), завершившуюся изгнанием фашистов из Заполярья и северной части Норвегии. Обе эти операции относятся к выдающимся достижениям советского военного искусства, и их автор был по праву удостоен звания Маршал Советского Союза.

Сложная биография выпала на долю К. К. Рокоссовского. Он также подвергся репрессиям, но в отличие от К. А. Мерецкова был освобожден после трехлетнего заключения еще до войны, в марте 1940 г. Он вступил в командование кавалерийским корпусом, то есть вернулся на должность, которую занимал еще в 1936—1937 гг. За эти годы его бывший подчиненный Г. К. Жуков вырос до генерала армии, командующего Киевским особым военным округом. С первого дня Великой Отечественной войны генерал-майор К. К. Рокоссовский сражался во главе мехкорпуса на Юго-Западном фронте, командовал армейской группой, а затем вступил в командование легендарной 16-й армией, героически отстаивавшей Москву. С июля 1942 г. и до конца войны К. К. Рокоссовский командовал фронтами: Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 2-м Белорусским. Он принимал непосредственное участие в руководстве войсками в битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, за освобождение Украины и Белоруссии, в Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операциях, в завершающем разгроме нацистской Германии. Его отличали умение гибко маневрировать войсками в ходе операций, исключительно яркое творческое начало при планировании и организации боевых действий, твердый характер и воля. В ходе обсуждения в Ставке плана стратегической операции «Багратион» (по освобождению Белоруссии летом 1944 г.) произошла такая коллизия. Командующий предложил наступать сразу на двух участках фронта — так диктовал характер местности. И. В. Сталин не соглашался. Дважды посылал он командующего в соседнюю комнату «подумать», считая, что следует придерживаться канонов военного искусства, не распылять, как ему казалось, силы, а, наоборот, добиваться подавля-

ющего преимущества на одном участке. Но К. К. Рокоссовский настоял на своем и оказался прав. Начавшееся 24 июня наступление было успешным. За пять дней боев, прорвав оборону врага на 200-километровом фронте, войска 1-го Белорусского фронта окружили и уничтожили бобруйскую группировку и продвинулись в глубину более чем на 100 км. Темп наступления составлял 22 км в сутки. Так настойчивость К. К. Рокоссовского перед лицом Верховного главнокомандующего дала свои плоды. И оценена она была по достоинству: с 29 июня 1944 г. на плечах полководца появились погоны Маршала Советского Союза. 24 июня 1945 г. ему было предоставлено более чем заслуженное право командовать парадом Победы.

Среди выдающихся советских полководцев особо выделяется фигура маршала Г. К. Жукова. Войну он начал на посту начальника Генерального штаба. Однако некоторые историки полагают, что это назначение «следует считать серьезной ошибкой»[155]. Не слишком ли категорично? Вероятно, оно было не самым оптимальным, но никак не ошибкой, учитывая дальнейшую карьеру полководца. В самом деле, смог бы Г. К. Жуков так быстро стать ключевой фигурой в высшем командном составе РККА, если бы начал войну, будучи не начальником Генштаба, а командующим войсками военного округа? Находясь, пусть менее года, на втором по значимости посту в военной организации страны, он изнутри изучил механизм стратегического управления вооруженными силами и получил бесценный опыт управления для его последующей деятельности на постах командующего войсками ряда фронтов, заместителя Верховного главнокомандующего и представителя Ставки ВГК. Г. К. Жуков обладал редчайшим даром предвидения, что в первую очередь отличает талантливого полководца. Подтверждений этому — масса. Например, в июле 1941 г. в ставке германской армии еще только вынашивалась идея поворота части войск, наступавших на Москву, на юг для удара во фланг Юго-Западного фронта, а Г. К. Жуков, тогда начальник Генштаба, уже уловил готовившееся изменение в планах командования противника. Он аргументированно доложил И. В. Сталину свое видение предстоящих событий: противник на московском направлении пока наступать не будет, что же касается войск Юго-Западного фронта, то их следует отвести за Днепр, оставив при этом Киев. Вывод жесткий, суровый, но отражавший складывавшуюся обстановку. Увы, Верховный главнокомандующий не обладал такой прозорливостью и отверг предложение полководца. В результате и Киев был потерян, и войска Юго-Западного фронта разгромлены.

Помимо глубокого, гибкого ума и дара предвидения Г. К. Жукова отличали редкая сила воли, непреклонная решимость выполнить поставленную задачу, твердость управления. Эти качества особенно требовались в условиях сложившегося в СССР жесткого руководства, когда политические руководители, совершенно некомпетентные в военном деле, очень часто имели возможность бесконтрольно вмешиваться в деятельность командующих. Как писал маршал И. Х. Баграмян, Г. К. Жуков обладал «умением смело отстаивать свое мнение и идти к намеченной цели прямым путем, а не робкими зигзагами»[156]. Известно, что первый приход Г. К. Жукова на пост командующего фронтом (Резервным) произошел в результате конфликта с И. В. Сталиным, который назвал «чепухой» предложение начальника Генштаба оставить Киев и подумать о наступлении в районе Ельни. Успешно осуществив в сентябре 1941 г. первую в истории войны наступательную операцию и ликвидировав опасный для левого крыла Западного фронта ельнинский выступ, Г. К. Жуков не только доказал, что советские войска способны успешно наступать, но и заставил Верховного главнокомандующего поверить в его полководческий дар. Г. К. Жуков был назначен командующим Ленинградским фронтом, где менее чем за месяц ему удалось стабилизировать ситуацию, отразить попытки врага взять город и вселить в его защитников веру в победу. В начале октября, когда немцы в районе Вязьмы окружили значительную часть войск Западного (командующий — И. С. Конев) и Резервного (командующий — С. М. Будённый) фронтов и дорога на Москву оказалась открытой, Г. К. Жуков был срочно отозван из Ленинграда и назначен командующим войсками Западного фронта. Как известно, он полностью справился с поставленной задачей. Возглавляемые им войска не только удержали Москву, но и успешно осуществили первую стратегическую наступательную операцию, отбросив врага не менее чем на 150 км на запад.

В августе 1942 г. Г. К. Жуков был назначен первым заместителем наркома обороны. Ранее эту должность занимал Маршал Советского Союза С. М. Будённый, и его замена более чем явственно обозначила направление, по которому в РККА шло обновление корпуса высших военных руководителей. Г. К. Жуков стал также заместителем (единственным) Верховного главнокомандующего. Одно лишь краткое перечисление стратегических операций Красной армии, в разработке и осуществлении которых он принимал активное участие в качестве заместителя Верховного главнокомандующего и представителя Ставки ВГК, говорит само за себя. С августа 1942 по ноябрь 1944 г. в 15 случаях на него возлагалась обязанность по координации действий фронтов. При этом маршал, получив право отдавать приказы и распоряжения их командующим, нес полную ответственность за исход операции. В ходе Сталинградской битвы он координировал действия войск Донского и Юго-Западного фронтов, летом 1943 г. — действия Западного, Брянского, Центрального, а затем Воронежского и Степного фронтов в Курской битве. С июля по ноябрь 1944 г. эта функция лежала на нем при освобождении Белоруссии силами 1-го и 2-го Белорусских фронтов. 1 марта 1944 г. ему пришлось неожиданно, после гибели генерала армии Н. Ф. Ватутина, принять командование войсками 1-го Украинского фронта. Несмотря на то что до начала запланированной Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, имевшей целью разгром (во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта) основных сил немецкой группы армии «Юг», оставались считаные дни, Г. К. Жуков не стал просить отсрочки. Трех дней хватило ему, чтобы не только досконально разобраться в обстановке, но и крепко взять нити управления в свои руки. В ходе операции войска Г. К. Жукова освободили почти 60 украинских городов, в том числе Винницу, Проскуров, Черновцы, вышли к предгорьям Карпат. Именно для того чтобы отмечать успехи в таком вот стратегическом управлении войсками, был учрежден высший полководческий орден Победы. Есть высшая справедливость в том, что первым кавалером это ордена стал Г. К. Жуков. И еще одна блестящая страница его ратной биографии связана с руководством фронтом. Возглавив в ноябре 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта, Г. К. Жуков, действуя бок о бок с командованием других фронтов, успешно осуществил Висло-Одерскую, а затем и Берлинскую операции.

Небезынтересны взгляды самого маршала на полководческое искусство. «Чтобы называться полководцем, — говорил он, — надо при всех других положительных личных качествах обладать еще стратегическим талантом и, что не менее важно, с бесстрашием брать на себя ответственность за разработанное и принятое решение, отстаивать это решение, чего бы тебе это ни стоило. Полководец не должен бояться риска. Если бы военное искусство заключалось в том, чтобы избегать риска, то лавровые венки, вероятно, украшали бы весьма посредственные таланты... Мудрость и мужество полководца — это прежде всего мужество и здравый смысл при принятии решений. Полководец, который заглядывает в уставы, чтобы найти там решение стоящей перед ним задачи, так же мало заслуживает доверия, как врач, который при определении диагноза стал бы заглядывать в справочник»[157]. Чтобы высказаться столь веско и убедительно, надо было не только взять на себя, но и с достоинством пронести через всю войну колоссальную тяжесть ответственности за судьбу страны. Тяжесть редкую, неимоверную, но оказавшуюся по плечу Г. К. Жукову. По оценкам многих военных историков, после А. В. Суворова полководца такого масштаба наше Отечество не знало.

Новая генерация командующих фронтами в полной мере утвердилась уже в 1943 г. В 1944 г. их число пополнил лишь один военачальник — генерал-полковник И. Д. Черняховский, начавший войну полковником, командиром танковой дивизии и выросший к моменту трагической гибели в феврале 1945 г. до генерала армии, самого молодого и одного из самых перспективных полководцев Вооруженных сил Советского Союза.

В 1945 г. корпус командующих фронтами пополнился еще одним военачальником — Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, принявшим командование войсками 3-го Белорусского фронта после гибели И. Д. Черняховского. Это был выдающийся мастер стратегического планирования. Начальник Генерального штаба с 1942 г., представитель Ставки ВГК в ряде фронтов, он впервые стал командующим фронтом, но тем не менее сумел

проявить себя с самой лучшей стороны. А. М. Василевский обладал редким даром тактично побуждать подчиненных к тому, чтобы они сами находили нужные решения и не ждали по каждому случаю приказов и указаний.

Что позволяло утвердиться новой генерации полководцев? За редким исключением, все они имели высшее профессиональное образование, подкрепленное бесценным опытом практического руководства войсками. Большинство из них росло в должности, не перескакивая основные ступени, как их предшественники — командующие 1941 г. При этом большинство командующих фронтами 1943–1945 гг. были сравнительно молодыми, до 50 лет. Их мастерство созревало постепенно (относительно, конечно, учитывая сроки, диктуемые войной), они получали возможность качественно освоить обязанности на нижестоящей должности, прежде чем перейти на вышестоящую. Наиболее яркий пример — И. Д. Черняховский, уже в ходе войны прошедший должности командира дивизии, корпуса, армии. К. К. Рокоссовский начал войну командиром механизированного корпуса, затем командовал армией. Аналогичный путь прошел Р. Я. Малиновский с той лишь разницей, что вначале он командовал стрелковым корпусом, затем освоил обязанности командарма. Л. А. Говоров, прежде чем встать во главе Ленинградского фронта, командовал артиллерией стратегического направления, фронта, затем возглавил общевойсковую армию. Ф. И. Толбухин, имевший опыт командования дивизией еще до войны, начал ее начальником штаба фронта, затем был заместителем командующего фронтом, командующим армией и только после почти двух лет войны ему был доверен фронт.

Во второй половине войны число командующих фронтами стало сокращаться в силу двух основных причин: во-первых, ошибок и неудачных действий отдельных военачальников, во-вторых, уменьшения числа фронтов действующей армии. Так, в апреле 1943 г. генерал-полковник Ф. И. Голиков с поста командующего Воронежским фронтом был переведен в центральный аппарат, став начальником Главного управления кадров Наркомата обороны. За этим перемещением скрывалось острое недовольство Верховного командования действиями Ф. И. Голикова, не сумевшего закрепить успех наступления на харьковском направлении и позволившего гитлеровцам повторно захватить Харьков. В 1944 г. расстался с должностью командующий Западным фронтом генерал армии В. Д. Соколовский, в течение полугода безрезультатно предпринявший несколько наступательных операций, которые сопровождались большими потерями. На 2-м Прибалтийском фронте утратил свой пост и был снижен в воинском звании до генерал-полковника М. М. Попов. Причина — серьезные просчеты в руководстве войсками.

По мере приближения конца войны и сокращения линии фронта число оперативно-стратегических объединений уменьшалось, поэтому на всех достойных полководцев их уже не хватало. В связи с этим на другие должности были перемещены или направлены в распоряжение Ставки ВГК такие полководцы, как Л. А. Говоров, Г. Ф. Захаров и некоторые другие.

И еще один факт: в корпусе полководцев Великой Отечественной войны насчитывается всего пять человек, которые, будучи назначены в 1941 г. на пост командующего фронтом, в этой должности войну и завершили. Это А. И. Ерёменко, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков.

Свою специфику имел подбор кадров на должности командующих оперативно-стратегическими объединениями в Военно-морском флоте СССР. В ходе войны насчитывалось четыре флота: Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский.

Нельзя не обратить внимание на значительно большую кадровую стабильность в отношении командующих флотами по сравнению с командующими фронтами (таблица 2). Адмиралы, стоявшие во главе флотов во время войны, получили опыт руководства ими еще до 22 июня 1941 г.: А. Г. Головко командовал Северным флотом (с июля 1940 г.), Ф. С. Октябрьский — Черноморским (с марта 1939 г.), В. Ф. Трибуц — Балтийским (с апреля 1939 г.), И. С. Юмашев — Тихоокеанским (с марта 1939 г.). Можно полагать, что в значительной степени благодаря этому в указанном звене руководящих кадров удалось избежать большой текучести.

Таблица 2

Основные социально-демографические и служебные характеристики командующих флотами[158]

Фамилия, инициалы	Год рождения	Национальность	Образование*	Пребывание в должности	Причина выбытия с должности
Басистый Н. Е.	1898	Русский	ВМА, ВАГШ	01.1945–04.1945	Временное исполнение должности
Владимирский Л. А.	1903	Русский	ВМУ, АКОС	04.1943–03.1944	Отстранение от должности
Головко А. Г.	1906	Русский	ВМА	06.1941–05.1945	—
Октябрьский Ф. С.	1898	Русский	курсы при ВМУ	06.1941–05.1945 (с перерывом)	—
Платонов В. И.	1903	Русский	ВМУ, СККС	07.1944–08.1944	Временное исполнение должности
Трибуц В. Ф.	1900	Русский	ВМА	06.1941–05.1945	—
Юмашев И. С.	1895	Русский	курсы при ВМА	06.1941–05.1945 (с перерывами)	—

* АКОС — Академические курсы офицерского состава; ВАГШ — Военная академия Генерального штаба; ВМА — Военно-морская академия имени К. Е. Ворошилова; ВМУ — Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе; СККС — Специальные курсы командного состава ВМС РККА.

Имея значительный опыт командования объединениями, адмиралы — командующие флотами смогли уверенно действовать с первого же дня Великой Отечественной войны. Общеизвестно, насколько подготовленными к фашистской агрессии оказались силы Черноморского флота. Они своевременно открыли огонь по самолетам и кораблям противника, чем сорвали его попытку разбомбить главную базу — Севастополь и постановкой мин заблокировать корабли в базе. Причем командующему пришлось самостоятельно принимать решение об открытии огня, что он сделал с полным сознанием своей ответственности и без промедления. «Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение», — такую оценку действиям моряков-черноморцев дал Г. К. Жуков[159]. Позднее Черноморский флот энергично участвовал в обороне Крыма и Кавказа, осуществлял морские десанты, содействовал сухопутным войскам в Крымской наступательной операции в апреле — мае 1944 г., активно действовал на коммуникациях противника, связывавших Крым с портами Румынии и Болгарии.

Широко известны героические дела моряков-балтийцев. Их бессменный на протяжении всей войны командующий адмирал В. Ф. Трибуц возглавил оборону Таллина, сорвав попытки врага с ходу захватить главную базу флота. В конце августа 1941 г. был совершен героический переход основных сил Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Много славных страниц вписано моряками-балтийцами в оборону Ленинграда. Под руководством адмирала В. Ф. Трибуца флот содействовал войскам Северо-Западного и Карельского фронтов в боях на приморских направлениях, а на заключительном этапе войны способствовал разгрому вражеских войск в Прибалтике, Восточной Пруссии и Восточной Померании.

Адмирал А. Г. Головко также бессменно руководил Северным флотом. Проводка союзных конвоев и участие в отражении наступления вражеских войск на Мурманск, нарушение морских коммуникаций врага в Арктике и эффективное содействие сухопутным войскам в разгроме противника в Заполярье, Мурманской области и Северной Норвегии — во всех этих действиях флота велик вклад его командующего. Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов недаром отмечал, что А. Г. Головко «был одним из наиболее образованных военачальников нашего Военно-морского флота и пользовался большим авторитетом. Успешные действия флота на Севере — лучшая аттестация для командующего».

Значительная стабильность руководящих кадров на флотах вовсе не означала снисходительности к ошибкам или просчетам адмиралов. Так, Ф. С. Октябрьский в июне 1943 г. был освобожден от должности командующего Черноморским флотом в связи с неудачным десантом в Южную Озерейку. Сменивший его вице-адмирал Л. А. Владимирский, в свою очередь, за неудовлетворительное проведение «набеговой» операции (погибло три эсминца) в марте 1944 г. был освобожден от должности командующего флотом и снижен в воинском звании до контр-адмирала.

Тем не менее кадровой стабильности, наблюдавшейся на флоте, могло позавидовать командование любого оперативно-стратегического объединения континентального ТВД периода Великой Отечественной войны, хотя, бесспорно, формирование и функционирование объединений в армии и на флоте отличается значительной спецификой.

Говоря о полководческом искусстве советских военачальников, следует иметь в виду те факторы, которые оказывали прямое воздействие на проявление этого искусства, но от самих маршалов и генералов или совсем не зависели, или зависели в малой степени. Прежде всего — противник. Советские полководцы оттачивали свой талант не в вакууме, им противостояла одна из сильнейших армий мира во главе с крупными, талантливыми военными профессионалами. Отечественное военное искусство на первом этапе войны уступало сильной немецкой военной школе. Как откровенно писал Г. К. Жуков, «с первых моментов войны советскому командованию пришлось иметь дело с такими категориями стратегии и оперативного искусства, которые практически ему не были хорошо знакомы. Всем нам пришлось уже в ходе войны во многом осваивать науку и практику управления войсками». И далее: «В этом вопросе советское командование находилось в менее выгодном положении, чем командование немецких войск, которое к моменту нападения на Советский Союз имело достаточную практику в управлении войсками в современных условиях. С ростом общего превосходства наших вооруженных сил над немецко-фашистскими войсками возрастало искусство управления живой силой и военной техникой»[160].

Начиная с осени 1942 г. все крупные наступательные и контрнаступательные операции советского командования отличались оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью. Важнейшей отличительной чертой советской стратегии в 1944–1945 гг. была исключительная активность в проведении операций. Если в первом и частично во втором периодах войны Красная армия переходила в наступление чаще всего после того, как исчерпывались наступательные возможности немцев, то кампании на заключительном этапе войны сразу же начинались мощным наступлением советских войск.

Чем завершилось противоборство двух армий, двух военных искусств, двух полководческих школ — хорошо известно. Интересна в связи с этим оценка, которую дал бывший начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 г., развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в итоге приведшей к полному поражению... Над этим периодом в качестве приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть»[161].

Возможность сполна раскрыть достоинства полководца у отечественных военачальников во многом зависела также от степени регламентации со стороны военно-политического руководства. А она была значительной, часто излишней даже во второй половине войны. Сказывался и жесткий характер И. В. Сталина. Из-за этого, по обоснованному мнению М. А. Гареева, советские полководцы были ограничены в возможностях по окончательному принятию стратегических решений. Сравнивая условия, в которых действовали советские полководцы и военачальники, с одной стороны, и военные руководители союзников и противника — с другой, М. А. Гареев пишет: «Генералы Эйзенхауэр, Монтгомери или Макартур,

будучи связанными определенными политическими решениями, не испытывали на себе такого довлеющего пресса политического диктата, как советские полководцы. Даже немецкие генералы, находясь под прессом фашистского руководства, могли довольно часто подавать в отставку и, за редким исключением, без особых последствий». К сожалению, в нашей стране чрезмерно жесткое, а подчас и некомпетентное вмешательство политических руководителей в стратегические и оперативно-стратегические вопросы «затрудняло проведение в жизнь наиболее целесообразных решений и способов действий, вынуждало наших военачальников тратить огромные усилия на преодоление искусственно создаваемых кризисных ситуаций и трудностей, затрудняло полную реализацию их полководческих способностей»[162]. Наиболее яркий пример — утрата Г. К. Жуковым в июле 1941 г. поста начальника Генштаба за излишнюю настойчивость и стратегическую инициативу.

В том, как тот или иной полководец или флотоводец смог сполна проявить свои качества, немалую роль играло его ближайшее окружение — члены Военного совета фронта, флота, начальник штаба, начальники родов войск и сил. Опыт Великой Отечественной войны показал: для того чтобы выдержать испытание командными должностями оперативно-стратегического уровня, мало владеть секретами военного искусства, надо было также обладать такими качествами, как воля, твердый характер, способность организовать штаб и все службы фронта и настойчиво проводить свою волю в жизнь, умение правильно, по-деловому строить отношения с окружающими. Особую ноту в деятельность командующих оперативно-стратегическими объединениями вносили контакты с первыми членами военных советов. Последние формально находились в подчинении у командующего-единоначальника, но на практике, будучи прямыми представителями ЦК ВКП(б) и осуществляя политический контроль над руководящим составом, стремились стать вровень с командующим, а то и подчинить его себе. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что первые члены военных советов не были профессиональными военными, не обладали должной военной квалификацией, поскольку большинство из них пришли на свои должности с руководящей партийной работы. Среди них немало было и таких, которые прониклись уверенностью, будто незнание законов войны можно с лихвой компенсировать навыками политической борьбы, они были амбициозными и единоначалие на самом деле не признавали.

Например, все «университеты» начальника Главного политуправления ВМФ, заместителя наркома ВМФ генерал-полковника береговой службы И. В. Рогова ограничились губернской школой общественных наук, оконченной еще в годы Гражданской войны. На свой пост он пришел еще до войны с должности члена Военного совета Белорусского военного округа и представлял собой типичного номенклатурного политработника. По признанию многих моряков, в том числе адмирала Н. Г. Кузнецова, работать с ним было нелегко. Выступивший инициатором многих репрессивных дел в ВМФ, он, если пренебречь частностями, не знал специфику морской службы и не жаловал флот. В этой должности он находился всю Великую Отечественную войну, а с декабря 1943 по февраль 1944 г. одновременно был членом Военного совета Черноморского флота.

Еще более яркий пример — армейский комиссар 1 ранга, впоследствии генерал-полковник Л. З. Мехлис. В качестве представителя Ставки ВГК он, начальник Главного политического управления Красной армии, был в начале 1942 г. направлен на Крымский фронт, где с самого начала стал вмешиваться в оперативное управление войсками. Дезорганизация управления войсками по вине представителя Ставки и генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова, не нашедшего в себе силы пресечь бесцеремонное и некомпетентное вмешательство Л. З. Мехлиса в его полномочия, стала одной из главных причин тяжелого поражения Крымского фронта в мае 1942 г. Будучи позднее членом военных советов нескольких фронтов, Л. З. Мехлис вел себя с командующими по-прежнему бесцеремонно. Имея возможность напрямую докладывать И. В. Сталину как руководителю партии, он, прибегая к откровенным доносам, дважды добивался освобождения от должности командующего войсками сначала 2-го Белорусского, а затем 4-го Украинского фронтов генерал-полковника И. Е. Петрова. Как показал опыт, в выигрыше оказывались командующие, имевшие волю к тому, чтобы поставить Л. З. Мехлиса

на место. Так, Маршал Советского Союза И. С. Конев в бытность командующим Степным фронтом узнал о «художествах» (выражение самого маршала) своего члена Военного совета непосредственно от Верховного главнокомандующего. Оказалось, что тот за спиной командующего неоднократно добивался снятия с должности начальника штаба генерала (будущего Маршала Советского Союза) М. В. Захарова под предлогом политического недоверия ему. Но по настоятельной просьбе И. С. Конева Верховный главнокомандующий убрал с фронта самого члена Военного совета. Так же действовал и генерал-полковник (будущий генерал армии) И. Д. Черняховский, получив назначение командующим 3-м Белорусским фронтом. Когда его принимал Верховный главнокомандующий, И. Д. Черняховский попросил назначить члена Военного совета Л. З. Мехлиса на другой фронт.

Следующий пример — генерал-лейтенант Н. А. Булганин. Он, по оценке маршала Г. К. Жукова, «очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах»[163], надев погоны лишь с началом войны. До войны он работал председателем исполкома Московского совета депутатов трудящихся, возглавлял Госбанк СССР и СНК РСФСР. С началом войны его, подобно многим другим крупным партийным и государственным работникам, направили в действующую армию на политработу, где он действовал вполне рутинно и ничем себя не проявил. Характерно, что в течение 1944 г. И. В. Сталин дважды снимал генерал-лейтенанта Н. А. Булганина с должности члена Военного совета Западного и 2-го Прибалтийского фронтов за серьезные ошибки, но в том же 1944 г. назначил его своим заместителем по Наркомату обороны, а в феврале 1945 г. — членом Ставки ВГК. Позднее Н. А. Булганин и вовсе стал военным министром. Г. К. Жуков, у которого Н. А. Булганин был членом Военного совета на Западном фронте, проницательно объяснил причину резкого возвышения этого партийного функционера: «Конечно, Сталин понимал, что это далеко не находка для вооруженных сил, но ему он нужен был как ловкий дипломат и беспрекословный его идолопоклонник. Сталин знал, что Булганин лично для него может пойти на все».

Есть, разумеется, и обратные примеры, когда отношения члена Военного совета с командующим фронтом строились на деловой, принципиальной и, что очень важно, товарищеской основе, и это положительно сказывалось на уровне руководства войсками. Например, генерал-лейтенант К. Ф. Телегин удачно взаимодействовал и с К. К. Рокоссовским, и с Г. К. Жуковым, которые последовательно командовали 1-м Белорусским фронтом.

Кроме командующих фронтами и флотами существовало еще несколько категорий высших военачальников, которым приходилось решать задачи оперативно-стратегического уровня: члены Ставки ВГК, заместители наркома обороны, командующие видами и родами войск, начальники штабов фронтов и флотов, командующие армиями и флотилиями. Исследование их социально-демографического и профессионального облика не менее важно для выработки объективного представления о ходе войны и истоках победы советского военного и военно-морского искусства.

Как особая социально-профессиональная группа в высшем командно-начальствующем составе вооруженных сил полководцы, флотоводцы и военачальники оказались на высоте при решении задач, поставленных Великой Отечественной войной. Победный исход большинства стратегических и фронтовых операций, а также операций флота, организацией и проведением которых руководили командующие, был предопределен качествами, присущими их основной части. Наиболее важные из них — высокоразвитая способность к правильной оценке оперативно-стратегической обстановки, нешаблонному, творческому решению поставленных задач, инициатива и организаторская хватка, уверенное руководство подчиненными войсками и умение безусловно проводить свое решение в жизнь. При наличии этих общих для полководческого корпуса качеств каждый из командующих фронтами и флотами, особенно на завершающем этапе войны, выработал свой неповторимый почерк военачальника. В своей деятельности данная категория высшего командного состава армии и флота опиралась на высокую образовательно-профессиональную подготовку, длительный стаж пребывания в кадрах армии и флота и солидный опыт, в том числе боевой, полученный

в различных войнах и локальных конфликтах, начиная с Первой мировой и заканчивая Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. Поистине бесценным был опыт, приобретавшийся по ходу Великой Отечественной войны. Военачальники проявили при этом героизм и воинскую доблесть. Из 50 командующих фронтами и флотами звания Героя Советского Союза были удостоены 16 человек, некоторые из них неоднократно. Наравне со всем личным составом высшие руководители действовали в исключительно сложных боевых условиях, свидетельством чему является гибель на поле боя шести крупных военачальников.

Полководческое мастерство советских военачальников питалось отечественным военным искусством. Последнее формировалось в ожесточенном противоборстве с военным искусством нацистской Германии, отличавшимся значительной творческой силой. В ходе войны советское военное искусство доказало свое полное и несомненное превосходство.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кожевников М. Н.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1977. С. 14.

[2] Великая Отечественная война 1941—1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 113.

[3] *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970. С. 61.

[4] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1968. С. 13.

[5] История второй мировой войны 1939—1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 424.

[6] Воздушная мощь Родины. М., 1988. С. 158—159.

[7] Военно-исторический журнал. 1972. № 6. С. 21.

[8] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 173. Л. 110—111.

[9] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 49.

[10] BA/MA RL 2III/715. Übersicht über Soll, Istbestand, Verlüste und Reserven der fliegenden Verbände. 1.11.1941.

[11] *Groehler O.* Geschichte des Luftkrieges 1910—1960. Berlin, 1981. S. 333—334.

[12] *Murray W.* Luftwaffe. L., 1985. P. 97.

[13] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11333. Д. 23. Л. 353.

[14] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3228. Л. 15—16.

[15] *Baumbach W.* The Life and Death of the Luftwaffe. N. Y., 1960. P. 211—214.

[16] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1970. С. 180.

[17] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 872.

[18] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 107560. Д. 8. Т. 2. Л. 216—271.

[19] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a M., 1961—1965. Bd. 1. S. 825.

[20] Вторая мировая война 1941—1945 / Пер. с нем. М., 1957. С. 481. По официальным немецким отчетам, за ноябрь — декабрь потери, правда только безвозвратные, на всем советско-германском фронте составили лишь 632 самолета (*Murray W.* Luftwaffe. P. 113).

[21] *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 125.

[22] *Хазанов Д. Б., Горбач В. Г.* Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. М., 2004. С. 188.

[23] *Bekker K.* Angriffshohe 4000. Hamburg, 1949. S. 391.

[24] Этот американский бомбардировщик поставлялся в СССР по ленд-лизу.

[25] *Сергиенко А. М.* Бомбардировщики АДЦ в небе над Курской дугой. Белгород, 2007. С. 524—527, 538—547.

[26] *Тимохович И. В.* Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 75.

[27] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 137.

[28] *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 129.

[29] Там же.

[30] Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. М., 1954. Т. 1. С. 409.

[31] Вторая мировая война 1941—1945. С. 481.

[32] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 252.

[33] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. С. 484.

[34] Авиация и космонавтика СССР. М., 1968. С. 224.

[35] *Золотарев В. А, Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941—1945. М., 2005. С. 10.

[36] 50 лет Великой Победы. Опыт применения советского Военно-морского флота в 1941—1945 гг. и его значение в современных условиях. Л., 1997. С. 304; Боевой путь Советского военно-морского флота. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1988. С. 545. Не учтены мелкие разведывательно-диверсионные десанты, а также отдельные группы и разведчики, высаженные с подводных лодок и катеров.

[37] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941—1945 гг. М., 1992. С. 499.

[38] Военно-морской флот Советского Союза 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк (далее — ВМФ СССР в Великой Отечественной войне). М., 1960. Т. 2. С. 569.

[39] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941—1945 гг. С. 76.

[40] Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Ч. 1. С. 242.

[41] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 570.

[42] Там же.

[43] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941—1945 гг. С. 438, 250.

[44] Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941—1944 гг. М., 1973. С. 306.

[45] Там же. С. 420.

[46] Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941—1944 гг. С. 167.

[47] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941—1945 гг. С. 494.

[48] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1983. С. 210.

[49] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 568.

[50] *Козлов И. Л.* Боевые действия подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 160.

[51] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 568.

[52] Там же. С. 571.

[53] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941—1945. С. 8.

[54] *Дмитриев В. И., Чемесов О. Г.* В глубинах Балтики. М., 1988. С. 88.

[55] *Руге Ф.* Война на море 1939—1945. М., 1957. С. 382.

[56] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 1. С. 351.

[57] Там же.

[58] Там же.

[59] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. С. 210.

[60] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941—1945 гг. С. 499.

[61] Там же.

[62] Там же. С. 499—501.

[63] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 570.

[64] Там же.

[65] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Д. 17814. Кн. 1. Л. 224, 227; Кн. 4. Л. 61—62.

[66] Там же. Ф. 8. Оп. 30586. Д. 11. Л. 65—70.

[67] Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 444.

[68] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941—1945 гг. С. 501.

[69] Там же.

[70] Там же. С. 503.

[71] Там же.

[72] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. С. 210.

[73] Там же.

[74] Справочник потерь боевых судов и транспортов. М., 1958. С. 97.

[75] Из справки внешней разведки ГУГБ НКВД СССР № 134 от 6 ноября 1940 г. о военных приготовлениях Германии // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 278; Сообщение агента берлинской резидентуры «Корсиканца» от 20 марта 1941 г. //

Там же. Кн. 2. С. 288; Агентурное сообщение из Лондона № 3705 от 27 мая 1941 г. // Очерки истории российской внешней разведки. М., 2007 г. Т. 3. С. 485.

[76] Очерки истории российской внешней разведки. М., 2007. Т. 4. С. 183.

[77] Там же. С. 274.

[78] Там же. С. 432–433.

[79] Докладная записка И. В. Сталину начальника разведывательного управления НКВД СССР П. М. Фитина от 9 марта 1943 г. // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 599.

[80] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 324–340.

[81] Там же. С. 303–309.

[82] *Лота В.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 71.

[83] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537. На документе имеется пометка: «Направить И. В. Сталину (2 экз.), В. М. Молотову, С. К. Тимошенко, К. А. Мерецкову. Голиков».

[84] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 6–7.

[85] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87–98.

[86] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 229–230.

[87] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4258. Д. 4. Л. 292.

[88] Там же. Оп. 24127. Д. 3. Л. 59.

[89] *Корабельников В. В.* Роль и место военной разведки в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Военный парад. 2005. Май.

[90] *Ивашутин П. И.* Оперативно и надежно // Солдаты невидимого фронта. М., 1994. С. 110–124.

[91] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. М., 1985. Кн. 2. С. 264.

[92] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24121. Д. 3. Л. 616; Оп. 24156. Д. 2. Л. 132.

[93] Специальное сообщение ГРУ ГШ КА от 22 февраля 1942 г. «О продолжающейся подготовке германской армии к применению химических средств» // ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7451. Д. 1. Л. 17–18.

[94] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958. Т. 1. С. 39–41, 45.

[95] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 739–740.

[96] *Лота В.* Сорвать «Эдельвейс». М., 2010. С. 122–123.

[97] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 769–770.

[98] Там же. Ф. 23. Оп. 7451. Д. 1. Л. 52–54.

[99] *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». М., 1973. С. 105–108.

[100] *Штеменко С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 455.

[101] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24156. Д. 2. Л. 11.

[102] *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 532–533.

[103] *Переверзев В. И.* Как это было. 1918–1970 гг. Страницы из истории советской военной разведки. М., 2000. С. 65.

[104] Там же. С. 66.

[105] *Радо Ш.* Указ. соч. С. 202–203.

[106] *Павлов А. Г.* Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 48–59; *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 593.

[107] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 457.

[108] *Жуков Г. К.* Величайшая победа СССР и бессилие фальсификаторов истории // Коммунист. 1970. № 1. С. 89.

[109] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 9985. Д. 7. Л. 51; *Колос И.* По заданию Центра. Записки разведчика. М., 1989. С. 245.

[110] *Павлов А. Г.* Указ. соч.; *Лурье В. М., Кочик В. Я.* Указ. соч. С. 595.

[111] *Лота В.* ГРУ. Испытание войной. С. 655.

[112] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 372–373.

[113] *Коровин В. В.* Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 11.

[114] *Плеханов А. М.* Оперативные заслоны особых отделов и заградительные отряды войск НКВД в первые месяцы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 г. ФСБ России. С. 53.

[115]Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 75.

[116]Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 282–283.

[117]*Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 102, 184.

[118]Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 186; Т. 2. Кн. 2. С. 163.

[119]Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ). Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 8.

[120]Там же. Ф. 43. Оп. 51. Д. 22. Л. 372; Д. 8. Л. 58–60, 182–184; Оп. 95. Д. 1. Л. 7–21, 63–76, 94, 121, 390–395.

[121]Там же. Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 8.

[122] История отечественных органов безопасности (1921 г. — начало XXI в.): Учеб. пособие. М., 2007. С. 247–248.

[123] ЦА ФСБ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 3–5.

[124] Советская военная контрразведка. Сб. документов. М., 1984. С. 125–127.

[125] 85-й годовщине Регионального управления ФСБ России по Читинской области посвящается... Чита, 2004. С. 46.

[126]*Тюрин А. В., Макаров В. Г.* Поединок Лубянки с абвером. Радиоигра под названием «Монастырь» // Независимое военное обозрение. 2005. № 15–16.

[127]ЦА ФСБ. Д. 100004. Т. 1 «А». Л. 20.

[128]История советских органов безопасности. М., 1977. С. 88.

[129]ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 37. Л. 50. В связи с депортацией в 1944 г. некоторых народностей, проживавших на Северном Кавказе, в том числе чеченцев и балкарцев, Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, вместо нее образован Грозненский округ в составе Ставропольского края (с 1946 г. — Грозненская область), а Кабардино-Балкарская АССР переименована в Кабардинскую АССР. В 1957 г. обе республики были восстановлены.

[130]ГАРФ. Ф. 9401 с/ч. Оп. 2. Д. 64–65; Центральный архив внутренних войск. Оп. 1. Д. 154, 158; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 478, 1688.

[131]*Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 498.

[132] *Зубкова Е. Ю.* «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 78.

[133] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 413. Л. 109.

[134] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 459. Л. 1–3; Д. 460. Л. 8–11; Д. 464. Л. 16–18.

[135] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 756. Л. 57–61.

[136]Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 157–157 об.

[137]Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 303; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. С. 7.

[138]Великая Отечественная: Военный биографический словарь. М., 2003.

[139]*Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1988. Кн. 2. С. 276.

[140]Там же. С. 227.

[141]*Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1955. Т. 4. С. 478.

[142] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 107.

[143] *Василевский А. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 227.

[144] См.: *Рубцов Ю. В.* Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л. З. Мехлиса. Изд. 2-е. М., 2003; *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998; *Черушев Н. С.* Удар по своим. Красная армия: 1938–1941. М., 2003.

[145] *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. С. 305.

[146]Цит. по: Источник. 1996. № 2. С. 137–138.

[147]*Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 13.

[148]Составлена по: Великая Отечественная война: Военный биографический словарь. С. 13–98.

[149] *Рубцов Ю. В.* «Советский Багратион» маршал К. К. Рокоссовский (1896–1968) // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 149.

[150] Цит. по: Откровения и признания / Сост. и пер. Г. Я. Рудой. Смоленск, 2000. С. 507.

[151] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 7.

[152] *Рябышев Д. И.* Первый год войны. М., 1990. С. 79.

[153] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 386–387.

[154] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 519.

[155] *Печёнкин А. А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 49.

[156] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 23.

[157] *Светлишин Н. А.* Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвига маршала Г. К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 273–274.

[158] Составлена по: Великая Отечественная: Военный биографический словарь. С. 101–112; *Лурье В.* М., Указ. соч. С. 23, 46–47, 57–58, 163–164, 176–177, 218–219, 247–248.

[159] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 9.

[160] Там же. Т. 3. С. 298–299.

[161] *Василевский А. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 287.

[162] *Гареев М. А.* Полководцы Победы и их военное наследие. Изд. 2-е. М., 2004. С. 301.

[163] Маршал Жуков. Каким мы его помним. Изд. 2-е. М., 1989. С. 382.

СССР И АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Вместе с союзниками против агрессоров

Возникновение в XX в. оборонительных коалиций, противостоящих агрессивной политике Германии, относится к началу века. В 1904–1907 гг. Англия, Франция и Россия оформили военно-политический союз (Антанту). В ходе Первой мировой войны этот союз объединил против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Италия, Япония) и силой принудил агрессоров к капитуляции. В 1939 г. была создана потерпевшая скоротечное поражение коалиция Англии, Франции и Польши.

Антигитлеровская коалиция (по англо-американской терминологии Grand Alliance) — уникальное явление в мировой истории. В борьбе за свободу и независимость против агрессии нацистской Германии и ее союзников, развязавших Вторую мировую войну, объединились и одержали победу 50 государств с различными социальными системами и положением в мире, сотни миллионов людей многих стран. Ядром коалиции, главной ее силой явились СССР, Великобритания и США. Важная роль в коалиции принадлежала Китаю, Франции, а также Индии, Канаде, в то время британским колониальным владениям, Бразилии и ряду других стран.

Важнейшими событиями на пути становления антигитлеровской коалиции явились решения правительств Великобритании и США о поддержке СССР в войне с Германией; заключение англо-советского соглашения 12 июля 1941 г.; Декларация 26 государств, англо-советский договор и американо-советское соглашение 1942 г. Большое значение в становлении англо-американского союза и коалиции в целом имела Атлантическая хартия, подписанная Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем 14 августа 1941 г. Как только 22 июня 1941 г. премьер-министру Великобритании У. Черчиллю стало известно о нападении Германии на СССР, он вызвал к себе в загородную резиденцию Чекерс своих наиболее приближенных членов кабинета: министра иностранных дел А. Идена, министра снабжения лорда У. Бивербрука, начальника генерального штаба фельдмаршала Д. Дилла и находившегося в Англии посла Великобритании в СССР С. Криппса — и совместно с ними обсудил создавшуюся ситуацию. На совещании было принято решение выступить с заявлением о поддержке СССР в войне против Германии. В ходе подготовки этого документа обнаружились расхождения в оценке способности СССР к сопротивлению, и только за 20 минут до начала выступления премьер-министра по радио текст заявления был окончательно утвержден[1]. В заявлении У. Черчилля вечером 22 июня подчеркивалось, что, оставаясь непримиримым противником коммунизма, британское правительство рассматривает нападение гитлеровской Германии на Советский Союз как прелюдию попытки вторжения на Британские острова. «Поэтому опасность, угрожающая России, — заявил он в своем выступлении, — это опасность, грозящая нам и Со-

единенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»[2]. Посол СССР в Лондоне И. М. Майский сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом»[3].

Первое официальное заявление правительства США последовало 23 июня 1941 г. В заявлении госдепартамента констатировалось, что СССР находится в состоянии войны с Германией, и «всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы не носили, будут способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой Американского материка»[4]. 24 июня 1941 г., выступая на пресс-конференции, президент США Ф. Рузвельт заявил: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем»[5]. 27 июня 1941 г. посол СССР в США К. А. Уманский посетил исполняющего обязанности госсекретаря США С. Уэллеса и официально уведомил правительство США о гитлеровской агрессии против Советского Союза. В ответ на это С. Уэллес заявил, что все факты, вытекающие из этого, «будут рассматриваться правительством США немедленно и в дружественном духе»[6].

3 июля И. В. Сталин в обращении к советскому народу выразил уверенность в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». В обращении были отмечены «историческое выступление» британского премьер-министра и декларация правительства США, «которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза»[7].

Несколькими днями раньше в палате общин английского парламента был поставлен вопрос о германском вторжении в Россию. С заявлением от имени правительства выступил А. Иден. Он информировал парламентариев о первых шагах, предпринятых для установления непосредственных контактов между Лондоном и Москвой. Выступавшие в прениях члены парламента поддержали позицию правительства и высказались за союз с СССР. На этот раз правительство действовало энергично и последовательно. Уже 27 июня в Москву прибыли члены английской военной и экономической миссий. В английскую военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кадбэри. Вместе с ними возвратился в Москву английский посол С. Криппс. Немногим более чем через неделю в Англию и США направилась советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба РККА, начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым. Переговоры происходили в обстановке взаимного понимания и сотрудничества.

События Второй мировой войны ускорили и процесс англо-американского сближения. Немаловажное значение имели встреча Ф. Рузвельта и У. Черчилля у берегов Ньюфаундленда и подписание 14 августа 1941 г. двумя лидерами упоминавшейся Атлантической хартии, в которой провозглашались некоторые общие принципы политики и «особые отношения» двух стран. Правительства Великобритании и США заявили об отказе от захвата чужих территорий, признавали право народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить, готовность содействовать восстановлению суверенных прав тех народов, которые были его лишены насильственным путем, призывали к послевоенному сотрудничеству государств, отказу от применения силы в международных отношениях и гонки вооружений. В послании главе советского правительства Ф. Рузвельт и У. Черчилль сообщали о своей готовности ока-

зывать помощь Советскому Союзу «максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь»[8].

На межсоюзнической конференции в Лондоне, которая явилась важным шагом на пути формирования антигитлеровской коалиции, советское правительство 24 сентября 1941 г. в специальной декларации выразило свое согласие с основными принципами Атлантической хартии и выразило уверенность, что в результате победы над гитлеризмом будут заложены основы отношений сотрудничества и дружбы между народами. Вновь была выдвинута идея коллективной безопасности как условия длительного и прочного мира, которую Советский Союз отстаивал в годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны. В декларации также отмечалось, что практическое применение принципов Атлантической хартии «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»[9].

12 июля 1941 г. было заключено англо-советское Соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Это соглашение явилось первым важным шагом в создании антигитлеровской коалиции. Стороны, подписавшие соглашение, обязывались оказывать друг другу помощь в войне против гитлеровской Германии и заявили, что «в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»[10]. Соглашение, которое широко приветствовалось в Англии и Советском Союзе, имело большое международное значение. Выступая на пресс-конференции иностранных корреспондентов, заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский назвал упомянутое соглашение документом большого исторического значения, «в корне меняющим международную обстановку». С. А. Лозовский отметил, что в противовес хвастливым декларациям гитлеровцев о том, что они создадут коалицию европейских стран в своем походе против СССР, соглашение создавало действительную коалицию великих держав в борьбе против общего врага. «Соглашение от 12 июля... — заявил он, — это не только документ братства по оружию в борьбе за свободу и независимость народов СССР, Великобритании и всей Европы, но это также документ, свидетельствующий о неизбежности полного и окончательного разгрома германского фашизма, мечтающего о господстве над Европой и над всем миром»[11].

16 августа 1941 г. состоялось подписание англо-советского соглашения о товарообороте, кредите и клиринге. Это соглашение предусматривало поставки английских товаров в СССР и некоторых советских товаров в Англию. По соглашению Англия для оплаты товаров предоставляла Советскому Союзу кредит в сумме 10 млн фунтов стерлингов под 3% годовых сроком в среднем на пять лет. Платежи между сторонами регулировались на основе клиринга. В дальнейшем предусматривались переговоры об увеличении суммы английского кредита[12].

Весомым фактором в создании англо-советского союза явилась позиция английской общественности. «Еще накануне германского наступления, — отмечают известные британские историки Д. Эриксон и Д. Дилкс, — Форин-офис, с запозданием признав масштабы военной угрозы Советскому Союзу, был вынужден рассматривать вероятность совместной борьбы и «неприятную реальность» нарастающей огромной симпатии к русским»[13]. С первых дней нападения Германии на СССР по всей Англии начались митинги в поддержку освободительной борьбы советского народа. Большинство населения, часть которого не скрывала своего неприятия советского режима, настроилось на создание широкой коалиции государств для противостояния агрессорам, приветствовало объединение с Советами во имя победы над нацистской Германией. В поддержку Советского Союза выступил профсоюз шотландских горняков, а затем конгресс британских тред-юнионов и лейбористская партия, опубликовавшие 1 августа 1941 г. специальное заявление относительно англо-советского сотрудничества. В нем, в частности, говорилось: «Конгресс тред-юнионов и лейбористская партия настоящим выражают свою высокую оценку усилий Советского Союза в общей борьбе против гитлеризма. Они приветствуют широкий характер сотрудничества, которое развивается между Великобританией и СССР»[14].

Во всей Англии не было почти ни одного крупного населенного пункта, в котором не было бы создано местное Общество англо-советской дружбы. Инициированная лордом У. Бивербруком «неделя танков для России» (22–28 сентября 1941 г.) ознаменовалась высокой активностью рабочего класса, который «стал оказывать на политическую систему влияние, гораздо более соответствовавшее его численности»[15]. Большой популярностью пользовались так называемые недели дружбы с СССР, основной задачей которых являлось ознакомление английской общественности с жизнью советского народа.

Вместе с тем свое влияние на политику правительства оказывали и антисоветски настроенные деятели в Англии. Именно среди них было большинство скептиков, уверенных в том, что Советский Союз в войне с Германией долго не продержится. Английские начальники штабов высчитывали, насколько советское сопротивление задержит высадку вермахта на Британские острова, и пришли к выводу: «Не более чем на восемь недель»[16]. Но были и те, кто не разделял сомнений в способности Советского Союза к сопротивлению. К ним в первую очередь относились лорд У. Бивербрук, Х. Дальтон, Э. Бивен и некоторые другие влиятельные политики страны.

Выражая настроение недругов СССР в Англии, отдельные деятели, например министр авиационной промышленности Д. Мур-Брабазон и другие, а также прочемберленские органы печати выступали с открыто враждебными статьями по отношению к Советскому Союзу. Газета «Католик геральд» призывала англичан отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с СССР. О наличии антисоветских тенденций свидетельствует и такой факт. С начала Второй мировой войны в Англии установилась традиция еженедельно передавать по радио гимны всех ее союзников. Однако, несмотря на то что Советский Союз являлся союзником, Британская радиовещательная корпорация «Би-би-си» в нарушение существующей традиции отказалась передавать гимн СССР (в то время это был «Интернационал»), что вызвало острую дискуссию в английском парламенте. 9 июля 1941 г. член парламента С. Сильвермен запросил министра информации о причинах такой дискриминации. Возгласами неодобрения встретила палата общин заявление представителя правительства о том, что причиной позиции министерства информации являлось то обстоятельство, что «Интернационал» не был якобы советским национальным гимном в собственном смысле этого слова и поэтому его неудобно было передавать. Через несколько дней после этих дебатов «Би-би-си» включила в свои передачи вместо советского гимна песню «Широка страна моя родная», но в итоге исключила весь цикл такого рода передач. Подобные эпизоды встречали отпор большинства английской общественности и вынуждали противников сотрудничества с Советским Союзом уходить за кулисы политической жизни Англии[17].

В конце августа 1941 г. по согласованию между правительствами Великобритании и СССР советские и британские войска были введены в Иран и в начале сентября вступили в Тегеран, предотвратив вовлечение страны в войну на стороне Германии. 8 сентября того же года в Тегеране было подписано соглашение, положившее начало англо-советско-иранскому сотрудничеству в годы войны. Иранское правительство обязалось не допускать каких-либо действий в ущерб борьбе СССР и Великобритании с гитлеровской Германией, содействовать транспортировке через иранскую территорию военных грузов союзников, что имело в последующем большое значение для поставок в СССР по программе ленд-лиза. СССР и Великобритания, со своей стороны, решили оказывать Ирану экономическую помощь. В октябре СССР и Великобритания совместно потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ созванный 5 ноября королем З. Шахом высший законодательный орган страны — Большая джирга — одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш, предпринятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, также дал возможность нейтрализовать или, по крайней мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами. Все это были важные и эффективные решения, соответствующие стратегическим интересам двух стран[18].

Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Ф. Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»[19]. Подавляющее большинство политических и военных руководителей США сходились на том, что советские вооруженные силы не сумеют оказать длительного сопротивления гитлеровским полчищам. Так, при определении американской политики в отношении СССР военный министр США Г. Стимсон в своем меморандуме от 23 июня 1941 г. советовал президенту Рузвельту исходить из следующих предпосылок: «1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события; 2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз; 3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике»[20]. Однако большинство государственных деятелей США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны: поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны. Высокую оценку силам СССР давали бывший посол США в СССР Дж. Дэвис, американский атташе в Москве Ф. Фэймонвил, но главное — Г. Гопкинс и Ф. Рузвельт.

В конце июня советское правительство через своего посла в Вашингтоне представило правительству США список поставок, в которых нуждался Советский Союз. Одновременно был сделан запрос о предоставлении Советскому Союзу кредита сроком на пять лет. Со своей стороны, правительство США предложило осуществлять советские поставки сырья в обмен на американские поставки. Первоначально американские поставки в СССР были невелики и проводились за наличный расчет в соответствии с продленным американо-советским торговым соглашением 1937 г. После поездки личного представителя президента США и главы администрации по ленд-лизу Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г. и трехсторонней конференции в Москве (28 сентября — 1 октября 1941 г.) США из средств, ассигнованных по ленд-лизу, предоставили Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму 1 млрд долларов, что явилось исключительно важным решением в политике поддержки СССР и процессе становления антигитлеровской коалиции. И хотя ко времени битвы под Москвой, во многом определившей дальнейший ход войны, поставки союзников еще не могли оказать заметного влияния на ход вооруженной борьбы, их политическое и моральное значение было очевидным.

Вступление США во Вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

В феврале 1942 г. Ф. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долларов на прежних условиях (начало выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны, погашение кредита — в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, по предложению Соединенных Штатов достигнута договоренность об установлении прямой радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном. Сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключенному год назад, не было. Между тем возникли разногласия. Они были вызваны хотя и дипломатичным, но отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР в то время, как главные силы Красной армии вели тяжелейшую борьбу против вермахта на Западном фронте, исход которой был далеко не ясен. Осложнения в отношениях вызывало и нару-

шение согласованных сроков поставок в СССР по ленд-лизу. Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага.

Советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистской тирании. В начале июля 1941 г. советское правительство заявило о своей готовности нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией, Югославией и оказывать народам этих стран всестороннюю помощь в борьбе против фашизма. На пути нормализации этих отношений возникали немалые трудности. 23 июня 1941 г., выступая с заявлением в связи с нападением Германии на СССР, глава польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский подчеркнул нежелание правительства Польши считаться с решением вопроса о Западной Украине и Западной Белоруссии и потребовал восстановления довоенных границ Польши. Такая позиция В. Сикорского, разумеется, не способствовала переговорам, которые начались 5 июля 1941 г. в Лондоне и велись при посредничестве британского правительства.

30 июля 1941 г. было подписано соглашение между СССР и Польшей. Соглашение восстанавливало дипломатические отношения между двумя странами, содержало обязательства взаимной помощи, а также согласие советского правительства на создание на территории СССР польской армии для ведения боевых действий совместно с Красной армией. Предусматривалось, что командующий польской армией, создаваемой в СССР, будет назначен польским правительством, в то время как на фронте эта армия будет действовать в оперативном подчинении советского командования. К соглашению был приложен протокол, в котором говорилось о том, что советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, которые содержались «в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях»[21]. Таким образом, несмотря на очевидные расхождения между советским правительством и польской эмиграцией в Лондоне по вопросу о границах Польши, компромисс, правда весьма кратковременный, тем не менее был найден.

Некоторые деятели польской эмиграции демонстративно выступили против советско-польского соглашения. К ним относились командующий польскими военными формированиями в Англии генерал К. Соснковский, министр иностранных дел А. Залесский и их единомышленники, которые в знак протеста против советско-польского соглашения в июле 1941 г. вышли из состава правительства. В. Сикорский же и поддерживавшие его министры стремились советско-польским соглашением укрепить международный авторитет эмигрантского правительства. Вопрос о границах, по мнению советского и английского правительств, с которым вынужденно согласились лондонские поляки, следовало разрешить после войны.

И советское, и английское правительства были заинтересованы в укреплении и расширении антигитлеровской коалиции, вовлечении новых участников в войну против Германии. Излагая позицию англичан во время советско-польских переговоров, У. Черчилль писал в своих мемуарах: «...в разгар битвы, в этот важный момент войны, все должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий»[22].

Несколько иное развитие получили отношения с Чехословакией. Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское правительство довело до сведения Э. Бенеша, в то время президента Чехословакии, следующее: а) политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством; б) само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам; в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет; г) советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта

часть находилась бы под русским Верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие»[23].

16 июля 1941 г. посол СССР в Лондоне И. М. Майский передал Э. Бенешу советский проект соглашения, и 18 июля соглашение между СССР и Чехословакией о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии было подписано. Соглашение предусматривало восстановление дипломатических отношений и взаимную помощь в войне против фашистской Германии, а также согласие советского правительства на формирование национальных чехословацких частей на территории СССР. Советско-чехословацкое соглашение имело большое значение для укрепления международных позиций чехословацкого государства. Об этом говорил и Э. Бенеш. «Мы вернулись в своих взаимоотношениях между обоими нашими государствами, к домюнхенскому положению, — писал он в своих воспоминаниях. — Советский Союз, который с самого начала так решительно выступал против Мюнхена и с такой же решительностью выступал и против событий 15 марта 1939 г., в эту решительную минуту нанес смертельный удар Мюнхену и всем его последствиям, так как вполне и решительно, без всяких ограничений и условий, снова признал республику в ее домюнхенском статусе»[24]. Таким образом, между двумя государствами были установлены союзнические отношения.

Признание Англией чехословацкого правительства произошло 18 июля, спустя несколько часов после подписания советско-чехословацкого соглашения[25]. Сам факт признания правительства Чехословакии укреплял ее международные позиции, способствовал расширению фронта антигитлеровских государств и в этом смысле имел, несомненно, положительное значение.

Правительства Советского Союза и Англии консультировались друг с другом и по вопросу об отношении к движению «Свободная Франция»[26]. 24 июня 1941 г. руководитель этого движения генерал Ш. де Голль поручил своим представителям в Лондоне посетить И. М. Майского и заявить от его имени, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»[27]. Английская сторона сообщила 7 июля свою точку зрения, высказав при этом мнение, что поскольку правительство Великобритании еще не признало организацию Ш. де Голля как правительство, то для британского правительства «было бы очень стеснительным, если бы советское правительство относилось бы к правительству де Голля в вопросе признания более благосклонно, нежели это сделало британское правительство»[28]. В начале августа 1941 г. между советским посольством в Лондоне и Французским комитетом национального освобождения начались переговоры, в ходе которых И. М. Майский сообщил французским представителям «об отсутствии со стороны советского правительства возражений против установления с де Голлем официальных отношений в такой же форме, как это имеет место у де Голля с британским правительством». Англичане выразили удовлетворение и благодарность советскому правительству за занятую им позицию. 26 сентября того же года произошел обмен нотами между советским правительством и Национальным комитетом Свободной Франции, что явилось официальным признанием комитета со стороны СССР[29].

Политическое сотрудничество СССР и Англии по различным вопросам европейской политики в первые месяцы Отечественной войны свидетельствовало о том, что, несмотря на отдельные, порой серьезные расхождения между советским и английским правительствами по ряду вопросов, например по польскому, это сотрудничество привело к расширению фронта антигитлеровских государств и способствовало консолидации антифашистских сил в Европе.

Встал вопрос и о юридическом оформлении военного союза государств, борющихся против фашистских агрессоров. Таким документом явилась подписанная 1 января 1942 г. В Вашингтоне Декларация 26 государств, получившая впоследствии наименование Декларации Объединенных Наций. Декларацию подписали представители СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской Республики, Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии. В декларации заявлялось, что окончательная победа над противником

«необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» и что указанные страны «теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир». Подписавшие декларацию государства обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов Тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему государств, с которыми они находились в состоянии войны, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами. Таким образом, Декларация Объединенных Наций юридически оформила военно-политический союз антифашистских государств, сплотила в рамках многостороннего соглашения все государства, находившиеся в состоянии войны с германо-японо-итальянской коалицией. Закрепляя союз 26 государств, участники декларации вместе с тем открывали возможности для присоединения к антифашистской коалиции и других стран[30].

Между тем в союзнических отношениях назревали новые противоречия. Главным из них был вопрос об открытии западными союзниками второго фронта в Европе. Возникли серьезные трудности в подготовке полноценного союзного договора между СССР и Англией. Но если с Англией имелось соглашение, подписанное 12 июля 1941 г., то какой-либо официальный документ о союзе с США у СССР все еще отсутствовал.

19 мая 1942 г. с подмосковного аэродрома Раменское стартовал самолет-бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8), пилотируемый майором Э. Пусепом. Экипажу и пассажирам предстояло пересечь линию фронта, совершить посадку в Великобритании, затем в Исландии, Канаде, наконец, в США и вернуться обратно. Не простой и по сегодняшним меркам маршрут (около 20 тыс. км) был в те года беспрецедентным и рискованным, а задание — ответственным. На борту самолета находился заместитель председателя Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел В. М. Молотов, направлявшийся в Лондон и Вашингтон для переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом по важнейшим вопросам совместной борьбы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции против нашествия агрессоров. Предложения западных союзников использовать для трансатлантического перелета их самолет И. В. Сталин отклонил. Южнее Старой Руссы советский самолет незамеченным миновал линию фронта, взял курс на Швецию, затем к берегам Шотландии и утром 20 мая, ведомый местными радионавигационными службами, приземлился на британском аэродроме. Главным результатом визита В. М. Молотова в Лондон стало подписание 26 мая союзного договора между СССР и Великобританией. Договор заключили сроком на 20 лет с гарантией сотрудничества как в годы войны, так и в послевоенное время. С подписанием англо-советского договора курс на укрепление антигитлеровской коалиции получил важную опору. Еще одной такой опорой должен был стать договор с США. Но советская сторона связывала с визитом В. М. Молотова и расчеты на достижение договоренности об открытии в 1942 г. второго фронта в Европе и готова была для достижения этой цели ко многим уступкам и компромиссам. Надежды были. Ф. Рузвельт, приглашая В. М. Молотова, писал И. В. Сталину: «Я имею в виду весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте. Этой цели я придаю огромное значение»[31]. 27 мая У. Черчилль сообщил Ф. Рузвельту: «Договор был подписан вчера во второй половине дня в обстановке большой сердечности с обеих сторон. Молотов — это государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться. Пожалуйста, сообщите мне ваши впечатления»[32]. Тем временем самолет с В. М. Молотовым пересекал Атлантику. 29 мая на аэродроме в Вашингтоне его встретили государственный секретарь США К. Хэлл, другие официальные лица, посол СССР в США М. М. Литвинов.

К тому времени обстановка на Тихом океане, главном театре военных действий США против Японии, после катастрофы в Пёрл-Харборе и последующих тяжелых поражений американских вооруженных сил и их союзников начала стабилизироваться. В апреле — мае

после успехов японских войск в Бирме, их высадки на островах Минданао (29 апреля) и Тулаги (3 мая) вооруженные силы США осуществили бомбардировку самолетами дальней авиации Токио и ряда других японских городов (20 апреля), была произведена высадка американских войск на острове Новая Каледония (25 апреля), а также союзных британских войск на Мадагаскаре (5–7 мая). Однако главным событием стало морское сражение в Коралловом море (7–8 мая), в результате которого военно-морской флот США впервые сорвал крупную операцию японских сил по захвату Порт-Морсби (Новая Гвинея) — ключевого рубежа в японских планах наступления на Австралию. И хотя в битве за Атлантику положение оставалось угрожающим, США и их вооруженные силы уверенно наращивали свою мощь, опираясь на обширный индустриальный потенциал страны, прочность внутриполитического положения, важнейший и уникальный геополитический фактор — недосягаемость собственной территории для противника.

В результате нескольких дней переговоров 11 июня 1942 г. было подписано Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии, и согласована формулировка в коммюнике о том, что «достигнута договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Надо сказать, что между И. В. Сталиным и В. М. Молотовым в те дни существовали разногласия в оценке подлинного значения этой формулировки. В. М. Молотов скептически отнесся к заверениям Ф. Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как И. В. Сталин верил в реальную возможность достижения этой цели. Подтверждением может служить телеграмма И. В. Сталина, направленная советскому послу в Вашингтоне после отъезда В. М. Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Ф. Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств в целях обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки, как свидетельствуют переговоры, сокращались примерно на 40% по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Ф. Рузвельтом В. М. Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время развертывалось летнее стратегическое наступление вермахта, и положение на советском фронте ежедневно ухудшалось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы. Тем не менее И. В. Сталин 6 июня телеграфировал М. М. Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж... [с] добавлением, что советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 г. В соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году»[33]. Предположение И. В. Сталина не оправдалось. На обратном пути при повторном посещении Лондона У. Черчилль вручил В. М. Молотову памятную записку, из которой следовало, что открытие второго фронта в 1942 г. маловероятно.

Если для Англии и США вопрос о втором фронте был в большей степени вопросом претворения в жизнь их стратегии, то для СССР он был связан и с сохранением жизни миллионов советских людей. Высадка союзников во Франции вела к уменьшению потерь Красной армии и гражданского населения, быстрейшему изгнанию противника из оккупированных областей. На некоторых этапах боевых действий в 1941–1943 гг. проблема второго фронта имела для Советского Союза критическое значение.

Шло время, но второй фронт отсутствовал. Остался позади тяжелейший для Советского Союза 1942 г. с его поражениями и зарей победы под Сталинградом. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. наступления союзников во Франции не будет. Совместное послание У. Черчилля и Ф. Рузвельта о результатах конференции, направленное И. В. Сталину, не содержало информации о конкретных операциях и их сроках, а лишь выражало надежду, что «эти операции вместе с Вашим мощным наступлением могут, наверное, заставить Германию встать на колени в 1943 г.»[34]. В Москве

ясно видели подоплеку этой расплывчатой формулировки, о чем свидетельствовал запрос, содержащийся в послании И. В. Сталина от 30 января 1943 г. У. Черчиллю и Ф. Рузвельту: «...я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления»[35]. После консультаций с Ф. Рузвельтом английский премьер направил советской стороне обнадеживающий ответ: «Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов... Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь»[36]. Некоторые западные историки не без основания называют это преднамеренным обманом[37]. Продолжая в 1943 г. заявлять о скором открытии второго фронта в Европе, правительства США и Англии в действительности готовились к продолжению военных действий на средиземноморском театре. Но обман долго продолжаться не мог, и после очередной встречи с У. Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Ф. Рузвельт сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г.

История повторялась: в преддверии очередного летнего наступления вермахта союзники объявляли о переносе сроков открытия второго фронта. Так было в 1942 г. То же самое произошло в 1943 г. Последовавший обмен посланиями еще более накалил обстановку: у США и Великобритании не было убедительных аргументов в пользу занятой ими позиции[38]. Возник серьезный кризис во взаимоотношениях между союзниками. Вдобавок к откладыванию высадки были сокращены поставки СССР по ленд-лизу. Посол США в Москве У. Стендли сделал резкие заявления о невнимании советского правительства к той материальной помощи, которую оказывают США Советскому Союзу. Американское правительство приняло решение о замене своего дипломата. Вскоре из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. М. Майский и М. М. Литвинов. К этому времени относится версия о якобы имевшей место встрече В. М. Молотова и И. фон Риббентропа в Кировограде[39]. Существуют косвенные свидетельства, что это была дезинформация советского правительства, предназначенная для лидеров Англии и США[40]. По многим аспектам она была выгодна Советскому Союзу, способствовала тому, чтобы западные союзники осознали угрозу остаться один на один с А. Гитлером и ускорили вторжение в Европу.

В 1944 г. второй фронт был открыт. Это крупное событие искренне приветствовали в Москве. Действия Красной армии начали координироваться с действиями армий западных союзников в Европе. Но за двухлетний период, с 1 мая 1942 по 31 мая 1944 г., только безвозвратные потери Вооруженных сил СССР (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 млн 419 тыс. человек[41].

С вступлением Красной армии на территорию стран Восточной Европы резко обострились противоречия по вопросу их послевоенного устройства. Чтобы понять, почему это произошло, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Важнейшей геополитической задачей Советского Союза, которую он считал необходимым решить в ходе войны, было создание на своих западных границах в Европе «пояса безопасности», основу которого составили бы границы 1941 г., с дружественными приграничными государствами: Болгарией, Чехословакией, Венгрией, Румынией, Польшей, Финляндией и Норвегией. Оставаясь независимыми, они должны были служить своеобразным «водоразделом» между сферами влияния СССР и других великих держав. Западные союзники противились такому решению вопроса, хотя многие из них понимали, что СССР не допустит возрождения на своих границах враждебного «санитарного кордона».

После разгрома немецких войск в Сталинградской битве, который показал, что СССР способен один разгромить Германию, позиция западных союзников по вопросу о его послевоенных границах претерпела некоторые изменения. Э. Галифакс (в то время британский посол в США), информируя МИД Великобритании о своей беседе с заместителем госсекретаря США С. Уэллесом, писал, что, по мнению С. Уэллеса, если германская машина в скором времени распадется, то американское и английское правительства станут свиде-

телями вступления Красной армии в Восточную Европу и уже не смогут оказать давление на советское руководство.

В последующие месяцы войны западные лидеры с возрастающей тревогой следили за успехами Красной армии, рассматривая их как угрозу большевизации Европы. Образно говоря: «За ширмой дипломатических формулировок и пропагандистских деклараций политика большой тройки была трудным делом, за которым едва скрывались фундаментальные противоречия, иногда как бы исчезавшие при необходимости выжить и надеяться на лучшее в послевоенном мире»[42].

К осени 1944 г. советские войска продвинулись на территории Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, практически вышли на границу с Грецией. В октябре У. Черчилль прилетел в Москву с планом раздела сфер влияния в Восточной Европе, предварительные переговоры о котором он вел с Вашингтоном и Москвой[43]. Встречающиеся в литературе советского периода сообщения, что И. В. Сталин этот план отверг[44], не соответствуют действительности[45]. Как поясняют недавно рассекреченные советские записи переговоров и последующие события, Великобритания и СССР предприняли некоторые шаги для практического раздела сфер влияния (Великобритания — в отношении Румынии, а СССР — в отношении Греции). Попытка двух лидеров достичь взаимопонимания в этом вопросе была направлена на поиски компромиссного решения проблемы послевоенного устройства Европы. Но этого не произошло.

Наступил 1945 г. Армии союзников, наступая с запада и востока, стремительно сближались. Решения Европейской консультативной комиссии о зонах оккупации Германии, триумф Ялтинской конференции, казалось, ослабили нараставшие противоречия. Но рассекреченные в 1998 г. документы государственного архива Великобритании указывают, что У. Черчилль вскоре после Ялтинской конференции отдал распоряжение подготовить военную операцию, которая, по его замыслу, должна была изменить ход событий в Европе. Ключевым в этих документах является датированный 22 мая 1945 г. план экстренной операции «Немыслимое», разработанный объединенным штабом планирования военного кабинета Великобритании. В плане дана оценка обстановки, сформулированы цели операции, определены привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной армии (в английских документах, как правило, употребляется термин «русская армия») и западных союзников, а также картографический материал. Время выполнения поручения премьер-министра на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть основания предполагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками не позднее апреля 1945 г. Заданию предшествовали мрачные размышления и выводы, которые много лет спустя У. Черчилль воспроизвел в своих мемуарах следующим образом: «...во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение; в-шестых, Вена, по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами; в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии»[46].

Напомним вкратце военно-политическую обстановку в марте — апреле 1945 г., которая менялась с каждым днем. Красная армия завершила освобождение Польши, Венгрии, заканчивала ликвидацию противника в Восточной Пруссии, овладела Восточной Померанией, Силезией, заняла столицу Австрии — Вену, вышла к центральным районам Чехословакии. К середине апреля войска 1-го Белорусского фронта находились в 60–70 км от Берлина. Утром 16 апреля главные силы 1-го Белорусского, а затем 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов приступили к операции по взятию Берлина. К ее началу немецкое командование пе-

ребросило дополнительные силы на советско-германский фронт, где находилось 214 дивизий, в том числе 34 танковые. На западном фронте оставалось 60 дивизий, из них пять танковых.

Войска западных союзников форсировали в апреле Рейн и завершили ликвидацию рурской группировки противника. Они освободили Дрезден, Магдебург, ряд других крупных городов Германии. 25 апреля произошла историческая встреча американских и советских войск на р. Эльбе в районе г. Торгау. Действия Красной армии и войск западных союзников координировались в соответствии с договоренностями, достигнутыми на Ялтинской (Крымской) конференции.

Нацистская Германия находилась в полной изоляции. Ее единственный союзник — Япония, против которой по решению, подтвержденному на Ялтинской конференции, предстояло выступить Советскому Союзу, уже была не в состоянии оказать какое-либо влияние на ход событий в Европе. Усилиями военно-морского флота США японские войска были выбиты практически со всех захваченных ими территорий в Тихом океане, а японский военно-морской флот разгромлен. Однако сухопутные войска Японии еще представляли собой мощную силу, борьба с которой в Китае и на самих Японских островах могла затянуться.

В апреле 1945 г. Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников. Тем более актуальным представлялось У. Черчиллю создание «нового фронта» против Красной армии. Дата начала военных действий, которая указывалась в плане операции «Немыслимое», — 1 июля 1945 г. Цель — нанести русским войскам тотальное поражение[47]. Однако, изучив вопрос, имперский генеральный штаб пришел к выводу о неосуществимости этого плана ввиду превосходства сил Красной армии. Реакцией У. Черчилля было новое задание: подготовить план обороны Британских островов на случай, «если американцы отведут свои войска в зоны (оккупации. — *Прим. ред.*) и отправят остальные силы обратно в США... В этой обстановке русские будут располагать силами для наступления к Северному морю и Атлантике. Прошу разработать план защиты Британских островов (дословно: «как мы сможем тогда защитить наш остров». — *Прим. ред.*)»[48].

Вместо наступательной под тем же названием столь же спешно стала разрабатываться оборонительная операция. Из одной крайности бросились в другую. Объединенный штаб планирования военного кабинета в том же составе выполнил задание премьер-министра и 11 июля представил объемистую разработку, в итоге которой делался следующий вывод: «Только в случае использования ракет и другого нового оружия, которое может появиться у русских, возникнет серьезная угроза безопасности нашей страны (первая советская ракетная часть была сформирована в 1946 г. — *Прим. ред.*). Вторжение или серьезные удары по нашим морским коммуникациям могут быть осуществлены только после длительной подготовки, которая займет несколько лет»[49]. Иными словами, разработчики пришли к выводу о непродуктивности и этого варианта операции, косвенно указав на необоснованность опасений премьер-министра относительно советской военной угрозы Западной Европе и Британским островам.

В середине июля 1945 г. У. Черчилль, потерпев поражение на выборах, ушел в отставку. К власти в Великобритании пришло лейбористское правительство во главе с К. Эттли. План операции «Немыслимое», казалось, был признан несостоятельным. Но прошло немного времени, и новое английское правительство начало активно втягивать в это дело американцев и канадцев, что подтверждают рассекреченные документы 1946 г. Они заслуживают отдельного рассмотрения. Отметим только, что ведение переговоров было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Х. Вильсону, который обсуждал английские военные проекты с президентом Г. Трумэном, генералом Д. Эйзенхауэром, в то время главнокомандующим союзными силами в Европе, и канадским премьером М. Кингом. В сентябре последовала окруженная особой завесой секретности встреча на яхте вблизи побережья США генерала Д. Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери. Стороны в конечном счете пришли к выводу, что, если Красная армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить. План операции «Немыслимое», точнее то, что

от него осталось, был отправлен в архив. Последующие планы войны против СССР разрабатывались уже на уровне НАТО.

В связи с «инициативами» У. Черчилля возникает по меньшей мере два вопроса. Первый: имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, последовательный перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн до менее чем 3 млн человек, упразднены Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного главнокомандования. Количество военных округов в 1945—1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре — из Чехословакии, в апреле 1946 г. — с острова Борнхольм (Дания), в декабре 1947 г. — из Болгарии. Только в связи с созданием НАТО с 1949 г. началось постепенное увеличение численности Вооруженных сил СССР, страна втягивалась в гонку вооружений.

Второй вопрос: знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? На этот вопрос, пожалуй, можно ответить утвердительно. Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Косвенно подтверждает это и видный знаток истории Вооруженных сил Советского Союза профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон. По его мнению, план У. Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен Москве и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия»[50].

Решающим фактором, обострившим противоречия между тремя великими державами и укрепившим их недоверие друг другу, явилось создание и применение в конце войны Соединенными Штатами Америки атомного оружия. Государственному Комитету Обороны СССР стало известно о работах западных союзников над атомным проектом еще в конце 1941 г. Подобные исследования были начаты и в Советском Союзе. С атомной монополией и приходом к власти в США президента Г. Трумэна американская политика в отношении СССР существенно изменилась. Союзнические принципы все чаще сменялись предъявлением требований и односторонними решениями. Речь У. Черчилля в феврале 1946 г. в Фултоне в присутствии Г. Трумэна с выпадами против СССР была расценена в Москве как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество»[51]. Безуспешные попытки добиться запрещения атомного оружия («дубинка для русских парней», по выражению Г. Трумэна) или контроля над ним означали кардинальное изменение соотношения военного потенциала государств большой тройки (прежде всего между США и СССР), что привело к послевоенной гонке вооружений, вызвало череду международных кризисов и локальных войн, подвело мир к угрозе ядерной войны. Период ослабления этой угрозы, некоторой стабилизации обстановки в мире наступил в начале 1970-х гг. с достижением относительного паритета между СССР и США в ядерных вооружениях и средствах их доставки.

Антигитлеровская коалиция, несмотря на присущие ей противоречия, явилась военно-политическим союзом, который, в противовес фашистскому блоку, достиг высокой степени объединения усилий, направленных на разгром агрессоров. Важнейшие совместные решения принимались на конференциях глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране (1943), Ялте и Потсдаме (1945). За последние годы опубликован ряд новых исследований, посвященных этой теме. В вооруженной борьбе армии и военно-морские силы антигитлеровской коалиции противостояли войскам агрессоров на всех театрах военных действий. Первой операцией стратегического значения явилась совместная высадка англо-американских войск в Северной Африке (ноябрь 1942 г.), последующий разгром итало-германских армий в Тунисе, а с их поражением в Италии и фактическое прекращение боевых действий на Средиземном

море. Наиболее крупным достижением была координация военных усилий в Европе с высадкой союзников в Нормандии (июнь 1944 г.). Практически одновременно Красная армия предприняла согласованное с западными союзниками стратегическое наступление, а затем наступление в январе между Вислой и Одером, ускоренное в целях поддержки англо-американских войск, подвергшихся неожиданному удару вермахта в Арденнах. На Дальнем Востоке значительный вклад в разгром Японии на заключительном этапе войны внес Советский Союз. Вооруженным силам США на этом театре оказывали содействие многие союзные страны. Совместные боевые действия сократили потери армий антигитлеровской коалиции и способствовали разгрому агрессоров.

На оперативно-тактическом уровне взаимодействие достигалось совместной охраной конвоев с военными и другими грузами, которые направлялись из США, Великобритании и Канады в СССР, их морским и авиационным прикрытием (с ВМФ и ВВС Великобритании), использованием советских авиабаз для челночных бомбардировок территории противника (ВВС США), разработкой совместного плана дезинформации (операция «Бодигард»), обменом сведениями разведки, контактами военных миссий и прочим. Большое значение имело взаимодействие в сфере экономики, прежде всего в поставках вооружений из США и в меньшей степени из Великобритании в СССР.

Объединительная тенденция в антигитлеровской коалиции, решимость правительств союзных стран довести совместную борьбу против агрессоров до общей победы во многом укреплялась тем, что официальные отношения дополнялись общественно-политическими и культурными связями. Если англо-американские контакты в этой сфере уже имели свои традиции и получили в годы войны дальнейшее развитие, то между США, Великобританией, другими западными странами с одной стороны и СССР с другой они возникли со времен Октябрьской революции, по существу, впервые. Наибольшее развитие получили связи между СССР и Великобританией, а также между СССР и США. Важнейшую роль в них играли радио («Би-би-си», «Коламбия бродкастинг» и радиостанция имени Коминтерна), печать (бюллетени посольств США и Великобритании в Москве и советских посольств в этих странах, бюллетень ТАСС на английском языке, газета «Британский союзник»), работа корреспондентов. Заметное место занял обмен кинопродукцией. В СССР возникло немало нового в работе профсоюзов, комсомола, других общественных организаций. Получили некоторое развитие и личные контакты. Важная роль в них принадлежала интеллигенции союзных стран. Личные контакты советских, американских и британских военнослужащих были связаны в основном с поставками по ленд-лизу и кратковременными встречами на фронтах в 1945 г. Общественно-политические и культурные связи находились под контролем правительственных структур во всех странах. В каждой стране он имел свою специфику и к концу войны во все большей степени зависел от целей государственной политики в послевоенном мире. Тем не менее общий итог связей имел положительное значение. Исторически это было обусловлено еще и тем, что Великобритания и США, союзники России по Антанте, вновь вели совместную борьбу в антигерманском лагере. Представление миллионов людей разных стран о своих союзниках изменились в пользу сближения и взаимного уважения. У значительной части населения Великобритании и США были преодолены негативные представления об СССР. В свою очередь, многие советские люди впервые получили более широкий доступ к информации о западных странах. Все это открывало позитивные перспективы для послевоенного развития мира.

Серьезные противоречия проявились в таких кардинальных вопросах, как открытие второго фронта (стратегия), послевоенное устройство приграничных СССР стран Восточной Европы (геополитика), и приняли крайне острый характер в период монопольного владения Соединенными Штатами преимуществом в атомном оружии.

С позиций современных знаний представляется возможность достаточно объективно прояснить истоки столкновения интересов союзников в 1941—1945 гг. Это актуально уже по той причине, что призраки однополюсного мира неизбежно возвращают нас к дилемме, которая в годы Второй мировой войны стояла перед Ф. Рузвельтом: он не сомневался, что

безопасность народов зависит от великих союзных держав, но его волновал вопрос о том, кто и как будет наблюдать за самими наблюдателями[52].

Каким-либо специальным решением антигитлеровская коалиция не оформлялась и не распускалась. Достигнув своей главной цели, Большой союз занял достойное место в истории XX в. и остается объектом внимательного изучения.

Великая Отечественная война — решающая часть Второй мировой войны

Вторая мировая война, произошедшая в середине XX в., приняла облик глобального вооруженного конфликта, который вовлек в свою орбиту 61 государство и 80% населения земного шара. Огненный смерч пронесся над огромными пространствами Европы, Азии и Африки, захватил Тихий и другие океаны, достиг берегов Новой Земли и Аляски на севере, Атлантического побережья Европы на западе, Курильских островов на востоке, границ Египта, Индии и Австралии на юге. По своим масштабам, напряженности борьбы и последствиям она намного превзошла Первую мировую войну 1914–1918 гг. Если в начале века в войне участвовало 39 государств, то во время Второй мировой войны — на 22 государства больше. Количество же мобилизованных в вооруженные силы достигло 110 млн человек, что на 40 млн больше, чем в Первой мировой войне. В пожаре войны 1939–1945 гг. сгорели огромные массы военной техники: самолетов — в 4 раза, артиллерии — в 8 раз, танков и САУ (штурмовых орудий) — в 30 раз больше, чем в Первой мировой войне. К концу войны только в Европе в войсках было свыше 360 тыс. орудий и минометов, свыше 50 тыс. танков, около 120 тыс. самолетов, а личного состава — свыше 50 млн человек. Огромные массы людей и военной техники предопределили значительный пространственный размах вооруженной борьбы, а также особо разрушительный характер Второй мировой войны по сравнению с Первой. Военные действия охватили большую часть Европейского континента, развернулись в Азии и Африке. Общая площадь театров военных действий составляла свыше 22 млн кв. км, что в 5,5 раза больше, чем в Первую мировую войну[53].

Главные политические и стратегические цели войны достигались на континентальных театрах военных действий. Наиболее интенсивными и напряженными были военные действия в Европе, где они охватили территорию 19 государств: Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Греции, Дании, Италии, Люксембурга, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии. На Европейском театре военных действий шли самые ожесточенные сражения, участвовали наиболее крупные массы войск, использовалось наибольшее количество военной техники. Многие операции в отличие от других ТВД велись в густонаселенных районах. На полях сражений в Европе были самые большие людские и материальные потери.

В Азии вооруженная борьба проходила на территории 10 государств: Бирмы, Голландской Индии, Индии, Китая, Кореи, Малайи, Таиланда, Филиппин, Французского Индокитая, Японии; в Африке война охватила 11 стран (в основном колонии империалистических государств): Алжир, Египет, Кению, Ливию, Марокко, Британское и Итальянское Сомали, Судан, Тунис, Эритрею, Эфиопию. Военные действия велись здесь преимущественно на узких участках фронта (вдоль приморской полосы и внутренних коммуникаций) или носили очаговый характер; в них участвовало значительно меньше сил и средств, особенно танков, авиации, артиллерии, чем в Европе.

Вне сферы вооруженной борьбы в годы Второй мировой войны находился весь Американский континент. Из 22 американских государств, объявивших войну странам фашистского блока, только США, Канада, Мексика и Бразилия в разной мере участвовали в войне.

Большой размах приобрели военные действия на океанских и морских ТВД. Они охватили обширные акватории, архипелаги и острова Тихого, Атлантического, Северного Ледовитого, Индийского океанов, Средиземного, Балтийского, Черного и других морей. Это было связано с возрастанием роли океанских и морских коммуникаций. Ведь в составе каждой из коалиций находились крупные морские державы, отделенные огромными океанскими пространствами; многие районы военных действий располагались на большом удалении от территории воевавших государств; экономика ряда стран и их способность вести вооруженную борьбу в значительной мере зависели от морских перевозок. Протяженность океанских коммуникаций была очень велика. Их защита, с одной стороны, и нарушение или срыв морских перевозок противника, с другой, являлись важнейшими задачами в борьбе на океанских и морских ТВД в ходе всей войны. В решении этих задач участвовали сухопутные войска, авиация и военно-морские силы.

Вооруженная борьба в годы Второй мировой войны — это противоборство массовых, многомиллионных армий, многочисленных военно-воздушных и военно-морских сил. По составу и общей численности вооруженных сил воевавших государств эта война была наиболее крупной в истории. Никогда прежде мобилизация людских ресурсов не проводилась в столь широких масштабах. В 1939–1945 гг. в вооруженные силы были призваны в 1,5 раза больше людей, чем в Первую мировую войну. Их численный и боевой состав непрерывно возрастал, особенно после нападения Германии на Советский Союз, вступления в войну США и образования антигитлеровской коалиции. Наиболее крупными вооруженными силами обладали СССР, США, Великобритания, Китай. Значительные людские контингенты были мобилизованы в Индии, Австралии, Канаде.

Во Второй мировой войне, развязанной Германией, СССР являлся главным препятствием на пути германского нацизма к мировому господству. Агрессор ставил своей целью уничтожение Советского Союза как государства, захват и ограбление его территории, закабаление и физическое уничтожение основной части населения. Поэтому главная цель СССР в этой справедливой, оборонительной войне состояла в том, чтобы устранить нависшую над страной смертельную угрозу. Достичь этого возможно было единственным путем — полным разгромом вермахта и войск союзников Германии, ликвидацией нацизма, враждебного всему человечеству. Такие цели сторон обусловили острый, непримиримый характер войны: самую высокую степень бескомпромиссности вооруженной борьбы, решительности и активности военных действий, напряженности и кровопролитности сражений на советско-германском фронте по сравнению с другими фронтами Второй мировой войны.

Степень боевого использования вооруженных сил различных государств на фронтах и театрах военных действий была неодинаковой. В составе антигитлеровской коалиции с наибольшим напряжением сражались Вооруженные силы СССР. Потенциальные возможности США и Англии использовались для борьбы против агрессивного блока не в той мере, в какой требовали интересы коалиции. Это объясняется тем, что в рамках коалиции каждая страна преследовала и собственные национальные интересы, которые, особенно при эгоистическом их понимании, иногда расходились с коалиционными. Так, США и Англия по разным причинам вплоть до 1944 г. избегали вводить значительные контингенты своих войск в кровопролитные боевые действия на сухопутных театрах войны, особенно в Европе. Они предпочитали добиваться ограниченных успехов, опираясь главным образом на политические и дипломатические средства (Англия) или на свой военно-экономический потенциал (США). Однако для Советского Союза, на территории которого развивались главные события войны, такие методы были неприемлемы. Интересы быстрейшего освобождения Родины требовали максимальных усилий как вооруженных сил, так и всего народа. Поэтому интересы СССР совпали с коалиционными.

Главная тяжесть вооруженной борьбы, как уже отмечалось, легла на советско-германский фронт. Здесь решительность политических и военных целей воюющих сторон обусловили бескомпромиссный характер вооруженного столкновения, достижение важнейших стратегических результатов, оказавших определяющее воздействие на ее ход и исход. С 22 июня

1941 г. так называемый восточный фронт стал главным фронтом Второй мировой войны, где на различных ее этапах с обеих сторон участвовали от 8 млн до 12,8 млн человек, от 84 тыс. до 163 тыс. орудий и минометов, от 5,7 тыс. до 20 тыс. танков, самоходных артиллерийских установок и штурмовых орудий, от 6,5 тыс. до 18,8 тыс. самолетов[54]. В полосе от Белого до Черного моря летом 1941 г. вели бои 190 дивизий Германии и ее союзников (95,5% общего количества сухопутных сил), в апреле 1942 г. — 219 дивизий (92,5%), в ноябре 1942 г. — 266 дивизий (95,5%), в апреле 1943 г. — 233 дивизии (94,1%), в январе 1944 г. — 245 дивизий (92,1%). Даже после открытия второго фронта в Европе против Красной армии вели борьбу 195–240 дивизий, на западном же фронте действовало от 56 до 75 дивизий. В вооруженной борьбе на советско-германском фронте участвовало до 81% орудий и минометов, до 67% бронетанковой техники, до 60% боевых самолетов противника[55].

Советско-германский фронт отвлекал основные силы союзников Германии. Так, в июне 1941 г. в боях с Красной армией участвовали 29 дивизий и 16 отдельных бригад, в ноябре 1942 г. — 66 дивизий и 13 отдельных бригад, в июле 1943 г. — 32 дивизии и восемь отдельных бригад, в июле 1944 г. — 51 дивизия и девять отдельных бригад, в феврале 1945 г. — 16 дивизий и одна бригада. Кроме того, на оккупированной территории с германскими властями сотрудничали почти 750 тыс. человек (они служили в полувоенных формированиях, полиции и антипартизанских командах). «Добровольных помощников» (хиви) было около 700 тыс. В боевых частях вермахта проходили службу 400–450 тыс. человек. Большинство из них были распределены по отдельным батальонам и ротам, приданным германским дивизиям[56].

Приковывая главные силы Германии и ее сателлитов, отвлекая их от других военно-политических объектов, Советский Союз кардинально способствовал облегчению положения союзников и успехам на всех остальных фронтах. Союзники, имея многомиллионные армии, направляли на действующие фронты незначительную часть своих войск: вплоть до 1944 г. на сухопутных фронтах было около трети вооруженных сил США и Великобритании. Основная же масса их войск находилась вне театров военных действий, не участвовала в боях и оказывала влияние на ход вооруженной борьбы и ее результаты в основном «непрямыми действиями». Заметное увеличение количества войск США и Англии на фронтах произошло лишь после сокрушительных поражений вермахта на советско-германском фронте. Более интенсивно действовали авиация союзников, а также флоты, развернутые на морских и океанских театрах, особенно на коммуникациях в Атлантике и на Тихом океане.

На характер вооруженной борьбы большое влияние оказало не только увеличение количества военной техники, но и ее качественное совершенствование. Уже к началу войны армии и флоты основных воевавших государств располагали оружием, значительно превосходившим по боевым характеристикам аналогичные образцы, применявшиеся в Первой мировой войне. В военное время процесс совершенствования боевых и технических средств усилился. Рост боевых возможностей оружия, создание и использование различных видов военной техники, в том числе новых мощных и дальнобойных средств поражения, усложнили характер вооруженной борьбы и в то же время позволили решить более важные стратегические, оперативные и тактические задачи, во многом изменили характер вооруженного противоборства. Этому способствовало массовое применение в военных действиях автоматического оружия, танков, самолетов и других видов военной техники, а также оснащение войск радиотехническими средствами и разнообразной военно-инженерной техникой.

Несмотря на значительное разнообразие театров военных действий и разный характер вооруженного противоборства на них, для Второй мировой войны были характерны: быстрое и резкое изменение военной обстановки и соотношения сил в ходе вооруженной борьбы; острая и упорная борьба за стратегическую инициативу; высокие темпы наступления, стремительные прорывы, охваты и обходы, нанесение ударов по флангам и тылу противника с последующим окружением; преимущественное ведение наступательных стратегических операций, с одной стороны, и значительная активность и упорство стратегической обороны, с другой; возросшая зависимость вооруженной борьбы от экономики и морально-политического фактора и связанная с этим степень живучести войск.

Однако соотношение указанных особенностей вооруженной борьбы на различных театрах военных действий было неодинаковым, и прежде всего потому, что Вторая мировая война фактически состояла из ряда войн: агрессии фашистской Германии против Польши, Дании, Норвегии; войны между Германией и Францией, Англией, Бельгией, Нидерландами и еще рядом стран; войны между Германией и ее союзниками с одной стороны и Советским Союзом с другой; войны между Японией и США и других. Каждая из этих войн имела свой социально-политический и военно-технический характер, свою длительность и другие характеристики. Кроме того, во всех войнах как составных частях Второй мировой войны были различными политические и военные цели, а от них существенно зависели и военные действия: их начало, ход, напряженность, длительность и прочее.

Можно отметить, например, ограниченность политических и военных целей Германии по отношению к Франции и Англии в 1939–1940 гг. и непоследовательность политических устремлений правящих кругов Англии и Франции. Это позволило немецкой армии быстро разгромить вооруженные силы Польши, а затем в короткие сроки нанести поражение странам Запада. Так, Дания была захвачена за один день, Голландия — за пять, Бельгия — за 19, Франция — за 44, боевые действия в Норвегии продолжались 63 дня. В 1941 г. нацистская Германия оккупировала Югославию, Грецию, захватила остров Крит и вступила в боевые действия в Северной Африке.

Иначе было в войне между Советским Союзом и нацистской Германией. Здесь решительность политических и военных целей воюющих сторон обусловила бескомпромиссный характер вооруженной борьбы и достижение важных стратегических результатов, оказавших решающее воздействие на ход и результаты Второй мировой войны в целом. С 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. советско-германский фронт был главным фронтом Второй мировой войны. Военные действия на советско-германском фронте отличал небывалый пространственный размах. Вначале протяженность линии фронта составляла около 4 тыс. км, а в 1942 г. превысила 6 тыс. км, в то время как западный фронт составлял 800 км, североафриканский — 350 км, а итальянский — 300 км[57]. Стратегические наступления осуществлялись на фронте от 1200 до 4250 км, а глубина продвижения войск составляла 200–1100 км. Белорусская операция велась на фронте 700–1000 км и на глубине 550–600 км. Масштабными были все другие крупные операции. Так, в Берлинской операции активные боевые действия развернулись в 500-километровой полосе — от Балтийского моря до отрогов Судетских гор. В ней с обеих сторон приняли участие около 3,5 млн человек, свыше 52 тыс. орудий и минометов, около 8 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, почти 11 тыс. боевых самолетов и около 280 дивизий. Кровопролитные сражения на всем фронте или на его участках шли почти беспрерывно. Паузы между крупными операциями были редким явлением. Характерно, что из 1418 суток существования советско-германского фронта активные боевые действия велись 1320 суток (93% времени), на итальянском фронте из 663 суток — 492 (72,2%), на западном фронте из 338 суток — 293 (86,7%), на североафриканском из 973 суток — 309 (30,8%). Красная армия осуществила 37 стратегических операций, союзники на западном фронте — шесть, на итальянском и североафриканском — по три стратегических операции. Ширина полосы наступления группы советских фронтов достигала 1000–1400 км, глубина — 300–600 км при среднесуточных темпах продвижения стрелковых войск до 25 км, а бронетанковых — до 65 км в сутки[58]. Показатели же наступления союзников были в 2–3 раза ниже.

Используя огромные материальные и людские ресурсы, в ходе войны Советскому Союзу удалось увеличить численность войск — примерно в 2 раза, численность орудий и минометов — почти в 3 раза, танков — в 6 раз, самолетов (новых типов) — более чем в 9 раз. Это способствовало повышению эффективности операций, проводимых Красной армией.

Необходимо особо отметить, что для советско-германского фронта были характерны битвы как совокупность одновременных и последовательных наступательных и оборонительных операций стратегического масштаба, которые на определенном этапе войны проводились на важнейших направлениях фронта, в интересах достижения решающих военно-политических целей. Как правило, они велись на обширных пространствах, носили длительный,

упорный и ожесточенный характер. К их числу относятся: битва под Москвой, битва за Ленинград, Сталинградская битва, битва за Кавказ, Курская битва и битва за Днепр. Они продолжались от одного до шести месяцев, а битва за Ленинград — около трех лет. В каждой из битв советскими войсками было проведено по несколько стратегических и фронтовых операций (как в рамках стратегических операций, так и вне их).

Боевые действия советских войск характеризовались высокой активностью. Об этом свидетельствует напряженная и драматическая борьба за стратегическую инициативу, без обладания которой не может быть успехов и нельзя добиться победы над противником. Агрессор захватил ее сразу же с началом войны, что дало ему значительные преимущества в ведении последующих операций. Для Красной армии борьба за стратегическую инициативу приобрела ключевое значение. Она велась с целью изменить неблагоприятный для Советского Союза ход вооруженной борьбы и войны в целом, добиться коренного перелома и создать предпосылки для решительного разгрома врага. И с этой задачей Красная армия, за спиной которой стоял многомиллионный советский народ, справилась.

Для захвата стратегической инициативы потребовалось изменить количественное и качественное соотношение сил на фронте путем ослабления прежде всего ударных группировок противника, действовавших на главных стратегических направлениях. Кроме того, необходимо было не только восстановить, но и увеличить производство военной техники. Наконец, для захвата стратегической инициативы потребовались высокое мастерство и упорство в обороне, умение собрать силы, выбрать момент и главные направления сосредоточения усилий, организовать и провести мощное контрнаступление, обеспечить развитие достигнутых успехов и перерастание ударов в стратегическое наступление. Все это было достигнуто на советско-германском фронте.

Здесь же проявились новые черты и в организации взаимодействия войск при решении поставленных задач. Оно было намного более сложным, чем на других ТВД, не говоря уже о прошлых войнах. Наряду с этим в полной мере дала о себе знать и такая черта, как резкий рост потребностей фронта в материальных и технических средствах. Достаточно сказать, что каждая стратегическая операция требовала расхода такого количества материальных средств, которого в прежних войнах хватало на несколько кампаний, а иногда и на всю войну. Изменилось и соотношение между различными видами материального и технического обеспечения войск, многократно возрос удельный вес вооружения, боеприпасов, горючего, инженерного имущества. Красная армия в ходе Великой Отечественной войны израсходовала боеприпасов в 10 раз больше, чем российская армия в годы Первой мировой войны. Для обеспечения действий одного механизированного корпуса Красной армии нужно было столько горючего, сколько расходовала его вся русская армия в 1914—1917 гг. С увеличением материально-технических потребностей армии возросло значение своевременной и непрерывной доставки ей необходимых средств, что повысило роль всех видов транспорта (железнодорожного, автомобильного, воздушного, водного).

Война показала, что современные армии обладают высокой живучестью. Сокрушение государства в течение одной кампании, одним стратегическим ударом могло быть достигнуто лишь в борьбе с таким противником, который не обладал необходимой военной мощью. Ведущей же чертой вооруженной борьбы было длительное противоборство воюющих сторон, в котором конечные политические и стратегические цели достигались проведением ряда кампаний и стратегических операций. Недооценка возросших способностей государств к длительному сопротивлению, восполнению потерь в личном составе и материальных средствах, увеличению военного производства приводила к крупным политическим и стратегическим просчетам.

Кроме оборонительных и наступательных операций в рамках названных битв Красная армия осуществила ряд других крупных стратегических операций. Всего их было 51, а наиболее значительными стали Белорусская, Висло-Одерская, Берлинская. Каждая из них осуществлялась на широком фронте и на большую глубину. Этому во многом способствовало достаточно эффективное решение политическим и военным руководством Советского Союза

проблемы резервов, что позволяло восстанавливать потери, наращивать боевую мощь армии путем новых формирований и пополнения войск военной техникой.

Справедливые политические цели войны с фашизмом сделали советско-германский фронт примечательным в том отношении, что здесь действия регулярных войск Красной армии сопровождались активными действиями крупных сил партизан в тылу противника. Создавались не только отдельные отряды, но и целые соединения. По сути, это был фронт борьбы с агрессором, отвлекающий у противника значительные силы. Партизанская борьба — явление не только военного порядка, но и политического, свидетельство всенародности сопротивления фашизму, патриотизма советских людей. Совместно с Красной армией в борьбе против захватчиков сражались также сформированные в ходе войны части и соединения ряда европейских стран, подвергшихся оккупации (Польши, Чехословакии, Франции, Румынии, Венгрии, Югославии).

Важнейшим критерием того, что советско-германский фронт был решающим фронтом Второй мировой войны, являются те потери, которые понес на нем противник. Здесь было уничтожено 607 вражеских дивизий, в то время как в Западной Европе, Италии и Северной Африке союзники разгромили 176 дивизий. Из общих потерь военно-воздушных сил вермахта, насчитывающих немногим более 100 тыс. самолетов, в боях с советскими войсками Германия потеряла до 77 тыс. Было уничтожено или захвачено до 75% орудий и минометов (167 тыс. из 225 тыс.), около 75% танков и штурмовых орудий (48 тыс. из 64 тыс.) противника[59]. Из войны были выведены такие союзники Германии в Европе, как Венгрия, Словакия, Румыния, Финляндия, Хорватия; разгромлены 8-я итальянская армия, более сотни так называемых добровольческих национальных формирований; Болгария порвала союзнические отношения с Германией.

Наиболее характерной чертой военного противоборства Красной армии с фашистским вермахтом и его союзниками на советско-германском фронте была органическая связь его военно-стратегических результатов с военно-политическими и социальными, единство национальных и коалиционных интересов. В отношениях с западными союзниками военные действия на советско-германском фронте сыграли решающую роль. Успехи Красной армии на полях сражений оказали влияние на размеры помощи СССР со стороны союзников, заставили их принимать советские предложения о согласованных действиях на фронтах Второй мировой войны, учитывать позиции Советского Союза по проблемам устройства послевоенного мира.

В 1941 г. ни на одном из трех главных стратегических направлений наступления германская армия не достигла поставленных целей. В директиве верховного главнокомандования вермахта № 39 от 8 октября 1941 г. предписывалось «прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне» и создать «необходимые предпосылки для возникновения крупных наступательных операций в 1942 г.».

Однако Красная армия по указанным выше причинам не сумела использовать сложившуюся на фронте обстановку в своих интересах. Весной и летом 1942 г. ее постигли новые неудачи и поражения. Но в ходе ожесточенных сражений армия напряженно училась воевать, совершенствовалась ее организационная структура, во все большем количестве поступала в войска новая военная техника. Постепенно солдаты и офицеры овладевали сложными тактическими приемами, позволявшими уверенно бить врага, генералы и адмиралы постигали современное военное искусство.

Летом 1943 г. в ожесточенных сражениях на Курской дуге был окончательно сломлен становой хребет вермахта. В то же время англо-американским войскам была облегчена задача высадки десанта в Италии. Все это ускорило распад блока фашистских государств, заставило немецкое командование навсегда отказаться от наступательной стратегии. Курская битва и выход советских войск к Днепру имели огромное международное значение. «Война вступила в совершенно новую фазу, последствия которой слишком важны, чтобы не оценить их сейчас... — писала в те дни газета «Нью-Йорк геральд трибюн». — Центральным моментом в новой фазе войны является выступление России в качестве могучей военной силы».

У. Черчилль подчеркивал, что «три огромных сражения — за Курск, Орел и Харьков, — все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на восточном фронте». Действительно, победа Красной армии под Курском оказала решающее влияние на последующие действия союзников. Уже в августе 1943 г. на конференции глав правительств США и Англии в Квебеке (Канада) американцы отбросили «средиземноморскую стратегию» У. Черчилля и поставили вопрос об ускорении открытия второго фронта в Западной Европе. Одновременно обсуждался вопрос об активизации работ над атомной бомбой. Лидеры Запада понимали, что Советский Союз после побед 1943 г. стал реальным претендентом на одну из ведущих ролей в послевоенном мире. Советская делегация на Тегеранской конференции сумела использовать стратегические успехи 1943 г., превратив их в успех политический.

В 1944 г., когда в ходе грандиозных наступательных операций советские войска продвинулись на запад от 500 до 1000 км, изгнали врага за пределы родной земли, начали освобождение народов Европы от фашистского ига и вышли к границам Германии, союзники резко активизировали свои боевые действия в Западной Европе.

В мае 1945 г. крах Германии стал фактом. В Берлинской операции был нанесен окончательный удар по гитлеризму. Красная армия разгромила миллионную группировку гитлеровских войск, защищавших логово фашистского зверя с упорством обреченных, и овладела Берлином — столицей Третьего рейха.

Разгром Германии и ее европейских союзников оказал решающее влияние на ликвидацию последнего очага Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Здесь Красная армия во взаимодействии с Тихоокеанским флотом нанесла поражение ударной силе сухопутных войск Японии — Квантунской группировке войск. Ущерб, нанесенный ей, исчислялся в 83 737 убитыми и 640 276 пленными (вместе с 79 276 солдатами и офицерами, капитулировавшими после 3 сентября 1945 г.). Он составлял около 30% военных потерь Японии за всю войну. Характерно, что безвозвратные потери советских войск исчислялись в 12 031 человек[60] (соотношение ущерба и потерь 6,9:1). Вооруженные силы СССР освободили Маньчжурию, Северо-Восточный Китай, северную часть Кореи, Южный Сахалин и Курильские острова. Разгром Квантунской группировки войск и потеря военно-экономических баз в Китае и Корее лишили Японию реальных сил и возможностей продолжать войну.

Безусловно, победа во Второй мировой войне была достигнута общими усилиями народов антигитлеровской коалиции. Несомненно, огромный вклад в ее исход внесли США, Великобритания, Франция, многие другие страны. Особенно эффективно действовали авиация и флот США и Великобритании. В войне активно использовался и их военно-экономический потенциал. Однако решающую роль в разгроме фашистского блока сыграл Советский Союз, его вооруженные силы, о чем свидетельствуют отмеченные исторические факты. Эту истину признавали в свое время политические, военные и общественные деятели многих стран мира. 27 октября 1944 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль в послании к И. В. Сталину писал: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в палате общин то, что я сказал ранее: именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины». «Красная армия и русский народ, несомненно, заставили вооруженные силы Германии идти по пути к окончательному поражению», — отмечал президент США Ф. Рузвельт[61]. Видный английский общественный деятель Пирс Пол Рид отмечал: «Поражение Гитлера — исход борьбы, означавший поражение фашистской армии, — было предрешено не боями в пустынях Северной Африки или на берегах Нормандии, а в Сталинграде, Ленинграде и Курске. Для Гитлера Англия и Северная Африка имели периферийное значение. Он был побежден в России»[62].

Пока шла война, мало кто из ведущих политиков стран Запада отрицал решающую роль СССР в приближающемся полном разгроме агрессоров в Европе. Высокие оценки его заслуг звучали с нарастающей силой по мере каждой новой победы Красной армии. Не являлось исключением в этом смысле и руководство США, которое объективно оценивало значение советско-германского фронта и неоднократно подчеркивало это в своих публичных заявле-

ниях. Уже 2 августа 1941 г. в ноте американского правительства подчеркивалось, что «усиление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов». В мае 1942 г. президент США Ф. Рузвельт признал: «Русские уничтожают больше солдат противника и больше вооружений и снаряжения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»[63]. Вполне справедливым представляется также утверждение государственного секретаря США периода войны Э. Стеттиниуса: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели... Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы также в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке». 6 января 1945 г. Ф. Рузвельт в послании конгрессу писал: «Мы не можем забыть героическую оборону Москвы, Ленинграда и Сталинграда и гигантский размах русских наступательных операций в 1943–1944 годах, в результате которых были уничтожены огромные германские армии». В мае того же года новый президент США Г. Трумэн отмечал: «Мы глубоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы»[64]. Английский фельдмаршал Б. Монтгомери, касаясь участия СССР в войне, писал в мемуарах: «Россия совершила великий военный подвиг... Пока Англия и Америка собирали силы, германские армии жгли, грабили и убивали на русских землях, оставляя за собой страшные разрушения и неисчислимые человеческие жертвы... Россия в тяжелом единоборстве почти один на один с наступающими гитлеровскими армиями приняла на себя всю силу германского удара и выстояла. Мы, англичане, никогда не забудем подвига России»[65].

Главным стратегическим и политическим итогом борьбы на советско-германском фронте стал разгром сильнейшей армии агрессоров, сокрушение военной мощи Германии и ее европейских союзников, полный провал их стратегических планов и замыслов. Таким образом, активные, крупномасштабные операции Вооруженных сил СССР имели не только военное, но и огромное политическое и историческое значение. Они, во-первых, сыграли важнейшую роль в разгроме военной машины Германии, ликвидации самой реакционной политической системы и поражении нацистской идеологии; во-вторых, привели к освобождению больших территорий и многочисленного населения от гитлеровской оккупации, создали условия для восстановления независимости многих народов; в-третьих, явились главным условием последующего разгрома милитаристской Японии и окончания Второй мировой войны.

Экономическое сотрудничество союзников

Материальная помощь СССР по ленд-лизу и солидарность международной общественности укрепляли у советских людей веру в справедливость войны, которую они вели, убеждали, что их жертвы и испытания высоко ценятся союзниками, утверждали гордость за вклад страны в общие усилия антигитлеровской коалиции и свою личную сопричастность к великой борьбе. Позитивное содержание в этих настроениях формировалось медленно и противоречиво: под влиянием жесткого противостояния довоенных лет, с одной стороны, и стремления к взаимопониманию, рожденному совместной борьбой против общего врага, с другой.

Основная часть вооружения и техники, необходимых для ведения борьбы с противником, производилась на советских заводах и фабриках, но существенным вкладом в военно-экономические усилия СССР явилась и материальная помощь западных союзников. С Великобританией СССР еще в начале войны обменялся экономическими миссиями, предложив список наиболее дефицитных предметов обороны, на которые он рассчитывал со стороны Запада. Корабли конвоя с грузами для СССР, пройдя опасным Северным морским путем,

впервые появились в Архангельске 31 августа 1941 г. Транспорты первого конвоя доставили в Архангельск 48 самолетов типа «Томагавк» и один «Хоукер Сидли», свыше 1 млн патронов и другие военные материалы. В августе — сентябре того же года прибыло семь союзных конвоев, всего 51 транспорт, в том числе девять советских. Поставки за наличный расчет производили и США. До 15 сентября 1941 г. из Америки в СССР были отправлены 8 млн патронов, 10 тыс. бомб, 10 радиостанций, 49 самолетов и девять авиамоторов.

Конечно, этого было очень мало, чтобы удовлетворить острые нужды Советского Союза и восполнить его огромные потери в военной технике и материальных ресурсах. Но обнадеживала перспектива получения большого объема помощи со стороны Запада в будущем. В августе 1941 г. на встрече в Атлантике, близ острова Ньюфаундленд, президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр У. Черчилль обсудили также вопросы о помощи СССР. Они решили предложить И. В. Сталину провести в Москве конференцию представителей США, СССР и Великобритании по вопросу распределения ресурсов этих трех государств. В письме Ф. Рузвельта и У. Черчилля к И. В. Сталину, в частности, говорилось: «...мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем... Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить конференцию в Москве... Если предложение о таком совещании встретит Ваше одобрение, то... впредь до принятия этим совещанием решений мы будем продолжать по возможности быстрее отправлять Вам снабжение и материалы»[66].

Московская конференция (29 сентября — 1 октября 1941 г.) совпала с развертыванием наступления вермахта на советскую столицу. Еще до открытия переговоров А. И. Микоян направил главе советской делегации В. М. Молотову проект подготовленных документов для вручения главам американской (А. Гарриману) и британской (лорду У. Бивербруку) делегаций. Представители западных держав восприняли запросы советской делегации как свидетельство решимости вести продолжительную войну. Подписанное соглашение, известное как Московский протокол, предусматривало свыше 70 основных видов поставок (вооружение, стратегические материалы и сырье) и более 80 предметов медицинского снаряжения, всего свыше 1,5 млн тонн. С 1 октября 1941 по 30 июня 1942 г. Соединенные Штаты и Англия согласились направлять в Советский Союз ежемесячно 400 самолетов (из них 100 американских бомбардировщиков, 200 британских и 100 американских истребителей), 500 танков (из них не более половины малых), по 152 зенитные пушки (90-мм), по 2 тыс. тонн алюминия из Канады сверх уже отправленных 5 тыс. тонн, олово, свинец и другие металлы, по 1200 металлорежущих станков и прочее[67]. СССР выразил готовность расплачиваться за эти поставки средствами из золотого запаса страны, а также рассмотреть заявки Британии и США на товары из СССР, прежде всего на хромовую руду.

30 октября Ф. Рузвельт принял решение о предоставлении Советскому Союзу беспроцентного займа в 1 млрд долларов. Всего в 1941 г. СССР закупил у США товаров за наличный расчет на сумму 41 млн долларов, однако дальнейшие поставки на торгово-кредитной основе не могли удовлетворить Советский Союз, поскольку борьба с войсками фашистского блока развернулась на его огромной территории. Нужды фронта и тыла все время возрастали в огромных масштабах. Без введения какого-то иного порядка поставок материалов в СССР было не обойтись. Благодаря усилиям советской и американской дипломатии решением президента США Ф. Рузвельта на СССР с 7 ноября 1941 г. был распространен закон о ленд-лизе[68]. В соответствии с этим законом оборона СССР была признана «жизненно важной» для обороны Соединенных Штатов. Эти акции, так же как американские и британские обязательства по совместным протоколам и поставкам СССР, отвечали интересам собственной обороны двух западных держав и одной из целей их «большой стратегии» — удерживать Советский Союз в состоянии войны с нацистским рейхом. Были также установлены основные принципы расчетов по ленд-лизу: уничтоженные, утраченные во время войны и оказавшиеся не годными для дальнейшего потребления материалы не подлежат никакой

оплате; материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребностей, оплачиваются полностью или частично в порядке долгосрочного кредита; военные материалы остаются в странах-получателях, но правительство США сохраняет за собой право истребовать их (правда, оно заявило, что не воспользуется им); оборудование, не законченное производством к концу войны, и ленд-лизовские материалы, находящиеся на складах правительственных учреждений США, могут быть приобретены государствами-заказчиками, причем американское правительство предоставляет кредит на их оплату. С ноября 1941 г. американские поставки стали производиться на основании закона о ленд-лизе. Официально решение президента США было зафиксировано в Соглашении о принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, подписанном 11 июня 1942 г. во время визита В. М. Молотова в Вашингтон. Это соглашение было аналогично тем, которые США заключали со всеми странами — получателями помощи по ленд-лизу. На основе Соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, подписанного 12 июля 1941 г., Англия предоставила СССР кредит в 10 млн фунтов стерлингов сроком на пять лет. Но вскоре поставки с Британских островов стали осуществляться также на условиях ленд-лиза.

После прибытия в Архангельск первого корабля союзников с грузом развернулась огромная работа по сборке и перевозке техники и других грузов в СССР, доставке вооружения на фронт. Десятки тысяч представителей союзных стран и армий трудились рука об руку, порой в очень тяжелых и опасных условиях при сборке и проверке различных видов техники. В ходе тесного делового сотрудничества американские, английские и советские специалисты проявили большое взаимопонимание. Простых людей объединяла единая цель — разгромить общего врага. Доставка грузов осуществлялась по различным направлениям, включавшим несколько маршрутов и воздушных трасс. Из США и Англии через северные моря шли транспортные конвои; отбиваясь от немецких подводных лодок, они следовали в Мурманск и Архангельск. На юге, от портов Персидского залива через пустыни, горы Ирана и Ирака, по железной дороге, автомагистралям и по воздуху доставлялись военная техника и снаряжение в советское Закавказье. Над Аляской и Сибирью летели из Калифорнии в Красноярск, а далее на фронты боевые и транспортные самолеты. На Дальний Восток шли транспорты с самыми различными грузами. Русские, британцы, американцы, специалисты разных профессий и обслуживающий персонал, солдаты и офицеры, хозяйственники, дипломаты, переводчики в течение многих месяцев решали общие, почти всегда сложные, а порой весьма щекотливые проблемы.

Северный маршрут транспортировки грузов для СССР (от берегов Британии и Исландии до Мурманска и Архангельска) представлял наибольшие трудности. Он был самым коротким, караваны проходили его за 10–12 дней, но и самым рискованным. Именно там погибло больше всего моряков из Англии и США, судов и импортных грузов. Этот маршрут охватывал две зоны: английскую — к западу от острова Медвежий, советскую — к востоку от острова. Грузы доставлялись судами СССР (до 1943 г.), Великобритании и США (с 1942 г.) в составе конвоев. Конвой составлялся вначале из 6–10, а в дальнейшем из 30–40 транспортов. Арктическим конвоям в СССР присваивалось условное наименование (например, PQ-12). Возвращавшиеся домой конвои обозначались буквами QP[69]. Постоянная опасность заставляла принимать меры защиты. В августе на смежных позициях у побережья Норвегии вместе с советскими подводными лодками были развернуты две английские, базировавшиеся в Полярном. Планы их использования, разработанные штабом британской миссии, согласовывались со штабом Северного флота. С 24 августа по 18 октября 1941 г. небо над Кольским заливом совместно с североморскими летчиками защищали две эскадрильи английских летчиков, сражавшихся на истребителях «харрикейн». Англичане в 365 боевых вылетах сбили 12 самолетов противника, потеряв всего один свой. К весне 1942 г. в 12 конвоях из 103 судов, входивших в их состав, погибло одно.

Борьба против общего врага сближала советских и иностранных моряков. В дни, когда в Архангельск и Мурманск приходили союзные конвои и отряды кораблей, большой попу-

лярностью пользовались спортивные встречи, выступления коллективов художественной самодеятельности, «вечера общих побед». А таких побед было немало. Англо-американские и советские корабли и самолеты, действовавшие в Арктике, потопили 27 подводных лодок, два линкора, три эсминца. Но и потери были немалые: из 1530 транспортов, входивших в состав 78 конвоев (42 — в СССР, 36 — из СССР), 85 было потоплено на переходе, а 41 транспорту по разным причинам пришлось возвратиться с маршрута на свою базу[70]. Значение северного маршрута было особенно велико в последние месяцы 1941 и в 1942 г. В октябре — декабре 1941 г. Северная Россия приняла соответственно 73,8, 71,3 и 69,5% общего объема поставок, направленных в этом году в СССР из Западного полушария.

Наиболее стабильным путем доставки военных грузов на всем протяжении Великой Отечественной войны было дальневосточное направление, по которому поступило более 8 млн тонн, то есть почти половина общего количества грузов. Тихоокеанский маршрут, так же как и южный маршрут (через Иран), открыл ворота для крупного потока ленд-лиза, особенно в 1943–1945 гг. Через Дальний Восток в 1943 г. прошло 49,8% всех грузов, в 1944 г. — 45,8%, до 20 сентября 1945 г. — 56,6%[71]. Для приема американских судов «Либерти» и других крупнотоннажных сухогрузов пришлось значительно расширить и реконструировать дальневосточные порты. В доставке грузов из США принимали участие суда, находившиеся в распоряжении Наркомата морского флота и Дальстроя НКВД СССР. Грузы поступали во Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Нагаево (Магадан), Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Находку, Хабаровск и другие порты. Из портов Калифорнии через Тихий океан грузы доставлялись, как правило, транспортами, укомплектованными советскими гражданскими экипажами. Они шли под государственным флагом СССР. Опасностей было немало. В нейтральных и советских территориальных водах японскими кораблями было потоплено три транспорта — «Кола», «Ильмень», «Трансбалт», один рыболовный траулер по ошибке потоплен американскими подлодками. Характер грузов был различным, но главным образом ими являлись продовольствие, нефтепродукты, станки, технологическое оборудование. Транспорты шли без охраны, поодиночке. Подходы к морским базам СССР были заминированы, и корабли вели по фарватеру опытные лоцманы, постоянно находившиеся в военно-лоцманских пунктах (бухта Валентина — для проводки во Владивосток и в Советскую Гавань, бухта Ахомтен — для проводки в Петропавловск-Камчатский). В бухте Провидения формировались караваны для проводки сквозь льды Арктики. Через Тихий океан в 1944–1945 гг. приходили и американские корабли, переданные по ленд-лизу Военно-морскому флоту СССР. За годы войны по этой программе в состав Тихоокеанского флота было передано 277 боевых кораблей и судов. В Дальневосточное морское пароходство, Владивостокское арктическое морское пароходство, Главсевморпуть и Наркомат речного флота в военные годы из США поступило около 150 судов. Зимой их движение осложнялось из-за того, что незамерзающий Сангарский пролив был закрыт Японией для прохода советских судов. Оставались открытыми пути через пролив Лаперуза или через первый Курильский пролив, которые зимой покрывались льдом, а фарватер проходил среди японских укреплений. Поэтому часто суда шли на Камчатку и разгружались в Петропавловске-Камчатском.

Для доставки самолетов по воздуху из США в Советский Союз в 1942 г. была открыта трасса через Аляску и Восточную Сибирь. В общей сложности ее протяженность достигала 14 тыс. км. Авиатрассу предстояло проложить заново: в труднодоступных местах изыскивать площадки для аэродромов, доставлять строительные материалы, оборудовать жилые и служебные помещения, организовывать питание летного и технического состава (более 3 тыс. человек), завезти на аэродромы большое количество бензина, создать различные вспомогательные службы. Многие вопросы требовалось решать в короткие сроки. Хотя авиатрасса предназначалась для перегонки бомбардировщиков, переправлялись по ней в основном истребители. Ее строительством занимались управления Военно-воздушных сил, Гражданского воздушного флота и некоторые подразделения Наркомата обороны. Огромную помощь оказывали партийные, советские и комсомольские организации Якутска, Магадана, Анадыря, Киренска, Красноярска, Иркутска, Владивостока и других городов. С 7 октября

1942 г. авиатрасса уже использовалась по своему назначению: началась перегонка боевых самолетов с Аляски. Одновременно она достраивалась, совершенствовалась организация перелетов. Летчики США пилотировали самолеты до Фэрбенкса. На этой авиабазе находилась советская военная миссия по приемке самолетов. Ее летный и технический персонал при помощи специалистов с обеих сторон осваивал передаваемые самолеты.

Перегонку самолетов осуществляли эстафетным методом. Каждый авиаполк, входивший в дивизию специального назначения, работал только на своем участке трассы, старательно изучив его особенности. Передав самолеты в пункте назначения, летчики возвращались к месту базирования на закрепленных за полками транспортных самолетах. В Красноярске, конечном пункте авиатрассы, американские самолеты принимала созданная для этой цели комендатура Военно-воздушных сил Красной армии. Отсюда часть самолетов переправлялась на фронт по воздуху, как правило группами, в строю «клин». Из-за того, что зимой в Сибири морозы достигали 60 °С, а в районе Оймякона доходили до 70 °С, самолеты на аэродромах покрывались ледяной коркой. Масло и смазка становились твердыми как камень, резина — хрупкой, лопались шланги, выводя из строя тормоза и гидравлику. Ангаров не было, поэтому все работы выполнялись под открытым небом. Советские инженеры, техники и другие специалисты умудрялись с помощью простейших приспособлений ремонтировать, разогревать и отправлять в полет самолеты.

Вначале американцы поставляли самолеты, резина на которых не выдерживала даже слабых морозов. Наркомат внешней торговли СССР направил в США рецептуру отечественной морозостойкой резины. Рекомендации советской стороны были учтены. По-иному решился вопрос с серьезными дефектами на некоторых сериях истребителей «Эркобра»: при выполнении фигур высшего пилотажа фюзеляж самолета около хвостового оперения деформировался. Об этом сообщили фирме-поставщику «Белл», но та отказалась признать это серьезным дефектом. Посланный в США летчик-испытатель А. Г. Кочетков в присутствии специалистов фирмы убедительно доказал неисправность в конструкции машины. Из неуправляемой «Эркобры» ему пришлось выброситься с парашютом. В дальнейшем СССР получал только качественные самолеты. За время войны по трассе Фэрбенкс — Красноярск было переправлено 7925 самолетов. Это более 50% из 14 203 самолетов, поставленных из США в СССР. Напряженная деятельность этой авиатрассы продолжалась и после капитуляции Германии, когда Советский Союз, верный своему союзническому долгу, вступил в войну с Японией. Через некоторое время после ее окончания авиатрасса прекратила свое более чем трехлетнее существование.

Велико было значение и южного маршрута, который проходил за тысячи километров от северных морей. На юге шла напряженная работа сотен русских, американцев, англичан, иранцев, арабов, обеспечивавших перевозки в СССР через Иран. В СССР переправлялись самолеты, танки, автомобили, взрывчатые вещества, порох, а также авиационный бензин и другие необходимые фронту материалы. Силами английских и американских войск здесь в короткие сроки были капитально реконструированы иранские и иракские порты, улучшены железные и автомобильные дороги, построены авто- и авиасборочные заводы и площадки. По просьбе правительства СССР англичане доставили из Индии для Трансиранской железной дороги более 1 тыс. вагонов и 100 паровозов. Большую часть грузов перевозили морские суда в Персидский залив, в порты Абадан, Бендер-Шах, Пехлеви, Ноушехр, Хоррем-Шахр (Иран) и Басра (Ирак). Часть американских самолетов перегонялась по воздуху пилотами военно-транспортной авиации США по трансафриканскому направлению — через Америку, Атлантику и Африку[72].

Для приемки собираемых в Иране и Ираке самолетов, а также перегонки их по воздуху в Советский Союз в Абадане была создана авиабаза, где совместно с советскими офицерами, сержантами и рядовыми работали иностранные военные и гражданские авиаспециалисты. Для технического осмотра самолетов и подготовки их к перелету в Советский Союз в Тегеране создали промежуточную авиабазу. В Азербайджанской ССР были оборудованы аэродромы, организованы занятия по обучению советских летчиков, инженеров и техников

боевому использованию американских и английских самолетов, налаживалось техническое обслуживание. Вначале самолеты в Абадане собирали англичане. В первых числах апреля 1942 г. британских специалистов из ВВС было 50 человек, а к концу апреля их стало около 200. В мае здесь помимо англичан работали свыше 350 американцев из авиакомпании «Дуглас». Результат не замедлил сказаться: к концу мая 1942 г. советские специалисты приняли несколько десятков самолетов. Правда, первоначально самолеты собирались недостаточно качественно, задерживались сроки их перегонки, в управлении авиабазой царила неразбериха. Все стало налаживаться после того, как в июле 1942 г. командующий вооруженными силами США на Ближнем Востоке генерал-майор Л. Х. Бреретон взял руководство авиабазой в свои руки. С 1 апреля 1943 г. организацией доставки, сборки и передачи Советскому Союзу самолетов всех типов стало заниматься военное командование США[73].

К осени 1943 г. на сборке и приемке самолетов в Абадане работали 165 советских авиаспециалистов: сборщики, электрики, радисты, вооруженцы, техники, летчики и другие. Количество собираемых машин возросло, улучшилась технология сборки. При приемке советские специалисты предъявляли довольно высокие требования. Так, из доставленных в течение второй недели марта 1943 г. в Абадан 90 самолетов в связи с дефектами было принято только 18. Качество военной техники было различным. Если самолет-истребитель «Эркобра» отвечал основным требованиям, то аналогичный ему по типу «Китихаук» имел слабые тактико-технические данные. По этому поводу И. В. Сталин писал Ф. Рузвельту: «...следует иметь в виду, что самолеты «Китихаук» не выдерживают борьбы с нынешними немецкими истребителями»[74]. Советские летчики-испытатели, принимая самолеты от американцев, досконально проверяли каждую машину на всех режимах полета, работу мотора, показания приборов, производился и отстрел оружия, установленного на самолете. Если обнаруживался дефект, машины возвращались американским специалистам-сборщикам. Иногда такая процедура повторялась по нескольку раз, пока все требования советских инженеров и летчиков не были удовлетворены. Порой вскрывались очень серьезные дефекты. Например, от одной партии самолетов «Эркобра» пришлось полностью отказаться из-за их сильной вибрации в полете.

Да и танки часто доставлялись не полностью укомплектованными: без прицелов, без монтажно-ремонтного инструмента; ощущалась острая нехватка запасных частей. Советским представителям приходилось обращаться за помощью к американскому командованию. В своем послании И. В. Сталин сообщал Ф. Рузвельту в 1942 г.: «Считаю долгом предупредить, что, как утверждают наши специалисты на фронте, американские танки очень легко горят от патронов противотанковых ружей, попадающих сзади или сбоку. Происходит это от того, что высокосортный бензин, употребляемый американскими танками, образует в танке большой слой бензиновых паров, создающих благоприятные условия для загорания. Немецкие танки работают на бензине, но бензин у них низкосортный, не дающий большого количества паров, ввиду чего они гораздо меньше подвержены загоранию. Наиболее подходящим мотором для танков наши специалисты считают дизель»[75]. Недостатки имели и боеприпасы, поставляемые с танками. В феврале 1943 г. в результате претензий советской стороны поставка большинства танков из США и Великобритании была прекращена. СССР согласился получать из США средние танки М4А2 «Шерман». Они были намного лучше: лобовая броня увеличена до 76 мм, бронеплиты сваривались, а не клепались, в башне была установлена 75-мм пушка (позднее 76-мм). Танк имел два пулемета калибра 7,62 мм и зенитный пулемет калибра 12,7 мм. Американцы отказались от высокооктанового топлива и перешли на дизельные двигатели.

В 1944 г. поставки вооружения через Иран в Советский Союз значительно увеличились, следовательно, ускорилось поступление его на фронт. Воздушная трасса, по которой осуществлялась перегонка самолетов из Абадана в Тегеран, проходила над пустынной местностью и горами, где на благополучную посадку или приземление на парашюте летчику рассчитывать не приходилось. Несмотря на то что кислородного оборудования не было, полеты проводились на высоте 5 тыс. метров. А маршрут полета на трассе от Тегерана до Кировабада

проходил над районами Ирана, Каспийским морем и Кавказом. Когда из Великобритании стали поступать новые истребители «Спитфайр-5», а затем «Спитфайр-9», они, собранные английским персоналом на авиасборочной площадке в Шуайбе, перегонялись в Абадан английскими летчиками.

Своего пика поставки достигли в 1944 г.; почти 90% поставок были американскими. По официальным данным, США направили в СССР: в 1943 г. — 4,8 млн длинных тонн[76] грузов, в 1944 г. — 6,2 млн, в 1945 г. (по 20 сентября) — 3,7 млн. На последних этапах военная индустрия СССР обеспечивала массовое поступление техники на фронт, существенно изменилась ее структура, улучшилось качество выпускаемой продукции. По своим темпам и масштабам советское военное производство обогнало германское, было достигнуто военно-техническое превосходство над противником. В связи с этим уменьшилась потребность СССР в получении от Запада основных видов вооружения. Вместе с тем возросли запросы на промышленное и медицинское оборудование, транспортные средства. Поставки тракторов, железнодорожного и автомобильного транспорта оказали большое содействие как труженикам тыла, так и воинам Красной армии, преследовавшей отступавшего врага.

Значительную экономическую помощь Советскому Союзу оказала в годы войны Монгольская Народная Республика. С первых ее дней по всей стране развернулось движение в поддержку Красной армии. Например, рабочие кожевенного завода и суконной фабрики Улан-Батора отказались от очередного отпуска в 1941 г., а продукция, выпущенная за этот срок, пошла для нужд советских воинов. Все было подчинено интересам советско-германского фронта. Собирали денежные средства на приобретение теплых вещей и продовольствия, а также на создание фондов вооружения и помощи населению СССР, пострадавшему от войны. В действующую армию отправляли индивидуальные посылки. К апрелю 1943 г. из Монголии в Советский Союз было доставлено восемь эшелонов продовольствия и обмундирования; монголами были переданы десятки тысяч голов скота. На собранные населением МНР средства (только во Внешторгбанк поступило 2,5 млн тугриков, 100 тыс. долларов и 300 кг золота) были созданы танковая колонна «Революционная Монголия» из 32 боевых машин Т-34 и 21 танка Т-70, а также авиационная эскадрилья «Монгольский арат», прошедшие славный боевой путь. За годы войны Красная армия и народное хозяйство СССР получили от братской Монголии более 500 тыс. лошадей, что явилось большим подспорьем для воюющей страны[77].

Много лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, продовольствия и других товаров закупалось в Монголии, Китае и других государствах Юго-Восточной Азии, а особо дефицитные товары приобретались в нейтральных странах Западной Европы и в Латинской Америке.

Всего за годы войны в Советский Союз было доставлено около 18 млн тонн грузов различного назначения, в том числе 23,8% — через Персидский залив, 47,1% — через советский Дальний Восток, 2,5% — через советскую Арктику, 3,9% — через Черное море, 22,7% — через порты Северной России[78]. Более четверти (свыше 4,5 млн тонн) составили продукты питания, металлы, в основном для авиастроения, и рельсы — 3,6 млн тонн. По указанным направлениям и через Аляску в 1941–1945 гг. в СССР из США, Англии и Канады поступило 22 206 (в том числе 14 203 из США) самолетов различных типов, 12 980 танков, 14 тыс. орудий, 427 386 грузовых автомобилей и 51 тыс. джипов, 6 135 638 винтовок и пулеметов, 8 тыс. тракторов и тягачей, 345 тыс. тонн боеприпасов, а также значительное количество промышленного оборудования, горючего и смазочных материалов, взрывчатых веществ, химического сырья и других материалов, столь необходимых для успешного ведения войны[79].

Какое же место занимают поставки по ленд-лизу в экономике Советского Союза военных лет? Каков вклад вооружений и других материалов, присланных союзниками, в достижение победы над врагом? Эти вопросы, возникавшие и в годы войны, и в первые послевоенные десятилетия, сохраняют свою актуальность и ныне. Чтобы объективно оценить роль ленд-лиза для СССР, большое значение имеют не только количественные показатели, но и такие критерии, как качество материалов и оборудования, своевременность доставки на фронт, их значимость и прочее. Тем более недопустимо измерять по одной и той же шкале ценностей поставки военных материалов (как бы СССР в них не нуждался) и жертвы советского народа,

который прокладывал путь к победе над общим врагом. В годы войны и после нее эту мысль не раз подчеркивали крупные государственные деятели США. «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте, — отмечал Г. Гопкинс, ближайший советник президента Ф. Рузвельта. — Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»[80]. Государственный секретарь Э. Стеттиниус, оценивая роль ленд-лиза, писал: «За эту помощь русские уже заплатили цену, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в плен, нацистские танки, превращенные в груды железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими германскими армиями»[81]. Пожалуй, лучше не скажешь.

И. В. Сталин писал в июле 1945 г. Г. Трумэну, что «соглашение, на основе которого Соединенные Штаты Америки на протяжении всей войны в Европе поставляли Советскому Союзу в порядке ленд-лиза вооружение, стратегические материалы и продовольствие, сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии»[82].

Документы и свидетельства, ставшие доступными в последние годы, дают возможность более объективно оценить роль ленд-лиза. Если общий объем поставок составлял 4% валового продукта народного хозяйства СССР[83], то по отдельным видам вооружений и оборудования, порой весьма ценного, он был намного выше. Так, самолетов всех типов по ленд-лизу поступило 15% всего самолетного парка. При этом бомбардировщики союзников составили 20%, а истребители — от 16 до 23%, самолеты морской авиации — около 29%. Причем большинство самолетов по своим летно-техническим характеристикам не уступали аналогичным типам люфтваффе[84]. Танки союзников составили 12% от выпуска советских танковых заводов. И хотя по своим боевым качествам даже лучшие из них (например, М4А2 «Шерман») уступали таким советским танкам, как Т-34, КВ-1, ИС, первые партии, прибывшие в конце 1941 г. (501 танк), сыграли немалую роль. То было время, когда каждый танк, выходивший из ворот танковых заводов, был на специальном учете. Важными для Красной армии и народного хозяйства стали поставки автомобилей. Они придали Красной армии мобильность и подвижность, столь необходимые в наступательных операциях 1943–1945 гг.[85] Э. Стеттиниус, который возглавлял Управление по соблюдению закона о ленд-лизе, в своем труде «Ленд-лиз — оружие победы»[86] говорит, что к середине 1944 г. Советскому Союзу было поставлено 138 тыс. автомобилей[87]. В военные годы существенную помощь по ленд-лизу получил и советский Военно-морской флот — 596 боевых кораблей и судов, или 22,3% от общего количества кораблей и судов, произведенных тогда отечественной промышленностью: 28 сторожевых кораблей (фрегатов), 89 тральщиков, 78 больших охотников за подводными лодками, 202 торпедных катера, 60 малых охотников (сторожевых катеров), 106 десантных судов и барж, 33 вспомогательных судна и баржи[88]. Из них около 80% кораблей и судов приняли затем участие в боевых действиях против флотов Германии и Японии. Кроме того, в 1944 г. в счет репараций с Италии Великобритания передала в аренду ВМФ СССР линкор, девять эсминцев, четыре подводные лодки, а США — крейсер. Такие виды поступивших по ленд-лизу необходимых военной техники и оборудования, как десантные суда, неконтактные тралы, некоторые образцы радиолокационных станций, гидроакустической аппаратуры, дизель-генераторов, аварийно-спасательной техники, в СССР не производились. Начиная с 1942 г. постройка отечественных боевых катеров (катеров-тральщиков, малых охотников и других, которые главным образом и выпускала в годы войны отечественная судостроительная промышленность) осуществлялась с помощью импортного оборудования (например, двигателей американской фирмы «Паккард»).

Немалое значение для ведения вооруженной борьбы имели поставленные союзниками мотоциклы, средства радио- и телефонной связи, автоматическое оружие и противотанковые ружья, боеприпасы, взрывчатые вещества, металлические сборно-разборные плиты для аэродромов и многое другое. Так, до 1944 г. СССР получил от США 189 тыс. полевых телефонов и свыше 670 тыс. миль кабеля, которого хватило бы, чтобы обернуть земной шар

27 раз. В первый, оборонительный период войны весьма ценными были поставки колючей проволоки (45 тыс. тонн, или 216 тыс. миль)[89].

Поступления по ленд-лизу вооружения, военного снаряжения, сравнительно небольшие в первый период войны, постепенно увеличивались. Выпуск оружия и военной техники отечественной промышленностью быстро рос. Опыт его использования на фронтах предъявлял новые требования к их количеству и качеству. Наращивание мощностей военной промышленности и обеспечивающих ее отраслей неизбежно вело к развитию энергетики, черной и цветной металлургии, химической промышленности, транспорта и других отраслей экономики. В связи с этим необходимы были и соответствующие станки, технологическое оборудование, приборы, которые в СССР если и производились, то в недостаточном объеме. Постепенно они начинали преобладать в ленд-лизовских поставках. Пожалуй, трудно найти отрасль как военного, так и народно-хозяйственного предназначения, где бы в той или иной степени не использовались импортные материалы и оборудование. Так, металлорежущих станков поступило 44,6 тыс. единиц, то есть примерно 25% советского производства за 1942–1945 гг. (168,7 тыс. станков)[90]. Уже среди первых поставок было много остродефицитного сырья и материалов для производства отечественного оружия и военной техники.

Особенно тяжелое положение в начале войны сложилось с производством артиллерийских боеприпасов и патронов к стрелковому оружию, а закупки их у союзников не удовлетворяли все возрастающие потребности фронта. В конце 1941 и начале 1942 г. были приняты меры для регулярных поставок из-за рубежа основных компонентов для взрывчатых веществ и порохов, оборудования для ежесуточного изготовления 10 млн штук 7,62-мм патронов, а также 500 станков для производства боеприпасов. Значительными были поставки различных видов импортного пороха.

Большое количество импортных материалов шло на развитие таких обеспечивающих отраслей военного производства, как автомобильная и химическая промышленность, приборостроение, радио- и телефонное производство. Они широко применялись для военного судостроения, расширения и восстановления морских и речных портов.

Наращивание собственного производства оружия и военной техники с использованием сырья и материалов, станков и оборудования, поступавших по ленд-лизу, сыграло, пожалуй, не меньшую роль, чем готовые американские и английские техника и оружие. Свою роль играл и обмен военно-технической информацией с союзниками в соответствии с американским законом о ленд-лизе. 19 октября 1942 г. было принято постановление ГКО «Об обмене с США и Великобританией военно-технической информацией». В соответствии с ним при Государственном Комитете Обороны была создана постоянная комиссия для руководства этой работой. В ее обязанности входили подготовка через соответствующие народные комиссариаты и другие ведомства запросов к США и Великобритании по военно-технической информации, представляющей для СССР интерес, обеспечение ее получения, контроль над использованием, а также организация предоставления со стороны СССР такого рода информации США и Великобритании. Несмотря на то что СССР, выполняя свой союзнический долг, передавал в США и Великобританию часть собственной военно-технической информации, получал он от них намного больше. В этом немалая заслуга принадлежит работникам правительственной закупочной комиссии (ПЗК) СССР в Вашингтоне и советского торгпредства в Лондоне.

Поставки в Советский Союз современных образцов военной техники, оружия и оборудования сами по себе уже являлись передачей военно-технической информации, что справедливо отмечали советские специалисты. Из-за рубежа поступала новейшая техническая документация в виде различных отчетов, докладов, описаний, инструкций, наставлений, бюллетеней, каталогов, чертежей и технических ордеров. Так, из Америки только по авиационной технике от инженеров ПЗК до конца 1945 г. СССР получил 11 313 различных инструкций (52 108 экземпляров). 89% экземпляров направляли в заинтересованные советские организации для ознакомления, использования и внедрения в советское производство[91].

До сих пор малоизвестной стороной ленд-лиза остается его значимость для железнодорожного транспорта СССР. Союзники поставили 1981 паровоз и 11 156 железнодорожных вагонов различного назначения (в СССР за годы войны было построено 92 паровоза и более тысячи грузовых вагонов)[92]. Однако следует иметь в виду и следующее. Первый заказ на 200 паровозов советское правительство сделало лишь летом 1943 г. В СССР до войны было 25 тыс. локомотивов, 14% из них были потеряны в начале войны. Но и 40% железных дорог в европейской части страны оказалось на оккупированной врагом территории. Лишь в 1944 г. начались поставки самой крупной партии — 1600 паровозов. Они продолжали идти в СССР и после войны[93].

Большое количество поступающих из-за рубежа оборудования и материалов направлялось на развитие добывающих отраслей производства, для цветной и специальной металлургии. Они использовались для обогатительных фабрик свинцово-никелевых, оловянных, вольфрамовых, цинковых и других рудников.

Начиная с декабря 1942 г. в заявках СССР на поставку товаров по ленд-лизу стали преобладать средства производства и остродефицитные материалы, направляемые затем на восстановление производства в освобожденных от противника районах. Для возрождения угольных шахт, нефтепромыслов, электростанций, предприятий черной и цветной металлургии вместе с реэвакуацией части их оборудования завозили из США, Англии и Канады соответствующие станки и материалы. Всего с июня 1941 по сентябрь 1945 г. в СССР поступило 17,9 млн тонн различных грузов на сумму 9,8 млрд долларов[94], к месту назначения было доставлено 16,6 млн тонн (1,3 млн тонн составили потери при потоплении судов)[95]. Наивысшего пика поставки импортных грузов достигли в 1944 г. Однако «первые поставки по ленд-лизу зимой 1941–1942 гг. достигли СССР очень поздно, в эти критические месяцы русские, и одни русские, оказывали сопротивление германскому агрессору на своей собственной земле и своими собственными средствами, не получая какой-либо заметной помощи со стороны западных демократий. К концу 1942 г. согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. В 1941–1942 гг. в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944–1945 гг., после коренного перелома в ходе войны». В самый тяжелый период войны, до конца 1941 г., в СССР по ленд-лизу из США пришли поставки всего на 545 тыс. долларов. При этом в том же 1941 г. общая помощь США странам антигитлеровской коалиции в денежном выражении достигла 741 млн долларов, то есть Советскому Союзу в самое тяжелое время из этого потока досталось менее 0,1%[96].

Ухудшение отношений между западными державами и СССР, которое все явственнее просматривалось в конце войны в Европе, особенно после смерти Ф. Рузвельта (12 апреля 1945 г.), отразилось и на программе ленд-лиза. 11 мая 1945 г. президент США Г. Трумэн распорядился приостановить поставки для СССР. Советское правительство ответило на такой демарш нотой, в которой отмечалось, что СССР готов «принять к сведению» данное решение США, если американское правительство «не видит другого выхода»[97]. После разгрома Японии поставки по ленд-лизу прекратились.

По признанию американцев, ленд-лиз приносил немалые выгоды самим США. «Поставками из СССР, — отмечал бывший министр торговли США Дж. Джонс, — мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами»[98]. Ленд-лиз оказался источником обогащения американских монополий. Подводя итоги в своей книге, посвященной помощи Советскому Союзу в годы войны, американский историк Дж. Херринг пишет: «Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»[99]. Выгоды, очевидно, были немалые. И не только от ленд-лиза. Ведь единственной страной антигитлеровской коалиции, получившей весомый экономический выигрыш от войны, были США. Недаром в Соединенных Штатах минувшую войну часто называют «хорошей войной». И, видимо, не случайно автор труда «Хорошая война:

устная история Второй мировой войны» по этому поводу отмечает: «Почти весь мир во время этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время»[100]. Если в 1940 г. в Америке было 8,1 млн безработных, то в 1942 г. — ни одного[101].

Безусловно, сотрудничество в рамках ленд-лиза являлось немаловажном фактором в сближении народов, воевавших против фашистского блока. Экономическое взаимодействие явилось заметным моральным стимулом для советских людей в их борьбе с врагом. В своей книге «Курсом к победе» бывший нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов писал: «Команды английских или американских транспортов... являлись нашими искренними союзниками в борьбе с фашизмом... Им, нашим добрым друзьям, простым и отважным морякам, хочется отдать должное и сейчас»[102]. В России и странах ближнего зарубежья и поныне помнят ту помощь, которую оказывали населению американцы, англичане, канадцы. Известно, что в 1943 г. 10 млн американцев сделали немалые пожертвования из своих сбережений в пользу советского народа. Английский «Фонд помощи России» собрал значительные средства.

Нужно отметить, что, в свою очередь, Советский Союз по мере сил помогал своим партнерам по антигитлеровской коалиции. США получили из СССР 300 тыс. тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, золота и прочего, на общую сумму 2,2 млн долларов[103].

Сотрудничество государств, организаций, тысяч простых людей, совместно работавших в рамках ленд-лиза, свидетельствовало о том, что, выступая против общего врага человечества — фашизма, люди, разделенные огромными расстояниями, океанами, морями и горными хребтами, хорошо понимали друг друга, верили, что, одолев фашизм, они обеспечивают мирную жизнь себе и грядущим поколениям.

Суд народов

Как известно, Акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии был подписан в поместье Карлхорст под Берлином в ночь на 9 мая 1945 г. Документ, составленный на трех языках — русском, немецком и английском, — зафиксировал военный крах фашистской Германии во Второй мировой войне. Но победа была бы неполной, если бы те, кто развязал самую кровопролитную войну в истории человечества, кто стал виновником гибели миллионов ни в чем не повинных людей и принес миллионам других боль, горе и страдание, ушли бы от ответственности и заслуженного наказания. Было важно поставить заключительную точку, требовались не только политическое, общественное и морально-нравственное осуждение Германии и европейских стран-пособниц, но и международно-правовая оценка бесчеловечной политики и действий фашистских варваров XX в. Требовалось уголовное наказание виновных в развязывании агрессивной войны в мировом масштабе. Этой точкой стал Нюрнбергский судебный процесс.

Советский Союз, который понес самые тяжелые людские и материальные потери в результате германской агрессии, одним из первых предложил по завершении войны предать военных преступников международному суду, чтобы они понесли заслуженное наказание. Уже в заявлении наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 22 июня 1941 г. содержалась мысль об уголовной ответственности германской нацистской верхушки за развязывание кровопролитной войны[104]. В дальнейшем советское правительство обнародовало целый ряд нот и заявлений, в которых развивалась идея о всей полноте ответственности германского правительства за варварские преступления нацистов и об обязательном осуждении и наказании военных преступников. В этих официальных документах подчеркивалось, что данные

преступления носят систематический характер и заранее спланированы и санкционированы германским правительством и военным командованием. Так, в ноте от 27 апреля 1942 г. заявлялось, что гитлеровская верхушка и ее пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные преступления против народов СССР и против всех свободолюбивых народов[105].

Правительства США и Великобритании также считали, что главные виновники агрессии должны быть наказаны. Так, комментируя совместное англо-американское заявление от 25 октября 1941 г. об ответственности лидеров Германии за их злодеяния, президент США Ф. Рузвельт отметил, что зверства, которые творят германские военные в целях установления «нового порядка», «могут посеять только семена ненависти, которые в один прекрасный день приведут к суровому возмездию»[106]. Английский премьер-министр У. Черчилль, вторя ему, подчеркнул, что «возмездие за эти преступления отныне должно стать одной из целей войны»[107].

Таким образом, идея наказания нацистских преступников в основном не вызывала особых споров. Главное состояло в том, что на первых порах союзные государства еще четко не определились с характером, формой и способом этого наказания, а впоследствии еще долго не удавалось достичь единства по вопросу его организации. Главы западных стран, прежде всего Великобритании, считали, что виновники войны должны быть наказаны быстро и решительно, вплоть до физического уничтожения, но без создания международного трибунала и проведения официального следствия и суда, а в результате лишь совместного политического решения.

В свою очередь, руководство Советского Союза почти сразу же отказалось от западной идеи возмездия без суда и следствия, что было бы похоже, скорее, на месть победивших, неправедное судилище и быструю расправу, а не справедливый суд, призванный в мировом масштабе осудить и наказать главных нацистских преступников и показать преступную сущность гитлеровской человеконенавистнической идеологии — германского национал-социализма, сочетавшего в себе различные элементы фашизма, расизма и антисемитизма. Руководство СССР придерживалось мнения, что после окончания войны необходимо создать специальный международный трибунал и провести публичный процесс над главными военными преступниками.

Важным шагом на пути к созданию подобного трибунала стала Сент-Джеймская декларация о наказании военных преступников, опубликованная в Лондоне 13 января 1942 г., в которой представители девяти оккупированных нацистами стран: Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии и Югославии, а также Национального комитета «Свободная Франция» заявили, что «наказание путем организованного правосудия тех, кто виновен и ответственен за эти преступления» (убийство военнопленных, насилие над мирным населением и прочее), «независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме, является одной из главных целей войны для стран, подписавших декларацию»[108]. В документе подчеркивалось, что злодеяния, совершаемые оккупантами, находятся в противоречии с общепринятыми взглядами и законами цивилизованных народов относительно ведения войны. Эта декларация имела широкий резонанс, поскольку на Лондонской конференции 1942 г. при ее оглашении помимо представителей названных выше оккупированных стран присутствовали также и премьер-министр Великобритании, послы СССР, США и Китая при эмигрантских правительствах и официальные представители некоторых других государств.

Правительство СССР также неоднократно обнародовало ноты и заявления, в которых не только констатировало факты, свидетельствующие о кровавых зверствах нацистов, но и призывало к наказанию виновных. Так, 27 апреля 1942 г. НКИД СССР направил полномочным представителям всех стран, аккредитованных в Москве, ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»[109]. Требование создать специальный Международный военный трибунал

для суда над руководителями нацистского режима содержалось и в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». В нем была выражена готовность всячески поддержать практические мероприятия союзных правительств, имеющие своей целью наказание нацистских преступников. Кроме того, в нем содержался призыв к взаимному содействию в розыске, выдаче, предании суду и суровому наказанию гитлеровцев и их пособников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированных территориях. В отношении создания специального международного органа для наказания фашистских лидеров в этом заявлении говорилось следующее: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»[110].

По мере укрепления антигитлеровской коалиции возникли реальные предпосылки для сближения позиций основных стран ее участниц по вопросу наказания главных военных преступников. В ходе Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав (19–30 октября 1943 г.) в качестве приложения № 10 к секретному протоколу конференции от 1 ноября 1943 г. была принята Московская декларация «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» за подписями глав правительств США, СССР и Великобритании. Примечательно, что она была инициирована британским правительством. В ней устанавливалось, что «те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы»[111]. В декларации от имени всех, на тот момент 32 стран Объединенных Наций, подписавших 1 января 1942 г. в Вашингтоне декларацию 26 государств, и тех, кто впоследствии к ней присоединился, содержалось предупреждение всем, кто еще мог избежать сурового наказания: «Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие»[112].

Декларация была опубликована как неразрывная часть всей программы совместных усилий союзников по разгрому фашизма и послевоенному устройству мира. Однако заметим, что в ней еще не шла речь о создании единого специального судебного органа, а предполагалось судить военных преступников в каждой пострадавшей от действий фашистов стране по ее законам. Кроме того, декларация не затрагивала вопроса о механизме наказания главных преступников, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом.

СССР не отказался от мысли не просто наказать отдельных военных преступников, но и провести широкий публичный международный процесс с тем, чтобы осудить фашизм и агрессивный милитаризм в целом, поставив тем самым заслон на пути их возрождения и возникновения новых человеконенавистнических идеологий и планов, способных в будущем привести к новой, еще более ужасной войне. Следует отметить, что правительство Советского Союза, отстаивая свою точку зрения на проведение международного суда и наказание военных преступников, включило в соглашения о перемирии с Финляндией, Румынией и Болгарией пункты, предусматривающие сотрудничество правительств этих стран с советским главнокомандованием по задержанию лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суду над ними. В то же время оно добивалось того, чтобы нейтральные страны закрыли границы для военных преступников.

История создания Международного военного трибунала свидетельствует о постепенно возраставшей роли мирового общественного мнения, послужившего в итоге мощным толчком к проведению международного суда над главными военными преступниками. Потрясенные

Нюрнберг. Главный военный преступник Герман Геринг дает показания. Сентябрь 1946 г.

Нюрнберг. Скамья подсудимых. 1946 г.

кровавыми злодеяниями германского фашизма и не желавшие оставлять эти чудовищные преступления без наказания, народы мира выступали с требованием сурово наказать военных преступников. Наибольшую активность в этом вопросе проявляли народы стран, испытавших не себе весь ужас и тяготы немецкой оккупации: Советского Союза, Польши, Чехословакии, Франции, Норвегии, Бельгии и других. В этих государствах общественное мнение было единодушно: военные преступники должны понести заслуженное наказание; нельзя допустить повторения опыта Первой мировой войны в отношении виновных в ее развязывании; необходимо, не дожидаясь окончания войны, приступить к выработке механизма проведения международного судебного процесса по делу фашистских преступников.

В странах, не испытавших всех ужасов немецкой оккупации, к которым принадлежали также США и Великобритания, общественное мнение не было столь однозначным. Политические деятели, стремившиеся в свое время к сотрудничеству с гитлеровской Германией, не ушли с политической арены, хотя их влияние было серьезно подорвано. Однако со временем большинство политических деятелей западных государств осознали, что нельзя игнорировать тот бесспорный факт, что действия германских нацистов вызвали острое неприятие, справедливое возмущение и резкое осуждение практически у всех народов мира. Они также понимали, что германский фашизм и его преступления представляют серьезную опасность для их собственных стран. Общественное мнение, требовавшее открытого судебного разбирательства и сурового наказания инициаторов и преступников агрессивной войны, постепенно возобладало и в западных ведущих державах — США и Великобритании. К концу 1944 г. эта точка зрения нашла поддержку у влиятельных государственных и политических деятелей в США: военного министра Г. Стимсона, генерального прокурора Ф. Биддл, нового государственного секретаря Э. Стеттиниуса, советника президента С. Розенмана, судьи верховного суда США Ф. Франкфуртера, а затем и американского президента Ф. Рузвельта, а после его смерти в апреле 1945 г. и его преемника Г. Трумэна. Дольше всех не желал соглашаться с идеей проведения открытого международного суда над главными военными преступниками У. Черчилль. Он считал, что суд над нацистскими лидерами после окончания войны был бы «фарсом»: с ними нужно обращаться как с людьми, объявленными вне закона. Так, в ходе обсуждения Московской декларации в 1943 г. британский премьер-министр, по свидетельству Г. Трумэна, пытался убедить главу советского правительства в единственно правильном, по его мнению, решении: расстрелять главных военных преступников без суда[113]. Он оставался противником проведения международного судебного процесса по делу главарей Третьего рейха до самого конца войны. «Казните главных преступников как людей, объявленных вне закона», — призвал У. Черчилль в апреле 1945 г., менее чем за три недели до того, как А. Гитлер покончил с собой[114]. И только под нажимом союзников по антигитлеровской коалиции британский премьер-министр вынужден был уступить и согласиться на создание международного трибунала.

Принципы Московской декларации 1943 г. были развернуты в постановлениях Крымской (Ялтинской) конференции глав трех держав антигитлеровской коалиции (4—11 февраля 1945 г.), провозгласивших своей целью уничтожение германского милитаризма и нацизма. Конференция большой тройки, ставшая кульминационной вершиной союзнических отношений стран-антифашистов, была нацелена на разработку наиболее важных проблем послевоенного мирного урегулирования, на решение вопроса: «Как создать такой мир, где катастрофы, подобные Второй мировой войне, стали бы невозможны?». Одной из важнейших составляющих ответа на этот многомерный вопрос была организация суда над главными виновниками агрессии, фашизмом и милитаризмом в целом. В итоговом коммюнике конференции говорилось о решимости ее участников «подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию»[115].

На Берлинской (Потсдамской) конференции, состоявшейся уже после победы над нацистской Германией (17 июля — 2 августа 1945 г.), главы трех государств-победительниц — СССР, Великобритании и США — еще раз подтвердили это решение: «Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих

за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы»[116]. Таким образом, на этой конференции были конкретизированы подходы к вопросу о том, кого необходимо привлечь к суду. Правительства трех держав окончательно подтвердили свои намерения предать главных военных преступников «скорому и справедливому суду»[117]. Это твердое решение отражало вполне обоснованные чаяния народов, пострадавших в ходе войны, наказать виновников бесчеловечных злодеяний.

В ходе дальнейших переговоров в Лондоне между официальными представителями правительств СССР, США, Великобритании и временного правительства Франции (28 июня — 8 августа 1945 г.) странам антигитлеровской коалиции удалось найти компромиссные решения по всем оставшимся спорным вопросам относительно механизма наказания главных виновников агрессии. 8 августа, в последний день конференции, главы четырех держав подписали окончательное соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси». Оно включало в себя решение об учреждении Международного военного трибунала (МВТ) для суда над главными военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, а также его устав. Кроме того, предусматривалось создание Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, в который должны были войти по одному представителю от правительств СССР, США, Англии и Франции.

К указанному соглашению присоединились 19 других государств, входящих в Объединенные Нации: Австралия, Бельгия, Венесуэла, Гаити, Голландия, Гондурас, Греция, Дания, Индия, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Польша, Уругвай, Чехословакия, Эфиопия, Югославия. Вот почему Нюрнбергский процесс получил неофициальное название и вошел в историю как «Суд народов». Присоединившиеся государства имели право направлять на международный судебный процесс своих уполномоченных для подготовки материалов обвинения, однако представлять их суду они могли лишь через обвинителей от четырех держав. СССР поддержал просьбу правительств Польши, Чехословакии и Югославии разрешить их уполномоченным представлять доказательства преступлений против их стран непосредственно трибуналу. Однако делегаты от США и Великобритании были против.

Совместно разработанное в Лондоне соглашение отразило согласованную позицию всех 23 стран, участвовавших в конференции. Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции МВТ. Вне всякого сомнения, это была наиболее успешная совместная акция союзников в области международного права и крупная веха в становлении международного уголовного права. В ходе разработки устава были объединены нормы и институты совершенно разных правовых систем.

На основе разработанных на Лондонской конференции подходов и принципов уже 8 августа 1945 г. был составлен первый список обвиняемых. К сожалению, в него не могли быть включены имена главарей нацистской верхушки — А. Гитлера, Й. Геббельса и Г. Гиммлера, поскольку к тому времени их уже не было в живых, и этот факт нашел убедительное подтверждение специалистов. Но для М. Бормана, которого союзники не нашли, но не были твердо уверены, что он погиб или покончил с собой, было сделано исключение: он обвинялся заочно. 29 августа был опубликован дополненный список главных военных преступников, состоявший из имен 24 основных нацистских политиков, идеологов, военных и промышленников.

Первое организационное заседание МВТ состоялось в Берлине 9 октября 1945 г. Спустя полтора месяца, 20 ноября 1945 г., в 10 часов утра во Дворце юстиции небольшого германского городка Нюрнберга открылся международный судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников европейских стран оси Рим — Берлин — Токио. Этот баварский

город был выбран не случайно: он многие годы являлся цитаделью и идеологическим центром нацизма, невольным свидетелем съездов национал-социалистской партии и парадов штурмовых отрядов. Немаловажным для выбора места проведения такого масштабного и длительного судебного процесса стал и тот факт, что в Нюрнберге не было целиком разрушенных районов, как в Берлине и других городах. Здесь сохранились здания, необходимые для суда и временной тюрьмы, помещения для членов трибунала, его аппарата, свидетелей, представителей прессы и общественности.

Нюрнбергский процесс осуществлял Международный военный трибунал — международный судебный орган по преследованию и наказанию главных военных преступников Второй мировой войны 1939–1945 гг. Трибунал был облечен властью судить и наказать лиц, которые совершили преступления, квалифицированные как таковые в Уставе МВТ. Устав также предусматривал, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал может признать, что эта группа или организация является преступной.

Устав МВТ был разработан в соответствии с нормами и принципами международного права, установленными и освещенными Гаагской конвенцией 1907 г., Статутом Лиги Наций и Версальским договором 1919 г., постановлениями Вашингтонской конференции 1922 г., Женевским протоколом 1924 г. о мирном разрешении споров, общим договором об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. (Парижский пакт, или пакт Бриана — Келлога), Женевской конвенцией 1929 г. и рядом других международно-правовых актов. Во всех этих документах были реализованы так называемые общепризнанные принципы права с учетом общечеловеческих ценностей, которые человечество выработало в процессе своего исторического развития и которые остаются неизменными, невзирая на национальные, территориальные и социально-политические различия. Так, ни одно цивилизованное государство, например, не может считать естественным убийство или ограбление. Общественное мнение всегда осуждает грабежи и убийства, если даже режим правящей уголовщины фашистского типа цинично утверждает «полезность» лишения жизни каких-либо групп людей[118]. Все перечисленные международные документы ввели определенные правила ведения войны, установили, что в ходе войны убийство военнопленных и мирных граждан, истязания или увод в рабство, насилие, грабеж и тому подобные действия являются преступлениями. Однако в них не были указаны санкции, грозящие за развязывание агрессивной войны и другие связанные с ней кровавые преступления. Этот пробел восполнил Устав Международного военного трибунала.

В Уставе МВТ были даны четкие, обобщенные определения тягчайших международных преступлений против человечества, которые уже квалифицировались международным правом как преступления до Второй мировой войны, и сформулированы принципы индивидуальной уголовной ответственности за эти преступления. Устав закрепил международно-правовую квалификацию агрессии как преступления и зафиксировал уголовную ответственность лиц, развязавших ее. Важно подчеркнуть, что значение документов, разработанных на Лондонской конференции, выходит далеко за рамки одного лишь Нюрнбергского процесса. На их основе были разработаны основные документы для проведения Токийского и Хабаровского процессов по делу японских военных преступников в 1946–1949 гг. И сегодня, как и в первые послевоенные годы, эти принципы продолжают играть важную роль в вопросе наказания преступлений против человечества, кем бы эти преступления ни совершались.

На том этапе, сразу после окончания войны, было необходимо всенародно, в мировом масштабе признать нацистский режим и его главных лидеров виновными в развязывании агрессивной войны практически против всего человечества, принесшей ему чудовищное горе и невыразимые страдания. Жестко осудить нацизм и в целом фашизм значило покончить с одной из угроз, способной в будущем привести к новой мировой войне.

Организация и юрисдикция Международного военного трибунала были определены его уставом, составлявшим неотъемлемую часть Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. Главная цель учреждения МВТ была изложена в статье 1 его устава: «...для справедливого

и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси»[119]. Трибунал имел право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

В состав трибунала вошли судьи (по одному представителю от четырех государств-учредителей), их заместители и главные обвинители. Судьями и их заместителями были назначены: от СССР — И. Т. Никитченко и А. Ф. Волчков; от США — Ф. Биддл и Д. Паркер; от Великобритании — Д. Лоренс (члены МВТ избрали его председательствующим) и Н. Биркетт; от Франции — А. Доннадьё де Вабр и Р. Фалько. Был создан Комитет главных обвинителей для согласования плана индивидуальной работы каждого из них и окончательного определения лиц, подлежащих суду МВТ, а также для составления рекомендаций трибуналу. На комитет возлагалось расследование дел главных преступников и их обвинение. Его возглавлял председатель, выбираемый из числа главных обвинителей в соответствии с принципом очередности. В Комитет главных обвинителей были назначены: от СССР — государственный советник юстиции 2-го класса, прокурор Украинской ССР Р. А. Руденко, от США — член федерального верховного суда (бывший помощник президента Ф. Рузвельта) Р. Х. Джексон, от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — адвокат Королевской скамьи, член палаты общин английского парламента сэр Х. Шоукросс, от Французской Республики — министр юстиции Ф. де Ментон, которого затем сменил О. Шампетье де Риб. Комитет главных обвинителей установил окончательный список лиц, которые в качестве главных военных преступников должны были предстать перед МВТ, и утвердил текст обвинительного заключения, на основании которого обвиняемые предавались суду. Мировая печать, комментируя обвинительное заключение, отмечала, что этот документ составлен от имени «оскорбленной совести человечества», что это не «акт мести, а торжество справедливости», перед судом предстанут не только главари нацистской Германии, но и вся система фашизма.

В качестве подсудимых оказались 24 обвиняемых — почти вся правящая верхушка Третьего рейха, включавшая высших государственных, партийных и военных деятелей, дипломатов, крупных банкиров и промышленников: Г. Геринг, Р. Гесс, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, В. Функ, К. Дёниц, Э. Редер, Б. Ширах, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт, А. Шпеер, К. Нейрат, Г. Фриче, Г. Шахт, Р. Лей (повесился в камере до начала процесса), Г. Крупп (был признан неизлечимо больным, его дело было приостановлено), М. Борман (осужден заочно, так как скрылся и не был найден) и Ф. фон Папен. Как уже упоминалось, не было в зале суда только самых высокопоставленных главарей нацизма — А. Гитлера, Й. Геббельса и Г. Гиммлера. Обвиняемые являлись участниками всех крупных внутри- и внешнеполитических, а также военных событий с момента прихода А. Гитлера к власти. Поэтому «суд над ними был судом над режимом в целом, над целой эпохой, над всей страной»[120]. При этом важно подчеркнуть, что судьи не стремились обвинить весь народ Германии, а, наоборот, их целью было «защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира»[121].

Характеризуя отличительную особенность Нюрнбергского процесса, главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в своей вступительной речи подчеркнул, что это был первый случай в истории, когда «перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений»[122]. Кроме того, он сказал, что впервые в лице подсудимых трибунал судил «преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества»[123].

Во вступительной речи на первом заседании суда председательствующий лорд-судья Д. Лоренс также подчеркнул уникальность процесса и его «общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре»[124]. Именно поэтому на членах международного суда лежала огромная ответственность, и они должны были «честно и добросовестно выполнять

свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости»[125].

Трибунал рассмотрел также вопрос о признании преступными руководящий состав национал-социалистской партии (НСДАП), ее штурмовые (СА) и охранные (СС) отряды, службу безопасности (СД) и государственную тайную полицию (гестапо), а также правительственный кабинет, генштаб и верховное командование (ОКВ). Все преступления, совершенные фашистами во время войны и влекущие за собой индивидуальную ответственность, в соответствии с Уставом Международного военного трибунала были подразделены на несколько групп[126]. Во-первых, это преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны либо войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий. Во-вторых, военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания либо увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства либо истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; захват общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью; другие преступления. В-третьих, преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, либо преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет. Преступления против человечности занимали особое место в судебном разбирательстве и вызывали особое неприятие, гнев и осуждение среди прогрессивной части всего человечества. Наибольшие людские и материальные потери от этой категории преступлений понесли славянские народы, прежде всего Советский Союз и Польша, и представители еврейской национальности. Нацисты подвергли эти народы настоящему геноциду, стремясь к полному их уничтожению. Когда во время судебного разбирательства спросили свидетеля Э. фон Бах-Зелевского, как могло случиться, что О. Олендорф[127] с находившимися под его командой людьми убил 90 тыс. человек, он ответил: «Я лично считаю, что, когда в течение... десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен»[128].

В Уставе МВТ впервые была определена личная ответственность за все указанные преступления. В статье 6 было зафиксировано, что «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана»[129]. Статьей 7 определялось, что «должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания»[130]. Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождал его от ответственности, но мог рассматриваться как довод для смягчения наказания, если трибунал признал бы, что этого требуют интересы правосудия.

Впервые в истории Уставом МВТ был зафиксирован принцип о возможности признания преступной организации или группы: «При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией»[131].

Уникальность процесса состояла и в том, что он был построен на сочетании процессуальных норм всех представленных в МВТ государств. На Нюрнбергском процессе впервые удалось органически соединить и претворить на практике процессуальные нормы англо-аме-

риканской и континентальной (европейской) системы уголовного процесса, которые имеют существенные отличия. Все решения принимались большинством голосов, а при разделении голосов поровну голос председательствующего являлся решающим. При этом оговаривалось, что для признания виновности и определения наказания во всех случаях необходимо большинство голосов, не менее трех членов трибунала (пункт «в» статьи 4 Устава МВТ).

Трибунал, заседавший почти год, проделал колоссальную работу. В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, были допрошены 33 свидетеля обвинения и 61 свидетель защиты, еще 143 свидетеля защиты дали письменные показания. Трибунал заслушал 22 свидетеля, в целом было рассмотрено свыше 300 тыс. устных и письменных показаний и около 3 тыс. документов, включая фото- и кинообвинения[132].

В Уставе МВТ (статья 21) содержалась специальная норма о бесспорных доказательствах: «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений»[133]. В Советском Союзе подобная Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР была учреждена указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. и активно действовала на протяжении всей войны. Особое значение в качестве доказательной базы и для вынесения приговора имели официальные документы германских министерств и ведомств, верховного командования вермахта, генштаба, военных концернов и банков, материалы из личных архивов. Некоторые из этих документов «были обнаружены в соляных копях, зарытыми в земле, спрятанными за ложными стенами» и в других труднодоступных местах[134]. Совершенно очевидно, что если бы Германия выиграла войну или если бы конец войны не был таким стремительным и сокрушительным, то все эти документы (многие с грифом «совершенно секретно») скорее всего, остались бы навсегда скрыты от мира.

В руках судей и обвинителей оказались неоспоримые доказательства преступных замыслов и кровавых злодеяний нацистов. Широкая гласность стала одним из основных принципов процесса: для присутствия в зале суда было выдано более 60 тыс. пропусков, заседания велись одновременно на четырех языках (английском, русском, французском и немецком), прессу и радио представляли около 250 журналистов.

Обвинения в неправомочности и юридической несостоятельности Нюрнбергского процесса, возникшие спустя годы после его проведения, и утверждения, что это был не справедливый суд, а «скорая расправа» и «месть» победителей, полностью несостоятельны. Всем подсудимым уже 18 октября 1945 г., то есть более чем за месяц до начала судебного разбирательства, было вручено обвинительное заключение с тем, чтобы они могли подготовиться к защите. В соответствии со статьями 16 и 23 Устава МВТ подсудимые, находившиеся в заключении, имели право либо самостоятельно выбрать себе защитников, либо, по их желанию, защитников мог назначить трибунал. В ходе процесса интересы обвиняемых представляли 27 адвокатов и 54 их помощника. Обвинители предоставляли подсудимым и защите копии всех документальных доказательств на немецком языке, оказывали адвокатам помощь в розыске и получении необходимых документов, доставке свидетелей, которых желали вызвать защитники. Таким образом, в интересах справедливого суда с самого начала был взят курс на строжайшее соблюдение прав подсудимых. Однако обвиняемые и их адвокаты с самого начала процесса взяли курс на то, чтобы доказать юридическую несостоятельность Устава МВТ и процесса в целом. Стремясь избежать неотвратимого наказания, они пытались переложить всю ответственность за совершенные преступления на А. Гитлера, СС и гестапо, всячески пытались обелить себя и выдвигали встречные обвинения в адрес стран — учредителей трибунала. Ни у одного из них не возникло ни малейших сомнений в своей полной невиновности.

После кропотливой, скрупулезной работы с 30 сентября по 1 октября 1946 г. был оглашен приговор МВТ. В нем были проанализированы основные принципы международного права, нарушенные нацистской Германией, аргументы сторон, дана картина преступной деятельности фашистского государства на протяжении более чем 12 лет его существования. Трибунал признал всех подсудимых (за исключением Г. Шахта, Г. Фриче и Ф. фон Папена) виновными в осуществлении заговора в целях подготовки и ведения агрессивных войн, а также в совершении бесчисленных военных преступлений и тягчайших злодеяний против человечности. К смертной казни через повешение были приговорены 12 нацистских преступников: Г. Геринг, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт, М. Борман (заочно). Остальные семь получили различные сроки тюремного заключения: Р. Гесс, В. Функ, Э. Редер — пожизненно, Б. Ширах и А. Шпеер — 20 лет, К. Нейрат — 15 лет, К. Дёниц — 10 лет. Кроме того, трибунал признал преступными руководящий состав национал-социалистской партии, а также СС, СД и гестапо.

Важно подчеркнуть, что МВТ осудил не просто «дисциплинированных вояк» и чиновников, «всего-навсего выполнявших свой долг», а людей, для которых мораль и нравственность были лишь отвлеченными понятиями, которые считали войну естественной «формой существования» и которые так и не извлекли «уроков из опыта поражения в одной из них». В заключительной речи главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс подчеркнул: «Не подлежит сомнению, что подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления, столь ужасающие, что саму мысль о них воображение отказывается постичь»[135].

Весьма примечательно, что на вопрос, заданный в самом начале процесса: «Признаете ли вы себя виновными?», все обвиняемые, как один, ответили отрицательно. Многие из них оправдывали свои чудовищные злодеяния «любовью к своему народу» и «чувством долга». Так, Г. Геринг в предоставленном ему последнем слове заявил: «Я отвечаю за то, что сделал. Я, однако, самым решительным образом отметаю то, что мои действия диктовались волей и стремлениями порабощать чужие народы путем войны, убивать, грабить, совершать зверства или преступления. Единственное, чем я руководствовался, это любовь к своему народу, мечты о его счастье, свободе и его жизни! В качестве свидетелей я призываю мой немецкий народ и всемогущего Бога»[136]. Р. Гесс также ни в чем не раскаивался: «Я счастлив сознанием, что выполнил свой долг в качестве национал-социалиста, в качестве верного последователя фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы я опять стоял у начала моей деятельности, я опять-таки действовал бы так же, как действовал раньше, даже в том случае, если бы знал, что в конце будет зажжен костер, на котором я сгорю»[137].

Член МВТ от СССР генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко в Особом мнении от 1 октября 1946 г. заявил о несогласии с оправдательным приговором в отношении подсудимых Г. Шахта, Ф. фон Папена, Г. Фриче и высказался за смертную казнь в отношении Р. Гесса, заместителя А. Гитлера по руководству нацистской партией. Он также выразил несогласие с решением суда о непризнании преступными организациями правительственного кабинета Германии, высшего командования вермахта (ОКВ) и генерального штаба. И. Т. Никитченко привел аргументированные доказательства в пользу своей позиции[138]. Особое мнение было оглашено в суде и приобщено к приговору. Примечательным было то, что в самой Германии прошли митинги в поддержку Особого мнения советского члена суда. Например, на демонстрацию в Лейпциге вышли 100 тыс. человек, многие из которых несли лозунги «Смерть военным преступникам!»[139].

Бесспорным представляется то, что в ходе процесса был вынесен приговор не только нацистским главарям, но и их бесчеловечной идеологии — национал-социализму и фашизму с их агрессивной, человеконенавистнической сущностью. По словам Х. Шоукросса, «в течение долгих месяцев трибунал расследовал факты и теперь должен применить закон» не только для того, чтобы совершить правосудие над группой военных преступников, но «оповестить мир о том, что в конце концов право силы будет уничтожено и закон и справедливость бу-

дут руководить отношениями между государствами, потому что решения этого суда выйдут далеко за рамки наказания двадцати с лишним виновных»[140].

В ходе процесса осуждению подвергся и воинствующий германский милитаризм, который был «сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил»[141]. Германский милитаризм с приходом национал-социалистов к власти пронизал все немецкое общество, все сферы его деятельности: политическую, военную, социальную, экономическую. Милитаристски настроенные германские лидеры проповедовали и практиковали культ вооруженной силы. Они сами получали удовольствие от войны и стремились привить такое же отношение своей «пастве». Но германский милитаризм нес с собой не только открытую, но и скрытую опасность. Она заключалась в том, что необходимость противодействия злу также с помощью силы и оружия, со стороны народов, ставших мишенью фашистской агрессии, могла рикошетом ударить по ним самим. В связи с этим заместитель главного обвинителя от Великобритании Д. Максуэлл-Файф в своей речи воскликнул: «Мы стремимся защитить не только германский народ. Вся Европа нуждается в защите!»[142].

Ходатайства осужденных военных преступников о помиловании были отклонены Контрольным советом по Германии, и в ночь на 16 октября 1946 г. приговор о смертной казни был приведен в исполнение. Незадолго до этого Г. Геринг покончил жизнь самоубийством.

Осужденные на тюремное заключение главные нацистские преступники отбывали наказание в международной тюрьме Шпандау для военных преступников, расположенной в районе Западного Берлина; кроме них, там больше не было никаких других заключенных. Выбор тюрьмы был весьма символичным: начиная с 1933 г. это был сборный пункт политзаключенных перед отправкой в концлагеря, место истязаний немецких борцов с нацизмом и тысяч невинных жертв. Тюрьма управлялась представителями четырех держав-победительниц: СССР, США, Великобритании и Франции. Ее охрану осуществлял караул от этих же стран. Смена командования тюрьмой и охраны от каждой из оккупационных стран происходила ежемесячно. Служебный персонал внутри тюрьмы состоял из лиц мужского пола из стран, являвшихся членами Объединенных Наций. Установленный раз и навсегда распорядок дня тщательно соблюдался: в 6 часов подъем, в 22 часа отбой. Все финансовые расходы, составлявшие 850 тыс. марок в год, нес сенат Западного Берлина[143]. Таким образом, в тюрьме Шпандау содержались семь нацистских преступников, четверо из которых отбыли свои сроки полностью. В 1954 г., отсидев семь лет из пятнадцати, ввиду состояния здоровья союзными властями был помилован 81-летний К. Нейрат. В 1955 г., после девяти лет тюрьмы, ввиду возраста и плохого состояния здоровья был досрочно освобожден имевший пожизненное заключение 80-летний Э. Редер. В 1956 г., полностью отсидев десять лет, вышел на свободу К. Дёниц. В 1957 г., после одиннадцати лет из пожизненного срока, по состоянию здоровья был освобожден В. Функ. В 1966 г., полностью отбыв 20-летний срок заключения, освободились А. Шпеер и Б. Ширах. После этого в тюрьме остался единственный заключенный, приговоренный к пожизненному заключению, — Р. Гесс. 17 августа 1987 г. тюрьма Шпандау опустела: последний ее узник, 93-летний Р. Гесс, покончил жизнь самоубийством. Хотя существуют версии, никем, однако, официально не подтвержденные, о том, что его убили, и это убийство напрямую связано с полетом Р. Гесса в Англию в мае 1941 г. Англичане обещают рассекретить архивы по этому делу в 2017 г. Ждать осталось недолго, и, может быть, после раскрытия этой тайны мы сможем добавить новые страницы в военно-исторические исследования. Тюрьму снесли, а на ее месте построили современный торговый центр. Сделано это было преднамеренно, чтобы лишить неонацистов последнего фетиша и возможности собираться у его стен.

По приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока семь японских главных военных преступников, в том числе бывшие премьер-министры Х. Тодзио и Х. Хирота и военный министр С. Итагаки, были казнены; 16 человек, в том числе бывшие премьер-министры К. Хиранума и К. Койсо, военный министр С. Араки и командующий Квантунской группировкой японских войск Ё. Умедзу, были приговорены к пожизненному заключению, бывший министр иностранных дел С. Того — к 20 годам, бывший министр

иностранных дел М. Сэгемицу — к семи годам лишения свободы. Различным наказаниям по суду подверглись и многие другие военные преступники.

Вслед за международными Нюрнбергским и Токийским процессами вплоть до 1949 г. было проведено еще 12 судебных процессов, на которых рассмотрены преступления более чем 180 нацистских руководителей, большинство из которых также понесли наказание. Военные трибуналы, проходившие после войны в других городах и странах, осудили в общей сложности более 76,5 тыс. нацистов и их пособников. Однако из них в ФРГ, где, даже по официальным данным, в совершении нацистских преступлений подозревались свыше 90 тыс. человек, были осуждены лишь около 7 тыс.[144] А в отношении других более чем 7 тыс. должностных лиц из имперского управления безопасности СС, которое возглавлял Э. Кальтенбруннер, в ФРГ вообще не проводилось никаких расследований[145].

Розыск военных преступников продолжается: ООН приняла решение не принимать во внимание срок давности для нацистских преступников. Только в 1960–1970-е гг. были найдены, арестованы и осуждены десятки и сотни нацистов. Так, например, на основе материалов Нюрнбергского процесса были привлечены к суду и приговорены к смертной казни нацистские преступники, особенно отличившиеся своей жестокостью на оккупированных территориях: в 1959 г. — Э. Кох (в Польше) и в 1962 г. — А. Эйхман (в Израиле).

Оценивая значимость Нюрнбергского и Токийского процессов, следует признать, что это самые крупные, значительные, уникальные и по сей день самые изучаемые международные судебные процессы XX в. Сегодня, спустя годы после их окончания, отчетливо видно, какую огромную роль они сыграли в историческом, юридическом, общественно-политическом и нравственном планах. Нюрнбергский процесс стал историческим событием, прежде всего как торжество Закона над нацистским беззаконием. Он разоблачил человеконенавистническую сущность германского фашизма, его планы уничтожения целых государств и народов, его запредельную бесчеловечность и жестокость, абсолютную аморальность, истинные размеры и глубину злодеяний нацистских палачей, крайнюю опасность фашизма и его возрождения для всего человечества. По мнению историков, политиков и юристов, не следует забывать также и тот факт, что с исторической точки зрения, особенно в плане успешного взаимодействия между государствами антигитлеровской коалиции, Нюрнбергский процесс «сохраняет значение как один из кульминационных моментов в сотрудничестве между Востоком и Западом после окончания Второй мировой войны»[146].

Оценивая историческую значимость процесса, важно помнить и то, что он является авторитетнейшим источником при рассмотрении разноплановых вопросов истории Второй мировой войны, поскольку в его ходе были найдены, оглашены и зафиксированы секретные документы нацистской Германии. Моральному осуждению была подвергнута вся тоталитарная система нацизма. Тем самым была создана морально-нравственная преграда для возрождения нацизма и фашизма в будущем. Процесс послужил моральной и правовой основой для массовой и всесторонней денацификации Германии.

Нюрнбергский процесс обнажил перед всем миром преступность гитлеровской оккупационной системы, включая и такую ее составную часть, как коллаборационизм. Он отмел все демагогические рассуждения, которыми прикрывались пособники гитлеровцев в разных странах, оправдывая свое сотрудничество с оккупантами, выявил и доказал, что коллаборационизм являлся не более чем разновидностью фашизма со всеми присущими ему чудовищными чертами. Причем это касалось не только войск СС, но и политических коллаборационистов. Коллаборационисты, совершавшие страшные преступления в годы Второй мировой войны ради установления «нового порядка» (равно и антидемократического, и антикоммунистического), во всех странах подверглись полному и решительному осуждению. Многие лидеры коллаборационизма (А-Ф. Петен, П. Лаваль, Ф. Дарлан во Франции, У. Джойс в Англии, В. Квислинг в Норвегии, А. Муссерт в Голландии, Й. Тисо в Словакии) понесли заслуженное наказание. С 1945 по 1955 г. в странах Западной Европы было проведено 13 607 национальных судебных процессов над коллаборационистами, 27 обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, а 43 осуждены на смертную казнь[147].

В 1946 г. весь цивилизованный мир, только что избавившийся от «коричневой чумы», рукоплескал приговору Международного военного трибунала. Поэтому большую тревогу вызывают события последних лет, когда в ряде стран в той или иной форме происходит возрождение нацизма, идет процесс реабилитации и героизации бывших эсэсовцев. Оценивая эту угрожающую тенденцию, МИД России неоднократно официально заявлял, что попытки оправдать эсэсовцев воспринимаются россиянами не иначе как «позорный акт предательства по отношению к памяти миллионов мирных граждан, в том числе русских, украинцев, евреев, воинов Красной армии, погибших на оккупированных гитлеровцами территориях».

Возникает закономерный вопрос: как следует оценивать такие события в свете решений Нюрнбергского трибунала? Отвечая на этот вопрос, приведем отрывок из приговора МВТ, который все однозначно объясняет и расставляет по своим местам: «СС использовалась для целей, которые согласно Уставу являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершаемые при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, и жестокое обращение с военнопленными и их убийства»[148]. Рассматривая вопрос об СС, МВТ относил сюда «всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «общей СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС»[149]. Сюда входят и национальные формирования СС. Трибунал не включил в этот список преступных формирований лишь так называемые кавалерийские соединения СС. А ведь известно, что национальные части и подразделения СС, в частности «латышского легиона»[150], дивизии «Галичина», не только участвовали в боях с Красной армией, но и использовались командованием СС для проведения массовых расстрелов, осуществления карательных операций против партизан и мирного населения на территории Прибалтики, Польши, Белоруссии, Украины и России, несения охранной службы в гетто и концентрационных лагерях[151]. В свете этого героизация бывших эсэсовцев идет не только вразрез с приговором Международного военного трибунала, но является открытым глумлением над памятью миллионов загубленных гитлеровцами жизней.

ООН однозначно осудила попытки пересмотреть приговор Нюрнбергского трибунала и оправдать военных преступников. От имени мировой общественности Комиссия ООН по правам человека 14 апреля 2005 г. приняла резолюцию «Расизм, расовая дискриминация, ксенофобия и все формы дискриминации», в которой осудила прославление бывших военнослужащих войск СС, и в частности открытие памятников и мемориалов, а также проведение публичных демонстраций бывших военнослужащих войск СС.

18 декабря 2007 г. уже Генеральной ассамблеей ООН была принята специальная резолюция, озаглавленная «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В преамбуле резолюции была сделана ссылка на Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека, а также на Устав Нюрнбергского трибунала и его приговор, который «объявил, в частности, организацию СС и все ее составные части, включая «Ваффен СС», преступными и признал их ответственными за многочисленные военные преступления и преступления против человечности». В резолюции была выражена «глубокая озабоченность по поводу прославления нацистского движения и бывших членов организации «Ваффен СС», в том числе путем открытия памятников и мемориалов, а также проведения публичных демонстраций в целях прославления нацистского прошлого, нацистского движения и неонацизма». Характерно, что страны Балтии и Украина воздержались при принятии этой резолюции, а США вообще проголосовали против.

С точки зрения юридической значимости Нюрнбергский и Токийский процессы явились важной вехой в развитии международного права. Они стали первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба, а именно преступлений правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. Нюрнбергские принципы, одобренные Генеральной ассамблеей ООН (резолюции от 11 декабря 1946 и 27 ноября 1947 г.), стали общепризнанными нормами международного права. Они

служат основанием для отказа выполнять преступный приказ и предупреждают об ответственности тех руководителей государств, которые готовы совершить преступления против мира и человечности.

Нюрнбергский и Токийский судебные процессы имели большое историческое значение. Они способствовали утверждению в сознании широкой мировой общественности и в международном праве идеи о том, что агрессивные войны в целях захвата территории других стран и порабощения их народов являются тягчайшим преступлением, а организаторы таких войн независимо от занимаемых ими высоких государственных и общественных постов должны квалифицироваться как уголовные преступники.

Борьба по вопросам послевоенного урегулирования

Несмотря на совместную заинтересованность в разгроме общего врага — фашистской Германии и милитаристской Японии, между ведущими странами антигитлеровской коалиции имелись и серьезные противоречия, прежде всего в отношении различных подходов СССР, США и Великобритании к обеспечению своей безопасности после войны. Наибольшие расхождения здесь существовали между Советским Союзом и его западными союзниками.

Советское руководство с учетом стратегических уроков предвоенного периода и самой войны исходило из необходимости максимального долговременного ослабления и обезвреживания главных противников — Германии и Японии, создания защитного пояса из дружественных просоветских государств вдоль западных границ СССР по их состоянию на 1941 г., возвращения территорий и прав, утраченных Россией на Дальнем Востоке в ходе Русско-японской войны и в последующие годы, обеспечения свободного выхода в Мировой океан, а также поддержания благоприятного баланса сил в Европе за счет недопущения возникновения враждебной коалиции держав, превосходящих по своей военной мощи Советский Союз. Эти запросы шли в русле традиционных геополитических интересов России и были нацелены на создание максимальной глубины обороны по всему периметру Советского государства. В Москве считали, что своим решающим вкладом в разгром фашизма и огромными жертвами в этой борьбе Советский Союз наряду с США и Великобританией завоевал право на признание своих законных интересов безопасности и равноправное участие в послевоенном урегулировании.

Соединенные Штаты Америки, сохранившие и преумножившие свой экономический потенциал и превратившиеся за годы войны в ведущую мировую державу, связывали послевоенный миропорядок с распространением американской модели рыночной экономики и своей лидирующей ролью в мировой политике как необходимого условия поддержания международной стабильности и предотвращения новой мировой войны. Военно-политическое руководство США видело гарантии своей послевоенной безопасности в поддержании военно-стратегического превосходства и сохранении глобального военного присутствия в ключевых регионах мира для подавления потенциального агрессора в любом из этих регионов. В соответствии с выкладками резко усилившей свое влияние в годы войны школы геополитики (Г. Маккиндер, Н. Спайкман)[152] и с учетом опыта обеих мировых войн ключом к мировому балансу в Вашингтоне стало считаться сухопутное пространство Евразии, контроль над которым со стороны враждебного государства или коалиции государств представлялся недопустимой угрозой жизненным интересам Америки.

Правящие круги Великобритании, позиции которой в годы войны неуклонно ослабевали, стремились отстоять свой статус великой державы за счет сохранения Британской империи и ее союзников в Европе, а также путем укрепления «особых отношений» с Соединенными Штатами, несмотря на растущую конкуренцию с американцами в борьбе за источники сырья и рынки сбыта. Первостепенное значение при этом придавалось традиционным сферам

британского влияния — Средиземноморью, Ближнему и Среднему Востоку, соединявшим Великобританию с ее колониальными владениями.

Общим интересом США и Великобритании было сдерживание распространения советского влияния и леворадикальных идей на освобождаемых от фашизма и японского милитаризма территориях Европы и Азии, где на фоне развала экономики, краха старых элит и политического хаоса происходило усиление левых сил и национально-освободительных движений. В геополитическом плане англо-американцев объединяло стремление не допустить появления в Европе и Евразии в целом нового враждебного гегемона, способного бросить вызов Западу.

Основной географической зоной межсоюзных противоречий являлась Европа, от будущего устройства которой во многом зависел весь послевоенный миропорядок. Уже после Сталинградской битвы американские и английские аналитики стали задумываться над вопросом, как далеко на запад Европейского континента сможет продвинуться Красная армия и какую геополитическую цену англо-американцам придется заплатить Советскому Союзу за решающий вклад в разгром вермахта. «Не в наших и не в европейских интересах, чтобы Советский Союз взял на себя наведение порядка в Центральной Европе, — инструктировал А. Иден своего посла в Москве А. Керра в феврале 1943 г. — Но поскольку нам, видимо, придется с этим смириться, то крайне желательно заранее договориться с ним относительно общих принципов поведения в вопросах границ, состава и полномочий правительств Центральной и Восточной Европы, которые будут создаваться после ее освобождения от фашизма»[153]. Поначалу в качестве основного варианта подобной договоренности в Форин-офисе и госдепартаменте рассматривалась идея создания под эгидой Запада восточно-европейских конфедераций (польско-чехословацкой, дунайской и других), которые, по замыслу ее авторов, должны были заполнить опасный «вакуум мощи» между Россией и Германией и стать средством сдерживания обеих. Эта идея активно продвигалась британской дипломатией на подходе к Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. и на самой этой конференции. Однако она встретила прохладное отношение со стороны Белого дома и явно отрицательное — со стороны советского руководства, не без основания усмотревшего в этом попытку возродить пресловутый «санитарный кордон» межвоенного периода. В инструкциях НКИД советскому послу в Лондоне (10 марта 1943 г.) идея восточноевропейской конфедерации называлась «безжизненной», «вредной и опасной»[154].

К началу 1944 г. уже было очевидно, что Красная армия освободит всю территорию СССР в границах 1941 г. «Факт состоит в том, — писал У. Черчилль А. Идену в январе 1944 г., — что русские могут очень скоро овладеть этими территориями, и абсолютно ясно, что нам нечего даже пытаться их оттуда вытеснить»[155]. Таким образом, вопрос о западных границах СССР решался де-факто, хотя советско-польская граница еще не была согласована, а США и Великобритания официально так и не признали вхождения Прибалтийских республик в состав СССР. В результате грандиозного наступления советских войск летом 1944 г. стало ясно, что Советскому Союзу будет принадлежать главная роль в определении будущего устройства всей Восточной Европы, освобождаемой им от фашистских захватчиков. «Следует помнить, что на оккупированной территории они (русские) будут делать более или менее то, что захотят», — писал Ф. Рузвельт К. Хэллу в сентябре 1944 г.[156] Однако Великобритания и особенно США не были готовы предоставить полную свободу рук своему союзнику в советизации этих территорий как в силу внутриполитических соображений (давление общественного мнения, восточноевропейского и прибалтийского лобби), так и по геополитическим мотивам — опасениям возникновения монолитного просоветского блока. Прагматичная британская дипломатия пошла по пути негласного раздела Европы на сферы влияния, стремясь сохранить преобладающее влияние в приоритетных для себя Греции и Восточном Средиземноморье в обмен на советское преобладание в Румынии, Болгарии и Венгрии. В программном меморандуме А. Идена о целях Англии на Балканах (июнь 1944 г.) главной задачей ставилось «укрепление наших позиций в Греции и Турции» при избежании «прямого вызова советскому влиянию в Югославии, Албании, Румынии и Болгарии»[157]. Кульминацией этой линии стало

известное «процентное соглашение», предложенное У. Черчиллем И. В. Сталину в октябре 1944 г. США не были готовы к столь откровенному размену и надеялись, что советская сфера влияния ограничится внешней и военной политикой, оставаясь открытой для американских идей, капиталов и товаров.

Самым чувствительным был вопрос о будущих границах и правительстве Польши, в котором Москва сталкивалась с непримиримой враждебностью осевшего в Лондоне эмигрантского польского правительства. С момента разрыва отношений с ним в связи с «Катынским делом» весной 1943 г. дипломатия США и Англии прилагала активные усилия к примирению сторон, но эти попытки наталкивались с одной стороны на русофобское упрямство лондонских поляков, а с другой — на жесткие требования Москвы по признанию так называемой «линии Керзона» в качестве новой советско-польской границы и включению в состав будущего польского правительства своих ставленников. Ф. Рузвельт и У. Черчилль понимали обоснованность советских требований о существовании в Польше дружественного правительства в отношении СССР и сетовали на неразумное упорство лондонского правительства. «Без русской армии Польша была бы уничтожена или приведена в рабское состояние... — писал У. Черчилль А. Идену в начале 1944 г. — Они (лондонские поляки) дураки, если считают, что мы пойдем войной на Россию ради восточной границы Польши»[158]. Но польский вопрос с этих пор стал одним из главных раздражителей в межсоюзных отношениях, дав новый импульс сторонникам жесткой линии в отношении СССР.

Пытаясь ограничить советское влияние в Восточной Европе, США и Англия стремились сохранить в своей орбите Западную Европу, освобождаемую от фашизма в основном их силами. Союзники свели к минимуму роль советских представителей в Союзном контрольном совете по Италии, сделали ставку на возрождение сильной Франции, поддерживали связи с франкистской Испанией и диктатурой А. ди Салазара в Португалии. Особую активность здесь проявляла Великобритания, заинтересованная в расширении своей опоры на Европейском континенте. К концу 1944 г. в лондонских правительственных кругах начали прорабатывать различные варианты «западного блока» — от системы коллективной безопасности до комплекса двухсторонних военно-политических соглашений с отдельными странами. «Хорошо организованная Западная Европа, — писал А. Иден У. Черчиллю о преимуществах такой системы, — может обеспечить нам глубину обороны и большие человеческие ресурсы, которые облегчат наше бремя и позволят избежать создания огромной постоянной армии, непосильной для нашей экономики»[159]. Пока в качестве главного «цемента» такого блока рассматривалась угроза возрождения германской агрессии, хотя британские военные уже летом 1944 г. прогнозировали, что «более отдаленной, но и более опасной вероятностью» может стать враждебный Советский Союз, для сдерживания которого объединенных сил Великобритании, Франции и стран Бенилюкса будет явно недостаточно. Поэтому такое объединение, подчеркивали они, станет лишь «первым шагом к созданию более широкой системы, которая в случае появления враждебной России должна быть расширена за счет включения всей Германии или, по крайней мере, ее части»[160]. Идеи создания подобного блока, но уже с участием США вынашивались и в американских военно-разведывательных кругах, что не было секретом для Кремля, имевшего надежных агентов в обеих западных столицах[161]. В тот период руководство госдепартамента и Форин-офиса осудило эту позицию как чреватую прямой конфронтацией с СССР, которой можно было избежать. А. Иден и его окружение надеялись совместить создание «западного блока» с сохранением советско-английского союза по договору 1942 г., иными словами, они рассчитывали на мирное сосуществование западноевропейской и советской стратегических орбит. Однако впоследствии «западный блок» в виде Брюссельского пакта 1948 г. был создан под британской эгидой, развернут против Советского Союза и стал предтечей НАТО.

Позиции союзников по ключевому для судьбы всей послевоенной Европы германскому вопросу также существенно расходились. СССР, естественно, был заинтересован в максимальном ослаблении Германии и предотвращении ее возрождения как мощной державы. США и Великобритания считали, что восстановление германской экономики необходимо

для экономического возрождения Европы, и были настроены на скорейшую реинтеграцию Германии в лоно западной цивилизации. Кроме того, в кругах американского и британского военного командования, как уже отмечалось, зрела идея использования ресурсов Германии против нового потенциального противника в лице СССР. Хотя на Ялтинской и Потсдамской конференциях союзники смогли согласовать общие принципы обращения с Германией, ключевые советские требования по сумме репараций и международному контролю над промышленным сердцем страны (Руром) были отклонены. Вскоре германский вопрос стал одним из главных факторов раскола Европы и развала антигитлеровской коалиции.

Советские интересы безопасности на Дальнем Востоке были учтены на Ялтинской конференции, когда союзники, заинтересованные во вступлении СССР в войну с Японией, согласились на передачу Советскому Союзу южной части Сахалина, Курильских островов, аренду Порт-Артура, а также обеспечение преимущественных прав СССР в порту Дальнем и в управлении Китайско-Восточной (КВЖД) и Южно-Маньчжурской (ЮМЖД) железными дорогами.

К концу войны политико-дипломатическая борьба по послевоенному устройству вступила в новую фазу. Ослабление сплачивающей общей угрозы и нужды в советской военной помощи, смерть Ф. Рузвельта, военные успехи союзников в Западной и Центральной Европе способствовали ужесточению англо-американской позиции в отношении СССР. Особенно активно действовали англичане, ощущавшие угрозу интересам Британской империи и понимавшие, что без помощи США им не удастся их защитить. Советский нажим на Турцию по совместной обороне Проливов и в территориальном вопросе, растущее влияние СССР в Иране, советская заявка на получение опеки над итальянскими колониями в Средиземноморье, поддержка Москвой югославских территориальных претензий к Италии — все это создавало в Лондоне ощущение, что Советский Союз (как впоследствии заметил преемник А. Идена Э. Бевин) начинает «тереться о края Британской империи»[162]. С апреля 1945 г. У. Черчилль и А. Иден начали подталкивать нового президента США Г. Трумэна к более жесткому отпору советским требованиям по польскому вопросу, отказу от вывода американских войск из отведенной Советскому Союзу зоны оккупации Германии в качестве козыря на предстоявших переговорах, недопущению усиления СССР в Средиземноморье. В самом госдепартаменте США поднимался вопрос о пересмотре Ялтинских соглашений по Дальнему Востоку. Эта попытка не удалась, и Г. Трумэн все же приказал отвести войска в пределы своей зоны в Германии. В ходе последнего визита Г. Гопкинса в Москву (июнь 1945 г.) было достигнуто принципиальное соглашение и по составу временного польского правительства, что проложило дорогу его признанию союзниками. Но по остальным вопросам расхождения внутри большой тройки по послевоенному урегулированию усиливались. Успешное испытание атомного оружия в США в середине июля еще более укрепило самоуверенность американцев и англичан.

В ходе подготовки к Потсдамской конференции оперативное управление штаба сухопутных сил США разработало доклад «Позиции США в отношении советских намерений экспансии», в котором СССР изображался главным источником военной угрозы. Основными направлениями «советской экспансии» в нем считались Турция и Средиземноморье, а в перспективе — и Западная Европа. Оценивая соотношение сил на Европейском континенте, военные планировщики приходили к выводу о том, что без помощи США «кучке маломощных стран», даже в сочетании с Великобританией, не справиться с «советской угрозой». На азиатском направлении, где СССР, как считалось, может легко захватить Монголию, Маньчжурию и Корею, предлагалось исключить советское присутствие в Японии и к югу от р. Янцзы в Китае, противодействовать Советскому Союзу в Иране. Объединенный комитет стратегического анализа Комитета начальников штабов (КНШ) предупреждал об опасности участия СССР в международном контроле над Руром, которое «неизбежно и в нежелательной степени допустит Россию к участию в западноевропейских делах»[163].

Не удивительно, что при таком настрое и заготовленных позициях западные союзники сумели общими усилиями отклонить ключевые советские требования по Руру и объему репараций с Германии, заявки по Проливам и итальянским колониям. Советской дипломатии все

же удалось отстоять свои основные предложения по оккупационному режиму для Германии, ведущей роли СССР в подготовке мирных договоров с европейскими сателлитами Германии (за исключением Италии), а также по присоединению к СССР восточной части Пруссии с Кёнигсбергом. Были отвергнуты попытки союзников установить международный контроль над выборами в Румынии, Болгарии и Венгрии. В беседе с Г. И. Димитровым В. М. Молотов назвал эти Потсдамские решения фактическим «признанием Балкан как советской сферы влияния»[164], однако борьба по составу и признанию правительств Румынии и Болгарии Вашингтоном и Лондоном еще не была закончена.

Продолжалась и борьба за сферы влияния на Дальнем Востоке. Выполняя свое обязательство перед союзниками, 8 августа СССР вступил в войну с Японией, что значительно ускорило капитуляцию этой страны. Однако США, воспользовавшись советской помощью, взяли курс на то, чтобы свести к минимуму роль Советского Союза в оккупации и последующем развитии Японии. Вашингтон настоял на сохранении за собой единоличного командования силами союзников в Японии и отказал Москве в праве принятия капитуляции японских сил на острове Хоккайдо. Одновременно Г. Трумэн запросил право базирования ВВС США на одном из Курильских островов, получив жесткий отказ И. В. Сталина. Американская дипломатия активно поддерживала гоминьдановский режим в ходе советско-китайских переговоров летом 1945 г., пытаясь скорректировать в свою пользу ялтинские договоренности. В результате по Договору о дружбе и союзе, подписанному 14 августа 1945 г., преимущественные права СССР в управлении КВЖД и ЮМЖД, а также в порту Дальнем были существенно урезаны. Ограничивая советское влияние на Дальнем Востоке, США вместе с Великобританией продолжали оспаривать советское преобладание в Восточной Европе: отказывались признать правительства Болгарии и Румынии, поддерживали антисоветскую оппозицию в этих странах.

В такой напряженной обстановке первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) союзников в Лондоне (сентябрь 1945 г.) окончилась провалом: натолкнувшись на жесткое сопротивление союзников по Балканам, Японии и итальянским колониям, И. В. Сталин предпочел пойти на срыв совещания, чем на уступки. Его особенно возмутил отказ союзников даже обсуждать советское предложение по контрольному механизму для Японии. Этот отказ он в телеграмме В. М. Молотову назвал «верхом наглости англичан и американцев», обвинив их в «отсутствии элементарного чувства уважения к своему союзнику»[165]. Более результативно прошло московское совещание министров иностранных дел трех великих держав в декабре 1945 г. Советской дипломатии удалось добиться согласия союзников признать правительства Румынии и Болгарии в обмен на включение в их состав минимального числа представителей оппозиции. Американцы также согласились на создание Дальневосточной комиссии и Союзного совета в Японии, что давало Советскому Союзу хотя бы небольшое влияние на оккупационную политику в этой стране. В итоге ценой незначительных уступок обе стороны закрепили свое преобладание в сферах влияния.

Дальнейшая дипломатическая борьба по вопросам послевоенного урегулирования проходила в основном в рамках СМИД, вырабатывавшего условия мирных договоров с сателлитами Германии: Италией, Финляндией, Румынией, Венгрией и Болгарией. К концу 1946 г. после длительного и упорного торга были согласованы компромиссные репарационные и территориальные статьи этих договоров. Италия передавала Югославии часть Юлийской Крайны, полуостров Истрия и г. Фиуме (Триест получил статус «свободного города»), закреплялась передача Советскому Союзу Бессарабии и Буковины, подтверждалась советско-финляндская граница, установленная в марте 1940 г. Кроме того, по условиям мирного договора с Финляндией СССР получал в аренду стратегически важный район Поркалла-Удд, а в собственность — район Печенги (Петсамо). В целом послевоенное мирное урегулирование закрепило территориальные приобретения и политическое преобладание СССР в Восточной Европе. «Мы отстояли свои принципиальные позиции и защитили свои интересы и интересы дружественных нам государств», — докладывал В. М. Молотов И. В. Сталину об итогах этих переговоров[166].

Вместе с тем важнейший вопрос послевоенного устройства Европы — германский — так и остался нерешенным, став впоследствии яблоком раздора между союзниками. Советские попытки распространить свое влияние на Проливы, Турцию и Северный Иран оказались безуспешными: в ходе турецкого и иранского кризисов 1946 г. правительства этих стран при активной поддержке США и Великобритании усилили свою прозападную ориентацию. Таким образом, советскому руководству удалось отстоять сердцевину своей геополитической программы послевоенного устройства — границы 1941 г., «защитный пояс» из просоветских государств на своих западных границах и укрепление позиций на Дальнем Востоке. Однако это было достигнуто ценой резкого обострения отношений со вчерашними союзниками. Борьба за послевоенное устройство мира стала прологом «холодной войны».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Исраэлян В.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964. С. 17.

[2] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Том 3 / Пер. с англ. М., 1955. С. 366.

[3] АВП. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 27–31. Такие шифрограммы в 1941 г. рассылались персонально следующим адресатам: Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Берии, Жданову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому и Корнейчуку.

[4] *Longer W., Gleason S.* The Undeclared War. 1940–1941. N. Y., 1953. P. 541.

[5] Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Кн. 3. С. 231.

[6] Внешняя политика СССР. Сб. документов (июнь 1941 — сентябрь 1945). М., 1947. Т. 5. С. 6.

[7] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне. М., 1947. С. 16.

[8] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1989. Т. 2. С. 3.

[9] См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 163–167; Имелось в виду положение о «восстановлении суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого *насильственным путем*» (курсив наш. — *Прим. ред.*), включенное по предложению Черчилля (Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 3. С. 9–11).

[10] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1945. Документы и материалы: в 2 т. М., 1983. Т. 1. 1941–1943. С. 82.

[11] Внешняя политика СССР. С. 20.

[12] Там же. С. 63–64.

[13] *Erickson J., Dilks D.* Barbarossa. The Axis and the Allies. Edinburgh, 1994. P. 97.

[14] *Исраэлян В.* Указ. соч. С. 24.

[15] *Bullock A.* The Life and Times of Ernest Bevin. Vol. 2. Minister of Labor 1940–1945. P. 137.

[16] *Erickson J., Dilks D.* Barbarossa. The Axis and the Allies. P. 103.

[17] *Исраэлян В.* Указ. соч. С. 24–25.

[18] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 107.

[19] The New York Times. 1941. June 24. P. 7.

[20] *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 14.

[21] Подробнее см.: *Парсаданова В.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 30 и далее. Первый польский батальон был сформирован в июле 1941 г. в Могилёве, где временно находилось правительство Белорусской ССР.

[22] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 383.

[23] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 11.

[24] *Исраэлян В.* Указ. соч. С. 30–31.

[25] Английский разведчик и дипломат Б. Локкарт, приставленный к чехословацкому правительству, по этому поводу отметил: «Русские выиграли. Они подписали в полдень 18 июля. Меня попросили привезти Яна Масарика к Идену в 4 ч дня. Ян заехал за мной в 3 ч 45 мин., и под проливным дождем мы отправились в Министерство иностранных дел. Здесь мы были сразу приняты. Иден был один. Мы придвинули свои кресла поближе к его столу. Он улыбался и был в наилучшем расположении духа.

«Сегодня для Вас, Ян, день договоров, — сказал Иден. — Мне известно, что утром Вы уже подписали один. Вот здесь другой» (*Исраэлян В.* Указ. соч. С. 31—32).

[26] Генерал Ш. де Голль, заместитель министра обороны потерпевшей поражение Франции, 17 июня 1940 г. обратился по лондонскому радио к французам с призывом к сопротивлению немецким захватчикам и возглавил движение «Свободная Франция».

[27] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1. 1941—1943. С. 44.

[28] Там же. С. 50.

[29] Там же. С. 50—52.

[30] Подробнее см.: Организация Объединенных Наций. Сб. документов. М., 1981. С. 5—16.

[31] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. С. 47.

[32] Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by W. F. Kimball. L., 1984. Vol. 1. P. 490.

[33] АВП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 30.

[34] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. С. 48.

[35] Там же. С. 50.

[36] Там же. С. 52.

[37] *Levine A.* British, American and Soviet Political Aims and Military Strategies 1941—1945: A Study in the Beginnings of the «Cold War». 1983. P. 772.

[38] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. С. 159.

[39] *Liddel Hart.* History of the Second World War. L., 1970. P. 488; Liddel Hart Centre for Military Archives. 9/31/46.

[40] *Судоплатов П.* Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 173—174; FRUS. 1943. Vol. 3. Washington, 1963. P. 683, 686, 695—697, 698—699.

[41] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 247.

[42] *Erickson J., Dilks D.* Barbarossa. The Axis and the Allies. P. 8.

[43] См.: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondenc / Ed. with commentary by W. Kimball. Princeton, 1984. Vol. 3 Dok. C. 687. R. 560.

[44] История Второй мировой войны 1939—1945: в 12 т. М., 1978. Т. 9. С. 472.

[45] См.: *Winston S.* Churchill by Martin Gilbert. L., 1984. P. 991—1083; *Уткин А.* Черчилль. М., 1997. С. 501.

[46] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. М., 1991. Кн. 3. Т. 5—6. С. 574.

[47] Public Record Office. Cab 120/691. 55911.

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] The Guardian. 1998. Okt.; Правда. 1998. 15 октября.

[51] *Сталин И.* Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 25.

[52] *Кимболл У. Ф.* Семейный круг: послевоенный мир глазами Рузвельта // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 5.

[53] Всероссийская Книга Памяти. 1941—1945. М., 2005. С. 24.

[54] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 120.

[55] Всероссийская Книга Памяти. Обзорный том. С. 49.

[56] Независимое военное обозрение. 1997. № 36. С. 5.

[57] История военной мысли Отечества. М., 2005. С. 140.

[58] История военной стратегии России. М., 2000. С. 329.

[59] История военного искусства. Учебник. М., 1994. С. 358; Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 121.

[60] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 353, 547.

[61] Цит. по: История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 12. С. 34.

[62] Цит. по: *Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. Н.* Критика основных концепций историографии Второй мировой войны. М., 1983. С. 111.

[63] Большая ложь о войне. М., 1971. С. 91.

[64] Там же. С. 93.

[65] Цит. по: *Еремеев Л. М.* Глазами друзей и врагов. М., 1966. С. 228.

[66] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. Кн. 2. С. 202.

[67] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 140–146.

[68] Ленд-лиз — существовавшая во время Второй мировой войны система передачи Соединенными Штатами союзным странам взаймы (lend) или в аренду (lease) вооружений, военных и других необходимых для ведения войны материалов. Полное название закона о ленд-лизе — «Закон по обеспечению защиты Соединенных Штатов».

[69] *Харламов Н. М.* Трудная миссия. М., 1983. С. 71.

[70] Северные конвои 1941–1945 гг. М., 1993. Вып. 1. С. 15.

[71] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 216.

[72] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 209.

[73] *Зорин Л. И.* Особое задание. М., 1987. С. 101.

[74] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 2. С. 31.

[75] Там же. С. 24.

[76] 1 длинная тонна равна 1016 кг, 1 короткая тонна — 907 кг.

[77] История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1980. Т. 11. С. 215–218.

[78] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 421.

[79] Красная звезда. 2006. 26 октября.

[80] Цит. по: *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 626.

[81] *Stettinius E.* Lend-Lease: Weapon for Victory. N. Y., 1944. P. 228–229.

[82] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1984. Т. 2. С. 388–389.

[83] По мнению ряда историков США, поставки по ленд-лизу обеспечили от 7 до 11% промышленного производства в СССР, но убедительных аргументов, подтверждающих эти данные, они не приводят.

[84] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 214.

[85] Северные конвои 1941–1945 гг. С. 5.

[86] *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие победы / Пер. с англ. М., 2000.

[87] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 431.

[88] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 214.

[89] Северные конвои. Архангельск, 1991. С. 53.

[90] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 215.

[91] РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 555. Л. 66–67.

[92] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–31.

[93] См.: *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 430.

[94] Северные конвои 1941–1945 гг. С. 156.

[96] *Фролов М. И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии. СПб., 1944; *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 426, 428.

[97] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. Док. 251.

[98] *Jones J.* My Twenty One Billion Dollars. N. Y., 1959. P. 100.

[99] *Herring J.* Aid to Russia 1941–1946. Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., L., 1973. P. 293.

[100] *Studs T.* The Good War. An Oral History of World Two. N. Y., 1985. P. 34.

[101] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 421.

[102] *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 1975. С. 236.

[103] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 217.

[104] АВП. Ф. 7. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 1–4.

[105] Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949. С. 146.

[106] Цит. по: *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 9.

[107] Там же.

[108] Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сб. документов. М., 1969. С. 12.

[109] См.: Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М., 1943. Вып. 1. С. 9–32.

[110] Правда. 1942. 15 октября.

[111] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 1. М., 1978. С. 364.

[112] Там же.

[113] *Truman Harry S.* Memoirs. Vol. 1. Year of Decisions. N. Y., 1955. P. 284.

[114] *Crossland J.* Churchill: execute Hitler without trial. Newly released government documents from 1942 reveal the war cabinet's debates // The Sunday Times. 2006. 1 January.

[115] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1984. С. 248.

[116] Внешняя политика Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 341.

[117] Там же.

[118] См., например: *Полянский Н. Н.* Суд в Нюрнберге // Советское государство и право. 1946. № 1. С. 47; *Карпец И. И.* Преступления международного характера. М., 1979. С. 25–26; *Тункин Г. И.* Право и сила в международной системе. М., 1983. С. 79; *Звягинцев А. Г.* Прокурор Руденко // Российская газета — Неделя. 2007. 27 июля; *Ямшанов Б.* Зал № 600. Международный трибунал отменил срок давности за преступления фашизма. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым // Российская газета. 2010. 22 ноября.

[119] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 146.

[120] *Картье Р.* Тайны войны. По материалам Нюрнбергского процесса / Пер. с фр. Мюнхен, 1948. С. 6.

[121] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1997. Т. 7. С. 545.

[122] Там же. Т. 1. С. 573.

[123] Там же.

[124] Цит. по: *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1965. С. 16.

[125] Там же.

[126] Устав Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. С. 147–148.

[127] Отто Олендорф — один из руководителей карательной системы Германии, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции, с июня 1941 по июль 1942 г. — начальник айнзацгруппы «D» по уничтожению евреев и коммунистических деятелей преимущественно на территории Южной Украины.

[128] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 8. С. 631.

[129] Там же. Т. 1. С. 148.

[130] Там же.

[131] Там же.

[132] Там же. Т. 8. С. 565.

[133] Там же. Т. 1. С. 152.

[134] Там же. Т. 8. С. 565.

[135] Там же. С. 334.

[136] Там же. С. 528.

[137] Там же. С. 531.

[138] Там же. С. 722–740.

[139] *Елков И.* Тайны Нюрнберга. Интервью заместителя Генерального прокурора Российской Федерации А. Г. Звягинцева Российской газете // Российская газета — Неделя. 2008. 26 июня.

[140] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 8. С. 335.

[141] Там же. Т. 7. С. 673.

[142] Там же. С. 545.

[143] *Неручева М.* Кто убил Рудольфа Гесса // Огонек. 2000. Май.

[144] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. С. 78–79.
[145] *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1983. С. 8.
[146] Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. М., 1995. С. 3.
[147] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 814.
[148] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 8. С. 654.
[149] Там же.
[150] По приказу Г. Гиммлера от 24 марта 1943 г. понятие «латышский легион» стало использоваться в качестве коллективного обозначения для всех латышей, проходивших службу в латышских воинских формированиях, включая полицейские батальоны.
[151] РГВА. Ф. 451. Оп. 6. Д. 96. Л. 221–222.
[152] Г. Маккиндер — британский геополитик, Н. Спайкман — американский геополитик.
[153] A. Eden to A. Kripps. 4 February 1943 // National Archives, Public Records Office (далее — PRO). PREM 4/30/1. См. также: Post-War Settlement. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 1943. 1 July // PRO. PREM 4/30/3.
[154] Очерки истории Министерства иностранных дел России: в 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 296.
[155] Prime Minister for Foreign Secretary. 1944. 16 January / PRO. PREM 3/399/6.
[156] Memorandum for the Secretary of State. September 29, 1944 / National Archives. Record Group 59. Records of H. Notter, 1939–1945.
[157] Soviet Policy in the Balkans. Memorandum by Secretary of State for Foreign Afairs. 4 June 1944 / PRO. CAB 66/51/4.
[158] Prime Minister for Foreign Secretary. 1944. 7 January / Churchill Archive Centre, Churchill Papers 20/179.
[159] Там же. 29 November / PRO. PREM 4/30/8.
[160] *Gorst A.* British Military Planning for Postwar Deence, 1943–1945 / Britain and the First Cold War. Ed. by A. Deighton. L., 1990. P. 96–97.
[161] *Aldrich R.* The Hidden Hand. Britain, America and Cold War Secret Intelligence. L., 2001. P. 56–57.
[162] Library of Congress, W. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 185.
[163] U. S. Position with Regard to General Soviet Intentions for Expansion (6 July 1945) / National Archives, Record Group 165, Exec, file 5, Item 21A; Ibid. Record Group 165, ABC 387 Germany. Sec. 4B.
[164] *Dimitrov G.* Diaries. Sofia, 1997. P. 492.
[165] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. Советско-американские отношения в 1940 гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 371.
[166] Источник. 1999. № 3. С. 102.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Попытки пересмотра итогов войны

В основе единства и стабильности любого современного общества лежит солидарность его граждан, а в основе этой солидарности — принятие и сохранение народом собственной истории. Этот базовый консенсус, если его удается достичь, составляет основу для формирования национальной идентичности.

Последние двадцать лет российской истории дали нашему обществу целый ряд наглядных уроков того, что история народа, сохраняемая и воспроизводимая в виде коллективной памяти, — это сфера национальной безопасности, и надо соответствующим образом к ней относиться. Последствия непрофессиональных, политически ангажированных, предвзятых и безответственных интерпретаций истории могут быть крайне плачевными. Разрушение позитивного образа исторического прошлого СССР в 1980-е и начале 1990-х гг. стало одной из ключевых предпосылок его распада, в результате было подорвано доверие граждан к институтам государства, произошла девальвация общественных ценностей, утрачена историческая перспектива.

История Великой Отечественной войны и победы в современной России остается одним из краеугольных камней национальной памяти, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к повторяющимся попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно происхождения Второй мировой войны, обстоятельств ее развязывания, роли и места Великой Отечественной войны (восточного фронта) в истории XX в.

Несмотря на значительные достижения советской историографии в изучении войны, для историков оставалось немало нерешенных проблем. В литературе не раз отмечалось, что присущее послевоенной советской литературе замалчивание отдельных тем и сюжетов, апологетический подход к оценке деятельности политического и военного руководства, ограничения на работу с архивными материалами и контакты с зарубежными учеными оборачивались определенным снижением уровня исторических исследований[1]. С течением времени все сильнее ощущалась необходимость преодоления зависимости исторических сочинений от объяснений и оценок, заимствованных из официальных партийно-государственных документов.

С 1990-х гг. в отечественной историографии начался новый этап, характеризующийся созданием условий для дальнейшего углубления знаний о войне, возможностью критического

осмысления достижений предшествующего периода. Разнообразие подходов при изучении важнейших проблем и изложении взглядов, освоение российскими историками новых пластов зарубежной литературы в целом положительно сказались на объективном освещении малоизученных страниц Великой Отечественной войны. Наряду с методологическим и идеологическим плюрализмом важнейшей предпосылкой совершенствования представлений стала существенно возросшая источниковая база исследований. Подготовка и публикация десятков сборников архивных материалов значительно облегчили историкам работу над всеми без исключения проблемами истории войны, предоставив возможность детального изучения многих ранее практически не рассматривавшихся сюжетов.

Особым образом следует отметить уникальную серию «Русский архив. Великая Отечественная. Документы и материалы»[2]. Для изучения международных отношений накануне и в годы войны, проблем становления и укрепления международного сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, военного и политического взаимодействия союзников большое значение имела публикация сборников дипломатических документов, в ряду которых первое место принадлежит очередным томам продолжающейся серии МИД России «Документы внешней политики»[3]. Их дополняют материалы ряда тематических сборников; некоторые неизвестные ранее документы публиковались в журналах, приложениях к монографиям и прочее[4].

Первоочередного внимания заслуживает также открытая публикация изданного в 1980-е гг. ограниченным тиражом (для служебного пользования) многотомного сборника «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»[5]. Документы из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации публикуются в еще одной получившей признание серии[6], содержание которой интересно не только специалистам, но и широкой читательской аудитории. Эти и многие другие осуществленные в последние годы публикации архивных материалов[7] обогатили историографию Великой Отечественной войны и способствовали появлению условий для многопланового научного изучения истории войны, исправления и дополнения сложившихся ранее представлений. Кроме того, публикация архивных документов имеет и большую общественную значимость в качестве важнейшего средства разоблачения нередких в современной литературе недобросовестных истолкований и прямых фальсификаций фактов отечественной военной истории.

Первостепенное научное значение имеют подготовка и выпуск фундаментальных научных трудов. Наиболее серьезным достижением советского периода была 12-томная «История Второй мировой войны. 1939–1945», содержание которой и сегодня продолжает сохранять научное значение. В то же время понятно, что расширение источниковой базы не могло не привести к существенной корректировке концептуального осмысления событий Великой Отечественной войны, основанной на новых данных конкретно-исторических исследований, статистическом материале и прочем. Задача подготовки нового обобщающего, комплексного исследования решалась в течение десяти лет (если считать с 1987 г., когда руководством КПСС было принято решение о создании новой 10-томной истории войны). Итогом работы коллектива авторов, ученых институтов РАН (Российской истории, Всеобщей истории, Славяноведения) и Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации стали четыре книги под названием «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки»[8], положительно встреченные научной общественностью[9]. В этом труде предпринята попытка раскрыть основные проблемы войны и дать оценку событий не на идеологических догмах, а на научном исследовании с использованием ранее недоступных архивных документов. Еще одним достижением стали коллективные монографии «Мировые войны XX века» в четырех книгах, изданные при финансовой поддержке резервного фонда Президента Российской Федерации, и труд «Война и общество в XX веке» в трех книгах, опубликованные издательством «Наука»[10].

В то же время история Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом остается крайне мифологизированной в общественном сознании. Это объясняется целым комплексом причин, главной из которых является особая роль памяти о войне в общей

структуре социальной памяти народов бывшего Советского Союза. В период существования СССР война была интерпретирована как испытание на прочность всех систем жизнеустройства, сложившегося с 1917 г. Страна этот экзамен выдержала. Важнейшие события войны, начиная от трагического дня 22 июня 1941 г., через Дубосеково, Сталинград, Прохоровку и заканчивая взятием Рейхстага, а также имена ее главных героев вошли в коллективную память как скрепляющие народное единство символы. Победа над фашизмом активно использовалась официальной пропагандой и рассматривалась как доказательство прочности, жизнестойкости социалистического строя, правильности политики модернизации страны, проводившейся коммунистической партией после Гражданской войны.

В конце 1980-х гг. в отечественной историографии началась дискредитация всего того, что ранее рассматривалось как незыблемые ценности. В том числе велась пропаганда, направленная на подрыв тезиса о том, что победа была одержана благодаря советскому общественно-политическому устройству, плановой экономике, особой роли коммунистической партии. Не благодаря, а вопреки — вот основная идея начатой кампании, конкретное содержание которой варьировалось в зависимости от материала, на котором строилась аргументация[11]. В этот период в историографии Великой Отечественной войны происходило становление направления, основными тезисами которого являются утверждение о фальсифицированности всей советской военной историографии и утверждение необходимости «переосмысления» (ревизии) ее основных положений как единственного средства приближения к «правде истории». Его представителей характеризует настойчивое стремление предложить общественному сознанию принципиально иной взгляд на историю Великой Отечественной войны, нежели тот, который выработала советская историография. Подчеркнем: речь идет не об исправлении и дополнении сложившихся концептуальных представлений, закрытии тех или иных «белых пятен», а о кардинальном перетолковании ключевых событий войны, приписывании им иного, отличного от устоявшегося, смысла.

Выделяя основные направления, по которым наблюдается стремление «подправить» историю Великой Отечественной, специалисты отмечают прежде всего тенденцию возложить на Советский Союз ответственность за развязывание Второй мировой войны, попытки принизить вклад Советского Союза в разгром фашизма, нападки на решения Ялтинской конференции, главным образом касающиеся Польши и других стран Восточной Европы и раздела сфер влияния между Советским Союзом, США и их союзниками, умаление полководческого таланта советских военачальников, сопровождающееся стремлением преувеличить потери Красной армии как в отдельных сражениях, так и в войне в целом[12]. В числе тех сюжетов, при освещении которых «в наибольшей степени просматривается стремление подправить историю в антироссийском духе»[13], прежде всего называются те, что связаны с причинами и предысторией Второй мировой войны. В первую очередь наблюдается стремление свести их к советско-германскому договору о ненападении 23 августа 1939 г., замолчав при этом роль и значение Мюнхенского соглашения с точки зрения причинно-следственных связей, и возложить тем самым ответственность за возникновение войны на И. В. Сталина и Советский Союз[14].

Безусловно, к настоящему времени в отечественной историографии произошла существенная корректировка осмысления событий кануна и первого этапа Второй мировой войны, основанная на новых данных конкретно-исторических исследований, статистическом материале и прочем. Сегодня историки предпочитают рассматривать противоречия между ведущими мировыми державами через призму геополитики, исследующей роль природно-географического фактора в формировании политики и военной стратегии государств[15]. Эта тенденция сочетается с постепенным освоением теоретического наследия историков и философов, чьи идеи лежат в русле так называемого цивилизационного подхода. Если в ориентированной на постулаты исторического материализма советской историографической традиции европейский фашизм выступал прежде всего как реакция эксплуататорских классов на рост рабочего и национального движения в мире, как «ударная сила империалистической реакции», то в данном случае в центре исследования оказываются социальные

и культурологические аспекты этого явления. Фашизм и национал-социализм в Германии предстают как порождение определенной культурной традиции, плод культуры и философии Запада. Цели Германии в отношении Советского государства далеко выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры русского и других народов СССР, физическое истребление народов Восточной Европы. Десятилетиями складывавшийся в Германии «образ врага» включал представления о вечности борьбы германцев против славян, культурном призвании и праве европейцев господствовать на Востоке. В этой системе координат Советский Союз (Россия) рассматривался как законная добыча западноевропейских держав, которым предстояло «закончить войну», расчленив СССР и установив над его народами свое колониальное господство.

Игнорирование этих обстоятельств, сведение сути мирового конфликта середины XX в. к столкновению «нацизма с большевизмом» с точки зрения современных научных представлений выглядит поверхностным. В то же время характерной особенностью предлагаемого «переосмысления» является акцент именно на идеологическую составляющую международных отношений. Распространение получило представление о том, что главным содержанием мировой истории после Первой мировой войны была борьба «за либеральную демократию» против двух тоталитарных идеологий — фашизма и коммунизма (сформулированное главным образом в англоязычной литературе в период «холодной войны»). Тезис о тождестве гитлеризма и большевизма, «родстве» Третьего рейха и «сталинского» СССР в 1990-е гг. активно использовался в отвечавшей определенному политическому заказу публицистике и внедрялся в общественное сознание. Прежде всего внимание обращалось на поверхностное сходство использовавшихся технологий легитимации политического порядка, в том числе репрессивных мер, способов взаимодействия государственного и партийного аппарата и прочего. Утверждение подобных взглядов в историографии происходило за счет привлечения исторического материала, относящегося к периоду 1939–1941 гг., в первую очередь советско-германских договоренностей лета — осени 1939 г. и прилагавшихся к ним секретных протоколов. Эти и другие события интерпретировались как подтверждение внутреннего сходства «тоталитарных режимов», сначала сотрудничавших, а затем столкнувшихся из-за обоюдных агрессивных устремлений. В результате во многих современных историко-публицистических сочинениях в разных вариациях повторяются обвинения СССР в экспансионизме, обусловленном либо стремлением к мировой коммунистической революции, либо «имперскими амбициями» сталинского руководства. В этом контексте в 1990-е гг. повторялись попытки ревизовать историческую ответственность Германии за нападение на СССР, распространялись выдумки о подготовке в 1941 г. Советским Союзом нападения на Германию[16].

Отдельного замечания заслуживает концепция тоталитаризма, широко использовавшаяся в 1990-е гг. в качестве универсального объяснения сталинского периода российской истории. Современные историки предупреждают о ее ограниченности как средства научного познания и обращают внимание на ее чрезмерную политизацию в США и Западной Европе. Дискуссии последних лет убедили многих специалистов, что теория тоталитаризма основана на рефлексии двух войн, Второй мировой и холодной, и противоречит многим постулатам методологии истории. В частности, она рассматривает те или иные политические режимы не в динамике, а в статике, не давая картины изменений внутри общества, и совершенно не нацелена на выявление специфики диктатур в различных странах мира. Применение концепции тоталитаризма к политическим режимам Германии и СССР игнорирует проблему их существования в принципиально различающихся социумах[17]. «Тоталитаризм не может претендовать на звание созревшей объяснительной теории или даже модели, — делает вывод профессор университета Торонто Дж. Кип, — в лучшем случае, это наводящая на размышление концепция, требующая проверки исторической реальностью»[18].

Большинство современных отечественных специалистов, опираясь на достижения предшественников, развивают реалистический взгляд на достижения и просчеты советской внешней и внутренней политики в 1930-е гг., в то же время подчеркивая незаинтересован-

ность советского руководства в обострении международной обстановки. Это связывается с тем, что в межвоенный период возникла реальная угроза объединения наиболее развитых в экономическом отношении держав против СССР. Важнейшая задача советской внешней политики в 1920—1930-е гг., таким образом, заключалась в том, чтобы найти союзников, предотвратить сплочение могущественных противников на антисоветской платформе и не допустить (или, по крайней мере, максимально отсрочить) вступление страны в войну[19]. Этот подход методологически основан на представлениях о конфликте национально-государственных интересов как основной пружине международных отношений в Новое и Новейшее время и является в общем традиционным для отечественной историографии внешней политики СССР. По мнению большинства современных специалистов, советская внешняя политика формировалась под влиянием тех базовых геополитических императивов, которые действовали на протяжении столетий российской истории, изменение же общественно-политического строя сказалось главным образом на идеологическом и пропагандистском обосновании тех или иных конкретных акций.

Альтернативная точка зрения очевидным образом напоминает догматические представления о борьбе коммунизма и капитализма как о «главном противоречии эпохи». В ее основе лежит идеологизация внешнеполитических интересов как противостояния «светлого» и «темного» начал — цивилизации и прогресса в лице «демократии» против отсталости и варварства в лице «тоталитаризма». В данном случае налицо «теологизация собственного исторического проекта, отождествление его с некими общечеловеческими идеалами, которые позволяют выставлять даже преемственные интересы как борьбу за некие вселенские моральные принципы, а соперника — врагом света»[20].

В наиболее серьезных трудах последнего времени эти представления безоговорочно отвергаются, прежде всего по причине их методологической узости и очевидного несоответствия всему комплексу накопленного в науке документального материала[21]. Утверждение о равнозначности советско-германских политических и экономических контактов тем дипломатическим и иным шагам, которые предпринимались в интересах создания системы коллективной безопасности (заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи и прочее), является ошибочным и не может быть обосновано без разного рода натяжек, умолчаний и другого насилия над историческим материалом. Тем более что в последние годы историкам стали известны дополнительные документальные свидетельства, подтверждающие серьезность намерений руководства СССР заключить союз с участием Великобритании и Франции (например, «Дневник» Г. И. Димитрова, «Дневник» И. М. Майского и другие) и подчеркивающие приоритетность именно этого направления во внешней политике Советского Союза на протяжении всего периода 1930-х гг.[22]

Одним из конкретных воплощений тенденциозных идеологизированных подходов стало отношение историков к советско-германским договоренностям 1939 г. и тем внешнеполитическим акциям СССР, которые были предприняты после их заключения. Авторы, осуждавшие действия советского руководства, чаще всего либо вовсе уклонялись от рассмотрения вопроса о соответствии советского внешнеполитического курса накануне Великой Отечественной войны национально-государственным интересам СССР, либо декларировали наличие ценностей более высокого, «общечеловеческого» уровня, в жертву которым, по их мнению, должны были быть принесены интересы Советского Союза, вплоть до государственного суверенитета[23].

Однако за истекшие десятилетия не удалось с достаточной степенью убедительности обосновать выдвинутое на рубеже 1990-х гг. утверждение о том, что И. В. Сталин пошел на заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г. не в результате срыва англо-франко-советских переговоров, а сознательно выбрав этот вариант в расчете на территориальные приобретения и прочие выгоды[24]. Тем более неубедительными выглядят примитивные обвинения Советского Союза и лично И. В. Сталина в стремлении к «разделу мира» с Германией уже начиная с Рапалльского договора 1923 г.[25] В сущности, тезис о том, что заключение пакта Молотова — Риббентропа было предопределено тоталитарной сущностью

сталинского и гитлеровского режимов, является мифом, не имеющим под собой серьезного научного обоснования.

В непосредственной связи с рассмотренными выше проблемами находится обвинение руководства СССР в «провоцировании» Второй мировой войны и подготовке нападения на Германию, результатом которого стала бы «советизация» Европы или ее части. Введенные в 1990-е гг. в научный оборот новые архивные материалы дали возможность ряду отечественных и зарубежных историков и публицистов инициировать дискуссию вокруг проблемы «внезапности» нападения Германии, подготовки Советского Союза к «наступательной войне» или к нанесению «упреждающего удара»[26].

Профессор Боннского университета Г. А. Якобсен в одном из своих интервью сказал: «...из многочисленных архивных материалов и из личных бесед с самим Гальдером я вынес убеждение, что Гитлер вовсе не исходил из того, что «русские окажут немцам любезность», напав первыми»[27]. Другой известный немецкий историк — И. Цукерторт сделал вывод о том, что гитлеровская «выдумка о превентивной войне преследовала две цели: во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую-то видимость морального оправдания, во-вторых, спекулируя на антикоммунизме, попытаться привлечь на свою сторону западные державы в качестве союзников для разбойничьего «похода на Восток»[28].

Во время Нюрнбергского процесса многие немецкие генералы, в частности Ф. Паулюс и Г. фон Рундштедт, признали, что никаких данных о подготовке Советского Союза к нападению у них не имелось, а бывший руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче заявил, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в развязывании этой войны повинна не Германия, а Советский Союз», несмотря на то что «никаких оснований к тому, чтобы обвинить СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было»[29].

Таким образом, на основе изучения архивных материалов российские и зарубежные историки достаточно давно пришли к вполне определенным выводам. С самого начала планирования Германией войны против СССР она последовательно и неуклонно готовилась к агрессии против Советского государства, ставшей фактом 22 июня 1941 г. Что же касается возможных ответных действий СССР, то в оперативно-стратегическом планировании германского военного командования вариант наступательных действий Красной армии в расчет даже не принимался. Ни А. Гитлер, ни другие представители нацистского руководства не верили в возможность нападения Советского Союза на Германию и не располагали ни дипломатическими, ни агентурными сведениями на этот счет. Не случайно германскому правительству пришлось впоследствии изрядно поломать голову над тем, как обвинить СССР в «нелояльности» и подготовке «удара в спину» Германии «во время ее смертельной схватки» с Англией[30].

Вопрос о характере германского нападения на СССР можно считать закрытым — это была неспровоцированная агрессия. Тем не менее некоторые авторы не считают немецкую оценку советских военных приготовлений адекватной реальному положению дел. По их мнению, нацистское политическое руководство, генералитет и спецслужбы ошибались, расценивая приготовления Советского Союза к войне как оборонительные, в то время как в СССР замышляли «освободительный поход» в Европу и вели подготовку к нападению на Германию уже летом 1941 г.[31] Таким образом, пусть и допустив весной 1941 г. ошибку относительно ближайших намерений И. В. Сталина, нацисты в целом оказались правы, и их война против СССР в широком смысле должна рассматриваться как превентивная. Для придания этой точке зрения правдоподобности используются рассекреченные в начале 1990-х гг. документы советского предвоенного военно-стратегического планирования, а также материалы пропагандистской подготовки к будущей войне.

Не подлежит сомнению, что агрессия Германии против СССР являлась реализацией программной установки А. Гитлера на завоевание «жизненного пространства» на востоке Европы и уничтожение Советского Союза как национально-государственного формирования и социальной системы. Обвинение Советского Союза о его «намерении с тыла атаковать

Германию» прозвучало из уст официальных представителей нацистской Германии уже летом 1941 г., сразу после нападения на СССР. В заявлении посла В. Шуленбурга советскому правительству, а также в меморандуме, врученном 22 июня 1941 г. советскому послу в Берлине, говорилось: «Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»[32]. Кроме того, такое объяснение причины решения начать войну против СССР было озвучено А. Гитлером в обращении к немецкому народу.

После войны в работах некоторых бывших генералов и офицеров вермахта, а также чиновников Третьего рейха, стремившихся оправдать свое участие в подготовке и осуществлении плана «Барбаросса», тезис о превентивном характере гитлеровского нападения был повторен. На допросе 17 июня 1945 г. начальник штаба при ставке верховного главнокомандования вермахта А. Йодль заявил: «Существовало политическое мнение, что положение усложнится в том случае, если Россия первой нападет на нас. А поскольку раньше или позже, но война с ней неизбежна, нам лучше самим выбрать время для нападения»[33]. Германия в выступлениях этих авторов рисовалась как «хранительница Европы», «барьер против распространения коммунистического панславизма»[34]. Утверждалось, будто бы И. В. Сталин был намерен завоевать всю Европу, и если бы Красная армия и не напала на Германию в 1941 г., то непременно сделала это позднее, поэтому «решение Гитлера начать превентивную войну в целях сдерживания советской экспансии» получило поддержку. Таким образом, в понятие превентивности военно-политическим руководством Германии вкладывался более широкий смысл, не сводимый к проблеме подготовки Советским Союзом «упреждающего удара».

Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, — спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г., но это еще отнюдь не означает, что И. В. Сталин непременно напал бы на Германию. Мощь Красной армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского Союза.

К числу наиболее дискуссионных проблем, связанных с началом Великой Отечественной войны, относятся вопросы о степени готовности Советского Союза к войне, причинах поражений Красной армии в июне 1941 г. и ответственности за это советского политического и военного руководства.

Начиная с доклада Н. С. Хрущёва XX съезду КПСС, одной из главных причин поражений Красной армии в начале войны принято считать репрессии 1937–1939 гг. Значительная часть командно-начальствующего состава была уволена из РККА и арестована. Однако считать, будто в результате репрессий был утрачен весь «офицерский корпус» Красной армии или хотя бы его половина, нельзя. Для объективной оценки этой трагической страницы советской истории нужно иметь в виду, что к 22 июня 1941 г. численность командного и начальствующего состава Красной армии составляла около 450 тыс. человек. Некоторые публицисты и историки, как правило, апеллируют к тому, что в результате репрессий Красная армия была лишена наиболее подготовленных кадров. Так ли это? Данные об уровне подготовки военных кадров перед войной свидетельствуют о неуклонном росте числа офицеров, имевших высшее военное образование. Перед началом репрессий академическое образование имели 29% представителей советского высшего командного состава (генералитета), в 1938 г. — 38%, а в 1941 г. — уже 52%[35]. Не отрицая, что репрессии нанесли ущерб подготовке нашей страны к возможной войне, следует все же отметить, что историкам до сих пор не удалось на конкретном материале показать, какое влияние оказали репрессии на ход вооруженного противоборства после 22 июня[36].

Современные военные историки, опираясь на анализ хода сражений начального периода Великой Отечественной войны, в качестве главной причины поражения Красной армии на-

зывают вовсе не репрессии. Прежде всего немецкому командованию посредством тщательно спланированной кампании по дезинформации удалось сохранить свои приготовления в тайне и до середины июня поддерживать у советского руководства иллюзию, что начало конфликта удастся оттянуть посредством дипломатических переговоров. В то же время сдерживающее влияние на советские военные приготовления оказывали и стратегические соображения: если бы А. Гитлеру удалось выставить Советский Союз виновником конфликта, это могло бы, как опасались в Москве, стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Таким образом, к настоящему времени в освещении причин поражения Красной армии в начале Великой Отечественной войны достигнут определенный прогресс, заключающийся в конструировании рационального объяснения действий советского руководства накануне 22 июня 1941 г. при отказе от ссылок на «необъяснимую слепоту», «маниакальную уверенность» И. В. Сталина (или упрямство, глупость и тому подобные факторы), что было свойственно советской историографии со времен «разоблачения культа личности», а затем значительно усилено в 1980–1990-е гг. Методология использовавших подобные модели объяснения авторов не заходила дальше сведения причин поражений 1941 г. к существовавшему тогда в СССР политическому режиму — «системе личной власти», при которой, дескать, только и возможны подобные «необъяснимые» просчеты. Этот путь представляется бесперспективным: очевидно, что ссылки на политический режим в данном случае ничего объяснить не могут, прежде всего потому, что принятие решений такого рода в любой стране и при любом режиме является прерогативой узкого круга высших руководителей государства. Любителям же исторических параллелей достаточно вспомнить, что демократический режим не помог Франции избежать разгрома в 1940 г., как не помогла демократия Соединенным Штатам Америки избежать катастрофы в Пёрл-Харборе, несмотря на предупреждения разведки.

Что касается других причин трагического начала войны, то специалисты обращают внимание на незавершенность программы перевооружения Красной армии (рассчитанной минимум до 1942 г.), недостатки организационной структуры ВВС и механизированных соединений. Предпринимая в 1940 г. масштабную реорганизацию, руководство страны и командование РККА, судя по всему, не учитывали вероятности вступления СССР в войну уже в следующем году. Не имея возможности обеспечить армию вооружением и материальными средствами в соответствии с установленными штатами и должным образом оборудовать театр военных действий, командование Красной армии тем не менее под влиянием изменившейся обстановки не сумело внести изменения в порядок реорганизации и привести количество соединений и их штатную численность в соответствие с имевшимися в наличии техническими средствами. Одним из следствий этого стала недостаточная обученность личного состава подразделений всех родов войск. Вынужденная экономия горючего и боеприпасов, нехватка ремонтной техники и средств подвоза горючего, недостаток средств связи не давали возможности в должной мере подготовить танкистов и летчиков, отработать взаимодействие частей на поле боя и их обеспечение в полевых условиях. Эти факторы не могли не сказаться негативным образом после начала войны[37].

Одной из наиболее политизированных является проблема коллаборационизма граждан Советского Союза в годы Второй мировой войны. Основные трактовки, искажающие суть данного явления и его масштабы, восходят к нацистской пропаганде времен Второй мировой войны и преимущественно представлены на страницах изданий, так или иначе связанных с эмигрантскими кругами и организациями, созданными при активном участии бывших участников власовского движения (НТС, журнал и издательство «Посев» и прочие). Сотрудничество в годы войны части граждан СССР с нацистами объясняется прежде всего идеологическими причинами: неприятием сталинского режима и «социалистического эксперимента». Численность коллаборационистов всячески преувеличивается, в то же время замалчивается беспрецедентный характер принуждения советских граждан к коллаборационизму со стороны оккупантов в нарушение всех норм и обычаев войны. Вынужденное сотрудничество советских

граждан с врагом подается как проявление некоего «антисталинского протеста». Тем самым власовское движение получает моральное оправдание, а русофобская сущность нацистской политики затушевывается[38]. Эти трактовки служат основанием для отрицания правомерности названия «Отечественная война» применительно к войне СССР против Германии.

Ложность указанной концепции, ее крайняя идеологизированность и тенденциозность не вызывают сомнений. Они основаны на ряде подтасовок: во-первых, термин «коллаборационизм», традиционно используемый для обозначения добровольного, прежде всего политического сотрудничества с врагом, необоснованно применяется в данном случае для обозначения любого, в том числе вынужденного взаимодействия с оккупантами; во-вторых, в результате этой подмены происходит необоснованное увеличение численности коллаборационистов; в-третьих, в свою очередь, раздувание масштабов явления служит затем одним из обоснований тезиса о его «закономерности» и обусловленности внутренними пороками советского строя[39].

Виноватыми в трагедии сотен тысяч людей, оказавшихся во власти оккупационного «нового порядка», таким образом, оказываются не нацисты, отказавшиеся для достижения победы в войне от соблюдения каких бы то ни было правил войны, моральных норм и проводившие политику геноцида на оккупированных территориях, а И. В. Сталин и его режим. Вот как рассуждают некоторые авторы, приводя цифровые данные (разумеется, максимальные из тех, что можно почерпнуть из исторической литературы): «Никогда в русской истории такое количество русских людей не сотрудничало с врагом. В докладах об Отечественной войне наших лидеров хотелось бы услышать, что это И. В. Сталин, советская власть, большевистская партия и госбезопасность довели сотни тысяч граждан своей страны до самого страшного в жизни человека — до готовности сотрудничать с врагом России»[40]. Особенности «исследовательского метода» сторонников данной точки зрения заставляют высказать предположение о сознательной манипуляции. При истолковании источников в данном случае используется один и тот же прием: любое отраженное в документах (письмах солдат, материалах советской цензуры, документах особых отделов НКВД и военной прокуратуры) проявление недовольства военнослужащих Красной армии рассматривается как свидетельство наличия «протестного настроения» в обществе, направленного против советского строя — «сталинской системы несвободы»[41]. Используя такую «методологию», можно действительно подверстать к «антисталинскому протесту» сотни тысяч людей. Характерно, что необоснованность такого представления подчеркивается и в немецкой научной литературе. «Утверждение, что в целом от 800 тыс. до 1 млн советских граждан, которые в той или иной форме делали это сознательно, по политическим убеждениям выступая против советского руководства, проходит мимо исторических реальностей», — пишет, например, специалист по истории военного плена К. Штрайт[42].

Важнейшей предпосылкой коллаборационизма граждан СССР явился особый характер войны, которую вела нацистская Германия против Советского Союза. Антибольшевистские и антисталинские лозунги были лишь прикрытием нацистских планов и предназначались для того, чтобы облегчить их реализацию, расколов советское общество и дезориентировав Красную армию. Кроме того, гитлеровцами делалась ставка на разобщение и стравливание между собой народов СССР по национальному признаку. Представители национальных меньшинств подвергались пропагандистскому воздействию, призванному возбудить в них националистические чувства и противопоставить их русским как государствообразующей нации[43]. Беспримерная жестокость оккупантов и сознательное нарушение ими законов и обычаев войны, выразившиеся в масштабном принуждении советских граждан к коллаборационизму, — именно это и создало условия для широкого вовлечения людей, в том числе военнопленных Красной армии, в сотрудничество с врагом в разнообразных формах.

Сегодня оправдание А. А. Власова и власовцев гораздо опаснее для национального самосознания, чем любое благостное мифотворчество по поводу выдающейся роли в отечественной истории И. В. Сталина, Л. И. Брежнева или даже Л. Д. Троцкого. Оправдание

власовцев провоцирует оправдание коллаборационизма как такового и явно или неявно подводит к оправданию гитлеровской войны на уничтожение против СССР.

Еще одной темой, изрядно мифологизированной в современном массовом сознании, является история создания и применения штрафных частей и заградотрядов. В данном случае некоторые авторы преследуют цель обосновать тезис о том, что успехи Красной армии на фронте были обусловлены прежде всего масштабностью карательных мероприятий, проводившихся в годы войны для «принуждения к героизму» советских солдат и офицеров. Внушается, что без этой системы принуждения советский народ был не в состоянии защитить свою Родину, более того, массовое дезертирство и отказ солдат воевать «за Сталина» вызвал бы развал армии и дезорганизацию тыла. В конечном счете преувеличение роли штрафных частей и заградотрядов служит задаче развенчать войну как Отечественную, представить ее столкновением двух тоталитарных режимов, жертвами которых оказались немецкий и русский народы.

Такой подход являлся традиционным для части создававшейся в годы «холодной войны» на Западе историко-публицистической литературы о Второй мировой войне, где стойкость и мужество советских воинов нередко объяснялись страхом перед «железной дисциплиной комиссаров» и «расстрельными командами». В то же время он идеологически перекликается с содержанием нацистской пропаганды времен войны, также широко использовавшей образ бесчеловечных евреев-комиссаров и бойцов заградотрядов, якобы силой гнавших русских солдат «на убой» ради И. В. Сталина и его друзей, англо-американских капиталистов[44]. И тогда, и сегодня в качестве примера жестокости советского командования в первую очередь приводится приказ народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г., известный как «Ни шагу назад!». Однако соблюдение принципа историзма, помещение этого и других документов той эпохи в широкий исторический контекст немедленно выявляет тенденциозность такой их интерпретации. Было ли нечто «новаторское» в самой постановке вопроса: запрете частям отступать без приказа? Очевидно, в любой армии оставление солдатом своего поста, воинской частью своей позиции без приказа вышестоящего командира рассматривается как чрезвычайное происшествие, в условиях военного времени — как преступление. В России эта норма была закреплена в воинских уставах в период создания регулярной армии. Вот примеры из документов Петра I: «...никто из господ генералов с места баталии прежде уступать не имеет, пока он от своего командира к тому указ не получит. Кто же место свое без указу оставит, или друга выдаст, или бесчестный бег учинит, то оный будет лишен и чести, и живота»; «...есть ли какою причиною или множеством назад пожмут, и тогда отнюдь не должен никто бегать назад, но стоять до последнего человека как доброму солдату надлежит под наказанием смерти, так же и во время бою приказано задним стрелять из пушек и из ружья по тем беглецам без всякого милосердия». Есть ли принципиальное отличие подхода к проблеме Петра I от содержания приказа «Ни шагу назад!»?

Несостоятельность в искажении истории штрафных частей и заградотрядов доказывается рассекреченными в последние годы архивными документами. Представление о масштабах репрессий дает следующая статистика: например, в период с 1 октября 1942 по 1 февраля 1943 г. в частях Донского фронта были арестованы 203 «паникера и труса», из которых расстреляны 49 человек, направлены в штрафные подразделения 139 человек. Еще 120 человек, по данным особого отдела фронта, были расстреляны «перед строем по постановлениям особых органов». Много это или мало? Для сравнения: численность войск Донского фронта к началу Сталинградской наступательной операции составляла 307,5 тыс. человек. Что касается штрафных частей, то известно, что с сентября до конца 1942 г. в штрафные роты и батальоны Красной армии были направлены 24 993 человека. Общая же среднемесячная списочная численность личного состава действующих фронтов в четвертом квартале 1942 г. составляла 6343 тыс. человек. Численность штрафных частей не позволяет говорить о них как о факторе, оказавшем хоть сколько-нибудь существенное влияние на ход и результаты военных действий. Что касается заградотрядов, то историкам неизвестны случаи (и подтверждающие их архивные документы), когда они стреляли бы по своим войскам[45].

Еще одной темой, подвергающейся настойчивой мифологизации не только на Западе, но и в нашей стране, является освободительная миссия Красной армии в Европе. В данном случае основным направлением фальсификации является создание негативного образа Красной армии как банды насильников и убийц, учинившей в Европе массовые насилия над мирным населением освобожденных стран, прежде всего Германии. Ставшие достоянием гласности отдельные факты совершенных военнослужащими Красной армии преступлений против мирных жителей Германии неправомерно выдаются за типичные, характеризующие поведение советских солдат в целом. Сам факт того, что военнослужащими советской и других союзных армий совершались убийства, грабежи, насилия над женщинами, никто из историков не отрицает. В нашей стране опубликованы документы, содержание которых не оставляет сомнений: неизбежные спутники любой войны — преступления против мирных жителей имели место. Проблемы связаны с интерпретацией этих фактов, оценками и выводами, которые делаются на их основе. Историки нередко сталкиваются с нарочитым стремлением ряда авторов к обличению именно воинов Красной армии, из-за чего создается впечатление, что бесчинства в отношении мирных жителей чуть ли ни характерная черта поведения советских военнослужащих, объяснить которую можно лишь ссылками на искалеченные «сталинским тоталитаризмом» души или особое «азиатское варварство». Именно так подается эта проблема в книге британского историка Э. Бивора, по логике которого символом советской армии-освободительницы должен был стать солдат с горящим факелом, выбирающий себе жертву среди укрывшихся в темном бункере немецких женщин. В качестве иллюстрации приводятся почерпнутые из некоторых источников факты[46]. Но правомерно ли подавать их как проявление чего-то особенного, исключительного, характеризующего поведение главным образом советских военнослужащих? Доступные историкам материалы, напротив, свидетельствуют о том, что данные случаи не носили массового характера. При этом советское командование предпринимало немало усилий для поддержания дисциплины и пресечения случаев мародерства и насилия, и попытки представить дело иным образом являются злонамеренной ложью. Всего за жестокое отношение к мирному населению, в том числе изнасилование, были преданы суду военного трибунала 4148 советских военнослужащих. Это соответствует числу солдат союзников, попавших под военный трибунал за изнасилования в 1944–1945 гг.[47]

Нетрудно убедиться, что в западных зонах оккупации командованию союзных армий также приходилось прилагать усилия для предотвращения и пресечения бесчинств своих военнослужащих в отношении мирного населения. В Штутгарте французскими частями были изнасилованы 1198 женщин, в Виллингене — 500[48]. С особой жестокостью обращались с населением американские солдаты на Востоке, что признавал даже генерал Д. Макартур.

На основе «клиповой» подборки образов ряд современных авторов делает выводы, лживые от начала и до конца. Например, некоторые из них заявляют: «Сталин принял решение изгнать немцев... Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами... бежали, ползли на запад»[49]. Эту «гипотезу» нельзя подкрепить документальными доказательствами: таких документов нет. Сопоставление содержания приказов гитлеровцев, провоцировавших и прямо предписывавших бесчеловечное отношение солдат и офицеров вермахта к советским людям, и приказов советского командования исключает возможность какого-либо уподобления поведения немецких оккупантов в России и советских солдат-освободителей в Германии. Так, в директиве Ставки ВГК от 20 апреля 1945 г. содержался приказ «изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше». На основании этого приказа были приняты меры для предупреждения бесчинств в отношении мирного населения[50]. Документы военных советов фронтов и армий свидетельствуют, что наряду с разъяснительной работой в частях советское командование широко использовало и карательные меры, виновные привлекались к ответственности.

Отдельного разговора заслуживает проблема людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. Без сомнения, эта тема остается одной из центральных для любого

публицистического материала «обличительного» характера. Крайняя тенденциозность при обращении к ней проявляется, как правило, в стремлении того или иного автора кощунственно говорить о жертвах, понесенных народами СССР ради свободы и независимости своей Родины, в рыночных категориях «цены» и «качества оказанных услуг».

Преувеличение размеров потерь, сопровождающееся рассуждениями о «чрезмерной цене» одержанной победы, направлено на дискредитацию советских полководцев, в первую очередь маршала Г. К. Жукова, и на создание в общественном мнении его образа как «мясника». Шире — на дискредитацию советской политической системы, якобы неспособной к эффективным действиям ни в экономической, ни в социальной, ни в военной сферах. Лейтмотивом при этом является мысль, что огромные людские потери нашей страны объясняются прежде всего «пренебрежительным и неряшливым» ведением войны, «грубейшими ошибками как партийного руководства страны, так и военного»[51], а вовсе не силой и опытом противостоящего нам врага.

В настоящее время историки располагают основательной документальной базой для изучения данной проблемы, и за последние двадцать лет специалистами проведено немало научных исследований, результаты которых опубликованы[52], в том числе и в настоящем труде. Тем не менее в некоторых средствах массовой информации до сих пор продолжают тиражироваться сведения, дезориентирующие широкую общественность. Полученные в результате многолетней работы отечественных демографов и военных историков данные объявляются «псевдопатриотической пропагандой», а обществу внушается мысль, будто людские потери СССР до сих пор не подсчитаны и сделать это невозможно, так как современные российские власти якобы заинтересованы в сокрытии правды. В результате появляется возможность внедрения в общественное сознание мифа о том, что причиной победы нашей страны в Великой Отечественной войне было численное превосходство и равнодушие советских полководцев к сбережению жизни солдат, популяризация объяснений по типу «трупами завалили».

Результаты исследований отечественных демографов за последние двадцать лет не раз прошли независимую экспертную проверку, в том числе и зарубежными специалистами, и признаны вполне обоснованными. То же самое можно сказать о потерях Красной армии: результаты статистического исследования, выполненного в Генеральном штабе Вооруженных сил Российской Федерации, приняты сообществом специалистов-историков как надежная база для дальнейшего уточнения названных цифр.

Немало усилий приложили политики и недобросовестные исследователи ряда стран, как бывших советских союзниц, так и противников, для искажения причин и значения вступления СССР в войну против Японии, явившуюся логическим продолжением Великой Отечественной войны советского народа за обеспечение территориальной целостности, безопасности и суверенитета своей страны и оказание интернациональной помощи союзникам в разгроме дальневосточного агрессора и народам Восточной Азии в борьбе за свою свободу и независимость.

Антинаучный, политико-идеологический тон в этом деле задал не кто иной, как американский президент Г. Трумэн, в свое время вслед за скончавшимся 12 апреля 1945 г. Ф. Рузвельтом весьма настойчиво добивавшийся на Потсдамской конференции вступления Советского Союза в войну против Японии (в частности, в беседе с И. В. Сталиным 17 июля 1945 г. в период Потсдамской конференции руководителей трех великих держав он на основании тщательного анализа обстановки с членами Объединенного комитета начальников штабов вновь подтвердил, что «США ожидают помощь от Советского Союза»)[53], безапелляционно заявив в 1947 г., что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией»[54]. С тех пор в западной, в первую очередь американской историографии стали появляться разного рода теории и версии, призванные фальсифицировать военно-политические события Второй мировой войны на Востоке. В последнее время и некоторые «новые западники», в частности польские историки, помогают ей в этом[55]. Был принят на вооружение целый арсенал аргументов, принижающих роль советско-германского фронта и влияние его на ситуацию на других фронтах коалиционной Второй мировой войны, перечеркивающих

решающее значение операций Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке для завершения в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями разгрома Японии, доказывающих «исключительные» заслуги американских вооруженных сил в разгроме и принуждении Японии к капитуляции.

Что касается непосредственной роли Советского Союза в принуждении Японии к миру, то западные историографы стараются ее или исказить, или не заметить, или принизить. Американские, английские историки, а вместе с ними и гоминьдановские на Тайване нередко идут на прямую фальсификацию. Известно, что участие Советского Союза в войне против Японии было обусловлено неоднократными просьбами руководителей союзных государств, особенно на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Они мотивировали это недостатком собственных сил и средств, трудностями войны с Японией, особенно на континенте и в метрополии, что повлекло бы многомиллионные человеческие жертвы. По весьма взвешенным оценкам союзников, война на Востоке могла затянуться еще по крайней мере на полтора-два года, и она унесла бы жизни не менее 1,5 млн солдат и офицеров их армий, а также около 10 млн жизней японцев. А по прогнозам многоопытного главнокомандующего вооруженными силами союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре войны американского генерала Д. Макартура, учитывая фанатизм японского солдата, война могла бы продлиться еще 5–7 лет.

Однако вот уже более шестидесяти лет в ряде работ вслед за Г. Трумэном повторяется мысль о ненужности советского участия в разгроме Японии или его незначительности. Так, тот же генерал Д. Макартур, «позабыв» о своих прогнозах 1945 г. и рекомендации не высаживать американские войска на Японских островах до начала военных действий Советским Союзом, в 1960-е гг. писал: «Хотя в 1941 г. я настаивал на участии России в войне, чтобы отвлечь японские силы от южной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии, к 1945 г. ее участие стало ненужным»[56]. Э. Экшен в вышедшей в 1986 г. в Лондоне и Нью-Йорке книге «Россия: настоящее и прошлое» пишет: «После капитуляции Германии Советский Союз присоединился к коалиции против Японии — шаг, представляющийся излишним в военных условиях, создавшихся после уничтожения Хиросимы и Нагасаки»[57]. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии, и сделал он это вслед за атомной бомбардировкой Хиросимы с тем, чтобы обеспечить себе участие в войне до того, как Япония капитулирует или будет разгромлена, утверждают авторы американской военной энциклопедии[58].

Грубо фальсифицируются и мотивы вступления СССР в войну против Японии. Автор статьи под названием «Проблемы Токийского трибунала» в японском журнале «Japan Echo» М. Такэяма обрушивается с яростной критикой и обвинениями в адрес СССР в том, что будто бы это вступление не вызывалось политикой, которую вело японское правительство в ходе войны, особенно в последний период. При этом М. Такэяма в чисто декларативной форме навязывает читателям мысль о том, что Япония никогда не нападала на Советский Союз, а после заключения пакта о нейтралитете тем более придерживалась взятых на себя обязательств, и в заключительной части статьи утверждает, что участие советской стороны в войне с Японией явилось «местью за японскую войну 1904–1905 гг. и сибирскую экспедицию 1918–1922 гг.» (под которой следует понимать вооруженную интервенцию Японии на Дальнем Востоке и в Сибири)[59].

В арсенале американской военной историографии активно используются миф о том, что Советский Союз вступил в войну с Японией тогда, когда та была уже разгромлена союзными силами при решающей роли США, и тезис о понимании японцами неотвратимости и неотразимости военных операций вооруженных сил США на Японских островах, что якобы и обеспечило принятие условий капитуляции до их вторжения.

В отечественной историографии признаются крупный, решающий вклад США в общую победу над Японией, успехи американских военно-морских и военно-воздушных сил в разгроме японского флота и авиации в акватории Тихого океана[60]. Но невозможно признать правдивой существующую в Америке версию, что вооруженная борьба на Азиатско-Тихоокеанском театре войны из-за его специфики и отдаленности от Европейско-Атлантического

театра носила совершенно независимый характер, являлась самостоятельной войной и что результаты борьбы достигались лишь усилиями американской стороны. Именно этот лейтмотив лежит в основе рассуждений, например современного официального историка США Р. Спектора[61]. При подаче материалов о Д. Макартуре, Ч. Нимице и других военачальниках их величают в США не иначе как победителями Японии и чаще всего умалчивают о коалиционном характере войны и действиях других союзников, особенно об усилиях Советского Союза[62]. Ни слова не сказано о вкладе СССР в разгром Японии в крупном труде современного американского исследователя П. Далла[63]. Констатацией факта вступления СССР в войну против Японии в августе 1945 г. (без оценки его значения) ограничился в крупной работе о войне на Тихом океане Р. Спектор[64]. Всячески преувеличивая и, по сути, абсолютизируя роль Соединенных Штатов, американская историография тем самым проводит линию на умышленное принижение вклада Советского Союза и его вооруженных сил в разгром милитаристской Японии.

Это особенно наглядно прослеживается в официальных изданиях, например в статьях американской энциклопедии «Энциклопедиа американа» и английской энциклопедии «Британика». Американский труд, рассматривая вопрос о причинах разгрома Японии, вкладе Вооруженных сил СССР, как и вышеупомянутые П. Далл и Р. Спектор, вообще не упоминает, а английский отводит всего несколько слов, тогда как Соединенные Штаты в том и другом изданиях изображаются в виде некоего мифического гиганта, который одной рукой вел континентальную войну в Европе, а другой — морскую войну на Тихом океане.

СССР не претендует на столь широкий «размах руками», но бесспорным является то, что, ведя самые кровопролитные сражения с главной силой фашистско-милитаристского блока на советско-германском фронте, он оказывал мощное влияние как на характер вооруженной борьбы на Тихом океане, так и на ее размах. В этой связи следует напомнить, что японские империалистические круги никогда не оставляли планов расширения своей империи за счет советской территории. Поэтому у восточных границ СССР в ожидании благоприятного момента для нападения находилась в постоянной боевой готовности, совершая сотни провокаций, примерно миллионная группировка японских сухопутных войск. Это вынуждало советское правительство на протяжении всей войны держать на Дальнем Востоке такие же крупные силы (30–50 дивизий только сухопутных войск), способные отразить возможные удары японцев с маньчжурского плацдарма, с Сахалина и Курил. Это обстоятельство объективно порождало и обратную зависимость, непосредственно влиявшую на характер и масштабы войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе: отлаженная машина — Квантунская группировка японских войск, которая могла бы значительно увеличить и без того большой размах и эффективность вооруженной борьбы Японии против США, Китая и их союзников, «до наступления благоприятного момента» оказывалась в бездействии. И бездействовала она не по своей воле: даже во второй половине 1942 г., то есть в самый критический момент для западных союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, а для СССР — на советско-германском фронте, Советский Союз держал на Дальнем Востоке против японской группировки почти столько же войск и военной техники, сколько имели на театре Соединенные Штаты и Англия вместе взятые[65].

Присутствие такой крупной группировки Вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке объективно оказывало неоценимую помощь союзникам СССР по антифашистской коалиции на протяжении всей войны на Азиатско-Тихоокеанском театре. Западная историография при рассуждениях о единоличном вкладе США в победу над Японией обычно «забывает» учитывать этот немаловажный и постоянно действовавший фактор и делает акцент на отказе СССР вплоть до августа 1945 г. от непосредственного участия в военных действиях против Японии. Правительство СССР по понятным причинам не могло в то время пойти навстречу предложениям союзников, хотя и оказывало существенную помощь Китаю в его борьбе против японского агрессора. Только после того, как усилиями Советского Союза был достигнут перелом в войне, глава советского правительства И. В. Сталин на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) дал принципиальное согласие на вступление

в войну против Японии, обусловив его сроки капитуляцией главного врага — нацистской Германии.

В начале 1945 г., когда война в Европе переместилась полностью на территорию Германии и участь последней была практически предрешена, милитаристская Япония все еще оставалась значительной преградой на пути к долгожданному миру, преодолеть которую в ближайшие несколько лет участвовавшие в то время в войне против Японии союзники самостоятельно не могли. Более того, японское командование оказалось способным в марте 1944 г. предпринять крупное наступление в Бирме для захвата Импхальской долины на центральном участке фронта и нарушения Ассамской линии коммуникаций союзников, в апреле 1944 г. на Китайском ТВД начать невиданную по своим масштабам стратегическую наступательную операцию под кодовым наименованием «Итиго» («№ 1») с целью установить железнодорожные сообщения Пекин — Ханькоу, Кантон — Ханькоу и Хунань — Гуанси (Гуйлинь), обеспечить сплошную коммуникационную линию из Северного Китая в Южный, а также захватить американские военно-воздушные базы в Центральном и Южном Китае. В ходе боевых действий в апреле — декабре 1944 г. гоминьдановцы потеряли около 1 млн солдат и офицеров, 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов, около 2 млн кв. км территории с населением 60 млн человек. Японские войска захватили 45 городов и несколько американских аэродромов, вывели из строя около 100 гоминьдановских дивизий. Лишь весной 1945 г. союзникам удалось восстановить утраченные в Бирме и Китае позиции, однако военные действия ими были здесь окончательно свернуты[66].

Важной, отдельно стоящей проблемой, вызывающей неутихающие споры у историографов войны на Тихом океане, является вскрытие причин неожиданно быстрого для союзников принятия Японией решения о капитуляции. Нет сомнения в том, что и сброшенные на японские города атомные бомбы, и вступление Советского Союза в войну, и продолжавшиеся ее морская блокада союзниками со стороны открытого океана, и воздушные бомбардировки японской территории, и ухудшение для японской армии ситуации на других фронтах — все это сыграло свою важную роль в приближении дня капитуляции страны. И, казалось бы, нет нужды подробно останавливаться на непосредственных причинах и механизме принятия японской верхушкой окончательного решения. Однако в зарубежной историографии по-прежнему время от времени появляются высказывания о том, что атомная бомба решила исход войны, так как дала якобы ощутимый военный эффект и предоставила императору Хирохито шанс оправдать в глазах народа решение о капитуляции; что применение бомбы было гуманно с точки зрения человеческой морали, ибо она «явила собой средство предотвращения любой войны»[67]; что Советский Союз «навязал» союзникам свое ставшее уже ненужным участие в войне против Японии, чтобы «не опоздать к дележу пирога»[68], и это участие было чуть ли не чисто символическим[69], и другие претендующие на истину утверждения официальных лиц, историков и журналистов, касающиеся оценки факторов, приведших Японию к капитуляции.

Весьма упрощенным образом представлены события, приведшие к капитуляции Японии, в двухтомном труде по истории Китая в новое время. И. В. Сталин, по концепции автора, далеко смотрел вперед и 29 июля «упросил» Г. Трумэна, чтобы США и Англия официально пригласили СССР принять участие в войне. 6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 8 августа (фактически 9 августа. — *Прим. ред.*) — еще одну на Нагасаки. На следующий день (фактически 8 августа. — *Прим. ред.*) Советская Россия объявила войну Японии.

Все это требует еще раз вернуться к данной проблеме. Итак, 6 августа 1945 г. Соединенные Штаты нанесли первый атомный удар по Японии, принеся колоссальные разрушения и человеческие потери Хиросиме. Применение принципиально нового оружия огромной разрушительной силы оказалось действительно неожиданным для противника. И все же, как свидетельствуют факты, эти удары не привели к немедленной капитуляции Японии. У. Черчилль был вынужден признать, что «было бы неправильно полагать, что атомная бомба решила судьбу Японии»[70]. Атомные бомбардировки не оказали на японскую нацию такого

морально-психологического и военно-политического эффекта, на который надеялись американцы. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, высшие военно-политические руководители Японии, в частности император, узнали о характере удара, нанесенного по Хиросиме, лишь 8 августа, спустя два дня после применения атомной бомбы. Получив эту информацию, находившийся в бомбоубежище император заявил: «Если противник применяет такого рода оружие, войну продолжать невозможно. Но для того чтобы добиться выгодных условий, немедленно прекращать войну нельзя. Что касается условий, то как только появится возможность маневрировать на переговорах, можно будет сразу же прекратить войну»[71]. Итак, японское руководство все еще надеялось на переговоры. Во-вторых, японский народ (за исключением самих хиросимцев и нагасакцев) узнал о трагедии Хиросимы и Нагасаки лишь после окончания войны. В-третьих, атомные бомбардировки не дали и ощутимого военного результата. Японская императорская ставка разделяла мнение фельдмаршала С. Хаты — командующего 2-й Объединенной армией, штаб которой находился в Хиросиме, о необходимости продолжать войну. Прибыв в Токио 7 августа, он доложил, что, хотя его штаб располагался недалеко от центра взрыва, постройки разрушены мало, а число погибших солдат незначительно, причем пострадали только те, кто не был защищен. В целом, по его мнению, Хиросиме нанесен крупный ущерб, но не больший, чем другим городам от массированных налетов авиации. Достаточно сказать, что в Хиросиме уцелели почти все крупные заводы на окраинах и 94% работавших на них людей, а железнодорожное сообщение через город было восстановлено уже через 48 часов. Чтобы полностью вывести из строя Нагасаки, потребовалось бы еще несколько бомб, которых американцы тогда еще не имели. О таких эффектах атомного взрыва, как остаточная радиация и радиоактивное заражение местности, японцам в то время известно не было. Новое оружие было применено почти исключительно против мирных жителей, а подавляющая часть личного состава вооруженных сил, как и основная масса населения, оказалась в неведении относительно характера примененного оружия и, следовательно, вне физического и психологического воздействия его результатов. Не был собран даже кабинет министров, а намеченное заседание высшего совета по руководству войной не состоялось. Военное командование по-прежнему было занято подготовкой к решительным сражениям на территории Японских островов, в Маньчжурии и Корее. Как свидетельствует бывший офицер императорской ставки полковник Н. Такаяма, у тех офицеров, которые знали об атомных ударах по Хиросиме и Нагасаки, это не вызвало ничего, кроме усиления ненависти к противнику. Кроме того, применение американцами атомных бомб лишь подтолкнуло японцев к ускорению собственной программы («Проект N») создания аналогичного оружия, завершить которую намечалось через шесть месяцев. Это явилось одной из причин того, что правительство Японии все еще не соглашалось на оккупацию страны войсками противника.

Руководство США, санкционировав применение атомной бомбы, проявило, таким образом, политический и военный авантюризм, приведший мир к историческому ядерному тупику, из которого с учетом роста числа ядерных и околоядерных держав становится все труднее выбраться. Атомная бомбардировка Хиросимы в условиях, когда Советский Союз был готов вступить в войну против Японии и, как понимали в Вашингтоне, это предотвратить уже было невозможно, хотели бы этого американцы или нет, не диктовалась военной необходимостью. Именно так считал генерал Д. Эйзенхауэр. Вспоминая разговор с военным министром США Г. Стимсоном, в котором затрагивалась тема атомной бомбы, генерал свидетельствует: «Я сказал ему о своих тяжких опасениях. Это в первую очередь касалось моей уверенности, что Япония уже потерпела поражение, и поэтому применение атомной бомбы не представляло никакой необходимости. Во-вторых, я полагал, что наша страна не должна шокировать мировое общественное мнение использованием атомной бомбы, поскольку это оружие утратило право считаться средством спасения американских жизней»[72]. В 1960 г. главнокомандующий союзными силами в войне против Японии генерал Д. Макартур также признал, что в применении атомного оружия «не было никакой военной необходимости»[73].

Совершенно очевидно, что, сбрасывая атомные бомбы на японские города, вашингтонские руководители фактически целились в Советский Союз. К такому выводу пришли японские ученые во главе с лауреатом Нобелевской премии физиком Х. Юкавой в «Белой книге о последствиях атомной бомбардировки». В разделе «Жертва — Япония, противник — Советский Союз» они отмечают, что применение атомных бомб было не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой операцией по устрашению в начинавшейся «холодной войне» против СССР. «Жизни трехсот тысяч невинных людей, погибших в Хиросиме и Нагасаки, — заключают авторы, — были, таким образом, жертвой, принесенной Соединенными Штатами на алтарь «холодной войны»[74].

Итак, мы видим, атомные бомбы не могли заменить массовые армии и их применение, не поставили немедленно Японию на колени. Располагая довольно сильными сухопутными войсками, она продолжала сопротивление. Вступление 9 августа 1945 г. Советского Союза в войну против Японии в корне меняло ситуацию, лишало ее основного козыря в ставке на переговоры — сухопутных войск. В этот же день на экстренном заседании высшего совета по руководству войной японский премьер-министр К. Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»[75].

Несмотря на то что японский император Хирохито подписал рескрипт о капитуляции 14 августа, военное командование отдало своим войскам приказ о безоговорочной капитуляции лишь 19 августа. Фактически же японские войска прекратили организованное сопротивление только на 23-й день советской Дальневосточной кампании.

Капитуляция милитаристской Японии, таким образом, есть важнейший военно-политический итог вступления Советского Союза в войну и непосредственный результат решительных военных действий Вооруженных сил СССР, поскольку на других фронтах активные военные операции союзниками не велись. Удары Красной армии парализовали волю Японии к сопротивлению. То, что союзники стремились достичь, несмотря на обладание атомной бомбой, пожертвовав жизнью 1,5–2 млн своих солдат, в лучшем случае через год-полтора войны, было осуществлено в результате быстротечной советской кампании на Дальнем Востоке. Япония была принуждена к миру и капитулировала.

Пример того, что после освобождения от японских войск исконно российских Южного Сахалина и Курильских островов, принятия Японией решения о капитуляции и полного прекращения ее войсками сопротивления Красной армии СССР отказался от планировавшейся высадки крупного морского десанта и оккупации острова Хоккайдо, красноречиво свидетельствует, во-первых, об уважительном отношении Советского Союза к интересам союзников и, во-вторых, полностью отметает утверждения о том, что Советское государство стремилось к «кровавому разделу» чужой территории, в чем его пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица, выдвигая реваншистские требования о «возвращении северных территорий».

Появление в российской историографии попыток пересмотра истории Великой Отечественной и Второй мировой войн в целом не было непосредственно связано с открытием каких-либо неизвестных ранее документов или мемуарных свидетельств. С точки зрения истории развития науки в этом нет ничего исключительного: принятие новой теоретической парадигмы чаще всего обусловлено не логико-методологическими аргументами, а другими, внерациональными факторами, которые часто вообще не имеют отношения к науке. «Принятие решения такого типа, — отмечает американский историк Т. Кун, — может быть основано только на вере»[76]. Для исторического исследования это тем более верно: одной из важнейших особенностей исторического познания, выделяемых методологами, является тот факт, что общее направление исследований, постановка проблем и осмысление исторических свидетельств осуществляются на основе теоретических идей, привносимых той или иной философской концепцией[77].

Поэтому претензии некоторых российских авторов на то, что в их работах представлен некий «подлинно научный», объективный взгляд на события предыстории Великой Отече-

ственной войны, позволяющий избежать противоречий и нелепостей как «официальной» историографии, так и ее антиподов, нужно признать необоснованными. В работах историков этого направления повторяются и развиваются с теми или иными вариациями оценки и истолкования, разработанные в предшествующий период в трудах англо-американских и западногерманских историков, а также в русскоязычной эмигрантской публицистике[78]. В какой мере эти воззрения помогают «привести историографию в соответствие с фактами», а в какой, напротив, затрудняют реконструкцию объективной картины событий и в конечном счете способствуют формированию новой мифологии — вопрос спорный. Ретроспективный анализ, однако, подводит к выводу, что до настоящего времени вторую задачу современный российский ревизионизм выполнял гораздо более успешно, чем первую. Более того, анализ попыток «переосмысления» истории Великой Отечественной войны приводит к выводу, что нередко оно оказывается возможным лишь за счет игнорирования или даже демонстративного отказа от соблюдения общих принципов и методов исторического исследования, соответствующих тем критериям научности, которые выработаны сообществом историков и философов науки.

Поэтому полноценный анализ затронутых вопросов невозможен без учета проблемы фальсификации. Создание в 2009 г. в соответствии с указом Президента Российской Федерации Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России[79] свидетельствует о постепенном осознании необходимости борьбы с «переписыванием» отечественной истории, которое в последние два десятилетия приобрело огромный размах. При этом специалистами обострение «битвы за прошлое» (историческую память, интерпретацию истории) рассматривается, как правило, в контексте современной геополитической конкуренции, в том числе как одно из проявлений информационной и психологической войны[80]. «Если избавиться от политической наивности и посмотреть правде в глаза, — писал по этому поводу секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев, — можно заметить элементы зарождения новой «холодной войны», на этот раз за глобальное лидерство и стратегический контроль над ресурсами. Одним из ее проявлений является проведение информационных кампаний по дискредитации политики и истории России, в том числе истории Великой Отечественной войны»[81].

Между тем рассматриваемая проблема сложнее и не может быть сведена только к констатации связей историографии с прагматическими задачами исторической политики (или «политики памяти»). Широко использующийся в последнее время термин «фальсификация» нуждается в конкретизации, поскольку в современной философии и методологии истории широкое распространение получило рассмотрение истории как некоей разновидности литературного творчества. Отождествление истории с литературой, безусловно, снимает вопрос о фальсификации: каждый историк волен создавать свой образ прошлого, и мы не имеем права требовать от него какой-то объективности или правдоподобности. Указ Президента России, однако, исходит из того, что цель исторической науки — дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, и историки располагают необходимым инструментарием для создания правдивого описания.

В самом деле, методология исторического познания содержит некоторые слабые места как в области установления эмпирических фактов прошлого (неполнота сохранившихся свидетельств и сложность процедур установления их достоверности), так и в области исторического синтеза (множественность способов интерпретации взаимозависимости исторических фактов, зависимость теоретических реконструкций от мировоззрения историка). Исходя из этого, существует немало возможностей для возникновения псевдонаучных теорий. Вместе с тем в профессиональном историческом сообществе сформированы механизмы, которые позволяют значительно снизить опасность субъективных подходов историков, порожденных влиянием современных обстоятельств и собственных политических пристрастий. Эти механизмы основаны на рефлексии и самоконтроле историков, представлении альтернативных точек зрения, учете достижений других историографических направлений.

Нравственной и профессиональной нормой в сообществе историков признается стремление к объективности научного поиска, элементами которого являются дискуссии, плюрализм мнений. Нормы современного научно-исторического исследования предполагают такое построение системы аргументов, которое открыто для верификации, то есть для проверки достоверности источниковой базы, критического анализа логических выводов и ценностных установок, на которые опирается автор. Поэтому, говоря о фальсификации истории, современные авторы имеют в виду сознательное и целенаправленное искажение исторической правды о прошлых событиях, совершаемое прежде всего в политических целях.

Основные возможности фальсификации истории связаны с результатами некорректной работы с источниками. В одном случае производится отбор подходящих свидетельств, вместо того чтобы учитывать всю их совокупность. В другом случае осуществляются искажение и подтасовка фактов (выбираются либо недопустимые, либо менее вероятные по сравнению с общепринятыми интерпретации сведений, содержащихся в источниках). В третьем случае опора на источники вообще может отсутствовать, поскольку «переосмыслению» подвергается тот или иной отрезок истории в целом. Конечно, отдельные цитаты или факты из источников могут быть избирательно привлечены для придания убедительности новой версии или теории, но их роль будет носить исключительно иллюстративный характер.

Псевдонаучные построения в области истории имеют ряд сходных черт с приемами фальсификации в других областях научного знания, технике и медицине. Подобные работы чаще всего написаны научно-популярным языком, а их авторы, явно или неявно ощущая слабость своих профессиональных позиций, стремятся уйти от полемики со специалистами и апеллируют к массовому читателю, преподнося свое сочинение как раскрытие очередной «тайны» истории. Как правило, в них сообщаются малоизвестные или вовсе не известные широкой публике исторические факты, что придает этим трудам необходимую респектабельность. В то же время для критики общепринятых подходов здесь используются не столько научные, сколько идеологические аргументы.

Общим является негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических запретов» беспристрастному и объективному освещению прошлого. Эта идея неизменно присутствует у «альтернативных» историков, обещающих читателям раскрыть тайны истории, тщательно скрываемые официальной наукой, и обличающих ее мнимую неспособность предложить обществу сколько-нибудь правдивую версию национальной истории. Учитывая то, что в недавнем прошлом историческая наука действительно находилась под идеологическим надзором, подобные выпады укрепляют доверие читателей к содержанию таких работ. Претензии авторов псевдоисторических концепций к «официальной науке», поставленной якобы современным российским государством «на службу» патриотическому воспитанию, жалобы на невозможность свободного научного поиска в современных условиях являются составной частью любого ревизионистского «проекта». Логика понятна: без подрыва доверия к науке и ее представителям рассчитывать на успех внедрения в общественное сознание мифологизированных псевдонаучных представлений и навязать соответствующие идеологические предпочтения крайне трудно.

Квазинаучное мифотворчество — побочный продукт той кризисной ситуации, которая сложилась в историографии Второй мировой войны в связи с введением в научный оборот многих недоступных ранее документов и снятием цензурных ограничений. Понятие кризиса в данном случае не должно пониматься как негативная характеристика происходящих в историографии явлений и процессов. Кризис в науке подразумевает ситуацию генезиса новых научных парадигм, призванных привести теоретическое объяснение в соответствие с новыми эмпирическими данными. В кризисные периоды возрастает открытость науки влиянию сопутствующего социокультурного фона. Мифотворчество пользуется данной ситуацией, паразитируя на достижениях науки и прикрываясь ее авторитетом. С течением времени, однако, логика развития научного знания должна привести к постепенному вытеснению квазинаучных построений в другие области духовной культуры.

Мифы о Великой Отечественной войне

Историческая мифология — сумма бытующих в общественном сознании представлений об истории страны и ключевых характеристиках населяющего ее народа. К исторической науке она прямого отношения не имеет, существуя в области идеологии, формирования массового сознания, управления им, а в практическом применении — пропаганды. История лишь опосредованно присутствует в мифологии, которая подпитывается выборочно представленными фактами и концепциями. Каждому конкретному периоду соответствуют свои мифы. Великая Отечественная война в этом смысле является одним из самых мифологизированных событий XX в.

Первое выступление И. В. Сталина после начала войны, 3 июля 1941 г. по радио, дает яркий пример мифологизации: «Враг... ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза»[82]. Так чего же хочет А. Гитлер: «Восстановления царизма» или «разрушения национальной государственности» в России? Глава Советского государства одновременно пытается отдать дань старым идеологическим схемам, нащупать новую основу для сплочения народа и определить действительное положение дел. Получается эклектично и неубедительно. В дальнейшем сталинский миф о войне трансформировался, приблизился к реальности, был прописан в деталях и утвержден. За попытками отклонения от него бдительно следила цензура. В системе ценностных координат, соответствовавшей послевоенному советскому обществу, этот миф народ в целом устраивал. Однако жесткий схематизм позитивной сталинской мифологии имел свои негативные последствия.

Первое. В СССР оказалось мало достоверной информации о войне. Народ мог с равным успехом верить в любые утверждения официоза или вообще не верить ни во что. В результате новые мифы плодились по любому удобному поводу, в то время как официальные фундаментальные издания по истории Великой Отечественной были довольно скромны. Только в середине 1960-х гг., к 20-летию Победы, был издан 6-томный труд по истории Великой Отечественной войны[83]. Затем, в 1970–1980-х гг., в течение десяти лет выпускали 12-томную историю Второй мировой войны[84]. При этом в ней около 35% объема — о действиях союзников. В Англии издали 40-томную историю Второй мировой. В этой грандиозной эпопее самим британцам посвящено более 90% текста. О некоторых же «второстепенных», по их мнению, сражениях типа Сталинградского — буквально несколько страничек. Японская история Второй мировой войны — это 110 томов[85]. Показано расположение чуть ли не отдельных рот, масса персоналий, рассказывается история взятия и потери городков в Китае с населением в 10–20 тыс. человек (по китайским меркам, просто безлюдных хуторов). В японской истории лишь три тома из 110 посвящены боевым действиям других армий.

Каждому народу нужны свои мифы. Мифы о своей армии, своих битвах, своих героях. Англичане убеждают: главное сражение Второй мировой никакой не Сталинград. Главное произошло в Северной Африке, под Эль-Аламейном. Американцы возражают: нет, самое главное — это сражение за атолл Мидуэй. Японцы не соглашаются: намного важнее были битва за Алеутские острова и, конечно же, оборона острова Окинава. Эти национальные мифологии не оказывали заметного влияния на массовое сознание советских людей, так как СССР был закрытой страной. Однако после падения железного занавеса в России стали распространяться западные мифы о нашей войне и нашем в ней участии.

Второе. За рубежом основным источником сведений о Великой Отечественной стали мемуары гитлеровских генералов. А откуда еще могли взять свои суждения американцы и англичане о событиях на восточном фронте? Советским маршалам было запрещено писать мемуары, а экс-нацисты орудовали пером вовсю, причем красиво и профессионально.

Есть в этом деле еще один момент, одно достаточно туманное предположение. До 1967 г. ЦРУ выпустило тысячу книг[86]. Каких — никто не знает. Где, в каких странах они выходили, о чем в них писалось? Издательская деятельность американской разведки была засекречена, как и все остальное. Но известно, что директивой Совета национальной безопасности СНБ 4/А от 14 декабря 1947 г. для «психологической войны» предписывалось «ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций»[87].

Известно также, что связи с немецким генералитетом у американской разведки существовали чуть ли не с подготовки покушения на А. Гитлера в 1944 г. После войны американские спецслужбы могли просто использовать генералов, в том числе и заставляя писать мемуары. Эти труды гитлеровских военачальников, акценты в которых расставлены по всем правилам психологической войны, аккуратно переводились на разные языки и активно издавались. Нужно дождаться, когда всплывет список тысячи книг ЦРУ. Но концепции гитлеровских генералов живут до сих пор. И зачастую, увы, побеждают.

Н. С. Хрущёв принципиально ничего в сталинской трактовке войны не изменил. Разве что назвал другую цифру потерь — не 7 млн, а 14 млн, а потом и вовсе 20 млн. В остальном же он только дополнил историю войны своей идеей фикс: во всем и всегда виноват И. В. Сталин. Война началась внезапно? Так это И. В. Сталин не хотел слушать ни данных разведки, ни умных советов. Красная армия летом 1941 г. была разбита? Это И. В. Сталин лично принимал ошибочные решения. Армия несла колоссальные потери? Так И. В. Сталин истребил когорту гениальных полководцев: И. Э. Якира, М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера и прочих. Хрущёвская мифология, основанная на стратегии преодоления сталинизма, позднее была подхвачена и развита в рамках преодоления советской идеологии в целом. Именно в период перестройки не только мифы о Великой Отечественной, но и история войны приобрели устойчивую негативную окраску.

М. С. Горбачёв анонсировал еще большую цифру потерь — 27 млн. Расчетов толком не представили, поэтому у некоторых сложилось впечатление, что цифра взята «с потолка», попросту сложили сталинскую и хрущевскую: 7+20=27. При М. С. Горбачёве за создание черного мифа взялись «архитекторы» и «прорабы» перестройки. Со временем наши «либералы» миф о войне творчески развили и обосновали. Он получился ясный, очевидный, доказательный и последовательный.

Суть перестроечной мифологии о войне проста: мы сами во всем виноваты. Сами вскормили и вырастили А. Гитлера. Ждали, когда он начнет войну и разнесет вдребезги всю Европу, чтобы потом напасть на ослабленные государства Европы и завоевать их. Мы ничем не лучше нацистов, скорее всего, намного хуже. На своих штыках мы несли порабощение и смерть. Мы завоевывали Восточную Европу (дальше не успели, помешали союзники), чтобы установить там коммунистический тоталитаризм. Мы виноваты перед всем человечеством и теперь должны постоянно просить прощения и каяться. В ажиотаже самобичевания на некоторых авторов нисходят просто фантастические «прозрения»: «...народ Германии и союзные ему народы Европы под эгидой Третьего рейха объединились в крестовый поход против коммунизма»[88].

В последние годы как-то ненароком, между строк, снова всплывает старобольшевистская мифология пораженчества. Помнится, В. И. Ленин желал поражения российскому правительству в мировой войне. Кстати, не Отечеству, а именно правительству: предполагалось, что рабочие и крестьяне, взяв власть, вскоре все отвоюют. Результатом его путаной фразеологии стали подорванный боевой дух армии, Брестский мир и огромные территориальные и моральные потери.

Идеологам отечественного лжелиберализма этот тупиковый путь чем-то приглянулся. Победа в Великой Отечественной объявляется ими напрасной. Сколько погибших, какие невероятные усилия, какие колоссальные разрушения — и зачем все это было нужно? Все равно победа ничего хорошего народу не дала, привела только к укреплению сталинского режима. Если народ заплатил за победу такую цену, а она, победа, оказывается, и не нужна

вовсе, тогда обесценивается не только победа, но и вся дальнейшая история народа. Ненавязчиво предлагается вслед за советской властью вообще выкинуть на помойку советскую трактовку Великой войны. Стоит это сделать — и нечего будет противопоставить формирующемуся на наших глазах мифу о других агрессорах и победителях в той войне.

Мифы о Великой Отечественной войне переплетаются, происходит их взаимопроникновение, образуя целые идеологические комплексы, единые мифологические узлы. Центральным узлом негативной мифологии о войне в настоящий момент можно считать тройственный миф о тождественности гитлеровского и сталинского режимов, бессмысленности победы в войне (по причине слишком высокой цены, которая за нее заплачена, или из-за того, что она послужила укреплению сталинского режима) и массовом участии русских в «нацистско-советской» войне на стороне А. Гитлера. Современный миф о тождестве А. Гитлера и И. В. Сталина построен на том, что оба они тираны, враги демократии, оба стояли во главе террористических авторитарных режимов. Между сталинским СССР и Третьим рейхом и правда можно найти много общего. Все идеологизированные государства чем-то напоминают друг друга. То, что тирания (и вообще всякий способ управления) — это не более чем орудие для проведения в жизнь той или иной политики, а цели А. Гитлера и И. В. Сталина были прямо противоположными, игнорируется. Важно поместить в массовое сознание убежденность в тождественности двух режимов.

«Это была не победа Добра над Злом, не защита свободы России, не освобождение Европы. Это была обеспеченная ценой совершенно несообразных жертв победа одного тиранического режима над другим, ничуть не худшим (а в чем-то даже и лучшим)»[89] — это цитата с никому не ведомого сайта. Подобных сайтов, блогов — сотни. Иногда такие примеры приобретают широкую, буквально международную известность. В 2009 г. шуму наделала история с бывалым диссидентом А. Подрабинеком[90] и обиженными им ветеранами. «Это вам только кажется, что отдых ваш заслуженный и почетный, — вещал он на популярном интернет-ресурсе. — Это вам только кажется, что вы пользуетесь всеобщим уважением. Вам внушили это давно, но ваше время кончилось. Ваша родина не Россия. Ваша родина — Советский Союз. Вы советские ветераны, и вашей страны, слава богу, уже 18 лет как нет... В Советском Союзе, кроме вас, были другие ветераны, о которых вы не хотели бы ничего знать и слышать, — ветераны борьбы с советской властью. С вашей властью. Они, как и некоторые из вас, боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии». Истинные герои — это прибалтийские «Ваффен СС», бандеровцы, басмачи и полицаи-каратели. Всех их автор возносит на один пьедестал. Спасибо ему за истинно «либеральную» искренность.

Однако беда не в конкретном обиженном советской властью журналисте. Беда в другом: из таких «эпизодов» (мнений, статей, фильмов) и получается мутная мешанина в головах подрастающего поколения. Внушается простая мысль: не было «Великой Отечественной», это «воевали нацисты и коммунисты». Мысль эта, впрочем, не нова. Начал ее продвигать еще Й. Геббельс в рамках психологической войны: «Верь, Иван, я воюю не с тобой, а с комиссарами». «Иди, камарад, сдавайся, бей жида-политрука. Это война не твоей Родины с Германией, а так, нацистско-советская, чисто идеологическая». С геббельсовской пропагандой перекликается учебник под редакцией профессора А. Б. Зубова. Из оглавления: «Глава 2. Советско-нацистская война 1941–1945 гг. и Россия. ...4.2.2. Русское общество и советско-нацистская война в СССР. Отказ от эвакуации населения. 4.2.3. Советско-нацистская война и Зарубежье»[91]. И из плана «Барбаросса»: «Предстоящая война явится не только вооруженной борьбой, но и одновременно борьбой двух мировоззрений»[92]. Вот так некоторые историки невзначай повторяют что-то вслед за Й. Геббельсом, сами того не понимая.

Совершенно мифологическое построение: началась война, сшиблись две одинаково бесчеловечные идеологии и бросили в топку десятки миллионов судеб. Не Третий рейх и СССР, не Германия и Россия, а какие-то абстрактные идеи. Дальше делаем нужные выводы: если сражались идеологии, если та и другая идея были одинаково людоедские, значит,

победа в войне осталась не за ними, а за правильной идеей — демократией. Конечно, в лице ее носителей — Соединенных Штатов и Объединенной Европы. А разве Европа сегодня не включает Германию? Да это же ее хребет! И вообще, коли А. Гитлер воевал не с Россией, а с коммунистами, значит, именно И. В. Сталин и есть разжигатель войны № 1. А значит, во всем виноваты мы с вами, сегодняшние россияне, наследники СССР. Этот миф формируется буквально на наших глазах.

Неопораженческий миф о том, что было полезнее покориться немцам, не только уродлив нравственно, но и просто глуп. С самого начала немцы строили войну на Востоке по другим принципам, чем на Западе. Когда немецкий солдат входил во французский или датский город, у него тоже была жесткая инструкция: вести себя корректно по отношению к мирным жителям. На советской территории он был официально освобожден от ответственности за любые преступления против населения — тоже по инструкции (о так называемом «особом судопроизводстве»), которая была издана еще перед войной. Изнасилование солдатом вермахта советской женщины (девушки, девочки), кстати, изначально не считалось преступлением. «180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроизносимы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать — это расстреливать без всякой жалости и милосердия»[93], — так оценивал противника рейхсфюрер Г. Гиммлер.

Европейцам в системе «нового порядка» отводились роли разные, но тоже в полном соответствии с расовой теорией. Для «нордических» народов предполагалось постепенное онемечивание и пополнение собой народа-победителя. Теория нацизма последовательно считала «своими», в смысле почти «арийцами», норвежцев, вообще всех скандинавов, датчан и голландцев. Сами они, может, так и не думали, но под оккупацией особо выбирать не приходилось. Признать себя «полуистинным арийцем» было гораздо перспективнее. С некоторыми оговорками нацисты терпели англосаксов (все-таки саксы — те же германцы, только островные) и французов (опять же выродившиеся древние франки — порченая кровь, конечно, но тоже вроде «отчасти свои»). Куда хуже дело обстояло с теми, кто, как считалось, отличался от «арийцев» генетически. Это те, кому априори в Третьем рейхе была отведена судьба прислуги и сельхозрабочих, людей без квалификации и образования. Возьмите Польшу — обычная буржуазная страна. Никакой коммунистической заразы. Однако оккупационный режим в Польше был намного жестче, чем во Франции, тем более в Дании. Поляков предполагалось превратить в рабочий скот.

Любопытно, что сам продукт эсэсовского Госплана — генеральный план «Ост», будучи документом скучным и как бы полунаучным, мгновенного ужасающего впечатления не производит. Нужно вчитываться. Здесь 31 млн человек выселяются, там — 25 млн, а там — 30 млн. Надо освободить землю для немецких поселенцев. Выселяются не одномоментно: предполагается, что многие сами в процессе вымрут или будут физически уничтожены. Подробно разработан план только на первые годы, обозначены территории, сроки. Дальше план «Ост» предполагалось развивать, исходя из достигнутых результатов. И до чего же полезно было бы ознакомиться некоторым нашим друзьям в сопредельных странах, откуда сегодня мы чаще всего слышим о тождестве И. В. Сталина и А. Гитлера, с гитлеровской перспективой для их стран и народов. План неоднократно переписывался и ужесточался по мере успехов на восточном фронте. Тот вариант, который опубликовали немцы, относится к июню 1942 г.

Иногда знакомство с историческими документами вызывает самые грустные ассоциации. 30 мая 1941 г. главный разведчик адмирал В. Канарис и один из основных идеологов рейха рейхсляйтер А. Розенберг обсуждали политические планы в будущей войне с Советским Союзом: «1. Расширенная в восточном направлении Финляндия; 2. Также расширенная за счет белорусских земель Прибалтика (в качестве немецкого протектората, с перспективой последующей германизации); 3. Самостоятельная Украина; 4. Кавказ как федеральное государство под германским управлением»[94]. Помогать немцам должны были выходцы «из тех меньшинств, с которыми поддерживало агентурные контакты заграничное управление абвера (украинцы, кавказцы и т. д.)».

Эти планы или уже осуществились, или были близки к осуществлению — в самом недавнем прошлом, в наши дни, нашими руками. Тут впору воскликнуть: но ведь даже нацисты не додумались до отделения от России Казахстана и Средней Азии!

На Нюрнбергском процессе единственным доказательством существования плана «Ост» были только «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС», подписанные 27 апреля 1942 г. начальником отдела колонизации 1-го главного политуправления «восточного министерства» Э. Ветцелем. Под грифом «совершенно секретно» размещался объемистый документ, вызывающий у нас сегодня самые грустные ассоциации. Э. Ветцель пишет о том, «каким образом можно сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа»[95]. «Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы с собственными органами управления... Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву... Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из тульского генерального комиссариата. Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа»[96].

Тогда же в ведомстве Й. Геббельса родилась так называемая «союзная инициатива». «Согласно ей, эта война велась самим русским народом против поработившего его большевизма, Германия же выступала в качестве союзника России»[97]. Министерство пропаганды было лучшей армией А. Гитлера. Эта армия никогда не сдавалась и всегда находила выход из любого положения. Она не имела танков, и численность ее была невелика. Но каждая рейхсмарка, вложенная в пропаганду, сохраняла вермахту солдат. Каждая рейхсмарка убивала русских. Согласно «союзной инициативе», это сама Россия объявила войну СССР, а Германия ей только в этом помогала. Да-да, в Великой Отечественной Германия была союзницей России! Тогда же, в 1943 г., было принято решение: официально акции «союзной инициативы» будут проводиться «через Власова и новейшую русскую пропаганду»[98].

В последние годы историкам стали доступны ранее закрытые архивы: немецкие донесения о положении дел на оккупированных территориях, выходившие там газеты на русском. И что же? На страницы современных книг хлынул поток гитлеровской пропаганды. Некритичный подход, жажда сенсаций, стремление утвердить свой приоритет публикатора привели к тому, что теперь эти самые газеты считаются чуть ли не источником «альтернативной советскому официозу» информации. Как-то сами по себе рождаются мифы о счастливой жизни под немцами и всяческих альтернативах вроде «Локотской республики». В результате всё, что мы на сегодня знаем о жизни в оккупации, это или обрывки советского мифа, или что-то из новых легенд. Уровень достоверности таких источников можно проиллюстрировать на следующем примере. В середине октября 1941 г. занятые немцами города запестрели плакатами на русском языке: «Немецкие войска освободили Москву». Под этой шапкой меленьким шрифтом давалось объяснение. Оказывается, захвачена была деревня с таким необычным названием[99].

Как ни странно, немцы понимали значение пропаганды намного лучше, чем, казалось, распропагандированный на все сто сталинский СССР. Министерство Й. Геббельса подготовило «Предложения по составлению листовок для войск противника», которые по своей откровенности и цинизму были бы немыслимы для наших политработников: «Пропаганда разложения — грязное дело, не имеющее ничего общего с верой или мировоззрением. В этом деле решающим является только сам результат. Если нам удастся завоевать доверие противника тем, что мы обольем грязью своего фюрера, свои методы и свое мировоззрение, и если нам удастся проникнуть в души солдат противника, заронить в них разлагающие их лозунги, — совершенно безразлично, будут ли это марксистские, еврейские или интеллигентские лозунги, лишь бы они были действенны!»[100]. Заветы доктора Й. Геббельса воплощались его министерством в таких сферах: наглядная агитация (плакаты и прочее), печать (газеты, брошюры, листовки), кино (с обязательным просмотром немецкой военной кинохроники),

радио (как прообраз будущего самого массового СМИ — телевидения), ивент-менеджмент (экскурсии для населения в тюрьмы НКВД, торжественные похороны «жертв НКВД»), роуд-шоу (передвижные выставки «Кровавые злодеяния ЧК — ГПУ — НКВД», «Советский «рай», «Так живут рабочие и крестьяне в Германии»), театральные постановки. «Конец колхозному рабству!», «22 июня 1941 года началось освобождение от большевистского террора!», «Адольф Гитлер — освободитель!» — это самые популярные немецкие плакаты для русских. Они делались в привычной советским людям стилистике. Однозначное утверждение и некий образ-иллюстрация. Водились в ведомстве Й. Геббельса и свои кукрыниксы. На плакате «Тень Суворова» великий русский полководец возвышается над С. К. Тимошенко, С. М. Будённым и К. Е. Ворошиловым и говорит им словами И. А. Крылова: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в полководцы не годитесь»[101]. Известен плакат «Последний поход красных маршалов». С. К. Тимошенко и С. М. Будённый у ворот тюрьмы. На колючей проволоке фуражки с надписями «Егоров», «Блюхер», «Тухачевский». Смерть с надписью на косе «НКВД» приветствует вновь прибывших: «Добро пожаловать, товарищи!»[102].

«Тяжела была доля великой мученицы — русской женщины. Но вот пришла спровоцированная большевиками война. Начались новые страдания, усугубились лишения, нужда и голод встали у самого порога. Жена, потерявшая своего мужа в застенках НКВД, провожала на бессмысленную войну своего единственного сына. Сестра сосланного в Сибирь инженера отдавала Молоху войны своего младшего брата. Мать раскулаченной семьи оплакивала гибель на фронте своих сыновей. Невыразимое горе широкой волной залило семьи советских женщин», — этот отрывок похож на пассаж, взятый из перестроечной прессы или какого-нибудь интернет-блога, который ведет убежденный псевдолиберал. Но нет, это гитлеровская газета на русском языке «За Родину» (Псков, выпуск от 8 марта 1942 г.)[103].

На оккупированных территориях открывались новые кинотеатры. В них шли фильмы трех категорий: культфильмы (не мультфильмы, а именно культфильмы, снятые специально для оккупированных территорий), военная кинохроника и собственно художественные картины — для здорового отдыха и веселости. Посмотреть все это можно было только «пакетом». Сначала документальное кино о счастливой жизни в Германии, потом хроника побед германского оружия и поражений Красной армии, наконец, очередной блокбастер производства Третьего рейха. Пропагандистские фильмы шли с синхронным переводом. Художественные — обычно на немецком, но перед сеансом зрители могли изучить либретто. Были и дублированные на русский: например, «Вечный жид» и «Еврей Зюсс».

Смоленский драмтеатр поставил при немцах две пьесы «из современной жизни»: «Волк» и «Голубое небо», показав их потом в Орле, Пскове, Борисове, Минске, Локоте. Записали их и для радио. Главный герой «Волка», молодой красноармеец Бывалов, случайно становится членом «бандитской шайки», то есть партизаном. Его мучит совесть, его тянет к любимой девушке Наде, оставшейся в родном селе. И вот однажды ночью вместе с другим партизаном, бывшим секретарем райкома Ползунковым, Бывалов пробирается в родное село. Он встречается с Надей и окончательно решает остаться. «Герой Новой России», безоружный староста, пытается проверить документы у переодетого Ползункова, но последний ранит его ножом в спину и пытается при этом скрыться. В это время появляется Бывалов. Он набрасывается на Ползункова, которого связывают и отправляют в тюрьму. Бывалов уже не партизан. Он на стороне новой власти, он вместе со своей невестой. Бывший партизан переменил свои взгляды благодаря беседам со своей невестой и односельчанами. «Голубое небо» примерно о том же: главный герой Степанов «не хочет такой Родины, как Советский Союз, не считает СССР родным домом». Под «голубым небом» свободы подразумевалось нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г.[104]

В день, когда Германия напала на СССР, на территорию нашей страны помимо прочих войск вошли 19 рот пропаганды и шесть взводов военных корреспондентов СС (фото-, кино- и радиорепортеры, персонал пропагандистских радиоавтомобилей и киноустановок, специалисты по изданию плакатов, листовок, сотрудники фронтовых газет, переводчики). Взводы и роты пропаганды были в каждой армии. По состоянию на апрель 1943 г. числен-

ность подразделений пропаганды вермахта достигла 15 тыс. человек. Все три года оккупации они усердно, по-немецки, трудились, имея неограниченное финансирование и к тому же располагая уникальным «административным ресурсом» в виде вермахта. То, что эти 15 тыс. наработали на идеологическом фронте, вернулось к нам сегодня, в том числе в виде мифа о миллионе русских, воевавших за А. Гитлера.

«Миф о миллионе за Гитлера» — один из показательных примеров бытования негативного стереотипа в общественном сознании. Как правило, черные мифы о войне передаются одной хлесткой фразой, которая начинает «обрастать» аргументами, статьями, авторитетами, в более развернутом, концептуальном изложении для распространения мифа нет необходимости: «Трупами завалили»; «Жуков не жалел солдат»; «Жуков был мясником»; «Любимая поговорка Жукова: «Бабы еще нарожают»; «Сталин не подписал Женевскую конвенцию, бросив своих пленных»; «В начале войны Сталин впал в прострацию»; «Одна винтовка на троих»; «С шашками на танки»; «Войну выиграли штрафбаты»; «Заградотряды стреляли в спину своим из пулеметов»; «Из лагеря — в лагерь. Из гитлеровских концлагерей наши пленные попадали в ГУЛАГ»; «Подвигов Космодемьянской, Матросова, Гастеллло, 28 панфиловцев и других не было, а если были, то не такие, и вообще это подвиги других людей»; «Миллион русских воевал за Гитлера» (вариант — 10 млн); «Власов и Каминский были истинными героями России»; «Решающую роль в победе сыграл ленд-лиз»; «Советские солдаты изнасиловали 2 млн немок» и прочее.

Миф не нуждается в историческом обосновании. Главная составляющая исторической мифологии не рациональная, а эмоциональная. Миф существует не как тезис, а как аксиома, причем факты используются не для подтверждения, а для иллюстрации уже готовой «истины». У ключевых фраз, передающих содержание мифа, определить происхождение, как правило, невозможно. «Это все знают» и «я много раз читал» — наиболее распространенные «источники». Однако в мифе о преданном ополчении, которое было брошено безоружным против лучших немецких дивизий («одна винтовка на троих») источник определяется. Большевистская пропаганда с ее «бездарными царскими генералами», словно бумеранг, вернулась из Первой мировой во Вторую: «Царская армия терпела поражение за поражением. Немецкая артиллерия засыпала царские войска градом снарядов. У царской армии не хватало пушек, не хватало снарядов, не хватало даже винтовок. Иногда на трех солдат приходилась одна винтовка»[105]. Это «Краткий курс истории ВКП(б)». «Либеральные» публицисты, вскормленные, не забудем, советской же системой, поливали грязью «бездарных красных маршалов» теми же словами. Ничего оригинальнее они придумать не смогли: «Редкие оставшиеся в живых ополченцы со стыдом и болью вспоминали про одну винтовку на троих. Немцы же долго не могли понять, кого им благодарить за созданные комфортные условия боев. (Видимо, это были первые бесконтактные сражения 20-го столетия.) Они недоумевали: с кем они воюют? Что за секретные войска без пулеметов, без танков, без артиллерии и даже без патронов?»[106].

По вооружению дивизий ополчения имеются исследования военных историков, есть статистика[107], как есть точные данные по нашим потерям[108]. Эти дивизии были недоукомплектованы бойцами. Соответственно, обычно оружия в них было больше, чем солдат. Не одна винтовка на троих, а три винтовки на двоих. И еще. Есть в военном деле такое понятие — маршевое пополнение. Солдаты идут на фронт, а оружия у них с собой нет. Оно ждет их впереди: оставшееся от раненых, убитых, возможно трофейное или со складов. Обычное дело. Естественно, на ополченцев, не знавших этого правила, отсутствие при себе винтовок действовало гнетуще. Есть и другое понятие — мобилизационный резерв. В отношении стрелкового оружия тут может быть полный разнобой. На случай войны на складах хранится всякое оружие: снятое с вооружения, трофейное, оставшееся от прежних войн. Так было и в 1941 г. На известной фотографии А. Устинова «Бронебойщики. С парада в бой», сделанной 7 ноября 1941 г. на Красной площади, бойцы уходят на передовую с английскими пулеметами системы И. Льюиса на плече. Со снятыми дисками эти пулеметы-трубы действительно были похожи на какие-то мини-пушки. На мобилизационных складах хранились захваченные в Первую мировую в качестве трофеев 700 тыс. винтовок систем Ф. Манлихера и П. Маузера

(ответ «Краткому курсу»). Они, кстати, еще находились на вооружении польской и румынской армий, и их запасы были пополнены после присоединения Бессарабии. Манлихеровки и маузеры были широко распространены в частях народного ополчения. Но постепенно вся эта стреляющая экзотика заменялась нормальными советскими автоматами и винтовками. Использование старого трофейного оружия объяснялось только жестокой необходимостью.

Можно привести случай с музеем 1812 г. в Вязьме. Кстати, вот яркий пример того, как один и тот же факт можно подвергнуть и негативной, и положительной мифологизации. Итак, ополченцам раздали экспонаты музея. Из фузеи стрелять было нельзя, но у нее был полуметровый штык! Потом на месте боев в 1941 г. у села Богородицкое была найдена французская кавалерийская сабля времен Отечественной войны 1812 г. По степени ее сохранности специалисты определили, что она пролежала в земле не более 50 лет. Какой бесстрашный сын Отечества бросился на врага с этим музейным оружием? Мы не знаем. Но мы должны ему поклониться в ноги, а не юродствовать по поводу «одной винтовки на троих».

Судьбу Великой Отечественной решили штрафбаты? Они мифологизированы насквозь. То, что война была выиграна благодаря тому, что «в прорыв идут штрафные батальоны», — это только верхушка айсберга. Но когда современный человек узнает, что штрафбаты во время войны появились сначала у немцев, он испытывает шок. А во время войны это знал каждый. Об этом говорилось непосредственно в приказе № 227: «После своего зимнего отступления под напором Красной армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали далее около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи»[109]. Дальше в приказе «Ни шагу назад!» говорилось о том, что и нам не мешало бы поучиться у врагов, как делали наши предки.

Если быть совсем точным, то «особые подразделения» (Sonderabteilungen) появились в немецкой армии еще в 1936 г., а в 1940 г., с началом войны, в вермахте были созданы «исправительные части» (Bewaerungstruppe). Как и наши штрафбаты, они размещались в «зонах непосредственной опасности». Далее, полевые штрафные подразделения (Feldstrafgefangenabteilungen) комплектовались в зоне боевых действий из числа военнослужащих, совершивших преступления. Наконец, с октября 1942 г. появились так называемые «формации солдат второго класса», предназначенные для немцев — «политических» оппонентов нацистского режима. То есть система штрафных подразделений была у немцев разнообразной и развитой[110].

Война была выиграна нами за счет массового героизма красноармейцев, всего народа. Само выражение «массовый героизм» звучит как-то странно, ведь героизм просто по определению — это то, что должно быть исключительным, уникальным. Но что тут поделаешь, если он действительно был массовым? То, что всегда, во всей мировой военной истории, было исключением из правила, у нас стало нормой. Массовый подвиг советских людей во время войны дал колоссальный пропагандистский материал. Когда победа куплена кровью миллионов и скреплена десятками тысяч примеров того, как люди сознательно жертвовали жизнью, — это чрезвычайно укрепляет любой политический режим. Во время и после «идеологической перестройки» этот массовый подвиг особенно настойчиво ставился под сомнение. Официальный советский миф разоблачали, тужась доказать, что «все было не так». К сожалению, разоблачать пропаганду сталинского времени нетрудно. Шла война, и все делалось в спешке, с презрением к деталям. Сталинские пропагандисты всегда описывали истории, как опять же говорят киношники, «основанные на реальных событиях». Но при этом лакировали, отбрасывали лишнее, временами путали детали: имена, места, обстоятельства дела.

Почему-то многим кажется, что если советская пропаганда что-то перепутала или приукрасила, так уже и самого подвига не существует. Вот сообщается, что «Александр Матросов родился вовсе не в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск), а в Башкирии, в деревне

Кунакбаево, и настоящее его имя Шакирьян Мухаметьянов. Отец его вовсе не погиб от пуль кулаков, а мать не умерла с горя, как это утверждалось в официальной биографии, выпущенной миллионными тиражами. Мать Шакирьяна умерла в 1932-м, а отец сильно пил и не работал, поэтому мальчика отвезли в детский дом»[111]. Но разве что-то меняется от того, что подвиг совершил башкир, узбек, грузин или еврей или что его отец не был убит врагами советской власти, а просто сгинул от пьянства? От этого совершенно ничего не меняется. Самое главное, что подвиг был. «Свой подвиг Александр совершил не 23, а 27 февраля. Число «23» было придумано политуправлением РККА из идеологических соображений — День Красной армии. Обстоятельства гибели Шакирьяна М. тоже отличаются от вымышленных»[112]. Более чем вероятно. Ну и что? Подвиг сам был или нет? Читаем «борцов за историческую правду» дальше: «О боевых товарищах Александра, сделавших не меньше него, но оставшихся в живых вследствие большего военного опыта, не было сказано ни слова»[113]. Так были и боевые товарищи? Развенчивая миф, коллектив под руководством А. Б. Зубова вынужденно признает: массовый героизм вовсе не выдуман сталинской пропагандой. Число наших героев действительно измеряется десятками тысяч, а может, сотнями тысяч и даже миллионами. Но как мы этот героизм воспринимаем, как он живет в нашем коллективном сознании сегодня?

Великая война в очередной раз показала, насколько жизнеспособен наш народ, показала его силу, могущество. Наш народ не только непобедим, воюя зачастую один на один с коалицией объединенных стран Европы, но и способен менять судьбы всего мира, создавать новые мировые системы. Именно это должно лежать в основе нашего национального самосознания, быть краеугольным камнем всей политической пропаганды.

После Сталинграда самим немцам стало предельно ясно: «поход на Восток» обречен. Современники и не думали ставить это под сомнение (ни враги, ни союзники). Так считали гитлеровские генералы: «Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой (1709) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав»[114]. Так считал Ф. Рузвельт, называя Сталинград «эпической борьбой, решающий результат которой празднуют все американцы» (из письма И. В. Сталину от 5 февраля 1943 г.). Так считал король Великобритании, приславший Сталинграду дарственный меч, на клинке которого выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, от Георга VI в знак глубочайшего восхищения британского народа». Ту войну выиграли мы. Остальные нам только помогали.

Мы победили, но мы не мстили. С самых первых лет исторической «перестройки» нашего сознания нам внушается, что Красная армия творила в Европе неслыханные зверства. Книга англичанина Э. Бивора о взятии Берлина стала европейским бестселлером. Одна из ключевых тем сего творения — зверства Красной армии. Среди всего прочего, по подсчетам автора, советские солдаты изнасиловали 2 млн немок: «Русские солдаты насиловали всех немок от 8 до 80 лет. Это была армия насильников»[115]. Стыдно, но этот миф проник и в Россию. Некоторые современные исследователи переполнили свои труды самыми устрашающими подробностями учиненных советскими войсками зверств. А за рубежом выходят все новые и новые книги, в частности «Freiwild» («Добыча») И. Якобе, выпускаются документальные и даже художественные фильмы, например «Безымянная. Женщина в Берлине» М. Ферберблека[116].

Но так же как и с «нацистско-советской войной» и «миллионом русских за Гитлера», первым запустил в массы историю о русских варварах-насильниках не кто иной, как Й. Геббельс. Из его дневника за 2 марта 1945 г.: «В лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно внушают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от 10 до 70 лет. Это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему»[117]. Й. Геббельс как автор концепции чудовищной лжи по-своему видит директиву Ставки ВГК № 11072 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских

и 1-го Украинского фронтов о необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным[118]. Тиран И. В. Сталин призывал к гуманности, а демократ генерал Д. Эйзенхауэр фактически провоцировал насилие: «Все население Германии параноидально. И нет никаких причин обращаться вежливо с этими параноиками»[119].

Конечно, у мифа своя логика: представить немцев не агрессором, а жертвой; приравнять сталинский СССР и гитлеровскую Германию; превратить Красную армию из армии-победительницы в толпу «остервенелых уродов». Но нам, наоборот, следует помнить, что в СССР по меркам того сурового времени режим был жестким, но не мстительным. Никакого планомерного истребления вчерашних врагов никогда не проводилось и не планировалось. Напротив, 11 мая 1945 г. были утверждены нормы снабжения продовольствием населения оккупированного Берлина. Из постановления Военного совета 1-го Белорусского фронта: «...исходя из установленных ГОКО норм снабжения продовольствием г. Берлина в среднем на одного человека в день: хлеба — 400–450 г, крупы — 50 г, мяса — 60 г, жиров — 15 г, сахара — 20 г, кофе натурального — 50 г, чая — 20 г, картофеля и овощей, молочных продуктов, соли и других продовольственных товаров — по нормам, установленным на месте, в зависимости от наличия ресурсов... доложить Военному совету свои соображения о возможных нормах и порядке выдачи молочных продуктов населению Берлина, а также о возможности передачи минимально необходимого самоуправлению Берлина молочного скота из числа трофейного»[120]. Пленный военнослужащий вермахта получал паек 600 граммов хлеба в день — намного больше пайка русского иждивенца (300 граммов).

При формировании общественного сознания следует исходить не из деталей истории, а из нашего отношения к ним. Из фактов всегда конструируется миф. Именно он живет в народе, формирует отношение к прошлому, определяет коллективную историческую память. Миф — это матрица. Все новые получаемые нами знания обычно накладываются уже на этот матричный миф. Он может быть и похож, и в то же время не похож на миф о войне советского времени. Незачем сегодня прятать от самих себя страницы, не соответствующие советскому официозу. Сталинская пропаганда многократно искажала события, создавала образы-штампы. Любая пропаганда искажает события, осуждать ее нелепо: она действует в условиях войны. Великая Отечественная дает урок того, что народ непобедим, пока есть идея. И это была не коммунистическая идея, а любовь к своему Отечеству, Родине, дому, семье. Та же идея, что двигала русскими партизанами и в 1812 г., и в 1709 г., когда Карл XII вторгся на Украину, и в 1612 г., когда народ поднялся против поляков.

Самосознание людей нельзя сформировать президентским указом или официальным запретом на «фальсификацию истории». Черные мифы не побеждаются постановлениями. Но чувство гордости за свою историю можно и необходимо формировать через пропаганду, произведения искусства, труды историков.

Мы по-прежнему живем в тылу той войны. Война все дальше, но каждое новое поколение входит в жизнь благодаря победе. И об этом ему надо непрестанно напоминать. Однако понимания, что на самом деле значит та война и чем грозит пересмотр ее итогов для сегодняшнего мира, а главное — для России, нет до сих пор. Пересмотр итогов Второй мировой войны ни больше ни меньше часть большого плана по изъятию у России ресурсов и территорий — мирно, официально и в рамках международного права. Первый шаг здесь уже сделан. Назначаются виновники войны. Ее, как теперь считается, начали А. Гитлер с И. В. Сталиным, подписав секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа. Шаг второй: определяются проигравшие в войне. Раз ее начали силы Зла, то победили в ней силы Добра. Зло — тирания, то есть И. В. Сталин с А. Гитлером, добро — Америка, Британия и вообще демократия. Хитрец И. В. Сталин затесался в ряды победителей, но все равно в итоге сталинизм (нацизм) потерпел крах: частично в 1956 г., а окончательно в 1991 г., доказательством чему служит карта мира. Шаг третий: определяется, какое наказание должны понести виновные в развязывании войны, они же проигравшие. Германия, положим, за все уже расплатилась в 1945 г., а вот Россия как преемница СССР — еще нет. И теперь должна вернуть незаконно оккупированные Калининградскую область, Курильские острова, Сахалин, Карелию, Выборг, а заодно Примо-

рье, Кавказ. Россия должна уйти навсегда из СНГ и Восточной Европы, убрать свой бизнес из Западной Европы. Все делается чисто информационными методами. Воевать за Курилы и Восточную Пруссию никто с Россией не будет. Нужно только нам самим поверить в то, что отдать — это правильно и справедливо. Как в 1991 г., когда страна совершенно без всякой войны понесла территориальные потери, невиданные в своей истории. Историческая истина никому из наших политических соперников не нужна. Востребованы только манипуляции ради конкретных материальных целей, гигантских по размерам.

Но в этой «войне мифов» российскому обществу есть на что опереться. Правда истории определяет нравственные императивы народа, мотивирует его на свершение дел, достойных нашей великой истории и великих предков.

В объединениях по любому признаку: семейному, религиозному, партийному, национальному, общегосударственному — всегда работает принцип оправдания и защиты себе подобных. Наверное, поэтому во всех национальных мифологиях «свой народ» всегда успешен, свободолюбив, полон всяческих достоинств. Национальное самооправдание — это естественное человеческое стремление. Позитивная самоидентификация: и в личности, и в семье, и большой человеческой общности — порождает уверенность в завтрашнем дне. В русской истории было много всякого, и не нуждается она ни в лакировке, ни в очернении. Для «славянофилов», «почвенников», «западников», националистов, космополитов, коммунистов, самых ярых либералов — для всех она дает неисчерпаемую массу фактологического материала.

От того, какие выводы будут делаться, основываясь на нашем более чем тысячелетнем прошлом, зависит, есть ли шанс у наших внуков жить и родиться в такой стране — России. Будут ли они еще читать и учиться по-русски. Будут ли сами выбирать свой путь. Или же растворятся, как римляне в германских варварах, как эллины в турках, деградируют в резервациях, как индейцы, или просто исчезнут, как бесследно исчезли некогда гремевшие на наших землях могучие скифы и сарматы.

Хорошо все, что укрепляет страну, народ и личность. Массовый героизм и победа в самой страшной войне. Мы можем разделять или не разделять идеологию коммунистов, но достижения этой эпохи есть, и их нельзя забывать. Эта жизнь народа не «черная дыра» и не «тупик истории». Это сама история, в которой Великая Отечественная война — самая важная часть, главное событие XX в.

Осмысление войны в XXI в.

По предмету своего исследования военная история выступает как часть общественной науки и в то же время военной науки. Внимание к военной истории в последние годы по своим масштабам заинтересованности и участия в развернувшейся дискуссии самых широких слоев населения нашей страны приобрело характер общественного явления.

В периоды кризисов, коренных изменений в истории России, будь то Смутное время, революции 1917 г., Вторая мировая война или современный переходный период, значительно возрастает общественная роль исторической науки, в том числе ее военно-исторической отрасли. В немалой степени это происходит потому, что в связи с коренными изменениями в условиях жизни людей резко обостряется их историческая память. Появляется потребность обращаться к минувшему — одновременно и далекому, и близкому. В переломные моменты жизни общества, когда утрачиваются или резко меняются привычные жизненные ориентиры, люди ищут ответы на вопросы современности в своем прошлом.

Вот почему богатейший опыт, накопленный поколениями, на изломах эпох служит обществу важнейшим нравственным и интеллектуальным арсеналом. В этих условиях общество, государство по-новому всматриваются в историческое прошлое предшествовавших

поколений, по-новому оценивают путь, пройденный страной за многие века, подтверждают или отвергают то, что ранее казалось незыблемо истинным.

Процесс пересмотра исторических ценностей в немалой степени затронул и историческую науку. Появились новые или модернизированные трактовки прошлого, особенно отечественной истории XX в., часто заимствованные из разного рода западных концепций. Вольные трактовки истории советского периода, да и предшествовавших событий русской истории, стали своеобразной модой. Происходит это потому, что в изучении истории, в отличие от естественных и других общественных наук, имеются свои специфические особенности и трудности. «Другие» науки изучают настоящее, а история имеет дело с минувшим. Настоящее реально, конкретно, доступно исследованию разнообразными способами. Что касается прошлого, то река времени унесла его от нас и возвратить его невозможно, но изучать бесценный опыт минувшего необходимо[121].

Наиболее предвзято настроенными критиками выступают большей частью литераторы, публицисты, журналисты, работники электронных средств массовой информации, а не профессиональные историки. Конечно, каждый имеет право на свое мнение по тем или иным историческим проблемам, но важно знать, насколько достоверна база данных, объективен взгляд авторов на события, и не навязывать свое мнение обществу.

Глубина анализа — вот главный критерий, по которому ученые судят о подлинной ценности тех или иных исторических изысканий. К сожалению, все чаще на первый план выходят сенсационность, желание «открытий», за которыми стоят конъюнктура, поиск личной выгоды, нередко любой ценой. Эти мотивы оттесняют извечные ценности народов и народностей России, идеалы добра, справедливости, коллективизма. Самобытность страны, уникальность ее многонационального своеобразия, традиций, мужественность и выносливость, терпеливость и свободолюбие, редкая природная смекалка и изобретательность — это те специфические черты, без глубокого понимания которых любое исследование проблем истории войны не может быть полностью объективным. Без их учета браться за историю войны даже очень талантливому человеку-ученому, писателю, журналисту вряд ли возможно и нужно. При таких обстоятельствах исчезают национально-государственные ориентиры, искусственно формируется тип гражданина, лишенного исторической духовности и того патриотического фундамента, на котором стояла и благодаря которому была непобедима Россия. Объективно трактуемая история России становится ныне одним из условий становления гражданского самосознания народа и национальной идеи, отвечающей требованиям современного переходного этапа развития страны.

История Российского государства неразрывно связана с его военным прошлым. В течение столетий России приходилось силой оружия отстаивать свою независимость и территориальную целостность, оказывать вооруженную помощь другим народам. В военной истории содержатся истоки лучших традиций россиян. Народная память бережно хранит все, что связано с защитой родных очагов, святынь, отеческих могил: лучшими духовными чертами русского человека испокон веков были патриотизм, верность заветам отцов, честь и достоинство, готовность к самопожертвованию во имя Родины.

Советская историография Великой Отечественной войны вплоть до распада СССР постоянно находилась под контролем ЦК КПСС. Хотя после распада Советского Союза исчез контроль сверху, многим отечественным исследователям трудно было в одночасье избавиться от политической ангажированности при освещении событий и анализе проблем Великой Отечественной войны. Иногда определяющими факторами выступали конъюнктурные соображения, экономическая выгода, а то и зависимость от тех, кто распоряжается финансовыми ресурсами. В советское время историю часто называли фронтом идеологической борьбы. Был накоплен большой запас фактических знаний, который не утратил своего значения и в наше время.

На протяжении всего послевоенного времени события Великой Отечественной войны являлись предметом острого идеологического противостояния в отечественной и мировой историографии, искажений, тенденциозности, а подчас открытой неправды. В мировой

истории не было ни одной войны, которая не подвергалась бы фальсификации, но попытки извратить историю войны 1941—1945 гг. достигли невиданных масштабов. На это есть свои причины.

В Великой Отечественной войне решался вопрос о жизни и смерти нашего государства, судьбах всего человечества. Ценой неимоверных усилий и потерь наш народ выдержал выпавшее на его долю испытание, сумел разгромить мощного врага и одержать выдающуюся Победу. Вторая мировая война носила коалиционный характер. На западе главным фронтом был советско-германский, на востоке — американо-японский. Большой вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии США, Великобритании, Китая, Франции и других государств антигитлеровской коалиции. Но основная тяжесть борьбы с жестоким и сильным врагом выпала на долю Советского Союза. В исторических битвах под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и на Курской дуге, на Днепре и в Белоруссии, в Прибалтике, на полях стран Юго-Восточной, Центральной и Северной Европы, на Дальнем Востоке Вооруженные силы СССР нанесли врагу решающие поражения. Они выполнили задачу, которая оказалась не по плечу армиям западных держав: разгромили главные силы вермахта, уничтожив три четверти его военной техники. Гигантские сражения на советско-германском фронте стали важнейшим фактором в изменении соотношения сил противоборствующих коалиций и в достижении перелома в ходе Второй мировой войны. Разгромив и изгнав захватчиков со своей территории, советский народ оказал непосредственную помощь в освобождении от фашистского ига многим народам Европы и Азии, спас мировую цивилизацию.

Огромное значение народного подвига, имена-символы Зои Космодемьянской и Александра Матросова, капитана Н. Гастелло, героев-панфиловцев, подвиг и трагедия миллионов граждан страны вызывают неослабевающий интерес к истории Великой Отечественной войны. О ней многое сказано и написано, героизм наших соотечественников запечатлен в многочисленных литературных произведениях, кинофильмах и на живописных полотнах. Многие факты, события и проблемы истории войны освещены, исследованы и раскрыты. Однако известно еще далеко не все, а что-то, бывшее привычным, воспринимается с недоверием и порой ставится под сомнение.

Социально-политические изменения последних десятилетий в нашей стране и на международной арене побудили отечественных и многих зарубежных исследователей Великой Отечественной войны приступить к переосмыслению прежних оценок и концепций. Казалось бы, в связи с отменой цензуры, доступностью новых массивов архивных документов, в условиях свободы слова, открытого диалога с западными коллегами и использования результатов их исследований имеется возможность более глубокого и объективного изучения истории Великой Отечественной войны. Однако этот процесс идет крайне трудно. Обозначилось несколько факторов, его замедляющих. Прежде всего это недостаточная ясность для многих историков тех ориентиров, к которым должна двигаться отечественная историческая наука. Пока что стремления и заявления, эмоции и внутренняя неудовлетворенность преобладают над научными взглядами и системой ценностей. Причина этих явлений в отечественной истории — в ее новой идеологизации, сужающей многообразие военной реальности 1941—1945 гг. до рамок, определенных политической заданностью в освещении событий и их оценках. Немаловажную роль играют и недостаточная профессиональная подготовка ряда историков, их соглашательская позиция. В результате конъюнктурный бум вокруг частных событий войны сменился забвением ее общих проблем, практическим отсутствием теоретических исследований на эту тему.

Сегодня в научную среду под прикрытием политической демагогии легко проникают посредственность и некомпетентность — серьезное препятствие для новых мыслей и открытий. Образовавшийся вакуум заполняется концепциями и версиями преимущественно западного происхождения. В то же время отсутствие финансовых возможностей у специалистов-историков и архивистов не всегда позволяет выступать в средствах массовой информации.

Задача исторической науки — писать правду на основе добротных источников, объективно исследовать прошлое и рассказывать читателям, что и как было, исправлять допущенные

ранее ошибки и просчеты в освещении истории Великой Отечественной войны. Необходимо освободить историю от всего того, что было привнесено в нее ради оправдания содеянного и самовосхваления, и не только констатировать те трагические и драматические события, которые были в ходе войны, но и объяснять их причины. Все это сложно и трудно: требуется найти не поверхностные односторонние ответы, а глубоко проникнуть в суть событий.

В 1990-е гг. несколько расширился доступ к архивам, появилась возможность существенно раздвинуть горизонты наших знаний о минувшей войне, создать широкую документальную основу и источниковую базу. Разработана реализуемая с 1993 г. научная концепция создания уникальной 50-томной серии сборников документов и материалов «Русский архив: Великая Отечественная»[122]. Таким образом, в качестве главной цели достигается возможность донести специалистам и широкой читательской общественности правду о войне на основе впервые публикуемых в открытой печати подлинных документов.

Как развивались события накануне Великой Отечественной войны? Какие меры предпринимало советское военно-политическое руководство по обеспечению безопасности СССР и укреплению вооруженных сил, особенно после Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., вскрывшей крупные недостатки Красной армии? Как готовились страна, армия, народ к отражению нападения нацистской Германии и ее союзников на нашу страну? Ответы на эти вопросы содержат сборники документов «Приказы народного комиссара обороны 1937 — 21 июня 1941 г.», «Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.», «Накануне войны. Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 г.», «Вестник Архива Президента Российской Федерации» 2009 г. и другие.

Необходимо более детальное изучение опыта политического, государственного и стратегического руководства страной и вооруженной борьбой с началом войны. Как известно, в июне — августе 1941 г. в стране была создана система руководящих органов с чрезвычайными полномочиями в решении народно-хозяйственных задач в целях перевода в сжатые сроки экономики страны на военные рельсы и усиления военной мощи государства. О преодолении допущенных просчетов этого периода свидетельствуют документы Государственного Комитета Обороны, сборники «Ставка Верховного главнокомандования», «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны», в которых публикуются документы о становлении Верховного главнокомандования, в том числе Генерального штаба, форм и методов управления действиями фронтов и сил флота; материалы по вопросам подготовки и проведения ряда операций: документы, освещающие как причины неудач начального периода войны 1941–1942 гг., так и последующих событий на советско-германском фронте. В этих сборниках публикуются, причем в подавляющем большинстве впервые, ранее закрытые подлинные архивные документы и материалы оперативно-стратегического характера. Их дополняет сборник «Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны». В нем на документальной основе раскрывается решение задач поддержания боевой готовности флота, а также такой важной сферы управления, как взаимодействие видов вооруженных сил и родов войск.

Несомненный научный интерес представляет коллекция тематических сборников, посвященных битвам и стратегическим операциям войны. В них документально и наиболее полно показаны характерные черты, особенности подготовки и ведения конкретных операций, развитие военного искусства, достигнутые успехи и недостатки в решении задач управления войсками, показываются возможные пути преодоления допущенных просчетов. Важно то, что в некоторых из них материалы о действиях наших войск дополняются немецкими документами. Укажем на актуальность сборника документов «Битва за Кавказ», раскрывающего особенности боевых действий в горно-лесистой местности, опыт которых не утратил своего значения и в современной обстановке.

Достаточно удачно, на наш взгляд, освещены перечисленные проблемы в архивных документах, публикуемых в сборниках «Битва под Москвой», «Курская битва», «Освобождение Прибалтики», «Операция «Багратион», «Битва за Берлин» и других. Свыше десяти таких

сборников посвящены битвам и важнейшим стратегическим операциям советских войск в годы Великой Отечественной войны.

Вопросы мобилизации личного состава вооруженных сил на выполнение боевых задач, героико-патриотического воспитания, проблемы поднятия морального духа воинов в войне впервые документально излагаются в сборнике «Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Результатом введения в исторический оборот крупных пластов ранее недоступных архивных документов, а также свободных дискуссий и публикаций стало колоссальное накопление новых фактов, знаний о войне. Все это оказывает мощное, порой противоречивое воздействие на духовную жизнь общества. Важно системно анализировать, обобщать все достигнутое в этой области, делать очередной шаг к постижению истины. Документы — неисчерпаемый источник, раскрывающий эту и другие памятные страницы истории Великой Отечественной войны. Кроме того, они являются наиболее действенным оружием против различного рода исказителей военной истории, а их немало. В 1999 г. вышла тенденциозная книга Д. Глэнца (США) «Величайшее поражение Г. Жукова» (Ржевско-Сычёвская операция в ноябре — декабре 1942 г.), а годом раньше в США издан его же труд «Харьков, 1942. Анатомия военного разгрома по советским оценкам». В Англии М. Гилберт, биограф У. Черчилля, издавший его дневники, в третьем томе (1941) утверждает, что осенью 1941 г. Англия спасла Москву.

В исторических работах и публикациях, особенно в средствах массовой информации (электронных и печатных), ответ на вопрос о том, что получили победители и что они потеряли, оказался весьма запутанным и часто сознательно фальсифицируется, в основном потому, что он затрагивает идеологические, политические и иные интересы тех социально-политических сил, которые считают «незаконными» итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн и которые хотят принизить решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма.

Об успехе Курской битвы говорит тот факт, что летнее наступление противника было сорвано. Вермахт впервые в летней кампании потерпел тяжелейшее поражение. Это дало основание А. М. Василевскому сделать вывод, что «разработка оперативно-стратегических задач была осуществлена удачно и что в Курской битве советское военное искусство превзошло германское»[123]. Немало признаний на этот счет имеется и в воспоминаниях немецких генералов.

Директивы Ставки в войска (по несколько директив в сутки разным фронтам и армиям) были конкретны по содержанию, ориентированы по срокам и месту исполнения, нередко уточнялись в связи с меняющейся обстановкой и пожеланиями командующих фронтами и армиями. Связь Ставки с фронтами была постоянной. Она порой реагировала на действия отдельно взятых дивизий и корпусов[124].

Современный этап попыток «пересмотра» истории Великой Отечественной войны существенно отличается от предшествующих периодов и характеризуется следующими основными особенностями:

— определенными концептуальными просчетами в области формирования общественного сознания и позитивного мировоззрения в начале 1990-х гг.;

— слиянием содержания фальсификаций зарубежных (главным образом американских и западноевропейских) историков с фальсификациями ряда отечественных российских историков, публицистов, политиков;

— сосредоточением усилий фальсификаторов всех категорий на главных проблемах истории Великой Отечественной войны: почему СССР победил; каково решающее значение и цена этой победы; оценка освободительной миссии Красной армии в странах Восточной Европы; итоги войны;

— использованием в процессе искажения истории Великой Отечественной войны самых мощных современных технических средств (телевизионных и компьютерных систем, возможностей Интернета, видеофильмов и прочего) и так называемых мастеров пропаганды и в то же время крайне редкими дискуссиями с участием историков-профессионалов;

— отсутствием должной и необходимой оперативной реакции со стороны официальных структур на кампании фальсификаторов истории Великой Отечественной войны;

— отсутствием достаточных финансовых возможностей для разработки и распространения достоверных, патриотически ориентированных научных трудов и учебных пособий.

Развернувшиеся в последние годы процессы, связанные с переосмыслением событий прошедших лет, поисками путей обновления исторического знания о минувшей войне, зачастую сопровождаются проявлениями нигилизма и антиисторизма. Полуправда любой идеологической окраски уводит в сторону от истины. Этому способствует тот факт, что в малоисследованные сферы истории Великой Отечественной войны активно вторглись публицисты, журналисты, то есть те, кто в лучшем случае историю знает на уровне явления, но не сущности. Как никогда сегодня необходима достоверная научная история войны, которая помогла бы сделать обоснованные выводы из прошлого опыта и помочь без новых трагических ошибок решать проблемы современности. Без осмысления и усвоения уроков минувшего невозможен успех преобразований.

Знание истории Великой Отечественной войны, дальнейшее ее изучение нужно не только для удовлетворения вполне понятной любознательности, оно необходимо для ответа на животрепещущие вопросы жизни общества, государства и его вооруженных сил. Кто мы такие? Как и ради чего мы воевали? Как и почему мы победили? В чем основа и смысл патриотизма?

Многие проблемы Великой Отечественной войны нуждаются в дальнейшем исследовании в последующих томах многотомного труда. Недостаточно изучено происхождение Второй мировой и Великой Отечественной войн, по этому вопросу ведутся споры, выдвигаются всякого рода версии. Важной задачей является раскрытие действительной роли Советского Союза в достижении победы во Второй мировой войне. Большего внимания требует освещение движения Сопротивления в оккупированных вермахтом странах, соотношения внешних и внутренних сил при освобождении этих стран от нацистских захватчиков. Очевидна необходимость более глубокого исследования опыта политического, государственного и стратегического руководства вооруженной борьбой на фронте и партизанскими формированиями в тылу врага, организаторской работы Генерального штаба Красной армии и Главного штаба Военно-морского флота.

Важное значение имеет анализ механизма принятия стратегических и оперативно-стратегических решений. Значительный шаг в этом направлении сделан. Созданы две во многом дополняющие друг друга фундаментальные работы: «Стратегические решения и вооруженные силы» и «Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение»[125]. Требует дальнейшего исследования проблема потерь и история военнопленных. В последующих томах необходимо провести глубокий и объективный анализ всего комплекса экономических, политических, дипломатических, юридических и военных мероприятий, осуществленных накануне и в ходе войны. По многим операциям Вооруженных сил СССР пока еще нет фундаментальных исследований, соответствующих современному уровню военно-исторической науки. Необходимо обобщить богатейший исторический материал по ведению боевых действий в сложных природных условиях: в горах, лесисто-болотистой местности и прочих.

В настоящем многотомнике предметом тщательного изучения должна стать проблема единства народов СССР в борьбе с немецкими захватчиками. Война была воспринята не всем советским обществом однозначно. Патриотически настроенное большинство народа активно участвовало в борьбе с агрессором. Но некоторая часть населения оказалась на стороне врага. Было немало тех, кто добровольно вступил в войска вермахта или СС, в карательные отряды, кто пошел на службу в административные и политические структуры оккупационного режима[126].

Продолжают оставаться актуальными и такие проблемы, как война и экономическая мобилизация общества, его людских и материальных ресурсов, перестройка экономики на военный лад, создание и развитие военного хозяйства, конкретные формы участия в этом процессе рабочих, крестьян, интеллигенции.

При освещении работы советского тыла, как правило, не находят отражения вопросы цены трудовых достижений, соотношения интенсивных и экстенсивных факторов в экономике, отрицательной роли репрессивных мер. Не секрет, что в тылу, как и на фронте, действовали принципы «любой ценой», «во что бы то ни стало». Историки только лишь начали писать о трудностях повседневной жизни простых людей в годы войны.

В настоящем труде требует дальнейшей разработки проблема развития военного хозяйства СССР в 1941–1945 гг. Для объективного изучения народного хозяйства СССР в годы войны, его роли в победоносном ее завершении необходимо комплексное рассмотрение экономической структуры страны, оснащения армии всеми видами военной техники и оружия, удельного веса и значения помощи союзников по антигитлеровской коалиции, сравнительного анализа экономического потенциала Германии и ее союзников.

Изучение истории Великой Отечественной войны способствовало развитию таких дисциплин, как историография и источниковедение, археография, археология, и ряда других отраслей знаний, которые образуют фундамент сегодняшних и завтрашних исследований. Отрицательный опыт в науке тоже имеет определенную ценность. Это не только знание того, «как писать не следует» и «как делать не надо», но и совокупность «отрицательных» методик, приемов, применение которых создает поле антинауки. Распознание и разоблачение ее методов, внешняя и внутренняя критика источников, их археографическая экспертиза, объективный анализ с учетом достижений современной науки — важная составная часть работы историков.

В литературе, посвященной итогам войны, пока нет ответов на вопросы о роли Великой Отечественной войны в истории СССР, о влиянии войны на дальнейшее развитие страны. Нужен ответ и на вопрос о том, почему СССР в полной мере не смог воспользоваться плодами победы и на ком лежит ответственность за это. Даже в освещении такой темы, как преступления нацизма, немало белых пятен. До сих пор у нас полностью не опубликованы материалы Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, а также других послевоенных процессов.

Успешное решение стоящих перед исторической наукой задач зависит от ряда условий. В первую очередь необходимо методологически и теоретически закрепить наметившуюся тенденцию приоритетной постановки новой проблематики и объективного взгляда на историю, добиться четкости в понимании белых пятен. Пора историкам осознать, что свобода слова вовсе не означает свободу от знаний, компетентности, глубокого изучения предмета исследования. Излишняя увлеченность «реформированием» вновь сделала актуальной проблему государственно-патриотического воспитания граждан России, прежде всего молодежи. Для формирования гражданского сознания, обучения и воспитания молодых поколений необходим, образно говоря, «интеллектуальный генератор», насыщающий общество позитивными и поучительными уроками истории.

Важным условием авторитета исторических исследований является совершенствование системы подготовки кадров историков высшей квалификации — кандидатов и докторов наук. Эта подготовка пока грешит многими изъянами. Прежде всего слабо стимулируется и популяризируется труд уже состоявшихся военных историков. Развитие военно-исторической мысли, становление молодых историков тормозится рядом трудностей. Многие редакции СМИ правде истории зачастую предпочитают коммерческий подход и погоню за сенсацией.

В современной обстановке при слабой государственной финансовой поддержке издательств, а порой и при полном ее отсутствии даже многие видные военные историки вынуждены затрачивать немалые усилия в поисках издателя, на свои средства выпускать в свет полезные и нужные для общества работы, которые печатаются ничтожно малым тиражом. В то же время некоторые редакции и издательства охотно идут на публикацию работ западных авторов, в которых история Великой Отечественной войны излагается весьма тенденциозно.

Все это наводит на размышления: от кого же и какую правду узнают наши читатели и кто должен обеспечить необходимые материальные условия для подготовки квалифицированных кадров историков и издания научных трудов? Создать правдивую историю Великой Отечественной войны можно только на принципиально расширенной источниковой базе. Ранее отмечалось, что за последние годы в этом наметились позитивные изменения. Исследователям необходимо предоставить упрощенный доступ к архивам: до сих пор он остается ограниченным, а многие материалы по-прежнему закрыты. Все еще существуют ограничительные условия публикаций, неоправданная задержка рассекречивания архивных документов, уже не содержащих ни государственной и военной тайны, ни тайны личной жизни[127].

Принятый в 1993 г. закон Российской Федерации «О государственной тайне» закрепил нормы, усложняющие процедуру рассекречивания архивных документов, но доступ ко многим архивам сегодня — понятие весьма условное. В государственных и ведомственных хранилищах имеет место дифференцированный подход к пользователям архивов, объясняемый совокупностью причин, среди которых коммерческие интересы занимают не последнее место. Соблюдается жесткий отбор пользователей и в зависимости от целей их работы и уровня профессионализма определяются рамки ознакомления с научно-справочным аппаратом и документальными комплексами.

Расширение базы источников зависит, конечно, не только от степени доступности документальных материалов, но и от активности работы самого исследователя в архивах и ввода новых документов в научный оборот. Количество работающих в архивах исследователей возрастает. Примечательно, что увеличивается число зарубежных исследователей, которые составляют почти половину всех работающих в архивах. Это свидетельствует, с одной стороны, об углублении международного сотрудничества, а с другой — о недостаточной интенсивности освоения нового комплекса документов отечественными исследователями.

Весьма важным, как отмечалось выше, является расширение публикаций документальных источников по истории Великой Отечественной войны. Ввод в общественный оборот новых документальных материалов, ранее сокрытых исторических фактов служит основой «перепроверки» устоявшихся стереотипов, что имеет существенное значение в воссоздании объективного исторического видения. Появившиеся в последнее время на страницах книг и журналов новые сведения и факты, в большинстве своем негативные, вырванные из контекста истории, порождают впечатление, что все наше прошлое состоит из преступлений, страданий и страха. Очевидно, что такое использование архивных источников приводит к очередному искажению прошлого.

Для правдивого отражения событий Великой Отечественной войны не обойтись без документов высших партийных и государственных органов — Политбюро ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР, а с началом войны — Государственного Комитета Обороны. Эти источники нужны как можно в более полном объеме, ибо только комплексный анализ имевших политическое значение документов высшего партийно-государственного руководства, принятых на их основе органами военного управления решений и материалов исполнительных инстанций на местах позволит детально разобраться в происходившем. Сохраняющаяся до сего времени недоступность таких документов для исследователей и широкого круга читателей является главным препятствием для подлинного познания нашей истории.

Но публикация новых документов, как бы она ни была важна, не исчерпывает работу историка. Время требует серьезного переосмысления прошлого, критического самоанализа, активизации научно-исследовательской работы, создания фундаментальных трудов, правдиво освещающих историю Великой Отечественной войны. Нужны монографические исследования по кардинальным проблемам истории войны, дискуссии, научные конференции, симпозиумы и круглые столы с участием широкого круга специалистов.

Необходимым условием плодотворной деятельности историка является востребованность политическим и военным руководством страны результатов военно-исторической науки при формировании и реализации военной политики и военной доктрины, потребность всего общества в военно-исторических знаниях.

Сегодня на развитие российской историографии Великой Отечественной войны влияют многочисленные, нередко противоречивые социально-политические и экономические факторы, действующие в обществе. Это создает значительные трудности в разработке качественно новых научных трудов и учебников, в подготовке научных и педагогических кадров. До сих пор сохраняется высокая степень политизации истории, а дискуссии, в частности с показом на телеэкране, порой выходят за рамки науки, приобретают идеологический характер. В такой ситуации затруднено не только рассмотрение сложных проблем Великой Отечественной войны, но и тормозятся процессы выработки конструктивных концептуальных подходов и формирования новых направлений в отечественной историографии.

Актуальной задачей является преодоление кризиса методологии исследования. Важно избежать типичной ошибки на крутом повороте общественного развития: мы не должны отвергать положительное из прежнего арсенала отечественного исторического инструментария, следует творчески отнестись к достоянию советской историографии. Для этого необходимо преодолеть теоретический разброд, в котором оказалась историческая наука.

Нынешнее состояние истории как науки накладывает свой отпечаток на положение дел с преподаванием этой дисциплины в средних и высших учебных заведениях. Многие учебники по истории для школьников и студентов не выдерживают критики. Исторические факты в них зачастую запутаны, интерпретация событий порой поверхностна, подчас просто неверна. Только достоверная история Великой Отечественной войны будет содействовать воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма.

Память о великом воинском и трудовом подвиге сплотившихся воедино для отпора фашистским захватчикам народов нашей страны, поставивших взятием Берлина, освобождением Праги победную точку в войне против гитлеризма, вновь всколыхнула волну общественного интереса не только к истории минувшей войны, но и к военной истории России в целом. Миллионы людей с большим интересом знакомятся с анналами русской славы, стремятся учесть уроки прошлого при осмыслении ответов на вызовы современности. Живая связь с историей помогает в наши дни прокладывать наиболее верные пути в будущее, формулировать на основе исторических ценностей национальную идею России. Без фундаментально разработанной военной истории невозможно создать целостный, сочетающий интересы национальной безопасности базис военного строительства России. Становление и развитие нашей страны во многом зависели от того, насколько успешно решались проблемы военной безопасности, как удавалось защищать рубежи Отечества. За девять с лишним веков истории России пришлось вести сотни больших и малых войн (в большинстве оборонительных), участвовать в многочисленных вооруженных конфликтах различной интенсивности — от пограничных столкновений до мировых войн.

Мировоззренческая функция является важнейшей задачей военной истории. Она выражается, во-первых, в осмыслении значения и места войны в историческом процессе, роли в ней человека, в выработке отношения к войне как средству изменения действительности в интересах общества и государства; во-вторых, данная функция способствует развитию общей, в том числе военной культуры человека и гражданина.

Не менее важна образовательная функция военной истории, создающая базис профессиональных знаний, умений и навыков, способствующая освоению и повышению уровня воинского мастерства, расширению кругозора, развитию творческого мышления.

И, наконец, воспитательная функция, которая раскрывает героическое прошлое нашей Родины, способствует повышению морального духа народа, является не только побудительным мотивом воспитания высоких нравственных качеств воина, но и непосредственно участвует в формировании личности гражданина — патриота России.

Военная история учит не только осмысливать опыт минувших войн, но и постигать факторы, ведущие к победе над врагом. Как важнейшая часть отечественного культурного наследия военная история способствует анализу многочисленных процессов современности, их прогнозированию, облегчает поиск путей выхода из кризисных состояний общества.

Уроки войны и победы

Историческая память в своей основе конкретна. Она не просто регистрирует события, но подвергает их определенному истолкованию, деятельно участвует в формировании определенного типа человека, личности. В этом одна из предпосылок, почему представления о Великой Отечественной войне, победе над фашизмом оказывают влияние на мировоззрение людей, а вместе с ним и на толкование ее возникновения, хода, итогов и уроков. В нынешних условиях, пожалуй, в наибольшей степени имеет значение толкование уроков. Это связано с тем, что после войны не все народы и государства в одинаковой мере воспользовались плодами победы, извлекли необходимые уроки, а некоторыми из них просто пренебрегли.

Известно, что прошлое помогает лучше понять настоящее и предвидеть будущее, определить наиболее эффективные формы и методы деятельности в различных условиях. Кропотливый анализ пройденного может выполнять различные функции: подтверждать соответствие или несоответствие каких-то явлений, форм, методов ходу исторического развития, предупреждать о недопустимости одних и желательности других, напоминать о необходимости выполнения тех или иных требований жизни, общественного развития.

Уроки минувшей войны советского народа с фашистской Германией отражают историческую неизбежность победы над фашизмом как свершившегося действия, факта. Она — неотъемлемое звено прошлого, настоящего и будущего. Без этой победы история человечества была бы иной. Потому в числе уроков особое значение имеют уроки исторического оптимизма и исторического возмездия.

Исторический оптимизм связан, во-первых, с ведущей ролью СССР в борьбе с фашизмом и, во-вторых, с реализацией в ходе войны приоритета общечеловеческих ценностей и демократической направленности развития в обществе. Он воплощен в самой победе над фашистско-милитаристской военной машиной и политической системой в Германии, Италии, Японии и некоторых других странах. Победа выразила единство решения национальных и общечеловеческих задач. В силу сложившихся обстоятельств Советский Союз оказался единственной страной, способной остановить агрессора и тем самым создать условия для реального объединения всех антифашистских сил в борьбе с агрессией и победы над захватчиками во Второй мировой войне. Защитив свою Родину, советские люди спасли от порабощения и физического истребления целые народы, предотвратили гибель многих государств, не позволили уничтожить цивилизацию. Цели Советского Союза предполагали решение комплекса задач всемирно-исторического значения: от разгрома фашистских политических режимов с их реакционной идеологией и милитаризмом до создания условий для прочного, демократического мира после войны.

Историческое возмездие, настигшее фашистско-милитаристских агрессоров, потому и является историческим, что было направлено против такой реакционной силы, которая не только препятствовала свободной и демократической жизни народов и государств, но и угрожала им физическим уничтожением. Перефразируя слова К. Маркса о законе исторического возмездия, можно утверждать, что агрессор был разгромлен с помощью того орудия, которое он создал и привел в действие — с помощью войны. Выступив с войной против миролюбивых народов, а также против государств и народов антигитлеровской коалиции, против демократии и свободы, гитлеровский фашизм сам сгорел в огне вызванного им пожара. Это закономерный итог борьбы Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции с агрессивными силами, угрожающими свободе и независимости народов. Как правило, и в прошлом агрессор, угрожавший народам России, терпел поражение. Вот почему так актуально звучали во время войны слова Александра Невского из одноименного кинофильма режиссера С. М. Эйзенштейна: «Кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет!».

Важным слагаемым исторического возмездия стало наказание военных преступников. Впервые в истории народы, одержавшие Великую Победу, привлекли к уголовной

ответственности и заставили понести справедливое наказание инициаторов агрессивной войны. Неотвратимость расплаты за причиненное зло стала одним из сильнейших общественно-политических воспитательных факторов международного значения, подкрепленная международным правом. Нюрнбергский и Токийский процессы явились судом народов, судом истории над виновниками Второй мировой войны и агрессии против СССР и других стран и тем самым судом над международной реакцией, победой идеалов справедливости, торжеством добра над злом.

И здесь еще один урок, утверждающий историческую истину о том, что в справедливом огне погибли отжившие общественные учреждения. В войне, в которой решались крупные социальные проблемы, велось противоборство не на жизнь, а на смерть, проявился огромный политический, организаторский, духовный потенциал нового общества, государства, раскрылись величие души советского народа, его героизм, способность к самовыживанию и готовность к самопожертвованию во имя спасения Родины. В то же время война вскрыла противоречия, накопившиеся в обществе, обозначила существенные недостатки системы управления, способов решения национальных, социальных и политических проблем. Но в целом наше общество выполнило свою историческую роль в самой страшной и тяжелой из войн, которые вело Отечество.

Годы Второй мировой войны, в которой Великая Отечественная была основной ее частью, стали временем согласованных действий различных социально-политических сил в борьбе с общей опасностью. Разрешение противоречия между демократией и реакцией (фашизмом) нашло выражение в уникальном политическом достижении Второй мировой войны — антигитлеровской коалиции. Ведь в основе ее функционирования и развития лежали принципы суверенности и равенства стран и народов в выборе форм правления, сотрудничества в интересах обеспечения более высокого уровня жизни, экономического развития и социального обеспечения; устройства мира, основанного не на насилии, в котором люди всей земли могли бы свою жизнь строить без страха и нужды. Тем самым уже на пути к победе над фашизмом возникли начала нового понимания истории, нового образа действий государств, независимо от их общественного строя. Об этом убедительно свидетельствуют и итоги конференций глав правительств трех великих держав: Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской. Их созыв и работа — результат реалистического подхода к решению сложных вопросов ведения войны, ее завершения и послевоенного устройства мира. Они были нацелены на долговременное сотрудничество великих держав, взявших на себя ответственность за уничтожение фашизма и послевоенное сохранение мира.

Одним из уроков является необходимость закрепления добытой с таким трудом и такой кровью победы. Это обязательная предпосылка необратимости позитивных процессов, получивших начало в ходе справедливой войны и в результате разгрома германского фашизма, а затем и японского милитаризма. Закрепление победы создавало условия прежде всего для восстановления пострадавшей в ходе войны страны и ее последующего прогрессивного развития. Оно также оказалось благоприятным и для развития общедемократических процессов в других странах, реализации новых возможностей в решении проблемы войны и мира.

Наша страна, одержав победу над нацистской Германией, вышла из войны с огромным морально-политическим авторитетом, сильной в военном отношении, но с ослабленной гражданской экономикой и большими потерями. Во время войны советские люди расправили плечи и почувствовали свою силу. Это позволило стране к середине 1950-х гг. в основном устранить на советской земле причиненные фашистами разрушения, поднять из развалин десятки и сотни городов и сел. Был восстановлен и превзойден промышленный потенциал страны, ожило сельское хозяйство. В области образования, науки и культуры удалось добиться больших успехов: по оценке ЮНЕСКО, Советский Союз в начале 1960-х гг. по уровню образования вышел на третье место в мире. Он первым шагнул в космос. Были и другие достижения в материальной, социальной и духовной областях. Место и роль СССР в мировом сообществе возросли многократно.

Однако в последующем случилось то, чего никак не ожидали советские люди: страна, выигравшая войну, и ее народ-победитель постепенно стали жить хуже, чем побежденные. Советский Союз распался на несколько независимых государств. Нарушилось единое экономическое и оборонное пространство, обострились прежние и возникли новые противоречия: политические, этническо-национальные, территориальные и прочие. На территории бывшего СССР возникли вооруженные конфликты. Изменилась духовная атмосфера. Республики, бывшие ранее в Советском Союзе, оказались отброшенными в своем развитии назад на несколько лет.

Причин этому несколько, но искать их в победе над фашизмом было бы неправильно. В то же время правомерно полагать, что в определенной степени она оказала чрезмерное успокаивающее воздействие. В истории нередко были случаи, когда победитель в войне в мирное время не сумел воспользоваться ее результатами и отставал в своем развитии от побежденных.

С точки зрения исторического развития, закрепление победы получило выражение в заключении мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией, в решении проблемы денацификации Германии и прочем. В середине 1970-х гг. произошло смягчение международной обстановки, усилилось сотрудничество между европейскими государствами независимо от их социального строя, появились признаки создания системы коллективной безопасности в Европе. В августе 1975 г. на совещании в Хельсинки 33 европейских государства, США и Канада подписали Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Он содержит в себе признание сложившихся в итоге победы над фашизмом и послевоенного развития территориальных границ, необходимости мирного урегулирования споров, принципа создания надежной основы для исключения агрессии из международных отношений.

Это важное историческое событие в конце 1970-х — начале 1980-х гг. получило дальнейшее развитие в связи с обострением международной обстановки, когда угроза ядерной войны стала особенно ощутимой. По-видимому, все же некоторые уроки истории политическим руководством учитывались, ибо после очередного обострения «холодной войны» во второй половине 1980-х гг. наступила очередная разрядка. Отношения между СССР и США улучшились, «холодная война» отступила, а вместе с ней и ядерная опасность. Начался процесс реального ядерного и общего разоружения. В рамках СБСЕ было принято решение о сокращении в Европе обычных средств ведения войны, в первую очередь наступательного оружия, об ограничении численности личного состава вооруженных сил европейских стран. Эти и некоторые другие факторы стимулировали перемены в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Произошла смена моделей международных отношений. Исчезло противостояние Восток — Запад. Существенно изменилась геополитическая карта Европы. Казалось, общественность, политики, государственные и военные деятели стали все больше усваивать ту истину, что в ядерный век надо мыслить новыми категориями, ибо речь идет о выживании и сохранении рода человеческого. Между тем действительность начала XXI в. показала, что военная сила продолжает играть большую роль в международных отношениях, да и в жизни отдельных государств и народов. Тенденции решения спорных вопросов и обеспечения безопасности политическими и другими не военно-силовыми средствами противостоит сильная тенденция решения спорных вопросов военно-силовыми средствами. Об этом свидетельствуют многочисленные локальные вооруженные конфликты. Количество последних, к сожалению, не только не уменьшилось, но, напротив, увеличилось. Одновременно мировому сообществу брошен вызов со стороны международных террористических и других организаций, опирающихся на мощную военную силу.

В связи со сказанным продолжает сохранять огромное значение урок, обязывающий учитывать коренное изменение места и роли войны и военного насилия в жизни общества вообще. Это означает, что гонка вооружений и терроризм любого толка сдерживают социальный прогресс, тормозят экономическое развитие стран и не позволяют повышать уро-

вень жизни народов. Кроме того, вровень с военной угрозой встали экологические угрозы вследствие разрушения природной среды, разрыва между развитыми и развивающимися частями мира.

Отсюда следует, что категорическим императивом нашего времени является не только недопущение ядерной войны и борьба с международным терроризмом, но и урегулирование и недопущение локальных вооруженных конфликтов, гонки вооружений, применения военной силы там, где противоречия и спорные вопросы могут разрешаться политическими и иными ненасильственными средствами. Теперь и безопасность государств не является функцией только военной силы. Наступило время, когда межгосударственные отношения, отношения между народами должны быть подчинены политике сохранения мира, решительного отказа от угрозы силой и тем более ее применения. Мировая политика должна основываться на широкой демократизации и гуманизации отношений. Таков еще один обязывающий урок.

Существенным уроком минувшей войны является необходимость отказа от национального, расового, классового эгоцентризма, чрезмерной идеологизации международных отношений. Необходимо также, чтобы у различных стран и народов была жизненная потребность в сотрудничестве ради предотвращения войны, в борьбе с ядерной опасностью и терроризмом. То, что это возможно, убедительно показали создание и функционирование во время Второй мировой войны антигитлеровской коалиции, ее решительная победа над блоком фашистских государств-агрессоров. Теперь же сотрудничество государств мира приобретает новые черты и сталкивается с новыми задачами, получившими название глобальных. Здесь важно находить пути решения самых острых и спорных вопросов, идти на разумные и приемлемые для каждой из сторон компромиссы, находить взаимовыгодные решения, эффективно действовать ради достижения совместной цели. Перед государствами и народами все больше и больше растет потребность в сотрудничестве ради мира на земле.

Новые содержание и направление получил урок, относящийся к обеспечению национальной, региональной и международной безопасности. Воплощая в себе диалектическую связь исторического опыта и современных задач, стоящих перед Россией, другими странами и перед человечеством в целом, новое в уроке безопасности заключено прежде всего в том, что прежние представления о безопасности и стабильности уже не могут считаться достаточными. Еще в 1970-е гг. было осознано, что в сфере безопасности происходят перемены принципиального характера, касающиеся не только путей и средств обеспечения безопасности в мире, но и самой сути понятия безопасности в новых исторических условиях, что военная сила перестает быть главным, основным средством решения политических, социальных, экономических, национальных и иных проблем. Понятие безопасности отражает теперь такую объективную потребность стран и народов, как необходимость защитить окружающую природу, саму социальную жизнь, устранить из нее причины, порождающие насилие, жестокость, человеконенавистничество и прочее; в интересах безопасности необходима оптимизация условий существования человека при обязательном исключении насилия над природой, общественными отношениями и личностью.

Вместе с тем и после мировой войны шли локальные войны, возникали вооруженные конфликты. Не исчезли угрозы национальной безопасности. Поэтому еще один урок минувшей войны и победы над фашистами состоит в необходимости надежной защиты страны от любых внешних угроз, в том числе и военных. Такая защита должна строиться на поддержании необходимого и достаточного оборонного потенциала (военной мощи) и построении стабильной системы международных отношений во всех областях: политической, экономической, социальной, военной, экологической, духовной.

Оборонная (военная) мощь необходима для сохранения территориальной целостности и национальной стабильности России и других государств СНГ. Им требуется военная мощь для обеспечения своей безопасности при возникновении кризисных ситуаций в непосредственной близости от их границ, для участия в случае необходимости в коллективных международных акциях по сдерживанию возможной агрессии в отношении других государств.

Непосредственным носителем необходимой военной мощи государства являются его вооруженные силы. Их главная задача — быть фактором стабильности общества, обеспечивать суверенитет, целостность и независимость государств. Вооруженные силы призваны решать эту задачу меньшей численностью, но с высоким профессионализмом в соответствии с новой концепцией защиты Отечества.

Итоги Великой Отечественной войны и победы над фашизмом постоянно напоминают о том, что чем значительнее историческое событие, тем поучительнее уроки, которые следует учитывать народам России, другим странам СНГ, да и всему человечеству. Это особенно важно понимать как политическому и военному руководству страны, так и всему обществу, каждому человеку. Отсюда вытекает еще один важный урок. Это урок реализма во внутренней и внешней политике, особенно при оценке состояния и тенденций развития общества, международной обстановки, соотношения сил мира и сил войны, основных тенденций исторического развития, а также высокой ответственности за выработку и принятие решений, которые отвечали бы условиям обстановки и потребностям, интересам страны, народа.

Ошибки и просчеты, допущенные накануне и в ходе войны, дорого стоили советскому народу. Исправление их было достигнуто ценой больших жертв и лишений. Дорого стоили и ошибки, допущенные политическим руководством в послевоенные годы. Правящие партии, правительство и народ должны критически оценивать свою деятельность, чего так не хватало в прошлом и не хватает сейчас. А ведь известно, что отношение партий, правительств, личностей к собственным ошибкам характеризует степень их зрелости и ответственности. Еще в древности говорили, что нужно бояться не планов неприятеля, а своих ошибок. А это означает, что урок состоит и в том, что крайне опасно абсолютизировать, догматизировать отдельные теоретические положения, принципы и выводы, политику государства, верные в одних условиях и устаревшие в других. Большую опасность для дела мира представляют упрощенное толкование противоречий между различными социальными системами и путей их разрешения, а также вера в непогрешимость собственных представлений о мире и протекающих в нем процессов, в непогрешимость осуществляемых мер.

В числе уроков Великой войны и Великой Победы над фашизмом особое место занимает урок патриотизма, урок готовности к защите Родины. Его важность особенно велика в переходный для общества период, когда наряду с положительными тенденциями особенно заметно разрушительное действие негативных явлений, свидетельствующих об ослаблении у некоторой части общества чувства патриотизма, о непонимании и даже об отрицании ею конституционного долга защиты Отечества.

Отсюда еще один урок минувшей войны и победы над фашизмом, урок послевоенных лет: жизненная потребность воспитания любви к Родине, гордости за Отечество, уважения к своей истории, делам и традициям предшествующих поколений. История Великой Отечественной войны, история победы над фашизмом является важнейшим и обязательным средством формирования патриотических качеств россиян, которые вобрали в себя все лучшее, что создано трудом, отвагой, творческим гением миллионов людей всех наций и народностей.

История Великой Отечественной войны продолжает оказывать мощное воздействие как на ум человека, так и на его чувства. Удовлетворяя его желание лучше понять события войны, она помогает более правильно определять свое отношение к событиям нынешним и тем самым поступать разумно, бороться с невежеством.

История этой войны учит молодежь, как непосредственно, практически защищать Родину, изучать военное дело, помогает понять необходимость овладения военным делом. Однако следовать примеру героев Великой Отечественной войны — это не значит их копировать. Важно, чтобы молодежь воспринимала сущность подвигов героев войны, их убежденность и преданность своему народу, любовь к Родине.

Живая связь с историей своего Отечества умножает наши силы. Обращение к истории Великой Отечественной войны помогает нам решать сложные задачи и преодолевать трудности, служит делу мира и социального прогресса.

Военная история — фактор развития современной России

Военную судьбу России, уникальной евроазиатской державы, не понять, не осознав глубину ее военно-исторических корней, не оценив питающую эти корни «хорошую» и «плохую» наследственность. Можно ли рассчитывать на успех в деле создания профессиональных вооруженных сил, игнорируя национальное военное наследие, содержащее не только достижения, но и просчеты? Для строительства армии, болезненно возрождающейся к жизни в новой России, обращение к забытым или искаженным страницам отечественной военной истории сулит немало откровений. Нам не чужда национальная гордость, чужд дежурный патриотизм: «Не все в любимой России должны мы принять и благословить. Но все должны понять и разгадать» (Г. В. Флоровский).

Древняя Русь имела дружинное войско, типологически сравнимое и не уступавшее в боеспособности вооруженным силам восточно- и североевропейских королевств. Военное искусство ее полководцев не только сопоставимо с лучшими европейскими и азиатскими образцами, но нередко их превосходит. Силы страны на протяжении веков истощались княжескими междоусобицами и постоянной борьбой с кочевниками Великой степи. Монголо-татарское завоевание и вторжения немецко-шведских крестоносцев приблизили катастрофу русской государственности, культуры и военного дела. На несколько веков русская военная сила оказалась втянутой в орбиту военной организации Востока, главным образом монгольской державы.

Из мировой истории известно, что наиболее воинственные этносы (арийцы, семито-хамиты, монголы) отличались своеобразной нравственной энергией — энергией деструктивного плана. Герберт Спенсер писал, что «превосходство типа» не было общей чертой завоевательных рас. Они брали верх над неагрессивными свободолюбивыми народами не нравственным превосходством, а, скорее, высокой организованностью и неуемной жаждой разрушения. Но эта энергия оказалась в конце концов бессильной перед устоявшейся цивилизацией. Сами же «варвары» растворились в более высокой культуре. Так было при великом переселении народов в IV—VII вв., во время монголо-татарских завоеваний в XIII в., аналогичной была судьба грозных викингов и беспощадных племен Тибета, ставшего затем символом мира и покоя.

Борьба с завоевателями многому научила русских людей, помогла осознать великую силу единства и сплоченности. Раздробленная Русь не могла сдержать напора Золотой Орды, была ею подавлена и включена в ее состав на две сотни лет. И лишь тогда, когда в массовом сознании возобладала генетическая память о единой и великой Святой Руси, когда инициированная правителями и духовными пастырями она превратилась в общенациональную освободительную силу, иноземному игу пришел конец. Нравственная энергия со знаком «минус» вызвала к жизни духовную энергию со знаком «плюс», заставившую угнетаемые народы объединиться для отпора врагу на почве патриотизма.

Отечественная и мировая военная история свидетельствует об определяющем значении духовно-нравственных качеств воина. Наполеон I утверждал, что во всяком боевом деле три четверти успеха зависят от нравственной стороны и лишь одна — от материальной. В нравственных силах войск видел главный источник победы А. В. Суворов. В «Науке побеждать» он изложил систему воспитательных приемов и средств нравственной закалки солдата. Армия, народ в целом сильны главным образом своим духом, способностью подниматься до нравственных высот, когда решается судьба Отечества. Русский философ, поэт и публицист В. С. Соловьёв, сын выдающегося русского историка С. М. Соловьёва, писал: «...наша истинная патриотическая обязанность — желать и стремиться, чтобы наше Отечество было не только материально, но, главное, нравственно и духовно сильным... Факты нравственные, с одной стороны, более обширны, а с другой — более глубоко скрыты, чем факты материальные. Поэтому их наблюдение, классификация, научная постановка значительно труднее».

Военный героизм проходит красной нитью через всю историю России, превращаясь в отличительную черту национального характера россиян. В лихие годины именно необычайный взлет народного духа был той спасительной силой, которая позволяла с честью выйти из ниспосланных нам испытаний. При этом прелюдией к массовым проявлениям героизма служили подвиги героев-одиночек. Когда во время польско-литовской интервенции войска пана Лисовского подошли к стенам Троице-Сергиева монастыря (1608) и пытались сделать подкоп, крестьяне местной слободы Шилов и Слота упредили врага и, пожертвовав собой, взорвали ход вместе с поляками. Вдохновленные этим примером, монахи в течение 16 месяцев отбивали атаки, так и не пропустив врага.

Вспомним патриарха Гермогена, вспомним 20-месячную оборону Смоленска (1609–1611) против войск польского короля Сигизмунда. Идея бескорыстной защиты Отечества доминировала не только в крестьянстве и духовенстве, но и в высшем сословии. Бесстрашный Н. Н. Раевский в бою под Салтановкой (1812), увидев колебание своих солдат, вывел перед строем под картечь двух своих сыновей (одному из которых было 15 лет, а другому — 10 лет) и вместе с ними повел войско в атаку.

Уровень патриотизма в общественном сознании во многом зависит от «государственной зрелости» народа, его сплоченности в единое государственное целое. В этом случае понятие «отечество» не ограничивается стенами одного города и принадлежащими ему землями, а распространяется на территорию всей страны. Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что одним из наиболее питательных источников патриотизма в истории России со времен Древней Руси являлось православие. Россияне сражались не только за Родину, но и за веру Христову. Православная вера сыграла огромную роль в становлении русской государственности. Патриотизм и православная вера слились воедино, стали той непреодолимой нравственной силой, которая сокрушала врага. К религиозному чувству войска Дмитрия Донского взывал в 1380 г. игумен Троице-Сергиева монастыря Сергий Радонежский, и выигранная русскими Куликовская битва была закономерным следствием не только патриотического, но и религиозного энтузиазма. Впрочем, так же обстояло дело и в битве со шведами на Неве (1240), и с немцами на Чудском озере (1242).

Военная сила Московского княжества крепла с образованием централизованного государства, возобновившего борьбу за наследие Древней Руси. Разгром Иваном Грозным последних восточных ханств (Казань и Астрахань) во многом способствовал ратному могуществу страны. Однако тирания царя, разгул опричнины привели к ее ослаблению и поражению в Ливонской войне, гибели царствовавшей династии и второй катастрофе русской государственности — Смутному времени. Когда понятия «отечество», «православная вера» слились в народном сознании с понятием государственности, сформировалось знаменитое триединство: «За веру, царя и отечество». Оно стало высшим нравственным императивом воинской службы, подразумевающим верность царю как помазаннику Бога на земле. Царь занял в нем место связующего звена между верой Христовой и Отечеством. Эта стойкая привязанность к личности царя, случалось, подвергалась серьезным испытаниям. Как ни жесток и далек от народа был Иван Грозный, князь Курбский (1528–1583) напрасно рассчитывал, что его измена государю будет сочувственно принята русскими людьми. Народ отвернулся от предателя, встав на сторону царя, олицетворявшего идею государственности и единства.

Военная политика династии Романовых была осторожной и половинчатой. Вопреки народному колониально-переселенческому движению, расширившему государственную территорию за счет Сибири, все свое внимание правительство сосредоточило на Западе. К концу XVI в. боеспособность частей «русского» и «иноземного» строя значительно снизилась. Войско XV–XVII вв. в целом все еще сохраняло сходство с войсками Казанского ханства, олицетворяя наследие монголо-татарской Орды.

Уже в XIII в. население Западной Европы стало тяготиться личным участием в ратном сборе всех способных нести щит, и налог «на кровь» был заменен денежным налогом. Затем и вовсе здесь перешли к наемным войскам, что сделало их, по сути, управляемыми волей авантюристов и честолюбивых правителей. В то время когда в Западной Европе завербован-

ный солдат — «перекати-поле» без роду и племени — оставался до конца XVIII в. главной фигурой армии, Россия первой перешла к созданию национальной армии. Пётр I наложил на все податные классы населения рекрутскую повинность, по которой они обязаны были поставлять определенное число людей для укомплектования регулярной армии. Таким образом, в поисках более совершенного способа комплектования войск, позволявшего в полной мере воплотить лучшие нравственно-патриотические традиции народа, Россия на целое столетие обогнала другие европейские государства. Как отмечал русский военный теоретик и историк Н. П. Михневич, наиболее боеспособные армии и наибольшее развитие военного искусства всегда отвечали времени применения народных (национальных) вооруженных сил. Наемные же войска всегда вели военное дело к упадку. Обязательность службы и ее высокий социальный престиж в русском обществе возвышали патриотическую энергию бойца, побуждали к геройству. Напротив, наем на службу неизбежно порождал в солдате не патриотические, а меркантильные чувства, наводил на мысли о том, соответствует ли вознаграждение размерам тяжести службы и стоит ли за любую плату рисковать жизнью. Чтобы такого морально ущербного солдата заставить воевать, нужны были муштра и страх перед наказанием, как говорил Фридрих II, «пикой капрала».

Военные реформы — не прихоть монарха, а осознание Петром I необходимости замены иррегулярных воинских формирований регулярными, дополнения сухопутной военной мощи государства морской. «Всякий Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет», — писал Пётр I в указе, «учиняя» Устав морской. Разработанные под его руководством уставы определяли организационные и тактические принципы управления армией и флотом, подробно регламентировали все стороны их жизни. Созданные Петром I принципиально новые вооруженные силы успешно выдержали боевой экзамен на сухопутном и морском театрах военных действий. В том же нравственном духе, что и армию, Пётр I воспитывал ее командный состав. Личным примером самоотверженного служения Отечеству он сделал службу в армии обязательной для дворянского сословия. Он сформировал общее мнение, что дворянин может и должен служить именно в войсках, несмотря на то что тогда требовалось начинать службу с солдата.

Национальный тип русской армии породил и новый тип солдата, командира, военачальника. В ходе сражений на суше и на море зародились новые боевые традиции, основанные на ратных подвигах наших предков, сформировалось полководческое искусство «птенцов гнезда Петрова»: Б. П. Шереметева, А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, А. И. Репнина и других.

Генеральный бой шведам в Северной войне Пётр I решился дать только после того, как убедился в нравственном превосходстве русских войск. Верность его расчетов доказали как знаменитое Полтавское сражение (1709), так и последующие успехи русской армии в течение всего XVIII в. Коренная перемена в устройстве, обучении и воспитании войск, совершенная Петром I, привела их к нравственной трансформации. Упорство, героизм и энергия русского солдата приобрели мировую известность, а самым важным приобретением в нравственной натуре солдата стали проявление патриотизма, верноподданнического чувства и религиозности.

Военные реформы и победы Петра I в Северной войне явились событием европейского значения. С помощью армии государственная власть милитаризовала и европеизировала дворянство и страну в целом. Однако амбиции власти, обусловившие непомерные военные расходы, предопределили стагнацию военного дела в 1725—1750 гг. Его подъем связан с Семилетней войной (1756—1763). Именно тогда Россия стала великой военной державой, несмотря на то что в части выучки ее армия заметно уступала иностранным, а уровень командования и бытовые условия в войсках оставляли желать лучшего. Тем удивительнее, что все главные сражения Семилетней войны Россия выиграла. Секрет этого, казалось бы, парадокса кроется в несомненном нравственном превосходстве русского солдата. Положение наших войск нередко становилось отчаянным, но упорство, героизм солдат спасали армию, сломить ее не смогли даже усилия великого Фридриха II, заявившего, что «этих людей легче перебить, чем победить».

Высший взлет нравственного духа русской армии и отечественного военного искусства связан с именем А. В. Суворова. Он был глубоко национальным военным деятелем, непримиримым противником механического подражания иностранным образцам. Как никто другой, владея ключом к сердцу солдат, он умел поднять боевой дух войск до высшего предела, вызвать у них неукротимый наступательный порыв, готовность дерзко идти на штурм, не обращая внимания на неприятельский огонь.

Высокие духовно-нравственные качества русской армии во многом обусловливались ее социальным составом. Начиная с Петра I, войска формировали по преимуществу из сельских жителей, а не жаждущих лишь наживы наемников. Крестьянин-солдат отличался твердой волей, крепкими нервами, необыкновенной выносливостью и коллективизмом, что было характерно для специфики сельского труда и общинного уклада жизни.

Войны, которые Россия вела до 1814 г., по большей части были исторически оправданны. Победа над Наполеоном превратила ее в военного гегемона Европы. Одновременно с гипертрофией самодержавия с 1820-х гг. начался процесс «окостенения» русской военной машины. Одерживая победы над азиатским противником, царизм терпел поражения в войнах с совершившими промышленную революцию государствами Европы. Крымская война 1853–1856 гг. покончила с его претензиями на военную гегемонию в Европе.

Реформы второй половины XIX в., победоносная послереформенная война 1877–1878 гг. и военные программы начала XX в. в полной мере не ликвидировали отставание от передовых европейских стран в военном строительстве, и старая армия, несмотря на солидный потенциал, вместе с государством потерпела крушение к 1917 г. Красная армия, позднее Советская армия, наследовала и «плюсы», и «минусы» старой русской армии. Сохранить как можно больше «плюсов» и постараться изжить как можно больше «минусов» — центральная задача современной Российской армии.

Несколько устаревшее словосочетание «военное дело» в своем семантическом и вместе с тем широком смысле вбирает в себя все вопросы военной теории, строительства и практики вооруженных сил. Войны и все с ними связанное то ускоряли, то замедляли развитие цивилизации, неся неисчислимые беды человечеству, особенно в XX в.

Отечественная наука всегда уделяла значительное внимание проблемам милитаризма. Политологи, философы, историки, экономисты, социологи, военные теоретики давно и плодотворно изучают корни этого явления. Милитаризм оказывает возрастающее и все более губительное воздействие на природу. Произошло коренное изменение в соотношении милитаристской и «невоенной» сторон современного общества. Ряд объективных факторов способствовал ситуации, когда в качестве главного субъекта, определяющего это соотношение, выступают военно-промышленные комплексы противостоявших ранее держав и их военных организаций.

Милитаризм перестал быть явлением только национальным. Существо современного милитаризма не сводится к расширению его географии, военным блокам и усилению воздействия на все стороны жизни современного общества. Идет усиленная милитаризация третьего мира, сопровождающаяся широким экспортом оружия, военной техники и технологий из высокоразвитых стран, — экспортом, именуемым «военной помощью развивающимся странам». Налицо качественный сдвиг: милитаризм становится геомилитаризмом. По существу, геомилитаризм есть не что иное, как взятый капитализмом на вооружение способ разрешения противоречий в отношениях «человек — природа» и «человек — общество». В современных условиях принципиально меняется сама постановка вопроса о войне и мире, трансформируясь в проблему сохранения жизни на земле. Геомилитаризм представляет собой реальный фактор физического уничтожения человечества, который следует рассматривать как в глобально-экологическом, так и социально-историческом аспектах. Глобально-экологический аспект означает, что по своему реальному и тем более потенциальному влиянию на развитие общества и среды обитания геомилитаризм не только одномасштабен силам природы, но и способен видоизменить их в неблагоприятную для биосферы сторону. Из-за этого данное явление может быть понято лишь в процессе планетарно-экологического рассмотрения.

Разумеется, многое из сказанного выше имело место и до превращения милитаризма в геомилитаризм. Налицо, однако, качественный сдвиг: милитаризация экономики означает омертвление огромных, непрерывно возрастающих в объеме материальных и интеллектуальных ресурсов человечества, усиление антропогенного воздействия на природу. Использование в военной сфере материальных ресурсов предопределяет прямую переработку природной среды в среду искусственную, то есть геомилитаризм нацелен на «съедание» планеты еще до того, как будет приведена в действие зловещая разрушительная сила. Присущие геомилитаризму антагонистические отношения между обществом и природой ставят под вопрос саму возможность существования человека, поскольку носителем свойств и качеств социального индивида, субъектом цивилизации он способен быть, лишь оставаясь биологическим организмом. Иными словами, биологическое и социальное начала в человеке оказываются под угрозой дезинтеграции. Производство, являющееся видовым фактором существования человека, равно как его сотрудничество с природой, оказывается направленным и против человека, и против самой природы.

История — одна из древнейших наук, осмысляющая прошлое во имя будущего. Вероятно, что первоначально история возникла как образ мышления. Во всяком случае человечество долго боролось с «зыбучими песками» фактов, прежде чем обнаружило, что в нагромождении его прошлого опыта присутствует некая путеводная нить.

Политическая история возникла как последовательное изложение событий под определенным углом зрения. Угол зрения, как правило, зависел от политических пристрастий власти и тех, кого она приглашала «записать историю». В этом смысле можно утверждать, что практика фальсификации истории родилась едва ли не единовременно с попытками объективно изложить произошедшее. Подтасовка реальных фактов присутствовала уже во времена Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима. Особенно активно применяли ее в переломные моменты, когда интерпретация факта порой значит больше, чем сам факт, приобретая роль решающего аргумента в трактовке исторического события.

Все это справедливо и для современной России, в которой социально-политические, культурные и духовные ценности советской формации подверглись ревизии или отвергнуты на официальном уровне. Образовавшийся вакуум заполняется теориями, концепциями, версиями, во многом западного происхождения, чуждыми российскому историческому сознанию. Вседозволенность средств массовой информации, равно как и их заидеологизированность, способствует искажению отечественной истории, из обихода гражданина изымаются основные национально-государственные ориентиры: патриотизм, верность долгу, честь и достоинство, веротерпимость. Значительная часть населения сегодняшней России не ведает, кто ее друзья и кто враги, каковы реальные угрозы национальной и военной безопасности.

У России богатейшие военные традиции. В прошлом у нее лучшая в мире военная организация, сильнейшие армия и флот. Россия дала миру немало великих стратегов и полководцев, ее военное искусство всегда отличалось богатством эффективных методов и форм вооруженной борьбы. Русский солдат известен миру как один из самых сообразительных, выносливых, стойких и при этом гуманных. Методологический потенциал военного прошлого России настолько велик, что сегодня он может и должен стать фундаментом формирования «национальной идеи», ее духовной составляющей.

Не будет преувеличением считать, что отечествоведение (родиноведение) представляет собой, в сущности, сумму общеисторических и военно-исторических знаний о России. Хочется вспомнить слова генерала Н. Н. Сухотина из его знаменитой книги «Войны в истории русского мира»: «Знание своей Родины, знание прошлого ее, знание прошлого военного и боевого своей армии есть... основа для образования народного мировоззрения — такого склада понятий и взглядов, которые сознательно и инстинктивно всегда укажут или подскажут верные и правильные пути в разных случаях деятельности, основа для развития и укрепления прирожденного чувства любви к Родине, основа для воспитания в каждом из нас веры в силы своего народа, своей армии».

Как общественная наука военная история представляет собой комплекс дисциплин. Одни из них (история войн, история военного искусства, история военного строительства, история военной мысли) являются основными, другие (военная историография и источниковедение, археографическая военно-историческая работа и военная статистика, военная археология) играют как бы вспомогательную, но отнюдь не второстепенную роль.

Необходимость реализации потенциала военно-исторических знаний в целях воспитания гражданина своей страны ставит вопрос об уточнении социального предназначения и функций военной истории. Во-первых, военная история изучает прошлое народов, государств, оценивает это прошлое, чтобы выявить закономерности общественного развития, правильно понять его тенденции, извлечь уроки и учитывать их в практике сегодняшнего и завтрашнего дня. Военно-историческая наука неразрывно связана с современностью, так как проблема войны и мира продолжает оставаться одной из наиболее острых глобальных проблем современности. Во-вторых, военно-историческая наука, объективно оценивая военное прошлое нашей страны и других стран, вырабатывает теоретические положения и оценки по истории войн, военного искусства, военного строительства и прочего. Таким образом, она активно включается в решение оборонных задач государства. В-третьих, объективная истина, определяемая военно-исторической наукой, отражается в понятиях, которые раскрывают законы военных событий и формы их реализации, помогают понять сущность исторического процесса. Исследуя деятельность людей, направленную на достижение политических целей военными средствами, военно-историческая наука показывает особенности и формы этой деятельности.

Военно-историческая наука не только исследует историю войн, военного прошлого как единый закономерный процесс, но и определяет основные закономерности развития военного искусства, закладывая тем самым предпосылки прогресса военной теории и практики. Своими исследованиями она показывает факторы и условия, которые привели именно к такому, а не иному результату, оценивает различные варианты военных действий, уделяя особое внимание реализованным возможностям (например, факторам успешного контрнаступления наших войск под Сталинградом и Курском). Говоря об этой стороне методологической функции военно-исторической науки, необходимо отметить, что она оказывает непосредственную помощь военной науке, снабжая материалом, из которого последняя вырабатывает теоретические и практические рекомендации вооруженным силам. В данном смысле военно-историческая наука является важным фактором укрепления оборонной мощи страны.

Неотъемлемой функцией военной истории является мировоззренческая функция. Она выражается, во-первых, в осмыслении места войны в историческом процессе, выработке отношения к войне и роли в ней человека, а также к войне и военным действиям (искусству их ведения) как к средствам изменения действительности в интересах общества и государства; во-вторых, данная функция способствует развитию общей, в том числе военной культуры человека и гражданина, влияет на формирование правильных представлений о характере современной войны и понимание военной доктрины государства.

Важной функцией военной истории является образовательная, выражающаяся в передаче, прежде всего военнослужащим, профессиональных знаний, умений и навыков, в повышении уровня их воинского мастерства, расширении кругозора, развитии творческого мышления.

Воспитательная функция состоит в том, что, раскрывая героическое прошлое народов России, СССР, военно-историческая наука способствует повышению морального духа нации, ее нравственности. Она не только является побудительным мотивом воспитания высоких нравственных качеств воина, гражданина-патриота, но и непосредственно участвует в формировании такой важной составляющей оборонной мощи государства, как морально-политический фактор. В связи с этим особого внимания заслуживает факт поворота идеологической работы в Вооруженных силах СССР накануне Великой Отечественной войны от «абстрактной и крайне политизированной» к ориентированной на всестороннее и глубокое изучение военно-исторического опыта. «У нас проводится... охаивание старой

истории, выдающиеся полководцы прошлого забыты, их военное искусство остается неизвестным командному составу, все это приводит к игнорированию исторического конкретного опыта», — говорилось в мае 1940 г. на совещании Наркомата обороны по вопросам идеологической работы в Красной армии.

В годы Великой Отечественной войны политики, военачальники и общественные деятели всемерно пропагандировали былые подвиги русского народа. Напоминая о героическом прошлом, военная история учила советских людей побеждать врага, связывая воедино минувшее, настоящее и будущее. Показ величия победы советского народа в Великой Отечественной войне играет большую воспитательную роль и сегодня. По размаху театров военных действий, численности участвовавших в ней войск, боевой техники и ожесточенности сражений, наконец, по числу погибших она не имеет аналога в истории. В Вооруженные силы Советского Союза были призваны более 30 млн мужчин и женщин — цвет нашей многонациональной страны. Через состав действующих частей и соединений армии и флота прошли более 20 млн человек, не менее половины которых погибли. В разные периоды войны действующая армия включала от девяти до 15 фронтов, в составе которых находилось от 40 до 62 общевойсковых армий. Число стрелковых дивизий колебалось от 220 до 440. Вместе с ними вели боевые действия до 25 танковых и механизированных корпусов, 60–70 артиллерийских и минометных дивизий, десятки артиллерийских и минометных бригад. С воздуха войска поддерживали от 100 до 150 авиационных дивизий. Численность личного состава действующей армии колебалась от 4,5 млн до 6,5 млн солдат и офицеров, количество орудий и минометов — от 40 тыс. до 100 тыс. единиц, танков и САУ — от 5 тыс. до 12 тыс., боевых самолетов — от 4 тыс. до 15 тыс.

В отечественной истории сконцентрированы сведения о прошлом нашего многонационального народа, и как бы далеко ни отстояло от нас это прошлое, его надо знать, чтобы не утратить традиции и духовную связь поколений. Традиции являются питательной средой культуры, душой армии и народа. Провалы в исторической памяти, тем более ее атрофия, есть бедствие, ибо память о делах предков — это не абстрактно идеологическая категория, а базис морали гражданина-патриота. Обязанность военных историков — вернуть народу забытые имена героев, раскрыть сущность утраченных традиций, чтобы вдохнуть в них новую жизнь. Почти до конца минувшего века мало кто из нас знал, что уничтоженный в 1930-е гг. храм Христа Спасителя, самый грандиозный воинский памятник за всю историю России, был посвящен победе в Отечественной войне 1812 г. и поставлен на месте захоронения воинов, павших в Куликовской битве. К открытию храма П. И. Чайковский специально написал увертюру «1812 год». Он же дирижировал сводным оркестром при его открытии.

Воинская слава неразрывно связана с таким замечательным словом, как верность. Верность дружбе, верность другу, верность присяге, верность Отечеству — вот главные духовные составляющие героизма, залог несокрушимости государства.

Военная история как важнейшая составная часть отечественного культурного наследия дает возможность моделировать сложнейшие противоречивые процессы современности, облегчать поиск путей выхода из кризисных ситуаций. Правомерно ставить вопрос о прогностической функции военно-исторической науки, которая определяется возрастающей потребностью иметь исторический «капитал» для прогнозирования характера будущих войн и военных конфликтов, анализа подготовки к ним и опыта их предотвращения.

Обладая значительным потенциалом, российская военно-историческая наука призвана выполнить важные оборонные и общемировоззренческие задачи. В какой мере она готова сегодня это сделать? Ответ на этот вопрос неоднозначен, поскольку вряд ли приходится отрицать, что, несмотря на высокий уровень развития, отечественная военно-историческая наука переживает кризис, обусловленный спецификой нынешнего переходного периода в истории России. Под кризисом здесь следует понимать не застой и упадок, как это иногда пытаются трактовать, а поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, которая во многих случаях разрывает объективную историческую картину. Кризисные проявления очевидны и выражаются в следующем:

— в результате уточнения или изменения объекта исторических исследований и пересмотра их методологических основ изменяется содержательная часть военной истории;

— сокращается когорта профессионалов: многие опытные военные историки отстранились от работы, а новое поколение специалистов формируется чрезвычайно медленно;

— организационная структура (аппарат) военно-исторических исследований обескровлена, многие ее звенья уничтожены;

— нарастает тенденция сужения и сокращения проблематики военно-исторических исследований; школьные и вузовские учебники по истории нашпигованы датами, фактами, событиями, именами, порой заслоняющими истинное величие военных подвигов России;

— сокращается доля позитивного военно-исторического материала в программах радио и телевидения.

Стало привычным концентрировать внимание российских читателей и слушателей исключительно на вырванных из контекста негативных явлениях, переломных, а потому особо острых в социальном плане периодах отечественной истории. Эта деструктивная тенденция выбивает из идеологического потенциала государства важный пласт, необходимый для воспитательной работы в вооруженных силах и среди гражданского населения.

Развернувшиеся в конце 1980-х — 1990-е гг. процессы, связанные с переосмыслением прошлого, сопровождались (и все еще сопровождаются) проявлениями нигилизма, непродуктивной ретроспекции, «исторического беспамятства». Все это, по сути, антиисторично и не способно исправить историческую несправедливость. «Новая» полуправда не может дать народу истину о подлинной военной истории Отечества. Особенно это относится к событиям 1937—1939 гг., предыстории Великой Отечественной войны, начальному ее периоду, причинам неудач и поражений советских войск в 1941—1942 гг., людским и материальным потерям, судьбе военнопленных и прочему. В малоисследованные сферы военной истории «шумною толпой» вторгаются публицисты, продюсеры, предприимчивые деятели культуры, кино и театра. Действуют они, как правило, в одном направлении — негативно-разоблачительном. И далеко не объективном. Создается достаточно устойчивый историко-нигилистический фон, на котором и героические страницы военной истории Отечества, особенно периода Великой Отечественной войны, предстают в извращенном виде. В итоге получается, что многие военно-исторические произведения, особенно о минувшей Отечественной войне, лишь усиливают моральную и социальную путаницу, не оставляют личности (тем более в стадии ее становления) позитивных ориентиров морально-этического свойства. Скудная, с элементами бульварности литература о войне подрывает всякое доверие к объективной трактовке человеческого поведения в экстремальных ситуациях (войны, конфликты и прочее).

Нельзя не сказать и о том, что кризис военно-исторической науки отчасти связан с ослаблением внимания к ней (особенно в 1990-е гг.) высшего политического и военного руководства страны. Прав русский ученый профессор В. И. Шеремет, говоря, что в истории России война есть тяжкий труд всего народа. Именно поэтому заслуживают всяческой поддержки те, кто стремится воссоздать правдивую военную историю Отчизны. Но можно ли бороться с фальсификацией истории в принципе? Разумеется, если знать, что фальсификация рождается:

— в прокрустовом ложе идеологического заказа и властных установок;

— как следствие политической конъюнктуры;

— в результате беспринципности автора (целевого заказа);

— в отсутствии достаточного объема фактов, что позволяет исследователю дать волю фантазии;

— когда факты противоречивы и исследователь не способен либо не желает трактовать их объективно;

— когда амбиции автора превосходят его профессиональные возможности.

Зная почву, на которой произрастает фальсификация, мы получаем возможность свести ее к относительно безобидным для исторической правды размерам. Бороться с фальсификаторами означает для историка необходимость дать объективную, подтвержденную фактами

трактовку прошлого, на фоне которой фальшь будет звучать нелепо, подобно ударам литавр в концерте для скрипки. Первейшая задача, стоящая перед военными историками всех направлений, состоит в быстрейшем преодолении кризисных явлений в своей науке. В этой связи особое значение приобретает более четкое представление о самой военной истории, ее взаимоотношениях с другими отраслями научного знания, прежде всего с военной наукой. Распространено, например, мнение, что военно-историческая наука является ее частью. Что это не так — и генетически, и онтологически, и функционально, — свидетельствуют исследования, основанные на анализе и обобщении военно-исторической действительности, а не на априорных конструкциях и отрывочных фактах. Известно, в частности, что военно-историческая наука (военная история) в России сложилась как относительно самостоятельная отрасль исторической науки в XIX в., даже несколько ранее, чем военная наука. В настоящее время достаточно четко определились объекты и предметы этих наук, их методы, понятия и категории, задачи, а также характер их взаимосвязи и взаимодействия, отнюдь не являющийся субординированным.

Во-первых, военно-историческая наука выражает исторический метод познания, а военная наука — теоретический, которые реально существуют и взаимодействуют, не «подчиняясь» при этом один другому. Исторический метод состоит в прослеживании конкретного процесса с момента его зарождения через основные этапы развития, то есть в генетической взаимосвязи. Теоретическое же познание, как и логический метод, состоит прежде всего в выяснении сущностного, закономерного, типичного и особенного, то есть в формировании теоретических положений. История отражает ход общественного развития в конкретно-хронологической форме, а теория истории воспроизводит его в абстрактных понятиях и категориях.

Во-вторых, объект и предмет военно-исторической науки намного объемнее науки военной. Военная история исследует военную деятельность государств, партий, классов, различные войны в историческом измерении (мирные и немирные периоды жизни наций, народов, государств), военная наука — военно-политический, военно-стратегический и военно-технический аспекты, вооруженную борьбу. Естественно, что история военной деятельности государства или история войн (например, Второй мировой войны) по своему объему никак не может быть частью военной науки, основными проблемами которой являются закономерности вооруженной борьбы, развития и применения вооруженных сил, вопросы теории и практики военного искусства.

В-третьих, функции и задачи военно-исторической науки многообразнее функций и задач, решаемых наукой военной. Первая играет важную мировоззренческую роль, несет в себе огромный морально-нравственный заряд и потому незаменима в военно-патриотическом воспитании. Ее роль велика в формировании качеств, необходимых полководцу, военачальнику, в развитии как общего, так и профессионального мышления военных кадров. Военная наука вооружает их научными знаниями, дает понимание теории вопроса и предлагает рекомендации, необходимые в военной практике. В сравнении с военной историей она более профессионально-прикладная.

В-четвертых, военная история и военная наука имеют разные перспективы. Если войны не исчезнут вообще, то в значительной степени перестанут быть «типовыми», «традиционными», какими являются сейчас, что неизбежно приведет к смене всего понятийно-категориального аппарата военной науки в ее современном понимании. Это позволяет предполагать, что военная наука как особая отрасль военных знаний со временем, возможно, окажется невостребованной и отомрет. Она вольется в русло науки истории и будет изучаться с той же целью, с какой изучается история прошлого.

И, наконец, самое важное. Военная история несет в себе солидный заряд онтологического (бытийного) содержания для военной науки. Вопрос о «бытии» военной науки не имеет смысла вне сферы военно-исторической действительности и военно-исторического опыта. Ее фундаментальные положения являются результатом познания военно-исторического процесса в целом и его составных частей, таких как история отечественной и зарубежной военной мысли, история военного искусства и другие.

Особого внимания к себе требуют философские и методологические проблемы военной истории. Причины заблуждений на пути к истине английский философ и государственный деятель Ф. Бэкон (1561—1626) называл «призраками» и «идолами». Применительно к современной военной истории это догматизм и мифологизация, антиисторизм и антисоветизм, авторитаризм и отрицание (недооценка) национального духа исторической науки. Разработка философско-методологических аспектов военной истории необходима для повышения уровня исследований, усиления ее взаимосвязи с военной наукой, которая также нуждается в изжитии своих кризисных явлений. Этому способствовали бы, например, преодоление взглядов, отождествляющих войну и вооруженную борьбу, разработка теории Второй мировой войны, локальных войн второй половины XX — начала XXI в., видоизменения характера современных военных конфликтов и прочее.

Неотъемлемым условием эффективного развития военно-исторической науки является изменение самого ее характера и содержания. Ее привычная продукция — произведения, исчерпывающиеся лишь отражением военной действительности прошлого, — ныне утрачивает потребителя. Современный военно-исторический труд не должен ограничиваться единством описания и объяснения, а представлять собой синтез историко-философского осмысления прошлого. Это, разумеется, не означает, что его следует превращать в иллюстрацию философских категорий, философия должна присутствовать в нем как метод исследования и изложения материала.

Универсальной философско-методологической основой военно-исторических исследований в СССР являлся марксизм-ленинизм, имевший статус государственной идеологии. Политизация военно-исторического познания исключала возможность использования иных идей и теорий, в силу чего это познание в значительной мере утрачивало научность. В настоящее время сложились в целом благоприятные условия для формирования объективного исследовательского подхода. Прекращение противостояния двух общественно-политических систем (в его традиционном понимании) минимизировало неизбежность политизации исторического знания. Наметившийся научный плюрализм в исторической мысли обусловливает поиск путей к синтезу философско-исторических и концептуальных подходов. При этом, во-первых, необходимо исключить какие-либо претензии на создание новых универсальных теорий и методов исторического познания, противоречащих неисчерпаемости свойств общественно-исторического, военно-исторического развития. Во-вторых, следует учитывать, что всякая новая научная теория, основанная на добросовестном анализе и обобщении исторической действительности, содержит рациональное зерно и тем самым вносит определенный вклад в развитие исторической мысли. Обновленная методология исторического исследования должна представлять собой синтез идей, методов, теорий и подходов, которые позволят углубить изучение российского и мирового исторического процесса в целом.

Чтобы быть на уровне стоящих перед ней задач, военно-историческая наука должна:

— сохранять свой национальный дух;

— учитывать достижения разных школ и направлений, как отечественных, так и зарубежных;

— следовать принципу диалектически понимаемой преемственности этапов развития науки;

— не отрываться от практики общественного развития, эволюции военного дела.

Необходимо активнее вовлекать в научный оборот новые архивные материалы и документы, а также «забытые» военно-исторические труды. Представляет большой интерес решение и таких задач, которыми являются:

— систематизация данных о количестве войн, которые вела Россия, их социально-политическом и военно-стратегическом характере;

— изучение опыта совершенствования русской военной системы;

— комплексные исследования в области истории военной безопасности России;

— изучение опыта проведения военных реформ (как в России, так и в ведущих зарубежных странах);

— обобщение опыта Российского государства в области военного сотрудничества с другими странами (в том числе опыта участия России в современных миротворческих операциях);

— проведение аналитической работы по уточнению основных военно-политических понятий;

— расширение контактов российских военно-исторических структур с соответствующими структурами дружественных стран ближнего и дальнего зарубежья;

— увеличение в российских средствах массовой информации материалов, раскрывающих позитивные стороны отечественной военной истории.

Существует немало других направлений, форм, средств и способов мобилизации имеющегося у нас богатого воспитательного потенциала военной истории.

В сегодняшней России, где бездействуют многие базовые средства воспитания граждан, военная история остается едва ли не единственным источником утоления патриотических запросов защитника Отечества.

Войны нового поколения

За 5 тыс. лет на планете произошло около 14 тыс. войн, которые унесли жизни почти 5 млрд человек. При этом за последние 3400 лет человечество имело всего лишь 250 лет всеобщего мира[128]. Вторая мировая война вошла в скрижали цивилизации как самая моторизированная и кровопролитная из всех войн четвертого поколения[129]. В ходе этой войны было применено ядерное оружие, обладающее огромной разрушительной силой. У мирового сообщества хватило разума ограничить его испытания и распространение, превратив его, по сути, в оружие сдерживания.

Вместе с тем военная теория разрабатывает, а практика уже проверяет концепции войн нового, шестого поколения. В военной доктрине Российской Федерации, утвержденной 5 февраля 2010 г., к характерным чертам современных военных конфликтов отнесены следующие: комплексное применение военной силы, а также сил и средств невоенного характера; массированное применение систем вооружения и военной техники, основанных на новых физических принципах и сопоставимых по эффективности с ядерным оружием; расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве; усиление роли информационного противоборства; сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий; повышение оперативности управления в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием; создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий[130].

К особенностям современных военных конфликтов военная доктрина относит непредсказуемость их возникновения; наличие широкого спектра военно-политических, экономических, стратегических и иных целей; возрастание роли современных высокоэффективных систем оружия, а также перераспределение роли различных сфер вооруженной борьбы; заблаговременное проведение мероприятий информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а в последующем — в интересах формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы.

В доктрине отмечено, что военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил). Овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей. При этом для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного,

лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники. В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт.

По мнению ведущих экспертов, главная цель войн шестого поколения — нанесение максимального ущерба бесконтактным способом экономическому потенциалу противостоящего государства, находящегося на любом удалении от агрессора. Войны этого поколения кардинально отличаются еще и тем, что вся мощь агрессора будет функционально направлена лишь на безусловное поражение объектов экономики противника путем одновременного нанесения мощнейших информационных ударов и массированных ударов непилотируемого высокоточного оружия различного базирования. При этом вместе с контактными войнами будут постепенно вытесняться многочисленные общевойсковые формирования сухопутных войск и обесценятся не только обычные вооруженные силы, но и ядерное оружие.

Новые войны будут более масштабными. Они приведут к росту жертв среди гражданского населения. В них трудно будет выявить явного победителя и побежденного. Боевые действия, как правило, будут вестись децентрализованно и разрозненно. Цель таких войн — дестабилизация, перемещение гражданских групп, разжигание розни между ними, разрушение моральных, социально значимых священных устоев. Новые войны будут изобиловать многочисленными приковывающими к себе внимание зверствами, бессмысленными разрушениями, в том числе социальной среды, и приведут к голоду[131].

Генезис конфликта XXI в.: все большее расслоение населения, появление нетрадиционных империй, борьба за обладание ресурсами, возвращение к догосударственным структурам, рост деспотизма и коррупции, стирание различия между военными операциями и обеспечением правопорядка, непредсказуемое сочетание антропогенных, природогенных и социогенных катаклизмов и коллизий, сепаратизм, исключительность права на территорию, в том числе с фальсификацией исторических фактов.

Войны шестого поколения в отличие от войн четвертого поколения, скорее всего, не будут носить длительный характер, и весь процесс вооруженной борьбы будет протекать по законам и правилам, навязанным сильнейшим — тем, кто в наибольшей мере подготовился к таким войнам.

Принципиально важным является то, что стороне, ведущей войну шестого поколения, для достижения своих стратегических целей необязательно захватывать территорию противника и тем более удерживать ее длительное время. Государство, не подготовленное к ведению войн нового поколения, обрекает себя на неминуемое поражение, так как для противостояния массированному удару воздушно-космических средств противника надо иметь совершенно иные вооруженные силы. Они должны создаваться не на базе крупных сухопутных группировок, а на основе эффективной стратегической системы воздушно-космической обороны, способной отражать длительные массированные удары высокоточных средств противника, и достаточного количества собственных высокоточных средств поражения различной дальности действия и средств, построенных на новых физических принципах.

Войны будущего внесут большие изменения в законы вооруженной борьбы. Наполнятся новым содержанием принципы военного искусства. Изменится координатная система войны. Если в войнах прошлых поколений координаты основных усилий противоборства лежали на поверхности земного шара (ширина, глубина наступления или обороны), а вертикальная, главным образом воздушная, использовалась лишь как вспомогательная, обеспечивающая, то в войне будущего произойдут противоположные изменения. Основные усилия в ней будут сосредоточены по вертикальной — воздушно-космической координате, а наземные координаты станут обеспечивающими.

Существенно изменится и структура вооруженных сил целого ряда государств. Они будут ориентированы лишь на безъядерную войну, хотя ядерное оружие сохранится в арсе-

налах некоторых из них. Вооруженные силы окажутся функционально и организационно разделенными на стратегические оборонительные и стратегические ударные силы, а также, очевидно, будут иметь небольшие мобильные силы.

Войны будущего могут начаться и практически завершиться проведением длительной воздушно-космической наступательной операции совместно с операцией стратегических неядерных, высокоточных сил, а также средств военно-морских сил. По продолжительности такая совместная операция может осуществляться 60–90 и более суток, что перекрывает все ныне существующие нормативы. Ежесуточно будет производиться 3–5 тыс. и более массированных ударов высокоточными ракетами класса «воздух — земля», а также крылатыми ракетами морского базирования и беспилотными летательными аппаратами ударного действия. Роль космоса, космических сил и средств становится исключительно важной и многоплановой. Из космоса также будут наноситься высокоточные удары по целям на земле, вестись непрерывная разведка, обеспечиваться управление, связь, предупреждение о ракетном нападении, метеообеспечение, навигация, радиоэлектронная борьба и прочее.

В воздушно-космической наступательной операции уменьшится значимость фактора соотношения в силах авиации по числу самолетов, а на первое место выйдет соотношение по высокоточным вооружениям классов «космос — земля», «воздух — земля», «море — земля», «космос — космос», «воздух — воздух», «море — море» по скорострельности, дальности и точности стрельбы, помехозащищенности. Не следует ожидать увеличения общего количества самолетов пилотируемой авиации, однако вся она станет всепогодной, всесуточной, с широким набором средств радиоэлектронной борьбы и будет малозаметной для средств дальнего радиолокационного обнаружения противника.

Стратегическая воздушно-космическая наступательная операция наиболее вероятно будет включать два этапа. На первом этапе продолжительностью 10–15 суток будут наноситься массированные удары для поражения средств ответного удара противника, важнейших военных и военно-экономических объектов, органов управления государством и вооруженными силами, подавления системы ПВО и захвата инициативы в войне. На втором этапе продолжительностью 30–50 суток и более массированными ударами высокоточных средств космического, воздушного и морского базирования завершится разгром экономического потенциала противника, его системы управления государством и вооруженными силами, чем будут практически достигнуты как стратегические, так и политические цели войны. На этом война может закончиться полностью.

Космические ударные вооружения получат наибольшее развитие, так как они позволят вывести стратегические неядерные силы за пределы собственной территории и содержать их в высокой боевой готовности. В околоземном космическом пространстве можно будет заблаговременно развернуть и содержать в готовности к немедленным действиям требуемую группировку космических ударных средств, которые способны поражать любые объекты и цели, расположенные в глубине территории противника. В космическом пространстве нет ограничений по объему развертываемых ударных средств. Действительное назначение космического оружия установить трудно, так как оно может быть замаскировано под другие системы.

Для повышения точности попадания до абсолютной во всех средствах поражения будет применяться общеземная система координат, в которой взаимное расположение различных объектов, разнесенных даже на десятки тысяч километров, будет определяться с ошибкой не более 20 см. Будут использованы оригинальные методики, технологии, фотограмметрические и другие приборы высокоточной и достаточно быстрой обработки космических снимков, которые позволят создать геоинформационные системы, проектировать трехмерные цифровые модели местности, создавать новые топографические и цифровые электронные карты, планы городов, отдельных объектов экономики, формировать банки данных, прежде всего в военных целях.

Современные типы войн, которые, скорее всего, будут вестись в первой четверти XXI в., можно четко разделить на два вида — контактные войны (четвертого поколения) с приме-

нением обычного оружия и бесконтактные войны (шестого поколения) с применением высокоточного ударного и оборонительного оружия различного базирования обычного типа, оружия на новых физических принципах, информационного оружия, сил и средств радиоэлектронной борьбы.

Современные войны могут вестись асимметричными методами. Наибольшую угрозу представляют ядерный, информационный терроризм и «цифровой джихад».

Под ядерным терроризмом понимается совокупность намерений и действий отдельных лиц или группировок по созданию либо приобретению ядерного взрывного устройства с последующим его применением или угрозой применения для достижения декларируемых ими политических, социальных и иных целей. Из определения вытекает следствие: государство при реализации этих целей выводится за скобки, оно в лучшем для террористов случае старается их не замечать, а в худшем — преследует их. Вопрос о ядерном терроризме, когда государство само начинает играть роль террориста, также сегодня крайне актуален.

Информационный терроризм — это форма негативного воздействия на личность, общество и государство всеми видами информации. Его цель — ослабление и расшатывание конституционного строя. Он может осуществляться разнообразными силами и средствами — от агентуры иностранных спецслужб до внутренних и зарубежных СМИ.

«Цифровой джихад» в сфере использования информационных систем (по американской терминологии — «кибертерроризм») — это использование информационного оружия против информсистем критически важных объектов противника.

В современных условиях террористическая угроза постоянно усиливается. Она характеризуется следующими чертами:

1. Усиливается связь международного терроризма с трансграничной организованной преступностью, особенно с наркопреступностью, а также с пиратством, торговлей людьми и оружием.

2. Сохраняют актуальность вопросы устранения пробелов международно-правовой базы антитеррора и борьбы с другими связанными с терроризмом новыми вызовами и угрозами. В этой связи следует обеспечить исполнение принципа «либо выдай, либо суди», закрыть различные правовые лазейки и «тихие гавани» для террористов, в том числе прикрывающихся статусом беженца. Россия предлагает разработать универсальную конвенцию по вопросам выдачи и взаимной правовой помощи, в которой был бы и антитеррористический компонент. Еще одним элементом совершенствования договорной базы могла бы стать разработка международной конвенции по борьбе с киберпреступностью. Важно не допускать использования Интернета в террористических целях при соблюдении принципа верховенства закона, свободы слова и права на частную жизнь.

3. Необходимо продолжать линию на подключение к решению задач противодействия терроризму потенциала гражданского общества, СМИ, делового мира. В русле выдвинутой Россией инициативы государственно-частного антитеррористического партнерства реализуются соответствующие практические мероприятия, программы и проекты как в нашей стране, так и во многих других государствах.

Россия всегда выступает за комплексный подход в противодействии терроризму, за междисциплинарный подход, содействует целевой группе секретариата ООН по имплементации глобальной контртеррористической стратегии, объединившей более 30 структур, фондов, программ и подразделений ООН, а также Интерполу. У каждой из них свой профиль, однако каждая вносит свою «добавленную стоимость» в антитеррористический потенциал ООН.

Следует подчеркнуть, что в ответ на энергичные меры противодействия международный терроризм мутирует, вербует новых сторонников, в том числе террористов-смертников, изыскивает новые пути получения финансовых средств.

Проблема ограничения разработки и применения информационного оружия трансформировалась из технологической в политическую, так как, по данным ЦРУ, им занимаются свыше 120 стран мира, в то время как разработкой оружия массового поражения около 30[132].

В рамках совершенствования Национальной стратегии безопасности киберпространства США было проведено исследование потенциалов ряда стран по ведению информационных войн[133]. Исследование сосредоточивалось на оценке значения научно-технического и организационного потенциала в области информационно-коммуникационных технологий, способного привести к вторжению в критически важные компьютерные системы США, а также на изучении мотивов подобных действий со стороны суверенных государств. Одним из выводов исследования является утверждение о том, что процессы обработки информации являются важнейшей целью в современной войне. По мнению экспертов, реализация наиболее пессимистичного сценария, типа «электронного Пёрл-Харбора», в котором агрессор силами хакеров способен полностью вывести из строя сети связи и коммуникаций в США маловероятна.

На состоявшемся в ноябре 2010 г. в Лиссабоне саммите НАТО была принята новая стратегическая концепция. Ее 12-й пункт гласит, что кибератаки могут дойти до черты, которая подвергает опасности национальное и евроатлантическое благосостояние, безопасность и стабильность. За такими атаками могут стоять иностранные вооруженные силы и разведки, организованная преступность, террористические и экстремистские группы.

В июне 2009 г. министр обороны США заявил, что формируется особое объединение — Киберкомандование. В его ведении около 15 тыс. сетей, объединяющих 7 млн компьютеров и других устройств в 88 странах мира.

Среди задач по оснащению вооруженных сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой, определенных военной доктриной Российской Федерации, поставлены следующие: создание многофункциональных (многоцелевых) средств вооружения, военной и специальной техники с использованием унифицированных компонентов; развитие сил и средств информационного противоборства; качественное совершенствование средств информационного обмена на основе использования современных технологий и международных стандартов, а также единого информационного поля вооруженных сил и других войск как части информационного пространства Российской Федерации; создание новых образцов высокоточного оружия и развитие их информационного обеспечения; создание базовых информационно-управляющих систем и их интеграция с системами управления оружием и комплексами средств автоматизации органов управления стратегического, оперативно-стратегического, оперативного, оперативно-тактического и тактического уровней.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М., 1995; Советская историография. М., 1996; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; *Илиевский Н. В.* Проблемы и задачи современной историографии Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 4.

[2] Русский архив. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 12–25. М., 1993–2001.

[3] Документы внешней политики. Т. 12–25. М., 1992–2010.

[4] См., например: Советско-американские отношения 1939–1945. М., 2004; Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сб. документов. М., 1997; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1997; *Он же.* Сталин и Черчилль. М., 2004.

[5] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1995; Т. 2. Кн. 1–2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1–2. М., 2003.

[6] См.: Сталинградская эпопея. М., 2000; Агония и смерть Адольфа Гитлера. М., 2000; Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003.

[7] Среди прочих можно указать: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 — 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М., 2004; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1–2. М., 1997; Коминтерн и Гражданская война в Испании. Документы. М., 2001; Москва — Рим. Политика и дипломатия Кремля.

[8] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998–1999. Кн. 1–4.

[9] См.: *Томан Б. А.* Новое фундаментальное издание по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 3–16; Краткий обзор содержания всех четырех книг см.: *Падерин А. А.* Народ-победитель должен знать правду о войне // Отечественная история. 2000. № 3. С. 40–47.

[10] Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002, 2005; Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008.

[11] Особенно выпукло данная точка зрения представлена, например, в книге: *Киршин Ю. Я.* Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (Уроки для демократической России). М., 2006.

[12] См., например: *Чубарьян А. О.* Этимология Второй мировой войны, ее ход и результаты // Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8); *Золотарев В. А.* О фальсификации истории Великой Отечественной войны // Там же; *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 1.

[13] См.: *Чубарьян А. О.* Указ. соч. С. 13.

[14] Там же; См. также: *Нарочницкая Н. А.* «Концерт великих держав» накануне решающих событий // 65 лет Великой Победы. Т. 6. С. 59–69.

[15] См., например: *Мунтян М. А.* Канун и начало Второй мировой войны в оценках геополитики // 65 лет Великой Победы. Т. 1. С. 83–96; *Стегний П. В.* Геополитические императивы российской внешней политики. Ретроспективные аспекты (1648–1991) // Бюллетень научного совета ИРИ РАН «История международных отношений и внешней политики России». Вып. 1 (2002–2003). М., 2004. С. 31–32.

[16] См., например: Другая война. М., 1996; *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941. М., 2000; *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. М., 2000; *Соколов Б. В.* Тайны Второй мировой. М., 2001; *Солонин М.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2006.

[17] *Борозняк А. И.* Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX в. Екатеринбург, 2004.

[18] *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 24.

[19] См.: *Орлов А. С.* Третий рейх и Третий Рим. М., 1993; *Он же.* Сталин в преддверии войны. М., 2003; *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиною в век. М., 2004; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1998; *Он же.* Сталин и Черчилль. М., 2004; *Фалин В.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2002; Война и общество в XX веке. Кн. 2. М., 2008; и др.

[20] *Нарочницкая Н. А.* Указ. соч. С. 334.

[21] *Вишлев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001; *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007; *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб., 2005; *Карлей М. Дж.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005; *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001; *Марьина В. В.* Советский Союз и Чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. М., 2007; Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009; Мировые войны XX века. Изд. 2-е. Кн. 3. М., 2005; *Шубин А. В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004.

[22] См.: *Поздеева Л. В.* Дневник И. М. Майского. Из записей о британской политике 1938–1941 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 3; *Стегний П., Соколов В.* И. М. Майский: свидетельство очевидца (к 60-летию начала Второй мировой войны) // Международная жизнь. 1999. № 8.

[23] См.: *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Сталинизм и война. М., 1994. С. 195–196, 202; *Дашичев В. И.* Из истории сталинистской дипломатии // История и сталинизм. М., 1991. С. 147; подробнее см.: *Никифоров Ю. А.* Некоторые аспекты новейшей историографии советско-германских договоренностей 1939 года // Вопросы отечественной истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. М., 2001. С. 56–76.

[24] Этот тезис высказывался, например: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. М., 1992; *Наджафов Д. Г.* Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова — Риббентропа // Война и политика. М., 1999. С. 85–105; *Случ С. З.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 4–25; и др.

[25] См., например: *Бушуева Т. С.* Отношения СССР и Польши в контексте общих проблем истории Второй мировой войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 259.

[26] См.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? (незапланированная дискуссия). М., 1995; *Бобылёв П. Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5; *Данилов В. Д.* Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 января; *Мельтюхов М. И.* «И на вражьей земле мы врага разобьем...» (Советский сценарий 41-го года) // Родина. 1995; *Безыменский Л. А.* О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3; и др.

[27] Красная звезда. 1991. 23 мая.

[28] Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 16.

[29] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: в 7 т. Т. 5. С. 568–569.

[30] Подробнее см.: *Никифоров Ю. А.* Планировал ли Советский Союз накануне войны нанести упреждающий удар по Германии? // Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8). С. 74–89.

[31] См., например: *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 501–502; *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. М., 2000; *Кольковский В.* Рузвельт против Сталина. Победа США. Поражение СССР. М., 2004; *Солонин М.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2006; и др.

[32] Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 419.

[33] Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 83.

[34] *Куманёв Г. А., Курбанов В. В.* Миф о «превентивной войне» и его буржуазные приверженцы // Буржуазная историография Второй мировой войны: анализ современных тенденций. М., 1985. С. 156.

[35] *Герасимов Г. И.* Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1.

[36] См.: *Мельтюхов М. И.* Репрессии в Красной армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5.

[37] См.: 1941 год — уроки и выводы. М., 1992; Великая Отечественна война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1; *Исаев А. В.* От Дубно до Ростова. М., 2004; *Он же.* Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М., 2010; *Хазанов Д. Б.* Битва за небо. 1941. От Днепра до Финского залива. М., 2007; Трагедия 1941 года. Причины катастрофы. М., 2008; *Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К.* Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. М., 2010; и др.

[38] Об этом см.: Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина. М., 2010; Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб., 2009.

[39] См., например: *Верёвкин С.* Самая запретная книга во Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину? М., 2009.

[40] *Попов Г. Х.* Три войны Сталина. М., 2007. С. 78.

[41] *Александров К. М.* Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сб. статей и материалов. СПб., 2003. С. 12.

[42] Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд. М., 2009. С. 168.

[43] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Ковалёв Б. П.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004; Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 293–305; и др.

[44] *Окороков А.* Особый фронт. Немецкая пропаганда на восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 31.

[45] См.: *Рубцов Ю. В.* Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М., 2007.

[46] *Beevor F.* Berlin: The Downfall 1945. L., 2002.

[47] *Лаврёнов С. Я., Попов И. М.* Крах Третьего рейха. М., 2000.

[48] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 625.

[49] *Солонин М.* Весна Победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина. http://www.solonin.org/full.php?show=content&id=212&type=stat.

[50] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 229.

[51] Военно-исторический архив. 2000. № 10.

[52] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993; Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001; Изд. 2-е. М., 2005; Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. М., 2001; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь М., 2010; и др.

[53] In: Command Decisions / Ed. With Introductory Essay by *к Greenfild.* Washington, 1987. P. 502–513; *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. Year of Decisions. N. Y., 1955. P. 72, 306; см. также: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 43; Касаясь задач, которые Г. Трумэн ставил перед собой на конференции, Ч. Болен отмечает, что «больше всего он хотел бы удостовериться, что Кремль будет соблюдать соглашение о вступлении в войну против Японии» (цит. по: *Сиполс В. Я.* На пути к великой победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 437); США — экономика, политика, идеология. 1985. № 7. С. 60–61.

[54] Bulletin of History. 1949. № 143. P. 30.

[55] *Борковский М.* Мидуэй / Пер. с польск. М., 2002.

[56] *MacArthur D.* Reminiscences. N. Y., 1965. P. 260–261.

[57] *Action E.* Russia the Present and the Past. L., N. Y., 1986. P. 252.

[58] *Dupuy R., Dupuy T.* The Encyclopedia of Military History from 3500 D. C. to the Present (Second Revised Edition). N. Y., 1986. P. 1188.

[59] In: Japan Echo. 1984. № 11.

[60] См., например: История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1980. Т. 11; М., 1982. Т. 12; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 360; *Он же.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 302–303.

[61] *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985.

[62] In: ibid.

[63] *Dull P.* A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis (Maryland), 1979.

[64] *Spector R.* Eagle Against the Sun. P. 555.

[65] *Зимонин В. П.* Канун и финал Второй мировой. Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру (историографический анализ). М., 2010. С. 49; *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 456–463.

[66] Вторая мировая война. Краткая история. С. 430–432; *Можейко И. В., Узянов А. Н.* История Бирмы (краткий очерк). М., 1973. С. 24; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 91; *Бутурлинов В. Ф., Вартанов В. Н., Зимонин В. П.* и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 288.

[67] Command Decisions. P. 510; *Dull P.* A Battle History. P. 342.

[68] The Japan Times. 1984. 15 August.

[69] Кокубо. 1981. № 11. С. 55. В этой связи нелишне вновь вспомнить и высказывание-установку Г. Трумэна перед историками США в 1947 г. о том, что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией» (Bulletin of History. 1949. №. 143. P. 30).

[70] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. L., 1954. P. 552.

[71] Цит. по: *Чжу Гуйшен, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шицзе дачжань ши. С. 702.

[72] History of the Second World War. L., 1968. Vol. 6. № 16. P. 2648.

[73] *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. С. 192.

[74] Цит. по: *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 73.

[75] Цит. по: *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Пер. с яп. М., 1955. С. 263–264.

[76] *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975. С. 207, 324–325.

[77] См., например: *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 17.

[78] См., например: *Авторханов А.* Закулисная история пакта «Риббентроп — Молотов» // Континент. 1975. № 4; *Гнедин Е. А.* Из истории отношений между СССР и фашистской Германией: Документы и современные комментарии. Нью-Йорк, 1977; *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: в 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1982; *Рапопорт В. Н, Геллер Ю. А. (Алексеев Ю. А.).* Измена Родине. М., 1995; *Фельштинский Ю.* Перед войной 1941–1945 гг. Советско-нацистский сговор о разделе мира // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1985. № 5; и др.

[79] Положение о Комиссии и ее состав. См.: 65 лет Великой Победы. Т. 6. С. 7–9.

[80] См., например: *Сенявский А. А, Сенявская Е. С.* Поле боя — историческая память // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1; *Гареев М. А.* Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008. Ч. 3. С. 401–528; *Миронов С. М.* Фальсификация истории — угроза современности // 65 лет Великой Победы. М., 2010. Т. 1; *Гончаров В.* История или пропаганда? // Великая Отечественная катастрофа — 3. М., 2008; *Юсуповский А.* Историческая правда в роли пропагандистской лжи: деонтологическая война с Россией // Загадочная Отечественная война. М., 2008; *Лысков Д.* «Капуста» на службе ревизионизма // Там же; и др.

[81] *Патрушев Н. И* О некоторых уроках истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8). С. 9.

[82] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 13.

[83] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960–1965.

[84] История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М., 1973–1982.

[85] Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии): в 110 т.

[86] *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 184.

[87] The Presidential Transcripts. In conjunction with the stuff of the Washington Post. N. Y., 1974. P. 91.

[88] *Верёвкин С.* Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину? М., 2009. С. 8.

[89] Бессрочная акция «антипобеда»: yun.complife.ru/miscell/antivict.htm.

[90] *Подрабинек А.* Как антисоветчик антисоветчикам... // Ежедневный журнал. 2009. 21 сентября. http://www.ej.ru/?a=note&id=9467.

[91] История России. 1939–2007 / Под. ред. А. Б. Зубова. М., 2009.

[92] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987. С. 103.

[93] *Stein H. George.* The Waffen SS: Hitler's Elite Guard at War, 1939–1945. N. Y., 1984. P. 126.

[94] Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 39.

[95] Die Veigangenheit warnt. Praha, 1960. S. 59–69, 88–89.

[96] Журнал «Скепсис» (scepsis.ru), перевод из Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1958. № 3.

[97] Центральный государственный архив историко-политических документов (далее — ЦГАИПД). Санкт-Петербург. Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6. Цит. по: *Ковалёв Б. Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

[98] ЦГАИПД. Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.

[99] *Ковалёв Б. Н.* Указ. соч. С. 164.

[100] *Крысько В. Г.* Секреты психологический войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999. С. 356.

[101] *Ковалёв Б. Н.* Указ. соч. С. 165.

[102] Там же.

[103] Там же. С. 224.

[104] Там же.

[105] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1938. С. 166.

[106] Русский журнал. 22 июня 2005 г. http://old.russ.ru/culture/20050622_tsig.html.

[107] См.: *Колесник А.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.

[108] См.: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010.

[109] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

[110] Всего немецкие военные суды вынесли своим солдатам и офицерам 30 тыс. смертных приговоров, в 15 тыс. случаев они были приведены в исполнение: можно сказать, что военной юстицией было уничтожено почти две дивизии вермахта (см.: *Кнопп Г.* История вермахта. Итоги. СПб., 2009); Вовсю зверствовали «летучие военно-полевые суды» (Fliegende Standgerichte). Эту необыкновенную по сравнению с Первой мировой войной жесткость нацистской военной юстиции можно объяснить только проникновением в сознание юристов нацистской идеологии. Для сравнения: в годы Первой мировой в немецкой армии были расстреляны 48 солдат за различные преступления (см.: *Messerschmidt M.* Die Wehrmachtjustiz 1933–1945. Paderborn, 2005).

[111] История России. 1939–2007. С. 85.

[112] Там же. С. 86.

[113] Там же.

[114] *Дерр Г.* Поход на Сталинград. Оперативный обзор. М., 1957. С. 15.

[115] *Бивор Э.* Падение Берлина. 1945 / Пер. с англ. М., 2004. С. 358.

[116] Брошенные в Берлине // Le Monde. 2008. 24 декабря.

[117] *Геббельс Й.* Последние записи. Смоленск, 1998. С. 67.

[118] Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5-4). Ставка ВГК. Документы и материалы 1944–1945. М., 1999. С. 229.

[119] *Irving D.* Nuremberg: The Last Battle. L., 1996. P. 17.

[120] *Безыменский Л.* Человек за спиной Гитлера. С. 238–239.

[121] См.: История историки: историография Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1999.

[122] Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993; Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы

совещания высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 г. М., 1997; Т. 13 (2). Приказы народного комиссара обороны СССР 1937–1945 гг.: в 3 т. Т. 13 (2–1). 1937–1941 гг. М., 1994; Т. 13 (2-2). 1942 г. М., 1997; Т. 13 (2-3). 1943–1945 гг. М., 1997; Т. 14 (3-1). СССР и Польша. Документы и материалы. М., 1997; Т. 14 (3-2). Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945 гг. М., 2000; Т. 15 (4-3). Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. М., 1997; Т. 15 (4-4). Курская битва. Документы и материалы 27 марта — 23 августа 1943 г. М., 1997; Т. 15 (4-5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы. М., 1996; Т. 16 (5). Ставка ВГК. Документы и материалы: в 4 т. Т. 16 (5-1). 1941 г. М., 1996; Т. 16 (5-2). 1942 г. М., 1996; Т. 16 (5-3). 1943 г. М., 1999; Т. 16 (5-4). 1944–1945 гг. М., 1999; Т. 17 (1-2). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945. Документы и материалы. М., 1998; Т. 18 (7). Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы; Т. 18 (7-1). М., 1997; Т. 18 (7-2). М., 2000; Т. 20 (9). Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1999; Т. 21 (10). Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. М., 1996; Т. 23 (12). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы: в 4 т. Т. 23 (12-1). 1941 год. М., 1998; Т. 23 (12-2). 1942 год. М., 1999; Т. 23 (12-3). 1943 год. М., 1999; Т. 24 (13-1). Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. М., 1996; Т. 24 (13-2). Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы 1941–1945 гг. М., 1999; Т. 25 (14). Тыл Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1998.

[123] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Изд. 6-е. М., 1988. Т. 2. С. 29–30.

[124] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. М., 1996. Т. 2. С. 266, 270, 273, 275, 277–278.

[125] Стратегические решения и вооруженные силы. М., 1995. Т. 1; М., 1997. Т. 2; Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. Т. 1–2. М., 2000.

[126] Народ и война. 50 лет великой победы. СПб., 1995. С. 325–326.

[127] *Козлов В. П.* Об использовании документов российских архивов // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 77–78.

[128] См.: Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. М., 2011. С. 21.

[129] Войны первого поколения относятся к рабовладельческому и раннефеодальному периодам социума, второго — обусловлены появлением пороха и гладкоствольного оружия, третьего — использованием нарезного стрелкового оружия и нарезной артиллерии.

[130] Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2010. 10 февраля.

[131] См.: Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. М., 2011.

[132] Там же. С. 183.

[133] См.: Россия внесена в число представляющих угрозу Америке, http://netskop.ru/internet/news_2010–12–30–1 1–42–40–798.html.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Отечественная война как важнейшая часть Второй мировой войны по праву занимает выдающееся место во всемирной истории. Несмотря на все жертвы, победа, одержанная над фашизмом, стала звездным часом для нашей страны и всего человечества. Для Советского Союза, его народов она была спасением от рабского существования и даже гибели, а в глобальном смысле явилась одним из тех выдающихся событий, которые на десятилетия предопределяют будущее.

Стремителен бег времени. Но оно не властно над нашей памятью. Великая Отечественная война продолжает оставаться тем явлением, смысл которого каждое новое поколение старается постичь самостоятельно; вокруг которого по-прежнему ведутся острые споры, слагаются мифы и легенды. Война остается ключевой темой, своеобразной константой познавательного интереса со стороны самых разных общественных групп, причем разница в статусе, образовании и даже возрасте людей оказывается совсем не важной. Этот незатухающий интерес закономерен и оправдан. И дело здесь не только в том, что на полях сражений решались судьбы страны и народа, а на алтарь Победы были принесены миллионы жизней. Эта война явила поразительные примеры величия человеческого духа, стала испытанием, которое, несмотря ни на что, было с честью выдержано.

Память о войне связана с историей каждой семьи, с самыми существенными и сокровенными сторонами жизни людей. Наконец, с ясным осознанием того факта, что в 1941—1945 гг. вопрос стоял так: жизнь или смерть, спасение или всеобщая гибель. Именно здесь, кстати, лежит главное объяснение и больших потерь, и почему «за ценой не постояли».

Сегодня мы находимся на новом этапе осмысления опыта и значения Великой Отечественной войны, которая ныне оценивается как сложное, многоаспектное явление. Это был не просто масштабный геополитический военный конфликт, приведший к качественному переформатированию мира, но и акт противоборства цивилизаций, в основе которого лежала борьба непримиримых идеологий, социально-политических, экономических и духовных ценностей. В метафизическом смысле Великая Отечественная война стала эпохальным столкновением Добра и Зла, значение которого для судеб мировой цивилизации невозможно переоценить.

Вот почему и шесть с половиной десятилетий спустя после своего завершения она остается в центре внимания общественной мысли, побуждает ученых, политиков, деятелей культуры к углубленным исследованиям и острым дискуссиям. Изучение трагического и героического опыта этой беспримерной в истории человечества войны — не уход в прошлое, а обращение к самым актуальным проблемам современности. От того, как мы воспринимаем и понимаем ее причины, ход, непосредственные итоги и отдаленные последствия, напрямую зависит наша самоидентификация, а значит, и наша способность жить и творить свое будущее в нынешнем мире.

С каждым годом, прошедшим после окончания Великой Отечественной войны, Великая Победа над фашизмом становится все более исторически значимой. В понятии «победа» все больше отражаются черты и тенденции, присущие эпохе, в которой происходила война; его содержание приобретает более глубокий социально значимый смысл как для нашего народа, так и для всего человечества.

Массовый героизм советских людей на ратном поле и в тылу — это героизм особого рода — длительный и тяжелый, это ратный труд миллионов красноармейцев в условиях постоянной смертельной опасности, беззаветный труд миллионов людей в тылу при предельном напряжении духовных и физических сил, часто в условиях неимоверных лишений, голода и холода. В грохоте сражений в сознании абсолютного большинства советского народа зрели чувства, отодвигавшие страх, уныние и апатию, укреплявшие уверенность в правоте борьбы против фашизма, в неизбежности торжества справедливости, в победе над агрессором. Временами они ослабевали, как бы отходили на второй план, но никогда не исчезали. Чувство исторической ответственности за судьбы своей Родины, за жизнь каждого человека, судьбы отцов, матерей, детей и внуков придавало силы. В момент огромнейшей опасности наш народ особенно остро почувствовал и понял неразрывную связь своей судьбы и судеб всего человечества.

Великая Отечественная война в корне отличается от всех других войн, которые вело человечество за свою многовековую историю. Главная причина этого — природа и сущность фашизма, который угрожал физическому существованию целых стран и народов. Агрессивный характер политики Германии был очевиден для всех, тем более что гитлеровское руководство не скрывало своего желания, завоевав мировое господство, установить «новый порядок». Смысловым ядром идеологии фашизма выступало расистское представление о делении человечества на полноценные и неполноценные расы. Последние должны были быть частью порабощены, а частью уничтожены. Политическая практика нацистов полностью соответствовала этому «теоретическому» постулату.

В Великой Отечественной войне в сжатом, спрессованном виде отразился не только весь трагизм XX в., но и его внутренняя противоречивость, связанная с ускорением развития экономики, науки и техники, крайним обострением общественных противоречий, рождением нового типа социально-экономических отношений.

Выяснение исторического значения войны и победы в ней — это ключевой вопрос исследования всякой войны. Величайшая историческая заслуга советского народа, его вооруженных сил перед человечеством состоит прежде всего в том, что они сделали, казалось бы, невозможное: не позволили истории повернуть вспять. Несмотря на тяжелейшие поражения и утрату колоссальной территории с многомиллионным населением, Советский Союз выдержал удар и не распался, как предрекали многие.

До нападения на нашу страну Германия в молниеносных военных кампаниях разгромила и захватила многие государства Европы. В трагические дни для народов этих государств немецко-фашистские войска не встречали на своем пути армий, способных противостоять их захватническим устремлениям. Гитлеровские стратеги, уверовав в доктрину блицкрига, рассчитывали, что и в войне против СССР она явится безотказным средством в достижении политических и военных целей плана «Барбаросса». Именно для этого была двинута на советскую территорию огромная армия вторжения.

Однако, несмотря на такую мощную силу агрессора, советский народ и его Красная армия, преодолевая неудачи и поражения, недостатки и просчеты политического и военного руководства, решили исторические военно-политические задачи, предопределившие их победу в Великой Отечественной войне.

9 мая 1945 г. — особая дата в истории человечества. Победа стала эпохальным событием, значение которого переоценить невозможно. Она означала для народов Советского Союза многое. Была сохранена государственность, достойно продолжены исторические традиции защиты Отечества.

Исход войны показал, что идеи патриотизма и интернационализма, справедливости и гуманизма взяли верх над идеологией расизма и насилия. Победа над нацистской Германией стала непреходящей ценностью, открывшей широкие перспективы для дальнейшего развития страны, что ярко проявилось в ее быстром и эффективном восстановлении.

Советский Союз вышел из войны израненный, с большими человеческими жертвами и материальными потерями, но его военная мощь и авторитет в мире возросли многократно. Он по праву занял место одного из общепризнанных лидеров мирового сообщества, к его голосу внимательно прислушивались правительства и народы, без его участия не решалась ни одна проблема, затрагивающая коренные интересы мира.

Победа в Великой Отечественной войне стала событием общечеловеческого масштаба. Она создала большие возможности для прогрессивного развития не только отдельных стран и народов (включая немецкий народ), но и целых континентов, ускорила национальное освобождение колониальных и зависимых стран.

Во всемирно-историческом значении победы над фашизмом содержится огромный гуманистический потенциал. Он предопределен, во-первых, справедливым характером Великой Отечественной войны, ее политических целей, выражавших интересы защиты Родины и оказания помощи другим народам в их борьбе с фашизмом; во-вторых, взаимосвязью борьбы с фашизмом, его военной машиной, с историческими традициями народов России по защите своего Отечества, единством идеологических мотивов этой борьбы с национальными и общечеловеческими ценностям.

Победа Советского Союза над Германией, разгром Японии, ослабление сил Великобритании и особенно Франции, резкое усиление влияния США создали принципиально новую геополитическую ситуацию. Ее контуры были предопределены решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, договоренностями руководителей СССР, США и Великобритании. Были созданы условия для исключения возможности возрождения немецкого фашизма и японского милитаризма. Итоги Второй мировой войны свидетельствовали о том, что военная сила оказалась решающим средством в разгроме стран агрессивного блока, главным инструментом устранения с международной арены военно-политической силы, угрожавшей всей цивилизации.

Своим ходом, а главное своими результатами Вторая мировая война разрушила многовековую многополярную систему международных отношений, способствовала формированию предпосылок послевоенного биполярного мира. В основе этого процесса находился механизм изменения баланса военных сил, основными звеньями которого выступали вооруженная борьба на фронтах, деятельность тыла по ее обеспечению, а также действия политического и военного руководства по ведению войны.

Колоссальное позитивное значение имеет ясное понимание факта: если мы смогли, преодолев страшные испытания, победить в Великой Отечественной войне, восстановить, а затем быстро нарастить свою мощь, то, значит, нам по плечу и любые современные проблемы. Мы способны и должны вернуть России достойное ее место в мире, обеспечить безопасные условия ее поступательного развития.

С позиций сегодняшнего дня значение Подвига Победы неоценимо. Он должен стать примером, способом действий, дорогой в будущее. А для всех народов бывшего СССР война и Победа это не просто общее воспоминание, но и объединяющее начало, точка опоры, основа для будущего совместного роста и развития.

Именной указатель

В

Г

Д

Е

Ж

З

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Географический указатель

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Издание дополненное и исправленное

Редакторы *Я. В. Логинова, Т. Н. Манцевич*
Художественное оформление *А. П. Зарубина*
Векторная графика карт и схем выполнена *В. Г. Курочкиным*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Р. Ароян*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 04.04.15. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 81,27. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 7689.

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

ISBN978-5-9950-0534-6

